

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 13-й и 14-й.

Жизнеописаніе генерала отъ кавалеріи Власова (Окончаніе). —
Жизнеописаніе генералъ-маіора князя Орбеляна. (Окончаніе). —
Жизнеописаніе генералъ-адъютанта генералъ-лейтенанта Бенкен-
дорфа.

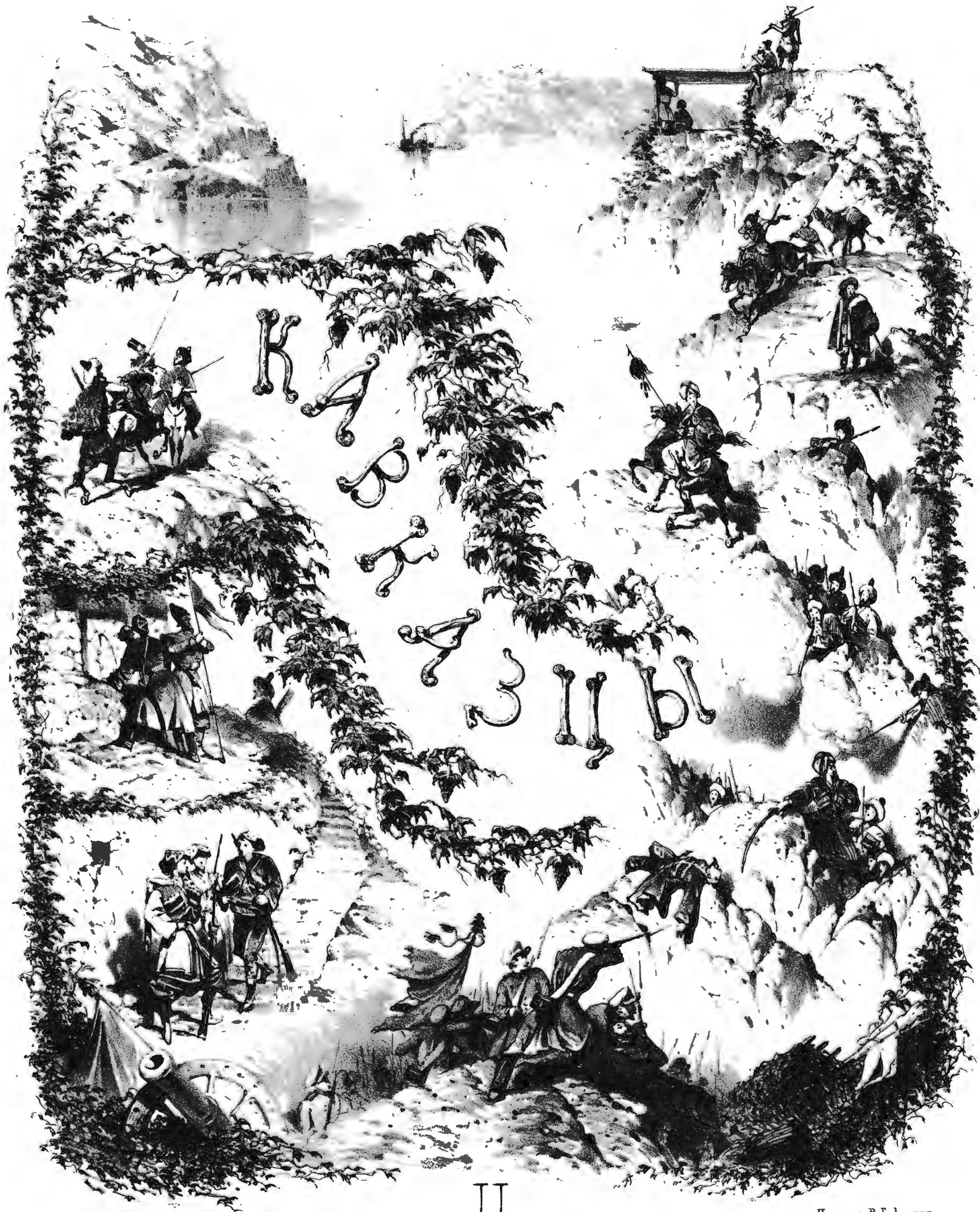
Приложенія: Портретъ генералъ-лейтенанта Бенкендорфа. —
Изображеніе дѣла подъ Валерикомъ, 11-го іюля 1840. — Видъ
Геледжика съ моря.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

II.

Печ. И. Корьянъ.

Ценсоръ В. Бякетовъ.

Библиотека "Руниверс"

Закубанцы, оставивъ часть партіи своей для обезпеченія переправы, бросились, большею толпою, на Могильный пикеть; но встрѣченныя сильнымъ ружейнымъ огнемъ, обратились къ селенію Елисаветинскому; здѣсь также нашли они крѣпкую оборону, удержавшую все стремительныя попытки ихъ на селеніе, а между тѣмъ выиграно время и, быстро собравшіяся съ разныхъ постовъ на тотъ пунктъ войска Власова ударили на хищниковъ съ трехъ сторонъ и обратили ихъ въ послѣднѣйшее бѣгство.

Непріятель, преслѣдуемый, болѣе версты, потерпѣлъ уронъ; но потеря его могла бы быть гораздо чувствительнѣе, если бы лошади подъ казаками были менѣе утомлены. У переправы чрезъ Кубань, непріятель, подкрѣпленный оставленною тамъ частью своей партіи, возобновилъ нападеніе съ болѣею рѣшительностію: но и въ помощь казакамъ подоспѣли новые отряды съ двумя орудіями конной артиллеріи, — тогда, приведенные въ замѣшательство сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ и потомъ опрокинутые, Закубанцы потерпѣли у переправы значительное пораженіе; при чемъ предводительствовавшій сборищемъ хищниковъ, извѣстный разбойникъ закубанскій, получилъ нѣсколько ранъ. Съ нашей стороны, по особенному счастью, потеря была неимоверно мала и состояла всего въ 1-мъ убитомъ, 2-хъ захваченныхъ въ плѣнъ и 14-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ, но раненыхъ такъ, что каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку ранъ.

Отдавая справедливость неутомимой дѣятельности Власова, Ермоловъ свидѣтельствовалъ, что «невозможно было принять лучшихъ мѣръ къ защитѣ границы, обширной и болѣею частію неудобной, что, во время командованія Власова, страхъ, внушенный прежде Черноморскимъ казакамъ непрерывными нападеніями хищниковъ, совершенно исчезъ, и Черноморцы неоднократно уже съ успѣхомъ, сражались съ Закубанцами, имѣвшими значительныя противъ нихъ силы.»

Государь Императоръ объявилъ Максиму Григорьевичу, за дѣло 12-го октября, Монаршее благоволеніе.

Абадзехи, — одинъ изъ сильнѣйшихъ народовъ закубанскихъ, обитающій въ мѣстахъ крѣпкихъ и мало доступныхъ,

и поэтому нестрашившійся наказанія, — участвовали во всѣхъ вторженіяхъ въ земли Черноморскаго войска, а также и въ послѣднемъ, произведенномъ 12-го октября на ново-учрежденныя станицы.

Видя злонамѣренныя поступки Абадзеховъ, и что они поощряютъ къ тому же другія общества горцевъ, Власовъ рѣшился обуздать хищничество ихъ и воздержать отъ дальнѣйшихъ вторженій въ наши предѣлы, угрожая опасностію въ собственныхъ ихъ жилищахъ и заставляя помышлять уже объ охраненіи ихъ — для чего составилъ отрядъ изъ 3250 казаковъ, 300 чел. Навагинскаго пѣхотнаго полка и 6-ти орудій конной артиллеріи, выступилъ 21-го ноября за Кубань тремя колоннами.

Съ первою, изъ 1000 казаковъ и двухъ орудій, — долженствовавшею въ теченіе ночи сдѣлать 60-ти-верстный переходъ, — пошелъ самъ къ селеніямъ, расположеннымъ, по рѣкамъ Цоиръ и Суппъ, въ сосѣдствѣ съ Шапсугами, народомъ, гораздо сильнѣйшимъ Абадзеховъ. Успѣхъ предпріятія зависѣлъ отъ быстроты движенія. Предъ самымъ разсвѣтомъ, не доходя двухъ верстъ до селенія, Власовъ послалъ двѣсти спѣшенныхъ казаковъ и нѣсколько конныхъ, съ приказаніемъ обложить цѣпью селеніе, и послѣ, всѣмъ, вдругъ напасть на него.

Посланный впередъ, Черноморскаго войска полковникъ Табанецъ, встрѣченъ былъ выстрѣлами караула, и двигаясь далѣе, нашелъ вновь сдѣланное, довольно прочное укрѣпленіе, упиравшееся обоими флангами своими въ густой лѣсъ. Объ устройствѣ его не было даже извѣстно проводникамъ, людямъ весьма вѣрнымъ.

Слабо защищенное укрѣпленіе тотчасъ было взято, и Власовъ ринулся къ селенію; но жители его успѣли уже спастись бѣгствомъ при самомъ приближеніи войскъ нашихъ, бросивъ все свое имущество и укрывшись въ прилежащій къ селенію лѣсъ, изъ котораго непріятель производилъ сильную стрѣльбу.

Это не воспрепятствовало, однако же, Власову истребить селеніе, сжечь запасы сѣна и хлѣба и взять одно шести-фунтовое мѣдное орудіе съ лафетомъ, годное къ употребленію. Орудіе это принадлежало къ числу артиллеріи, розданной Закубанцамъ Анапскимъ пашею.

Закубанцы, ожесточенные новымъ еще для нихъ разореніемъ собственныхъ жилищъ, всячески старались отомстить Власову: они устремились на мѣста, чрезъ которыя лежалъ обратный путь его и, пользуясь всякою удобною мѣстностію, повсюду завязывали перестрѣлку. Нѣкоторыя партіи ихъ покушались даже отрѣзать дорогу нашимъ, но спѣшныя стрѣлки и дѣйствіе орудій не допустили остановить и на короткое время движеніе отряда, и непріятель несъ вездѣ чувствительный уронъ. При выходѣ Власова изъ лѣса, большія толпы Закубанцевъ готовились атаковать его, съ намѣреніемъ отбить взятое орудіе; но всѣ отчаянныя нападенія Закубанцевъ не имѣли успѣха. Во все это время съ нашей стороны ранены 1 урядникъ и 10 казаковъ, да убиты и ранены 22 лошади.

Прочія двѣ колонны не встрѣтили непріятеля и, пришедши къ первому селенію, не нашли въ немъ жителей: они, по увѣренію нашихъ приверженцевъ, за три дня еще спаслись бѣгствомъ. По этому, войска, не ходя далѣе, двинулись въ обратный путь и, 23-го числа, всѣ вмѣстѣ вошли снова въ свои предѣлы.

За такія, важныя по нравственнымъ слѣдствіямъ, дѣйствія Власова, а также за благоразумныя распоряженія и полезную дѣятельность по управленію войскомъ Черноморскимъ, было объявлено, что Государь Императоръ «отдаетъ ему совершенную справедливость.»

Продолжительное съ нашей стороны бездѣйствіе и воспрепятствіе переходить за Кубань, по причинѣ существовавшей тамъ заразительной болѣзни, должны бы, казалось, удержать Закубанцевъ отъ хищничества и нанесенія казакамъ разореній; но, по склонности ихъ къ разбоямъ, и потому, что похищаемые ими люди составляли выгодный торгъ, бездѣйствіе наше придало имъ еще болѣе дерзости. а казачьи станицы, находясь въ постоянной готовности встрѣтить врага, отвлекались отъ хозяйственныхъ своихъ занятій. Все это указывало на необходимость предпринять другой образъ войны въ томъ краю, и оборону замѣнить наступленіемъ, ибо разбойниковъ можетъ смирить одна только опасность ихъ убѣжищамъ, семействамъ и имуществу;

Начальство Турецкое не только не имѣло довольно власти, чтобы заставить ихъ повиноваться своей волѣ, но, по видимому, еще само ободряло ихъ къ разбоямъ, снабжая порохомъ и раздавая по многимъ селеніямъ пушки.

Съ устройствомъ селеній по рѣкѣ Кубани изъ пришедшихъ въ Войско Черноморское Малороссіянъ, Закубанцы умножили разбои свои, находя въ новыхъ переселенцахъ не довольно еще осторожныхъ жителей и по этому видя легкую добычу въ ихъ жилищахъ и стадахъ. Набѣгамъ непріятеля много способствовалъ растущій по лѣвому берегу рѣки частый лѣсъ, гдѣ хищники удобно скрывались. Власовъ вынужденнымъ нашелся приступить къ вырубкѣ лѣса, противъ вновь устроенныхъ селеній, на значительное пространство, а также уничтожить ближайшіе къ этимъ селеніямъ нашимъ хутора Шапсуговъ, —самого хищнаго изъ закубанскихъ народовъ, — которые всегда были сборнымъ пунктомъ разбойниковъ.

Составивъ отрядъ изъ 1100 конныхъ, 1150 пѣшихъ казаковъ и 4-хъ орудій конной артиллеріи, Власовъ, 15-го декабря, выступилъ за Кубань. Движеніе его, умедленное толкою чрезъ лѣса дорогою и затруднительными переправами, дало непріятелю возможность спастись изъ селеній, и потому, на разстояніи 15-ти верстъ, отрядъ не встрѣтилъ сопротивленія, разорилъ все на этомъ пространствѣ и захватилъ нѣсколько стадъ.

На возвратномъ пути отряда, собравшіеся болѣе двухъ тысячъ Шапсуговъ, старались воспользоваться пересѣчною мѣстностію и дефилями, и наконецъ, съ величайшею стремительностію, сдѣлали нѣсколько нападеній при выходѣ войскъ нашихъ изъ лѣса; но хотя артиллерія наша не вездѣ могла дѣйствовать съ успѣхомъ, однакожъ непріятель отраженъ былъ съ большимъ для него урономъ; когда же присоединилась къ нашимъ войскамъ артиллерія, оставленная при одной изъ переправъ, Шапсуги, бросивъ на мѣстѣ тѣла убитыхъ, множество лошадей и оружія, искали спасенія въ бѣгствѣ. Въ дѣлѣ этомъ пѣшіе казаки дрались съ большею твердostí; а конныя отбивали самыя рѣшительныя нападенія Закубанцевъ съ примѣрною смѣлостію, не смотря на

превосходное число непріятели, на быстроту его лошадей и совершенство оружія.

Въ началѣ 1824 года Власовъ, получивъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе, что двѣ партіи Шапсуговъ — каждая въ числѣ 3—4 тысячъ человекъ, собрались на берегахъ рѣкъ Иликъ и Чбине, съ намѣреніемъ сдѣлать впаденіе въ Черноморскія границы, тотчасъ подтвердилъ всѣмъ частнымъ кордоннымъ и отряднымъ начальникамъ — имѣть строжайшее наблюденіе и осторожность. 3-го января, полковникъ Табанецъ, находясь съ 500 пѣшихъ и конныхъ казаковъ для охраненія рабочихъ, очищавшихъ лѣсъ на лѣвомъ берегу Кубани, противъ вновь устроивавшихся пограничныхъ селеній, перешелъ, по окончаніи работъ своихъ, согласно предписанію Власова, съ отрядомъ въ другое мѣсто и учредилъ новую засѣку. Едва онъ началъ располагать цѣпь, долженствовавшую окружить лѣсъ, какъ извѣстился, что партія хищниковъ показала невдалекѣ отъ того мѣста. Полковникъ Табанецъ приказалъ 4-го коннаго полка есаулу Залѣсскому отправиться съ 30-ю казаками, для открытія непріятели. Залѣскій, встрѣтившись съ Черкесами и преслѣдуя ихъ, вскорѣ скрылся изъ виду. Табанецъ, опасаясь, чтобы онъ, съ горстью казаковъ, не увлекся запальчивостью, поспѣшилъ велѣдъ за нимъ; но едва только успѣлъ соединиться, какъ вся партія непріятели, около 1200 челов., скрывавшаяся дотолѣ въ камышахъ, выскочила изъ нихъ и, раздѣлясь на три части, ударила на казаковъ; а какъ малочисленность послѣднихъ не представляла имъ вѣрной надежды на успѣхъ сопротивленія, то полковникъ Табанецъ отступилъ къ бывшей въ лѣсу своей пѣхотѣ, которую и вывелъ на открытое мѣсто, чтобы удерживать атаковавшаго непріятели. Горцы, будучи несравненно въ значительнѣйшемъ числѣ, ринулись на нашъ отрядъ и, опрокинувъ конныхъ и спѣшенныхъ казаковъ, принудили ихъ къ отступленію. Хотя при этомъ казаки были стѣснены со всѣхъ сторонъ, но не потеряли присутствія духа и храбро отражали натискъ Черкесовъ. Полковникъ Табанецъ и есаулъ Залѣскій ободряли казаковъ лично неустрашимостью. Наконецъ, горсть храбрецовъ нашихъ достигла засѣки, а близъ ней находился весь отрядъ полковника Табанца: соединиться съ нимъ, ударить на непріятели, опро-

кинуть и прогнать его съ значительнымъ для него урономъ— было мгновеніемъ для казаковъ. Наша потеря состояла изъ 12-ти убитыхъ и 19-ти раненыхъ.

Такой ходъ нашихъ дѣлъ въ при-кубанскихъ мѣстахъ заставилъ Ермолова отправиться лично на Кубань, гдѣ тотчасъ же вошелъ съ нимъ въ сношеніе Анапскій паша, и прислалъ чиновника, съ увѣреніемъ, что употребить самыя строгія мѣры къ воздержанію Закубанцевъ отъ разбоевъ и набѣговъ въ наши границы, что учредить по Кубани посты, дабы никто изъ Черкесовъ не могъ переходить за рѣку.

Ермоловъ, исполняя Высочайшую волю: «употреблять все средства къ сохраненію добраго согласія съ сосѣдями,» приказалъ, находившимся по ту сторону Кубани, войскамъ нашимъ немедленно возвратиться, и извѣстилъ Анапскаго пашу, что никакая экспедиція не будетъ принята нами въ Закубань, если онъ исполнитъ свое обѣщаніе, отъ котораго зависитъ водвореніе прочнаго спокойствія. Съ своей стороны, Ермоловъ обѣщалъ пашѣ употребить все усилія, отстранить всякій поводъ къ возобновленію непріязненныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ.

Но вскорѣ оказалось, что Анапскій паша обѣщалъ болѣе, нежели могъ и хотѣлъ сдѣлать. Долгое время прежде того, безуспѣшно приносимы были ему отъ нашего начальства жалобы на хищничество горцевъ; онъ молчалъ, не имѣя возможности усмирить привыкшихъ къ необузданной свободѣ Закубанцевъ, и если, наконецъ, вызвался съ мирными предложеніями, то единственно по неотступной просьбѣ этихъ хищниковъ, вынужденныхъ къ тому частыми появленіями и успѣшнымъ дѣйствіемъ за Кубанью войскъ нашихъ, преимущественно же Власова.

Все это оправдалось, едва только возвратились наши отряды изъ-за-Кубани. Ермоловъ, ожидая отъ Анапскаго пашы исполненія данныхъ имъ обѣщаній, не оставлялъ, однако же, по своей бдительности, строжайшихъ мѣръ предосторожности, ибо, въ то самое время, какъ паша предложилъ переговоры, Закубанцы не переставали дѣлать нападенія на наши границы, и войска, расположенныя по чертѣ кордона, ежеминутно были заняты отраженіемъ хищниковъ. Наконецъ, дошло до свѣдѣнія Ермолова, что паша

далъ дозволеніе многочисленнымъ толпамъ — разорить нѣкоторыя селенія народовъ, давшихъ намъ, въ залогъ своей покорности, аманатовъ, что паша понуждаетъ угрозами Закубанскихъ Ногайцевъ переселиться въ неприступныя мѣста по близости горъ, и оставить лѣвый берегъ Кубани, — по которому они расположили свои селенія единственно изъ довѣренности къ намъ, съ своей стороны поручившись возвращать хищникамъ переѣздъ черезъ свои земли, — что измѣнниковъ, бѣглыхъ Кабардинцевъ, наиболѣе возбуждавшихъ разбой, паша началъ принимать дружественнымъ образомъ и съ особымъ уваженіемъ, наклоняя и Закубанцевъ давать имъ убѣжище и, наконецъ, что бѣгле Кабардинцы составляютъ уже партію, для нападенія на наши предѣлы, съ намѣреніемъ прорваться и въ Кабарду, гдѣ имѣютъ многихъ сообщниковъ.

Удостоившись въ справедливости этихъ извѣстій, Ермоловъ разрѣшилъ тогдашнему начальнику войскъ на Кавказской линіи, генералъ-маіору Вельяминову 3-му, препятствовать соединенію хищниковъ въ значительныхъ силахъ для нападенія на Линію. Такая предосторожность была необходима, потому что войска наши, размѣщенные по кордонной линіи, на значительномъ пространствѣ, не могли въ скорости сосредоточиваться, а Закубанцы, имѣя большое количество конниковъ, имѣли возможность дѣйствовать съ быстротою.

Появленіе войскъ нашихъ за Кубанью утвердило Ногайцевъ въ пріязненномъ къ намъ расположеніи. Часть Закубанцевъ представила аманатовъ въ залогъ покорности, а собиравшіеся въ большихъ силахъ мятежники, разсѣялись, не осмѣливаясь предпринять ничего важнаго.

Паша Анапскій находился въ это время у Натухайцевъ и Бжедуховъ, которые готовились уже дѣйствовать противъ насъ; но одно появленіе нашего наблюдательнаго отряда, подъ начальствомъ Власова, переправленнаго, по приказанію Ермолова, за Кубань, остановило всѣ замыслы этихъ народовъ. Генералъ Вельяминовъ, съ своей стороны, также принялъ рѣшительныя мѣры осторожности по кордонной линіи, и собственно этимъ удержалъ всѣ намѣренія Закубанцевъ. Съ того времени до конца 1824 года не было пред-

принимаемо противъ Закубанцевъ никакихъ особенныхъ мѣръ.

За то, въ 1825 году, военныя дѣйствія открылись очень рано. Не оставляя намѣреній своихъ къ набѣгамъ на наши предѣлы, Шапсуги и Абадзехи, въ числѣ 2500 челов., подъ предводительствомъ Кознибеча, вознамѣрились разорить селеніе Елисаветино.

Власовъ извѣстился объ этомъ сборищѣ въ то самое время, какъ новый паша Анапы увѣрялъ его, что Закубанцы далеки отъ всякихъ непріязненныхъ намѣреній. Такимъ образомъ, имѣя причины заключать, что вліяніе паша на эти народы столь же безсильно, какъ и его предмѣстниковъ, Власовъ повсюду принялъ мѣры осторожности и ожидалъ появленія непріятели, ибо неизвѣстно было — въ какомъ мѣстѣ онъ сдѣлаетъ переправу, имѣвши къ тому возможность вездѣ, по случаю покрытія рѣки Кубани льдомъ.

23-го января, на разсвѣтѣ, замѣчено движеніе непріятели: главныя силы его стремились къ селенію Елисаветино, а правое крыло намѣревалось ударить на постъ Александровскій. Гарнизонъ послѣдняго, открывъ дѣйствіе изъ артиллеріи и сдѣлавъ вмѣстѣ съ тѣмъ вылазку, обратилъ непріятели въ бѣгство, отъ чего и главныя силы горцевъ, пришедъ въ замѣшательство, ринулись назадъ въ совершенномъ безпорядкѣ, опасаясь быть отрѣзанными; хотя этого, по обстоятельствамъ, и невозможно было сдѣлать нашимъ войскамъ во время преслѣдованія непріятели, понесшаго чувствительный уронъ убитыми и ранеными людьми и лошадьми. Съ нашей стороны убиты и ранены — 3 офицера, 14 нижнихъ чиновъ и 1 преданный намъ черкесъ.

Это новое предпріятіе Закубанцевъ служило доказательствомъ, что, при всѣхъ нашихъ кроткихъ мѣрахъ и удержаніи войскъ отъ движеній, невозможно было ожидать добраго сосѣдства отъ народовъ, пріобыкшихъ къ безпокойствамъ и дерзкихъ въ предпріятіяхъ, какъ скоро находятъ къ тому малѣйшее удобство. Одна только мѣра оказывалась дѣйствительною противъ нихъ, это — сила оружія.

Послѣ отраженія Закубанскихъ хищниковъ, хотѣвшихъ напасть на селеніе Елисаветино, открылось, что въ числѣ ихъ большая часть была Абадзеховъ, живущихъ въ отдаленности отъ границъ Черноморіи, въ самыхъ Кавказскихъ

горахъ, въ мѣстахъ трудно приступныхъ. чрезъ что они всегда не только безбоязненно принимали участіе въ набѣгахъ на земли Черноморіи и Кавказской линіи, но еще поощряли къ тому и своихъ сосѣдей.

Чтобы ненаказанность этихъ народовъ въ мѣстахъ ихъ жительства, совершенно неприступныхъ по лѣсамъ, горамъ, оврагамъ и излучистымъ рѣчкамъ, не была поводомъ еще къ болѣе дерзостнымъ предпріятіямъ на земли наши (къ чему, по свѣдѣніямъ, они снова готовились), Власовъ, — имѣя разрѣшеніе Ермолова: въ подобныхъ случаяхъ не ожидать непріятеля, а предупреждать нападеніемъ на собственныя его жилища, доказывая тѣмъ, что укрѣпленныя убѣжища его не могутъ быть непреодолимою защитою, — призналъ необходимымъ: сдѣлать съ войсками движеніе, хотя къ ближайшимъ Абадзехскимъ жилищамъ, состоявшимъ отъ черты кордонной не далѣе 40 верстъ, — достигъ ихъ, незамѣченный непріателемъ, и, обложивъ ночью четыре, близкіе одинъ къ другому, аулы, съ разсвѣтомъ открылъ по нимъ дѣйствіе артиллеріи, зажегъ ихъ и, приведя въ ужасъ спавшихъ еще жителей, обратилъ въ пепель жилища ихъ. При чемъ немногіе изъ жителей успѣли спастись бѣгствомъ въ ближайшіе лѣса, большая же часть ихъ погибла на пепелищахъ своихъ, — и 52 души обоего пола взяты въ плѣнъ.

Такимъ образомъ, уничтоживъ существованіе четырехъ ауловъ, населенныхъ однимъ Абадзехами, народомъ спокойнымъ и всегда съ дерзостію стремившимся на разбой въ предѣлахъ нашихъ, Власовъ предпринялъ обратный путь, но въ это время, собравшіеся къ мѣсту сраженія, изъ ближайшихъ къ разореннымъ ауламъ, Абадзехи и Шапсуги, не ограничиваясь уже одною защитою себя, но получивъ въ послѣдствіи значительное подкрѣпленіе, имѣли отвагу нѣсколько разъ нападать на отрядъ, пользуясь удобностию мѣстоположенія, и особенно лѣсами, чѣмъ и вынудили войска наши нанести имъ и здѣсь значительный уронъ убитыми и ранеными. Послѣ этого, непріятель прекратилъ свои нападенія, и отрядъ нашъ прибылъ въ предѣлы Черноморіи благополучно.

Во время всей упомянутой экспедиціи, съ нашей стороны убито: Черноморскаго Войска есаулъ Гордовскій, 1

урядникъ, 4 казака, 1 Черкесь и 3 рядовыхъ Навагинскаго пѣхотнаго полка; ранено; казаковъ 29, Навагинцевъ 9; лошадей убито 3, ранено 24.

Послѣ истребленія четырехъ ауловъ, Абадзехи и Шапсуги снова собирались, сильными партіями, при подошвахъ горъ на рѣчкахъ Унубатѣ, Иликѣ и Суппѣ, въ мѣстахъ, прикрытыхъ оврагами, лѣсами, и укрѣпленныхъ прочны и засѣками, — съ намѣреніемъ непременно ворваться въ границы Черноморіи, пока Кубань покрыта льдомъ.

Власовъ, чтобы и въ этотъ разъ предупредить непріятеля въ самыхъ сборищахъ его, и отвратить бѣдствія, кои онъ могъ произвести набѣгомъ на пограничныя селенія наши, призналъ полезнымъ разрушить злые замыслы врага — собственнымъ внезапнымъ появленіемъ за Кубанью. Для этого, Власовъ выступилъ съ войсками, въ ночи на 16-е февраля, и на разсвѣтъ дня успѣлъ явиться на пункты непріятельскихъ сборищъ, тотчасъ же открылъ въ разныхъ мѣстахъ дѣйствіе и, выбивая горцевъ изъ-за укрѣпленныхъ засѣкъ, достигъ ауловъ и истребилъ ихъ и все имущество жителей огнемъ. Такимъ образомъ Власовъ уничтожилъ еще пять ауловъ: три — на рѣчкахъ Иликѣ и Суппѣ и два — на Унубатѣ. Жители этихъ ауловъ со своими сообщниками спаслись бѣгствомъ въ непроходимыя ущелья горъ и лѣса.

Совершивъ этотъ подвигъ, войска Власова предприняли обратный путь; но лишь только началось движеніе, непріятель, выйдя изъ ущельевъ и лѣсовъ, стремительно напалъ на нашихъ стрѣлковъ, и, не смотря на то, что всюду былъ опрокидываемъ, не переставалъ дѣлать ожесточенныя нападенія, гдѣ только находилъ къ тому малѣйшее мѣстное удобство. Запальчивость его, наконецъ, дошла до того, что когда всѣ части нашихъ войскъ вышли на открытое мѣсто, то, видя ихъ ускользающими отъ мщенія, горцы имѣли дерзость соединиться, и совокупными силами своими окружить отрядъ нашъ.

Власовъ показалъ намѣреніе — уклониться отъ завязчиваго дѣла съ непріателемъ и, увлекши его этою хитростію на открытое мѣсто, произвелъ всѣмъ отрядомъ своимъ столь быструю и рѣшительную атаку, что изумленный непріятель въ мигъ былъ опрокинутъ, и хотя еще продолжалъ

сильную ружейную пальбу, но вскорѣ пришелъ въ совершенный безпорядокъ и, въ страхѣ, искалъ спасенія; наѣзники его бросались въ ряды нашихъ войскъ, и погибали среди ихъ, а дѣйствіе нашей артиллеріи и конницы, успѣвшей отрѣзать горцевъ отъ лѣсу, довершило совершенное ихъ истребленіе.

Въ дѣлѣ этомъ, какъ послѣ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, оказалось, участвовало болѣе 3,000 самыхъ отважныхъ Шапсуговъ, предводительствуемыхъ извѣстнымъ разбойникомъ Казиль-Бекомъ.

Съ нашей стороны, во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, убито нижнихъ чиновъ 18 чел.; ранено: офицеровъ 3, нижнихъ чиновъ 71; лошадей — убито 17, ранено 24.

Не взирая, однако жъ, на всѣ таковыя пораженія хищниковъ и на совершенное уничтоженіе многихъ ихъ ауловъ и имущества, они не переставали производить набѣги на нашу гордонную линію, лишь только являлся къ тому хотя малѣйшій удобный случай. Бдительность Власова всегда предупреждала и разстроивала ихъ замыслы. Но не довольствуясь этимъ и имѣя разрѣшеніе Ермолова, Власовъ самъ искалъ хищниковъ къ отдаленныхъ и неприступныхъ ущельяхъ горъ и содѣлался грозой Закубанцевъ. Вскорѣ нѣкоторые изъ племенъ ихъ, — какъ напр. Хамышейское и Темиргоевское, — изъявили покорность и просили нашей защиты отъ безпокойныхъ сосѣдей, — для чего, въ іюль 1825 года, Власовъ дѣлалъ поиски вверхъ по рѣчкамъ Джебѣ, Цахѣ, Дисѣ и Пшекупѣ; а въ октябрѣ по рѣчкамъ Догой и Шебяли, и всюду истребилъ жилища Шапсуговъ и Абадзеховъ; въ слѣдующемъ же году ходилъ онъ къ рѣчкамъ Пшепсѣ и Непетль и разорилъ тамъ многіе хищническіе аулы.

Всѣ эти экспедиціи, предпріятыя Максимомъ Григорьевичемъ съ необыкновенною быстротою и энергіею и всегда увѣнчанныя успѣхомъ, сильно подѣйствовали на Закубанцевъ: они не отваживались уже, какъ прежде, нападать на нашу линію въ значительныхъ силахъ, опасаясь взаимно посѣщенія Власова въ ихъ собственныя жилища. Съ этого именно времени и Черноморскіе казаки вздохнули свободнѣе; они стали спокойно заниматься сельскимъ хозяйствомъ и устройствомъ домашняго быта своего, а постоянные

успѣхи Власова надъ горцами до того воодушевили прежде робкаго Черноморца, что онъ самоувѣренно шель въ бой съ хищниками и, можно сказать, съ эпохи Власовской началъ новую жизнь и черпать изъ ней ловкость, отвагу и воинскую хитрость, которыми нынѣ такъ справедливо прославлены пластуны и всѣ вообще Черноморскіе казаки.

Максиму Григорьевичу суждено было испытать и тяжкій ударъ судьбы: въ августѣ 1826 года, онъ, по сдѣланному доносу, былъ отданъ подъ судъ, за разореніе двухъ ауловъ мирныхъ горцевъ. Съ грустію въ душѣ, герой закубанскій удалился отъ мѣстъ своихъ подвиговъ на берега родимаго Дона, въ бѣдный уголокъ свой, и три съ половиною года провелъ тамъ, въ уединеніи, ожидая рѣшенія суда. 22-го февраля 1830 года, онъ найденъ невиннымъ, и по этому Всемилостивѣйше повелѣно: время бытности Власова подъ судомъ зачесть ему за службу; а велѣдъ за тѣмъ, въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ еще торжественнѣе выразилъ милость Свою къ доблестному воину: Высочайшею волею, 21-го мая того же 1830 года, вѣрено было Власову управленіе Войскомъ Донскимъ на время отсутствія наказнаго атамана, генерала отъ кавалеріи Кутейникова, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Едва Максимъ Григорьевичъ занялся новою важною обязанностию, какъ получена вѣсть о появленіи въ трехъ сыскныхъ начальствахъ эпидемической холеры. Власовъ поспѣшилъ на эту ниву смерти, ободрялъ страдалцевъ, подавалъ средства спасенія, устраивалъ судьбу сиротъ.

Въ томъ же году, 13-го ноября, Власовъ получилъ новое назначеніе: ему Высочайше поручено отправиться въ Дубосары для формированія казачьихъ полковъ, возвращавшихся изъ Турціи, и снаряжать ихъ въ походъ къ западнымъ границамъ. Среди занятій этимъ порученіемъ, 11-го декабря онъ получилъ Высочайшее повелѣніе — слѣдовать съ этими полками, въ званіи походнаго атамана, въ г. Луцкъ (Волинской губерніи) къ Отдѣльному Литовскому Корпусу; 19-го числа Власовъ былъ уже въ Бѣлостокѣ, гдѣ и присоединился къ главной квартирѣ Дѣйствующей Арміи, слѣдовавшей въ Польшу для подавленія мятежа. 24-го и 25-го января, вмѣстѣ съ арміею, Власовъ перешелъ границу Царства.

Во время первой кампаніи, онъ участвовалъ: 5-го февраля въ стычкѣ съ Поляками при Калущинѣ и въ преслѣдованіи ихъ къ Минску; на другой день — въ дѣлѣ около Лукова; 7-го—въ генеральномъ сраженіи при корчмѣ Ваверъ и вогнаніи непріятеля въ Прагу. При этомъ Власовъ ходилъ съ казаками въ атаку польской конницы, врубился въ средину ея и пролилъ кровь свою за славу обожаемаго имъ Монарха: ему нанесено пять сабельныхъ ранъ въ лице и въ голову и двѣ пиками въ бокъ; раны эти были очень тяжелы. Замертво упалъ онъ съ боеваго коня, но Провидѣніе сохранило вѣрнаго слугу Царскаго. За оказанное въ этомъ дѣлѣ мужество и неустрашимость, Власовъ, 21-го февраля, произведенъ въ генераль-лейтенанты, со старшинствомъ съ 7-го февраля.

Мужество и дѣятельность его пересилили самую болѣзнь, и еще слабый отъ страданій, еще съ незакрывшимися ранами, онъ снова уже леталъ предъ полками своими и находился съ ними: съ 12-го по 18-е апрѣля—при фланговомъ движеніи арміи отъ Седлицъ чрезъ Куфлево къ Минску и обратно въ окрестности Седлицъ; при этомъ движеніи онъ участвовалъ: 13-го числа, въ стычкѣ подъ Куфлевымъ; 14-го мая былъ въ слѣдованіи главной арміи отъ Жуково къ Остроленкѣ, — при чемъ участвовалъ въ поражении мятежниковъ, подъ командою Лубенскаго, въ стычкѣ подъ Пысками и потомъ въ авангардномъ дѣлѣ подъ Сержекупомъ; наконецъ блистательно участвовалъ въ Остроленской битвѣ. Далѣе, онъ совершилъ, съ летучимъ отрядомъ своимъ, быстрый маршъ отъ Пултуска къ Плоцку, изъ котораго, силою оружія вытѣснилъ непріятельскія войска и прогналъ ихъ за Осекъ. Съ 5-го по 9-е іюля, Власовъ охранялъ безопасность переправы нашей арміи на лѣвый берегъ Вислы.

Во время второй кампаніи онъ командовалъ передовыми войсками авангарда главныхъ силъ арміи, при движеніи ея отъ переправы къ Ловичу; 14-го іюля разсѣялъ Поляковъ при Неборовѣ, а 3-го августа совершилъ славное кавалерійское дѣло при Маціерлицѣ (близъ Варшавы), въ которомъ истребленъ отрядъ Галлуа, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ пѣхоты, осьми эскадроновъ кавалеріи и двухъ легкихъ орудій, при чемъ и взяты послѣднія. Наградою Власова за этотъ подвигъ былъ орденъ Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною.

12-го и 14-го августа Власовъ имѣлъ, подъ самыми стѣнами Варшавы, стычки съ польскимъ отрядомъ, вышедшимъ для фуражировки и, поразивъ Поляковъ, прогналъ ихъ обратно въ городъ; а 25 и 26-го участвовалъ въ знаменитомъ штурмѣ Варшавы. За всѣ эти дѣла онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго и Высочайшее благоволеніе. Съ 12-го по 23-е сентября онъ былъ въ преслѣдованіи остатка Польской арміи до самой границы Пруссіи. По окончаніи войны Власовъ получилъ польскій знакъ отличія за военные достоинства 2-й степени.

Оставаясь съ войсками своими въ Польшѣ и по усмирении мятежниковъ, Власовъ, съ 27-го марта 1832 по 17-е мая 1833 года, находился въ отпуску къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ для излеченія ранъ; послѣ чего снова вступилъ въ отправленіе обязанностей своихъ по званію походнаго атамана казачьихъ полковъ дѣйствующей арміи.

Главнокомандовавшій, между прочимъ, поручилъ Власову, вскорѣ по возвращеніи его изъ отпуска, образовать два пѣхотенные сборно-учебные казачьи полка въ пѣхотной пѣшей и конной стрѣльбѣ и воинскихъ движеніяхъ, роду казачьей службы свойственныхъ; за что, при представленіи полковъ на смотръ, онъ получилъ личную благодарность князя Варшавскаго.

Въ сентябрѣ того же года онъ участвовалъ съ казачьими полками — Сборно-линейнымъ и Донскими №№ 25-го и 60-го — въ маневрахъ при крѣп. Модлинѣ, — нынѣ Новогеоргіевскѣ, — совершенныхъ въ присутствіи Государя Императора, и удостоился получить Высочайшее благоволеніе за найденный въ означенныхъ полкахъ примѣрный порядокъ, точность и быстроту въ движеніяхъ и совершенное познаніе службы, а въ декабрѣ мѣсяцѣ, за отлично-усердную службу, Всемиловѣйше награжденъ 15,000 р. Въ слѣдующемъ году Власовъ снова образовалъ три трехсотенныя сборно-учебныя команды, по представленіи которыхъ на смотръ, получилъ четыре раза благодарность главнокомандовавшаго «за труды и стараніе къ споспѣшествованію исполненія благонамѣренной цѣли начальства по этому столь важному предмету.»

Между тѣмъ, 15-го ноября, Власовъ имѣлъ счастье лично представить, на Высочайшій смотръ, въ Варшавѣ, Донской казачій № 61-го полкъ и Сборно-учебную команду, и, за

найденную Его Величествомъ въ этихъ частяхъ должную исправность и удовлетворительное во всѣхъ отношеніяхъ состояніе, объявлено ему Высочайшее благоволеніе.

Въ 1835 году онъ находился въ четырехъ-мѣсячномъ отпуску, къ Кавказскимъ минеральнымъ водамъ и на Донъ, для излеченія ранъ. По возвращеніи изъ этого отпуска, до истеченія срока, Власовъ, съ Донскимъ Сборно-Учебнымъ, Кавказскимъ линейнымъ и Закавказскимъ Мусульманскимъ полками, участвовалъ на маневрахъ въ Калишѣ, произведенныхъ въ присутствіи Государя Императора Николая I и Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма III, и въ награду получилъ: отъ Его Императорскаго Величества девять благоволеній и золотую табакерку, съ вензеловымъ изображеніемъ Августѣйшаго Имени Государя Императора, а отъ Короля Прусскаго — орденъ Краснаго Орла 1-й степени.

Въ это время наступила важная эпоха для всѣхъ Донцовъ.

До 1836 года, Войско Донское не имѣло правильной организации внутренняго управленія, и, управляясь недостаточнымъ положеніемъ о войсковомъ гражданскомъ правленіи, даннымъ въ 1775 году, по представленіи князя Потемкина-Таврическаго, во всѣхъ случаяхъ или примѣняло къ себѣ общіе законы Имперіи, или руководилось преданіями древнихъ казачьихъ обычаевъ. Императоръ Александръ Благословенный повелѣлъ учредить Комитетъ объ устройствѣ Дона. Членами въ немъ были донскіе генералы и штаб-офицеры, предѣвателемъ назначенъ генераль-адъютантъ Чернышевъ, которому Провидѣніе опродѣлило улучшить домашнюю жизнь и обезпечить семейное благо тѣхъ самыхъ воиновъ, съ которыми побѣдоносно шелъ онъ отъ береговъ Нѣмана до Сены. Чернышевъ вполне оправдалъ довѣренность и ожиданія Монарха. Благоразумными, тщательными изысканіями на мѣстѣ, онъ привелъ въ точную извѣстность состояніе Войска, позналъ его нужды и представилъ прямыя и вѣрные способы къ водворенію въ немъ общественнаго и частнаго благоустройство. Составленное Комитетомъ Положеніе объ управленіи Донскимъ Войскомъ Высочайше утверждено 26-го мая 1835 года: оно подтвердило Донцамъ неприкосновенность правъ и привилегій, пожалованныхъ имъ Вѣнценосцами Россіи, и упрочило благосостояніе Дона. 1-го января 1836 года, сенаторы Княжнинъ и Бол-

гарскій, подъ сѣнію священныхъ регалій — символовъ Царской милости Донскому Войску «за многія службы его» — объявили въ Войсковомъ Кругу новый войсковой законъ, и не было предѣловъ радости Донцевъ. Колѣнопреклоненные, они возсылали за Августѣйшаго Монарха, благодѣтеля своего, теплыя молитвы къ Царю царей.

Въ тоже самое время, Государь Императоръ, въ намѣреніи, чтобы «это благодѣтельное учрежденіе, опредѣляющее права и обязанности всѣхъ и каждаго изъ войсковыхъ обывателей и ограждающее ихъ собственность», *дѣйствительно могло служить къ прочному основанію желаемаго Его Величествомъ благоденствія Войска*, требовалъ, — какъ Самъ изволилъ выразиться *)), отъ генерала отъ кавалеріи Кутейникова, — бывшаго тогда наказнымъ атаманомъ, — какъ главнаго мѣстнаго начальника, «не довольствоваться одними, обыкновеннаго порядка распоряженіями, по приведенію въ исполненіе сего положенія, но непрерывно, дѣятельно наблюдать и направлять дѣйствія всѣхъ и каждаго, чтобы положеніе сіе, во всей его силѣ и во всѣхъ его постепенностяхъ, было исполняемо неупустительно и неослабно, для достиженія той благой цѣли, съ кою оно предначертано, къ прочному и незыблемому утверженію порядка и устройства во всѣхъ частяхъ Войска Донскаго.»

Но удрученный недугами и лѣтами, Кутейниковъ не былъ уже въ силахъ подъять новыя важныя труды для точнаго исполненія этой благодѣтельной Монаршей воли. Снисходя на просьбу его объ увольненіи отъ должности, Государь Императоръ, въ томъ же январѣ мѣсяцѣ, повелѣлъ: вызвать Власова изъ Варшавы въ С.-Петербургъ и, 10-го февраля, соизволилъ назначить его исправляющимъ должность наказнаго атамана Войска Донскаго, при чемъ пожалована ему и аренда на 12 лѣтъ. Достигнувъ, на 69 году жизни, высокой чреды, изъ простаго воина сдѣлавшись начальникомъ обширнаго и славнаго въ военныхъ лѣтописяхъ края, Максимъ Григорьевичъ явилъ на этомъ новомъ для него поприщѣ высокіе государственные таланты и всего себя посвятилъ трудамъ на благо родины.

Такимъ образомъ, ему предоставлена была завидная доля: привести въ исполненіе лучший даръ Дону Отца Великой

*) Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 1-го января 1836 г.

семьи Русской, и указать своимъ соотечественникамъ всю благодѣтельность этого дара. Семидесятилѣтній старецъ казался юношею, исполняя эту священную волю Монарха. Не осталось мѣста, котораго бы не посѣтилъ онъ и лично не водворилъ тамъ новыхъ правилъ Войсковаго положенія. Расцвѣло древо благосостоянія тихаго Дона, и воинственные сыны его вкушаютъ уже нынѣ живительные плоды! Трудно исчислить всѣ благодѣянія, излитыя отъ Престола на Войско Донское новымъ Положеніемъ; трудно исчислить и всю массу трудовъ Власова, по введенію въ дѣйствіе этого Положенія!

Онъ вновь устраивалъ всѣ части военнаго и гражданскаго управленія Войска; образовалъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ полезныхъ для фронта и для внутренней службы чиновниковъ; улучшилъ народныя училища; привелъ въ извѣстность разнородные войсковые капиталы; обогатилъ войсковые запасы хлѣба, могущіе совершенно обезпечить нужды народа, на случай бѣдствія; обратилъ особенное вниманіе на станичное коннозаводство, какъ важную потребность казачьей службы; основалъ войсковой конскій заводъ—будущее обезпеченіе въ существованіе лошадей донскихъ породъ; заботился о разсадкѣ лѣса на открытыхъ степяхъ, объ устройствѣ путей и сообщеній края, о торговлѣ и промышленности его, объ улучшеніи мѣстныхъ произведеній; не забыты имъ даже и Калмыки Донскіе, бывшіе до того времени въ дикомъ, кочевомъ состояніи: тамъ явилось нынѣ училище, въ которомъ читается и христіанскій законъ Божій, и правила языческаго вѣрованія; тамъ, среди кибитокъ, проявляются уже и чистые домики, тамъ, наконецъ, видны обработанныя поля, и теперешній Калмыкъ начинаетъ постигать выгоды осѣдой жизни.

По истинѣ—велики были труды и заслуги Максима Григорьевича для роднаго края его, и долго будетъ жить среди обитателей Дона благодарная память о двѣнадцати-лѣтнемъ атаманствѣ Власова.

Въ эту эпоху совершилось въ Новочеркасскѣ незабвенное для храбрыхъ витязей Дона событіе: 18-го октября 1837 года Императоръ Николай Павловичъ, въ сопровожденіи Наслѣдника Престола, нынѣ благотворно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, прибылъ, на обратномъ пути изъ Грузіи, въ главный городъ Войска

Донскаго и, предъ мѣстнымъ кафедральнымъ соборомъ, среди Войсковаго круга, составленнаго изъ знаменъ и регалий Войска, при собраніи всѣхъ чиновъ и сословій Дона, вручилъ Августѣйшему Первенцу Своему «перначъ»—какъ издревле принятый знакъ атаманскаго достоинства. Высоко и назидательно было это священное зрѣлище, и Донцы неизгладимо запечатлѣли его въ сердцахъ своихъ!

Въ тоже пребываніе Государя Императора въ Новочеркасскѣ, 23-го октября, Власовъ Высочайше утвержденъ наказнымъ атаманомъ и, во все продолженіе служенія своего на этомъ посту, постоянно былъ удостоиваемъ Монаршимъ вниманіемъ и милостями; именно: 6-го декабря 1838 года «желая вознаградить долговременную, отлично—усердную службу его и ревностные труды по управленію ему ввѣренному», Государь Императоръ Всемиловѣйше пожаловалъ Власову алмазные знаки ордена св. Благовѣрнаго Александра Невскаго; 13-го января 1840 года ему выдано одновременно въ пособіе 7000 р. сер., а 25-го іюля этого же года—объявлено особое Монаршее благоволеніе, за совершенно исправное состояніе шести Донскихъ казачьихъ полковъ и Донской конно-артиллерійской № 2-го батареи, выкомандированныхъ съ Дона на Кавказскую Линію. 16-го апрѣля 1841 года, — когда въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ, съ благословеніемъ Всевышняго, торжествовалъ счастливѣйшее событіе для отечества — бракосочетаніе Первороднаго Сына Своего, Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, — Власовъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ—присутствовать при вступленіи въ супружество Августѣйшаго Атамана всѣхъ Казачьихъ войскъ— и, въ этотъ радостный для родительскаго сердца Монарха день, въ знакъ особеннаго вниманія къ долговременной, отлично—усердной и полезной службѣ, и чтобы явить храброму Войску Донскому новое доказательство постояннаго Всемиловѣйшаго благоволенія, Максимъ Григорьевичъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 1-й степени. 10-го октября 1843 года, Высочайшимъ приказомъ, Власовъ произведенъ въ генералы отъ кавалеріи, а въ 1845 году Всемиловѣйше повелѣно—пожалованную ему въ 1835 году аренду (по 2 тысячѣ руб. въ годъ на 12 лѣтъ) продолжить, по

истеченія срока, еще на 6-ть лѣтъ, съ добавленіемъ къ ней по 500 руб. сер. въ годъ. Власовъ, въ продолженіе управленія Войскомъ, имѣлъ счастье получить еще нѣсколько Высочайшихъ похвальныхъ рескриптовъ и лестныхъ признательныхъ отзывовъ. Но, величайшею для себя наградою Максимъ Григорьевичъ считалъ, что въ его начальствованіе, Донъ удостоенъ посѣщеніемъ обожаемаго Монарха, благодѣтеля края, и Царственного Атамана Своего.

Весною 1848 года, когда Россія, по причинѣ смуть въ западной Европѣ, по слову Царя своего, начала вооружаться, Власовъ отправилъ къ западнымъ предѣламъ Имперіи всѣ донскія гвардейскія части и десять полевыхъ казачьихъ полковъ. Въ маѣ онъ получилъ новое Высочайшее повелѣніе — сформировать и послать туда же еще шесть полевыхъ полковъ. Ревностный исполнитель велѣній обожаемаго имъ Монарха, Максимъ Григорьевичъ самъ отправился въ округи Войска, для осмотра новыхъ полковъ. По прибытіи въ округа, онъ нашелъ въ нихъ распространяющуюся холеру. Тотчасъ же принятія имъ мѣры ослабили эпидемію, и потомъ совершенно ее пресѣкли. Полки двинулись въ походъ; но Максимъ Григорьевичъ получилъ донесеніе, что холера явилась въ Хоперскомъ, Усть-Медвѣдицкомъ, Второмъ Донскомъ округахъ, и страшно свирѣпствуетъ въ жилищахъ казаковъ. Вѣрный чувствамъ любви къ ближнему, онъ поскакалъ на мѣста плача человечества и вездѣ являлся ангеломъ — утѣшителемъ. Но, въ то же время Максимъ Григорьевичъ получилъ извѣстіе о другомъ бѣдствіи — о страшномъ пожарѣ въ Глазуновской станицѣ, истребившемъ почти все достояніе жителей. Попечительный начальникъ тотчасъ же явился среди этихъ несчастныхъ, плакалъ съ безпріютными, дѣлился съ ними собственнымъ имуществомъ своимъ, обнадежилъ въ помощи Монарха — благодѣтеля края.... Но, надъ самимъ имъ, невидимо, носилась уже смерть: 19-го іюня, Максимъ Григорьевичъ, былъ пораженъ сильными припадками губительной эпидеміи и, въ полдень 21-го числа, испустилъ послѣдній вздохъ свой въ станицѣ Усть-Медвѣдицкой...

Такъ окончилъ жизнь свою славный вождь Донцевъ! Такъ исполнилъ онъ завѣтный глаголь Евангелія, и «бывъ

истинно добрымъ начальникомъ роднаго края, онъ и душу свою положилъ за благо дѣтей, подчиненныхъ своихъ.» Послѣдними словами набожнаго старца была молитва: «За утра услыши гласъ мой, Царю мой и Боже мой!»

Дѣйствительно, Максимъ Григорьевичъ Власовъ былъ образцомъ благочестія: многія церкви и монастыри украсились богатыми вкладами его: всѣ, жалованныя ему Монархами, брилліантовыя украшенія, онъ внесъ въ храмы Божіи, для вѣщаго благолѣпія святыни ихъ, и едва ли есть на Дону хотя единая станичная церковь, въ которой бы не было посильной жертвы этого доблестнаго вождя Донцевъ. Умилительно было видѣть восьмидесятилѣтняго старца, являющагося въ храмъ Божій къ утрени и литургіи, вмѣстѣ съ первымъ колокольнымъ звономъ, и выходящаго оттуда не прежде окончанія всего Богослуженія. Поучительны были и его высокая набожность и его преданность къ Царствующему Дому. Онъ былъ истиннымъ другомъ человечества: ни одинъ бѣднякъ не отходилъ отъ его порога безъ помощи. Все у него было — «Божье, порученное ему для благодѣяній ближнему.» Казакъ по происхожденію и по душѣ, онъ глубоко зналъ нравы своихъ соотчичей, и мало было у нихъ начальниковъ, которые говорили съ ними болѣе понятнымъ для нихъ, болѣе увлекательнымъ языкомъ. Не было предѣловъ восторженности слушателей его, и они, по слову Власова, готовы были ринуться въ огонь и въ воду.

Августѣйшій Государь Императоръ отечески оцѣнилъ службу вѣрнаго слуги Своего и, въ рескриптѣ, 3-го іюля 1848 года, послѣдовавшемъ на имя исправлявшаго должность войсковаго наказнаго атамана, генераль-лейтенанта *) Хмута, изволилъ такъ отозваться о покойномъ: «съ душевнымъ сокрушеніемъ получили Мы извѣстіе о кончинѣ Наказнаго Атамана Войска Донскаго, Генерала отъ кавалеріи Власова. Ознаменовавъ долготѣнее поприще свое подвигами неустрашимости во время войны, и государственными заслугами въ продолженіе управленія Войскомъ Донскимъ, сей доблестный старецъ почилъ, стяжавъ право на особенную Нашу признательность.»

*) Нынѣ генераль-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи и наказный атаманъ Войска Донскаго.

Главные законы, которыми управлялась страна, заключались въ духовныхъ и гражданскихъ уставахъ Магомета, называемыхъ шаріатомъ. Учрежденія второстепенной важности, относительно веденія войны и внутренняго устройства края, издавались Шамилемъ.

Въ цѣлой странѣ, какъ въ обществахъ, въ которыхъ глубже проникнулъ исламизмъ, такъ и тамъ, гдѣ ученіе шаріата встрѣчало менѣе послѣдователей, не было никакихъ слѣдовъ гражданского раздѣленія народа. Предъ лицомъ Бога, пророка и его имама всѣ сохраняли равенство, изъ предѣловъ котораго ни богатство, ни высшія дарованія не въ состояніи были никого вывести. Наибъ, лишенный своей должности капризомъ Шамиля, нисходилъ въ ряды простаго народа, надъ которымъ недавно онъ былъ вознесенъ его же волею. Одинъ только имамъ, наслѣдникъ пророка, стражъ его святыни, предводитель воиновъ, считался вдохновеннымъ отъ Бога, чѣмъ-то выше человѣка, существомъ, которому всѣ должны были вѣрить и повиноваться безпрекословно.

До введенія существующаго порядка, пороки и преступления обращали на себя вниманіе только тѣхъ, которымъ они причиняли вредъ, и рѣшаемы были самоуправствомъ, по праву сильнѣйшаго. Въ разсматриваемое же время за малѣйшую вину, за всякое нарушеніе общественнаго порядка были опредѣлены взысканія — штрафъ, темница и тѣлесное наказаніе, котораго никто не избавлялся отъ послѣдняго поденьщика до сильнѣйшаго наиба. Насиліе, мужеложство, воровство, грабежъ, убійство, куреніе и нюханіе табаку, употребленіе спиртныхъ напитковъ, измѣна или связи съ непріателемъ и вообще неисполненіе повелѣній Корана наказывались обезглавленіемъ, утопленіемъ, побитіемъ камнями.

Кровная месть, — это общее правило дикарей, — была сохранена, только въ другомъ видѣ: не обиженный, а законъ мстилъ за оскорбленіе. Пролитшій кровь — отвѣчалъ кровью или имуществомъ, смотря по желанію того, кто пострадалъ отъ преступника, или ближайшаго его наслѣдника. Имъ предоставлялось право произносить приговоръ и приводить его въ исполненіе, но съ соблюденіемъ установленныхъ формъ:

Ежели наслѣдникъ убитаго былъ еще малолѣтнимъ, то

убійца содержался въ тюрьмѣ до достиженія первымъ совершеннолѣтія. вмѣстѣ съ нашими плѣнными сидѣлъ въ ямѣ Чеченецъ, убившій Андійца, котораго сынъ былъ еще ребенкомъ; законъ не могъ наказать преступника: родъ взысканія долженъ былъ опредѣлить ему приговоръ наслѣдника убитаго, по достиженіи имъ совершеннолѣтія.

Виновный въ изувѣченіи другаго подвергался такому же изувѣченію отъ руки пострадавшаго. Во время пребыванія въ Дарго, наши были свидѣтелями смѣшной экзекуціи. Одинъ горецъ, въ ссорѣ, разрубилъ другому носъ. Винованаго схватили, вывели на площадь, и обиженный отмстилъ ему такимъ же образомъ, разрубленіемъ носа.

Вина дѣтей распространялась и на родителей. Въ бытность плѣнныхъ въ Дарго была утоплена женщина за поведеніе своей дочери; и послѣдняя не осталась безъ наказанія, но подверглась еще строжайшему, — по крайней мѣрѣ, по мнѣнію туземцевъ. Она была умерщвлена особою казнью, которая тамъ въ большомъ употребленіи: несчастную повалили на землю и били погами до тѣхъ поръ, пока она не испустила духъ.

Въ этихъ и другихъ случаяхъ есть много сходства съ древними Іудейскими законами.

Даже холостая жизнь считалась виною. Одною изъ заповѣдей Корана вмѣняется въ обязанность всякому правовѣрному жениться, и Шамиль строго смотрѣлъ за исполненіемъ этого узаконенія. Когда юноша или дѣвушка достигли зрѣлости, они были обязаны немедленно вступать въ бракъ; въ противномъ случаѣ подвергались заключенію въ темницу и, сверхъ того, платили опредѣленный штрафъ. Это относилось и къ овдовѣвшимъ, которые въ цвѣтѣ лѣтъ не помышляли о новомъ бракѣ.

Надо отдать полную справедливость безпристрастію Шамиля, у котораго нѣтъ лицепріятія, нѣтъ послабленій изъ родственныхъ и другихъ отношеній, какъ это бываетъ, къ несчастію, въ образованныхъ обществахъ: имамъ, съ равною строгостію, требуетъ исполненія узаконеній Корана отъ своихъ родственниковъ, какъ и отъ прочихъ подвластныхъ. Во время пребыванія плѣнныхъ въ Дарго, онъ велѣлъ посадить въ темницу свою тещу, которая, по его мнѣнію, была еще способна къ плодородію и не хотѣла думать о замуже-

ствѣ, не смотря на то, что здѣсь была совершенно не ея вина. Несчастливая охотно бы исполнила святую заповѣдь, если бы нашелся хотя одинъ отчаянный мюридъ, который бы не испугался ея безобразія. Наконецъ и Шамиль убѣдился, что никто изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей шаріата не рѣшится на этотъ разъ исполнить волю пророка, и оставилъ свою тещу въ покоѣ.

Женщины за нескромное открытіе лица или ноги до половины икры подвергались тѣлесному наказанію.

Всякое взысканіе приводилось въ исполненіе съ величайшею точностію, и, нужно сказать правду, что преступленія были очень рѣдки. Тогда чрезъ всю страну, на которую распространялась власть Шамиля, можно было смѣло провозить одному человѣку вьюки золота, не опасаясь лишиться ихъ.

Народъ обязанъ былъ доставлять средства къ приличному содержанію имама и частныхъ начальниковъ. Для этого были установлены разнаго рода подати.

Закатъ отдавался деньгами или натурою, т. е. хлѣбомъ и скотомъ. Деньгами платили только богатые, въ родѣ добровольнаго пожертвованія, сумма котораго не опредѣлялась никакими постановленіями, а предоставлялась степени богатства и религіознаго чувства всякаго правовѣрнаго. Богатый, отъ этого уклонявшійся, — по понятіямъ жителей, — бралъ на свою душу тяжкій грѣхъ. Хлѣба со всякихъ пяти домовъ наибъ взималъ два саба или около трехъ пудовъ, рогатаго скота — изъ ста штукъ — двѣ. Половину всего этого онъ отдавалъ Шамилю, а другую оставлялъ себѣ.

Кадій съ каждаго дома взималъ по одному са, т. е. 7½ фунтовъ хлѣба. Муртазигату тоже опредѣлялась какая-то часть.

Кромѣ того Шамилю принадлежала пятая часть военной добычи — *хомусъ* *). Онъ имѣлъ еще особый родъ дохода, называвшійся *байтузюманъ*, получаемый отъ конфискованныхъ имѣній тѣхъ, которые подверглись смертной казни или бѣжали къ Русскимъ.

*) Другая пятая часть отдавалась начальнику отряда, а остальное дѣлилось между участниками въ приобрѣтеніи.

Изъ этихъ доходовъ Шамиль дѣлалъ вспомошествованія абрекамъ и вообще всѣмъ бѣднымъ, нуждавшимся въ томъ. Но вообще имамъ скупился на расходы и жадничалъ на приобрѣтенія.

До 1841 года наѣздническія толпы горцевъ не имѣли другихъ подраздѣленій, кромѣ различія обществъ. Правда, что и тогда, какъ и прежде, они толпились въ безпорядкѣ около значка своего наиба; но съ этого времени были уже видны усилія Шамиля къ учрежденію между ними нѣкотораго порядка. Военныя его силы (разумѣется въ случаѣ войны, потому что въ мирное время не имѣлось никакихъ), подъ начальствомъ наивовъ, раздѣлились (по крайней мѣрѣ, сколько можно было узнать) на сотни, двухъ, трехъ, четырехъ и пяти-сотни; каждая изъ этихъ частей имѣла своего начальника.

Шамиль окружалъ себя знаками власти и обыкновенно являлся съ нѣкоторою торжественностію, всегда окруженный храбрѣйшими и отлично вооруженными муртазигатами и мюридами, а иногда — наиболѣе въ дѣлѣ — значками. При чемъ постоянно находился исполнитель смертныхъ приговоровъ, съ огромною сѣкирою на длинной рукояткѣ. Вообще, не довѣряя Чеченцамъ, Шамиль, хотя и жилъ въ ихъ странѣ, окружалъ себя горцами. Безъ разрѣшенія никто не смѣлъ являться къ нему, а кто удостоивался этой чести, исключая предводителей и довѣренныхъ лицъ, представлялся обезоруженный. При такихъ аудіенціяхъ всегда нѣсколько тѣлохранителей держатъ ружья па изготовкѣ. Приближающіеся къ имаму цѣловали его руку и полу платья.

Признаками достоинства наиба и прочихъ начальниковъ были серебряныя медали, носимыя на груди, по одной или по двѣ, величина и форма которыхъ опредѣляла власть носящаго.

Шамиль распространялъ слухи, что образцы этихъ медалей присланы ему отъ султана; но, по неимѣнію на этотъ предметъ доходовъ, выдавалась одна только грамота, а самые знаки приобрѣтались собственными средствами награждаемыхъ.

Трудно представить, съ какою вѣрою, съ какимъ твердымъ убѣжденіемъ народъ принималъ всѣ нелѣпыя выдумки, сочи-

няемая ихъ почтеннымъ имамомъ и распространяемая его усердными агентами. Впрочемъ послѣдніе были даже не нужны. Шамилю стоило только сказать что-нибудь, и этотъ гласъ раздавался по всему пространству его владѣній, переходя изъ устъ въ уста правовѣрныхъ его подданныхъ. Одною изъ надеждъ, составлявшихъ артикуль ихъ политическаго убѣжденія, было пришествіе хункяра (турецкаго султана), долженствующее какъ бы довершить, начатое Кази-Муллою, дѣло освобожденія отъ власти Россіи, наказать мусульманъ, не принимающихъ въ этомъ участія и наградить ревностныхъ защитниковъ и послѣдователей шаріата. Извѣстія подобнаго содержанія постоянно выходили изъ Даргинскаго кабинета, и иногда даже читались письма, полученныя будто бы изъ Стамбула, заключавшія совѣты и приказанія хункяра для руководства имаму.

Въ бытность плѣнныхъ въ Дарго прибылъ къ Шамилю изъ Мекки нѣкто Джабраилъ Гаджи, уроженецъ деревни Унцукулъ. Посѣщая однажды темницу, онъ увѣрялъ, не только бывшую съ нимъ толпу, но и нашихъ, что Крымъ и Черноморія уже освобождены султаномъ отъ Русскихъ, и что огромная турецкая армія приближается къ Тифлису. Всѣ возраженія плѣнныхъ возбуждали только негодование и угрозы черни.

Главною подпорою власти имамовъ или перенесеннаго въ средину Кавказскихъ горъ исламизма и орудіемъ къ распространенію новаго шаріата, въ разсматриваемое время, безъ сомнѣнія, была секта *мюридовъ*.

Преданіе говоритъ, что эта секта родилась въ Аравіи, вмѣстѣ съ появленіемъ пророка; но, въ послѣдствіи времени, когда горячая вѣра прежнихъ магометанъ начала охлаждать въ сердцахъ ихъ потомковъ, когда богатство и нѣга сдѣлали тягостнымъ исполненіе строгихъ уставовъ ордена, онъ пресѣлся. На Кавказѣ начало его неизвѣстно.

Истинный мюридъ обязанъ отречься отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, проводить жизнь въ молитвѣ и набожныхъ размышленіяхъ; вмѣсто установленныхъ пяти намазовъ въ сутки долженъ дѣлать ихъ 22, воспламенять другихъ своимъ фанатизмомъ, подавать примѣръ храбрости и неустрашимости въ бояхъ, кротости и мусульманскихъ добродѣтелей въ мирное время. За такое самоотверженіе, за свято-

проводимую жизнь его ожидали милости имама на землѣ и роскошныя ласки хурій, прелестныхъ обитательницъ рая по смерти. Мюридомъ могъ быть каждый правовѣрный. Для вступленія въ орденъ не имѣлось никакихъ особенныхъ формъ; оно производилось добровольно и, такъ сказать, признательно. Эта секта — родъ духовнаго братства.

Въ то время, когда еще первоначальныя впечатлѣнія, произведенныя Кази-Муллою и его преемниками на гибкіе умы горцевъ, не изгладились, когда религіозный фанатизмъ воспламенялъ большую часть горныхъ обществъ, мюридизмъ не имѣлъ не только недостатка въ послѣдователяхъ, но, напротивъ, число ихъ съ каждымъ днемъ возрастало, духъ секты оживлялъ горы, велъ на бой дикихъ ихъ обитателей и, въ быстромъ теченіи, увлекалъ болѣе хладнокровнаго и болѣе миролюбиваго имама. Огонь страсти къ войнѣ пожиралъ всѣ сердца. Если бы Шамиль тогда даже и хотѣлъ бы остановиться, то было уже поздно; онъ долженъ былъ раздувать пламя, иначе оно сожгло бы его самого.

Всѣ способные къ оружію обязывались принимать участіе въ войнѣ и общими силами защищать и распространять уставы шаріата.

Всякой исполнялъ эту обязанность своими собственными средствами, не получая и не требуя никакого вознагражденія. При Ойсунгурѣ Шамиль далъ первый примѣръ платы войску. Чтобы вознаградить долговременное ихъ нахожденіе въ сборѣ, онъ роздалъ по рублю серебромъ на десять челоуѣкъ, — щедрота, отъ которой всѣ мюриды пришли въ восхищеніе.

Раздѣленіе этой толпы воиновъ на пѣхоту и кавалерію основано на меньшемъ или большемъ богатствѣ служащаго, на имѣніи или недостаткѣ собственной лошади.

Въ заключеніе представляемъ свѣдѣніе *о военныхъ способностяхъ горцевъ, объ образѣ войны Шамиля и выводы и соображенія, которыя можно сдѣлать изъ всего сказаннаго*. Прямо говоримъ, что эти выводы и соображенія принадлежатъ не намъ: молва приписываетъ ихъ генералу Пассеку. Мы, къ сожалѣнію, по независимымъ отъ насъ причинамъ, не могли внести эти важныя свѣдѣнія въ жизнеописаніе доблестнаго генерала. Своимъ общимъ интересомъ оправдываютъ они предположеніе и внушаютъ

увѣренность, что читатели не посятуютъ, что мы пользуемся этимъ случаемъ украсить ими страницы нашего изданія и, такимъ образомъ, ихъ сохраняемъ и дѣлаемъ общеизвѣстными. Здѣсь тѣмъ болѣе мѣста этимъ выводамъ и соображеніямъ, кому бы они дѣйствительно не принадлежали, что они *очевидно* основаны *отчасти* на только-что изложенныхъ показаніяхъ лицъ, раздѣлявшихъ бѣдственную участь князя Орбеляна и, во всякомъ случаѣ, принадлежатъ къ этому времени *).

Военныя соображенія Лезгинъ далеко превосходятъ соображенія Чеченцевъ; всѣ извѣстные до того времени проводители — *Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ, Сурхай, Али-Бекъ, Ахверды-Магома* и самъ Шамиль — принадлежали къ этому племени, — первый и послѣдній изъ общества Койсубулинскаго. Всѣ важнѣйшія предпріятія начинались и совершались ими. Напримѣръ: открытая противу насъ борьба Дагестана, осада Бурной, Дербента, Внезапной, разграбленіе Кизляра — *Кази-Муллою*; овладѣніе Аварскимъ ханствомъ, истребленіе владѣтельнаго Аварскаго Дома — *Гамзатъ-Беккомъ*; знаменитая защита Ахульго — *Сурхаемъ* и *Али-Беккомъ*; искусное нападеніе на нашъ главный Чеченскій отрядъ съ намѣреніемъ истребить его (Валерикъ) — *Ахверды-Магомою*; переселеніе Надтеречныхъ и Сунженскихъ Чеченцевъ и овладѣніе, въ мартѣ 1842 года, Кази-Кумыхомъ — самимъ Шамилемъ.

Соображенія горцевъ для дѣйствій были здравы, дальновидны, всегда основывались на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Когда угрожала опасность одному непріятельскому пункту, они обращались туда, гдѣ ихъ не ожидали, въ часть края, обнаженную отъ войскъ и, такимъ образомъ, развлекали наши силы и ободряли своихъ. Занимая, такъ сказать, центръ круга, на окружности котораго размѣщены немногочисленные наши отряды, они всегда удобно производили одновременныя вторженія съ нѣсколькихъ сторонъ, или са-

*) Поэтому далѣе, какъ и прежде, въ изложеніи прочихъ свѣдѣній о краѣ, вездѣ говоримъ въ прошедшемъ времени, — считая неумѣстнымъ здѣсь разбирать, что изъ разсказаннаго измѣнилось въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ и что, можетъ быть, даже противорѣчить другимъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ.

мая быстра и нечаянная нападенія на удаленныя отъ нихъ мѣста, гдѣ вовсе не предполагали возможности ихъ появленія.

Чеченцы и Лезгины одинаково искусно пользовались мѣстностію; но послѣдніе превосходили первыхъ въ искусствѣ укрѣпляться, и эта часть у нихъ доведена была до совершенства. Завалы и всѣ укрѣпленія Лезгинъ всегда имѣли сильный перекрестный огонь. Противъ артиллеріи они защищались крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ находились въ совершенной безопасности отъ ядеръ и гранатъ, дѣлали также крытые ходы, или подземныя галлерей, иногда устроенныя въ нѣсколько ярусовъ. Вообще же завалы воздвигали изъ камня, или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землею.

Чеченцы отличались дерзостью при нападеніяхъ, но не имѣли стойкости и хладнокровія. Лезгины, на оборотъ, были не такъ смѣлы, не такъ быстры и предприимчивы, какъ Чеченцы, но болѣе стойки и рѣшительны. Чеченцы славились способностію къ наѣзднической войнѣ; они дѣлали быстрыя внезапныя вторженія въ наши предѣлы, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы напасть въ расплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи; неумолимо тревожили наши аванпосты и цѣпи, т. е. вели *малую войну*. Лезгины *воевали положительно*, иногда съ цѣлями важныхъ завоеваній или защиты, и вообще встрѣчали насъ большею частію открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ; усиливали ихъ завалами, башнями, подземными ходами, навѣсами для защиты отъ гранатъ; занимали пещеры, переправы чрезъ рѣки, овраги, и вообще держались въ нихъ съ удивительною рѣшимостію; стрѣляли мѣтко, дрались до послѣдней крайности. На позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобно-обходимыхъ слабо защищались; на обозы и партіи фуражировъ рѣдко нападали; при потерѣ рѣшительнаго дѣла все кругомъ усмирялось, успокоивалось. Различіе въ образѣ войны, происходило сколько отъ различія племенъ, столько отъ быта и мѣстности горъ и Чечни.

Большая и Малая Чечня ровны и покрытылѣсомъ; мѣстность доступна и обходима. Въ Дагестанѣ, напротивъ, встрѣчаются во всѣхъ горахъ тѣснины съ отвѣсными стѣнами, глубокія пропасти и овраги; встрѣчаются горы, на которыя ведетъ одна

тропинка, пещеры, въ которыя можно спуститься только на веревкѣ, переправы, къ которымъ можно приблизиться только по карнизу, подъ огнемъ изъ заваловъ, скрытыхъ отъ всякаго выстрѣла и, наконецъ, недоступныя скалы.

У нагорныхъ Чеченцевъ горы не такъ скалисты, какъ въ Дагестанѣ, но довольно значительны и покрыты вѣковыми лѣсами, удобны для упорной защиты и нечаянныхъ нападений, соединяя въ себѣ выгоды мѣстности Чечни съ Дагестанскими горами *).

Самая постройка ауловъ у Лезгинъ придавала имъ рѣшимость. Брать съ боя лезгинскій аулъ—дѣло отчаянное, и допускалось только въ обстоятельствахъ, важнѣхъ для края. Потеря на штурмѣ аула, въ которомъ засядутъ горцы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться, чрезвычайно велика.

Еще два обстоятельства вынуждали Лезгинъ на открытый бой и скорую покорность: 1) ограниченность земли, удобной къ воздѣлыванію, заставляла горца дорожить своимъ родовымъ ущельемъ, родовымъ кускомъ поля и сада; уйти изъ него — значило отказаться отъ обезпеченія довольствомъ и, большею частію, отъ самобытности хозяина, и 2) трудность доставать лѣсъ для построекъ: въ большей части горъ, иногда за 40, 50 и 70 верстъ, нужно тащить волокомъ лѣсъ, за неимѣніемъ во всѣхъ горахъ арбъ и арбяныхъ дорогъ. Послѣ этого дѣлается понятнымъ, какимъ бѣдствіемъ угрожалъ приходъ Русскихъ, которые, однажды проложивъ дорогу, легко приходили въ другой и въ третій разъ въ самыя неприступныя ущелья. Это хорошо знали горцы.

Основываясь на этихъ данныхъ, можно прійти къ поло-

*) Въ исходѣ мая 1842 года, при движеніи отряда нашего въ Ичкерію по лѣсистому ущелью, набѣ Нагорной Чечни Шуанбъ-Мулла велѣлъ занять Чеченцамъ огромныя деревья толщиною въ нѣсколько обхватовъ. На каждомъ помѣстилось отъ 30 до 40 чел., откуда они производили убійственный огонь по приближавшимся войскамъ. Залпы цѣлыхъ баталіоновъ не въ состояніи были заставить удалиться ихъ изъ этихъ неприступныхъ убѣжищъ. Точно также поступилъ Шамиль при слѣдованіи колонны войскъ нашихъ изъ Андій въ Дарго, 11 іюля 1845 года.

жительному заключенію, что предпріятія наши противъ Лезгинъ доставляли болѣе существенные результаты и съ меньшими потерями, нежели война противу Чечни.

Фанатизмъ, дикая недовѣрчивость или страхъ наказанія отъ немирныхъ за изъявленіе покорности, иногда побуждали горца принести въ жертву саклю, бросить пашни и садъ, — но это дѣлалось рѣдко и, большею частію, въ надеждѣ временнаго лишенія, или въ надеждѣ на неупроченіе завоеваннаго пространства укрѣпленными пунктами. Когда же горцы убѣждались въ противномъ, то тотчасъ всѣ окрестныя аулы, опасаясь погромовъ, — покорялись, и тогда страна совершенно успокоивалась; партіи не тревожили укрѣпленій, хотя бы, по слабости и ничтожности гарнизоновъ, могли нанести значительный вредъ; не беспокоили оказій и проѣзжающихъ. Это позволяло намъ легко утвердиться въ горахъ.

Неподвижность, осѣлость, а болѣе страхъ лишиться своей земли, сакли, родоваго аула, не допускали Лезгинъ пользоваться нашею малочисленностью для нападений или, лучше, для грабежей. Утвердительно можно сказать, что одинъ страхъ въ нашей силѣ, а не дѣйствительность силы, удерживали горцевъ въ покорности.

Поэтому слѣдовало производить страхъ надъ горами, страхъ же терялся не столько отъ потерь съ нашей стороны, сколько отъ бездѣйствія и даже отъ нерѣшительности при большихъ сборахъ. Послѣднее оказывалось чрезвычайно вреднымъ для насъ, и почти всегда край приходилъ въ худшее состояніе, нежели находился до сбора. Когда дѣлалось извѣстнымъ соединеніе значительныхъ силъ, молва увеличивала ихъ и настроивала умы горцевъ къ ожиданію поражений, раззореній и общаго покоренія, куда не обратятся Русскіе. Если же эти угрозы кончались ничѣмъ, горцы приходили въ другую крайность: они не вѣрили нашей силѣ, дѣлались самонадѣянны, дерзки, и тогда ни укрѣпленія, ни мѣры правительственныя не удерживали въ покорности находившихся въ нашей власти, тогда требовались уже дѣйствительныя силы.

Рѣшительный образъ войны Лезгинъ представлялъ выгоды для насъ и самъ по себѣ, потому что потери горцевъ ослабляли ихъ силы физическія и нравственныя. Горы, въ

разсматриваемое время, были бѣдны оружіемъ; у рѣдкаго горца находились шашка и пистолеть, и у немногихъ хорошее ружье и кинжалъ; а у Чеченцевъ, напротивъ, рѣдкій не имѣлъ шашки и пистолета; у многихъ было очень хорошее оружіе и, сверхъ того, у Чеченцевъ, какъ уже сказали, находилось много конныхъ, между тѣмъ какъ въ горахъ почти всѣ были пѣшіе.

Какъ несходны являлись и обстоятельства Чечни съ положеніемъ самыхъ горъ! Мы сождемъ аулы Чеченцевъ, и чрезъ годъ они строили новые; мы еще повторимъ погромъ, истребимъ все на поляхъ, хлѣбъ и сѣно,—они укроются въ лѣса. Тамъ, въ мѣсяцъ, выстроютъ турлучныя сакли, очистятъ лѣсъ, и снова богаты пашнею и лугами, и никто не мѣшалъ имъ, по нашемъ уходѣ, снова пасти свой скотъ на прежнихъ лугахъ и часть запаса перевезти до прихода нашего въ средину лѣсовъ. Войска двигались по Чечнѣ, и — не встрѣчали ни жителей, ни имущества, ни скота, развѣ въ дальнемъ лѣсномъ аулѣ; но кое-гдѣ, на корню или въ скрѣдахъ, хлѣбъ, сѣно и нѣкоторые обновленные аулы доказывали, что сторона не совсѣмъ запустѣла, а каждодневная перестрѣлка съ невидимымъ непріятелемъ утверждала, что этой стороной дорожатъ ея воинственные обитатели, или метятъ за ея опустошеніе. Не много можно было извлечь результатовъ изъ такого рода войны; еще менѣе она представляла выгоды для насъ по тактикѣ Чеченцевъ.

Нашъ отрядъ двигался по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главные силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и, наконецъ, арріергардъ; главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до арріергарда; кавалерія, смотря по мѣстности, впереди, сбоку или въ срединѣ отряда.

Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существовалъ, но только вступали въ лѣсъ, начиналась перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, часто въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ арріергардѣ. Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загоралась неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ, и все это исчезало мгновенно; но когда ранеными ослабѣвала цѣпь или какая нибудь

часть, когда разстроивался арріергардъ, или боковая колонна, — вдругъ являлись сотни шашекъ и кинжаловъ, и съ гикомъ кидались на разстроенныхъ солдатъ. Если встрѣчали въ нашихъ стойкость, непріятель исчезалъ между пнями и деревьями и снова открывалъ убійственный огонь. Этотъ маневръ повторялся до тѣхъ поръ, пока не кончится лѣсъ, или сами Чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши уже не встрѣтятъ ихъ штыками. Если же наши находились не въ силахъ оказать достаточнаго сопротивленія, тогда начиналось ужасное бѣдствіе: солдаты терялись совершенно; не было силъ удержать бѣгущихъ. Чеченцы являлись какъ тигры безошадными и быстрыми, и только приближеніе свѣжихъ силъ могло остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ у насъ оказывалось много потери, несравненно болѣе, чѣмъ у Чеченцевъ. Это очевидно, особенно принявъ во вниманіе ловкость и искусство ихъ пользоваться каждымъ пнемъ.

Въ Чечнѣ непріятель былъ невидимъ, но его можно было встрѣтить за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли принадлежалъ намъ, гдѣ стоялъ отрядъ: впереди, сзади, съ боковъ, вездѣ находился непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣзывалъ, куда ни шель, и нигдѣ не оставлялъ слѣда, гдѣ проходилъ: ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности.

Въ горахъ отрядъ нашъ имѣлъ авангардъ и арріергардъ и главную колонну; боковыхъ колоннъ и боковыхъ цѣпей не существовало, по затруднительности доступовъ справа и слѣва. Въ случаяхъ опасныхъ занимали отдѣльными частями высоты, командующія дорогою. Въ важныхъ пунктахъ, при входахъ и выходахъ изъ ущелій, при перевалахъ чрезъ хребты, при переправахъ, оставляли особые отряды для обезпеченія сообщенія и свободнаго отступленія.

Непріятель преграждалъ ущелья, подошвы горъ, укрѣплялъ переправы, аулы и всегда, какъ уже говорили, встрѣчалъ насъ прямо.

Скопища Лезгинъ состояли изъ людей трехъ родовъ: муртазигатовъ, мюридовъ и поголовнаго ополченія. Всѣмъ управляли и распоряжались, всѣхъ ободряли и побуждали словомъ, силой и собственнымъ примѣромъ муртазигаты, — упорные и храбрые до изступленія. Мюриды были менѣе

опасны, а поголовное ополченіе и вовсе не опасно. Хотя и въ Чечнѣ существовали муртазигаты и мюриды, но число ихъ было не такъ велико, какъ въ горахъ и, по врожденной храбрости Чеченцевъ, едва ли существовала разница между фанатиками и простыми людьми, тѣмъ болѣе, что Чеченцы не оказывали такой склонности къ фанатизму, какъ горцы.

Въ большихъ дѣлахъ, каждый пунктъ, подѣ наблюдениемъ муртазигатовъ или избранныхъ мюридовъ, и всѣ важнѣйшіе завалы, части ауловъ, башни, занимались извѣстными лицами и обозначались ихъ значками.

Легче было имѣть дѣло со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ вольнаго ополченія, которые находились подѣ предводительствомъ самыхъ храбрыхъ горцевъ, нежели атаковать нѣсколько сотъ мюридовъ, окружавшихъ извѣстное лице и по силамъ своимъ избравшихъ позицію. Первая, искусно направленная и рѣшительная атака обращала въ бѣгство толпы вольнаго ополченія, а муртазигатамъ и мюридамъ, раскиданнымъ по заваламъ, оставалось только послѣдовать за бѣгущими или сдѣлаться жертвами своего фанатизма.

Если же имѣли дѣло съ одними муртазигатами и мюридами, то каждый пунктъ приходилось брать послѣ упорнаго боя; огонь непріятельскій бывалъ самый убійственный. Тогда уже не стрѣляли въ толпу, но всегда прицѣльно на каждый проулокъ, изворотъ, тропинку — однимъ словомъ всюду, откуда могли появиться наши солдаты. Всякой, который показывался, дѣлался жертвою; — это наводило страхъ на самыхъ смѣлыхъ. Хорошо, если мѣстность позволяла броситься цѣлой колоніей, а то не представлялось возможности атаковать съ успѣхомъ. Хладнокровіе и самоотверженіе защитниковъ иногда бывали изумительны. Окруженные со всѣхъ сторонъ Русскими, они поражали всѣхъ, кто ни приближался, и гибли, не думая о пощадѣ.

Одна храбрость съ нашей стороны въ подобныхъ дѣлахъ ни къ чему не служила и даже могла быть гибельна для отряда. Впрочемъ, надобно сказать, что если дѣло шло и съ большимъ скопищемъ, гдѣ главная сила противника состояла изъ поголовнаго ополченія, но наша атака производилась неискусно, то непріятель, послѣ первой удачи, ободрялся до дерзости, и потеря наша иногда бывала весьма значительна, а успѣхъ превращался въ совершенное пораженіе.

Упущеніе обхода, незанятіе своевременно какой-либо высоты, какой-либо тропинки могло имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Нигдѣ не должно имѣть столько врожденныхъ способностей для начальника отряда, какъ къ горной войнѣ, — самыя важныя послѣдствія въ ней зависятъ отъ ничтожныхъ или быстро измѣняющихся обстоятельствъ, которыя надобно мгновенно сообразить и ничего не упустить: самыя умные расчеты могутъ не исполниться отъ одной пещеры или обрыва. Одно и то же дѣло одинъ выиграетъ безъ всякихъ потерь, а другой съ огромными пожертвованіями.

Горную тактику можно выразить въ шести словахъ: *осторожность, выжиданіе, обходы, внезапность, быстрота и смѣлость*, но чтобы искусно дѣйствовать, требуется много способностей и опыта.

Осторожность и выжиданія составляютъ необходимыя и первоначальныя условія для успѣха: осторожность при движеніи, расположеніи, особенно при осмотрѣ мѣстности непріятеля, выжиданіе при атакѣ. Горцы обыкновенно имѣютъ только на нѣсколько дней чурековъ, немного патроновъ. Поэтому весьма выгодно заставить непріятеля съѣсть чуреки и выманить патроны выжиданіемъ, — что сдѣлать довольно легко, особенно на первыхъ порахъ, а тогда уже угроженіемъ остудить жаръ, и потомъ атаковать *).

Обходы въ горахъ представляютъ одну изъ лучшихъ мѣръ къ побѣдѣ; это давно дознанная истина, и, дѣйствительно, почти нѣтъ позицій, которыхъ нельзя бы было обойти.

Когда мѣстность извѣстна, обходы возможны, или, выжиданіемъ, ослабленъ духъ въ непріятелѣ, тогда только слѣдуетъ приступать къ дѣлу и атаковать внезапно и рѣшительно; заблаговременная извѣстность нападенія отнимаетъ силу у него, а нерѣшительность ведетъ къ напраснымъ потерямъ. Въ горной войнѣ слѣдуетъ быть *выжидательну и хитру, какъ кошка, и смѣлу, какъ льву*.

Изъ всего сказаннаго авторъ этихъ интересныхъ свѣдѣній (Пассекъ?) дѣлаетъ слѣдующіе выводы и военныя соображенія, которые, — еще разъ напоминаемъ, — мы, приво-

*) Генералъ Вельяминовъ славился знаніемъ этой горной тактики, и всегда выигрывалъ дѣла, не на бумагѣ, а на самомъ полѣ.

димъ, не разбирая его мнѣній, не говоря о томъ, которые изъ нихъ оправдались послѣдующими событіями, — этому здѣсь не можетъ быть мѣста; но сообщаемъ почти буквально, съ простымъ желаніемъ сохранять мнѣніе и понятія замѣчательчаго лица о столь важномъ предметѣ:

1) Покореніе горъ должно было повести за собою покореніе Чечни, однимъ словомъ, горы составляли ключъ для уничтоженія Шамиля.

2) Покореніе и упроченіе горъ могло быть совершенно быстрѣе и съ меньшими пожертвованіями, нежели покореніе и упроченіе плоскости.

Справедливость перваго вывода авторъ объясняетъ далѣе; для большаго же убѣжденія въ справедливости послѣдняго, онъ разсматриваетъ вопросъ, какимъ образомъ, при обстоятельствахъ сороковыхъ годовъ, можно было завоевать и упрочить за собою плоскость.

Въ это время имѣли въ виду замкнуть укрѣпленіями всѣ выходы изъ такъ называемыхъ Черныхъ горъ, т. е. изъ послѣднихъ уступовъ Чеченскаго хребта. Для этого предполагалось устроить 8 укрѣпленій: 3 въ Малой, 4 въ Большой Чечнѣ и одно центральное на Аргуни, близъ аула Чахкери. Устроеніе ихъ предполагалось раздѣлить на четыре года, каждый годъ составляя большіе отряды. Авторъ былъ противъ этого предположенія. Вотъ его опроверженія. Постройки въ глубинѣ Чечни, въ лѣсистыхъ и пересѣченыхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ складочныхъ пунктовъ и госпиталей, требуютъ, говоритъ онъ, значительныхъ жертвованій; но крайней мѣрѣ, не менѣе большой экспедиціи. Доказательство: построеніе Ойсунгура, еще не въ глубинѣ Чечни, намъ стоило значительныхъ потерь. Но, сдѣлавъ жертвованія и устроивъ укрѣпленія, нельзя надѣяться достигнуть цѣли — замкнуть выходы изъ горъ. Полосы лѣсовъ, сходя съ уступовъ Черныхъ горъ, соединяются въ Малой Чечнѣ съ Сунженскими лѣсами, а въ Большой — съ Качкальковскими. Окружая укрѣпленія, эти лѣса разрываютъ между ними всякую связь. Широкія просѣки вдоль подошвы горъ, отъ укрѣпленія до укрѣпленія, съ промежуточными постами, не отстраняли такого затрудненія. Наблюдательные посты не могутъ существовать дня; гарнизоны ихъ сдѣлаются напрасной жертвой, развѣ каждый наблюдательный постъ

будетъ устроенъ изъ камня — въ родѣ Максимилиановской башни. Тогда, не говоря объ огромныхъ издержкахъ этой египетской работы, гарнизоны постовъ будутъ въ вѣчной блокадѣ; да и самыя укрѣпленія не подвергнутся ли той же участи? Невозможно въ каждое укрѣпленіе помѣстить отрядъ; а гарнизонъ изъ баталіона, съ нѣсколькими сотнями казаковъ, не можетъ имѣть ни столько самостоятельности, чтобы удерживать или отрѣзывать значительныя скопища непріятели, ни быть столько раздѣлимымъ, чтобы не допустить хищниковъ дѣлать грабежи и убійства. Придется производить и сѣнокосы, и заготовку дровъ подъ прикрытіемъ пѣхоты и артиллеріи, и по-одиночкѣ вовсе не выходитъ изъ укрѣпленія. Примѣромъ этому могла служить Грозная; не смотря на то, что она удалена отъ Черныхъ горъ на 40 верстъ, кругомъ ея мѣстность открытая, ровная, гарнизонъ ея всегда былъ болѣе баталіона, и она существуетъ уже болѣе 20-ти лѣтъ. Наконецъ, чего должно было стоить транспортировка провіанта, снарядовъ и доставка необходимыхъ средствъ для жизни. Не мы, — заключаетъ авторъ, — запремъ выходы изъ горъ, а Чеченцы запрутъ насъ въ укрѣпленіяхъ, если рѣшимся устроить передовую линію. Если Чеченцы съ такимъ же упорствомъ будутъ продолжать войну, какъ они вели ее до сихъ поръ, то неоспоримо устройство ея, не достигнувъ цѣли, погубитъ время, повлечетъ огромныя издержки и истощитъ наши силы.

Въ опроверженіе этого заключенія, по мнѣнію автора, нельзя было указывать на Терекскую, Сунженскую и Лабинскую линіи: имѣть значительную рѣку, какъ Терекъ, открытую мѣстность предъ собою, какъ Лаба и большая часть Сучжи, не вездѣ и не всегда проходима въ бродъ; или горы и лѣсъ — большая разница. Если бы подошву Черныхъ горъ, не смотря на то, что они покрыты лѣсами, обмывала значительная рѣка, то успѣхъ устроенія линіи для овладѣнія плоскостью не подлежалъ бы никакому сомнѣнію; но, къ несчастію, всѣ рѣки перпендикулярны къ подошвѣ горъ, и устраивать надъ ними линіи тоже, говоритъ авторъ, что подъ водопадомъ устраивать плотину для удержанія воды. Эту передовую чеченскую линію скорѣе можно было бы сравнить съ Лезгинскою кордонною линіею; предъ послѣднею горы также покрыты лѣсами, только разница состоитъ

въ томъ, что на этихъ горахъ не живетъ никто, а за горами живутъ Тушины, Анкратльцы и одни только Дидойцы враждебные намъ. Но Дидойцы извѣстные трусы и опасны только какъ воры, и, не смотря на то, не рѣдко ихъ партіи проходятъ безнаказанно за кордонъ.

Какъ же можно было думать запереть Чеченцевъ передовою линіею, когда всѣ плоскости Черныхъ горъ или верховья чеченскихъ рѣкъ занимали храбрѣйшія и многочисленныя племена Чечни, къ которымъ присоединяется все народонаселеніе Большой и Малой Чечни. Какихъ нужно средствъ и силъ остановить прорывы за линію и погромы новыхъ поселеній за передовою линіею, безъ которыхъ она не можетъ существовать, или безъ которыхъ она была бы предпріятіемъ безъ цѣли.

Для переселенія же всѣхъ Чеченцевъ въ Черныя горы находились мѣста; это доказывалось принужденіемъ Шамиля, всѣмъ, не только Чеченцамъ, но и сомнительнымъ горцамъ, переселяться въ горную Чечню и въ Черныя горы. Можетъ быть какое нибудь частное обстоятельство, во время устроенія передовой Чеченской линіи, уронило бы духъ Чеченцевъ или склонило умы въ нашу пользу, и Чечня покорилась бы намъ; безъ сомнѣнія, въ такихъ обстоятельствахъ, устроеніе передовой линіи должно было оказать полезное содѣйствіе; но случайности не должны входить въ расчетъ для такихъ предпріятій, которыя влекутъ за собою огромныя пожертвованія и продолжительныя усилія.

Теперь переходимъ къ изложенію рѣшенія авторомъ вопроса: что мы должны были предпринять для покоренія горъ?

По топографическому и статистическому положенію Дагестана рѣшительно можно сказать, что, для завоеванія горъ и Чечни, намъ предстояли только двѣ важныя операціи: которой изъ нихъ совершиться прежде или совершиться обѣимъ единовременно—зависѣло отъ обстоятельствъ, средствъ, взгляда и убѣжденія въ ихъ важности.

Не было никакого сомнѣнія, что прегражденіемъ доступа Шамилю въ Средній Дагестанъ, власть наша легко и прочно могла утвердиться въ Казии-Кумухъ, Андалалъ, Кайтахъ, Табасарани и въ обществахъ, находившихся еще во власти непріятеля: Карахъ и сосѣднихъ къ нимъ.

Преградить же доступъ Шамилю въ Средній Дагестанъ мы могли легко и въ скорое время.

Для убѣжденія въ этомъ стоило обратить вниманіе на мѣстность между Аваріею и Снѣговымъ хребтомъ, по теченію Аварскаго-Койсу: отъ Аваріи до хребта считается не болѣе 50 верстъ и только чрезъ этотъ промежутокъ непріятель могъ проникать въ Средній Дагестанъ. Овладевъ теченіемъ Аварскаго-Койсу до Снѣговаго хребта, мы вполне достигали цѣли нашей. Выгоды этого овладѣнія являлись чрезвычайными.

Мы замѣняли мнимую и растянутую нашу границу чрезъ Казии-Кумухъ, Гергебиль до Хунзаха, — истинною всего въ 50 верстъ и по теченію рѣки. Главное народонаселеніе горъ обезпечивалось отъ всѣхъ вторженій. Мы легко упрочивали нашу власть, а Шамиль владѣлъ бы въ горахъ только мелкими племенами Андійскаго Койсу; влияніе его значительно уменьшилось бы, и совершался вѣрный шагъ къ рѣшительному уничтоженію возмутителя.

Въ разсматриваемое время Акуша, Цудахаръ и покорныя намъ части Андалаля были открыты для вторженія непріятеля и ничѣмъ не упрочивались наши владѣнія въ Табасарани и Кайтахъ. Между тѣмъ народонаселеніе ихъ простиралось до 80,000, что составляло треть всего народонаселенія горъ. Непріятель, овладевъ ими, ставилъ въ опасность Дербентъ, Кубу и Мусульманскія провинціи. Но, не говоря о такихъ крайнихъ результатахъ, одно только отношеніе обществъ Дарго, Табасарани и Кайтаха значительно усиливало непріятеля и представляло трудную борьбу и чрезвычайныя пожертвованія.

А могли ли дѣла наши оставаться въ томъ положеніи долго, въ какомъ находились они тогда? Близость непріятеля къ остальной части Андалаля, къ Цудзаху и Акушѣ ставило жителей въ безпрестанное опасеніе за свой скотъ, за своихъ женъ и дѣтей. И не было ничего невѣроятнаго, чтобы Цудахаръ, Акуша и за ними Табасаранъ и Кайтахъ измѣнили намъ *), когда въ 1842 году измѣнили Андалалъ и Казии-Кумухъ. Казии-Кумухъ и Андалалъ были связаны съ

*) Дѣйствительно они измѣнили намъ въ 1843 году. Акуша и Цудахаръ открыто пристали къ Шамилю.

нами промышленностью и торговыми выгодами; купцы андалаяльскіе торговали въ Дербентѣ, Кизлярѣ, Шемахѣ и Тифлисѣ; Казикумухцы развозили товары по горамъ и тысячами ходили въ Кизляръ на заработки. Дарго не торговое общество и не пользовалось тѣми выгодами, какими пользовался Андалаяль. Правда, ихъ бараны паслись зимою на плоскости; но и андалаяльскіе бараны паслись у насъ.

Главное народонаселеніе горъ, прочно закрытое отъ непріятеля, по мнѣнію автора, долженствовало постепенно отстать отъ своей воинственности, отъ мѣръ предосторожности, и не прошло бы 10 лѣтъ, какъ совершилось бы само собою всеобщее обезоруженіе. Лучшимъ примѣромъ тому могли служить Шамхальцы: въ 1830 году они поголовно дрались противу насъ, а въ 40-мъ уже никто почти не имѣлъ оружія; когда же сдѣлалось опасно отъ черкеевскихъ хищниковъ, то надобно было приказывать имъ брать съ собою оружіе, и они такъ отстали отъ опасностей, что никогда безъ конвоя не рѣшались вести провіанта изъ Бурной въ Шуру, въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ набѣговъ, и не смотря на большое число проводниковъ, всегда находившихся при арбахъ.

Тогда мы могли бы рѣшительно прекратить доставку къ непріятелю оружія, пороху, соли, тканей: все это возилось Казикумухцами чрезъ Хидатлинскій или Голотлинскій мосты; при границѣ же разсматриваемаго времени воспретить ввозъ не представлялось никакой возможности.

При этомъ въ нашу власть переходили самыя лучшіе лѣса въ горахъ по покатосямъ Снѣговаго хребта, и мы получали средства для содержанія гарнизоновъ и устроенія укрѣпленій, въ которыхъ тогда нуждались.

Примкнувъ линію обороны къ снѣговымъ воротамъ Аварскаго-Койсу, мы прочно обезпечивали власть нашу въ обществахъ верховья рѣки, а это обезпеченіе долженствовало быть одною изъ главныхъ заботъ правительства, потому что съ нимъ сопрягалась безопасность лучшей провинціи Закавказскаго края — Кахетіи. Шамиль сдѣлался полнымъ господиномъ въ Ратлугѣ только въ концѣ 1841 года, а уже въ 1842 году явился его наибъ въ Анцухѣ. Личная вражда наиба съ почетными Анцуховцами была причиною смерти наиба и неудачи Шамиля; но первая неудача не долженство-

вала служить ручательствомъ за неуспѣхъ дальнѣйшихъ происковъ его, а могла служить вѣрнымъ доказательствомъ, что Шамиль обращалъ на этотъ край свое вниманіе.

Когда же происки подготовятъ вѣрный успѣхъ, — такъ дѣйствовалъ всегда Шамиль, — тогда имамъ займетъ Анцухъ, Капучу, а съ ними и семь обществъ, и Анкратль и Кахетія будутъ открыты для его вторженій. Уже въ разсматриваемое время въ Анцухѣ и Капучѣ, особенно въ Беджитѣ, находилось очень много мюридовъ, и слѣдовало слѣшить пользоваться тѣмъ вліяніемъ, какое мы тогда еще имѣли на Анцухъ, и тою зависимостью отъ насъ, въ какой находился Анкратль, содержавшій табуны свои на нашихъ лугахъ, получавшій отъ насъ соль, товары, а нѣкоторыя лица — жалованье, награды. Но воспользоваться имъ нельзя было до тѣхъ поръ, пока не овладѣемъ снѣговыми воротами Аварскаго-Койсу, а тогда, безъ особыхъ жертвованій, мы утвердимся на вершинѣ рѣки.

Когда же мы войдемъ въ связь чрезъ Анцухъ и Капучу съ Кахетіею и Закавказскимъ краемъ, — говоритъ авторъ выводовъ, — тогда наши сообщенія съ Дагестаномъ сохранятся, торговля оживетъ, Кавказскія войска безъ изнуренія могутъ послѣвать къ театру дѣйствій изъ своихъ штабъ-квартиръ, выигрывая болѣе мѣсяца.

Когда середина горъ будетъ въ нашей власти, и въ Анкратлѣ устроятся укрѣпленія, то, — по его же словамъ, — для полнаго обезпеченія Кахетіи и цѣлаго Закавказскаго края можно, безъ всякаго затрудненія, устроить укрѣпленіе въ Дидо, въ долину Андійскаго-Койсу. Тогда не опасно будетъ нашимъ движеніемъ въ Дидо привлечь на Закавказье всю массу скопищъ Шамиля и укрѣпленіе съ *малымъ гарнизономъ* не подвергнется никакой опасности.

Наконецъ рѣшительное успокоеніе центра горъ Средняго Дагестана и Закавказья долженствовало доставить намъ, — по заключенію автора, — важную выгоду, въ случаѣ измѣненія отношеній Россіи къ Персіи и Турціи: масса горцевъ лишалась тогда возможности поддержать или возмутить наши Мусульманскія провинціи; большая часть Закавказскихъ войскъ становилась свободною для дѣйствій за границею. И въ прежнія времена горцы обращали вниманіе главнокомандовавшихъ въ случаѣ внѣшней войны; въ разсматривае-

мое же время, когда они подъ одной властью, дѣйствія ихъ могли быть весьма опасны, а потому, пользуясь благоприятными тогдашними обстоятельствами, надлежало дать рѣшительный оборотъ нашимъ дѣламъ въ Дагестанѣ.

Ключъ же для достиженія всѣхъ исчисленныхъ результатовъ, — по мнѣнію автора, — заключался въ завоеваніи Тилитля; послѣ покоренія Тилитля легко покорить Хидатль поселенія по лѣвому берегу Аварскаго Койсу; изъ нихъ важнѣйшее, по своему положенію, Ратлугъ.

Въ горахъ у Шамиля былъ источникъ силъ и средствъ для безусловной покорности Чечни и тогдашняго его могущества; посредствомъ горцевъ онъ властвовалъ надъ Чечней, окруженный нѣсколькими стами Черкеевцевъ, Гумбетовцевъ и другихъ ревностныхъ мюридовъ изъ Лезгинъ. Самъ Шамиль жилъ въ Ичкеріи, — въ обществѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на Мичикъ, Качкалыкъ, Ауховцевъ и Большую Чечню, которая Ичкеринцевъ признаетъ своими праотцами. Посреди Малой Чечни жилъ Ахверды-Магома, окруженный тоже горцами, и, не смотря на то, что былъ только намѣстникъ Малой Чечни, имѣлъ прямое вліяніе на всю Чечню.

Когда мы будемъ имѣть въ нашей власти Гумбетъ и Андію, — говоритъ авторъ, — доступы въ Ичкерію будутъ для насъ совершенно открыты; изъ Андіи и Гумбета всего четыре часа хода до Дарго, убѣжища Шамиля, и Беноя, главнаго селенія Ичкеринцевъ. Дорога въ Дарго, спускаясь съ Чеченскаго хребта, вездѣ удобна *), и только на небольшомъ разстояніи покрыта лѣсомъ, а потому Шамиль, когда мы овладѣемъ Гумбетомъ и Андією, долженъ будетъ оставить Ичкерію и отказаться отъ прямаго вліянія на Чечню. Съ удаленіемъ Шамиля изъ Дарго, Ичкерія, открытая для насъ и предоставленная себѣ, по необходимости должна будетъ покориться. Съ покорностью же ихъ Большая и Малая Чечня, Мичикъ, Качкалыкъ, Аухъ, не имѣя страха и защиты отъ Шамиля, не могутъ и не будутъ сопротивляться

*) Въ 1845 году по этой дорогѣ слѣдовалъ отрядъ князя Воронцова, разработавъ прежде подъемъ на хребетъ Речель, и она оказалась затруднительною, особенно на послѣднихъ 6-ти верстахъ къ Дарго.

намъ. Сверхъ того, съ покореніемъ Гумбета и Андіи сдастся намъ Тлохъ, Игали, а съ ними и всѣ аулы Койсубу, вдоль по Андійскому-Койсу. Селенія эти лежатъ подъ скалами праваго берега рѣки, и безъ Гумбетовцевъ и Андійцевъ не имѣютъ возможности защищать себя. Остальныя общества Андійскаго-Койсу слишкомъ малочисленны, чтобы могли не подчиниться общей участи, особенно когда сама рѣка будетъ въ нашей власти *).

И такъ покореніе Гумбета и Андіи, — по заключенію автора, — *есть ключъ для совершеннаго утвержденія нашей власти въ Дагестанъ, для покоренія Чечни и уничтоженія Шамиля.*

Покореніе же Гумбета и Андіи, — по его мнѣнію, — не должно было сопровождаться большими пожертвованіями: это основывалъ авторъ на слѣдующемъ:

Андія, какъ видѣли, торговое общество. Торговля ея, до власти Шамиля, процвѣтала; а въ разсматриваемое время съ каждымъ днемъ исчезало благосостояніе Андійцевъ. Одна необходимость заставляла ихъ признавать надъ собою власть возмутителя. Можно было надѣяться, что при первомъ случаѣ они изгонятъ всѣхъ непріятельскихъ муртазиговъ и кадіевъ.

Гумбетъ, покаяясь Шамилю, не лишился такихъ выгодъ, какихъ лишилась Андія; но чрезвычайныя потери, понесенныя Гумбетовцами въ 1839 году, ослабили ихъ; а желаніе возвратить своихъ родственниковъ изъ Сибири и солдатства располагали многихъ въ нашу пользу.

*) Экспедиція генераль-адъютанта Граббе, въ 1842 году, началась со стороны Чечни, а послѣ со стороны Дагестана, кажется, клонилась отчасти къ осуществленію этой послѣдней, предполагаемой авторомъ, цѣли. Въ исходѣ іюня мы овладѣли сел. Игали и могли, безъ особенныхъ затрудненій, взять Тлохъ, если бы измѣнившіяся обстоятельства не заставили прекратить военныхъ дѣйствій въ благоприятное еще для этого время. Тогда вся Аварія была еще въ нашей власти. Въ 1844 году генераль-лейтенантъ Неидгардтъ усмиривъ Акушу и Цудахаръ, придвинулся къ Карадахскому мосту на Аварскомъ-Койсу; но затрудненія въ продовольствіи войскъ, столь часто парализующія предпріятія наши на Кавказѣ, воспрепятствовали распространить успѣхъ наши далѣе; къ тому же, не имѣя во власти своей Аваріи, едва ли и было возможно въ одинъ походъ явиться на берегахъ Андійскаго Койсу и угрожать Гумбету и Андіи.

Въ подтвержденіе справедливости такихъ словъ служили казни и штрафы Шамила въ Гумбетѣ и Андїи въ 1841 г., послѣ взятїя нами Черкея, — за явное намѣреніе Андїйцевъ и Гумбетовцевъ покориться Русскимъ *).

Доступъ въ Андїю чрезъ горы *Шахито*, *Чахъ-Тыри* въ Мехельтинскую долину, изъ нея чрезъ Андїйскїя ворота *Буцуръ-Калъ* — весьма удобенъ. Занявъ Мехельтинскую долину, Андїя сдастся, потому что намъ останется спуститься только чрезъ Буцуръ-Калъ въ Андїйскую долину. Поднявшись на Шахито, дорога идетъ по гребню Чеченскаго хребта до спуска въ Мехельтинскую долину; трудности только встрѣтятся при подъемѣ; на Шахито есть мѣсто для лагеря и на подъемѣ тоже; у подножія Шахито находятся два небольшія озера и лѣсъ, а на вершинѣ, нѣсколько влѣво отъ дороги, родники и лѣсъ въ балкѣ.

Если войска съ Линїи будутъ назначаться для усиленїя войскъ Дагестана при упроченїи нашей власти, или покоренїи горъ, то самое лучшее средство, — по мнѣнію автора, — для обезпеченїя плоскости, расположить на Линїи, на каждомъ флангѣ, по одному полку гусаръ или уланъ, съ дивизиономъ конной артиллерїи. Можно утвердительно сказать, — поясняетъ онъ, — что полкъ регулярной кавалерїи съ конною артиллерїею полезнѣе будетъ на Линїи цѣлаго полка пѣхоты. Пѣхота никакъ не можетъ поспѣвать во время, ни для прегражденїя вторженїи, ни для успѣшнаго преслѣдованїя. Линейные же казаки, растянутые по кордону и вынужденные оборонять свои станицы, не могутъ собираться въ короткое время въ большихъ силахъ, а непрїятель, ободренный частыми удачами, продолжаетъ свои нападенїя. Появленїе же регулярной кавалерїи, съ конною артиллерїею, скоро наведетъ страхъ на Чеченцевъ. Стройный фронтъ кавалерїи, поддержанный 2—3 сотнями линейныхъ казаковъ и огнемъ артиллерїи, можетъ смѣло встрѣтить самое большое скопище и разогнать его. Наконецъ, Чеченцы, какъ горцы, не выдерживаютъ атаки холоднымъ оружіемъ. Одинъ эскадронъ храброй кавалерїи легко опрокинетъ 1000

*) Андїя также готовилась покориться; доказательствомъ тому служить смѣна главнаго кадїя Андїйскаго, казнъ перваго почетнаго Андїйца Бай-Сулемана и штрафованїе нѣсколькихъ старшинъ.

горцевъ. Линейные же казаки будутъ наносить страшный вредъ при преслѣдованїи, а, въ случаѣ нужды, спѣшиваться и составлять отличныхъ стрѣлковъ. Мѣра эта приноситъ во всякое время чрезвычайную пользу. При томъ должно замѣтить: 1) что содержанїе кавалерїи на Линїи чрезвычайно выгодно, ибо пустопорожныхъ сѣнокосовъ безчисленное множество; 2) въ случаѣ необходимости усилить наши войска противъ Персїи или Турціи, два полка кавалерїи съ конною баттареєю, на коняхъ степныхъ и крѣпкихъ, будутъ подъ руками *).

Въ подтвержденїе истины, что хозяева горъ есть хозяева плоскости, авторъ указываетъ на рядъ историческихъ фактовъ. Аварцы, еще до временъ магометанства, спустились къ Алазани, и овладѣли нынѣшнимъ Джаро-Бѣлоканскимъ округомъ, сдѣлавъ жителей своими рабами.

Власти ихъ не могли сопротивляться ни Кахетинскіе цари, ни Персїяне, ни Турки; Джары пали только въ 1830 году. Остатки каменныхъ стѣнъ, башенъ, сомкнутыхъ укрѣпленїи и рововъ, сдѣланныхъ, по преданїю, царицею Тамарою, вдоль Лезгинской Линїи, отъ Бежаньянъ до владѣній Елисуйскихъ, свидѣтельствуютъ, какъ страшны были Аварцы для Грузїи.

Аварскіе беки собственно подсолнечной страны (Гумбетовской) владѣли землями до самаго Терека; и теперь потомки ихъ живутъ въ селенїи Брагунахъ, а дома ихъ до сихъ поръ еще цѣлы въ с. Мехельтахъ.

Аварскіе ханы, наконецъ, имѣли владѣнїя съ самой Шамхальской плоскости. Однимъ словомъ, власть горцевъ распространялась на всѣ три покзтости горнаго трехъугольника. Но не этимъ ограничивалась власть горъ на долины: цари Кахетинскїй и Грузинскїй, ханы Ширванскїй, Бакинскїй, Нухинскїй и даже паша Ахалцыхской платили значительныя суммы Аварскому хану, чтобы онъ удерживалъ Лезгинъ отъ набѣговъ на ихъ владѣнїя. По преданїю историковъ, Грузинскїй царь платилъ 12,000, ханъ Ширванскїй 20,000, Бакинскїй 20,000, Нухинскїй 9,000 и Ахалцыхской паша 10,000 руб. сер.

*) Въ 1846 году Нижегородскїй драгунскїй полкъ передвинулся изъ Грузїи на Сулакъ, а въ прошломъ году сформированы на Кавказской Линїи еще три полка драгунъ.

Не было силъ защищаться отъ набѣговъ, и области, и владѣтели прибѣгали къ скупу, Кахетинцы давали извѣстную мѣру хлѣба съ каждаго дома сосѣдямъ своимъ, Дидойцамъ; жители нижней Алазани — извѣстную подать Джарцамъ, владѣтели плоскости платили деньги владѣтелю горъ—Аварскому хану.

Событія послѣдующаго времени, — по мнѣнію автора, — еще болѣе подтверждаюнь, что горы властвують надъ долинами. Въ 1830 году мы владѣли Чечней, Джарами, Шамхальскою плоскостью и всѣмъ приморьемъ Каспія, — однимъ словомъ, всѣми долинами горнаго трехъ-угольника, но, — говоритъ онъ, — принесло ли это ожидаемые результаты? Осенью, 1830 года, Гамзатъ-Бекъ вышелъ изъ горъ, успѣлъ одержать поверхность надъ частями отряда генерала Стрекалова подъ самыми стѣнами Закалалъ; въ 1831 году Кази-Мулла овладѣлъ Шамхальскою плоскостью, осадилъ Бурную, потомъ Дербентъ, Внезапную, истребилъ въ Чечнѣ отрядъ подполковника Волжинскаго и взялъ орудіе, а потомъ разорилъ Кизляръ.

Только вступленіе Русскаго отряда въ горы, 1832 года, смерть Кази-Муллы и взятіе Гимръ снова успокоило плоскость. До 1840 года война продолжалась въ горахъ, и мы хозяйничали въ долинахъ; въ 40 и 41 годахъ мы все вниманіе обратили на плоскость, и никакихъ не достигли результатовъ; Шамиль успѣлъ исполнски возрасти въ силахъ.

Однимъ словомъ — топографія Дагестана, жизнь племени, образъ ихъ войны, отношенія и факты историческія привели автора къ заключенію, что

горы есть ключъ для покоренія плоскости.

«И время, — говоритъ онъ, — водрузить русскаго орла на Чеченскомъ и Снѣговомъ хребтахъ. Шамиль, дерзкими вторженіями накликаеть на себя силы русскія и ускоритъ свое паденіе, гибель его близка и неизбѣжна.»

Изложивъ, такимъ образомъ, свѣдѣнія о враждебномъ намъ краѣ, полученныя отъ князя Орбеляна и товарищей его несчастія, и выводы, которые можно было сдѣлать изъ нихъ для пользы русской власти, продолжаемъ жизнеописаніе нашего героя.

15-го іюля 1843 года, за отличіе по службѣ, князь Ор-

белянъ произведенъ въ поручики и, вмѣстѣ съ тѣмъ, награжденъ двухъ-годовымъ окладомъ жалованья.

17-го февраля 1844 года онъ назначенъ состоять по арміи и при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ. Въ экспедиціи этого года, предпринятой подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генерала Нейдгардта, для приведенія въ покорность Салатавіи и отложившагося въ прошломъ году Даргинскаго округа, онъ командовалъ конною Грузино-Имеретинскою дружиною охотниковъ, находясь преимущественно въ авангардѣ съ своими отважными набѣдниками. По раздѣленіи главныхъ силъ на два отряда, князь Орбелянъ поступилъ съ дружиною охотниковъ въ Дагестанскій отрядъ, подъ начальство генерала Лидерса, и участвовалъ во взятіи Акуши, Цудахара, оставаясь въ дѣйствующемъ отрядѣ до совершеннаго усмиренія Даргинскаго округа.

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ, князь Орбелянъ послѣдовалъ въ Чечню, къ отряду генерала Гурко, предпринявшаго, въ половинѣ августа, заложеніе передовой Чеченской Линіи. Здѣсь, на болѣе открытой мѣстности, предводимые имъ охотники почти ежедневно находились въ перестрѣлкахъ и кавалерійскихъ схваткахъ съ Чеченцами, въ особенности при постройкѣ укрѣпленнаго лагеря близъ Чахкери, и въ время рекогносцировокъ, производимыхъ вверхъ по рѣкѣ Аргуну. За оказанныя въ этихъ дѣлахъ отличія онъ произведенъ въ штабъ-капитаны, 26-го февраля 1845 года, со старшинствомъ съ 29-го августа 1844 года.

Въ слѣдующемъ году князь Орбелянъ участвовалъ въ походѣ князя Воронцова въ Андію и Дарго, командуя Грузинскою конною милиціею съ 7-го апрѣля, т. е. со дня вступленія главной квартиры изъ Тифлиса, по 1-е августа. Въ этомъ походѣ онъ также, какъ и въ предъидущемъ, находился всегда въ авангардѣ и боковыхъ развѣздахъ для развѣдыванія о непріятелѣ. Предводимая имъ дружина отличалась примѣрнымъ мужествомъ при штурмѣ горы Анчимаеръ, 8-го іюня и на слѣдующій день, спѣшившись, оказала болѣшую услугу въ осмотрѣ и разработкѣ едва проходимои дороги въ Мичикальское ущелье.

При взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго завалами и артиллеріей сел. Анди, князь Орбелянъ, со вѣренною ему дружиною, ворвавшись въ аулъ, въ рукопашномъ бою, овла-

дѣлъ нѣсколькими рядами укрѣпленныхъ горцами сакель. Отличіе, оказанное имъ въ этомъ дѣлѣ, въ виду главнокомандовавшаго, было оцѣнено кавалерскою думою, и онъ, по удостоенію ея, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.

Во время слѣдованія главныхъ силъ къ сел. Дарго по лѣсистому и крутому гребню, укрѣпленному 22-мя завалами, отборные всадники Грузинской конной милиціи, двукратно спѣшиваясь и предводимые княземъ Орбеляномъ, спускались съ дороги въ лѣсистые овраги для выбитія горцевъ, производившихъ ружейный огонь по нашимъ колоннамъ, а на возвратномъ пути отряда къ Герзель-аулу онъ находился постоянно въ аррьергардѣ и имѣлъ неоднократные случаи выказать свою храбрость и распорядительность, и за отличія, здѣсь оказанныя, былъ произведенъ въ капитаны и награжденъ третнимъ окладомъ жалованья.

Въ 1846 году, по волѣ князя Воронцова, онъ былъ командированъ въ Елисаветпольскій уѣздъ, для преслѣдованія и поимки разбойниковъ, а потомъ назначенъ временно-исправляющимъ должность Елисаветпольскаго уѣзднаго начальника, для водворенія тамъ спокойствія и тишины.

«За отличіе по службѣ», оказанное при этомъ случаѣ, онъ, 12-го іюня, произведенъ въ майоры.

18-го іюля, князь Орбелянъ поступилъ въ отрядъ генералъ-лейтенанта Лабинцова, собиравшійся на р. Сунжѣ для поисковъ въ Малую Чечню, а потомъ находился при выборѣ мѣста главнокомандующимъ и заложеніи укрѣпленія Ачхоевскаго.

Въ маѣ 1847 года, поступивъ въ главный Дагестанскій отрядъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ иррегулярной кавалеріи и милиціи, и съ нею находился, 1-го іюня, при рекогносцировкѣ укрѣпленнаго аула Гергебиля и при занятіи Гергебильскихъ садовъ и моста на Кази-Кумухскомъ Койсу; 5-го, 6-го и 7-го іюня — участвовалъ въ бомбардированіи этого селенія.

Въ достопамятной осадѣ укрѣпленнаго аула Салты, князь Орбелянъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе: онъ былъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ при отраженіи огромныхъ скопищъ, посланныхъ Шамилемъ подъ начальствомъ Гаджи-Мурата, Кибитъ-Магомы и Даніель-Бека, занявшихъ горныя ущелья между Кегеромъ, Хидатлинскимъ и Салтинскимъ мостами;

послѣ того ему порученъ былъ княземъ Воронцовымъ особый отрядъ изъ двухъ ротъ Апшеронскаго и двухъ Ширванскаго полковъ со взводомъ стрѣлковъ съ крѣпостными ружьями и конгревовыми ракетами. Съ этимъ отрядомъ онъ занималъ Салтинскіе сады до окончанія осады. Вечеромъ, 14-го сентября, истощенный голодомъ, утраченный потерей людей, гарнизонъ началъ выходить: сначала толпами, по разнымъ направленіямъ, повсюду преслѣдуемый нашими войсками. Князь Орбелянъ встрѣтилъ главную толпу съ пушкою и со значкомъ важнѣйшаго начальника въ Салтахъ, Омара-Муаллы. Большая часть этой толпы была переколота, пушка и значекъ отняты. За тѣмъ онъ принялъ участіе въ кровопролитномъ бою при штурмѣ сакель и непріятельскихъ ложементовъ, въ которыхъ оставались самые отчаянные мюриды, и изъ первыхъ ворвался въ аулъ. За оказанное въ этомъ дѣлѣ отличіе онъ произведенъ, 12-го октября, въ подполковники, со старшинствомъ съ 14-го сентября.

8-го іюля 1848 года князь Орбелянъ назначенъ состоять для особыхъ порученій при Кавказскомъ Корпусѣ, съ оставленіемъ по арміи.

Въ слѣдующемъ году онъ находился въ Дагестанскомъ отрядѣ, подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго, при осадѣ укрѣпленнаго аула Чоха, окончившейся, впрочемъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, однимъ лишь бомбардированіемъ. При отраженіи частыхъ вылазокъ непріятеля, князь Орбелянъ успѣлъ выказать во многихъ случаяхъ свою храбрость и распорядительность, за что и былъ награжденъ чиномъ полковника, съ оставленіемъ, по-прежнему, при Корпусѣ по особымъ порученіямъ.

26-го февраля 1850 года князю Орбеляну объявлено Высочайшее благоволеніе за отлично-усердную и ревностную службу, а 8-го апрѣля слѣдующаго года онъ назначенъ командиромъ Грузинскаго гренадерскаго Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка.

Въ 1852 году князь Илья Дмитріевичъ находился въ Лезгинскомъ отрядѣ и, за отличіе, оказанное въ этой экспедиціи, произведенъ, 1-го октября, въ генералъ-майоры.

Между тѣмъ наступилъ достопамятный 1853 годъ. Нашъ герой, за 10 лѣтъ предъ тѣмъ, мало-извѣстный поручикъ,

встрѣтилъ начало достопамятной войны уже генералъ—майоромъ, полковымъ командиромъ. Будущее ему обѣщало многое. Грудь его украшалась Георгіевскимъ крестомъ, заслуженнымъ, какъ видѣли, при кровопролитномъ штурмѣ Андіи, въ виду главнокомандовавшаго, который, зная его достоинство на дѣлѣ, отличалъ его и любилъ почти отеческою любовью.

Въ домашнемъ бытѣ, посреди многочисленныхъ своихъ родныхъ, Князь могъ назваться вполне счастливымъ. Незадолго до открытія кампаніи онъ сочетался бракомъ съ внучкою послѣдняго Грузинскаго царя Георгія XIII, и когда уже сталъ противъ враговъ Вѣры, Царя и родины, узналъ, что Богъ даровалъ ему двухъ сыновей—близнецовъ.

Не взирая однако на столь благопріятныя условія жизни и полное семейное счастье, на него—то палъ неумолимый жребій войны. Но прежде онъ успѣлъ стяжать новыя лавры, и заслужить новое благоволеніе незабвеннаго Монарха.

Въ октябрѣ этого года дѣйствующій корпусъ спѣшилъ къ границѣ. 2-го ноября князь Бебутовъ, командовавшій корпусомъ, желая совершенно очистить отъ Турокъ границы наши со стороны Карса и предупредить дальнѣйшія покушенія ихъ, двинулъ изъ Александрополя въ сел. Баяндуръ князя Орбельяна, съ отрядомъ изъ семи баталіоновъ пѣхоты, двухъ дивизіоновъ драгуновъ, одной сотни Донскаго казачьяго полка и двухъ дружинъ Елисаветпольской конной милиціи, при двадцати орудіяхъ.

На переправѣ въ Караклисѣ, чрезъ топкую рѣчку, войска наши, опрокинувъ конный турецкій авангардъ, открыли неприятельскую армію въ 30,000 человекъ, прибывшую изъ Карса, подъ предводительствомъ Абди—Паши, и выстроенную на крѣпкой позиціи лѣвымъ флангомъ къ Баяндурѣ, имѣя предъ фронтомъ до 40 орудій.

Ободренные своею многочисленностію, Турки атаковали нашъ отрядъ, но всѣ ихъ натиски князь Орбельянъ отбивалъ съ чувствительнымъ для нихъ урономъ.

Князь Бебутовъ спѣшилъ самъ изъ Александрополя на мѣсто боя, съ колонною изъ трехъ баталіоновъ и трехъ дивизіоновъ драгунъ, при 12 орудіяхъ. Такъ какъ наступившая темнота прекратила дѣло, то онъ намѣревался атаковать

неприятеля на слѣдующее утро; но Турки поспѣшно удалились за Арпачай.

Потеря Турокъ въ сраженіи 2-го ноября превышала тысячу человекъ одними убитыми. Съ нашей стороны убиты 1 штабъ и 1 оберъ-офицеръ и 125 нижнихъ чиновъ, и ранено: 1 штабъ, 5 оберъ-офицеровъ и 308 нижнихъ чиновъ.

Признательность незабвеннаго Государа Императора къ князю Орбельяну за оказанный имъ подвигъ выразилась въ слѣдующей Всемиловитѣйшей грамотѣ:

«По засвидѣтельствованію главнокомандующаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ о примѣрномъ мужествѣ и распорядительности, оказанныхъ вами въ сраженіи подъ селеніемъ Баяндуромъ, гдѣ, 2-го числа сего мѣсяца, ввѣренный вамъ отрядъ войскъ уничтожилъ всѣ покушенія главныхъ турецкихъ силъ, и, по прибытіи подкрѣпленія, заставилъ ихъ, ночью, поспѣшно удалиться за Арпачай, Всемиловитѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашего *Св. Станислава первой степени*, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ Императорскою милостию Нашею къ вамъ благосклонны.»

На подлинной собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Г. Гатчино, 29-го ноября 1853 года.

Послѣ этой блистательной встрѣчи отряда князя Орбельяна, дѣйствующій корпусъ нашъ перешелъ рѣку Арпачай, въ ночи съ 13-го на 14-е ноября; но Турки не отважились принять бой, и поспѣшно отступили по направленію къ Карсу. Скорого движенія, казалось, нельзя было предвидѣть. Пользуясь этимъ, князь Илья Дмитріевичъ просилъ позволенія у командовавшаго корпусомъ отлучиться на нѣсколько дней, чтобъ успокоить свою супругу и взглянуть на сыновей. Получивъ согласіе князя Бебутова, онъ отправился на Бѣлый Ключъ, но дорогой вдругъ узналъ, что неприятельская армія возвращается. Тогда, не колеблясь ни минуты, Князь отказался отъ ожидавшей его радости, поспѣшно поскакалъ, не смотря на опасность проѣзда, къ мѣсту сраженія и, бодро и весело, догнавъ свой полкъ уже къ виду неприятеля, подходившаго къ Башъ-Кадыклару. 19-го ноября, князь

Бебутовъ « намѣренъ былъ заставить непріятеля вступить съ нимъ въ бой, и рѣшительнымъ пораженіемъ наказать его за всѣ грабежи и разбойничества, которые Турки, еще до начала военныхъ дѣйствій, позволяли себѣ въ нашихъ предѣлахъ. »

Въ полдень достопамятнаго дня началась обоюдная канонада. Желая, по возможности, сократить пальбу, князь Бебутовъ тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе къ выбитію непріятеля штыками изъ главной его позиціи на высотахъ. Для этого назначена была вторая линія нашего боеваго порядка изъ двухъ баталіоновъ Эриванскаго карабинернаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, — подъ командою князя Орбеляна, и двухъ баталіоновъ Гренадерскаго Его Высочества Великаго Князя Константина Николаевича полка, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Багратіона-Мухранскаго.

Получивъ отъ послѣдняго — своего бригаднаго командира — приказаніе идти отдѣльной колонной на приступъ высоты, на которой расположены были 22 непріятельскихъ орудія, нашъ герой, верхомъ передъ колонной, ободряя солдатъ, неустрашимо устремился на крутзну, и изъ первыхъ былъ раненъ пулею въ руку. Тогда онъ хладнокровно повернулся къ солдатамъ и крикнулъ: « молодцами идти, гренадеры! » и въ то же время былъ снова раненъ штуцерною пулею въ правую лопатку.

Истекая кровью, князь былъ снятъ съ лошади и отнесенъ въ деревню, гдѣ его положили въ убогой саклѣ на коверъ; приходя въ чувство онъ безпрестанно спрашивалъ о баталіонахъ. Когда ему сказали, что баталіоны много потерпѣли, онъ не могъ удержать слезъ своихъ, говоря: « лучше бы мнѣ одному умереть. »

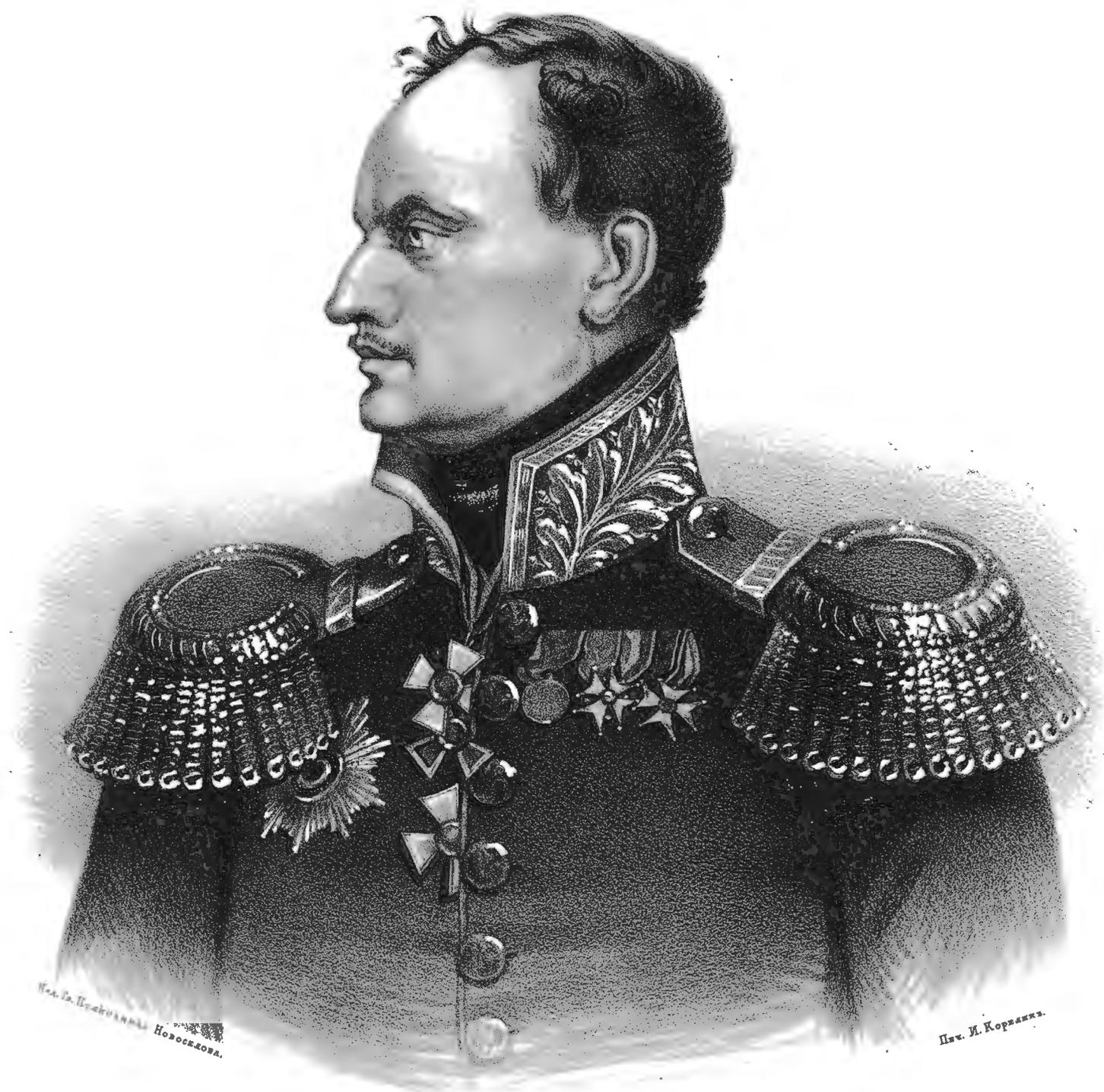
По совершенномъ окончаніи сраженія, раненаго генерала отвезли въ Александрополь, и здѣсь сильная его природа 18 дней боролась со смертію. Тщетно отрядные и туземные

врачи подавали надежду; тщетно прискакавшій къ умирающему братъ его, генераль-лейтенантъ князь Г. Д. Орбелянъ, окружалъ его всѣми попеченіями самой неусыпной заботливости, — смерть ожидала своей добычи. Чувствуя близкую кончину, Илья Дмитріевичъ потребовалъ прострѣленное знамя и, какъ бы послѣднимъ поученіемъ своимъ солдатамъ, поцѣловалъ военную святыню и, осыненный ея покровомъ, поручая заслуженнаго знаменщика вниманію начальства, началъ готовиться къ смерти, и 8-го декабря вечеромъ отдалъ Богу душу, какъ воинъ и какъ христіанинъ.

Послѣ князя Ильи Дмитріевича осталась вдова, княгиня Варвара Ильинишна, бывшая только полтора года замужемъ, и младенецъ князь Георгій. Другой младенецъ скончался въ одно время съ родителемъ и погребенъ въ одинъ день съ нимъ.

Странная судьба этого семейства: плѣнь, какъ будто наслѣдственное бѣдствіе его! Отецъ князя Ильи Дмитріевича долгое время томился въ неволѣ у Персіянъ; а чрезъ полгода послѣ смерти нашего героя его вдова, прекрасная 26-лѣтняя женщина, также попала въ руки Шамилю, въ продолженіе восьми мѣсяцевъ невыносимаго плѣна, тяжело страдала каждую минуту, страшась за жизнь единственнаго сына, младенца Георгія. Освобожденіе ея и захваченныхъ въ то же время ея родственниковъ было предметомъ неусыпныхъ желаній въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, но исполнилось, по указаннымъ Монархомъ мѣрамъ, уже послѣ Его кончины.

Плѣнь княгини Варвары Ильинишны прекрасно описанъ въ книгѣ: « *Кавказскія плѣнницы или плѣнь у Шамиля*. Невымышленная повѣсть о осьми-мѣсячномъ и шести-дневномъ (въ 1854—1855 г.) въ плѣну у Шамиля семействъ: генераль-маіора князя Орбеляна и полковника князя Чавчавадзе. На основаніи собственныхъ показаній лицъ, участвовавшихъ въ событіи, составилъ Е. А. Вердеревскій (изд. 2-е, М. 1857). »

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
БЕНКЕНДОРФЪ.

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЪ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

КОНСТАНТИНЪ ХРИСТОФОРОВИЧЪ БЕНКЕНДОРФЪ.

Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, сынъ генерала Христофора Ивановича Бенкендорфа, родился въ 1785 году. Назначенный родителями своими для дипломатическаго поприща, онъ, въ 1797 году, 12-ти лѣтъ отъ роду, былъ принятъ юнкеромъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но не оставлялъ занятій науками. Дѣйствительно же служить Константинъ Христофоровичъ началъ съ 20-го апрѣля 1803 года, когда былъ назначенъ камереръ-юнкеромъ къ Высочайшему Двору, при которомъ, 30-го августа 1812 года, пожалованъ въ камергеры.

Въ это время Россія представляла дивное зрѣлище любви къ святой родинѣ. Грозный завоеватель ломился въ сердце государства; всѣ истинные сыны отечества спѣшили ополчиться, горя желаніемъ спасти царство и престоль, или славно пасть на развалинахъ отечества. Бенкендорфъ тоже прожѣвлялъ дворецъ на бивуаки, камергерскій ключъ на эпюлеты и, 5-го сентября, былъ принятъ въ военную службу майоромъ, съ состояніемъ по кавалеріи, и назначенъ въ отрядъ генераль-адъютанта Винценгероде.

Извѣстно, что этотъ генераль, происходившій отъ одной изъ древнѣйшихъ германскихъ фамилій, питалъ глубокую ненависть къ Французамъ и постоянно находился подъ зна-

менами той державы, которая воевала съ Наполеономъ. Такъ, въ 1812 году, едва сдѣлался извѣстенъ разрывъ Россіи съ Франціею, какъ Винценгероде поспѣшилъ перейти изъ австрійской службы въ русскую, въ которой онъ находился уже во время кампаніи 1805 года. По соединеніи подъ Смоленскомъ двухъ нашихъ западныхъ армій, Винценгероде былъ порученъ особый отрядъ, съ которымъ онъ прикрывалъ Петербургскій трактъ, затрудняя продовольствіе непріятеля и забиралъ большое число плѣнныхъ. По взятіи непріятелемъ Москвы, Винценгероде занялъ Тверскую дорогу, по которой — по мѣрѣ приближенія Французовъ — отступалъ до Клина; откуда онъ посылалъ партизановъ на Ярославскую, Дмитровскую и Курскую дороги, а по выступленіи Наполеона изъ столицы подвинулся опять къ Москвѣ, въ которой, 10-го октября, и былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ во Францію; но на дорогѣ, около мѣстечка Родшковицъ, по счастливому обстоятельству, освобожденъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ.

Нахожденіе въ отрядѣ такого дѣятельнаго генерала было прекрасною школою Бенкендорфу для новой службы и образовало изъ него также отличнаго авангарднаго и арріергарднаго начальника.

Константинъ Христофоровичъ находился въ это время всегда впереди съ храбрѣйшими партизанами, и постоянно обнаруживалъ свою неустрашимость.

Потомъ онъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ подъ Смоленскомъ — во время отступленія вице-короля Итальянскаго и при взятіи Вильны.

За отличіе, оказанное въ теченіе кампаніи, Бенкендорфъ, 7-го февраля 1813 года, произведенъ въ подполковники.

По переходѣ нашихъ войскъ за границу, Бенкендорфъ продолжалъ дѣйствовать какъ партизанъ. Въ дѣлѣ при Бельцигѣ, 9-го августа, онъ взялъ въ плѣнъ цѣлый баталіонъ Вестфальцевъ съ двумя знаменами. Потомъ, командуя небольшимъ отдѣльнымъ отрядомъ, онъ дѣйствовалъ съ особеннымъ мужествомъ во время осады Гамбурга и, подъ Ротенбургомъ, взялъ въ плѣнъ 500 человекъ и одно орудіе. Вслѣдъ за тѣмъ, поступивъ въ летучій отрядъ генераль-адъютанта Чернышева, Бенкендорфъ со славою участвовалъ во всѣхъ блистательныхъ дѣйствіяхъ этого отряда. При покореніи Касселя, онъ, командуя авангардомъ, первый ворвался въ столицу королевства Вестфальскаго и едва не взялъ въ плѣнъ короля Иеронима, во время его бѣгства. Не менѣе отличился Бенкендорфъ и при взятіи Фульды — искуснымъ движеніемъ отрѣзавъ и взявъ въ плѣнъ 400 Французовъ. Наконецъ, съ 16-го по 19-е октября, онъ участвовалъ въ замѣчательномъ сраженіи при Ганау, послѣднемъ, которое Французы дали на землѣ Германской. Наградю ему было произведено, 17-го октября, въ полковники, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору Александру Павловичу.

Въ достопамятную кампанію 1814 года Константинъ Христофоровичъ опять состоялъ въ корпусѣ генерала барона Винценгероде, поступивъ въ авангардъ корпуса, находившійся подъ начальствомъ генераль-адъютанта Чернышева, и, со ввѣреннымъ ему отрядомъ изъ 700 егерей и казаковъ, посаженныхъ на лодки и плоты, 1-го января, при Дюссельдорфѣ, отчалилъ отъ берега, на которомъ поставлено было 36 орудій, — чтобы дѣйствовать по непріятелю, находившемуся на противоположномъ берегу, гдѣ были два редута. Французы, изумленные отважностію предпріятія, совершившагося среди дня, оставили редутъ, а также и мѣ-

стечко Нейсе, которое было занято немедленно. Совершивъ, такимъ образомъ, переправу черезъ Рейнъ, и достигнувъ, въ тотъ же день, Ахена, авангардъ, подвигаясь безпрепятственно впередъ, 12-го января овладѣлъ Люттихомъ.

Столь быстрые успѣхи обратили наконецъ вниманіе главнокомандовавшаго французскими войсками въ Нидерландахъ, маршала Мезона. Желая атаковать Русскихъ, онъ отрядилъ генерала Кастекса, съ 3400 пѣхоты, 600 чел. конницы и 5-ю орудіями, чтобы вытѣснить нашихъ изъ Люттиха и удержать за собою переправу чрезъ Маасъ. Бенкендорфъ, который командовалъ казаками, узнавъ о приближеніи непріятеля, пошелъ ему на встрѣчу, предварительно извѣстивъ о томъ генераль-адъютанта Чернышева, находившагося въ довольно далекомъ разстояніи отъ него съ регулярными войсками авангарда. Почти у воротъ Люттиха завязалось упорное дѣло. Казачьи полки три часа выдерживали ружейный и картечный огонь и неминуемо были бы отбиты, если бы Бенкендорфъ не прибѣгнулъ къ маневру, который на нѣкоторое время могъ удержать несравненнаго въ числѣ непріятеля. Онъ поставилъ небольшое число казаковъ противъ фронта Французовъ и остальныхъ раздѣлилъ на двѣ части противъ фланговъ, и приказалъ ударить на нихъ, по мѣрѣ того, какъ непріятель подвигался впередъ. Въ непродолжительномъ времени приспѣлъ къ мѣсту сраженія генераль Чернышевъ, и Французы, атакованные съ разныхъ сторонъ, начали отступать къ Сенъ-Трону. Начальствовавшій ими генераль Кастексъ былъ раненъ, и взято въ плѣнъ 110 чел. Но — что важнѣе — послѣ этого удачнаго дѣла осталась за нами переправа чрезъ Маасъ, необходимая для дальнѣйшаго движенія во Францію. Вслѣдъ за тѣмъ былъ занятъ, 17-го января, Намюръ.

Углубляясь далѣе во Францію, авангардъ, при которомъ находился Бенкендоръ, занялъ, 28-го, крѣпость Авенъ и, на другой день, городъ Лаонъ. Послѣ этого положено было овладѣть Суассономъ, — городомъ, отстоящимъ отъ Парижа въ 80-ти верстахъ, гдѣ находилось одно изъ главнѣйшихъ депо непріятеля.

1-го февраля порученный для такого отважнаго предпріятія генералу Чернышеву отрядъ, изъ 4200 человекъ, выступилъ къ Суассону. Бенкендорфъ, бывшій впереди съ ка-

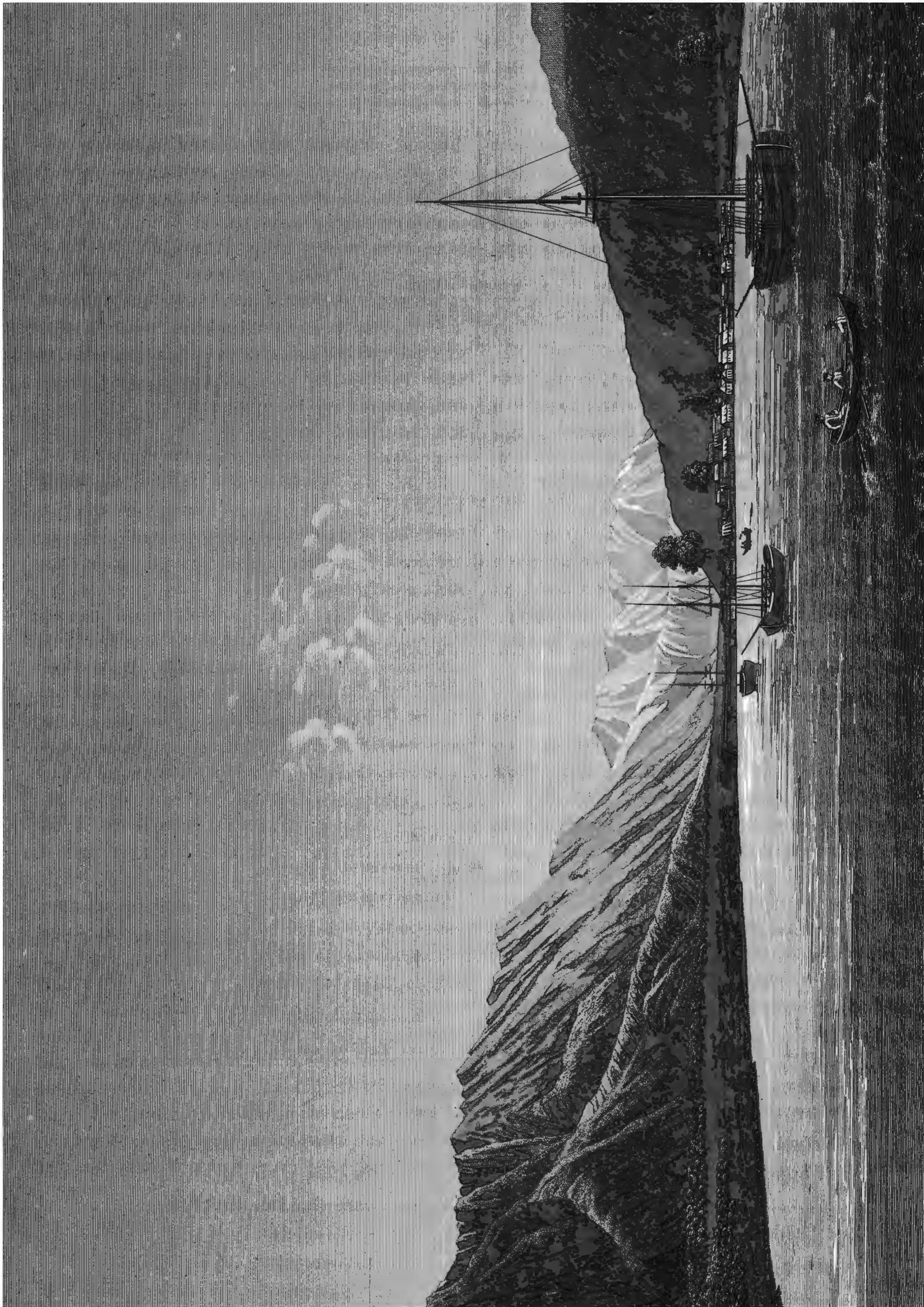

Рис Генер Горюхи.

Ул. П. Полковникова, Новоселовым.

Р. М. М. М. М.

ГЕЛЕНДЖИКЪ СЪ МОРЯ.

заками, встрѣтилъ человекъ до тысячи національныхъ гвардейцевъ, подкрѣпленныхъ регулярною пѣхотою, разсыпаною въ стрѣлкахъ по виноградникамъ и возвышеніямъ; онъ быстро бросился въ атаку съ казаками, гналъ непріятеля до самаго города и взялъ въ плѣнъ 28 офицеровъ и 500 нижнихъ чиновъ и, къ вечеру, расположился у самаго Суассона. На другой день утромъ, 2-го февраля, по обозрѣніи города и избраніи выгоднѣйшей точки для атаки, положено было штурмовать предмостное укрѣпленіе съ тѣмъ, чтобы, по овладѣніи имъ, ворваться въ самый городъ. Регулярная пѣхота была направлена по большой дорогѣ, а по сторонамъ шли казачьи полки, примыкая флангами къ рѣкѣ Энну. Передъ казачьими полками находилось по 6-ти орудій. Въ 9 часовъ утра войско начало подходить къ Суассону. Бенкендорфъ находился на лѣвомъ флангѣ и тотчасъ послѣ пѣхоты ворвался въ городъ. Натискъ былъ столь быстръ, что въ самыхъ улицахъ захвачено въ плѣнъ 3600 чел. съ тремя генералами и 14-ю пушками.

По овладѣніи Суассономъ, корпусъ генерала Винценгероде пошелъ къ Реймсу; Бенкендорфъ, начальствуя авангардомъ, занялъ Эперне, Дорманъ и другія мѣста на правомъ берегу Марны, потомъ, когда корпусъ присоединился къ Силезской арміи, онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, бывшихъ въ окрестностяхъ Лаона. По расположеніи этой арміи на позиціи между Суассономъ и Краономъ, Бенкендорфъ состоялъ въ летучемъ отрядѣ генерала Чернышева, посланномъ Блюхеромъ, съ шестью казачьими полками, къ Брену и Фиму для наблюденія Наполеона, подходившаго со всею своею арміею. Константину Христофоровичу было ввѣрено три казачьи полка. Въ Бренѣ онъ засталъ квартиреровъ главной квартиры Наполеона, взялъ ихъ въ плѣнъ и пошелъ къ Фиму; но тамъ значительное число непріятельской конницы бросилась на него въ атаку. По многолюдству непріятеля, ему нельзя было сопротивляться и онъ, сильно преслѣдуемый, поспѣшно отступилъ и, соединясь съ Чернышевымъ, присоединился къ арміи.

Послѣ Краонскаго сраженія и отступленія Силезской арміи къ Лаону, Бенкендорфъ находился въ арріергардѣ и, не взирая на слабость своего отряда, искусно останавливалъ наступленіе непріятеля, пользуясь гористою мѣст-

ностью. Наконецъ, 25-го и 26-го февраля, онъ участвовалъ въ генеральномъ сраженіи при послѣднемъ городѣ, а потомъ въ общемъ движеніи Силезской арміи чрезъ Реймсъ къ Шалону.

Когда, послѣ сраженія при Арсисѣ, Наполеонъ двинулся на Сентъ-Дизье, желая отвлечь арміи наши отъ Парижа, Бенкендорфъ находился въ корпусѣ генерала Винценгероде, которому поручено было слѣдить за движеніями Французской арміи и не выпускать ее изъ виду, и участвовалъ въ жаркомъ дѣлѣ при этомъ городѣ.

Произведенный, 28-го октября 1814 года, въ генераль-майоры, Бенкендорфъ былъ назначенъ состоять по кавалеріи; но въ слѣдующемъ году перемѣненъ: 1-го іюня—командиромъ 2-й бригады 4-й Драгунской дивизіи; а 25-го декабря состоять при дивизионномъ начальникѣ.

Болѣзнь, постигшая въ это время генерала Бенкендорфа, заставила его оставить на время дѣйствительную службу; 30-го августа 1816 года, онъ былъ назначенъ состоять по кавалеріи, а 1-го мая уволенъ за границу, гдѣ оставался до 1819 года. 30-го августа 1820 г. Бенкендорфъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при дворахъ Королевско-Виртембергскомъ и Велико-Герцогско-Баденскомъ, гдѣ и оставался до 1826 года.

Дипломатическія занятія не могли погасить въ Константинѣ Христофоровичѣ военнаго духа. Приобрѣтя на полѣ чести и опасностей опытность, и уже стяжавъ имя почетное въ лѣтописяхъ военныхъ, онъ только ожидалъ случая, чтобы снова жертвовать Государю и Отечеству жизнію и способностями на любимомъ поприщѣ.

Едва возгорѣлось война съ Персіею, какъ Бенкендорфъ, оставивъ семейство, прекрасный климатъ и всѣ пріятности жизни въ странѣ образованной, посѣщилъ за сѣжнѣй Кавказъ, на знойныя поля Азербейджана, чтобы участвовать въ полетѣ Русскаго орла, сражаться съ Персіянами за честь и славу родины.

Здѣсь, какъ и въ прежнія его кампаніи, Бенкендорфъ находился всегда впереди; на него были возлагаемы предпріятія самыя трудныя, самыя опасныя, и каждый шагъ его былъ отличіемъ на службѣ, примѣромъ войску, новымъ пра-

вомъ на всеобщее уваженіе, украшалъ его новыми лаврами. 11-го октября онъ былъ уже въ Грузіи, а черезъ три дня, 14-го, назначенъ генераль-адъютантомъ.

29-го марта слѣдующаго года генераль-адъютантъ Паскевичъ, принявъ главное начальство надъ войсками Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, немедленно приступилъ къ мѣрамъ для открытія весенней компаніи.

Въ ожиданіи, пока разработка дорогъ чрезъ горы Ахзэбюкъ и Безобдалъ будетъ окончена и доставить возможность приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, главнокомандовзшій предписалъ генераль-адъютанту Бенкендорфу, принявъ въ команду авангардныя войска, — составленныя изъ Грузинскаго гренадерскаго, двухъ баталіоновъ Ширванскаго пѣхотнаго, одного баталіона 7-го Карабинернаго и одного баталіона Тифлискаго пѣхотнаго полковъ, двухъ Донскихъ казачьихъ: полковника Карпова и подполковника Андреева и 3-й легкой роты Кавказской гренадерской артиллерійской бригады, — выступить изъ Джелалъ-Оглу, — гдѣ тогда онъ находился, — и, двинувшись въ Эриванскую область, открыть военныя дѣйствія блокадою этой крѣпости, пользовавшейся славою неприступной твердыни.

Бенкендорфъ выступилъ на другой день. Передовой отрядъ его войскъ, состоявшій изъ Грузинскаго гренадерскаго полка, порученъ былъ временному начальству флигель-адъютанта полковника барона Фридрикса 4-го. Не смотря на всѣ препятствія, противопоставленныя природою, храбрый Бенкендорфъ перелетѣлъ орломъ чрезъ огромныя горы Ахзэбюкъ и Безобдалъ, — два горныя исполина, сторожившіе дорогу въ Эривань, — въ то время испорченные проливными дождями и массами таявшаго снѣга, и, 6-го апрѣля, вступилъ въ Эриванскую область. Слѣдуя по направленію къ Эчміадзину, Бенкендорфъ встрѣтилъ непріятеля только близъ селенія Айгланлу. Персіяне, скрывшись за стѣнами, окружавшими сады, открыли сильный ружейный огонь по передовому отряду нашихъ войскъ, но нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ и рѣшительное наступленіе маіора Юдина съ двумя ротами Ширванскаго пѣхотнаго полка, обратили непріятеля въ бѣгство; деревня была немедленно занята. Курдинская конница, спѣшившаяся при этомъ случаѣ, вступила въ перестрѣлку съ подкрѣпленіемъ, посланнымъ къ нашему

передовому отряду, но карабинерными стрѣлками вездѣ была опрокинута и обращена въ бѣгство.

15-го апрѣля генераль-адъютантъ Бенкендорфъ занялъ первопрестольный монастырь всѣхъ Армянъ, въ которомъ нашель продовольствія для всего отряда на 5 или на 6 дней. Въ тотъ же день благополучно прибыли въ монастырь тяжести авангарда; непріятель покушался неоднократно сдѣлать нападеніе на этотъ обозъ, но распоряженія маіоровъ Мещенки и Бельфорта, сопровождавшихъ транспортъ, не допустили ему причинить ни малѣйшаго вреда.

Армянскій архіепископъ Нарсесъ, не взирая на преклонность лѣтъ, слѣдовалъ при отрядѣ Русскихъ войскъ и тѣмъ подавалъ примѣръ своимъ соотечественникамъ.

16-го апрѣля генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, оставивъ въ Эчміадзинѣ 2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, два орудія и сотню казаковъ, подъ командою подполковника Волжинскаго, самъ выступилъ для обозрѣнія Сардаръ-Абада, тогда новой Персидской крѣпости, лежащей въ 20-ти верстахъ отъ Эчміадзина, влѣво отъ дороги. Въстѣ съ тѣмъ онъ направилъ три роты Ширванскаго пѣхотнаго полка къ Эривани, намѣреваясь тѣмъ отвлечь вниманіе непріятеля, и наиболѣе, чтобъ утомить Курдинскую конницу, занимавшую дорогу къ Сардаръ-Абаду. Конница эта дѣйствительно устремилась оттуда къ Эривани и вступила въ сильную перестрѣлку съ упомянутыми ротами. Въ часъ полудни генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, — при урочищѣ Карасу-Баши, — встрѣченъ былъ Курдинцами, въ числѣ тысячи всадниковъ, подъ личнымъ предводительствомъ славнаго наѣздника Гассанъ-Хана, брата сардаря Эриванскаго. Три сотни казаковъ полка Карпова 2-го и двѣ сотни полка Андреева, подкрѣпленныя однимъ орудіемъ и двумя ротами Тифлискаго пѣхотнаго полка, слѣдуя примѣру своихъ начальниковъ, съ отличнымъ мужествомъ бросились на непріятеля; въ одно мгновеніе опрокинули Курдинцевъ, до того еще нашею кавалеріею непобѣждаемыхъ, и гнали ихъ семь верстъ, нанося великій уронъ. По показанію мирзы Раджибъ-Али, писмоводителя сардаря Эриванскаго, вскорѣ послѣ этого бѣжавшаго изъ Эривани, Курды тутъ потеряли, кромѣ простыхъ всадниковъ, извѣстныхъ чиновниковъ, убитыми — четырехъ и ранеными — пятерыхъ. Въ числѣ пер-

выхъ найденъ племянникъ Курдинскаго начальника Али-Гуссейна, а Исмаилъ — ханъ Айрюмскій, — одинъ изъ приближенныхъ чиновниковъ сардаря, — взятъ въ плѣнъ урядникомъ Кульгинымъ, ординарцемъ Бенкендорфа. Непрiятель потерялъ вообще болѣе 80-ти человекъ убитыми и въ первый разъ не успѣлъ увлечь мертвыхъ тѣлъ, покрывавшихъ поле. Съ нашей стороны потеря была весьма незначительна; раны, полученныя казаками, нанесены по большей части саблями и пиками. Это дѣло нашей иррегулярной конницы, въ которомъ генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, — по официальному выраженiю *) , — *явилъ новый опытъ блистательной храбрости*, тѣмъ особенно замѣчательно, что оно доказало казакамъ нашимъ, съ какимъ преимуществомъ они могутъ противостать Курдинцамъ. При этомъ случаѣ особенно отличились полковникъ *Карновъ 2-й*, флигель-адъютантъ ротмистръ графъ *Толстой* и адъютанты генераль-адъютанта Бенкендорфа; равноѣрно Грузинскiй князь *Меликовъ*, посланный съ донесенiемъ объ этомъ дѣлѣ къ Государю Императору, а вообще Грузины оказали примѣрную храбрость.

Государь Императоръ, въ Высочайшемъ приказѣ, 23-го апрѣля, — въ день, когда Православная Церковь совершаетъ празднество въ честь Св. Великомученика Георгiя, — изволилъ объявить *совершенное свое благоволенiе* генераль-адъютанту Бенкендорфу «за усердiе и распорядительность», оказанныя при этомъ переходѣ авангарда чрезъ горы, а равноѣрно и участвовавшимъ въ томъ, по его за-свидѣтельствванiю: исправлявшимъ должность начальника штаба при авангардѣ, Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковнику Гурко 2-му и дежурнаго штабъ-офицера, флигель-адъютанту Кавалергардскаго полка, ротмистру графу Толстому 2-му, командовавшему Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ флигель-адъютанту Лейбъ-Гвардiи Измайловскаго полка полковнику барону Фридриксу 4-му, командиру Ширванскаго пѣхотнаго полка полковнику Ковалеву 1-му, баталiоннымъ командирамъ Грузинскаго гренадерскаго полка Минченкову и Кар-

*) Извѣстiя изъ Грузiи, помѣщенныя въ *Русскомъ Инвалидѣ*, 1827 годъ, № 115.

ниенко 2-му, 7-го Карабинернаго полка Хомутовскому, Ширванскаго пѣхотнаго подполковнику Волжинскому и каіору Юдину и всѣмъ штабъ и оберъ-офицерамъ авангарда; нижнимъ же чинамъ его, — по выраженiю приказа, — «не только съ усердiемъ, но съ радостною готовностiю преодолевавшимъ при семъ переходѣ всѣ препятствiя затруднительнаго пути», — Всемилостивѣйше пожаловалъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ вина на человекъ.

Того же числа, въ 7 часовъ пополудни, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ остановилъ свой отрядъ въ трехъ верстахъ отъ Сардаръ-Абада; а самъ, съ 5-ю ротами и 4-мя орудiями, подошелъ къ крѣпости на ружейный выстрѣлъ и, открывъ по ней огонь гранатами, повредилъ многiя строения и произвелъ большое смятенiе. Квартирмейстерской части полковникъ Гурко и поручикъ Коцебу оказали при этомъ *похвальную* распорядительность.

17-го числа, сдѣлавъ движенiе по дорогѣ къ Турецкимъ владѣнiямъ, ведущей въ Карсъ, Бенкендорфъ возвратился въ Эчмиадзинъ.

По прибытiи въ Эчмиадзинъ транспортовъ съ продовольствiемъ, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, 23-го апрѣля, — слѣдовательно въ тотъ день, какъ въ С. Петербургѣ признательный Монархъ объявлялъ ему и храбрымъ воинамъ, находившимся подъ его командою, Свое милостивое благоволенiе, — выступилъ изъ монастыря по направленiю къ Эривани.

Изумляя непрiятеля быстротою движенiй, генераль Бенкендорфъ на другой день, перейдя вплавъ рѣку Зангу, въ виду конницы извѣстнаго Гассанъ-Хана, дошелъ до ближайшей къ городу деревни; тутъ наѣздянки, спѣшившись и пользуясь канавами, заборами и возвышенiями, начали обороняться; но часть Грузинскаго гренадерскаго полка выгнала ихъ изъ всѣхъ закрытыхъ мѣстъ и преслѣдовала до высоты, на юго-восточной сторонѣ крѣпости лежащей. Непрiятель, открывъ сильный огонь изъ стѣнъ города, сдѣлалъ вылазку баталiономъ сарбазовъ, которые заняли сады съ южной и восточной сторонъ, но дѣйствиемъ стрѣлковъ Грузинскаго гренадерскаго и 7-го карабинернаго полковъ скоро принуждены были ихъ очистить. Непрiятельская конница, занимавшая высоты по направленiю къ Нахичевани, также уда-

лилась; болотистая канава не позволяла казакамъ ее преслѣдовать.

Въ ночи на 25-е число отряжены были 2-й баталіонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, двѣ роты 7-го карабинернаго и 6 орудій для занятія Иракліевой горы. Открывъ съ ней огонь по крѣпости, артиллеріи подполковникъ Аристовъ первымъ выстрѣломъ сбилъ въ амбразурѣ одно непріятельское орудіе, а отъ послѣдующихъ выстрѣловъ неоднократно загорались домъ сардара и другія строенія въ крѣпости.

Въ 4 часа по полудни значительное число сарбазовъ и конницы, пробравшись садами, лежавшими на юго-восточной сторонѣ крѣпости, напали на стрѣлковъ, близъ нихъ находившихся; но эти послѣдніе удержали позицію съ отличною храбростію, до прибытія двухъ ротъ 7-го карабинернаго полка, которыя, обошедъ непріятеля, ударили въ него и истребили до сотни человекъ его конницы и сарбазовъ. Въ то же время сдѣлано было съ восточной стороны нападеніе на непріятеля. Пользуясь выгодой мѣстоположенія, Персіяне защищались упорно, при содѣйствіи вывезенныхъ ими изъ крѣпости фалконетовъ и подъ прикрытіемъ пушечнаго со стѣнъ огня, но были обращены въ бѣгство и преслѣдованы штыками на ружейный выстрѣлъ отъ стѣнъ, съ которыхъ открыли также батальный огонь. Множество тѣлъ оставлено непріятелемъ на мѣстѣ, и бѣжавшіе изъ города жители и сарбазы подтверждали, что онъ потерпѣлъ значительный уронъ. Съ нашей стороны убитъ Грузинскаго гренадерскаго полка подпоручикъ Вачнадзе, и ранено 19 рядовыхъ. Въ числѣ отличившихся были упомянуты полковники *Гурко* и баронъ *Фридрихсъ*, маіоръ *Корніенко*, капитаны *Подлузской*, князь *Шаликовъ* и *Литвиновъ*, штабсъ-капитаны *Чубинской* и *Колпинской*.

Гассанъ-Ханъ показывался около лагеря; но къ нему не приближался, а во время дѣла находился въ отдаленіи, на высотахъ, окружающихъ Эривань.

Всѣ сады были заняты нашими стрѣлками, а Иракліева гора частію 7-го карабинернаго полка съ артиллерією.

Подножнаго корма около Эчміадзина было изобильно; благопріятствующая погода сохраняла въ войскахъ авангарда совершенное здоровье.

Чтобы уредить сообщеніе между отрядами, блокировав-

шими крѣпость, по приказанію генераль-адъютанта Бенкендорфа, 26-го апрѣля, маіоръ Юдинъ, съ 5-ю ротами Ширванскаго полка при 4-хъ орудіяхъ, занялъ сѣверное предмѣстіе Эривани и устроилъ батарею. Непріятель производилъ по нимъ пушечную и ружейную пальбу, но безъ всякаго вреда. Кавалерія непріятельская, занимавшая форштадтъ, удалилась въ горы, на которыхъ были видны ея пикеты.

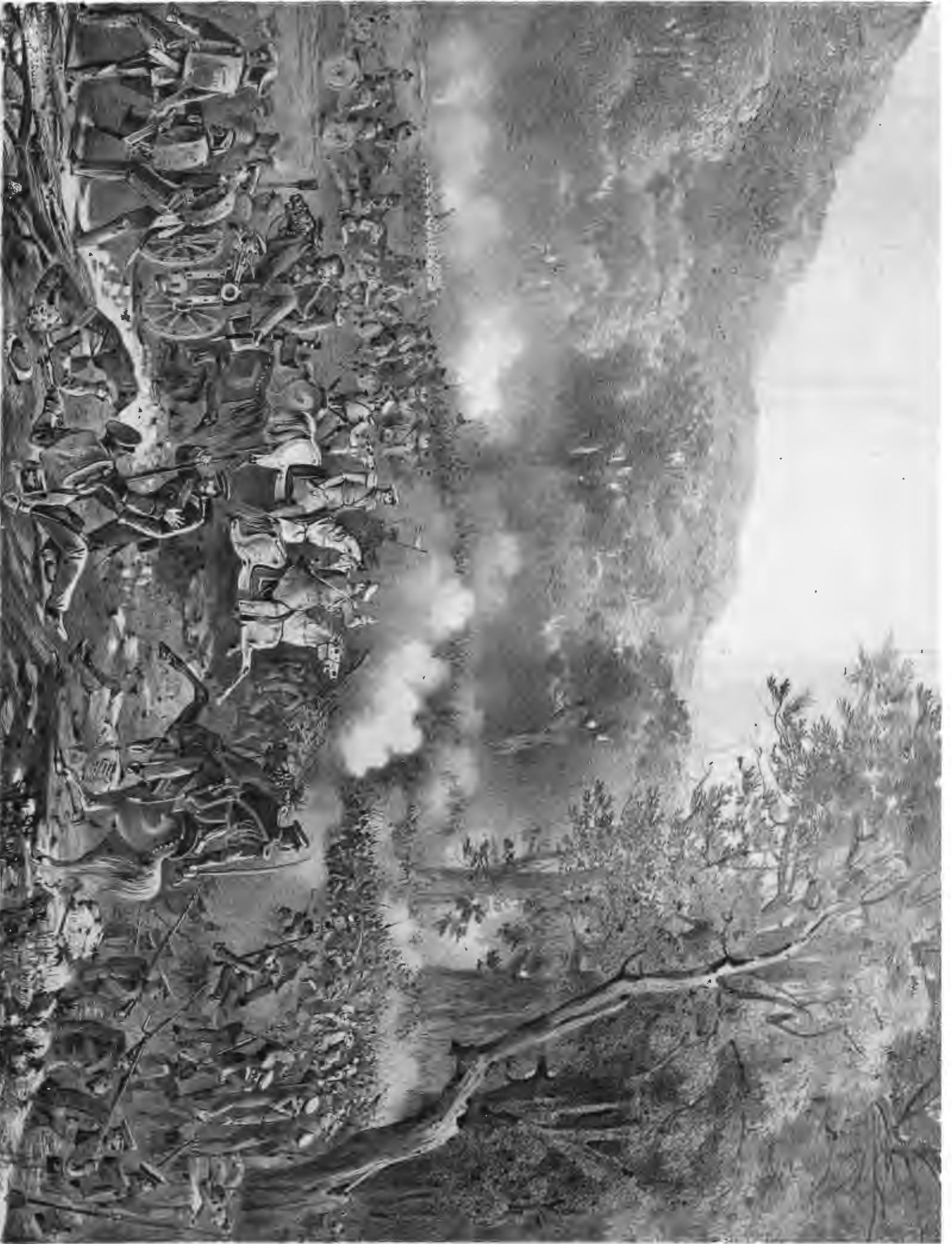
Съ тою же цѣлію, по другому приказанію генерала, 27-го числа маіоръ Волжинскій съ остальною частью Ширванскаго и ротой Тифлискаго полковъ, занялъ восточный форштадтъ и сады, такъ что отъ маіора Юдина, примыкавшаго правымъ флангомъ къ рѣкѣ Зангѣ до кургана, на юго-восточной сторонѣ крѣпости лежащаго, и отъ него до лагеря, сообщеніе было установлено.

Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ въ это время особенно одобрялъ искусство артиллерійскихъ офицеровъ, которые тогда уже нѣсколько орудій выбили изъ амбразуръ и, по свидѣтельству жителей и сарбазовъ, бѣжавшихъ въ большомъ числѣ изъ крѣпости, наносили ежедневно значительный уронъ непріятелю; у насъ же 26-го и 27-го чиселъ убитъ одинъ рядовой и двое ранены.

30-го апрѣля, 200 человекъ Персидской конницы напали на передовую постъ 7-го Карабинернаго полка, съ намѣреніемъ пробраться въ крѣпость, изъ которой, въ то же время, произведена вылазка, но были отражены съ потерєю поручикомъ *Петровымъ*, командовавшимъ означеннымъ постомъ.

Того же числа явился къ генераль-адъютанту Бенкендорфу Калабалай-Султанъ, одинъ изъ владѣльцевъ Шадлинскаго народа, съ просьбою о принятіи его и народа, по общему желанію, подъ покровительство Его Императорскаго Величества. Шадлинцы состояли изъ 300 семействъ, жившихъ въ селеніи Веди. Они изъявили готовность свою дѣйствовать противъ Персіянъ, во избѣжаніе предполагавшагося ихъ переселенія за Араксъ.

1-го мая присоединился къ генераль-адъютанту Бенкендорфу отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Шабельскаго, прикрывавшій вьючные транспорты, слѣдовавшіе изъ Тифлиса.

Изд. Д. Подковникова Новоселов.

ДВЯДО ПОДЪ ВАЛЕРИКОМЪ.

И. Юля 1840 годл

Печ. И. Коралникъ.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много-милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непреклоннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣмательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другіхъ лицъ великой семьи русскои; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьи выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, доннынъ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предприняемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почилы въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четверку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе каждаго года получитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ общаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградою Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ каждаго года будетъ обнародовать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззваніе Редакціи къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нерѣдко драгоцѣнные, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Цицианова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготавляются жизнеописанія *) генералъ-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Барятинскаго, П. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рыминскаго, А. А. Катевина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Пауллуччи, Тормасова, князя Гагарина, Н. М. Лабынцева, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. И. Волинскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго вліанія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — О. И. Соимонова, генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтаева, Булгакова, Текелли, Якоби, Небольсина, Бибикова, графа Баранова, Кнорринга, Портнягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Кюге-фонъ-Клюгенау, Сулова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣлявскаго, князей Эрнстовыхъ и Орбельяновъ, Бебутовыхъ и Авдронниковыхъ, генераловъ Раевского и Рудавовскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; генералъ-аншефа князя И. Ѳ. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гринквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хрущова, генерала Адлерберга, воеводу Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Вранкена, Капгера, Годлевскаго, Альбрехта, Малиновскаго, Индрениуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадалинскаго, майора Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрыщина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго; барона Медема — генерала времени Екатерины II, адмирала Пустошкина, есаула Ляпина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николаи, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ, безсмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Еврема, патріарховъ-каеволикосовъ Армено-Грегоріанской Церкви Еврема, Иоаннеса и Нарсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготовляемымъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе *въ скорпѣйшемъ времени*, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности; но изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятелемъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, падшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоцѣннѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, происшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Маіоръ С.-Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, января 27-го дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 15-й и 16-й.

Жизнеописание генералъ-адъютанта, генералъ-лейтенанта Бенкендорфа. (Окончаніе). — Жизнеописание генералъ-маіора Альбранта.

Приложенія: Подвигъ артиллеріи капитана Гулевича. — Лагерь отряда генералъ-маіора Горскаго на горѣ Кодоръ. — Видъ минарета близъ Владикавказа.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить друзей періодическіа изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

4-го числа генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, узнавъ, что непріятельская кавалерія начинаетъ показываться по Нахичеванской дорогѣ, отрядилъ флигель-адъютанта полковника барона Фридрихса, съ частью войскъ, для развѣдыванія. Въ 15-ти верстахъ отъ лагеря баронъ Фридрихсъ встрѣтился съ непріятельскою конницею, простиравшеюся отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человекъ, подъ предводительствомъ Гассанъ-Хана, который атаковалъ нашихъ, — что однако не воспрепятствовало барону Фридрихсу перейти чрезъ рѣчку Гарни-чай.

Узнавъ объ этомъ соединеніи въ одномъ пунктѣ кавалеріи непріятельской, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ на слѣдующій день, съ 1000 казаковъ и ротою гренадеровъ, поспѣшилъ подкрѣпить барона Фридрихса, въ намѣреніи атаковать Персіянъ; но не нашелъ уже Гассанъ-Хана, который, — узнавъ объ этомъ движеніи, — перешелъ къ Сардаръ-Абаду, оставивъ Наги-Хана съ 400 Карапапахцевъ. При появленіи казаковъ этотъ арріергардъ поспѣшно удалился въ горы. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ перешелъ Гарни-чай, но посланныя имъ оттуда партіи не открыли нигдѣ непріятеля, почему онъ возвратился къ Эривани.

8-го числа получено было увѣдомленіе, что Персидская конница опять въ большомъ числѣ потянулася отъ Сардаръ-Абада къ прежней позиціи около рѣки Занги. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ рѣшился на разсвѣтъ ее атаковать. Въ 10 часовъ вечера онъ выступилъ, съ 1200 казаковъ и частью Тифлискаго пѣхотнаго и Грузинскаго гренадерскаго полковъ при одномъ орудіи. Прошедъ ночью селеніе Алахаилу и достигнувъ на разсвѣтъ до Занги, войска наши увидѣли, что непріятель занялъ позицію позади этой рѣки, недалеко отъ впаденія ея въ Араксъ. Сильное разлитіе воды и сопротивленіе спѣшившихся непріятельскихъ стрѣлковъ не дозволило сдѣлать внезапнаго нападенія, и потому генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, двинувшись вверхъ по рѣкѣ, переправился вплавь у деревни Сарбанлаткъ съ кавалеріею и ротою Тифлискаго пѣхотнаго полка, чтобы истребить непріятеля въ углѣ, имъ занимаемомъ. Персіяне отступили поспѣшно влѣво и, перешедъ рѣчку Абаранъ, между селеніями Сенти и Шолли, построились въ массы. Полковникъ Карновъ, послѣ кратковременной перестрѣлки, бросился

съ полкомъ чрезъ эту рѣчку вплавь, ударилъ на многочисленныя непріятельскія силы и опроринулъ ихъ. Между тѣмъ Черноморскіе полки и двѣ сотни Донскаго полка *Андреева*, переплывъ также рѣку, преслѣдовали бѣгущаго непріятеля вверхъ по лѣвому берегу Аракса до самыхъ стѣнъ Сардаръ-Абада. Часть непріятельской конницы скрылась за стѣнами крѣпости, а другая продолжала бѣгство къ Турецкой границѣ. Дорога, на разстояніи 25-ти верстъ, устлана была мертвыми тѣлами, убитыми лошадьми, вьюками, палатками и всемъ лагернымъ имуществомъ и собственностію Гассанъ-Хана. Волны Аракса поглотили всадниковъ, хотѣвшихъ переплыть на правый берегъ. Непріятель потерялъ плѣнными 53 человека — лучшихъ наѣздниковъ, между коими были тесть Эриванскаго сардаря, Куртинскій *Келешъ-Ага* и *Али-Мира-Огли-Ага-Чебокъ Карагскій*, — всѣ тяжело ранены; убито и погибло въ Араксѣ до 300 человекъ, въ числѣ коихъ *Изиандеръ*, султанъ Чебокъ Карагскій, *Темирязъ-Ага* Карапапахскій и *Мустафа-Бекъ* Хойскій. Самъ Гассанъ-Ханъ личнымъ спасеніемъ былъ обязанъ единственно быстротѣ бѣга своей лошади. Съ нашей стороны убито: 1-го коннаго Черноморскаго полка сотникъ *Ильищенко* и одинъ Донской казакъ; ранено два копно-Черноморскіе казака.

Государь Императоръ за этотъ подвигъ удостоивъ генерала Бенкендорфа особымъ Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ, отъ 8-го іюня, изволилъ Всемилостивѣйше написать:

«Константинъ Христофоровичъ! Генераль отъ Инфантеріи Паскевичъ донесъ Мнѣ о рѣшительномъ пораженіи, нанесенномъ Вами многочисленному отряду Персидскихъ войскъ, подъ предводительствомъ *Гассанъ-Хана*, 9-го минувшаго Мая, между селеніями Сенти и Шолли. Сею новою побѣдою и многими успѣшными дѣйствіями при блокадѣ Эривани, Вы оправдали въ точности данное Вамъ Мною назначеніе и Мнѣ особенно приятно за таковыя отличныя Ваши подвиги въ настоящую войну съ Персіянами, изъявить Вамъ совершенное Мое благоволеніе, будучи удостовѣренъ, что и въ послѣдствіи вѣны сей не менѣе полезными заслугами приобрѣтете право на вѣщую Мою признательность.»

Блокада гордой, крѣпкой Эривани, столицы Персидской

Арменіи, производимая горстью Русскихъ, представляется событіемъ страннымъ; но этого мало: та же самая горсть Русскихъ наполнила ужасомъ окрестности, и Курды, — эти лихіе наѣзники — разбойники, не смѣли вторгаться въ наши границы, потому что, какъ видѣли, дорого расплачивались за каждое покушеніе.

Въ началѣ блокады кто-то натолковалъ сардарю, что Русскіе нуждаются въ продовольствіи, и онъ тотчасъ послалъ переговорщика (парламентера) къ генералу Бенкендорфу, прося прислать ему шампанскаго. Какъ ни было несообразно такое посольство, но Константинъ Христофоровичъ, постигнувъ цѣль его, послалъ въ Эривань дюжину бутылокъ самаго лучшаго клико и много закусокъ европейскихкихъ. Сардарь отдарилъ его, съ своей стороны, персидскими сластями и шербетомъ.

Тутъ сардарь узналъ, что немножко ошибся, и задумался порядкомъ. Пушки Эриванскія на своихъ неповоротливыхъ, деревянныхъ, цѣльныхъ, какъ у татарской повозки, колесахъ, не могли почти наносить вреда блокировавшимъ, скрытымъ въ густыхъ аллеяхъ огромнаго сада, разведеннаго сардаремъ, по сю сторону Занги, для своего удовольствія. Бесѣдка въ китайскомъ вкусѣ, съ бѣлымъ мраморнымъ фонтаномъ, украшенная малярною живописью персидскихъ художниковъ, была спокойнымъ жилищемъ Русскихъ воиновъ, не смотря на огонь пушекъ. Разъ только бомбъ Эриванской посчастливилось сдѣлать забавную штуку: 2-й баталіонъ 40-го егерскаго полка, расположившійся за Иракліевымъ курганомъ, однажды обѣдалъ, и нѣсколько егерей только что усѣлись около котла, наполненнаго кашею, какъ вдругъ является бомба, посланная изъ крѣпости, — бухъ прямо въ котель, лопнула и, вмѣстѣ съ котломъ и кашею, полетѣла вверхъ. Впрочемъ это не произвело никакихъ послѣдствій. Сардарь грызъ зубы на свой садъ, и не смотря на могущество и самовластіе, которыми онъ пользовался при управленіи, не смѣлъ тронуть ни одного дерева*).

*) Какъ же скоро отрядъ генералъ Бенкендорфа снялъ блокаду, тотчасъ сардарь въ бѣшенствѣ приказалъ вырубить всѣ деревья въ саду, чтобы во второй разъ не подвергнуться подобной опасности, а вслѣдъ за тѣмъ и самъ убрался въ Персію, оставивъ управление своему брагу — Гасанъ-Хану, при которомъ пала эта знаменитая твердыня, слышшая неприступнымъ оплотомъ Азіи.

Наконецъ, испуганный безпрестанными пораженіями своихъ войскъ, грозною позиціею Бенкендорфа и рассчитывая, что съ приближеніемъ главнаго дѣйствовавшаго отряда, находившагося уже на маршѣ, не будетъ возможности спасти что либо изъ драгоценностей города, и, безпокоясь объ участи своего имущества, онъ поспѣшилъ отправить наиболѣе дорогіе предметы въ Казвинъ, вмѣстѣ съ золотою луною съ Эриванской мечети. Это послужило къ увеличенію смятенія между жителями Эривани, которые, въ весьма значительномъ числѣ, запершись въ крѣпости, начали чувствовать во всемъ недостатокъ. Обнаружившіяся между ними гнилыя горячки, обыкновенное слѣдствіе стѣсненнаго воздуха, еще болѣе увеличили бѣдствіе народа.

Кочевые обитатели Эриванской области находились за Араксомъ и, также претерпѣвая недостатокъ въ хлѣбѣ, принуждены были питаться однимъ молокомъ и сыромъ. Персидское правительство хотѣло ихъ удалить отъ этого мѣста, но встрѣтило сопротивленіе, потому что, сколько ни было затруднительнымъ ихъ положеніе, но они не хотѣли оставить своей родины. Гасанъ-Ханъ, послѣ претерпѣннаго пораженія, присоединилъ къ себѣ Урумійскую и Куртинскую конницы, съ партіею, простиравшеюся до 5,000 человекъ, расположился за Араксомъ у Бейбулаха, но не смѣлъ ничего предпринять. Наши фуражиры спокойно ѣздили до самаго Сардаръ-Абада и нигдѣ не встрѣчали непріятеля. Тщетныя вылазки Эриванскаго гарнизона, довольно часто производимыя, служили только къ потери въ людяхъ со стороны Персіянъ, и не приносили имъ никакой пользы.

Узнавъ, что Эриванскіе татары изъ Дараалагезскаго ущелья прибыли съ прикрытіемъ въ деревни, расположенныя около рѣки Киркъ-Булахъ, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, 21-го мая, отрядилъ туда четыре сотни казаковъ 4-го Черноморскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Вербицкаго*.

22-го числа, на разсвѣтѣ, 12 человекъ съ 20 вьючными быками нечаянно приблизились къ казачьему посту, изъ 50 человекъ состоявшему, и, видя ихъ превосходство, сдались безъ выстрѣла. Войсковою старшина *Вербицкій*, присоединясь къ этому посту съ остальными казаками, выступилъ

къ рѣчкѣ Киркѣ-Булаку и, пройдя не болѣе 4-хъ верстѣ, атаковалъ Персіянъ, въ числѣ 100 человекъ, съ значительнымъ количествомъ व्यюковъ, засѣвшаго въ оврагѣ и открывшаго сильный огонь. Эта непріятельская партія немедленно была окружена спѣшившимися казаками и, по убѣжденію Армянина Мортироса *Веклева*, сдалась въ плѣнъ. При этомъ случаѣ взято 90 человекъ и значительное количество быковъ. Вслѣдъ за тѣмъ открыто около деревни Чадкранъ до 50 человекъ конныхъ Персіянъ и такое же число съ व्यюками, приближавшихся къ селенію Башкентъ за рѣчкою Карѣ-Булакъ. Посланныя двѣ сотни казаковъ не могли догнать конныхъ, но отбили болѣе сотни व्यючныхъ быковъ и нѣсколько лошадей.

Въ дѣлѣ этомъ, съ непріятельской стороны взято въ плѣнъ 116 человекъ, а также отбито: быковъ 241, лошадей 34 и 119 व्यюковъ съ пшеницею и разными вещами, и значительное количество оружія.

Вслѣдъ за тѣмъ войсковою старшина Басовъ, посланный 24-го мая на фуражировку въ Киркѣ-Булакъ, возвратился благополучно и привелъ 22 плѣнныхъ, 15 лошадей и 11 штукъ рогатаго скота.

Взятые въ плѣнъ 22-го мая при экспедиціи войсковаго старшины *Вербицкаго* Шадлянцы, по приказанію генераль-адъютанта Бенкендорфа, были освобождены въ надеждѣ поощрить ихъ соотечественниковъ покориться нашему оружію. Ожиданіе исполнилось. *Асланъ*, султанъ Шадлинскій, письменно предалъ себя покровительству Его Императорскаго Величества, и склонилъ на это также нѣкоторыхъ агаларовъ Эриванскаго ханства.

Узнавъ, что Гассанъ-Ханъ, съ небольшимъ числомъ кавалеріи, находится на правомъ берегу рѣки Аракса противъ удобнаго брода, и препятствуетъ жителямъ возвращаться на лѣвую сторону въ свои селенія, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ выступилъ, 25-го мая, изъ Эчміадзина къ сторонѣ Сардаръ-Абада, съ однимъ баталіонъ 40 егерскаго полка, 100 человекъ Грузинскаго гренадерскаго полка, двумя орудіями и 950 казаками.

26-го числа, въ 5 часовъ утра, прибывъ въ деревню Фѣда — въ одной верстѣ отъ рѣки Аракса, онъ узналъ, по показанію Армянъ, что Гассанъ-Ханъ точно былъ въ

этомъ мѣстѣ съ конницею, 500 пѣхоты и 3 орудіями, но на разсвѣтѣ ушелъ съ поспѣшностью внизъ по Араксу. Они же равномерно показали, что жители находятся въ горахъ не ближе 60 верстѣ отъ берега.

Не довѣряя вполне этимъ рассказамъ и желая увѣриться въ силѣ непріятеля, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ предпринялъ лично произвести рекогносцировку и, оставя на лѣвомъ берегу егерскій баталіонъ и орудія, переправился за Араксъ со всѣми казаками и только съ одною сотнею стрѣлковъ.

Заявъ селеніе Ханъ-Маматъ, лежащее въ двухъ верстахъ отъ берега, онъ отрядилъ впередъ командира 4-го Конно-Черноморскаго полка, войсковаго старшину Вербицкаго съ тремя стами казаковъ для наблюденія за непріателемъ. Вербицкій вскорѣ увидѣлъ приближавшихся къ нему Персіянъ, въ числѣ 200 человекъ, и, по собственной просьбѣ, получилъ позволеніе атаковать непріятеля съ тѣмъ, однако жъ, чтобы онъ былъ остороженъ и не удалялся отъ отряда. Тогда же генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, приказавъ полковнику *Карпову 2-му*, съ остальными казаками, быть въ готовности подкрѣпить Вербицкаго, если надобность того потребуетъ, а когда узналъ, что Вербицкій наступаетъ, то и его отправилъ также впередъ. Непріятель отступалъ къ горамъ, мимо деревни Касимъ-Джанъ и заведя казаковъ на каменистыя и болотами наполненныя мѣста, остановился. Вербицкій, увлеченный храбростію, бросился на Персіянъ и опрокинулъ было правое крыло ихъ, но въ то же время значительная часть конницы, бывшая въ засадѣ, сдѣлала сильное нападеніе во флангъ казакамъ. Въ этомъ дѣлѣ убиты: войсковою старшина *Вербицкій* и Карпова 2-го полка сотникъ *Ушаковъ*. Казаки защищались отчаянно, но, лишеныя начальника и тѣснимые превосходнымъ въ силахъ непріателемъ, принуждены были отступить. Появленіе полковника Карпова 2-го остановило стремленіе Персіянъ и заставило ихъ удалиться къ горамъ.

Потеря казаковъ, кромѣ вышеозначенныхъ офицеровъ, простирался до 102 человекъ; непріятель потерялъ болѣе 200, въ томъ числѣ 10 чиновниковъ, коихъ лошади остались въ рукахъ казаковъ.

Находя, что дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля было

бы вовсе бесполезно и даже отвлекло отъ главной цѣли — наблюдать за Эриванью, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ возвратился къ этой крѣпости, и продолжалъ блокаду ея съ дѣятельностью, ожидая въ скорости прибытія главнаго дѣйствовавшаго отряда, который эшелонами подвигался къ границамъ.

Непріятельская кавалерія не смѣла болѣе беспокоить авангардъ, даже вылазки изъ крѣпости прекратились. Одинъ только разъ, 5-го іюня, около 2-хъ часовъ по полудни, 300 сарбазовъ внезапно напали на передовые посты карабинеръ, занимавшихъ Иракліеву гору, но были опрокинуты съ значительнымъ урономъ.

Государь Императоръ за всѣ эти подвиги генераль-маіора Бенкендорфа, наградилъ его 17-го мая, производствомъ въ генераль-лейтенанты, а 22-го іюля, — въ день Тезоименитства своихъ Августѣйшихъ Матери и Сестры—орденомъ Св. Владиміра 2-й степени при грамотѣ, въ слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ:

«Примѣрной храбрости и искуснымъ распоряженіямъ Вашимъ обязаны Мы блистательными успѣхами Отдѣльнаго Отряда войскъ, который подъ Вашимъ предводительствомъ въ предѣлахъ Персіи ознаменовался быстрымъ занятіемъ Монастыря Эчмязинскаго и неоднократнымъ пораженіемъ непріятеля, въ особенности въ окрестностяхъ крѣпостей Эривани и Сардоробада, гдѣ храбрые воины Донскаго и Черноморскаго Казачьихъ войскъ, одушевляемые Вами, оказали примѣръ отличнаго мужества и рѣшимости при разбитіи превосходной силами непріятельской конницы. Въ вознагражденіе столь отличныхъ услугъ, Намъ оказанныхъ, Всемилостивѣйше жалуетъ васъ кавалеромъ *ордена Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени*, знаки коего при семъ препровождаю, пребываемъ къ Вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны.»

Между тѣмъ, какъ авангардъ генераль-адъютанта Бенкендорфа дѣйствовалъ такимъ образомъ въ Эриванскомъ ханствѣ, генераль-адъютантъ Паскевичъ, сосредоточивъ, у селенія Шулаверъ, 15,000 войска, лично выступилъ въ походъ и, 8-го іюня, прибылъ въ Эчмязинъ съ первыми эшелонами войскъ. Авангардъ продолжалъ блокаду до 15-го іюня, когда былъ смѣненъ отрядомъ генераль-лейтенанта

Красовскаго, съ повелѣніемъ присоединиться къ главному дѣйствовавшему отряду, который Паскевичъ двинулъ уже къ Персидскимъ границамъ, для сосредоточенія у рѣчки Гарничай, въ 50 верстахъ отъ Эривани. 20-го іюня стянулись къ сборному пункту всѣ войска и прибылъ корпусный командиръ. Авангардъ, по прежнему, оставленъ былъ подъ командою генераль-адъютанта Бенкендорфа и, 21-го, выступилъ со всѣми прочими войсками къ Нахичевани, куда и прибылъ 26-го числа, вмѣстѣ съ первою колонною, а на слѣдующій день прибыли туда же и остальные войска.

Разстояніе отъ Гарничая до Нахичевани составляетъ только 72 версты, а потому переходъ его въ 6 дней, долженъ казаться не только весьма обыкновеннымъ, но даже медленнымъ, для тѣхъ, кому неизвѣстно положеніе тамошняго края. Но надо вспомнить, что песчаная равнина, по которой идетъ дорога отъ Эривани до Нахичевани, ограничена двумя хребтами горъ, изъ коихъ одинъ есть продолженіе Араратскаго кряжа, а другой отрасль Барчалинскаго хребта; что рѣка Араксъ течетъ, значительно удаляясь вправо отъ дороги, и хотя нѣсколько рѣчекъ, въ нее впадающихъ, — изъ коихъ главнѣйшія Гарничай и Арпачай, — струятся поперегъ дороги, но вода ихъ почти отъ самыхъ истоковъ вся раздроблена по многочисленнымъ каналамъ, проведеннымъ по полямъ: безъ чего хлѣбъ вовсе не можетъ расти въ этихъ мѣстахъ. Отъ того на всемъ этомъ пространствѣ почти нѣтъ воды, кромѣ родниковой, находящейся въ значительномъ разстояніи къ сторонамъ дороги, и которую могутъ отыскивать только знающіе мѣстность. Надобно прибавить къ этому, что Аббасъ-Мирза, превративъ съ намѣреніемъ всю эту страну въ пустыню, выгналъ жителей въ горы, и приказалъ имъ отвести воду. Сильный недостатокъ въ водѣ, 43-хъ-градусный жаръ, песчаная равнина, палимая лучами солнца, и медленность движенія, затрудняемаго огромными обозами, въ которыхъ по необходимости надобно было вести и малѣйшія потребности къ существованію, безпрестанныя остановки въ слѣдованіи артиллерійскихъ парковъ, везомыхъ на волахъ, — вотъ сколько трудностей должно было преодолѣть нашимъ войскамъ въ этомъ небольшомъ переходѣ. Облитые потомъ, изнуренные жаждою, во всей походной амуниціи, они шли бодро и весело,

ободряемые примѣромъ достойныхъ начальниковъ, и даже неоднократно слышны были въ рядахъ звуки пѣсень роднаго края. Кто не согласится, что подобный походъ заслуживаетъ быть причтенъ къ тѣмъ труднымъ подвигамъ, которыми прославили себя русскіе воины.

Непріятельскія партіи наблюдали движеніе отряда, но не приближались къ нему, только 24-го числа замѣчено было 1500 человекъ непріятельской конницы, слѣдовавшій вверхъ по теченію Аракса, и 300 человекъ у устья Арпачая; но обѣ партіи въ скорости удалились по Макинской дорогѣ.

Такимъ образомъ послѣдовало занятіе безъ боя главнаго города другаго ханства. Отсюда Паскевичъ, въ слѣдующіе три дня, съ частію войскъ, производилъ лично рекогносцировку Аббасъ-Абада, — въ которой участвовалъ и Бенкендорфъ. При этомъ онъ 29-го числа производилъ бомбардированіе крѣпости и прогналъ за рѣку Араксъ непріятельскую конницу.

1-го іюля весь нашъ отрядъ выступилъ изъ Нахичевана къ Аббасъ-Абаду и занялъ позицію подъ стѣнами этой крѣпости. Паскевичъ начальство надъ осадой ввѣрилъ Бенкендорфу, но всѣми дѣйствіями распорядился самъ лично.

Осада производилась успѣшно до 5-го іюля, въ которое получено было извѣстіе, что Аббасъ-Мирза идетъ съ большими силами для освобожденія крѣпости; Паскевичъ, оставивъ предъ Аббасъ-Абадомъ небольшой отрядъ, пошелъ за рѣку Араксъ на встрѣчу приближавшемуся непріятелю: регулярно кавалерією въ этомъ отрядѣ, состоявшею изъ 2-й уланской дивизіи и Нижегородскаго драгунскаго полка, командовалъ Бенкендорфъ. Онъ перешелъ въ бродъ чрезъ Араксъ. Казачьи полки, подъ командою генералъ-лейтенанта Иловайскаго, поддержанные кавалерією Бенкендорфа, должны были выдержать первый натискъ непріятеля до прибытія пѣхоты, задержанной разрывомъ моста, построеннаго на бурдюкахъ. День былъ самый знойный, а всходъ отъ Аракса по покатоности каменистой и безводной; но въ надеждѣ сражаться съ непріятелемъ, храбрыя войска наши прошли съ необыкновенною бодростію 15 верстъ до непріятельской позиціи.

Аббасъ-Мирза съ 16,000 конницы, расположился на покатыхъ возвышеніяхъ, растянувъ войска свои въ линію,

на нѣсколько верстъ. Когда отрядъ нашъ соединился и генералъ-адъютантъ Паскевичъ прибылъ лично на мѣсто сраженія, правый флангъ нашъ былъ уже обойденъ Персіянами, а лѣвый хотя и примыкалъ къ цѣпи горъ, но гребнемъ ихъ владѣлъ непріятель, и около 5000 его конницы собрались въ ущельѣ, чтобы ударить съ этой стороны. Генералъ-адъютантъ Паскевичъ сначала намѣренъ былъ атаковать лѣвый флангъ Аббасъ-Мирзы, отдавая уступами свой правый; но большая рытвина помѣшала провозу артиллеріи и потому онъ рѣшился сдѣлать тоже самое движеніе въ противоположномъ направленіи, а чтобы скрыть маневръ свой, поручилъ генералъ-адъютанту Бенкендорфу, съ двумя казачьими и Серпуховскимъ уланскимъ полками, угрожать правому флангу Персіянъ; въ то же время генералъ-маіоръ князь Эристовъ (нынѣ сенаторъ), съ двумя дивизіонами Нижегородскаго драгунскаго и тремя баталіонами пѣхоты, долженъ былъ атаковать ущелье на нашемъ правомъ флангѣ. Завидя это, непріятель частію разсыпался по высотамъ, а частію бросился въ долину, между цѣпью горъ и высокимъ холмомъ, отдѣлявшимъ центръ отъ лѣваго его крыла. Въ это время драгуны сдѣлали удачную атаку, опрокинули Персіянъ и отбили знамя, а пѣхота русская овладѣла холмомъ, господствовавшимъ надъ всѣмъ протяженіемъ позиціи Аббасъ-Мирзы. Непріятель колебался и генералъ-адъютантъ Паскевичъ, не теряя времени, повелъ войска впередъ, приказавъ всей кавалеріи тѣснить отступавшихъ и гнать бѣжавшихъ по пятамъ. Драгунскій полкъ еще разъ произвелъ блистательную атаку и отбилъ главное непріятельское знамя, называемое «Побѣднымъ». Персіяне намѣревались удержаться на второй цѣпи возвышеній, но были отброшены и преслѣдуемы безостановочно. Пройдя еще 10 верстъ, генералъ-адъютантъ Паскевичъ остановился съ пѣхотою; кавалерія же гнала бѣгущихъ до ручья Джеванъ-Булахъ и далѣе. Самъ Аббасъ-Мирза едва успѣлъ спастись отъ нашихъ драгунъ; но ружье его, любимый оруженосецъ, множество сановниковъ и до ста плѣнныхъ, вмѣстѣ съ двумя знаменами, остались въ рукахъ побѣдителей. Убитыми Персіяне потеряли 400 человекъ. Уронъ съ нашей стороны состоялъ изъ одного штабъ-офицера, двухъ оберъ-офицеровъ и 38-ми нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя. Аб-

бастъ—Мирза заперся въ укрѣпленномъ лагерѣ въ Каразіадинѣ, гдѣ находилась его пѣхота, не участвовавшая въ дѣлѣ.

Джеванъ—Булахская побѣда, такъ названная по ручью, при которомъ окончилось дѣло, вселило въ славныхъ азіатскихъ всадникахъ должное уваженіе къ русской кавалеріи, и была, въ 1827 году, первой предвозвѣстницей тѣхъ громкихъ подвиговъ, которыми ознаменовалъ себя въ послѣдствіи генераль—адъютантъ Паскевичъ въ Персіи и Турціи. Мужество русскихъ войскъ въ этомъ сраженіи тѣмъ болѣе достойно удивленія, что они прошли около 80-ти верстъ безъ воды, въ самый знойный день.

Собственно Бенкендорфъ много способствовалъ къ одержанію этой знаменитой побѣды тѣмъ, что выдержалъ первый натискъ непріятеля; потомъ, стоя непоколебимо болѣе 4-хъ часовъ подъ сильнымъ огнемъ непріятельской батареи, опрокинулъ ее и, преслѣдуя форсированнымъ маршемъ, содѣйствовалъ центру нашему сбить съ возвышенностей Персіянъ и довершить пораженіе непріятеля.

По возвращеніи обратно въ лагерь на лѣвый берегъ Аракса, Бенкендорфъ, 6-го числа, участвовалъ въ ночномъ наблюденіи за крѣпостью Аббасъ—Абадомъ, чтобы не бѣжалъ изъ нея гарнизонъ. 7-го числа Аббасъ—Абадъ сдался, что было слѣдствіемъ Джеванъ—Булахской побѣды.

За отличную храбрость, оказанную, какъ въ дѣлѣ 5-го іюля, такъ и при осадѣ Аббасъ—Абада, Константинъ Христофоровичъ получилъ Высочайшее благоволеніе.

Потомъ Бенкендорфъ участвовалъ въ походѣ Паскевича черезъ Нахичеванъ къ Карабадѣ, и оттуда, 25-го, къ урочищу Караклисъ на рѣчкѣ Базаргай; а 29-го, вмѣстѣ съ корпуснымъ командиромъ, онъ поспѣшилъ къ Эривани на подкрѣпленіе генераль—лейтенанту Красовскому, угрожаемому Аббасъ—Мирзою, куда наши войска и прибыли 5-го сентября. Аббасъ—Мирза отступилъ. Вслѣдъ за тѣмъ Бенкендорфъ участвовалъ въ трехдневной экспедиціи графа Сухтелена 2-го, на селеніе Кульпъ, въ которомъ находились значительные запасы провіанта, принадлежавшіе Персіянамъ.

Потомъ онъ состоялъ при войскахъ, продолжавшихъ съ 11-го по 19-е число осаду Сардаръ—Абада, при чемъ командовалъ обсервационными войсками и участвовалъ: 11-го сентября при рекогносцировкѣ крѣпости и 19-го во взятіи

ея. Въ ночь на 20-е число Бенкендорфъ, вмѣстѣ съ генералами барономъ Розеномъ и Шабельскимъ, былъ посланъ съ кавалеріею преслѣдовать бѣжавшаго изъ крѣпости Гассанъ—Хана. Наши, настигнувъ Персіянъ, гнали болѣе 10-ти верстъ и нанесли имъ жестокое пораженіе. Потерявъ болѣе 500 чековѣкъ убитыми и ранеными и 250 плѣнными, Сардаръ—Абадскій гарнизонъ разсѣялся въ разныя стороны, и Гассанъ—Ханъ только со ста человекъ кавалеріи, пользуясь темнотою ночи, едва спасся отъ нашихъ уланъ и скрылся въ ущелии къ сторонамъ Талыни.

Отъ Сардаръ—Абада Паскевичъ, съ которымъ былъ и Бенкендорфъ, 22-го двинулся къ Эривани; съ 24-го началась осада этой крѣпости, при чемъ Константинъ Христофоровичъ опять командовалъ обсервационными войсками до самаго паденія этой знаменитой въ Азіи твердыни, послѣдовавшаго 1-го октября. Отсюда Бенкендорфъ вмѣстѣ съ главными нашими силами находился, съ 6-го по 19-е, въ походѣ къ Таврису.

Занятіе этого города побудило Персіянъ желать мира. Предварительно положено было, что если Аббасъ—Мирза согласится на предлагаемыя нами условія, то къ 2-му числу ноября прибудетъ съ небольшою свитою въ Чевистаръ, въ 60-ти верстахъ отъ Тавриса по Хойской дорогѣ, куда посланъ будетъ къ нему русской конвой.

Для этого конвоя Паскевичъ образовалъ отрядъ изъ 6-ти ротъ Нашебургскаго пѣхотнаго полка, баталіона Тифлискаго пѣхотнаго, Шамшева Донскаго казачьяго полка съ 12-ю орудіями Кавказской гренадерской бригады, легкой № 3-го роты и ввѣрилъ его генераль—адъютанту Бенкендорфу, съ приказаніемъ ожидать пріѣзда Персидскаго принца до 3-го ноября; а потомъ слѣдовать далѣе и занять Салмаскій округъ. 6-ти ротамъ Кабардинскаго пѣхотнаго полка, тремъ орудіямъ Донской конно—артиллерійской № 3-го роты и тремъ сотнямъ казачьяго полка Иловайскаго, подъ начальствомъ генераль—маіора Лаптева, въ тоже время приказано было занять городъ Хой. Въ случаѣ же неожиданнаго сопротивленія предписано послѣдному генералу требовать помощи отъ Бенкендорфа, который долженъ былъ тогда блокировать Хой, и, если бы понадобилось, требовать осадную артиллерію изъ Маранда.

Бенкендорфъ выступилъ въ Чевистаръ 28-го октября.

Между тѣмъ Аббасъ-Мирза, очистивъ городъ Хой, отошелъ изъ Салмаса къ Урміи. Амиръ-Асланъ-Ханъ Хойскій, занявъ этотъ городъ, извѣстилъ о томъ генераль-адъютанта Паскевича, который далъ повелѣніе генераль-маіору Лаптеву присоединиться съ своимъ отрядомъ къ генераль-адъютанту Бенкендорфу, а этому послѣднему, по проѣздѣ Аббасъ-Мирзы въ Дей-Карганъ, отправить для занятія Хой баталіонъ Тифлискаго пѣхотнаго полка съ подполковникомъ Высоцкимъ, которому и быть тамъ комендантомъ. Послѣ того, присоединивъ къ себѣ отрядъ генераль-маіора Лаптева, поручено было генераль-адъютанту Бенкендорфу двинуться къ Салмасу и занять дорогу, ведущую къ Урміи.

Вслѣдствіе такого повелѣнія, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, 4-го ноября, выступилъ изъ Чевистара, но, сдѣлавъ нѣсколько верстъ, узналъ, что Аббасъ-Мирза приближается, остановился на обширной равнинѣ близъ озера Урміи и послалъ на встрѣчу принцу назначенный ему въ конвой дивизионъ Нижегородскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ флигель-адъютанта графа Толстаго, а для встрѣчи — полковниковъ флигель-адъютанта князя Долгорукаго и командира Нижегородскаго драгунскаго полка Раевского. Наслѣдникъ Персидскаго Престола, замѣтивъ ихъ приближеніе, выѣхалъ къ нимъ самъ на встрѣчу, въ сопровожденіи Фетъ-Али-Хана, двухъ иностранныхъ офицеровъ и двухъ стремянныхъ, ѣхавшихъ съ нимъ рядомъ. Онъ принялъ съ большею учтивостью нашихъ полковниковъ, неоднократно увѣрялъ въ искреннемъ своемъ желаніи о скорѣйшемъ заключеніи мира, потомъ, проѣхавъ по фронту, поздоровался по-русски съ нашими солдатами. Приблизясь къ отряду, Аббасъ-Мирза просилъ, чтобы его встрѣтили съ пушечною пальбою. Въ угодность принцу, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ приказалъ сдѣлать шесть выстрѣловъ изъ двухъ конныхъ орудій. Встрѣтивъ генераль-адъютанта Бенкендорфа, Аббасъ-Мирза сказалъ ему: «Весьма радъ, что вы, генераль, который первый обнажилъ мечъ противъ меня въ нынѣшнемъ году, первый встрѣчаете меня наканунѣ мира.» Послѣ этого онъ сказалъ съ важностію и удивительнымъ приличіемъ: «Надобно много времени, чтобъ каждый народъ образовалъ для войны: мы только начали; вы также имѣли

свое время испытаній, прежде нежели дошли до той степени, на которой теперь находитесь.» За тѣмъ онъ примолвилъ: «Какъ бы то ни было, впередъ мы будемъ жить въ мирѣ; а въ ожиданіи этого, не правда ли, это довольно странно», — сказалъ онъ улыбаясь, — «что я у васъ въ гостяхъ, въ этой странѣ?» Послѣ того Аббасъ-Мирза осмотрѣлъ весь отрядъ, расположенный въ линію, обращалъ особенное вниманіе на артиллерію и весьма пристально разсматривалъ устройство пушекъ, былъ весьма пріятливъ и изъявлялъ желаніе знать поименно всѣхъ особъ, окружавшихъ генерала. Онъ просилъ генераль-адъютанта Бенкендорфа приказать части пѣхоты и конницы пройти мимо его церемониальнымъ маршемъ. По его желанію, Кабардинскій полкъ и драгунскій дивизионъ прошли мимо его. Стройность въ движеніяхъ, воинственная осанка и выправка нашихъ воиновъ весьма его удивляли. Одинъ только Аббасъ-Мирза умѣлъ казаться веселымъ до самаго конца свиданія; напротивъ того, на лицахъ особъ, составлявшихъ свиту принца, выразилось чувство оскорбленнаго самолюбія. При прощаніи Аббасъ-Мирза изъявилъ генераль-адъютанту Бенкендорфу величайшее удовольствіе, и сказалъ при томъ, что онъ весьма желалъ бы видѣть Его Величество Императора Всероссійскаго и всю Августѣйшую Фамилію, что будетъ стараться, какъ можно поспѣшнее заключить миръ, и надѣется увидѣться съ генераломъ Бенкендорфомъ въ Россіи.

Послѣ того Аббасъ-Мирза съ своимъ конвоемъ отправился въ Чевистаръ, а генераль-адъютантъ Бенкендорфъ двинулся къ Хою, и былъ встрѣченъ за городомъ ханами, сейдами, муллами и множествомъ народа съ изъявленіемъ покорности. Въ этомъ обширномъ городѣ, имѣвшемъ до 4000 домовъ, онъ получилъ въ добычу 14 орудій и довольно число разныхъ военныхъ запасовъ.

Вскорѣ заключенъ былъ славный Туркманчайскій миръ.

Климатъ и труды военные разстроили здоровье Бенкендорфа и ввергли его въ жестокую болѣзнь; но это не могло удержать его отъ участія въ войнѣ съ Турціею 1828 года. Преодолевая слабость тѣлесную, онъ снова обнажилъ мечъ. Командуя летучимъ отрядомъ, онъ пробрался къ Балканамъ въ тылъ непріятельской арміи, и 7-го іюля занялъ Праводы,

истребилъ турецкіе транспорты съ запасами и разогналъ непріятельскія партіи. Это былъ послѣдній его подвигъ.

Въ августѣ того же года болѣзнь прекратила дни славнаго генерала на 44-мъ году жизни. Онъ погребенъ, по желанію его, въ Стутгартѣ, возлѣ праха нѣжно-любимой имъ супруги — дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Алопеуса.

Въ нашемъ жизнеописаніи мы могли указать только на главнѣйшіе подвиги, которыми было ознаменовано военное поприще славнаго генерала; подробное изученіе ихъ, — какъ справедливо считаютъ, — можетъ служить лучшею школою партизанской войны.

Съ военными способностями Константина Христофоровича, которыя доставили имени его почетное мѣсто въ лѣтописяхъ русской славы, равняются и прекрасныя качества его души. Въ дружескихъ бесѣдахъ Константинъ Христофоровичъ восхищалъ своею кротостію и любезностію. Душа его, твердая въ опасностяхъ, вмѣщала въ себѣ нѣжнѣйшія чувствованія. Любовь, дружба, челолюбіе, благодарность составляли ея пищу. Почтительный къ начальникамъ, снисходительный къ младшимъ, безкорыстный, сострадательный, честный въ полномъ смыслѣ слова, мужественный до невѣроятности, Константинъ Христофоровичъ переносилъ всѣ трудности лагерной жизни наравнѣ съ простыми солдатами, былъ любимъ, уважаемъ всѣми и смѣло говорилъ

правду, преслѣдуя порочныхъ; думалъ не о себѣ, а объ общемъ благѣ. Его по всей справедливости можно назвать рыцаремъ чести. Въ то же время онъ былъ челолюбъ отличнаго образованія и начитанности: зналъ совершенно языки русскій, нѣмецкій, французскій, англійскій и итальянскій, свободно изъяснялся на нихъ и писалъ съ чувствомъ, съ умомъ и съ какимъ-то особеннымъ военнымъ лаконизмомъ. Въ *Съверной Пчелѣ* были помѣщены *Письма изъ Персіи*, во время кампаніи: о прибытіи Аббаса-Мирзы въ станъ российской и другіе; эти любопытные отрывки извлечены изъ писемъ Бенкендорфа, которыхъ онъ не думалъ печатать.

Кромѣ того, въ военной литературѣ онъ сдѣлался извѣстнымъ, весьма уважаемымъ сочиненіемъ на французскомъ языкѣ: «*О казакахъ и вообще о службѣ легкихъ войскъ.*»

Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ Николай Павловичъ, въ 1832 году, снисходя къ прошенію его брата, всѣмъ памятнаго Александра Христофоровича Бенкендорфа, — въ молодости также служившаго въ кавказскихъ рядахъ, — пожалованное послѣднему графское достоинство, по неимѣнію имъ дѣтей мужескаго пола, Всемиловѣйше распространилъ на единственнаго сына нашего героя, Константина Константиновича, нынѣ генералъ-адъютанта, — равномѣрно стяжавшаго извѣстность на Кавказѣ.

ГЕНЕРАЛЬ-МАІОРЪ ЛЕВЪ ЛЬВОВИЧЪ АЛЬБРАНТЬ.

Генераль-маіоръ Левъ Львовичъ Альбрантъ, — память о которомъ сохранится на Кавказѣ, какъ объ опытномъ и смѣломъ исполнителѣ воли начальства, основательномъ со-вѣтникѣ въ дѣлахъ, поручаемыхъ ему, и человѣкѣ, любившемъ горячо честь и славу русскаго имени, — родился въ 1804 г. и происходилъ изъ бѣдной дворянской фамиліи Херсонской губерніи. Дѣтство свое онъ провелъ въ домѣ родительскомъ, — въ деревнѣ.

Отецъ его занимался разведеніемъ табуновъ и продажею ихъ на ярмаркахъ. Естественно, что первоначальное воспитаніе ребенка было весьма ограничено, но за то, помогая отцу въ его промыслѣ, Альбрантъ съ молодости привыкъ къ полю и коню, и если отъ такого рода жизни страдало его книжное воспитаніе, зато развивались въ немъ другія качества, болѣе согласовавшіяся съ его послѣдующимъ направленіемъ.

1-го сентября 1819 года, Альбрантъ, —пятнадцатилѣтній юноша, началъ службу, поступивъ въ штатъ канцеляріи Херсонскаго военнаго губернатора, и на слѣдующій годъ получилъ два чина: 1-го января—губернскаго, а 8-го іюля—

коллежскаго регистратора. Но не долго онъ оставался въ этой канцеляріи, будучи 16 мая 1823 года уволенъ изъ нея, и чрезъ двѣ недѣли, 1-го іюня, опредѣлился въ канцелярію попечителя Керченской и Бугазской торговли съ Черкесами и Абазинцами. Здѣсь усердная его служба была награждена опять двумя чинами: 31-го августа 1824 г. — губернскаго, а 17-го сентября 1827 г. — коллежскаго секретаря. Однако, 30-го марта 1828 года, и изъ этой канцеляріи онъ былъ уволенъ, по прошенію, и опредѣлился 17-го іюня того же года въ канцелярію управляющаго полевымъ комиссаріатомъ бывшей Второй арміи, съ переименованіемъ въ 10-й классъ; а по присоединеніи комиссаріатской части къ интендантству, поступилъ, 13-го декабря того же года, въ канцелярію генераль-интенданта.

Въ то время храбрыя войска 2-й арміи находились за Дунаемъ, на слѣдующій годъ перешагнули Балканы, и наши славныя знамена побѣдовосно развѣялись въ виду Царьграда. 24-хъ-лѣтній Альбрантъ участвовалъ, съ 17-го іюня 1828 года по 24-е апрѣля 1830 года, въ блистательномъ походѣ, въ качествѣ комиссаріатскаго и интендантскаго чиновника,

и въ эти два года получилъ расположеніе къ военной службѣ и познакомился съ ея потребностями и лишеніями. Но судьба не хотѣла еще пустить его по дорогѣ, соответствовавшей его наклонностямъ. По возвращеніи изъ Турціи, въ 1830 году, онъ снова былъ уволенъ, по прошенію, для опредѣленія къ другимъ дѣламъ, а 4-го октября поступилъ въ канцелярію главнокомандовавшаго Первою арміею, барона фонъ-деръ-Остенъ-Сакена. Получивъ 1-го января 1831 года чинъ 9-го класса, онъ, 14-го ноября, былъ уволенъ опять въ отставку, по разстроенному здоровью. Такимъ образомъ, въ непрерывныхъ переходахъ изъ вѣдомства въ вѣдомство прошло 13 лѣтъ жизни нашего героя: служба представляла ему мало привлекательнаго; здоровье, поколебленное молдавскими лихорадками, ослабѣло, а сердечное спокойствіе было отравлено горячею привязанностію безъ отвѣта. Провидѣніе какъ будто его испытывало. Чтобы положить конецъ всѣмъ этимъ невгодамъ, Альбрантъ рѣшился служить на Кавказѣ.

6-го сентября 1832 года онъ былъ зачисленъ въ канцелярію главноуправлявшаго въ Грузіи и, на основаніи постановленій о тамошней службѣ, 16-го декабря того же года, произведенъ въ коллежскіе ассессоры со старшинствомъ съ 1-го сентября.

Трудно было выбрать болѣе удачное время для начала воинскаго поприща.

Въ продолженіе предшествовавшихъ пяти лѣтъ, дикія племена Кавказскихъ горцевъ неоднократно возставали противъ правительства нашего, возбужденныя къ тому Шахъ-Кази-Муллою. Этотъ *честолюбецъ*, замысливъ сдѣлаться независимымъ властителемъ Дагестана, явился между своими однородцами пророкомъ, свыше посланнымъ для восстановления шаріата — духовнаго во всѣхъ правительскихъ дѣлахъ суда.

Съ 1828 года, требованія разныхъ дагестанскихъ племенъ, о предоставленіи имъ этого суда, были поводомъ къ частымъ между ними смутамъ и безпокойствамъ. Между тѣмъ, Кази-Мулла, не участвуя въ нихъ явно, тайно умножалъ число своихъ приверженцевъ и послѣдователей распространяемаго имъ ученія; но въ началѣ 1830 года замыслы его положительно обнаружились.

Въ февралѣ того года, собравъ около 6000 послѣдователей своихъ — *мюридовъ*, онъ вооруженною рукою принуждалъ цѣлыя селенія и общества къ принятію его ученія. Но значительная часть собраннаго имъ отряда была разбита и разсѣяна при Хунзахѣ, а велѣдъ за тѣмъ генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ 4-й съ отрядомъ подступивъ къ селенію Гимри, къ убѣжищу Кази-Муллы, принудилъ Кайсубулинцевъ къ покорности.

Кази-Мулла, изгнанный изъ этого селенія самими жителями и скитаясь между дикими племенами Дагестана — Чеченцами, Галгаевцами, Карабулаками и др., перенесъ къ нимъ свое ученіе. Возбудивъ эти племена къ возстанію, онъ устремлялъ толпы ихъ на селенія, жители которыхъ оставались вѣрными правительству, и неоднократно нападалъ даже на отряды нашихъ войскъ; но поражаемый, при каждой съ ними встрѣчѣ, онъ оставлялъ на жертву своихъ мюридовъ, чтобы вновь, въ иномъ мѣстѣ, возжечь пламень непокорности.

Такимъ образомъ, возмутивъ въ 1831 году Сѣверный Дагестанъ, Кази-Мулла сдѣлалъ нападеніе на крѣпость Бурную; но, отраженный гарнизономъ ея, 27-го мая, и разбитый генераль-маіоромъ Кохановымъ, 29-го мая, при Тарки, бѣжалъ въ Чечню. Тамъ, собравъ новыя толпы, атаковалъ крѣпость Грозную, подъ которою, 23-го іюня, равномерно былъ разбитъ и, 20-го августа, явился предъ Дербентомъ; но съ приближеніемъ къ этой крѣпости войскъ нашихъ изъ Тарки и Шемахи, снова вынужденъ былъ бѣжать въ горы. Здѣсь, разбитый, 1-го ноября, при селеніи Ачехи, генераль-адъютантомъ Панкратьевымъ, и, послѣ удачнаго поиска на предмѣстіи Кизляра, 1-го декабря, при Чумкескенѣ, извѣстнымъ храбростію полковникомъ Миклашевскимъ, онъ опять нашелъ убѣжище въ Гимри.

Но и послѣ всѣхъ этихъ неудачъ, Кази-Мулла, увѣренный въ своихъ единовѣрцевъ и счастливый побѣдами, не остался въ покоѣ.

Съ ранней весны 1832 года собралъ онъ значительныя толпы горцевъ въ Чечнѣ и обратился сперва къ крѣпости Владикавказу, а потомъ къ крѣпости Грозной; но, провѣдавъ о сильномъ положеніи первой и бывъ отраженъ отъ последней, въ рѣшительной вылазкѣ ея гарнизона, онъ удалился

въ горы, гдѣ, волнуя народъ и набирая новыхъ послѣдователей, вступилъ въ сношенія съ Дагестанцами, Кабардинцами и даже Закубанцами.

Чтобы положить конецъ дальнѣйшимъ поискамъ этого предводителя и непрерывно возобновлявшимся частымъ возстаніямъ горскихъ обществъ, въ Божѣ почивающій Государь Императоръ призналъ за благо предпринять въ 1832 году одновременную и общую экспедицію противу всѣхъ племенъ, виновныхъ въ соучастіи съ Кази-Муллою, или, — говоря словами Высочайшаго приказа *), *непоколебимому мужеству храбрыхъ воиновъ* Кавказкаго Корпуса Всемилостивѣйше *всприль усмирненіе дикихъ и необузданныхъ племенъ дагестанскихъ: Лезгинъ, Чеченцевъ, Галаевцевъ и Карабулаковъ и водвореніе между сими народами спокойствія и покорности правительству.*

Подвигъ этотъ совершенъ былъ Кавказскими войсками *съ успѣхомъ, ожиданіямъ* Августѣйшимъ *вполнѣ соотвѣтствовавшимъ.* Повсюду поражали они непокорныхъ, и быстрого дѣйствія ихъ не могли остановить ни безчисленныя препятствія, воздвигнутыя на пути самою природою, ни отчаянная храбрость мятежниковъ. Толпы горцевъ истреблены на стремнинахъ и въ ущельяхъ Кавказа, въ продолженіе многихъ вѣковъ почитавшихся неприступными и непроходимыми, и самъ Кази-Мулла палъ, тщетно защищая противъ насъ *послѣднее убѣжище* дикихъ своихъ однородцевъ, *знаменитое на Кавказъ неприступностію своею — Гимри.*

Въ этой блестящей экспедиціи, стяжавшей Кавказскому войску, — по словамъ въ Божѣ почивающаго Монарха **), — полное право на Всемилостивѣйшую *благодарность, торжественное изъявленіе которой* составило для Августѣйшаго Государя *пріятный долгъ,* участвовалъ, по собственному желанію, гражданскій чиновникъ Альбрантъ, бывъ прикомандированъ ко 2-му конному Закавказскому полку.

*) Высочайшій приказъ войскамъ Отдѣльнаго Кавказкаго Корпуса, отданный въ С. Петербургѣ, ноября 16-го дня 1832 года.

**) Тамъ же.

Барону Розену надлежало лично открыть экспедицію усмиреніемъ Галаевцевъ, поручивъ въ то же время генералъ-лейтенанту Вельяминову атаковать Карабулаковъ, съ тѣмъ, чтобы, по исполненіи этого, оба отряда соединились для наказанія непокорныхъ Чеченцевъ, и за тѣмъ окончательно обратились на непокорныхъ Дагестанцевъ.

Съ неимовѣрною быстротою и успѣхомъ исполнили оба отряда предлежашія имъ военныя дѣйствія, повсюду преодолевая сопротивленіе непріятели и безчисленныя препятствія, противопоставляемая природою, и однѣ кучи обгорѣлыхъ развалинъ указывали мѣста непокорныхъ ауловъ, а устрешенные жители, спасшіеся въ лѣса, не слушали уже зова проповѣдника.

Здѣсь не мѣсто описывать во всей подробности славнаго похода.

Альбрантъ участвовалъ, 22-го августа, въ перестрѣлкѣ при переходѣ чрезъ Аргунъ и слѣдованіи главнаго отряда къ деревни Шали, а на другой день находился при взятіи штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Герменчукъ, при которомъ горы оказали дивное сопротивленіе. Полагаясь на неприступность мѣста и на обѣщанія Кази-Муллы прибыть туда лично, съ значительнымъ подкрѣпленіемъ, 3000 Чеченцевъ сопротивлялись рѣшительно. Но чудное мужество войскъ нашихъ восторжествовало надъ ними. Подъ защитою убійственнаго артиллерійскаго огня, наши бросились на аулъ и, дѣйствуя одними штыками, овладѣли имъ и обратили Чеченцевъ въ бѣгство. Ожесточеніе, съ которымъ дрался непріятель, можно назвать *безпримѣрымъ.* Это доказываетъ, между прочимъ, драматическая гибель муллы Абдаррахмана съ 60-ю мюридами.

Альбрантъ, въ памятный день этотъ, обратилъ на себя вниманіе мужественнымъ поведеніемъ въ жаркомъ рукопашномъ бою, длившемся довольно долгое время, въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ аула и въ прилегавшихъ къ нему садахъ.

Послѣ этого подвига Кавказскихъ войскъ, Альбрантъ, пробывъ нѣсколько времени въ Чечнѣ, съ отрядомъ, занимавшимъ Герменчукъ, поступилъ съ полкомъ, къ которому былъ прикомандированъ, въ составъ отряда, порученнаго генералъ-маіору Вальховскому для экспедиціи къ селенію Беной, продолжавшейся съ 7-го по 15-е сентября. При

этомъ онъ участвовалъ въ перестрѣлкахъ: 7-го — при нападении на чеченскіе хутора въ Маіортунскомъ лѣсу, 8-го — при переходѣ чрезъ р. Гудермесъ, 9-го — при занятіи Сентури и слѣдованіи къ Белготою, при переходѣ чрезъ Аксай и въ дѣлѣ при занятіи высотъ Бенойскихъ и самаго селенія Беноя, а съ 10-го числа ежедневно при отраженіи непріятеля во время обратнаго слѣдованія отряда.

Между тѣмъ баронъ Розенъ, возвратившись въ главный отрядъ, который онъ оставилъ послѣ Германчуга, чтобы водворить спокойствіе на Лезгинской Линіи, куда спустился смѣлый Гамзатъ-Бекъ, рѣшился идти къ Гимрамъ, главному скопищу горцевъ, куда успѣлъ Казі-Мулла вновь сосредоточить своихъ мюридовъ. Но это было дѣло не легкое.

Дорога со стороны Чечни къ этому крѣпкому отъ природы и искусно укрѣпленному аулу представляла необыкновенныя затрудненія: сперва она поднимается отъ селенія Карапай на вершину высокаго, всегда покрытаго снѣгомъ, хребта, съ котораго потомъ опускается, на протяженіи четырехъ верстъ, по узкой, едва замѣтной и чрезвычайно крутой и каменной тропѣ, вырубленной въ скалѣ вдоль косогоровъ и бездонныхъ обрывовъ; далѣе, на такомъ же пространствѣ, идетъ тѣсными скалистыми уступами, изъ которыхъ съ одного нельзя было спуститься иначе, какъ съ помощью приставляемой лѣстницы; наконецъ, эта дорога соединялась съ другою, ведущею къ сел. Ерпели, и болѣе и болѣе стѣняясь поднимающимися съ обѣихъ сторонъ, почти отвѣсными, скалистыми высотами, предъ самымъ ауломъ была перерѣзана тремя каменными завалами, или, правильнѣе, *стѣнами*, изъ которыхъ первый защищали двѣ каменные башни и весьма искусно устроенные по скатамъ въ нѣсколько ярусовъ каменные завалы, для обстрѣливанія стѣнъ.

11-го октября генераль-лейтенантъ Вельяминовъ, командовавшій авангардомъ, пользуясь густымъ туманомъ, сошелъ съ частію ввѣренныхъ ему войскъ съ перваго спуска, и, вытѣснивъ отсюда непріятельскую засаду, немедленно приступилъ къ разработкѣ дороги. Чрезъ шесть дней, въ продолженіе которыхъ отрядъ, съ неимовѣрными усиліями и трудами, подвигался шагъ за шагомъ, разработывая дорогу, отражая непріятеля и выбивая его изъ заваловъ, во многихъ мѣстахъ по дорогѣ устроенныхъ, достигъ, 17-го

октября, до соединенія путей, ведущихъ въ Гимри, по знаменитой своею неприступностію тѣснинѣ, о которой горцы говорили: «что Русскіе развѣ съ дождемъ сойти въ нее могутъ.»

Прежде вступленія въ эту тѣснину, надобно было очистить отъ непріятеля высоты, командовавшія перекресткомъ, образуемымъ пересѣкающимися дорогами, чтобы обезпечить сообщеніе войскъ, вступающихъ въ тѣснину, съ остающимися за нею.

Предпріятіе это было исполнено съ примѣрною рѣшительностію баталіономъ Эриванскаго карабинернаго полка, подъ начальствомъ бывшаго флигель-адъютанта князя Дадіана, который поднялся на скалы съ быстротою, изумившею горцевъ, и принудившею ихъ къ бѣгству. Послѣ этого началась атака тѣсины. Часть Бутырскаго полка направлена была по самой вершинѣ горы, Эриванскій карабинерный и 41-й егерскій полки на верхніе завалы; другая часть Бутырскаго — на нижніе завалы; двѣ роты Тифлискаго пѣхотнаго полка на завалы, вправо примыкавшіе къ первой каменной стѣнѣ и, наконецъ, другимъ двумъ ротамъ Тифлискаго пѣхотнаго полка и одному баталіону Херсонскаго гренадерскаго предоставлена была честь исполнить отважное дѣло — штурмъ самой стѣны. Въ этихъ послѣднихъ войскахъ находился и Альбрантъ, въ рядахъ охотниковъ. При приближеніи къ первому завалу, мертвая тишина защитниковъ предупредила нападавшихъ о рѣшительности горцевъ дорого уступить свое мѣсто. Войска наши приостановились; но Альбрантъ не вытерпѣлъ: увлеченный вдохновеніемъ храбрости, онъ выскочилъ изъ рядовъ и первый очутился на завалѣ, при громѣ залпа. Такая отвага стоила ему дорого: получивъ двѣ раны пулями въ грудь и плечо и контузію въ лѣвую ногу ниже колѣна, онъ скатился облитый кровью и былъ вынесенъ изъ дѣла. Такимъ образомъ нашъ герой блистательно заслужилъ честь носить военный мундиръ, данный ему за это съ чиномъ штабсъ-ротмистра, въ который онъ переименованъ 18-го ноября 1832 года, съ состояніемъ по кавалеріи.

Подвигъ этотъ, однако, едва не стоилъ жизни Альбранту. Здоровье его, сильно разстроенное, медленно поправлялось. Этимъ легко объяснить, почему онъ не принималъ участія

въ военныхъ дѣлахъ 1833 года, впрочемъ, не ознаменованнаго особенно важными происшествіями, потому что погибель Кази-Муллы въ Гимрахъ произвела сильное впечатлѣніе въ горахъ; а преемникъ власти его, Гамзатъ, еще только укрѣплялъ вліяніе свое въ Аваріи. Но едва раны Альбранта зажили, какъ онъ, назначенный, 2-го іюня 1834 года, старшимъ адъютантомъ въ Штабъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, осенью этого года, находился уже въ рядахъ дѣйствовавшихъ войскъ на правомъ флангѣ: съ 12-го по 15-е сентября при движеніи для истребленія Ангоровскаго аула; 16-го октября — при разсѣяніи скопищъ Закубанскихъ родовъ; 4-го ноября — при истребленіи Тамовскаго аула, лежавшаго у вершинъ рѣки Лабы, и 6-го декабря — при наказаніи аула Абадзехскаго старшины Али-Харцызова, — за что онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, Всемилостивѣйше пожалованнымъ 28-го іюля 1835 года. Вслѣдъ за тѣмъ, 7-го сентября, онъ переведенъ въ храбрый Нижегородскій (нынѣ Нижегородскій Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго) драгунскій полкъ, съ переименованіемъ въ штабсъ-капитана и съ оставленіемъ въ той же должности.

Въ сентябрѣ 1836 года онъ снова находился на Лабинской Линіи, участвовалъ въ движеніяхъ съ 21-го по 28-е число этого мѣсяца къ вершинамъ Лабы, для встрѣчи партій закубанскихъ хищниковъ, предпринявшихъ вторженіе въ наши границы; потомъ, въ погонѣ за этою партіею до Баталпашинска, и въ преслѣдованіи ея, во время обратнаго бѣгства, до вершинъ Кубани, и личною храбростію много содѣйствовалъ къ пораженію хищниковъ 26-го сентября у вершинъ Малаго Зеленчука въ Касаутскомъ ущельѣ. Наградой ему былъ чинъ капитана, Всемилостивѣйше пожалованный, «за отличіе противъ горцевъ», 24-го декабря 1836 года.

Промежутки между этими экспедиціями, Альбрантъ проводилъ въ Тифлисѣ, гдѣ всѣ досуги свои посвящалъ чтенію и дополнялъ недостатки своего первоначальнаго образованія.

Наступилъ 1837 годъ, навсегда памятный для Кавказа посѣщеніемъ края въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ и важными военными происшествіями.

Занятіе восточнаго берега Чернаго Моря рядомъ укрѣп-

лений было предположено уже прежде; но въ 1837 году рѣшились привести это важное предположеніе къ окончанію—экспедиціею къ племенамъ, занимающимъ побережье. Для лучшаго направленія военныхъ дѣйствій, баронъ Розень самъ принялъ начальство надъ собранными для того войсками. Альбрантъ сопровождалъ корпуснаго командира въ этомъ походѣ, въ должности отряднаго дежурнаго штабъ-офицера.

Экспедиція, по самой цѣли, которой предположено было достигнуть, состояла изъ двухъ отдѣльныхъ дѣйствій: поиска въ землю Цебельдинцевъ и занятія десантными отрядами разныхъ пунктовъ восточнаго берега Чернаго Моря, на которыхъ нужно было возвести укрѣпленія. Для достиженія первой цѣли, отрядъ двинулся изъ Сухумъ-Кале, 30-го апрѣля, по направленію къ горѣ Агишь. Занятіе подошвы этой горы, 3-го мая, послѣ перестрѣлки и прогнанія Цебельдинцевъ на ея вершину, представило Альбранту первый случай отличиться въ этой экспедиціи.

Черезъ день, 5-го мая, при спускѣ съ возвышенности, онъ снова принималъ дѣятельное участіе въ бою съ неприятелемъ, упорно наставшимъ на нашъ арріергардъ; 10-го — онъ участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ горцами при выборѣ пастбищныхъ мѣстъ, 11-го — былъ въ перестрѣлкѣ и ходилъ охотникомъ на штурмъ заваловъ, подѣланныхъ Цебельдинцами для защиты четырехъ ауловъ, расположенныхъ около деревни Антопырь, при чемъ горцы были вытѣснены изъ-за-заваловъ, и самые аулы разорены; 17-го — участвовалъ въ перестрѣлкѣ съ Цебельдинцами при открытіи мѣстъ удобныхъ для водопоя. Но это было только началомъ трудовъ, ожидавшихъ наши храбрыя войска. Отъ 2-го до 7-го іюня заняты были разные урочища побережья, безъ особаго сопротивленія со стороны горцевъ, потому что они стягивали силы свои къ мысу Адлеру, куда отрядъ нашъ приблизился на судахъ.

7-го іюня, при первомъ вызовѣ охотниковъ для занятія опушки густаго лѣса, начинавшагося шагахъ во стѣ отъ моря, Альбранту, по его собственному вызову, было поручено начальство надъ передовыми стрѣлками.

Какъ на праздникъ отправился нашъ герой на опасное порученіе. Надѣвъ на себя новые эполеты и аксельбанты, —

по странному желанію быть виднѣе, — онъ бросился въ лодку и, съ первыми охотниками, былъ на берегу. Небольшія толпы горцевъ, бродившія предъ лѣсомъ, безъ выстрѣла, скрылись въ гущѣ его. Дождавшись высадки остальныхъ вѣранныхъ ему стрѣлковъ, Альбрантъ быстро повелъ ихъ къ опушкѣ лѣса и, не встрѣчая сопротивленія, но предвидя его, уложилъ сподвижниковъ въ развѣсистой тѣни, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Между тѣмъ высадилась Мингрельская милиція, подъ предводительствомъ капитана Кокума, подвинулась тоже къ опушкѣ лѣса и стала лѣвѣе Альбранта; а за нею прибылъ на берегъ и баронъ Розенъ, со всѣмъ своимъ штабомъ и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ раздался барабанный бой; Альбрантъ вскочилъ, и, не довѣряя себѣ, спросилъ лежавшаго подлѣ него стараго унтеръ-офицера, закаленнаго въ кавказскихъ бояхъ, не слышалъ ли онъ сигнала къ движенію впередъ? Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, онъ двинулся съ цѣпью въ лѣсъ, не имѣя времени замѣтить, что капитанъ Кокумъ, съ своею милиціею, не трогаясь съ мѣста. На первыхъ шагахъ Альбрантъ встрѣтилъ затрудненія только отъ густой растительности, зеленая чаща которой скоро скрыла его отъ отряда; но, по мѣрѣ того, какъ онъ вдавался въ глубь лѣса, прислушиваясь, не будетъ ли сигнала къ остановкѣ, безмолвная дотолѣ чаща стала постепенно оживляться свистомъ пуль, сыпавшихся справа и слѣва, оставляя въ храброй командѣ кровавые слѣды невидимаго врага. Но это не удержало нашего героя: остановиться предъ опасностью, когда велѣно было наступать, составляло не его правило, и онъ пошелъ на проломъ — впередъ. Наконецъ, лѣсъ сталъ рѣдѣть, показался плетень изъ колючекъ и раздался лай собакъ, обличавшихъ близость аула. Тогда, въ первый разъ, Альбранту пришла мысль: не зашелъ ли онъ слишкомъ далеко, и онъ рѣшился послать находившагося у него въ цѣпи прапорщика Бестужева (Марлинскаго) съ двумя рядовыми, къ начальнику штаба за новыми приказаніями, въ ожиданіи которыхъ снова уложилъ свою команду подъ плетнемъ. Бестужевъ, преодолевъ тысячу смертей, выбрался невредимымъ изъ лѣса, и, объяснивъ генералу Вальховскому положеніе цѣпи, получилъ въ отвѣтъ приказаніе Альбранту отступать. На обратномъ пути Бестужевъ былъ убитъ пу-

лею, но два спутника его успѣли достигъ Альбранта и передали слышанный ими приказъ. Отступленіе было труднѣе натиска: горцы, слѣдившіе изъ-за-деревьевъ за движеніемъ горсти смѣльчаковъ, поняли, что теперь настала нашимъ послѣдняя минута, и съ гикомъ бросились на отступающихъ въ шашки; тутъ уже выстрѣловъ почти не было слышно, но каждый шагъ стоилъ кому-нибудь жизни, и только стоны умирающихъ прерывали звонкіе удары холоднаго оружія. Странная вещь: блестящій мундиръ Альбранта послужилъ ему спасеніемъ! Горцы приняли его за чрезвычайно важнаго чловѣка, и не стрѣляли по немъ, желая захватить въ плѣнъ живымъ. Это предпочтеніе не спасло его, однако, ни отъ кинжаловъ, ни отъ шашекъ, которые, съ усиленнымъ стараніемъ, сосредоточивали на немъ свои удары, и Левъ Львовичъ самъ признавался, что если онъ остался цѣлъ и живъ, то этимъ обязанъ единственно отчаянной храбрости двухъ молодыхъ солдатъ изъ Поляковъ, шедшихъ возлѣ него, постоянно защищавшихъ его и выползшихъ, можно сказать, изъ лѣса съ ужасными ранами на головѣ и рукахъ, — ранами, которыхъ большая половина назначалась Альбранту. Только 80 чловѣкъ вышли изъ лѣса въ пятомъ часу пополудни, послѣ упорнаго четырехъ-часоваго боя. Покрытый кровью, съ лицомъ почернѣвшимъ отъ пороховаго дыма, съ глазами, блестящими всею радостью полнаго сознанія жизни, обновленной на предлѣ близкой смерти, Альбрантъ подошелъ къ барону Розену, встрѣтившему его холоднымъ вопросомъ: «Что вы дѣлали такъ долго въ лѣсу?»*). Строгое, но справедливое замѣчаніе это, какъ камень легло на сердце Альбранта, и было ему хорошимъ урокомъ за запальчивую храбрость, такъ что долго послѣ того онъ не могъ вспомнить объ немъ хладнокровно.

Какъ не безуспѣшно было это дѣло, все же оно принесло значительную пользу отряду: горцы, занятыя наблюденіемъ за движеніемъ Альбранта, оставили главныя силы въ покоѣ, и дали имъ время укрѣпить свой лагерь. Но вскорѣ непріятель опомнился, и Альбрантъ 9-го іюня успѣлъ отличиться при сильной атакѣ горцами нашихъ аванпостовъ,

*) Ханьковъ, «Очеркъ служебной дѣятельности генерала Альбранта», въ *Кавказъ*, 1850 г., № 27.

прикрывавшихъ лѣвый флангъ лагеря; 10-го участвовалъ въ прогнаніи непріятельскихъ скопищъ, собравшихся на лѣвомъ берегу р. Мзымты и противъ лѣваго фланга и центра передовой цѣпи, причѣмъ перестрѣлка продолжалась до вечера 12-го числа; и наконецъ, 14-го и 15-го, храбро дрался въ цѣпи, прикрывавшей лагерь. За успѣшное совершение этого важнаго предпріятія, въ приказѣ по Корпусу 24-го іюля 1837 года, объявлено было ему, въ числѣ прочихъ, Высочайшее благоволеніе.

Въ томъ же году онъ еще разъ удостоился получить Высочайшее благоволеніе за примѣрный порядокъ и отличное устройство, найденные Государемъ Императоромъ, 9-го октября, при осмотрѣ Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Вслѣдъ за этимъ, судьба готовила Альбранту новый блистательный случай показать свои способности во всей силѣ.

Персидскій шахъ отправилъ наслѣднаго принца, Насеръ-Эддина-Мирзу, съ правителемъ Азербейджана, Эмиръ-Низамомъ, для привѣтствія Августѣйшаго Сосѣда, на рубежѣ обоюдныхъ владѣній. Милостивый пріемъ, оказанный Его Императорскимъ Величествомъ въ Эривани Персидскому наслѣдному принцу, имѣлъ самыя благодѣтельныя послѣдствія для сношеній нашихъ съ Персіею.

Между прочимъ, незабвенному Государю угодно было выразить Эмиръ-Низаму желаніе свое, чтобы баталіонъ, составленный въ Персіи, изъ русскихъ военноплѣнныхъ въ послѣднюю войну и перебѣжчиковъ, былъ распущенъ; чтобы солдаты, находившіеся въ составѣ его, были возвращены въ отечество и чтобы впредь запрещено было принимать въ Персидскихъ владѣніяхъ нашихъ бѣглецовъ. Содержаніе Высочайшаго разговора было передано, по повелѣнію Его Величества, генераль-адъютантомъ барономъ Розеномъ, въ октябрѣ 1837 года, полномочному министру нашему въ Персіи, графу Симоничу, съ тѣмъ, чтобы онъ склонилъ Мухамедъ-Шаха исполнить справедливое требованіе нашего правительства, съ объявленіемъ, что если дезертиры не будутъ выданы, то миссія наша оставитъ Персію и всѣ сношенія съ нею будутъ прерваны. Шахъ находился тогда подъ Гератомъ, и потому графъ Симоничъ, не имѣя возможности немедленно приступить къ переговорамъ по этому предмету,

и не желая подвергнуть успѣхъ такого труднаго порученія промедленіямъ, сопряженнымъ съ перепискою, представилъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, что въ согласіи шаха онъ не сомнѣвается, но опасается встрѣтить сильное сопротивленіе какъ въ начальникахъ баталіона, такъ и въ самыхъ солдатахъ, изъ которыхъ многіе оставили отечество по совершеніи болѣе или менѣе важныхъ проступковъ, и потому побоятся возвратиться въ Россію, если нашему правительству не угодно будетъ оказать имъ нѣкотораго снисхожденія при оцѣнкѣ ихъ прежней службы. Графъ Симоничъ считалъ такую малость тѣмъ болѣе необходимо, что, при тогдашнемъ неустройствѣ дѣлъ въ Персіи, сопротивленіе дезертировъ могло для самого шаха быть помѣхою при исполненіи Высочайшей воли.

Вслѣдствіе этого, 25-го января 1838 года, состоялось Высочайшее повелѣніе, сообщенное вице-канцлеромъ полномочному министру, что Государь Императоръ, въ благосердіи своемъ, Всемилостивѣйше соизволяетъ ему объявить: полное прощеніе всѣмъ воинскимъ чинамъ баталіона, которые изъявятъ добровольно желаніе возвратиться на родину; дозволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые въ Персидской службѣ получили офицерскіе чины, выйти, по переходѣ чрезъ наши границы, въ отставку и возвратиться куда кто пожелаетъ, съ сохраненіемъ того званія, которое имѣли до поступленія въ службу шаха и, наконецъ, принятіе на счетъ казны всѣхъ издержекъ по выводу баталіона отъ Тавриза до границы. Для большаго-же успѣха этого дѣла, графу Симоничу разрѣшено было ѣхать лично въ лагерь подъ Гератъ.

Шахъ дѣйствительно изъявилъ полное согласіе на требованія Государя Императора (не искренное, какъ въ послѣдствіи увидимъ). Но, какъ большая часть баталіона находилась въ походѣ и въ ней Персіяне полагали главную надежду на взятіе Герата, то, отложивъ распоряженія на счетъ выдачи баталіона до окончанія военныхъ дѣйствій, Магометъ, для начала исполненія Высочайшей воли, отправилъ, чрезъ графа Симонича, къ генеральному консулу нашему въ Тавризъ два дестхата, или собственноручныя повелѣнія, на имя главнокомандовавшаго въ Азербейджанѣ, брата своего принца Каграмана Мирзы и на имя управлявшаго въ Азербейджанѣ главнокомандовавшаго Персидскими войсками

Эмиръ—Низама Магометъ—Хана, которыми предписывалъ: собрать всѣхъ нашихъ перебѣжчиковъ, жившихъ во ввѣренной имъ области *) и передать ихъ нашему генеральному консулу.

Генераль—маіоръ графъ Симоничъ, препроводивъ эти дестхаты нашему генеральному консулу въ Тавризъ, статскому совѣтнику Кодицу, для отдачи по принадлежности, обратился въ то—же время съ просьбою къ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генералу отъ инфантеріи Головину 1—му, о присылкѣ офицера для вывода дезертировъ, объясняя, что успѣхъ дѣла будетъ совершенно зависѣть отъ выбора этого послѣдняго.

Отправленіе вооруженной команды казалось столько—же опаснымъ, сколько и бесполезнымъ: опаснымъ потому, что команда, въ случаѣ неудовольствія необузданныхъ жителей Персіи, могла погибнуть; бесполезнымъ потому, что дезертиры наши, увидя, что за ними присланы войска, разбѣжались—бы. Поэтому Головинъ командировалъ въ Персію Албранта, предписавъ ему одною нравственною силою вывести оттуда нашихъ перебѣжчиковъ, стараясь пробудить въ нихъ любовь къ Государю и Отечеству и чувства къ святой Вѣрѣ.

Но, прежде чѣмъ приступимъ къ описанію дѣйствій Албранта въ Персіи, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о значеніи баталіона въ новомъ отечествѣ перебѣжчиковъ.

Большое протяженіе границы нашей съ Персією, необходимость содержать на разныхъ пунктахъ ея, или вблизи оттуда, значительныя воинскія команды и трудность усмотрѣть за переходомъ чрезъ сухую границу были до Туркманчайскаго трактата постоянными причинами, способствовавшими побѣгамъ за границу тѣхъ изъ нашихъ военно—служившихъ, которые, совершивъ какое либо преступленіе, искали въ постыдномъ укрывательствѣ избавленія отъ заслуженнаго ими наказанія. Такимъ образомъ, въ разныхъ мѣстахъ пограничныхъ намъ ханствъ Персіи образовались, болѣе или менѣе

*) Въ Тавризѣ, Самлазахъ, Хоъ и прочихъ мѣстахъ Азербейджана находилось около 200 человекъ дезертировъ, составлявшихъ баталіонный резервъ. Большая часть изъ нихъ была поселена и жила въ изобиліи.

значительные, зародыши Русскаго населенія; сносясь по временамъ съ бывшими своими товарищами, бѣглецы и ихъ уговаривали послѣдовать своему преступному примѣру и облегчали самыя средства къ побѣгу. Эта основа бѣлаго населенія увеличилась военно—плѣнными, взятыми Персіянами въ послѣднюю войну и не захотѣвшими воспользоваться размѣномъ по Туркманчайскому трактату. Въ числѣ первыхъ перебѣжчиковъ находился вахмистръ Нижегородскаго драгунскаго полка Самсонъ Яковлевъ Маклинцевъ, въ разсматриваемое время уже Персидской службы генераль—лейтенантъ. Перешедшій въ Азербейджанъ въ самый разгаръ дѣятельности Аббасъ—Мурзы и будучи одаренъ отъ природы смѣтливимъ умомъ и твердою волею, онъ скоро понялъ выгоду, которую можетъ извлечь изъ своихъ соотечественниковъ, находившихся тогда въ Персіи, и много содѣйствовалъ къ составленію изъ нихъ особаго баталіона Персидскихъ регулярныхъ войскъ, который и поступилъ подъ его управленіе. Само собою разумѣется, что Русскій солдатъ, хотя и преступный и бѣжавшій изъ своего отечества по разгуду или своеволю, былъ несравненно способнѣе къ отправленію обязанностей регулярной военной службы, чѣмъ лѣнивый Персіанинъ, не понимавшій ни пользы дисциплины, ни необходимости подчиниться ей; а потому не трудно угадать, что наши перебѣжчики въ короткое время пріобрѣли довѣріе и вниманіе Персидскаго правительства,—что придавало имъ и вѣсъ и значеніе въ народѣ. Многіе подвиги храбрости въ дѣлахъ противъ Туркменцевъ и Афганцевъ утвердили это уваженіе. Баталіонъ пользовался славою, которая дѣлала его грознымъ въ глазахъ самыхъ Персіянъ и враговъ ихъ на Востокѣ. Онъ носилъ названіе Гренадерскаго (Багадеронъ), былъ предметомъ особой заботливости Персидскаго правительства, для котораго служилъ охраною, занималъ даже дворцовый караулъ у Фетъ—Али—Хана и Магометъ—Шаха и составлялъ надежду военачальниковъ на штурмахъ и въ дѣлахъ рѣшительныхъ. Онъ много содѣйствовалъ Магометъ—Шаху овладѣть престоломъ, который похитилъ—было у него Зели—Султанъ *).

*) Когда Фетъ—Али—Шахъ умеръ, Магометъ—Шахъ, сынъ принца Аббасъ—Мирзы, наследникъ престола, бывъ правителемъ Адер-

Въ 1829 году баталіонъ состоялъ изъ 1400 человекъ. Послѣ холеры 1830 г. и, въ особенности, послѣ смерти Аббасъ-Мирзы, численность его значительно уменьшилась; но въ 1838 г. въ немъ все еще находилось около 500 человекъ.

Изъ этого видно, какое трудное порученіе досталось на долю Альбранта: его посылали одного вывести толпу людей необузданныхъ, привязанныхъ множествомъ матеріальныхъ выгодъ къ Персіи, удерживаемыхъ отъ возвращенія страхомъ наказанія за прежніе проступки и находившихся подъ вліяніемъ ласковаго обхожденія и заманчивыхъ обѣщаній правительства, принужденнаго официально отказаться отъ нихъ, но не потерявшаго надежды удержать ихъ, какъ будто-бы противу своей воли. Очевидно, что тутъ оставалось одно: стараться пробудить въ этихъ сердцахъ, зачерствѣлыхъ въ пороки, святыхъ чувства любви къ Отечеству, Вѣрѣ и Царю, никогда вполнѣ не умирающія въ русской груди; но и ихъ, безъ сомнѣнія, можно было пробудить не просто разумнымъ словомъ холоднаго убѣжденія, а надобно было расшевелить огненною рѣчью сердца, поставить въ челѣ чувственныхъ побужденій, подавлявшихъ ихъ, и удержать на этой высотѣ довольно долгое время, вдохнувъ въ раскавшихся фанатическую привязанность къ давно забытому родному; словомъ, тутъ предстояла Альбранту дѣятельность не дипломата, не военного человека, а дѣятельность пропагандиста, гдѣ умъ подчиняется сердцу, гдѣ избытокъ собственного чувства быстро передается толпѣ, которая, въ лихорадкѣ увлеченія, способна сдѣлать то, чему прежде она бы не повѣрила и въ чемъ послѣ не можетъ дать себѣ

бейджана, имѣлъ пребываніе въ Тавризѣ. Зели-Султанъ, сынъ Фетъ-Али-Шаха, дядя наследника, находясь въ Тегеранѣ, сдѣлался-было шахомъ. Магометъ-Шахъ, собравъ войско, пошелъ съ баталіономъ нашихъ дезертировъ въ Тегеранъ, чтобы возвратити похищенный у него тронъ. Зели-Султанъ, надѣясь на силу своихъ войскъ, хотѣлъ дать сраженіе Магометъ-Шаху; но какъ только оба войска пришли на позицію, баталіонъ нашихъ дезертировъ пошелъ на штыки противъ войскъ противника, обратилъ ихъ въ бѣгство, и Магометъ-Шахъ, занявъ Тегеранъ, вступилъ на престолъ.

отчета. Такъ Альбрантъ и понялъ свою роль и выполнилъ ее съ блестящимъ успѣхомъ.

Мы передадимъ здѣсь, во всей подробности, и затрудненія имъ встрѣченныя, и тѣ прекрасныя мѣры, которыми онъ преодолѣлъ всѣ препятствія. Эти подробности лучше всего характеризуютъ нашего героя и, смѣемъ надѣяться, читатели не посѣтуютъ за нихъ, тѣмъ болѣе, что заимствуемъ ихъ изъ собственныхъ записокъ Альбранта, не бывшихъ еще въ печати и которыя, безъ нашего изданія, можетъ быть и не явились бы никогда въ свѣтъ.

Нетерпѣливо спѣша на лестное порученіе, Альбрантъ оставилъ Тифлисъ 15-го мая, и на четвертыя сутки, 19-го, былъ уже въ Тавризѣ. Генеральный консулъ статскій совѣтникъ Кодионецъ, опасаясь, чтобы дезертиры, въ Азербейджанѣ находившіеся, узнавъ прежде времени требованіе Государя Императора о выдачѣ ихъ, не разбѣжались, предъявилъ шахскіе дестхаты только по прибытіи Альбранта въ Тавризъ, при представленіи его принцу Каграманъ-Мирзѣ и Эмиръ-Низаму. Въ этихъ дестхатахъ предписывалось: отдать намъ только тѣхъ дезертировъ и женъ ихъ *), которые пожелаютъ идти въ Россію, отнюдь не употребляя насилія; а дѣтей ихъ, какъ персидско-подданныхъ, не отдавать. Первый министръ шаха Хаджи-Мирза-Агаси, въ письмѣ своемъ къ Эмиръ-Низаму, обращая вниманіе его на волю шаха, не употреблялъ насилія при выдачѣ дезертировъ, давалъ ему понимать, что шахъ не имѣетъ искренняго желанія ихъ отдать намъ **).

Принцъ изъявилъ полную готовность содѣйствовать къ выводу дезертировъ изъ Азербейджана, и приказалъ Эмиръ-Низаму разослать нарочныхъ по всѣмъ деревнямъ ввѣреннаго ему края, чтобы собрать всѣхъ Русскихъ въ Уржанъ, — обширную поляну, на которой Аббасъ-Мирза построилъ лѣтній дворецъ, въ 50-ти верстахъ отъ Тавриза, по Тегеранской дорогѣ, куда самъ Каграманъ-Мирза выѣзжалъ въ это время на лѣто, и гдѣ стояло Персидское войско въ ла-

*) Между дезертирами нашими было болѣе 250 человекъ, женатыхъ на Армянкахъ, Несторіанкахъ, Персіянкахъ и Туркменкахъ.

***) Это письмо Эмиръ-Низамъ показывалъ секретно генеральному консулу нашему въ Тавризѣ, къ которому имѣлъ особое уваженіе.

геръ. Эмиръ—Низамъ, здраво и честно мыслившій и, сколько можно было замѣтить изъ его дѣйствій, преданный Государю Императору, готовъ былъ дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ для пользы нашей, даже съ нѣкоторымъ самоотверженіемъ; но готовность принца Каграманъ—Мирзы помогать намъ, напротивъ, была велика только на словахъ. Управляемый Англичанами, желавшими, для пользы своей, разрыва нашего съ Персією, онъ дѣйствовалъ ко вреду нашему: дезертирамъ не только что было внушаемо о возможности остаться въ Персіи, но ихъ даже склоняли къ тому. Поэтому Альбранту и консулу нашему необходимо было внимательно слѣдить за точнымъ исполненіемъ отданныхъ приказаній, и этой—то заботливости ихъ должно приписать, что къ концу іюля собрано было въ Уржанѣ до 170-ти перебѣжчиковъ. Многіе изъ нихъ, прежде отправленія въ лагерь принца, приходили къ Альбранту, и онъ самъ, въ рапортѣ отъ 26-го іюля, сознавался, что «угрюмое ихъ безмолвіе убѣждало его въ томъ, что недоброжелательство ихъ не было еще поколеблено!»

Принцъ Каграманъ—Мирза настаивалъ, чтобы Альбрантъ принялъ этихъ дезертировъ; но онъ и генеральный консулъ считали необходимымъ промедлить нѣсколько, чтобы лучше управиться.

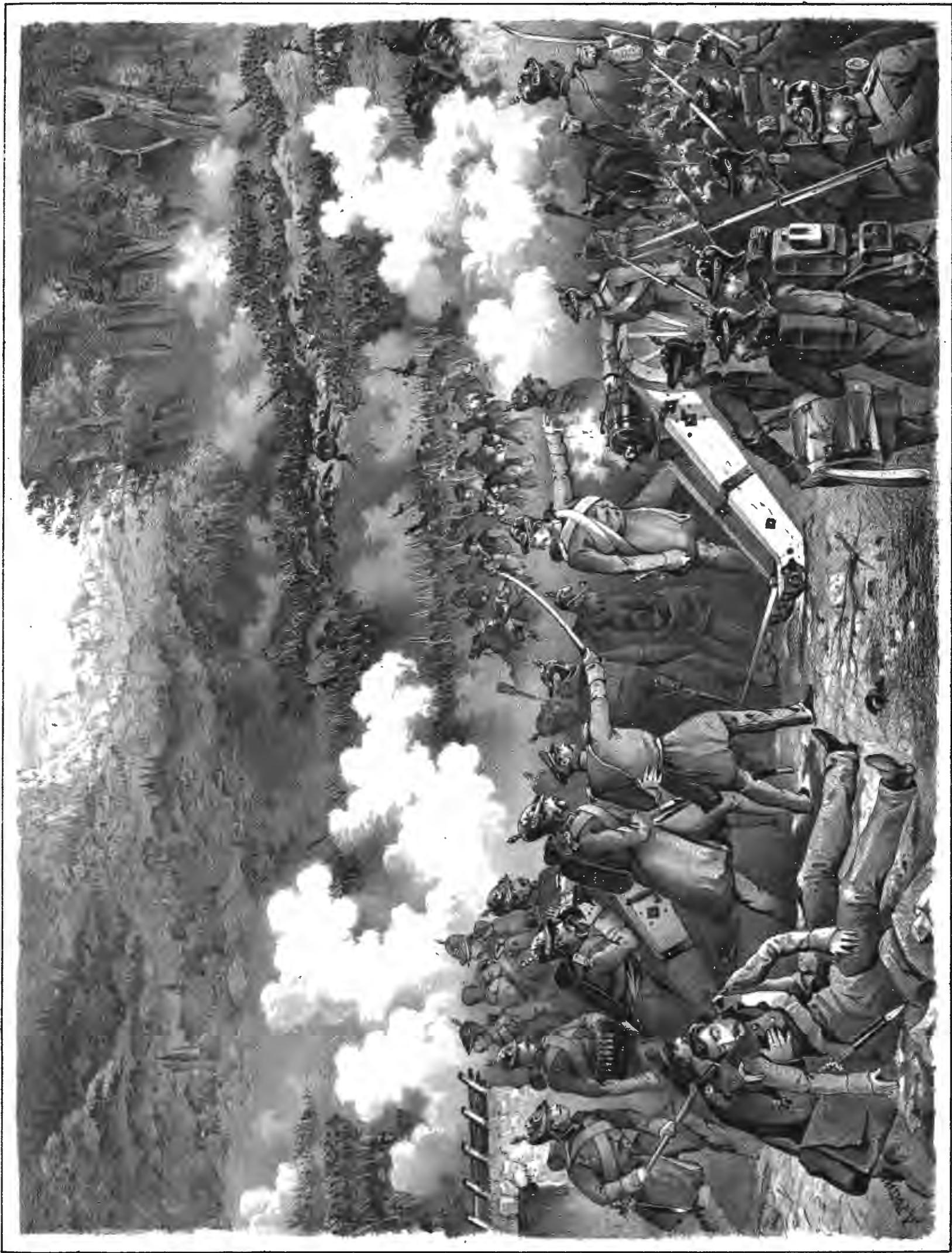
Жители Тавриза, внушенные Англичанами, видя въ выводѣ дезертировъ какую—то неблагонамѣренную цѣль нашего правительства, шумѣли: Русскіе вовлекли шаха въ несчастную войну съ Гератомъ, — говорили они, — и когда бы надобно помочь ему, они обезсиливаютъ его. Наши дезертиры, привыкшіе въ Персіи къ своеволю и буйству, пропивая деньги, пріобрѣтенныя работою и грабежемъ, рѣшились, во что бы ни стало, не возвращаться въ Россію. Надобно было выждать, чтобы дезертиры все пропили, и ропоть жителей замолкъ.

Наконецъ, 13-го августа 1838 года, Альбрантъ съ генеральнымъ консуломъ отправились въ Уржанъ, и тамъ приступили къ принятію собранныхъ людей. Пьяные, въ длинныхъ волосахъ, съ небритыми бородами, въ безобразной одеждѣ, они не были похожи на воиновъ, но на толпу ожесточенныхъ разбойниковъ; на лицахъ ихъ выражалась дерзость; съ какимъ—то звѣрскимъ озлобленіемъ они смотрѣли

на Альбранта; смѣлыя и дерзкія ихъ движенія и выраженія изобличали готовность на что—то ужасное.

Исполняя волю шаха, Эмиръ—Низамъ, въ присутствіи Альбранта, объявилъ дезертирамъ, что предоставляется ихъ волѣ идти въ Россію или нѣтъ; что жены ихъ только тѣ пойдутъ въ Россію, которыя пожелають; дѣти же, какъ персидско—подданные, должны остаться въ Персіи. Можно себя представить, какую самонадѣянность и злобу внушили дезертирамъ слова Эмиръ—Низама, и какъ онъ поразили Альбранта. Но, рѣшившись погибнуть или вырвать нашихъ изъ Персіи, гдѣ, предавшись своеволю, они гибли въ развратѣ и срамили Россію, служа низкими наемниками гнуснымъ Персіанамъ *), Капитанъ, съ растерзаннымъ сердцемъ, обратился къ толпѣ: «Здорово, ребята! здорово Русскіе!» громко и отрывисто привѣтствовалъ дезертировъ Альбрантъ, желая показать рѣшительность свою; но одни только злые взгляды и дерзкія выраженія были ему отвѣтомъ. Глубоко тронутый, онъ вспыхнулъ и гнѣвомъ и состраданіемъ, жалѣя о заблужденіи братьевъ своихъ, — солдатъ, съ которыми сблизили, сроднили его и служба, и пролитая кровь въ бояхъ за отчизну. «Богу и Государю нашему, — Русскому Государю, — угодно, чтобы вы возвратились въ свое отечество, — продолжалъ онъ. — Я присланъ вывести васъ изъ Персіи, спасти васъ отъ гибели; вы гибнете! Призывая васъ къ долгу чести и присяги, я исполняю дѣло, Богу и Царю угодное, я не страшусь смерти», и, — смѣло вызывая злодѣя, который бы поднялъ руку на него, — Альбрантъ, при послѣднихъ словахъ, съ торжествомъ открылъ свою израненную грудь, и продолжалъ еще долго и горячо говорить дезертирамъ о славѣ пролить кровь за дѣло чести и отчизны, о безславіи служить Царю чуждому, въ землѣ чуждой, гдѣ нѣтъ ни матери, ни брата, гдѣ они гибнутъ въ безвѣріи, какъ Богомъ отверженные люди. Онъ откровенно сказалъ, что «служба солдата тяжкая, но долгъ предъ Царемъ и Отечествомъ требуетъ нести бремя, какое бы они ни налагали. Болѣе милліона солдатъ служатъ върою и прав-

*) «Этотъ единственный народъ — пишетъ въ этомъ мѣстѣ записокъ своихъ Альбрантъ, — имѣетъ пороки и ни одной добродѣтели, а въ особенности безнравственная, бездушная аристократія его.»

М. В. Шайковська. Новосілка.

Лев. М. Корольков.

ПОДВИГЪ АРТИЛЛЕРІИ КАПИТАНА ГУЛЕВИЧА.

доку нашему славному Государю, а вы гдѣ и кому служите? Если спросятъ у вашихъ кровныхъ, гдѣ вы? они отрекутся отъ васъ; у нихъ не достанетъ духа сказать, что вы бросили свои знамена, бросили свое Отечество, измѣнили своему Государю. Ребята! примите Всемилостивѣйшее прощенье, дарованное вамъ Великимъ Государемъ нашимъ, какъ даръ Бога; спѣшите возвратиться на Русь святую, спѣшите стереть свое пятно, постыдное для насъ; родина васъ приметъ радушно, какъ дѣтей вѣрныхъ, раскаявшихся въ заблужденіи своемъ; идите, иначе она отвергнетъ васъ, какъ Богу ненавистныхъ чадъ, и васъ постигнетъ гнѣвъ небесный; идите, я прийму васъ какъ братьевъ, и съ заботою отца отведу на Русь святую.» Волнуемый состраданіемъ и тоскою по родинѣ, которую самъ семь лѣтъ не видалъ, Альбрантъ говорилъ съ чувствомъ тоскующаго сердца, его тоска перелилась въ ихъ душу, и если дезертиры колебались еще идти въ Россію, то уже не имѣли ненависти къ нему; многіе надвинули шапки на глаза, чтобы не встрѣчать его взоровъ, а 35 человекъ, тогда же, внявъ внушеніямъ, отдѣлились отъ толпы и изъявили искреннее желаніе возвратиться въ Отечество. Отдавъ имъ полную благодарность, Альбрантъ былъ нѣсколько времени въ недоумѣніи, что предпринять съ упорствовавшими. Всякая угроза была бесполезна: дезертиры знали, что они не будутъ выданы; самые жители Тавриза, наущаемые Англичанами, не допустили бы ни до какого насилія; войска у него не было. Между тѣмъ дезертиры стояли въ безмолвіи, какъ будто бы горемъ пораженные.

Вдругъ двое изъ перебѣжчиковъ обратились къ остальнымъ съ возмутительною рѣчью, и не только поколебали довѣріе къ словамъ Альбранта, но, желая рѣшительно мѣрою отдѣлать отъ него своихъ товарищей, вызывали охотниковъ для нанесенія ему и консулу нашему оскорбленія. Видя успѣхъ этого неожиданно смѣлаго противодѣйствія, но удержавъ толпу отъ совершеннаго буйства твердостью и личнымъ безстрашіемъ, Альбрантъ нашелся въ необходимости потребовать отъ Каграманъ-Мирзы немедленнаго ареста бунтовавшихъ, а генеральный консулъ умѣлъ склонить на это Эмиръ-Низамъ: 83 человекъ были заключены въ цитадель; двое, болѣе прочихъ оказавшіе неповиновеніе, даже

посажены въ казематъ, но принявшіе мусульманскую вѣру и, слѣдовательно, имѣвшіе право остаться въ Персіи, освобождены. Уныніе такъ сильно одолѣло дезертировъ, что изъ среды толпы ихъ, за часъ предъ тѣмъ страшной, состоявшій при Альбрантѣ Кавказскаго линейнаго казачьяго войска заурядъ хорунжій Складовъ лично взялъ обоихъ возмутителей и отвелъ въ казематъ, въ сопровожденіи только двухъ фарашей консульства, и никто не рѣшился отнять ихъ. Альбрантъ хотѣлъ было заковать этихъ двухъ человекъ и, для примѣра, отправить ихъ силою въ Россію; но Эмиръ-Низамъ не согласился на послѣднее, а жители ни за какую плату не хотѣли дѣлать оковы.

Англійскій офицеръ Незбитъ, фанатически преданный выгодамъ Великобританіи, находился при сдачѣ намъ дезертировъ; онъ все видѣлъ и, казалось, оставался совершенно довольнымъ неуспѣхомъ, не предвидя послѣдствій.

Принявъ въ свое вѣдѣніе дезертировъ, изъявившихъ желаніе возвратиться въ Россію, Альбрантъ употребилъ все стараніе привязать ихъ къ себѣ и внушить имъ славу служить законному Царю и Отечеству. Напротивъ того, персидскій чиновникъ, бѣглый казанскій Татаринъ, присматривавшій за арестованными, по полученному приказанію и внушенію Англичанъ, употреблялъ все стараніе, для отвращенія ихъ отъ возвращенія въ Россію. Чтобы приласкать заключенныхъ и поддержать въ нихъ упорство, Персіане производили имъ хорошую пищу; но это не долго продолжалось: Персидское начальство скоро потеряло свою цѣль въ нѣгѣ развратной жизни, и арестантамъ едва сталъ доходить хлѣбъ, и то въ маломъ количествѣ. Ведя порученное ему дѣло, сколь можно осторожно, Альбрантъ старался усыпить вниманіе Персіанъ и Англичанъ, удерживалъ, своими внушеніями, заключенныхъ отъ возмущенія, а втайнѣ давалъ деньги караульнымъ сарбазамъ, которые охотно ему служили.

Онъ неоднократно посѣщалъ крѣпость. На лицахъ заключенныхъ, измученныхъ страданіемъ, выражалась готовность на всѣ испытанія, а ихъ сердца казались окаменѣвшими. Увѣщанія Капитана оставались безъ отвѣта, и до 22-го августа онъ не имѣлъ никакого успѣха. Но, приходя къ нимъ всегда только самъ-другъ, идя смѣло на опасность, показы-

вая этимъ всю правоту своего дѣла, чистоту своихъ намѣреній, Альбрантъ, тѣмъ самымъ, обезоружилъ ихъ, — какъ они въ послѣдствіи говорили, — при первомъ появленіи своемъ, оставившемъ въ нихъ глубокое впечатлѣніе.

Чтобы сильнѣе тронуть душу дезертировъ, и пробудить въ нихъ Русскія чувства, было-онѣмѣвшія, Альбрантъ ознаменовалъ празднествомъ тогда высокаторжественный день коронаціи Государя Императора, 22-го августа. Въ командѣ добровольно возвратившихся дезертировъ былъ приготовленъ обѣдъ, на который приглашены и всѣ Русскіе, находившіеся въ Тавризѣ, чиновники и торговавшіе. Команда, построенная въ порядокъ, на привѣтствіе Альбранта отвѣчала радушно и весело, какъ довольные и никогда не отстававшіе отъ службы солдаты. Пользуясь этимъ днемъ, Капитанъ далъ бывшимъ дезертирамъ почувствовать славу быть Русскимъ и служить законному Государю и Отечеству; онъ говорилъ имъ о величіи и могуществѣ Россіи, о благосердіи Государя Императора, даровавшаго имъ Всемилостивѣйшее прощеніе; напомнилъ имъ, что въ этотъ день, — великій для сердца Русскаго, — на благословенной Руси 60 милліоновъ молятся о благоденствіи Его Величества; — что, исполнивъ Высочайшую волю, добровольнымъ возвращеніемъ въ Россію, они принимаются какъ братья, а не какъ злодѣи. Отзывы команды, съ чувствомъ высказанные, показали, что эти слова ихъ трогали, и, наконецъ, когда, совершивъ въ-слухъ молитву о благоденствіи Государя, Альбрантъ сказалъ: «Богъ и Царь васъ простили, вы Русскіе, вы братья наши», иные пали на колѣни отъ избытка чувствъ, другіе восторженно кричали: «ура!» Крыши окрестныхъ домовъ наполнились Персіянами. Столъ былъ общій; бывшіе дезертиры Егоръ Яковлевъ и Лукьянъ Фоковъ, какъ болѣе достойные вниманія, сидѣли возлѣ Альбранта; они первые изъявили желаніе возвратиться въ Россію, съ готовностію даже бросить въ Персіи свои семейства. Пиръ кипѣлъ веселіемъ, и, въ пылу чувствъ, дезертиры поклялись бросить Персію, идти въ Россію и служить вѣрно Государю и Отечеству, и эту клятву они дали съ рѣшительностію, внушавшею Альбранту полную увѣренность, что ни политика Англичанъ, ни коварство Персіянъ не вырвутъ ихъ изъ его рукъ: ненависть ко всему, что не Русское зажглась въ ихъ

сердцахъ. День этотъ имѣлъ еще и другія, лучшія послѣдствія. Торговавшій въ Тавризѣ Тульскій 3-й гильдіи купецъ Вышегородцевъ, пламенный патріотъ, глубоко скорбя о заблужденіи Русскихъ, отвергавшихъ Отечество, поспѣшилъ въ цитадель и рѣчью, исполненною чувствъ и убѣжденій, склонилъ 43-хъ дезертировъ къ желанію добровольно возвратиться въ Россію. Альбрантъ приказалъ выпустить этихъ людей изъ-подъ-ареста, и они благодарили за свободу, которой предъ этимъ сами не хотѣли.

Разпрашивая покорившихся дезертировъ о причинахъ ихъ бывшаго упорства, Альбрантъ получилъ объясненіе, что не столько выгоды, которыя предлагали имъ Персіяне, не столько страхъ вновь служить въ Россіи ихъ колебали, сколько горе разстаться съ семействами, которыя должны покинуть въ Персіи. Чувство это Капитанъ находилъ естественнымъ и принялъ въ немъ участіе. Семейные составляли корень дезертировъ въ Персіи: они были поселены и, пользуясь полями безплатно, жили безбѣдно. У нихъ имѣли пріютъ всѣ наши холостые дезертиры, и потому стало ясно, что, успѣвъ склонить семейныхъ къ возвращенію въ Россію, съ холостыми легко можно было управиться.

Чтобы семейные охотнѣе покорились, Альбрантъ рѣшился взять ихъ семейства, вопреки повелѣнію Шаха. Персидское правительство безпорядочное, Персіяне — безхарактерные; дѣйствуя такимъ образомъ, чтобы не обращать ихъ вниманіе, онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ. Генеральный консулъ нашъ находилъ, однакожъ, необходимымъ объяснить насчетъ этого съ Эмиръ-Низамомъ. Савонникъ этотъ отвѣчалъ, что не можетъ сдѣлать ни какого распоряженія насчетъ переселенія семействъ въ Россію, опасаясь быть подвергнутымъ жестокому наказанію, если о томъ узнаетъ шахъ; но онъ далъ понять, что этому препятствовать не будетъ. Кюдинецъ успѣлъ, однакожъ, исходатайствовать у него такого рода билеты нашимъ семейнымъ дезертирамъ, какъ будто бы они переселялись на жительство изъ деревень въ Тавризъ. Снабдивъ этими билетами и давъ денегъ въ пособіе, Альбрантъ, на честное слово, отпустилъ семейныхъ въ ихъ дома. Хотя казалось неосторожнымъ распустить дезертировъ, давъ имъ еще и денегъ, но Альбрантъ былъ убѣжденъ, что они, по чувствамъ въ нихъ пробужденнымъ, воз-

вратятся, и — не ошибся. Всѣ такимъ образомъ отпущенные не только явились и привели съ собою свои семейства, но даже и семейства нѣкоторыхъ изъ дезертировъ, находившихся въ баталіонѣ подѣ Гератомъ.

Затруднительно было склонить самыхъ женъ идти въ Россію. Въ Персіи въ супружеской связи нѣтъ ничего святаго: азіятка дорожить мужчиной, а не мужемъ. Многія изъ женщинъ никогда не выѣзжали изъ деревень, гдѣ родились; мысль переселиться въ Россію ихъ ужасала; неблагонамѣренные люди внушали имъ, что они будутъ сосланы въ Сибирь; многихъ же удерживали родственныя и другія связи, и сторону ихъ, а въ особенности молодыхъ, горячо принимали жители и даже самыя духовныя лица. По этому, всякое насиліе могло имѣть несчастныя послѣдствія; Персіяне — фанатики, необузданны, жестоки какъ дикіе, легкомысленны и готовы сдѣлать безпорядокъ по первому воззванію муллы или дервиша. Необходимо было дѣйствовать осторожно. Нѣкоторые дезертиры сами управились съ своими женами, прочихъ же надо было увлечь ласками и убѣждениями, нужно было сблизиться съ ними. Въ этомъ случаѣ Альбрантъ много обязанъ женѣ торговавшаго въ Тавризѣ 3-й гильдіи купца Вышегородцева и женѣ дезертира Автомонова Маріамѣ. Последняя, бывъ послана въ Салмазхскій округъ, увлекла многихъ женщинъ, въ томъ числѣ четырехъ, мужья которыхъ находились въ баталіонѣ подѣ Гератомъ. Въ Тавризѣ Альбрантъ содержалъ семейства дезертировъ скрытно, стараясь всячески успокоить ихъ и освоить съ мыслию переселенія въ Россію. При отправленіи изъ Тавриза, ихъ вывели на сборный пунктъ, съ большою осторожностію и малыми частями, чтобы не обратить ни чьего вниманія.

Между тѣмъ, когда дѣло шло довольно успѣшно, когда въ вѣдѣніи Альбранта находились уже около ста дезертировъ, и семейства собирались въ Тавризъ; когда нужно было только вывести ихъ за границу, чтобы сдѣлать начало дѣлу, принцъ Каграманъ-Мирза приказалъ Эмиръ-Низаму выпустить оставшихся еще въ заключеніи 40 человекъ, находя ихъ арестованіе противнымъ волѣ шаха. Англичане кричали, что мы поступаемъ варварски, нарушаемъ права человечества, держа въ тюрьмѣ людей свободныхъ. Эмиръ-Низамъ пріѣхалъ самъ къ генеральному консулу съ требованіемъ,

чтобы Альбрантъ немедленно принялъ арестованныхъ въ свое вѣдѣніе, иначе онъ ихъ выпуститъ. Перваго Капитанъ не могъ исполнить, не имѣя вооруженной силы, а освободить ихъ значило испортить все дѣло. По этому онъ и генеральный консулъ употребили всю силу убѣжденія, чтобы склонить Эмиръ-Низама оставить заключенныхъ еще въ цитадели хотя нѣкоторое время. Эмиръ-Низамъ съ трудомъ согласился на это, и то подѣ условіемъ, что если не возьмутъ дезертировъ чрезъ нѣсколько дней, то онъ вынужденъ будетъ ихъ освободить, изъ опасенія обратить на себя гнѣвъ шаха и негодованіе принца Каграманъ-Мирзы.

Чтобы болѣе имѣть успѣха къ склоненію упорствовавшихъ, Альбрантъ упросилъ Эмиръ-Низама посадить въ казематъ 7 человекъ изъ находившихся у него особенно на замѣчаніи. Къ остальнымъ Капитанъ обратился съ увѣщаніемъ, но успѣлъ склонить къ покорности только 11 человекъ. Изъ числа посаженныхъ въ казематъ, нѣкоторые, оказавшіе наиболѣе неповиновенія, и тѣ два, что въ самомъ началѣ дерзко поступили, хотя и просили о своемъ освобожденіи, но казалось необходимымъ приискать какую нибудь возможность, чтобы, въ примѣръ другимъ, отправить ихъ въ Россію, за конвоемъ, для наказанія. Между тѣмъ съ семействами дезертировъ, изъявившихъ желаніе возвратиться въ Россію, прибыли семейства нѣкоторыхъ дезертировъ, заключенныхъ въ цитадели и казематѣ. Альбрантъ принялъ эти семейства съ живѣйшею радостію, обласкалъ ихъ и, съ бывшимъ при немъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска урядникомъ Ситниковымъ, отправилъ къ заключеннымъ для свиданія. Последніе, при появленіи семействъ своихъ, вспыхнули гнѣвомъ, чувствуя, что не будутъ въ состояніи имъ противостоять; но слезы женъ и дѣтей скоро смягчили ихъ сердца: они стали просить объ освобожденіи и были выпущены. Взявъ дѣтей своихъ на руки, упорствовавшіе забыли интересъ, — такъ долго ихъ руководившій, — и съ восторгомъ, какъ спасшіеся отъ потопленія, спѣшили въ команду, гдѣ все было спокойно, весело, гдѣ съ радостнымъ привѣтствіемъ они были приняты товарищами. Въ скорости Альбрантъ потребовалъ ихъ къ себѣ, чтобы высказать имъ всю ихъ безразсудность, чтобы дать имъ почувствовать неизрѣченную милость Государя Импера-

тора и благо, дѣлаемое имъ. Нельзя было узнать этихъ людей: жены привезли имъ одежду; спокойствіе, замѣнившее ожесточеніе, выражалось на ихъ лицахъ; они стояли въ умилениі. На привѣтствіе Альбранта, они радушно отвѣчали. Когда Капитанъ изъявилъ радость видѣть ихъ освобожденными, когда, поздравляя ихъ съ свободою, съ счастьемъ, которое ихъ ожидаетъ — увидѣть Россію, и упрекалъ зачѣмъ такъ долго они его мучили, отрекаясь отъ Отечества, заблуждавшіеся пали на колѣни, у иныхъ были слезы на глазахъ. Деэртиръ Фрикинъ, видный, красивый мужчина, къ которому Альбрантъ неоднократно прежде обращался съ увѣщаніями, отвѣчалъ: «Мы виноваты предъ Богомъ, предъ Государемъ, мы виноваты и предъ вами; мы знаемъ, что, упорствуя и сидя въ заключеніи, не мы, а вы страдали.» Глубоко тронутый Альбрантъ обнялъ его и, взявъ со всѣхъ клятву, что будутъ молиться за Царя, отпустилъ ихъ въ команду къ семействамъ, вознаградивъ по возможности за потерю собственности въ Персіи.

Имѣя въ сборѣ значительное число дезертировъ, женъ и дѣтей ихъ, Альбрантъ спѣшилъ ихъ отправить въ Россію. Но, какъ будто для того, чтобъ испортить дѣло, принцъ Каграманъ—Мирза, котораго покинуло нѣсколько дезертировъ изъ числа бывшихъ въ собственной его конвойной командѣ, приказалъ, мимо Эмиръ—Низама, освободить остальныхъ 22 арестантовъ, содержавшихся еще въ цидатели. Альбрантъ ничего не зналъ, какъ вдругъ ворвались къ нему въ комнату два человека, и пали на колѣни; это были Федоръ Михайловъ и Дорѣфей Борщевъ, которыхъ онъ никогда простить не хотѣлъ *). Появленіе ихъ поразило Капитана: безъ словъ онъ смотрѣлъ на пришедшихъ. Выражая свое раскаяніе въ преступленіи, они просили прощенія, объявляя свою готовность служить Государю и Отечеству, говорили, что могли—бы уйти, бывъ на свободѣ, но не хотятъ жить въ Персіи, которую возненавидѣли. Эти люди имѣли большое вліяніе на прочихъ дезертировъ. Въ первую минуту Альбрантъ не зналъ, что съ ними дѣлать, но ему пришла

*) Тѣ самые два дезертира, которые, при первоначальномъ появленіи Альбранта, бунтовали товарищей своихъ и потомъ содержались въ казематѣ.

счастливая мысль принять ихъ, подѣ условіемъ, однакожь, что женъ ихъ и дѣтей тогда же отправить въ Россію, а ихъ же самихъ возьметъ съ собою въ Тегеранъ, когда поѣдетъ за баталіономъ. Поэтому, объявивъ имъ прощеніе, Альбрантъ прибавилъ, что тогда только они могутъ воспользоваться этимъ счастьемъ, когда будутъ полезны при принятіи баталіона; когда собственнымъ своимъ примѣромъ отвратятъ своихъ братьевъ отъ преступнаго упорства. Они съ радостію согласились на это, желая загладить свою вину *). Изъ числа освобожденныхъ еще нѣсколько человекъ явились; прочіе—же, разбѣжавшись по городу и довольные своею свободою, смѣялись надъ тѣми, которые шли въ Россію. Было необходимо прекратить это и, при содѣйствіи генеральнаго консула, Эмиръ—Низамъ взялъ ихъ подѣ смотръ, не соглашаясь арестовать.

Между тѣмъ, опасаясь происшествія въ Тавриздѣ, гдѣ народъ такъ необузданъ, Альбрантъ спѣшилъ отправить въ Россію собранныхъ дезертировъ, женъ ихъ и дѣтей, и по 5-е октября было уже въ границахъ нашихъ вышедшихъ дезертировъ: холостыхъ 65, семейныхъ 49, женъ 60, дѣтей ихъ 89, всего 263 души.

Чтобы болѣе способствовать успѣху дѣла, генераль—маіоръ графъ Симоничъ, вслѣдствіе представленій Альбранта и генеральнаго консула, исходатайствовалъ у шаха новый дестхатъ, чтобы упорствовавшихъ отправлять за конвоемъ въ Россію. Дестхатъ этотъ казался удовлетворительнымъ, но принцъ Каграманъ—Мирза и Эмиръ—Низамъ не обращали на него ни какого вниманія. По настоящему смыслу бумаги, для нашихъ непонятному, эти сановники знали, что должны продолжать дѣлать по прежнему, и нисколько не успѣшили удовлетворить наши требованія **).

*) Въ Тегеранѣ и во весь походъ изъ него эти люди служили съ такою пользою, оказали столько усердія и преданности, что нельзя было имъ не отдать справедливости; они вполне заслужили признательность и вознагражденіе. Они много содѣйствовали успѣху вывода дезертировъ, ибо, какъ молодцы, были извѣстны и уважаемы въ баталіонѣ.

**) Въ Персіи, —говорить при этомъ случаѣ Альбрантъ, —все основано на коварствѣ и хитрости, тамъ нѣтъ совѣсти и чести; умѣть

Между тѣмъ, 15-го октября, прибылъ въ Тавризъ вновь назначенный нашимъ полномочнымъ министромъ генераль-майоръ Дюгамель. Выстрѣлы изъ орудій и движеніе войскъ оповѣстили дезертирамъ, находившимся еще подъ присмотромъ, это прибытіе. Въ страхъ, что посоль отправитъ ихъ силою въ Россію, они бѣжали, за исключеніемъ двухъ Поляковъ, Антона Козловскаго и другаго, называвшаго себя Антоніемъ Мыловымъ, за которыми Альбрантъ имѣлъ особый собственный надзоръ. О побѣгѣ ихъ и необходимости поймать силою и отправить въ Россію, было доложено генераль-майору Дюгамелю, и онъ, объяснившись съ принцемъ Каграманъ-Мирзою и Эмиръ-Низамомъ, получилъ обѣщаніе, что разбѣжавшіеся 14 человекъ будутъ пойманы и отправлены подъ прикрытіемъ въ наши границы.

Полномочный министръ, сѣдѣвъ въ Тегеранъ для принятія должности, отправился туда 22-го октября. Персіане, въ замѣнъ бѣжавшихъ 14-ти человекъ, поймали только трехъ какихъ-то дезертировъ и, посадивъ подъ арестъ, тѣмъ ограничили свои разысканія. О насильномъ-же отправленіи этихъ трехъ человекъ и вышеупомянутыхъ двухъ Поляковъ они и не помышляли, не взирая на настаиваніе консула. Наконецъ принцъ Каграманъ-Мирза, Эмиръ-Низамъ и визиръ Мирза-Таги уѣхали въ Карадагъ, оставивъ Тавризъ безъ начальства. Имѣя вторичное предписаніе генераль-майора Симонича сѣдѣть на курьерскихъ въ Тегеранъ, для принятія баталіона, Альбрантъ былъ въ большомъ затрудненіи, находя невозможнымъ ѣхать туда прежде отправленія въ Россію собранной партіи дезертировъ съ семействами и въ особенности, пока не вышлетъ за конвоемъ арестованныхъ пяти человекъ. Последнее онъ считалъ необходимымъ для примѣра баталіону, къ склоненію котораго къ добровольному возвращенію въ Россію предвидѣлъ столько затрудненій.

25-го октября, отправивъ партію добровольно-возвращавшихся и вида, что не можетъ дожидаться распоряженій Персидскаго правительства насчетъ отправленія арестован-

обмануть, хотя бы самымъ наглýmъ образомъ, и умѣть извернуться не красѣя, признается высшимъ достоинствомъ; кто отличается этимъ—тотъ считается умнымъ и уважаемъ; — ложь считается въ Персіи ловкостью».

ныхъ, Альбрантъ, наконецъ, самъ нанялъ лошадей, сарбазовъ и отправилъ, подъ конвоемъ ихъ и консульскихъ фарашей, пятерыхъ арестантовъ, что стоило около 20-ти червонцевъ. Послѣ этого онъ сѣдѣлъ въ Тегеранъ, поручивъ дальнѣйшее отправленіе дезертировъ изъ Азербейджана находившемуся при немъ штабсъ-капитану Дубинскому. Благодарный и примѣрно-усердный офицеръ этотъ, препровождая партіи въ наши границы, доставлялъ ихъ, безъ конвоя, въ наилучшей исправности; люди разставались съ нимъ съ чувствомъ благодарности. Это доходило до слуха прочихъ дезертировъ, въ Азербейджанѣ еще находившихся, и они примирались съ мыслию идти въ Россію.

До выѣзда въ Тегеранъ Альбранта было отправлено изъ Тавриза:

дезертировъ:	холостыхъ,	семейныхъ,	женъ,	дѣтей.
добровольныхъ	69	64	74	111
подъ карауломъ *)	9	»	»	»

Всего 327 душъ.

Изъ затрудненій, испытанныхъ къ Тавризъ, Альбрантъ понималъ все, что предстоитъ ему въ Тегеранѣ. Хотя онъ и чувствовалъ себя утомленнымъ усиліями и непрерывнымъ безпокойствомъ и былъ измученъ сильною горячкою, перенесенною въ скорости по прибытіи въ Тавризъ, и тяжкимъ лѣтнимъ зноемъ; но затрудненія, которыя предвидѣлъ,

*) Четыре человека были отправлены 5-го сентября, — это были Поляки, вновь дезертировавшіе въ Персію изъ Шуши. Пользуясь тѣмъ, что они вновь бѣжавшіе, которыхъ шахъ обязался болѣе не принимать, Альбрантъ имѣлъ право ихъ силою отправить въ Россію. Они ни за что не соглашались идти добровольно и отвѣчали дерзко, на предложенія о томъ. Узнавъ, что хотятъ ихъ схватить, Поляки бѣжали далѣе; но Альбрантъ распорядился и ихъ поймали, не доходя Міаны, и привели въ Тавризъ, гдѣ они скрытно были содержаны подъ арестомъ и потомъ, на разсвѣтѣ, когда всѣ спали въ городѣ, отправлены въ Россію за конвоемъ консульскихъ фарашей. Это стоило около 20-ти червонцевъ, ибо для поимки и для препровожденія должно было нанять людей и лошадей; но признано лучше сдѣлать издержку, нежели допустить, чтобы они оставались въ Персіи, и наши солдаты видѣли бы, что вновь бѣжавшіе не могутъ находить убѣжище въ Персіи.

его увлекали. Скрѣпясь на новые труды, на новыя испытанія, онъ спѣшилъ въ столицу Персіи и прибылъ туда 3-го ноября. Недоѣзжая 250 верстъ до Тегерана, Капитанъ, брося бывшихъ при себѣ людей, поскакалъ налегкѣ, на курьерскихъ, только съ двумя дезертирами Фодоромъ Михайловымъ и Дорофѣемъ Барцевымъ, — тѣми самыми, которые болѣе прочихъ бунтовали въ Тавризѣ и любовь которыхъ онъ пріобрѣлъ, содержа ихъ полтора мѣсяца въ казематѣ.

Дорофей Барцевъ, живъ давно въ Персіи, выходилъ ее съ края въ край, зналъ персидскій и татарскій языки, былъ человѣкъ умный, расторопный, знавшій ничтожный характеръ Персіянъ, и насмѣхаясь надъ ними, часто развлекалъ Альбранта. Не доѣзжая Тегерана, наши догнали мулла. Видя, что они не Персіяне, мулла спросилъ объ этомъ Барцева; послѣдній объяснилъ, что Альбрантъ Русскій и пріѣхалъ взять всѣхъ Русскихъ въ Россію. «И ты тоже пойдешь», спросилъ мулла. «Пойду» — отвѣчалъ Барцевъ. — «Жаль тебя, ты былъ бы хорошій мусульманинъ; возвратись-же въ Россію не мусульманиномъ, ты потеряешь прямую дорогу въ рай, и будешь сожалѣть.» — «Чтоже дѣлать» отвѣчалъ Барцевъ: «Царь насъ требуетъ, и мы идемъ; а вы, какъ знакомые съ прямою дорогою въ рай, идите впередъ и займите его; тогда мы, по вашей дорогѣ, придемъ туда съ генераломъ Паскевичемъ и выгонимъ васъ.» Мулла разсердился и отошелъ.

Не доѣзжая пяти верстъ до Тегерана, открылся лагерь, недавно возвратившихся изъ-подъ Герата, персидскихъ войскъ, расположенный на полружейный выстрѣлъ отъ города, по дорогѣ изъ Тавриза. Этотъ лагерь уподоблялся цыганскому табору: порядка въ немъ не было ни какого; между палатками валялись издохшіе верблюды и ослы, а вокругъ господствовала душливая нечистота. На мосту при въѣздѣ въ городъ и въ улицахъ толпился во множествѣ народъ и персидскіе солдаты. Многолюдіе увеличивали ханы съ безчисленною свитою своею, также Туркменцы и Афганцы, сопровождавшіе шаха при слѣдованіи изъ-подъ Герата, и ханы и правители областей, прибывшіе къ нему съ привѣтствіемъ. Сарбазы буйствовали и, не получая пищи отъ казны, отнимали у жителей хлѣбъ, сарачинскую крупу и вообще съѣст-

ное. Все видѣнное показывало полное отсутствіе дисциплины и порядка, и варварское состояніе народа. Нашъ баталіонъ занималъ караулъ во дворцѣ. Проѣзжая мимо воротъ Гаремъ-хане шаха, Альбрантъ видѣлъ нашего дезертира на часахъ: не бритый, онъ сидѣлъ, имѣя ружье на колѣняхъ. Далѣе встрѣтились еще два дезертира: одинъ былъ въ персидской шапкѣ, другой въ форменной фуражкѣ съ бѣлымъ чахлою, заломанной на бокъ; они шли весело съ самонадѣянностію. Все это не могло не тревожить. Усталый отъ дороги, Альбрантъ не могъ отдыхать, нетерпѣливо желая знать, что дѣлается въ баталіонѣ, что думаютъ дезертиры.

Отъ бывшихъ при полномочномъ министрѣ донскихъ казаковъ, имѣвшихъ много знакомыхъ въ баталіонѣ, Капитанъ въ тотъ-же день узналъ, что дезертиры ни за что не хотятъ идти въ Россію и твердо рѣшились не поддаваться ничьимъ убѣжденіямъ, а въ особенности Поляки, составлявшія силу баталіона; что Самсонъ-Ханъ, отъ котораго все зависѣло, безъ разрѣшенія шаха, не хотѣлъ даже представиться бывшему полномочному министру, генералъ-маіору графу Симоничу, и что всѣ объясненія съ нимъ кончились рѣшительнымъ отказомъ этаго перебѣжчика воспользоваться Всемилостивѣйшимъ прощеніемъ. Черезъ дезертировъ, привезенныхъ съ собою изъ Тавриза, Альбрантъ узналъ тоже самое. Графъ Симоничъ подтвердилъ ему, что, къ сожалѣнію, все это справедливо, и присоветовалъ: «дѣйствуйте, какъ вы дѣйствовали въ Тегеранѣ; но, прошу васъ, уведите баталіонъ.»

Такимъ образомъ, тутъ только открылась Альбранту вся трудность возложеннаго на него порученія. Перебѣжчики наши составляли здѣсь уже не разрозненные клочки населенія, незнакомые другъ съ другомъ и не успѣвшіе приготовиться къ сопротивленію, какъ въ Азербейджанѣ; но, напротивъ, они составляли здѣсь значительную и довольно хорошо вооруженную горсть людей, преданныхъ своему начальнику—Самсому-Хану и сильныхъ безнаказанностію своего дерзкаго своеволия, между населеніемъ, смотрѣвшимъ на нихъ какъ на людей, пользующихся особенною милостию слабаго, но страшнаго жестокостию правительства.

Къ тому же самый составъ баталіона, въ которомъ По-

ляки, — какъ сказали, — имѣли и численный и нравственный перевѣсъ, враждебныя наущенія иностранныхъ агентовъ, дѣйствовавшихъ на легковѣріе перебѣжчиковъ несбыточными обѣщаніями своего содѣйствія ихъ сопротивленію и, даже въ случаѣ нужды, предложеніями даровать имъ убѣжища внѣ Персіи, и, наконецъ, справедливое опасеніе Самсонъ-Хана потерять свое значеніе съ выводомъ баталіона, — все это дѣлало мало вѣроятнымъ для Альбранта успѣхъ въ исполненіи порученія, тѣмъ болѣе, что нельзя было надѣяться на искреннюю помощь со стороны Персіянъ, и боявшихся смѣлости нашихъ дезертировъ и не желавшихъ лишиться лучшей части своихъ регулярныхъ войскъ. Альбрантъ зналъ эти затрудненія, но успѣхъ развиваетъ энергію и въ слабыхъ натурахъ, а у нашего героя не было недостатка въ этомъ качествѣ и онъ упорно рѣшился побѣдить всѣ препоны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія въ Тегеранъ, Капитанъ былъ представляемъ шаху. При этомъ полномочный министръ генераль-маіоръ Дюгамель весьма выразительно объяснилъ Магомету волю въ Божѣ почивающаго Государя Императора на счетъ выдачи баталіона. Шахъ ничего не отвѣчалъ, но видно было, что требованіе его беспокоило и противно его мыслямъ. Въ тотъ же день Альбрантъ представлялся также первому министру Мирзы-Хаджи-Агаси, который старался отклонить разговоръ о выдачѣ дезертировъ и не сказалъ ничего удовлетворительнаго. Генераль-маіоръ Дюгамель и, находившійся въ то время еще въ Тегеранѣ, генераль-маіоръ графъ Симоничъ употребляли все, что только зависѣло отъ нихъ для склоненія шаха исполнить наше требованіе. Персіяне все дѣлали на бумагѣ и на обѣщаніяхъ, но баталіонъ не обезоруживали, и онъ продолжалъ ходить въ караулъ къ шаху и нести службу. Дезертиры, встрѣчаясь на улицахъ съ Альбрантомъ, показывали къ нему дерзкое неуваженіе. Свирѣпыя взгляды ихъ изобличали ожесточеніе. На чужбинѣ, гдѣ такъ отраднo встрѣтиться съ Русскимъ, горько ему было видѣть въ своихъ братьяхъ ненависть къ Русскому. Шахъ не имѣлъ столько рѣшительности, чтобы объявить баталіону, служившему ему съ большою пользою, что онъ долженъ идти въ Россію и что, въ противномъ случаѣ, будетъ отправленъ силою. Бывая въ ка-

раулѣ у шаха, дезертиры, напротивъ, изъ устъ его шахскаго величества неоднократно слышали, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ принуждаемъ къ возвращенію въ Отечеству и только одни желающіе пойдутъ въ Россію. Шахъ зналъ отважность нашихъ дезертировъ и, видя ихъ страхъ возвратиться на родину, столько-же страшился неприятныхъ происшествій въ государствѣ, сколько и личного себѣ оскорбленія. Дѣйствительно, избалованные ласками шаха, перебѣжчики мало его уважали. Хасинскій баталіонъ, лучший персидскій, первый послѣ нашего, и артиллеристы, трудами походовъ и давнею совмѣстною службою сдружившіеся съ нашимъ баталіономъ, держали его сторону. Въ Персіи, по народному понятію, считается постыднымъ выдать преступника, прибѣгнувшаго подъ вашу защиту; и потому могъ-ли шахъ охотно выдать баталіонъ, чувствуя, что это унижить его въ глазахъ народа, и покажетъ восточнымъ сосѣдямъ Персіи его безсиліе? Если-бы, наконецъ, Магометъ и рѣшился силою выдать баталіонъ, то мечети и прочія священныя мѣста, считающіяся неприкосновенными, защитили-бы перебѣжчиковъ отъ всякаго насилія, а народъ и войско приняли-бы ихъ сторону. Тогда ужасный бунтъ вспыхнулъ бы въ Тегеранѣ и Богъ-вѣсть что случилось бы съ нашею миссіею. Если же допустить, что, огромнымъ пожертвованіемъ денегъ, можно было склонить персидскія войска доставить перебѣжчиковъ за конвоемъ до нашей границы, то отчаянные дезертиры, на первомъ почлегѣ, перекололи бы сарбазовъ, завладѣвъ ихъ оружіемъ. Ниже приведемъ примѣръ, который покажетъ, что Персіяне не могли насильно доставить нашъ баталіонъ.

При такомъ положеніи дѣла, Альбрантъ видѣлъ, что здѣсь, также какъ и въ Тавризѣ, нужно было въ самомъ себѣ найти средство, чтобы, такъ сказать, вырвать баталіонъ изъ рукъ шаха и полуварварскихъ Персіянъ и, безъ конвоя, увести его въ Россію. Онъ и сдѣлалъ это, пробудивъ въ дезертирахъ любовь къ Государю и Отечеству, обуздавъ ихъ одною нравственною силою.

Баталіонъ по прибытіи Альбранта настоятельно требовалъ, чтобы Капитанъ предъявилъ ему манифестъ Государя Императора о прощеніи и объявилъ намѣреніе нашего правитель-

ства. Поляки наиболѣ настаивали на этомъ. Зная, что нѣтъ манифеста, они хотѣли сдѣлать безпорядокъ, пользуясь единодушнымъ желаніемъ баталіона не идти въ Россію *).

На требованіе баталіона придти къ нему и объявить манифестъ, Альбрантъ написалъ слѣдующій

П Р И К А З Ъ

ДЕЗЕРТИРАМЪ НАШИМЪ ВЪ ПЕРСІИ.

Тегеранъ, 13-го ноября 1838 года, № 69.

«Государь Императоръ, любя храбрыхъ воиновъ Своихъ, какъ родныхъ дѣтей, пріѣзжалъ въ прошломъ году на Кавказъ, чтобы узнать нужды солдатъ, — братьевъ вашихъ, — служащихъ Богу и Отечеству вѣрою и правдою. Милосердый Государь не забылъ и васъ, бѣжавшихъ отъ своихъ знаменъ, влачащихъ безславную жизнь въ Персіи, краѣ чуждомъ по вѣрѣ и обычаямъ, гдѣ у васъ нѣтъ ни матери, ни брата, гдѣ вы гибнете, какъ Богомъ отверженные люди. Благословенный нашъ Государь, въ неизрѣченномъ милосердіи Своемъ, даровалъ вамъ полное и совершенное Всемилостивѣйшее прощеніе, потребовавъ отъ Персидскаго шаха, чтобы онъ Ему отдалъ васъ. Шахъ согласился, и Персіяне намъ выдаютъ васъ.

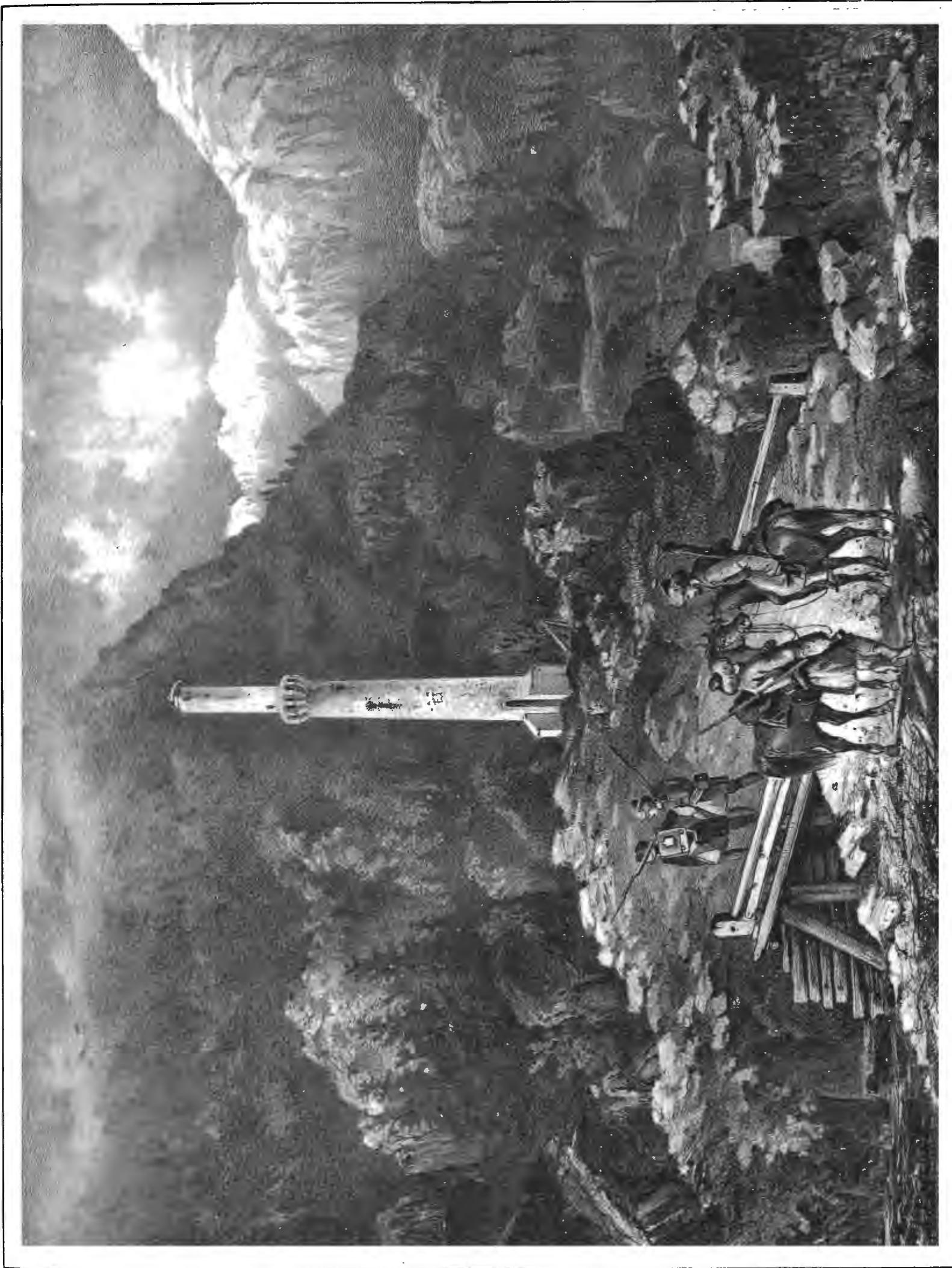
*) Прибытіе Альбранта за баталіономъ произвело столь неприятное ощущеніе въ дезертирахъ, что они готовы были на всякой злодѣйскій поступокъ; мысль возвратиться въ Россію ихъ ужасала. Они сами говорили впоследствии, въ минуты откровенія, что разорвали-бы, убили-бы Альбранта камнями, если-бы онъ поступилъ съ нами иначе, если-бы онъ не имѣлъ довольно силы убѣжденія. Въ одинъ мѣсяць нашъ герой ихъ всѣхъ увлекъ: они сами не могли дать себѣ отчета, какъ это случилось и куда дѣлись и ужасъ и ненависть ихъ. Въ одинъ мѣсяць изъ буйныхъ, осверѣвшихъ людей онъ сдѣлалъ покорныхъ воиновъ, управляемыхъ словомъ, какъ силою. Между прочими причинами нехотѣнія солдатъ возвратиться въ Россію было также то, что они должны дослуживать года, которые находились въ бѣгахъ въ Персіи. Альбранту стоило много трудовъ убѣдять ихъ въ необходимости заматить сполна свой долгъ Отечеству.

«Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, г. генералъ-лейтенантъ Головишъ 1-й, командировалъ меня для пріянія васъ и доставленія въ Россію. Объявляя вамъ о дарованномъ Всемилостивѣйшемъ всепрощеніи и о томъ, что я прибылъ въ Тегеранъ, зову съ собою тѣхъ изъ васъ, ребята! которые, сохранивъ вѣру въ Бога и любовь къ благословенному Государю нашему, примутъ Его милосердіе, какъ даръ Бога. Съ твердымъ упованіемъ на великое Царское слово, придите, ребята! Я, израненный въ бояхъ, товарищъ вашъ, прійму васъ какъ братьевъ и съ заботою отца отведу на Русь святую, гдѣ васъ ожидаетъ милосердіе и прощеніе, гдѣ кровные ваши. Но тѣ изъ васъ, которые утратили вѣру въ Бога и любовь къ славному, всѣми благословляемому Государю нашему, отвергають милосердіе Его, тѣ нечестивые злодѣи, пусть не являются ко мнѣ; Персіяне ихъ силою доставятъ въ границы наши и тамъ, вмѣсто милосердія и прощенія, постигнетъ ихъ заслуженная казнь; родина отвергаетъ ихъ, какъ Богу ненавистныхъ чадъ, и, какъ говоритъ Священное Писаніе: «возвратятся грѣшницы во адъ, вси языцы забывающіи Бога!»

«Ребята! Я 17 лѣтъ служу Богу и Отечеству вѣрою и правдою, я пролилъ мою кровь за родину святую, я братъ вашъ по сердцу и, какъ братьевъ моихъ, прошу васъ не накликалъ на себя гнѣва Царскаго отверженіемъ Его милосердія, но принять Его прощеніе за побѣгъ и прежніе поступки, какъ даръ Бога. Не вѣрьте, ребята! тѣмъ безбожнымъ злодѣямъ, которые совращаютъ васъ; они, безъ сожалѣнія, будутъ смотрѣть на вашу гибель, когда милосердый Государь, во гнѣвѣ Своемъ, потребуетъ васъ силою оружія, и когда, вмѣсто прощенія, вы получите наказаніе. Не думайте укрыться побѣгомъ: на днѣ Персіи и Турціи отыщу васъ и силою возьму въ Россію. Шахъ Персидскій и султанъ Турецкій дали слово нашему Государю, отнюдь не держать васъ у себя на службѣ и выдавать васъ; — знайте это.

«Старшій адъютантъ капитанъ *Альбрантъ*.»

Вмѣстѣ съ этимъ приказомъ, Альбрантъ велѣлъ объявить баталіону, что если требуютъ его, чтобы показать свое упорство, то онъ видѣть ихъ не хочетъ и что дѣло шаха доставить въ Россію, если не самихъ дезертировъ, то го-

Шейх М. Хорганка.

ВИДЪ МИНАРЕТА БЛИЗЪ ВЛАДИКАВКАЗА.

Въ 1842 году

Мл. Б. Погоявникъ и Новоселова.

ловы ихъ; если же баталіонъ имѣеть другое намѣреніе, то пусть всякой, желающій объясненія, явится, и съ радостію имъ будетъ принять.

Альбрантъ помнилъ происшествіе въ Тавризѣ при приѣмѣ первой партіи дезертировъ, и потому находилъ необходимымъ дѣйствовать осторожно. Видя неблагонамѣренность Персидскаго правительства, онъ не хотѣлъ приступать ни къ чему рѣшительному, пока не увлечетъ Русскихъ. Зная нашего солдата, онъ былъ убѣжденъ, что Русскіе отзовутся на призывъ и что именемъ Бога и Государа увлечетъ ихъ въ Россію и безъ содѣйствія Персидскаго правительства. Увлечши же Русскихъ, Капитанъ надѣялся, посредствомъ ихъ, управиться съ Поляками. Событіе оправдало такое убѣжденіе.

Скоро послѣ приѣзда Альбранта въ Тегеранъ пришла къ нему первая горсть перебѣжчиковъ; въ переднемъ ряду ихъ стоялъ угрюмый старикъ, очевидно командовавшій толпою; онъ недовѣрчиво смотрѣлъ на Капитана, когда тотъ говорилъ о милостивомъ забвеніи, которому Государъ Императоръ предалъ прошлую ихъ вину, когда старался пробудить въ нихъ заснувшую на чужбинѣ любовь къ родинѣ; но когда буйная толпа порывалась перебить рѣчь, старикъ повелительнымъ взглядомъ принуждалъ ее къ молчанію: по напряженію мускуловъ блѣднаго лица его и по злобщему блеску впалыхъ глазъ видно было, что не почтеніе руководило имъ въ этомъ случаѣ; онъ, молча, копилъ въ душѣ ядъ желчнаго отвѣта.

Дѣйствительно, давъ Капитану кончить, старикъ выступилъ на шагъ впередъ, и голосомъ, дрожащимъ отъ полноты чувства, высказалъ ему всѣ трудности службы и, сравнивъ это со льготами тогдашняго ихъ положенія, заключилъ: «И ты за тѣмъ пришелъ сюда, чтобъ сладкою рѣчью выманить насъ; такъ знай же, что не сдобровать тебѣ у насъ»; и при этомъ словѣ онъ коснулся рукоятки кинжала. Альбрантъ вспыхнулъ. Больно ему было слышать вдали отъ родины хулу на нее, больно ему было видѣть горькое заблужденіе старика, выливавшееся изъ страдальческой души его въ дикихъ и сильныхъ словахъ. Капитанъ быстро подошелъ къ нему, распахнулъ грудь свою и сказалъ: «Старикъ! ты вздумалъ стращать меня, ты думаешь,

что мнѣ дорога жизнь, которою я не разъ жертвовалъ въ честномъ бою?... Такъ вотъ тебѣ моя грудь, пронзи ее,—по, умирая, я заклею тебя проклятіемъ за то, что ты отступилъ отъ Вѣры своей, забылъ Царя и святую родину; рѣчи твои не отъ Бога, а отъ сатаны, который губить тебя!» Какъ ни просты были эти слова, но увлеченіе Альбранта, но обнаженная грудь его, на которой кровавымъ пятномъ горѣла славная Гимринская рана, подѣйствовали сильнѣе всякаго краснорѣчія на его слушателей. Старикъ отступилъ назадъ и затрясся. Очевидно было, что сердце его отозвалось на молодецкій поступокъ Альбранта; темный пламень глазъ его исчезъ, въ нихъ выступили слезы; онъ упалъ на колѣни, крѣпко обвилъ руками ноги Альбранта и долго рыдалъ, не могши произнести ни одного слова, и только, наконецъ, едва внятнымъ голосомъ, простоналъ: «прости или зарѣжь меня.» Альбрантъ хотѣлъ вырваться изъ судорожныхъ объятій его, но это было невозможно; старикъ прильнулъ къ нему и, не подымая лица отъ земли, повторялъ, съ настойчивостью отчаянія, то же самое. Расстроганный до слезъ драматичностью этого положенія, Альбрантъ наклонился къ старику и, положивъ ему руки на голову, простилъ его.

Прощеніе это освѣтило угрюмыя дотолѣ лица всѣхъ другихъ перебѣжчиковъ; увлеченные примѣромъ своего вожака, они бросились къ Альбранту, цѣловали его руки, плакали, и въ одинъ голосъ вызывались идти съ нимъ на край свѣта.

Такимъ образомъ, первый шагъ былъ сдѣланъ. Между тѣмъ, прибывшіе изъ Тавриза прощенные дезертиры, говоря своимъ братьямъ о любви Альбранта къ солдатамъ и объ его правилахъ, ежедневно приводили къ нему по нѣскольку дезертировъ изъ баталіона, даже Поляковъ, которые, разъ пришедши къ Альбранту, оставались у него, какъ въ водоворотѣ. Но баталіонъ все еще существовалъ. Знакомые барабанные бои и звуки музыки при разводѣ тревожили Альбранта, не давали покоя; казалось они требовали, чтобы онъ дѣйствовалъ, и онъ шелъ съ новыми усиліями на всѣ препятствія.

Соображая, что дѣло не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока онъ не увлечетъ Самсонъ-Хана идти въ Россію или же не склонитъ его къ содѣйствію, Альбрантъ послалъ

къ сильному перебѣжчику письмо, въ которомъ высказалъ все, чѣмъ только можно было надѣяться тронуть его душу. Ханъ не отвѣчалъ. Три дня спустя Альбрантъ послалъ ему сказать, что самъ его посѣтитъ. Ханъ объявилъ, что онъ боленъ; но Альбрантъ пошелъ къ нему. Около часа долженъ былъ Капитанъ ожидать свиданія въ пріемной залѣ, меблированной по-европейски. Самсонъ-Ханъ вышелъ въ сопровожденіи толпы раболѣпныхъ прислужниковъ, съ лицомъ, выражавшимъ сильное негодованіе. Сѣвши небрежно на особый диванъ, ханъ сталъ курить, не сдѣлавъ Альбранту пріѣтствія. Это былъ видный человекъ, пожилыхъ лѣтъ, но сильный. Живя 33 года въ Персіи, гдѣ все основано на коварствѣ, онъ сдѣлался глубоко недоувѣрчивъ и суевѣренъ. Ханъ не вѣрилъ въ дарованное ему Всемилостивѣйшее прощеніе. Богатство, выгоды, привычка и знаменитость его въ Персіи *) связывали его съ нею; а страхъ наказанія, утрата

*) Въ 1835 году, когда Магметъ-Шахъ находился съ войскомъ подъ Гератомъ, принцъ Аббасъ-Мирза умеръ. Магметъ-Шахъ спѣшилъ возвратиться въ Тегеранъ къ царствовавшему тогда дѣду своему Фетъ-Али-Шаху, для испрошенія утвержденія на право наслѣдованія престола. Проливные дожди испортили дорогу, орудія тоннули въ глубокой грязи, движеніе войскъ медлилось; Магметъ-Шахъ рѣшился было зарыть орудія недалеко отъ Герата. Всѣ ханы, призванные на совѣтъ, согласились, но Самсонъ-Ханъ предложилъ вывозъ орудій возложить на войско. Онъ взялъ самыя тяжелыя пушки, купилъ подъ нихъ лошадей на собственный счетъ и отдалъ своихъ изъ-подъ вьюковъ. Прочіе ханы, пристыженные такимъ поступкомъ, послѣдовали его примѣру. Самсонъ-Ханъ получилъ за это орденъ Льва и Солнца 1-й степени съ брилліантами. Онъ былъ извѣстенъ не въ одной Персіи, но и далѣе на востокъ. Слову его, которому онъ никогда не измѣнилъ, болѣе вѣрили нежели слову самого шаха. Первый министръ Гератскаго шаха Яръ-Магметъ-Ханъ находился въ большой дружбѣ съ нимъ. Когда въ 1833 году принцъ Аббасъ-Мирза случайно арестовалъ этого министра и посадилъ подъ караулъ нашихъ солдатъ, Самсонъ-ханъ не только что продовольствовалъ его на свой счетъ, но и давалъ ему деньги на необходимости, иначе Яръ-Магметъ умеръ-бы отъ голода, ибо Персіане не имѣютъ никакого состраданія къ арестантамъ своимъ и вообще безчеловѣчны. Подобные примѣры великодушія, рѣдкіе въ Персіи, приобрѣли большое уваженіе Самсону-Хану. Въ разсматриваемое время, Персидское правительство ему было много должно: потому

счастливаго быта въ Персіи, удерживали его идти въ Россію, куда онъ долженъ былъ возвратиться какъ дезертиръ, и исполнѣ чувствовать срамъ своего преступленія.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на долгое пребываніе между мусульманами, Самсонъ-Ханъ сохранилъ горячее чувство любви къ родной Вѣрѣ, до такой степени, что для проявленія этого чувства жертвовалъ достоинствомъ своимъ и даже рисковалъ навлечь на себя негодованіе Персидскаго правительства, соорудивъ въ одной изъ Азербейджанскихъ деревень своихъ православный храмъ, котораго златоверхій куполь поражаетъ путешественника необычайностью своею среди населенія, не терпящаго явнаго или, лучше, гласнаго исповѣданія ни какой другой религіи, кромѣ шітскаго толка мусульманской вѣры. Поэтому, если оставалась надежда склонить хана, то не иначе, какъ дѣйствуя на глубокое религиозное его убѣжденіе.

Первое слово сильнаго дезертира была тяжкая, оскорбительная дерзость. Какъ Русскому, Альбранту тяжело было ее вынести. При первомъ порывѣ чувствъ, Капитанъ чуть самъ не отвѣтилъ оскорбленіемъ; но тотчасъ смирился, рѣшился нанести противнику скрытый ударъ, — лишить его значенія выводомъ баталіона; а потому обратилъ все свое вниманіе, чтобы вырвать изъ его рукъ перебѣжчиковъ, предоставляя самому хану и зятю его, командовавшему баталіономъ серенгу (полковнику) Скрыплеву *) остаться въ Персіи. Самсонъ-Ханъ не ограничился первою дерзостью, но вначалѣ горячо и даже грубо спорилъ съ Альбрантомъ, желая его вывести изъ спокойствія и тѣмъ заставить сказать что-либо, могшее служить предлогомъ къ прекращенію разговора, изъ котораго онъ чувствовалъ, что не выйдетъ по-

что онъ на свой счетъ содержалъ баталіонъ подъ Гератомъ. Извѣстно также, что Персіане не любятъ и не имѣютъ средствъ расплачиваться.

*) Скрыплевъ служилъ прапорщикомъ въ бывшемъ Нашебургскомъ пѣхотномъ полку, участвовалъ въ войнѣ противъ Персіанъ и въ 1828 году, во время Турецкой войны, бѣжалъ изъ Баязета, когда тамъ открылась чума, увлеченный молодостью, неопытностью и общаніями принца Аббазъ-Мирзы, который старался сманивать нашихъ солдатъ.

бѣдителемъ. Альбрантъ видѣлъ это и отстранялъ отъ себя, напавъ на живую струну стараго сердца. Безъ упрека за наносимыя оскорбленія, Капитанъ говорилъ о славномъ нашемъ Отеествѣ, о духѣ нашего благодѣтельнаго правленія, о Царѣ нашемъ, о величїи Россїи, объ обязанности вѣрно-подданства, о горести видѣть Русскаго, раздирающаго свою святыню, и отступничествомъ ввергающаго себя въ адъ; представилъ хану тягость грѣха, принимаемаго имъ на свою душу, удерживаніемъ столькихъ христіанъ отъ исполненія обязанностей ихъ Вѣры; показалъ ему опасность, которой онъ подвергаетъ ихъ вовсе отступиться отъ христіанства, увлекшись, по человѣческой слабости, обманчивыми наущеніями враговъ исповѣданія Христа, и, наконецъ, привелъ его къ сознанію, что все это онъ дѣлаетъ не изъ какого-либо чистаго, безкорытнаго побужденія, а просто съ тѣмъ, чтобы нѣсколько послѣднихъ лѣтъ жизни провести въ тщеславномъ довольствѣ и коня богатства, которыя не спасутъ его ни отъ мукъ послѣдняго раскаянія, ни отъ страшнаго послѣдняго отвѣта за гробомъ.

Объявивъ, что правительству нашему не нужно ни его, ни дѣтей, ни зятя его, что Государь, даровавъ прощеніе, не имѣетъ надобности карать ихъ, Альбрантъ повторилъ: «Оставайтесь въ Персїи, но будьте Русскимъ; отвратите братьевъ вашихъ отъ преступнаго упорства; возвратите Россїи заблудшихся дѣтей ея, они насъ пятнають. Англичане, на покровительство которыхъ баталіонъ, а въ особенности Поляки, надѣются, увлекають ихъ не для блага, но для того, чтобы сказать въ свѣтъ, что между Русскими есть людѣи, измѣнники, бросившіе свое Отечество, и служащіе низкими наемниками царю чуждому, безславному, и — будутъ смѣяться. Оставайтесь въ Персїи съ дѣтьми и зятемъ вашимъ, но подайте руку вашу, чтобы смыть пятно; Богъ и Царь васъ не оставятъ. Оправдавшись предъ Богомъ, Государемъ и Отечествомъ, вы будете служить въ Персїи и пользоваться прїобрѣтенными благами, не какъ дезертиръ, но какъ Русскій чиновникъ; спокойствіе замѣнитъ испытываемую вами тревогу, что рано или поздно постигнетъ кара небесная. Правительство наше будетъ васъ поддерживать, вы достигнете высокихъ назначеній и будете намъ полезны; намъ нужно имѣть въ Персїи преданныхъ людей, неужели

вы не Русскій; неужели вы врагъ нашей славной Россїи, матери своей?»

Самсонъ-Ханъ, не ожидавшій нападенія съ этой стороны своего завѣтнаго чувства, во все время рѣчи сидѣлъ потупивъ глаза, и видно было, что такія слова его тронули; наконецъ, онъ не выдержалъ, подошелъ къ Альбранту и пожавъ сильно ему руку, отвѣчалъ: «Изъ словъ вашихъ вижу, что вы человѣкъ Богобоязненный и не желаете несчастья людямъ; но, скажу вамъ откровенно: ни я, ни зять мой, ни за что не пойдемъ въ Россію; здѣсь мы пользуемся славою, тамъ — мы будемъ испытывать срамъ за преступленіе, которое ничѣмъ искупить не можемъ. Я тяжко виновенъ предъ Богомъ и Государемъ и почитаю себя несчастливымъ, что не могу возвратиться въ Отечество, видѣть родины моей! Вы говорите, что я не Русскій. Россію, родину, я ношу въ сердцѣ моемъ; я плачу по ней. Священное Писаніе говоритъ: «всему положенъ предѣлъ, его же не преидемъ»; и вѣрно мнѣ суждено умереть въ слезахъ, оплакивая свое преступленіе, утрату родины. Я пойду въ Іерусалимъ, и тамъ, въ раскаяніи, кончу дни. Однако-жъ, хочу быть полезнымъ Государю и Отечеству; но не могу сдѣлать этого открыто, — меня шахъ погубитъ *). Съ завтрашняго дня я слягу въ постель, и не буду мѣшаться ни во что; дѣлайте какъ знаете; я никого отговаривать не буду. Просите Бога, чтобы Онъ помогъ вамъ; безъ Него вы не управитесь съ дезертирами, люди буйные и безпокойные, — берегитесь.»

На другой день Самсонъ-Ханъ дѣйствительно слегъ въ постель, и Альбрантъ сталъ управляться съ баталіономъ.

Какъ скоро собралось нѣсколько десятковъ дезертировъ, желавшихъ возвратиться на родину, Альбрантъ всячески старался сблизиться съ ними, ознакомить ихъ съ своими чувствами, пробудить въ нихъ любовь къ Государю и Отечеству и тѣмъ увлечь ихъ въ Россію. Но всего сильнѣе потрясли ихъ звуки родныхъ пѣсней. Зная, по сердцу своему, отрадныя чувства, которыя пѣсни на чужбинѣ про-

*) Говоря это, Самсонъ-Ханъ показалъ Альбранту нѣсколько собственноручныхъ записокъ шаха, въ которыхъ было повторяемо нежеланіе послѣдняго выдать намъ баталіонъ.

буждаютъ, могущія потрясти даже самую ожесточенную душу, Капитанъ сформировалъ хоръ пѣсенниковъ. Въ баталіонѣ никогда не было пѣсенниковъ; веселія возгласы Русскихъ дезертировъ не оглашали Тегерана; порою только недавно прибывшій солдатъ, горюя по родинѣ, напѣвалъ про себя заунывную пѣсню, чтобы утѣшить тоскующую душу. Среди глубокой тишины Тегеранскихъ ночей *) пѣсенники наши заливались; звуки ихъ хора, разносясь по Тегерану, потрясали баталіонъ **). Альбрантъ употреблялъ все стараніе, чтобы въ его командѣ было весело, чтобы кручина не могла запасть въ сердца возвращавшихся въ Отечество; онъ самъ пировалъ съ ними. Не вѣря ни какимъ бумагамъ, а только увлекаясь его рѣчами, многіе полагали, что Альбрантъ наводитъ на нихъ одурь чадомъ слова, и въ немъ сомнѣвались. Для уничтоженія сомнѣнія и убѣжденія, что дѣйствуетъ откровенно, совѣстно и безъ притворства любить солдата, капитанъ вынужденъ былъ иногда омрачать виномъ свой разумъ, чтобы, развернувъ сердце, обнаружить чувство ***). Дѣйствительно, эти минуты были самыя побѣдныя: дезертиры приходили въ восторгъ, поднимали его на руки, убѣждаясь, что онъ поступаетъ отъ чистаго сердца и по любви къ солдату. Крики ура! потрясали Тегеранъ, будили упорствовавшихъ, влекли ихъ на родину. Эти крики, безъ сомнѣнія, будили даже самаго шаха и его гаремъ, ибо только узкая улица (уже нашихъ уѣздныхъ переулковъ) отдѣляла пировавшихъ отъ дворца, при которомъ были и баталіонныя казармы.

Съ каждымъ днемъ число рассказывающихся болѣе и болѣе прибавлялось, и наконецъ, къ 6-му декабря, собрался почти

*) Въ Тегеранѣ, какъ и во всей Азіи, днемъ все въ движеніи, шумно; съ заходомъ же солнца всѣ возвращаются въ дома свои, которые запираются наглухо, и на улицахъ вы не встрѣтите никого, развѣ лотовъ (разбойниковъ), ищущихъ добычи или пьянствующихъ.

**) Чтобы пѣсни далѣе слышны были, Альбрантъ разставлялъ пѣсенниковъ на крышахъ, которыя въ азіатскихъ домахъ плоскія.

***) Пированья эти всегда сильно разстроивали здоровье Капитана, но много помогали ему овладѣть сердцемъ солдата, приобрести его довѣренность. Онъ всегда предварялъ полномочнаго министра, когда долженъ былъ пировать; генералъ Дюгамель безпокоился, но одобрялъ.

весь баталіонъ, находилось болѣе 400 человекъ. Альбрантъ не оставлялъ ни одного являвшагося къ нему, чтобы не внушить о благѣ возвращенія въ Отечество, и не отпускалъ, пока не замѣчалъ, что тотъ проникнутъ этимъ чувствомъ. Нужно было, такъ сказать, овладѣть сердцемъ перебѣжчиковъ; иначе, при буйной ихъ волѣ, неблагонамѣренности Персидскаго правительства и необузданности народа они бы все опрокинули. Отъ ихъ воли зависѣло уйти въ Герать, Кабуль или Багдадъ, гдѣ бы ихъ радостно приняли; они бы могли укрыться въ мечетяхъ и другихъ священныхъ мѣстахъ, въ которыхъ находились бы неприкосновенны; они могли, наконецъ, произвести бунтъ въ Тегеранѣ, нуждающемся только въ искрѣ для пожара. Одною силою воли и силою слова надлежало ихъ удержать отъ всего этого и увлечь. Потому, при внушеніяхъ своихъ, Альбрантъ всегда обращалъ особое вниманіе на тѣхъ, которые казались болѣе упорными или дерзкими, чтобы смирить ихъ въ самомъ началѣ, и не дать язвѣ непокорности распространиться въ командѣ. Мы уже помѣстили одинъ случай убѣжденія дезертировъ, бывшій въ первое время по прибытіи Капитана въ Тегеранъ; подобный случай повторился и нѣсколько времени спустя. Однажды, когда Альбрантъ говорилъ солдатамъ, явившимся въ составъ цѣлаго взвода, дезертиръ К... нагло подошелъ къ нему и сказалъ невыносимую дерзость. Повторить ее здѣсь не можемъ. Не привыкши видѣть Русскаго порицающаго свою святыню, и въ особенности солдата, Альбрантъ былъ тронуть до глубины души; слезы вырвались изъ глазъ его. «Казалось», говорилъ въ послѣдствіи самъ Капитанъ, «меня онъ ударилъ по сердцу; такъ слова его поразили меня.» Нужно было нанести этому злодѣю ударъ, который бы отразился въ баталіонѣ, который бы поразилъ всѣхъ зломыслящихъ, иначе торжество осталось бы на сторонѣ непокорныхъ и они уничтожили бы нравственную силу, которою онъ связывалъ дезертировъ, единственную его силу. «Злодѣй!—вскрикнулъ Альбрантъ,—какъ ты дерзнулъ порицать Того, Кто у насъ всего святѣе, Кто составляетъ славу и счастье наше, о благоденствіи Котораго 60 милліоновъ народа возсылаютъ молитвы къ Богу, Кому милліонъ добрыхъ солдатъ служатъ вѣрою и правдою? Зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ, если измѣнникъ Богу, Государю и Отечеству; ты не Русской—если

ты не братъ, а врагъ нашъ! Если тебѣ, звѣрю, нужно крови? — на грудь мою, разорви ее, но не тронь нашей святыни!» «Убей меня,» прибавилъ Капитанъ, указывая на камень, лежавшій у ногъ его, — убей, и бѣги похвастанъ шаху, что ты убилъ Русскаго, присланнаго для спасенія твоихъ братьевъ; онъ тебѣ дастъ золото. Продай ему свою душу; чортъ ее выкупить у него и насмѣется надъ тобою. Чортъ ищетъ души проклятой; онъ выбралъ твою нечистую; онъ одурить тебя, для погибели твоей; онъ заведетъ тебя въ безводныя степи Туркменіи, и тамъ, когда твои братья на благословенной Руси будутъ благословлять Всевышняго, ты — голодный, сожженный зноемъ, будешь издыхать; еще сердце не остынетъ у тебя, какъ воронъ выклюетъ твои глаза, какъ чакалки станутъ раздирать тебя. Помни, злодѣй, мое страшное пророчество въ минуты ужасной гибели твоей!» На колѣняхъ, обнявъ его ноги, К.... просилъ или смерти, или прощенія. Альбрантъ долго не соглашался на послѣднее; но, уступя просьбѣ и заставя тутъ же обратиться къ Богу съ молитвою, простилъ его. Получивъ прощенье, онъ убѣдительно молилъ не погубить его по приходѣ въ Россію, и получилъ на то честное слово. К.... повѣрилъ и, со дня поступленія, служилъ образцомъ покорности и хорошаго поведенія. Это былъ человѣкъ извѣстный въ баталіонѣ неукротимостью характера; все происходившее съ нимъ было передано и произвело весьма хорошія послѣдствія. Служившій въ баталіонѣ унтеръ-офицеромъ Степанушкинъ *), свидѣтель происходившаго, былъ такъ озлобленъ поступкомъ К..., что если бы Альбрантъ только слово сказалъ, онъ закололъ бы его **).

По числу солдатъ, изъявившихъ раскаяніе, дворъ полномочнаго министра нашего, — гдѣ они помѣщались, — сдѣ-

*) Степанушкинъ истинно хорошій солдатъ; онъ бросилъ свое семейство въ Тегеранѣ и пришелъ въ Россію, куда непременно желалъ возвратиться.

***) Чиновникъ миссіи Ивановскій, докторъ миссіи Кепчеръ и Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска урядникъ Ситниковъ, свидѣтели происходившаго, были также тронуты. У Ситникова дрожали слезы на глазахъ, онъ готовъ былъ разорвать К.... Частъ послѣ этого происшествія видѣли, что Ситниковъ еще былъ встревоженъ.

лался тѣсенъ, и дезертиры были переведены въ обширный караванъ-сарай за городомъ. Во все время нахождения ихъ во дворѣ полномочнаго министра не произошло ни драки, ни буйства, ни воровства; сила внушенія ихъ обуздывала, а хорошее содержаніе и заботливость о нихъ — успокоивали. Генераль Дюгамель остался совершенно довольнымъ ихъ поведеніемъ, столь неожиданнымъ.

Въ баталіонѣ оставалось еще нежелающихъ идти въ Россію, кромѣ принявшихъ мусульманскую вѣру, около 15-ти человѣкъ Русскихъ, — это были люди имѣвшіе достатокъ, — и до 80-ти Поляковъ. Первый министръ шаха, Мирза-Хаджи-Агаси, управлявшій Персією, — человѣкъ хитрый предвидя, что рано или поздно баталіонъ будетъ взятъ, сталъ нѣкоторымъ образомъ склоняться къ пользѣ нашей. Баталіонное начальство, съ своей стороны, опасаясь ответственности за оружіе и аммуницію, которыя бросали или пропивали солдаты, уходя къ Альбранту, — иные уходили даже, бывъ въ караулѣ у шаха, — стало приступать къ отобранію оружія отъ людей, казавшихся ему ненадежными. Бывшій баталіонный командиръ, серенгъ (полковникъ) Скрыплевъ, по родственной связи съ Самсонъ-Ханомъ, хотя колебался идти въ Россію; но, какъ землякъ Альбранта, сблизясь съ нимъ отрядными воспоминаніями о родинѣ, родныхъ и знакомыхъ, готовъ былъ помогать.

При такихъ обстоятельствахъ, имѣя у себя уже большую часть баталіона, Капитанъ видѣлъ, что наступила минута дѣйствовать рѣшительно съ продолжавшими упорствовать.

Полномочный министръ нашъ истребовалъ у перваго министра шахскаго одного Персидскаго чиновника съ десятью сарбазами, для состоянія при Альбрантѣ и содѣйствія къ исполненію принимаемыхъ имъ мѣръ. Въ помощь къ этимъ сарбазамъ имѣлось еще нѣсколько человѣкъ лотовъ *), которыхъ, какъ равно и сарбазовъ, Альбрантъ поручилъ вѣдѣ-

*) Классъ людей праздныхъ, отважныхъ, пьяницъ, живущихъ грабежемъ и разбоемъ; между ними рѣдко кто не заклеименъ какимъ-либо наказаніемъ: у кого глазъ вырванъ, у кого носъ и уши обрѣзаны, а у нѣкоторыхъ кастъ руки отрублены за воровство и разбой. Эти люди были чрезвычайно полезны въ настоящемъ дѣлѣ.

нію состоявшаго при немъ жителя Тифлиса, переводчика изъ Татаръ, отставнаго прапорщика Бахтіара-Агаларова. Одиовѣрецъ Персіянъ, истинно преданный нашему правительству, онъ былъ весьма полезенъ.

Чтобы отвратить непріятныя происшествія при арестованіи упорствовавшихъ, Альбрантъ считалъ необходимымъ приготовить къ этому Тегеранскихъ жителей. Въ азіятскихъ городахъ днемъ почти всѣ жители на базарахъ, по дѣлу или безъ дѣла. Персіяне вообще легкомысленны, крайне падки на новости и чрезвычайно любопытны. Остановитесь на улицѣ и станьте что-либо рассказывать, — васъ окружитъ толпа народа, которая будетъ безпрестанно возрастать.

Альбрантъ посылалъ Бахтіара-Агаларова на базары забавлять народъ рассказами, что Государь требуетъ нашихъ перебѣжчиковъ потому, что они измѣнили шаху подъ Гератомъ, продавали порохъ Гератцамъ, что Государь нашъ въ большой дружбѣ съ шахомъ, который называетъ Его Величество старшимъ братомъ своимъ; что Государь пришлетъ весною, Каспійскимъ моремъ, корпусъ, чтобы взять Герать и подарить шаху; притомъ онъ говорилъ о глупости Персіянъ, которые видятъ богоугодное дѣло въ обращеніи нашихъ дезертировъ въ свою вѣру. «Они дурачатъ васъ, — прибавлялъ Агаларовъ, — они не только что не исповѣдуютъ мусульманской вѣры, но еще смѣются надъ нею; они не знаютъ символовъ ея, пьянствуютъ, молятся по-русски и крестятся.»

Персіяне изрекали проклятія на нашихъ дезертировъ, и говорили: «да пропадутъ эти нечестыя собаки!»

Высмотрѣвъ расположеніе умовъ Тегеранскихъ жителей, Бахтіаръ Агаларовъ, съ сарбазами и лотами, приступилъ къ поимкѣ упорствовавшихъ. Въ теченіе трехъ дней они схватили, въ глухихъ переулкахъ, 22 человекъ Русскихъ и Поляковъ, и посадили ихъ подъ арестъ. Мѣсто ареста было скрытое. Дезертиры, при арестованіи ихъ, начинали-было кричать, что они мусульмане; но какъ не знали символовъ вѣры, то Бахтіаръ тутъ же заставлялъ ихъ креститься, и какъ только называвшіе себя мусульманами крестились, сарбазы и лоты принимали ихъ въ приклады и палки и тащили подъ арестъ. Въ одномъ глубокомъ мѣстѣ скрывались до 10-ти человекъ наиболее непокорныхъ, съ оружіемъ. Сар-

базы и лоты боялись ихъ схватить, но Бахтіаръ, взявъ ружье на перевѣсъ, бросился впередъ, за нимъ сарбазы — и арестовали. Въ это время всѣ дезертиры, объявившіе о своемъ раскаяніи, какъ сказали, были расположены внѣ города. Альбрантъ приказалъ распустихъ между ними слухъ, что только тѣ, которые находятся за городомъ, въ его вѣдѣніи, пойдутъ въ Россію, какъ солдаты, и воспользуются дарованнымъ Всемилюстивѣйшимъ прощеніемъ; прочихъ же, оставшихся въ городѣ, шахъ, на покровительство котораго они надѣялись, арестовываетъ и отправляетъ въ Россію за конвоемъ для наказанія. Узнавъ объ этомъ, дезертиры стали съ осторожностью входить въ Тегеранъ, куда ихъ не пропускали безъ билетовъ. Сарбазы, содержавшіе караулъ у городскихъ воротъ, были подкуплены Альбрантомъ. Такимъ образомъ, безъ особыхъ происшествій, арестованы 22 человекъ.

Упорствовавшіе Русскіе дезертиры уже почти всѣ были перехвачены; оставались Поляки, въ составѣ цѣлой роты. Они имѣли свою походную и боевую аммуницію и держали себя на походной ногѣ. Въ 1838 году, когда шахъ дѣйствовалъ подъ Гератомъ, взятіе котораго было противно видамъ Англичанъ, они весьма не желали успѣха въ выводѣ нашихъ солдатъ изъ Персіи. Въ 1839 году, когда, въ послѣдствіе ихъ дипломатическихъ выходокъ, шахъ отступилъ отъ Герата, то, для большаго ослабленія его шахскаго величества, они стали желать намъ успѣха. Поэтому Поляки, которымъ подъ Гератомъ Англичане обѣщали знамя и покровительство, были оставлены ими по приходѣ въ Тегеранъ.

Но пронирыливые Поляки прибѣгли подъ покровительство командовавшаго войсками въ Тегеранѣ адъютанта баши-хана (генераль-адъютанта) Гусейнъ-Хана. Простой, недалновидный, онъ принялъ ихъ и распорядился увезти ихъ изъ столицы, полагая, что этимъ угодитъ шаху, подѣйствуетъ на остальныхъ и увлечетъ даже объявившихъ желаніе идти на родину.

Узнавъ объ этомъ, Альбрантъ немедленно призвалъ баталіоннаго командира Скрыплева и потребовалъ, чтобы онъ самымъ благоразумнымъ образомъ арестовалъ Польскихъ офицеровъ, предводившихъ своими упорствовавшими соотечественниками, объясняя, что только этотъ случай мо-

жетъ доказать: Русской ли онъ, или измѣнникъ? Скрыплевъ общалъ. Между тѣмъ Капитанъ послалъ къ Полякамъ бывшаго при немъ Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщика Яневича, — также ихъ соотечественника, — чтобы тотъ внушилъ имъ всю безразсудность предпринимаемаго. Истинно усердный, преданный нашему правительству, страда о заблужденіи своихъ братьевъ и дѣйствуя съ истиннымъ самоотверженіемъ, Яневичъ охотно взялся исполнить приказаніе. Но Поляки приняли его самымъ дерзкимъ образомъ: одинъ изъ дезертировъ, бросившись на него и размахнувшись саблею, едва не изрубилъ; но переводчикъ Бахтіаръ-Агаларовъ отразилъ ударъ. Яневичъ съ трудомъ могъ спастись.

Скрыплевъ успѣлъ, однако жъ, арестовать офицеровъ, и такъ хитро, что ни Персіяне, ни нижніе чины о томъ не знали. Но, какъ уже было рѣшено выступить съ разсвѣтомъ изъ Тегерана, то 40 человекъ Поляковъ, имѣя проводника, даннаго имъ Гуссейнъ-Ханомъ, выступили въ полной боевой амуниціи. Альбрантъ послалъ бывшихъ при немъ лотовъ открыть, куда пойдутъ Поляки и гдѣ остановятся, а между тѣмъ, тотчасъ, доложилъ полномочному министру нашему, прося его рѣшительныхъ распоряженій для недопущенія Поляковъ къ побѣгу, находя, что это могло имѣть весьма вредныя послѣдствія. Министръ немедленно поѣхалъ къ шаху. Его шахское величество, въ удовлетвореніе требованія министра, общалъ прислать къ нему адъютанта баши для объясненія, и предоставилъ принять мѣры, какія генералъ Дюгамель заблагоразсудитъ.

Въ Персіи тогда славился храбростію Мурагинскій ханъ Гуссейнъ-Паша, командовавшій баталіономъ сарбазовъ. Полномочный министръ нашъ предложилъ ему идти съ баталіономъ вслѣдъ за Поляками и арестовать ихъ, общая награду и ему и сарбазамъ. Ханъ было согласился, но узнавъ, что Поляки ушли съ боевою амуниціею и штыками, рѣшительно отказался отъ преслѣдованія ихъ, и такъ замѣтно смѣшался, что генералъ Дюгамель, при немъ же сказалъ: «каковъ хваленый молодецъ?» *).

*) Изъ этого можно видѣть — могли ли Персіяне доставить силою баталіонъ на границу?

Въ скоромъ времени пришелъ Гуссейнъ-Ханъ, генералъ-адъютантъ шаха. Нагло-безсовѣстная изворотливость его, свойственная всѣмъ Персіанамъ, и необходимость кончить дѣло не объясненіемъ, а исполненіемъ, вынудило полномочнаго министра прибѣгнуть къ угрозѣ, сильнѣе дѣйствующей на душу Персіанъ, нежели ласка. Генералъ Дюгамель сталъ требовать рѣшительно помки бѣжавшихъ, грозя сорвать голову Гуссейнъ-Хану, если онъ не возвратитъ Поляковъ. Гуссейнъ-Ханъ отвѣчалъ, что его голова не такъ ничтожна, чтобы онъ могъ легко сорвать ее. Министръ приказалъ ему выйти вонъ, угрожая, что непременно исполнитъ свое обѣщаніе; а между тѣмъ потребовалъ, чтобы ханъ зашелъ къ Альбранту. Гуссейнъ это сдѣлалъ. Капитанъ дополнилъ все, что министръ, по приличію, не могъ высказать. Хотя генералъ-адъютантъ вышелъ и съ большимъ неудовольствіемъ, но немедленно послалъ возвратитъ своего проводника *).

*) «Не полагайте, — прибавляетъ Альбрантъ, рассказывая объ этомъ, — что успѣете въ чемъ-нибудь съ Персіанами, поступая кротко и вѣжливо, какъ съ честными людьми. Судя о людяхъ по себѣ, они принимаютъ кротость и вѣжливость за униженіе, за слабость вашу. Побейте Персіанина и, въ знакъ примиренія, бросьте ему денегъ, это покажетъ ему силу вашу, и онъ поспѣшитъ угодить вамъ. При слѣдованіи моемъ чрезъ Персію съ баталіономъ, шахъ назначилъ махмандоромъ (проводникомъ) Мурадъ-Хана — одного изъ своихъ почетныхъ чиновниковъ. Имѣя правиломъ быть вѣжливымъ, я оказалъ все вниманіе Мурадъ-Хану, когда онъ прибылъ ко мнѣ. Въ Персіи уважаются люди не по достоинствамъ, а по богатству ихъ. Солдатская жизнь моя скоро лишила меня уваженія хана. Хотя и объяснилъ я ему, что у насъ военные дорожатъ славою и честью, а роскошью пренебрегаютъ; но это ему показалось совершенно непонятнымъ, даже глупымъ. Я мало обращалъ вниманія на уваженіе его, но настаивалъ только, чтобы онъ не грабилъ жителей, требуя будто бы для Русскаго баталіона лошадей, продовольствіе, — въ чемъ мы не нуждались. Для продовольствія я имѣлъ маркитанта; лошади были наемныя. Желая пройти чрезъ Персію такимъ образомъ, чтобы проходъ Русскихъ оставилъ хорошее воспоминаніе въ Персіанамъ, которыхъ свои сарбазы при проѣздѣ немилосердо грабятъ, я обращалъ особое вниманіе, чтобы

Оставленные безъ проводника, безъ офицеровъ, Поляки прислали къ Альбранту рядоваго Касприка спросить: могутъ ли явиться и быть прощены? Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, они воротились и были приняты въ команду.

При этомъ Альбрантъ далъ имъ почувствовать всю ихъ неблагодарность нашему правительству, благо возвращенія въ Россію, гдѣ они могли надѣяться увидѣть родину свою, наказаніе, заслуживаемое за поступокъ и милость, имъ дѣлаемую, принятіемъ въ число ихъ братьевъ, изъявившихъ добровольное желаніе идти въ Россію; доказалъ имъ ненадежность защиты, обѣщанной иностранными агентами, примѣрами прошедшаго, гдѣ всѣ усилія чужеземныхъ правительствъ не могли преодолѣть твердой воли Государа Россіи и измѣнить Его предначертаній; указалъ имъ на Индію, въ которой денежные выгоды составляютъ главную цѣль завоеваній и, наконецъ, разительнымъ примѣромъ вліянія своего на Русскій отдѣлъ баталіона убѣдилъ, что имъ нечего смотрѣть на Персіянъ и ждать отъ нихъ покровительства.

Такимъ образомъ, почти весь баталіонъ уже передался; оставалось только склонить къ добровольному возвращенію въ Россію бывшаго баталіоннаго командира, серенга (полковника) Скрыплева и нѣсколькихъ солдатъ, скрывавшихся у него и находившихся при шахѣ, и управиться съ бывшими подъ арестомъ 22-мя нижними чинами и тремя офицерами

жителямъ не было дѣлаемо никакого притѣсненія. По этому о примѣреніи моемъ всегда предупреждалъ ихъ чрезъ квартиреровъ моихъ. Неоднократно жители жаловались мнѣ на хана. Я ему говорилъ объ этомъ; онъ мнѣ отвѣчалъ невѣжливо, давая понимать, что я иду по Персіи, и что это не мое дѣло. Желая прекратить его грабежи, я рѣшился взять у него шахскій фирманъ и лишить его всякаго права. Онъ не согласился отдать фирманъ; я приказалъ отнять бумагу силою. Ханъ было заупрямился; но его наказали и отняли фирманъ. Не принимая въ обиду наказанія, онъ сожалѣлъ только о томъ, что лишился возможности грабить; сбросилъ съ себя личину важности, и сталъ вѣжливъ до униженія: прислуживалъ мнѣ, подавалъ трубку, держалъ стремя, когда я садился на лошадь, принималъ лошадь, когда я сходилъ съ нее; изъ высокомернаго хана, онъ сдѣлался слугою и, вмѣсто того, чтобъ жаловаться на меня по приѣздѣ въ Тавризь, онъ просилъ отъ меня свидѣтельства въ своемъ поведеніи.»

изъ Поляковъ. Последніе хотя и просили пощады, но Альбрантъ не хотѣлъ выпускать ихъ изъ-подъ ареста, въ примѣръ баталіону, и потому, чтобы, выстрадавъ свою вину, они лучше поняли и оцѣнили благо воспользоваться свободою *) и убѣдились, что Персіяне, на которыхъ они надѣялись, коварны и безсильны и что противъ воли Русскаго Государа ничто не устоитъ въ Персіи. Видя непоколебимое упрямство Самсонъ-Хана, Альбрантъ и не склонялъ его идти въ Россію, а, напротивъ, продолжалъ стараться дать ему понимать, что правительство наше какъ будто бы желаетъ, чтобы онъ оставался въ Персіи для пользы нашей. Это усыпляло сильнаго перебѣжчика. Имѣвъ списокъ всѣмъ людямъ, которые еще скрывались, Капитанъ оставилъ ихъ въ покоѣ до приближавшагося 6-го декабря, а заботился только объ устройствѣ порядка и дисциплины въ баталіонѣ и о составленіи баталіонныхъ списковъ.

Для достиженія этого Альбрантъ отдалъ слѣдующій

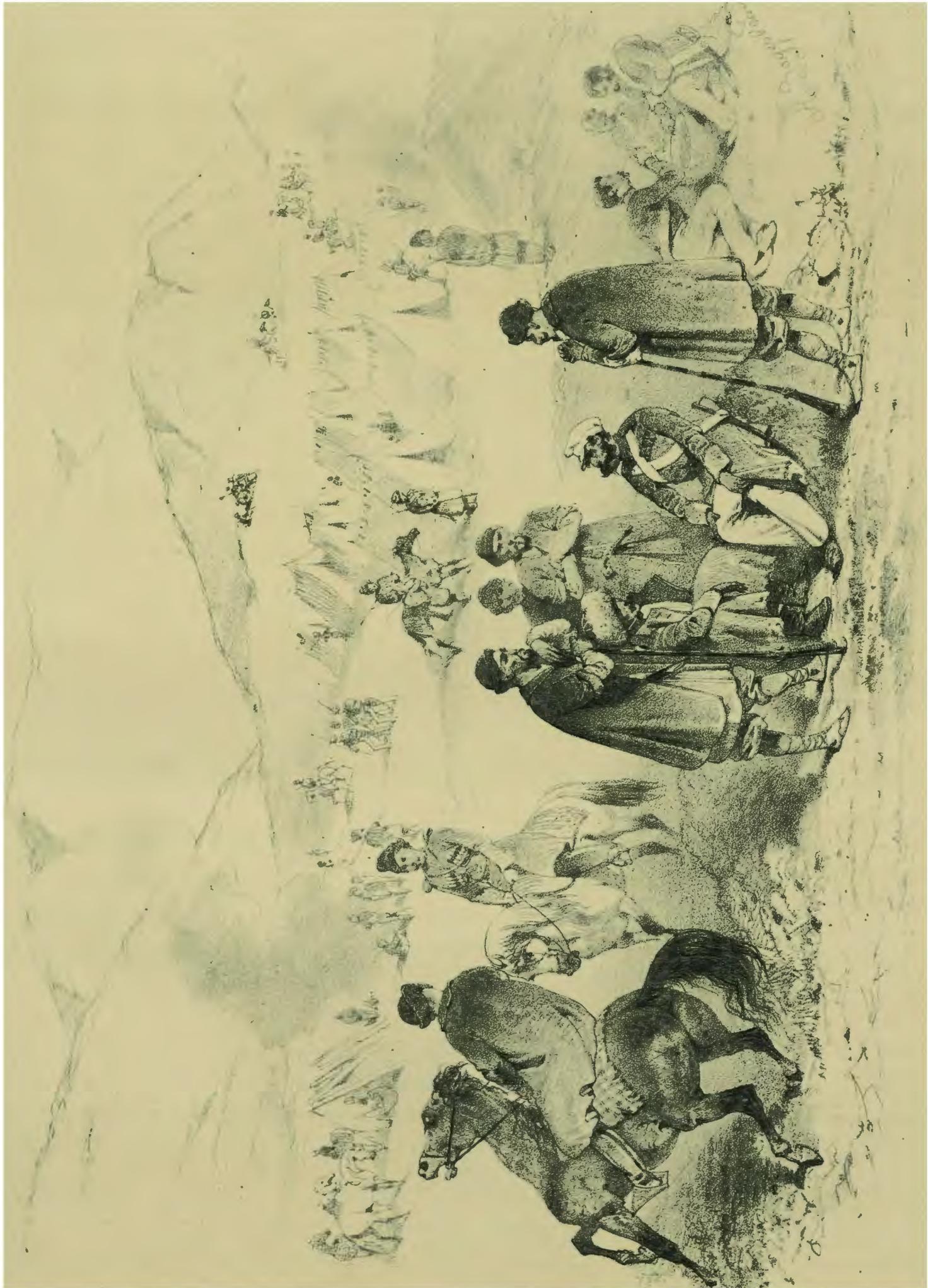
П Р И К А З Ъ

РУССКОМУ БАТАЛІОНУ, ВОЗВРАЩАЮЩЕМУСЯ ИЗЪ ПЕРСІИ.

Тегеранъ, 5 декабря 1838 года, № 1.

«Ребята! принявъ радушно милосердіе нашего Великаго Государа Императора, даровавшаго вамъ полное и совершенное прощеніе за побѣгъ и прежніе поступки, и, возвращаясь добровольно въ славное свое Отечество, вы смыли съ себя пятно, вы сняли съ себя тяжкую вину, вы уже не дезертиры, но братья наши, покорные сыны Великаго Русскаго Царя. Обратитесь чистымъ сердцемъ къ Богу и Отечеству, молитесь за Царя и родину святую, исполняйте усердно обя-

*) Невозможно было отпавить ихъ силою въ Россію. Это бы стоило чрезвычайныхъ издержекъ и могло имѣть неприятели послѣдствія. Нужно было дать много денегъ конвойнымъ, чтобы они усердно смотрѣли за арестантами на походѣ; одѣть, какъ арестантовъ, такъ и конвойныхъ, чтобы они не замерзли; панасы подѣ всѣхъ ихъ лошадаи и, при всемъ этомъ, бояться, чтобы арестанты не разбѣжались, что имѣло бы весьма неприятели послѣдствія, показавъ прочимъ дезертирамъ невозможность сдѣлать съ ними что-либо силою.

Ил. Г. Подковника Новоселова.

Ш. И. Корчагина.

ЛАГЕРЬ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ МАЮРА ГОРСКАГО,

на Горь Кодорь.

занности свои, повинуйтесь начальству, бросьте нечестивые пороки, — Богъ и Царь васъ не оставятъ. Ребята! принимая васъ на руки, какъ братьевъ, я не порестану пенцись о васъ съ заботою отца, я не перестану любить васъ, если вы будете усердно исполнять свою обязанность, не нарушите долга чести и совѣсти.

При чемъ, для свѣдѣнія и исполненія даю знать:

1) Командирами ротъ назначаются:

Первой роты — Наибъ Наумовъ.

Второй — Наибъ Лютенко.

Третьей — Бекъ-Зада Лисецкій.

Четвертой — Бекъ-Зада Андріевскій.

Пятой — Султанъ Степановъ.

2) Младшіе офицеры назначаются:

Въ первую роту: Наибъ Монгальскій, Бекъ-Зада Врублевскій, Бекъ-Зада Милевскій и Бекъ-Зада Адамскій.

Во вторую роту: Бекъ-Зада Якобчукъ, Бекъ-Зада Святославовъ, Бекъ-Зада Суркинъ и Иванченко.

Въ третью роту: Бекъ-Зада Алешинъ, Бекъ-Зада Терповцовъ и Бекъ-Зада Алексѣй Кондратьевъ.

Въ четвертую роту: Бекъ-Зада Ключинскій и Бекъ-Зада Андріевскій 2-й.

Въ пятую роту: Наибъ Матвѣевъ, Бекъ-Зада Лудановъ, Бекъ-Зада Трехлѣбъ и Бекъ-Зада Зайцовъ.

Баталіоннымъ адъютантомъ назначается командиръ 1-й роты, Наибъ Наумовъ

Начальникомъ баталіоннаго лазарета назначается Векиль-Баши Иконниковъ и, въ помощь ему, Бекъ-Зада Сурженко.

Султанъ Куницкій, Бекъ-Зада Козинъ и прочіе офицеры находятся при Баталіонномъ Штабѣ. »

(Подписаль) « Старшій Адъютантъ Капитанъ *Альбрантъ*. »

Между тѣмъ арестованные, которымъ, по наущенію Альбранта, доходили стороною безпрестанные слухи, что шахъ хочетъ отправить ихъ за конвоемъ въ Россію, гдѣ они за преступленіе свое получаютъ жестокое наказаніе, безпрестанно просили объ освобожденіи; отъ офицеровъ онъ получалъ самыя убѣдительныя письма. Наконецъ, Капитанъ всѣхъ ихъ освободилъ и, высказавъ имъ то же самое, что говорилъ Полякамъ, которыхъ увелъ-было адъютантъ баши, потре-

бовалъ отъ нихъ слово, что будутъ служить усердно. Всѣ они дали это слово и, дѣйствительно, служили примѣрно, а въ особенности офицеры.

Находя необходимымъ сильнѣе внушить Полякамъ благо возвращенія въ Россію и долгъ ихъ къ Государю Императору, даровавшему Всемилостивѣйшее прощеніе, Альбрантъ просилъ соотчича ихъ, генеральнаго консула въ Рештѣ г. Хоцько, прибывшаго въ Тегеранъ, — въ душѣ поэта и съ пылкими чувствами, — дать имъ наставленіе.

Пламенная его рѣчь Полякамъ, глубоко тронувшая ихъ, скрѣпила въ нихъ рѣшимость возвратиться въ Россію; послѣ его рѣчи они стали веселѣе, стали вести себя честно и примѣрно, и Альбрантъ полюбилъ ихъ.

Караванъ-сарай, занимаемый баталіономъ, уже былъ полонъ Русскими и Поляками. Дежурные по баталіону и поротно и баталіонный командиръ были наряжаемы; порядокъ службы мало по малу былъ вводимъ и исполняемъ. При посѣщеніи ротъ солдаты строились во-фронтъ, и на привѣтствіе весело отвѣчали. Уже не по приказу, а по собственному внушенію и съ разрѣшенія Альбранта, въ Русскихъ ротахъ раздавались пѣсни, а въ Польскихъ — гремѣла музыка и, подъ звуки краковяка, Поляки весело танцовали. Капитанъ радовался, что бывшіе дезертиры исполнялись Русскимъ духомъ и что на лицахъ ихъ уже не выражались прежнее озлобленіе и ожесточеніе; онъ уже находился между ними какъ начальникъ и какъ товарищъ. Поляки старались выказать себя исправностію и приобрѣсти его расположеніе. Между ими и Русскими родилось соревнованіе: Альбрантъ не упустилъ этимъ пользоваться. 1-я рота — Русская — просила быть ротою его имени. Капитанъ перевелъ въ нее всѣхъ солдатъ, которые казались болѣе буйными и неукротимыми и далъ ей просимое названіе, чтобы имѣть болѣе причинъ требовать примѣра въ усердіи и повиновеніи.

Но бывшіе перебѣжчики, въ подражаніе Персіанамъ, еще носили длинныя волосы (зюльфы), съ которыми не имѣли охоты разставаться, и въ особенности давно служившіе въ Персіи. Альбрантъ смотрѣлъ на это съ неудовольствіемъ, подозрѣвая, что въ глубинѣ души ихъ таится неблагонамѣренная мысль остаться въ Персіи, въ случаѣ если не пока-

жется идти въ Россію. Но не представлялось еще возможности требовать, чтобы они обрѣзали зюльфы; надо было выждать случая.

Поляки, послѣ освобожденія изъ-подъ ареста упорствовавшихъ братьевъ ихъ, собравшись вновь, какъ послѣ крушенія, въ порывѣ благодарности, пригласили Альбранта на пиръ. Онъ принялъ съ удовольствіемъ это предложеніе, чтобы подъ шумъ веселья, когда сердца болѣе расположены къ откровенности и смягчаются, сильнѣе овладѣть Поляками, привлечь ихъ къ себѣ.

Пиръ кипѣлъ; веселье часъ отъ часу возрастало; увлеченный Капитанъ смѣшался съ танцовавшими; Поляки пришли въ восторгъ, цѣловали колѣни его, помы сюртука. Русскіе солдаты, служа въ одномъ баталіонѣ съ Поляками, не были дружны съ ними. Усердіе Поляковъ, участіе, которое, казалось, Альбрантъ принималъ въ ихъ веселіи, пробудило въ Русскихъ ревность, растревляло какую-то злобу. Послѣдніе тутъ же стали ссориться съ первыми и, наконецъ, бросились отнимать у нихъ Альбранта, говоря, что это Русскій капитанъ, а не Польскій. Альбрантъ остановилъ такой порывъ.... «Русскіе и Поляки, равно братья мои; я васъ всѣхъ равно люблю, — говорилъ онъ, обращаясь къ тѣмъ и другимъ, — но я не вѣрю любви вашей; вы обманываете меня; зачѣмъ вы носите длинные волосы, какъ Персіане? Если вы Русскіе солдаты, если вы хотите служить не шаху, а нашему Русскому Государю: если вы раскаетесь въ своей винѣ, если вы чувствуете милость благосердаго Государя Императора нашего, вы должны возненавидѣть все Персидское, вы должны оборвать у себя эти длинные волосы, которые не носятъ ни Русской, ни Полякъ, а только поганый Персіанинъ; остригите ихъ, — и тогда говорите, что любите меня: тогда я повѣрю, что вы Русскіе солдаты, что вы не обманываете меня. Если же вы притворяетесь въ любви ко мнѣ, для того, чтобы бросить меня и насмѣяться надо мною, за то, что я довѣрился вамъ, какъ братьямъ, то сейчасъ же идите прочь отъ меня, я возненавижу васъ и буду преслѣдовать, какъ звѣрь.» — «Оборвемъ свои зюльфы!» вскрикнули Русскіе и Поляки, и, въ тотъ же день, почти всѣ остриглись; осталось нѣсколько человѣкъ въ персидскихъ волосахъ, но изъ нихъ нѣкоторые, при приготовленіи

къ празднеству 6-го декабря, сами остригли ихъ, а старикамъ, привыкшимъ къ Персіи, остригли силою молодые товарищи ихъ.

Насталъ день 6-го декабря, тогда день Тезоименитства Незабвеннаго Государя Императора, день столь великій для сердца Русскаго, и въ особенности на чужбинѣ. Ознаменовать этотъ день празднествомъ, слить молитву свою, молитвы баталіона съ молитвами 60-ти миллионъ народа, молившагося на святой Руси о благоденствіи Государя Императора, было первымъ чувствомъ Альбранта. Напоминаніемъ, приготовленіями къ празднеству, онъ приготовилъ чувства бывшихъ дезертировъ къ важности и святости этого дня. Офицеры приготовляли обмундированіе, солдаты исправляли свою одежду, дворъ равнялся для парада, среди его устраивалось возвышеніе для священнодѣйствія; дѣятельность въ Русскомъ подворьѣ, оживленная усердіемъ, — все будило въ раскаявшихся чувство привязанности къ Царю и Отечеству, усыпленное давнею жизнію въ Персіи, безнадежностію увидѣть когда либо Россію. Въ 9 часовъ утра высокотожественнаго дня уже баталіонъ окружалъ алтарь, воздвигнутый среди двора; священникъ совершалъ молебствіе. Моленіе подъ небомъ Персіи, вдали отъ родины святой, не могло не тронуть сердца бывшихъ перебѣжчиковъ, не заставить ихъ позавидовать участи тѣхъ братьевъ своихъ, которые, проливая кровь за Вѣру и Царя, приобрѣли благодарность отчизны. Полномочный министръ нашъ при этомъ присутствовалъ и по окончаніи молебствія привѣтствовалъ баталіонъ, поздравлялъ его съ высокотожественнымъ днемъ, благодарилъ за усердіе, сказалъ, что, исполнивъ волю Государя Императора добровольнымъ возвращеніемъ въ Россію, раскаявшіеся уже не дезертиры, а Русскіе воины, и что объ усердіи ихъ Государь Императоръ будетъ знать. Эти слова привели баталіонъ въ восторгъ: крики ура! неоднократно повторенные, оглашали воздухъ. Когда министръ провозгласилъ тостъ «за здравіе Государя Императора» крики ура! повторились съ новымъ восторгомъ. Крыши окрестныхъ зданій были наполнены жителями, дивившимися такому нашему торжеству среди Персіи. На возвышеніе, гдѣ совершалось молебствіе, былъ обѣденный столъ для всѣхъ баталіонныхъ офицеровъ; вокругъ этого мѣста обѣдали солдаты.

Веселье оживлялось, пѣсенники пѣли, музыка играла, Поляки танцовали. Чувства всѣхъ сливались въ одно чувство, въ чувство любви къ Государю и Отечеству. Всѣ хотѣли быть Русскими, всѣ проклинали Персіянъ, изъявляя свою ненависть къ нимъ. Кромѣ бывшихъ дезертировъ, возвращавшихся въ Отечество, участвовали въ празднествѣ: командовавшій прежде баталіономъ, серенгъ (полковникъ) Скрыплевъ и чины, не желавшіе идти въ Россію, — преимущественно по семейнымъ связямъ, нѣкоторые, какъ убійцы, которымъ Государь Императоръ не изволилъ даровать Всемилостивѣйшаго прощенія, и немногіе по привычкѣ къ буйной жизни и по нехотѣнію служить. Но, когда празднество пробудило во всѣхъ Русскія чувства, оставшіеся, забывъ все, стали желать возвращенія въ Россію. Въ пылу этихъ чувствъ, Скрыплевъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора. Баталіонные офицеры остановили его: «ты не смѣешь пить за здравіе нашего Царя, — ты измѣнникъ; пей за здоровье твоего шаха», говорили они ему. Поднятая рука съ бокаломъ окаменѣла у Скрыплева. Павъ на колѣни, цѣлуя руки Альбранта и землю, онъ просилъ взять его въ Россію. Капитанъ долго отказывалъ ему, желая, чтобы весь баталіонъ видѣлъ уничиженіе бывшаго своего начальника и только по самымъ усиленнымъ просьбамъ, по самымъ горячимъ мольбамъ, изъявилъ согласіе, и Скрыплевъ собственноручно вписалъ себя въ списокъ добровольно возвращавшихся въ Россію. Баталіонная музыка, составленная изъ солдатскихъ дѣтей, — единственная шахская музыка, — и другіе солдаты, не желавшіе прежде идти въ Россію, также перемѣнили свое намѣреніе.

На другой и послѣдующіе дни, Капитанъ долженъ былъ исключать изъ списковъ многихъ внесенныхъ въ нихъ 6-го декабря: однихъ потому, что не могъ взять ихъ семейства, — къ которымъ, по повелѣнію шаха, былъ приставленъ караулъ, а другихъ — какъ убійцъ *), — съ намѣреніемъ по-

*) Убійцы въ сильныхъ выраженіяхъ обнаруживали свое раскаяніе; особенно до глубины души тронула Альбранта повѣдь одного изъ нихъ — Алехина. Этотъ несчастный дезертиръ былъ видный мужчина, на блѣдномъ челѣ котораго лежала печать душевныхъ страданій. «Вотъ восемь лѣтъ, — говорилъ онъ, — какъ я убилъ

казать баталіону, что беретъ только избавляющихся отъ наказанія, для вящаго успокоенія дезертировъ.

Вѣсть, что Скрыплевъ идетъ въ Россію, сразила Самсонъ-Хана и все его семейство. Дочь его, жена Скрыплева, въ испугѣ выбросила ребенка, которымъ была беременна; братъ, сестры ея рыдали; все семейство проклидало Альбранта. Самсонъ-Ханъ хотѣлъ было не дать Скрыплеву своей дочери, но испугавшись угрозы Скрыплева, что онъ и самого его возьметъ въ Россію, согласился отпустить ее, не давъ имъ никакого пособія *). Шахъ также былъ недово-

Армянина, продававшаго водку въ Шушѣ, и бѣжалъ въ Персію: съ тѣхъ поръ я не знаю радости, хлѣбъ мнѣ кажется не хлѣбомъ, а камнемъ.» Выслушавъ Алехина, Капитанъ далъ ему и двумъ товарищамъ его денегъ (собственныхъ), съ совѣтомъ уйти изъ Персіи, хотя на край свѣта, а черезъ нѣсколько дней выдалъ имъ билеты въ этомъ смыслѣ и жалованье, слѣдовавшее отъ Персидскаго правительства. Это имѣло чрезвычайное вліяніе на баталіонъ: дезертиры благодарили Альбранта за несчастныхъ товарищей своихъ и въ особенности за Алехина, — хорошо служившаго въ Персіи, всѣми любимого и въ горести котораго, постоянно его терзавшей, принимали горячее участіе. Получивъ билеты и деньги, убійцы просили дозволить имъ остаться въ баталіонѣ до его выступленія. Съ невыразимою горестію они разставались съ братьями своими, шедшими въ Россію, а, прощаясь съ Капитаномъ, пали къ его ногамъ. У Алехина были слезы на глазахъ.

Альбрантъ находилъ нужнымъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы потрясти души нашихъ солдатъ, такъ огрубѣвшихъ въ Персіи. Дѣйствительно, для подобнаго вліянія на бывшихъ дезертировъ, какимъ пользовался Капитанъ, управлявшій самыми буйными и независимыми людьми простымъ словомъ, какъ бы силою, должно было ловить каждый случай, въ которомъ бы можно было рѣзко высказать чувства, его руководившія, чтобы дезертиры поняли ихъ и ввѣрились.

*) Самсонъ-Ханъ разставался съ дочерью съ такою горестію, какъ будто бы онъ отпускалъ ее въ могилу. Она была любимая дочь его. Ханъ не могъ повѣрить, чтобы его и зятя его не постигло въ Россіи какое несчастіе. Скрыплевъ, хотя долго колебался идти въ Отечество, но, забывая пользу свою, много содѣйствовалъ въ выводѣ баталіона изъ Персіи. Государь Императоръ, за такую услугу, въ благосердіи Своемъ, изволилъ Высочайше повелѣть приять его на службу сотникомъ въ Кавказское Линейное Казачье Войско.

лень, что Скрыплевъ оставляетъ службу въ Персіи, и бывшій полковникъ ушелъ въ Россію, не представившись Магомету, оказывавшему ему много вниманія.

Шахъ, узнавъ, что баталіонная музыка, — какъ сказали, единственная его музыка, — передалась, требовалъ у полномочнаго министра ее возвращенія. Понимая, какъ это огорчило шаха, Альбрантъ возвратилъ инструментъ, но нѣсколько музыкантовъ оставилъ у себя и они пришли въ Россію.

Записавшіеся 6-го декабря Русскіе старики, имѣвшіе семейства въ Тегеранѣ, которыхъ жены были Персіянки, просили, чтобы взять въ баталіонъ ихъ женъ. Помня несчастное происшествіе съ Грибоѣдовымъ, Альбрантъ находилъ необходимымъ дѣйствовать осторожно, и для того, чтобы увидѣть что будетъ, взялъ только двухъ женщинъ, которыя сами объявили желаніе идти съ мужьями въ Россію. Не прошло двухъ дней, какъ народъ зашумѣлъ на базарахъ; Имамъ-Джума *) сталъ изъявлять свое неудовольствіе, а шахъ нѣсколько разъ присылалъ къ полномочному министру нашему, чтобы отдали этихъ женщинъ. Объявивъ присланному Персидскому чиновнику всю свою готовность удовлетворить такое требованіе, Капитанъ возвратилъ женщинъ; но какъ онѣ имѣли дѣтей, отправлявшихся съ отцами, то, согласившись съ ними, онъ распорядился: ихъ украли и немедленно отправили въ Тавризмъ. Персіяне хватились; но какъ похищенныхъ уже не было въ баталіонѣ, и онѣ при обыскѣ не оказались, то и успокоились **).

Въ Тегеранѣ находились Афганцы. У нихъ пропали также женщины, которыхъ, вѣроятно, украли Персіяне; но чтобы не спориться, послѣдніе сложили это на нашъ баталіонъ, внушивъ первымъ, что Русскіе уводятъ съ собою женщинъ.

*) Главнѣйшій мулла, наиболѣе уважаемое духовное лицо.

***) «Персіяне, — прибавляетъ въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ Альбрантъ, — видятъ только то, что у нихъ предъ глазами, далѣе ничего».

Въ баталіонѣ были дѣйствительно солдатскія жены—Армянки и Несторіанки, но не Афганки. Болѣе 20 Афганцевъ, вооруженные саблями и щитами, пришедши въ караванъ-сарай, гдѣ размѣщался баталіонъ, требовали возврата женщинъ; толпа народа за ними слѣдовала. Солдаты, находившіеся въ караулѣ у воротъ караванъ-сарая, остановили Афганцевъ, принявъ ихъ самымъ дерзкимъ образомъ *). Афганцы, взявшись за сабли, пробовали насильно ворваться въ караванъ-сарай; народъ шумѣлъ. Выбѣжалъ на этотъ шумъ, съ бывшимъ при немъ прапорщикомъ Яневичемъ, Альбрантъ обратился къ Афганцамъ съ вопросомъ: «чего они хотятъ?» Увидя справедливость претензіи, Капитанъ приказалъ немедленно впустить двухъ старшихъ изъ нихъ въ караванъ-сарай. Толпа, довольная оказаннымъ вниманіемъ, укротилась, а по осмотрѣ самымъ строгимъ образомъ баталіона, — въ которомъ не найдено женщинъ, — удалась. Альбрантъ былъ испуганъ не столько въ минуту появленія Афганцевъ, сколько въ послѣдствіи, когда обдумалъ, какъ близко было къ ужасно-кровавому происшествію, еслибъ не случился онъ самъ въ баталіонѣ и не удовлетворилъ Афганцевъ: они бы неминуемо встрѣтили сопротивленіе, противъ котораго поднялся бы весь Тегеранъ и — возобновилось бы случившееся съ Грибоѣдовымъ.

Какъ на кийжалахъ стоялъ Капитанъ съ баталіономъ въ Тегеранѣ, и потому спѣшилъ выступить. Но баталіону слѣдовало жалованье, заслуженное имъ въ походѣ подъ Гератомъ, объ удовлетвореніи которымъ чины просили неотступно.

*) Наши дезертиры, обласканные шахомъ, славясь безотчетною храбростію, отважные, не отличались ласковостію къ Персіянамъ, которые ихъ боялись. Къ нашему министру Альбрантъ долженъ былъ проходить чрезъ базаръ, гдѣ всегда толпа народа, тысячи людей. Въ проводники онъ бралъ двухъ или трехъ дезертировъ и не могъ ихъ заставить, чтобы они, требуя дорогу, не били народъ и имѣли какое-либо уваженіе къ лицамъ, казавшимся почетнѣе: гдѣ только толпа не тотчасъ посторонялась, они прямо сыпали удары направо и налево. Персіяне оглянутся, увидятъ, что Русскіе, и сѣшутъ дать дорогу.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много-милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургъ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя библиотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непремѣннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣмательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божию, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, донинѣ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ ночили въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣняясь какимъ либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но раружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе cadaго года получитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *О. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградю Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ cadaго года будетъ обнародовать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакціи къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нерѣдко драгоцѣнные, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Цицианова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣтельно изготавливаются жизнеописанія *) генералъ-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Бярятинскаго, И. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Катенина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, И. Н. Муравьева, маркиза Паулуччи, Торماسова, князя Гагарина, И. М. Лабынцева, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. П. Вольнскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — О. И. Соймонова, генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтаева, Булгакова, Текели, Якоби, Небольсина, Бибикова, графа Баранова, Кнорринга, Портягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Кюге-фонъ-Клюгенау, Сулова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣлявскаго, князей Эристовыхъ и Орбельяновъ, Бебутовыхъ и Андронниковыхъ, генераловъ Раевского и Рудавовскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Бярятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ; генералъ-аншефа князя И. О. Бярятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гринквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хруцова, генерала Адлерберга, воеводъ Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Врангена, Кангера, Годлевскаго, Альбранта, Малиновскаго, Индрениуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадлинскаго, маіора Щедры, князей Чувчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго: барона Медема — генерала временъ Екатерины II, адмирала Пустошкина, есаула Лапина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николаи, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ, безсмертнаго Грибова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, иеромонаха Макарія и игумена Ефрема, патріарховъ-каеѣликовъ Армено-Грегорианской Церкви Ефрема, Іоаннеса и Парсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготавливаемымъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе *въ скорпѣйшее время*, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція снѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности: по изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ: этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятеленъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славою и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, падшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоцѣннѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, происшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣвшихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Платъ-Маіоръ С.—Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, февраля 24-го дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

выпуски 17-й и 18-й.

Жизнеописание генералъ—маіора Альбранта. (Окончаніе). —
Подвиги пластуновъ на КавказѢ. — Жизнеописание генералъ—
фельдмаршала графа Гудовича.

Приложенія: Портретъ генералъ—маіора Альбранта. — Вступ-
леніе въ Тавризд баталіона Русскихъ дезертировъ, возвращавших-
ся въ отечество. — Подвигъ пластуновъ.

*Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и
святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей
и рисунковъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

ГЕНЕРАЛЬ МАІОРЪ

АЛБРАНДЪ.

Зная какъ дорога солдату заслуженная копѣйка, понимая какъ необходимо при самомъ началѣ показать вниманіе къ справедливому ихъ требованію, — тѣмъ болѣе, что, ведя ихъ безъ конвоя, нужна была ихъ полная преданность, Альбрантъ представилъ полномочному министру о необходимости удовлетворенія чиновъ на счетъ Персидскаго правительства. Генераль-маіоръ Дюгамель согласился, причитавшіяся деньги были выданы изъ суммъ миссіи, которыя Персидское правительство обязалось возвратить. Нѣкоторымъ солдатамъ слѣдовало болѣе ста рублей на ассигнаціи, а нѣкоторымъ офицерамъ болѣе тысячи. Дать деньги на руки, значило дать средство къ пьянству, пьянство повело—бы къ грабежу, къ разбоямъ и побѣгамъ. Поэтому было признано полезнымъ раздать на руки только самую малую часть жалованья, а остальные деньги удержать для выдачи по прибытіи въ Россію. Нѣкоторые солдаты, беспокойные, стали роптать противъ такого распоряженія, говоря, что деньги удерживаютъ въ намѣреніе вовсе не раздать и что вообще ихъ обманываютъ. Альбрантъ всегда снѣшилъ пользоваться случаями говорить всему баталіону, для того, чтобы, склоняя чины къ чему либо, сильнѣе потрясти душу бывшихъ дезертировъ, овладѣть ими, сознавая, что иначе онъ не управился—бы съ ними. Собравъ баталіонъ, изложивъ причину, почему удерживаются деньги, Капитанъ требовалъ согласія на такую мѣру. «Развѣ вы еще не вѣрите въ мою любовь къ вамъ?—говорилъ онъ, — развѣ забота моя о васъ, освобожденіе изъ-подъ ареста*) людей, которыхъ бы шахъ отправилъ, безъ сожалѣнія, въ Россію для наказанія за упорство, не служить вамъ доказательствомъ, что я не хочу вамъ зла? Развѣ, отдаваясь вамъ на руки, ввѣряя вамъ жизнь мою, я не показываю всю правоту моихъ намѣреній? Если бы мое дѣло не было Богу угодное, если бы я не былъ руководимъ любовью къ вамъ. если бы я хотѣлъ зла вамъ, то я бы боялся васъ, но я васъ не боюсь. Рвите меня, если вы сомнѣваетесь во мнѣ! Вы хотите взять деньги, чтобы бѣжать, бросить меня и насмѣяться надо мною за добро, которое я вамъ дѣлаю, лишите меня чести, подвергнуть меня суду за

*) Тѣхъ 22-хъ человекъ, что были арестованы.

то, что я полюбилъ васъ какъ братьевъ! Лишите меня жизни, но оставте мнѣ честь; дайте мнѣ смерть и возьмите себѣ проклятіе: оно задушитъ васъ за брата вашего! Мнѣ дорога ваша копѣйка; я старался ее вырвать изъ рукъ шаха для васъ, а не для себя; я положу ваши деньги въ баталіонный ящикъ, который будетъ подъ карауломъ вашимъ; я пойду за конвоемъ вашимъ,—на рукахъ вашихъ; если васъ поколеблетъ сомнѣніе, то вы и въ дорогѣ можете разграбить ящикъ; но только помните мою просьбу: возьмите тогда и жизнь мою и бросьте мои кости въ вашей проклятой Персіи, на посмѣяніе поганымъ Персіанамъ, за которыхъ вы кровь проливали.» — «Мы вѣримъ вамъ, — отвѣчали солдаты;—удерживайте наши деньги; мы васъ на рукахъ принесемъ въ Россію; намъ нужна ваша жизнь, мы ее беречь будемъ, какъ наше сокровище.» Альбрантъ удержалъ жалованье, положилъ его въ баталіонный ящикъ, вмѣстѣ съ казенными деньгами, бывшими у него, въ количествѣ слишкомъ 30 т. рублей и отдалъ подъ часы баталіонному караулу.

Полномочный министръ, передавая вытребованное жалованье, болѣе 4 т. червонцевъ, полагалъ, для безопасности, отправить ихъ съ курьеромъ въ Тавризъ и потомъ въ границы, но не брать ихъ съ собою въ походъ. Зная признательность нашего солдата, готоваго положить жизнь свою за начальника, въ которомъ видитъ заботливость и попеченіе о немъ, Альбрантъ рѣшился взять деньги съ собою въ походъ, отдавъ ихъ подъ охрану баталіона, убѣжденный, что такую довѣренностію онъ болѣе ихъ успокоитъ и привяжетъ къ себѣ.

Рѣшимость эта безпокоила и вмѣстѣ удивляла министра. Но генераль Дюгамель еще болѣе удивился и изъявилъ свое опасеніе, когда Альбрантъ сталъ просить о потребованіи ружей отъ Персидскаго правительства для вооруженія баталіона, если не всего, то хотя отчасти.

Капитанъ находилъ это совершенно необходимымъ, какъ для вящаго успокоенія чиновъ, чтобы они видѣли, что идутъ въ Россію не какъ дезертиры, а какъ солдаты,—такъ и для того, чтобы, идя черезъ необузданную, полудикую Персію, можно было управиться съ жителями и не даромъ про-

пасть, если бы они вздумали что-либо сдѣлать противъ баталіона.

Генераль Дюгамель, видя изъ изложенныхъ успѣховъ дѣйствій Альбранта, что онъ понимаетъ солдата и въ затруднительныхъ случаяхъ не теряетъ благоразумія, согласился истребовать часть ружей.

Роздавъ ружья, имѣя деньги, оставалось только привести въ порядокъ отчеты и списки, чтобы выступить. Но полномочный министръ предъявилъ полученную отъ Персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Мирзы-Масуда, бумагу, въ которой онъ объявлялъ требованіе шаха возвратитъ двѣ-трети баталіона, объясняя, что не имѣли права брать людей, принявшихъ мусульманскую вѣру, давно служившихъ въ Персіи, и дѣтей ихъ *). Генераль Дюгамель затруднялся въ исполненіи требованія шаха, предвидя, что это можетъ имѣть вредное вліяніе на баталіонъ, препятствуя успѣху его вывода. Альбрантъ предложилъ выступить въ ту же ночь изъ Тегерана, объясняя, что этимъ прекратятся всѣ претензіи Персіянъ. Министръ согласился, пожелавъ успѣха, въ которомъ самъ весьма сомнѣвался. Оставалось исполнить.

Альбрантъ рѣшился уйти изъ Тегерана, во что бы ни стало, и хотѣлъ непременно увести весь баталіонъ, не оставляя ни одного бывшаго дезертира. Но какъ успѣть въ этомъ, какъ пройти чрезъ Персію среди зимы, съ толпою необузданныхъ людей, какъ объявить имъ походъ, какъ выступить изъ столицы, чтобы въ Персіянахъ и самыхъ чинахъ не встрѣтить сопротивленія? Все это кружило нашему герою голову, онъ былъ въ недоумѣніи. Чины любили его, и потому Капитанъ нашель всего лучше переговорить съ ними откровенно.

*) Дѣйствительно, не должно было ихъ брать; но большая часть дезертировъ, называвшихъ себя мусульманами, приходя къ Альбранту, отрекались отъ отступничества; дѣтей же и женъ нельзя было не взять, ибо безъ нихъ многіе ни за что не пошли бы въ Россію. Персіяне дѣйствовали коварно, и Альбрантъ считалъ долгомъ не щадить ихъ.

Прискакавъ въ баталіонъ, Альбрантъ приказалъ немедленно выстроить его; поспѣшность не дала чинамъ собрать ума и они сердцемъ внимали словамъ: «Ребята! мы сегодня же должны уйти въ Россію; шахъ требуетъ, чтобы я отдалъ ему вашихъ женъ, дѣтей, и возвратилъ всѣхъ тѣхъ изъ васъ, которые, бросивъ вѣру отцовскую, опоганились татарщиной. Кто измѣнилъ Богу и Государю, кто отдалъ свою душу лукавому, тотъ пусть идетъ къ шаху, пусть ищетъ его покрова, пусть ищетъ самъ своей гибели, я проклинаю его; онъ въ цѣпяхъ, со слезами, придетъ въ Россію, гдѣ его примутъ какъ злодѣя. Кто же любитъ Бога, Царя и Отечество, тотъ пусть идетъ со мною; я на рукахъ принесу его на Русь святую, какъ брата своего. Говорите, ребята! кто за Царя и Русь святую? Кто за шаха и поганую Персію?» — «Идемъ, идемъ въ Россію, — всѣ повторяли, — не покинемъ васъ, отца нашего!» По словамъ Альбранта, у него чуть сердце не вырвалось отъ радости. Онъ немедленно послалъ за священникомъ *) и приказалъ приготовиться къ походу. Ночь настала; пришелъ священникъ. При блескѣ луны, — такъ свѣтлой на Востокѣ, — слушали молебствіе. Ночная тишина, глубокое безмолвіе въ рядахъ баталіона, слабый свѣтъ свѣчей, озарившій священника въ облаченіи съ крестомъ и съ молитвою на устахъ, все это вдали отъ Россіи, при мысли о дальнемъ и трудномъ походѣ, пробуждало невыразимыя чувства. Альбрантъ ощущалъ необходимость молиться, и молился отъ всей души: ему нужна была помощь Божія для дѣла труднаго, которое онъ поднималъ на себя. Чины, одинъ за другимъ, подходили къ аналою, цѣловали образъ, клали поклоны; тяжкіе вздохи вырывались у нихъ. Молебенъ оконченъ; священникъ, обходя ряды, кропилъ ихъ святою водою. Капитанъ шелъ за нимъ, повторяя: «въ путь, на Русь святую, ребята!» — «Да будетъ съ нами Богъ и милость Царская, — отвѣчали они, — идемъ въ Россію.» Въ 4 часа по полуночи въ караванъ-сараѣ оставались только одни строевые на-легкѣ; семействъ и व्यюковъ уже не было; они ушли впередъ. Пробыли сборъ, баталіонъ вновь выстроился. Скомандовавъ на

*) Армянскимъ.

молитву, Альбрантъ, въ краткихъ словахъ, еще разъ просилъ Бога благословить походъ — и выступилъ съ баталіономъ. Сдѣлавъ не болѣе ста шаговъ отъ караванъ-сарая, надо было повернуть направо и идти черезъ кладбище. « По гробамъ, ваше благородіе, » сказалъ ему невесело одинъ изъ баталіонныхъ офицеровъ. « По Персидскимъ гробамъ », отвѣчалъ Альбрантъ, и вызвалъ пѣсенниковъ впередъ. Пѣсенники пѣли, барабанщики били маршъ.

Около двухъ верстъ шли вдоль городской стѣны, на которой отражался блѣдный свѣтъ заходившей луны. Всѣ жители спали въ объятіяхъ азіатской лѣни, бодрствовали одни Русскіе, исполняя волю Царскую.

Когда разсвѣло, баталіонъ уже былъ на привалѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Тегерана. Для ободренія чпновъ, Альбрантъ шелъ съ ними, имѣя пѣсенниковъ и разскащиковъ впереди баталіона. До наступленія ночи пришли въ Султанію, 45 верстъ отъ Тегерана. Весь этотъ переходъ Капитанъ не сѣлся на лошадь, находя необходимымъ быть въ кругу людей. Вырвавшись изъ Тегерана, гдѣ столько неприятныхъ ощущеній терзали его, выбравшись на Русскую дорогу, ему было столь отрадно, что нѣтъ словъ для выраженія чувствъ, которыя волновали тогда Альбранта. Вѣтеръ дулъ сильный и холодный; но ему казалось душно, онъ не могъ надѣть шинели. Отъ этого, пришедши на ночлегъ, Капитанъ почувствовалъ себя больнымъ, хотя всячески старался перемочь недугъ и скрыть его отъ баталіона.

Горы, окружающія Тегеранъ, вдали отъ него развертываются и обхватываютъ большое пространство, не скрывая хребтовъ своихъ. Окруживъ городъ Козбинъ, онѣ потомъ сближаются и идутъ, почти параллельно одна къ другой, до Султаніи, у которой вновь развертываются и опять, обнявъ обширную равнину, идутъ къ Кафланъ-Ку. Отъ Тегерана дорога имѣетъ замѣтный подъемъ до Султаніи, — высшаго пункта на всемъ пути. Султанійская равнина доходитъ почти до города Занъ-Ганъ, отъ котораго до города Міани идутъ двѣ дороги: одна обозная, другая почтовая, по хребту горъ, неудобная для обозовъ. Переходъ черезъ Кафланъ-Ку былъ мало затруднителенъ: грунтъ земли глинистый,

нѣтъ скалъ, подъемъ и спускъ не слишкомъ круты, трудной дороги оказалось не болѣе 10-ти верстъ; но отъ Кафланъ-Ку до Тавриза дорога гораздо хуже: вся изрѣзана горами и оврагами, а зимою, во время мятелей, во многихъ мѣстахъ не представляетъ прохода. Зима въ Персіи бываетъ обыкновенно холодная; а бывшая въ 1838—1839 году, когда шелъ баталіонъ, была замѣчательна въ особенности сильною стужею и чрезвычайно глубокимъ снѣгомъ.

Тегеранъ лежитъ во впадинѣ между горъ; при выступленіи баталіона въ немъ стояла теплая погода; но, по мѣрѣ приближенія къ Султаніи, холодъ становился чувствительнѣе и, наконецъ, въ Султаніи *) наши застали ужаснѣйшую зиму: глубокой снѣгъ и мятель. Чтобы скорѣе удалиться отъ Тегерана, Альбрантъ находилъ необходимымъ идти изъ Султаніи прямо въ селеніе Казра-Зенгъ, отстоящее на 49 верстъ. За два часа до разсвѣта выступилъ баталіонъ съ огромнымъ транспортомъ солдатскихъ женъ, дѣтей и баталіонныхъ тяжестей. Глубокой снѣгъ, холодъ, вьюга, при сильномъ вѣтрѣ и бездорожьи, и трудныя переправы черезъ водопроводные каналы, наполненные водою, и, наконецъ, болѣзнь Капитана, представляли такія препятствія, что, казалось, будто всѣ соединились, чтобы на первыхъ порахъ отбить охоту у баталіона идти въ Россію, и въ особенности у избалованныхъ женъ и дѣтей **).

Люди выбивались изъ силъ, лошади падали подъ ихъ семействами; Альбрантъ долженъ былъ скакать непрерывно отъ головы къ хвосту колонны, одушевлять людей, перевьючивать лошадей, поднимать падавшихъ женщинъ и дѣтей, вновь сажать ихъ на лошадей, переправлять обозы черезъ канавы.

*) Здѣсь, за нѣсколько дней предъ приходомъ баталіона, замерзла 17 Персидскихъ солдатъ, также слѣдовавшихъ изъ Тегерана въ Тавризь.

** На этомъ переходѣ четыре солдата отбились отъ баталіона: два изъ нихъ пришли на другой день съ отмороженными ногами, а два безъ вѣсти пропали.

Силь не доставало. Альбрантъ изнемогъ и, пришедши въ деревню Казра-Зенгъ, на ночь 23-го декабря, слегъ. Онъ чувствовалъ сильный жаръ, ознобъ; все тѣло горѣло, во рту сохло. Въ Казра-Зенгѣ, по причинѣ этой болѣзни и наступающаго Рождества, наши простояли два дня. Медицинскихъ средствъ не было; скорый выходъ изъ Тегерана не позволилъ заpastись ими. Натиранія согрѣтымъ уксуcomъ и водкою и чай произвели въ больномъ испарину; ему стало лучше. 25-го декабря баталіонъ выступилъ изъ Казра-Зенга и Альбрантъ выздоровѣлъ на конѣ. Безпокойство баталіона, во время болѣзни Капитана, показало до какой степени всѣ чины любили его, полагая въ немъ надежду, спокойствіе свое. Когда Альбрантъ выздоровѣлъ, бывшіе дезертиры говорили, что смерть его повергла бы ихъ въ отчаяніе и они ни за что не пошли бы въ Россію. Преданность чиновъ баталіона нашему герою была такъ велика, что они, привыкшіе къ буйству и своеволю, прошли черезъ Персію съ такою честію, какъ только можно бы ожидать отъ самаго благоустроеннаго войска. Свидѣтельство, выданное главнокомандовавшимъ Персидскими войсками, Эмиръ-Низамомъ Магомедъ-Ханомъ, доказывало это. Говоря баталіону, что объ усердіи чиновъ донесено начальству и что начальство не преминетъ довести объ этомъ до Высочайшаго свѣдѣнія, Альбрантъ просилъ оправдать его, ведя себя такимъ образомъ, чтобы не заслужить упрека, чтобы вновь не запятнать себя. Бывшіе дезертиры употребляли всѣ усилія исполнить это: сами присматривали за неблагонадежными товарищами своими и сами строго наказывали тѣхъ, которые намѣревались бѣжать. Альбрантъ, съ своей стороны, ни одного человѣка не наказывалъ; но отдавалъ заслуживавшаго взысканія на судъ баталіону, который не щадилъ виновнаго.

Всѣ чины вели себя такъ хорошо и честно, что при проходѣ мимо деревень, въ сторонѣ находившихся, мальчики выносили на дорогу для продажи куръ, яйца, молоко, не страшась нашихъ, какъ своихъ сарбазовъ, которые грабятъ и разбойничаютъ по деревнямъ. Въ самый день вступленія баталіона въ деревню Сарчамъ, что за одинъ переходъ отъ города Міаны, вступали въ нее и сарбазы, слѣдовавшіе изъ Тавриза въ Тегеранъ. Жители выѣхали къ нашимъ на встрѣ-

чу, прося, чтобы баталіонъ поспѣшилъ вступить въ ихъ дома, прежде нежели придутъ сарбазы. Въ этотъ же самый день прибылъ въ Сарчамъ и Персидскій чиновникъ, слѣдовавшій въ Тавризь съ жеребцами, которыхъ шахъ послалъ сыну своему, наслѣднику, въ подарокъ. Жители не хотѣли отвести имъ квартиръ, не взирая на шахскій фирманъ. Альбрантъ вынужденъ былъ употребить свое вліяніе, чтобы пріютить шахскаго чиновника и его лошадей. Проходъ нашего баталіона черезъ Персію, среди зимы и всѣхъ неудобствъ похода, въ наилучшемъ порядкѣ, не могъ не произвести впечатлѣнія въ Персіянахъ, которыхъ свои проходящія войска всегда раззоряютъ. Это не можетъ остаться безъ пользы на будущее время. Россія невольно вдвигается въ Азію, ея имя уже такъ велико, такъ славно на Востокѣ.

Перешагнувъ въ Кафланъ-Ку, границу Ирана и Азербейджана, Альбрантъ сталъ спокойнѣе; ему казалось, что спало полбременіи. Послѣ восьми-мѣсячнаго пребыванія за границею и послѣ столькихъ тяжкихъ испытаній—не могло быть не отрадно приближеніе къ своему порогу.

15-го января баталіонъ пришелъ въ городъ Міаны, до котораго во время послѣдней Персидской войны доходили наши авангардныя войска, а 22-го января, послѣ 31-го дня марша по глубокому снѣгу, — совершивъ переходъ въ 700 верстъ, — безъ малѣйшей потери въ людяхъ, достигъ Тавриза *). Баталіонъ вступилъ въ городъ съ барабаннымъ боемъ и пѣсенниками, какъ будто бы послѣ побѣды. Жители толпились на улицахъ, крыши были покрыты женщинами, на нашихъ смотрѣли съ удивленіемъ. Разнообразіе одежды, ружья со штыками и безъ штыковъ, отважный и смѣлый видъ чиновъ, загорѣлыя лица которыхъ, закаленные вѣтромъ и солнцемъ, казались страшными, — все это возбу-

*) Подъ помѣщеніе баталіона были отведены квартиры, но въ такомъ разрушенномъ положеніи, что ихъ необходимо нужно было исправить на нашъ счетъ, дабы не заморозить женъ и дѣтей, и дать удобство къ отдыху солдатамъ.

ждало вниманіе въ Персіяхъ и бывшихъ въ Тавризѣ иностранцахъ *).

Слѣдуя въ Тавризъ, Альбрантъ получилъ отъ полномочнаго министра нашего предписаніе, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Еще разъ убѣдительно васъ прошу не останавливаться слишкомъ долго въ Тавризѣ, чтобы злонамѣренныя внушенія Англичанъ и другихъ иностранцевъ не могли сдѣлать вреднаго вліянія на нашихъ дезертировъ и побудить ихъ къ побѣгамъ.»

Тавризъ — давнее гнѣздо нашихъ дезертировъ, — съ садами имѣетъ болѣе 30-ти верстъ въ окружности и отличается необузданностію жителей. Соображая это, Альбрантъ не могъ не беспокоиться, опасаясь, чтобы въ баталіонѣ не произошло побѣговъ, хотя и былъ увѣренъ въ преданности большей части чиновъ. Поэтому онъ принялъ возможные мѣры для отвращенія подобныхъ неприятныхъ послѣдствій.

Чтобы не допустить укрывательства на форштатѣ, — въ которомъ находилось множество притоновъ, — Капитанъ составилъ при себѣ шайку лотовъ (разбойниковъ) и, размѣстивъ ихъ въ извѣстныхъ частяхъ за городомъ, приказалъ ловить каждаго солдата, встрѣченнаго на форштатѣ, оборвать его и наказать до увѣчья. Альбрантъ платилъ щедро лотамъ; они служили съ усердіемъ и съ пользою, и навели такой ужасъ на баталіонъ нѣкоторыми примѣрами, что никто изъ нашихъ не смѣлъ показаться за городомъ и чины проклинали Персіанъ. Для удержанія же жителей отъ склоненія нашихъ къ переходу въ мусульманство, Альбрантъ приказалъ переводчику Бахтіару—Агаларову разглашать имъ ту же насмѣшку солдатъ надъ ихъ вѣрою, которая разсердила Тегеранскихъ жителей.

*) Находившійся при правителѣ Азербейджана принцъ Кагерманъ-Мирзъ, живописецъ Итальянецъ Колумбери, пораженный зрѣлищемъ молодецкаго вступленія нашего баталіона въ Тавризъ, весьма хорошо изобразилъ его на картинѣ, съ которой литографію мы прилагаемъ.

15 дней баталіонъ стоялъ въ Тавризѣ, въ ожиданіи сбора семействъ. Когда послѣдніе собрались, обширныя казармы кипѣли солдатами, женщинами и дѣтьми, какъ муравейникъ. Это обременяло Альбранта заботами, хлопотами, досадою, до изнеможенія. Онъ перемогъ все и, наконецъ, благополучно выступивъ изъ Тавриса, 11-го февраля, прибылъ съ холостыми ротами на границу нашу, отправа вперёдъ семейныхъ.

При вступленіи въ отечественные предѣлы, какой-то страхъ напалъ на возвращавшихся. Увѣряя, что непременно пойдутъ въ Россію, они просили сдѣлать дневку на Араксѣ, чтобы собраться съ духомъ перешагнуть этотъ порогъ. Чтобы показать неосновательность такого страха, была сдѣлана дневка; но напрасно старался Капитанъ пробудить веселье въ баталіонѣ: глубокая тоска выражалась на всѣхъ лицахъ, Русскіе съ уныніемъ слушали пѣсенниковъ, Поляки не весело танцевали.

На другой день, съ пѣснями и барабаннымъ боемъ, баталіонъ перешелъ границу. Когда священникъ отслужилъ молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ о благополучномъ выходѣ изъ Персіи, когда присланный отъ корпуснаго командира гвардіи капитанъ Корниловичъ подтвердилъ чинамъ Всемиловѣйшее прощеніе, они благословили Бога, Государя, благодарили Альбранта.

Баталіонъ, въ такомъ же порядкѣ, какъ прошелъ черезъ Персію, прибылъ 5-го марта въ Тифлисъ.

Такимъ блестящимъ образомъ окончилось это трудное порученіе. Выводъ 597 дезертировъ, 206 женъ и 281 дитяти, всего 1084 душъ, стоилъ казнѣ только 19,791 рубль серебромъ, — суммы чрезвычайно незначительной, если принять въ соображеніе трудности, сопряженныя съ дальнимъ граничнымъ походомъ, на которомъ все приходилось покупать у жителей на чистыя деньги и почти не торгуясь. Поэтому не должно казаться преувеличеннымъ заключеніе самого Альбранта, въ рапортѣ, при которомъ онъ представилъ начальнику штаба отчетъ о сдѣланныхъ имъ расходахъ, въ которомъ онъ говоритъ: «Не Персидское правительство мнѣ сдало дезертировъ и вывело ихъ

на наши границы; я ихъ увлекъ, увелъ въ Россію. Дѣйствуя не силою войска, но нравственною силою, я не могъ обойтись безъ издержекъ; но издержки эти ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которыя нужно было бы сдѣлать, чтобы принудить ихъ вооруженною рукою къ возврату.»

Способности и усердіе, показанныя Альбрантомъ при исполненіи этого порученія, не могли остаться безъ Монаршаго вниманія. 16-го января 1839 года Государю Императору угодно было произвести его «за отличіе по службѣ», въ майоры, съ состояніемъ по кавалеріи и съ оставленіемъ при прежней должности; а 24-го марта, опять «за отличную усердную и примѣрную службу», въ подполковники и, въ то же время, «за примѣрно-успѣшное выполненіе порученія» дано ему одновременно 300 червонцевъ; а наконецъ Всемилостивѣйше разрѣшено принять и носить, пожалованный Персидскимъ шахомъ, знакъ отличія Льва и Солнца 2-й степени.

Альбрантъ же, съ своей стороны, отдавалъ справедливость бывшимъ при немъ: вагенмейстеру 19-й пѣхотной дивизіи штабсъ-капитану Дудинскому, Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщику Яневичу, Кавказскаго линейнаго казачьяго войска заурядъ хорунжему Склярору и уряднику Ситникову, и переводчику, отставному прапорщику изъ Татаръ, Бахтіару Агаларову, — которые всѣ единодушно, съ безкорыстнымъ усердіемъ содѣйствовали ему, обращая полное вниманіе на склоненіе дезертировъ къ добровольному возвращенію въ Россію, внушая имъ собственнымъ примѣромъ долгъ чести и присяги.

Весьма много онъ обязанъ былъ также торговавшему въ Тавризѣ Тульскому 3-й гильдіи купцу Вышегородцеву. Изъ любви къ Отечеству и заблудшимся братьямъ своимъ, онъ дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, Богу и Царю угодномъ, съ такою патріотическою ревностію, что ему нельзя не отдать совершенной благодарности. Кромѣ того, что онъ содѣйствовалъ склонять дезертировъ къ добровольному возвращенію въ Россію силою убѣжденія, онъ пожертвовалъ много денегъ, угощая ихъ, удовлетворяя ихъ прихотямъ.

Выводъ баталіона нашихъ дезертировъ изъ Персіи, существованіе котораго было извѣстно не только въ Россіи, но

и въ Европѣ, безъ сомнѣнія имѣлъ вліяніе не только на сокращеніе побѣговъ Кавказскихъ солдатъ въ Персію и на ихъ нравственность, но и побуждалъ къ возвращенію въ Россію тѣхъ изъ дезертировъ, которые тамъ еще остались *).

Обстоятельства времени, въ которое Альбрантъ возвратился изъ Персіи, не позволили ему долго отдыхать въ Тифлисѣ. Усиленіе Шамиля на Лѣвомъ Флангѣ и въ Сѣверномъ Дагестанѣ и вредное вліяніе этого положенія дѣль, отзывавшееся на преданность къ намъ Лезгинскихъ обществъ, живущихъ на вершинахъ Самура, принудили правительство рѣшиться на сильныя мѣры, а потому предположено было утвердиться на Самурѣ, учредить по теченію его укрѣпленную линію, и открыть ближайшее сообщеніе отъ верховьевъ этой рѣки къ Элисуйскому владѣнію: а въ Сѣверномъ Дагестанѣ уничтожить укрѣпленный ауль Шамиля Ахульго и утвердиться на Андійскомъ-Койсу.

Для исполненія перваго изъ этихъ предположеній, весною 1839 года собранъ былъ въ Хазрахъ, подъ личнымъ начальствомъ генерала Головина, отрядъ, названный *Самурскимъ*, изъ 11-ти баталіоновъ пѣхоты, роты саперъ, двухъ сотень Донскихъ казаковъ, 22-хъ орудій и 1028 человекъ милиціи.

Въ этомъ же отрядѣ находился Альбрантъ. Въ концѣ мая, войска двинулись вверхъ по Самуру, и въ началѣ встрѣтили мало сопротивленія. Лезгины пробовали мѣшать движенію отряда у деревни Хулухъ и потомъ у рѣчки Тагердчалъ-чай, но дѣйствія ихъ отличались вяlostію и было очевидно, что они намѣревались впереди защищаться съ большимъ упорствомъ. Дѣйствительно, по всѣмъ слухамъ, становилось извѣстнымъ, что они стягивались отовсюду къ Аджіахур-

*) Въ Азербейджанѣ и Тегеранѣ осталось весьма мало дезертировъ; это были давно принявшіе мусульманскую вѣру; но находилось довольно число ихъ въ Рештѣ и Зензели, — что на Каспійскомъ морѣ, — гдѣ они занимаются рыбною ловлею; всѣхъ же, приблизительно, въ 1839 году осталось не болѣе двухъ-сотъ человекъ.

скимъ высотамъ, рассчитывая на неприступность этой мѣстности.

Аджіахурская позиція состоитъ изъ горнаго отрога, примыкающаго верхнею оконечностію къ огромному вертикальному утесу горы Шахъ-Дагъ, — этого царя Кубинскихъ горъ, прославленнаго подвигами Муллы-Нура и перомъ Марлинскаго, и простирающагося высокимъ гребнемъ до Самура, перерѣзывая поперегъ долину праваго берега этой рѣки. Нижній конецъ отрога возвышается надъ Самуромъ обрывистою крутизной, въ которой, для перехода на другую сторону, высѣчена тропа для пѣшеходовъ, и, съ нуждою, служащая для легкихъ выюковъ.

Весь гребень отрога былъ занятъ горцами, — числомъ не менѣе 7000 человекъ, — которые, подъ прикрытіемъ каменныхъ заваловъ, ожидали приближенія нападавшихъ, чтобы обдать ихъ оттуда каменною россыпью.

31-го мая произведенъ штурмъ верхнимъ заваламъ, примыкавшимъ къ утесу Шахъ-Дагъ, какъ къ ключу позиціи. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: быстрый натискъ нашихъ войскъ далъ имъ побѣду, безъ большой потери. Альбрантъ при этомъ оказалъ, какъ всегда, подвиги храбрости и, получивъ, въ числѣ прочихъ офицеровъ, 24-го іюня, *совершенное* Монаршее благоволеніе, за «отличное мужество и храбрость», — по донесенію генерала Головина, — былъ произведенъ, 25-го іюня, «за отличіе противъ горцевъ», въ полковники, съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса и Всемилоствѣйше награжденъ 2000 рублями ассигнаціями.

Съ преодоленіемъ Аджіахурской преграды, войска не встрѣчали уже сопротивленій и вскорѣ возвратились изъ экспедиціи.

Въ теченіе 1840 года предназначено было перенести Кубанскую линію на рѣку Лабу и поселить между нею и Кубанью казачьи станицы Кавказскаго линейнаго войска.

7-го января Альбрантъ былъ пазначенъ начальникомъ Лабинской Линіи, съ состояніемъ по кавалеріи. Между тѣмъ, дѣла наши принимали неблагоприятный оборотъ. Осенью

1839 года и слѣдующею зимою климатическія болѣзни ослабили до того наши гарнизоны, оставленные во вновь устроенныхъ на Абхазскомъ берегу фортахъ, что люди не могли окончить необходимыхъ укрѣпленій и оказался явный недостатокъ въ защитникахъ. Отъ этого Черкесы имѣли временной успѣхъ: послѣ мужественной защиты гарнизоновъ, они взяли фортъ Лазаревскій и укрѣпленія Вельяминовское и Михайловское и овладѣли фортомъ Николаевскимъ.

Чечня также волновалась; Шамиль спустился къ Сунжѣ и ближайшіе народы пристали къ его партіи.

Не смотря на все это, для заселенія предположенной Линіи, весною 1840 года собранъ былъ на Правомъ Флангѣ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Засса, отрядъ, изъ 5-ти баталіоновъ пѣхоты, 1500 линейныхъ казаковъ, 500 человекъ горской милиціи и 10-ти орудій. Альбрантъ былъ назначенъ походнымъ начальникомъ штаба, а послѣ отъѣзда Засса въ Ставрополь командовалъ всѣмъ отрядомъ до возвращенія генерала, послѣдовавшаго 1-го сентября.

• Экспедиція эта не ознаменовалась ни какими особенными военными подвигами, важныхъ встрѣчъ съ непріателемъ не было, кромѣ двухъ или трехъ удачныхъ отраженій нападеній горцевъ.

Войска генерала Засса предпринимали движеніе къ Абинскому укрѣпленію — для наказанія Закубанскихъ племенъ и къ рѣкѣ Бѣлой — для разогнанія скопищъ, препятствовавшихъ устройству Линіи. Но экспедиція вполне достигла предположенной цѣли, успѣшнымъ возведеніемъ укрѣпленій и къ осени Лаба уже была защищена фортами Зассовскимъ, построеннымъ еще въ 1839 году, Мохосевскимъ и Темиргоевскимъ, а сообщеніе съ Кубанью обезпечено укрѣпленіями: Новодонскимъ и Новогеоргіевскимъ. Дѣятельность, оказанная при этомъ случаѣ Альбрантомъ, доставила ему, 29-го мая 1841 года, единовременное пособіе — годовой окладъ жалованья 575 рубл. сер., а 17-го августа еще 1000 руб. сер.

Разстроенное здоровье, усталость отъ дѣятельной боевой жизни и разныя другія обстоятельства заставили Альбранта искать отдохновенія.

27-го іюля онъ былъ уволенъ отъ должности начальника Лабинской Линіи и отправился въ Петербургъ, гдѣ, удостоившись Высочайшаго вниманія Государя Императора, получилъ разрѣшеніе ѣхать за границу. По возвращеніи оттуда онъ былъ прикомандированъ къ образцовому кавалерійскому полку, а 14-го февраля 1843 года назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ Штаба Корпуса Путей Сообщеній.

Два раза исполнялъ онъ въ этомъ званіи должность начальника штаба, и генераль-адъютантъ графъ Клейнмихель, — всегда строгій, но справедливый цѣнитель усердія по службѣ, — въ своихъ приказахъ по корпусу: 9-го декабря 1843 года — *искренно благодарилъ его за усердное и дѣлательное управленіе штабомъ*, а 11-го сентября 1844 года — объявилъ, что *весьма благодаренъ ему за труды по исправленію должности начальника штаба*. Наконецъ, 26-го марта послѣдняго года, по ходатайству главноуправлявшаго, Альбрантъ Всемилостивѣйше пожалованъ, «за отлично-усердную службу», орденомъ св. Станислава 2-й степени; а 22-го августа того же года получилъ, по статуту, знакъ отличія безпорочной службы за XX лѣтъ.

Въ эту мирную эпоху своей жизни Альбрантъ женился и былъ счастливъ въ своемъ семействѣ, но не долго: смерть скоро похитила любимую имъ жену. Горестъ объ этой потерѣ была причиною желанія его удалиться изъ мѣста, гдѣ все напоминало невозвратно-минувшее счастье. Альбрантъ рѣшился вновь посвятить свои силы и способности Кавказу, и, 23-го февраля 1845 года, Высочайше назначенъ состоять при Отдѣльномъ Кавказскомъ Корпусѣ.

Въ этомъ году прибылъ на Кавказъ князь М. С. Воронцовъ и въ первые мѣсяцы его главнокомандованія войска Кавказскаго корпуса проникли въ вѣдра горъ Дагестанскихъ, считавшихся дотолѣ неприступными, преодолевъ огромныя препятствія, — трудности, какія только можетъ представить движенію людей дикая, гористая мѣстность, не рѣдко касающаяся линіи вѣчныхъ снѣговъ, перерѣзанная почти дѣвственными лѣсами и топкими болотами и защищаемая отчаяннымъ врагомъ, хорошо знающимъ театръ войны и умѣющимъ пользоваться выгодами его съ вѣрностію ин-

стинкта горныхъ племенъ. Альбрантъ имѣлъ честь участвовать въ этихъ подвигахъ, названныхъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ *) *незабвенными*, — въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера при главномъ Чеченскомъ отрядѣ.

Мы не входимъ въ подробное описаніе похода, — этихъ славныхъ страницъ Кавказской военной лѣтописи, — а остановимся только на дѣлахъ, при которыхъ особенно отличился нашъ герой.

14-го іюня *извергъ* **) Шамиль, не чувствуя себя въ силахъ защищать богатые Андійскія селенія, къ которымъ наше войско приближалось, предалъ ихъ пламени, а самъ, перейдя за огромный оврагъ у деревни Анди, занялъ крѣпкую позицію съ завалами на противоположныхъ высотахъ. *Это доставило случай храбрымъ воинамъ нашимъ оказать*, — по словамъ князя Воронцова ***) , — *новый опытъ безпримѣрной отваги и самоотверженія*.

Скопище горцевъ превышало 6000 человекъ и состояло подъ начальствомъ 11-ти наибовъ, которыми лично распоряжался Шамиль. Намѣреваясь твердо удержаться на занятой позиціи и въ Андскихъ завалахъ, имамъ употреблялъ убѣжденія, угрозы и молитвы для понужденія горцевъ къ упорному бою; но, не смотря на все эти усилія, скопище обращено было въ бѣгство. Передовые наши храбрецы преслѣдовали его до самой вершины горы. Но непріятель старался все еще намъ вредить покатомъ камней съ правой стороны на дорогу. Тогда генераль-маіоръ Фокъ и полковникъ Альбрантъ съ нѣкоторыми изъ передовыхъ егерей и спѣшенныхъ всадниковъ пошли прямо на крутизну и заставили горцевъ оттуда скрыться.

*) Высочайшій рескриптъ, данный на имя князя Воронцова, отъ 6-го августа 1845 года.

**) Эпитетъ приданный княземъ Воронцовымъ, въ приказѣ по главному дѣйствовавшему отряду, 15-го іюня 1845 года, въ лагерѣ при селеніи Гогатль.

***) Слова того-же приказа.

Три недѣли спустя, 6-го іюля, храбрѣя войска всѣхъ чиновъ и званій отряда оказали новый опытъ *примѣрной неустрашимости и усердія* *). Въ этотъ день войска прошли 20 верстѣ, изъ которыхъ близъ половины по лѣсу, самыми трудными оврагами, подъемами и спусками. Въ этомъ лѣсу непріятель защищалъ болѣе 20-ти, давно приготовленныхъ, крѣпчайшихъ заваловъ и, кромѣ того, пользовался мѣстностію, чтобы съ обоихъ фланговъ безпрестанно нападать на насъ и стрѣлять изъ-за-деревьевъ и съ самыхъ деревьевъ на колонны, штурмовавшія завалы, и на тѣ, которыя за ними слѣдовали. Самая же мѣстность почти нигдѣ не позволяла намъ имѣть съ обѣихъ сторонъ боковыя цѣпи. Эти затрудненія сдѣлались ничтожными предъ порывомъ и неустрашимымъ терпѣніемъ нашихъ войскъ **).

Авангардъ, которымъ предводительствовалъ храбрый генералъ-маіоръ Бѣлявскій, взявъ, одинъ за другимъ, штыками, съ барабаннымъ боемъ и безъ выстрѣла, всѣ завалы. Пѣхотою авангарда, послѣ раны полковника Семенова, полученной имъ на пятомъ завалѣ, *достойно* ***) командовалъ Альбрантъ.

Наконецъ онъ покрылъ себя славою въ упорномъ бою 13-го и 14-го іюля; но, отличившись, вынесъ съ поля битвы тяжелую рану, страданіе отъ которой, мало по малу, истощило его жизненныя силы.

14-го іюня отрядъ тронулся съ лагеря, расположеннаго на лѣсистыхъ вершинахъ лѣваго берега Аксай, по направленію къ деревнѣ Урдали, находившейся на краю крутаго и поросшаго лѣсомъ оврага, впадающаго въ Аксай. Чтобы сдѣлать еще неприступнѣе почти обрывистый берегъ его, пе-

*) Приказъ князя Воронцова по Отдѣльному Кавказскому и 5-му Пѣхотному Корпусамъ, отъ 7-го іюля 1845 года, въ лагерѣ при селеніи Дарго.

***) Приказъ князя Воронцова по Отдѣльному Кавказскому и 5-му Пѣхотному Корпусамъ, отъ 7-го іюля 1845 года, въ лагерѣ при селеніи Дарго.

***) Тамъ-же.

пріятель устроилъ огромный заваль справа отъ дороги и другіе два нѣсколько меньшіе слѣва отъ нея, за которыми, въ 1½ верстахъ, были раскинуты хутора Горцевъ и могли служить имъ также убѣжищемъ. Первый изъ этихъ заваловъ занималъ вершину крутой возвышенности, которая командовала дорогою и не представляла удобства къ обходу, такъ что необходимо надобно было занять ее. Генералъ Лидерсъ поручилъ полковнику Бибикову, командовавшему правою цѣпью, атаковать засѣвшихъ тамъ горцевъ; но атака эта, поведенная съ фронта, не имѣла успѣха. Тогда главнокомандовавшій, прибывъ лично на мѣсто боя, приказалъ полковникамъ Завилейскому и Альбранту идти на заваль съ фронта, а полковнику Бибикову обойти его справа и совокупнымъ натискомъ выгнать оттуда непріятеля. Альбрантъ, желая примѣромъ возбудить бодрость въ солдатахъ Люблинскаго полка, находившихся все время въ авангардѣ и утомленныхъ продолжительнымъ и кровавымъ боемъ, верхомъ бросился на заваль; но горцы встрѣтили его тамъ залпомъ изъ ружей и онъ упалъ съ тяжкою ранюю въ правой рукѣ, принудившею скоро затѣмъ доктора Андреевскаго отнять эту руку, для предупрежденія неизбежнаго развитія антонова огня. Эта операція, спасающая жизнь Альбранту, была, однакожь, для него залогомъ долгихъ и тяжелыхъ страданій.

Само собою разумѣется, что заслуги его въ этомъ походѣ не могли остаться безъ награды. 1-го іюля онъ получилъ отъ главнокомандовавшаго, по Высочайше дарованной ему власти, Анну 2-й степени, потомъ Владимира 3-й степени, тысячу рублей серебромъ и, наконецъ, въ числѣ прочихъ, выдано ему было, по окончаніи похода, не въ зачетъ третное жалованье.

Медленно оправляясь отъ раны, Альбрантъ прибылъ на зиму въ Тифлисъ; но это не помѣшало ему лѣтомъ 1846 года, въ качествѣ отряднаго начальника штаба, участвовать въ небольшой экспедиціи, сопровождавшей построение Ачхоевскаго укрѣпленія и, «за отличіе противъ горцевъ», 1-го февраля 1847 года, онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, со старшинствомъ съ 3-го сентября 1846 года, съ оставленіемъ по кавалеріи и при корпусѣ, а «въ уваженіе къ болѣзненному состоянію, происходящему отъ

ранъ», Государь Императоръ Всемилоостивѣйше дозволилъ ему носить, вмѣсто мундира, общій кавалерійскій сюртукъ.

Отличія Альбранта обратили на него благосклонное вниманіе главнокомандовавшаго и, по представленію князя Воронцова, желавшаго предоставить ему болѣе обширный кругъ дѣйствія, Высочайшимъ приказомъ 24-го февраля 1847 года, онъ назначенъ начальникомъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой Линіи, съ состояніемъ въ кавалеріи.

Съ бодростію принялъ Альбрантъ эту обязанность, сопряженную съ большими трудами, лишеніями и отвѣтственностію и 7-го мая вступилъ въ новую свою должность. Спокойствіе, господствовавшее тогда на Правомъ Флангѣ, не дало ему случая отличиться на этомъ мѣстѣ военными подвигами, но энергіи его предстояла борьба съ другимъ врагомъ, — даже болѣе неумолимымъ чѣмъ горцы. Вскорѣ по пріѣздѣ его въ Геленджикъ, восточный берегъ Чернаго моря былъ посѣщенъ наказаніемъ Божіимъ — губительною холерою. Альбрантъ явилъ при этомъ всю твердость своего характера, обнаружилъ всю любовь свою къ ближнему, всю преданность къ долгу службы. При первомъ извѣстіи о появленіи эпидеміи въ войскахъ занимавшихъ Вельяминовское укрѣпленіе, онъ, понимая, какъ важно возбужденіе въ больныхъ нравственной бодрости, тотчасъ отправился туда и — прямо съ борта парохода — явился въ крѣпостной госпиталь. Тамъ поразила его страшная картина.

Всѣ кровати заняты были умиравшими; почернѣвшія лица которыхъ, глубоко впалые глаза и гробовой, не человѣчскій голосъ явно свидѣтельствовали, что страданія ихъ не могли быть продолжительны, и что скоро смерть успокоитъ послѣднія судороги, сводившія ихъ охладѣвшія члены; но быстрота, съ которою конецъ этотъ слѣдовалъ за началомъ болѣзни, страшно дѣйствовалъ на живыхъ и здоровыхъ.

Больничная прислуга, естественно, была первая подъ вліяніемъ этого оцѣпенѣнія, и потому помощь подавалась вяло, а тѣмъ у вновь заболѣвшихъ отнималась самая надежда на возможность выздоровленія. Дѣлать было нечего; надобно было подать примѣръ — и Альбрантъ самъ принялся за боль-

ныхъ: успокаивалъ ихъ словами, подавалъ имъ лекарства, теръ ихъ холодящія руки и ноги, — однимъ словомъ, ревностно исполнялъ тяжелую работу больничнаго служителя. По пробывъ нѣсколько часовъ въ этихъ комнатахъ, тѣсно наполненныхъ больными, онъ вдругъ почувствовалъ въ самомъ себѣ признаки развивавшейся эпидеміи: голова его закружилась, колѣни затряслись и могильный холодъ охватилъ его руки и ноги. Не желая болѣзни дать развиваться предъ глазами зараженныхъ ею нижнихъ чиновъ, онъ поспѣшно вышелъ на улицу и тутъ пришла ему счастливая мысль — сѣсть на осѣдланную лошадь, стоявшую у дверей, и воспользоваться послѣднимъ остаткомъ силъ, чтобы скоро ѣздой возбудить развитіе теплоты въ тѣлѣ и тѣмъ остановить болѣзнь. Героическое средство это помогло: послѣ 2-хъ часовой бѣшеной скачки вокругъ укрѣпленія, онъ почувствовалъ обновленіе силъ и на другой день снова могъ предаться своей человѣколюбивой дѣятельности. Затѣмъ онъ постоянно являлся на всѣхъ пунктахъ, куда проникала эпидемія, и личнымъ пренебреженіемъ опасности заразиться, много содѣйствовалъ къ поддержанію бодрости гарнизонныхъ *).

Только что миновала эта хлопотливая и грустная забота, и страшная азіатская гостья, усявъ побережье Чернаго моря надгробными крестами, смертоносно прошла во внутрь Россіи, Альбрантъ обратилъ бдительное вниманіе на сношеніе съ горцами. Онъ созналъ необходимымъ, мирными связями съ этими дикими племенами, доказать имъ, что, поселяясь между ними, Русскіе принесли имъ не только страхъ своего оружія, но и убѣжденіе, что сила наша должна служить имъ ручательствомъ порядка, и, мало по малу, должна водворить между ними законность, поставивъ ее выше дикаго произвола и личнаго молодечества. Но, чтобы достигнуть этого, онъ столь же вѣрно понялъ необходимость имѣть возможность, самому непосредственно, дѣйствовать на горцевъ, слѣдственно надобно было выучиться трудному ихъ

*) Ханыковъ въ прекрасномъ своемъ «Очеркѣ служебной дѣятельности генерала Альбранта» — (*Кавказъ* 1850 года № 31.)

языку, котораго шипящіе звуки и грубая придыханія труднѣе для Европейскаго горла и слуха, чѣмъ подраженіе щебетанію птицъ. Но для Альбранта не существовало затрудненій, если онъ въ чемъ видѣлъ пользу службы.

Возобновивъ въ памяти своей небольшой запасъ свѣдѣній о языкѣ Адыге, пріобрѣтенный имъ во время службы при попечителѣ Керченской и Бугазской торговли съ Черкесами, онъ ревностно посвятилъ себя этому изученію и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ скучной работы, могъ уже объяснить на туземномъ нарѣчій.

Вскорѣ старшины различныхъ горскихъ племенъ, съѣхавшіеся въ Геленджикъ для совѣщанія по многимъ предметамъ, касавшимся сношеній ихъ съ нашими гарнизонами, были поражены изумленіемъ, когда посреди большаго собранія ихъ явился Русскій генераль, безъ стражи и безъ оружія, и заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Удивленные горцы молча слышали неслыханное ими дотоле, смотрѣли съ трудомъ вѣрили глазамъ своимъ.

Само собою разумѣется, что рѣчь эта была неправильна, но недостатки ея заглаживались чувствомъ, руководившимъ говорившаго, и самая цвѣтистость выраженій Альбранта, отзывавшаяся на Русскомъ нѣкоторою вычурностію, миралась съ восточными понятіями о краснорѣчій и убѣждала его слушателей. Послѣдствія этого совѣщанія были самыя благоприятныя для насъ: оно не только разъяснило много недоразумѣній, возникшихъ было въ то время между горцами и нами, но и побудило старшинъ изъявить Альбранту искреннюю преданность свою и готовность содѣйствовать сближенію подчиненныхъ имъ племенъ съ нашими гарнизонами. Желая испытать чистосердечіе ихъ словъ, нашъ герой не остановился принять ихъ предложеніе проѣхать одному, подъ ихъ прикрытіемъ, сухимъ путемъ, изъ Геленджика въ Новороссійскъ. Всѣ старожилы нашихъ укрѣпленій отговаривали его отъ исполненія этого смѣлаго предпріятія; но Альбрантъ исполнилъ свое намѣреніе. Выѣхавъ въ назначенный день изъ Геленджика одинъ, и соединившись съ ожидавшими его горцами, онъ благополучно совершилъ путь. Съ удивленіемъ принялъ Новороссійскій гарнизонъ своихъ

неожиданныхъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ было много людей, встрѣчавшихся съ нимъ дотоле въ кровавыхъ сшибкахъ. Но Альбрантъ говорилъ самъ, что онъ ни минуты не сомнѣвался въ успѣхѣ своего предпріятія и никакъ не хотѣлъ допустить возможности измѣны, — такъ сильно вѣрилъ онъ въ нравственное вліяніе, пріобрѣтенное имъ на горцевъ *).

Но, энергическая дѣятельность на пользу ввѣреннаго ему края не врачевала его тѣлесныхъ недуговъ: операція надъ его правую руку, хотя была сдѣлана удачно, однако, выставившаяся въ послѣдствіи плечевая кость начала опускаться и производить нестерпимыя страданія, которыя увеличивались отъ частыхъ ноѣздокъ по укрѣпленіямъ во всякую погоду, требовавшихся по обстоятельствамъ края, и особливо становились тягостными при отчаливаніи съ парохода и причаливаніи къ нему, затруднительными при волненіи и для здороваго человѣка. Это заставило Альбранта, осенью 1847 года, поѣхать въ Керчь для свиданія съ докторомъ Пироговымъ, который тогда, окончивъ порученіе, возложенное на него Государемъ Императоромъ въ Дагестанѣ и Закавказьѣ, возвращался въ Петербургъ. Знаменитый операторъ, осмотрѣвъ рану Альбранта, призналъ невозможнымъ произведеніе на мѣстѣ трудной операціи вылущиванія кости, опасной по своимъ послѣдствіямъ и требующей внимательнаго и просвѣщеннаго ухода за больнымъ въ теченіе значительнаго времени, и посоветовалъ страдальцу прибыть для этого въ С. Петербургъ, то есть мѣсто постоянного своего пребыванія.

Это представляетъ намъ случай привести новыя свидѣтельства о той степени уваженія, которымъ пользовался нашъ герой у высшаго начальства.

Альбрантъ, по командѣ, просилъ объ увольненіи его въ столицу — для исполненія операціи и, нуждаясь въ издержкахъ путевыхъ и на леченіе, по совершенно недостаточному состоянію, ходатайствовалъ о выдачѣ ему прогоновъ и единовременнаго пособія, безъ которыхъ, хотя онъ и выну-

*) Ханьковъ, тамъ-же.

ждень былъ бы предпринять путь, но тогда подвергся бы большимъ лишениямъ, вредныхъ для слабаго его здоровья и тяжелыхъ ранъ.

Начальникъ Черноморской береговой линіи, генералъ-адъютантъ Будбергъ, представляя объ этомъ князю Воронцову, доносилъ, что какъ отпускъ, такъ и пособіе необходимы генералъ-маіору Альбранту, который «не щадя въ продолженіи службы ни жизни, ни здоровья, ни тѣлесныхъ силъ, въ управленіи 2-мъ отдѣленіемъ береговой линіи, съ отличающею его дѣятельностію, во всякое время года, зимою и осенью, въ бурные и ненастные дни, часто въ болѣзненномъ состояніи, вездѣ появлялся въ своемъ отдѣленіи для личныхъ распоряженій и сношеній съ горцами, переплывая для сего на Азовскихъ баркасахъ, при тяжелыхъ ранахъ; онъ выдержалъ лихорадку и холеру и совершенно разстроилъ свое здоровье. Испытавъ величайшіе труды и жертвуя остаткомъ силъ, онъ не жалѣлъ и своего достоинства.» Генералу Будбергу было лично извѣстно, что «обширныя связи генерала Альбранта съ горцами, заведенныя для пользы службы, стоили ему большихъ издержекъ изъ собственнаго содержанія и довели до недостатка средствъ отъѣхать въ С. Петербургъ безъ вспоможенія.»

Главнокомандовавшій въ отношеніи къ военному министру, подтвердивъ изложеніе начальника береговой линіи, добавлялъ этотъ отзывъ съ своей стороны слѣдующими словами: «Генералъ-маіоръ Альбрантъ есть самый усердный слуга Государевъ. Онъ доказалъ это и въ мирѣ и въ войнѣ. Гдѣ дѣло идетъ о пользахъ службы, тамъ онъ всегда примѣрный и истинный ревнитель ея. Раны прежнія и настоящія свидѣтельствуютъ о личной его храбрости. Желая сохранить для службы челоуѣка съ такими качествами и принимая во вниманіе, что генералъ-маіоръ Альбрантъ есть страдалецъ, достойный исключительно вниманія милосердаго Монарха нашего, притомъ отецъ двухъ сиротъ безпріютныхъ, въ случаѣ, если Богу угодно будетъ призвать его преждевременно къ Себѣ, я считаю долгомъ признательности и челоуѣколюбія повергнуть просьбу этого увѣчнаго воина къ подножію Августѣйшаго Государя и убѣдительно-

ше просить ваше сіятельство *) благосклоннымъ участіемъ вашимъ исходатайствовать у Его Императорскаго Величества соизволеніе на увольненіе его въ отпускъ въ С. Петербургъ, для операціи и залеченія раны, съ выдачею прогнотовъ въ оба пути, и съ пожалованіемъ въ единовременное пособіе 2,000 руб. серебромъ.»

Извѣстно каждому, имѣвшему счастье пролить кровь за Царя и отчизну, съ какою истинно Царскою щедростію готовъ былъ всегда помогать раненымъ незабвенный Государь Императоръ. По этому, естественно, ходатайство князя Воронцова было вполне уважено.

Но намѣстникъ не ограничился сейчасъ приведенными строками: высоко цѣня Льва Львовича, онъ, вслѣдъ за этимъ, въ новомъ отношеніи къ военному министру, писалъ:

«Начальникъ 2-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, изувѣченный въ бояхъ генералъ-маіоръ Альбрантъ, доказалъ, что важность и дѣятельность всякаго мѣста зависятъ отъ воли и способностей занимающаго оное.

«Онъ далъ новую жизнь этой части края; если не началъ, то весьма расширилъ сношенія съ сосѣдственными народами и если не покорилъ, то значительно смягчилъ дикій нравъ и предрасудки, удаляющіе ихъ отъ Русскихъ.

«Чтобъ овладѣть довѣренностію и большимъ уваженіемъ горцевъ, онъ не пожалѣлъ ни какихъ трудовъ; онъ сталъ обучаться ихъ языку и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, собравъ старшинъ Шапсугскаго племени, онъ, — къ изумленію всѣхъ, — произнесъ рѣчь на природномъ ихъ діалектѣ.

«Плоды его усилій очевидны: населенія, ближайшія къ нѣкоторымъ укрѣпленіямъ, начали доставлять сѣно, порціонный скотъ для гарнизона и камни для постройки валовъ.

«Что же касается до солдатъ, то они любятъ генерала Альбранта, какъ отца своего; каждый пріѣздъ его есть для нихъ отрада; никто не имѣетъ болѣе искренняго попеченія о ихъ нуждахъ; никто не можетъ лучше внушить доброй нравственности и пламеннаго усердія къ службѣ Царской.

*) То есть, князя Ал. И. Чернышева.

«Генераль Альбрантъ какъ бы рожденъ для службы Кавказской; онъ въ высшей степени обладаетъ энергіею и тѣмъ огнемъ священнымъ, безъ которыхъ невозможна борьба со всѣми противными намъ здѣсь элементами.

«Убѣдившись въ безпримѣрномъ усердіи и пользѣ всѣхъ дѣйствій генераль-маіора Альбранта, честь имѣю покорнѣйше просить ходатайства вашего сіятельства предъ Государемъ Императоромъ о пожалованіи ему ордена Св. Станислава 1-й степени.»

Его Величество уважилъ снова представленіе доблестнаго вождя: достойнаго подчиненнаго Всемилостивѣйше пожаловалъ лентою Св. Станислава во всерадостный день 6-го декабря 1848 года, въ награду, — какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, — «за отлично-усердную и ревностную службу и неутомимые труды по управленію 2-мъ отдѣленіемъ Черноморской береговой линіи, засвидѣтельствованные главнокомандующимъ Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ.»

Но милости Монаршія не ограничились всѣмъ этимъ. По другому ходатайству князя Воронцова, въ это же время, Государь Императоръ, «въ уваженіе отличной службы и тяжелыхъ ранъ» нашего героя, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать сына его Николая въ пажи Высочайшаго Двора, съ зачисленіемъ въ экстренный списокъ Пажескаго Корпуса, а дочь Анну Высочайше повелѣлъ принять въ одно изъ учебныхъ заведеній на первую вакансію — пансіонеркою Его Величества, по достиженіи ею возраста, для приѣма въ эти заведенія опредѣленнаго.

По приѣздѣ въ Петербургъ Альбрантъ сильно заболѣлъ, и спасеніемъ жизни обязанъ только искусной помощи медиковъ. Но слабость, оставленная въ немъ этимъ недугомъ, не позволяла и думать возвратиться на прежнее хлопотливое мѣсто, и онъ рѣшился просить увольненія отъ своей должности. Высокое вниманіе Августѣйшаго Государя дало ему возможность продолжать службу близъ столицы: 30-го апрѣля 1849 года онъ назначенъ былъ комендантомъ въ крѣпость Шлиссельбургъ. Но, свыкшемуся съ Кавказомъ трудно оставить прекрасный край. Глазъ Альбранта, привыкшій къ роскошной голубоватой зелени волнъ Чернаго

моря, не могъ пріучиться къ свинцовымъ водамъ Ладожскаго озера, отражающимъ пасмурное полярное небо и скалистые берега, поросшіе соснами, и онъ радостно принялъ предложеніе князя намѣстника возвратиться на Кавказъ — въ званіи Эриванскаго военнаго губернатора, которымъ и опредѣленъ 21-го іюня 1849 года.

Въ концѣ ноября 1849 года прибылъ Альбрантъ въ Тифлисъ и, пробывъ дней 10, поспѣшилъ во ввѣренную ему губернію. Не желая вступать въ управленіе ею безъ предварительнаго осмотра всѣхъ частей ея, онъ, не смотря на позднее зимнее время, столь суровое на высокихъ плоскостяхъ Арменіи, съ Делиджина повернулъ на Александрополь и тамъ, осматривая крѣпость, простудился и почувствовалъ лихорадочные припадки. Болѣзнь эта, довольно сильная въ самомъ началѣ, не удержала его отъ дальнѣйшаго слѣдованія, и потому не удивительно, что на холодномъ хребтѣ, отдѣляющемъ Александропольскій уѣздъ отъ Эриванскаго и на открытой и высокой плоскости Сардаръ-Абада и Эчмиадзина, проѣзжая мѣстами малонаселенными и оставливаясь для ночлега на холодныхъ станціяхъ прямой дороги изъ Александрополя въ Эривань, онъ не могъ поправиться и болѣзнь его усиливалась съ каждымъ днемъ. По прибытіи въ Эривань, двухдневный отдыхъ сдѣлалъ ему нѣсколько пользы и ему казалось лучше; но 11-го декабря къ вечеру у него снова открылся бредъ; къ 12-му страданія усилились, лихорадочные признаки уступили мѣсто сильной горячкѣ, противу которой усилія тамошнихъ медиковъ были недействительны и, къ вечеру этого дня, онъ скончался.

Подробности, въ которыя мы входили во многихъ мѣстахъ жизнеописанія, надѣмся, дадутъ уже ясное понятіе о личности генерала Альбранта. Это былъ человекъ весьма религіозный, преданный всею душою Царю и Отечеству, рѣдкій семьянинъ, безгранично привязанный къ женѣ и дѣтямъ, любимый и уважаемый знакомыми, начальниками, сослуживцами и подчиненными. Онъ отличался замѣчательною честностію и, не смотря на нѣсколько вспыльчивый характеръ, удивительною добротою души: сострадательность его къ бѣднымъ простиралась до того, что онъ, въ буквальный смыслъ, раздѣлялъ съ ними послѣднюю ко-

пѣйку. Съ перваго взгляда, Альбрантъ казался многимъ очень страннымъ, по своей восторженности, рѣзко отличавшей его въ нашъ расчетливый вѣкъ. Знавшіе Льва Львовича коротко, имѣвшіе случай дойти до источника этой восторженности—убѣждались, что она была не искусственное стремленіе выказаться рѣзкою особенностію, но зараждалась въ неподдѣльномъ пылу души, проистекала изъ благородныхъ порывовъ истинной сердечной отваги и не истощалась однимъ проявленіемъ въ словѣ, а содержала въ себѣ ручательство подвиговъ, единственнымъ недостаткомъ которыхъ,

можетъ быть, было только то, что они носили яркій отпечатокъ задушевной поговорки Русскаго человѣка: «хоть на часъ да вскачь.»

Левъ Львовичъ былъ женатъ на дочери генераль-маіора Либгарта, Софіи Оттоновнѣ, умершей въ 1843 году. Послѣ него остались двое дѣтей: сынъ Николай—воспитывающійся въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ, и дочь Анна, получившая образованіе въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и нынѣ находящаяся на попеченіи бабушки съ материной стороны.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 12-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Цензоръ В. Бекетовъ.

ПОДВИГЪ ПЛАСТУНОВЪ.

Рис. И. Корзинъ.

ПОДВИГИ ПЛАСТУНОВЪ НА КАВКАЗЪ.

Въ рядахъ православнаго казачества на Кавказъ пользуются завидною извѣстностію *пластуны* Черноморскаго Казачьяго Войска. До послѣдней войны большинство соотечественниковъ знало о нихъ только по наслышкѣ, но безпримѣрная защита Севастополя сдѣлала этихъ безстрашныхъ героевъ слишкомъ извѣстными всѣмъ и въ Россіи и за границею, памятными и друзьямъ и недругамъ.

Начало *пластунствъ*, равно какъ и происхожденіе самаго названія ихъ, весьма древнее. Оно относится еще ко временамъ существованія Запорожья, какъ свидѣтельствуется г. Скальковскій, — трудолюбивый изслѣдователь Новоросскаго края и историкъ послѣдняго Коша, — и произошло отъ обязанности аванпостной, или, какъ они называли *бекетной* (пикетной) службы. По обычаямъ Войска, какъ бы ни былъ малъ отрядъ, снаряжаемый на службу, всегда старались, чтобы въ него поступали хотя по одному казаку отъ каждаго куреня. Но на службу «порубежную» въ «опасныхъ» и «закрытыхъ» мѣстахъ, напротивъ, вызывали охотниковъ, или же наряжали міромъ отъ всей «рады», или общества войсковаго, людей опытныхъ и способныхъ. Самыя опасныя

мѣста тогда были на устьяхъ Днѣпра, на Калміусѣ, у Гарду на Бугѣ, и на Синюхѣ, то есть на Польскомъ рубежѣ, гдѣ казаки по цѣлымъ днямъ должны были наблюдать за врагами въ камышахъ, лежа ничкомъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Это называлось *лежать пластомъ* или *плазомъ*, отъ слова *пласть* земли, или камня, или же отъ *плаза*, Польскаго названія гадины (*plazy*, пресмыкающагося животнаго, *herpilia*), которыя обыкновенно *ползутъ* по землѣ *).

*) Г-нъ Помандруйко, авторъ прекраснаго очерка «*Пластуны*», помѣщеннаго въ *Русскомъ Инвалидѣ* 1855, № 12, въ примѣчаніи пишетъ: «Пластунъ значитъ собственно охотникъ, егеръ. Слово Малороссійское, котораго вѣковой корень теряется въ Польскомъ языкѣ.» — Что пластунъ слово Малороссійское — въ этомъ можно согласиться, такъ-же какъ и въ томъ, что корень его можетъ быть въ Польскомъ языкѣ; но чтобы оно означало охотникъ, егеръ, и, въ этомъ смыслѣ, происходило съ Польскаго языка, съ этимъ, какъ замѣтилъ авторъ статьи о томъ-же предметѣ, помѣщенной въ *Современникѣ* 1855 г., № 5, — трудно согласиться. Охотникъ и по-малороссійски точно также называется. Пластунъ, по мнѣнію послѣдняго автора, которое онъ самъ не признаетъ безошибочнымъ,

были и люди особенной храбрости и молодечества, которые любили опасность и охотно даже шли не въ очередь « полежать пластомъ », чтобы подстеречь Татарина или Поляка. Такіе молодцы — *пластуны* — поступали преимущественно въ одинъ изъ 38-ми куреней, на которые дѣлилось войско, и который по этому назывался *пластуновскимъ*. Этотъ курень въ первые годы существованія Войска, т. е. въ болѣе опасные для него, былъ самый многочисленный, но послѣ, когда съ упадкомъ Татарскаго владычества опасность отъ ихъ набѣдовъ миновалась, число *пластуновъ* значительно уменьшилось.

Когда, послѣ уничтоженія Сѣчи, значительная часть Войска поселена была по Кубани и получила названіе Черноморскаго, куренное устройство почти прекратилось, и только, какъ бы въ память минувшаго, одна изъ станицъ Екатеринодарскаго округа сохранила и понынѣ названіе *Пластуновской*. Тогда же большинство казаковъ *пожелало*; но были и такіе люди старыхъ обычаевъ и « кавалерскаго » духа, которые остались вѣрны своему обѣту безбрачія и посвящали всю жизнь службѣ военной, особенно же пограничной.

Служба эта, продолжающаяся уже болѣе полувѣка, въ содѣствіе хищныхъ Кавказскихъ народовъ, весьма трудна: нужно постоянно, ежедневно оберегать и границу и свои жилища отъ хищниковъ, несравненно сильнѣйшихъ и храбрѣйшихъ, нежели Татары прошедшаго столѣтія, бороться съ ними то силой, то хитростью. И Черноморцы, — надо отдать имъ справедливость, — всегда выходили побѣдителями изъ такой борьбы, постоянно наводятъ страхъ на буйныхъ и необыкновенно ловкихъ хищниковъ.

Они внесли съ собой въ новое поселеніе древній обычай оберегать границы и, между прочимъ, если нужно, хорошенько « полежать пластомъ », съ рушницею въ рукахъ и патрономъ въ зубахъ!..... или самимъ проникнуть за границу, извиваясь словно змѣи въ густой травѣ и камышахъ, чтобы удобнѣе прослѣдить намѣреніе врага.

происходить отъ Малороссійскаго глагола *пластать*, идти по мокротѣ, по трясины, потому что дѣятельность *пластуновъ* по большей части происходитъ въ трясиныхъ, поросшихъ камышемъ, въ *плавняхъ*.

Такимъ образомъ, въ первыя времена поселенія Черноморцевъ, среди ихъ завелись *пластуны* и явились люди, дѣлавшіе обѣтъ постоянной пограничной службы, получившіе въ 1820-хъ годахъ имя *пластуновъ*, сохранившееся неизмѣнно до сихъ поръ и образующіе какъ бы отдѣльное сословіе.

Но званіе *пластуна* не наследственно, и каждый хорошій стрѣлокъ изъ Черноморцевъ легко дѣлается *пластуномъ*; однако же сынъ извѣстнаго удалца, снискавшаго славу въ трудныхъ поискахъ, считаетъ какъ бы должнымъ идти по слѣдамъ отцовскимъ. Въ силу такого обычая, есть роды, отбывающіе эту трудную обязанность съ самаго поселенія.

Чтобы составить себѣ надлежащее понятіе объ образѣ боевой линейной службы *пластуна*, исполненной тяжкихъ трудовъ, невзгодъ и лишеній всякаго рода, необходимо бросить бѣглый взглядъ на самую Линію.

Линія эта тянется по правому, высокому и обрывистому берегу Кубани и господствуетъ надъ лѣвымъ, который простирается широкою низменною долиною, прорѣзанною множествомъ рѣчекъ и значительныхъ потоковъ, стремящихся на равнину изъ ближайшихъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта. Весь послѣдній берегъ отъ устья Урупа и до впаденія Кубани въ Черное море представляетъ непрерывную полосу болотъ и камышей, между которыми извивается Кубань, излучистыми и частыми изгибами, образующими множество займищъ; далѣе — отъ Копыльскаго поста, гдѣ она раздѣляется на два рукава, — и до самаго устья, ее сопровождаютъ необозримые *плавни*, покрытые озерами и лужами, остающимися послѣ разливовъ. Эти—то *плавни*, залегая мертвыми пространствами между кордонными пунктами, даютъ возможность хищникамъ находить себѣ скрыватья убѣжища въ виду самыхъ постовъ, а островки и промели, разсѣкающіе рѣку во многихъ мѣстахъ, весьма способствуютъ переправѣ ихъ. Кордонные посты и пикеты неотступно слѣдуютъ за прихотливымъ теченіемъ рѣки: то держатся возвышеннаго ея берега, то займищъ подверженныхъ наводненіямъ, то опускаются на низменные топи. Сообщенія между этими уединенными пунктами весьма затруднительны и не рѣдко поддерживаются на однихъ только легкихъ долбленныхъ челнахъ, « каюкахъ ». Сильная расти-

тельность окружаетъ эти сторожевыя укрѣпленія, ползучія и вьющіяся широко-лиственные растенія, переплетаясь вмѣстѣ, закрываютъ ихъ густою сѣткою зелени съ низу до верху.

На пространствѣ болѣе 300 верстѣ, занимаемыхъ Линією, устроено до ста пятидесяти постовъ, батареекъ и пикетовъ, на манеръ старинной Запорожской фортификаціи. *Посты* и *батарейки* есть не что иное, какъ четырехугольный земляной окопъ съ неглубокимъ ровомъ, вершина насыпи котораго увѣчана колючимъ терновникомъ. Разница между ними состоитъ только въ величинѣ: смотря по степени болѣе или меньшей опасности, первые заключаютъ въ себѣ отъ 50 до 100 и болѣе, а послѣдніе отъ 10 до 25 казаковъ и, какъ тѣ такъ и другіе, вооружены артиллерією. *Пикетъ* устроивается совсѣмъ иначе, но очень просто: составляя промежуточный пунктъ между постомъ и батареекою и предназначенный обыкновенно для трехъ и не болѣе десяти казаковъ, онъ огораживается высокимъ плетнемъ, снизу по грудь двойнымъ, съ промежуточною засыпкою землею; мелкій и узкій ровъ окружаетъ его.

Надъ каждымъ изъ упомянутыхъ укрѣпленій возвышается наблюдательная каланча, устроенная на четырехъ высокихъ столбахъ, съ небольшимъ на верху балкономъ, подъ камышевою крышею, называемая на Кавказѣ *вышкою*. Надъ крышею высовывается деревянный шестъ съ поперечною перекладиною, по концамъ которой приложены веревки для поднятія шаровъ, сплетенныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ, обтянутыхъ иногда бѣлымъ холстомъ. Это сигналы, которые подымаетъ часовой, днемъ сидящій на балконѣ и зорко сторожащій появленія непріятеля. Ночью же зажигаютъ вѣхи, обмотанные соломой или пенькою. При первомъ появленіи хищниковъ: или сигналъ взвивается къ верху, или вѣха воспламеняется, и даютъ знать о прорывѣ непріятеля. По этимъ знакамъ тревоги, всѣ окрестные посты и батареи мгновенно приходятъ въ движеніе, резервы спѣшатъ къ угрожаемому пункту.

Вотъ наружный видъ Черноморской кордонной линіи, служащей оплотомъ для Войска противъ набѣговъ горцевъ. Самая большая дѣятельность кипитъ на ней зимою, когда Кубань покроется льдомъ и дастъ возможность непріятелю

нападать въ большихъ силахъ: ни темень, ни вьюга, ни стужа не ослабляютъ тогда бдительности казака. Съ разсвѣтомъ дня сторожевой поднимается на каланчу и, покуда не смеркнется, зорко смотритъ на всѣ стороны. Во всю ночь свуютъ разъѣзды между постами и пикетами, по прибрежнымъ тропинкамъ, не рѣдко закрытымъ на-глухо кустарниками и камышами. Такіе разъѣзды никогда не бываютъ болѣе какъ изъ двухъ или трехъ человѣкъ; только днемъ и въ туманную погоду разъѣзды выѣзжаютъ гораздо сильнѣе. Они идутъ обыкновенно гуськомъ, въ значительномъ другъ отъ друга разстояніи, часто мѣняютъ тропинки, чтобы не сдѣлаться жертвою засады, соблюдая всегда чуткость и осторожность. Остающіеся на посту казаки держатъ коней своихъ въ сѣдлѣ и находятся въ готовности, по первому выстрѣлу, далеко слышному въ ночной тиши, спѣшить на тревогу. Въ это время горцы чаще всего вносятъ огонь и мечъ въ казацкую землю и потому Линія усиливается всегда значительными отрядами, которыхъ не могутъ вмѣстить убогія помѣщенія постовъ и батареекъ, и они располагаются вокругъ бивуачныхъ огней, постоянно дымящихся подъ ненастнымъ зимнимъ небомъ. Весь кордонъ тогда принимаетъ видъ военного стана.

Весною, когда рѣка очистится отъ льда и широкими разливами затопитъ низменности, нашествія большихъ открытых партій дѣлаются невозможными; но это, однако же, не препятствуетъ прорывамъ мелкихъ хищническихъ шаекъ «*психадзе*», которые, — по своей предприимчивости и хитрости, — гораздо опаснѣе большихъ скопищъ. Пользуясь островками и промелями, способствующими переправѣ, они, въ бурную и мрачную ночь, переплываютъ Кубань, при помощи употребляемыхъ горцами средствъ: бурдюковъ (кожаныхъ мѣховъ, наполненныхъ воздухомъ), маленькихъ плотиковъ изъ хвороста и камыша, толстыхъ древесныхъ карчей, долбленныхъ челновъ и проч. Въ это время года, вмѣсто конныхъ карауловъ, выходитъ изъ постовъ значительная часть пѣшихъ казаковъ, которые, въ сумерки, залегаютъ на берегу, въ опасныхъ мѣстахъ, по два и по три человѣка вмѣстѣ; въ то же время и пикетные казаки покидаютъ свои притоны и также располагаются по берегу живою сѣтью для хищника. Это *залом*—залогъ спокойствія и

безопасности страны. Часто повторяющіеся разѣзды пере-
кликаются съ залогою либо свистомъ, либо глухимъ сту-
комъ пика о стремя, предварительно условленными. Съ раз-
свѣтомъ залого снимаются.

Такое разнообразіе мѣстности и службы пограничной
кордонной черты имѣло вліяніе и на организацію Черномор-
скаго Казачья Войска. Оно имѣетъ во всегдашней готов-
ности 12 конныхъ полковъ, 9 пѣшихъ баталіоновъ, и со-
держитъ полевую и гарнизонную артиллерію для защиты
пограничныхъ куреней и кордонныхъ постовъ.

Наконецъ, полувѣковая борьба съ отважнымъ и сильнымъ
врагомъ усвоила Войску отличительный характеръ линейной
службы и образовала, какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ,
пластунъ, — единственный въ своемъ родѣ разрядъ
стрѣлковъ, мужественныхъ, предприимчивыхъ, которыхъ
могла вызвать и воспитать только извѣстная мѣстность и
извѣстныя военныя обстоятельства.

Пластуны разсѣяны по всемъ постамъ небольшими това-
риществами, но преимущественно располагаются на самыхъ
передовыхъ, удаленныхъ отъ главной черты батарейкахъ.
Здѣсь пластуны по истинѣ въ своей сферѣ; кочуя въ глуши
пограничныхъ плавней, они, презирая опасность, голодь,
стужу и непогоды, бодро и терпѣливо проводятъ въ своихъ
скрытныхъ убѣжищахъ цѣлыя сутки сряду; чутко стерегутъ
приближеніе хищника и первые встрѣчаютъ его своими
мѣткими выстрѣлами, первые приносятъ на посты вѣсти о
тревогѣ. Здѣсь пластунъ, дѣйствительно *пластомъ*, не-
подвижно, лежитъ въ пустынныхъ камышахъ, подвергаясь
жгучимъ угрызеніямъ мошекъ и комаровъ, наполняющихъ
болотный воздухъ. Въ такомъ трудномъ положеніи для него
существуетъ одно на свѣтѣ — это тайный врагъ — горецъ,
изъ-подтишка ночью крадущійся на воровство и разбой къ
границѣ. При непрерывно угрожающей смерти, — о кото-
рой пластунъ мало заботится, — онъ никогда не забудетъ,
что, отъ малѣйшей его неосторожности или недосмотра,
постовые его товарищи, да и не одна станица могутъ под-
вергнуться бѣдствію.

Естественно, что при столь высокомъ сознаніи своего
долга, пластунъ, — какъ вообще все Черноморцы, — глу-
боко религіозенъ: въ самыя тяжкія минуты онъ укрѣпляетъ

себя святою вѣрою, и, лежа въ засадѣ, твердо уповаетъ
на Промыселъ Божій. Умираетъ пластунъ истиннымъ Хри-
стіаниномъ, — какъ отходили въ иной міръ его славные
предки, — безъ стона, безъ жалобы, съ молитвою на за-
пекшихся кровью устахъ.

Истинный пластунъ отличается въ превосходной степени
всеми качествами, свойственными ловкому и смышленому
казаку: вѣрный и зоркій глазъ, неистощимый запасъ муже-
ства, хладнокровіе и терпѣніе составляютъ главнѣйшія до-
стоинства казаковъ, поступающихъ въ эту самобытную об-
щину. Безпрерывная борьба съ предприимчивыми и скрыт-
ными врагами довершаютъ его образованіе. Дѣйствительно,
въ этой школѣ пріобрѣтаетъ пластунъ навыкъ къ трудамъ,
опасностямъ и самоотверженію, дѣлается хитрымъ, отваж-
нымъ и изобрѣтательнымъ въ самыхъ затруднительныхъ об-
стоятельствахъ, оставаясь всегда вѣрнымъ главнѣйшему
своему назначенію: служить неизмѣнно опорой кордонной
линіи.

Трудно и даже невозможно сдѣлать какого-либо вывода
о тактикѣ пластуновъ. Они имѣютъ свои никѣмъ не подмѣ-
ченныя правила, основанныя болѣе на опытѣ всендневной
боевой жизни и отличительныхъ свойствахъ хищнаго и не-
угомоннаго противника. Шапсуги, Абадзехи и Натхокаджи
храбры, отважны и готовы на самыя дерзкія предпріятія;
пластунъ не только не уступитъ имъ въ этомъ отношеніи,
но во многомъ превосходитъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей,
потому что цѣль его — не хищничество, а святой долгъ —
бдительностію своею и искусствомъ охранять родину и свою
семью.

При врожденныхъ способностяхъ, твердой волѣ, тончай-
шемъ слухѣ и зоркости, пластунъ всегда ловко разстрои-
ваетъ замыслы пронырливаго *психадзе* и отводитъ налетъ
дерзкаго *гаджирата* *). Но этого мало, они пускаются не-

*) Психадзе — по-русски «стая водяныхъ псовъ», — самый бѣднѣй-
шій классъ Горцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый неотвязчивый.
Они пробиваются за Ливію мелкими пѣшими шайками въ скрытныхъ
мѣстахъ. *Гаджиратъ* — добротный лихой набѣдникъ, дѣлающій
открытые набѣга значительными партіями; его можно сравнить съ
Чеченскимъ абрекомъ.

рѣдко сами во вражью сторону мелкими партіями, отъ 3-хъ до 10-ти человекъ. Въ этихъ отважныхъ поискахъ, равно какъ при засадахъ и встрѣчахъ съ врагомъ, руководить ими собственная предприимчивость и изобрѣтательность. Перебираясь черезъ топи и камыши, они кладутъ свои примѣты на всѣхъ проходахъ и закрываютъ слѣды. Замѣтивъ превосходнаго въ силахъ непріятеля, они пролежатъ въ камышѣ, кустарникѣ, въ травѣ нѣсколько часовъ, не изобличивъ своего присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ, затаявъ дыханіе; а въ трудныхъ обстоятельствахъ пластунъ даже пробудетъ долгое время и подъ водою, дыша посредствомъ тростника. Замѣченные, въ свою очередь, они умѣютъ пользоваться мѣстностію и, засѣвъ въ первой попавшейся чащѣ камыша, осоки или кустарника, они смѣло обращаютъ огонь на противниковъ. Выстрѣлъ безъ промаха замѣняетъ для нихъ числительность. Но въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ слишкомъ уже не подъ силу, пластунъ умѣетъ вывернуться изъ бѣды, — непременно схитритъ и ускользнетъ куда-нибудь въ болото или трупобу, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ, свой башлыкъ и шапку, надѣтые на сломленный камышъ или сукъ кустарника, и отведя, такимъ образомъ, вниманіе противника, всегда успѣетъ возвратиться цѣлымъ и невредимымъ. Получивъ рану, онъ иногда ползетъ значительное разстояніе, перенося голодь и жажду, лишь бы только добраться къ своимъ, предпочитая скорѣе лишиться жизни, чѣмъ потерять свободу.

Главнѣйшую роль въ многотрудной службѣ пластуна играютъ слѣдъ — *сакма* и засада — *залога*. Онъ искусно умѣетъ скрыть за собою свой собственный слѣдъ, а въ слѣдахъ противника угадать его намѣренія. Когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу слѣдъ неотвязно тянется за нимъ, хитрый пластунъ старается запутать его, дать ему превратное направленіе и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отвлекаетъ врага отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ, и преимущественно такъ называемые *характерики* *), пробираются ползкомъ, рядомъ мучени-

*) Такъ назывались въ Войскѣ Запорожскомъ казаки, которые были такіе волшебники, что ихъ ни какое огнестрѣльное оружіе — ни пуля, ни пушка — уничтожить не могли. (*Устное повѣствованіе Корша*, стр. 22.)

ческихъ засадъ, въ непріятельскіе аулы — для осмотра мѣстности или чтобы вывѣдать намѣренія врага — и своимъ высокимъ самоотверженіемъ, по долгу службы, замѣняютъ продажныя услуги туземныхъ лазутчиковъ.

Въ отрядахъ на походъ — пластунъ всегда въ авангардѣ или въ цѣпи застрѣльщиковъ; на бивуакѣ или ночлегѣ — въ секретномъ караулѣ, наблюдая за спокойствіемъ ратнаго стана; въ гарнизонахъ полевыхъ укрѣпленій за Кубанью — онъ вѣчно на поискахъ по окрестнымъ лѣсамъ и ущельямъ, и бдительностью своею предохраняетъ пастбища, рубку дровъ, сѣнокосы и огородныя работы. Однимъ словомъ, пластуны — неопѣвнная и незамѣнимая ни чѣмъ дружина, которую можно, по всей справедливости, назвать недремлющимъ *окомъ* кордонной стражи.

Черноморцы, будучи сродни Малороссіянамъ, отличаются особенными, свойственными этому племени, качествами. Они не такъ охотно берутся за дѣла трудныя, но ежели взялись, то преслѣдуютъ ихъ до конца, съ постоянствомъ и терпѣніемъ; они честны и вѣрны въ исполненіи своего слова и обязанностей. Умъ ихъ глубокомысленъ и проницателенъ, но какъ-то медленъ; они обдумываютъ вещи здраво, но не скоро. Характеръ отличается также медленностію, скрытностію и твердою волею, доходящею до упрямства. По этому и пластунъ на первый взглядъ не обѣщаетъ многого. Это обыкновенно рослый, съ медленною и рассчитанною походкою, казакъ первообразнаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержа послѣ подъема. Сквозь сильный загаръ его лица, окуренаго порокомъ и превращеннаго въ бронзу непогодами, пробивается добродушіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и твердая сила воли. Угрюмый взглядъ и навосченный, кверху вздернутый, усъ придаютъ лицу его выраженіе мужества и рѣшимости.

Пластуны одѣваются какъ самые бѣдные Черкесы: черкесска, отрепанная и покрытая разноцвѣтными, не рѣдко даже кожаными, заплатами; папахъ, вытертая и, въ удостоеніе отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ толстой кожи дикаго кабана, щетиною кнаружи. Эта бѣдность въ будничной одеждѣ отъ того, что каждый поискъ, по тѣснинамъ и трупобамъ, причиняетъ большой ущербъ ихъ наряду.

Въ походной одеждѣ пластуны носятъ сухарную суму за плечами, штуцеръ въ рукахъ; привинтной штуцерный кинжалъ, съ толстымъ деревяннымъ набойникомъ, спереди, за поясомъ и привѣшенные къ поясу же, такъ называемыя *причандоля*: пороховницу, пулечницу, отвертку, жирникъ, ножъ, шило изъ рога дикаго козла, люльку, ложку, иногда котелокъ, иногда балалайку, или даже скрипку, потому что мощной рукѣ молодца одинаково покорны и громы смертоноснаго оружія и звуки мусикійскаго орудія. Въ свободное отъ службы время, они вообще любятъ предаваться послѣдному невинному удовольствію; но и въ этомъ случаѣ пѣсни ихъ, какъ вообще всѣ дѣйствія и привычки, имѣютъ отпечатокъ меланхоліи. Многіе изъ такихъ доморощенныхъ виртуозовъ прославились своею игрою въ аулахъ *мирныхъ Черкесовъ*, куда они доверчиво заходятъ увеселять молодыхъ бойкою игрою на скрипкѣ.

Такимъ образомъ, пластуны Черноморскіе все тѣ же и теперь по духу и усердію, что были на Запорожьѣ, но ихъ устройство уже другое и вооруженіе лучше. Съ отличнымъ штуцеромъ въ рукахъ, они сдѣлались страшными не только горцамъ, но и подъ Севастополемъ славно мѣрились съ цвѣтомъ лучшихъ европейскихъ армій и всегда выходили побѣдителями.

Сколько сценъ полныхъ высокаго самоотверженія, удивительной находчивости или неимоверной отваги происходило и происходитъ на Кубанскомъ побережьѣ, и подвиги эти расходятся большею частью лишь изустными рассказами, потому что никого не удивляютъ въ Краѣ, какъ дѣла самыя обыкновенныя. Наше изданіе, поставивъ себѣ задачу—сохраненіе и прославленіе доблестныхъ подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, соберетъ на страницы свои, по мѣрѣ возможности, замѣчательныя дѣла пластуновъ, на память и поученіе потомству.

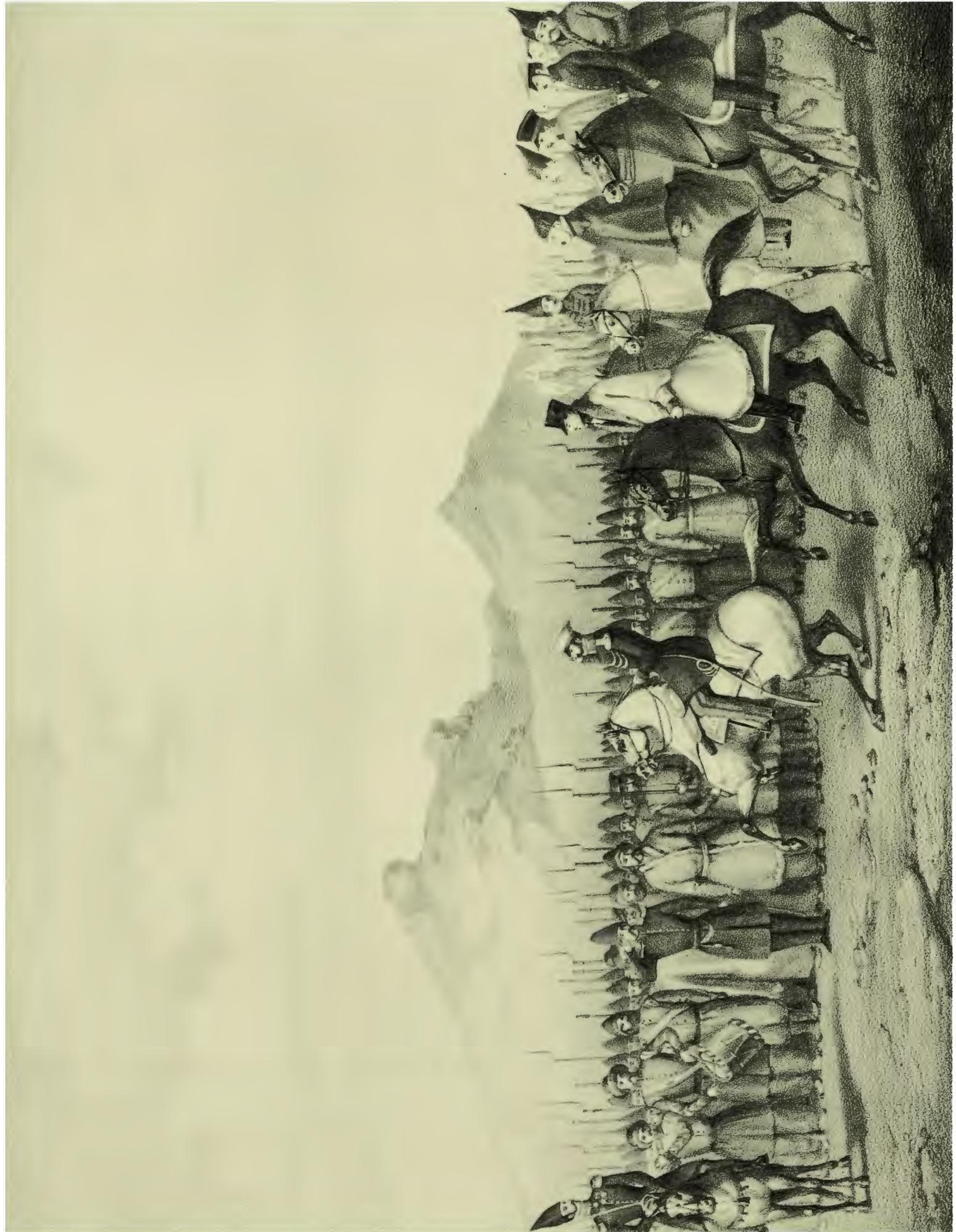
I.

ПОДВИГЪ ПЛАСТУНОВЪ ЖОРНИКА, ДРАГАНА И ДАНИЛЕНКО.

16-го марта 1846 года отряжена была изъ Абинскаго укрѣпленія команда для рубки дровъ и, для предосторожности, выставленъ былъ изъ осьми пластуновъ пикетъ у самой переправы чрезъ рѣку Абинъ, а въ нѣкоторомъ разстояніи находился секретный резервъ пикета изъ двухъ пластуновъ 8-го пѣшаго Черноморскаго казачьяго баталіона Ефима *Жорника* и Ивана *Драгана*. Вскорѣ по занятіи позиціи на нихъ бросились человекъ десять конныхъ Шапсуговъ и, вслѣдъ за тѣмъ, хлынула изъ—за береговаго обрыва пѣшая партія человекъ изъ 70-ти. Жорниковъ и Драганъ встрѣтили тѣхъ и другихъ мѣткими выстрѣлами и тутъ же убили двухъ противниковъ, изъ которыхъ одинъ, по имени Черемитъ Тугузовъ, какъ оказалось, предводитель партіи, палъ

отъ руки Жорника. Въ свою очередь и храбрые пластуны получили тяжелыя раны, такъ что Драганъ, стоявшій надъ обрывомъ рѣки, скатился въ нее и былъ схваченъ въ плѣнъ. Жорнику грозило тоже несчастіе; но пластунъ съ пикета 3-го баталіона, Герасимъ *Даниленко*, бросившись къ нему на помощь и, убивъ противника, вырвалъ изъ его рукъ Жорника; поспѣшившее же къ мѣсту перестрѣлки подкрѣпленіе отъ команды тотъ же часъ принудило всю партію разсѣяться.

Въ награду такого подвига пластуновъ Даниленко, Жорника и Драгана, — послѣднему, по возвращеніи въ томъ же году изъ плѣна, князь Воронцовъ, на основаніи Высочайше предоставленной ему власти, пожаловалъ имъ знаки военнаго ордена.

Изд. в Полковника Повосса.

Пет. II Архангел.

ВСТУПЛЕНИЕ ВЪ ТАВРИСЬ БАТАЛІОНА РУССКИХЪ ДЕЗЕРТИРОВЪ ВОЗВРАЩАВШИХСЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВО.

(1837 годъ.)

ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛЬ ГРАФЪ ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГУДОВИЧЪ.

Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, сынъ тайнаго совѣтника Василья Андреевича *), родился въ Малороссіи, въ 1741 году и обучался, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Андреемъ Васильевичемъ, въ Кенигсбергѣ, Галлѣ и Лейпцигѣ и, на девятнадцатомъ году, по экзамену комиссіи, наряженной изъ инженернаго генераль-маіора и артиллерійскихъ и инженерныхъ штабъ-офицеровъ, «за пріобрѣтенныя науки въ иностранной землѣ, на собственномъ иждивеніи, по узаконенію блаженной и вѣчной славы достойной памяти Петра Великаго **), 1-го января 1759 года, принять въ службу прямо инженеръ-прапорщикомъ. Въ слѣдующемъ году, 1-го октября, онъ поступилъ флигель-адъютантомъ къ генераль-фельдцейхмейстеру графу П. И. Шувалову. Когда скончалась Императрица Елисавета Петровна, онъ произведенъ, по повелѣнію Петра III, 28-го декабря 1761

*) Гудовичи пропеходятъ отъ выѣхавшаго, въ 1680 году, въ Россію изъ Польши дворянина Павла Ставиславича Гудовича. (*Гербовникъ* I, 128, и IV, 8.)

***) Слова формулярнаго о службѣ графа Гудовича списка за 1817 г.

года, въ генеральскъ-адъютанты при генераль-фельдмаршалѣ графѣ А. И. Шуваловѣ *), подполковничьяго чина, безъ выслуги маіорскаго; по кончинѣ графа Шувалова, въ февралѣ 1762 года, переведенъ, по именному повелѣнію, къ Принцу Гольштинскому, числясь при Конной Гвардіи ротмистромъ; а по отходѣ Его Высочества опредѣленъ въ драгунскіе полки, безъ означенія въ который именно.

Быстрымъ этимъ возвышеніемъ одолженъ Иванъ Васильевичъ своему брату, бывшему тогда генераль-адъютантомъ и первымъ любимцемъ Императора Петра III.

*) Бантышъ-Каменскій въ *Словарь достопамятныхъ людей Русской земли* (1836; ч. II, 165) и въ *Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ и Генераль-Фельдмаршаловъ* (1840, ч. III, стр. 11.) принялъ графовъ Петра Ивановича и Андрея Ивановича Шуваловыхъ, при которыхъ состоялъ Гудовичъ, за одного перваго. Эта же ошлябка сдѣлана: въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара (XV, 216), въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд. т. IV стр. 525.) и въ *Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ* Старчевскаго (III 499).

Въ 1762 году послѣдовала перемѣна въ правленіи, — Императрица Екатерина Великая взошла на престолъ. Гудовичи лишились своего значенія при Дворѣ, а Иванъ Васильевичъ былъ даже арестованъ и три недѣли содержался подъ строгимъ карауломъ; но 17-го апрѣля слѣдующаго года онъ пожалованъ, по старшинству, полковникомъ Астраханскаго пѣхотнаго полка.

Въ это время, по смерти короля Августа III (въ 1763 году), Польша сдѣлалась театромъ безпорядковъ, распрей между партіями католикѡвъ и диссидентовъ и дерзкаго своеволія аристократіи. Екатерина, въ такихъ обстоятельствахъ, вознамѣрилась Сама дать Польшѣ короля, и Ея выборъ палъ на Станислава Понятовскаго, который, находясь нѣкогда при Дворѣ Русскомъ съ Англійскимъ посольствомъ, обратилъ на себя вниманіе Монархини. Напрасно Франція, Австрія, Пруссія и часть самыхъ Поляковъ, защищая права малолѣтнаго курфюрста Саксонскаго, противились этому избранію; Екатерина повелѣла своимъ посланникамъ въ Варшавѣ (графу Кейзерлингу и князю Репнину) дать знать чинамъ Польскимъ о Своей волѣ, въ подкрѣпленіе которой двинула къ Варшавѣ значительный корпусъ войскъ. Фридрихъ Великій, сначала державшій противную сторону, вскорѣ заключилъ союзъ съ Россіею и, 7-го сентября 1764 года, на избирательномъ сеймѣ, Понятовскій объявленъ былъ королемъ, подъ именемъ Станислава Августа.

Гудовичъ при этомъ сдѣлалъ первый свой походъ, находясь въ корпусѣ генералъ-поручика Штофельна *), и оказалъ значительное содѣйствіе въ избраніи Станислава Августа тѣмъ, что, бывъ посланъ къ гетману Ржевускому, находившемуся тогда въ нынѣшней Галиціи, — котораго зять, Радзивиль, дѣйствовалъ непріязненно противъ нашихъ войскъ, — склонилъ на сторону Россіи какъ самого Ржевускаго, такъ и князя Чарторижскаго. Потомъ онъ былъ отправленъ, съ своимъ полкомъ, за Вислу, въ Сандомиръ, для наблюденія за сеймиками въ Краковѣ и въ окружныхъ мѣстахъ. При возвращеніи въ Русскія границы, по избраніи короля, въ началѣ 1765 года, Гудовичу повелѣно было за-

*) Христофоръ Федоровичъ, умершій въ 1770 году, близъ Яссы, отъ моровой язвы.

бирать нашихъ бѣглыхъ, и онъ успѣлъ переловить ихъ слишкомъ три тысячи человекъ, большею частію старообрядцевъ.

Въ Польшѣ вскорѣ образовались конфедераціи, наши войска были усилены и, 13-го февраля 1768 года, заключенъ трактатъ, по которому Россія получила рѣшительное вліяніе на тамошнія дѣла. Франція и Австрія съ неудовольствіемъ видѣли эти происшествія, и, не смѣя дѣйствовать открытою силою, прибѣгли къ тайнымъ проискамъ. Особенно Французское правительство съ завистью и безпокойствомъ смотрѣло на возрастающее могущество Россіи въ Европѣ, и, не имѣя никакого непосредственнаго способа къ ослабленію нашего Отечества, рѣшилось воспользоваться своимъ вліяніемъ въ Константинополѣ, чтобы возстановить Турокъ противъ насъ. Ничтожный поводъ былъ причиною войны. Одинъ изъ нашихъ отрядовъ, преслѣдуя мятежныхъ конфедератовъ, перешелъ, по ошибкѣ и невѣдѣнію, границу на Турецкую землю и сжегъ небольшое селеніе Балту. Порта, по проискамъ герцога Шуазеля, управлявшаго въ то время Версальскимъ кабинетомъ, начала настоятельно требовать, чтобы Русскія войска вышли изъ Польши, и, получивъ отказъ, объявила, 4-го октября 1768 года, войну Россіи.

Екатерина достойнымъ образомъ приняла вызовъ. Арміи, предводимыя княземъ А. М. Голицынымъ и графомъ П. А. Румянцовымъ, и корпуса генераловъ барона Медема и графа Тотлебена выступили къ границамъ Турціи. Флоты Кронштадтскій и Архангельскій поплыли въ Средиземное море, для освобожденія древней Греціи, отъ тягостнаго надъ нею ига. Въ этой, блестящей и славной для насъ, войнѣ Гудовичъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Замыслы Турокъ при началіи военныхъ дѣйствій были весьма обширны. Они хотѣли, увеличивъ до 300,000 человекъ армію великаго визиря на Дунаѣ, овладѣть Каменецъ-Подольскомъ и наводнять области Польскія для изгнанія оттуда Русскихъ. Этой арміи долженствовали помогать Крымскіе Татары.

При внезапномъ вторженіи хана, въ началѣ ноября 1768 года, въ Новороссійскій край, далѣе крѣпости Елисаветградской, съ многочисленною ордою, Гудовичъ, съ полкомъ

своимъ, былъ поспѣшно отправленъ къ сторонѣ Днѣпра, въ городъ Переяславль. Но какъ наступившіе холода и выпавшій глубокій снѣгъ вскорѣ заставилъ хана отступить, то Астраханскій полкъ и оставленъ былъ въ Переяславлѣ до 2-го января 1769 года, когда Гудовичъ двинулся, чрезъ бывшую Польшу, на рандеву арміи, собиравшейся близъ Днѣстра, ниже Хотина.

Это была армія князя Голицына, въ числѣ 65,000 человекъ, имѣвшая главнѣйшее назначеніе воспрепятствовать Туркамъ утвердиться по сую сторону Днѣстра, и, между тѣмъ, не пропускать случая къ нападенію на отдѣльные непріятельскіе корпуса. Преимущественно главнокомандовавшему Высочайше предписано было распорядиться такъ, чтобъ начать дѣйствія наступательныя къ осени, когда Турецкія войска обыкновенно распускались и уходили по домамъ.

14-го и 15-го апрѣля армія Голицына перешла Днѣстръ и двинулась къ Хотину. Трехдневный походъ къ этой крѣпости отъ переправы, хотя и происходилъ безъ малѣйшаго отъ непріятеля сопротивленія, но «великія, однакожъ, въ тамошнихъ гористыхъ мѣстахъ трудности преодолѣвать надлежало, такъ что артиллерію, по большей части, на канатахъ спускать должно было, причеиъ недостатокъ въ хорошей водѣ, днемъ великій жаръ, а по ночамъ стужа, не малое безпокойство причиняли» *). Голицынъ надѣялся, что одного его появленія будетъ достаточно для занятія города безъ бою, и, вѣроятно, эта надежда исполнилась бы, если-бъ въ Хотинъ не прибылъ Караманъ-Паша, который явно возставалъ противъ коменданта, желавшаго сдать крѣпость. Раздраженный гарнизонъ изрубилъ коменданта и объявилъ своимъ начальникомъ Караманъ-Пашу. Турки, сверхъ 20,000 гарнизона въ городѣ и крѣпости, имѣли еще 40,000 человекъ, стоявшихъ въ лагерѣ, подъ самыми пушками Хотина. Русскій генераль, обманувшійся въ своихъ ожиданіяхъ, рѣшилъ напасть на укрѣпленія, разбить Турокъ и тогда, смѣшавшись съ обращеннымъ въ бѣгство непріателемъ, ворваться въ крѣпость. 19-го апрѣля, въ день Свѣт-

*) Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1769 году, подъ 18 апрѣлемъ.

лаго Воскресенія, часть нашихъ войскъ, въ которой, *кажется*, не находилось полка Гудовича, произвела нападеніе. Турки, не дожидаясь атаки, бѣжали изъ укрѣпленія въ величайшемъ безпорядкѣ. Наши преслѣдовали ихъ до прикрытаго палисадомъ пути, но не могли вторгнуться въ крѣпость. Чрезъ день послѣ этой неудачи, 21-го, въ уваженіе, что Хотинъ, *безъ прямой осады брать невозможно*, и что важность этой крѣпости не могла вознаградить потери на штурмѣ, армія отступила и, 24-го, перешла обратно Днѣстръ, для сближенія съ своими магазинами.

Въ маѣ мѣсяцъ верховный визирь переправился чрезъ Дунай и, направясь вверхъ по Пруту, достигъ Рябой Могилы, въ 60-ти верстахъ отъ Яссы и въ 100 отъ Бендеръ. Князь Голицынъ, не желая допустить Турокъ къ Днѣстру, снова двинулся въ Молдавію и, 26-го іюня, переправился черезъ эту рѣку.

2-го іюля, приближаясь къ самому Хотину, наша армія атаковала непріятеля, расположившагося въ ретраншаментѣ.

При самомъ выступленіи изъ лагеря резервному корпусу Штофельна надлежало проходить дефилѣ. Турки воспользовались этимъ, и нѣсколько тысячъ ихъ конницы произвело нападеніе, *жесточайшее* до того, что, *допзжая до самаго фронта гренадеръ*, они рубили рогатки. Такими *суще отчаянными стремленіями* непріятель, хотя и сдѣлалъ въ легкихъ войскахъ небольшой уронъ, но, наконецъ, *непоколебимою твердостью* гренадеровъ и произведеннымъ, спустя нѣсколько времени, *стройнымъ и непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ*, при помощи артиллеріи, съ *превеликимъ урономъ совершенно* отбить и прогнать, оставя при фронтѣ пѣхоты одно знамя.

По занятіи резервнымъ корпусомъ высотъ, вся армія двинулась впередъ, для предосторожности, *баталіономъ каре*. Отойдя около двухъ верстъ, наши снова встрѣтили непріятеля, въ числѣ 70,000 человекъ, съ артиллеріею, подъ начальствомъ Румельскаго сераскира Магометъ-Паши.

Стремленія или атака Турокъ были *весьма непорядочныя* — только *великими* съ разныхъ сторонъ *кучами*, — но, тѣмъ не менѣе, *самыя жестокія*, съ упорнымъ намѣреніемъ, прорвать нашъ фронтъ. *Твердость и мужество* войска Румянцова сдѣлали тщетными всѣ такія

стремленія: нападенія нѣсколько часовъ сряду слѣдовали одно за другимъ и всегда оканчивались урономъ Турокъ, особенно отъ дѣйствія артиллеріи, а наши продолжали движеніе впередъ; наконецъ, непріятель, *не терпя болѣе своей траты*, отчаявшись остановить походъ побѣдоносной арміи, а главное — опасаясь быть *загнанъ* въ свой ретраншаментъ подъ Хотиномъ, и тамъ вынужденнымъ принять генеральную баталію или быть запертымъ, *ударился* въ бѣгство во все стороны, и преимущественно за Прутъ. Побѣдители слѣдовали за бѣгущими съ распущенными знаменами, музыкою и барабаннымъ боемъ и торжественно вступили въ лагерь, въ трехъ верстахъ отъ Хотина.

Легкія войска, продолжавшія *погоню*, по скорости бѣгства Турокъ, настигли только обозъ ихъ, котораго большую часть и взяли въ добычу.

Въ этомъ сраженіи, *можетъ быть* первымъ, въ которомъ находился нашъ герой, по официальному свидѣтельству *), штабъ и оберъ-офицеры *ревностно исполняли каждый свой долгъ и званіе*, а рядовые и вообще все войска Ея Императорскаго Величества «исдали новые опыты своего мужества, храбрости и неустранимости, пылая ревностнымъ желаніемъ съ нападавшимъ по мѣстамъ и великими кучами непріателемъ, не смотря на его превосходную силу, генеральное дѣло имѣть и, конечно, побѣдить, а многіе изъ гренадеровъ и просились выпустить за рогатки, чтобы ближе къ непріятелю быть.»

Послѣ этого упорнаго боя армія приступила къ блокадѣ Хотина: 3-го числа были заложены батареи для бомбардированія, а на другой день открыта по крѣпости *жестокая ядрами и бомбами стрѣльба*.

Малыя траншеи еще не были окончены, какъ 11-го іюля, Турки сдѣлали сильную вылазку на лѣвый флангъ. Гудовичъ, находившійся съ Астраханцами въ тотъ день, по очереди, въ траншеяхъ, принужденъ былъ съ однимъ баталіономъ своего полка, въ теченіе слишкомъ четырехъ часовъ, выдержать нападенія Турокъ; но успѣлъ отразить ихъ стремленія, хотя и съ нѣкоторымъ урономъ въ людяхъ.

*) Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1769 году, подъ 2 апрѣлемъ.

Крѣпость была доведена довольно скоро до крайности отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и отъ чрезвычайнаго числа войскъ, причинявшаго повальныя болѣзни; но гарнизонъ, ожидая помощи отъ великаго визиря, не помышлялъ о сдачѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Молдаванчи-Паша, соединившись съ Татарами, двинулся къ Хотину.

Князь Голицынъ, полагая, что общая битва неизбежна, стянулъ свои войска, но сераскиръ, — успѣвшій подать помощь осажденнымъ, — по-видимому не хотѣлъ вступать въ бой и рачительно окопывался въ своемъ лагерѣ. Соображая, что нападеніе на Турокъ, даже при побѣдѣ, не поведетъ къ сдачѣ Хотина, и чувствуя недостатокъ въ фуражѣ, главнокомандовавшей, въ концѣ мѣсяца, перешелъ сперва обратно на лѣвый берегъ Днѣстра, а потомъ сталъ противъ крѣпости, при селеніи Княгининѣ.

Въ этомъ мѣстѣ расположенія, 14-го августа, воинство наше получило *пріятную* для себя *вѣдомость*, что непріятель, въ значительномъ числѣ, началъ переходить на нашу сторону. Армія немедленно оставила лагерь при деревнѣ Княгининѣ и заняла другой — при деревнѣ Гавриловцахъ, въ трехъ верстахъ отъ берега, въ виду крѣпости, чтобы Турки, если хотятъ *рѣшительной баталіи*, не были отъ нея удержаны. Но, между тѣмъ, непріятель, переправившійся на нашу сторону, былъ уже *совершенно прогнанъ* обратно, *съ великимъ урономъ*. Этотъ подвигъ совершилъ Гудовичъ. Вотъ подробное его изложеніе *).

Часу въ первомъ по полудни перебрались на сю сторону рѣки человекъ 60 Турокъ, которые и вступили въ перестрѣлку съ казаками; потомъ постепенно число непріятеля умножалось и онъ заставилъ казаковъ и, посланный имъ на подкрѣпленіе, гусарскій эскадронъ отступить за гору. Непріятель въѣхалъ и туда. Тогда началась, *съ скрытыхъ* батарей легкой артиллеріи, находившихся на нашихъ флан-

*) Мы заимствуемъ описаніе этого дѣла, извѣстнаго подъ именемъ *сраженія въ Рачевскомъ лѣсу*, изъ Журнала дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1769 году, подъ 14 апрѣлемъ, дополнявъ изъ Записки, составленной самимъ Гудовичемъ о своей службѣ, внесенной въ формулярный его списокъ за 1817 годъ и напечатанной въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1841 г. № 3.

гахъ, пушечная пальба, вскорѣ принудившая непріятеля, съ *небольшымъ* урономъ, нѣсколько отступить. Но потомъ, спѣшившись, Турки кинулись, почти не стрѣляя, съ однѣми саблями на-голо, атаковать маіора Фабриціана, стоявшаго съ баталіономъ на правомъ флангѣ, въ лѣсу, и, сверхъ того, съ ужаснымъ стремленіемъ окружили редутъ подпоручика Бишова. Фабриціанъ примкнулъ, съ своимъ баталіономъ, ближе къ редуту и къ поставленной позади его еще одной пѣхотной ротѣ и, непрерывнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, такъ хорошо встрѣтилъ это *нахальное* стремленіе, что Турки *забыли* увозить своихъ убитыхъ и *великое число* ихъ оставили на мѣстѣ. Между тѣмъ, на подкрѣпленіе нашимъ посланы четыре гусарскіе полка; но какъ прежде, во время лагеря, на этомъ мѣстѣ сдѣланы были волчьи ямы, теперь затруднявшія движеніе, то бригадиръ Текелли *), съ своимъ полкомъ, пошелъ направо, непріятелю въ тылъ, а остальные гусарскіе полки — Ахтырскій, Острогожскій и Венгерскій **), двинулись лѣвѣе отъ лѣсу, съ намѣреніемъ, чтобы «сколько между лѣсомъ и Днѣстромъ непріятеля найдется, атаковать и разбить.» Хотинскія пушки доставали послѣдніе полки, и гусары наши нѣсколько пріостановились. Въ то же время число переправившагося непріятеля уже *гораздо умножилось* и онъ, показывая будто желаетъ напасть на гусаровъ, вмѣсто того бросился, *великимъ числомъ* пѣхоты, внутрь лѣса, и атаковалъ отдѣльную батарею и баталіонъ капитана Анрепа столь жестоко, что наши принуждены были отступить на соединеніе съ двумя ротами, находившимися позади этой батареи. Но, по *великому числу* непріятеля, капитанъ Анрепъ и тутъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ; не смотря на то, маіоръ Фабриціанъ, съ своимъ баталіономъ и нѣсколькими охотниками изъ гренадеровъ, поспѣшилъ къ нему на подкрѣпленіе. Тогда, для усиленія нашихъ, *наряженъ* былъ весь Астраханскій пѣхотный полкъ.

Гудовичъ двинулся поспѣшно и, чтобы скорѣе подать помощь гусарамъ, съ первымъ баталіономъ прошелъ чрезъ

*) Петръ Абрамовичъ, въ послѣдствіи бывший генералъ-авшефомъ.

**) Гудовичъ въ своей Запискѣ упоминаетъ всего только о трехъ гусарскихъ полкахъ.

уголъ кустарниковъ, приказавъ, по тѣсотѣ лѣса, двумъ пушкамъ, принадлежащимъ къ баталіону, идти въ обходъ. Въ это самое время явился къ нему маіоръ Фабриціанъ *) одинъ, безъ людей, и объявилъ, что два баталіона, которыми онъ командовалъ, разбиты непріателемъ и четыре пушки, къ нимъ принадлежавшія, потеряны. Тогда Гудовичъ приказалъ своему второму баталіону — маіора Розена, съ двумя пушками, двинуться въ лѣсъ, по дорогѣ, и стараться собрать разсыпанные баталіоны, поражая, сколько можно, непріятельскую пѣхоту. Самъ же нашъ герой, съ первымъ баталіономъ, перейдя быстро лѣсъ, гдѣ нашель уже наши гусарскіе полки отретировавшимися, *наимоспѣтнѣйше* выстроилъ фронтъ, примкнувъ правымъ флангомъ къ лѣсу, а лѣвый завернувъ двумя плутонгами, немедленно двинулся въ атаку противъ непріятельской конницы. Турки, оставивъ преслѣдованіе гусаровъ, будучи перерѣзаны Астраханцами, сгучились во множествѣ. Гудовичъ, хотя не имѣлъ еще при себѣ пушекъ, продолжалъ наступленіе. Приблизившись на половину ружейнаго выстрѣла къ непріятелю, который уже стрѣлялъ и ранилъ нѣсколько рядовыхъ и двухъ офицеровъ, наши также открыли пальбу плутонгами. Три плутонга *регулярно выстрѣлили*, а четвертый, командиръ котораго при изготовленіи былъ раненъ, открылъ батальный огонь, тотчасъ поддержанный всѣмъ фронтомъ. Непріятель вскорѣ понесъ сильное пораженіе: потерялъ много людей и лошадей, и началъ поспѣшно ретироваться. По поднятіи нѣсколько дыма, Гудовичъ двинулся преслѣдовать Турокъ, послалъ къ гусарскимъ полкамъ приказаніе къ себѣ подвинуться, а изъ двухъ орудій, обошедшихъ уже лѣсъ, началъ метать гранаты, чтобы нанести страхъ непріятельской пѣ-

*) Записка Гудовича. Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1769 году объ этомъ пораженіи Фабриціана умалчиваетъ.

Федоръ Фабриціанъ загладилъ описываемую свою неудачу, въ томъ-же 1769 году, 15-го ноября, разбитіемъ, у Галацъ, многочисленнаго Турецкаго отряда и взятіемъ самыхъ Галацъ. За этотъ подвигъ, былъ онъ, въ чинѣ подполковника, награжденъ (первымъ), орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Онъ скончался въ 1782 году, въ С. Петербургѣ, имѣя чинъ генерала.

хотѣ, противъ которой былъ отправленъ второй баталіонъ. Турки *звѣрски* бросались, съ одними ножами и саблями, на солдатъ Гудовича, но за то тѣмъ сильнѣе понесли потерю и были поражены, такъ что изъ находившейся въ лѣсу ихъ пѣхоты не многіе спаслись. Наши преслѣдовали непріятеля до пушечныхъ выстрѣловъ крѣпости Хотинской, въ которую Турки поспѣшно, чрезъ Днѣстръ, ретировались.

Уронъ, понесенный непріателемъ, — котораго было до 10,000 человекъ, — при непрерывно, четыре часа продолжавшемся огнѣ, долженствовалъ быть *весьма знатенъ* и простирался не менѣе какъ до тысячи человекъ убитыми и ранеными; съ нашей же стороны утрата была весьма незначительна и состояла убитыми въ одномъ капитанѣ, двухъ капралахъ и 15-ти рядовыхъ; ранеными 3 оберъ-офицера и 45 нижнихъ чиновъ.

Во время этого дѣла и вся армія, какъ сказали, снявъ лагерь при Княгининѣ, считая непріятеля весьма сильнымъ, шла на помощь къ авангарду; на походѣ она слышала плутоножные выстрѣлы, но прибыла на мѣсто боя, когда уже дѣло было кончено. По собраніи прежде разсыпанныхъ въ лѣсу двухъ баталіоновъ и по возвращеніи къ нимъ, отнятыхъ было непріателемъ, четырехъ пушекъ, Гудовичъ, съ четырьмя баталіонами, — двумя своего полка и двумя на посту стоявшими, — расположился противъ Хотина, подъ его пушечными выстрѣлами, прикрывъ себя краемъ лѣса, такъ что наши были совершенно скрыты отъ непріятеля, а сами ясно видѣли все происходившее въ крѣпости; Турецкія ядра переносились чрезъ мѣсто стоянки.

Здѣсь провелъ Гудовичъ пятеро сутокъ въ *сухолденіи*, посылая за водой, при наступленіи ночи, за шесть верстъ. Непріатель не дѣлалъ уже болѣе покушеній. Наконецъ, нашъ герой былъ смѣненъ генераль-маіоромъ Каменскимъ *), съ тремя полками.

За этотъ мужественный подвигъ онъ былъ произведенъ, 16-го марта 1770 г., *не по старшинству* **), въ бригадиръ.

*) Михаилъ Федотовичъ, въ послѣдствіи бывшій генераль-фельд-маршаломъ и графомъ.

***) Въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара (XV, 217) и *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (т. IV, 526.) не вѣрно сказано: «по старшинству».

По занятіи Хотина, 9-го сентября, армія возвратилась изъ-за Днѣстра и вступила сперва, въ октябрѣ, на кантониръ-квартиры, а потомъ, въ ноябрѣ, на зимнія квартиры. Но, Гудовичъ, будучи еще полковникомъ, въ исходѣ декабря, былъ отправленъ на Бугъ, къ городу Браสลавлю, командовать отдѣльнымъ деташаментомъ, состоявшимъ изъ четырехъ регулярныхъ полковъ, — своего Астраханскаго пѣхотнаго и трехъ карабинерныхъ, — и двухъ Донскихъ казачьихъ. Здѣсь онъ прикрывалъ лѣвый флангъ первой арміи со стороны Балты, — гдѣ находился главный непріятельскій постъ, — и отъ Бендеръ, и служилъ связью этой арміи со второю.

Между тѣмъ, Императрица, недовольная нерѣшительными дѣйствіями князя Голицына *), назначила на его мѣсто графа Румянцова. Съ этого времени начинаются быстрыя и блистательныя успѣхи нашихъ войскъ.

Румянцевъ еще осенью 1769 года занялъ всю Молдавію, во время зимы овладѣлъ Букарестомъ и значительною частію Валахіи и принудилъ Турокъ очистить весь лѣвый берегъ Дуная.

Въ 1770 году Императрица предположила довершить покореніе областей, лежащихъ на лѣвомъ берегу этой рѣки и утвердиться на немъ. Вторая армія, ввѣренная графу Панину, осадилъ Бендеры, а Первая назначена была для прикрытія осады. Порта надѣялась поправить прошлогоднія неудачи назначеніемъ новыхъ начальниковъ въ своей арміи: великій визирь Молдаванчи, не исполнившій возбужденныя имъ надежды, смѣненъ былъ Халиль-Пашею; а Крымскимъ ханомъ, вмѣсто Девлетъ-Гирея, назначенъ Капланъ-Гирей. Въ то же время Турки усилили свои войска до 250,000,

*) Такъ говоритъ большая часть военныхъ исторій и біографій князя А. М. Голицына. Но, въ *Журналѣ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества* въ 1769 году, подъ 19 октября сказано: что въ этотъ день Голицынъ представлялся Государыни, и «принять былъ Монархиней наймилостивѣйшимъ образомъ съ изъявленіемъ Высочайшаго Ея удовольствія, въ разсужденіи оказанной имъ во всю вышнюю кампанію ревностной и усердной службы, учиненныхъ столь славныхъ непріателю пораженій и знаменитыхъ завоеваній.»

и новому визирю предписано освободить Бендеры, а 80,000 Татарамъ надлежало вторгнуться за Днѣстръ.

До открытія военныхъ дѣйствій главной арміи, происходили дѣла между нашими отрядами. Такимъ образомъ, въ февралѣ мѣсяцѣ Гудовичу, по его рапорту главнокомандовавшему о впадении Татаръ въ Польшу и плѣненіи ими въ мѣстечкѣ Крутыхъ нѣсколькихъ жителей, повелѣно было отправить партіи, для поиска надъ вкрадывавшимся непріателемъ.

Въ слѣдствіе этого, 24-го февраля, посланный имъ разбѣдъ Донскихъ казаковъ, подъ мѣстечкомъ Крутыхъ, съѣхался съ Татарскою партіею, въ 200 человекъ, убилъ изъ нея 10, а прочихъ обратилъ въ бѣгство и освободилъ 9 человекъ, плѣненныхъ ими, Поляковъ; 27-го февраля, другая партія, изъ 50-ти Донскихъ казаковъ, посланная съ подпоручикомъ Астраханскаго полка Кутузовымъ, атаковала 300 Татаръ, покушавшихся напасть на мѣстечко Бертады, разбила ихъ, 25 положила на мѣстѣ и одного взяла въ плѣнъ; 5-го марта, третья партія, изъ 60-ти Тобольскихъ карабинеръ и 70-ти казаковъ, предводимая ротмистромъ Стукаловымъ и тѣмъ же Кутузовымъ, настигла, подъ Татарскимъ селомъ Перелетами, на рѣчкѣ Колимѣ, между Балтою и Егорлыкомъ, 600 человекъ Татаръ, положила на мѣстѣ 46, въ томъ числѣ самого мурзу, полонила одного Татарина, получила въ добычу 60 лошадей и весь военный приборъ убитыхъ и освободила изъ плѣна 70 человекъ, со всеми ихъ пожитками; наконецъ, въ тотъ же день, партія изъ эскадрона карабинеръ и сотни казаковъ, при томъ же ротмистрѣ, соединясь съ сотнею гусаровъ Второй арміи, напала, въ трехъ верстахъ отъ деревни Буди, на лагерь нѣсколькихъ Татарскихъ партій, въ числѣ 3,000 человекъ, вмѣстѣ возвращавшихся изъ Польши, и расположенный на четырехъ-верстномъ пространствѣ, овладѣло всею ихъ обозомъ, гнала Татаръ съ милою за Балту; положила убитыми 236 человекъ, въ томъ числѣ одного султана и двухъ мурзъ; освободила 862 человека Христіанъ и Евреевъ, плѣненныхъ было въ Польшѣ; въ добычу получила 300 лошадей, множество оружія, и отбила много награбленнаго Татарами церковнаго и частнаго имущества; а сама имѣла только ранеными 2-хъ гусаровъ и 4-хъ казаковъ.

Армія Румянцова, въ апрѣлѣ, собиралась противъ Хотина, на лѣвомъ берегу Днѣстра, куда на рандеву пришелъ и Гудовичъ и получилъ бригаду, состоящую изъ двухъ полковъ *). Когда же армія, перейдя, 15-го мая, Днѣстръ, двинулась, 25-го числа, далѣе къ Дунаю, навстрѣчу Туркамъ, онъ велъ вторую колонну **).

28-го мая графъ Румянцовъ достигъ лѣваго берега Прута, а между тѣмъ верховный визиръ, начавши также наступательныя дѣйствія, прибылъ въ Исакчу; но, не нашедъ средства перейти черезъ Дунай, по причинѣ разлитія рѣки, переправилъ на лѣвый берегъ только 10,000 отрядъ, который, соединясь съ Татарами, пошелъ къ Пруту, для освобожденія Бендеръ. Крымскій ханъ, усилившись до 80,000, расположился въ укрѣпленномъ лагерѣ за рѣкою Ларгою. Графъ Румянцевъ, узнавъ объ этомъ и желая разбить хана, прежде нежели подойдетъ къ нему на помощь верховный визиръ, рѣшился напасть на Татаръ. 7-го іюля произошло знаменитое сраженіе, гдѣ 18,000 Русскихъ побѣдили въ нѣсколько разъ многочисленнѣйшаго непріятеля.

Гудовичъ, со своею бригадою, находился во второй дивизіи арміи, бывшей подъ командою генераль-поручика Племянникова, которая составляла особый корпусъ, долженствовавшій атаковать лѣвое крыло непріятельской позиціи, примыкавшее къ рѣкѣ Пруту ***).

*) Росписаніе полковъ арміи по дивизіямъ и бригадамъ послѣдовало 13-го мая.

***) Такъ говорятъ самъ Гудовичъ; но въ диспозиціи марша, утвержденной главнокомандовавшимъ 14-го мая (Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1770 году), которою предписано арміи *маршировать* по-взводно въ 7 колоннъ, о второй сказано: «овую составляетъ бригада господина генераль-маіора Вейсмана, парк артиллеріи скрытъ (съ крыльевъ?) подъ н° 1 и 2-мъ, а бригада бригадира Гудовича замыкаетъ. Муромскій полкъ слѣдуетъ напередъ, за онымъ Бутырской, потомъ парк артиллеріи скрытъ, подъ н° 1 и 2-мъ, за оными первый Московскій, а Астраханскій замыкаетъ колонну; она маршируетъ въ первой линіи слѣва, вторая линія справа.»

****) Племянниковъ получалъ отъ главнокомандовавшаго особый ордеръ, который мы приводимъ, такъ какъ онъ касается и до на-

Племянниковъ раздѣлилъ свой корпусъ на два каре: однимъ предводительствовалъ онъ самъ, имѣя подѣ командою генераль-маіора Гротенгельма и бригадира Гудовича, другой поручилъ въ команду генераль-маіору Замятину.

Войскамъ этимъ надлежало прежде всего набросать *портативные* мосты на Ларгѣ; но какъ ихъ приходилось кидать подѣ непріятельскими пулями, то нашъ герой, поскакавъ впередъ, перешелъ чрезъ рѣку, съ однимъ офицеромъ,

шого героя (Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества, 1770 года, подѣ 6-мъ іюля).

«Изъ приложенныхъ у сего диспозицій и плана къ атакѣ предстоящаго намъ непріятели Ваше Превосходительство изволите увидѣть, что особливою назначивается корпусъ отъ правой нашей стороны, чтобѣ ударить ему на лѣвое непріятельское крыло тогда, какъ армія съ прочими корпусами будетъ его атаковать въ правый флангъ. Сей постъ какъ преимущественнаго есть уваженія, и что отъ храбрости и искусства предводителя опредѣленной къ тому части войскъ зависѣтъ будетъ и облегченіе дѣйствій арміи и споспѣшествованіе само и надѣ непріятелемъ побѣды за владѣніемъ его лагеря: то первенство и достоинство ваши, толь праведно отличающія васъ между искусными генералами опытами и самымъ временемъ службы, преклонили мой выборъ составить сей корпусъ изъ дивизіи вашей, къ которой опредѣляется еще одинъ баталіонъ егерей подполковника Фабриціана, шесть эскадроновъ кавалерійскихъ отъ корпуса генераль-квартирмейстера Боура и часть легкихъ войскъ. Ожиданію моему есть надежною порукою извѣстная ревность Вашего Превосходительства къ славѣ оружія Ея Императорскаго Величества, что вы не упустите минуты пойтить атаковать и все то произвестъ надѣ непріятелемъ, что предѣоставлено въ диспозиціи дѣйствію того корпуса, котораго ввѣрю вамъ предводительство. Само по себѣ разумѣется, коль славно будетъ новое раченіе ваше къ службѣ, есть ли ваше Превосходительство усерднымъ и благовременнымъ содѣйствіемъ съ своей стороны нанесетъ ужасъ и вредъ непріятелю, захвативъ его лагерь и ударяя напротиву стоящихъ или бѣгущихъ прочь; что будетъ дѣломъ вашего искусства и предъусмотрѣнія, и въ чемъ съ полною надеждою я на васъ полагаюсь. Сообщите, Ваше Превосходительство, господамъ Генераламъ и Бригадирамъ, подѣ вашею командою находящимся, сіе мое предѣопредѣленіе, увѣривъ каждого изъ нихъ, что я добрую и къ нимъ надежду имѣю, что они будутъ вамъ лутчими помощниками въ предлежащемъ дѣлѣ, коль успѣхъ оваго послужитъ къ знаменитости ихъ усердія и заслугъ предѣ нашею всемилостивѣйшею Государынею.»

и открылъ, что воды было только по колѣно, и предложилъ Племянникову переправиться поспѣшно въ бродѣ, съ пѣхотою и конницею, чтобы, такимъ образомъ, понести менѣе урону отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и, перейдя рѣку, остановиться подѣ крутою горою, пока не будутъ всѣ пушки переправлены. Это было исполнено, и непріятель, имѣвшій на лѣвомъ флангѣ батарею изъ 15-ти орудій, не могъ уже намъ вредить; но конница Турецкая пыталась два раза захватить насъ въ тылъ, переѣхавъ Ларгу, когда еще не всѣ наши орудія были на другой сторонѣ. Однако, наши такъ близко стояли къ Пруту, что Турки не могли иначе двигаться, какъ на половинѣ ружейнаго выстрѣла, и потому оба раза были опрокинуты картечью, изъ гаубицъ, поспѣшно перевезенныхъ чрезъ рѣку *).

Такимъ образомъ, Племянниковъ *весьма благовременно подоспѣлъ*, съ своимъ корпусомъ, къ лѣвому флангу непріятельскому, гдѣ было четвертое отдѣленіе Турецкаго лагеря, укрѣпленіемъ превосходившее остальные три: шанцы, батареи, глубокіе рвы и самая утесистая гора, на которой эти укрѣпленія были построены, заграждали къ нему доступъ.

Войска корпуса Племянникову преодолѣвъ всѣ трудности, подѣ выстрѣлами своихъ батарей, выдерживая огонь орудій непріятельскихъ, отразили многократныя нападенія на свой фронтъ при восхожденіи на гору и принудили Турокъ, покинувъ неснятый лагерь, весь обозъ и пушки, ретироваться. Но Турки покушались сопротивляться даже и тогда, когда наши были уже въ ретраншаментѣ, такъ что у Племянникова продолжалась еще пальба, когда въ остальныхъ частяхъ арміи огонь уже былъ прекращенъ, потому что графъ Румянцевъ, опрокинувъ правый флангъ и средину непріятели, принудилъ его, покинувъ лагерь, также спастись бѣгствомъ.

Сверхъ *прославившихся примѣрнымъ мужествомъ* генераловъ, командовавшихъ отдѣльными корпусами, Племянникова, князя Рѣпина и Боура, въ спискѣ чиновъ, которые *довольно отличили себя* въ этомъ дѣлѣ *своими поступками и неустрашимостью противъ непрі-*

*) Записки Гудовича. Въ Журналъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1770 году этого нѣтъ.

телл, стояли генераль-маіоры Замятинъ и Гротенгельмъ, бригадиръ Гудовичъ, генераль-маіоръ Потемкинъ, бригадиръ Ржевскій, подполковники графъ Воронцовъ, князь Меншиковъ и нѣсколько другихъ, въ послѣдствіи громкихъ, именъ, какъ-то: Кутузовъ, Михельсонъ, Ферзенъ, Ласси и проч.

Гудовичъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Этотъ же орденъ, только за полгода предъ тѣмъ установленный, получили: 1-го класса—Румянцевъ, 2-го—Племянниковъ, Рѣпинъ и Боуръ, и 3-го—генераль-маіоры: Вейсманъ, Замятинъ, Гротенгельмъ, Потемкинъ, князь Трубецкой и бригадиръ Ржевскій, и 4-й степени — 9 штаб-офицеровъ.

Верховный визирь съ ужасомъ узналъ въ Исакчи о происшедшемъ подъ Ларгою, но не унылъ духомъ; напротивъ, онъ поставилъ войскамъ своимъ на видъ, что поражение ихъ невѣрными было ниспослано свыше, за несоблюдение ими военного порядка и за сопротивление подчиниться правиламъ военного искусства, которыя доставили Русскимъ столь блистательную побѣду, и обѣщаль отмстить поражение въ первомъ сраженіи. Ровно чрезъ двѣ недѣли послѣ Ларгской битвы, сраженіе послѣдовало, и опять увѣнчало славою Румянцова и доставило случай къ отличію Гудовича.

Главнокомандовавшій, стоявшій на рѣкѣ Сальчѣ съ главными силами, узнавъ о движеніи непріятеля и опасаясь за дивизію князя Репнина и авангардъ генерала Боура, которые стояли влѣво отъ Кагула, 17-го іюля, выступилъ къ нимъ на встрѣчу.

Армія наша имѣла провіанту только до 21-го числа, потому графъ Румянцовъ, для лучшаго подкрѣпленія и прикрытія транспортовъ съ нимъ, послалъ генераль-маіора Глѣбова — съ 5-ю полками тяжелой кавалеріи, графа Подгоричани — съ 3-мя гусарскими полками, Потемкина — съ 4-мя баталіонами гренадеръ, и Гудовича — съ двумя тысячами пѣхоты, составленными изъ всѣхъ пикетовъ арміи, съ 6-ю штаб-офицерами и 15-ю пушками *).

*) Журналь дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года подъ 17-мъ іюля. Гудовичъ въ своей запискѣ это относитъ къ 19-му числу.

Во время этой командировки, Гудовичъ, получивъ извѣстіе, что ханъ Крымскій посланъ, со всеми своими ордами *)), зайти въ тылъ арміи нашей, подвинулся было, съ своимъ деташаментомъ, къ рѣкѣ Зальчѣ, куда приближался и генераль-маіоръ Глѣбовъ (у котораго онъ не былъ въ командѣ), съ пятью эскадронами карабинеръ. 20-го числа подошелъ къ Гудовичу, по другую сторону рѣки Зальчи, и ханъ со всеми ордами. Но какъ нашъ герой, — по его словамъ, — *имѣлъ положеніе авантажное, на высотахъ*, то непріятель и не смѣлъ въ тотъ день переправляться, а пускалъ только стрѣлы по пикетамъ.

Гигантскій планъ верховнаго визиря Халиль-Бея, перешедшаго Дунай, близъ восточнаго берега озера Кагула, состоялъ въ томъ, чтобы уничтожить малочисленную армію Румянцева, пробраться къ Хотину, присоединить къ своимъ полчищамъ конфедератовъ и перенести театръ войны правымъ крыломъ въ Россію, а лѣвымъ въ Польшу. 20-го іюля Турки заняли лагерь на лѣвой сторонѣ устья Кагула, впадающаго въ Дунай, между тѣмъ какъ Крымскій ханъ Капланъ-Гирей стоялъ за рѣкою Ялтухомъ.

Всякъ можетъ представить легко себѣ, — говоритъ официальное извѣстіе о войнѣ **), — *въ какомъ критическомъ положеніи* была, по этимъ обстоятельствамъ, армія: *пропитаніе войску давали послѣдніе уже крохи*; визирь, со сто пятьюдесятью тысячами, былъ *въ мщѣ*, а ханъ, со ста тысячами, *облегалъ стину* и всѣ провіантскіе транспорты. *Великаго духу* надобно было, чтобы выйти только изъ этихъ трудностей; но наша армія, — по тому же выраженію, — нашла его въ своемъ предводителѣ, который *умѣлъ оную опасность обратить въ величайшую славу*.

Имѣя подъ ружьемъ не болѣе семнадцати тысячъ человекъ, но *дознавши* въ это лѣто не разъ мужество предводительствуемыхъ имъ войскъ, графъ Румянцевъ *рѣшился разторгнуть приоттоленные на насъ спити, упредительною, съ своей стороны, атакою непріятельскою*

*) Гудовичъ полагалъ численность ихъ въ 37,000 человекъ.

**) Журналь дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подъ 18 и 19 іюля.

великочисленной арміи. Полный успѣхъ увѣнчалъ такую рѣшимость.

Мы говоримъ о побѣдѣ Кагульской, 21-го іюля. Кто не слышалъ о ней? Гудовичъ не имѣлъ чести *прямо* въ ней участвовать, хотя и славно въ ней вспомоществовалъ арміи.

При наступленіи ночи 20-го іюля, Гудовичъ получилъ повелѣніе отъ главнокомандовавшаго, подвинуться къ арміи, прикрыть оставленные обозы и не допустить хана Крымскаго атаковать насъ въ тылъ, во время нападенія главныхъ силъ.

По этому нашъ герой, стоявшій безъ лагеря, поспѣшно, но *тихимъ самымъ образомъ*, двинулся къ арміи и, на разсвѣтѣ, остановился верстахъ въ двухъ отъ обоза, гдѣ и занялъ надлежащую позицію. Ханъ Крымскій, *прославши*, — по словамъ Гудовича, — это его удаленіе, и услыша канонаду, отправилъ Татаръ, какъ къ обозу, такъ и въ тылъ арміи. Но Гудовичъ, испросивъ у генераль-маіора Глѣбова три эскадрона карабинеръ, атаковалъ Татаръ, опрокинулъ ихъ пушечными и ружейными выстрѣлами, и не допустилъ напасть на тылъ арміи, отъ которой, постепенно приближаясь, во время наибольшаго разгара битвы, находился не далѣе трехъ верстъ.

По одержаніи этой побѣды, — одной изъ блистательнѣйшихъ, доставившей Румянцову фельдмаршалскій жезлъ и поставившей имя его на ряду съ первыми полководцами вѣка, — Гудовичъ провелъ еще день недалеко отъ вагенбурга. По прибытіи же его къ арміи, главнокомандовавшій изъявилъ ему свою благодарность *), *съ сожалѣніемъ*, что, въ его отсутствіе, бригада, имъ командуемая, понесла *великій уронъ* въ людяхъ, а особенно Астраханскій полкъ, на который было первое и главное стремленіе

*) Въ Журналѣ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подъ 24-мъ іюля, сказано, что графъ Румянцовъ *свидѣтельствовалъ свое удовольствіе и благодареніе предводителю* корпуса, посланнаго на встрѣчу транспорту, генераль-маіору Глѣбову; такъ какъ и прочимъ командирамъ, *подъ его начальствомъ бывшимъ*, графу Подгоричани, Потемкину, князю Трубецкому и Гудовичу, за то, что «они подъ своею стражою сохранили пропитаніе арміи, и отразили усильныя стремленія Хана Крымскаго, который, во время атаки нашей на Везирскую армію, искалъ схватить нашъ тылъ и разбить обозы.»

непріятельскихъ *далкалычей*, сражавшихся съ одними пистолетами и саблями. Астраханскій полкъ, ходившій въ штыки, потерялъ одними убитыми 340 чел. самыхъ лучшихъ людей *). За свой подвигъ Гудовичъ получилъ Высочайшее благоволеніе.

Ужась, наведенный на Турокъ блистательною побѣдою, былъ такъ великъ, что, вслѣдъ за нею, Репнинъ, 26-го іюля, овладѣлъ, безъ всякаго сопротивленія, Измаиломъ, а потомъ, 21-го августа, Киліею; но, что еще важнѣе, Буджацкіе Татары объявили себя независимыми отъ Порты.

Въ половинѣ августа главнокомандовавшій отправилъ Гудовича, съ одними разбитыми его Астраханцами, на Прутъ, къ Фальчѣ, для укомплектованія полка **).

Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Румянцовъ получилъ извѣстіе, что Турецкій паша, съ 6,000, остановился по сю сторону Серета, въ селѣ Брашешти, ожидая остальнаго своего войска, за нимъ слѣдовавшаго, и что непріятель забираетъ всѣхъ христіанъ и намѣренъ напасть на Яссы. Это извѣстіе, вмѣстѣ съ желаніемъ приготовить мѣры къ занятію всего пространства отъ Прута до Олты, — чего до того времени сдѣлать нельзя было, — равно какъ и въ исполненіе требованій графа Панина, осаждавшаго Бендеры, о подкрѣпленіи его, на случай неудачи въ предпринимаемомъ имъ штурмѣ, побудило генераль-фельдмаршала отрядить отъ арміи генераль-поручика графа Брюса ***), со второю дивизіею,

*) Записка Гудовича. Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подъ 21-мъ іюля, показываетъ, во всей арміи нижнихъ чиновъ убитыхъ: унтеръ-офицеровъ и капраловъ 6, барабанщиковъ и флейщиковъ 5, кирасиръ и карабинеръ 19, гусаръ 6, гренадеръ 15, мушкатеръ 286, полевой артиллеріи 5, полковыхъ артиллерійскихъ служителей 3, фурлетовъ и погонщиковъ 3, донскихъ казаковъ 2, всего триста пятьдесятъ три; безъ вѣсти пропавшихъ рядовыхъ 9, фурлетовъ 2, и раненыхъ 550 человекъ, въ томъ числѣ мушкатеровъ 207.

**) Такъ говоритъ самъ Гудовичъ въ своей запискѣ. Но, по Журналу военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества, 1770 года, подъ 17-мъ августа, прямо говорится о поступленіи Астраханскаго полка въ корпусъ графа Брюса.

***) Графъ Яковъ Александровичъ, въ послѣдствіи бывшій главнокомандовавшимъ въ С. Петербургѣ и скончавшійся въ 1791 году, въ чинѣ генераль-аншефа.

состоявшею изъ 5-ти пѣхотныхъ полковъ: Перваго Московскаго, *Астраханскаго*, Бутырскаго, Муромскаго и Четвертаго гренадерскаго. Походу этого корпуса предназначены двѣ главныя цѣли, взаимное преимущество которыхъ могло опредѣлить только время и будущія обстоятельства; именно: Брюсъ могъ служить подкрѣпленіемъ Второй Арміи, если бы то понадобилось, и быть употребленнымъ для выбитія непріятеля отъ Серета, при покушеніи Турокъ на разореніе Молдавіи. На случай послѣдняго обстоятельства, какъ наиболѣе требовавшаго осторожности, предписано генералъ-поручику итти къ Фалчѣ, принять въ свою команду какъ находившагося тамъ полковника Каковинскаго, такъ и полки пѣхотные Низовскій и Бѣлозерскій и карабинерный Рижскій, слѣдовавшіе въ Романъ, подъ начальствомъ полковника Броуна, и распространять поискъ и бдѣніе на ту сторону Серета. Этотъ постъ предписано ввѣрить въ команду генералъ-маіору Глѣбову. Если бы, сверхъ ожиданія, непріятель старался пройти въ Молдавію, то, оставивъ при Фалчѣ одинъ баталіонъ, графъ Брюсъ, съ прочими войсками, долженъ былъ встрѣтить Турокъ и не допустить до впаденія въ княжество.

По просьбѣ графа Брюса, генералъ-фельдмаршалъ назначилъ Гудовича командовать у него бригадою.

Вскорѣ обнаружилась необходимость исполнить второе предназначеніе корпуса: Турецкія войска, собранныя у Браилова и Фокшанъ, угрожали впаденіемъ въ Молдавію, и графъ Румянцовъ, 31-го августа, повелѣлъ графу Брюсу переправиться, при Фалчѣ, черезъ Прутъ и слѣдовать къ мѣстечку Текучу, лежащему на рѣкѣ Барладѣ, а деташаментъ генералъ-маіора Глѣбова подвинуть къ Лунка-Маркъ и, *непримѣтнымъ образомъ*, расположить его въ самой конечности горъ и лѣсовъ, гдѣ начинается уже плоскость.

Такое обостороннее движеніе по Серету главнокомандовавшій предопредѣлилъ съ намѣреніемъ, чтобы графъ Брюсъ, показавшись къ этой рѣкѣ, *упражнялъ* своимъ видомъ непріятеля, находившагося въ Фокшанахъ, а генералъ-маіоръ Глѣбовъ, въ то же время, обойдя по другому берегу, внезапно атаковалъ Турокъ съ той стороны, откуда они не могли ожидать на себя нападенія.

Графъ Брюсъ, 1-го сентября, перешелъ черезъ Прутъ и занялъ Фокшаны. Наши легкія войска имѣли въ окрестностяхъ этого города нѣсколько схватокъ съ Турками, которые *побѣжали* къ Браилову.

Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Брюсъ занемогъ и принужденъ былъ оставить команду, а Гудовичъ, какъ старшій, повелѣлъ корпусъ къ Серету и, при урочищѣ Максимены, по понтоннымъ мостамъ, переправился на правый берегъ этой рѣки. Черезъ два дня сюда также пришелъ съ войсками генералъ-маіоръ Глѣбовъ и, по приказанію главнокомандовавшаго, принялъ начальство надъ корпусомъ за Прутомъ.

Глѣбовъ 26-го сентября пришелъ подъ Браиловъ и обложилъ крѣпость, на сколько позволяли силы, потому что въ корпусѣ находилось не болѣе 5,000 человекъ. Осада продолжалась ровно мѣсяць, и во все это время Гудовичъ находился, по очереди, въ сдѣланныхъ апрошахъ, и отражалъ сильныя непріятельскія вылазки. Замѣчательнѣйшее изъ его дѣйствій было слѣдующее:

4-го октября, непріятель, усилившись перевезенными изъ-за Дуная свѣжими войсками, сдѣлалъ, послѣ большой канонады, вылазку, по обыкновенію, съ *великимъ* крикомъ и стремленіемъ. Для прикрытія батарей находился тогда 4-й гренадерскій полкъ и Муромскій баталіонъ; а Бѣлозерскій стоялъ въ резервѣ. По первому *признаку* нападенія, Глѣбовъ послалъ на подкрѣпленіе къ нашимъ Гудовича съ 1-мъ Московскимъ полкомъ и другимъ баталіономъ Бѣлозерскаго. Когда нашъ герой прибылъ на мѣсто, непріятель уже сражался съ гренадерскимъ полкомъ, удержавшимъ первое нападеніе. Примѣтивъ, что Турки покушаются зайти влѣво ложемента, онъ тотчасъ отправилъ: полковника Бороздина съ полкомъ встрѣтить ихъ, опрокинуть и, если возможно, вмѣстѣ съ ними, ворваться въ городъ; полковника Тальцина, съ командою — прямо *въ лицо* непріятелю, а полковника Ушакова — вправо; наконецъ, секундъ-маіора Люиза съ половиною баталіона — секурсировать лѣвый флангъ по берегу, куда также отправлены: полковникъ Салтыковъ — какъ бригадный командиръ, и полковникъ Броунъ съ Низовскимъ полкомъ.

Все это было исполнено съ твердостію духа и поспѣшностію. Непріятель бросился назадъ, съ такимъ же стремле-

ніемъ, съ какимъ прежде наступалъ, и, подъ прикрытіемъ картечнаго и ружейнаго огня съ крѣпости, вскакалъ въ свои палисады. Наши не успѣли ворваться въ крѣпость, хотя полковники и многіе подчиненные имъ офицеры съ *неизрѣчною* храбростію старались это сдѣлать, не щадя крови и жизни. Непріятель, отъ нашихъ перекрестныхъ картечныхъ выстрѣловъ, ружейнаго огня и штыковъ, понесъ большой уронъ.

Въ то же время конница Турецкая сдѣлала вылазку, въ числѣ 1000 человекъ, съ намѣреніемъ ударить въ тылъ нашей пѣхотѣ, но также отбита нашею кавалеріею.

Глѣбовъ, отдавая справедливость отличившимся въ этомъ дѣлѣ, первымъ изъ нихъ поименовывалъ Гудовича, который, *съ отмынною твердостію духа и благоразуміемъ*, распорядился до его прибытія къ мѣсту сраженія *).

Гарнизонъ вообще сопротивлялся мужественно, будучи сильно подкрѣпленъ вспомогательными войсками изъ крѣпости Мачина. Въ ночи на 24-е октября сдѣланъ былъ приступъ, въ которомъ участвовалъ и Гудовичъ. Одна изъ четырехъ атакующихъ колоннъ перешла было палисاديруемый ретраншаментъ и приставила уже къ стѣнѣ лѣстницы, но, безъ содѣйствія прочилъ колоннъ, потерявшихъ почти всѣхъ своихъ начальниковъ, должна была уступить чрезвычайнымъ усиліямъ Турокъ, и ретироваться, вмѣстѣ съ другими, въ свои траншеи.

Неудача этого штурма, потеря на немъ: убитыми 491 и ранеными 1340 человекъ**), изъ небольшого и до того числа войскъ, и прибывшая къ непріятелю помощь, въ 6000 человекъ, когда у насъ число людей оставалось крайне недостаточнымъ для продолженія осады, — все это побудило Глѣбова, по общему совѣту бригадныхъ командировъ,

*) Рапортъ генераль-маіора Глѣбова къ графу Румянцову, помѣщенный въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подъ 8-мъ октября.

**) Рапортъ генераль-маіора Глѣбова главнокомандовавшему, въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подъ 26-мъ октября; по Запискѣ Гудовича мы потеряли 1,800 человекъ.

отойти къ урочищу Максиминамъ, при впаденіи рѣки Буга въ Сереть, и тамъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія.

Отправленные къ Бухаресту войска, подъ начальствомъ Каковинскаго, услышавъ объ отступленіи нашихъ изъ—подъ Браилова, также остановились въ своемъ походѣ. Главнокомандовавшій, убѣжденный въ необходимости удержать до конца кампаніи пріобрѣтенную Русскими поверхность, усилилъ генерала Глѣбова и приказалъ ему непременно пойти вновь къ Браилову.

Въ то же время, для усиленія отряда Каковинскаго, графъ Румянцовъ отправилъ новый деташаментъ и команду надъ всѣмъ соединеннымъ корпусомъ поручилъ Гудовичу, предписавъ ему *идти прямо* на державшагося въ *Валахіи непріятеля* и овладѣть Бухарестомъ *).

Подъ этимъ городомъ стояло 8,000 Турокъ, которыми начальствовалъ сераскиръ.

Войско, порученное Гудовичу, состояло изъ участвовавшихъ въ штурмѣ Глѣбова двухъ гренадерскихъ баталіоновъ и Апшеронскаго пѣхотнаго полка, *въ маломъ комплектѣ*, Ахтырскаго гусарскаго полка, имѣвшаго только до полтораста человекъ на коняхъ, двухъ полковъ Донскихъ казачьихъ, въ томъ числѣ Иловайскаго, — бывшего послѣ Донскимъ атаманомъ. Присоединенный къ этимъ силамъ прежній деташаментъ полковника Каковинскаго состоялъ изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, съ пушками, двухъ Донскихъ казачьихъ полковъ и нѣсколько худо вооруженныхъ арнаутовъ.

Гудовичъ двинулся въ Валахію послѣшно, форсированными маршами, безъ растаговъ, имѣя *весьма мало* провіанта: не было возможности отпускать сухарей болѣе трехъ-четвертей фунта на человека; но, этотъ недостатокъ въ хлѣбѣ отчасти дополняла мясомъ изъ скота, взятаго на пути.

Показывая примѣръ къ перенесенію трудностей, нашъ герой раздѣлялъ скудную пищу наравнѣ съ солдатами, довольствуясь и самъ ежедневно нѣсколькими сухарями.

*) Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1770 году, подъ 1-мъ ноября; въ Запискѣ Гудовича сказано, что онъ отряженъ на другой день послѣ штурма Браилова.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилоствѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много-милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неуспѣшно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непремѣннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣтательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любозытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, доннынѣ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ ночили въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но раружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четверку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе cadaго года иллучитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ф. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградою Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ cadaго года будетъ обнародывать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакции къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нерѣдко драгоцѣнные, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Цицианова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготавливаются жизнеописанія *) генералъ-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Барятинскаго, П. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Катенина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Пауллуччи, Торماسова, князя Гагарина, И. М. Лабынцева, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. П. Вольнскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — О. И. Соймонова, генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтзева, Булгакова, Текелли, Якоби, Небольсина, Бибикова, графа Баранова, Кнорринга, Портягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Кюге-фонъ-Кюгенау, Суслова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣльскаго, князей Эрстовыхъ и Орбельяновъ, Бебутовыхъ и Андронниковыхъ, генераловъ Раевскаго и Рудановскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; генералъ-аншефа князя И. О. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гринквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хруцова, генерала Адлерберга, воеводу Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Вравкена, Канера, Годлевскаго, Альбранта, Малиновскаго, Индреніуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадалинскаго, майора Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшего на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго: барона Медема — генерала времени Екатерины II, адмирала Пустошкина, есаула Ляпина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николаи, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ, безсмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Маяюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Ефрема, патриарховъ-каволикосовъ Армено-Грегорианской Церкви Ефрема, Іоаннеса и Нарсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготавливаемымъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе въ скорпѣйшемъ времени, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности: но изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятеленъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, падшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоцѣннѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, происшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Маіоръ С.-Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. С. Петербургъ, марта 17-го дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 19-й, 20-й, 21-й и 22-й.

Жизнеописание генералъ-фельдмаршала графа Гудовича. (Окончание). — Троянъ.

Приложенія: Портретъ генералъ-фельдмаршала Графа Гудовича. — Смерть князя Цицианова. — Укрѣпленіе Вуланъ. — Видъ лагеря при урочищѣ Мичи-Кале. — Развалины замка царицы Тамары. — Гвардейская поляна по рѣкѣ Абицу предъ ауломъ Бгана-Хабль.

Благодарительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

Графъ Иванъ Васильевичъ
ГУДОВИЧЪ.

Подойдя къ Ялолицы, Гудовичъ въ одномъ крѣпкомъ монастырѣ помѣстилъ обозъ и больныхъ, подѣ прикрѣпленіемъ донскаго полка Иловайскаго, а перейдя рѣку, на лѣвомъ берегу, въ небольшомъ тетъ-де-понѣ оставилъ 50 человѣкъ пѣхоты. Двинувшись далѣе, онъ, не доходя 20-ти верстъ отъ Бухареста, предпринялъ лично рекогносцировку; которую открылъ дефиле, находившуюся въ пяти верстахъ отъ тогдашняго расположенія лагеря. Въ ту же ночь это дефиле было занято баталіономъ пѣхоты съ пушками, а рано утромъ, 14-го ноября, и самъ Гудовичъ, съ остальными войсками, прошелъ ущелье. Ожидая нападенія, онъ всѣ остальные повозки обоза, находившіяся еще при полкахъ, расположилъ вагенбургомъ въ двухъ верстахъ вправо отъ дороги, столь скрытно, что не только непріятелю, но и своимъ не было извѣстно, гдѣ они находятся.

Отрядъ на-легкѣ выступилъ къ Бухаресту и едва успѣлъ отойти двѣ версты отъ дефиле, какъ былъ встрѣченъ Турками, въ намѣреніи препятствовать авангарду войти въ лѣсъ, простиравшійся верстъ на 10 по дорогѣ и оканчивавшійся версты за 4 отъ Бухареста. Гудовичъ построилъ три густыя колонны: первую изъ баталіона полковника Толстова, вторую—изъ Апшеронскаго полка и Муромскаго баталіона подѣ командою полковника Колюбакина, а третью—изъ Тенгинскаго и Сборнаго полка подѣ начальствомъ полковника Каковинскаго, и велѣлъ имъ двинуться послѣдовательно одна за другою. Турки пользовались каждою встрѣчавшеюся поляною и вступали въ дѣло съ нашими легкими войсками; но всегда прогоняемы были пѣхотою и, наконецъ, лишившись нѣсколькихъ десятковъ людей и потерявъ два знамени, поспѣшно покинули лѣсъ.

Какъ скоро наши вышли изъ лѣсу, Гудовичъ тотчасъ отправилъ подполковника Толстова съ его баталіономъ и двумя единорогами и пушкою, при капитанѣ Карауловѣ, для занятія высоты, съ которой открывался мостъ и за нимъ лагерь непріятельскій, расположенный по другую сторону рѣки. Турки начали немедленно пальбу изъ шести небольшихъ пушекъ и старались зажечь мостъ. Гудовичъ приказалъ: капитану Караулову,—оставаясь на высотѣ,—стараться сбить непріятельскія орудія; подполковнику Толстову — съ его баталіономъ идти прямо на мостъ и ат-

таковать его; полковнику Колюбакину — съ своею пѣхотою двинуться вправо подлѣ лѣса дощиною и, перейдя плотину, напасть съ боку, а полковнику Каковинскому—построясь, прикрывать нашу батарею и подкрѣплять подполковника Толстова. Непритель увидѣлъ эти распоряженія, и какъ нѣсколько бомбъ, брошенныхъ капитаномъ Карауловымъ, попало въ средину его конницы, *побѣжалъ опрометью*, вправо отъ города, по Журжинской дорогѣ. Посланная за бѣгущими конная наша партія не могла ихъ догнать, по причинѣ изнуренія лошадей и испорченнаго моста. Это способствовало и спасенію непріятельскихъ пушекъ.

Гудовичъ немедленно отправилъ въ Бухарестъ полковника Колюбакина съ двумя баталіонами гренадеръ, чтобы занять тамъ крѣпкіе монастыри, командующіе городомъ, а самъ, съ баталіономъ подполковника Камопанова, двинулся къ монастырю Вакарештъ, при которомъ непритель имѣлъ свой лагерь и сѣнные амбары; но Турки не дождались нашихъ и въ этомъ крѣпкомъ мѣстѣ зажгли сѣно и ушли. Гудовичъ, пройдя городъ, расположился лагеремъ.

Турокъ подѣ Бухарестомъ находилось, по объявленію плѣнныхъ, до 5,000 человѣкъ съ 9-ю пушками; ими предводительствовалъ паша Ромели-Валиси. Уронъ непріятеля былъ значителенъ, въ плѣнъ же взято только 6 человѣкъ. Съ нашей стороны убитъ 1 арнаутъ и ранены 1 оберъ-офицеръ и 5 нижнихъ чиновъ.

Трофеями побѣдителей были 4 знамени и 2 пушки. Въ Бухарестѣ найдены также непріятельскіе магазины, весьма тогда нужные для продовольствія корпуса: 7,000 четвертей хорошей пшеничной муки, 2,000 четвертей пшеничныхъ сухарей и 3,000 четвертей ячменя *).

Бухарестскіе жители, которыхъ Турки *рубил* и въ самый день прихода Гудовича, приняли наше войско съ *неслыханною* радостію и восклицаніями. Господаръ же ушелъ съ непріятелемъ и забралъ съ собою бояръ.

*) Это количество провіанта показывается Гудовичемъ въ Запискѣ о своей службѣ; но въ рапортѣ его Румянцову, помѣщенномъ въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1770 года, подѣ 19-мъ ноября, упоминается только объ *около* 5,000 четвертяхъ.

Нашъ герой, при этомъ случаѣ, свидѣтельствовалъ о мужествѣ и храбрости полковниковъ Каковинскаго, Колюбакина и Пищевича, подполковниковъ Толстова — особенно отличившагося — и Калипанова; капитановъ Шидловскаго, Петра Кутузова и Врангеля, квартирмейстера Рославцова, и *отмѣнныхъ и храбрыхъ наездниковъ*: арнаутскаго поручика Антонова, — который, будучи раненъ, всегда былъ изъ первыхъ; Кизлярскихъ дворянъ двухъ братьевъ Ивановъ Горичевъ, изъ которыхъ одинъ закололъ байрактора и взялъ знамя; Абрама Богданова, сотничьяго сына Ивана Пропевича, также овладѣвшаго знаменемъ, и войсковаго товарища Скаржинскаго.

За этотъ блистательный подвигъ Гудовичъ, по реляціи генераль-фельдмаршала, награжденъ былъ, 4-го декабря 1770 года, чиномъ генераль-маіора, по старшинству, въ комплектъ, состоявшій тогда по арміи въ 51-мъ генераль-маіорѣ.

Около половины декабря мѣсяца, расположивъ корпусъ по квартирамъ, Гудовичъ созвалъ Валахскихъ бояръ, удалившихся отъ Турокъ, въ Трансильванію и учредилъ диванъ.

Вслѣдъ за тѣмъ генераль-фельдмаршалъ, увѣдомивъ нашего героя, что какъ его корпусъ, такъ и еще нѣсколько полковъ, съ двумя генераль-маіорами — барономъ де-Молино и Грстенгельмомъ, были имъ ввѣрены въ команду генераль-аншефа Олицъ *), который долженъ былъ расположиться на зиму въ Валахіи, пригласилъ Ивана Васильевича, сдавъ начальство, пріѣхать къ себѣ въ Яссы, для полученія нѣкоторыхъ личныхъ наставленій.

Отдавая справедливость воинскимъ его доблестямъ, графъ Румянцовъ, въ теченіе десяти сутокъ, проведенныхъ Гудовичемъ въ Яссахъ, снабдилъ его наставленіями и, около по-

*) Петръ Ивановичъ Олицъ, товарищъ Румянцова во время Семилѣтней войны, раненый на Цорндорфскомъ сраженіи и въ битвѣ при Франкфуртѣ, участвовалъ въ побѣдахъ Задунайскаго надъ Турками и, какъ скоро увидимъ, скончался въ Бухарестѣ на рукахъ нашего героя. Онъ названъ, безъ сомнѣнія, отъ опечатокъ, въ біографіяхъ Гудовича: въ *Энциклопедическомъ Лексиконѣ* Плюшара (XV, 217) — Олшеромъ, а въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд., IV, 526) — Олжуромъ.

ловины января 1771 года, отправилъ обратно, для донесенія словесно Олицу о своемъ желаніи, чтобы до начатія кампаніи крѣпость Журжа была *схвачена*. Нашъ генераль успешно исполнялъ порученіе и снова вступилъ въ командованіе прежнею бригадою. Но Олицъ медлилъ въ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ Турки, усились и въ Русукѣ и въ Журжѣ, выходили оттуда и беспокоили Валахію. Наконецъ, 15-го февраля *), генераль-аншефъ, со всею дивизіею, выступилъ въ походъ, и 18-го того же мѣсяца приблизился къ Журжѣ.

Крѣпость состояла тогда изъ двухъ ретраншаментовъ, изъ которыхъ каждый обоими флангами примыкалъ къ Дунаю. Передній, окружавшій предметъ, имѣлъ до четырехъ верстъ протяженія; внутренній, составлявшій собственно крѣпость, простирался версты на полторы.

Часть гарнизона вышла на встрѣчу Русскимъ; но была опрокинута передовыми войсками, и крѣпость тотчасъ обложили. Сдѣланы были *малыя* апроши, въ которыхъ поставлены войска, при одномъ изъ трехъ генераль-маіоровъ, находившихся при корпусѣ, чередовавшихся въ этомъ между собою. Гудовичъ, во время своей очереди, *рекомандовалъ примѣтельно* ретраншаментъ и, по смѣнѣ изъ апроши, представилъ генераль-аншефу свое мнѣніе, «что, какъ время настаетъ холодное и зимнее, въ провіантѣ полки имѣютъ недостатокъ, осадная артиллерія заключается только въ четырехъ орудіяхъ: двухъ осьмнадцати-фунтовыхъ и двухъ двадцати-четырехъ, — то необходимо, для воспрепятствованія непріятелю усилиться свѣжими войсками, съ другой стороны Дуная, взять крѣпость штурмомъ тремя колоннами» и изложилъ самый планъ нападенія **). Олицъ одобрилъ это мнѣніе и, раздѣливъ дивизію свою на три колонны, поручилъ первую, на правомъ флангѣ — генераль-маіору

*) Рапортъ Олицъ къ графу Румянцову, отъ 21-го февраля, помѣщенный въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, подъ 2-мъ марта. Гудовичъ въ своей Запискѣ относитъ это выступленіе къ *самому началу* февраля.

**) Записка Гудовича объ его службѣ. Въ рапортѣ Олицъ графу Румянцову отъ 26-го февраля 1771 года, помѣщенномъ въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1771 года, подъ 2-мъ марта, объ этомъ не упоминается.

де-Молино, вторую, на лѣвомъ — генераль-маіору Гротенгельму, а среднюю, какъ младшему, — Гудовичу. На 21-е февраля *) ночью предпринять былъ штурмъ. Генераль-аншефъ, по причинѣ болѣзни, самъ на немъ не присутствовалъ. При приближеніи къ валу, не доходя до рва, де-Молино и Гротенгельмъ были тяжело ранены; но Гудовичъ, съ своею колонною, успѣлъ перелѣзть чрезъ валъ и поражалъ впереди себя непріятеля. Турки, державшіеся еще по флангамъ, узнавъ объ этомъ, стремглавъ ретировались къ мосту, за которымъ находился большой укрѣпленный замокъ. Тогда и прочія войска начали примыкать къ Гудовичу, который, сдѣлавшись уже начальникомъ всѣхъ трехъ колоннъ, сильно наступалъ на противниковъ; нѣкоторые Турки метались въ Дунай, гдѣ и утопали. Построивши послѣшно войска за овладѣннымъ большимъ ретраншаментомъ, нашъ герой, сознавая невозможность держаться тамъ днемъ, подъ ядрами крѣпости, старался немедленно *ложировать* войска во рву ретраншамента. До свѣта были сдѣланы, по глубинѣ рва и высотѣ вала, нѣсколько банкетовъ, чтобы изъ верхняго имѣть возможность поражать непріятеля, въ случаѣ его покушенія. Это заставило Турокъ прислать парламентаря, просить перемирія, которое генераль-аншефъ и заключилъ на три дня. Пользуясь этимъ временемъ, Гудовичъ, по ночамъ, успѣлъ сдѣлать брешь-батарею противъ самаго замка, въ разстояніи менѣе ста сажень отъ его стѣнъ, скрытую небольшими домпами, впереди находившимися, и двѣ батареи по флангамъ, изъ полевыхъ орудій, отчасти видныя непріятелю, и похоронилъ нашихъ убитыхъ между валомъ и крѣпостію. При истеченіи срока перемирія, непріятель просилъ еще отсрочки, но Гудовичъ отправился самъ въ лагерь къ генераль-аншефу, и убѣдилъ его не соглашаться, донося, что надѣется, своими батареями, принудить Турокъ сдать укрѣпленный большой замокъ, лежащій на острову, за рукавомъ Дуная.

*) Рапортъ Олицъ графу Румянцову, помѣщенный въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1771 года, подъ 2-мъ марта; въ Запискѣ Гудовича это отнесено къ ночи съ 19-го на 20-е число.

По апробаціи этаго представленія и по окончаніи перемирія, нашъ герой открылъ огонь: съ брешь-батарей — изъ осадныхъ пушекъ — стрѣлялъ сперва ядрами, которыя и повалили прикрывавшія ее небольшія деревянныя крышки, а потомъ — ядрами и чугунными картечами; а съ фланговыхъ же баттарей — изъ единороговъ — металлъ бомбы, которыми и взорваны были заряды, приготовленные непріателемъ къ его орудіямъ.

Нѣсколько часовъ продолжалась канонада. Наконецъ, уstraшенный гарнизонъ выставилъ бѣлое знамя, кричалъ, что сдается, и прислалъ чиновника для переговоровъ. Крѣпость взята на капитуляцію, съ тѣмъ, что Турецкія войска должны были немедленно очистить ее и удалиться, взявъ только собственное свое оружіе, но безъ знаменъ и прочаго *).

*) Мы изложили этотъ штурмъ такъ, какъ говоритъ о немъ Гудовичъ въ Запискѣ о своей службѣ. Но, Олицъ, въ рапортѣ графу Румянцову, отъ 26-го февраля 1771 года, помѣщенномъ въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, подъ 2-мъ марта, хотя и называлъ, голословно, въ спискѣ отличившихся — Гудовича, вмѣстѣ съ графомъ Салтыковымъ, *главнымъ виновникомъ победы*, не говорилъ вовсе о дѣйствіяхъ нашего героя. Именно, вотъ слово въ слово напечатанное въ Журналѣ: «На 21-е штурмовали наши тотъ послѣдній ретраншаментъ, и не смотря на сильную непріятельскую канонаду и упорное сопротивление, также на необычайную глубину рва и ненастливую погоду, завладѣли онымъ. Сіе сраженіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, в остатокъ непріятельскихъ силъ ушелъ въ замокъ и подвѣлъ мостъ. По завладѣніи, такимъ образомъ, города, непріятель стрѣлялъ весь слѣдующій день изъ замка по оному, безъ малѣйшаго намъ урона, а наши сдѣлали между тѣмъ противъ него батарею на пистолетный выстрѣлъ. Генераль Олицъ посылалъ въ замокъ съ требованіемъ о сдачѣ оного на договоръ, и Турки упросили сперва сроку на сутки, а потомъ хотѣли, чтобы оный продолженъ былъ еще пять дней; но генераль Олицъ велѣлъ тогда стрѣлять съ батарей по замку и сдѣлать тотчасъ другую на правомъ нашемъ флангѣ, чтобы дѣйствіемъ ея отрѣзать у нихъ мостъ. Турки, увидя гибельное свое состояніе, выслали сказать, что намѣрены сдаться; почему и учиненъ съ ними о семъ договоръ и наши заняла замокъ.»

Сорокъ пять пушекъ *) и 18 знаменъ, между которыми одно городское, достались побѣдителямъ.

По объявленію плѣнныхъ и самыхъ отпущенныхъ на договоръ начальниковъ, бывшее въ городѣ Турецкое войско состояло изъ 10,000 человекъ, изъ которыхъ 2,000 человекъ находились въ замкѣ. Убито ихъ при взятіи города до 4,000, и *великое множество*, бросаясь въ море, для избѣжанія плѣна, потонуло, и только *самое малое* число успѣло уйти въ замокъ. У насъ убито штабъ и оберъ-офицеровъ 6 и нижнихъ чиновъ 173; ранены 2 генераль-маіора, 24 штабъ и оберъ-офицеровъ и 794 нижнихъ чиновъ.

Генераль Олицъ *похвалялъ* бывшихъ при немъ генераль-маіоровъ: де-Молино—за «порядочное его до полученія раны предводительство», Гротенгельма—какъ участника въ этой побѣдѣ; князя Трубецкаго—бывшаго при немъ дежурнымъ и способствовавшаго ему въ этомъ успѣхѣ; Гудовича и бригадира графа Салтыкова—«какъ главныхъ виновниковъ одержанной побѣды»; полковниковъ: Колюбакина—который первый, съ секундъ-маіоромъ Ребиндеромъ и капитаномъ Аплечеевымъ, вскочилъ въ ровъ и перешелъ ретраншаментъ, подавая примѣръ своимъ подчиненнымъ; графа ди-Натали—«многость въ томъ усердствовавшаго»; подполковника Толстова и преміеръ-маіора Любимова—которые были также первыми изъ вступившихъ въ ретраншаментъ, подавали къ тому примѣръ солдатамъ, находились постоянно передъ колоннами и своими руками поражали непріятеля; преміеръ-маіоровъ: предводительствовавшаго особливою колонною—Аршеневскаго и командовавшаго баталіономъ — князя Га-

*) Такъ показано въ Запискѣ Гудовича и въ *Біографіи Генералиссимусовъ и Генераль-Фельдмаршаловъ* (III, 15). Въ рапортахъ Олицъ, помѣщенныхъ въ Журналѣ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, говорится: подъ 2-мъ марта, — о 62-хъ мѣдныхъ пушкахъ и двухъ мортирахъ; подъ 7-мъ марта— еще о двухъ орудіяхъ, и подъ 13-мъ марта— сверхъ того о 20-ти пушкахъ (въ томъ числѣ 4-хъ чугунныхъ), которыя всѣ были закрыты камнями и, такимъ образомъ, всего о 82-хъ пушкахъ и 4-хъ мортирахъ. *Военно-Энциклопедическій Лексиконъ* (2 изд., т. V, стр. 494) и *Словарь достопамятныхъ людей* (II, 169) показываютъ, что взято 64 орудія.

гарина, какъ храбрыхъ и мужественныхъ офицеровъ, изъ которыхъ послѣдній и раненъ въ обѣ ноги; волонтера поручика графа Салтыкова, бывшаго *самопроизвольно* на штурмѣ, отличившагося храбростію и контуженнаго; капитана артиллеріи Караулова—какъ виновника завладѣнія замкомъ; артиллеріи поручика Лопатина—какъ «искуснаго въ своемъ ремеслѣ офицера»; инженернаго поручика Фере, подпоручиковъ: Густава Кнорринга и Ивана Колюбакина, прапорщика Федора Буксгевдна, — всѣхъ четверыхъ, какъ показывавшихъ путь колоннамъ и безотлучно при нихъ въ сраженіи находившихся; наконецъ, онъ *рекомендовалъ* еще: волонтеровъ двухъ братьевъ Кизлярскихъ дворянъ Ивановъ Горичевъ, которые при *многихъ случаяхъ* и при Журжѣ съ лучшими Турецкими наѣздниками сражались и ихъ *побивали*, Донскихъ казачьихъ полковниковъ: Янова и Поздѣева, содержавшихъ передовые посты и многократно съ непріателемъ сражавшихся, на нихъ и при Журжѣ, съ отличною храбростію *).

Съ извѣстіемъ о побѣдѣ и съ ключами города Журжи отправленъ былъ къ Императрицѣ генераль-маіоръ князь Трубецкой.

Гудовичъ за этотъ подвигъ получилъ, въ августѣ 1771 года, орденъ св. Анны, который тогда не имѣлъ степеней.

Оставивъ въ Журжѣ гарнизонъ въ 600 человекъ, подъ командою маіора Гензеля, Гудовичъ, по приказанію Олицъ, который, по болѣзни, уѣхалъ въ Бухарестъ, выступилъ 26-го февраля изъ крѣпости и 1-го марта прибылъ въ столицу Валахіи.

Вскорѣ послѣ того Олицъ, чувствуя приближеніе смерти, призвалъ Гудовича и поручилъ ему команду надъ всѣми вой-

*) Мы постоянно при каждой побѣдѣ, одержанной лицомъ, котораго жизнеописаніе представляемъ, поименовываемъ, если только возможно, наиболѣе отличившихся участниковъ въ ней, въ убѣжденіи, что этимъ способствуемъ прославленію достойныхъ воиновъ, воздаемъ должное ихъ памяти. Реляціи и описанія за прежнія войны мало кому доступны и еще менѣе читаются. Напоминая ихъ въ «Кавказцахъ», мы знакомимъ потомковъ съ доблестію предковъ и надѣемся, что заслужимъ за это отъ многихъ Русское спасибо.

сками, тамъ находившимся. Нашъ герой представлялъ, что въ корпусѣ былъ старѣе его генераль-маіоръ Глѣбовъ; но, генераль-аншефъ отвѣтилъ, что старшій можетъ отѣхать, а онъ долженъ исполнить приказаніе *). По этому Гудовичъ вступилъ въ командованіе, а Олицъ чрезъ нѣсколько дней, 7-го апрѣля, умеръ.

Въ началѣ того же мѣсяца, нашъ герой вывелъ войска въ лагерь, и пошелъ съ ними, весьма мало-комплектными, впередъ, чрезъ рѣку Аргисъ, и оттуда, скрытными маршами, двинулся къ Журжѣ. Расположивъ дивизію лагеремъ около крѣпости, въ скрытномъ мѣстѣ, самъ Гудовичъ, видя на той сторонѣ Дуная собиравшіяся Турецкія войска, посѣтилъ Журжу и далъ наставленіе коменданту, маіору Гензелю, — имѣвшему на три мѣсяца провіанта и великое число снарядовъ, — держаться до послѣдняго человѣка. Потомъ, по повелѣнію фельдмаршала, онъ пошелъ съ дивизією, также скрытнымъ маршемъ, къ рѣкѣ Ольтѣ, на соединеніе съ корпусомъ, бывшимъ въ Краіовѣ, подъ командою генераль-маіора Потемкина, — въ послѣдствіи свѣтлѣйшаго князя и фельдмаршала, — чтобы, по переправѣ на лѣвый берегъ рѣки Ольты, «стараться схватить крѣпость Турно и исторгнуть изъ рукъ у непріятеля способы, усилившись тутъ, ежедневно беспокоить наши тамошніе посты.»

Когда соединеніе это совершилось, то генераль-маіоръ Потемкинъ, какъ старшій, принялъ команду, хотя Гудовичъ и продолжалъ получать еще прямо по дивизіи, отъ фельдмаршала, приказанія. Въ самое это время, въ началѣ мая, возвратился въ армію генераль-поручикъ князь Репнинъ **), — въ послѣдствіи бывшій также генераль-фельдмаршаломъ, — и графъ Румянцевъ поручилъ ему начальство надъ всѣми войсками, находившимися въ Валахіи. Новый командиръ при-

*) Такъ говоритъ Гудовичъ въ Запискѣ о своей службѣ. Въ Журналѣ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, подъ 4-мъ апрѣля, объ этомъ сказано: «послѣку старшіе по немъ (Олицъ) генералы: Глѣбовъ болѣвъ, а Молино и Гротенгельмъ еще не вычленились отъ полученныхъ ими подъ Журжею ранъ.»

**) Николай Васильевичъ.

былъ въ Бухарестъ 20-го мая, а 25-го нашелъ корпуса Гудовича и Потемкина соединенными подъ Турною.

На другой день князь Репнинъ *сдѣлалъ большую схватку* съ непріятелемъ, чтобы осмотрѣть крѣпость и оборонявшія ее войска; послѣднихъ *показалось* ему тысячъ до пяти, а первая была *такого же рода*, какъ Браиловъ, лежала подъ Никопольскими пушками и подъ самою Никопольскою горою, гдѣ Дунай очень узокъ и берегъ непріятеля столь высокъ, сколь нашъ низокъ и плоскъ. Такія *неполезныя* для насъ обстоятельства, равно какъ и приготовленная Турками оборона, требовали предпринять формальную осаду, которую, въ тогдашнемъ положеніи корпусовъ, *вѣсть не было возможности*. Это склонило князя Репнина отойти изъ-подъ Турно.

Въ тотъ же день къ вечеру, 26-го числа, онъ получилъ увѣдомленіе, что непріятель сдѣлалъ сильное *впаденіе* на нашу сторону Дуная, при деревнѣ Слободзеи, нѣсколько выше Журжи. Оставивъ Потемкина подъ Турною, самъ князь Репнинъ двинулся на помощь къ Журжѣ, форсированными маршами, съ частію войскъ, состоявшихъ подъ командою Гудовича. Нашъ герой, только предъ этимъ былъ назначенъ въ корпусъ при генераль-фельдмаршалѣ; но, ожидая скорого дѣла съ непріятелемъ и зная положеніе тамошнихъ мѣстъ, по просьбѣ князя Репнина, остался при немъ, до освобожденія Журжи. Какъ ни поспѣшно шли наши на помощь, — сдѣлавъ въ четыре перехода слишкомъ 120 верстъ, — но не могли спасти осажденныхъ. Въ семи верстахъ не доходя до Журжи, они узнали, что *трусливый* *) комендантъ, маіоръ Гензелъ, безъ всякой причины, сдалъ непріятелю крѣпость на капитуляцію, получивъ дозволеніе выступить съ гарнизономъ въ Бухарестъ. Не зная еще объ этомъ поступкѣ, наши встрѣтили тысячи три Турецкой конницы, атаковали ихъ и обратили въ бѣгство. Отъ взятаго при этомъ плѣннаго и отъ нашего офицера, присланнаго изъ Журжинскаго гарнизона, князь Репнинъ узналъ, что въ крѣпости до 12,000 Турокъ. Имѣя при себѣ только Рижскій карабинерный и Ахтырскій гусарскій

*) Выраженіе Гудовича.

полки, — въ которыхъ состояло не болѣе трехъ-сотъ человѣкъ, и имѣя пѣхотные полки и баталіоны также въ *великомъ некомплектъ*, по неполненіи въ теченіи двухъ лѣтъ арміи, непрерывно сражавшейся, онъ призналъ невозможнымъ атаковать крѣпость. Рѣшено было отступить къ Бухаресту.

Непріятель, съ своей стороны, прислалъ къ нашимъ, для переговоровъ, чиновника. Князь Репнинъ поручилъ это Гудовичу. Турецкій чиновникъ объявилъ, что ежели Русскіе на нихъ нападутъ, то они тотчасъ уничтожатъ сдавшійся гарнизонъ. Гудовичъ улыбнулся и отвѣчалъ девизомъ, переданнымъ нашими предками: «лягемте костями, ибо мертвые страму не имутъ», и прибавилъ: «Ежели эти несчастные не исполнили завѣта предковъ, то они не братья наши и мы ихъ презираемъ; а Турки за эту первую удачу надъ малодушнымъ гарнизономъ дорого заплатятъ *)».

Графъ Румянцовъ, получа донесеніе объ этомъ и уважая невозможность, по дальнему разстоянію, руководить своими наставленіями всѣ дѣйствія Валахскаго корпуса, поручилъ князю Репнину распорядиться самому, сдѣлавъ ему *примѣчаніе*, чтобы онъ «въ случаѣ превосходнаго усилія непріятельскаго, предпочиталъ славу оружія предъ всѣми земными выгодами и лица непріятеля, чтобы имѣть съ нимъ дѣло, укрощалъ тѣмъ самымъ его покушенія и доставлялъ защиту краю».

Князь Репнинъ, не зная еще этой воли главнокомандовавшаго, успѣлъ уже одержать побѣду.

Перейдя Аргисъ, — при которой присоединился къ Репнину и корпусъ генералъ-маіора Потемкина, — наши были атакованы Турками, старавшимися слѣдовать за нами на другую сторону рѣки; но ихъ къ тому не допустили, и корпусъ, въ началѣ ночи, благополучно отретировался къ Бухаресту, остановился на высокомъ берегу Дембовицы, при монастырѣ Вакарештѣ. Юня 10-го непріятель снова *вздумалъ* нашихъ атаковать. Гудовичъ, подъ командою князя Репнина, допустивъ Турокъ выйти изъ кустарниковъ, нахо-

дившихся въ двухъ-стахъ саженьяхъ отъ нашего фронта, далъ имъ время скучиться и подойти на картечный выстрѣлъ, и только тогда встрѣтилъ ихъ сперва картечью, а потомъ ядрами и гранатами. Пораженіе, претерпѣнное непріятелемъ, было неожиданно и сильно: Турки поспѣшно ретировались. Гудовичъ, съ корпусомъ, подъ командою его состоявшимъ, имѣя направо и налѣво пѣхотныхъ стрѣлковъ, преслѣдовалъ ихъ по большой дорогѣ до рѣки Сабары. Генералъ-маіоръ Потемкинъ, стоявшій на правомъ флангѣ, также непріятелемъ атакованный, равномерно опрокинулъ и преслѣдовалъ бѣжавшихъ до той же рѣки, при которой князь Репнинъ приказалъ побѣдителямъ остановиться. Турки отретировались къ Журжѣ.

За всю эту экспедицію Гудовичъ не получилъ никакого награжденія.

Генералъ-поручикъ князь Репнинъ векорѣ потомъ занемогъ, а находившійся подъ его командою генералъ-поручикъ Эссенъ *) вступилъ въ командованіе войсками.

Въ это время Валахія, по которой течетъ весьма много рѣкъ, отъ непрерывныхъ дождей, подверглась наводненіямъ: Аргисъ и Саборъ слились почти въ одно озеро и не было возможности сдѣлать ни какого движенія ни намъ, ни непріятелю; Дембовица подъ Бухарестомъ и Яломица наводнили всѣ низкія окрестности и испортили переправы, а рѣка Сереть разлилась верстъ на шесть, сорвала и разнесла бывшій на ней мостъ на судахъ.

Графъ Румянцевъ предписалъ Эссену, чтобы онъ *потщился* искусными движеніями отвлечь Турецкія силы отъ Журжи и, *заманя* ихъ въ неудобопроходимыя мѣста, которыми край наполненъ, поразилъ непріятеля и, — если будетъ удобно, — возвратилъ бы крѣпость.

Прибывъ подъ Журжу 6-го августа, съ частію войскъ своихъ, при которыхъ находился и Гудовичъ, Эссенъ отрядилъ конницу вверхъ по Дунаю, для *закрытія* осады, а самъ, по рекогносцированіи, положилъ штурмовать крѣпость и приказалъ нашему герою представить диспозицію,

*) 1-го юня бывший Журжанскій гарнизонъ доставленъ, подъ Турецкимъ прикрытіемъ, въ корпусъ князя Репнина.

*) Въ современныхъ официальныхъ извѣстіяхъ фамилію этого генерала писали: «Эссенъ».

одинаковую съ той, по которой она была взята при Олицѣ. Въ крѣпости находилось, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, до 10,000 человекъ и у Турецкаго ретраншаментъ были противъ прежняго валъ возвышенъ и ровъ укрѣпленъ сильнѣе, а у насъ находилось не болѣе 5,000 чел. и только 8 орудій стараго калибра: 4 осадныхъ и 4 большихъ двѣнадцати-фунтовыхъ пушки. По этому Гудовичъ совѣтовалъ, прежде штурма, возвести противъ середины ретраншаментъ батарею съ большимъ ложементомъ, и только по пробитіи бреши, — отъ которой непріятель долженъ былъ бы отступить, — внезапно, предъ свѣтомъ, послѣ сильной канонады, двинуть войска одновременно изъ ложементъ въ проломъ и остальные двумя колоннами, вправо и влѣво, на стѣны Эссена не принявъ этого совѣта и настоялъ произвести немедленно штурмъ, желая упредить усиленіе непріятели, котораго можно было ожидать.

Въ ночи на 7-е августа былъ произведенъ приступъ тремя колоннами; правою командовалъ генераль-маіоръ Черторижскій, среднею — Гудовичъ, а лѣвою — генераль-маіоръ Олсуфьевъ *). Не смотря на одушевленіе начальниковъ и нижнихъ чиновъ, это нападеніе, не приготовленное дѣйствіемъ артиллеріи, отъ отчаяннаго сопротивленія гарнизона, до такой степени не удалось, что около 2,000 нашихъ пали на мѣстѣ и 7 пушекъ сдѣлались добычею Турокъ **). Колонна Гудовича, состоявшая изъ 980 человекъ и изъ 200 человекъ резерва, достигла вала и уже приставила нѣсколько лѣстницъ; но, непріятель, вдвое превосходившій нападавшихъ, остановилъ ее сильнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ: уронъ въ этой колоннѣ простирался убитыми и ранеными до 760 человекъ. Самъ Гудовичъ также былъ

*) Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества, въ 1771 году, подъ 11-мъ августа, рапортъ Эссена къ графу Румянцову. Гудовичъ, въ своей Запискѣ, говоритъ: что правою колонною начальствовалъ Олсуфьевъ, а лѣвою Черторижскій.

**) *Военно-Энциклопедическій Лексиконъ*, 2 изд., статья Журжа. По рапорту Эссена, помѣщенномъ въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, подъ 11-мъ августа, убито, кромѣ офицеровъ, 1714 нижнихъ чиновъ, а о потерянныхъ пушкахъ не упоминается.

раненъ въ ногу, и колонна, хотя получила изъ резерва еще подкрѣпленіе, но не могла уже взойти на валъ и отступила *). За нею отретировались и всѣ остальные войска, бывшія уже въ форштатахъ, и остановились въ лагерѣ въ веретѣ отъ города. Непріятель здѣсь нашихъ не беспокоилъ. По собраніи раненыхъ, сколько это было возможно, они, при наступленіи ночи, отправлены на высоты, за семь веретѣ далѣе, по дорогѣ къ Бухаресту. Послѣ полуночи началъ отступление и весь корпусъ, и на разсвѣтѣ прибылъ на тѣ же высоты. Небольшія непріятельскія партіи хотя сюда и подъѣзжали, но не вступали въ дѣло. Простоявъ на высотахъ одинъ день, для возстановленія порядка, корпусъ продолжалъ отступление чрезъ Аргисъ, — перейденный 11-го, — на рѣку Сабару, при которой и остановился.

Замѣтимъ, что уронъ, претерпѣнный Русскими въ этомъ дѣлѣ, и превосходившій другія потери тогдашней войны, имѣлъ весьма неблагоприятное вліяніе на все народонаселеніе Валахіи.

Нашъ герой не могъ еще ходить отъ полученной раны, какъ, чувствуя возможность быть на конѣ, снова обнажилъ мечъ: 25-го августа генераль-поручикъ Эссенъ отрядилъ его, съ небольшимъ корпусомъ, — состоявшимъ изъ незначительнаго числа пѣхоты и конницы и одного казачьяго полка, — къ урочищу Подалупу, на Дунайскомъ заливѣ, противъ Силистріи. Находясь здѣсь, Гудовичъ неоднократно поражалъ непріятели, переправлявшагося чрезъ Дунай изъ Силистріи, и особенно 6-го сентября.

Въ этотъ день Гудовичъ, получивъ извѣстіе, отъ своихъ передовыхъ командъ, о переправѣ Турокъ на нашъ берегъ при Ликарештахъ, въ числѣ 800 человекъ, отправилъ противъ нихъ всю свою конницу, а въ подкрѣпленіе двинулся лично съ пѣхотою. Непріятель тотчасъ вступилъ въ пере-

*) Записка Гудовича. Въ Журналъ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества въ 1771 году, подъ 11-мъ августа, нѣтъ ничего о дѣйствіяхъ Гудовича, а сказано: «генераль-поручикъ Эссенъ, похваляя усердіе и храбрость всѣмъ бывшихъ въ семь дѣлъ, а особливо храбраго маіора Рахманова, который былъ на валу, составлялъ при отступленіи арріергардъ и, собравъ раненыхъ, препроводилъ ихъ въ лагерь».

стрѣлку съ легкими войсками; но когда показала наша пѣхота, онъ началъ отступление. Самъ Гудовичъ шелъ прямо по дорогѣ, — для того, чтобы отрѣзать Туркамъ переправу на Подалупѣ, а майору Шемякину съ карабинерами, и Донскому полковнику Агееву съ его полкомъ приказалъ наступать прямо и, если пѣхота не успѣетъ исполнить свое намѣреніе, то напасть конницею. Все такъ *хорошо удалось*, что наша конница, достигнувъ Турокъ при переправѣ, ударила на нихъ *во всемъ стремленіи* и тотчасъ прервала *оружейную оборону*, которую употреблялъ непріятель противъ пѣхоты. Турки, видя болѣе 200 своихъ падшими на этомъ мѣстѣ, *пустились въ бѣгъ*, оставивъ захваченныхъ жителей и одного казака. При этомъ нами взяты въ плѣнъ сынъ Силистрійскаго паша и 4 рядовыхъ. Непріятель былъ преслѣдованъ почти до самаго Дунайскаго берега; сколько позволяла наступившая ночь. Нашъ уронъ, весьма небольшой, состоялъ только въ однихъ раненыхъ. Гудовичъ *похвалялъ* поступавшихъ храбро въ этотъ день: майора Шемякина, ротмистра Делабота, поручиковъ Нолкена, Небольсина и корнета Ключкова и Донскаго полковника Агеева, свидѣтельствуя о послѣднемъ, *какъ отмыномъ палъдникъ, который своею рукою поражаъ непріятеля* *).

Вскорѣ непріятель началъ собираться въ большихъ силахъ при Журжѣ, подъ начальствомъ секретно назначеннаго визиря Мусунъ-Оглу, — продолжая называть прежняго, предъ нимъ бывшаго, визиремъ, и стараясь тѣмъ *обмануть* генераль-фельдмаршала. Но графъ Румянцевъ, узнавъ объ этомъ, усилилъ правый флангъ арміи, на рѣкѣ Сабарѣ стоявшій, гренадерскимъ корпусомъ, находившимся подъ командою генераль-майора князя Долгорукова **), а потомъ

*) Журналъ военныхъ дѣйствій армій Ея Императорскаго Величества 1771 года, подъ 10-мъ сентября. Гудовичъ, въ своей Запискѣ, говоритъ, что во время этого своего командованія, не означая именно когда, онъ однажды взялъ *два* знамени и болѣе сотни плѣнныхъ.

**) Василій Владиміровичъ, въ послѣдствіи бывший генераль-поручикомъ въ отставкѣ, и скончавшійся въ 1782, а по другимъ свѣдѣніямъ, въ 1784 году.

генераль-майора Текелли, — до того расположеннымъ ниже Силистріи на Дунаѣ.

Между тѣмъ Турки атаквали расположенныя на Сабарѣ войска, подъ командою генераль-поручика Эссена, и принудили его отступить къ Бухаресту. Тогда и Гудовичу приказано было, оставивъ свой постъ, стараться перейти Дембовицу въ двѣнадцати верстахъ ниже Бухареста, прикрыть оставленныхъ на рѣкѣ больныхъ и отослать ихъ далѣе къ рѣкѣ, лежащей въ 4-хъ верстахъ отъ Бухареста. Нашъ герой посѣбно перешелъ Дембовицу, и скрытно расположилъ свой корпусъ за высотами, предъ нимъ находившимися, съ намѣреніемъ обезпечить съ той стороны армію отъ непріятеля, а на случай атаки находиться въ тылу Туркамъ.

Здѣсь вскорѣ Гудовича смѣнилъ гренадерскій корпусъ; а нашъ герой — по приказу — переправившись обратно на лѣвый берегъ Дембовицы, двинулся, вверхъ по рѣкѣ, къ Бухаресту, при которомъ снова перешелъ на правый берегъ Дембовицы и соединился съ главнымъ корпусомъ.

20-го октября непріятель, въ большихъ силахъ, въ 45,000 человекъ *), снова пришелъ къ урочищу Попешти на Дембовицѣ, и ретраншировалъ свою пѣхоту въ шести верстахъ отъ главнаго нашего корпуса. Турками командовалъ ссраскиръ съ тремя пашами, а визирь Мусунъ-Оглу остался при Журжѣ, справедливо предсказывая неудачу предполагаемаго предпріятія, потому что они имѣли болѣе конницы, нежели пѣхоты. Эссенъ, приготовивъ войска свои къ бою, сперва ожидалъ непріятеля; но вскорѣ *почелъ за долгъ* самъ итти на него, тѣмъ болѣе, что Турки могли *равновременно* обзрѣть корпусъ Текелли и обратить на него всѣ свои силы, или же, воспользуясь ночью, избѣжать приготовленнаго имъ удара.

Въ слѣдствіе этого, правое наше крыло, подъ командою генераль-майора князя Долгорукова, устремилось на высоту,

*) Гудовичъ въ своей Запискѣ. Въ рапортѣ Эссена, помѣщенномъ въ Журналѣ военныхъ дѣйствій армій Ея Императорскаго Величества 1771 года, подъ 2-мъ ноября, показано: «по объявленію плѣнныхъ, отъ 30-ти до 40,000 конницы и отъ 7-ми до 8,000 пѣхоты.

впереди фронта лежавшую, а самъ Эссенъ пошелъ прямо на Турокъ. Не ожидая такого нападенія и будучи имъ встрѣвоженъ, непріятель собрался толпами, а потомъ отрядилъ часть своихъ силъ вправо, чтобы, по переправѣ чрезъ Дембовицу въ бродъ, — которыхъ рѣка имѣетъ много, — занять Бухарестъ и ударить на нашъ обозъ. Генераль-маіоръ князь Долгоруковъ, получа извѣстіе объ этомъ движеніи, тотчасъ отправилъ полковника князя Кантемира, со всѣми легкими войсками и пятью эскадронами конницы, *для опроверженія ихъ намъренія*. Когда же непріятель на этомъ пунктѣ усилился до 3,000 человекъ, то Эссенъ двинулъ туда корпусъ Гудовича.

Нашъ герой, переправясь поспѣшно, не только подкрѣпилъ эскадроны и легкія войска; но, встрѣтя непріятеля своею артиллерією и ружейными выстрѣлами, опрокинулъ Турокъ и, шестью карабинерными эскадронами, въ командѣ у него находившимися, преслѣдовалъ и поражалъ бѣгущихъ, чѣмъ и очистилъ лѣвый берегъ Дембовицы *).

Въ то же самое время главный нашъ корпусъ, атакуя непріятеля во фронтъ, а скрытно стоявшій генераль-маіоръ Текели во флангъ и тылъ, разбила совершенно сераскира, который, не останавливаясь, бѣжалъ къ Журжѣ, и очистивъ крѣпость, далѣе за Дунай.

Эта побѣда, дозволившая намъ снова перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, — было-остановленнымъ поражениемъ 7-го августа, — одержана не болѣе какъ 8,000 человекъ, составлявшихъ все число сражавшихся съ нашей стороны. Между лицами, *объ отмыницѣ мужества и неустрашимости* которыхъ свидѣтельствовалъ Эссенъ, находился Гудовичъ, и, какъ за прежній подвигъ при урочищѣ Подалупѣ, такъ и за этотъ послѣдній, получилъ Высочайшее благоволеніе.

*) Такъ по Запискѣ Гудовича. Въ рапортѣ Эссена, помѣщенномъ въ Журналѣ военныхъ дѣйствій арміи Ея Императорскаго Величества 1771 года, подъ 2-мъ ноября, говорится: «встрѣтя непріятеля своею артиллерією, подалъ князю Кантемиру способъ нанести такой ударъ, что непріятель, побѣжавъ, принужденъ былъ въ рѣку метаться.»

По вступленіи войскъ, дѣйствовавшихъ въ Валахіи, на квартиры, Гудовичъ, въ началѣ 1772 года, былъ отправленъ фельдмаршаломъ въ Кіевъ для принятія мѣръ, вмѣстѣ съ генераль-губернаторомъ Воейковымъ, генераль-поручикомъ Сиверсомъ, находившимся тамъ для собранія рекрутъ, и гвардіи маіоромъ Шиповымъ, имѣвшимъ начальство надъ карантинными, къ скорѣйшему пропуску задержанныхъ въ обсерваціи за Днѣпромъ рекрутъ, въ которыхъ армія, — будучи два года не комплектована, — имѣла крайнюю надобность.

Исполнивъ порученіе съ успѣхомъ и явившись къ графу Румянцову до выступленія войскъ изъ квартиръ, Гудовичъ получилъ бригаду, состоящую изъ двухъ полковъ и двухъ гренадерскихъ баталіоновъ, въ корпусѣ, находившемся при самомъ генераль-фельдмаршалѣ.

Этотъ годъ прошелъ въ переговорахъ, въ теченіе которыхъ арміи пребывали въ бездѣйствіи, по заключеніи перемирія.

Гудовичъ въ началѣ сентября, находясь въ лагерѣ, при урочищѣ Уанчѣ, заболѣлъ эпидемическою гнилою горячкою, отъ которой тогда у насъ померло большое число, какъ нижнихъ чиновъ, такъ и офицеровъ. По вступленіи арміи на квартиры, нашъ герой былъ доведенъ больнонъ въ Яссы, гдѣ фельдмаршалъ поручилъ было ему сперва кавалерійскую бригаду, а потомъ пѣхотную; но, худо выздоравливая, по совѣту медиковъ, онъ вынужденнымъ нашелся удалиться съ театра войны, взявъ сперва шести-мѣсячный, а потомъ еще четырехъ-мѣсячный отпускъ въ Россію, а по этому и не участвовалъ въ кампаніи 1773 года.

Турки, ободренные тѣмъ, что Русскіе въ эту кампанію не успѣли утвердиться на правомъ берегу Дуная, вознамѣрились въ 1774 году начать наступательныя дѣйствія, съ цѣлью заставить нашу армію очистить Валахію. Съ своей стороны Императрица приказала графу Румянцову дѣйствовать наступательно.

Главнокомандовавшій раздѣлилъ свои войска на три части: одна — подъ начальствомъ графа Салтыкова, была назначена для осады Рущука, другая — подъ командою самаго фельдмаршала, направлена противъ Силистріи, а третья — подъ начальствомъ Каменскаго, двинулась къ Шумлѣ.

Гудовичъ, по выздоровленіи, явившись, въ началѣ марта, въ армию, былъ опредѣленъ въ команду генераль-аншефа графа Салтыкова *)), начальствовавшего войсками въ Валахія, и отряженъ имъ къ Журжѣ, съ порученіемъ командовать двумя полками, составлявшими въ крѣпости гарнизонъ, тремя баталіонами пѣхоты и двумя казачьими полками.

По переходѣ графа Салтыкова чрезъ Дунай, при устьѣ Аргиса, и приближеніи его на пять верстъ къ Руцуку, Гудовичъ сдѣлалъ мостъ чрезъ рукавъ этой рѣки, протекающей при Журжѣ, а на главномъ ея теченіи расположилъ большую батарею, которою успѣшно отражалъ сильныя неприятельскія высадки на судахъ. Этимъ нашъ герой препятствовалъ Турецкимъ галерамъ спускаться по Дунаю, заходить въ тылъ войскъ нашихъ, на правомъ берегу находившихся, и учредилъ съ послѣдними *прямо върнуоу коммуникацію*. Велѣдъ за тѣмъ, графъ Салтыковъ, призвавъ Гудовича на ту сторону Дуная, поручилъ ему въ команду половину своихъ войскъ, на правомъ флангѣ.

Юля 14-го, когда сераскиръ Гассанъ-Паша, — бывший послѣ капитанъ-нашею и потомъ визиремъ, — вышелъ со всѣмъ гарнизономъ изъ Руцука и приближался къ правому флангу, для произведенія атаки, а Гудовичъ открылъ уже по Туркамъ канонаду, прибылъ курьеръ отъ графа Румянцова, съ извѣстіями о заключеніи славнаго Кайнарджійскаго мира. Естественно, что начавшееся сраженіе было остановлено.

Велѣдъ за тѣмъ войска переправились чрезъ Дунай къ Бухаресту. Графъ Салтыковъ вскорѣ отправился въ Россію, а команда надъ всѣми войсками, ему подчиненными, была ввѣрена Гудовичу, которому генераль-фельдмаршалъ приказалъ, отпустивъ всѣ войска, оставить при себѣ только одинъ полкъ пѣхоты и гарнизонъ Журжевскій, изъ двухъ полковъ состоявшій, сдать эту крѣпость Туркамъ и, взявъ съ собою больныхъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и находившихся въ чумномъ госпиталѣ и карантинѣ, слѣдовать въ Молдавію.

*) Ивана Петровича, въ послѣдствіи генераль-фельдмаршала.

Исполнивъ порученіе успѣшно, Гудовичъ былъ назначенъ командовать войсками, расположенными подъ Карпатскими горами, подъ начальствомъ генераль-маіора Глѣбова.

Велѣдъ за тѣмъ, въ исходѣ ноябрю, ему ввѣрена дивизія, состоявшая изъ двадцати двухъ полковъ пѣхотныхъ, кирасирскихъ и карабинерныхъ, и двухъ казачьихъ, которой винтеръ-квартиры назначены въ бывшей Польшѣ. Достигнувъ Дибстра, у Могилева, въ декабрѣ, Гудовичъ, по позднему времени года, встрѣтилъ большія затрудненія въ переправѣ войскъ: одни полки перевезены на паромахъ, пока это было еще возможно, а другіе перешли уже по льду. Главная квартира графа Румянцова находилась въ Могилевѣ, въ которомъ расположилась и одна пѣхотная бригада изъ дивизіи Гудовича, а дивизионная квартира нашего героя помѣщалась въ мѣстечкѣ Шаргородѣ, гдѣ онъ простоялъ зиму.

Въ 1774 году Иванъ Васильевичъ не получилъ никакого награжденія, оставаясь по арміи вторымъ генераль-маіоромъ, когда первый не участвовалъ въ войнѣ, а находился въ Сибири при командѣ.

3-го мая 1775 года Гудовичъ, по повелѣнію генераль-фельдмаршала, повелъ въ Малороссію корпусъ, изъ двухъ полковъ пѣхотныхъ и двухъ карабинерныхъ, изъ которыхъ однимъ — Нижегородскимъ карабинернымъ — командовалъ полковникъ Татищевъ *), въ послѣдствіи генераль отъ инфантеріи и графъ. По прибытіи на мѣсто, также по повелѣнію графа Румянцова, онъ произвелъ *инспекцію* карабинернымъ полкамъ, и нашелъ одинъ изъ нихъ, командуемый полковникомъ Тыртовымъ, весьма неисправнымъ, а другой — полковника Татищева, *въ лучшемъ порядкѣ и во всей исправности*.

Велѣдъ за тѣмъ, ему была ввѣрена въ команду часть войскъ, изъ шести полковъ состоявшая: одного гренадерскаго, трехъ пѣхотныхъ и двухъ сейчасъ упомянутыхъ карабинерныхъ.

Въ исходѣ 1775 года Гудовичъ имѣлъ новое порученіе отъ графа Румянцова: сформировать три легкоконные полка:

*) Николай Алексѣевичъ.

Кіевскій, Черниговскій и Сѣверскій, изъ трехъ полковъ малороссійскихъ компанейскихъ *)).

Въ 1776 году генераль-фельдмаршалъ, отправляясь въ С. Петербургъ, для сопутствія въ путешествіи Великому Князю Павлу Петровичу, и имѣя извѣстіе, что Турки начали собираться при Очаковѣ, приказалъ Гудовичу, съ корпусомъ, состоявшимъ изъ четырехъ полковъ пѣхотныхъ и двухъ тысячъ Малороссійскихъ казаковъ, слѣдовать сначала къ Днѣпру, ниже Переяслава, оттуда къ Елисаветградской крѣпости; а въ сентябрѣ, далѣе къ сторонѣ Очакова, до рѣчки Березовки, въ 85-ти верстахъ отъ Елисаветграда, на которой нашъ герой и простоялъ до декабря. Возвращаясь въ Малороссію на вивтеръ-квартиры, пустою тогда степью, безъ жилья, онъ испыталъ большія трудности отъ наступившей зимы, съ морозами и вьюгами.

Въ половинѣ апрѣля 1777 года Гудовичъ выступилъ опять въ походъ, къ устью рѣки Ингула, и расположился лагеремъ при рѣкѣ Громоклѣ, въ восьми верстахъ отъ Буга. Въ это время, состоя, какъ выше сказали, вторымъ генераль-майоромъ, онъ произведенъ, по старшинству, въ генераль-поручики. Между тѣмъ, Турки не переходили чрезъ Бугъ и не дѣлали ни какого покушенія, и самое число ихъ войскъ, собранныхъ подъ Очаковымъ, уменьшилось. По этому Гудовичъ, въ началѣ ноябрю, отвелъ полки, въ командѣ его состоявшія, на зимнія квартиры.

По новому росписанію арміи на 1779 годъ, нашъ герой получилъ въ команду шесть полковъ пѣхоты, принадлежавшихъ къ войскамъ, ввѣреннымъ генераль-фельдмаршалу графу Румянцову.

Въ половинѣ апрѣля 1780 года, Гудовичъ, съ этими полками, прибылъ въ Кіевъ, и здѣсь, съ ними и легко-коннымъ Кіевскимъ полкомъ, — въ которомъ былъ подполковникомъ графъ Беннигсенъ, въ послѣдствіи генераль отъ кавалеріи и главнокомандовавшій Второю Армією, — командовалъ маневрами, производимыми, по повелѣнію фельд-

*) *Компанейскіе* полки были учреждены, въ царствованіе Государя Алексѣя Михайловича, Малороссійскимъ гетманомъ Многогрѣшнымъ, и еще теперь существуетъ изъ нихъ одинъ — Кіевскій гусарскій Его Высочества Князя Николая Максимилиановича.

маршала, въ присутствіи императора Іосифа II, изъявившаго ему за то свое удовольствіе.

Съ этого времени по 1783 годъ онъ начальствовалъ частію войскъ въ Малороссіи, а съ 15-го іюня 1783 по 26-е апрѣля 1784 года командовалъ шестью пѣхотными и шестью конными полками въ корпусѣ генераль-аншефа графа Салтыкова, расположенными въ бывшей Польшѣ.

Не получивъ ни какой награды, начиная отъ 1772 года и въ самое заключеніе съ Портою перваго мира, онъ 1-го января 1784 года былъ пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго, чрезъ двѣнадцать лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія ордена Св. Анны.

Когда корпусъ, находившійся въ Польшѣ, былъ распущенъ княземъ Потемкинымъ, тогда генераль-фельдмаршалъ отправилъ Гудовича въ Херсонъ, командовать частію войскъ, состоявшею изъ шести полковъ пѣхоты и легко-коннаго Елисаветградскаго, — сформированнаго имъ въ десяти эскадронахъ, — трехъ ротъ артиллеріи бывшаго отборнаго бомбардирскаго полка и четырехъ Донскихъ казачьихъ полковъ. Ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, были подчинены: Херсонская крѣпость и, на лѣвомъ берегу Днѣпра, Сбуривскій ретраншанментъ, гдѣ стоялъ пѣхотный полкъ, и Кинбурнская крѣпость. Отсюда нашъ герой долженъ былъ находиться въ сношеніи съ трехъ-бунчужнымъ пашею, командовавшимъ въ Очаковѣ и бывшимъ потомъ визиремъ.

По пріѣздѣ въ Херсонъ, Гудовичъ пашель чуму; но, при помощи *искуснѣйшаго* доктора Самойловича, онъ успѣлъ прекратить заразу. Сверхъ того, какъ тамъ производилось строеніе кораблей вице-адмираломъ Сухотиннымъ, то Ивану Васильевичу также предписано доносить о ходѣ работъ и о необходимыхъ пособіяхъ для ихъ успѣха.

Дѣятельная и полезная служба Гудовича вскорѣ снова обратила на него особенное вниманіе Государыни и, въ апрѣлѣ 1785 года, онъ Высочайше опредѣленъ въ должность генераль-губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго, съ повелѣніемъ, оставивъ команду, явиться къ Высочайшему Двору, гдѣ удостоился получить Всемилостивѣйшія наставленія.

Вслѣдъ за тѣмъ, независимо отъ генераль-губернаторства, онъ назначенъ, въ октябрѣ того же года, инспекто-

ромъ арміи, какъ по кавалеріи, такъ и по инфантеріи, въ зависимости генераль-инспектора всѣхъ войскъ арміи, князя Потемкина.

Обозрѣвъ губерніи *во всемъ въ точности*, Гудовичъ, въ 1786 году, снова явился въ Петербургъ, съ донесеніемъ Императрицѣ о всемъ, имъ устроенномъ, и съ планами о новомъ устройствѣ въ нихъ городовъ, и 22-го сентября слѣдующаго года, — за приведеніе въ порядокъ губерній, ему вѣренныхъ, — Всемилоостивѣйше пожалованъ орде- номъ Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра первой сте- пени. Съ этого времени по 1789 годъ нашъ герой мирно отправлялъ должность генераль-губернатора Рязанскаго и Тамбовскаго.

Между тѣмъ, совершенно неожиданно началась вторая война съ Турціею. Императрица, желая обезпечить предѣлы Россіи на югѣ, въ 1783 году приняла въ свое покровитель- ство Крымскаго хана, и, хотя, въ слѣдующемъ году, Порта согласилась на эту мѣру, но, въ 1787 году, подстрекае- мая Англіею и Пруссіею, объявила Россіи войну.

Въ первую кампанію мы, по неимѣнію средствъ, ограни- чивались оборонительными дѣйствіями, во вторую — глав- ную цѣлью было овладѣніе Очаковымъ и Хотиномъ; нако- нецъ, въ 1789 году, Порта рѣшилась дѣйствовать наступа- тельно на лѣвомъ берегу Дуная, а князь Потемкинъ, при- нявшій главное начальство надъ двумя нашими арміями, предположилъ овладѣть Бендерами и Аккерманомъ.

Привыкнуши къ военной жизни, нашъ герой не могъ при этомъ оставаться празднымъ отдаленнымъ зрителемъ побѣдъ соотечественниковъ, и, въ началѣ 1789 года, прибывъ въ С. Петербургъ, лично испросилъ у Государыни позволеніе участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ. Императрица, мило- стиво принявъ просьбу, назначила заслуженнаго генерала въ армію князя Потемкина, съ оставленіемъ въ его веденіи управляемыхъ имъ губерній.

Прибывъ въ квартиру Потемкина, находившуюся въ Кре- менчугѣ, Гудовичъ получилъ въ команду главный корпусъ, расположенный при взятомъ уже тогда Очаковѣ, съ зависи- мостью прямо отъ ордера главнокомандовавшаго. Корпусъ состоялъ изъ отряда егерей, одного баталіона гренадеръ,

одного гренадерскаго полка, пяти полковъ пѣхотныхъ и двухъ легко-конныхъ.

Во время этого командованія, непріятель, съ большимъ флотомъ, подходилъ два раза къ Очакову и Кинбурну; но, видя мѣры, принятыя Гудовичемъ для ихъ охраненія, не осмѣливался приблизиться ближе пушечнаго выстрѣла. По- слѣдній приходъ непріятельскаго флота былъ во время лич- наго присутствія князя Потемкина, который, за распоряже- ніе Гудовича, изъявилъ ему свою признательность.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ сентябрѣ, главнокомандовавшій, предпринимая *генеральное движеніе* на непріятеля, пред- писалъ Гудовичу произвести поискъ на укрѣпленный замокъ Гаджибей, — гдѣ нынѣ Одесса, — предъ которымъ тогда, въ пяти верстахъ, въ морѣ, находился весь флотъ непріа- тельскій, и въ самой бухтѣ котораго стояло двадцать восемь военныхъ Турецкихъ судовъ.

Нашъ герой отправился изъ-подъ Очакова 3-го сентября и, обойдя нѣсколько заливовъ Чернаго моря, прибылъ, къ 12-му числу, на два марша отъ замка. Непріятель ничего не подозрѣвалъ.

Командовавшій передовыми войсками, для этого пред- пріятія отряженными, генераль-маіоръ Рибасъ *), — въ по- слѣдствіи извѣстный адмиралъ, — ночью на 12-е число, съ тремя полками конными и тремя пѣшихъ казаковъ вѣр- наго войска Черноморскаго и съ шестью ихъ пушками, пе- ребрался за перешеекъ, между моремъ и обоими Куяльни- ками лежащій, а въ слѣдующую ночь присоединились къ нему, тѣмъ же путемъ, два баталіона пѣхоты съ четырьмя осадными, двумя полевыми и четырьмя полковыми орудіями. Тишина, осторожность, порядокъ, которые наблюдаемы были войсками при переходѣ этого опаснаго мѣста, подвер- женнаго выстрѣламъ съ флота непріятельскаго на разстояніи восьми верствъ, заслуживали особенное вниманіе. Самъ Гу- довичъ столь же скрытно слѣдовалъ со всѣмъ корпусомъ вправо, чрезъ вершины Куяльника, и, остановясь въ восьми верстахъ отъ передовыхъ войскъ, 13 го обозрѣвалъ ихъ и, по возвращеніи къ корпусу, отрядилъ на лѣвый флангъ,

*) Осипъ Михайловичъ.

Исаидъ, По-дкромкря Новоселова.

Писъ И. Кривина.

СМЕРТЬ КНЯЗЯ ЦИЦАНОВА

(8 ФЕВРАЛЯ 1806 ГОДА.)

подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты, десять орудій артиллеріи.

При наступленіи ночи придвинулся Генераль къ Хаджибею и расположился отъ замка въ семи верстахъ, съ намѣреніемъ подкрѣпить при нападеніи передовыя войска и тѣмъ *умножить* пораженіе непріятеля.

Генераль-маіоръ Рибасъ, 13-го, соединя свою команду въ Кривой-Балкѣ, распорядилъ атаку такимъ образомъ, чтобы полковникъ Хвостовъ, съ однимъ баталіономъ пѣхоты и имѣя на правомъ флангѣ два пѣхотные полка Черноморскихъ казаковъ, приблизился берегомъ къ замку и старался взойти на него по лѣстницамъ; а въ то же время и казаки, подступивъ, должны были лѣзть на стѣны и развлекать вниманіе непріятеля. Другому пѣхотному баталіону, подъ командою секундъ-маіора Воейкова, съ однимъ Черноморскимъ пѣшимъ казачьимъ полкомъ, приказано занять форштатъ и пренятствовать какъ сикурсу съ моря, такъ и къ побѣгу изъ замка. На перешейкѣ устроена была батарея изъ 4-хъ осадныхъ и 12-ти полевыхъ орудій, чтобы стрѣлять съ фланга по непріятельскимъ судамъ.

Въ такомъ порядкѣ, выступивъ въ семь часовъ вечера, войска, въ глубокой тишинѣ, подъ проливнымъ дождемъ, пришли въ балку, въ двухъ верстахъ отъ замка лежащую.

Въ 4 часа по полуночи, 14-го числа, генераль-маіоръ Рибасъ пошелъ на приступъ. На лѣвой сторонѣ полковникъ Хвостовъ, подъ картежными выстрѣлами съ непріятельскаго флота, перейдя оврагъ, приблизился на сто сажень отъ стѣны. После сдѣланной въ части секундъ-маіора Воейкова Черноморскими казаками тревогъ и по открытіи съ замка пальбы, онъ поспѣшилъ, не ожидая праваго своего фланга, поставить первую лѣстницу, за которою тотчасъ были представлены и другія. Турки производили жестокой пушечный и ружейный огонь со стѣнъ и съ флота, но, не смотря на это, менѣе нежели въ четверть часа, лѣвая сторона стѣнъ была нашими занята; а вскорѣ они овладѣли и воротами и, наконецъ, всемъ замкомъ.

Секундъ-маіоръ Воейковъ, открытый непріятелемъ, устремился, съ *отличною скоростью и порядкомъ*, на окрестное селеніе и выбилъ Турокъ; оставивъ въ немъ свой ре-

зервъ, онъ самъ явился въ назначенное ему мѣсто, для воспрепятствованія сикурсу съ флота.

Жестокая канонада съ Турецкихъ судовъ, и особенно бросаемыя ими бомбы, начинали намъ вредить; но вскорѣ баггарея, отряженная Гудовичемъ, съ артиллеріи маіоромъ Меркелемъ, и перенесенная на правую сторону замка съ лѣвой, гдѣ она не могла успѣшно дѣйствовать, не только заставила непріятеля умолкнуть, но и обратила его въ бѣгство. Два поврежденные нашими орудіями лансоне (судна) даже опустили флагъ, приблизились къ берегу и сдались. Гудовичъ приписывалъ при этомъ *отмѣнную хвалу* искусству маіора Меркеля.

Турки потеряли убитыми болѣе 200 человекъ; въ плѣнъ взяты: двухъ-бунчужный Ахметъ-Паша, бинбаша 1, аговъ 5, байракторовъ 5 и капитанъ судна 1.

Трофеи побѣдителей состояли въ 7-ми знаменахъ, 2-хъ флагахъ, 12-ти пушкахъ, 22-хъ бочкахъ пороху и 800 ядрахъ разнаго калибра.

Нашъ уронъ состоялъ въ 5-ти убитыхъ, а ранено: 1 офицеръ и 32 человекъ нижнихъ чиновъ.

Генераль-маіоръ Рибасъ особенно рекомендовалъ полковника Хвостова — какъ храбраго и расторопнаго офицера; маіора Меркеля, секундъ-маіора Воейкова и капитановъ Воинова, Люберха и Трубникова; квартирмейстеровъ Девлекѣва и Эрдмана, поручика Боасселя, подпоручика Слободчикова, секундъ-маіора Сендерса, подпоручика Бѣляка, есаула Кумпацкаго, сотниковъ Лапина и Сенякина, хорунжаго Мельникова и сержантовъ Зюзина и Попова. Онъ похвалялъ *также отмѣнно* Черноморцевъ: кошеваго атамана Чепегу, полковника Бѣлаго, хорунжаго Высочина, старшинъ Лисеневича и Левенца, есаула Чайковскаго, и хорунжихъ Сербена и Бѣлаго, прибавляя, что во все продолженіе экспедиціи имѣлъ *великое пособіе* въ доставленіи провіанта, снарядовъ и въ *другихъ нужныхъ случаяхъ* отъ войсковаго судьи подполковника Головатаго.

Гудовичъ, свидѣтельствуя объ *отличности* всѣхъ рекомендованныхъ генераль-маіоромъ Рибасомъ, кромѣ того, приписывалъ также особливую похвалу оказавшимъ усердіе, расторопность и исправность въ разныхъ отъ него порученіяхъ: капитану Титову, подпоручику Игнатьеву, есаулу Та-

банцу, который велъ корпусъ по тамошнимъ труднымъ дорогамъ, и поручику Булгартію.

Генераль-фельдмаршалъ, съ своей стороны, препоручилъ въ Высочайшее благоволеніе всѣ войска, съ успѣхомъ предпріятіе совершившія. Но нашъ герой за него не получилъ никакого награжденія.

Въ это время князь Потемкинъ предпринималъ осаду Бендеръ. Желая усилить свое войско, главнокомандовавшій приказалъ Гудовичу, взорвавъ и срывъ Гаджибей, идти къ Бендерамъ, по лѣвому берегу Днѣстра, съ баталіономъ гренадеръ и полками гренадерскимъ и двумя легко-конными, а два пѣхотные полка, при немъ находившіеся, отправить въ Аккерманъ.

Гудовичъ двинулся прямо, пустою степью, и счастливо достигнувъ крѣпости, расположилъ свой корпусъ на Днѣстрѣ, примкнувъ правымъ флангомъ къ рѣкѣ.

Черезъ день послѣ него, 30-го октября, пришла подъ Бендеры и вся наша большая армія, расположилась по другой сторонѣ рѣки и обложила крѣпость. Князь Потемкинъ приказалъ Гудовичу, вмѣстѣ съ генераломъ отъ артиллеріи барономъ Миллеромъ-Закомельскимъ *), произвести рекогноспировку и представить ему планъ о сдѣланіи апрошей и баттарей, а между тѣмъ возвести одну баттарею на лѣвомъ берегу Днѣстра. Последнее нашъ герой исполнилъ въ ту же ночь, построивъ баттарею въ кустарникахъ, лежащихъ на пушечный выстрѣлъ отъ стѣнъ. Столь важная и столь поздно начатая осада могла бы имѣть самыя непріятныя для осаждавшихъ послѣдствія, если бы Бендеры вздумали защищаться; къ счастію, гарнизонъ, хотя и состоялъ изъ 16,000 человѣкъ, но былъ утраченъ воспоминаніемъ кровопролитной осады 1770 года и, 3-го ноября, сдался на капитуляцію.

Простоявъ послѣ этого съ корпусомъ нѣсколько времени на лѣвомъ берегу Днѣстра, Гудовичъ получилъ повелѣніе распустить войска на зимнія квартиры, а самому отправиться, до началія кампаніи, въ губерніи ему ввѣренныя.

Въ началѣ марта слѣдующаго года, снова явившись въ

*) Иванъ Ивановичъ, умершій въ слѣдующемъ 1790 году, отъ раны, полученной при нападеніи на крѣпость Килию.

Яссы, нашъ герой, по повелѣнію князя Потемкина, какъ инспекторъ арміи, сдѣлалъ *инспекцію* одному карабинерному и одному пѣхотному полкамъ, находившимся въ 80-ти верстахъ отъ главной квартиры, а потомъ былъ отправленъ за Бугъ, къ селенію Соколамъ, для формированія корпуса, изъ двухъ гренадерскихъ и одного пѣхотнаго полковъ и изъ корпуса егерей въ четыре баталіона, и съ нимъ двинулся къ Бендерамъ, при которыхъ, расположившись скрытно лагеремъ, ожидалъ повелѣнія главнокомандовавшаго. По прибытіи туда самого князя Потемкина и войскъ, на квартирахъ въ Молдавіи расположенныхъ, вся сосредоточенная армія была раздѣлена на двѣ дивизіи: первая поручена генераль-аншефу князю Репнину, а вторая — Гудовичу. Въ этомъ лагерѣ онъ сдѣлалъ инспекцію, пришедшему изъ Молдавію, С. Петербургскому гренадерскому полку и переформировалъ его изъ четырехъ баталіоновъ въ два комплектные баталіона, съ переименованіемъ, изъ С. Петербургскаго, Николаевскимъ гренадерскимъ полкомъ.

Послѣ половины сентября, главнокомандовавшій отправилъ генерала отъ артиллеріи барона Миллера-Закомельскаго, съ корпусомъ, для взятія крѣпости Килии, а дней черезъ десять, повелѣлъ идти туда и Гудовичу, съ отборнымъ гренадерскимъ корпусомъ, изъ полковъ: четырехъ-баталіоннаго комплектнаго Екатеринбургскаго, и двухъ-баталіонныхъ Малороссійскаго и комплектнаго Николаевскаго, съ принадлежащею къ нимъ артиллерією, и десяти-эскадроннымъ Елисаветградскимъ легкоконнымъ полкомъ.

Спустясь сперва внизъ по Днѣстру, нашъ герой потомъ пошелъ безлѣсною и безводною степью, и прибылъ къ Килии предъ вечеромъ 3-го октября. Въ это время барономъ Миллеромъ-Закомельскимъ была уже сдѣлана диспозиція войскамъ, при немъ находившимся, въ ту же ночь, подъ командою генераль-поручика графа Самойлова *), штурмовать малый ретраншаментъ, лежавшій впереди крѣпости предъ пространнымъ форштатомъ.

Въ полночь войска двинулись на штурмъ. Непритель не могъ въ небольшомъ ретраншаментѣ держаться, колонны

*) Александръ Николаевичъ, въ послѣдствіи бывшій действительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и генераль-прокуроромъ.

наши перешли его безъ лѣстницъ. Но на разсвѣтъ видѣ дѣла перемѣнился. Некоторые изъ солдатъ разсыпались на грабежъ по обывательскимъ домамъ форштата, въ надеждѣ чѣмъ нибудь поживиться, и это повлекло за собою весьма вредныя послѣдствія. Турки, спрятавшіеся въ домахъ, находившихся впереди крѣпости, полагая, что войско пущено на грабежъ, рѣшились защищать свое имущество до послѣдней крайности. Въ домахъ начали нашихъ убивать, изъ оконъ ихъ посыпались ружейныя выстрѣлы; крѣпость открыла огонь ядрами и выслала въ предмѣстіе вылазку, а флотилія стала подвозить подкрѣпленіе съ противоположнаго Дунайскаго берега. Въ войскахъ, овладѣвшихъ ретраншаментомъ, произошелъ беспорядокъ, и дѣло приняло было самый невыгодный оборотъ, если бы случившійся тамъ въ это время, служившій при арміи Потемкина, въ качествѣ волонтера, подполковникъ принцъ Гессенъ-Филипсталскій, не успѣшилъ увѣдомить обо всемъ Миллера, который, проведя всю ночь безъ сна, передъ самымъ разсвѣтомъ уѣхалъ въ лагерь. Миллеръ успѣшно вскочилъ на коня и бросился въ предмѣстіе. Гудовичъ, находившійся также въ лагерь, узнавъ объ этомъ, поскакалъ вслѣдъ за генералъ-аншефомъ, но, переѣхавъ чрезъ ретраншаментъ, нашелъ его смертельно раненымъ и слабымъ до такой степени, что Миллеръ едва успѣлъ передать ему, какъ старшему, начальство надъ войсками.

Нашъ герой, *употребля строгость*, собралъ тотчасъ разсыпавшія по форштату войска, ложировалъ ихъ въ Турецкомъ ретраншаментѣ, а потомъ повелъ траншеи и построилъ нѣсколько баттарей, изъ полевыхъ пушекъ, и не далѣе семидесяти сажень отъ стѣнъ возвелъ брешь-баттарею изъ двѣнадцати осадныхъ орудій, прикрывъ эти работы необходимымъ числомъ Екатеринославскихъ гренадеръ. Непрiятель было сдѣлалъ большую вылазку на лѣвый флангъ, но отбитъ съ значительнымъ урономъ. При чемъ находился тогда дежурнымъ въ траншеяхъ генералъ-маіоръ молодой принцъ Виртембергскій *).

*) Карлъ Александръ Фридрихъ, родной братъ Императрицы Маріи Феодоровны, находившійся тогда въ арміи князя Потемкина, и скончавшійся, отъ горячки, 15-го сентября 1791 года.

По совершенномъ устройствѣ баттарей, Гудовичъ донесъ о томъ главнокомандовавшему въ Бендеры. Потемкинъ сперва приказалъ дѣйствіе баттарей не начинать, но когда нашъ Генералъ снова увѣдомилъ, что у него все готово и что непріятель изъ крѣпости и съ судовъ на Дунаѣ, за тростникомъ стоявшихъ, вредилъ войскамъ, то разрѣшилъ дѣйствовать, какъ за лучшее признаеть.

Получа ввечеру это разрѣшеніе, Гудовичъ на разсвѣтъ началъ бить брешь изъ осадныхъ орудій, а изъ баттарей, по флангамъ устроенныхъ, метать бомбы изъ единороговъ, за неимѣніемъ мортиръ. Непрiятель отвѣчалъ пальбою изъ пушекъ и ружей по брешь-баттареѣ. За два часа до наступленія вечера, огонь изъ крѣпости замолкъ, а наши продолжали канонаду. Въ ночь Турки выслали парламентаровъ, объявившихъ, что трехъ-бунчужный паша, въ крѣпости находившійся, сдаетъ Кицію на капитуляцію.

Гудовичъ согласился съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтъ крѣпость была очищена, позволяя одному только пашѣ остаться на два дня, для вывоза своего собственнаго имѣнія, а войскамъ, которыя были отборныя Азіятскія, въ числѣ около 4,000 человекъ, разрѣшилъ взять только ихъ собственное вооруженіе. До свѣта еще, нарядивъ три комплектныхъ баталіона лучшихъ гренадеръ, нашъ герой привелъ ихъ къ воротамъ, гдѣ ему поднесены были ключи, и войска Турецкія выведены, кромѣ небольшого числа оставшихся жителей. Это происходило 18-го ноября.

Въ крѣпости найдено 72 пушки, 12 хорошихъ новыхъ мортиръ, нѣсколько знаменъ и одно военное судно, также съ пушками, стоявшее на Дунаѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, Гудовичу повелѣно было отправить конницу и Екатеринославскій гренадерскій полкъ къ Бендерамъ, при генералъ-поручикѣ князѣ Волконскомъ *), а генералъ-маіору Рибасу, — по рапорту его главнокомандовавшему, о возможности устроить на островѣ рукава Дуная, простирающемся до Измаила, баттареи и подвести канонирскія суда, и выстрѣлами съ тѣхъ и другихъ принудить крѣпость къ капитуляціи, — разрѣшено исполнить это, съ отстране-

*) Григорій Семеновичъ, въ послѣдствіи бывший генераломъ отъ кавалеріи.

ніемъ его отъ зависимости нашего героя. Но, по открытіи канонады, непріятель вскорѣ заставилъ орудія Рибаса молчать, разрушивъ батареи и взявъ одно наше канонирское судно, а другія, поврежденныя, принудивъ удалиться.

По этому Гудовичу повелѣно было, — оставивъ гарнизонъ въ Килии, — съ прочими войсками идти къ Измаилу, гдѣ въ его командѣ, для прикрытія осады, находился генераль-маіоръ Кутузовъ, бывший послѣ генераль-фельдмаршаломъ и княземъ Смоленскимъ. Но здѣсь Иванъ Васильевичъ пробылъ только нѣсколько дней, получивъ ордеръ отъ главнокомандовавшаго, что онъ, 12-го ноября, произведенъ, по старшинству, въ генераль-аншефы, съ назначеніемъ на Кавказскую Линію, для командованія бывшею Кубанскою арміею. Сдавъ войска, подъ его начальствомъ стоявшія предъ Измаиломъ, старшему по себѣ генераль-поручику графу Самойлову, Гудовичъ явился въ Бендерахъ къ князю Потемкину и, въ послѣднихъ числахъ декабря 1790 года, отправился къ мѣсту новаго своего назначенія.

Порученная ему Кубанская армія состояла изъ двухъ корпусовъ: Кавказскаго—расположеннаго на Кавказской Линіи и Кубанскаго—стоявшаго въ Воронежской губерніи, и изъ двухъ поселенныхъ на Кавказской Линіи казачьихъ полковъ, изъ двухъ Донецкихъ и одного Уральскаго, съ частію полевой артиллеріи и небольшой эскадры на Каспійскомъ морѣ.

Прибывъ на Кавказскую Линію, 26-го января 1791 года, Гудовичъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, покрылъ себя громкою славою и сдѣлалъ имя свое навсегда не забвеннымъ для Кавказа.

Россія, не взирая на блистательныя побѣды своихъ армій и флотовъ, нуждалась въ мирѣ. Кровопролитный штурмъ Измаила навелъ ужасъ на Диванъ, но не убѣдилъ его приступить къ мирнымъ переговорамъ и, съ весною 1791 года, открылась новая кампанія, долженствовавшая быть тѣмъ затруднительнѣе предъидущихъ, что Австрія приступая къ отдѣльному миру, доставляла Поргѣ возможность противостоять только уже противъ одной Россіи.

Екатерина положила дѣйствовать рѣшительнѣе, но какъ обстоятельства не позволяли предпринять ничего важнаго на Дунаѣ, то фельдмаршалъ князь Потемкинъ далъ повелѣніе Гудовичу овладѣть Анапою. Взятіе этой крѣпости должно

было имѣть важныя слѣдствія, потому что Турція, не ожидая съ этой стороны рѣшительныхъ нападеній, не приготовилась къ нимъ. Весь Азіятскій край, прилегавшій къ Черному морю, не представлялъ сильной обороны, и одна только Анапа была въ состояніи выдержать осаду и сопротивляться штурму.

Эта крѣпость, — на восточномъ берегу Чернаго моря, при впаденіи въ него рѣчки Бузуръ и въ 30 верстахъ отъ устья рѣки Кубани, построена въ 1781 году, по повелѣнію султана Абдуль-Гамида, Французскими инженерами. Причиною ея основанія было водвореніе Русскихъ при Керчь-Еникальскомъ проливѣ и желаніе Оттоманской Порты, съ одной стороны защитить Татаръ, удалившихся изъ полуострова Крыма на лѣвой берегъ Кубани, а съ другой удерживать за собою вліяніе на независимыя племена Кавказа и направлять ихъ дѣйствія ко вреду Россіи.

Первый изъ Русскихъ генераловъ, обратившій должное вниманіе на этотъ важный пунктъ, былъ генераль-аншефъ Текелли, принявшій въ 1787 году начальство надъ Русскими войсками на Кавказѣ. Въ сентябрѣ 1788 года онъ совершилъ экспедицію за Кубань, проникъ въ самыя неприступныя вертепы, обитаемыя тамошними народами и, разсѣявъ все собравшіяся скопища Турокъ и горцевъ, пошелъ на Анапу, въ намѣреніи овладѣть ею; но, по малочисленности бывшихъ съ нимъ войскъ и по недостатку въ продовольствіи, былъ принужденъ возвратиться.

Смѣнившій Текелли, въ 1789 году, генераль-аншефъ Салтыковъ ограничивался только наблюденіемъ за Закубанцами, а заступившій его мѣсто въ слѣдующемъ году, генераль-поручикъ Бибииковъ, — предѣетникъ Гудовича, — рѣшился самовольно, не испросивъ предварительнаго дозволенія князя Потемкина, идти на Анапу, полагая нечаяннымъ нападеніемъ овладѣть крѣпостью. Весною этого года, съ корпусомъ не заключавшимъ и 8,000 человекъ, выступилъ онъ въ горы и, не взирая ни на усилія ихъ обитателей, ни на преграды поставленныя ненастнымъ временемъ года, прошелъ къ Анапѣ. Но недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принудилъ его, послѣ неудачнаго приступа, отказаться отъ своего предпріятія и возвратиться на Кубань, съ значительною потерей. Походъ этотъ, — неудачный, однако, послужившій

къ чести Русскаго войска, представляющій одно изъ доказательствъ, что ни какія нужды и опасности не могутъ поколебать мужества нашего солдата, — ободрилъ Турокъ: они полагали, что Русскіе, послѣ претерпѣнной неудачи; не скоро отважатся на новый походъ. Поэтому Порта, хотя и улучшила оборону Анапы, но уменьшила слишкомъ тридцати-тысячный ея гарнизонъ, и въ слѣдующемъ году, къ походу Гудовича, крѣпость была защищаема десяти тысячами Турокъ и пятнадцатью тысячами Нагайцевъ, Черкесъ и другихъ вооруженныхъ *).

Гудовичъ, наученный примѣромъ своего предшественника, избралъ для похода время болѣе благоприятное. Приготовившись, какъ можно было ранѣе и обезпечивъ Линію оставленными войсками, онъ выступилъ изъ Георгіевска 9-го апрѣля, предписавъ полкамъ, назначеннымъ подъ Анапу, прийти на свиданіе на уголь рѣки Кубани, гдѣ потомъ построена имъ же Кавказская крѣпость. Кубанскому корпусу, подъ командою генералъ-маіора Загряжскаго, стоявшему въ Воронежской губерніи, было предписано двинуться туда же, съ такимъ расчетомъ, чтобы достигнуть Кубани только на другой день по прибытіи къ ней войскъ Кавказской Линіи. Это исполнено: въ исходѣ мая оба корпуса соединились при урочищѣ, называвшемся *Переправою Гудовича*, — гдѣ теперь Екатеринодаръ.

Составъ войскъ былъ слѣдующій: мушкатерскіе полки: Владимірскій, Воронежскій, Казанскій, Тифлиссскій и Нижегородскій; Кавказскаго егерскаго корпуса три баталіона;

*) По рапортамъ Гудовича, всеподданнѣйше представленнымъ княземъ Потемкинымъ, и приведеннымъ въ *Собраніи разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній* (С. Петербургъ 1789 года), стр. 106 и 111. По Запискѣ Гудовича — гарнизонъ тоже состоялъ изъ 25,000 человѣкъ. Но, по статьѣ Висковатаго *Взятіе Анапы Гудовичемъ*, въ *Сѣверной Пчелѣ* 1828 года (№№ 85, 86 и 87.) и въ *Славянинѣ* 1828 года — крѣпость защищало только 15,000 Турокъ и горцевъ. Также показано и въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* въ статьѣ «Анапа» (1 изд. I, 401); а Богдановичъ въ *Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи* — равномерно принимаетъ 15,000 Турокъ, Татаръ и горцевъ.

драгунскіе полки: Таганрогскій, Астраханскій, Владимірскій и Нижегородскій, 3,000 казаковъ и 36 орудій *).

Кубань считали недоступною къ переходу въ это время, по широкому разлитію ея водъ. Но, войска Гудовича, 29-го мая, совершили переправу, частію по понтоннымъ мостамъ, а частію, по недостатку ихъ, на лодкахъ, которыя имѣли съ собою. Горцы покушались разорвать мостъ, пуская огромныя деревья внизъ по рѣкѣ, но не успѣли въ своемъ намѣреніи: Гудовичъ благополучно переправилъ чрезъ него пѣхоту, артиллерию, спѣшенныхъ кавалеристовъ и снаряды, конскую аммуницію и обозъ, а лошадей конницы — вплавь. Вообще Генералъ спѣшилъ переправою, потому что лѣвый берегъ Кубани находился уже только на одинъ футъ отъ воды. Въ это время онъ просилъ генералъ-аншефа Каховскаго **, — командовавшаго въ Крыму, на основаніи повелѣнія князя Потемкина, изготовить также къ походу къ Анапѣ одинъ полкъ пѣхоты, баталіонъ егерей и четыре эскадрона драгуновъ съ достаточнымъ числомъ артиллеріи, и собрать ихъ къ первымъ числамъ іюня, на правомъ берегу устья Кубани въ Таманѣ. Гудовичъ присовокупилъ въ увѣдомленіе Каховскому, что когда онъ самъ подойдетъ къ Анапѣ, и займетъ проходъ сухимъ путемъ отъ крѣпости между лиманомъ рѣки Кубани и Чернымъ моремъ, то увѣдомитъ вспомогательныя войска метаніемъ ракетъ, для устройства моста на узкомъ устьѣ рѣки; когда же онъ двинется далѣе, для обложенія

*) Богдановичъ, съ ссылкой на *Списокъ полковъ, участвовавшихъ въ экспедиціи*. По Бутурлину, въ *Précis des évènements militaires de la 2 guerre contre les Turcs sous le règne de l'Impératrice Catherine* (р. 76), поступившіе подъ начальство Гудовича Кавказскій и Кубанскій корпуса состояли изъ 24 баталіоновъ и 58 эскадроновъ. Висковатовъ, принимая это число баталіоновъ и эскадроновъ, замѣчаетъ, что подъ нимъ должно разумѣть всѣ войска, отряженныя къ Анапѣ; ибо — говоритъ онъ, — *каждый изъ вышеозначенныхъ корпусовъ, заключалъ въ себя только по 4 баталіона, равно какъ прочіе егерскіе корпуса*. Но, здѣсь нашъ трудолюбивый историкъ смѣшалъ два понятія: Кавказскій и Кубанскій корпуса — какъ собраніе полковъ въ нынѣшнемъ смыслѣ корпуса и какъ собраніе егерскихъ баталіоновъ — или нынѣшній полкъ. Гудовичъ вачальствовалъ и тѣми и другими корпусами.

**) Михаилъ Васильевичъ, въ послѣдствіи графъ.

крѣпости, и дать о томъ знать, то они, имѣя уже сухопутное сообщеніе, должны итти морскимъ берегомъ и расположиться внѣ пушечнаго выстрѣла. Кромѣ того, Каховской обязанъ былъ приготовить и *нѣсколько* провіанта, на случай требованія.

На мѣстѣ первой переправы, — гдѣ нынѣ укрѣпленія «Прочный Окопъ», — по обѣимъ берегамъ Кубани, устроены были тетъ-де-поны, въ которыхъ оставленъ весь излишній обозъ, подъ прикрытіемъ двухъ сотъ человекъ пѣхоты, съ двумя пушками, и два эскадрона карабинеръ.

Сдѣлавъ изложенныя распоряженія, Гудовичъ пошелъ *скрными маршами* къ Анапѣ, хотя во многихъ мѣстахъ рѣка уже выступила изъ береговъ. Останавливаясь лагеремъ, онъ всегда кругомъ ограждалъ войска пикетами, на случай нападенія горскихъ народовъ. Въ первые дни слѣдованія, наши взяли нѣсколькихъ плѣнныхъ отъ горцевъ, пытавшихся нападать на фуражировъ; но Генераль отпустилъ ихъ, объявивъ, что идетъ *бить Турокъ*, и ежели они сами не будутъ нападать, то *оставитъ ихъ въ покоѣ*. Кромѣ того, Гудовичъ наблюдалъ, чтобы посѣянный туземцами хлѣбъ, какъ при лагеряхъ, такъ и во время марша, нашими войсками не былъ не только потравленъ, но даже и потоптанъ. Поэтому въ остальное время движенія горцы были спокойны.

Въ первой половинѣ іюня послѣдовало соединеніе главнаго отряда съ войсками, отряженными генераломъ Каховскимъ, подъ командою генераль-маіора барона Шица. Послѣдніе состояли изъ Брянскаго мушкатерскаго полка, Таврическаго егерскаго корпуса, Таврическаго конно-егерскаго полка, 400 казаковъ и 16 орудій *).

15-го іюня Гудовичъ подошелъ къ Анапѣ.

Въ 7-ми верстахъ отъ крѣпости, перейдя въ бродъ рѣчку Бузуръ, наши встрѣтили толпу конныхъ Турокъ изъ гарнизона и болѣе 2,000 Черкесъ. Гудовичъ послалъ противъ нихъ сперва генераль-маіора Загряжскаго съ конницею, а потомъ пошелъ и самъ съ четырьмя баталіонами егерей. Непріятель немедленно былъ прогнанъ и крѣпость обложена. Лагерь, послѣ личнаго обозрѣнія нашего героя, располо-

*) Богдановичъ.

женъ верстахъ въ 4-хъ отъ стѣнъ, а у подошвы горъ, на высотѣ, поставленъ постъ изъ пѣхоты и Гребенскихъ казаковъ.

Анапа, построенная на равнинѣ, между горами и Чернымъ Моремъ, подвержена и морской и сухопутной атакѣ. Въ разсматриваемое время она была укрѣплена *весьма сильно*: съ сухаго пути имѣла семь бастіоновъ, соединенныхъ куртнами, и впереди ихъ былъ глубокой и широкой ровъ, проведенный отъ одного берега до другаго, по большей части одѣтый камнемъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже высѣченный въ каменистомъ грунтѣ. Со стороны моря, Анапа находилась совершенно въ безопасности и даже получала водою подвозъ съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, — что составляло важное препятствіе для овладѣнія ею. Наконецъ, крѣпость представляла тѣмъ болѣе затрудненій для осаждавшихъ, что гарнизонъ былъ убѣждаемъ къ сильному сопротивленію извѣстнымъ шахомъ Мансуромъ, выдававшимъ себя за пророка и пользовавшимся величайшимъ довѣріемъ Турокъ и горцевъ. Его убѣжденія имѣли сильное нравственное дѣйствіе, и присутствіе такого человека между людьми, воспламененными фанатизмомъ, замѣняло не одну тысячу воиновъ.

Въ ночь, слѣдовавшую за прибытіемъ подъ крѣпость, были заложены нами батареи: съ одной стороны войсками пришедшими съ Гудовичемъ, а съ другой присланными Каховскимъ. 19-го открыта пальба ядрами и, особенно, бомбами и брандугелями, которыхъ метали изъ единороговъ. Крѣпость отвѣчала на обѣ стороны: сильно перестрѣливаясь ядрами и бросая бомбы изъ мортиръ.

Позади лагеря, верстахъ въ пяти, на горахъ, каждый день собиралось нѣсколько тысячъ горскихъ народовъ, при которыхъ находилось до 2,000 Турокъ. Непріятель дѣлалъ изъ крѣпости сильныя вылазки, а Черкесы сзади покушались нападать. Послѣдніе особенно беспокоили фуражировъ, такъ что по отдаляющемуся фуражу наряжаемая для этого команды должно было прикрывать баталіонами егерей съ пушками, и нѣсколько разъ происходили сильныя сшибки, съ нѣкоторымъ урономъ съ обѣихъ сторонъ.

Бомбами, съ батареи устроенной за рѣчкою, въ ночь на 20-е, произведенъ довольно сильный пожаръ въ крѣпости,

продолжавшійся до разсвѣта. Гудовичъ, почитая это время удобнымъ къ склоненію командовавшаго паши сдать городъ безъ кровопролитія, — потому что тѣмъ показалъ осажденнымъ, чего они могли ожидать при дальнѣйшимъ продолженіи военныхъ дѣйствій, — отправилъ къ нему офицера, сопровождаемаго трубачемъ, предлагая, письменно, немедленно прекратить сопротивленіе, обѣщая свободный выходъ гарнизону и жителямъ и угрожая, въ противномъ случаѣ, взять Анапу приступомъ и не оказать уже никому пощады. Парламентеръ, не доходя до крѣпости, былъ встрѣченъ вышедшими изъ нея двумя Турками, которые, принявъ отъ него письмо, просили обождать скорого ихъ возвращенія съ отвѣтомъ. Но какъ только Турки вошли обратно въ крѣпость, то, вмѣсто отвѣта на предложеніе, сдѣланы были съ валовъ два пушечные выстрѣла по переговорщику. Происшествіе это справедливо раздражило Гудовича, и онъ рѣшился, не входя болѣе ни въ какіе переговоры, ускорить взятіе города.

Видя крайнее упорство и *непвѣжество* непріятеля и чрезвычайное затрудненіе идти апрошами, не имѣя осадной артиллеріи, онъ рѣшился отважиться на приступъ. Къ этому Генерала побуждали два обстоятельства. *Первое* — набѣги горцевъ, съ каждымъ днемъ возрастающихъ въ числѣ, безпрестанно усиливались; они нападали постоянно на нашихъ фуражировъ и даже, по увѣреніямъ переметчиковъ, намѣревались въ скоромъ времени атаковать корпусъ съ тылу, между тѣмъ какъ гарнизонъ крѣпости долженъ былъ, тогда же, сдѣлать сильную вылазку и принять осаждающихъ съ фронта. *Во вторыхъ* — и въ особенности — Турецкій флотъ, показавшійся противъ устья Днѣстра, въ числѣ тридцати кораблей и другихъ судовъ, плылъ на помощь къ Анапѣ. По всему этому медленность была бы неумѣстна и главнокомандовавшій, послѣ двѣнадцати-дневной осады, отдалъ приказъ готовиться къ штурму.

Осаждавшіе находились между двумя непріятелями: гарнизономъ Анапы и горцами, и потому должны были сражаться на двѣ стороны. Особенно тылъ ихъ требовалъ надежнаго прикрытія отъ Черкесъ, которыхъ толпы, вѣроятно, не замедлили бы напасть на нашихъ въ продолженіе приступа.

Соображая эти обстоятельства, Гудовичъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія (диспозицію):

Главную атаку положилъ вести противъ лѣваго фланга осаждающихъ, между берегомъ и средними воротами, гдѣ валъ былъ ниже прочихъ частей крѣпости и ровъ мельче. Для этого назначены четыре колонны, изъ которыхъ каждая двѣ имѣли въ своемъ тылу по резерву. Вторая атака предположена была одною колонною, съ праваго фланга, подлѣ самаго морскаго берега, гдѣ вода была неглубока. За этою колонною располагался третій резервъ, а между имъ и двумя первыми большой резервъ, состоявшій изъ пѣхоты и кавалеріи, при которомъ оставлены всѣ знамена войскъ, назначенныхъ на штурмъ, и шестнадцать полевыхъ орудій. Въ тылу этихъ войскъ, въ удобномъ мѣстѣ, устроенъ былъ изъ обозовъ вагенбургъ и, для удержанія Черкесовъ, помѣщены отряды пѣхоты и регулярной кавалеріи и нѣсколько сотенъ казаковъ.

Изъ колоннъ, назначенныхъ штурмовать крѣпость на лѣвомъ флангѣ осады, двѣ ближайшія къ берегу, съ ихъ резервомъ, были поручены генераль-маіору Булгакову; двѣ слѣдующія и второй резервъ — генераль-маіору Депперадовичу; колонна праваго фланга, составленная изъ спѣшенныхъ казаковъ съ отрядомъ Таврическихъ мушкетеровъ и егерей и изъ эскадрона драгунъ и ея резервъ, ввѣрена генераль-маіору барону Шипцу; среднимъ большимъ резервомъ командовалъ бригадиръ Поликарповъ, а войсками, отряженными для прикрытія тыла, генераль-маіоръ Загряжской.

Весь день 21-го іюня былъ проведенъ въ приготовленіяхъ къ штурму. Главнокомандовавшій и прочіе генералы, разбѣжая по лагерю, ободряли войско, представляя ему всю славу успѣха, стыдъ неудачи и бѣдствія, сопряженныя съ нею, въ странѣ непріятельской, въ станѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ или моремъ или врагами. Русскіе, привыкшіе къ побѣдамъ, смотрѣли спокойно на приближавшееся кровопролитіе, и съ бодримъ духомъ ожидали минуты приступа. Войска эти, не имѣвъ счастья участвовать въ покореніи Измаила, — тогда громкомъ, — соревнуя славу своихъ сослуживцевъ, горѣли нетерпѣніемъ отличиться или съ честью умереть.

Какъ скоро смерклось, по совершении въ полкахъ молебствія, Гудовичъ велѣлъ снять лагерь и построить войска въ боевой порядокъ. Въ глухую ночь, въ двѣнадцатомъ часу*), со всѣхъ батарей началось бомбардированіе крѣпости. Непріятель отвѣчалъ жестокимъ, но безвреднымъ огнемъ, и Русскія колонны, подъ громомъ этихъ выстрѣловъ и шумомъ морскихъ волнъ, подвинулись къ крѣпости.

За полчаса до разсвѣта**) данъ былъ сигналъ и всѣ колонны пошли въ атаку.

Первые четыре быстро подошли къ самому рву. Встрѣченный при этомъ непріятельскій пикетъ немедленно истребленъ. Гарнизонъ, увидѣвъ атаку, открылъ сильную ружейную и картечную пальбу. Наши, не взирая на *жестокую оборону*, кинулись въ ровъ и начали ставить лѣстницы; дикіе крики мусульманъ сливались съ торжественными кликами: « ура! » « съ нами Богъ! » « братцы, не выдавайте! » « впередъ! » « по—Измаильски! » — которыми ободряли другъ друга наши воины. Но, *по сильной оборонѣ* непріятеля, штурмующіе успѣли проникнуть въ крѣпость не прежде, какъ только по подкрѣпленіи колоннъ резервомъ. Многие изъ нашихъ были уже въ стѣнахъ Анапы, но непріятель и тутъ еще защищался отчаянно.

Между тѣмъ какъ лѣвый флангъ Русскихъ торжествовалъ, пятая или правая ихъ колонна — генераль—маіора Шица — встрѣтила величайшія затрудненія и потерпѣла *сильный уронъ*. Полтора егерей отъ Таврическаго отряда, посланныхъ на лодкахъ впередъ, съ тѣмъ, чтобы занявъ непріятеля перестрѣлкою съ морской стороны, раздѣлить его силы и вниманіе, слишкомъ рано открыли огонь и, чрезъ то, доставили Туркамъ средство приготовиться къ отраженію нападенія. Колонна, не доходя еще до рва, была

*) Рапортъ Гудовича, всеподданнѣйше представленный княземъ Потемкинымъ (*Собраніе разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко Двору донесеній*, С. Петербургъ 1789 года). — По Висковатову — « за часъ до полуночи » — а по Богдановичу — « въ половинѣ двѣнадцатаго. »

**) По упомянутому рапорту Гудовича. — По его Запискѣ о своей службѣ, штурмъ начался на самомъ разсвѣтѣ, а по Висковатову — сигналъ данъ въ 2 часа ночи.

встрѣчена самымъ жестокимъ огнемъ, препятствовавшимъ ей подойти къ контръ—эскарпу и нѣсколько отступила. Вскорѣ, однако же, *храбростію и усердіемъ* генерала Шица, она была *приведена въ порядокъ*. Но, войска, ворвавшіяся въ городъ, продолжали все еще сражаться и ружейный огонь былъ *сильный и непрерывный*.

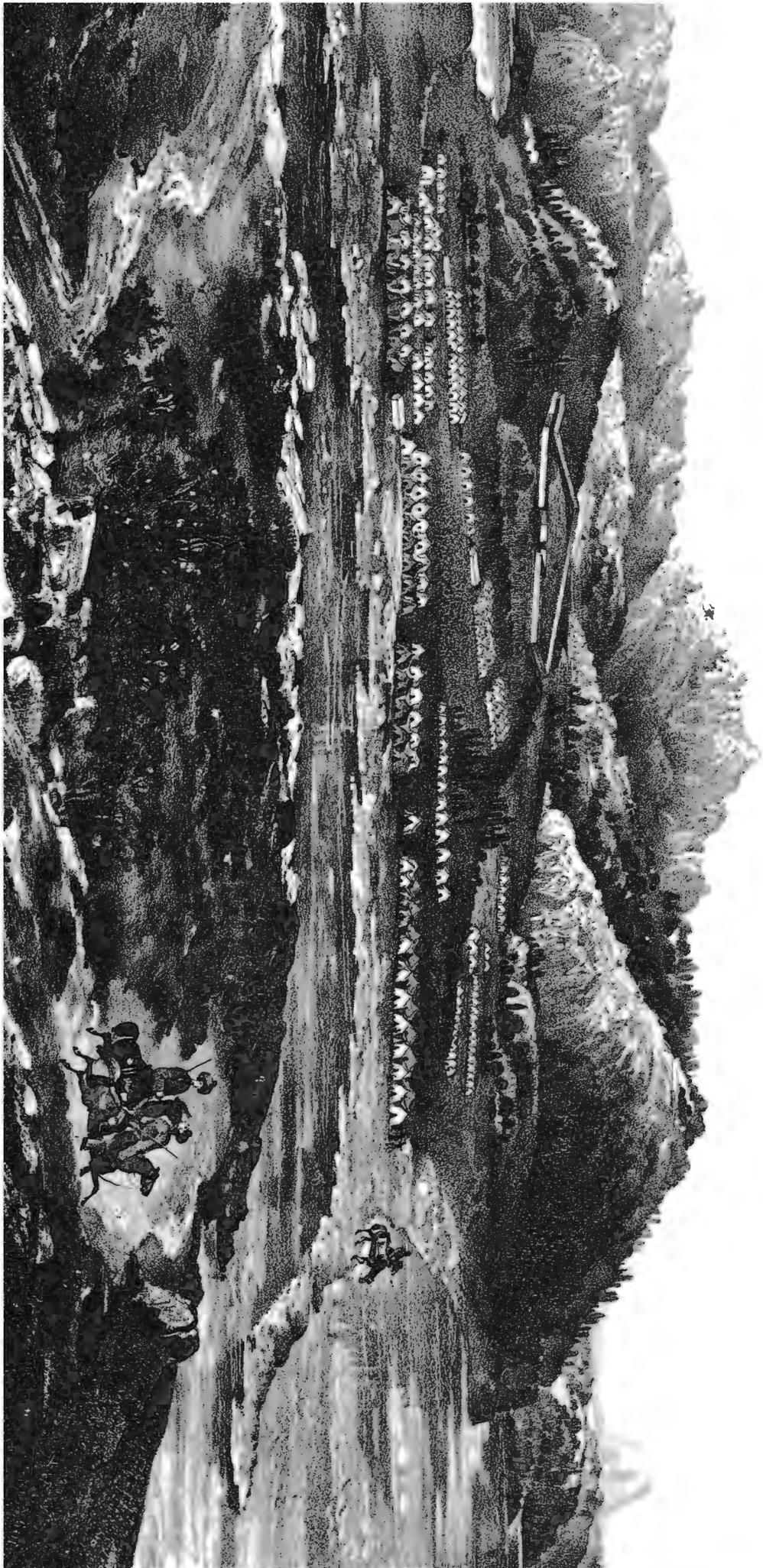
Гудовичъ отправилъ на подкрѣпленіе штурмовавшимъ бригадира Поликарпова съ 600 мушкатеровъ изъ главнаго резерва и три эскадрона Астраханскихъ драгунъ. Послѣдніе, прискакавъ къ крѣпости, спѣшились, вошли въ городъ и, подкрѣпивъ сражавшихся, прогнали непріятеля далѣе нежели до середины города.

Въ это самое время былъ опущенъ средній мостъ, и Гудовичъ, получивъ увѣдомленія отъ генераль—маіора Булгакова, — *трудившагося неутомимо въ сильномъ огнѣ*, — и отъ бригадира Поликарпова о необходимости въ новомъ подкрѣпленіи, послалъ, съ этимъ послѣднимъ, изъ главнаго резерва остальную конницу, которая, съ большимъ стремленіемъ, подъ ядрами и картечами, ворвалась въ крѣпость, частію на коняхъ, частію спѣшившись. Тогда же главнокомандовавшій приказалъ генераль—маіору Шицу, — который, между тѣмъ, построясь, привелъ свою колонну снова къ валу, гдѣ еще держался непріятель, — чтобы онъ большую часть войскъ повернулъ лѣво, на спущенный мостъ, что и было исполнено.

Получивъ, такимъ образомъ, сильное подкрѣпленіе, наши войска начали быстрѣе прежняго гнать осажденныхъ. Часть гарнизона, бывъ совершенно отрѣзана, кинулась къ берегу и, сильно преслѣдуемая, погибала въ морѣ.

Восшедшее солнце освѣтило позорище кровопролитнѣйшаго сраженія. Русскіе торжествовали, но ихъ успѣхъ еще не былъ совершенъ: многія тысячи непріятелей сохраняли оружіе и сопротивлялись *отчаянно*.

Тогда Гудовичъ, опасаясь, чтобы войска его, утомленныя пяти—часовымъ боемъ, не уступили многолюдству враговъ, повелѣлъ бригадиру Поликарпову, изъ 200 человекъ, при немъ остававшихся, ввести въ дѣло еще сто *храбрыхъ* егерей 4-го баталіона Кавказскаго егерскаго корпуса и эскадронъ кавалеріи, который предварительно призвалъ отъ

Мр. Д. Локванди Новоселом.

ср Рач. Гаврила Горбова

Др. И. Корсак.

УКРЪПЛЕНІЕ ВУЛАНЪ.

отряда Загряжскаго. Появленіе этой горсти войскъ рѣшило сраженіе.

Непріятель, уstraшенный новою атакою, *пустился на уходъ*, ища спасенія въ морѣ или, бросая оружіе, просилъ пощады. Напрасно опытный въ битвахъ трехбунчужный Мустафа—Паша и Шахъ—Мансуръ старались возстановить порядокъ,—бой былъ конченъ, и побѣдителямъ оставалось только преслѣдовать и настигать бѣгущихъ, которымъ, въ жару мщенія, мало давали пощады *).

Пять часовъ продолжался этотъ памятный штурмъ; но,— по современному офиціальному отзыву **),—« мужествомъ и искусствомъ генераловъ, расторопностію и неустрашимостію штабъ и оберъ—офицеровъ, подававшихъ примѣръ нижнимъ чинамъ, и храбростію воинства, » которое четырекратно было останавливаемо *отчаянною* обороною непріятеля, наконецъ одержана полная побѣда.

Между тѣмъ какъ Русскія колонны штурмовали Анапскія укрѣпленія, на разсвѣтѣ тысячъ восемь Турецкой пѣхоты и Черкесской конницы съ пушками, спустясь съ горъ, атаковали наши войска въ тылъ и, частію, устремясь на вагенбургъ, напали *на отмынно храбрыхъ* Гребенскихъ и Семейныхъ казаковъ, въ намѣреніи поставить штурмовавшихъ между двухъ огней. Генералъ Загряжскій, *мужественно* предупредивъ нападеніе, пошелъ самъ въ атаку.

Въ то же время бригадиръ Щербатовъ, старшій по немъ, поспѣшно подвинувшись впередъ съ пѣхотою, послалъ въ подкрѣпленіе кавалерію, и тѣмъ успѣлъ удержать первый напоръ непріятеля. Таганрогскаго драгунскаго полка подполковникъ Львовъ, не дожидаясь приближенія Черкесъ, съ тремя эскадронами, *храбро* врубился въ ихъ конницу и, не допустивъ зайти въ тылъ казакамъ, опрокинулъ въ самое короткое время. Пораженный непріятель кинулся

*) Висковатовъ, говоритъ, что пощады не давали. Но Гудовичъ, въ своей Запискѣ, пишетъ, что она дана была «нѣкоторымъ Туркамъ, еще не утонувшимъ.»

**) Рапортъ Гудовича, всеподданнѣе представленный княземъ Потемкинымъ и помѣщенный въ *Собраніи разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній* (С. Петербургъ 1789 года), стр. 110.

было въ другую сторону, стрѣляя изъ пушекъ, но, полковникъ Спѣшневъ, посланный противъ него генераломъ Загряжскимъ, *съ отмынною храбростію* врубился также въ средину Черкесъ, и *сколько они не метались*, однако, не могли прорваться въ тылъ атаковавшимъ и, съ большимъ урономъ, были прогнаны въ горы.

Храбрость и искусныя распоряженія генерала Загряжскаго, обезопасивъ тылъ Русскихъ войскъ, сражавшихся на приступѣ, весьма способствовали къ взятію крѣпости. Безъ нихъ, войска, бывшія на штурмѣ, много бы потерпѣли отъ непріятеля, превосходившаго насъ въ силахъ, воспламененнаго убѣжденіями лжепророка и имѣвшаго въ горахъ всегда новыя подкрѣпленія.

Первыя минуты, послѣдовавшія за взятіемъ крѣпости, были ужасны. Побѣдители, раздраженные долгимъ сопротивленіемъ и понесенными ими потерями, помнили только о мщеніи. Напрасенъ былъ бы трудъ удерживать разъяренныхъ солдатъ. Примѣры всѣхъ войскъ показываютъ, что нѣтъ ничего ужаснѣе послѣдствій упорнаго штурма.

Въ крѣпости взяты 83 пушки, большею частію мѣдныя, и 12 такихъ же мортиръ*), большое количество снарядовъ, пороха и провіанта, болѣе 130-ти знаменъ **) и нѣсколько ***) булавъ и бунчуковъ. Разграбленіе города доставило побѣдителямъ *великую* добычу.

Непріятеля *побито на мсть* болѣе 8,000 человекъ, множество потоплено и погребено въ морѣ, а спаслось на судахъ, подлѣ крѣпости стоявшихъ, не болѣе 150-ти человекъ.

*) По рапорту Гудовича въ *Собраніи разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній* (С. Петербургъ, 1789 года) стр. 111. То же означено въ *Біографіи Россійскихъ Генералиссимусовъ* (III, 20), въ *Словарѣ достопамятныхъ людей* (II, 174) и въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд., т. I, стр. 401). Но въ Запискѣ Гудовича и у Висковатаго показано до ста орудій, а у Богдановича до 80-ти.

**) По рапорту и Запискѣ Гудовича; по *Военно-Энциклопедическому Лексикону* — до 140.

***) По рапорту Гудовича; у Висковатаго сказано: *множество*.

Въ плѣнъ взяты: трехъ-бунчужный Мустафа-Паша, командовавший подъ нимъ сынъ Баталь-Паши, прежде плѣнника *), много чиновниковъ, а простыхъ Турокъ и другихъ народовъ 5,944 мужескаго и 7,588 женскаго пола**), которые отправлены въ Тавриду.

Когда вся крѣпость была уже очищена, то стрѣляли еще по войскамъ изъ одной землянки, въ которой скрылся лжепророкъ Шейхъ-Мансуръ, съ 16-ю человекъ своихъ приверженцевъ. Но, по увѣщанію, и онъ былъ взятъ живымъ и отосланъ къ Высочайшему Двору ***).

Ежели, съ одной стороны, потеря горцевъ и Турокъ была велика, то, « по великому числу непріятели и отчаянной его оборонѣ », уронъ и Русскихъ былъ *не малъ*: по официальнымъ извѣстіямъ того времени, мы лишились 2-хъ штабъ и 21-го оберъ-офицера и 1,215 нижнихъ чиновъ убитыми; потеря ранеными состояла изъ 10-ти штабъ и 60-ти оберъ-офицеровъ и 2,401 рядовыхъ ****). Изъ числа

*) Сераскиръ Баталь-Паша, приходившій на Кавказскую Линію, былъ взятъ въ плѣнъ, въ кровопролитномъ сраженіи 30-го сентября 1790 года, генераль-маіоромъ Германомъ, — тѣмъ самымъ, который въ послѣдствіи, въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, командовалъ Русскими войсками въ Голландіи.

**) По рапорту Гудовича и *Военно-Энциклопедическому Лексикону*. По Запискѣ Гудовича — взято въ плѣнъ 18,000 человекъ; — по *Біографіи Русскихъ Генералиссимусовъ* (III, 20) и *Словарю достопамятныхъ людей* (II, 174) — до 14,000, а по Висковатову до 6,000 мужескаго и 7,500 женскаго пола.

***) Шейхъ-Мансуръ былъ привезенъ въ Царское Село 6-го іюня. « Тогда ему было 23 года, — говоритъ статсъ-секретарь Екатерины Храповицкій — и съ 17 лѣтъ началъ *проказничать*, сдѣлавъ черту, и наъ онъ стоилъ до 30,000 войска. Послѣ объѣда водили его близъ колоннады и Государыня изволила его видѣть. » (*Отечественныя Записки*, XXI, 1825, № 57, стр. 46 и 47). Онъ былъ сосланъ на житье въ Соловецкій монастырь.

****) По рапорту Гудовича. — По Запискѣ его убито 1,240 и ранено 2,415 человекъ. — Въ *Біографіи Русскихъ Генералиссимусовъ* (III, 20) и въ *Словарь достопамятныхъ людей* (II, 174) убито: 2 штабъ и 21 оберъ-офицеровъ и 1,215 рядовыхъ; ранено: 10 штабъ и 61 оберъ-офицеровъ и 2,401 рядовыхъ; — по Висковатову — убито: 23 офицера и 1,215 нижнихъ чиновъ и ранено: 70

послѣднихъ большая часть получила легкія раны и могла скоро выздороветь.

Гудовичъ, будучи личнымъ свидѣтелемъ всему сраженію и отдавая справедливость искусству, усердію и мужеству подчиненныхъ его, *отлично похвалялъ*: генераль-маіора *Загряжскаго*, « опрокинувшаго всѣ нападенія Черкесовъ и способствовавшаго тѣмъ побѣдѣ »; командовавшихъ на штурмѣ колоннами, генераль-маіора *Буманова*, « введшаго въ крѣпость свои колонны подъ жестокимъ огнемъ, оказавшаго отличную храбрость, подавшаго примѣръ неустрашимости своимъ подчиненнымъ, находившагося во все время въ самомъ жестокомъ огнѣ и увѣдомлявшаго главнаго своего начальника безпрестанно, гдѣ надобно было подкрѣпленіе », генераль-маіора барона *Шуца*, котораго колонна, отъ сильной обороны, хотя-было сначала и отступила, но, « отличною его храбростію и усердіемъ », вскорѣ приведена опять въ атаку, вошла въ городъ частію по опущенному мосту и частію на стѣну, и сражалась съ непріятеlemъ; генераль-маіора *Депрерадовича*, « оказавшаго отличную храбрость и усердіе и приведшаго свои колонны въ атаку »; бригадира князя *Щербатова*, « опрокинувшаго мужественно первое стремленіе Черкесъ »; бригадира *Поликарпова*, командовавшаго большимъ резервомъ, который « оказалъ тоекратно отличную храбрость, приводя пособіе изъ большого резерва въ самый сильный огонь, подавалъ примѣръ неустрашимости и, наконецъ, послѣднимъ подкрѣпленіемъ рѣшилъ побѣду »; ведшихъ колонны: гвардіи полковника *Чемоданова*, « завладѣвшаго лѣвою баттареею и кавальеромъ, и получившаго при томъ три раны »; вторую — составленную изъ драгунъ, полковника *Муханова*, « овладѣвшаго одною баттареею и потомъ раненаго »; третью — командовавшаго при входѣ на валъ полковника *Келлера*, столь тяжело раненаго, что упалъ въ ровъ, и по немъ принявшаго команду преміеръ-маіора

офицеровъ и 1,240 рядовыхъ; по *Военно-Энциклопедическому Лексикону* потеря убитыми и ранеными простиралась до 6,000, а по другимъ свѣдѣніямъ, официальнымъ (говоритъ этотъ Лексиконъ) до 4,000; — наконецъ по Богдановичу — убито 1,200 и ранено 2,500 человекъ.

Веревкина, который «овладѣлъ одною баттареею и тутъ раненъ, оказавши отличную храбрость»; четвертую — полковника *Самарина*, который «первый взвелъ на валъ свою колонну, находился въ самомъ сильномъ огнѣ до совершенія побѣды, овладѣвъ нѣсколькими баттарееями»; пятую, — подполковника графа *Апраксина*, «оказавшаго отличную храбрость» и получившаго рану; командовавшихъ резервомъ за первую и второю колоннами — подполковника *Лебедева*, «подоспѣвшаго на подкрѣпленіе и оказавшаго храбрость и усердіе»; подполковника *Винова*, «пришедшаго на подкрѣпленіе съ шестьюстами мушкетерами изъ большаго резерва, опустившаго мостъ, подававшаго великую помощь сражавшимся, какъ храбраго и достойнаго»; подполковника *Нелдова*, который, «подъ командою бригадира Поликарпова, введшаго изъ большаго резерва всю конницу съ большимъ стремленіемъ въ городъ, нанесъ страхъ неприятелю, и оказавши отличную храбрость»; а подъ нимъ отличившагося, какъ прежде такъ и тутъ, «въ храбрости и усердіи», секундъ-маіора князя *Орбеліанова* *); подполковниковъ: *Львова* и *Спѣшневца*, «атаковавшихъ съ неустрашимою храбростію Черкесъ и опрокинувшихъ ихъ съ большимъ урономъ»; подполковника *Синненберха*, «прикрывавшаго тылъ атакующихъ, отразившаго нѣсколько разъ покушенія Черкесъ и показавшаго храбрость и усердіе», артиллеріи маіоровъ: командовавшихъ баттарееями — *Меркеля*, который, «получа отъ ядра рану, имѣя переломленную руку, не преставалъ служить, наносилъ большой вредъ неприятелю и зажигалъ городъ»; *Домова-Сабурова* и артиллеріи капитана *Нелубова*, какъ «усердныхъ и храбрыхъ офицеровъ»; находившагося при главнокомандовавшемъ во все время похода и экспедиціи дежурнымъ полковника *Бушкевича*, «подъявшаго особливые труды и посланнаго въ продолженіе штурма въ разныя опасныя мѣста съ приказаніями»; дежурнаго при немъ же преміеръ-маіора *Карабина*, «посланнаго во время штурма въ опаснѣйшія

*) Въ Собраніи разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами ко двору донесеній, — онъ названъ Орбеліановымъ.

мѣста и трудившагося съ отміннымъ рвеніемъ»; своего генеральсь-адъютанта *Лабу*, «трудившагося всегда и во все время неутомимо, находившагося во время штурма при своемъ генералѣ и посланнаго съ приказаніями»; оберъ-квартирмистра *Штейдера*, «рекогносцировавшаго безпрестанно крѣпость и трудившагося во всю экспедицію»; штаба своего флигель-адъютанта *Голяховскаго*, Хоперскаго казачьяго полка поручика *Устилова*, Владимірскаго пѣхотнаго полка поручика *Отта* и Малороссійскаго гренадерскаго полка подпоручика *Душенкевича*, «посланныхъ безпрестанно въ опаснѣйшія мѣста съ повелѣніями и оказавшихъ вездѣ неустрашимость и усердіе»; находящагося помощникомъ при оберъ-квартирмистрѣ Владимірскаго мушкетерскаго полка подпоручика *Шелевскаго*, казачьихъ: Гребенскаго войска атамана капитана *Сехина*, Донскаго полковника *Кошкина* и Волскаго поселеннаго командовавшаго полкомъ подпоручика *Лысенкова*, получившаго на штурмѣ рану, «оказавшихъ во многихъ мѣстахъ храбрые поступки»; находящихся при главнокомандовавшемъ на беземѣнныхъ ординарцахъ полковъ драгунскихъ: подпоручиковъ, Астраханскаго — *Махилова*, Владимірскаго — *Лагутина*, Нижегородскаго — прапорщика *Хвостова*, карабинерныхъ: Нарвскаго — поручика *Казина*, Каргопольскаго — корнета *Стаханова*, Кавказскаго мушкетерскаго — прапорщика *Штейдера*, Хоперскаго казачьяго — есаула *Миронова*, «посланныхъ неоднократно во время штурма въ разныя мѣста съ приказаніями.»

Далѣе, Генераль Гудовичъ похвалялъ «за храбрость и мужество» слѣдующихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, рекомендованныхъ ему отъ частныхъ командировъ: отъ генераль-маіора Загряжскаго — подполковниковъ: Казанскаго мушкетерскаго *Бранта*, Астраханскаго драгунскаго *Разумовскаго*, Нижегородскаго мушкетерскаго преміеръ-маіора *Лобанова*, капитановъ драгунскихъ: Владимірскаго *Давыдова*, Таганрогскаго *Соймонова*, Нижегородскаго *Соколова*, *Шебашова*, *Николая Похвиснева*, Ростовскаго карабинернаго ротмистра *Щеголова*, капитановъ: Ладожскаго мушкетерскаго *Моложенинова*, Кавказскаго втораго егерскаго баталіона *Вялкова*, поручика артиллеріи *Семикова*; драгунскихъ полковыхъ квартирмистровъ: Владимірскаго

скаго *Сабенина*, Нижегородскаго *Патлога*, подпоручиковъ: артиллеріи барона *Адольфа Клода* и барона *Бориса Клода*, драгунскихъ: Владимірскаго *Якимова*, Нижегородскаго прапорщика *Нагальскаго*, казачьихъ: Гребенскаго войска комиссара *Мальниченкова*, станичныхъ: сотника *Борисова*, хорунжихъ: *Грузина*, *Семенникова*, *Мельникова*, *Ергушева*, Семейнаго старшину *Попова* и хорунжаго *Ефимова*, Хоперскаго поручика *Лучкина*, и прапорщиковъ: *Борисенкова* и *Ярова*.

Отъ генераль-маіора Булгакова: Нижегородскаго драгунскаго полка премьеръ-маіора *Лама*, пѣхотныхъ полковъ: Владимірскаго, капитана *Чичагова*, — получившаго на штурмъ рану, Воронежскаго, капитана *Матякина*, Тифлискаго поручика *Лебедева*, Кавказскаго егерскаго корпуса четвертаго баталіона капитана *Бачурина* — который «взошедъ съ егерями на батареи, овладѣвъ ими, заклепалъ у пушекъ затравки и нѣкоторыя опрокинулъ вверхъ лафетами, при чемъ и раненъ», Владимірскаго пѣхотнаго, поручика *Нелединскаго-Мелецкаго*, подпоручика *Грекова*, адъютанта *Чертопрудова*, — изъ коихъ два послѣдніе на штурмъ ранены, прапорщика *Алексѣя Куламина*, Воронежскаго, капитана *Судьяшева*, поручика *Прокофьева*, подпоручика *Павловскаго* — на штурмъ раненыхъ, подпоручика *Грекова*, Тифлискаго прапорщика *Маслова*, Кавказскаго корпуса егерскихъ баталіоновъ: перваго — капитана *Сомова*, поручика *Карнатовскаго*, прапорщика *Петровскаго*; четвертаго — капитана *Карягина*, — всѣхъ четырехъ на штурмъ раненыхъ, поручика *Еропкина*, подпоручиковъ: *Каблукова*, *Пироговскаго* и *Шелевскаго*, драгунскихъ полковъ: Нижегородскаго, поручика *Кучерова*, прапорщиковъ: *Трунова*, *Филиппова* и *Хардина*, — всѣхъ четырехъ на штурмъ раненыхъ, прапорщика *Гирша*, Астраханскаго капитановъ: *Буша*, *Депонскаго*, *Книпера*, поручика *Башкатова*, — всѣхъ четырехъ на штурмъ раненыхъ; подпоручика *Попова*, Таганрогскаго, поручиковъ: *Мурзинскаго Турченинова*, подпоручика *Черкасова*, прапорщика *Агаркова*, Владимірскаго: капитана *Каченевскаго*, подпоручиковъ: *Якимова*, *Тимофьева*, прапорщиковъ: *Макова*, *Болотникова*, *Пашевкина*, — всѣхъ шестерыхъ на штурмъ раненыхъ; Кавказскаго 4-го егерскаго баталіона

секундъ-маіора *Мантшайло*, Казанскаго мушкетерскаго поручика *Капышова*, — «который снялъ со стѣны знамя», — и Хоперскаго казачьяго есаула *Касякина*.

Отъ генераль-маіора барона Шица: Брянскаго мушкетерскаго полка премьеръ-маіора *Немцова*, — «вступившаго, на мѣсто раненаго подполковника графа Апраксина, въ командованіе колонною, поступившаго храбро и получившаго двѣ контузіи», Таврическаго егерскаго корпуса подполковника *Штемпеля*, Таврическаго конно-егерскаго полка полковника *Годлевскаго*, подполковника *Сентянина*, секундъ-маіоровъ: *Данула* и *Древица*, ротмистровъ *Акима* и *Григорія Вунчевыхъ*, Генеральнаго Штаба дивизионныхъ квартирмистровъ: *Мухина*, *Егмана*, колоновожатаго *Емельянова*, конно-егерскаго Таврическаго полка корнета *Литрича*, — который и раненъ, Кинбургскаго драгунскаго полка поручика *Чемькина*, отставнаго маіора *Гавра*, — добровольно при штурмѣ находившагося съ тремястами казаками; Севскаго мушкетерскаго полка поручика *Караценова*, корнетовъ: *Дьяконицкаго*, *Литрича*, *Соколова* и *Катина*, Кинбургскаго драгунскаго полка поручиковъ: *Панчумидзева*, *Дьвайнобло*, прапорщика *Бокуша*, Брянскаго мушкетерскаго полка капитана *Искру*, подпоручиковъ: *Панасенкова* и *Селиверстова*; Таврическаго егерскаго корпуса капитана *Филимонова*, — раненаго, поручиковъ *Русакова*, — раненаго, *Данилевскаго* и *Александровича*, подпоручика *Воробьева*, артиллеріи поручиковъ: *Салькова* и *Дунина*, штыкъ-юнкеровъ: *Ефимовича* и *Соколова* и адъютантовъ: *Афанасьева* и *Соколова*, ротмистра *Степанова*, поручика *Ланге*, аудиторовъ: *Варена*, *Тодорова*, *Селезнева*; войска Донскаго полковниковъ: *Грекова*, *Чернозубова* и *Сулмина*, поручика *Аврамова*, есаула *Тронина*, хорунжаго *Куденова*, поручика *Григорья Попова*, хорунжаго *Ивана Попова*, Волгскаго полка подпоручика *Страшнова*, прапорщика *Тимофьева*, сотниковъ: *Попови* и *Венеровскаго*, хорунжихъ: *Ускова* и *Карсунскаго* — на штурмъ раненыхъ; Донскаго войска полка Грекова капитана *Ермолаева*, есауловъ: *Грекова*, *Юдина*, и сотника *Плахова*.

Отъ генераль-маіора Депрерадовича: Ладогскаго мушкетерскаго полка премьеръ-маіора *Клекера*, Тифлискаго муш-

кетерскаго, капитановъ: *Монтрезора* и *Крона*, поручиковъ: *Кузенева*, *Евсеева* и *Цекута*, — послѣднихъ трехъ на штурмъ раненыхъ, подпоручиковъ: *Тимофья Дударя*, *Бекренева*, *Чегищева*, *Илью Дударя* — на штурмъ раненаго, адъютанта *Катова* и прапорщика *Поляйскаго*; Нижегородскаго мушкетерскаго капитана *Сазонова*, на штурмъ раненаго, поручиковъ: *Кртова*, *Бабушкина*, *Скрытина*, подпоручиковъ: *Виногорова*, *Савенкова*, адъютантовъ: *Блынова*, *Волкова* и прапорщика *Вентлера*; Кавказскаго егерскаго корпуса перваго баталіона капитана *Доброклонскаго*, поручика князя *Саакадзева*, подпоручиковъ: *Сытина*, — на штурмъ раненаго, *Грекова*, адъютанта *Кузминскаго*; четвертаго баталіона капитана *Семенова* — на валу раненаго, поручиковъ: *Зервалта*, *Испревича* — на штурмъ раненаго, подпоручика *Прозрителева*, аудитора *Сабастіана* и адъютанта *Швецова* — на штурмъ раненаго; Казанскаго мушкетерскаго капитана *Готовцова*, поручика *Большеполова*, подпоручика *Ушакова* и прапорщика *Богданова*; Ладогскаго мушкетерскаго поручика *Курова*, — которые все на штурмъ ранены; Нарвскаго карабинернаго полковаго квартирмейстера *Михайла Депрерадовича*, поручиковъ: *Родіона* и *Петра Депрерадовичей*, *Мениха* и адъютанта *Ларина*.

Отъ бригадира Поликарпова: Таганрогскаго драгунскаго полка секундъ-майора *Вечія*; капитановъ: Владимірскаго драгунскаго *Васильева*, *Гладкова* и *Заблоцкаго*, Астраханскаго драгунскаго *Пищевича*, *Петерсона* и *Книпера*, Нижегородскаго *Швейцера*, Таганрогскаго *Деменкова* и *Штейна*, Казанскаго мушкетерскаго *Силицына* — получившаго контузію, Кавказскаго втораго егерскаго баталіона *Асеева*, поручиковъ Владимірскаго драгунскаго *Акулова*, *Деспатовича*, *Домофирова*, Астраханскаго *Пищевича*, Нижегородскаго *Вельминова*, Таганрогскаго *Доброхотова*, *Фамса* и *Аладына*; пѣхотныхъ: Владимірскаго *Данкварта*, *Макъева*, *Колокольцова* и *Тулубьева*, Казанскаго полковаго квартирмейстера *Жолобова*, подпоручиковъ: Владимірскаго *Софонова*, *Львова* и *Струкова*, адъютанта *Терешина*, — который и раненъ; прапорщиковъ: *Головинскаго*, *Жильцова* и *Романова*, Нижегородскаго *Акулова*, Астраханскаго *Арсенева*, пѣхотныхъ:

Владимірскаго *Кулумьина* и Казанскаго *Зубкова*; отъ артиллеріи майора *Домова-Сабурова*: подпоручиковъ: *Мауринова*, *Уварова*, *Пфунта* и штыкъ-юнкера *Папкова*.

Въ заключеніе же Гудовичъ свидѣтельствовалъ, что все, какъ штабъ и оберъ-офицеры, такъ и нижніе чины, оказали въ этомъ дѣлѣ *усердіе и храбрость*.

На другой день по покореніи Русской Державѣ Анапы, Иванъ Васильевичъ послалъ особенный отрядъ для взятія крѣпости Суджукъ-Кале, въ 27-ми верстахъ находившейся. Непритель, уstraшенный скорымъ отправленіемъ туда войскъ и сильнымъ пораженіемъ Анапы, зажегъ крѣпость, самъ спасся на суда, приходившія берегомъ моря къ Анапѣ, но не успѣлъ захватить 23-хъ пушекъ, увеличившихъ число нашихъ трофеевъ *).

Извѣстіе о взятіи Анапы, прибывшее въ Петербургъ вмѣстѣ съ донесеніемъ генерала князя Репнина о разбитіи Турокъ при Мачинѣ, было принято Правительствомъ съ величайшею радостію.

Кровопрлитный Анапскій приступъ, совершенный годомъ послѣ Измаильскаго, не былъ столько же прославленъ, какъ этотъ послѣдній, но долгъ справедливости требуетъ сказать, что онъ стоилъ Гудовичу едва ли не бѣльшаго труда, чѣмъ Измаильскій Суворову. Для доказательства этого довольно разсмотрѣть слѣдующія обстоятельства: Суворовъ, осаждая Измаилъ, имѣлъ противъ себя крѣпость, окруженную со всехъ сторонъ непріятелемъ и, слѣдовательно, лишнюю всякаго подвоза. Гудовичъ могъ обложить Анапу только съ сухаго пути, а со стороны моря она была совершенно безопасна и могла получать подвозы всякихъ припасовъ. Суворовъ зналъ одного непріятеля, бывшаго впереди его — въ стѣнахъ крѣпости; тылъ его арміи былъ обезпеченъ и обозы находились въ безопасности. Корпусъ Гудовича, напротивъ, поставленный, можно сказать, между двухъ огней, между горами и крѣпостью, былъ ежедневно обезпечиваемъ съ обѣихъ этихъ сторонъ. Въ случаѣ не-

*) По Запискѣ Гудовича. Во *Біографіи Генералиссимусовъ* (III, 20), *Словарь достопамятныхъ людей* (II, 175) и у Васковатаго показано 25 пушекъ.

удачи Суворовъ могъ отступить, хотя геній великаго полководца вѣроятно бы не дозволилъ себѣ ретираты; Гудовичъ, отраженный на приступѣ, имѣлъ передъ собою Черкесъ и море.

Въ заключеніе должно замѣтить, что обстоятельства, послѣдовавшія за покореніемъ Анапы и Измаила, были между собою весьма сходны и служатъ однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ, что часто одинъ день промедленія можетъ дать совсѣмъ иной оборотъ дѣлу и что военный человекъ, особенно полководецъ, отъ котораго распоряженій рѣшается не рѣдко судьба не только одной крѣпости или арміи, но цѣлыхъ государствъ, долженъ обладать рѣшительностію. Извѣстно, что если бы Суворовъ отложилъ хотя на одинъ день штурмъ Измаила, то долженъ бы былъ оставить это предпріятіе безъ исполненія, — ибо чрезъ нѣсколько часовъ по взятіи крѣпости наступила сырая погода, пошелъ дождь, земля сдѣлалась слизкою и войска не могли бы идти на приступъ. Подобно этому, только въ другомъ видѣ, случилось и съ Гудовичемъ: если бы нашъ герой только однимъ днемъ позже положилъ совершить приступъ, то долженъ бы былъ вовсе отказаться отъ него и безъ успѣха отойти отъ крѣпости. На другой день *) по взятіи Анапы подошелъ къ ней и весь большой непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 70-ти судовъ, подъ командою самаго капитанъ-паши. Ставъ на якорѣ верстахъ въ 15 ти, не видя нашего лагеря и не зная, что судьба крѣпости рѣшена, онъ отправилъ къ берегу три кирлангича. Гудовичъ приказалъ войскамъ не показываться на валу и не стрѣлять, пока не подойдутъ суда на картечный выстрѣлъ. Отъ такого распоряженія одинъ кирлангичъ ввечеру вошелъ въ гавань. Было уже довольно темно, а со стѣнъ на Турецкомъ языкѣ приглашали экипажъ сдѣлать высадку. Нѣсколько Турокъ пересѣли на шлюбку и подъѣхали къ самой крѣпости. Тогда, предварительно приготовленные гренадеры, кинувшись въ море, — не глубокое у береговъ, — овладѣли шлюбкою

*) По рапорту Гудовича въ *Собраніи разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотами къ Двору доносеній* (С. Петербургъ 1789 года); а по Зѣпекѣ Гудовича — чрезъ три дня.

и плѣнили начальника и гребцовъ; за тѣмъ уже сдѣлось и судно, стоявшее на якорѣ съ пушками и оставшимися на немъ Турками. Флотъ ничего не зналъ объ этомъ, но на другой день увидѣлъ приплывавшихъ къ нему множество убитыхъ Турокъ, одѣтыхъ и раздѣтыхъ, которыхъ Гудовичъ, *по причинѣ ихъ великаго числа*, не въ состояніи будучи похоронить, приказалъ бросать въ море. Это до того устрашило непріятели, что капитанъ-паша не могъ уговорить своихъ подчиненныхъ остаться, и долженъ былъ, по ихъ требованіямъ, поднявъ паруса, удалиться.

Отправивъ изъ крѣпости, на судахъ, присланныхъ отъ генераль-аншефа Каховскаго, изъ Тамани, всѣ пушки, мортиры и сколько было возможно поднять пороку и снарядовъ, Гудовичъ, по данному ему повелѣнію, забросалъ оставшимися Турецкими снарядами всѣ колодцы, зажегъ крѣпкіе палисады на валу, обложивъ ихъ тростникомъ, и подорвалъ батареи и пороховой погребецъ. Потомъ, двинувшись съ войсками въ обратный путь, вдоль горъ, онъ покорилъ всѣ народы, на сѣверной сторонѣ ихъ обитавшіе, и взялъ отъ нихъ болѣе ста человекъ аманатовъ, а другіе, далѣе жившіе, доставили заложниковъ уже послѣ, прямо на Кавказскую Линію.

Перешедъ обратно чрезъ Кубань и отправивъ впередъ, какъ раненыхъ, такъ и весь излишній обозъ, съ *большою* добычею нижнихъ чиновъ, самъ Генераль, послѣ половины августа, повелъ войска на Кавказскую Линію, для расположенія ихъ по-прежнему.

Признательная къ заслугамъ Монархія наградила Ивана Васильевича за этотъ его подвигъ орденомъ Св. Георгія 2-го класса и шпагою, украшенною лаврами и алмазами.

Нѣкоторые иностранные писатели утверждаютъ, что Анапское кровопролитіе было совершенно напрасно, и что взятіе этой крѣпости, сопряженное съ большими потерями, не имѣло желанныхъ слѣдствій. Мнѣніе совершенно несправедливое. Извѣстіе о покореніи Анапы устразило Диванъ до того, что онъ предписалъ верховному визирю вступить немедленно въ переговоры о мирѣ, котораго прелиминарныя статьи и были подписаны 31-го іюля 1791 года.

Возвратясь на Кавказскую Линію, въ послѣднихъ числахъ октября того же (1791) года, Гудовичъ занялся составле-

ніемъ описанія Линіи, со всѣми подробностями, которое и представилъ Ея Величеству съ своимъ мнѣніемъ: построить вновь на Кубани и Терекѣ, *въ надобныхъ и извѣстныхъ ему мѣстахъ*, крѣпости, и увеличить населеніе Линіи, какъ для обезпеченія сообщенія съ Дономъ, — ибо, до его командованія, горскіе народы не только свободно появлялись на дорогѣ, ведущей къ Черкасску, и забирали на ней въ плѣнъ, но даже разорили одно селеніе и людей увлекли въ пещеру, — такъ и для обезпеченія селеній, на рѣкѣ Терекѣ лежавшихъ.

Государыня, въ Именномъ указѣ, данномъ Гудовичу, 28-го февраля 1792 года, отозвалась объ его предположеніи въ слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ *).

«Разсматривая донесенія ваши отъ 16-го января и всѣ обстоятельства онаго, съ удовольствіемъ видимъ, что вы съ достойнымъ хвалы раченіемъ и точностію вошли въ подробное разбирательство вѣреннхъ вамъ въ охраненіе предѣловъ Нашихъ. Всѣ изображенныя въ ономъ предположенія основательны и благоразумны, предписанію же Нашему о доставленіи обстоятельныхъ свѣдѣній о тамошнемъ краѣ удовлетворяютъ въ полной мѣрѣ.»

Въ слѣдствіе этого Всемилоствѣйшаго мнѣнія, тѣмъ же указомъ, начертана была Высочайшая воля въ слѣдующихъ статьяхъ:

1) Мѣры къ *усовершенію* Линіи, простиравшейся тогда отъ устья Терека вверхъ до Екатеринограда, представленныя Гудовичемъ, *приняты за благо*. Государыня требовала только, чтобы, по *прилежномъ* осмотрѣ теченія Терека отъ Кизляра до Каспійскаго моря, Генераль всеподданнѣйше доставилъ подробное свѣдѣніе: *какимъ числомъ работниковъ и во сколько времени воды этой рѣки могутъ быть обращены въ старое теченіе свое*.

2) Все предположенное имъ строеніе крѣпостей и редутовъ, отъ Екатеринограда до Воронежскаго редута, необходимое для закрытія отъ горскихъ народовъ земель, намъ принадлежавшихъ, повелѣно привести въ исполненіе *къ наи-*

*) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи. 1 собр. т. XXIII, № 17,025.

лучшей оборонѣ. Для этого предсѣдательствовавшій въ Военной Коллегіи обязанъ былъ послать въ начальство Гудовича *растороннаго и искуснаго въ полевыхъ укрѣпленіяхъ* инженера, для составленія подробныхъ проектовъ и смѣтъ, чтобы заблаговременно можно было ассигновать необходимые на то суммы.

3) Хоперскихъ и Волгскихъ казаковъ переселять, какъ предполагалъ Гудовичъ, Государыня *не признала полезнымъ*; но въ назначенныя Генераломъ къ основанію 12 станицъ Высочайше повелѣла поселить казаковъ войска Донскаго, не менѣе какъ по 200 семей въ каждую станицу, кромѣ Усть-Лабинской, въ которую назначила 400, итого до 3,000 семей. *Всего легче и удобнѣе* Императрица признала употребить къ этому поселенію шесть Донскихъ полковъ, уже находившихся на Линіи подъ его начальствомъ. Раздѣливъ по станицамъ эти полки, Иванъ Васильевичъ долженъ былъ приказать имъ съ весны строить избы, для скорѣйшаго окончанія которыхъ могъ, по своему усмотрѣнію, употребить въ помощь и прочія войска, и обязанъ былъ приложить *крайнее стараніе* снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ *для жилья въ селеніяхъ*. Положеніе и штатъ объ ихъ довольствованіи Генералу поручено представить на Высочайшее утвержденіе. Впрочемъ, если бы нѣкоторые изъ числа переселяемыхъ казаковъ пожелали возвратиться на Донъ, а вмѣсто себя нашли охотниковъ перейти на Кубань: то такой *обмѣнъ* имъ не запрещался. Для построенія въ станицахъ храмовъ Божіихъ, Высочайше повелѣно отпустить на каждую по 500 рублей, а переселяемымъ выдать на основаніе cadaго двора по 20 рублей изъ экстраординарной суммы, въ распоряженіи Гудовича находившейся. При томъ Государыня обѣщала, вслѣдъ за донесеніемъ его по этому предмету, дать кому слѣдуетъ повелѣнія, чтобы къ осени вывести съ Дона семьи казачьи, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ къ переселенію. Все относящееся до этихъ казаковъ было Высочайше поручено генераль-маіору Савельеву, подъ главнымъ начальствомъ Гудовича, а собственному попеченію нашего героя *особенно* ввѣрено сохраненіе и доброе устроеніе переведенцовъ на новыхъ ихъ жилищахъ, такъ, чтобы *ожидаемая отъ сего польза немедленно послѣдовать могла*. «Таковою услугою предъ

Нами и Отечествомъ, — заключила Императрица, — несомнѣнно пріобрѣтете Монаршее благоволеніе и милость Нашу.»

4) Расположеніе войскъ, артиллеріи и магазиновъ, Высочайше отнесено къ особенному попеченію командующаго на Линіи; но въ *генеральности же*, все представляемое Гудовичемъ объ этомъ, Монархинею призвано *по справедливости достойно благопріятія и въ полной мѣрѣ и во всѣхъ частяхъ апробовано*. Согласно этому повелѣнію: возвратитъ изъ арміи на Линію Кубанскій егерскій корпусъ, вмѣсто котораго причислитъ къ войскамъ, находившемся въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ, полки мушкетерскіе: Нижегородскій, — часть котораго тогда зимовала въ Бахмутскомъ и Донецкомъ округахъ, — и Ладожскій, — тогда расположенный въ южныхъ округахъ Воронежскаго намѣстничества, — присоединивъ къ нимъ три карабинерные полка, въ начальствѣ Гудовича находившіеся, которые не признавалъ онъ способными *къ потребному роду службы на Кавказской Линіи*. Вмѣсто отчисленныхъ съ Линіи войскъ разрѣшено употребитъ два полка драгунскіе изъ Кубанскаго корпуса.

5) Касательно переселенія малоземельныхъ государственныхъ крестьянъ изъ внутри Россіи, предположеннаго Гудовичемъ *«разсуждаемъ»*, — писала Императрица, — что когда, строеніемъ крѣпостей по Линіи, земли эти закрыты будутъ, и хлѣбопашцамъ доставится безопасность и спокойствіе, тогда сами собою, безъ убытковъ казнѣ, и помѣщики, и государственные крестьяне мало по малу стануть переноситъ жительства свои въ эту *привольную* страну; и вскорѣ выходя изъ малоземельныхъ намѣстничествъ, заселятъ ее *къ пользѣ и выгодамъ и собственнымъ и государственнымъ*.»

6) Часть Татаръ, кочевавшихъ въ срединѣ Линіи, сообразно предположенію еще генералъ-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, — Высочайше повелѣно перевести на Молочныя воды, а другую часть на Куму и *пріобщи*тъ ихъ къ Туркменцамъ, тамъ кочевавшимъ, сходно съ представленіемъ Гудовича. О первыхъ дано было Высочайшее повелѣніе Таврическому губернатору, генералъ-маіору Жегулипу, чтобы онъ, по сношенію съ Гудовичемъ, къ пе-

реселенію означенныхъ Татаръ принялъ заблаговременно нужныя мѣры, доставя имъ всѣ тѣ выгоды, какія всѣмъ переселявшимся тогда подъ державу Русскую народамъ были дарованы манифестомъ, изданнымъ 14-го іюля 1785 года.

Наконецъ, 7) Государыня подробно занялась судьбою Кабардинцевъ. «Безначаліе, вкореняющее безпорядки, наглость и хищничество, какъ въ Большой, такъ и въ Малой Кабардѣ, — писала Монархиня, — есть причиною, что сей подданный Намъ народъ до сихъ поръ не могъ быть обращенъ ни къ какой пользѣ имперіи, но буйствомъ своимъ наносилъ единыя безпокойства и заботы.» Но Императрица была увѣрена, что *свирѣпыя* нравы ихъ укротитъ было *удобовозможно*, послѣдуюя правиламъ, свойственнымъ извѣстному Ея челоѣколюбію и попеченію о благѣ каждаго. «Не единою силою оружія, — провозглашала Великая Правительница, — предлежитъ побѣждать народы, въ неприступныхъ горахъ живущіе и имѣющіе надежныя въ оныхъ отъ войскъ Нашихъ убѣжища, но паче правосудіемъ и справедливостію нужно пріобрѣсть ихъ къ себѣ довѣренность, кротостію смягчать нравы, выигрывать сердца и пріучать ихъ болѣе обращаться съ Русскими.» Для этого Высочайше признано необходимымъ: а) *Всячески ласкать и привлекать* къ себѣ *лучшихъ* людей Кабардинскаго народа; а о тѣхъ, которые наиболѣе оказывали преданности къ Россіи, позволено Гудовичу входить со всеподданнѣйшими представленіями, съ обѣщаніемъ жаловать ихъ чинами, деньгами или *иными отличностями*, по Высочайшему благоусмотрѣнію. «Наипаче же, — прибавила Государыня, — изліется Монаршая щедрота и милость Наша на пріемлющихъ добровольно вѣру Христіанскую.» Таковыя щедроты, — заключала Великая, — конечно послужатъ и для прочихъ ободреніемъ подражать тѣмъ, которые будутъ оказываться къ ней приверженными. б) *Твердо наблюдать*, чтобы ни отъ войскъ, ни отъ казаконъ, на Линіи находившихся, не было производимо ни малѣйшаго притѣсненія и обиды горцамъ, пріѣзжающимъ въ наши крѣпости, *наистрожайше* подтверждая, чтобъ начальники военные, полевые и гарнизонные не допускали подчиненныхъ своихъ ни до какихъ своевольствъ противъ Кабардинцевъ и иныхъ горскихъ народовъ, — отогнаніемъ

табуновъ, хищеніемъ и тому подобнымъ образомъ, — подвѣргая подъ судъ и *жесточайшее* наказаніе всякаго, кто станетъ поступать противно этому, «яко преступника, — говоритъ Императрица, — который поведеніемъ своимъ даетъ поводъ къ нарушенію спокойствія подданныхъ Нашихъ и тѣхъ, коимъ увѣренность и тишина отъ Насъ дарованы»; ибо *иптъ сомилія*, — пояснила Монархиня, — что такое съ нашей стороны *позущеніе*, навлекало бы отъ этихъ дикихъ народовъ воровства и грабежи *изъ отщепенія*. в) На первое время Высочайше признано полезнымъ учредить между ними, по числу родовъ, суды, для владѣльцовъ — подъ именемъ *Кабардинскій такого-то рода судъ*, а для узденей — *родовыя расправы*, составивъ и тѣ, и другія изъ *лучшихъ* людей, выбранныхъ или самими, *не примышляя* къ нимъ никого изъ нашихъ офицеровъ, по примѣру тому, какъ въ разсматриваемое время *съ пользою* существовали расправы въ Оренбургѣ между Киргизами *). Выбраннымъ въ родовые суды и расправы членамъ Высочайше обѣщано назначить приличное жалованье, по полученіи отъ Гудовича примѣрнаго положенія. Сверхъ этой выгоды, то есть содержанія, предписано имъ дать *и уваженіе*, чтобы *послушаніе къ рѣшеніямъ своимъ утвердить могли*.

Не измѣнимъ Монархиня признавала также учредить и *Верхній пограничный судъ*, въ Моздокѣ или Екатериноградѣ, въ которомъ бы присутствовали также выбранные изъ Кабардинскихъ родовъ *первѣйшіе* люди и депутаты приѣзжающихъ туда народовъ, съ опредѣленными отъ Россіи чиновниками. «Вообще Кабардинскіе родовые суды и расправы, — пояснила Императрица, — могутъ судить тяжбы ихъ дѣла и малые проступки *по ихъ обыкновеніямъ*; но важныя преступленія, — какъ то: измѣна, убійство и разбой, — должны входить въ разсматриваемы быть въ пограничномъ судѣ *по законамъ Нашимъ*, и со мнѣніемъ этого суда представляемы къ генераль-губернатору; но если бы случилось, что имѣнныя дѣла въ родовыхъ судахъ и распра-

*) Для соображеній Гудовича Государыня тогда же препроводила къ нему выписку объ этихъ послѣднихъ.

вахъ не были разборомъ ихъ довольны, въ такомъ случаѣ дозволено имъ просить въ пограничномъ судѣ, который обязанъ былъ доставлять тяжущимся справедливое и *безволонитное* удовлетвореніе.»

Такое образованіе Кабардинскаго народа Императрица возложила на *благоразуміе и опытность* Ивана Васильевича, и требовала, чтобы онъ, основываясь на этихъ общихъ, Высочайше начертанныхъ, правилахъ, старался привести ихъ въ дѣйствіе *наилучшимъ способомъ единымъ убѣжденіемъ, и не иначе, какъ сходственно желанію и доброй волѣ Кабардинцевъ*. Для этого Высочайше предоставлялось Генералу, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ тамошняго края, по обстоятельству и *умоначертанію* народовъ, сдѣлать *обстоятельное* предположеніе, гдѣ учредить родовые суды и расправы и верхній пограничный судъ, и какъ удобнѣе къ исполненію этого приступить. По мѣрѣ же всеподданнѣйшихъ его донесеній Высочайше обѣщано не оставлять и впредь давать Монархиня наставленія.

Для лучшаго и удобнѣйшаго убѣжденія и поощренія къ принятію подобныхъ учрежденій, порядка и подчиненности, Всемилостивѣйше *за благо* признано, чтобы Гудовичъ заведенія эти и внушенія свои производилъ посредствомъ единопородца ихъ генераль-маіора Горича, или кого иного, по усмотрѣнію его къ тому способнаго; наконецъ, чтобы и *вѣру ихъ обратить къ тому же предмету, нужно бы*, — писала Императрица, — этому лицу придать въ помощь нѣсколько муллъ изъ Казанскихъ Татаръ, которымъ и мечети заводить въ Большой и Малой Кабардѣ обѣщано дозволить. Кромѣ того, Государыня спрашивала, не признаетъ ли Гудовичъ полезнымъ, для *сильнѣйшаго* впечатлѣнія и утвержденія привязанности къ Россіи горскихъ народовъ, отправить къ себѣ на нѣкоторое время находившагося въ Оренбургѣ муфтія, который, съ пользою употребленъ былъ для спокойствія тамошняго края, и для введенія устройства между дикими Киргизскими народами?

«Впрочемъ, — въ заключеніе повелѣвала Монархиня, — предлежитъ вамъ вообще долгъ и стараніе привлекать къ Намъ всѣ народы Кавказскіе, приводить ихъ въ нѣкоторый родъ зависимости отъ Высочайшаго Престола Нашего, обращать къ пользамъ Имперіи и ихъ собственнымъ, и рас-

пространить убѣжденіемъ благоустройство и законы Наши, кои Мы имъ дать готовы, къ ихъ собственному спокойствію, тишинѣ и благоденствію.»

Вслѣдъ за тѣмъ нашему герою Всемиловѣйше повелѣно быть, сверхъ управляемыхъ имъ губерній Рязанской и Тамбовской, также генераль-губернаторомъ Астраханскимъ, называемымъ тогда Кавказскимъ.

Тотчасъ по полученіи изложеннаго Высочайшаго указа, отправился Гудовичъ на Кубань съ присланнымъ къ нему инженернымъ генераль-маіоромъ Ферре, и лично назначилъ мѣста для крѣпостей (потому что, — пишетъ онъ: «я и самъ инженерной наукѣ наученъ»). Начиная съ низу Кубани, онъ построилъ *Усть-Лабинскую* крѣпость, далѣе *Кавказскую*, на углу Кубани, гдѣ рѣка поворачивается на лѣво и противъ послѣдняго селенія на Линіи, называемаго тогда Донскою крѣпостью, и связалъ эти двѣ крѣпости нерегулярными редутами, съ прикрытіемъ и пушкою; за тѣмъ укрѣпилъ находившуюся уже вверху Кубани крѣпость *Прочной-Окопъ*, которая была *худо сдѣлана*, и, наконецъ, далѣе, вверхъ по Кубани, распространилъ *малую* крѣпость *Константиногорскъ*, составлявшую связь между селеніями на рѣкахъ Малкѣ и Терекѣ, а между Моздокомъ и Кизляромъ, имѣющими разстояніе 200 верстъ, построилъ также крѣпость, названную *Шелководскою*.

При новомъ этомъ распоряженіи для охраненія дистанціи, и безъ того природою укрѣпленной, — говоритъ добросовѣстный изслѣдователь Кавказской Линіи, Дебу*), — не было обращено должнаго вниманія на пространство отъ Константиногорска и Бѣломечетскаго поста, что на Малкѣ, до Баталь-Пашинскаго редута, раздѣлявшаго горскихъ народовъ, насъ окружавшихъ, отъ жителей, расположенныхъ внутри Кавказской губерніи. По тогдашнимъ, для насъ выгоднымъ, обстоятельствамъ, Гудовичу надлежало воспользоваться состоявшими въ это время, въ полномъ его распоряженіи, способами для занятія всей плоскости, заключающейся между вершинами рѣкъ Малки и Кубани, и, такимъ образомъ,

*) Дебу, *О Кавказской Линіи и присоединенномъ къ ней Черноморскомъ войскѣ* (посвящено Государю Императору Николаю Павловичу). Сиб., 1829 г., стр. 168—169, 374—376.

весьма удобно было соединить фланги новоучрежденной Линіи посредствомъ первой изъ этихъ рѣкъ, и тѣмъ избѣгать сухой границы, оказавшейся въ послѣдствіи столь намъ невыгодною. Отъ этого распоряженія пріобрѣтены были бы, — по мнѣнію Дебу, — еще и слѣдующія не малозначущія выгоды:

1) Прекращеніе между Кабардинскими и Закубанскими народами свободнаго сообщенія. Этимъ средствомъ она, вообще, будучи удерживаемы отъ внезапныхъ въ наши предѣлы вторженій, удобно могли бы и порознь встрѣчать преграду наносить важный вредъ поселянамъ Кавказской области.

2) Отнятіе у жившихъ внутри Кавказской области Ногайцевъ, вознаграждавшихся покровительствомъ Кабардинцевъ и Закубанскихъ народовъ, возможности споспѣшествовать паглымъ хищническимъ нападеніямъ своихъ единовѣрцевъ.

3) Отнятіе способовъ, происходившихъ отъ столь тѣснаго союза между этими народами, передавать въ другія руки похищенное ими, и тѣмъ избавляться отъ строгой по этому предмету отвѣтственности.

4) Уничтоженіе производимаго горскими народами невольничества и торга христіанскими невольниками, во владѣніи Оттоманской Порты.

5) Обезпеченіе проживавшихъ въ лѣтнее время на минеральныхъ водахъ посѣтителей, отъ смежности съ хищными народами, долго еще послѣ того не вовсе безопасныхъ.

И, наконецъ, 6) удаленіе всѣхъ причинъ, способныхъ распространить въ предѣлахъ Кавказской области заразительную болѣзнь, не рѣдко свирѣпствовавшую между окружающими насъ народами.

При этомъ должно замѣтить, — продолжаетъ Дебу, — что если бы, при первоначальномъ основаніи Линіи, мѣры эти не были упущены Гудовичемъ изъ виду, то для *усовершенія* великаго плана, предначертаннаго безсмертнымъ Петромъ, учредить сухопутную и безопасную дорогу, способствующую торговымъ связямъ между Россією и Индією, оставалось бы только занять пространство земли по Черному Морю до самыхъ Кавказскихъ горъ, Закубанцами и разными народами обитаемое, и, сближаясь съ ними, обезопасить новое это пріобрѣтеніе удержаніемъ взятой тогда Анапы.

Польза, которая могла произойти отъ дѣйствія, по изложенному сейчасъ плану, — по мнѣнію почтеннаго автора сочиненія *О Кавказской Линіи*, — сверхъ скорѣйшаго осуществленія вышеозначенныхъ выгодъ, — состояла еще въ учрежденіи земли Черноморскихъ казаковъ на твердомъ основаніи, въ снабженіи Кавказской Линіи пространными лѣсами, а равно въ утвержденіи Грузіи подъ Русскою державою; ибо, по занятіи побѣдоносными нашими войсками всего берега до Анапы, сблизилась бы и сообщенія съ Большою Абазою, Мингреліею и Имеретіею; а въ случаѣ надобности войска эти могли бы служить препоною покушеніямъ Огоманской Порты.

Мы считали полезнымъ привести эти замѣчанія Дебу; по здѣсь не мѣсто входить въ объясненія, на сколько ихъ подтверждаютъ и опровергаютъ событія послѣднихъ тридцати лѣтъ, когда Анапа присоединена къ Имперіи и наше оружіе явилось на непреступныхъ до того восточныхъ берегахъ Чернаго Моря. Это завлекло бы насъ далеко и можетъ быть удобно высказано въ другое время.

Въ то же лѣто, какъ Иванъ Васильевичъ основывалъ эту Линію, онъ *старался* также привести въ подданство шамхала Тарковского, который, убѣжденный имъ, и вступилъ въ наше подданство; а потомъ онъ привелъ въ подданство и хана Дербентскаго. Оба эти владѣтеля тогда же отправили посланцевъ къ Высочайшему Двору.

Изложенными мѣрами не ограничилось заботливостъ великой Монархини о Кавказскихъ народахъ. Черезъ два года послѣдовали новыя повелѣнія Гудовичу, долженствовавшія упрочить благосостояніе горцевъ.

Употребленные предками Императрицы и лично Ея Величествомъ старанія, о *добровольномъ* распространеніи евангельскаго ученія въ народахъ, обитавшихъ вблизи Кавказской Линіи, въ то время, съ Божіею помощію, имѣли уже успѣхъ, доказывавшійся обращеніемъ многихъ изъ нихъ къ нашей Церкви.

Желая, чтобъ такое распространеніе и утвержденіе Православія въ этихъ странахъ было споспѣшествовано *наилучшимъ и надежнѣйшимъ образомъ*, и уважая обширность Астраханской епархіи, не позволявшей тамошнему архіепископу имѣть объ этихъ народахъ ближайшее ра-

дѣіе, Монархиня, указомъ 19-го апрѣля 1793 года *), признала за благо учредить въ городѣ Моздокѣ викарнаго епископа Астраханской епархіи. Новому преосвященному — съ титуломъ Моздокскаго и Можарскаго, — препоручены въ попеченіе всѣ тѣ обязанности, которыя до того имѣла духовная Осетинская коммиссія, касательно просвѣщенія народовъ, въ *близости* находившихся. При этомъ между прочимъ Высочайше повелѣно:

1) Въ управленіе епископа поручить также церкви тѣхъ селеній, по Линіи лежащихъ, которыя ближе и удобнѣе, — по сношенію о томъ съ Гудовичемъ.

2) Сохранить школу для обученія дѣтей горскихъ жителей, учрежденную въ 1771 году.

и 3) Основать по сношенію съ генераль-губернаторомъ, гдѣ будетъ удобно, два второклассные монастыря — мужескій и женскій, также для обученія тамошняго юношества обоюго пола закону Божію и мастерствамъ, потребнымъ въ обществѣ, а въ послѣднемъ дать и прибрѣжище безпомощнымъ вдовамъ, которыя могли бы надзирать надъ воспитаніемъ.

Повелѣвая Святейшему Синоду представить кандидатовъ для опредѣленія во вновь учрежденнаго викарія, Императрица предписала, чтобы избираемая особы, при прочихъ достоинствахъ, *знали и языкъ, тамъ употребляемый* **).

Въ слѣдствіе этаго указа, Святейшій Синодъ далъ отъ себя другой указъ, 19-го іюля того же года ***) , которымъ между прочимъ приказали: 1) посылаемымъ, по распоряженію епископа, для просвѣщенія Осетинъ и другихъ народовъ, духовнымъ особамъ поступать по инструкціи данной, еще въ 1771 году, въ руководство Осетинской коммиссіи, а если, сверхъ того, усмотритъ преосвященный къ успѣшнѣйшему распространенію въ этихъ народахъ святаго вѣры, или по относящимся къ новоучреждаемой его епархіи об-

*) Полное Собраніе Законовъ 1 собр., XXIII. № 17,117.

***) 12-го мая того же года, изъ представленныхъ кандидатовъ. Всемилоостивѣйше былъ утвержденъ Моздокскимъ и Можарскимъ епископомъ архимандритъ Гаій.

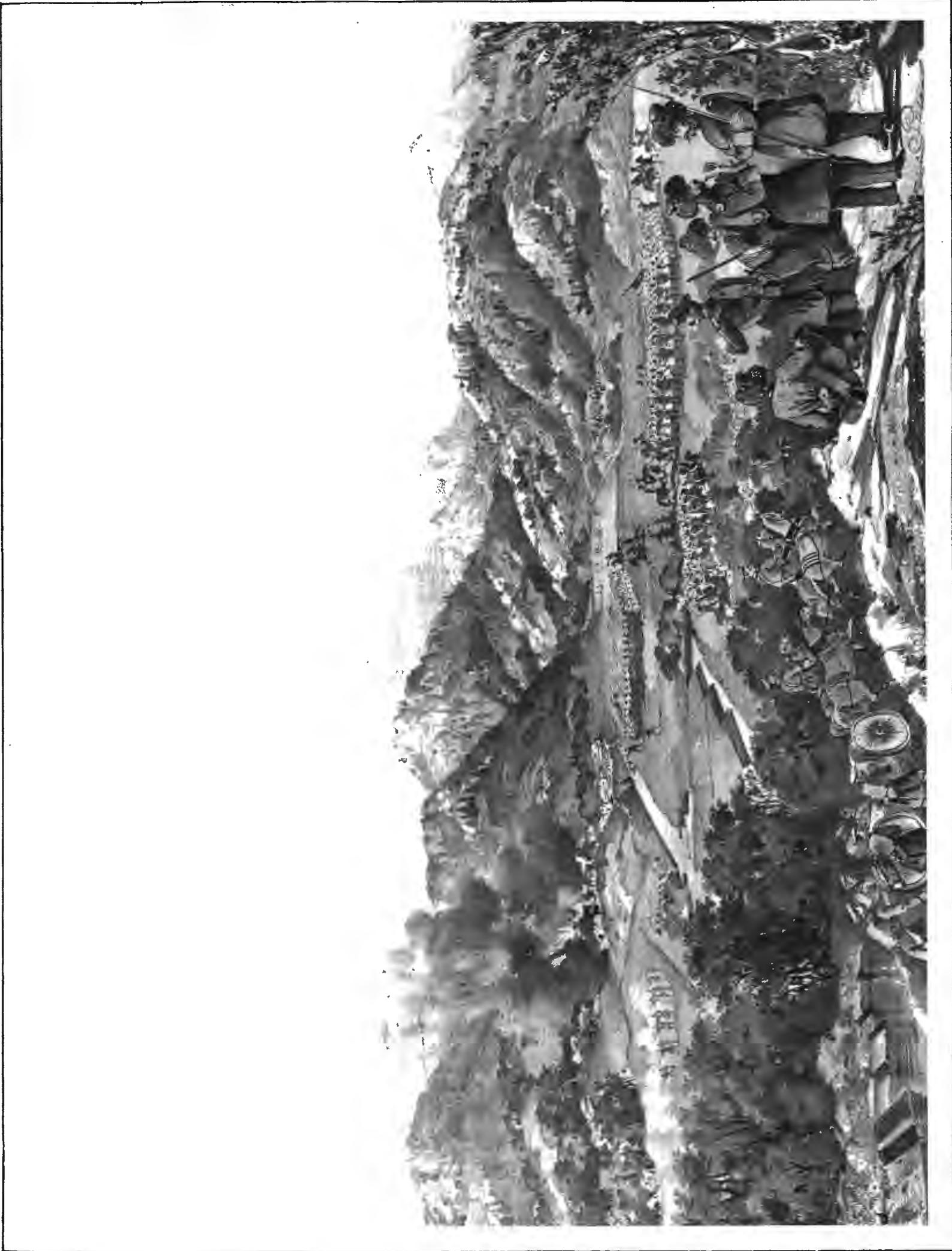
***) Полное Собр. Зак. 1 с. XXIII, № 17,144.

стоятельствамъ, что либо необходимо и полезно, о томъ онъ могъ представлять святѣйшему Синоду. 2) Епископу, назначая для поѣздокъ въ Осетию духовныхъ особъ, всегда предварительно увѣдомлять о томъ генераль-губернатора. 3) Относительно заведенной въ 1777 году при бывшей комиссiи для обученiя дѣтей тамошнихъ жителей школы, преосвященному прилагать пастырское свое попеченiе, чтобы ученiе въ ней происходило *съ желаемымъ успѣхомъ*, стараясь и объ умноженiи учениковъ, *согласными распоряженiю тамошнихъ жителей средствами*. 4) Въ управленiе епископа поручить церкви, тогда состоявшiя въ городахъ Моздокъ и Кизляръ, съ уѣздными, и Кизлярскiй монастырь, а также и всѣ вновь устроиваемыя въ тамошнихъ предѣлахъ и въ самой Осетii храмы, съ жителями воспрiявшими христiанскiй законъ. Сверхъ того, къ его паствѣ причислить еще и церкви тѣхъ изъ лежащихъ по Линiи селенiй, которыя признаетъ полезными генераль-губернаторъ. 5) По опредѣленiю Святѣйшаго Синода въ 1732 году назначено было устроить въ городскихъ и горскихъ жилищахъ 5 церквей; но дѣйствительно устроена была въ Малой Кабардѣ только одна, да и ее, *за неусмотрѣнiемъ изъ того пользы*, Святѣйшимъ Синодомъ, согласно разсужденiю Коллеги Иностранныхъ Дѣлъ, велѣно было въ 1769 году прызднить и впредъ строенiе тамъ церквей *оставить до лучшей удобности*. Въ замѣнъ же ихъ тогда предположено было основать для молитвы часовни. Въ 1780 году, Осетинскiй протоiерей Болгарскiй, между прочими объ этихъ народахъ *примѣчанiями*, донесъ Святѣйшему Синоду, что въ разныхъ Осетинскихъ селенiяхъ находится болѣе десяти древнихъ каменныхъ церквей, и хотя всѣ онѣ очень не велики, но нѣкоторыя еще довольно прочны, сохранили свое наименованiе и имѣли св. иконы. Поэтому новый епископъ, по прибытiи въ свою паству, обязывался *возможными средствами развѣдать и разсмотрѣть*, не откроется ли, по такимъ слѣдамъ христiанства, въ жителяхъ этихъ селенiй, большей предъ прочими склонности къ обращенiю въ Православiе, а потому и къ возобновленiю самыхъ этихъ церквей. Но какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще при сооружеженiи храмовъ,—которыя Святѣйшiй Синодъ дозволилъ,—преосвященному слѣдовало поступать *съ довольнымъ раз-*

смотрѣнiемъ и твердымъ основанiемъ, относительно содержанiя ихъ и при нихъ причтовъ, и не иначе, какъ по согласiю съ генераль-губернаторомъ. 6) Епископу приложить *возможное старанiе*, чтобы священно-и церковно-служители были изъ тамошнихъ жителей. Къ этому—по мнѣнiю Святѣйшаго Синода,—могли быть на первый разъ предъ прочими способiе обучавшiеся въ Осетинской школѣ,—а на предъ-будущее время—изъ обучающихся въ ней учениковъ, способнѣйшихъ къ высшимъ наукамъ дозволено отсылать въ Астраханскую семинарiю, гдѣ ихъ обучать на казенномъ коштѣ, и, по окончанiи курса, достойныхъ производить въ священно-служительскiе чины къ церквамъ Осетинскимъ. 7) Для проповѣди евангельской отправлять преосвященному способныхъ священно-и церковно-служителей, производя имъ за трудъ, также и на путевое содержанiе, сверхъ-штатнаго жалованья, изъ опредѣленныхъ на то 856 рублей по своему распоряженiю, изъ которыхъ опредѣлено приобрѣсть и для новокрещенныхъ кресты, образа и рубашки. Сверхъ того, 8) и самому епископу, въ удобныя времена, по сношенiю съ генераль-губернаторомъ, посѣщать новопросвѣщенные селенiя, увѣдомля Святѣйшiй Синодъ, какъ о всякой предпрiемлемой поѣздкѣ, такъ и о томъ, что имъ будетъ *примѣчено*, и въ какомъ состоянiи найдется тамошнiе жители, относительно расположенiя ихъ къ христiанской вѣрѣ.

Въ одинъ день съ сейчасъ приведеннымъ указомъ, 19-го апрѣля 1793 года, Государыня дала на имя Гудовича и другой именной указъ, вслѣдствiе представленiй, отъ него поданныхъ, по дѣламъ пограничнымъ, касающимся до краю ввѣреннаго его управленiю — въ которыхъ, какъ выразилась Великая—*съ особливымъ удовольствiемъ*, Всемилостивѣйше усмотрѣно *усердiе и радѣнiе* Ивана Васильевича *о пользѣ службы*.

Это благотворное повелѣнiе обнимало нѣсколько мѣръ для усиленiя нашего влiянiя на тамошнiе народы, какъ подвластные тогда Россii, такъ и еще независимые, и подготавливало способы для будущихъ дѣйствiй на Востокъ, усиленiемъ нашего мореходства на Каспiйскомъ Морѣ. Разсмогримъ каждую изъ нихъ, на сколько позволяетъ мѣсто и требуетъ ихъ важность.

Мл. Г. Поконика Новосілка.

Плч. И. Корзунь

ГВАРДІЙСКАЯ ПОЛЯНА

ПО РЪКЪ АВИНУ ПЕРЕДЪ АУЛОМЪ БІАНА - ХЛБЛЬ.

(ДЪЮ ГЕНЕРАЛЪ ЛЕЙТЕНАНТА ВЕЛЪЯМИНОВА ЦЮКМ. 1834 ГОДА.)

Когда, по завоеваніи Закубанцевъ, считали возможнымъ доставить имъ независимость отъ Порты, то, чтобы *приласкать ихъ вѣщие* къ сторонѣ Русской, и тѣмъ *обезпечить предѣлы наши отъ ихъ хищничества*, предложено было производить имъ бездепежный отпускъ соли изъ Фанагорійскихъ озеръ. Но въ разсматриваемое время обстоятельства уже не требовали такой льготы, потому что во-1-хъ, Закубанцы, по послѣднему мирному договору, оставшись за рѣкою Кубанью, положенною границею между обѣими имперіями, не могли *инако почитаться, какъ подвластными Турціи*; во-2-хъ, Порта, *перевѣвъ на свой отчетъ* обузданіе Закубанцевъ, воздержаніе ихъ отъ набѣговъ и удовлетвореніе убытковъ ими причиняемыхъ, обезпечивала чрезъ то наши предѣлы; въ 3-хъ, такое *приласканіе* должно было возбудить только напрасное подозрѣніе Порты; и наконецъ въ 4-хъ, если-бы Турція и спокойно стала *смотреть на выгоду*, доставляемую Закубанцамъ, ей подвластнымъ, то и тутъ можно было опасаться, чтобъ послѣ не вышли *нелѣпыя и нескладныя притязанія*, подобно тому, какъ Порта сдѣлала предъ послѣднею войною, по отпуску соли, условленному въ пользу жителей Очаковскихъ. Сверхъ того новое встрѣчалось уваженіе къ стѣнѣ этой привиллегіи, по случаю поселенія Черноморскаго Войска на нѣкоторые мѣста ихъ жительства. Казаки имѣли необходимость въ соли и для своего пропитанія и для рыбныхъ своихъ промысловъ, а также, равно какъ и другіе наши подданные, жившіе по близости, всегда могли имѣть надобность въ яѣсѣ, въ изобиліи за Кубанью растущемъ и годномъ даже на кораблестроеніе, въ скотѣ и тому подобномъ. Поэтому Императрица признавала полезнымъ, чтобы Иванъ Васильевичъ, по сношенію съ губернаторомъ Таврическимъ, *постановилъ* съ начальствомъ Турецкимъ или даже и самими этими народами, и представилъ на Высочайшее воззрѣніе, гдѣ и какимъ образомъ наилучше можно было учредить *мельницу* или торгъ между нами и Закубанцами, назначивъ для соли, срокомъ на 4 года, цѣну *умѣренную*, которою бы ихъ *привлечь было можно*.

Для выгоды подданныхъ Россіи, Кабардинцевъ, Шамхала Тарковского, владѣтеля Дагестанскаго, Осетинцевъ и другихъ народовъ, жившихъ за Теркомъ и Малкою, Монар-

хія повелѣвала Гудовичу *распорядить* снабженіемъ ихъ солью изъ озеръ Можарскихъ, близъ рѣки Кумы за Кавказскою Линіею находящихся, назначивъ также *сходную* для нихъ цѣну; а принявъ во вниманіе, что всѣ эти народы богаты болѣе скотомъ и разными продуктами, нежели деньгами, разрѣшила устроить для того также *мельницу*. Количество соли, отпускаемой такимъ образомъ, должно было соразмѣряться ихъ нуждамъ *для пропитанія*, а не для перекушки и торговли другимъ народамъ.

Государыня также *за благо признала* представленіе Гудовича объ учрежденіи: а) въ Большой Кабардѣ для владѣльцевъ, вмѣстѣ 4-хъ родовыхъ судовъ, только двухъ: *одного* для родовъ Мисостова и Атажуква съ ихъ Бегаульями и другими имъ подвластными, кромѣ узденей; а *другаго* для родовъ Бекмурзина и Каитукина, именуемыхъ вообще родомъ Джембулатовымъ, — такъ-же съ ихъ Бегаульями и прочими имъ подвластными, кромѣ узденей; а вмѣсто 4-хъ родовыхъ расправъ для узденей съ ихъ Бегаульями и подвластными, по родамъ владѣльцевъ, двухъ только расправъ; и б) въ Малой Кабардѣ — одного родового суда и одной родовой расправы. Въ слѣдствіе этого Монархия утвердила, поднесенныя Иваномъ Васильевичемъ, *примѣрныя положенія* этимъ родовымъ судамъ и расправамъ и, сверхъ того, Верхнему Пограничному Суду въ Моздокѣ, назначивъ и сумму на ихъ содержаніе. Открытіе-же этихъ мѣстъ и наполненіе ихъ людьми *способными и достойными* возложила на попеченіе нашего героя, надѣясь, какъ изволила выразиться, что его *радѣніемъ все то устроено будетъ наилучшимъ порядкомъ къ пользѣ службы и къ спокойствію края тамошняго*.

Признавъ полезнымъ переводъ Калмыковъ съ горной стороны Волги на луговую, въ разсужденіи собственной ихъ выгоды, обузданія Киргизцевъ и сбереженія казны отъ лишнихъ расходовъ, употребляемыхъ на содержаніе стражи, Императрица желала, чтобы Гудовичъ *усугубилъ стараніе* склонить большую ихъ часть на этотъ переходъ. До тѣхъ же поръ, пока не свершится это предположеніе самимъ дѣломъ, Высочайше признано необходимымъ: продолжать существованіе кордонной стражи противу Киргизцевъ, составленной изъ Калмыковъ вѣдомства Кавказскаго Намѣстни-

чества, переведа ее отъ Ахтубы къ рѣкѣ Узени.—чтобы чрезъ то сохранить цѣпь, закрыть Элтонское и другія соленыя озера и составить ближайшую связь съ Уральскимъ войскомъ. Дербетевъ-улусъ, прикочевавшій предъ тѣмъ къ Дону, оставить на занятыхъ ими мѣстахъ, какъ объявлялъ Иванъ Васильевичъ, Государыня признала *невмѣстнымъ по многимъ соображеніямъ* и даже по надобности земли собственно для Войска Донскаго. Потому она повелѣла Гудовичу стараться склонить улусъ къ обратному переселенію на прежнія мѣста или по близости ихъ. Но ежели-бы эти Калмыки добровольно на то не соглашались, въ такомъ случаѣ Высочайше разрѣшила, до времени, оставить ихъ въ занятомъ мѣстѣ, съ участіемъ, однакожь, въ содержаніи кордона.

Въ разсужденіи *распространенія подчиненности* Россіи народовъ, зависѣвшихъ отъ Персіи и обитавшихъ въ *отдаленности* отъ юго-западныхъ береговъ Каспійскаго Моря, Монархия полагала, что оно могло только навлечь со стороны Порты Оттоманской *испріятныя хлопоты*, отъ которыхъ, въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, по возможности должно было уклоняться. Но что касается до народовъ прибрежныхъ къ Каспійскому Морю, желавшихъ вступить въ вѣчное подданство Россіи, *ни малаго не настояло сомнѣнія* въ принятіи ихъ, тѣмъ болѣе, что Персія, раздираемая тогда внутренними мятежами и неимѣвшая ни государя, ни правителя, не могла *ничего предпринять для воспротивленія*; а если-бы кто изъ мятежныхъ хановъ и *похотѣлъ* противопоставить нашимъ намѣреніямъ какія либо препоны, то,—по мнѣнію Государыни,—*немногіе* востребовались-бы *способы* отразить подобное покушеніе и посредствомъ исправлявшейся тогда на Каспійскомъ Морѣ эскадры—о чемъ далѣе скажемъ,—обуздать всякаго, кто въ той сторонѣ *осмѣлился-бы* оказати себя врагомъ нашимъ. Для этого Монархія дозволила Ивану Васильевичу принять въ Русское подданство Бакинскаго Гусейнъ-Кулы-Хана со всею его областію на такомъ основаніи, какъ принять былъ Шамхаль Тарковский, владѣтель Дагестанскій, съ различіемъ, однакожь, въ преимуществахъ степени, которыхъ этотъ ханъ, *былъ меньше знатнымъ и знающимъ*, нежели Шамхаль, царствѣ съ нимъ требовать не могъ. Объ

этомъ, по предварительномъ съ нимъ изъясненіи и постановленіи, Гудовичу обѣщано и Высочайшее рѣшеніе. Но, какъ впрочемъ было извѣстно, что Бакинскій Гусейнъ-Кулы-Ханъ состоялъ въ нѣкоторой зависимости отъ Дербентскаго хана, а какъ послѣдній и самъ *наклоненъ* былъ вступить въ подданство Россіи, то если онъ былъ *довольно силенъ* къ удержанію перваго всегда въ своей подчиненности, то Императрица представила усмотрѣнію нашего героя: не лучше-ли было присоединеніе подъ верховную власть Имперіи сдѣлать *вмѣстѣ* въ особахъ обоихъ этихъ хановъ съ ихъ землями? если-же, напротивъ, ханъ Бакинскій уже вышелъ тогда изъ всякаго повиновенія Дербентскому, или-же послѣдній къ удержанію въ своей власти перваго не имѣлъ довольно силы,—въ такомъ случаѣ Высочайше разрѣшено обоимъ принять порознь, и, по отобраніи отъ нихъ присяги, сдѣлавъ съ ними надлежащія постановленія, *всеподданнѣйше* донести, чтобы къ нимъ могли быть отправлены Высочайшія грамоты.

Шамхалу Тарковскому Государыня тогда уже отправила грамоту съ подтвержденіемъ его въ этомъ достоинствѣ, съ пожалованіемъ разныхъ преимуществъ и со знаками инвентитуры, которую Гудовичъ обязанъ былъ доставить съ нарочнымъ штабъ-офицеромъ, *человѣкомъ исправнымъ*, умѣвшимъ *подать* объ этомъ владѣтель и его областяхъ *точнѣйшія* свѣдѣнія.

По уваженіямъ, какія настояли въ принятіи вышеозначенныхъ хановъ съ подвластными имъ народами въ Русское подданство, Государыня дозволила Ивану Васильевичу взять въ наше владѣніе островъ, лежащій недалеко отъ Баки, называемый Жилымъ, не заселенный и не занятый ни однимъ изъ хановъ Персидскихъ, и учредить при немъ пристань для нашихъ судовъ, какъ военныхъ, такъ и купческихъ, плававшихъ въ Каспійскомъ Морѣ.

Государыня также одобрила вполнѣ мнѣніе нашего героя, чтобы эскадру на Каспійскомъ Морѣ *привести въ почтительное состояніе*. Для этого Высочайше повелѣно было: Адмиралтейской Коллегіи принять мѣры къ исправленію находившихся тамъ фрегатовъ и къ построению вновь судовъ, признаваемыхъ Гудовичемъ нужными и выгоднѣйшими, а предсѣдательствовавшему въ Военной Коллегіи—снабдить

эту эскадру пушками, мортирами и гаубицами изъ находившихся въ артиллеріи орудій.

Адмиралтейская Коллегія получила также повелѣніе, отправить въ Астрахань *искуснаго человека*, который бы, осмотрѣвъ находившееся тамъ казенное деревянное строеніе, подъ названіемъ Адмиралтейства, сдѣлалъ, подъ руководствомъ Гудовича, проекты къ построению вновь каменнаго или деревяннаго, соображая съ пользою службы и надобностями морскими. Планы и сметы должна была Адмиралтейская Коллегія особо поднести съ своимъ мнѣніемъ на Высочайшее воззрѣніе.

Равнымъ образомъ, чтобы *подать пособіе* частнымъ людямъ въ Астрахани, строившимъ собственныя ихъ суда, Государыня повелѣла опредѣлить туда, изъ вѣдомства тойже Коллегіи, одного корабельнаго подмастерья съ нѣсколькими знающими эту работу мастеровыми, для показанія лучшаго и прочнѣйшаго построения купеческихъ мореходныхъ судовъ.

Въ то же время, чтобы возможно было судить вообще о тамошней торговлѣ и къ распространенію ея на пользу государства положить *надлежавшія* мѣры, Императрица признавала необходимымъ имѣть обстоятельныя свѣдѣнія, какъ *о существѣ и дѣйствіи того торгова, такъ и о нуждахъ, производящихи оныи ощущаемыхъ*. Эти свѣдѣнія Она предписывала внести Гудовичу на Свое воззрѣніе, чтобы могла, по соображеніи ихъ съ другими частями, изъяснить Свою волю.

Наконецъ, относительно учрежденія въ Астрахани Управы Благочинія, устроенія лучшимъ образомъ казеннаго каменнаго двора, Индѣйскимъ именовавшагося, построенія новой тамошни и пакгаузовъ, и другихъ тому подобныхъ внутреннихъ заведеній, включая и *чищеніе* косы у Волжскаго рукава, Высочайше повелѣла *сообразить* ихъ съ состояніемъ городскихъ доходовъ и прямою надобностію, какъ для службы, такъ и для выгоды жителей, и, по надлежащемъ уваженіи всѣхъ потребностей, всеподданнѣйше донести съ надлежащими исчисленіями, обѣщая тогда не оставить снабдить на эти пункты особымъ разрѣшеніемъ.

Приведеніемъ въ дѣйство всего изложеннаго, — писала Государыня Гудовичу въ заключеніе указа, — «окажи-

те вы новыя опыты усердія вашего къ службѣ Нашей и пользѣ государственной; въ чемъ, полагая на васъ надежду, пребываемъ всегда вамъ Императорскою Нашею милостию благосклонны.»

Мнѣніе Гудовича на счетъ Каспійскаго Моря постоянно состояло въ томъ, что не должно было терпѣть никакого судна, кромѣ Русскаго. Это мнѣніе было Высочайше апробовано *). Для учрежденія *навсегда прочной пристани и господства Россійскаго флота* на этомъ морѣ, Иванъ Васильевичъ вскорѣ призналъ, что островъ Свиной или, поперсидски, Сари, лежащій въ Кизилгацкомъ заливѣ, между Бакою и Зензилинскимъ портомъ, также никѣмъ тогда изъ Персидскихъ хановъ не занятый, *выгоднѣе и преимущественнѣе* острова Жилаго. Государыня, по его представленію, Именнымъ указомъ, 4-го марта 1794 года **), Высочайше разрѣшила занять первый, вмѣсто послѣдняго. Иванъ Васильевичъ, исполнивъ это, поставилъ на немъ гарнизонъ и содержалъ одно военное судно, обязанное наблюдать, чтобы Персидскія береговыя суда, — называемыя киржимъ, — не могли проходить между островомъ и Талышами, отъ которыхъ онъ лежалъ въ семи верстахъ.

Штатное положеніе эскадры Каспійскаго Моря было Высочайше утверждено 7-го декабря 1794 года ***).

Черезъ полтора года, 19-го іюля 1796 года, съ небольшимъ за 4 мѣсяца до своей кончины, Императрица утвердила новыя штаты морскимъ служителямъ, подвѣдомственнымъ Гудовичу ****).

Наконецъ, штатное положеніе для содержанія вновь устроенныхъ крѣпостей на Кавказской Линіи Высочайше утверждено было за три недѣли до кончины Императрицы *****).

Исчисливъ, такимъ образомъ, предположенія Гудовича, Высочайше одобренныя, остановимся и скажемъ, сколько

*) Записка Гудовича объ его службѣ.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIII. № 17,183.

****) Полное Собр. Зак., 1 с. № 17,276, книга штатовъ.

*****) Полное Собр. Зак., 1 с. № 17,489, книга штатовъ.

*****) Полное Собр. Зак., 1 с. № 17,517, книга штатовъ.

позволяетъ мѣсто и имѣющіеся матеріялы, объ успѣхѣ приведенія въ исполненіе главнѣйшихъ изъ нихъ. Объ отмѣнѣ же послѣднихъ изъ показанныхъ распоряженій будемъ говорить далѣе, при обзорѣннн втораго командованія Гудовича на Кавказѣ.

Намѣреніе ввести въ обѣихъ Кабардахъ, сходно съ учрежденіемъ о губерніяхъ, суды и расправы, было неисполнимо. Иванъ Васильевичъ надѣялся успѣть въ этомъ, пригласивъ въ Георгіевскъ, подъ предлогомъ совѣщанія, нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ князей, которые потомъ отправлены были въ Россію. Мѣра эта не только лишила—было насъ довѣрія Кабардинцевъ и сосѣдственныхъ съ ними народовъ, но и вспомоществовала возвышенію ихъ духовенства, — что въ послѣдствіи также оказалось для насъ невыгоднымъ; ибо, по удаленіи лучшихъ Кабардинскихъ владѣльцевъ, оставшіеся, будучи уже не въ силахъ воспрепятствовать нововводимымъ правиламъ, принуждены были повиноваться, наравнѣ съ прочими, установленіямъ своего духовенства. Властолюбивое же ихъ духовенство, не довольствуясь обращеніемъ древнихъ обычаевъ въ законъ, но, объясняя по своему желанію Алкоранъ (въ чемъ съ ними, по общему, кромѣ ихъ однихъ, незнанію грамоты, никто спорить не былъ въ состояніи), успѣшно могло измѣнить внутреннюю въ прежнее время Кабардинскому народу къ намъ привязанность. Оно употребляло при томъ всевозможныя средства къ пріобрѣтенію себѣ разныхъ, не принадлежащихъ ему выгодъ. Новое это управленіе подвергло народъ слѣпому и непрекословному исполненію воли Цареградскаго муфтія, отъ котораго завсѣли, нѣкоторымъ образомъ, и Кабардинскія муллы *).

Равнымъ образомъ безуспѣшно было предположеніе основать на Кавказской Линіи заселеніе *Донскими казаками*, на временной службѣ тогда по укрѣпленіямъ находившимися. Казаки, единственно отъ опасенія лишиться навсегда отечественной земли, возмущаясь, бѣжали на Донъ, гдѣ произвели бунтъ, усмиранный уже въ 1794 году **).

*) Дебу, стр. 169—170.

**) Дебу, стр. 169.

Послѣ такой неудачи Иванъ Васильевичъ обращалъ особенное вниманіе на заселеніе края колонистами и жителями другихъ Русскихъ губерній.

Колонисты были вызваны на Кавказъ изъ Саратовской губерніи еще при генералъ-поручикѣ Потемкинѣ, но, по неудобности мѣста, для жительства имъ отведеннаго, въ урочищѣ Можарахъ, Моздокскаго уѣзда, одни изъ нихъ возвратились на прежнія жилища, а другіе начали промышлять по городамъ Кавказскаго Намѣстничества. По этому, севастскимъ указомъ 1-го іюля 1794 года *), приказали: первыхъ, — въ соблюденіе казенной пользы, отъ исправнаго ими платежа числившихся на нихъ суммъ, — оставить въ Саратовской губерніи; а разбѣжавшихся по городамъ и другимъ мѣстамъ отыскать, отобрать отзывъ въ Кавказской или Саратовской губерніи желаютъ они остаться, и такъ поступить, наблюдая также, чтобы была сохранена казенная и частная самыхъ колонистовъ польза.

Въ 1781, 1783 и 1787 годахъ, Именными указами, дозволено было крестьянамъ казеннаго вѣдомства изъ всѣхъ губерній, кромѣ Оренбургской, Тобольской и Иркутской, переселяться, добровольно и по собственному ихъ желанію, на свободныя и пространствомъ и плодоносіемъ изобильныя земли, вошедшія по учрежденію губерній въ Кавказское, Саратовское и Екатеринославское намѣстничества и Таврическую область, преимущественно же изъ такихъ селеній, которыя ощущали въ земляхъ недостатокъ, съ тѣмъ, чтобы оставшіеся на прежнемъ мѣстѣ жительства, пользуясь послѣ ихъ землею, платили за нихъ подати въ теченіе полутора года.

Такое переселеніе продолжалось до 1788 года, когда, по тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, Императрица нашла полезнымъ переселеніе крестьянъ изъ разныхъ внутреннихъ и къ Петербургской границѣ прилегающихъ губерній — въ южныя на время остановить, дозволивъ переходъ только въ Саратовское намѣстничество.

Между тѣмъ, къ Гудовичу почти *ежедневно* приходили изъ разныхъ намѣстничествъ крестьяне казеннаго вѣдомства

*) *По.м. Собр. Зак.*, 1 собр. XXIII № 17,230.

съ просьбою о переводѣ ихъ въ Кавказскую губернію, на земли ими *сысканныя*, — которыхъ тамъ было *еще дозволено*, — а иные просились перейти къ своимъ родственникамъ, прежде запретительнаго указа тамъ поселившимся, и особенно изъ Тамбовскаго и Рязанскаго намѣстничествъ. Въ первомъ, въ проѣздѣ нашего героя въ С. Петербургъ, не только нѣкоторые изъ поселянъ Кирсановской округи просили о переводѣ, но и прочіе жители тѣхъ селеній хлопотали объ этомъ, соглашаясь *отправить ихъ порлочно и платить за нихъ подати*, единственно изъ того, чтобы остальнымъ имѣть болѣе достатка въ землѣ.

Поэтому Гудовичъ ходатайствовалъ предъ Сенатомъ о разрѣшеніи перехода въ Кавказское намѣстничество малоземельныхъ казенныхъ крестьянъ другихъ губерній. Въ то же время и нѣкоторые казаки Кіевской губерніи просили о переселеніи ихъ въ Екатеринославскую.

Сенатъ, усматривая изъ этого, что нѣкоторые поселяне казеннаго вѣдомства претерпѣвали въ земляхъ недостатокъ, который могъ довести крестьянское ихъ состояніе *до упадка*, а военныя обстоятельства, по причинѣ которыхъ изданъ указъ 1788 года, миновались, испросилъ 11-го октября 1795 года Высочайшее соизволеніе *) на возобновленіе переселенія, чрезъ что, — по мѣнью Сената, — у оставшихся на прежнихъ мѣстахъ крестьянъ отвратится *скудость* въ землѣ и тѣмъ предоставится имъ надежный способъ къ исправному платежу податей, а отъ переселяющихся крестьянъ, по изобилію и плодородію земель на новыхъ мѣстахъ, *несомнѣнно* ожидать было должно *не меньшей, какъ государственной, такъ и собственной ихъ, чрезъ обработываніе этихъ земель и умноженіе изобилія въ хлѣбъ, пользы*.

Здѣсь же скажемъ, что въ томъ же году къ Таврическому губернатору поступило прошеніе уполномоченныхъ отъ тысячи семей Нагайцевъ, жившихъ въ Кизлярской степи, о дозволеніи имъ перейти на Молочныя Воды къ совмѣстному пребыванію съ находящимися тамъ народами. Императрица, признавая, что кочующій этотъ народъ, переходя

*) *Полное Собр. Зак.*, 1 собр. XXIII, № 17,398.

безпрестанно съ мѣста на мѣсто, не приносилъ на тогдашнемъ своемъ жителствѣ никакой пользы, а желая переселиться на Молочныя Воды, имѣлъ намѣренія водвориться постоянно, по примѣру прочихъ жившихъ тамъ Татаръ, не требуя отъ казны ни какихъ пособій, Высочайше повелѣла Гудовичу, Именнымъ указомъ 27-го октября 1795 года *), дозволить просителямъ переселеніе, по предварительному сношенію съ Екатеринославскимъ, Таврическимъ и Вознесенскимъ генералъ-губернаторомъ графомъ Зубовымъ.

Военное управленіе было обязано Ивану Васильевичу значительными сокращеніями издержекъ. Увидѣвъ, тотчасъ по вступленіи въ должность, что казна была должна подрядчикамъ, ставившимъ провіантъ и фуражъ на Линію и коннымъ полкамъ, до милліона шести сотъ тысячъ рублей **), (хотя отпускалось на этотъ предметъ ежегодно два милліона сто тысячъ), нашъ герой, изъ присланнаго къ нему на 1791 годъ милліона четырехъ сотъ тысячъ рублей, уплатилъ долговъ милліонъ триста тысячъ, а прочіе просилъ уплачивать отъ Провіантскаго Департамента, изъ недосланной суммы на этотъ же годъ. На 1792 годъ онъ требовалъ къ отпуску только одинъ милліонъ, а потомъ, разсчитавшись, убавилъ изъ нихъ еще 200,000. Въ числѣ опредѣленной къ отпуску суммѣ назначено было 110,000 на экстренные расходы, безъ отчета. Иванъ Васильевичъ просилъ сократить и эту послѣднюю до 36,000. Но Сама Государыня изволила повелѣть отпускать вдвое болѣе, то есть 72,000. Хотя, по смыслу повелѣнія, послѣднюю сумму слѣдовало расходовать безотчетно, однако Гудовичъ завелъ и въ ней полную отчетность до самыхъ мелочей, а приходо-расходныя книги отсылалъ на ревизію въ Военную Коллегію.

Такая усердная служба Ивана Васильевича и прежніе его подвиги, во время второй войны съ Оттоманскою Портою, награждены во время празднества мира, 2-го сентября 1793 года, орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

*) *Полное Собр. Зак.*, 1 собр. XXIII, № 17,401.

***) Это по Запискѣ Гудовича; по *Біографіи генералъ-фельдмаршала* (III, 21) и *Словарю достойныхъ людей* (I, 176) только 1,300,000 рублей.

Между тѣмъ измѣнились отношенія наши къ Персіи. Въ 1794 году Ага-Магометъ-Ханъ, усилившись и назвавъ себя шахомъ, прислалъ къ Гудовичу трехъ посланцевъ и, письмомъ своего визиря, просилъ отправить ихъ къ Высочайшему Двору. Иванъ Васильевичъ принялъ этихъ посланцевъ ласково, но отвѣчалъ словесно, что какъ Государыня Императрица не признала еще Агу-Магомета шахомъ, то и почитаетъ его только *почтеннымъ и первыимъ въ Персіи ханомъ*; въ переписку съ визиремъ войти не имѣетъ права, а совѣтуетъ Агу-Магомету отправить *просительное* письмо къ Императрицѣ о признаніи его шахомъ. Такой поступокъ хана, — прибавилъ Иванъ Васильевичъ, — конечно, для него будетъ *весьма полезенъ*, потому что, вѣроятно, прочіе ханы, тогда ему еще не покорные, послѣ признанія его Россією, противиться уже не станутъ. Императрица одобрила дѣйствія нашего героя. Замѣтимъ, что Ага-Магометъ, за два года прежде прибытія Ивана Васильевича на Кавказъ, захватилъ нашего морскаго капитана Войновича, пришедшаго въ гавань Астрабадскую, и держалъ его нѣсколько мѣсяцевъ въ плѣну *).

Въ началѣ 1795 года ханъ выступилъ съ войсками на Муганскую степь, лежащую за рѣкою Курюю, гдѣ обыкновенно шахи себя короновали. Въ то же время онъ отправилъ войска разорить Карабагскаго хана, ему непокорнаго, а вслѣдъ за тѣмъ напалъ и на Грузію. По донесеніи о томъ Императрицѣ, Гудовичъ получилъ Высочайшее повелѣніе послать войска на помощь къ царю Грузинскому, что имъ и было исполнено въ половинѣ декабря мѣсяца.

Для этого, между прочимъ, онъ построилъ, при помощи тамошнихъ горцевъ, 12 мостовъ на Терекъ, — который тогда одинъ доставлялъ возможность имѣть сообщеніе съ Грузією, — и исправилъ дорогу, по берегу рѣки, до того бывшую для войскъ непроходимую. Все это было сдѣлано *самымъ малымъ издвигеніемъ*; именно построеніе мостовъ стоило казнѣ только около восьми тысячъ рублей,

*) Это случилось въ 1781 году, съ графомъ Маркомъ Ивановичемъ Войновичемъ, который въ послѣдствіи былъ адмираломъ и скончался въ 1805 году.

тогда какъ прежде, при генераль-маіорѣ Потемкинѣ *), переправа чрезъ Терекъ небольшого числа войскъ въ Грузію обошлась въ пятьсотъ тысячъ рублей.

Императрица разрѣшила Ивану Васильевичу дѣйствовать противъ Аги-Магомета, какъ *за лучшее усмотритъ*, но нашъ герой, *не рѣшившись самъ вести противъ хана прямую войну*, только представилъ для нея планъ.

Между тѣмъ ханъ Дербентскій, имѣвшій уже своего посланца при Высочайшемъ Дворѣ, измѣнивъ намъ, *перекинулся* къ сторонѣ Аги-Магомета. Поэтому Гудовичъ, послѣ половины декабря того же 1795 года, отправилъ генераль-маіора Савельева для взятія Дербента.

Небольшой отрядъ, ввѣренный этому генералу, состоялъ изъ четырехъ баталіоновъ съ артиллерією и, по невозможности регулярной конницы доставить фуражъ, имѣлъ 500 Калмыковъ, *ничего почти казни не стоившихъ*.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ 1796 года, Иванъ Васильевичъ получилъ Высочайшее повелѣніе отправить въ Персію войска, стоявшія на Кавказской Линіи, и поручить начальство надъ ними генераль-поручику графу Валеріану Александровичу Зубову, снабдивъ его *какъ наставленіями, такъ и всемъ нужнымъ для похода*. Ко 2-му апрѣля назначенныя въ Персію войска были уже собраны въ лагерь, недалеко отъ Кизляра. По прибытіи туда Зубова, нашъ герой назначилъ ему первоначально овладѣть Дербентомъ, который еще не былъ взятъ генераль-маіоромъ Савельевымъ, и далъ для этого свое *наставленіе*.

Чрезъ нѣсколько дней, въ присутствіи Гудовича, корпусъ переправился чрезъ Терекъ, *во всей исправности*, и двинулся въ походъ.

Вскорѣ войска эти были еще усилены конницею регулярною и казаками, прибывшими изъ внутри Россіи, подъ начальствомъ, — тогда бригадира, а въ послѣдствіи атамана и графа, — Платова.

*) Графъ Павелъ Сергѣевичъ, двоюродный братъ князя Потемкина-Таврическаго, скончавшійся въ чинѣ генераль-аншефа, въ 1796 году.

Провіантскій транспортъ, слѣдовавшій за корпусомъ, первоначально состоялъ изъ 1000 верблюдовъ и 1000 воловъ; но, по требованію графа Зубова, потомъ отправлено тѣхъ и другихъ еще *большее число*.

Независимо отъ этого, въ Астрахани было заготовлено 100,000 четвертей провіанта, отправленныхъ моремъ. Тамошняя эскадра, подъ начальствомъ контръ-адмирала, была ввѣрена также графу Зубову.

По покореніи Дербента, Зубовъ пожалованъ, не по старшинству, генераль-аншефомъ и уже отъ нашего героя не зависѣлъ.

Баку, по приближеніи эскадры, сдалась безъ сопротивленія. Здѣсь войска наши *терпѣли нужду* въ провіантѣ, котораго хотя, распоряженіями Гудовича, было доставлено *довольно*, но, по отдаленности отъ города мѣста для лагерь, избраннаго графомъ Зубовымъ, при перевозкѣ его отъ берега, чрезъ безводную и безфруажную степь, послѣдовалъ *великій урокъ* въ подъемномъ скотѣ. Долговременное пребываніе въ одномъ мѣстѣ было также причиною *знатнаго урона* и въ лошадахъ конницы.

Но здѣсь не мѣсто излагать подробности этого замѣчательнаго похода. Скажемъ только, что Императрица, за *многую, усердную службу и за скорое и исправное отправленіе корпуса*, пожаловала, въ іюль, Ивану Васильевичу 1,800 душъ въ Проскуровскомъ повѣтѣ, Подольской губерніи.

Между тѣмъ, будучи еще въ Кизлярѣ, нашъ герой получилъ *жестокую болѣзнь*, и *сколь не удерживался* просить отдохновенія, но находясь въ слабомъ состояніи, принужденъ былъ всеподданнѣйше ходатайствовать объ отпускѣ на два года. Сначала на это не было Высочайшаго соизволенія, но потомъ, по повторенной просьбѣ, онъ, въ ноябрѣ, получилъ разрѣшеніе, *съ милостивѣйшимъ выраженіемъ*, въ Именномъ указѣ, съ сохраненіемъ полного жалованья, съ штабомъ генераль-аншефа и со всею канцелярією, къ чину принадлежавшею.

Сдавъ команду генераль-поручику Исленьеву, въ половинѣ ноябра, Иванъ Васильевичъ оставилъ Линію. Но, не доѣзжая Черкасска, онъ получилъ указъ изъ Военной Коллегии о вступленіи на престолъ Императора Павла I, однако

не имѣя еще повелѣнія принять обратно команду *), отправилъ курьера, привезшаго указъ, при своемъ сообщеніи, къ генераль-поручику Исленьеву, а самъ продолжалъ путь къ Москвѣ, гдѣ находилось его семейство.

Между тѣмъ Императоръ, тотчасъ по воцареніи, вспомнилъ о вѣрномъ слугѣ Своего Родителя и удостоилъ (10-го ноябра) брата Ивана Васильевича слѣдующимъ собственноручнымъ рескриптомъ: «Сыну платить долгъ отца своего. Я никогда сего предъ вами, Андрей Васильевичъ, не забывалъ. Симъ исполняю сіе, призывая васъ сюда. Будьте ко мнѣ, какъ вы были къ отцу. А Я, можете думать, благосклонный ли вашъ Павелъ.» На другой день любимецъ Петровъ былъ пожалованъ изъ генераль-майоровъ въ генераль-аншефы и кавалеромъ ордена Св. Александра Невского. Государь принялъ его съ распростертыми объятіями, но одичалый старецъ, отвыкшій отъ придворныхъ приличій, не могъ долго удержаться въ шумной столицѣ и возвратился въ свою деревню **).

Благоволеніе Государя распространилось и на Ивана Васильевича. Доѣхавъ до Воронежской губерніи, онъ получилъ Высочайшее повелѣніе, чтобы съ дороги, гдѣ его получить, возвратился бы на Кавказъ, и принялъ снова въ свою команду, какъ войска на Линіи, такъ и находящіяся въ Персіи, подъ командою графа Зубова. Иванъ Васильевичъ успѣшилъ исполнить Монаршую волю и немедленно возвратился въ Георгіевскъ. Здѣсь онъ получилъ Высочайшее повелѣніе вывести наши полки какъ изъ Персіи, такъ и изъ Грузіи, а по приходѣ ихъ на Кавказскую Линію переформировать по новому штату. Все это было исполнено въ точности.

Великое число больныхъ, находившихся у Зубова и конная аммуниція, съ множества падшихъ въ подкахъ лошадей, были доставлены на судахъ къ пристани недалеко отъ

*) Слова Записки Гудовича.

**) Андрей Васильевичъ Гудовичъ, проводившій все свое время въ Черниговской деревнѣ, лежа на диванѣ, скончался въ 1808 году, на 78 году отъ рожденія. Кромѣ четырехъ тысячъ душъ, оставилъ онъ въ наслѣдство брату до 400,000 рублей наличныхъ денегъ.

Кизляра, а оттуда первые перевезены въ госпитали близъ Кизляра и въ Екатеринодаръ, гдѣ многіе изъ нихъ выздоровѣли. Потомъ, Гудовичъ послалъ къ войскамъ, выходившимъ изъ Персіи, необходимое число лошадей и повозокъ, въ которыхъ имѣли они *большой недостатокъ*.

За прежнюю свою долговременную и усердную службу и за эти распоряженія оны, 5-го апрѣля 1797 года, — въ день коронаціи Павла, — Всемилостивѣйше возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи.

Изъ постановленій этого времени по управленію краемъ, кромѣ переформированія войскъ, важнѣйшими были:

1) Сенатскій указъ, 8-го декабря 1796 года, о порядкѣ зачета въ рекруты бѣжавшихъ въ Кавказскую губернію до состоянія указа 18-го января 1789 года *).

2) Именной указъ, 12-го декабря того же года, о прекращеніи самовольнаго перехода поселянъ съ мѣста на мѣсто въ полуденныхъ губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кавказской, которые, по Высочайшему мнѣнію, «наносили многимъ изъ тамошнихъ обитателей великія въ заведеніяхъ ихъ разстройство и даже разоренія.» Вкоренившемуся злу этому, такъ какъ оно сдѣлалось тамъ общимъ, — говорилъ указъ, — до приведенія всѣхъ жителей тѣхъ губерній въ общую извѣстность, не было средства воспрепятствовать безъ употребленія самыхъ крайнихъ мѣръ; а между тѣмъ, это подавало поводъ *корыстолюбцамъ, забывшимъ присягу*, отваживаться на подговоры туда къ побѣгу людей и изъ самыхъ внутреннихъ губерній, въ которыхъ многіе помѣщики лишились своихъ крестьянъ. Указъ опредѣлялъ способы для удовлетворенія владѣльцевъ, потерпѣвшихъ отъ этихъ переходовъ, и штрафы за приемъ и держаніе бѣглыхъ **).

3) Именной указъ отъ 18-го февраля 1797 года, о нестроеніи укрѣпленій на Персидской границѣ, которыя графу Зубову повелѣно было возвести, именованнымъ повелѣніемъ отъ 1-го октября 1796 года, при мѣстечкахъ Тарки и Руссей-Булакъ и городѣ Баку, — на что и было прежде ассигновано 375,326 руб. 50 коп. ***)

*) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV № 17,623.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 17,854.

4) Именной указъ, 1-го мая того же года, которымъ, вслѣдствіе прошенія Армянъ, находившихся въ Дербентѣ и другихъ окрестныхъ мѣстахъ, Государь препоручилъ *старанію и добрымъ распоряженіямъ* Ивана Васильевича, чтобы желающіе изъ нихъ, при выводѣ всѣхъ нашихъ изъ тамошняго края, могли безопасно переселиться въ Астрахань или Кизляръ и избрать родъ жизни имъ свойственный, получа земли для нихъ необходимыя *).

5) Высочайше утвержденный, 19-го числа того же мѣсяца, всеподданнѣйшій докладъ Коммерцъ-Коллегіи о взиманіи пошлинъ съ торговавшихъ при Астраханскомъ портѣ Персидскихъ купцевъ, за провозимые ими товары, Русскою золотою и серебряною монетою, — вмѣсто мѣдной и ассигнацій, — какъ тѣ купцы просили. Эта мѣра основана была на томъ, что по пребыванію *значной* части войскъ нашихъ, во время похода графа Зубова, и по бывшему тамъ расходу золотою и серебряною монетою, не могъ быть въ краѣ и *малѣйшій недостатокъ* въ этихъ монетахъ; а къ возвращенію ихъ изъ Персіи не предполагалось лучшаго и удобнѣйшаго средства **).

6) Именной указъ, 7-го іюля того же года, о томъ, чтобы построенные въ Казани и отправленные въ Астрахань, *ради услугъ Каспійской эскадры и перевозки жизненныхъ припасовъ* для войскъ сухопутныхъ, 12 галіотовъ, которымъ мѣстопребываніе назначалось имѣть въ Бакинскомъ портѣ, оставить навсегда для такого же употребленія въ Астрахани; а Бакинскій портъ, *какъ не настояло въ немъ*, — по мнѣнію Государя, — *никакой надобности*, уничтожить ***).

7) Именной указъ, отъ 24-го августа того же года, которымъ, — по поводу сдѣланныхъ горцами нападений на нѣкоторое селеніе Моздокскаго уѣзда и убійствъ и грабежа, — Высочайше повелѣно Гудовичу, «для прекращенія подобныхъ набѣговъ, принять должныя мѣры осторожности, учредя пограничныя разъѣзды изъ ближайшихъ тутъ казачьихъ войскъ Уральскаго, Семейнаго или Гребенскаго, и

*) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 17,947.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 17,966.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 18,037.

снабдя начальниковъ разъѣздныхъ командъ надлежащими наставленіями», чтобы, въ случаѣ покушенія горцевъ продолжать въ нашихъ предѣлахъ такія нападенія, — прибавлялъ Государь, — они обращены были *въ собственную ихъ пагубу, и дерзость ихъ достойное наказаніе получила* *).

8) Именной указъ, 7-го октября того же года, о принятии въ Россійское подданство выѣхавшихъ изъ Персіи двухъ Карабахскихъ армянскихъ мелиговъ: Джи-Шмата, владѣльца Варадинскаго и Фридона, владѣльца Гулистанскаго съ подвластнымъ имъ Армянскимъ народомъ, въ числѣ 11,000 семей. На Ивана Васильевича, этимъ повелѣніемъ, Государь возлагалъ сдѣлать все нужныя распоряженія о приведеніи въ дѣйствіе такого желанія, подавъ *всевозможныя*, по его усмотрѣнію, пособія, какъ къ охраненію этого народа и имущества ихъ отъ разграбленія при переходѣ, такъ и относительно поселенія ихъ на Кавказской Линіи, назначивъ къ тому достаточныя земли и обезпечивъ спокойное ихъ у насъ пребываніе **).

9) Именной указъ, отъ 24-го ноября того же года, утверждавшій предположеніе Гудовича объ отпускѣ соли изъ Можарскихъ озеръ сосѣднимъ народамъ съ Астраханскою губерніею, — именно Ногайскимъ Татарамъ, Кабардинцамъ, Калмыкамъ и подвластнымъ шамхалу Тарковскому, — *въ разсужденіи того*, чтобы вмѣсто вымѣна продуктовъ за соль, ими получаемую, платима была цѣна, назначенная Иваномъ Васильевичемъ, деньгами за каждую 20-типудовую арбу соли по 1 р. 50 коп. Довольствоваться эти народы отпускомъ нужнаго имъ количества соли, — прибавлялъ Императоръ, — слѣдовало только до тѣхъ поръ, пока сосѣди эти сохранятъ *достойное согласіе и причиняющихъ какое либо неустройство будутъ выдавать къ довольствующему по законамъ взысканію и наказанію* ***).

и 10) Докладъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства, Высо-

*) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 18,108.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 18,189.

***) Полное Собр. Зак., 1 с. XXIV, № 18,254.

чайше утвержденный 13-го февраля 1798 года *), *объ умноженіи и усовершеніи винограднаго садоводства* по Тереку и Кавказской Линіи.

Въ мартѣ 1798 года, Гудовичъ получилъ Именной указъ сдать, на время, команду генераль-лейтенанту Исленьеву, — бывшему инспекторомъ тамошней кавалеріи, — до назначенія новаго начальника, а самому явиться къ Государю въ С. Петербургъ, куда тотчасъ и отправился. Находясь еще въ дорогѣ, Иванъ Васильевичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, а по приѣздѣ въ столицу Высочайше определенъ военнымъ губернаторомъ въ Каменецъ-Подольскій, съ подчиненіемъ въ его команду тамошней дивизіи, расположенной въ губерніяхъ Подольской, Волынской и Херсонской, и съ порученіемъ, по гражданской части, въ его управленіе трехъ губерній: Подольской, Волынской и Минской. При этомъ *за ревность и усердную службу*, ему были пожалованы три тысячи душъ въ Подольской губерніи.

Въ этомъ же году Императоръ Павелъ повелѣлъ нашему герою быть готовымъ съ его войсками, въ числѣ 60,000, двинуться на помощь Турціи, — находившейся тогда въ затрудненіи отъ бунта Пославана-Оглу. Объ этомъ Гудовичъ обязанъ былъ, чрезъ посланника нашего въ Константинополь, сообщить Портѣ, но Диванъ не требовалъ помощи, а только благодарилъ.

Въ началѣ 1799 года Ивану Васильевичу Высочайше повелѣно командовать арміею его имени, составленною изъ трехъ корпусовъ, — одного собственно подъ его начальствомъ, въ Волынской губерніи, на Бугѣ, впадающемъ въ Вислу, гдѣ на границѣ, въ мѣстечкѣ Рожемполь, онъ и занялъ свою квартиру; другаго, подъ командою генерала отъ кавалеріи Михельсона, въ Подольской губерніи, и третьяго, подъ командою генераль-лейтенанта Шица, на Днѣстрѣ и въ Херсонской губерніи. При этомъ нашему герою было поручено также *имѣть смотрѣніе и наблюденіе* за корпусомъ принца Конде, въ Волынской губерніи расположеннымъ. Но, въ іюнь мѣсяцѣ, послѣднему корпусу, съ самимъ

*) Полное Собр. Зак., 1 с. XXV, № 18,375.

принцемъ Коде, повелѣно выступить за границу, принявъ отъ Гудовича гусарскій полкъ Баура *), въ замѣнъ котораго оставить, до времени, въ командѣ послѣдняго два полка драгунскихъ: Дворянскій, — имѣвшій шефомъ Дюка-де-Берри, — и другой, въ которомъ находился шефомъ Дюк-д'Ангенъ; но послѣ и эти два полка двинуты за границу. Велѣдъ за тѣмъ, и самому Гудовичу повелѣно находиться въ постоянной готовности въ двадцать четыре часа выступить на Рейнъ. За границею онъ долженъ былъ принять въ свое главное начальство и армію генерала отъ инфантеріи Ласси. Но войска остались безъ движенія до октября, когда армія Гудовича расположена на квартиры въ Вольнской губерніи; а въ началѣ 1800 года она и совершенно распущена. Самъ Иванъ Васильевичъ тогда отправился къ своему мѣсту, въ Каменецъ-Подольскій. Находясь здѣсь, онъ имѣлъ счастье удостоиться нѣсколькихъ милостивыхъ Именныхъ повелѣній; но потомъ, производя инспекторскій смотръ въ Кинбурнѣ баталіону, тамъ стоявшему, получилъ приказъ объ отставленіи отъ службы.

Сдавъ въ исправности полкъ, тогда своего имени, въ Каменцѣ стоявшій, и всѣ дѣла, ему порученныя, Иванъ Васильевичъ уѣхалъ въ имѣніе.

На Кавказѣ, съ оставленіемъ начальства надъ краемъ Гудовичемъ, ходъ дѣлъ быстро измѣнялся.

Внимая мольбамъ царя Георгія XIII, Императоръ Павелъ приказалъ въ 1800 году двумъ полкамъ двинуться съ Линіи въ Тифлисъ, а велѣдъ за тѣмъ, манифестомъ 18-го января 1801 года, Грузія (то есть Карталинія съ Кахетіею) была объявлена присоединенною къ Россіи на вѣчныя времена и занята нашими войсками. Въ это время Грузія отсюду еще окружена была врагами. Отрѣзанная отъ Россіи хребтомъ Кавказа съ его постоянно готовыми на грабежъ и рѣзню обывателями; съ запада — къ Черному Морю, сосѣдняя съ Имеретіею, странною хотя единоплеменною и единовѣрною, и считавшеюся, съ 1774 года, уже независимою ни отъ которой изъ сосѣднихъ державъ, но тѣмъ не менѣе продолжавшею еще находиться подъ вліяніемъ фанатически-му-

*) Нынѣ лейбъ-гусарскій Павлоградскій Его Величества.

сульманской и политически-враждебной намъ Порты. Лежавшія далѣе къ западу, также единоплеменные и единовѣрные, Мингрелія и Гурія, испытывали на себѣ это вліяніе еще въ сильнѣйшей степени. Съ юго-запада Грузія соприкасалась, съ составлявшими уже полную собственность Оттомановъ, пашалыками Ахалцыхскимъ и Карскимъ. Къ югу рубежомъ ея служило ханство Эриванское, съ лежавшимъ за нимъ такими же ханствами Нахичеванскимъ и Хойскимъ, а къ юго-востоку — ханство Ганжинское, которое управлялось владѣтелями, находившимися въ зависимости отъ Персіи. Наконецъ, къ востоку, за рѣкою Алазанью, въ обращенныхъ на югъ долинахъ Кавказа, граничила она съ вольнымъ союзомъ Джаробълоканскихъ Лезгинъ, съ владѣніями независимаго султана Элисуйскаго и присяжнымъ Персіи ханствомъ Шекинскимъ. На югъ и на востокъ отъ ханствъ Ганжинскаго и Шекинскаго, далѣе къ Каспійскому Морю, находились ханства: Карабахское, Талишское, Ширванское, Бакинское и Кубинское. Изъ нихъ три первыя признавали надъ собою власть Персіи. *Бакинскій* Гусейнъ-Кули-Ханъ, въ Зубовскій походъ присягнулъ на подданство Россіи; но, это не мѣшало ему, отправляя пословъ въ Петербургъ съ изъявленіемъ покорности, въ то же время сноситься тайно съ Персіею и грабить явно нашихъ купцовъ. *Кубинское* ханство, за имѣну Шейхъ-Али-Хана, въ 1795 году, отдѣлено было отъ Дербентскаго и отдано Гассанъ-Али; но, по смерти послѣдняго, въ 1799 году, Шейхъ-Али снова дозволено было владѣть обоими ханствами. На преданность этого, не разъ уже измѣнявшаго владѣльца можно было полагаться столь же мало, какъ и на покорность хана Бакинскаго. Не болѣе надежна была и зависимость отъ Россіи Дагестанскихъ владѣній *Табасарани* и *Кара-Кайтаха*, — считавшихся въ подданствѣ нашемъ съ 1772 года, — хотя присяга повторяема была со стороны уцмievъ Кара-Кайтахскихъ и кадіевъ и муасумовъ Табасаранскихъ уже нѣсколько разъ, въ 1796 и 1802 годахъ.

Вѣрнымъ присяжникомъ Россіи можно было считать единственно Муртаза-Али, шамхала *Тарковскаго*. вступившаго въ подданство наше въ 1786 году. Кромѣ того, съ 1796 года считалось еще въ подданствѣ нашемъ небольшое ханство Джангутальское, лежащее между владѣніями шамха-

ловъ и уцмievъ. Наконецъ просился, и въ концѣ 1802 года былъ принятъ, въ подданство султанъ Ахметъ—Ханъ *Аварскій*, преемникъ страшнаго Омаръ—Хана; но, извѣстно, что значило такое подданство.

Въ такомъ положеніи дѣлъ принялъ начальство въ Грузіи князь Циціановъ. Вступленіе въ должность незабвеннаго для Кавказа героя ознаменовалось немедленно изъявленіями со стороны владѣтеля *Мингрелии*, Григорія Дадіана, желанія поступить въ подданство Россіи,—на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе 23—го мая 1804 года. За тѣмъ необходимою наказаніемъ коварнаго владѣльца ганжинскаго Джавать—хана повела къ тому, что противъ него перваго обращено было оружіе Русское въ Закавказьѣ: сильная крѣпость Ганжа, 3 января 1804 года, взята была приступомъ и все ханство составило уѣздъ Грузіи. Вслѣдъ за тѣмъ, на противоположномъ концѣ края, генераль-маіоръ Гуляковъ разбилъ Джаробълоканскихъ Лезгинъ, которые издавна разоряли Кахетію непрерывными набѣгами своими,—не смотря на хана Казикумыхекаго Сурхая и многочисленныя толпы загорныхъ Лезгинъ, пришедшихъ къ нимъ на помощь. Вслѣдствіе этого, крѣпость Джары занята безъ бою, а 3 апрѣля 1804 года прибыли въ Тифлисъ депутаты отъ всѣхъ обществъ Джаробълоканскаго союза и владѣній султана Элисуйскаго съ изъявленіемъ вѣчной покорности; ихъ оставили управляться по своему и только обязали платить ежегодную дань. Тотчасъ-же послѣ этого, путемъ мирной сдѣлки, присоединено еще было цѣлое древнее царство: трактатомъ 21—го апрѣля 1804 года призналъ себя подданнымъ Россіи *Имеретинскій* царь Соломонъ II; во владѣніе его введено было только небольшое число нашихъ войскъ. Успѣхи эти имѣли слѣдствіемъ то, что горскіе народы на время успокоились, то есть не тревожили нашихъ линій и границъ, а ханы, управлявшіе въ сопредѣльныхъ Грузіи, съ юга и востока, областяхъ, стали просить на перерывъ о принятіи ихъ подъ покровительство Россіи. Это, разумѣется, не могло нравиться Персіянамъ, и дворъ Тагеранскій сталъ употреблять всѣ усилія: съ одной стороны, чтобы удержать въ своей зависимости преклонившихся къ Россіи хановъ, съ другой, чтобы возмутить спокойствіе самой Грузіи, содѣйствуя замысламъ бѣжавшаго въ Персію царевича Александра. Угро-

жаемые местию шаха за попытку сдѣлаться отъ него независимыми, ханы Эриванскій и Нахичеванскій рѣшились передаться совершенно въ подданство Россіи и обратились къ намъ съ просьбою о помощи противъ выступившихъ, для наказанія ихъ, Персидскихъ войскъ. Князь Циціановъ поспѣшилъ на призывъ: но, когда главнокомандовавшій, разбивъ на пути нѣсколько Персидскихъ отрядовъ и нанеся сильное поряженіе главнымъ силамъ Аббасъ—Мирзы, сына шаха, приблизился къ стѣнамъ Эривани, владѣвшій въ ней Магометъ—ханъ перешелъ опять на сторону Персіянъ. Вслѣдствіе этого была осада Эривани, въ виду вспомогательнаго Персидскаго войска; оказаны были подвиги неимоверной храбрости, стойкости и мужества, возможные только для Русскаго воина; Персіяне были поражены нѣсколько разъ, но недостатокъ провіанта и болѣзни, которыя терпѣлъ нашъ малочисленный отрядъ и важныя безпорядки между горцами, возбуждаемые Персіянами на разныхъ пунктахъ, заставили князя Циціанова возвратиться въ Тифлисъ, гдѣ присутствіе его было крайне необходимо. Единственными плодами этого похода было присоединеніе къ Грузіи, въ 1805 году, Шурагальскаго участка Эриванскаго ханства и переселеніе въ укрѣпленіе Талынъ хана Хойскаго, Джафаръ—Кули, съ 400 семей его подданныхъ. Возмутившіеся горцы были счастливо усмирены, только Бакинскій ханъ не прекращалъ своихъ грабительствъ. Баку была осаждена Русскими, но коварное убійство князя Циціанова подъ ея стѣнами заставило наши войска отступить. Во время этой осады, ханы *Шекинскій*, *Ширванскій* и *Карабахскій*, признали надъ собою верховную власть Россійскаго Императора и обязались платить дань и принять наши гарнизоны.

Смерть грознаго для Кавказа князя Циціанова все измѣнило: возникли повсемѣстныя безпокойства, началось отпаденіе разныхъ тамошнихъ владѣльцевъ, покоренныхъ скипетру Россіи.

Ибрагимъ—ханъ Карабагскій, данникъ нашъ, которому не нравились Русскіе законы, воспрепятствующіе грабжѣ, насилію и самоуправству, склонился на убѣжденія Персидскаго Шаха, своего зятя, чтобы, пользуясь благоприятными обстоятельствами, разорвать договоръ, заключенный съ Циціановымъ,—и общалъ, по приближеніи Персидскихъ войскъ, сдать имъ

крѣпость Шушу, въ которой находился небольшой Русской отрядъ, подъ командою храбраго маіора Лисаневича. Съ другой стороны, Горцы, особенно Джаробълоканскіе Лезгины, начали оказывать непокорность. Шекинскій ханъ Селимъ взбунтовался и, соединясь съ ханомъ Казыкумыхскимъ, началъ явно непріятельскія дѣйствія.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ необходимо было принять рѣшительныя мѣры, чтобы возстановить спокойствіе и наказать непокорныхъ и убійцъ князя Циціанова. Императоръ Александръ вознамѣрился возложить это на графа Гудовича.

Въ апрѣлѣ 1806 года, изъ Подольской губерніи, гдѣ, какъ сказано, проживалъ заслуженный старецъ, онъ былъ вызванъ въ С. Петербургъ и Высочайшимъ приказомъ 2-го іюня того-же года назначенъ главноуправляющимъ въ Грузіи, губерніи Астраханской и области Кавказской. Другимъ Высочайшимъ приказомъ 19-го іюня, по ходатайству нашего героя, принять изъ отставки и опредѣленъ въ помощники ему, славившійся тогда своею храбростію, генералъ отъ инфантеріи Булгаковъ.

Прибывъ въ Георгіевскъ, Гудовичъ нашелъ въ немъ и въ другихъ мѣстахъ по Линіи чуму. Поэтому первымъ его попеніемъ было прекращеніе заразной болѣзни. Въ то-же время онъ немедленно отправилъ генерала отъ инфантеріи Булгакова командовать войсками, въ Дагестанѣ находившимся *), предписавъ ему *сдѣлать предпріятіе на Баку и взять этотъ городъ*. Самъ-же по укрощеніи чумы, — когда уже оставалось только незначительное

*) Въ *Біографіи Русскихъ Генералъ-Фельдмаршаловъ* (III, 23) и *Словарь Достопамятныхъ людей земли Русской* (II, 177) вѣрно показано, что отправленіе Булгакова произошло по причинѣ болѣзни, постигшей Гудовича; изъ словъ Записки фельдмаршала видно, что самому ему помѣшали отправиться распоряженія по прекращенію чумы. *Зубовъ—Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ*, (т. 1, ч. 2, стр. 4) говоритъ, что дѣйствовать Булгакову въ Дагестанѣ, а Гудовичу на южной сторонѣ—было предназначено (въ С. Петербургѣ?)—Тоже повторено и въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, 2 изд., ч. 1V, 603.

число больныхъ,— въ сентябрѣ поѣхалъ, черезъ горы, въ Тифлисъ.

По извѣщенію изъ Грузіи, что Шехинскій ханъ отложился, Карабахскій, подозрѣваемый въ измѣнѣ, убитъ и ханство осталось безъ хана, а Лезгины, — «народъ бойкій», — говоритъ Иванъ Васильевичъ, — имѣющій порядочные каменные дома и все хозяйство въ лучшемъ порядкѣ, нежели въ Грузіи, упражняющійся въ шелководствѣ *)», — призвали къ себѣ въ помощь Хамутая, хана Казыкумыхскаго, намѣреваясь грабить Грузіи, Гудовичъ далъ предписаніе генералъ-маіору Песвѣтаеву, *приготовить* одну часть войскъ на лѣвомъ берегу рѣки Куры, у Джавата, противъ устья рѣки Араксы, впадающей въ нее, а другую въ Кахетіи.

Въ это время, по несчастію, нашъ герой, въ Владикавказской крѣпости, сильно заболѣлъ, такъ что десять дней пролежалъ въ постели; но какъ только могъ встать, то, не смотря на чрезмѣрную слабость, отправился въ горы, на носилкахъ, которыя несли нанятые Осетины.

Въ самой срединѣ горъ онъ получилъ извѣстіе о покореніи Дербента и Баки, и что оба тамошніе хана спаслись бѣгствомъ **).

Глазенапъ, исправлявшій должность главноуправляющаго до прибытія новаго начальника, по покореніи первой изъ этихъ крѣпостей, получивъ извѣстіе, что Персидскія войска имѣютъ намѣреніе вступить въ Карабахское ханство, для содѣйствія Ибрагиму хану, далъ повелѣніе генералъ-маіору Небольсину, съ двумя баталіонами мушкатеровъ и командою егерей, вступить въ Карабахъ. Въ то-же время онъ командировалъ изъ Дербента генералъ-маіора Мейера съ отрядомъ, для изгнанія войскъ хана Казыкумыхскаго изъ Табаранскихъ владѣній. Ибрагимъ, въ ожиданіи прихода Персіянъ, расположился лагеремъ близъ Шуши. Къ нему былъ отправленъ съ конвоемъ для переговоровъ маіоръ Лисаневичъ;

*) Слова Записки Гудовича.

**) Дербентъ, какъ извѣстно, взяли Глазенапомъ; но Гудовичъ въ своей Запискѣ говоритъ, — «получилъ я рапортъ отъ генерала отъ инфантеріи Булгакова, что онъ вымалъ изъ ханства Дербентскаго хана.»

Ихъ въ Подковника Новоселова.

Похъ И Корелана

РАЗВАЛИНЫ ЗАМКА ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ, БЛИЗЪ КАРА - АГЛАЧ.

Тифлисской губерціи.

произошла драка, въ которой погибли самъ ханъ съ семействомъ и служителями, а сынъ его, Мехти-Кули-Ханъ, человекъ кроткій, тутъ же провозглашенъ преемникомъ отца, и этимъ водворилось спокойствіе во всемъ ханствѣ.

Между тѣмъ наслѣдникъ Персидскаго престола, Аббасъ-Мирза, съ 20,000 войска, вступилъ въ Карабахъ. Другіе два непріятельскіе отряда двинулись, одинъ — по направленію къ Елисаветполю, подъ начальствомъ Гуссейнъ-Кули-Хана, и расположился у устья р. Джагама, а второй, подъ начальствомъ царевича Александра, у Торчая, близъ озера Гокча. Небольсинъ встрѣтилъ непріятели между Шахъ-Булахомъ и Аскераномъ. 13-го іюня произошло упорное сраженіе близъ Хонашинскаго дефілея. Аббасъ-Мирза, раздраженный постоянными неудачами, потребовалъ отъ войска своего клятвеннаго обѣщанія побѣдить или умереть. Но, не смотря на выгодную позицію, на давнюю клятву, Персіяне, послѣ пяти-часовой упорной борьбы, бѣжали за Араксъ, оставивъ до 1000 чел. убитыми. Весь же Русскій отрядъ состоялъ изъ 1644 чел. Въ то же время царевичъ Александръ былъ отбитъ съ урономъ, командовавшимъ войсками на границѣ Грузіи, подполковникомъ княземъ Эристовымъ; а генераль-маіоръ Мейеръ, вступивъ въ Табасаранскія ущелья и взявъ приступомъ укрѣпленныя деревни: Арчанъ, Эндагиръ и Шталъ, возвратилъ ихъ законному владѣльцу, Мустафъ-Беву-Майсуму. Наконецъ, велѣдъ за покореніемъ Баку, покорилась также Куба и все ханство Кубинское.

Среди этихъ успѣховъ нашего оружія, Иванъ Васильевичъ, послѣ труднаго для большаго пути, прибылъ 27-го октября въ Тифлисъ, поправившись на столько, что могъ уже сидѣть на лошади.

Отсюда главноуправлявшій предписалъ генераль-маіору Небольсину идти на покореніе измѣниваго хана Шехинскаго. Это было блистательно исполнено: войска Селима-Хана разбиты на голову, онъ самъ успѣлъ спастись въ горы только съ нѣсколькими нукерами, а велѣдъ за тѣмъ была взята штурмомъ крѣпость Нуха, — главное мѣсто ханства, — сильно защищенная природою и мужественно обороняемая; и во владѣніи водворено совершенное спокойствіе.

Въ это ханство, по представленію Гудовича, Высочайше опредѣленъ ханомъ *усердный* Джафаръ-Кули-Ханъ-Хойскій, изгнанный Бабаханомъ и сражавшійся съ его войсками, а ханомъ Карабахскимъ утвержденъ, назначенный Лисаневичемъ, Мехти-Кули-Ханъ.

Потомъ, будучи обезпеченъ со стороны Дагестана особенно отличнымъ усердіемъ и всегдашней приверженностію къ Россіи шамхала Тарковского, одного изъ сильнѣйшихъ тамошнихъ владѣтелей, и полагаясь вполне на преданность новыхъ хановъ Карабахскаго и Шекинскаго, Гудовичъ почелъ возможнымъ приступить къ наказанію Лезгинъ, и далъ повелѣніе генераль-маіору Орбеліану, съ отрядомъ, подъ начальствомъ его состоявшимъ, къ которому приказалъ командировать часть пѣхоты изъ отряда генераль-маіора Небольсина, въ Шекинскомъ ханствѣ расположеннаго, и съ Грузинскою конницею, — нарочно для того собранною, — выступить за рѣку Алазань, имѣя предосторожность не вдаваться въ ущелья *). Князь Орбеліанъ принялъ столь искусныя мѣры, что все Лезгинское войско (до 10,000 чел.), съ пришедшею къ нему на помощь конницею Ахметъ-Хана Аварскаго, было окружено въ тѣсномъ Чарскомъ ущельѣ; Ахметъ-Ханъ предсталъ съ покорностію и былъ прощенъ; Лезгины покорились, обязавшись заплатить недоимки податей и отпустить всѣхъ захваченныхъ въ плѣнъ Русскихъ подданныхъ.

Не довольствуясь этимъ, Лезгины отправили къ Главноуправлявшему для испрошенія прощенія 12 человекъ *изъ первыхъ у нихъ людей*. Эти послѣдніе, прибывъ въ Тифлисъ, въ знакъ чистаго раскаянія въ своихъ преступленіяхъ, совершенной покорности и смиренія, явились къ графу Гудовичу съ повѣшенными на шеяхъ саблями, испрашивая пощады и помилованія. Нельзя описать восторга Гру-

*) Зубовъ, т. 1, ч. 2, стр. 14-16, и въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* 2 изд. IV, стр. 604. Въ Запискѣ Гудовича о князѣ Орбеліанѣ не упомянуто; а сказано: «предписалъ я генераль-маіору Небольсину зайти въ тылъ къ Лезгинцамъ, а войскамъ, приговленнымъ въ Кахетіи, наступить оттуда на Лезгинцевъ.»

зискаго народа при этомъ зрѣлицѣ: въ первый разъ заклятые враги его явились въ такомъ униженномъ положеніи. Иванъ Васильевичъ съ достоинствомъ напомнилъ имъ, что они должны не забывать данную клятву быть вѣчно вѣрными подданными Россійскому Монарху; что въ настоящемъ случаѣ одно милосердіе Государя Императора позволяетъ ему простить ихъ съ тѣмъ, чтобы ихъ вредные поступки никогда болѣе не возобновлялись, и чтобы все обязательства, ими на себя принимаемыя, исполняли свято. Вслѣдъ за тѣмъ, по Высочайше данному ему полномочию, главноуправлявшій выдалъ имъ письменное объявленіе прощенія, и отправивъ половину старшинъ, удержалъ прочихъ до присылки аманатовъ. Такимъ покореніемъ Лезгинъ обезпечились и границы Грузіи со стороны рѣки Алазани.

Государь Императоръ удостоилъ Гудовича за эти подвиги слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

Графъ Иванъ Васильевичъ!

Усматривая изъ послѣднихъ донесеній вашихъ, что Лезгинцы Джарской провинціи, возчувствовавъ гибельныя слѣдствія, навлекаемыя на нихъ собственными ихъ неустойчивостями, покорены безъ кровопролитія, и вступили уже во все обязанности своего подданства, Я не могу не приписать столь пріятныхъ для Меня успѣховъ единственно вашему благоразумію, объемлющему пользы обстоятельства того края въ полномъ и точномъ ихъ видѣ. Умирненіе народа, столь неукротимаго, чрезъ кроткія средства, Я признаю за успѣхъ весьма важный, поелику оный представляетъ образъ поведенія, съ пользами государственными наиболѣе сходственный; а потому изъясляю вамъ чрезъ сіе особенную Мою признательность. Рекомендованныхъ вами Я повелѣлъ наградить, сходно съ вашимъ представленіемъ, о чемъ вы получите пространнѣйшее увѣдомленіе отъ министра иностранныхъ дѣлъ, генерала отъ инфантеріи Будберга. Впрочемъ въ тѣхъ чувствованіяхъ полной увѣренности Моей въ усердіи вашемъ къ службѣ отечественной пребываю къ вамъ благосклонный. »

« А Л Е К С А Н Д Р Ъ . »

Въ это же время Гудовичу предстояли затруднительныя сношенія съ Персією и Турцією.

По пріѣздѣ еще графа Ивана Васильевича на Лицію, присланъ былъ въ Астрахань посланецъ *Бабахана*, — какъ тогда звали будущаго шаха, — который, по просьбѣ его, былъ доставленъ въ Георгіевскъ, и привезъ главноуправлявшему письмо отъ перваго чиновника Бабаханова, съ изъясненіемъ, что его повелитель желаетъ прекратить непріятельскія дѣйствія. Отвѣтъ съ нашей стороны былъ *сходственный Высочайшему достоинству Великаго Государя Императора*. Но какъ Персіане на этомъ и остановились, то самъ Гудовичъ, по Высочайшему повелѣнію, посылалъ въ Тегранъ, для переговоровъ, своего адъютанта. Тогда же главноуправлявшій *примѣтилъ*, что съ Турецкой стороны *происходятъ непріятельскія намѣренія*, хотя Ахалцыхскій паша и прислалъ къ нему своего чиновника съ письмомъ, *будто въ пріятельскомъ намѣреніи*. Карскій паша, переговариваясь съ генераль-маіоромъ Несвѣтаевымъ, — стоявшимъ на границѣ Карскаго владѣнія, — послалъ, мимо графа Гудовича, съ Армяниномъ, покупавшимъ у него лошадей, для казенныхъ заводовъ, прошеніе къ Государю, изъясняя, что «будто готовъ покорнымъ быть Великому Государю Императору, когда ему подана будетъ помощь противъ Турокъ.» По этому изъ Петербурга было прислано къ графу Гудовичу алмазное перо для отсылки пашѣ; но оно не могло быть передано, такъ какъ тогда паша *уже совершенно открылъ свое коварство*.

18-го декабря 1806 года Турція объявила Россіи войну. Императоръ Александръ повелѣлъ Гудовичу обратиться на Азіатскія владѣнія Порты и удерживать тамъ Анатолійскія войска, назначенныя Диваномъ для отправленія на Дунай. Подвигъ предстоялъ трудный. Подъ начальствомъ графа Ивана Васильевича всего находились только двѣ пѣхотныя дивизіи, въ которыхъ считалось до 22,000 человекъ. 19-я дивизія на Кавказской Линіи оберегала предѣлы государства и должна была укрощать горцевъ, а 20-я была расположена противъ Персіи. Такимъ образомъ, съ 11,000 человекъ, нашему герою надлежало охранять Грузію и воевать съ Турками и Персіянами! Къ счастью, за нѣсколько дней

до разрыва съ Портою, было подписано перемиріе съ шахомъ.

«Признавая прекращеніе военныхъ дѣйствій съ Персіянами началомъ будущихъ успѣховъ противъ Турокъ», Императоръ Александръ повелѣлъ, отъ 7-го января 1807 г., графу Гудовичу стараться заключить миръ съ Персією, начать немедленно наступленіе на Турецкіе пашалыки и имѣть въ виду, что Кавказскому Корпусу не отправлять ни какого подкрѣпленія, доколѣ Наполеонъ не будетъ отраженъ отъ Вислы.

Хотя перемиріе съ Персіянами и начавшіеся съ ними переговоры въ Тегеранѣ развязали руки Гудовича, но желая, однако жъ, обезпечить себя на случай внезапнаго впаденія Персіянъ въ ханства Карабахское, Шекинское и Грузію, главнокомандовавшій приказалъ бригадѣ генералъ-маіора Небольсина расположиться впереди Елисаветпольской крѣпости. Въ то же время, въ началѣ 1807 года, самъ графъ Иванъ Васильевичъ выступилъ въ лагерь, съ войсками, находившимися въ Грузіи и Кахетіи.

Узнавъ здѣсь о непріязненныхъ намѣреніяхъ Ахалцыхскаго шахи, собиравшаго войска для впаденія въ Мингрелію и Имеретію, графъ Гудовичъ выступилъ въ походъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ, съ 9-ю баталіонами пѣхоты, 3-мя эскадронами драгуновъ и 3-мя полками казаковъ, въ намѣреніи прежде всего схватить крѣпостцу Ахалкалаки.

Засѣвшіе въ ущельяхъ Лезгины старались затруднять маршъ нашихъ войскъ, но были прогоняемы, и графъ Иванъ Васильевичъ безпрепятственно пришелъ къ Ахалкалаку; но нашелъ ее изготовленною къ оборонѣ.

Ахалкалаки, — небольшая крѣпость, въ 68 ми верстахъ отъ Ахалцыха и 110-ти отъ Тифлиса, — лежитъ при слияніи рѣчекъ Топаравенъ-Чай и Гендера-Су, на возвышенномъ мѣстоположеніи, между обрывистыми ущельями. Въ разсматриваемое время она была обнесена толстою каменною стѣною, въ иныхъ мѣстахъ очень высокою, съ одной стороны зубчатою, съ другой прорѣзанною окнами въ два яруса и каменнымъ банкетомъ вокругъ стѣнъ. По угламъ и въ среднѣхъ надъ воротами, заваленными до половины дикимъ камнемъ, возвышались каменные башни, увѣнчанныя также зубцами. Городскіе дома были построены такимъ образомъ,

что три части каждаго дома находились подъ землею и только четвертая выходила на поверхность, да и та была обложена камнемъ и покрыта землею.

Взятіе Ахалкалака было важно для насъ: оно обезпечивало сообщеніе корпуса съ Тифлисомъ и упрочивало дальнѣйшія предпріятія на Ахалцыхъ.

На двукратное требованіе сдачи, паша ничего не отвѣчалъ, а потомъ открылъ огонь. Графъ Гудовичъ началъ бомбардированіе; но двухъ-дневное дѣйствіе орудій, — хотя поставленныхъ въ 250-ти саженьяхъ отъ крѣпости, — не было успѣшно, отъ образа постройки стѣнъ и домовъ *), Поэтому графъ Иванъ Васильевичъ рѣшился взять Ахалкалаки приступомъ, и не сомнѣвался въ успѣхѣ, зная малочисленность гарнизона, состоявшаго только изъ 1,500 человекъ **).

Для штурма были сформированы три колонны, изъ полковъ Херсонскаго и Кавказскаго гренадерскихъ и 9-го и 15-го егерскихъ, — въ числѣ 2,900 человекъ. Начальниками ихъ назначены генералъ-маіоры: Титовъ, Портнягинъ и графъ Гудовичъ, сынъ главнокомандовавшаго. Ночью на 9-е мая атаковавшіе подошли къ крѣпости, и на зарѣ, — въ день Св. Чудотворца Николая, — по условленному пушечному выстрѣлу, — двинулись на приступъ.

Турки, предупрежденные о нашемъ предпріятіи бѣжавшимъ Татаринномъ, вывели заблаговременно изъ крѣпости всѣхъ безоружныхъ и оставили въ ней однихъ военныхъ, которые встрѣтили штурмовавшихъ жестокимъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, бросая въ нихъ камни и бревна и обливая ихъ кипяткомъ. Половину войскъ нашихъ составляли солдаты, выбранные изъ гарнизоновъ, и рекруты прошло-

*) Михайловскій-Даниловскій, *Описаніе Турецкой войны*, ч. I стр. 77. Въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ*, 1 изд. ч. I, стр. 729 — сказано: что огонь открытъ «съ такого дальнаго разстоянія, что выстрѣлы не оказывали никакого дѣйствія,» — безъ объясненія вліянія на такую неуспѣшность мѣстныхъ причинъ.

**) Михайловскій Данилевскій, *Описаніе Турецкой войны*, I, 77; по *Военно-Энциклопедическому Лексикону*, 1 изд., ч. I, стр. 729, гарнизонъ состоялъ только изъ тысячи человекъ. Тоже и по Бутурлину.

годняго опредѣленія, небывалые въ дѣлахъ. Они, вопреки запрещенію стрѣлять, доколѣ не взойдутъ на стѣну, открыли огонь слишкомъ рано, потомъ поставили лѣстницы не въ надлежащихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ банкеты, весьма возвышенные надъ внутренностью крѣпости, не имѣли сходовъ и гдѣ, слѣдовательно, хотя представлялось возможнымъ взлѣзть на стѣну, но спуститься съ нея въ крѣпость было очень трудно. Не смотря на это, старые солдаты въ двухъ колоннахъ взойшли на стѣну, овладѣли одною башнею, взяли пушку и знамя, и начали спускаться внутрь города; но молодые не поддержали ветерановъ. Графъ Гудовичъ ввелъ въ дѣло резервъ, оставя при себѣ только 150 человекъ пѣхоты, три эскадрона драгуновъ и казачій полкъ, — для удержанія показавшейся въ тылу его непріятельской конницы. Приступъ продолжался почти пять часовъ; но все усилія были бесполезны. 200 человекъ, которые пробрались, поодиначкѣ, въ крѣпость, были обезглавлены. Наконецъ, непріятель взорвалъ башню, занятую нашими войсками. Тогда графъ Гудовичъ велѣлъ отступить. Турки сдѣлали вылазку и отбили орудіе, стоявшее отъ крѣпости въ 40 саженьяхъ, откуда оно стрѣляло въ ворота и уже до половины ихъ разбило. Потеря наша простиралась убитыми и ренеными до 897-ми человекъ *).

Графъ Гудовичъ, послѣ этой неудачи, не рѣшился продолжать наступательныхъ дѣйствій на Ахалцыхъ и возвратился въ Грузію.

Оправдывая свое отступление, онъ говорилъ о непостоянствѣ погоды, породившей много болѣзней, трудности движеній съ тяжелымъ обозомъ по высокимъ и каменистымъ горамъ и неопредѣлительности дѣлъ нашихъ съ Персією. «Во войскѣ у меня, — доносилъ главнокомандовавшій, — почти половина прошлогоднихъ рекрутовъ, да и корпусъ слабъ несоизмѣрно противъ непріятельскаго, который легко

*) Донесеніе графа Гудовича Государю, отъ 21-го мая, приводимое Михайловскимъ-Данилевскимъ въ *Описаніи Турецкой войны*, ч. I, стр. 79; по *Военно-Энциклопедическому Лексикону*, 1 изд. ч. I, стр. 729 мы потеряли 1,500 человекъ однимъ убитыми и два орудія. По Бутурлину — Русскіе отступили съ великимъ урономъ.

имѣть можетъ до 40,000. Здѣсь все вообще жители вооружены. Если, паче чаянія, миръ съ Персією не возымѣетъ успѣха, то я долженъ стоять противъ двухъ, гораздо превосходнѣйшихъ непріятелей. Сверхъ того, самая Грузія надежна, гдѣ не малая часть находится Татаръ, единовѣрныхъ съ непріятелемъ, и каждый вооруженъ. Подвижнаго магазина у меня нѣтъ, потому что не имѣется людей, которыхъ къ тому можно опредѣлить, и при всѣхъ предложенныхъ выгодахъ склонить къ тому жителей было невозможно; всякіе подвозы дѣлаются по наряду и съ большими затрудненіями. Артиллерія не имѣетъ комплекта въ служителяхъ. Генеральнаго штаба у меня только два офицера. Наконецъ, при крайней уже слабости моего здоровья климатъ здѣшній разстроиваетъ оное еще болѣе » *)

При выступленіи своемъ въ Ахалцыхскій пашалыкъ, Гудовичъ предписалъ генераль-маіору Несвѣтаеву, стоявшему на границѣ Карскаго пашалыка, двинуться съ его отрядомъ на помощь къ тамошнему пашѣ, за нѣсколько времени предъ тѣмъ, какъ видѣли, *коварно просившему* покровительства Россіи. Этотъ отрядъ состоялъ изъ баталіона Кавказскаго гренадерскаго полка, баталіона 15-го егерскаго, почти всего Саратовскаго и двухъ казачьихъ полковъ. Несвѣтаевъ 16-го марта перешелъ Арпачай у Гумровъ. Но его встрѣтили непріязненно. Братъ паша занялъ селеніе Башурагель, чтобы воспрепятствовать походу Русскихъ. Несвѣтаевъ безъ труда открылъ себѣ путь штыками, и тотчасъ двинулся къ Карсу. Однако, главнокомандовавшій, видя суетность надеждъ нашихъ на пашу, предписалъ не предпринимать дѣйствій на самую крѣпость, а ограничиться обезпеченіемъ сообщенія съ нашею границею и овладѣніемъ пашалыкомъ.

Повелѣніе это, данное для избѣжанія потери людей при штурмѣ Карса, сильно укрѣпленнаго, и съ цѣлю выманить оттуда Турокъ на сраженіе, пришло поздно. Прежде его полученія Карскій паша, продолжая двуличіе, тайно пригласилъ отрядъ подойти къ крѣпости, обѣщая сдать, сдѣлавъ

*) Отношеніе графа Гудовича къ министру иностранныхъ дѣлъ отъ 21-го мая, № 151, приводимое Михайловскимъ-Данилевскимъ въ *Описаніи Турецкой Войны*, ч. I, стр. 79—80.

предварительно нѣсколько выстрѣловъ. Несвѣтаевъ послѣдовалъ вызову; но былъ встрѣченъ ядрами съ укрѣпленной горы, лежащей впереди крѣпости. Мгновенно два баталіона бросились въ штыки и взяли гору; вслѣдъ за тѣмъ, не смотря на пальбу со стѣнъ, занято было предмѣстіе города, но не являлось ни какого признака обѣщанной добровольной сдачи. Въ это время получено было упомянутое повелѣніе главнокомандовавшаго, и Несвѣтаевъ отступилъ.

Двинувшись самъ къ Ахалцыху и отправивъ Несвѣтаева на Карсъ, Гудовичъ, въ то же время, повелѣлъ третьему отряду генераль-маіора Рыкгофа, — составленному изъ Бѣлевскаго полка и баталіона 15-го егерскаго, — оставя гарнизонъ въ Редуть-Кале, — овладѣть Поті.

Въ самый день отбитаго приступа къ Ахалкалаку, 9-го мая, Рыкгофъ приблизился къ Поті, потребовалъ сдачи, получилъ отказъ, силою занялъ предмѣстье и гналъ Турокъ до крѣпости, но ворваться въ нее не могъ. Тогда онъ началъ блокаду, но чрезъ нѣсколько дней, когда главнокомандовавшій отступилъ отъ Ахалкалака, и онъ получилъ повелѣніе также отступить.

Такимъ образомъ, начало похода, на всѣхъ трехъ пунктахъ, на которыя дѣйствовали наши войска, кончилось неудачами, — и всѣ предположенныя наступательныя дѣйствія рушились. Неуспѣхъ этотъ ободрилъ враговъ, надмилъ Эрзерумскаго сераскира Юсуфа-Пашу. Собравъ, наконецъ, до 20,000 человекъ въ Карсъ, онъ вознамѣрился дѣйствовать наступательно и двинулся для впаденія въ границы наши, въ провинцію Шурагельскую, торжественно провозглашая о немедленномъ покореніи Тифлиса и изгнаніи Русскихъ изъ Грузіи, которой владѣтелемъ громогласно называлъ себя. Эти горделивыя мечты вскорѣ были разрушены: претерпѣнныя нами неудачи славно изглажены.

Генераль-маіоръ Несвѣтаевъ, какъ сказали, стоялъ въ Карскомъ пашалыкѣ. При извѣстіи о движеніи Юсуфа-Паши онъ отступилъ въ Шурагели, въ *мало укрѣпленное* селеніе Гумры, на пограничной рѣкѣ Арпачаѣ. Здѣсь, имѣя подъ своею командою только три баталіона Саратовскаго пѣхотнаго полка *въ маломъ комплектѣ*, баталіонъ Кавказскаго

гренадерскаго *еще въ меньшемъ комплектѣ*, баталіонъ 15-го егерскаго *въ такомъ же некомплектѣ*, и два Донскихъ казачьихъ полка, — онъ успѣшно выдержалъ два раза нападенія Турокъ.

Графъ Гудовичъ, будучи еще подъ Ахалкалакомъ, получилъ донесеніе Несвѣтаева о томъ, что сераскиръ атаковалъ его, подвезъ мортиры и пушки, изъ которыхъ стрѣлялъ по Гумрамъ. Это заставило главнокомандовавшаго двинуться *форсированными маршами* противъ сераскира, оставивъ въ Тифлисѣ Кабардинскій пѣхотный полкъ при генераль-маіорѣ князѣ Орбеліанѣ.

На половинѣ дороги графъ Иванъ Васильевичъ получилъ новое донесеніе Несвѣтаева, что сераскиръ атаковалъ его въ другой разъ, ворвался въ самое селеніе, но войска наши, обороняясь храбро, — особливо гренадеры Кавказскіе, — не допустили овладѣть Гумрами, хотя и съ урономъ, и заставили Турокъ ретироваться; но что непріятельскія силы, стоящія въ лагерѣ въ четырехъ верстахъ отъ его поста, за рѣкою Арпачаемъ, увеличиваются.

Нашъ герой *поспѣшилъ сколько возможно*. Перейдя горы, отдѣляющія Шурагельскую провинцію, послалъ онъ *поспѣшно* впередъ свой авангардъ, генераль-маіора Портнягина, и съ нимъ, на казачьихъ лошадяхъ, артиллерійскіе снаряды, въ которыхъ нуждался Несвѣтаевъ, предписавъ Портнягину *непремѣнно* въ ночь прійти въ Гумры, а въ случаѣ встрѣчи на пути Турокъ пробиться силою туда.

Самъ Гудовичъ на другой день, 14-го іюня, поутру, оставивъ излишніе обозы, и перейдя еще дефилѣ между небольшихъ горъ, вышелъ на равнину и расположился лагеремъ въ виду непріятеля, стоявшаго почти въ 10-ти верстахъ за Арпачаемъ.

Такимъ образомъ главный корпусъ быстро прошелъ 260 верстъ, имѣя только два дня роздыха. Изъ занятаго лагеря Гудовичъ тотчасъ ѣздилъ къ генераль-маіору Несвѣтаеву для дальнѣйшаго распоряженія.

Въ наступившую темную ночь непріятель подослалъ къ нашему главному отряду конную партію, которая стрѣляла изъ ружей, но только издали и безъ всякаго вреда. Гудо-

вичъ запретилъ отвѣчать прежде, нежели Турки приблизятся на картечный выстрѣлъ къ батарее, въ той сторонѣ поставленной; но партія этого не сдѣлала и удалилась.

15-го іюня графъ Иванъ Васильевичъ, по обзорѣни, перешелъ въ болѣе удобное мѣсто, ближе къ посту генераль-маіора Несвѣтаева и расположился отъ него въ трехъ съ половиною верстахъ. Желая ввести Турокъ въ заблужденіе о своемъ намѣреніи, главнокомандовавшій произвелъ два раза *обманныя* рекогносцированія, вверхъ по Арпачаю, пѣхотою и конницею, показывая видъ будто думаетъ переходить рѣку и атаковать его во фронтъ. Турки, встревоженные этимъ, обратили все свое вниманіе на означенныя мѣста и устроили впереди своего лагеря, на высотѣ, ложементъ, вооруженный пушками, и обставили палисадомъ батареи, предъ ихъ позиціею воздвигнутыя.

Но, вмѣсто того Гудовичъ предъ вечеромъ, *секретнымъ образомъ*, съ однимъ оберъ-квартирмейстеромъ, — генеральнаго штаба маіоромъ Матушевичемъ, — и двумя казаками, снова обзорѣлъ мѣстность, чтобы обойти правый флангъ непріятеля и, перейдя рѣку Арпачай ниже Турецкаго лагеря, зайти имъ въ тылъ и отрѣзать отступленіе.

Объ этомъ намѣреніи, кромѣ оберъ-квартирмейстера, никто изъ генераловъ не зналъ. Атака назначена была на 17-е іюня; но въ этотъ день свирѣпствовала буря: отъ чрезвычайно сильнаго града и потомъ проливнаго дождя, Арпачай наводнился, и графъ Иванъ Васильевичъ принужденъ нашелся обождать до слитія воды. Были производимы въ теченіе всего дня частыя рекогносцировки вверхъ Арпачая, и когда, наконецъ, получено нетерпѣливожданное извѣстіе, что вода спала, Гудовичъ послалъ оберъ-квартирмейстера, предъ сумерками, — дабы непріятелю было *непримѣтно*, — разставить по рекогносцированной обоими ими дорогѣ по два казака, на примѣрной дистанціи, чтобы въ ночь вести по нимъ къ атакѣ войска.

По пробитіи зари, снявъ лагерь, отославъ всѣ излишніе обозы въ селеніе Гумры, въ постъ генераль-маіора Несвѣтаева, кромѣ принадлежащихъ къ фронту и меньшаго числа лазаретныхъ фуръ, и призвавъ генераловъ и полков-

никовъ, Гудовичъ приказалъ построить изъ каре колонны, и слѣдовать, куда укажетъ оберъ-квартирмейстеръ, чрезъ приставленныхъ къ каждой колоннѣ вожатыхъ.

Хотя за нѣсколько часовъ предъ выступленіемъ, когда лагерь уже былъ снятъ, бѣжали къ непріятелю два солдата и одинъ Татаринъ, изъ поста генерала Несвѣтаева, но какъ этимъ бѣглецамъ неизвѣстно было, куда именно наши пойдутъ, то непріятель, былъ только извѣщенъ объ угрожавшемъ имъ нападеніи, не зная направленія атаки. Сераскиръ поставилъ войска въ ружье, усилилъ огни въ лагерѣ и ожидалъ нашихъ по первымъ *обманнымъ* рекогносцировкамъ, чрезъ рѣку во фронтъ.

Графъ Гудовичъ пошелъ внизъ по Арпачаю, лѣвымъ флангомъ, четырьмя кареями: 1-й, генераль-лейтенанта барона Розена, два баталіона Кавказскаго и Херсонскаго гренадерскихъ полковъ; 2-й, генераль-маіора Титова, два баталіона Херсонскихъ гренадеровъ; 3-й, генераль-маіора Портнягина, четыре баталіона полковъ 9-го и 15-го егерскихъ; 4-й, резервный, маіора Ушакова баталіонъ Кавказскихъ гренадеровъ. При первыхъ трехъ кареяхъ было по одному Донскому полку и по 50-ти егерей въ застрѣльщикахъ, а при резервномъ три эскадрона Нарвскихъ драгуновъ и сотня линейныхъ казаковъ.

Шли не дорогою, а тропами и цѣликомъ по камнямъ. Дойдя до послѣднихъ разставленныхъ, для указанія дороги, казаковъ, и поровнявшись почти противъ праваго фланга непріятельскаго, что было верстахъ въ 10-ти отъ прежняго нашего лагера, графъ Гудовичъ остановилъ войска, и сдѣлалъ имъ привалъ, для отдыха и устройства, въ ожиданіи вихода мѣсяца.

Послѣ полуночи, какъ скоро прояснило, поднялись съ привала, прошли до разсвѣта еще около шести верстъ и обогнули непріятельскій лагерь.

На самомъ разсвѣтѣ посланные впередъ, отъ перваго каре генераль-лейтенанта барона Розена, стрѣлки, егеря и казаки *нашли* небольшой непріятельской пикетъ, человекъ изъ 200, стоявшій на лѣвомъ берегу Арпачая, противъ праваго ихъ фланга. Этотъ пикетъ открылъ было сильный

огонь и поднялъ крикъ, чтобы увѣдомить своихъ о приближеніи Русскихъ. Наши въ одно мгновеніе бросились на Турокъ и прогнали ихъ за рѣку съ значительнымъ урономъ. Этимъ непріятель былъ извѣщенъ о направленіи нашей атаки и сильно *встревожился*.

Юсуфъ-Паша двинулся на встрѣчу Гудовичу, въ намѣреніи препятствовать переправѣ и перешелъ Арпачай со всею конницею и большею частію пѣхоты, — послѣдняя зашла въ деревьяхъ подлѣ рѣки лежавшихъ — и нѣсколькими пушками.

Увидѣвъ наступленіе Турокъ, графъ Гудовичъ, тогда уже миновавшій ихъ флангъ, остановился и построилъ три карея въ первой линіи и гренадерскій въ резервъ. Такимъ образомъ каре барона Розена должно было перейти лоцину и переправиться въ бродъ черезъ рѣку, хотя не широкую, но каменистую, крутоберегую и въ иныхъ мѣстахъ вязкую — и занять высоты. Каре генераловъ Титова и Портнягина, для содѣйствія переправѣ, остановились болѣе нежели за полверсты. Резервный каре былъ устроенъ позади на высотѣ, въ такомъ мѣстѣ, откуда онъ могъ производить перекрестные выстрѣлы съ среднимъ и лѣвымъ кареями.

Первую атаку Турки повели на центръ и лѣвый флангъ, и нападали вездѣ многочисленною конницею, отважно приближавшеюся на картечный и ружейный выстрѣлы.

Когда Гудовичъ замѣтилъ, что непріятель устремился съ такою рѣшительностію, что принудилъ нашихъ казаковъ и фланкеровъ отступить, то приказалъ двумъ эскадронамъ Нарвскаго драгунскаго полка подкрѣпить ихъ, а казакамъ самимъ атаковать. Данное приказаніе было исполнено. Драгуны и казаки быстро врубались въ непріятеля и заставили его отступить поспѣшно, мивуя егерское каре, однако далѣе ружейнаго выстрѣла, — почему отъ этого послѣдняго каре выслано было 100 егерей, которые, — мѣткими выстрѣлами, — нанося значительный вредъ отступавшимъ, принудили ихъ къ поспѣшному бѣгству.

Сераскиръ двинулъ большія толпы на правый каре, остановившійся на мѣстѣ; отъ пяти орудій, вывезенныхъ при этомъ Турками, наши здѣсь вскорѣ потеряли уронъ въ лю-

дахъ и артиллерійскихъ лошадяхъ, и большія поврежденія въ лафетахъ. Самъ генераль-лейтенантъ баронъ Розень получилъ контузію, и подъ нимъ убита лошадь; адъютантъ его тяжело раненъ и два штабъ-офицера убиты. Непріятельская конница, между тѣмъ, не смотря на сильный картечный и ружейный огонь со всехъ фасовъ каре, отважно на него наступала.

Гудовичъ узнавъ объ этомъ и замѣчая въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія толпы блистательно одѣтой кавалеріи, въ которой большое знамя и бунчуги показывали присутствіе Сераскира, — немедленно подѣхалъ къ каре генераль-маіора Титова, взялъ его изъ фронта, — замѣстивъ резервомъ, — и самъ лично съ 3-мя эскадронами драгунъ и сотнею казаковъ поѣхалъ впередъ, ведя каре прямо на Сераскира. Замѣтивъ такое движеніе, непріятель, опасаясь чтобы графъ Гудовичъ не отрѣзалъ ему дороги къ рѣкѣ, началъ съ быстротою отступать. Главнокомандовавшій, *поспѣшно* подвигаясь впередъ, переправилъ черезъ небольшую, но болотистую рѣчку, не смотря на сильное сопротивленіе Турокъ, которые, зашвъ въ деревья, лежащей на берегу, осыпали его выстрѣлами. Когда подоспѣла пѣхота, то графъ лично повелъ ее въ атаку на толпу, расположенную на горѣ. Юсуфъ-Паша не рѣшился выждать удара, и пока наши войска взбирались на высоту, удалился съ главными силами къ переправѣ, оставивъ для прикрытія часть отборной конницы. Гудовичъ приказалъ линейнымъ и донскимъ казакамъ, подкрѣпя ихъ тремя эскадронами Нарвскихъ драгунъ, атаковать этотъ арріергардъ. Нападеніе произведено быстро, непріятель сопротивлялся, но былъ опрокинутъ и пустился вслѣдъ за Сераскиромъ. Гудовичъ между тѣмъ продолжалъ движеніе съ среднимъ кареемъ, обошелъ правый, отправилъ къ нему казачьихъ лошадей на мѣсто убитыхъ артиллерійскихъ, и поставилъ на высотѣ баттарею изъ единороговъ, съ повелѣніемъ бросать гранаты въ лагерь; а по непріятелю, стоявшему на той сторонѣ, стрѣлять ядрами. Потомъ, переправивъ въ бродъ, черезъ рѣку Арпачай, баталіоны егерей и переѣхавъ самъ, графъ Иванъ Васильевичъ приказалъ и прочимъ войскамъ, переправясь черезъ рѣку, атаковать. Непріятель увидѣвъ это, бросилъ лагерь, и спасая *нѣкоторыя* пушки, сталъ по-

спѣшно ретироваться, такъ какъ нашъ герой отрѣзывалъ ему отступление мимо лагеря, гдѣ находился Сераскирь.

Въ это время отъ селенія Гумры, на правомъ берегу Арпачая, показался генераль-маіоръ Несвѣтаевъ, которому отъ главнокомандовавшаго приказано было до свѣта скрытно приготовиться къ переправѣ чрезъ рѣку, за высотами, между лагеремъ непріятельскимъ и его постомъ, и какъ скоро главныя силы стануть переходить Арпачай, тоже поспѣшно переправиться чрезъ рѣку и, обойдя главную Турецкую батарею, рекогносцированной наканунѣ долиною, атаковать непріятеля во фронтъ. Но эта помощь уже нашла лагерь и батарею брошенными.

Непріятель *бѣжалъ стремглавъ*, покинувъ на дорогѣ спасенныя было имъ пушки, а нѣкоторыя далеко увезенныя, находившіяся уже на лѣвомъ берегу Арпачая, бросилъ въ озеро, за рѣкою находившееся. Турки разсѣялись и только добродоконнымъ удалось ускакать въ Карсъ.

Такимъ образомъ Гудовичъ разбилъ на голову, шестью тысячами *всѣхъ и всякихъ* человѣкъ войска, двадцать четыре тысячи невѣрныхъ (по собственному ихъ показанію), въ числѣ которыхъ находились двѣ тысячи *отборной конницы*, — называемой делибаши, въ одинакихъ бѣлыхъ шапкахъ, Куртинцы, — кочевой народъ, *сосѣдній Арабамъ*, и Лазы — *лучшая азіятская пѣхота*. Въ этомъ замѣчательномъ сраженіи взято у непріятеля три лагеря; изъ нихъ одинъ собственный Сераскира, болѣе двадцати пушекъ и три мортиры *).

Наша потеря состояла въ убитыхъ: 2-хъ штабъ-офицерахъ и 12 нижнихъ чинахъ и раненыхъ: генераль-лейтенантъ баронъ Розенъ, 2 оберъ-офицеровъ и 66 нижнихъ чиновъ.

*) Число орудій по Запискѣ Гудовича. По донесенію его отъ 29-го іюля 1807 года, приводимому Михайловскимъ-Давилевскимъ, въ *Описаніи Турецкой войны* (I, 85), взято было только *восемь* орудій; а по статьѣ «Арпачайское сраженіе», въ I изд. *Военно-Энциклопедическаго Лексикона*, — *всѣ* непріятельская артиллерія.

За этотъ блистательный подвигъ графъ Иванъ Васильевичъ награжденъ Всемилостивѣйшимъ возведеніемъ его, 30-го августа 1807 года, въ санъ генераль-фельдмаршала.

Непріятель ретировался изъ виду, до крѣпости Карса, въ разстояніи 30-ти верстъ, гдѣ Сераскирь заперся, и откуда разсылалъ по всей Анатоліи повелѣнія о наборѣ войскъ, бывъ принужденъ на время отказаться отъ наступательныхъ дѣйствій. Гудовичъ преслѣдовалъ Турокъ верстъ десять, а потомъ возвратился за Арпачай, на берегу котораго и расположился лагеремъ.

Нашъ герой не могъ итти за разбитымъ Сераскиромъ, не получивъ изъ Тифлиса ожидаемаго продовольствія и опасаясь Персіянъ, — армія которыхъ стояла впереди Эривани, ожидая развязки сраженія, готовая ударить на насъ, если успѣхъ склонится на сторону Турокъ. По неопредѣлительности нашихъ сношеній съ Персією было опасно увлекаться далеко отъ границы съ главными силами. За разсѣяннмъ непріателемъ послали впередъ партіи, далѣе двадцати верстъ, которыя нигдѣ уже Турокъ не видали.

Одинъ изъ этихъ отрядовъ, въ числѣ 500 человѣкъ пѣхоты и 300 казаковъ, подошелъ къ крѣпостцѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Карса, гдѣ былъ непріятельскій магазинъ. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ по передовымъ казакамъ, Турки разбѣжались въ горы, покинувъ крѣпостцу и въ ней 8 орудій.

Чрезъ мѣсяць, въ іюлѣ, вслѣдствіе Тильзитскаго договора, графъ Гудовичъ, находясь еще въ этомъ лагерѣ, получилъ Высочайшее повелѣніе заключить съ Турками перемиріе, о чемъ сообщилъ Сераскиру въ Карсъ, приглашая прислать уполномоченнаго нашу, — для переговоровъ съ назначеннымъ къ тому нашимъ генераль-маіоромъ. Сераскирь *обрадовался* и перемиріе вскорѣ подписано, съ условіемъ не начинать военныхъ дѣйствій прежде объявленія о томъ за три недѣли.

Персидскій ханъ, стоявшій во время Арпачайскаго сраженія съ войсками между Эриванью и горами Алагезскими, имѣя передовой отрядъ, — въ 500 человѣкъ, — только въ 4-хъ верстахъ отъ насъ, и 10,000 человѣкъ — верстахъ

въ 12-ти за горами, — поспѣшили поздравить Гудовича съ одержанной побѣдою, называя его *начальникомъ непобѣдимыхъ войскъ*, и тотчасъ отвелъ свои силы къ Эривани. Въ послѣднихъ числахъ августа наслѣдникъ Шахскій, Аббасъ-Мирза, прислалъ къ нашему герою посланца и въ подарокъ верховаго коня съ богатымъ уборомъ *).

Въ тоже время Персіяне усилили изъявленія своей готовности договариваться о мирѣ. Въ переговорахъ съ ними, веденныхъ съ обычною Азіятцамъ медленностію, прошло лѣто. Но, видя, что Персіяне *спокойны*, и не расположены предпринимать военныхъ дѣйствій, графъ Гудовичъ, въ первыхъ числахъ сентября, оставивъ постъ въ селеніи Гумрахъ и учредивъ карантинъ, — по оказавшейся послѣ перемирія чумы у Турковъ, — расположилъ нѣкоторыя войска въ Шурегели, а прочія самъ отвелъ на зимнія квартиры и возвратился въ Тифлисъ.

Въ теченіе всей зимы продолжались переговоры и переписка съ Аббасъ-Мирзою, и первымъ Персидскимъ чиновникомъ, называвшимъ себя шахскимъ визиремъ. Персіяне, однако же, продолжали переговоры *двугласные*, предлагая все перемиріе, на которое графъ Иванъ Васильевичъ не согласился, не имѣя на то Высочайшаго повелѣнія.

Между тѣмъ, онъ составилъ планъ дѣйствій для будущей кампаніи, который и представилъ на воззрѣніе Государя Императора.

Приводя въ исполненіе свои предначертанія, Главнокомандовавшій, въ началѣ апрѣля 1808 года, вывелъ въ лагерь войска, въ Грузіи и Кахетіи расположенныя. Сюда прибылъ къ нему еще одинъ ханъ, новымъ посланцемъ изъ Тегерана, — опять съ предложеніемъ о перемирії. Графъ Иванъ Васильевичъ, показавъ ему, безъ перевода, Высочайшую грамоту съ Всемилоствѣйшею довѣренностію на заключеніе мира, — при видѣ которой ханъ *низко* поклонился, и *при-*

*) Гудовичъ въ своей Запискѣ. По Михайловскому-Данилевскому, въ *Описаніи Турецкой войны*, (I, 86) лошадь эта прислана отъ самого Шаха.

мирно сказалъ границы, постановить намъ желательныя; именно: рѣки—Арачай, до впаденія ея въ Араксъ; Араксъ, до впаденія въ Куру, при Джавать, и Куру до впаденія ея въ Каспійское Море, включая и владѣнія Талышинскаго хана, объявивъ при томъ, что при заключеніи мира на предложенныхъ условіяхъ Его Императорское Величество признастъ также Бабахана — шахомъ. Послѣ угощенія посланецъ уѣхалъ обратно. Потомъ самъ Гудовичъ отправилъ въ Тегеранъ одного подполковника, для доставленія отъ министра иностранныхъ дѣлъ письма къ французскому послу въ Персіи Гардану, которому секретно поручилъ *провѣдать*, что Персіяне намѣреваются предпринять и имѣютъ-ли въ сборѣ войска? ибо у насъ уже были извѣстія о формированіи Бабаханомъ, съ помощію Французовъ, регулярныхъ полковъ и артиллеріи. Посланный, по возвращеніи, подтвердилъ эти свѣдѣнія и привезъ къ Главнокомандовавшему письмо отъ визиря, въ которомъ, касательно заключенія мира, были опять написаны *двугласныя и ничего не значущія* выраженія. Гарданъ также вошелъ, и съ своей стороны, въ переписку съ Главнокомандовавшимъ. Но, переводчика, посланнаго съ подполковникомъ, офицера изъ Грузинъ, Персіяне оставили у себя.

Между тѣмъ, новый Карскій паша, — прежній былъ казначей, — прислалъ къ Гудовичу чиновника, съ извѣстіемъ о своемъ назначеніи и для узнанія сохранимъ-ли мы съ нимъ перемиріе. Одаривъ присланнаго, Главнокомандовавшій приказалъ увѣрить пашу, что хотя-бы наши войска и подвинулись къ границамъ, но они не будутъ имѣть намѣренія вторгнуться въ Карскій пашалыкъ.

Видя ясно, что Бабаханъ въ переговорахъ о мирѣ только *дастъ отвѣты двугласные и ничего не значущіе, проволакивая время*, чтобы между тѣмъ собрать и привести въ порядокъ свои войска и умножить артиллерію, и зная, что Турки, въ пашалыкахъ, пограничныхъ съ Грузіею, *спокойны* и въ сборѣ войскъ не имѣли, графъ Иванъ Васильевичъ, — пользуясь Всемилоствѣйшею довѣренностію дѣйствовать по усмотрѣнію, рѣшился предпринять, *въ такое удобное время*, походъ для взятія Эривани, въ которой, сколько было извѣстно, находилось войскъ еще не бо-

лѣе, какъ тысячъ до пяти, — въ томъ числѣ и нѣсколько вновь сформированной Французами регулярной пѣхоты *).

Въ началѣ сентября съ малочисленною своею арміею, всего состоящею изъ шести тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ, Гудовичъ выступилъ въ походъ, и въ Шурагели перешелъ горы, образовавшія нашу границу съ Персіею. Въ нашихъ предѣлахъ на первыхъ 50-ти слишкомъ верстахъ, Персидскія войска не встрѣчались; но далѣе армія, — двигавшаяся по лѣвому берегу Арпачая, — увидѣла непріятельскую конницу, по другую сторону рѣки. Персіяне, опасаясь быть отрѣзанными отъ Эривани, поспѣшно опередивъ наши войска, переправились столь быстро черезъ мостъ, что Гудовичъ едва только успѣлъ атаковать ихъ казаками и егерями изъ своего авангарда. Драгуны, находившіеся тоже у насъ въ передовыхъ войскахъ, не могли быть употребленными въ дѣлѣ, по причинѣ острыхъ каменьевъ, которыми были усыпаны поля и дороги. Конница эта тотчасъ, съ урономъ, опрокинута, и спасаясь бѣгствомъ, даже *не запыжала* къ Эчміадзинскому монастырю, стоящему на дорогѣ, имѣвшему впереди большіе сады и каменные ограды, — въ которомъ прежде оказано было *великое* сопротивленіе князю Циціанову.

На другой день графъ Иванъ Васильевичъ пошелъ далѣе и безъ выстрѣла занялъ Эчміадзинъ. Для движенія обоза не

*) Этотъ походъ изложенъ по Запискѣ Гудовича. Въ жизнеописаніяхъ графа Ивана Васильевича, помѣщенныхъ: въ *Біографіяхъ Генералиссимусовъ и Генералъ-Фельдмаршаловъ*, въ *Словарь достопамятныхъ людей земли Русской*, въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд.), въ *Энциклопедич. Лексиконѣ Плюшара* и въ *Справочномъ Энциклопед. Словарѣ Старчевскаго*, объ этомъ походѣ не упоминается. Объ осадѣ Эривани также нѣтъ въ сочиненіи Зубова: *Подвиги Русскихъ воиновъ въ странахъ Кавказскихъ* и въ статьѣ «Эриванъ» въ *Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ* (1 изд.). Въ статьѣ того же *Лексикона* (2 изд.): «Персидско-Руссія войны» (2 изд., X, 258), сказано: «Юсуфъ-Паша двинулся съ Турецкою арміею къ Арпачаю, чтобы соединиться съ Персами и проникнуть въ Грузію. Но графъ Гудовичъ встрѣтилъ и разбилъ его совершенно на *Арпачаю*, вслѣдствіе чего, въ 1807 году, заключено было перемиріе съ Турціею и Персіею въ Узунъ-Килисѣ».

было другой дороги, какъ пройденной войскомъ, трудной и каменистой, — а между тѣмъ, верстахъ въ 8-ми отъ Эривани, видны были опять толпы Персидской конницы, которыя могли сдѣлать нападеніе на транспортъ. Графъ Иванъ Васильевичъ отвратилъ это построеніемъ въ боевой порядокъ, впереди Эчміадзина, трехъ баталіоновъ пѣхоты и драгунъ, и занятіемъ садовъ. По благополучномъ прибытіи обоза и по удаленіи Персіянъ, онъ расположился на ночлегъ лагеремъ впереди крѣпкаго монастыря.

На другой день, оставивъ тутъ больныхъ и большую часть повозокъ, при достаточномъ прикрытіи, Главкомандовавшій выступилъ, еще до свѣта къ Эривани. Въ эту ночь деревни, впереди и въ сторонѣ лежавшія, были зажжены Персіянами.

Безъ малѣйшаго сопротивленія, даже не выдавъ непріятеля, армія достигла до рѣки Занги. Гассанъ-Ханъ, — какъ вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, — удалился съ конницею далѣе за Эриванъ, оставивъ въ крѣпости пѣхоту, регулярную и нерегулярную, подъ начальствомъ своего брата. Французскій инженеръ, бывшій въ Эривани, также уѣхалъ наканунѣ нашего прихода.

Графъ Иванъ Васильевичъ, переправивъ, 3-го октября 1808 года, войска черезъ быструю Зангу, текущую подлѣ самыхъ стѣнъ Эривани, и произведя рекогносцированіе, расположился лагеремъ въ пяти верстахъ отъ крѣпости, примкнувъ лѣвымъ флангомъ къ рѣкѣ.

На другой день былъ отправленъ къ сторонѣ Аракса отрядъ, составленный изъ небольшого числа пѣхоты, съ 4-мя пушками и изъ *исправнаго* Нарвскаго драгунскаго полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Портнягина, имѣвшій назначеніе не допускать непріятеля тревожить армію съ тыла и подавать сигурь крѣпости.

Послѣ полудня того же дня, гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, — отчасти регулярными войсками, — на постановляемые впереди лагеря, въ *удобномъ* мѣстѣ, гренадерскіе баталіоны; но былъ опрокинутъ съ *немалымъ* ему урономъ и съ *малозначущею* потерею съ нашей стороны.

Въ послѣдующую ночь графъ Иванъ Васильевичъ отправилъ полковника Симонича, съ *надобнымъ* числомъ войскъ, подъ командою генераль-лейтенанта барона Розена, для обложенія крѣпости и устройства батарей и траншей, — что и было исполнено.

Генераль-маіоръ Портнягинъ два раза *прогонялъ* непріятеля, покушавшагося подать помощь крѣпости: въ первый разъ онъ отразилъ до 1,000, а во второй до 5,000 конницы, переправившейся чрезъ Араксъ; перейдя самъ чрезъ рѣку въ глубокой бродъ, съ драгунами и на крестцахъ лошадей ихъ посаженными егерями, онъ сильно преслѣдовалъ непріятеля и причинилъ ему *большой* уронъ.

При началѣ похода Фельдмаршалъ также двинулъ трехтысячный отрядъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Небольсина, вверхъ по Араксу, къ Нахичевани. Отрядъ бодро перешелъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ самую ненастную погоду, чрезъ каменистыя крутизны и снѣжныя вершины Карабага и, выходя изъ ущелья близъ деревни Карабаба, былъ встрѣченъ, 28-го октября, самимъ Аббасъ-Мирзою. Произошло долгое упорное сраженіе, кончившееся пораженіемъ Персіянъ и прогнаніемъ ихъ за Араксъ, съ большимъ урономъ. Въ числѣ убитыхъ находился одинъ ханъ, дядя наслѣдника.

Вслѣдъ за тѣмъ Нахичеванъ былъ занятъ и Небольсинъ вошелъ въ *вѣрное* сообщеніе съ отрядомъ генераль-маіора Портнягина.

Съ тѣхъ поръ уже непріятель не *смѣлъ* переходить чрезъ Араксъ. Вскорѣ за тѣмъ Куртинцы, жившіе за этою рѣкою и подчиненные Персіянамъ, прислали къ Гудовичу своихъ повѣренныхъ, съ предложеніями быть подданными Россіи. Графъ Иванъ Васильевичъ, обласкавъ и одаривъ этихъ депутатовъ, далъ Куртинцамъ свою сальво-гвардію. Но въ Эриванской крѣпости, — имѣвшей къ рѣкѣ Зангъ и въ другихъ мѣстахъ двойную каменную стѣну, — Персіяне отчаянно оборонялись. Наша армія была безъ осадной артиллеріи, только на другой сторонѣ рѣки Занги, дѣйствовала наша батарея изъ нѣсколькихъ пушекъ и трехъ мортиръ, взятыхъ у Турковъ. Поэтому осаждавшіе не могли наносить

крѣпости желаемого вреда. 12-ти фунтовыми орудіями, съ близко-поставленной батареей, на лѣвомъ берегу, — на которомъ находились и всѣ войска, обложившія крѣпость, — пробита была небольшая брешь, но Персіяне каждую ночь, бывшими въ крѣпости Армянами, починивали проломъ, хотя не безъ урона отъ выстрѣловъ нашихъ шести-фунтовыхъ пушекъ. Непріятель отвѣчалъ, какъ днемъ такъ и ночью, изъ ружей и орудій; а когда для *устрашенія* гарнизона производились фальшивыя по ночамъ тревоги, то онъ *вокругъ* стрѣлялъ *сильно* изъ ружей почти во всю ночь, и металлъ подсвѣты, хотя безъ вреда нашимъ войскамъ.

Такимъ образомъ продолжалась осада по 17-е ноября. Въ это время большой снѣгъ выпалъ на горѣ Араратѣ и на Черныхъ горахъ, недалеко лежащихъ, а пріѣхавшій въ лагерь, съ *великою* нуждою, курьеръ изъ Тифлиса объявилъ, что, по причинѣ упавшихъ большихъ снѣговъ въ горахъ, лежащихъ на пути въ Грузію, проѣздъ сдѣлался столь затруднителенъ, что впредь армія не могла ожидать и курьеровъ. Войска, осаждавшія Эриванъ и въ отрядахъ находившіяся, имѣли продовольствіе не только необходимое, но, *могу сказать*, — пишетъ Гудовичъ, — *даже роскошное*, ибо получали въ достаточномъ количествѣ пшеничную муку, сарачинское пшено, — котораго тамъ изобиліе, — мясо, и собирали также овощи съ огородовъ, находившихся въ предмѣстіяхъ Эривани, и даже *пресладкій* виноградъ. Мясомъ же полки довольствованы были отъ высланныхъ изъ крѣпости, овецъ и рогатаго скота, часть которыхъ сами пастухи пригоняли къ намъ, а часть была отхвачена. Лошади довольствовались сѣномъ и ячменемъ, заготовленными Персіянами для своей конницы, изъ деревень между Зангою и Араксомъ, имѣвшихъ нашу сальвогвардію. Такимъ образомъ, въ прокормленіи людей и лошадей арміи не встрѣчала *никакой* нужды. При всемъ этомъ, отъ продолжавшейся осады, ожидая уменьшенія войска, лишившись отъ упавшихъ большихъ снѣговъ сообщенія съ Грузіею, и, по позднему времени, не ожидая возможности до весны ихъ уменьшенія, графъ Иванъ Васильевичъ *долженъ былъ рѣшиться*, — имѣя уже *мало въ остаткѣ* артиллерійскихъ снарядовъ, штурмовать крѣпость, въ которой, какъ сказали, была пробита небольшая брешь.

Сдѣлавъ распоряженіе атаковать, съ 16-го на 17-е число, самъ Гудовичъ, съ оставшимися въ лагерѣ войсками, подошелъ къ крѣпости на половину малаго пушечнаго выстрѣла. Эти послѣднія войска — назначенныя служить резервомъ и, когда колонны, *възлѣзшія* въ крѣпость, займутъ ворота, двинутся имъ на помощь, — были расположены за небольшою высотой, чтобы менѣе терпѣть урона отъ ядеръ. Штурмъ былъ предпринятъ до свѣта; но непріятель, примѣтивъ движеніе войскъ, кинулъ такіе подсвѣты изъ крѣпости, что ясно все могъ увидѣть. Гарнизонъ немедленно началъ бросать въ штурмовавшихъ бомбы и приготовленные камни.

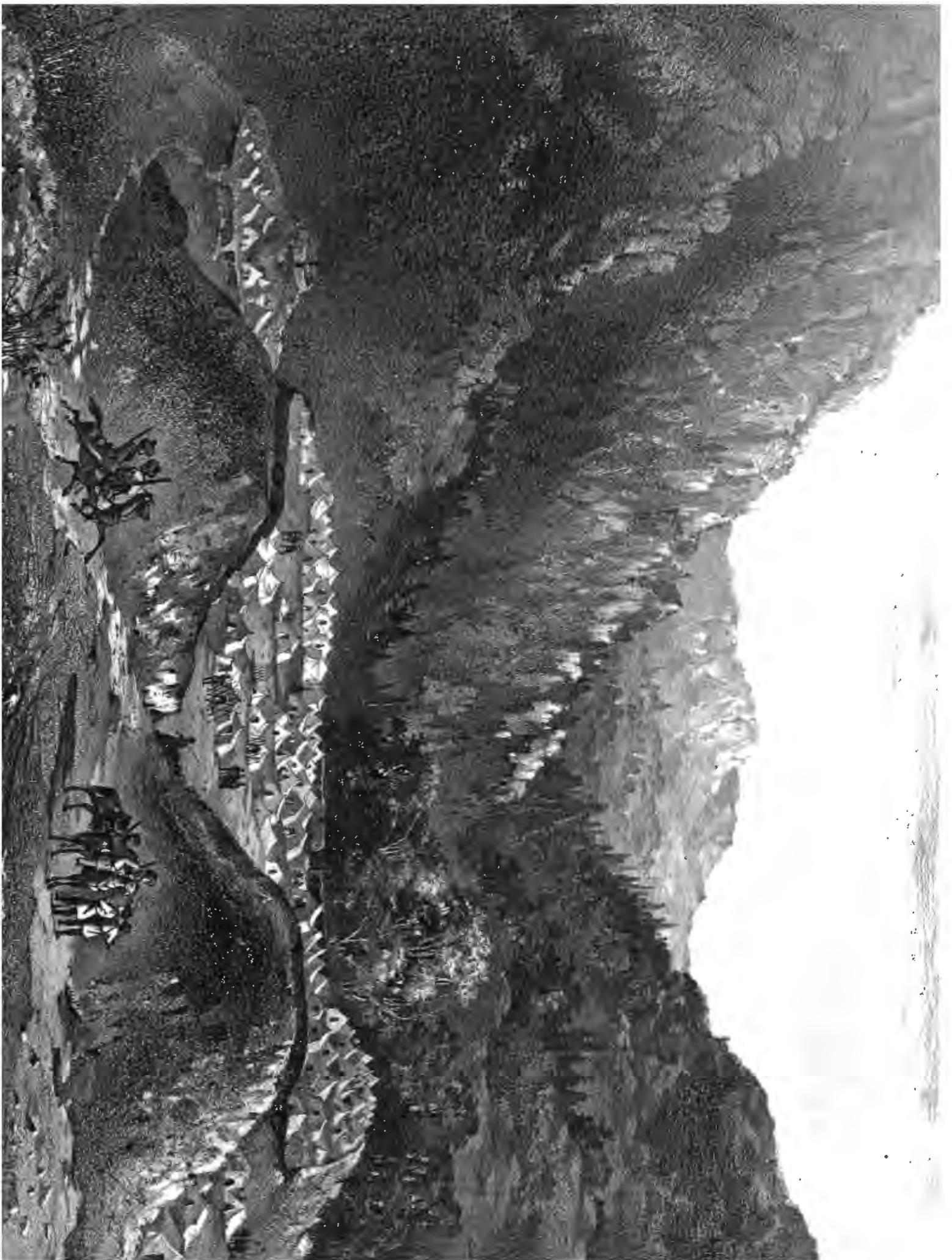
Въ главной колоннѣ, подошедшей къ брешѣ и отъ которой были уже нѣкоторые люди во рву, тяжело раненъ командовавший ею полковникъ Симоничъ. Вслѣдъ за тѣмъ были убиты еще нѣсколько начальниковъ и въ томъ числѣ, пришедшій съ резервомъ, полковникъ Булгаковъ. Но одна колонна взобралась, по лѣстницамъ, въ крѣпость; графъ Иванъ Васильевичъ, чтобы отвлечь отъ нея непріятеля, послалъ изъ резерва, при немъ находившагося, атаковать крѣпость съ противной стороны. Однако это оказалось безуспѣшнымъ: посланный отрядъ достигъ стѣны, но, по *сильной* оборонѣ непріятеля, не могъ взлѣсть на нихъ и отошелъ.

Послѣ такой *несчастной неудачи* Главнокомандовавший приказалъ войскамъ, въ траншеяхъ прежде находившимся, опять въ нихъ возвратиться, а раненыхъ собрать и отвезти въ лагерь. По исполненіи этого, и простоявъ нѣсколько часовъ предъ Эриванью, откуда непріятель *не смѣлъ* дѣлать вылазки, графъ Иванъ Васильевичъ, замѣнивъ въ траншеяхъ мѣста убитыхъ и раненыхъ, войсками изъ резерва, остальныхъ отвелъ въ лагерь.

Продолжая осаду, наши отняли у гарнизона свободный доступъ къ водѣ изъ рѣки Занги, и Главнокомандовавший посылалъ сказать, что *не отойдетъ до тѣхъ поръ, пока не возметъ крѣпость*. Но непріятель продолжалъ оборону *отчаянную*, и потому, *не видя уже возможности* продолжать далѣе осаду, по недостатку артиллерійскихъ снарядовъ и убавкѣ войскъ, — не имѣя ихъ и сначала бо-

лѣе 5,000 человекъ, изъ которыхъ понесъ убытка слишкомъ 800 человекъ убитыхъ и раненыхъ на штурмѣ, — Гудовичъ принужденъ былъ, призвавъ отрядъ генералъ-маіора Портнягина въ лагерь, 30-го ноября, начать отступленіе. Сперва армія отошла къ монастырю Эчміадзинскому, гдѣ, простоявъ день, собравъ все къ походу, 2-го декабря, двинулась къ горамъ, по дорогѣ къ Грузіи. Болѣе 20-ти верстъ наши шли еще *сухою* дорогою, но потомъ по снѣгу. Непріятель до 3-го декабря нигдѣ не показывался изъ крѣпости, а въ этотъ день, въ обѣдъ, когда обозы еще не все втянулись въ лагерь, — который расположился уже на снѣгу, но еще не на очень *великомъ*, — онъ, засѣвъ въ камняхъ, началъ стрѣлять по *немалому* прикрытію обоза, въ арріергардѣ находившемуся. Высланъ былъ одинъ гренадерскій баталіонъ, вошедшій уже въ лагерь, — который и прогналъ Персіанъ. На другой день армія двинулась далѣе, встрѣчая съ каждымъ часомъ болѣе снѣгу; морозъ усилился до 15°. Какъ было уже извѣстно, что проходъ черезъ горы, по причинѣ большаго снѣга, не только затруднителенъ, но, безъ раскрытія дороги, даше невозможенъ, то Главнокомандовавший послалъ впередъ Нарвскій драгунскій полкъ и баталіонъ пѣхоты съ лопатами. Дорога была, сколько возможно, разчищена и, въ сильную стужу, Гудовичъ совершилъ переходъ черезъ горы, простиравшіяся на границѣ между Персіею и Грузинскою провинціею Шурагали, — спустился въ которую встрѣтилъ уже весьма мало снѣгу. Расположивъ здѣсь по деревнямъ, на квартирахъ, для отдохновенія, сколько было возможно, войска, Гудовичъ остальные полки повелъ въ Грузію. Изъ Шурагали должно было графу Ивану Васильевичу переходить горы, въ которыхъ также было много снѣгу, при большихъ морозахъ. При этомъ переходѣ черезъ снѣгомъ заваленныя горы, нашъ герой получилъ ревматизмъ, столь сильный, что уже послѣдній переходъ къ Тифлису не могъ ѣхать верхомъ. Отъ этого ревматизма, въ послѣдствіи, онъ потерялъ и одинъ глазъ. Приѣхавъ въ Тифлисъ, 20-го декабря, — гдѣ уже не нашель снѣгу, — Графъ Иванъ Васильевичъ былъ жестоко боленъ, не могъ ходить, а долженъ былъ лежать въ постелѣ или сидѣть.

Не видя поправленія своего здоровья, — не смотря на усилія врачей, — онъ принужденъ нашелся, *противъ*

Зд. Г. Поляковича Новоавдого

Дж. Д. Корраган

ВИДЪ ЛАГЕРЯ ПРИ УРОЧИЩЪ МИЧИ-КАЛЕ.

1845 ГОДА

воли, всеподданнѣйше просить увольненія съ Кавказа, на что и послѣдовало Высочайшее повелѣніе: сдать команду находившемуся подъ его начальствомъ генералу отъ кавалеріи Тормасову.

Изъ законоположеній, касавшихся до благосостоянія края, въ это трехлѣтнее управленіе Гудовича изданныхъ, главнѣйшія суть слѣдующія:

1) Именной указъ, 13-го іюля 1807 года, о штатахъ Кавказской и Астраханской губерній ¹⁾, которымъ, между прочимъ, оставлены въ своей силѣ: а) указъ 22-го апрѣля 1804 года объ опредѣленіи чиновниковъ въ эти губерніи не по классамъ, а по способностямъ ихъ, и б) пограничные родовые суды и расправы въ Большой и Малой Кабардѣ, равно какъ и Верхній Пограничный Моздокскій Судъ — относительно производства и зависимости ихъ.

2) Именной указъ, 9-го іюля 1807 года, о разборѣ грамоты, Грузинскими царями разнымъ людямъ данныхъ ²⁾, которымъ, по представленію Ивана Васильевича, Высочайше повелѣно: а) грамоты, данныя на освобожденіе отъ податей и повинностей, «относящіяся единственно къ бывшему тогда образу правленія и несовмѣстныя съ настоящею уравнительностію и порядкомъ отправленія общественныхъ нуждъ», оставить безъ дѣйствія и не принимать въ уваженіе, и б) грамоты, коими жалованы были разнымъ лицамъ въ собственность нѣкоторыя статьи доходовъ, прежде всего привести въ извѣстность, если этого не было еще сдѣлано, и донести подробно о томъ, что окажется, прежде нежели признано будетъ возможнымъ назначить какое-либо удовлетвореніе.

3) Именной указъ, 7-го іюля 1808 года, объ освобожденіи духовенства, въ Грузіи состоявшаго, отъ крѣпости помѣщиковъ и отъ исправленія на нихъ повинностей ³⁾.

¹⁾ Полное Собр. Зак., 1 собр., т. XXIX, № 22,553.

²⁾ Тамъ же, № 22,549.

³⁾ Тамъ же, т. XXX, № 23,146.

4) Высочайше утвержденный, 23-го ноября 1806 года, докладъ министра внутреннихъ дѣлъ о водвореніи въ Кавказскомъ краѣ переселяющихся изъ внутреннихъ губерній казенныхъ поселянъ ⁴⁾.

5) Именной указъ, 14 февраля 1808 года, о выводимыхъ помѣщиками изъ-за-границы въ Грузію разнаго рода людей для причисленія за собою ⁵⁾.

6) Высочайшая грамота, отъ 25-го февраля 1806 года, Всемилостивѣйше данная колоніи Шотландцевъ, за четыре года предъ тѣмъ въ смежности горъ Кавказскихъ водворившейся, утверждавшая ей разныя выгоды и преимущества ⁶⁾, «въ поощреніе предпріятій ихъ, клонящихся къ распространенію трудолюбія, ремеслъ и фабрикъ въ краю, столь мало населенномъ и смежномъ съ народами магометанскаго исповѣданія или язычными, ни какого образованія не имѣющими.»

7) Именной указъ, 3-го января 1809 года, о назначеніи жителямъ Грузіи для подачи апелляціонныхъ жалобъ въ Сенатъ двухъ-годичнаго срока ⁷⁾.

8) Именной указъ, 18-го августа 1808 года, объ учрежденіи кордона между Русскими селеніями и Ногайскими и Абазинскими аулами ⁸⁾.

9) Именной указъ, 9-го февраля 1807 года, объ устройствѣ таможеннаго порядка въ Грузіи ⁹⁾.

10) Именной указъ, 25-го января того же года, объ учрежденіи таможни въ Баку ¹⁰⁾.

¹⁾ Тамъ же, т. XXIX, № 22,367.

²⁾ Тамъ же, т. XXX, № 22,824.

³⁾ Тамъ же, т. XXIX, № 22,410.

⁴⁾ Тамъ же, т. XXX, № 23,430.

⁵⁾ Тамъ же, №, 23,229.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXIX, № 22,451.

⁷⁾ Тамъ же, № 22,434.

11) Именной указъ, 9-го іюня 1808 года, о пропускѣ чрезъ границу Кавказской губерніи во внутренность Россіи рогатаго скота и табуновъ лошадей, тамъ покупаемыхъ ¹⁾).

12) Именной указъ, 13-го іюля 1808 года, объ отдачѣ таможеннаго пошлиннаго сбора по всей Карталиніи на откупъ ²⁾).

13) Именной указъ, данный въ тотъ же день, о назначеніи товаровъ и вещей, съ которыхъ взимается въ Грузіи внутренняя пошлина ³⁾).

14) Именной указъ, 22-го ноября 1808 года, о беспошлинномъ привозѣ товаровъ изъ Мингреліи и Имеретіи къ Русскимъ портамъ ⁴⁾).

15) Именной указъ, 19-го октября 1806 года, о раздачѣ суммъ Кавказскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія подѣ залоги виноградныхъ садовъ и деревянныхъ строеній ⁵⁾).

и 16) Именной указъ, 23-го сентября 1809 года, о неприниманіи на счетъ казны потери вещей, случившейся въ полкахъ, на Кавказской Линіи находившихся, при набѣгахъ хищниковъ ⁶⁾).

Въ исходѣ апрѣля 1809 г. оставилъ графъ Иванъ Васильевичъ опять Грузію, и въ этотъ разъ уже навсегда. На пути своемъ въ столицу, въ Воронежской губерніи, онъ имѣлъ счастье получить Высочайшій указъ, которымъ Государь Императоръ назначилъ его главнокомандующимъ въ Москву. По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Иванъ Васильевичъ удостоился представленія Его Величеству, и 7-го числа августа 1809 года опредѣленъ главнокомандующимъ въ Москву, со Всемилостивѣйшимъ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта и сенаторомъ.

¹⁾ Тамъ же, т. XXX, № 23, 073.

²⁾ Тамъ же, № 23, 155.

³⁾ Тамъ же, № 23, 156.

⁴⁾ Тамъ же, № 23, 366.

⁵⁾ Тамъ же, т. XXIX, № 22, 323.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXX, № 23, 283.

Вступивъ въ новую должность, нашъ герой старался, — по его словамъ, — по данному Высочайшему наставленію, поступать и приводить все въ порядокъ.

6-го декабря 1809 года онъ былъ *столь много счастливъ*, что Государь соизволилъ самъ посѣтить Москву, при въѣздѣ въ которую, какъ дворянство, такъ всѣ жители и народъ, оказали безпримѣрную и безпредѣльную радость, «каковой, — прибавляетъ Гудовичъ, — конечно ни одинъ Монархъ въ Европѣ не находилъ у своихъ подданныхъ, увидѣвъ своего Всемилостивѣйшаго и съ кротостію управляющаго многіе милліоны своихъ подданныхъ, Великаго Государя Императора, и что сія радость была не притворная, а искренняя, Самъ Всемилостивѣйшій Государь видѣтъ изволилъ.»

Въ концѣ 1811 года графъ Иванъ Васильевичъ сформировалъ, въ Москвѣ, 27-ю пѣхотную дивизію, столько прославившую себя въ Отечественную войну, подѣ начальствомъ храбраго генерала Невѣровскаго. Это была послѣдняя изъ многочисленныхъ заслугъ, оказанныхъ Фельдмаршаломъ Государю и Государству.

Начальствуя въ древней столицѣ *и содѣржа ея въ надлежащемъ порядкѣ*, два года и десять мѣсяцевъ, Гудовичъ, наконецъ, въ февралѣ 1812 года, по приключившейся ему катаральной болѣзни, отъ которой не видѣлъ возстановленія силъ, принужденъ былъ всеподданнѣе просить увольненія отъ дѣйствительной службы *по старости и слабости*. Государь не только изъявилъ Высочайшее соизволеніе на эту просьбу, но, во Всемилостивѣйшихъ выраженіяхъ, въ Высочайшемъ указѣ данныхъ, уволилъ нашего героя въ отпускъ, *до возстановленія силъ* съ тѣмъ, чтобы явился къ своему мѣсту въ Государственный Совѣтъ, — когда будетъ въ состояніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь, 13-го мая 1812 года, наградилъ графа Ивана Васильевича, — говоря его словами, — «драгоценнѣйшею, всѣхъ наградъ превосходною наградой, Всемилостивѣе пожаловавъ для ношенія священный свой образъ.»

Поэтому въ незабвенную Отечественную Войну маститый полководецъ покойся на лаврахъ въ своихъ помѣстьяхъ.

Глубокая старость и ослабѣвшія силы до того оказывали на него сильное вліяніе, что, — какъ онъ самъ писалъ около 1819 года, слѣдовательно весьма незадолго до кончины своей, — *мирили несравненнаго и первѣйшаго для него счастья, упасть къ священнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества*, для возблагодаренія за Всемилостивѣйшее пожалованіе Государева портрета!

Маститый старецъ провелъ спокойно послѣдніе годы многотрудной и полезной жизни въ пожалованномъ ему Императоромъ Павломъ мѣстечкѣ Чечельникѣ, — прежде называемомъ Ольгополь, — занимаясь въ кругу своего семейства музыкою и охотою.

Онъ скончался отъ совершеннаго истощенія силъ въ январѣ 1820 года и завѣщалъ похоронить себя въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

Графъ Иванъ Васильевичъ былъ нрава горячаго, правилъ строгихъ, любилъ правду и преслѣдовалъ только пороч-

ныхъ. Съ вида онъ казался угрюмымъ, неприступнымъ, между тѣмъ какъ въ кругу домашнихъ или въ пріятельской бесѣдѣ былъ ласковъ и привѣтливъ. Кромѣ Русскаго, зналъ языки: Латинскій, Французскій, Нѣмецкій и Итальянскій, имѣлъ прекрасный оркестръ, составленный изъ домашнихъ музыкантовъ.

Графъ Иванъ Васильевичъ былъ женатъ на дочери покойнаго Малороссійскаго гетмана, графинѣ Прасковьѣ Кирилловнѣ Разумовской, и оставилъ послѣ себя сына, графа Андрея Ивановича, — нынѣ оберъ-егермейстера Высочайшаго Двора, — который въ Отечественную войну командовалъ храбрымъ Орденскимъ кирасирскимъ полкомъ, и, между прочимъ, участвовалъ въ достопамятной Бородинской битвѣ, отличіе въ которой, по ходатайству князя Кутузова, пріобрѣло этому полку одну изъ лестнѣйшихъ наградъ въ Русской арміи — Георгіевскія трубы.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, мая 3-го дня 1858 года. Ценсоръ В. Бекетовъ.

Редакторъ и издатель С. Новоселовъ.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывѣхъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неусыпно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургѣ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непремѣнными* правилами, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣтательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьими выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русскаго владычества въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, донинѣ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почилъ въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но раружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе cadaго года по-лучитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ; когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски разсылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградою Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ cadaго года будетъ обнародовать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакціи къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нѣрѣдко драгоценныя, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Циціанова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махива, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминовскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготовляются жизнеописанія *) генералъ-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. И. Барятинскаго, И. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Катенина, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Шаулуччи, Тормасова, князя Гагарина, И. М. Лабынцева, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. И. Волынскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго влѣвія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — О. И. Соймонова, генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтѣева, Булгакова, Текели, Якоби, Небольсина, Бибикова, графа Баранова, Кнорринга, Портнягина, князя Мадатова, Лисаневича, Бакланова, Кюге-фонъ-Кюгенау, Суслова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣльскаго, князей Эрстовыхъ и Орбельяновъ, Бебутовыхъ и Андришиковыхъ, генераловъ Раевскаго и Рудановскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шahu при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ; генералъ-аншефа князя И. О. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гринквиста, капитана 1-го ранга Веселаго, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хруцова, генерала Адлерберга, воеводу Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебена, — славно дѣйствовавшихъ на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Врангена, Капфера, Годлевскаго, Альбранта, Малиновскаго, Индревуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадалинскаго, майора Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшихъ на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Платова и Заводовскаго: барона Медема — генерала временъ Екатерины II, адмирала Пустошкина, есаула Ляпина, Александра Бестужева (Марлинскаго), жены подпоручика Богуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николаи, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ, безсмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Ефрема, патріарховъ-кае-ликосовъ Армено-Грегорианской Церкви Ефрема, Іоаннеса и Нарсеса и многихъ другихъ.

Сообщая этотъ списокъ заготовляемымъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе *въ скорѣйшемъ времени*, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности; но изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятеленъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести лепту свою на помощь раненымъ и семействамъ, надшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющееся въ виду свѣдѣніе незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ анекдотъ, одна черта замѣчательнаго лица драгоценнѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, происшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кипы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Маіоръ С.—Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ апрѣля
29-го дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 23-й, 24-й и 25-й.

Жизнеописаніе адмирала графа Войновича. — Прекрасное дѣло команды Донскаго казачьяго № 30 полка. — Жизнеописаніе полковника Миклашевскаго. — Паденіе Вельяминовскаго укрѣпленія. — Подвигъ рядоваго Куксенко.

Приложенія: Подвигъ команды Донскаго казачьяго № 30 полка. — Лагерь въ ущельѣ Шадогонсъ. — Метелинская переправа. — Видъ укрѣпленія Темиръ-Хавъ-Шуры. — Паденіе Вельяминовскаго форта. — Подвигъ рядоваго Куксенко.

Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей и рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

АДМИРАЛЪ ГРАФЪ МАРКО ИВАНОВИЧЪ ВОЙНОВИЧЪ.

Графъ Марко Ивановичъ Войновичъ родился около 1750 года, въ одной изъ Славянскихъ провинцій, лежащихъ при Адриатическомъ Морѣ, и въ самой ранней юности посвятилъ себя мореходству. Обстоятельства жизни его, до 1770 года, неизвѣстны.

Въ это время Императрица Екатерина вела войну съ Портою Оттоманскою, и чтобы сдѣлать диверсію, раздѣлить силы султана, рѣшилась дѣйствовать противъ него и со стороны христіанскихъ провинцій Турціи, особенно Архипелага и Греціи. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, которому Монархиня ввѣрила этотъ подвигъ, требовалъ болѣе всего присылки морскихъ силъ, считая ихъ необходимыми для исполненія *святаго* намѣренія Государыни ввести въ это дѣло, если не всѣхъ, то сколь можно болѣе народовъ. «Эскадра наша, — всеподданнѣйше писалъ графъ Орловъ, — отъ осьми до десяти линейныхъ кораблей, и на которой нѣсколько войскъ нашихъ посажено будетъ, великій страхъ причинитъ Туркамъ.... Слыша о неисправности морской Турецкой силы, о слабости ихъ съ сей стороны, надежно донести могу, что она, не только великія помѣхи причинитъ

имъ въ военныхъ приготовленіяхъ, подбляетъ великое раззореніе, но нанесетъ ужасъ всѣмъ Магометанамъ, въ куражъ и ободреніе Православнымъ, и *болѣе страшна имъ быть можетъ, нежели все сухопутное войско.*» И такъ, по глаголу Екатерины, нашему флоту, долго забытому и запущенному, дотолѣ коснѣвшему въ предѣлахъ Балтійскаго Моря, дотолѣ — съ кончины Великаго Основателя его — знаменовавшему себя однѣми неудачами, предстояло совершить далекое плаваніе, и на чужихъ, незнакомыхъ моряхъ явиться дѣятельнымъ участникомъ въ замыслахъ, великости которыхъ, по справедливости, дивилась Европа.

18-го іюня 1769 года оставила Кронштадтъ первая эскадра — адмирала Спиридова; 9-го октября того же года вышла изъ него вторая — контръ-адмирала Эльфинстона, а 30-го іюня слѣдующаго года отправилась изъ Ревеля третья — вице-адмирала Арфа.

Здѣсь не мѣсто входить въ изображеніе достопамятныхъ событій экспедиціи, — *лежавшей много на сердцѣ Императрицы,* — говоря Ея словами, — доставившихъ оте-

чественной исторіи знаменитую Чесменскую побѣду, — *покрывшую лаврами*, — по выраженію Государыни, — нашу эскадру, — нѣсколько общихъ и множество личныхъ подвиговъ, представляющихъ собою безчисленные примѣры самоотверженія и неустрашимости православнаго воинства *). Но, остановимся только на томъ, что касается нашего героя **).

Вѣсть о движеніи Русскаго флота, быстро достигнувъ Мореи и Архипелага, взволновала всѣ умы Грековъ, возымѣвшихъ надежду, что настала минута освобожденія ихъ отъ Турецкаго владычества. Множество Грековъ спѣшило подъ наши знамена. Такому же примѣру слѣдовали и прибрежные Славяне.

Въ числѣ послѣднихъ былъ графъ Марко Ивановичъ Войновичъ, явившійся въ качествѣ волонтера на эскадру

*) *Милордъ Эльфинстонъ и Датчанинъ Арфъ въ 1771 году оставили флотъ, и графъ Орловъ, донося Императрицѣ объ увольненіи послѣдняго писалъ: «Ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ повелѣть отправить сюда изъ Россіи новую эскадру, на мѣсто обветшалыхъ кораблей, — приѣмлю смѣлость всенподданнѣйше просить отъ Вашего Величества ту Высочайшую милость, дабы таковая эскадра состояла изъ Россійскихъ моряковъ и офицеровъ, и не иностранцамъ, но Россійскимъ была поручена командирамъ; ибо отъ своихъ единоземцевъ, не только съ лучшею надеждою всего того ожидать можно, чего отъ нихъ долъгъ усердія и любви къ Отечеству требуетъ; но еще и въ понесеніи трудовъ, безпокойствъ и военныхъ трудностей довольно уже усмотрѣна между Россійскими людьми и иностранцами великая разница, а при томъ и неразумныя иностранныя языка, дѣлаютъ невинное несогласіе и затрудненіе»*

**) Архипелагская кампанія прекрасно изложена г. Соколовымъ, — по рукописнымъ источникамъ, хранящимся въ Архивѣ Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства, — въ его статьѣ, помѣщенной въ *Запискахъ* этого Департамента, часть VII (1849 года) и потому несправедливо сказано въ *Современникѣ*, 1855, № 1 (отд. II, 38), что помѣщенный тогда въ немъ журналъ Степана Петровича Хметевскаго долженствовалъ быть *единственнымъ, непрерывнымъ описаніемъ знаменитой войны*. Изъ перечисленія источниковъ для этого похода, сдѣланнаго *Современникомъ*, видно, что Редакціи, — къ сожалѣнію, — не было извѣстно существованія прекрасной статьи г. Соколова.

контръ-адмирала Арфа, и вскорѣ, храбростію и знаніемъ своего дѣла, обратившій на себя особое вниманіе не только начальства, но даже самой Императрицы.

Въ первые мѣсяцы своего поступленія на Русскій флотъ, графъ Войновичъ, когда эскадра Арфа крейсировала, взялъ въ призъ: 23-го февраля 1771 года, судно съ Турецкими товарами; 31-го марта, зайдѣвъ въ морѣ 17 шебекъ, пустился за ними и всѣ захватилъ, — они были съ пшеницею; а 10-го апрѣля, вмѣстѣ съ Герасимомъ Калиго, командиромъ Тартаны, захватилъ Турецкій воликъ съ табакомъ и артиллерійскими снарядами *).

Когда, въ половинѣ этого года, командиръ фрегата «Слава», капитанъ *Бѣлицъ*, палъ въ одной стычкѣ съ Албанцами, фрегатъ отданъ былъ *лейтенанту* Войновичу.

Въ это время, т. е. въ половинѣ 1771 года, графъ Орловъ рѣшился воевать отъ Негропонта вдоль всего Румилійскаго берега до Дардапелль, а съ другой стороны — вдоль Азіатскаго берега, въ предположеніи этими походами отвлечь силы Турокъ, которые, безъ того, могли бы всѣ быть обращены на Дунай. Для исполненія такого плана на корабли и фрегаты посажены регулярныя войска, а нерегулярныя на суда Греческія, и весь нашъ флотъ раздѣленъ на три эскадры.

Графъ Войновичъ находился въ первой эскадрѣ, состоявшей изъ 7 кораблей, 6 фрегативъ, 1 бомбардирскаго судна и нѣсколькихъ мелкихъ, подъ начальствомъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, съ адмиралами Спиридовымъ и Грейгомъ.

Эта эскадра вышла въ походъ съ острова Пароса, — гдѣ тогда она находилась, — 1-го августа, и начала свои военныя дѣйствія тѣмъ, что 16-го августа, высадивъ десантъ на берегъ Негропонтскій, овладѣла тамъ магазиномъ съ пшеницею, сожгла деревню, да пустила нѣсколько бомбъ въ крѣпость. Недостаточность десантнаго войска не позволяло дѣлать большихъ предпріятій, а потому, 2-го сентября, отправились къ острову Тассо. На пути присоединились 4

*) *Морской Сборникъ*, XXVII (1855, № 7), IV, 131, въ статьѣ *Исторія Русскихъ призовъ*.

фрегата, 1 бомбардирскій корабль, 1 поллака и 10 транспортныхъ судовъ. 10-го пришли къ Тассо, гдѣ присоединились еще 8 фрегатъ и остальные суда съ десантомъ; потомъ пришелъ корабль «Трехъ-Святителей». Отсюда посылали отрядъ судовъ къ Румелійскому берегу, подъ крѣпость Ковалла, гдѣ тоже овладѣли провіантскимъ магазиномъ и одною шебекою, нагруженной пшеницею, а пока перевозили эту добычу, съ судовъ производили пальбу по крѣпости. Оставивъ у острова Тассо корабль «Не тронь меня» и два фрегата, для заготовки лѣсовъ, 28-го сентября, отправились къ остр. Имбро, и 30-го стали здѣсь на якорь. Только 2 корабля и 1 фрегатъ, подъ начальствомъ бригадира Базбала, были отдѣлены для крейсерства предъ устьемъ Дарданелль. 4-го октября, контръ-адмиралъ Грейгъ, съ 1 кораблемъ и 2 фрегатами, посланъ для обозрѣнія береговъ отъ Дарданелль до Митилена, а 2 фрегата для осмотра Эноскаго залива. Не дождавшись возвращенія этихъ отрядовъ, 20-го числа, взявъ съ собою эскадру Базбала, отправились къ остр. Митилену, къ которому пришли 24-го, и были встрѣчены Грейгомъ. Онъ представилъ карты и планы осматрѣнныхъ имъ мѣстъ, и донесъ, что подъ выстрѣлами крѣпости, въ Митиленскомъ адмиралтействѣ, строятся два Турецкіе корабля и одна галера. Главнокомандовавшій рѣшился атаковать крѣпость и овладѣть адмиралтействомъ. 1-го ноября онъ подошелъ къ крѣпости, раздѣливъ свою эскадру на двѣ части: первая, подъ кейзеръ-флагомъ, состояла изъ кораблей: «Трехъ іерарховъ», «Всеволодъ», «Надежда благополучія», бомбардирскаго корабля «Громъ», фрегата «Сѣверный орелъ» и Рагузинскихъ судовъ: «Архипелагъ», «Санторинъ» и «Минерва»; она должна была высажить десантъ на южной сторонѣ крѣпости и адмиралтейства. Другая часть флота, подъ флагомъ адмирала, состояла изъ кораблей: «Европа», «Побѣдоносецъ», «Азія», бомбардирскаго «Молнія», фрегатъ: «Слава», «Почталіонъ» и «Рафаиль» и «Трекатры» съ Албанцами, — должна была посадить Шлиссельбургскій полкъ и Албанцевъ по сѣверную сторону крѣпости.

2-го ноября сдѣланъ сигналъ, чтобы свозить на берегъ десантъ. Корабли, съ обѣихъ сторонъ, начали бомбардировать крѣпость; подъ прикрытіемъ нашихъ выстрѣловъ, вой-

ска сошли на берегъ безвредно. Первымъ отрядомъ командовалъ гвардіи Преображенскаго полка генераль-маіоръ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій, вторымъ Шлиссельбургскаго полка полковникъ Толь. Десантъ построился въ колонны въ числѣ трехъ тысячъ иррегулярныхъ войскъ и двинулся въ атаку.

Войновичъ, при этомъ, съ Славянами, первый пришелъ въ адмиралтейство и водрузилъ на новомъ Турецкомъ кораблѣ кейзеръ-флагъ; вслѣдъ за Войновичемъ прибыли: полковникъ Толь и полковникъ Кутузовъ съ своими командами.

Войска наши заняли форштатъ, овладѣли адмиралтействомъ, оборонительною башнею крѣпости, взяли въ ней пять мѣдныхъ орудій большого калибра; а въ адмиралтействѣ такелажъ, парусину и всѣ годные корабельные припасы. Эту добычу цѣлый день перевозили на суда. Два Турецкіе 74-хъ-пушечные корабля и шебека, почти готовые къ спуску, были сожжены: увести ихъ не представлялось возможности, ибо гарнизонъ крѣпости дорого бы продалъ намъ этотъ призъ. Изъ гавани уведено 20 мелкихъ судовъ. Эта экспедиція стоила намъ 24-хъ человекъ убитыми и 63-хъ ранеными, большею частію ополченныхъ Албанцевъ *).

Ноября 3-го эскадра вышла изъ Митилень, а чрезъ день, 5-го, графъ Орловъ прибылъ въ Аузу, — портъ на Паросѣ. 2-го декабря фрегатъ «Слава» посланъ былъ съ тремя мелкими судами на станцію къ острову Пеара.

Завистливо смотрѣла Европа на Россію, опасаясь за свое равновѣсіе, о которомъ тогда, какъ и нынѣ, попустому заботились многорѣчивые дипломаты. Былъ составленъ конгрессъ въ Фокшанахъ, продолжавшійся мѣсяцъ: дѣло шло уже къ изложенію протокола, но когда Турецкій уполномо-

*) *Морск. Сборникъ*, XVII (1855, № 7), IV, 126—128, въ статьѣ *Исторія Русскихъ призовъ и Записки Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства*, т. VII (1849 г.), стр. 335—338, въ статьѣ: *Архипелажскія Кампаніи 1769—74 года*. Нахожденіе фрегата «Славы» въ этомъ отрядѣ — означено въ первой статьѣ; по второй же этотъ фрегатъ находился въ эскадрѣ графа Федора Григорьевича Орлова.

ченный не согласился вполнѣ на желанія Россіи, графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, — нашъ полномочный, — оставилъ Фокшаны.

Открылась кампанія 1772 года, ознаменованная дѣйствіями на морѣ, болѣе замѣчательными, нежели предшествовавшія.

Дѣла начались призами. Въ это время многіе торговцы, увлекаясь выгодами, злоупотребляли права нейтральнаго флага и вынудили графа Алексѣя Григорьевича Орлова издать манифестъ, отъ 1-го мая 1772 года, которымъ объявлено, что такія суда будутъ нами забраны и конфискованы. Бдительность крейсеровъ нашихъ, естественно, усилилась: они, еще до изданія прокламаціи, бороздили Архипелагъ по всѣмъ направленіямъ и сторожили контрабандистовъ.

Войновичъ, съ фрегатомъ «Слава», въ январѣ, сгрузилъ съ Греческой филлги, взятой у Митилена, 2,209 окъ деревяннаго масла, а въ февралѣ захватилъ Турецкое судно и нѣсколько Греческихъ фелукъ съ контрабандою *).

Вслѣдъ за этимъ, 27-го февраля, контръ-адмиралъ Елмановъ, сидѣвшій на кораблѣ «Побѣдоносецъ», отправился изъ порта Аузо въ крейсерство къ Дарданелламъ, съ 4 кораблями, 5 фрегатами, — въ числѣ послѣднихъ находился «Слава», командуемый Войновичемъ, — бомбардирскимъ судномъ и 1 пакетботомъ.

Цѣль похода Елманова состояла въ томъ, чтобы разбить Турецкій отрядъ, который вышелъ изъ Дарданеллъ. Дѣйствительно, 6 Алжирскихъ фрегатомъ и 6 галеръ показались въ Архипелагъ; но, узнавъ о приближеніи Русскихъ, поспѣшно возвратились: за то суда нашей эскадры взяли довольно призовъ.

Отъ острова Тассо — гдѣ Елмановъ остановился, чтобы наливаться водою, — онъ послалъ графа Войновича съ его фрегатомъ на поискъ въ Лагосъ. Въ этомъ заливѣ стояло 13 Турецкихъ парусныхъ судовъ и 1 полугалера. Войновичъ, подойдя къ нимъ на ближайшій выстрѣлъ, всталъ противъ нихъ на шпрингъ, открылъ огонь и принудилъ Ту-

*) *Морск. Сборникъ*, XVII (1855, № 7), IV, 139.

рокъ покинуть суда свои и искать спасенія на берегу. Отъ частой пальбы на фрегатѣ разорвало трехъ-фунтовую пушку, осколками которой ранило Войновича. На берегу еще увидѣли баттарею о четырехъ пушкахъ, сбили ее, и пушки перевезли на фрегатъ. Изъ оставленныхъ судовъ взяли въ призъ три большіе волика, — одинъ о 6 фалконетахъ, другой о 4, а третій — о 2 пушкахъ. На этихъ судахъ получено въ добычу 5000 килловъ пшеницы и 2000 мѣшковъ съ табакомъ; 4 судна сожжены, 2 разбиты и потоплены, а прочія остались за неприятелемъ, потому что стояли близко къ берегу, на которомъ собралось множество Турокъ *).

Этотъ подвигъ нашего героя награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-го класса, Всемилостивѣйше пожалованнымъ ему «по аттестаціи адмирала Спиридова, за нападеніе на 13 неприятельскихъ судовъ, за разбитіе оныхъ, за сдѣланный десантъ, и за взятіе нѣсколькихъ пушекъ при Румейскомъ берегу» **).

Въ это время разнесся слухъ, что въ Константинополь идутъ разныя суда съ провіантомъ и военными снарядами; надлежало ихъ перехватить, — и потому Елмановъ, — усиленный еще кораблемъ, — получилъ приказаніе немедленно крейсировать у Дарданеллъ. Контръ-адмиралъ избралъ, съ кораблемъ своимъ «Побѣдоносецъ», станцію въ портѣ Св. Георгія, а прочія суда своей эскадры раздѣлил на два крейсера: одно между Скиро и Митиленомъ, а другое между Скиро и заливомъ Кассандро.

Крейсеры наши не пропускали призовыхъ случаевъ; исчислимъ только мачтовые суда, доставшіяся *добрыми* призомъ нашему герою, и тѣ, съ которыхъ, по праву войны, сняты были имъ контрабандные товары, въ пользу флота.

*) *Морск. Сборникъ*, XVII (1855, № 7), IV, 140—141, и *Записки Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства*, т. VII (1849 г.) стр. 347—348.

**) Такъ означено въ «Реестрѣ господамъ Генераламъ, Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, тѣмъ, кои получили, за отъѣнную противъ неприятеля храбрость, ордена Святаго Великомученика Георгія Побѣдоносца», — за подписью графа Орлова, — приводимымъ въ *Запискахъ Гидрографическаго Департамента*, ч. VII (1849) на стр. 397.

Мая 24-го Войновичъ, съ фрегатомъ своимъ «Слава», достигъ у гавани Каподоро провіанское судно и сгрузилъ съ него 1015 килонъ пшеницы, двѣ пушки, 7 оковъ пороха и нѣсколько огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія. Потомъ, въ заливѣ Вольскомъ, того же дня, отнялъ онъ у Греческой фелукъ 38 кантарей шерсти и 6115 оковъ деревяннаго масла *).

30-го мая Елмановъ пошелъ къ острову Скиро и приказалъ одной эскадрѣ — Хметевскаго — крейсировать отъ острова Скиро восточнѣе Митилена и Хио, для наблюденія за судами, идущими въ Смирну; а другой — капитана 1-го ранга Талбузина — наблюдать западнѣе. Къ послѣдней принадлежалъ фрегатъ «Слава».

22-го іюня графъ Войновичъ взялъ Греческую двухмачтовую соколову, съ двумя пушками, грузъ которой состоялъ изъ кусковъ свинца и 6 кантарей дрови и 36 оковъ пороха и другихъ разныхъ припасовъ, также военной контрабанды **).

Въ іюль: 11-го онъ сгрузилъ съ Англійскаго судна у Родоса 852 мѣшка риса, не тронувъ остальнаго товара ***); 18-го — отнялъ, близъ острова Самоса, у Англійскаго судна «Принцъ Георгъ», 804 мѣшка рису и 16 мѣшковъ кофе, а 26-го, близъ Кипра, выгрузилъ съ Греческаго судна 76 кулей табаку и 10 кантарей желѣза, принадлежавшаго Турецкимъ купцамъ ****).

Между тѣмъ, 20-го іюля, объявлено по флоту, что съ Турками заключено перемиріе, — о чемъ уже два мѣсяца знали въ арміи на Дунаѣ, — и что войска и флоты обѣихъ державъ должны, до начатія вновь военныхъ дѣйствій, оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ застало ихъ это перемиріе, срокъ котораго назначенъ до 1-го ноября. Но отсюда доходили вѣсти, что непріятель собираетъ суда и войска, чтобы сдѣлать нечаянное нападеніе.

Но уговору перемирія, Турки не имѣли права выходить изъ Дарданеллъ въ Архипелагъ; но 15-го августа они про-

сили позволенія выйти ихъ флоту изъ пролива, и слѣдовать къ берегамъ Сиріи, для защиты своихъ подданныхъ отъ Али-Бея. Графъ Орловъ не дозволилъ, и самъ отправился съ эскадрою къ Дарданелламъ, чтобы предупредить самовольный выходъ непріятельскаго флота.

12-го сентября пришло къ Орлову извѣстіе, что Мустафа-Паша, командовавшій Дульциніотскимъ *) флотомъ и сильнымъ десантомъ, умножаетъ еще войско свое гарнизоны морскихъ крѣпостей, чтобы напасть на портъ Аузу и тамъ все Русское истребить. Въ слѣдствіе такого извѣстія, графъ Орловъ приказалъ копртрь-адмиралу Елманову принять надлежашія мѣры, для разузнанія настоящихъ силъ Мустафы и, если можно, предупредить его намѣреніе, разбивъ его флотъ.

Елмановъ для этой цѣли послалъ *секундъ-майора графа Ивана Войновича* къ берегамъ Мореи для рекогносцировки: нѣтъ ли непріятельскихъ судовъ въ Модонѣ, Коронѣ и Паваринѣ? Для этого ему даны были два фрегата: «Св. Николай», которымъ онъ самъ командовалъ, и «Слава» — нашего героя, шебека «Забіяка» — капитана Кружевича и двѣ поллаки «Мадона» — капитана Вальзамати и «Ауза» — поручика Юшкова **). Графу Ивану Войновичу предписано было, совершивъ рекогносцировку, занять станцію у острова Саниенса, ждать въ Адриатикѣ капитана 1-го ранга Конаева, который велъ изъ Балтики въ Архипелагъ два корабля: «Графъ Орловъ» и «Чесма», соединиться съ нимъ, и вмѣстѣ идти въ Патрасъ для истребленія Дульциніотскаго флота. Это представило нашему герою случай участвовать въ самомъ замѣчательномъ событіи кампаніи 1772 года, — даже болѣе, въ побѣдѣ, которая, послѣ Чесменской, была важнѣйшею въ продолженіе всего пребыванія Русскаго флота въ Архипелагѣ.

Дульциніоты, выйдя въ море съ 7-ю фрегатами и шебеками, разъѣзжали между островами Св. Мавры и Паксо, при-

*) Морскіе разбойники.

***) Морск. Сборн. XVII (1855, № 7), IV, 149. По *Запискамъ Гидрографическаго Департамента*, т. VII (1849 г.) стр. 356, эскадра графа Ивана Войновича состояла изъ 3 фрегатовъ, 3 поллакъ и 1 шебеки.

*) Морск. Сборн., XVII (1855, № 7), IV, 142.

**) Тамъ же, стр. 144.

***) Тамъ же, стр. 145.

****) Тамъ же, стр. 146.

надлежавшими Венеціанамъ, и дожидали остальныхъ своихъ силъ, долженствовавшихъ тамъ соединиться съ ними. Замѣтивъ это, графъ Иванъ Войновичъ приказалъ поднять нейтральный флагъ, и подошелъ къ Дульциніотскимъ судамъ. Капитаны ихъ, никакъ не предполагая, чтобы вблизи ихъ находилась Русская эскадра, прибыли, безъ всякаго опасенія, на фрегатъ, гдѣ и были приняты съ большею ласкою. Считая графа Ивана Войновича Славянскимъ капитаномъ, они вступили съ нимъ въ разговоръ и, не думая вовсе скрывать, подтвердили ему, какъ земляку, о намѣреніяхъ Мустафы-Паши.

Увѣрясь, такимъ образомъ, въ коварствѣ Турокъ, но уважая еще неистекшій срокъ перемирія и добровольный прїѣздъ къ нему капитановъ, графъ Иванъ Войновичъ, отпустилъ ихъ, съ тѣмъ, однако же, чтобы они удержали Мустафу-Пашу отъ задуманнаго имъ предпріятія, объявивъ, что, въ противномъ случаѣ, сами вынудятъ Русскій флотъ къ сраженію. Но это увѣщаніе ни къ чему не послужило: на другой день Дульциніоты усилились 15-ю судами, и у нихъ видѣнъ былъ адмиральскій флагъ.

Между тѣмъ, 16-го октября, графъ Иванъ Войновичъ сошелся съ капитаномъ Коняевымъ у южныхъ береговъ Мореи, и соединенные ихъ силы состояли изъ кораблей: 64-хъ-пушечнаго «Графъ Орловъ» — которымъ командовалъ самъ Коняевъ и 74-хъ-пушечнаго «Чесма» — подъ начальствомъ капитана Аничкова, и упомянутыхъ 2 фрегатовъ, 1 шебеки и 2 поллака — эскадры графа Ивана Войновича.

Коняевъ, принявъ начальство, немедленно пошелъ на встрѣчу Дульциніотамъ, въ намѣреніи не допустить ихъ соединиться съ Тунизскою эскадрою и пройти въ Архипелагъ; а если паша будетъ упорствовать въ своемъ предпріятіи, то воспрепятствовать ему силою. Въ Зантъ, куда заходили наши за водою, Коняевъ узналъ, что Дульциніотская эскадра находилась въ Патрасскомъ заливѣ; наша эскадра поспѣшила туда и, вечеромъ 25-го октября, увидѣла расположенный на якорѣ флотъ Мустафы-Паши. Непрiятельскихъ судовъ насчитывали 21; но послѣ оказалось, что тамъ находилось 9 фрегатовъ 30-ти-пушечныхъ и 16 шебекъ 30-ти

и 20-ти-пушечныхъ. Они стояли подъ парусами, въ линіи, растянутой поперекъ залива. Вѣтеръ былъ намъ попутный, но очень тихій; на парусахъ и буксирахъ едва двигались по $\frac{3}{4}$ мили въ часъ. Въ половинѣ шестаго часа вдругъ набѣжалъ шквалъ отъ сѣвера, съ громомъ, дождемъ и градомъ; черезъ полчаса стихло и небо прочистилось, но вскорѣ наступила ночь, и эскадра заштилевала при входѣ въ заливъ.

Во весь день 26-го былъ ровный сѣверо-восточный вѣтеръ; Коняевъ готовился итти на непріятеля, но Мустафа-Паша, гордясь превосходствомъ своихъ силъ, наполнивъ паруса, самъ устремился атаковать Русскую эскадру всѣмъ своимъ флотомъ. Приближаясь къ двумъ нашимъ фрегатамъ, двумъ поллакамъ и шебекѣ, — которые находились нѣсколько впереди, — онъ открылъ по нимъ сильный пушечный огонь. Тогда линейные наши корабли подошли, вступили тоже въ дѣло и бой сдѣлался общимъ. Полтора часа длилось сраженіе. Одна Дульциніотская шебека, избитая нашими ядрами и картечами, стала на мель; мелкія наши суда атаковали ее и принудили команду вплавь искать спасенія на берегу; потомъ фрегаты «Св. Николай» и «Слава» и шебека «Забіяка» отрѣзали непріятельскій фрегатъ и шебеку и, послѣ жестокаго огня, тоже загнали на мель, подъ пушки крѣпости; команды и съ этихъ судовъ спаслись также на берегъ. Такимъ образомъ, всѣ три судна достались въ призъ побѣдителямъ; къ сожалѣнію, снять ихъ съ мели не было средствъ, и Русскіе рѣшились предать ихъ пламени и исполнили это подъ неумолкаемою пальбою изъ крѣпости и прибрежныхъ баттарей и подъ ружейнымъ огнемъ собравшихся на берегу Турокъ, защищавшихъ свои суда. Наступившая ночь заставила прекратить бой. Вѣтеръ свѣжѣлъ; во всю ночь наши оставались подъ парусами.

Потерявъ эти суда, Мустафа убавилъ спѣси и, будучи самъ отрѣзанъ отъ крѣпости Патрасской, старался приблизиться къ Лепантскимъ укрѣпленіямъ и стать подъ прикрытіемъ ихъ пушекъ, а потому и лавировалъ туда всю ночь.

На разсвѣтѣ 27-го числа непріятельскій флотъ, въ числѣ 8 фрегатовъ и 14 шебекъ, стоялъ на якорѣ подлѣ берега

между устьемъ Лепантскаго залива и крѣпостью Патрасъ; вѣтеръ былъ тотъ же, отъ ONO, свѣжій, рифмарсельный. Наши суда лавировали по способности, и послѣ полудня стали сближаться съ непріятельскими. Подходя къ нимъ и къ Лепантскимъ крѣпостямъ, при поворотахъ на правый галсъ, перестрѣливались; а тѣ, которыя были вышедши на вѣтеръ, прошли вдоль всей непріятельской линіи. Въ седьмомъ часу, когда стемнѣло, пальбу прекратили и во всю ночь и слѣдующее утро, 28-го октября, лавировали, стараясь выбраться на вѣтеръ и сблизиться съ непріятелемъ. Къ утру вѣтеръ сталъ тише, не измѣнившись въ направленіи.

Въ половинѣ двѣнадцатаго корабль «Графъ Орловъ» сталъ на якорь противъ Лепантскихъ укрѣпленій и непріятельскихъ линій, поворотился на шпрингъ лѣвымъ бортомъ, и открылъ огонь; за нимъ сталъ корабль «Чесма» и фрегатъ «Св. Николай», а фрегатъ «Слава» и шебека «Забіяка», немного отставшіе, остались подъ парусами, но вошли въ линію. Поллаки были далеко подъ вѣтромъ и не участвовали въ сраженіи. Черезъ полчаса жестокой, непрерывной пальбы ядрами, кншелями, брандскугелями и картечью, экипажи непріятельскихъ судовъ стали бросаться въ воду; одинъ ихъ фрегатъ былъ зажженъ брандскугелями съ корабля капитана Коняева; загорѣлись и другія суда, и въ то же время вышло изъ-подъ-крѣпостей судно, показавшееся брандеромъ. Опасаясь остаться на якорѣ подъ вѣтромъ у горѣвшаго непріятеля, а также и брандера, наши суда отрубали канаты и вступили подъ паруса. Для вывода или зажженія прочихъ непріятельскихъ судовъ, посланы, подъ прикрытіемъ огня фрегата «Слава» и шебеки «Забіяка», на барказахъ, команды, которыя взяли и сожгли 5 фрегатомъ и шебеку; — вывести ихъ нельзя было, потому что они стояли или на мели или были сильно разбиты. Вскорѣ пламя, переходя отъ одного судна къ другому, распространилось по всей линіи непріятельскаго флота. Только одинъ фрегатъ и восемь шебекъ, стоявшіе ближе къ Лепантскому проливу, успѣли скрыться; но и послѣдній фрегатъ Дульцинотскаго флота былъ такъ разбитъ, что тотчасъ же затонулъ. Всего сожжено 8 фрегатомъ и 8 шебекъ. Послѣ этого малыя суда, барказы и шлюпки, находившіяся вдоль Морей-

скихъ береговъ, почти все доставились намъ въ добычу съ множествомъ флаговъ и вымпеловъ *).

Въ этомъ истребительномъ для Турокъ сраженіи наша эскадра не потерпѣла никакихъ значительныхъ поврежденій; убитъ 1 лейтенантъ, ранены 1 капитанъ-лейтенантъ и 3 рядовыхъ, да при зажиганіи судовъ сгорѣлъ одинъ Грекъ. Потеря непріятельская заподлинно неизвѣстна, на берегу было болѣе 200 тѣлъ; много потонуло; а изъ числа раненыхъ, находившихся въ крѣпости, умирало ежедневно, по показанію Грековъ, болѣе 10 человекъ. 19-го ноября эскадра Коняева прибыла въ портъ Аузу **).

Въ концѣ 1772 года, было новое перемиріе и новый конгрессъ въ Бухарестѣ, кончившіеся также неуспѣшно, по происканью Франціи и Англіи, — изъ которыхъ особенно послѣдняя боялась потерпѣть ущербъ отъ свободнаго плаванія по Черному Морю.

19-го марта 1773 года кончилось перемиріе: графъ Орловъ сдалъ главное начальство въ Архипелагѣ адмиралу Спиридову, и снова Русскіе крейсера пустились наводить страхъ на Турокъ.

Нашъ герой находился на эскадрѣ графа Ивана Войновича, которая была отправлена къ берегамъ Сиріи, и удалые подвиги которой были наиболѣе замѣчательнымъ событіемъ въ кампаніи 1773 года и вполне заслуживаютъ, чтобы о нихъ упомянуть подробнѣе, хотя намъ неизвѣстно, что именно сдѣлалъ графъ Марко Войновичъ.

Эскадра первоначально состояла изъ фрегатомъ: 26-ти-пушечнаго «Св. Николай» — графа Ивана Войновича и 16-ти-пушечнаго «Слава» — графа Марко Войновича, шебеки 18-ти-пушечной «Забіяка» — Кудина и 4 полугалеръ подъ командою Грековъ. Начальникъ эскадры, отправившись въ море и разославъ крейсеровъ своихъ къ берегамъ Египта и Сиріи, — самъ, въ началѣ мая, подошелъ къ Кипру; но

*) За это сожженіе фрегатомъ, шебекъ и мелкихъ судовъ назначено было призоваго награжденія 35,633 р. 33½ к.

***) *Морск. Сборникъ*, 1855, № 7, IV, 148, 149, 152—155; *Записки Гидрографическаго Департамента*, т. VII (1849 г.), стр. 358—362; *Военно-Энциклопедическій Лексиконъ*, 2 изд., ст. «Патрасъ».

здѣсь добыча была скудная, а потому графъ Иванъ Войновичъ и лично пошелъ къ Сиріи. Юня 12-го бросилъ онъ якорь у Сура; всѣ крейсера его отряда, въ томъ числѣ и графъ Марко Войновичъ, порядочно обогащенные призами, собрались также къ этому сборному мѣсту. Туда зашелъ еще 22-хъ-пушечный фрегатъ «Накція», подъ командою Коррелли, который состоялъ въ отрядѣ Фонъ-Дезина и былъ посланъ въ Родосъ; но, погнавшись за однимъ Турецкимъ приватиромъ, зашелъ далеко къ югу, и, за противнымъ вѣтромъ, пошелъ въ Даміету, въ Яфу и въ Суръ, захвативъ на пути нѣсколько призовъ.

Предстояло исполнить главную цѣль экспедиціи: помочь Али-Бейю противъ Турокъ, но его уже не было на свѣтѣ; преемникъ его, Дагеръ-Омеръ, помирился съ Друзами, которые прежде держали сторону Порты, а въ это время вооружились противъ Турокъ. Дагеръ просилъ графа Ивана Войновича, — чрезъ Сидонскаго правителя, — помочь Друзамъ овладѣть Бейрутомъ. Бейрутъ принадлежалъ Друзскому князю Юсифу Шехаби; но когда онъ отложился отъ Султана, губернаторъ этого города, Ахметъ-бей-эль-Джезаръ, не захотѣлъ повиноваться, и, соединясь съ пашами Дамаскимъ, Алепскимъ и Трипольскимъ, сталъ воевать противъ Шехаби. Графъ Иванъ Войновичъ не замедлилъ отрядить шебеку и галеру для блокады Бейрута, а между тѣмъ вступилъ въ переговоры объ окончательныхъ условіяхъ.

Только что начались эти переговоры, прибылъ въ Акру, 15-го іюня, капитанъ Кожуховъ съ фрегатами: 42-хъ-пушечнымъ «Надежда» — подъ своею командою, и 26-ти пушечный «Св. Павелъ» — П. Алексіано, съ пятью полками: 12-ти-пушечной «Стиксъ» — Паликути, 20-ти-пушечной «Св. Алексій» — Вальзамати, 18-ти-пушечный «Св. Екатерина» — Куппа, 20-ти-пушечный «Св. Анна» — Паламида и 12-ти-пушечный «Лондра-Доезда» — Ан. Алексіано, и двумя полугалерами, подъ командою Грековъ, и, какъ старшій, принялъ начальство надъ всею эскадрою.

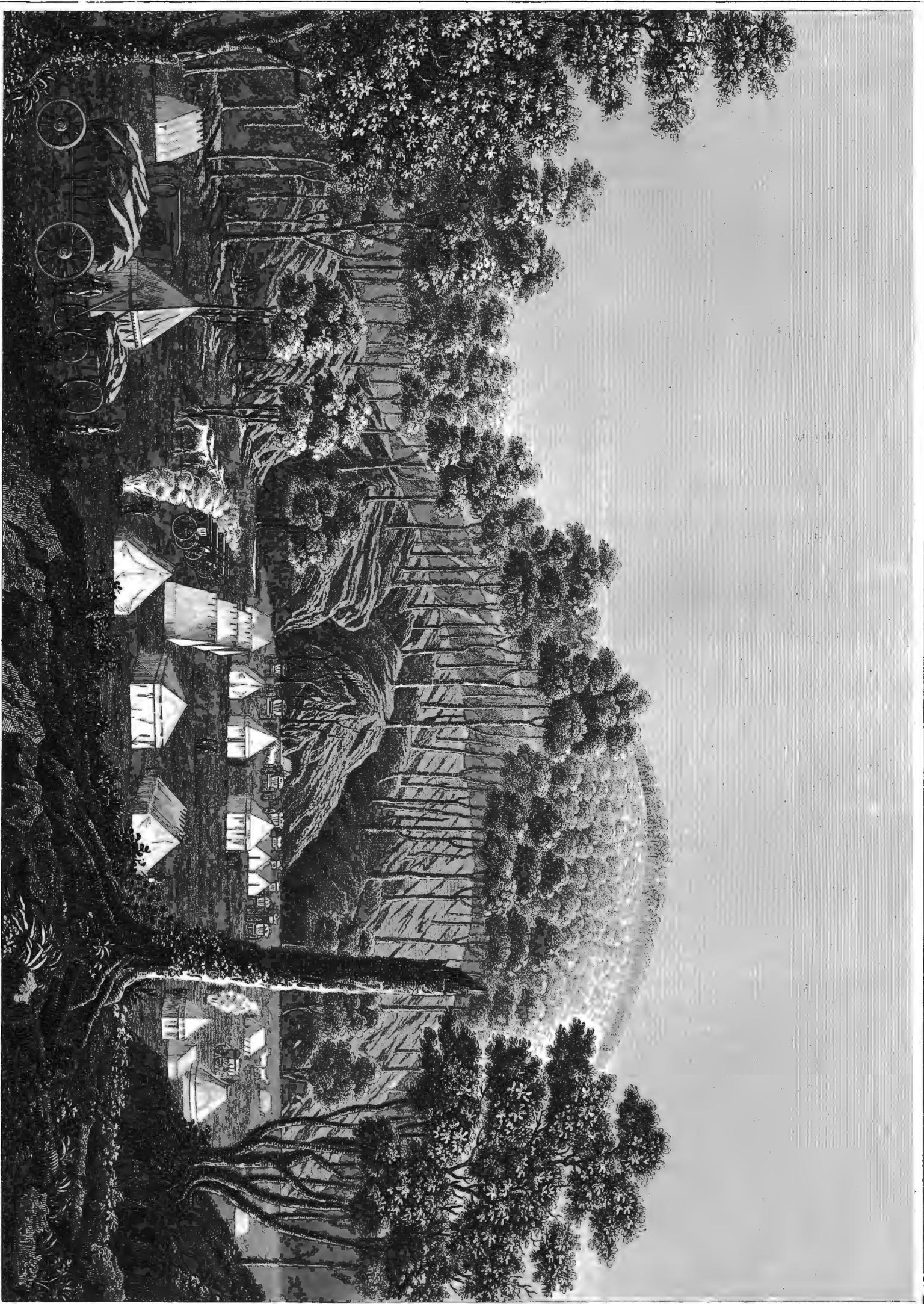
Переговоры съ Друзами тянулись до 17-го іюля. Тогда они подписали условія, которыми обязались: признавать надъ собою покровительство Россіи; воевать съ Турками, доколѣ мы будемъ воевать съ ними; отрядить къ Бейруту пять или шесть тысячъ войска, которому дѣйствовать совокупно съ

нашимъ; нашему войску на штурмъ не ходить, чтобы, по сходству союзниковъ съ непріятелями, не сдѣлать замѣшательства; «а для возмездія Россійскимъ войскамъ за обыкновенный грабежъ, который въ ономъ случаѣ имъ дѣлать запрещается, князья и начальники Друзскіе обязываются заплатить въ руки господина командующаго Россійскаго *триста тысячъ* піастровъ.» Сверхъ того, намъ отдавались суда, стоявшія у города, все мелкое оружіе, также барабаны, флаги «и всѣ другіе воинскіе трофеи», какіе будутъ найдены въ городѣ.

19-го іюля договоръ былъ подписанъ, аманаты даны и, 23-го іюля, наши фрегаты и шебеки открыли огонь по Бейруту; въ то же время десантное войско, поставивъ батареи, начало громить городъ съ сухаго пути. Бейрутъ защищался болѣе двухъ мѣсяцевъ; но, наконецъ, 29-го сентября, сдался на капитуляцію. На другой день Кожуховъ занялъ крѣпость и передалъ ее Друзамъ. Во время осады убитыхъ и раненыхъ въ гарнизонѣ считалось до 800 человекъ; съ нашей стороны, какъ на судахъ, такъ и въ десантѣ, убитыхъ было 34 человекъ и раненыхъ 96. Въ призы достались двѣ полугалеры, одна съ 8-ю, другая съ 9-ю пушками, около 1000 ядеръ; да въ крѣпости взято 14 пушекъ, 9 фалконетовъ и 1 мортира. Условленные 300,000 піастровъ уплачивались не вдругъ: по 31-е декабря отдано было 250,000. Кожуховъ, раздѣливъ эту сумму командамъ, по морскому уставу, въ началѣ февраля 1774 года возвратился со всею эскадрою къ флоту и тѣмъ заключились подвиги Русскихъ въ 1773 году на Востокѣ *).

Дѣйствія нашего флота въ 1774 году не представляютъ ничего замѣчательнаго; они ограничивались наблюденіями за непривозомъ въ Константинополь военныхъ и съѣстныхъ припасовъ. Обѣ воюющія стороны нуждались въ мирѣ. Порту склоняли къ тому побѣды Русскихъ, а Императрицу внутреннія безпокойства, возбужденныя бунтомъ Пугачева. По этому, 10-го іюля 1774 года, при Кучукъ-Кайнарджи

*) Морск. Сборн., 1855, № 8, отдѣлъ второй, IV, 349—351; Записки Гидрографическаго Департамента, т. VII (1849 г.), стр 376—385.

ИЗД. ГВ. ПОЛКОВНИКА НОВОСЕЛОВА.

РИС. ГЕН. ГОРСКОЙ.

ГР. ДЕНЕДЕНЪ.

ЛАГЕРЬ ВЪ УШЕЛЪХЪ ШАДОГОЦСЪ.

былъ положенъ конецъ брани, и флотъ возвратился въ Кронштадтъ. На докладъ Адмиралтействъ—Коллегіи о прибытіи послѣднихъ судовъ, Екатерина написала: «*Богу благодареніе, вице-адмиралу Елманеву спасибо; разоружить*», и тогда же сказала графу Чернышеву: «Посылка флота Моего въ Архипелагъ, преславное его тамъ бытіе и счастливое возвращеніе, за благополучнѣйшее происшествіе государствования Моего почитаю.»

Нашъ герой, за исчисленные подвиги, былъ произведенъ въ капитанъ—лейтенанты и, состоя по Балтійскому флоту, между прочимъ, съ 1778 по 1781 годъ, имѣлъ счастье командовать собственною шлюбкою Императрицы.

Вскорѣ ожидали его подвиги на Кавказѣ, которые хотя кончились и неудачно, но, не смотря на то, внесли его имя въ военную исторію Края.

Мы говоримъ объ экспедиціи графа Войновича къ восточному берегу Каспія. Эта экспедиція была предпринята въ эпоху нашего величайшаго могущества на морѣ, когда, въ силу вооруженнаго нейтралитета, эскадры подъ Русскимъ флагомъ охраняли права торговли на Сѣверномъ и Средиземномъ моряхъ, дѣятельно созидалась гроза Стамбула — Черноморскій флотъ, и готовилась обширная кругосвѣтная эскадра Муловскаго, для утвержденія господства двуглаваго орла на берегахъ Восточнаго Океана. Экспедиція графа Войновича не удалась; но тѣмъ не менѣе предпріятіе это, — по великости его начертанія, — весьма замѣчательно *).

*) Источниками для описанія экспедиціи графа Войновича служили: 1) *Историческій журналъ бывшей въ 1781 и 1782 годахъ на Каспійскомъ Морѣ эскадры*, сочиненіе Габлица, напечатанное въ Москвѣ, въ 1809 г.; 2) *О происшествіяхъ, случившихся при основаніи, на берегу Астрабадскаго Залива, Русскаго селенія въ 1781 году*, статья г. П. Б., въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1839 года, № 7, въ которой помѣщена *Выписка изъ журнала флота капитанъ—лейтенанта Раднига*, составленная въ іюнѣ 1787 года, и 3) *Экспедиція графа Войновича къ восточному берегу Каспія*, ст. г. Ал. Ск., въ *Морскомъ Сборникѣ* 1850 года, № 9, основанная на показаніяхъ Габлица и Раднига и разныхъ дѣлахъ, хранящихся въ Главномъ Морскомъ Архивѣ.

Восточный берегъ Каспійскаго Моря, бесплодный и пустынный, только временно занимаемый кочующими по его обширнымъ степямъ полудикими Киргизами и Туркменами, какъ извѣстно, издавна привлекалъ вниманіе нашего правительства: чрезъ него пролегаютъ дороги въ баснословно-богатая страны Средней Азіи и отъ нихъ въ Индію и Китай, — страны шелку, шалей, золота и драгоценныхъ камней, какими всегда казались онѣ. Еще задолго до пріобрѣтенія Казани и Астрахани, въ половинѣ XVI вѣка, мы уже имѣли торговыя сношенія съ отдаленнѣйшими обитателями этого берега, Хивинцами и Бухарцами, пріѣзжавшими къ намъ съ ихъ товарами; а съ утвержденія нашего въ Астрахани (1557 года), стали и сами посылать туда караваны, именно на Мангышлакъ и Тюкъ-Караганъ. Съ цѣлю прочно утвердиться на этомъ берегу, Петръ Великій, въ 1716—1717 г., снарядилъ сюда огромную экспедицію, Бековича, которая не удалась, однакожъ, и укрѣпленія, построенныя ею въ Тюкъ-Караганѣ и Красноводскѣ, были оставлены. Торговля, между тѣмъ, продолжалась, и предположеніе основать крѣпость на этомъ берегу время отъ времени возобновлялось. Такъ въ 1741 и 1745 годахъ были посылаемы офицеры для осмотра Мангышлака, и нашли, что мѣсто это неспособно для крѣпости; потомъ, въ 1763 году, съ тою же цѣлю, вновь былъ предпринятъ осмотръ Мангышлака, и снаряженной для этого экспедиціи, капитана *Токмачева* и маіора *Лодыженскаго*, велѣно было, — что и сдѣлано, — осмотрѣть не только эту пристань, но и весь восточный берегъ, до Огурчинскаго острова, а если тутъ не найдется удобной пристани, то обратиться къ устью Эмбы, «чтобы ничего не пренебречь къ привлеченію сего торговаго въ здѣшнюю сторону, со временемъ возвращенія принести могущаго»; въ 1775 году былъ еще посылаемъ геодезистъ *Васильевъ* собственно для осмотра подъ крѣпость устья Эмбы. Крѣпость, однако жъ, не воздвигалась, главное потому, кажется, что не находили для нея способнаго мѣста, а можетъ быть и потому, что побужденія были не очень сильны.

Съ 1775 года, когда Американская война стала стѣснять Англійскую торговлю въ Индіи, замѣтно начала усиливаться наша торговля съ нею, чрезъ Бухару и Оренбургъ, а по-

тому, естественно, пробудились давнишніе замыслы на проложеніе кратчайшей дороги. За дѣло взялся Потемкинъ.

Въ 1778 году, по данному Адмиралтействъ—Коллегіи Именному указу, начато было въ Казанскомъ адмиралтействѣ строеніе трехъ военныхъ фрегатовъ, одного бомбардирскаго корабля и четырехъ транспортныхъ ботовъ. Для чего именно эти суда строили и куда поспѣшно приготавливали все къ походу, долженствовавшей образоваться изъ нихъ, эскадры — вообще, на мѣстѣ, ни кому не было извѣстно.

На слѣдующій годъ, когда изъ этихъ судовъ два фрегата и два транспортныхъ судна были сооружены; то ихъ приняли, нарочно для того присланные изъ С. Петербурга, капитанъ—лейтенанты *Баскаковъ* и *Келенинъ*. Суда были немедленно снабжены командами изъ отборныхъ людей и, по спускѣ, при покой водѣ, рѣками Казанкою и Волгою, препровождены въ Астрахань, гдѣ ихъ, надлежащимъ образомъ вооруживъ, къ походу приготвили.

Въ 1780 году, по построеніи остальныхъ судовъ, прибыли въ Казань изъ С. Петербурга, съ надлежащею командою, лейтенанты *Денисовъ*, *Бардаковъ* и *Радинъ*, приняли ихъ и доставили также въ Казань и немедленно изготовили къ походу.

Крайняя поспѣшность, съ которою строеніе эскадры и приготвленіе ея къ походу производилось, а болѣе всего выборъ на нее наилучшихъ людей и таинственность, которою наитщательнѣйше облекалось все, къ этому относившееся, подали поводъ къ многоразличнымъ толкамъ. Знатнѣйшіе изъ военныхъ чиновъ, а особенно знаменитый Суворовъ, — заключая, по обстоятельствамъ приготвленія, особенную важность предпріятія, — ожидали себѣ назначенія принять начальство надъ готовившеюся экспедиціею.

Будущій генералиссимусъ, — тогда только генераль-поручикъ, — въ это время имѣлъ обязанность наблюдать за происшествіями въ Персіи, гдѣ, въ 1779 году, по смерти Векиля Керимъ—Хана, начались тревоженія, на которыя

Дворъ нашъ обращалъ особенное вниманіе. Александръ Васильевичъ прибылъ въ Астрахань въ началѣ 1780 г. Принявъ въ командованіе свое Казанскую дивизию, онъ собиралъ свѣдѣнія, какъ объ обстоятельствахъ Персидскихъ, Армянскихъ и Грузинскихъ, такъ и о путяхъ, ведущихъ изъ Русскихъ предѣловъ, по разнымъ направленіямъ, къ Испагани и Ширасу. Первые донесенія его по этимъ предметамъ, отправленныя къ князю Потемкину, писаны были 15-го февраля 1780 года. Такимъ образомъ Суворовъ уже готовился на подвигъ въ Иранъ, какъ Екатерина рѣшилась присоединить Крымъ къ Имперіи, и чрезъ то истребить гнѣздо хищниковъ, не одинъ вѣкъ грабительствовавшихъ въ предѣлахъ Россіи. Тогда Суворову было дано, 24-го августа 1782 года, предписаніе отправиться изъ Астрахани на Кубань.

Между тѣмъ, 11-го іюня 1781 года, прибылъ въ Астрахань изъ С. Петербурга графъ Войновичъ и, къ немалому *всѣхъ удивленію*, не только съ повелѣніемъ принять эскадру въ свое начальство, какъ моряку, но и съ особеннымъ полномочіемъ во всѣхъ его требованіяхъ. Въ ордерѣ, ему данномъ Потемкинымъ, предписывалось, вступивъ въ командованіе эскадрою, слѣдовать къ Персидскимъ берегамъ. Наружный видъ порученія состоялъ въ устрашеніи и наказаніи хановъ Бакинскаго и Гиланскаго за дѣланныя ими нашему купечеству притѣсненія. Въ тайной же инструкціи было предписано основать укрѣпленіе на одномъ изъ острововъ у восточныхъ береговъ Каспія, — преимущественно разсчитывая на Огурчинскій, — который полагали способнымъ для этого, — и стараться о проложеніи торговыхъ путей въ Индію; при томъ велѣно, всѣми средствами, покровительствовать нашей торговлѣ на этомъ морѣ, очень стѣсняемой тогда Персіянами. Власть графу Войновичу, какъ сказали, дана была полная, и предоставлено руководствоваться во всемъ повелѣніямъ одного князя Потемкина и къ нему единственно относиться.

Нашъ герой назначилъ къ походу три фрегата, называвшіеся по нумерамъ — 1-й, 2-й и 3-й, — каждый о 20-ти пушкахъ шести-фунтовыхъ, бомбардирскій корабль — безъ имени — съ 10 пушками, 2 двухъ—пудовыми мортирами

и 2 одно-пудовыми гаубицами, и 2 бота, имѣвшіе по 12 трехъ-фунтовыхъ пушекъ *).

*) Фрегаты были длиною 98 футовъ, шириною 26, и имѣли углубленіе въ грузу и отстояніе портовъ отъ воды слѣдующія :

	Углубленіе.	Отст. портовъ.
1-я	8 ф. 8 д. и 9 ф. 2 д.	4 ф.
2-я	9 » — » и 9 » 2 »	3 » 11 1/2 д.
3-я	8 » 8 » и 8 » 10 »	4 »

Водоизмѣщеніе по 77 тастовъ. Бомбардирской ворабль былъ длиною 95, шириною 27 и имѣлъ углубленіе 11 футовъ. Боты имѣли длину 66 футовъ, ширину 18 1/2, углубленіе 7 1/2 футовъ.

Изъ сдѣланнаго потомъ протеста Войновичемъ видно, что 1) всѣ эти суда были построены изъ гнилаго лѣсу, отчего скоро и сгнили; 2) подняли только одну третью часть назначеннаго, по вычисленію, груза; 3) чрезвычайно тѣсны въ палубѣ, загроможденной батареею, кактами, камбузомъ, шпилемъ и клюзъ-бакомъ; 4) порты очень низки, такъ что нельзя поднимать ихъ даже въ тихій брамсельный вѣтеръ, и если бъ, говоритъ онъ, не поставилъ на верхнюю палубу полтора-фунтовыхъ фалконетовъ, то нечѣмъ бы было и сигналовъ дѣлать; 5) что по этой же причинѣ на двухъ фрегатахъ шпигаты для стока воды сдѣланы только въ клюзъ-бакѣ и это была новая причина къ скорѣйшему гніенію ихъ; 6) что для меньшаго углубленія съ фрегативъ сняты фалшкили и, наконецъ, 7) что они имѣютъ дифферентъ на носъ, и кормы ихъ такъ неуклюжи, что подобныя онъ видѣлъ только у Турокъ.

Оскорбленная этими протестами, поданными на имя вице-президента Адмиралтействъ-Коллегіи, Коллегія отвѣчала съ сарказмами; Войновичъ возражалъ. Съ обѣихъ сторонъ дѣлались странныя промахи противъ морскаго искусства: напр., Коллегія совѣтовала, для шпигатовъ «сдѣлать скважины внутри, для прохожденія воды между обшивками, ко льалу» — вѣрнѣйшее средство для сгніенія судовъ. Войновичъ, на данный ему совѣтъ перенести шпиль и клюзъ-бакъ на верхнюю палубу, отвѣчалъ, что эта палуба очень тонка, такъ что изъ нея выдергиваются рамы, и потому не выдержитъ новыхъ тяжестей — какъ будто крѣпленія утверждаются въ палубу, а не въ бимсы. На предложеніе Войновича снять верхнюю палубу, т. е. сдѣлать батарею открытою, и замѣчаніе, что онъ видѣлъ въ Средиземномъ Морѣ фрегаты безпалубныя, т. е. безъ верхней палубы, Коллегія отвѣчала, что палубное судно не можетъ быть безпалубнымъ — игра словъ; на представленіе, что фрегаты не поднимаютъ своего груза, отвѣчала, что «судно не можетъ не поднять своего груза, если онъ правильно вычисленъ»; на предложеніе, вмѣсто неудобныхъ бомбардирскихъ кораблей, строить суда

Всѣхъ служителей на эскадрѣ состояло 443, въ томъ числѣ 50 солдатъ Астраханскаго пѣхотнаго полка, при одномъ офицерѣ. Къ графу Войновичу также прикомандированы: для порученій два офицера изъ Грековъ, знавшихъ Турецкій языкъ, — изъ которыхъ одинъ былъ извѣстный *Варсацій*, и для веденія историческаго журнала и для разныхъ физическихъ наблюденій коллежскій переводчикъ *Габлицъ*, — служившій тогда въ Астраханской Садовой Конторѣ, и еще съ 1768 года сопровождавшій академика Гмелина въ путешествіи его по областямъ Персидскимъ.

Снабдивъ эскадру всѣмъ, казавшимся ему необходимымъ, нашъ герой, 29-го іюня, на восемнадцатый день по прибытіи въ Астрахань, — снялся съ якоря и поплылъ къ устью Волги, изъ котораго суда вышли 8-го іюля и пустились въ открытое море. На другой день плаванія, эскадра находилась, по исчисленію, на параллели съ городомъ Дербентомъ. Вытерпѣнная противу этого мѣста жестокая буря подтвердила справедливость того заключенія, ибо причиною погоды считали гористое положеніе Дербентской бухты. Черезъ трое сутокъ, 13-го, подошедъ къ острову Жилому, легли по южную сторону его на якорь. Отсюда былъ отправленъ одинъ боть въ Баку, «для провѣдыванія тамошнихъ обстоятельствъ», а между тѣмъ дѣлали съемку и промѣръ вокругъ острова, который казался сначала чрезвычайно каменистымъ; но когда, изъ любопытства, нѣкоторые офицеры подъѣхали къ нему на шлюпкѣ ближе, то увидѣли, что казавшееся камнями было несчетное множество тюленей, по приближеніи людей побросавшихся въ воду; впрочемъ островъ этотъ найденъ совершенно песчанымъ и пустымъ. Черезъ пять дней, 18-го, пославъ возвратившійся изъ Баку боть къ Энзели, пошли поперекъ моря, къ восточному его берегу. Черезъ трехсуточное плаваніе, 21-го, увидѣли впереди берегъ. Подошедъ ближе, узнали, что то былъ островъ *Огурчинскій*, и стали у юго-восточной его оконечности.

по образцу Французскихъ гальотъ-а-бомбъ, замѣчено, что гальотъ-а-бомбъ то же значить (т. е. буквально), что у насъ «бомбардирскій корабль» и проч. Вся эта переписка, всѣ эти отношенія Войновича — челоуѣка, покровительствуемаго свыше — къ самостоятельной и упрямой Коллегіи очень замѣчательны.

Туркменцы называютъ этотъ островъ *Огурджали*, — въ смыслѣ притона морскихъ разбойниковъ, — но наши мореплаватели полагали, что это имя происходитъ отъ вѣкогда весьма обильнаго на немъ посѣва огурцовъ; ибо, — по ихъ мнѣнію, — Персіане почитали землю его къ тому способнѣйшею. Островъ найденъ совершенно пустымъ: кромѣ терновника, солончака и ракушекъ ничего на немъ не было видно; прѣсную же воду можно было достать только мѣстами, и то сокрытую въ нѣдрѣ земли. Черезъ двое сутокъ, 23-го, по сдѣланіи острову описанія и около его промѣру глубины, графъ Войновичъ снялся отсюда и пошелъ прямо въ *Астрабадскій заливъ* — въ юговосточномъ углу Каспія, — куда прибылъ на третій день. Этотъ заливъ, — о которомъ нашъ герой прежде еще слышался много хорошаго, и который составлялъ главный и окончательный предметъ плаванія, — не обманулъ его ожиданія. Положеніе бухты, на картѣ, обѣщало гавань весьма способную и выгодную, — въ чемъ дѣйствительно и не ошиблись. Издали открывається Астрабадъ горами столь чрезвычайной величины, что на иныхъ лежитъ вѣчный снѣгъ. Входъ въ заливъ, или, такъ сказать, самородную гавань, легко могъ казаться сопряженнымъ, ежели не съ опасностію, то, по меньшей мѣрѣ, съ затрудненіями; почему и отправлены были гребныя суда для подробнаго описанія и промѣра. По сдѣланіи этого, эскадра вошла благополучно въ заливъ и легла на якорь въ 60-ти верстахъ отъ самаго города. Пространство залива оказалось столь обширнымъ, что нѣсколько сотъ кораблей могли весьма способно въ немъ расположиться, а положеніе таково, что находящіяся въ заливѣ суда могли почитать себя защищенными наибезопаснѣйшимъ образомъ.

Въ 15-ти верстахъ отъ входа, заливъ съ южной стороны окруженъ, во все пространство берега, неразрывнымъ хребтомъ высокихъ горъ, отъ подошвы которыхъ до моря простирается цвѣтущая равнина, представляющая то густые лѣса, то обширные луга, покрытые тучною зеленью. Свѣтлые ручейки во многихъ мѣстахъ текутъ съ горъ въ чрезвычайномъ изобиліи; вода въ нихъ самая холодная и легкая. Климатъ — по крайней мѣрѣ въ продолженіе цѣлаго года стоянки здѣсь — оказался превосходнѣйшимъ: чистый, здо-

ровый, всегда теплый и никогда не утомительно жаркій *). Строевой лѣсъ, плодовые деревья, богатая поля, множество рѣдкихъ птицъ, прекрасныя пастбища давали всѣ средства къ продовольствію. «Словомъ, мѣсто сіе, — говоритъ Радингъ, офицеръ эскадры, составившій описаніе экспедиціи, — да и почитай вся Астрабадская провинція, по причинѣ множества естественныхъ украшеній и выгодъ, почитается пріятнѣйшимъ и благополучнѣйшимъ изъ многихъ, въ подобномъ смыслѣ выхваляемыхъ, земель.»

Вблизи мѣста стоянки находилось нѣсколько деревень, подалѣ развалины шахскихъ увеселительныхъ дворцовъ съ великолѣпными садами; еще далѣ, въ разныя стороны (въ 40 и 90 верстахъ), города Астрабадъ и Сари. Пути отсюда въ глубину Персіи, въ Индію и въ Среднюю Азію удобны и непродолжительны: до Бассоры полагали менѣе мѣсяца караваннаго ходу, до Хивы — 14 дней, до Бухары — 18, въ Индію, черезъ Кандагаръ, — 5 недѣль.

Должно замѣтить, что области Астрабадская и Мазандеранская уступлены были Россіи еще отъ шаха Тахмасиба, трактатомъ 12-го сентября 1723 года; но войсками нашими онъ никогда не занимались и, черезъ пять лѣтъ, по договору 13-го февраля 1729 г., возвращены шаху. По этому въ рассматриваемое время надлежало исходатайствовать у Персіанъ позволеніе утвердиться на ихъ берегу, устроиться и склонить купцовъ на новый выгодный путь торговли.

Обстоятельства, по видимому, были неблагопріятны для успѣха нашихъ дѣйствій. Въ Персіи тогда происходили междоусобныя войны за наслѣдство, не прекращавшіяся въ этой странѣ со времени шаха Надыра; однакожь, начало удалось какъ нельзя лучше. Сильнѣйшій изъ воюющихъ претендентовъ былъ *Ага-Магометъ-Ханъ*, изъ фамиліи Каджаръ, основатель династіи, нынѣ царствующей въ Персіи. Онъ былъ внукъ Астрабадскаго Фегъ-Али-Хана, занимавшаго важныя должности въ 1726 году, при шахѣ Тахма-

*) Только 12-го декабря 1781 и 1-го февраля 1782 года ртуть въ Реомюровомъ термометрѣ опускалась на 2° ниже точки замерзанія, и то поутру; въ полдень же теплота восходила отъ 13 до 15 градусовъ.

сибѣ, сынѣ Астрабадскаго Магматъ-Хана, убитаго Керимъ-Ханомъ, въ 1760 г., и содержался съ того времени въ Ширасѣ, въ качествѣ аманата, а Астрабадомъ управлялъ братъ его, отъ другой матери, *Муртаза-Кули-Ханъ*. Но, въ ночь кончины Керимъ-Хана, Ага-Магометъ-Ханъ бѣжалъ изъ Шираса, достигъ Астрабада, по праву старшинства въ своемъ семействѣ принялъ тамъ власть и, въ 1780 г., покорилъ себѣ, силою оружія, Мазандеранъ. Послѣ того, онъ устремился на Гилянъ и, весною 1781 г., выгналъ изъ Ряца тамошняго владѣльца *Гадаетъ-Хана*; поручивъ же управление этою страной брату своему, Муртазѣ-Кули-Хану, отправился на Казвинъ, осадилъ этотъ городъ и вскорѣ имъ овладѣлъ. Потомъ Ага-Магометъ-Ханъ предпринялъ дальнѣйшія завоеванія у Али-Муратъ-Хана Испаганскаго; но, осенью того же года, онъ былъ вытѣсненъ изъ Казвина, а 2-го января 1782 года и братъ его Муртаза-Кули-Ханъ выгнанъ изъ Ряца Гадаетъ-Ханомъ, съ помощію 6000 человекъ, присланныхъ отъ хана Дербентскаго, уцмїя Каракайдакскаго и шамхала Тарковскаго.

Наша эскадра прибыла къ берегамъ Каспія, когда Ага-Магомедъ-Ханъ находился подъ стѣнами Казвина, еще осаждая этотъ городъ.

Графъ Войновичъ, по прибытіи своемъ въ заливъ Астрабадскій, употребивъ нѣсколько времени на обстоятельное осмотрѣніе мѣста и на разузнаніе, хотя нѣкоторыхъ, обстоятельствъ о тамошнемъ правительствѣ, необходимыхъ для начала дѣйствій, отправилъ къ Агѣ-Магометъ-Хану въ Казвинъ, съ капитаномъ отъ полевыхъ войскъ и съ переводчикомъ, писъмо, въ которомъ просилъ хана, чтобы онъ, во исполненіе воли Императрицы Всероссийской, прїѣхалъ къ нему для переговоровъ о всемъ томъ, что Русскіе, по повелѣнію Ея Величества, предложить ему имѣютъ. Ханъ отвѣтствовалъ *намучтившимъ* образомъ, что самому ему быть нельзя, да и не почитаетъ того за нужное; потому что онъ имѣетъ также повѣренныхъ особъ, которымъ можетъ поручить переговоры и дать имъ полномочіе къ соглашенію, отъ имени его, на все то, что только сдѣлать удобно къ удовлетворенію требованій Россіи. При этомъ прибавилъ, что такую довѣренностію онъ снабжаетъ Астрабадскаго губернатора Рени-Хана, которому послалъ повелѣніе вступить съ

Русскими въ переговоры, и, узнавъ намѣренія Императрицы, на все согласится, даже до того, что если бы графъ Войновичъ, по данному ему предписанію, вздумалъ гдѣ либо на земляхъ, Персіи принадлежащихъ, завести селеніе или строить городъ, то и этому не только не препятствовать, но дѣлать еще всевозможное дружественное вспомоствованіе.

Въ слѣдствіе такихъ отзывовъ, графъ Войновичъ старался, чрезъ разные доводы, лаская и страдая, склонить хана къ тому, чтобы онъ, для заведенія Русскаго торговаго селенія, уступилъ городъ Ашрафъ, отстоящій отъ залива прямою дорогою на 5 верстъ *). Ашрафъ, хотя назывался городомъ, но тамъ находились только увеселительные сады и дворцы, основанные шахомъ Абассомъ. Вся окрестность Ашрафа, занимавшая до 7 верстъ, была обведена каменною высокою стѣною, съ башнями, и имѣла внутри цитадель. Въ числѣ жителей считалось до 300 семействъ Персидскихъ, а вблизи жило много Грузинъ, переселенныхъ сюда шахомъ Абассомъ. Графъ Войновичъ хотѣлъ переименовать Ашрафъ въ *Мелиссополь*, т. е. пчельный городъ. Ага-Магометъ-Ханъ не рѣшился на отдачу Ашрафа, какъ имущества государственнаго, но охотно уступалъ на Астрабадскомъ берегу всякое другое мѣсто, какое бы Войновичъ не избралъ, и даже обѣщалъ помогать ему разными матеріалами и дать работниковъ до 500 человекъ, увѣряя, что самъ предвидитъ, какія выгоды извлечетъ его страна отъ учрежденія здѣсь торговаго пристанища. Тогда графъ Войновичъ назначилъ подъ селеніе, на берегу залива, урочище, называемое по-персидски *Городовинъ*, а для крѣпости удобное возвышеніе въ 470 саженьяхъ отъ моря. Рѣка, тутъ текущая, хотя не велика, но она могла быть усилена прекращеніемъ расхода воды изъ нея на орошеніе полей. По окончаніи объ этомъ переговорахъ, графъ Войновичъ немедленно, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, заложилъ, въ 80 саженьяхъ отъ моря, батарею, столь обширную, какъ ретрапшаментъ, подъ видомъ безопасности отъ хищныхъ Туркменцевъ, кочующихъ вдоль восточнаго берега Каспійскаго Моря, отъ Астрабада до Бал-

*) Въ журналѣ Габлица 10 верстъ.

ханскаго залива, которые, однако, тогда оказывали ласки и готовность на услуги Россіи. Къ ноябрю 1781 г. батарея эта была устроена и вооружена восемнадцатью шести-фунтовыми пушками, снятыми съ фрегатовъ и ботовъ; въ ней могли защищаться до 1000 человекъ, и графъ Войновичъ построилъ тамъ, на первый разъ, изъ тростника, госпиталь, казарму для караульныхъ, амбаръ для провизіи, базаръ и нѣсколько домиковъ для житья, и сдѣлалъ пристань, въ длину на 50 сажень, отъ берега въ море, для причала судамъ; полуостровъ, противоположный береговому селенію, онъ назвалъ *Потемкинскимъ* *). Оставалось поднять на батареѣ Русскій флагъ, и графъ Войновичъ испрашивалъ на это повелѣнія отъ князя Потемкина, представляя ему притомъ, что съ Агою-Магометъ-Ханомъ надобно заключить особый договоръ о новомъ селеніи нашемъ, и что на водвореніе въ немъ изъявили согласіе нѣсколько семей изъ Армянъ Бакійскихъ. Далѣе графъ Войновичъ начерталъ князю Потемкину обширные виды торговли, какая въ этомъ пунктѣ могла быть произведена чрезъ посредство сухопутныхъ каравановъ, всѣми произведеніями Персіи, Индіи, Бухаріи, Хивы, Балка, Бадакшаны, Тибета и Кашемира.

Дѣйствительно, избранное для поселенія мѣсто, по справедливости, считалось однимъ изъ способнѣйшихъ и выгоднѣйшихъ изъ всѣхъ, находящихся на Каспійскомъ Морѣ, потому что, во-первыхъ, отъ природы укрѣпленная гавань, какъ по внутреннему, такъ и по внѣшнему положенію своему, весьма удобна для всегдашняго безопаснаго пребыванія судовъ, какого бы рода и въ какомъ бы числѣ они не были; во-вторыхъ, мѣсто это есть самое ближайшее къ богатѣйшимъ торговымъ Персидскимъ городамъ, а также къ Бухаріи и сосѣдямъ ея и даже къ Индіи. Сверхъ того, оно имѣетъ выгоду здороваго воздуха, — ибо въ эскадрѣ нашей, въ теченіе 16 мѣсяцевъ, не умерло и 20 человекъ, и то отъ болѣзней самыхъ обыкновенныхъ и нашему народу свойственныхъ.

Графъ Войновичъ донесъ о всемъ подробно въ С. Петербургъ съ особеннымъ курьеромъ, и, какъ писалъ ему князь

*) Это имя в теперь приписывается полуострову на картахъ.

Потемкинъ; отъ 29-го апрѣля 1782 г., всѣ его распоряженія удостоились Монаршаго благоволенія. У Потемкина былъ уже готовъ и гербъ для новаго поселенія. Но когда отправлялось изъ С. Петербурга это одобреніе, видъ дѣлъ нашихъ на Каспійскомъ Морѣ уже совершенно измѣнился.

Въ первые четыре мѣсяца пребыванія эскадры въ Астрабадскомъ заливѣ, Персіане вообще, какъ знатные, такъ и простолюдины, были нами весьма довольны; ибо, сверхъ всевозможной въ обращеніи съ ними ласки и вѣжливости, получали они при всѣхъ, «хотя мало пристойныхъ случаяхъ», каждый по состоянію своему, значительные подарки, которыми графъ Войновичъ для этого былъ изобильно снабженъ; простому же народу *великое дѣлало удовольствіе* то, что Русскіе въ большомъ количествѣ покупали отъ него съѣстные припасы и, вмѣсто нашихъ денегъ, у нихъ тогда не употребительныхъ, платили *пріятнѣйшими и дорожайшими* для нихъ разнаго рода металлическими вещами.

Устройству ретраншаменты Персіане не только не препятствовали, но еще и сами совѣтовали возведенію его, хваля насъ за такую предосторожность, потому что часто страдали отъ разорительныхъ и разбойническихъ набѣговъ Туркменцевъ.

Поэтому, видя признательность знатнѣйшихъ особъ и чиновниковъ Персидскихъ за подарки и ихъ взаимныя ласки и искренность, а отъ простаго народа совершенное во всѣхъ случаяхъ усердное повиновеніе, наши имѣли, *по справедливости, причину надежно считать себя живущими посреди дружественнаго къ нимъ народа.*

Удостоверены будучи, что къ неудовольствію Персіанъ не подали ни малѣйшей причины, но, напротивъ, снискивали всячески ихъ любовь, и видя, что поведеніемъ своимъ дѣйствительно имѣли желаемый успѣхъ *въ самой высочайшей степени*, наши расположились къ нимъ съ такою сильною въ душѣ своей довѣренностію, что, казалось, не имѣли нужды оставить мѣсто хотя малѣйшей предосторожности, которая, однако, тѣмъ скорѣе должна бы прійти на мысль графу Войновичу, что хорошо были извѣстны примѣры несчастныхъ *Бековича и Зимбулатова*, пострадавшихъ единственно отъ ихъ легковѣрія. Графъ Марко Ива-

новичъ, одинъ только имѣвшій истинное свѣдѣніе о прямомъ назначеніи экспедиціи, и слѣдовательно одинъ знавшій до подробности о всѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли какъ способствовать, такъ и препятствовать намѣренію, по справедливости долженъ былъ, — да и въ самомъ дѣлѣ былъ, — почитаемъ прочими офицерами лицомъ, располагавшимъ всѣ свои дѣйствія съ основаніемъ и по извѣстному ему одному Высочайшему плану; а отъ этого—то самого, *хотя, впрочемъ, весьма крайняго, однако должнаго той доверенной особѣ подобострастія*, и выходило, что и каждое простое дѣйствіе собственнаго его произвола казалось поступкомъ, который Верховною Властію былъ ему позволенъ. Словомъ сказать, на эскадрѣ привыкли, смотря на командира, думать, что онъ столько же мало имѣлъ причины чего либо опасаться со стороны Персіянъ, какъ бы, находясь въ нѣдрѣ отечества, отъ своихъ соотчичей. Болѣе двухъ мѣсяцевъ, по утвержденіи тѣснѣйшаго въ пріязни союза, протекли во взаимныхъ у старшинъ Персидскихъ съ графомъ Войновичемъ другъ къ другу посѣщеніяхъ. Губернаторъ Астрабадскій и сами братья владѣвшаго хана неоднократно угощаемы были отъ графа Войновича на судахъ, и взаимно угощали его въ домахъ своихъ.

Все это происходило съ столь увѣрительною искренностію, что не могло быть взято ни малѣйшаго подозрѣнія на какой—либо кроющійся въ душахъ ихъ замыселъ.

Между тѣмъ, Ага—Магометъ—Ханъ замышлялъ измѣну. Вытѣсненный изъ Казвина, ослабѣваемый въ своихъ силахъ, онъ можетъ быть страшится нашего сосѣдства. Въ то же время ханъ былъ озлобленъ дружескимъ обращеніемъ нашего консула въ Зензилахъ (Тумановскаго) съ Гадаетъ—Ханомъ, его врагомъ, и особенно тѣмъ, что первый далъ даже послѣднему нѣсколько солдатъ, изъ 40 человекъ, находившихся при немъ, тогда какъ графу Войновичу было повелѣно наказать Гадаета за разныя торговыя оскорбленія. Наконецъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, самъ Ага—Магометъ объяснялъ въ послѣдствіи,—научаемый своими подчиненными, подозрѣвавшими съ нашей стороны непріязненные замыслы,—слухи объ этомъ, по обыкновенію, ходили самые нелѣпные,—онъ предписалъ одному изъ начальниковъ ближнихъ деревень, чтобы, зазвавъ графа Войновича въ гости, захватить

и держать въ плѣну до тѣхъ поръ, пока онъ согласится пушки съ батареей перевести на фрегаты, а батарею и пристань разломать. Удобный случай къ этому вскорѣ представился, и начальникъ *не умедлилъ* исполнить приказаніе.

15-го декабря у Персіянъ былъ день *презнаменитаго торжества* въ честь Али, и — какъ это очень часто случалось — Войновичъ и его офицеры были приглашены этимъ начальникомъ въ гости, съ обыкновеннымъ усердіемъ и вѣжливостію. Графъ Войновичъ, по обыкновенію, на то согласился. Въ день праздника прислали Персіяне къ нему множество осѣдланныхъ лошадей, прося, чтобы онъ сколько возможно большее число изъ своихъ подчиненныхъ взялъ съ собою; а мѣсто торжества, собственно для этого, назначено было ближе къ нашему становищу, именно въ четырехъ верстахъ *).

Графъ Войновичъ пригласилъ съ собою Габлица, двухъ капитанъ—лейтенантовъ и трехъ лейтенантовъ; такимъ образомъ, въ 10 часовъ утра, съ нимъ отправились всѣ начальники судовъ, взявъ съ собою переводчика. Всѣ они, вѣроятно, по обыкновенію, были *совершенно безоружные*. Въ продолженіе пути, наши, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія, не примѣтили, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вдоль дороги, были засѣвши *цѣлыя кучи* вооруженныхъ Персіянъ; но, по прибытіи въ мѣстечко, къ торжеству назначенное, они увидѣли болѣе 5000 Персіянъ вооруженныхъ. Встрѣченные вообще всѣмъ народомъ необыкновеннымъ шумомъ и радостными восклицаніями, наши, съ самаго начала, тотчасъ стали подозрѣвать что нибудь недоброе; но какъ уже было поздно, то и не оставалось ничего дѣлать болѣе, какъ со страхомъ ожидать послѣдствія. Старшины притворствовали быть, по обыкновенному, ласковыми; но на лицахъ ихъ написана уже была зѣвская радость о полученіи жертвъ лютоści своей въ полную къ себѣ власть. Въ одно мгновеніе позналъ графъ Войновичъ свое заблуж-

*) Въ краткомъ описаніи жизни и службы тайнаго совѣтника Габлица, напечатанномъ въ *Сынъ Отечества*, 1821, № 43, вѣрно показаны день Персидскаго празднества — 10-го декабря, а мѣсто, гдѣ это происходило, въ 12 верстахъ отъ Русскаго селенія.

деніе, и все, на что онъ ни смотрѣлъ, представляло ему бѣдственное его легковѣріе и неразуміе, и возвѣщало всѣмъ спутникамъ его неизбѣжную гибель. Персіане все еще продолжали притворствоваться и не подавали яснаго знака своего злодѣйства. Съ часть времени прошло въ нелѣпныхъ обрядахъ торжества ихъ. Между тѣмъ, *страхомъ и стыдомъ объяты*, находились наши въ совершенномъ недоумѣніи, какъ графъ Войновичъ, чтобы скорѣе разрѣшить сомнѣніе о своей участи, чрезъ переводчика объявилъ, чтобы нашихъ извинили, что въ этотъ разъ, по причинѣ необходимыхъ занятій на эскадрѣ, они долѣе пробить на праздникѣ не могутъ, — должны возвратиться домой, — и, съ благодарностію за угощеніе, ихъ оставляютъ.

Тогда замыселъ мгновенно обнаружился. Съ видомъ звѣрскаго величества отвѣтствовалъ губернаторъ, что государь его повелѣлъ ему Войновича и со всею свитою задержать подъ стражею.

Едва произнесены были эти слова, какъ вся толпа злодѣевъ, *съ наглою лютостію*, кинулась на нашихъ, а преимущественно на графа Войновича, и, подхвативъ, бросила *въ грязную и мерзкую жижицу*, какъ въ темницу. Отчаяніе вложило было графу Войновичу мысль, чтобы каждому изъ плѣнныхъ, прѣхавшихъ, какъ сказано, безъ всякаго оружія, схватя у злодѣевъ по саблѣ, стараться продраться сквозь толпу ихъ; но здравый разумъ не позволялъ надѣяться успѣха при столь великомъ числѣ вооруженнаго народа.

Не будемъ описывать душевнаго состоянія графа Войновича и его спутниковъ, скажемъ только словами одного изъ участниковъ несчастія *), что «живое чувствованіе крайняго безчестія, собственнымъ неразуміемъ своимъ имени Россіянъ причиненнаго, терзало ихъ несравненно болѣе, нежели страхъ настоящаго мученія и самой смерти»; такъ, что когда, часа чрезъ два по заключеніи, внесли въ темницу деревянную плаху съ лежащимъ на ней топоромъ, то каждый изъ плѣнныхъ, почитая это за приготовленіе къ смертной казни, *съ радостію благодарилъ Бога*. «Только то

*) Радинга.

смерть, въ противоположеніи ея съ чувствованіемъ вины отечественнаго безславія, — прибавляетъ этотъ же повѣствователь, — была для насъ любезна.»

Это не исполнилось. Принесенная плаха и другія, такой же величины, обращены были въ колодки, и каждому изъ плѣнныхъ, по снятіи обуви, наложены на ноги, такъ что тяжесть ихъ не позволяла не только вставать, но даже двигаться, а боль, отъ весьма тѣснаго щемленія, чрезъ нѣсколько часовъ, причинила на ногахъ видъ совершеннаго Антонова огня. Ужасный стонъ, этимъ безчеловѣчнымъ мученіемъ вырываемый, не приводилъ злодѣевъ ни къ малѣйшему сожалѣнію.

«Но сколько не жалостно было состояніе всѣхъ насъ и болѣзненно отъ крайняго мученія, — продолжаетъ Радингъ, — однако, состояніе графа Войновича было дѣйствительно всѣхъ горестнѣе; ибо, сверхъ равнаго съ нами въ тѣлесной мукѣ страданія, преимущественно терзался онъ признаніемъ собственно себя самого виною всему несчастному приключенію, а наипаче рвался, воображая ту страшную разность, которую сдѣлалъ онъ въ участи своей чрезъ сіе паденіе.»

На другой день наши получили, отъ пришедшихъ старшинъ, и то только по своему требованію, объясненіе о причинѣ такого поступка. «Хотя государь нашъ, — говорили они, — и согласился позволить вамъ на своихъ берегахъ дѣлать всякаго рода заведенія; но народъ, увидѣвъ построенное вами регулярное укрѣпленіе, возымѣлъ подозрѣніе, и заключилъ, что вы дѣйствительно съ вреднымъ государству нашему замысломъ здѣсь себя утверждаете; почему счелъ васъ опасными для себя и просилъ правительство объ успокоеніи себя съ этой подозрительной для него стороны. Не бывъ въ состояніи въ томъ разувѣрить и укротить ропотъ, ханъ нашелся принужденнымъ къ такимъ поступкамъ, чтобы принудить васъ къ совершенному разоренію всего заведеннаго; по этому теперь отъ васъ и требуемъ, чтобы сейчасъ послали въ эскадру приказаніе о приведеніи этого въ исполненіе.»

Графъ Войновичъ отвѣчалъ, что хотя объявленная ими причина могла подвигнуть владѣтеля ихъ къ столь безчеловѣчному поступку съ подданными Всероссийской Импе-

ратрицы, Которая, если бы только могла допустить одну мысль о подобномъ поведеніи Персіянъ, то, конечно, Ея офицеры не поддали бы этому несчастному жребію; однако, при всемъ томъ, — предоставляя все происшедшее Монаршему сужденію, — онъ на этотъ разъ бы исполнилъ желаніе Персіянъ, но Русскій законъ воспрещаетъ сдѣлавшемуся въ эскадрѣ старшимъ исполнить повелѣніе его, хотя и начальника, но уже содержимаго въ плѣну.

Команда наша, оставшаяся на берегу, услышавъ о происшествіи, приведена была въ *замышательство*. Между тѣмъ Персіяне, послѣ отзыва графа Войновича, неоднократно покушались разорить крѣпость и заведенія наши силою, но не могли получить ни малѣйшаго успѣха. Имъ удалось только захватить 30 человекъ изъ морской команды, бывшихъ въ лѣсу для рубки дровъ. По этому, старшины вторично приступили къ плѣннымъ съ подтвержденіемъ прежнихъ требованій, но какъ постоянно получали одинаковый отвѣтъ, то стали угрожать, что принудятъ къ тому страшными мученіями.

Графъ Войновичъ, *единожды навсегда*, увѣрилъ ихъ, что *не только угрозы, но и самое тѣхъ угрозъ на дѣль исполненіе, не заставятъ его поступить противъ государственныхъ узаконеній*; однако, не предвидя никакихъ средствъ къ освобожденію, зная безсиліе оставшагося въ крѣпости гарнизона, — только 50 человекъ Астраханскаго полка и судовыя команды, — наконецъ, предложилъ, что ежели требуемое ими разореніе укрѣпленія и строеній нашихъ составляетъ единственный способъ къ освобожденію захваченныхъ, то отпустили бы они не его самого, а кого нибудь изъ старшихъ начальниковъ судовъ, и что тотъ уже, какъ свободный и прямой командиръ эскадры, можетъ, прибывъ къ мѣсту, для освобожденія прочихъ, исполнить ихъ желаніе. Долго Персіяне колебались, однако, наконецъ, согласились освободить капитанъ-лейтенанта *Баскакова*, увѣряя, что если по прибытіи его къ пристани, въ ту жъ минуту требуемое разореніе не послѣдуетъ, то оставшіеся *неизбѣжно и съ жестокою мукою* предавы будутъ смерти.

Графъ Войновичъ далъ Баскакову слѣдующее наставленіе или, лучше сказать, объясненіе, что такъ какъ заведенное

на Персидскомъ берегу укрѣпленіе, да и самое строеніе возведено имъ безъ всякаго на то повелѣнія, а единственно изъ надежды, что когда бы все это *«утвердилось, со временемъ, съ видомъ нарочитой прочности»*, то всеконечно не противно бы было намѣреніямъ Ея Величества», то Баскаковъ властенъ, «при столь достовѣрной дѣлу тому неудачѣ», уничтожить заведенія наши *).

Баскаковъ, получа свободу, отправился къ селенію, и тотъ же часъ исполнилъ все по данному отъ графа Войновича наставленію, разоривъ какъ укрѣпленіе, такъ и строенія. Персіяне, будучи удовлетворены въ желаніи своемъ, освободили 30 плѣнныхъ матросовъ, но офицерамъ только облегчили мученіе, связавъ *несносныя колодки* и, вмѣсто ихъ, заковавъ въ желѣзо. Въ ожиданіи же своемъ получить совершенную свободу, плѣнные ошиблись; ибо, хотя, по видимому, показываемая причина плѣну уже не существовала; но, вмѣсто освобожденія, — это было на третій день плѣна, — всѣхъ отвезли въ городъ Сары, въ 86-ти верстахъ отстоящій, въ который прибылъ тогда и самъ Ага-Магометъ-Ханъ. Плѣнныхъ представили къ нему предъ окнами жилища, а графа Войновича позвали къ нему въ покой.

Ага-Магометъ-Ханъ ласково принялъ нашего героя и извинялся въ насильственномъ съ ними поступкѣ тѣмъ, что, находясь въ отдаленности, не могъ входить ни въ какія разбирательства, а принужденъ былъ утвердиться на томъ, что ему донесено было отъ подчиненныхъ. Сверхъ того, дошелъ до него слухъ, что всѣ торговавшіе въ Астрахани Персіяне захвачены, а Бакинскій ханъ увѣрялъ его, чрезъ письмо, что Россія не для чего другаго на Астрабадскомъ берегу желаетъ устроить поселеніе, какъ для непріятельскихъ предпріятій**); почему онъ и долженъ былъ принять свои мѣры. Вообще онъ увѣрялъ, что только съ край-

*) Дѣйствительно, графъ Войновичъ, при отправленіи его изъ С. Петербурга не имѣлъ повелѣнія основать торговое селеніе именно на *материкѣ* Астрабадскомъ, а на одномъ изъ острововъ съ наименованіемъ *Мелитонисъ*, т. е. *Щельный островъ*.

**) Объ этихъ разглашеніяхъ доносилъ Потемкину и Астраханскій губернаторъ, отъ 14-го іюня 1782 года.

нимъ неудовольствіемъ долженъ былъ приступить къ такому Русскими поступку, и что объ этомъ случаѣ всегда будетъ сожалѣть; ибо воля его не имѣла въ томъ рѣшительно никакого участія. Впрочемъ, говорилъ онъ, Русскіе не имѣютъ опасаться теперь ни малѣйшаго для себя зла; напротивъ, онъ расположенъ къ оказанію всевозможныхъ услугъ. Но, плѣнные, знавшіе уже совершенно обычаи этого народа, не могли принять всѣ эти и другія подобныя увѣренія иначе, какъ за пустыя привѣтствія, коими Персіане, при свиданіи, щедро другъ друга осыпаютъ. Содержаніе нашихъ, хотя и сдѣлалось тогда несравненно лучше, но къ полученію свободы, однако жъ, не предвидѣлось ни малѣйшей надежды. Ежедневныя обѣщанія, даваемые объ этомъ, представляли освобожденіе еще менѣе вѣроятнымъ; ибо безпокойные поступки народа и многихъ знатныхъ устрасали плѣнныхъ участію совершенно противоположно.

Такимъ образомъ прошли двѣ мучительныя недѣли между страхомъ и надеждою, и не было замѣтно ни малѣйшихъ признаковъ къ исполненію обѣщаній хана. Но, въ теченіе этого времени, пользуясь здѣсь свободою, плѣнные, изыскивая всѣ возможныя способы, могущія способствовать къ освобожденію, открыли, что ночныя собранія у Персіанъ, во время которыхъ они обыкновенно упражняются въ пьянствѣ, были *наиспособнѣйшимъ* средствомъ и *притомъ единственнымъ* къ приобрѣтенію дружества вельможъ ихъ и прочихъ знатныхъ чиновниковъ.

Графъ Войновичъ и прочіе офицеры, видѣвъ ясно, что иной надежды къ свободѣ не осталось, какъ употребить хитрость, не щадили ничего, что могло склонить Персіанъ къ допущенію ихъ къ этимъ дружескимъ бесѣдамъ, и тамъ, пользуясь обращеніемъ несравненно вольнѣйшимъ, склонили самыхъ сильныхъ изъ государственныхъ сановниковъ на свою сторону, частію многими подарками, а еще болѣе обѣщаніями, и, полагаясь на ихъ содѣйствіе, 2-го января (1782 г.) приступили и къ самому хану съ усиленною просьбою о дарованіи столько разъ уже обѣщанной свободы.

Ханъ, наконецъ, согласился и повелѣлъ графа Войновича и его свиту освободить и отпустить въ тотъ же день. Тутъ встрѣтилось новое препятствіе, и мало полезно было бы это повелѣніе безъ дружественнаго содѣйствія одного изъ первѣй-

шихъ старшинъ. Ханъ, сомнѣваясь, чтобы народъ допустилъ приказанію его исполниться и боясь возмущенія, отдавъ свое приказаніе, въ ту же минуту самъ тайно изъ города отлучился. И дѣйствительно, когда подозрительный народъ узналъ о назначенномъ освобожденіи плѣнныхъ, то окружилъ жилище ихъ многочисленными толпами и угрожалъ *конечною бѣдою*. Но, къ счастью, этотъ старшина, скрывъ отъ народа свою преданность къ Русскимъ, успокоилъ его, а между тѣмъ успѣлъ укрыть плѣнныхъ въ своемъ домѣ, далъ имъ лошадей и проводника и тайкомъ выпроводилъ изъ города. Можно вообразить себѣ, какова была радость нашихъ, увидѣвъ себя свободными, равно какова была поспѣшность ѣзды ихъ, когда весьма справедливо должны были ожидать ежеминутнаго преслѣдованія. 86 верстъ, раздѣляющихъ городъ Сари отъ пристани, проскакали офицеры безъ памяти и безъ отдохновенія. Возвращеніе въ эскадру ознаменовано было крайнимъ восторгомъ взаимной радости между захваченными и командою, когда съ обѣихъ сторонъ одинако уже отчаявались другъ друга видѣть. Графъ Войновичъ схватилъ потомъ пресильную горячку и былъ даже при смерти, однако жъ выздоровѣлъ *).

*) Г. Дупкель-Веллингъ, въ статьѣ: «*Утвержденіе Русскаго владычества на Каспійскомъ Морѣ*» (Кавказъ, 1853, № 42), рассказываетъ плѣненіе графа Войновича нѣсколько иначе. Ага-Магометъ-Ханъ, — по его словамъ, — *осмотрѣвъ* сооруженное нами укрѣпленіе на берегу Астрабадскаго залива, удивлялся построенію и щедро расточалъ похвалы. Онъ также казался восхищеннымъ при видѣ огромныхъ Русскихъ кораблей, *изъявилъ желаніе осмотрѣть ихъ, и назвалъ къ графу Войновичу на обѣдъ, съ тѣмъ, чтобы пріѣхать къ нему на фрегатъ*. Въ продолженіи *цѣлаго дня* ханъ предавался безпечной веселости; съ наступленіемъ вечера онъ сожалѣлъ, что время такъ быстро пролетѣло и что онъ долженъ разстаться съ своими недавними друзьями; но въ замѣнъ радушнаго угощенія просилъ *адмирала* и старшихъ офицеровъ пріѣхать къ нему. Графъ Войновичъ и всѣ офицеры, желая поддержать дружескія отношенія къ правителю страны и, обманутые его коварствомъ, отправились на берегъ; *но едва они вступили во дворецъ хана*, какъ были задержаны, и Ага-Магометъ, въ замѣнъ свободы и жизни, предложилъ имъ разрушить крѣпость и свезти пушки обратно на корабли. Вынужденный необходимостью, графъ Войновичъ долженъ былъ поведовѣ согласиться на *требованіе хозяина, поправаго священныя права гостепріимства*.

Не имѣя возможности увѣдомить правительство о своемъ приключеніи ранѣ весны, когда очищаются отъ льда устья Волги (что и дѣйствительно случилось только 28-го апрѣля), графъ Войновичъ отошелъ съ эскадрою подъ сѣверный берегъ залива, къ острову *Аретосъ*, — нынѣ соединившійся съ песчаною косою, ограничивающею этотъ заливъ съ сѣвера — теперь островокъ Ашуръ, тогда называвшійся Евгений — и сталъ ожидать, какія ему послѣдуютъ повелѣнія. Длина острова Аретосъ 5 верстъ, а ширина 300 сажень; прѣсной воды на немъ изобиліе, такъ что здѣсь торговому селенію *быть можно*; лѣсу однако нѣтъ.

Ханъ Астрабадскій, во время вѣкоръ (въ апрѣлѣ) послѣдовавшаго на городъ Сари нападенія Домгайскаго хана, показывалъ *великое раскаяніе*, что не употребилъ Русскихъ какъ орудіе къ защищенію своему. Не меньшаго же труда ему стоило успокоить и народъ, недовольный такимъ освобожденіемъ; а эскадрѣ — по причинѣ холоднаго времени, — еще нельзя было отправиться въ Астрахань. По всему этому Ага-Магометъ нѣсколько разъ присылалъ къ графу Войновичу увѣреніе въ своей дружбѣ, и даже писалъ, что онъ, по прежнему, даетъ мѣсто для Русскаго селенія на своихъ земляхъ. «Но я уже не хотѣлъ имѣть никакого дѣла съ симъ вѣроломнымъ человѣкомъ», — доносилъ графъ Войновичъ Потемкину отъ 5-го іюля 1782 г.

Видѣвъ неудачу, ханъ снова сталъ дѣлать разныя притѣсненія, запрещая, подъ смертною казнію, чтобъ никто изъ его подданныхъ не доставлялъ Русскимъ какихъ-либо припасовъ; однако жъ, прибытокъ, дѣйствующій надъ Персіянами болѣе всякаго страха, приводилъ ихъ по ночамъ на эскадру, со всеми необходимыми предметами, въ великомъ изобиліи.

Враждебное Аги-Магометъ-Хана чувство къ нашимъ, однако, вѣкоръ погасло, и онъ чрезъ нѣсколько недѣль, посредствомъ новыхъ ласкъ и искательствъ, не только вновь съ Войновичемъ примирился, но еще просилъ о совѣтѣ, какъ бы загладить при Дворѣ нашемъ безчеловѣчный свой поступокъ.

Графъ Войновичъ совѣтовалъ ему отправить въ С. Петербургъ нарочнаго посла, съ описаніемъ всѣхъ привудившихъ его къ тому обстоятельствъ и съ прошеніемъ о прощеніи.

Это исполнено ханомъ весьма торопливо. Онъ избралъ одного изъ своихъ приближенныхъ и, снабдивъ его письмами къ кому почиталъ за необходимое, отправилъ его на нарочно отряженномъ для этого изъ эскадры транспортномъ суднѣ.

Послѣ этого самъ собою ни на что не рѣшаясь, графъ Войновичъ долго ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній Потемкина и, наконецъ, получивъ ихъ, 8-го іюля, со всею эскадрою оставилъ Астрабадскій заливъ, направляясь къ восточному берегу Каспійскаго Моря, для изслѣдованія вѣрности карты *и дѣланія примѣчаній*. Чрезъ двое сутокъ эскадра проходила мимо *Серебрянаго бура*, названнаго такъ по особенной бѣлизнѣ песка и глины, изъ коихъ онъ состоитъ. Потомъ, 11-го числа, вошла она въ *Балханскій заливъ*, которому графъ Войновичъ вознамѣрился составить новое описаніе *аккуратнымъ* промѣромъ глубины, ибо хотя этотъ заливъ и прежде былъ описанъ, но какъ Каспійское Море имѣетъ свойство измѣнять положеніе береговъ своихъ, то отрывая, то вновь насыпая ихъ, потому и карта Балкаша, отъ долгаго времени, съ натурою оказалась несходною. Чрезъ двѣ недѣли, окончивъ описаніе, отправилась эскадра къ мѣсту, называемому *Красныя воды*; тутъ наши не нашли ничего стоявшаго примѣчанія.

Далѣе графъ Войновичъ не разсудилъ продолжать изслѣдованій своихъ по этому берегу и отъ Красныхъ водъ отправился поперегъ моря къ западному берегу. 26-го іюля эскадра прибыла къ *Баку*, салютовавшей изъ пушекъ. Этимъ городомъ тогда владѣлъ Аджі-Меликъ-Маматъ-Ханъ, находившійся подъ защитою и покровительствомъ Дербентскаго Фетъ-Али-Хана, сестру котораго онъ имѣлъ въ числѣ своихъ женъ.

Прибытіе эскадры привело жителей Баку, не привыкшихъ видѣть военныя суда, *въ ужасный страхъ*, тѣмъ болѣе, что, въ 1779 году, Бакинскій ханъ наложилъ арестъ на всѣхъ бывшихъ въ Баку Русскихъ купцовъ и на ихъ товары, единственно за то, что два Бакинскіе мальчика, захваченные Лезгиними, были проданы въ Астрахань, и снялъ арестъ только тогда, когда Астраханскій губернаторъ прислалъ къ нему одного изъ тѣхъ мальчиковъ. Теперь немедленно послано было извѣстіе къ Дербентскому хану, который вѣкоръ, 9-го августа, пріѣхалъ въ Баку. По прибытіи

своёмъ отправилъ онъ къ Войновичу пословъ, съ принесеніемъ поздравленія и предложеніемъ своихъ услугъ. Графъ Марко Ивановичъ, отблагодаривъ его со всею вѣжливостію, послалъ, съ своей стороны, нарочныхъ со взаимнымъ присутвіемъ, и притомъ велѣлъ сказать, что онъ желаетъ переговорить на счетъ положенія нашихъ купцевъ, въ этомъ городѣ и въ Дербентѣ торговавшихъ. Для этихъ переговоровъ поставлена была на берегу палатка, въ которую ханъ и графъ Войновичъ, 13-го августа, съѣхались. Сначала, казалось, съ обѣихъ сторонъ были довольны переговорами, но потомъ открылось, что графъ Войновичъ считалъ себя недовольнымъ, и угрожалъ хану бомбардированіемъ города, если онъ, въ извѣстныхъ пунктахъ, касающихся до удовлетворенія Русскихъ купцовъ, не исполнитъ его требованій. Ханъ отвѣчалъ, съ *весьма спокойнымъ духомъ*, что если такой поступокъ ему, Войновичу предписанъ, то чтобъ приступалъ къ дѣйствию; но что онъ, ханъ, съ своей стороны, остается при прежнемъ своемъ правилѣ, какъ отнюдь необходимомъ для Русскаго купечества. Послѣ этого эскадра отправилась въ дальній путь. Такъ рассказываютъ участники въ экспедиціи.

Оттуда, 27-го августа, эскадра направила ходъ прямо къ Астрахани, куда, по претерпѣнн двухъ сильныхъ бурь, 16-го сентября прибыла благополучно.

Вслѣдъ за тѣмъ, графъ Марко Ивановичъ получилъ отъ Потемкина повелѣніе, писанное отъ 29-го августа, пріѣхать въ С. Петербургъ для принятія наставленій о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Онъ явился къ князю Потемкину 19-го декабря, былъ принятъ хорошо, получилъ слѣдующій чинъ, а 25-го января 1783 года пожалованъ отъ Государыни перстнемъ

Посланецъ Ага-Магометъ-Хана прибылъ въ С. Петербургъ не задолго до пріѣзда въ столицу графа Войновича, но не былъ допущенъ на аудіенцію и получилъ, 11-го апрѣля 1783 года, нѣту слѣдующаго содержанія: «Какъ Высочайшій Императорскій Всероссійскій Дворъ не можетъ признавать Агу-Магомета-Хана, управляющаго въ Астрабадѣ и Мазандеранѣ, законнымъ того края обладателемъ, то и не почитаетъ обязанностію входить въ какое-либо сношеніе съ находящимся здѣсь повѣреннымъ его. Недостойный

поступокъ сего Аги противъ флотскаго Россійскаго начальника умножаетъ сіе неудобство и самую при томъ опасность строгаго ему возмездія, буде опытами совершеннаго усердія и покорности не потщится, какъ онъ, Ага-Магометъ-Ханъ, такъ и прочіе владѣльцы, загладить дерзновенный свой поступокъ.»

Неудавшаяся экспедиція не возобновлялась, въ началѣ потому можетъ быть, что всѣ суда эскадры Войновича оказались *сгнившими*. По крайней мѣрѣ, Войновичъ, тотчасъ же по возвращеніи его въ Астрахань, вѣроятно получивъ новыя приказанія, хотѣлъ послать въ Астрабадъ 2 фрегата и 2 бота, но, за неспособностію судовъ, не могъ этого сдѣлать, и едва могли снарядить туда одинъ фрегатъ съ двумя ботами изъ оставшихся въ Астрахани. Не знаемъ съ какою цѣлію были посланы эти суда (подъ командою капитанъ — лейтенанта Баскакова), и что они тамъ дѣлали; по журналамъ видно только, что въ теченіе зимы часто пріѣзжали къ нимъ Туркменскіе и Персидскіе старшины. Однакожъ, съ этой поры на Каспійскомъ Морѣ, при устьѣ Волги, уже постоянно содержалась значительная эскадра «для поддержанія нашей коммерціи и содержанія въ обузданности хановъ, коихъ владѣнія лежатъ на берегу Каспійскаго Моря», — какъ сказано въ инструкціи князя Потемкина главнокомандовавшему тогда на Кавказѣ генералу графу Гудовичу. Одно изъ судовъ этой эскадры, обыкновенно фрегатъ и при немъ ботъ, занимало постоянно постъ въ Астрабадскомъ заливѣ.

Экспедиція Войновича стоила: постройкою судовъ 92,934 руб., ежегоднымъ содержаніемъ 30,040 руб. и экстренными расходами 14,545 рублей.

Въ это время Потемкинъ приводилъ въ исполненіе другія великія намѣренія Императрицы, — клалъ основаніе грозѣ Стамбула, — Черноморскому флоту. Войновичъ имѣлъ честь принять дѣятельное участіе въ благодѣтельномъ подвигѣ.

Въ 1783 году, — памятномъ основаніемъ Севастополя, — нашъ герой былъ назначенъ командиромъ *перваго* въ Херсонѣ заложенаго, линейнаго корабля «Слава Екатерины», а въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ крейсировалъ уже съ отдѣльною эскадрою у Крымскихъ береговъ.

Павл. Корякин.

Илл. Б. Подковника Новоселова

МЕТЛИНСКАЯ ПЕРЕПРАВА

Въ началѣ 1786 года внезапно скончался контръ-адмиралъ Макензи, начальствовавшій портомъ и флотомъ въ Севастополѣ, и на его мѣсто главнымъ командиромъ назначенъ графъ Войновичъ.

Работы на Черномъ Морѣ въ это время кипѣли. Князь Потемкинъ трудился самымъ неуспыннымъ образомъ, подготавливая средства къ исполненію блестящей мысли своей на развалинахъ могущества мусульманъ водворить власть Христіанъ, — возвестъ потомка Екатерины на тронъ Византіи. Нашъ герой, своею дѣятельностію, умѣлъ заслужить полное вниманіе геніальнаго сановника.

Но всегда есть люди близорукіе, всегда есть завистники великихъ дѣлъ. Такъ было и въ это чудное время. Нашлись многочисленные недоброжелатели гигантскихъ проэктовъ Потемкина, и Императрица непрерывно получала внушенія, что сотни милліоновъ рублей, употребленныхъ на приобрѣтеніе Крыма, будто бы оставались безъ пользы. Великая рѣшилась Сама быть на мѣстѣ, и, въ 1787 году, предприняла знаменитое путешествіе въ Крымъ.

Это путешествіе не было и не могло быть похоже ни на одно изъ путешествій совершенныхъ и совершаемыхъ въ настоящее время: это было триумфальное шествіе Побѣдительницы, окруженной блистательною свитою. Новороссійскій край, за какіе вибудъ четыре года предъ тѣмъ, представлявшій обширную пустыню, привольныя степи, по которымъ свободно гарцовали буйные Запорожцы или безнаказанно разбойничали дикія ватаги Крымцевъ, — какъ бы по магію волшебнаго жезла, — наполнились жителями, благоустроенными городами, дворцами, садами. Читаешь и — не вѣришь. Это были, по истинѣ, чудеса.

Императрицъ сопутствовали: Германскій императоръ Іосифъ II, князь Потемкинъ, принцы Нассау и де-Линъ, посланники: Австрійскій—графъ Кобенцель, Французскій—графъ Сегюръ, Великобританскій—Фицъ-Гебертъ, статсъ-дамы графини Браницкая и Скарронская, фрейлины Протасова и Чернышева и многіе вельможи.

Проекты Войновича о встрѣчѣ Монархини въ бывшемъ царствѣ Гиреевъ удостоились одобренія великолѣпнаго князя Таврическаго.

Мая 22-го Государыня прибыла въ Инкерманъ, на высотѣ котораго было воздвигнуто прекрасное временное зданіе и изготовленъ для знаменитыхъ путешественниковъ обѣдъ.

Съ этого мѣста видны были: на южной сторонѣ древнее укрѣпленіе Теодорово и Инкерманская долина, по срединѣ которой протекаетъ небольшая рѣчка Черная, — нынѣ столь знаменитая, — и у береговъ ея, по луку, были разсѣяны деревья, а по обѣимъ сторонамъ долины возвышались отвѣсно скалы изъ бѣлаго мягкаго камня, изъ коихъ иссѣчены нѣсколько церквей и множество четверугольныхъ комнатъ съ коридорами, выходами и лѣстницами; на сѣверной—горы съ ущельями и долинами, усаженныя деревьями и кустарниками; западная же сторона была прикрыта.

Когда сѣли за столъ и музыка начала играть, тогда запавъ съ окошекъ большаго балкона спала, и взорамъ Императрицы и всѣхъ присутствовавшихъ открылся великолѣпный видъ обширнаго Севастопольскаго рейда, на которомъ красовался Черноморскій флотъ, состоявшій изъ 3 кораблей, 12 фрегатовъ, 20 мелкихъ судовъ, 3 бомбардирскихъ и 2 брандеровъ. По сигналу, сдѣланному княземъ Потемкинымъ, корабль «Слава Екатерины» поднялъ кейзеръ-флагъ; каждое судно салютовало 11-ю выстрѣлами, и съ флагманскаго корабля отвѣтствовали изъ 7-ми пушекъ. Хорошая погода благопріятствовала торжеству и это еще болѣе утѣшало и веселило Императрицу.

Въ шесть часовъ вечера, когда обѣдъ кончился, съѣхались всѣ посѣтители къ пристани, устроенной въ Инкерманѣ. Екатерина и Іосифъ сѣли на великолѣпный катеръ и, въ сопровожденіи свиты на другихъ катерахъ, продолжали шествіе водою къ городу Севастополю.

«При вступленіи на катеръ», — рассказываетъ Сенявинъ, бывшій флагъ-офицеромъ у нашего героя *), — Государыня, милостиво привѣтствуя людей, изволила сказать: «здравствуйте, друзья мои!» Гребцы всѣ отвѣчали разомъ: «здравствуйте Матушка-Царица наша!» Потомъ угодно было Ей сказать: «какъ далеко я ѣхала, чтобы только видѣть васъ!» Тутъ загребной матросъ Жаровъ (который послѣ былъ лучшимъ шкиперъ во флотѣ), отвѣтствовалъ Ей: «отъ евадой

*) *Морской Сборникъ*. 1855, № 4, неоф. 144—146.

Матушки—Царицы чего не можетъ статья!» (Какъ хотите, такъ и разбирайте отвѣтъ матроса, едва знавшаго читать да писать). Государыня, оборотясь къ графу Войновичу, сказала по—французски съ большимъ, какъ казалось, удовольствіемъ: «какіе ораторы твои матросы!»

Гребцы были подобраны, какъ говорится, молодецъ къ молодцу: росту были не менѣе каждый десяти вершковъ, прекрасные лицомъ и собою, на правой сторонѣ всѣ были блондины, а на лѣвой всѣ брюнеты. Одежда ихъ была: оранжевые атласные широкіе брюки, шелковые чулки, въ башмакахъ, тонкія полотняныя рубашки, галстухъ тафтяный того же цвѣта пышно завязанъ, а когда люди гребли, тогда узелъ галстуха съ концами закинуть былъ на спину, фуфайка оранжевая тонкаго сукна, выложенная разными узорами чернаго шнура (цвѣты оранжевый и черный означали гербъ Императорскій), шляпа круглая съ широкимъ галуномъ съ кистями и султаномъ страусовыхъ перьевъ. Катеръ блестѣлъ отъ позолоты и лаку. Прочіе и капитанскіе катера выкрашены были также наилучшими красками подъ лакъ; гребцы на нихъ были одѣты въ тонкія синяго сукна фуфайки, брюки шелковые полосатые, розовой платокъ или галстухъ и шляпы съ позументами. Люди на ряяхъ поставлены были въ лѣтнемъ платьѣ, фуфайки и широкіе брюки бѣлые, шелковый галстухъ, круглая шляпа и въ башмакахъ; кушаки были, по кораблямъ, разныхъ цвѣтовъ, на подобіе лентъ Георгіевскихъ, Владимірскихъ.

Лишь только катеръ съ Государынею отвалилъ отъ берега и показался штандартъ, въ то самое время съ судовъ всего флота и крѣпостей салютовано съ каждаго по сту одному выстрѣлу; потомъ, когда Государыня прибыла противу середины флота, салютовано въ другой разъ; наконецъ, по прибытіи Императрицы къ пристани, по снятіи штандарта, салютовано въ третій разъ, — по стольку же выстрѣловъ. День ясный клонился къ вечеру, теплота воздуха охлаждалась теплымъ вѣтромъ съ моря, и все это вмѣстѣ привѣтствовало шествіе Государыни навеликолѣпнымъ образомъ.

По прибытіи Ея Величества во дворецъ *), генералитетъ,

*) Къ прибытію Императрицы Екатерины II въ Севастополь выстроены были тамъ на городской сторонѣ дворецъ, близъ при-

штабъ и оберъ-офицеры были представляны, и всѣ удостоены руки Ея Величества. «Я,—говоритъ Сенявинъ,—находился въ это время на кораблѣ и былъ занятъ нѣкоторыми распоряженіями, и потому представленъ часа съ два особо. Когда я цѣловалъ руку Государыни, тогда князь Григорій Александровичъ сказалъ нѣсколько словъ въ пользу мою; Ея Величество изволила подать мнѣ другую руку и сказала: «вотъ ему въ другой разъ и другая моя рука за хорошую его службу.» Я не могу выразить тогдашній мой восторгъ, а скажу только, что всѣ послѣдующія въ жизни моей награжденія никакъ уже сравнятся съ ними не могли. Въ то время цѣлованіе Царской руки дѣлалось съ колѣнопреклоненіемъ; мнѣ тогда и теперь это казалось весьма и очень хорошо.»

Находившійся въ Мальтѣ нашъ повѣренный въ дѣлахъ, капитанъ 1-го ранга Таро, поднесъ Государынь, присланную отъ гротмейстера, пальмовую вѣтвь съ кустами цвѣтовъ, украшенныхъ трофеями, въ знакъ побѣдоноснаго пріобрѣтенія Тавриды. Императрица отдала вѣтвь князю Потемкину, — какъ основателю Севастопольскаго порта, — который послалъ ее на корабль: «Слава Екатерины».

23-го мая былъ воскресный день. Императрица и Іосифъ слушали литургію въ церкви Св. Николая Чудотворца. По возвращеніи во дворецъ представлены были и допущены къ рукѣ Императрицы жены штабъ и оберъ-офицеровъ.

Въ 6 часовъ по полудни Императрица, съ знаменитымъ гостемъ Своимъ Іосифомъ и нѣкоторыми особами изъ свиты, отправилась на корабль «Слава Екатерины». Тутъ, при поднятіи штандарта, корабли и фрегаты, стоявшіе на рейдѣ, палили со всѣхъ батарей; потомъ, по сдѣланному сигналу, сорока-пушечный фрегатъ «Легкій» снялся съ якоря и проходилъ мимо флота.

Любуясь, съ корабля «Слава Екатерины», видомъ Севастополя, Императрица не мало была удивлена, когда князь Потемкинъ, при этомъ случаѣ, подалъ Ея Величеству записку о числѣ всѣхъ казенныхъ и частныхъ зданій и ска-

стани, именованной тогда *Графскою*, — въ память того, что ее строилъ графъ Войновичъ. Со времени же посѣщенія Государынею Севастополя, пристань стала называться *Екатерининскою*.

залъ, «что портъ этотъ никогда не былъ обитаемъ; все, что видите Ваше Величество и что показано въ запискѣ, стоятъ—всѣ постройки, казнѣ принадлежащія—не болѣе какъ до двадцати тысячъ рублей.» Государыня изволила сказать: «это невѣроятно.» Императоръ Австрійскій, вслушавшись въ разговоръ, спросилъ: «comment?» (Государыня при Императорѣ всегда разговаривала на французскомъ языкѣ), и когда князь объяснилъ Государынѣ, что весь матеріалъ, употребленный на построение, какъ-то: камень, известъ, черепица и пр., работа и мастерство, все сдѣлано и добыто руками матросовъ, съ прибавленіемъ отъ казны бревенъ, досокъ, мѣдвухъ вещей, стеклъ и прочихъ тому подобныхъ вещей; заработанія деньги положены Уставомъ Петра Великаго три копейки въ день на человѣка, но онъ осмѣлился давать имъ по пяти копѣекъ. Государыня изволила сказать: «это очень мало, прибавьте имъ еще на мой счетъ по пяти копѣекъ». Императоръ, обратясь къ Государынѣ, сказалъ ей въ комплиментъ: «Тебѣ только, мудрая счастливица, возможно дѣлать такія вещи»^{*)}). Потомъ императоръ Юсепфъ пошелъ для обозрѣнія новой конструкціи фрегата «Св. Андрей», и, по возвращеніи, сѣлъ на катеръ съ Императрицею. Ихъ Величества осматривали пространство южной гавани, корабельную бухту и купеческую гавань, которая наполнена была прибывшими изъ-за границы иностранными судами. По выходѣ на Графскую пристань слышны были восклицанія матросовъ, поставленныхъ по реямъ, вантамъ и борту, флотъ салютовалъ изъ всѣхъ пушекъ, и производилась канонада изъ батареи, устроенной на берегу.

Около десяти часовъ вечера ^{**)} два линейныхъ корабля и два бомбардирскихъ, въ разстояніи 300 сажень, бомбардировали фальшивый городокъ съ крѣпостью, сдѣланные противъ рейда, на сѣверной сторонѣ; они дѣйствовали весьма удачно: взорвали крѣпость и сожгли городокъ; Государыня была *очень, очень довольна*, — говоритъ Сенявинъ.

Императрица, восхищаясь приобрѣтеніемъ столь важнаго порта, изъ котораго суда, при попутномъ вѣтрѣ, могли

^{*)} Сенявинъ, въ *Морскомъ Сборникѣ*, 1855, № 4, не офф., стр. 147—148.

^{**)} По запискамъ Сенявина это было наканунѣ.

прійти въ Константинополь въ 30 часовъ, и скорымъ построеніемъ многочисленнаго флота, благодарила князя Потемкина за эти блестящіе успѣхи. Понятіе, которое уносила Великая о пользѣ приобрѣтенія Крыма, всего лучше видно изъ слѣдующей переписки Императрицы, въ письмѣ Ея къ главнокомандовавшему въ Москвѣ, П. Д. Еропкину, отъ 22-го мая:

«Весьма мало знаютъ цѣну вещамъ тѣ, кои съ униженіемъ безславили приобрѣтеніе сего края. И Херсонъ, и Таврида со временемъ не только окупятся, но надѣются можно, что если Петербургъ приноситъ осьмую часть дохода имперіи, то вышеупомянутыя мѣста превзойдутъ плодами безплодныхъ мѣстъ. Кричали и противъ Крыма, пугали и отсовѣтовали обозрѣть самолично. Сюда пріѣхавши, ищу причины такого предубѣжденія неразумнаго. Слышала я, что Петръ Первый долговременно находилъ подобныя въ разсужденіи Петербурга, и я помню еще, что тотъ край никому не правился. Въ истину, сей не въ примѣръ лучше, тѣмъ паче, что съ симъ приобрѣтеніемъ исчезаетъ страхъ отъ Татаръ, которыхъ Бахмутъ, Украина и Елисаветградъ понынѣ еще помнятъ. Съ сими мыслями и съ немалымъ утѣшеніемъ, написавъ сіе къ вамъ, ложусь спать. Сегодня вижу своими глазами, что я не причинила вредъ, но величайшую пользу своей имперіи»^{*)}).

Графъ Войновичъ, за свои труды, былъ награжденъ чиномъ контръ-адмирала.

24-го мая, въ 9 часовъ утра, Императрица выѣхала изъ Севастополя, при пушечной пальбѣ со всего флота и батарей, чрезъ Камары въ Байдарскую долину. На пути, между Севастополемъ и Балаклавою, Она была встрѣчена ротою амазонокъ, одною, если можно такъ выразиться, изъ множества блистательныхъ прихотей «великолѣпнаго князя Тавриды», мгновенно задуманной и мгновенно исполненной. Рассказываютъ, между прочимъ, что поводомъ къ осуществленію этой блистательной прихоти послужилъ слѣдующій случай.

^{*)} См. *Дворъ и замѣчательные люди въ Россіи во 2-й половинѣ XVIII столѣтія*, соч. Ведемейера, стр. 40.

Передъ путешествіемъ Императрицы въ новопріобрѣтенный край, Потемкинъ много говорилъ Монархини о храбрости Грековъ, достоинствахъ, которымъ отличаются не только мужчины, но и женщины—Гречавки. Императрица не хотѣла вѣрить его словамъ и Потемкинъ обѣщала оправдать свои слова на самомъ дѣлѣ. «Свѣтлѣйшій» рѣшился воскресить одно изъ древнѣйшихъ преданій *объ амазонкахъ*, въ сформированіи *Амазонской роты*, изъ женъ Албанскихъ (Архипелажскихъ) Грековъ, переселившихся, по приглашенію графа А. Г. Орлова—Чесменскаго, въ 1773 году, въ Россію, а въ 1784 году, по распоряженію Потемкина, водворенныхъ въ Таврической области, въ Балаклаву и нѣкоторыхъ деревняхъ, а нынѣ составляющихъ Балаклавскій Греческій пѣхотный баталіонъ. Въ то время, когда всѣ умы были, въ большей или меньшей степени, устремлены къ чудесному, геройскому, Потемкинъ не могъ не рѣшиться воспользоваться этою мыслию. Но задумать и исполнить—для баловня счастья имѣло одинаковое значеніе.

Тотчасъ былъ посланъ ордеръ премьеръ-маіору *Чанони*, — бывшему, въ то время, командиромъ Албанскаго полка, — сформировать роту амазонокъ. Какъ ни коротокъ былъ срокъ, назначенный Потемкинымъ для составленія роты, — потому что предписаніе получено въ мартѣ, а Императрицу ожидали въ маѣ, — за всѣмъ тѣмъ, менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца, рота, изъ ста дамъ — женъ и дочерей Албанскихъ Грековъ — была составлена и обучена необходимымъ воинскимъ приемамъ. Старшимъ офицеромъ въ Балаклавскомъ Албанскомъ полку, послѣ премьеръ-маіора Чанони, былъ въ то время капитанъ *Сарандовъ*, и его супругъ, Елена Ивановна Сарандовой, единодушно избранной командиромъ, было поручено начальство надъ ротой *).

*) Около десяти лѣтъ до настоящаго времени *Елена Ивановна Сарандова*, — по второму мужу *Шидякскан*, — 95-лѣтняя старушка, была еще жива и ясно помнила малѣйшія подробности пребыванія Императрицы въ Крыму. Разсказъ ея объ Амазонской ротѣ напечатанъ Домбровскимъ въ *Одесскомъ Вѣстникѣ*, 1849, № 1. Въ Бозѣ нечужакій незабвенный Государь Императоръ, — щедрый покровитель всего замѣчательнаго въ Отецествѣ, — Всемилостивѣйше пожаловалъ дряхлой старушкѣ единовременное денежное пособіе.

Молодость, красота, которою отличались всѣ почти амазонки, — особенно молодость и красота въ полномъ ея развитіи (Елена Ивановна было тогда за 28 лѣтъ) начальника роты и живописный костюмъ, придуманный самимъ Потемкинымъ, составляли истинно пріятное зрѣлище.

Амазонки были одѣты въ юбки изъ малиноваго бархата, отороченныя золотымъ галуномъ и такою же бахромой; курточки зеленаго бархата, также обшитыя золотымъ галуномъ; головной уборъ, не менѣе живописный, состоялъ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ золотыми блестками и страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки вооружены были ружьями при трехъ патронахъ пороку. Словомъ, все было исполнено такъ, что Потемкинъ былъ въ восхищеніи отъ своей выдумки.

У деревни *Кадыкой*, близъ Балаклавы, назначено было Амазонской ротѣ встрѣтить Великую Путешественницу. По обѣимъ сторонамъ дороги, по которой должна была слѣдовать Императрица, устроена была великолѣпная аллея изъ апельсинныхъ, лимонныхъ и лавровыхъ деревьевъ, а самая дорога усыпана была лаврами. Въ концѣ аллеи, простиравшейся на 4 версты въ длину, устроена была красивая палатка, въ которой протоіерей Балаклавскаго полка, отецъ Анапій, ожидалъ Августѣйшую Путешественницу съ евангеліемъ, крестомъ, хлѣбомъ и солью.

Вѣнценосный *Графъ Фалькенштейнъ* пріѣхалъ впередъ, верхомъ, желая осмотрѣть Балаклавскую бухту и остатки древней крѣпости Символона, но тотчасъ перемѣнилъ свое намѣреніе, какъ только увидѣлъ, въ концѣ алеи, Амазонскую роту. Повернувъ коня, онъ быстро подѣхалъ къ командиру роты, Еленѣ Ивановнѣ Сарандовой и, восхищенный этимъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, поцѣловалъ ее въ губы. — Амазонки, не зная, что подѣхавшій всадникъ былъ самъ императоръ Іосифъ, и полагая, что это одинъ изъ свиты Императрицы, посланный впередъ, взбунтовались за такую дерзость. Но волненіе было скоро прекращено самимъ командиромъ роты, обратившимся къ подчиненнымъ ей героинямъ, съ слѣдующею наивною фразою: «Смирно! чего испугались? Вѣдь вы видите, что Императоръ не отнял у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ!» Голосъ начальника и особенно слово «Императоръ» имѣли магическое дѣйствіе. За тѣмъ вѣнценосный путешествен-

никъ послѣшивъ осмотрѣть Балаклаву, возвратился къ Императрицѣ и въ Ея каретѣ, вмѣстѣ съ Потемкинымъ, подъѣхали къ Кадыкоѣ. Тогда амазонки окончательно успокоились.

Императрица остановилась у аллея, гдѣ была встрѣчена протоіереемъ Ананіемъ. Полюбовавшись амазонками, не выходя изъ кареты, она подозвала къ себѣ начальника роты Е. И. Сарандову, подала ей руку и, потрепавъ по плечу, сказала, чрезъ переводчика Гавренко: «Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ! Ваша рота исправна: Я ею очень довольна.» — Слова эти привели въ восторгъ и Потемкина; онъ просилъ у Ея Величества позволенія стрѣлять Амазонской ротѣ, желая подтвердить тутъ же мнѣніе, относительно храбрости Гречанокъ, высказанное въ Петербургѣ, но Императрица не согласилась на это, и амазонки, — какъ и слѣдовало, — остались побѣдительницами, не истративъ ни одного патрона.

«Вся блистательная свита, — рассказывала Елена Ивановна, — восхищалась нами, особенно всякой интересовался знать мою фамилію.»

Изъ Кадыкоя Императрица отправилась въ Бакчисарай и два дня провела во дворцѣ хановъ. Елена Ивановна, — восхищенная привѣтливостію Монархини. — не могла отказать себѣ въ удовольствіи еще разъ взглянуть на «Съверную Минерву», говоря словами поэтовъ того времени, — и имѣла счастье представляться Ея Величеству въ Бакчисараѣ. Государыня узнала «амазонскаго капитана», допустила къ рукѣ и потрепала по плечу. Вскорѣ получила Елена Ивановна Всемиловѣйшій подарокъ — бриллиантовый перстень, цѣною въ 1,800 руб. ассиг. Прочія амазонки также не остались безъ награды: на всю роту Императрица послала изъ Симферополя 10,000 руб. сер., — сумму, по тому времени, значительную.

Когда Императрица была еще въ Херсонѣ, то уже тогда Турки обнаружили свое непріязненное расположеніе къ Россіи и, ставъ съ эскадрою при устьѣ Днѣпровскаго лимана, намѣревались заградить Государынь путь къ Кинбургу, если бы Она пожелала пробѣжать туда водою. Едва Императрица возвратилась въ Петербургъ, посланникъ нашъ въ Константинополь, тайный совѣтникъ Булгаковъ, заключенъ былъ

въ Семибашенный Замокъ, и Порты объявила Россіи войну, продолжавшуюся съ 1787 по 1791 годъ. Намѣреніе Порты было овладѣть Кинбурномъ, Херсономъ, войти въ Крымъ и освободить его отъ власти Россіи, — намѣренія, какъ извѣстно, не смотря на происки Европы, благодаря твердости Екатерины, искусству ея вождей и мужеству воиновъ, не только не исполнившіяся, но и доставшія безсмертный Кучукъ-Кайнарджійскій миръ. Непріязненные дѣйствія Турокъ начались въ августѣ нападеніемъ Оттоманскаго флота на два Русскія судна, стоявшія при Кинбурнѣ, а вскорѣ за тѣмъ, — покушеніемъ и на самый Кинбурнъ. Князь Потемкинъ, узнавъ о происшествіяхъ, предписалъ графу Войновичу отправиться въ крейсерство къ берегамъ Румелии. Адмиралъ вышелъ изъ Севастополя 31-го августа, имѣя свой флагъ на кораблѣ «Преображеніе Господне». Плаваніе это, предпринятое предъ равноденствіемъ, столько гибельнымъ на Черномъ Морѣ своимъ бурями, было одно изъ самыхъ неблагоприятныхъ. Въ виду Варны флотъ былъ застигнутъ жестокимъ и продолжительнымъ штормомъ, во время котораго одинъ корабль («Марія Магдалина», подъ командою капитана 1-го ранга Тизделя), потерялъ все мачты, бушпритъ и руль, былъ занесенъ въ Константинопольскій приливъ, гдѣ взятъ Турками; фрегатъ «Крымъ», пошелъ на дно со всею акипажемъ, прочіе же корабли и суда возвратились въ исходѣ сентября въ Севастополь, потерявъ почти весь рангоутъ.

Слѣдующій 1788 годъ, напротивъ, есть одинъ изъ самыхъ блистательныхъ годовъ въ исторіи Русскаго флота. Турецкое правительство, видя быстрое возрастаніе нашего владычества на Черномъ Морѣ, отправило, подъ начальствомъ славнаго капитана-паши Гаджи-Гассана, сильный флотъ для истребленія морскихъ силъ Россіи въ Севастополь и на Днѣпровскомъ лиманѣ и для разрушенія всѣхъ Русскихъ поселеній на берегахъ Чернаго Моря. Но все эти замыслы не только остались безъ исполненія, но даже стоили Портъвеликихъ пожертвованій. Русскій флотъ, находившейся на Днѣпровскомъ лиманѣ и состоявшій изъ малыхъ и ветхихъ судовъ, истребилъ почти весь Оттоманскій флотъ, находившійся при Очаковѣ, и чрезъ то облегчилъ весьма много осаду той знаменитой крѣпости, предпринятую княземъ По-

темкинымъ. Въ продолженіе этихъ происшествій, корабельный флотъ стоялъ съ начала лѣта на Севастопольскомъ рейдѣ, подъ начальствомъ графа Войновича, имѣвшимъ пребываніе, по прежнему, на кораблѣ «Преображеніе Господне».

Князь Потемкинъ, желая совершенно отвлечь капитана-пашу отъ Очакова, еще въ началѣ іюня предписалъ графу Войновичу выйти, съ ввѣреннымъ ему флотомъ, въ море. Войновичъ снялся съ Севастопольскаго рейда 18-го іюня, имѣя подъ начальствомъ своимъ два линейныхъ корабля, десять фрегатовъ и нѣсколько малыхъ судовъ, и взявъ курсъ къ Очакову. Противные вѣтра такъ замедлили плаваніе флота, что онъ достигъ острова Тендры только 29-го іюня, а 30-го усмотрѣлъ Турецкій флотъ, подкрѣпленный свѣжими силами, прибывшими изъ Константинополя и заключавшійся въ пятнадцать линейныхъ корабляхъ, восьми фрегатовъ и двадцати малыхъ судахъ. Оба флота находились въ виду одинъ другаго трое сутокъ. 3-го іюля, въ три часа пополудни, наша эскадра была атакована непріятельскимъ флотомъ, который устремилъ главное свое дѣйствіе на линейные корабли, изъ которыхъ на одномъ, «Преображеніе Господне», находился флагъ-офицеромъ Сенявинъ; а другимъ начальствовалъ капитанъ бригадирскаго ранга, въ послѣдствіи знаменитый адмиралъ, Ф. Ф. Ушаковъ. Сраженіе продолжалось два часа и, не взирая на великое презосходство въ силахъ Турецкаго флота, онъ отступилъ, а нашъ удержалъ мѣсто сраженія. Хотя эта первая, такъ сказать, схватка Русскаго, только что начавшаго флота съ Оттоманскимъ, значительно превосходившимъ его

и въ конструкціи кораблей и въ числѣ, не имѣла рѣшительныхъ послѣдствій, но тѣмъ не менѣе распоряженія Войновича были признаны достойными награды и онъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Кампанія 1789 года, также проведенная имъ въ крейсерствѣ и въ прикрываніи сухопутныхъ войскъ со стороны моря, доставила ему орденъ Св. Анны.

Но это были послѣдніе опыты его дѣятельности. Князь Потемкинъ видимо началъ умалять свое къ нашему герою благоволеніе и почитая его недостаточно-смѣлымъ и предприимчивымъ для командованія, въ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствахъ, черноморскимъ флотомъ, ввѣрилъ этотъ послѣдній контръ-адмиралу Ушакову, вполне оправдавшему выборъ.

Огорченный этимъ, графъ Войновичъ испросилъ позволенія уѣхать въ свое отечество, и тамъ, по прошенію, былъ вовсе уволенъ отъ службы. Въ 1796 г. онъ былъ опять принятъ, съ назначеніемъ начальникомъ верфя на Дибрѣ; въ 1797, при Императорѣ Павлѣ I, произведенъ въ вице-адмирала и назначенъ присутствующимъ въ Черноморскомъ Адмиралтейскомъ Правленіи; въ 1801 получилъ чинъ адмирала; начальствовалъ нѣсколько времени Черноморскимъ Штурманскимъ Училищемъ; но съ 1803 снова вышелъ въ отставку и въ 1807 скончался почти въ неизвѣстности.

Графа Марко Ивановича Войновича не должно смѣшивать съ племянникомъ его и однофамильцомъ, который въ 1799 году, въ чинѣ капитана 2-го ранга, блокировалъ и осаждалъ Анкону.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 10-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель *С. Новоселовъ*.

Ген. Г. Подковник Носенков.

Лев И. Кордацки.

ПОДВИГЪ КОМАНДЫ ДОНСКАГО КАЗАЧЬЯГО
№ 30 Подка.

ПРЕБРАСНОЕ ДѢЛО КОМАНДЫ ДОНСКАГО КАЗАЧЬЯГО № 30 ПОЛКА.

16-го сентября 1853 года съ поста Магометова была выслана на фуражировку команда въ 25 человекъ Донскаго № 30-го полка. Извѣстно, что вообще фуражировка — предпріятіе далеко не безопасное, отъ множества засадъ, обыкновенно располагаемыхъ хищниками весьма искусно, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ можно менѣе всего ожидать нападенія, и въ такое время, когда нельзя и думать объ оборонѣ.

Въ этотъ разъ сначала все шло хорошо, и уже немного времени было необходимо, чтобы команда, награжденная за труды, вернулась бы благополучно въ укрѣпленіе; нѣкоторые изъ казаковъ заранѣе уже радовались такому исходу дѣла и подтрунивали надъ горцами, удивляясь, какъ они не помѣшали. Тамъ и сямъ раздавались остроты, сыпались прибаутки разнаго рода, находившіяся у каждаго въ запасѣ, про всякой случай; къ дѣлу или нѣтъ — все равно — а это, разумѣется лучшее средство для того, чтобы спорилась работа подъ руками. Всегда таковъ характеръ Русскаго солдата, и особенно Кавказца, сроднившагося съ опасностями, и никогда, даже и передъ смертью, не теряющаго присутствія духа. Но не въ далекомъ, за болотомъ, поросшемъ камышами, притаилась партія хищниковъ, человекъ въ 150, которая, зорко наблюдая за дѣйствіями казаковъ, выжидала только удобной минуты для внезапнаго нападенія. И дѣйствительно, часовъ въ 5 вечера, какъ нарочно, будто въ отвѣтъ на предложеніе одного изъ казаковъ: «а что, братцы, если тсперь покажутся бритоголовые, что тогда будемъ дѣлать?» горцы совершенно неожиданно появились

изъ засады, и, пользуясь малочисленностью команды, съ пронзительнымъ крикомъ бросились въ шашки. Унтеръ-офицеръ, бывшій начальникъ этой команды, видя приближеніе непріятеля, ни мало не смутясь, сказалъ: «Э! да и легки-жъ они на поминѣ, проклятые; вотъ что будемъ дѣлать: спрячемся за лошадей, да и угостимъ ихъ чѣмъ Богъ послалъ, кстати мы и припасли кое-что.» Слова урядника были встрѣчены единодушнымъ смѣхомъ товарищей, которые, дѣйствительно, выставивъ лошадей внаружу, собрались въ кучу позади ихъ, и встрѣтили непріятеля дружнымъ убійственнымъ залпомъ. Хищники, смущенные неожиданностью такого пріема, дрогнули и смѣшались, но ненадолго. Ускакавъ изъ-подъ выстрѣловъ казаковъ, они снова захотѣли попробовать счастья, собрались, и снова понеслись въ атаку, грозя подавить нашихъ своею многочисленностью. Но казаки, ободряемые унтеръ-офицеромъ, еще плотнѣе сомкнули ряды свои, и, подпустивъ горцевъ на близкую дистанцію, второй разъ встрѣтили ихъ такимъ же убійственнымъ залпомъ, какъ и первый. Горцы снова ускакали. Урядникъ, заряжая свою винтовку, съ неизмѣннымъ хладнокровіемъ приговаривалъ: «Дудки! они вѣрно еще рекруты, и не знаютъ, что по нашему, если уже съ воза упало, то и пропало. Ну такъ мы ихъ поучимъ немного за это.»

Раздраженные потерей хищники, какъ-бы рѣшились, во что бы то ни стало, уничтожить гореть безстрашныхъ. Подбравъ убитыхъ и раненыхъ, они въ третій разъ, не смотря на частый огонь, подкакали почти въ упоръ, подъ са-

мыя дула ружей казаковъ. Герои, въ свою очередь, ободренные удачей, рѣшились сопротивляться еще упорнѣе, чѣмъ прежде, и исполняли свое дѣло такъ же хладнокровно, какъ на ученьи, то есть выстрѣлили и въ третій разъ. Последствія тѣ же самыя; эта атака была также безуспѣшна какъ и двѣ предыдущія. Всѣ отчаянныя усилія хищниковъ, разбивались о стальныя груди казаковъ, какъ разбивается безсилая волна о гранитный утесъ. «Ну, теперь, братцы, не бойтесь, говорилъ урядникъ, азы намъ не повторять стая, три раза отбили, отобьемъ и четвертый, только заряжай да пали, а тамъ и наши пожалуй подоспѣютъ; теперь же можно отдохнуть, пока они подбираютъ своихъ прокаженныхъ *)». И дѣйствительно, есаулъ Ренсковъ, находившійся на посту, услыша перестрѣлку, спѣшилъ съ командою, до 30-ти человекъ, на выручку безстрашныхъ своихъ товарищей, которые, въ теченіе двухъ часовъ, выдерживали бой съ непріателемъ, въ шесть разъ многочисленнѣйшимъ.

Съ прибытіемъ подкрѣпленія ожили казаки, и оробѣли хищники, которые, не зная о числѣ подмоги, но предполагая ее гораздо сильнѣе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, за благо разсудили прекратить свои нападенія, и стали быстро отступать, заботясь только о возможности увезти съ собою мертвыя тѣла. Казаки же, пользуясь, столь благопріятнымъ для нихъ, первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на непріателя, начали, въ свою очередь, быстро наступать на

*) Такъ называлъ онъ раненыхъ.

него, и хищники потеряли жестокое пораженіе. Въ пылу преслѣдованія наши гнали передъ собою горцевъ почти на 30 верстъ; только темнота ночи остановила побѣдителей. Остатки разбѣянной партіи укрылись въ лѣсу деревни Аксая.

Предводитель этой партіи былъ извѣстный абрехъ и отчаянный головорѣзъ Висайдъ, который, проникнувши, что если гдѣ нибудь собирается новое скопище для исполненія вновь задуманнаго предирія, тотчасъ являлся туда, и, за свою бѣшеную храбрость, былъ избираемъ вездѣ въ предводители всѣхъ партій. Онъ нѣсколько разъ пытался остановить и ободрить бѣгущихъ своимъ примѣромъ, но напрасны были всѣ его усилія: хищники, пораженные какимъ-то паническимъ страхомъ, бѣжали безъ оглядки отъ мщенія своихъ преслѣдователей, въ добычу которыхъ досталось 8 тѣлъ и 6 непріятельскихъ лошадей, съ сѣдлами и оружіемъ; вся же потеря его, по извѣстіямъ полученнымъ отъ лазутчиковъ, простиралась до 40 человекъ, слѣдовательно очень велика, относительно численной несоизмѣрности съ обѣихъ сторонъ. Кромѣ этого, горцы оставили въ нашихъ рукахъ своего изрубленнаго предводителя. У казаковъ выбылъ изъ строя только одинъ человекъ тяжело-раненый.

Объ этомъ *прекрасномъ молодецкомъ дѣлѣ*, — какъ названо оно главнокомандовавшимъ, — въ которомъ казаки оказали столько блистательнаго мужества, князь Воронцовъ объявилъ по вѣренному ему корпусу, въ приказѣ отъ 10-го октября 1853 года, и изъявилъ свою благодарность есаулу Ренскову и всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ подвигѣ.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 10-го дня 1858 года. Ценсоръ В. Бекетовъ.

Редакторъ и издатель С. Новоселовъ.

ПОЛКОВНИКЪ АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ МИКЛАШЕВСКІЙ.

Александръ Михайловичъ Миклашевскій родился въ незабвенномъ для Русскаго 1796 году, и былъ сынъ известнаго тайнаго совѣтника Михаила Павловича Миклашевскаго, который, бывъ полковникомъ Стародубскаго Карабинернаго полка, на Рымникѣ, въ дивной, непостижимой, Суворовымъ задуманной и приказанной атакѣ нашей конницы противъ Турецкаго вала, вдоль опушки лѣса, первый перелетѣлъ черезъ него съ своимъ полкомъ, изрубилъ Турокъ и взялъ ихъ пушки. Образованіе онъ получилъ въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества Корпусѣ, и изъ камеръ-пажей, 28-го марта 1816 года, произведенъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ, имѣя отъ роду 21 годъ. Слѣдующіе два чина молодой гвардеецъ получилъ очень быстро: 4-го іюля 1817 года — онъ произведенъ въ подпоручики, а 27-го февраля 1819 года — въ поручики. Мирно текли дни Александра Михайловича въ столицѣ, посреди обыкновенныхъ служебныхъ занятій, и измѣнились только съ 12-го октября 1821 года, когда онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ генераль-маіору Гартонгу 2-му. Въ этой должности онъ произведенъ: 26-го января 1822 года—

въ штабсъ-капитаны и 13-го марта 1823 года — въ капитаны.

22-го октября 1824 года Александръ Михайловичъ переведенъ подполковникомъ въ 22-й егерскій полкъ, а 17-го іюля 1826 года — въ 42-й егерскій.

Этотъ полкъ принадлежалъ къ составу Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Вскорѣ послѣ перевода въ него Миклашевскаго открылась Персидская война, покрывшая громкою славою Русское оружіе, и началась боевая жизнь, которой нашъ герой постоянно жаждалъ.

Миклашевскій началъ походъ участіемъ въ семнадцатидневномъ движеніи, съ 12-го по 29-е сентября, которое предпринялъ генераль Ермоловъ въ Казахскую и Шамшадильскую дистанціи, съ намѣреніемъ не допустить сардаря Эриванскаго грабить приверженныхъ къ намъ жителей. Потомъ онъ находился въ отрядѣ, съ которымъ генераль-адъютантъ Паскевичъ, съ 21-го октября по 1-е ноября, дѣлалъ движеніе за Араксъ, въ намѣреніи воспрепятствовать Персіанамъ отдѣлять значительныя силы противъ отряда полковника Мищенки, слѣдовавшаго изъ Ширванскаго хан-

ства, и чтобы удалить отъ береговъ Аракса непріятельскія партіи, производившія, для грабежа, внезапныя набѣги на пограничныя селенія. Недостовѣрность извѣстій о непріятелѣ служила тоже утвердительною причиною къ исполненію движенія. Наши войска быстро и вполне удачно прошли чрезъ ущелья и крутыя горы, которыя почитались до того твердою защитою Персіи, и — цѣль предпріятія была совершенно достигнута, какъ удаленіемъ Персіянъ отъ границы и возвращеніемъ въ предѣлы Россіи большаго числа уведенныхъ жителей, такъ равно пріобрѣтеніемъ значительныхъ способовъ продовольствія въ краю самаго непріятели.

Далѣе, съ 26-го декабря по 20-е января 1827 года, Миклашевскій былъ снова за Араксомъ съ генераломъ Мадатовымъ. Отрядъ, перешедъ Араксъ, двинулся по Делауртскому ущелью къ рѣкѣ Самбуру. Неожиданность появленія нашихъ заставило покориться Щажеванцевъ, Аджалибцевъ и другія поколѣнія, тамъ кочевавшія и производившія набѣги и грабежи по нашимъ границамъ: множество семей возвращено въ Россію; потомъ Мешкинскій округъ, найденный удобнѣйшимъ для дѣйствій противъ Щажеванцевъ, вмѣстѣ съ городомъ Лори, занятъ нами, и жители присягнули на вѣрнопопданство Русскому Государю. При этомъ 2,000 верблюдовъ, 10,000 рогатаго скота и 60,000 овецъ отбито; старшины ханства Карадагскаго явились съ покорностію; по всему краю распространился страхъ: въ Агаръ и близлежащихъ селеніяхъ, по повелѣнію Аббасъ-Мирзы, сожжены всѣ запасы и истреблены всѣ произведенія; жители городовъ и селеній выслали депутаціи для испрошенія пощады, и вообще на робкихъ Персіянъ произведено выгодное для насъ впечатлѣніе. При этомъ войска наши преодолѣли невозможныя трудности по дорогамъ, почти непроходимымъ, и покоряли однимъ появленіемъ своимъ. Наконецъ, удачная экспедиція эта, исполненная въ самое суровое время, переходомъ чрезъ гору Савать-Гадичъ, изумившая всѣхъ жителей, утверждавшихъ, по словамъ стаі оживовъ, что въ это время птица чрезъ нее не пролетала, имѣло еще и то важное слѣдствіе, что дала возможность собрать полныя свѣдѣнія о краѣ.

Чрезъ три мѣсяца, Миклашевскій опять былъ съ Мадатовымъ, имѣвшимъ порученіе начать кампанію этого года.

16-го апрѣля отрядъ, ввѣренный князю, двинулся изъ мѣста своего расположенія къ Худоперинскому мосту, при которомъ, 18-го числа, подъ выстрѣлами Персіянъ, сдѣлано мостовое укрѣпленіе, очищены оба берега рѣки и, съ невозможными трудами, устроена переправа.

За отличія, оказанныя въ этихъ дѣлахъ, Миклашевскій удостоился получить Монаршее благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ, 8-го іюня.

Въ началѣ слѣдующаго года, когда переговоры, открытыя съ Персидскимъ правительствомъ, были прерваны и начаты снова военныя дѣйствія, генералъ-лейтенантъ графъ Сухтеленъ двинулся къ крѣпости Арбедилю, и лишь только явился подъ стѣнами этого города, крѣпчайшаго во всемъ Адзербиджанѣ, какъ непріятельскій комендантъ поспѣшилъ, 26-го января, отворить ворота твердыни нашимъ войскамъ. Въ этой экспедиціи, чрезвычайно важной во всѣхъ отношеніяхъ, Миклашевскій принималъ дѣятельное участіе и, за оказанное отличіе, удостоился получить новое Высочайшее благоволеніе.

Этимъ кончились дѣйствія нашего героя въ Персидскую войну: вскорѣ былъ заключенъ блистательный Туркманчайскій договоръ.

Чрезъ нѣсколько времени Русскою орелъ устремилъ полетъ отъ Кавказа и Арарата въ предѣлы другой мусульманской державы, осмѣлившейся объявить войну Россіи. Миклашевскій имѣлъ честь участвовать въ ряду блистательнѣйшихъ побѣдъ, покрывшихъ вѣчною славою неустрашимыя Кавказскія войска, находясь въ главномъ дѣйствовавшемъ корпусѣ, подъ личнымъ начальствомъ графа Паскевича-Эриванскаго.

14-го іюня наши войска перешли чрезъ рубежъ Имперіи, въ теченіе осьми дней совершили походъ до знаменитаго Карса, средоточію всѣхъ силъ, прилежавшихъ къ Россіи Турецкихъ областей, успѣли разбить непріятели, намѣревавшаго задержать насъ въ пути, и, 23-го іюня, знамена Николая развѣялись уже на твердыняхъ неприступной до того крѣпости.

Въ этотъ славный день, съ восходомъ солнца, наши батареи открыли канонаду. Непріятель былъ изумленъ: орудія, находившіяся на высотѣ укрѣпленнаго лагеря, немедленно

но прекратили пальбу, и войско, ихъ защищавшее, пришло въ смятеніе. Но, въ то же время, съ верхнихъ башенъ крѣпости и съ неприступной цитадели, имѣвшей батареи въ нѣсколько ярусовъ, направлены были все выстрѣлы на главную траншею и начинали производить въ ней сильное разрушеніе.

Слѣдую сдѣланному наканувѣ распоряженію, надлежало, при первомъ удобномъ случаѣ, овладѣть высотой непріятельскаго укрѣпленнаго лагеря, для заложенія на ней нашей рикошетной батареи. По этому замѣченное въ непріятелѣ смятеніе не позволяло отлагать далѣе исполненіе такого намѣренія, и командовавшій всею пѣхотою генералъ-лейтенантъ князь Вадбольскій, немедленно, по повелѣнію главнокомандовавшаго, отрядилъ Миклашевскаго съ двумя ротами 42-го и одною 39-го егерскихъ полковъ — взять кладбище, которое лежало на полугорѣ.

Миклашевскій исполнилъ это почетное порученіе съ отличною быстротою, не взирая на сильный ружейный огонь и на картечи, которыми былъ встрѣченъ; но какъ отъ кладбища до непріятельскихъ шанцевъ оставалось небольшое пространство и оно было усыяно камнями, то Миклашевскій, увидѣвъ возможность овладѣть всею высотой, бросился въ штыки и вытѣснилъ непріятеля изъ шанцевъ, взявъ у него два орудія и четыре знамени.

Главнокомандовавшій, замѣтивъ, что, увеличившись новыми толпами, Турки начали тѣснить Русскихъ, отрядилъ къ сражавшимся полковника Реута, съ баталіономъ 42-го егерскаго полка, который, однакожь, взявъ направленіе нѣсколько влѣво, встрѣтилъ крутой утесъ. Усиленный непріятель, оставя отбитые шавцы, сталъ тѣснить нашъ лѣвый флангъ.

Здѣсь произошелъ самый отчаянный рукопашный бой. Турецкая толпа смѣшалась съ нашими войсками, и не только ружейная пальба и сабельная рубка, но даже взаимное пораженіе камнями продолжались около четверти часа. Одно только отличное мужество начальниковъ и всѣхъ нашихъ офицеровъ возстановило порядокъ. Наконецъ непріятель былъ смятъ, опрокинутъ и, оставивъ укрѣпленную высоту, бросился по разнымъ направленіямъ къ крѣпости и цитадели.

Тогда главнокомандовавшій, имѣя въ виду основать 2-ю параллель, приказалъ вытѣснить непріятеля изъ Армянскаго форштата и послалъ въ подкрѣпленіе на лѣвый берегъ Карса-Чая три роты Грузинскаго гренадерскаго полка, подъ командою графа Симонича. Въ это самое время князь Вадбольскій повелъ туда же войска подполковника Миклашевскаго и полковника Реута, усиливъ ихъ остальными ротами 42-го и 39-го егерскихъ полковъ.

Непріятель, весьма многочисленный, долго сопротивлялся: каждый домъ форштата надлежало брать силою; рѣзня была страшная; одна улица, въ которой Турки были захвачены съ двухъ концовъ и подняты на штыки, вполнѣ завалена горами труповъ. Но, не взирая на отчаянную храбрость непріятеля и подкрѣпленіе ружейнымъ и картечнымъ огнемъ съ противной стороны рѣки, сопротивлявшіеся должны были отступить, и укрылись въ отдѣльномъ кварталѣ, подлѣ нижняго моста, изъ котораго начали поражать егерскую коловну.

Полковникъ Бородинъ и князь Вадбольскій двинулись на подкрѣпленіе нашимъ и очистили все пространство до береговъ Карса-Чая. Стрѣлки перешли мостъ и, вблизи крѣпости, занявъ неразрушенныя строенія, мѣткими выстрѣлами тревожили защитниковъ стѣны. Турки видимо приходили въ разстройство. Наши пошли на штурмъ предмѣстія Орта-Капа. На западной сторонѣ, вслѣдъ за полковникомъ Бородинымъ, ворвались въ предмѣстіе 42-й егерскій полкъ и баталіонъ 39-го, съ которыми былъ Миклашевскій. Оттуда колонны двинулись къ крѣпости. Стрѣлки прокрались подъ самую стѣну ея и въ одно мгновеніе обхватили ихъ. Вскорѣ ближайшія башни были заняты, Русскіе ворвались въ ворота крѣпости, придвинулись къ стѣнамъ цитадели, и — Карсъ палъ.

Миклашевскій, за *отличіе*, оказанное въ этомъ блистательномъ подвигѣ, 16-го ноября, Всемилоствѣйше произведенъ въ полковники.

Отъ Карса Паскевичъ, 16-го іюля, двинулся къ Ахалкалаки, и, перешедъ, съ величайшимъ трудомъ, верхній хребетъ горъ Чилдырскихъ, внезапно явился подъ стѣнами этой крѣпости. Миклашевскій принималъ участіе: 23-го — въ рекогносцировкѣ и обложеніи и 24-го — во взятіи ея штурмомъ.

Потомъ онъ участвовалъ въ Суворовскомъ маршѣ, которымъ Паскевичъ прошелъ черезъ высокія лѣсистыя горы, отдѣлявшія санджакъ Ахалкалакскій отъ Ахалцыхскаго, по непроходимымъ тропинкамъ и утесамъ, черезъ которые, съ величайшимъ усиленіемъ, надлежало спускаться и подниматься людьми орудія и обозы. Не смотря на всѣ трудности пути, 4-го августа, большая часть нашихъ войскъ прибыла уже на переправу, при рѣкѣ Куръ, въ шести верстахъ отъ Ахалцыха.

Въ ночи, главнокомандовавшій, чтобы обезпечить лѣвый флангъ лагеря, приказалъ Миклашевскому, съ своднымъ баталіономъ 41-го егерскаго полка, занять одну изъ высотъ противоположнаго берега. Это было тотчасъ исполнено, и на ней, при деревнѣ Чала, заложенъ небольшой окопъ.

5-го числа войска наши начали переправляться черезъ Куру; съ первымъ движеніемъ ихъ впередъ непріятель показался противу редута Миклашевскаго, стараясь занять нашъ лѣвый флангъ; но нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ заставили его отойти къ городу.

Вечеромъ этого дня Турки, пользуясь скрытымъ мѣстоположеніемъ за рѣчкою Ахалцыхъ, устремились къ вагенбургъ, въ числѣ 5,000 человекъ. Четыре эскадрона драгунъ и улановъ ударили имъ во флангъ; одинъ изъ нихъ врубился въ средину непріятеля; но, по неровности мѣста и многочисленности противниковъ, принужденъ былъ отступить, сильно преслѣдуемый. Тогда подошелъ въ подкрѣпленіе другой эскадронъ и, бѣглымъ шагомъ, егерскій баталіонъ Миклашевскаго. Картечные выстрѣлы и ружейный огонь способствовали атакѣ драгунъ и разстроили и смяли Турокъ.

9-го числа Миклашевскій участвовалъ въ атакѣ позиціи Кіоса-Магметъ-Паши и Мустафа-Паши и четырехъ укрѣпленныхъ ихъ лагерей, — въ отважномъ предпріятіи, отъ котораго не только зависѣла участь осады и слава оружія, но вмѣстѣ судьба и безопасность цѣлаго Закавказскаго Края. Между прочимъ, когда еще въ началѣ сраженія сильная Турецкая пѣхотная коловна особенно старалась рытвиною пробраться до позиціи нашего корпуса, баталіонъ 41-го егерскаго полка, подъ командою Миклашевскаго, вмѣстѣ съ Херсонскимъ гренадерскимъ полкомъ, по выра-

женію донесенія главнокомандовавшаго, «съ примѣрною храбростію» отражалъ безпрестанно позобновлявшіяся покушенія непріятеля, поддержаннаго сильнымъ перекрестнымъ пушечнымъ огнемъ.

За отличіе въ этихъ дѣлахъ Миклашевскій Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Съ 5-го по 15-е августа онъ находился въ прикрытіи траншейныхъ работъ, а 15-го участвовалъ въ жестокомъ, кровопролитномъ штурмѣ города, въ которомъ упорная защита гарнизона, на каждомъ шагѣ противооставлявшаго мужеству Русскому самое отчаянное сопротивленіе, — должна была уступить: 16-го гордый Ахалцыхъ, въ крови, пламени и пеплѣ, палъ къ стопамъ Государа Россіи.

Вскорѣ затѣмъ кампанія 1828 года кончилась.

На слѣдующій годъ, едва переступили Кавказскія войска предѣлы прошлогоднихъ завоеваній, какъ начали уже новый рядъ блистательныхъ подвиговъ. Миклашевскій, назначенный 17-го марта командиромъ 42-го егерскаго полка, во всѣхъ ихъ принималъ дѣятельное участіе. Онъ находился опять въ главномъ корпусѣ, дѣйствовавшемъ подъ предводительствомъ Паскевича.

Такимъ образомъ онъ участвовалъ, 13-го іюня, въ переходѣ черезъ неприступный до тѣхъ поръ Саганлугскій хребетъ, которымъ Паскевичъ двинулся на встрѣчу Сераскиру Арзрумскому, шедшему ударить на насъ; 14-го — при отраженіи непріятельской кавалеріи, стремительно атаковавшей наши передовыя кавалерійскія партіи, расположенныя предъ лагеремъ Гагки-Паши, на урочищѣ Дела-Мусо-Фурни; 15-го и 16-го — при занятіи высотъ, окружавшихъ укрѣпленный лагерь Гагки-Паши и при его рекогносцировкѣ; 17-го — въ сраженіи съ непріятельскою конницею, предводительствованною Османъ-Пашею, близъ рѣчки Рунку-Су и при выбитіи изъ заваловъ непріятельской пѣхоты около селенія Бордусъ; 18-го и 19-го — въ смѣломъ и дерзкомъ обходѣ Турокъ, въ которомъ было совершено до 50 верстъ самой трудной дороги по снѣгамъ и глубокимъ оврагамъ, и — въ послѣдній изъ этихъ дней — при пораженіи непріятельской конницы, высланной изъ лагеря Гагки-Паши, и совершенномъ разбитіи и разсѣяннн главныхъ силъ Арзрум-

Худ. П. Корзинин. Новосадом

ВИДЪ УКРѢПЛЕНІЯ ТЕМІРЬ ХАНЪ ШУРЫ.

1942

Пух. И. Корзининъ

скаго сераскира, занявшимъ, подъ личнымъ начальствомъ Турецкаго главнокомандовавшаго, при селеніи Калилы крѣпкую позицію; 20-го — при овладѣніи приступомъ укрѣпленнаго лагеря Гагки-Паши при урочищѣ Милли-Дюза и въ разбитіи всѣхъ находившихся въ немъ войскъ.

За отличіе, оказанное въ этихъ дѣлахъ, — въ которыхъ гений полководца и храбрость Русская замѣняли слабость нашихъ силъ сравнительно съ непріятельскими, — въ побѣдахъ, распространившихъ ужасъ по всѣмъ окрестнымъ странамъ, и открывшимъ Русскимъ войскамъ свободный путь въ сердце Малой Азіи, — Миклашевскій Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ участвовалъ въ новыхъ блистательныхъ подвигахъ, утвердившихъ на вѣки славу Паскевича.

20-го онъ находился въ отрядѣ генерала князя Бековича-Черкаскаго, которымъ былъ занятъ городъ Хоразанъ и истреблены хранившіеся въ немъ значительные продовольственные и артиллерійскіе запасы; 23-го — въ авангардѣ, съ которымъ Паскевичъ занялъ крѣпость Гассанъ-Кале, почитавшуюся ключемъ Арзума; 24-го и 25-го — въ быстромъ походѣ къ славной столицѣ Анатолиі, и въ перестрѣлкѣ при занятіи лагернаго мѣста; 27-го — при занятіи укрѣпленной высоты Топъ-Дагъ, лежащей предъ Арзерумомъ, а вслѣдъ за тѣмъ и при занятіи самаго города и крѣпости, — центра могущества Оттомановъ на Востокѣ, павшаго къ стопамъ Потомка Петра, въ самый день битвы Полтавской.

Послѣ этого славнаго подвига Кавказскихъ войскъ, изумленный непріятель безпрекословно покорялся; цѣлыя провинціи Азіатской Турціи покорялись Русскому оружію, и только безпокойныя толпы разбитыхъ войскъ, съ воинственными горными племенами, осмѣливались сопротивляться, и бродили толпами въ разныхъ направленіяхъ, грабя жителей. Для усмиренія ихъ были предприняты наступательныя движенія, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ находился и Миклашевскій.

Такимъ образомъ, 22-го августа, онъ былъ отправленъ въ Конискій санджакъ для усиленія отряда генераль-маіора Сергѣева, и потомъ участвовалъ: 24-го — въ разбитіи Куртинской партіи; 26-го — въ перестрѣлкахъ съ непріа-

тельской конницею и преслѣдованіи ея къ Кашемирскому хребту; 27-го — въ разбитіи у подошвы этаго хребта значительнаго отряда и преслѣдованіи его за горы; 31-го — въ прогнаніи Куртинцевъ, напавшихъ на Греческую деревню Тержанскаго санджака, и 1-го сентября — въ разбитіи Куртинцевъ на обратномъ слѣдованіи къ Арзеруму.

2-го сентября былъ заключенъ славный Адрианопольскій миръ — вѣчный памятникъ умѣренности въ Бозѣ почивающаго Государа Императора; но Кавказскія Его войска узнали о великомъ событіи только чрезъ мѣсяць. Это дало возможность имъ ознаменовать себя новыми успѣхами.

Миклашевскій участвовалъ: 5-го сентября — въ экспедиціи въ Тержанскій санджакъ; 10-го — при разсѣяніи непріятеля въ 10-ти верстахъ отъ Пекериджа, вмѣстѣ съ курсомъ подъ начальствомъ генераль-маіора Н. Н. Муравьева и, въ тотъ же день, подъ начальствомъ этого генерала, въ перестрѣлкѣ при Перидже; 11-го и 12-го — въ преслѣдованіи непріятеля; 13-го — при занятіи селенія Пунъ; 14-го — въ слѣдованіи къ крѣпости Мамахатулъ; 15-го — въ ночной экспедиціи къ Пекериджу и въ прогнаніи Турецкой конницы, занявшей это селеніе; 20-го — въ обратномъ движеніи къ селенію Ашкалѣ, а оттуда, 5-го октября, къ Арзеруму, изъ котораго въ іюль 1830 года воротился въ наши предѣлы.

За понесенные труды въ обѣ кампаніи, Миклашевскій получилъ: медали, за нихъ установленныя, и два годовыхъ оклада жалованья.

Въ томъ же 1830 году онъ принялъ участіе въ экспедиціи генераль-адъютанта Стрекалова въ Джаро-Бѣлоканскую область, и дѣйствовалъ, 5-го ноября, при разбитіи скопища Лезгинъ, напавшихъ, въ большомъ числѣ, на войска наши, находившіяся для прикрытія фуражировъ, и, 14-го ноября, при овладѣніи селеніемъ Закаталы и истребленіи его до основанія.

Наконецъ насталъ 1831 годъ, наиболѣе славный, но, къ сожалѣнію, и роковой для Миклашевскаго.

Въ это время смѣлый и предприимчивый изувѣръ Казимулла, пользуясь недостаткомъ войскъ нашихъ въ Дагестанѣ, невѣроятно усилился. Необходимо было остановить успѣхи возмутителя. Возстановленіе дружескихъ сношеній

съ Персією, — прерваніе которыхъ вѣскольکو времени опасались, — дало къ тому средство, и рѣшено было обратиться въ Дагестанъ значительныя силы и ударить съ двухъ сторонъ: отъ Дербента и съ Кавказскихъ горъ.

Въ концѣ сентября собранъ было въ Дербентъ отрядъ изъ 3,500 человекъ пѣхоты, 3,000 конницы и 20 орудій, надъ которымъ принялъ начальство генераль-адъютантъ Панкратьевъ, въ то время еще управлявшій Закавказскимъ краемъ. Зная, что Табасаранцы рѣшились защищаться до крайности и готовы собраться въ одинъ мигъ въ то мѣсто, куда направлено будетъ нападеніе, онъ раздѣлилъ войско на три отряда, чтобы развлечь ихъ силы, обманувъ ихъ ожиданія. Полковникъ Басовъ долженъ былъ сдѣлать диверсію вправо на Маджалисъ; полковникъ князь Дадіанъ влѣво въ Кучни, а главный, т. е. средній отрядъ, порученный Миклашевскому, назначенъ былъ дѣйствовать прямо отъ Великента на Дюбекъ.

Въ 11 часовъ ночи, на 2-е октября, нашъ герой, налегкѣ, двинулся впередъ съ двумя баталіонами своего полка, 42-го егерскаго, 1-го Куринскаго, съ 1-мъ и 2-мъ конномусульманскими полками, при 4-хъ орудіяхъ.

Занимаемъ подробности объ этой экспедиціи отъ участника въ походѣ.

Ночь была темна. Скупое небо погасило всѣ огоньки свои. Наши брели по колѣно въ грязи, цѣпляясь за терновники, запутавшіе окрестный лѣсъ непроницаемою оградой, и каждый мигъ въ опасности слетѣть въ рѣчку Дарбахъ, по крутому берегу которой шли. «Вы бы сказали, — говоритъ очевидецъ, — что идетъ армія мертвецовъ, покинувшихъ свои могилы, такъ безмолвно, такъ неслышимо двинулись мы впередъ по излучистому яру, въ двойномъ мракѣ ночи и тѣни лѣса, надъ нами склепомъ склоненнаго.» Колеса не стучали, подковы не брякали по болоту: нигдѣ ни голоса, ни искры. Лишь изрѣдка раздавался по бору ударъ бича или звукъ пушечной цѣпи. Съ невѣроятнымъ трудомъ вытаскивали на людяхъ орудія... наконецъ не только подъ людьми, но и подъ артельными повозками, кони пристали, выбились изъ силъ... аррьергардъ оттянулся... Миклашевскій налетѣлъ соколомъ. «Руби колеса, жги повозки, жги артиллерійскія дроги! Стоитъ ли

эта дрянь, чтобы изъ-за нее опаздывать! Истребляй: я за все отвѣчаю!» Велѣно — сдѣлано. Въ пять минутъ дорога была чиста, вещи разобрали по рукамъ... Коней пристегнули подъ пушки; прибавили къ нимъ и офицерскихъ верховыхъ... Покатились, пошли быстро, легко, весело. «Миклашевскаго слово ободряло солдатъ лучше двойной чарки.» Съ неимоверною скоростію перелетѣли наши 35 верстъ, и часу въ девятомъ утра слышали впереди жаркую перестрѣлку: это дралась наша Татарская конница. Шомпола зазвучали «Гренадеры!.. ходу!.. Скорымъ шагомъ, бѣглымъ шагомъ!..» Выстрѣлы изъ лѣсу начинали нашихъ пронызывать — *насилу-то догадались*. Если бъ непріатели заранее заняли чашу, многіе изъ отряда не донесли бы своихъ головъ до Дюбека. Наконецъ показался и Дюбекъ, который считался неприступною твердынею Табасарани. «*Неприступная*, — прибавляетъ свидѣтель, — забавное выраженіе! Его нѣтъ, слава Богу, въ словарь Русскаго солдата.» «Впередъ, впередъ!..» Дѣло загорѣлось.

Селеніе Дюбекъ стоитъ въ развалѣ ущелія, на скатѣ большой горы. Надъ нимъ, на полтора пушечныхъ выстрѣла, лѣпится выше деревня Хустыль. Рѣчка Дарбахъ, извиваясь въ крутомъ, но широкомъ руслѣ, образуетъ передъ Дюбекомъ колѣно. Правый ея берегъ противъ селенія, отъ множества ключей, не имѣющихъ истока, затопленъ вязкимъ болотомъ; дремучій лѣсъ обнимаетъ всю окрестность. Егеря 42-го полка пошли вправо, чрезъ топь, Куринцы — влѣво, чрезъ крутой оврагъ, на днѣ котораго текущій ручей, впадая въ Дарбахъ, образуетъ предъ Дюбекомъ букву Y — всѣ подъ убійственнымъ огнемъ изъ лѣсу, изъ домовъ, изъ заваловъ. Передъ пѣхотою еще ходили на приступъ наши спѣшенные мусульмане; но когда Мамать-Ага, безстрашный помощникъ полковаго командира, былъ убитъ, когда они потеряли лучшихъ стрѣлковъ своихъ, Куринцы ихъ опередили, влѣзли въ оврагъ, стали подниматься на противоположную круть... густѣй, густѣй гранаты полетѣли надъ нашими застрѣльщиками... Ура! Въ штыки! *А ужъ дѣло рѣшеное, что противъ Кавказскаго штыка ничто устоять не можетъ*; завалы были отбиты, непріатель стоштанъ, но, ожесточенный поражениемъ, засѣлъ въ домахъ, стрѣлялся, рѣзался; ему было жаль богатыхъ пожитковъ, свезенныхъ въ Дюбекъ

изъ всѣхъ окрестныхъ возмущившихся деревень, какъ «въ твердыню, которой не могъ взять и самъ ужасный Шахъ-Надиръ... куда не проникалъ даже Ермоловъ, котораго слава ярче Искендаровой и Шахъ-Надировой за Кавказомъ.» Пришлось штурмовать камень за камнемъ, шагъ за шагомъ. Кровь лилась — огонь очищалъ отъ ней землю. Наконецъ, послѣ шестичасовой битвы, вся деревня впала въ руки наши; но изъ лѣсу, изъ-за-плетней, изъ-за-плитъ кладбища, враги не переставали стрѣлять въ побѣдителей, и лишь картечь присмирала ихъ на время. Пожаръ, какъ ангелъ-истребитель, протекалъ Дюбекъ изъ конца въ конецъ... Ночь пала.

Чудно-предестень былъ видъ этой ночи. Пламя катилось волнами и змѣемъ пробивалось сквозь высокія кровли домовъ, большею частію двухъ-ярусныхъ... Вся гора была озарена, и по ней вверху видны были лица, слышны крики женщинъ, ожидавшихъ приступа къ Хустылю. Между дымомъ и огнемъ чернѣлись остеклѣвшія развалины, и изъ этого-то ада солдаты и мусульманскіе всадники выносили раненыхъ. Поодоль нѣсколько человекъ рыли общую могилу падшимъ своимъ товарищамъ. Коротка солдатская молитва и за свою жизнь, и за душу земляка! Ни одной слезы, ни одного слова не уронилъ никто по убитыхъ; но за то, какъ выразительны были лица окружающихъ въ заревѣ пожара, то прислоненныя къ штыкамъ, то поднятыя къ небу!... Всѣ кинули по горсти земли, чужой земли, на очи обратій... Повременные выстрѣлы гремѣли *requiem*.

Съ убитыми и ранеными потеряли мы въ этомъ дѣлѣ 4 офицеровъ и до 90 нижнихъ чиновъ, включая въ то число и мусульманъ, дравшихся отлично, особенно полка князя Баратова, которому досталось обскакать Дюбекъ слѣва по лѣсу. Лошадей легло болѣе 60.

Деревня стала потухать. Развалины угля дымились. Тогда Миклашевскій приказалъ развести огромные костры передъ отдохавшимъ на полѣ строемъ по сю сторону Дарбаха... и вдругъ, безъ бою, безъ шума, снялся, пославъ напередъ Татарскую конницу. Кони ихъ гнулись и кряхтѣли подъ тяжестью добычи. Повозки были нагружены ею до-вельзя.

Солдаты были утомлены и боемъ, и походомъ, и бессонницею, но шли скоро, весело — побѣда оперяетъ хоть кого; притомъ каждый чувствовалъ, что если непріятель станетъ напирать въ тѣсинѣ, гдѣ каждый кустъ, каждый пень ему стѣна — потеря будетъ значительна. Но, къ счастью, Дюбекцы, ожидавшіе, что наши на утро пойдутъ штурмовать верхнюю деревню, были обмануты, и поздно спохватились преслѣдовать. Отрядъ съ легкою перепалкою прошелъ дефилэ, и на утро былъ уже опять въ своемъ лагерьѣ подъ Великентомъ, совершивъ въ 35 часовъ два перехода и битву. *Это чисто по орлиному: налетѣлъ, ударилъ, схватилъ, исчезъ.* По возвращеніи, какъ обыкновенно, пошелъ пиръ горой. Пѣсни, веселье — гуляй, душа! Всѣ не могли нахвалиться Миклашевскимъ, и *точно за дѣло.* «Безъ его рѣшительности и быстроты, безъ его храбрости, незнающей зарока, благоразумный планъ генерала Панкратьева могъ остаться напрасенъ. Онъ зналъ, кому довѣрить важнѣйшее дѣло; Миклашевскій умѣлъ оправдать это довѣріе.» *).

Вслѣдъ за этимъ Панкратьевъ рѣшился овладѣть селеніемъ Эрпели, окруженнымъ оврагами и крутизнами, защищаемымъ 10,000 горцевъ, ожидавшихъ Русскихъ за крѣпкими завалами. Мятежниками повелѣвалъ *Уммалатъ-Бей* — храбрый сподвижникъ Кази-Муллы, который произвелъ его въ шамхалы.

22-го октября войско пришло къ Темиръ-Ханъ-Шуръ, а на другой день двинулось на Эрпели тремя колоннами. Первую колонну, назначенную обойти селеніе справа, велъ Миклашевскій. Впереди ея неслись: Басова казаки, Бакинская и Куринская конница, потомъ шли два баталіона 42-го егерскаго полка и семь ротъ Эриванскаго карабинернаго при 8-ми орудіяхъ. Вторую, — состоявшею изъ двухъ баталіоновъ Апшеронцевъ и одного баталіона Куринцевъ, при 7-ми орудіяхъ, — командовалъ генераль-маіоръ Кохановъ; за нею слѣдовалъ резервъ, изъ трехъ конно-мусульманскихъ

*). Письмо отъ 15-го октября 1831 года изъ лагеря близъ селенія Джамикентъ.

полковъ, подъ начальствомъ генераль-маіора Каалалай-Хана. Шли полемъ сквозь густой туманъ: въ самомъ близкомъ разстояніи невозможно было различить предметовъ; но, благодаря вѣрной картѣ и зоркому глазу Панкратьева, отрядъ двигался впередъ, не уклоняясь ни шагу отъ даннаго направленія. Наконецъ, близка была встрѣча. Вѣтеръ, какъ нарочно, пахнулъ сильнѣе, туманъ приподнялся, и впереди открылся слѣва крутой оврагъ, за которымъ вздымалась лѣсистая гора; прямо лежалъ длинный бугоръ, вооруженный засѣками изъ деревьевъ и копаными завалами. Далѣе, по холмамъ, колебалось что-то, какъ рѣдкій лѣсъ отъ вѣтра. Это деревья, говорили одни. Это всадники, утверждали другіе. Гранаты рѣшили споръ. Грохотъ пошелъ по горамъ, когда заговорила батарея, выскакавшая впередъ... Въ самомъ дѣлѣ то была конница. Она слилась, взвилась — и слѣдъ простылъ. Какъ не жалуютъ Азіятцы гранатъ! Въ это время наши мусульманскіе удалцы стали доѣзжать до самыхъ заваловъ. Тахъ, тахъ... вся ихъ линія разцвѣтилась пальбою, и справа егеря съ Эриванцами пошли на нихъ безъ выстрѣла въ штыки. Миклашевскій, на бѣломъ конѣ, вздымался въ гору впереди обѣихъ колоннъ; шинель играла на немъ по вѣтру... Ура! Ура! Апшеронскіе стрѣлки тогда же безстрашно кинулись черезъ оврагъ... Лѣвѣе ихъ забирали въ гору Басова казаки... Пальба закипѣла... Бѣглый огонь мелькалъ сквозь пары, какъ фейерверкъ. Крики угрозъ съ обѣихъ сторонъ, бой барабановъ, стонъ земли отъ пушечныхъ выстрѣловъ, отражаемыхъ отголосками хребта. «Ну, право, сердце не нарадовалось!» говоритъ Марлинскій *). Гранаты, прерывая туманъ, гремѣли, будто катаясь по ступенямъ; свистъ пуль производилъ эффе́нтъ чудесный. «Могу васъ увѣрить, — прибавилъ знаменитый писатель, — что эта фуга стоила всѣхъ чертовскихъ нотъ изъ Фрейшица.»

Наконецъ, «ура! впередъ!» и наши были подъ завалами; но все еще не видятъ враговъ, такъ густъ туманъ; но вотъ сошлись въ упоръ... дуло въ грудь, штыки въ спину, вскакиваютъ на завалы, пробираются сквозь засѣки, и непріятель бѣжитъ, оставляя трупы, кровь и плѣнь по слѣду.

*) Письмо изъ лагеря при селеніи Темиръ-Ханъ-Шуръ, 25-го октября 1831 года.

Дѣло рѣшилось въ два часа. Обойденные справа и слѣва по крутизнамъ, которыя считали они неприступными; пораженные въ центръ, который мечтали неодолимымъ по тройной оградѣ укрѣпленій, враги отхлынули, скрылись со стыдомъ, оставя болѣе 150 тѣлъ на мѣстѣ. Наша потеря была ничтожна. Вслѣдъ за тѣмъ, штыками взяты Эрпили, и огромная добыча, имущество всѣхъ окрестныхъ деревень, свезенное сюда изъ надежды на твердыню, мѣстоположеніе и еще болѣе на множество, на отвагу защитниковъ, — досталось нашимъ солдатамъ. «Слава, слава оружію Николая! Хвала и честь вождямъ Его!» *).

Отсюда Панкратьевъ двинулся къ Чиркею и «въ одинъ день совершенно покореніе одного изъ неприступнѣйшихъ селеній Кавказа, которое оградилъ онъ въ лонѣ своемъ и крутью горъ, и быстрымъ потокомъ! Люди, не признававшіе отъ вѣка никакихъ властей, склонились предъ оружіемъ Русскаго Царя. Что жъ можетъ противустать Его волѣ, уму Его вождей, отвагѣ Его воиновъ, когда здѣсь самую природу побѣдили силы человѣка.» **)

Примѣру Чиркеевцевъ послѣдовали другія Салатовскія селенія и Койсубулинцы. Панкратьевъ, усиливъ войска въ Сѣверномъ Дагестанѣ, распустилъ, въ ноябрѣ, собранный имъ отрядъ на зимнія квартиры. Миклашевскій остался начальникомъ нашихъ войскъ въ Шамхальскихъ владѣніяхъ.

Кази-Мулла бѣжалъ къ Чеченцамъ, которые возстали. Изувѣръ бросился къ Кизляру, и, 1-го ноября, неожиданно захватилъ и разграбилъ этотъ городъ. Вельяминовъ поспѣшилъ туда, строго карая Чеченцевъ, принявшихъ участіе въ этомъ набѣгѣ. Кази-Мулла обратился къ Чиркею, но непринятый тамошними жителями и выгнанный, по требованію генерала Панкратьева, изъ селенія Гимры, снова засѣлъ, съ ревностнѣйшими своими приверженцами, въ сильно укрѣпленномъ имъ и почти неприступномъ Чумкескентѣ, разглашая, что хочетъ мстить отпавшимъ своимъ сообщникамъ, и, между тѣмъ, похищая барановъ у сосѣднихъ деревень.

*) Марлинскій, тамъ же.

***) Марлинскій. Письмо изъ лагеря подъ селеніемъ Галемъ-Бекъ-Ауломъ, отъ 28-го октября 1831 года.

Генераль-маіоръ Кохановъ выступилъ противъ разбойника съ двумя баталіонами, подкрѣпленными Шамхальскою пѣхотою при 4-хъ орудіяхъ, 26-го ноября. Съ нимъ находился и Миклашевскій. Непрiятель былъ атакованъ, но непроницаемый туманъ воспрепятствовалъ успѣху. Наши отступили. Горцы дерзостно кинулись изъ заваловъ своихъ и горячо преслѣдовали отступавшихъ, которыхъ глубокой снѣгъ и чрезвычайно суровая погода принудили возвратиться въ самыя Казанищи.

Въ ночи на 26-е число, Кази-Мулла отрядилъ 300 человекъ для нападенія на Эрпили; но тамъ сторожилъ ихъ отважный Улу-Бей и набѣгъ былъ неуспѣшенъ. Изувѣръ притаился въ Чумкескентѣ, но могли ли, но должны ли были Русскіе терпѣть непримиримаго врага въ 12-ти верстахъ отъ себя? Это значило бы потоптать свои лавры, даромъ потерять плоды побѣды. Командовавшій войсками взвѣсилъ, какое вліяніе можетъ сдѣлать эта дерзость на умы Дагестанцевъ и горцевъ, даже на войска наши, — и рѣшилъ: непременно взять Чумкескентъ. Дѣло это генераль Панкратевъ поручилъ Миклашевскому, который незадолго, по болѣзни бригаднаго генерала, принялъ начальство надъ отрядомъ *).

Отрядъ этотъ собрался въ Казанищи 30-го ноября. Назавтра назначенъ былъ бой, и всѣ звали, что онъ будетъ упоренъ, ибо всѣ слышали, что Чумкескентъ едва доступенъ, что тамъ есть крѣпостца, что она защищается тысячею отчаянныхъ удалцовъ, племень Лезгино-Аварскихъ; но «солдаты любили Миклашевскаго какъ душу, и такъ твердо вѣровали въ беззавтнную храбрость, въ благоразуміе его распоряженій, что готовились въ дѣло весело, беззаботно.» Въ палаткахъ раздавались шутки, вокругъ огней пѣсни, о! сколь для многихъ были онѣ послѣдними!

*) Подробности объ этомъ подвигѣ нашего героя взяты изъ письма Марлинскаго, отъ 6 го декабря 1831 г., писаннаго въ селеніи Гилли. Краснорѣчивый повѣствователь славныхъ дѣлъ Кавказцевъ начинаетъ это письмо слѣдующими словами: «Какой Русскій не веселится сегодня, празднуя тезоименитство великаго нашего Монарха! Но между тѣмъ, какъ шампанское шумитъ и летится и пьется за Его драгоцѣнное здоровье у васъ въ столицѣ, я посвящу эти часы славѣ Его побѣднаго оружія.»

Миклашевскій ужиналъ съ немногими близкими къ нему. Онъ казался веселымъ, но едва ли былъ имъ. Невольная дума мрачила его лице. «Ну, господа!» сказалъ онъ, «надо славно заключить славный походъ. Я должникъ Государю за многія милости, особенно за позволеніе ѣхать въ отпускъ, — и сдѣлаю все, что могу. Отработаемъ дѣло молодецки — и я лѣтомъ полечу на родину. Воображаю, какъ будетъ радъ мнѣ старикъ, отецъ мой! Про себя и говорить нечего — я Русскій, я сынъ, я женихъ! Лестно мнѣ, что генераль Панкратевъ выбралъ меня приложить кровавую печать къ страницѣ Исторіи, на которой блеститъ его имя; но, подивитесь, я бы почти былъ радъ, если бъ Кази-Мулла бѣжалъ заранѣе. Мнѣ снился въ прошлую ночь страшный сонъ. Чудилось мнѣ, что въ мою палатку вбѣгаетъ прекрасная женщина, въ слезахъ, съ растрепанными волосами, жалуется, что она кѣмъ-то покинута. Прошла минута, и она уже лежала въ моихъ объятіяхъ, какъ ангелъ ко мнѣ ласкается, но я чувствовалъ, что поцѣлуи ея — ледъ, грудь холодна, какъ зима... она холодѣла на рукахъ моихъ. Мнѣ стало страшно, я зябъ, я застывалъ, я замерзалъ; сердце переставало биться... Просыпаюсь!... Одѣяло у ногъ, и холодный вѣтеръ играетъ полами шатра. Разумѣется, это вздоръ. Будучи отряднымъ начальникомъ, я менѣ чѣмъ когда нибудь подверженъ буду личной опасности... Но успѣхъ сраженія?...» Разговоръ о дѣлѣ замялъ и мысль о грезахъ.

На восходѣ солнца отрядъ двинулся изъ Казанищъ въ гору, къ Чумкескенту. Надобно сказать, что Чумкескентъ выходитъ съ хребта мысомъ, ограниченнымъ съ юга оврагомъ, а съ сѣвера крутымъ обрывомъ; вся окрестность его обнята густымъ лѣсомъ, дорога на этотъ мысъ идетъ по правой сторонѣ оврага и, огибая который, спускается рытвинами. Почти на углу Чумкескента стѣснено нѣсколько землянокъ и саклей, скрывавшихъ семьи мятежниковъ во время лѣта. Миклашевскій, оставя противъ тропинки, туда ведущей, роту Куринцевъ съ однимъ орудіемъ, прочія войска послалъ въ обходъ. Шамхаль и Ахметъ-Ханъ стали съ людьми своими на дорогѣ отъ Казанищъ. Улу-Бей съ Эрпилинцами занялъ дорогу къ Гимрамъ, и, замѣтя, что къ Чумкескенту идетъ на выручку толпа Аварцевъ, пересѣкъ имъ путь, разбилъ ихъ, взялъ въ плѣнъ 12 человекъ. Рекогносцировка

оказала, что черезъ оврагъ невозможно перевезти пушку, и что обходная дорога заграждена засѣками и перекопами, слѣдственно требуетъ долгаго времени для расчистки, — а великъ ли зимній день?... Миклашевскій рѣшился сдѣлать натискъ одною пѣхотою. Перекрестились — пошли... Пули уже заиграли. Восемь орудій остались бить по видимымъ заваламъ передъ селеніемъ; но когда наши обѣжали его, пушки умолкли, настала жатва свинцомъ и желѣзомъ. Апшеронцы и егеря на славу атаковали непріятеля, разомъ выбили его изъ заваловъ, изъ саклей, и безпощадно коля встречнаго и бѣгущаго, по слѣдамъ ихъ, кинулись съ двухъ сторонъ къ укрѣпленію Агачь-Кале, которое, будучи скрыто въ ложбинѣ отъ пушечныхъ выстрѣловъ, только тогда открылось глазамъ нападавшихъ. Это Агачь-Кале было трехъ-стѣнное укрѣпленіе, воздвигнутое на краю утеса. Наружные углы его обстрѣливались саклями, сложенными въ родѣ башень. Оно скатано было изъ огромныхъ деревьевъ въ нѣсколько вѣнцовъ, и накрыто суковатыми пнями (*chevaux de frise*). Между бревнами вложены были по концамъ палочки, отъ чего во всю ихъ длину образовались весьма удобныя стрѣльницы; изъ нихъ-то летѣлъ смертоносный огонь на наступавшихъ. Скрытые за непроницаемою оградой, горцы били на выборъ. Солдаты наши, не смотря на это, безстрашно кинулись впередъ; но когда градъ пуль срѣзалъ цѣлые ряды храбрѣйшихъ, когда нѣсколько офицеровъ легли на окровавленный снѣгъ, — натискъ превратился въ перестрѣлку жестокою, убійственною, ибо разстояніе между крѣпостцю и разсѣянными кучами деревъ не превышало 80 шаговъ. Кучки безстрашныхъ егерей, предводимыхъ достойными своими офицерами, кидались нѣсколько разъ къ стѣнамъ укрѣпленія, срывали окровавленные знамена, пытались взлѣзть наверхъ; инымъ удалось и это, но суковатая кровля была непроницаема: герои падали, пробитые десятками пуль. Осажденные оказали отчаянное сопротивление; иные, увлеченные бѣшеною храбростію, вылѣзали изъ укрѣпленія, и съ шашкой въ рукѣ гибли на штыкахъ. Выстрѣлы ихъ были мѣткіи и непрерывны; упорство, месть, ожесточеніе росли съ обѣихъ сторонъ; подошва Агачь-Кале завалена была трупами коней и людей... «Никогда въ жизни не видалъ я — прибавляетъ Марлинскій —

столько крови и столько храбрости на столь маломъ пространствѣ!»

Миклашевскій нетерпѣливо ждалъ рѣшенія боя за оврагомъ; но когда прискакалъ къ нему офицеръ, и сказалъ что-то на ухо, онъ вспыхнулъ. «Коня!» и въ тотъ же мигъ велѣлъ двумъ ротамъ Куринцевъ слѣдовать за собою, спустился съ крутизны вскачь, и вскачь поднялся на противоположный утесъ, по такой крутизнѣ, что и пѣшкомъ взлѣзть трудно. «Судьба несла его», говорили солдаты. Онъ спрыгнулъ съ коня, обнажилъ шашку и крикнулъ: «Впередъ, друзья! Теперь наша очередь показать себя молодцами!» — «Ура, ура!» заревѣли солдаты: «ура, впередъ! съ нами отецъ нашъ!» Все ожило, все хлынуло къ Агачь-Кале. Онъ пошелъ на приступъ впереди всѣхъ, между ротою Куринцевъ и егерей... подбѣжалъ къ бойницѣ, и, въ запальчивости, хотѣлъ заколотъ сквозь нее горца, но злодѣйскіе выстрѣлы сыпались, кипѣли, и роковая пуля пронзила его грудь, пробила сердце и легкія. Онъ успѣлъ только сказать: «возьмите!» ступилъ назадъ и палъ. Вслѣдъ же за нимъ смертельно раненъ майоръ Кандауровъ, тяжело подполковникъ Михайловъ, пять оберъ-офицеровъ и множество нижнихъ чиновъ.

Но смерть храбраго полковника не могла остаться безъ мести, завѣтъ его безъ исполненія. Ожесточенные солдаты руками рвали срубъ, лѣзли на верхъ, ломали кровлю и вломились, наконецъ, въ укрѣпленіе, падали другъ на друга, друзья и недруги — все смѣшалось... Когда ударили отбой, лишь одни трупы злодѣевъ остались въ Агачь-Кале: тамъ не было ни плѣнныхъ, ни раненыхъ. Темнота укрыла многихъ мятежниковъ отъ гибели: они каткомъ спустились съ обрыва. На мѣстѣ сраженія осталось болѣе 150 тѣлъ и 70 лошадей. Въ числѣ убитыхъ узнали Татары лучшихъ наѣздниковъ и товарищей Кази-Муллы. Взяты два почетныя знамени и одно Гамзатъ-Бей; добыча въ вещахъ и деньгахъ, въ томъ числѣ въ богатѣйшихъ уборахъ кони Кази-Муллы и Гамзата. Кази-Мулла бѣжалъ такъ неожиданно и торопливо, что въ пещеркѣ, въ которой онъ во время дѣла молился, нашли его коранъ и другія духовныя книги. Ковверъ, на которомъ сидѣлъ онъ, былъ залитъ кровью. Его полагали тогда раненымъ.

Наши стали почти *на костяхъ*, какъ выражались предки. Дорога, но знаменита была побѣда. Отрядъ потерялъ болѣе 300 убитыми и ранеными, за то стяжалъ славу Русскому оружію. «Ни мощь природы, ни силы огражденнаго неприступностію челоѣка не устояли передъ храбростію Русскихъ, а выгоды этого мнѣнія въ очахъ дикарей неощимы.» Передъ храбрыми, на окровавленномъ плащѣ, лежалъ трупъ убитаго полковника, и какъ гордо, какъ прекрасно было его чело!... Офицеры и солдаты рыдали. Татары плакали горькими слезами... Но воину ли жалѣть о такой завидной смерти? Должно желать ея! Миклашевскій палъ, какъ жилъ — героемъ! Наутро огонь и желѣзо истребили гнѣздо злодѣевъ. Окружный лѣсъ упалъ подъ топорами. Отрядъ возвратился въ свои квартиры и скоро разошелся на зимовки.

Къ нашему описанію геройскихъ жизни и смерти полковника Миклашевскаго должно еще присокупить трогательное свидѣтельство любви и приверженности къ нему подчиненныхъ, простиравшейся и за предѣлы гроба. Родитель покойнаго, тайный совѣтникъ Миклашевскій, узнавъ о кончинѣ сына, отнесся къ командовавшему 42-мъ егерскимъ полкомъ, подполковнику Михайлову, съ просьбою принять деньги на сооруженіе Александру Михайловичу памятника въ крѣпости Шушѣ, куда тѣло его, по испрошеніи офицерами дозволенія у начальства, привезено для погребенія изъ Сѣвернаго Дагестана, чрезъ тысячу верстъ разстоянія. На это старецъ получилъ отъ общества офицеровъ 42-го егерскаго полка отвѣтъ, слѣдующаго содержанія:

« Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

« Благоговѣя къ памяти покойнаго сына Вашего, несравненнаго нашего начальника, Александра Михайловича, мы, исполненные живѣйшей признательности къ неуспыннымъ попеченіямъ его о насъ въ счастливѣйшее время командованія его полкомъ нашимъ, приедемъ смѣлость всепокорнѣйше просить Ваше Превосходительство дозволить лишь намъ воздвигнуть благодарный памятникъ надъ драгоценнымъ прахомъ незабвеннаго начальника нашего, покоящагося среди насъ, въ услуду горестнѣйшей потери.

« Ваше Превосходительство! не лишите единственной отрады, оставшейся намъ въ изъявленіи глубокихъ чувствъ благодарности тому, который не щадилъ ни трудовъ, ни самой жизни для благосостоянія своихъ подчиненныхъ. Какъ герой, онъ стяжалъ неувядаемую славу, совершая подвиги истинно блистательные; какъ начальникъ, онъ преисполнилъ сердца всѣхъ подчиненныхъ любовію чистѣйшею; какъ гражданинъ, онъ украсилъ себя наилучшимъ именемъ друга челоѣчества! Но можемъ ли достойно вознести память всякихъ дѣлъ его, и вполне излить безпредѣльную признательность? О! да услышитъ Господь непрестанно возсылаемое сердечное моленіе наше, и воздастъ ему по великости его жертвъ и дѣяній! Мы же сохранимъ на вѣки въ сердцахъ нашихъ чувства умиленія къ незабвенному его имени.

« Примите, Ваше Превосходительство! благоговѣйную признательность нашу за лестный отзывъ, коимъ угодно было удостоить насъ. Глубоко тронутые симъ знакомъ Вашего къ намъ благорасположенія, мы сохранимъ и за предѣлами гроба тѣ чувства отличнаго почтенія и совершенной преданности, съ коими на всегда имѣемъ честь пребыть,

Вашего Превосходительства,

Милостивый Государь,

всепокорнѣйшіе слуги,

общество офицеровъ 42-го егерскаго полка.

Капитанъ Михайловъ,

командующій онымъ полкомъ.

Мая 21 го дня 1832 года.
Кр. Шуша.

Почтенный Михаилъ Павловичъ отвѣчалъ достойнымъ воинамъ слѣдующее:

« Письмо, коимъ Вы удостоили меня отъ 21-го мая сего года, увидите Вы напечатаннымъ въ здѣшнихъ публичныхъ вѣдомостяхъ. Тѣ, кои читали оное въ рукописи, нашли, что чувствованія Ваши равно приносятъ честь Вамъ и покойному командиру полка Вашего, моему незабвенному сыну. Съ этою мыслию рѣшился я напечатать оное, надѣясь, что

Вы извините, по крайней мѣрѣ, руководствовавшее меня родительское самолюбіе, которое печально пытается погасшею на раннемъ гробу славою сына, павшаго за Отечество.

« Вы требуете, чтобы я предоставилъ вамъ сооруженіе ему памятника. Милостивые Государи! Вы хотите увѣковѣчить имя и подвигъ моего сына, ибо на памятникъ, вмѣстѣ съ именемъ его, Вы означите имя славнаго 42-го егерскаго полка и время славныхъ дѣлъ Кавказскаго Корпуса. Русскіе будутъ останавливаться надъ прахомъ полковника Миклашевскаго съ чувствомъ собственного достоинства. Я бы не любилъ своего сына, если бы послѣ этого могъ мечтать о памятникѣ родительской моей любви.

« Не мнѣ благодарить Васъ, Милостивые Государи! Васъ связывала съ покойнымъ любовь къ Отечеству и преданность Монарху!

« Искреннее выраженіе Вашихъ чувствованій въ письмѣ ко мнѣ поселило въ моей душѣ горестную мысль, что смерть заградила сыну моему блестящій путь къ вящимъ заслугамъ Отечеству: чего бы не произвелъ онъ въ Вашемъ товариществѣ? Но, какъ отецъ, я считаю долгомъ изъяснить Вамъ, Милостивые Государи, что имя Ваше пребудетъ вѣчно драгоцѣннымъ мнѣ и потомству моему, ибо дружба Ваша украсила дни и труды павшаго моего сына.

« Примите свидѣтельствованіе отличнаго почтенія и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть, и проч.

Михаилъ Миклашевскій.

Августа 4-го дня 1832 года.

С. Петербургъ.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 5-го дня 1858 года. Цензоръ *В. Бекетовъ.*

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ.**

Илл. И. Корсакив.

ПАДЕНІЕ ВЪЛЪЯМИНОВСКАГО ФОРТА.

ПАДЕНИЕ ВЕЛЪЯМИНОВСКАГО УКРѢПЛЕНІЯ.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія было воздвигнуто на восточномъ берегу Чернаго Моря, въ земляхъ непокорныхъ горцевъ, нѣсколько небольшихъ укрѣплений — Вельяминовское, Михайловское, Навагинское, — для прекращенія грабежей, производимыхъ этими полудикими племенами и особенно гнуснаго ихъ промысла — торго невольниками.

Укрѣпленія эти къ 1840 году, по краткости времени употребленнаго на ихъ сооружеііе, не получили еще довольно сильныхъ и прочныхъ профилей и, по обстоятельствамъ, не имѣли достаточно защитниковъ. Климатическія болѣзни въ продолженіе осени 1839 года и зимы на 1840 годъ, не взирая на возможныя подкрѣпленія гарнизоновъ укрѣплений, къ веснѣ, наконецъ, до того ихъ ослабили, что

воинскіе начальники фортовъ не въ состояніи были не только докончить оставшихся еще въ нихъ внутреннихъ построекъ и исправить, разрушившихся отъ снѣговъ и дождей, верковъ, но не имѣли даже подъ ружьемъ необходимаго числа людей для самой обороны. Къ этому обстоятельству присоединилось другое, въ самыхъ нѣдрахъ Кавказа обнаружившееся. Бывшіе тамъ нѣсколько лѣтъ сряду неурожаи произвели между Черкесскими племенами голодъ, какого они съ незапамятныхъ временъ не испытывали. Бѣдствіе это, производящее волненіе даже между образованными народами, возбудило дикихъ горцевъ ко всеобщему поголовному возстанію. Предпочитая гибель съ оружіемъ въ рукахъ мучительной голодной смерти и зная недостатки оборонительныхъ средствъ Русскихъ на береговой линіи, они рѣ-

пились, открытою силою, овладѣть приморскими нашими укрѣпленіями и воспользоваться находившимися въ нихъ запасами.

Дѣйствительно, три изъ этихъ укрѣпленій пали; но они пали со славою, стяжавшею храбрымъ ихъ защитникамъ удивленіе и даже уваженіе ожесточеннаго непріятеля. Мужественныя усилія гарнизонъ прочихъ укрѣпленій увѣнчались лучшимъ успѣхомъ: они устояли противъ самыхъ отчаянныхъ нападеній горцевъ, доколѣ не представилась возможность доставить имъ помощь и достаточное подкрѣпленіе.

Въ этой борьбѣ горсти Русскихъ воиновъ съ рѣшительнымъ и предприимчивымъ непріателемъ, превосходившимъ число ихъ въ 10 или даже болѣе 20-ти разъ, особенное вниманіе заслуживаетъ славное паденіе Вельяминовскаго укрѣпленія, — какъ подвигъ необыкновеннаго мужества и самоотверженія, примѣръ воинской доблести, рассказъ о которомъ магически дѣйствуетъ не только на cadaго имѣющаго честь носить военный мундиръ, но и на cadaго имѣющаго счастье быть Русскимъ.

На разсвѣтъ 22-го февраля 1840 года, пользуясь мѣстоположеніемъ и скрываея утренняя туманомъ, толпы горцевъ, свыше 7000 человекъ, незамѣтно подошли къ Вельяминовскому укрѣпленію, въ которомъ было не болѣе 400 человекъ всѣхъ чиновъ, и стремительно налетѣли на батареи. Картечь орудій срезала передніе сотни ихъ, но остальные тысячи напали съ новою яростію и, наконецъ, послѣ продолжительнаго боя, ворвались въ фортъ. Капитанъ *Папакристо*, воинскій начальникъ, штыками выбросилъ враговъ за валъ и за мужественный отпоръ заплатилъ раною столь тяжкою, что его долго почитали убитымъ.

Прапорщикъ *Лико* заступилъ его мѣсто. Горцы, въ бѣшенствѣ, бросились вторично и снова залпъ и ударъ въ штыки вытѣснилъ врага изъ укрѣпленія, но онъ еще разъ кинулся на горсть израненныхъ и наши не устояли. Съ трупа на трупъ товарищей они переступали — сперва къ плацу, потомъ къ казармамъ, къ бунтамъ и тутъ, отвергая всѣ

предложенія о сдачѣ, съ необыкновеннымъ мужествомъ, болѣе двухъ часовъ, продолжали безнадежный уже бой, предпочитая въ немъ славную смерть постыдной сдачи и дорого продавали жизнь. Уже не много оставалось храбрыхъ! Лико, смертельно раненый, въ присутствіи оставшихся еще офицеровъ, отдалъ зажженный фитиль подпоручику *Румянчикову*, сказавъ: «Братья! погибнемъ вмѣстѣ съ врагами съ честью и славою за Царя и Русь святую! Румянчиковъ! я умираю, возьми этотъ фитиль и взорви пороховой погребъ *)». Румянчиковъ, тоже раненый, схватилъ фитиль, побѣжалъ къ погребу, чтобы взорвать укрѣпленіе — своихъ и враговъ; но Богъ не допустилъ его совершить великій подвигъ. Горцы хлынули на нашихъ; Лико умеръ, какъ герой, а Румянчиковъ изрубленъ шашками на полдороги. Не многіе изъ защитниковъ, уцѣлѣвшіе отъ 8-ми часоваго боя, жестоко израненные, съ прапорщикомъ *Цакни*, заперлись въ блокгаузѣ; но когда всѣ заряды вышли, горцы выломали дверь, ворвались и ихъ, полуживыхъ, забрали въ плѣнъ. Также въ руки врага попались нѣсколько десятковъ больныхъ нижнихъ чиновъ, находившихся въ лазаретѣ и не принимавшихъ участія въ сраженіи.

Изъ уваженія къ блистательной храбрости защитниковъ укрѣпленія, горцы взяли въ дома свои нѣсколько раненыхъ воиновъ, подававшихъ еще надежду на изцѣленіе. Между ними находился подпоручикъ *Худобашевъ*, который, съ тремя тяжелыми ранами, палъ въ числѣ послѣднихъ.

Потеря горцевъ простиралась до 900 человекъ убитыхъ.

Подробности обороны и огромная потеря, понесенная непріателемъ, сдѣлались вскорѣ извѣстны чрезъ самихъ горцевъ и нѣкоторыхъ нижнихъ чиновъ спасшихся изъ плѣна.

Заслуги падшихъ героевъ были почтены Государемъ Императоромъ въ ихъ семействѣ, содержаніе которыхъ Всемилостивѣйше обезпечено, малолѣтнія дѣти призрѣны.

*) По другимъ показаніямъ Румянчикову фитиль вручилъ Цакни.

Сообщаемъ краткія свѣдѣнія о жизни каждаго изъ упомянутыхъ офицеровъ.

Капитанъ *Андрей Евграфовичъ Папахристо*, родился въ 1800 г., въ Симферополѣ, и происходилъ изъ греческихъ дворянъ. Въ службу вступилъ онъ, 19-го января 1822 года, подпрапорщикомъ въ Нашебургскій пѣхотный полкъ и 9-го декабря того же года былъ произведенъ въ портупей-прапорщики. Первыя военныя дѣйствія, въ которыхъ онъ участвовалъ — были подъ Анапою, осажденною и взятою княземъ Меншиковымъ въ 1828 году и, за отличіе оказанное при этомъ, произведенъ, 9-го іюля того же года, въ прапорщики, — имѣя 27 лѣтъ отъ роду, — и награжденъ не въ зачетъ годовымъ жалованьемъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ августѣ, Папахристо находился въ экспедиціи наказнаго атамана Черноморскаго войска Безкровнаго, противъ Натугайскихъ народовъ, а въ слѣдующемъ году участвовалъ во второмъ походѣ противъ Турокъ. 22-го марта 1834 г. онъ произведенъ въ подпоручики, а 21-го августа того же года, по расформированіи полка, переведенъ въ Черноморскій Линейный № 5-го баталіонъ. Въ этомъ и слѣдующемъ годахъ Папахристо участвовалъ въ истребленіи Турецкихъ контрабандистовъ, производившихъ торгъ невольниками на Черноморскомъ берегу, и за оказанное отличіе пожалованъ орденомъ Св. Станислава 4-й степени. 16-го іюля 1836 года онъ произведенъ въ поручики; 3-го февраля 1837 г. въ штабсъ-капитаны и 11-го декабря того же года въ капитаны. Въ слѣдующемъ году, за отличіе и храбрость, оказанныя имъ въ дѣлахъ противъ горцевъ въ десантной экспедиціи, награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а въ 1840 г., за примѣрную распорядительность и отличное мужество, оказанныя 29-го іюля 1839 г., при сраженіи противъ горцевъ, внезапно бросившихся у командуемаго имъ Вельяминовскаго форта на патруль, вышедшій съ разсвѣтомъ изъ укрѣпленія для занятія батарейки, подъ оврагомъ устроенной, — занимаемой только днемъ для наблюденія за берегомъ Чернаго Моря, — Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. Наконецъ, Высочайшимъ приказомъ 23-го мая того же года, онъ уволенъ отъ службы, за болѣзнію, съ мундиромъ и пенсіономъ одной трети жалованья.

Прапорщикъ *Владиміръ Константиновичъ Лико*, изъ Греческихъ дворянъ Таврической губерніи, въ службу вступилъ, 7-го мая 1833 года, рядовымъ въ Балаклавскій Греческій пѣхотный баталіонъ. 1-го апрѣля 1836 года переведенъ въ Черноморскій линейный № 3-го баталіонъ, въ которомъ, 25-го числа того же мѣсяца, произведенъ въ унтеръ-офицеры; 4-го сентября 1836 г. поступилъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ. Черезъ недѣлю послѣ этого перевода сдѣлалъ онъ первую компанію, подъ начальствомъ Вельяминова, во время движеній по Черноморскому берегу. На слѣдующемъ году онъ участвовалъ, опять подъ командою Вельяминова, въ экспедиціи для продолженія береговой укрѣпленной линіи, при чемъ во время движенія къ устью рѣки Вулана раненъ ружейною пулею въ пахъ съ правой стороны на вылетъ и, вообще за отличіе въ дѣлахъ этого года, удостоился получить лично отъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая Павловича знакъ военнаго ордена и, 5-го августа 1838 г., произведенъ въ прапорщики. Въ этомъ послѣднемъ году онъ находился въ экспедиціи Раевского, для занятія трехъ пунктовъ на Черномъ Морѣ, при возведеніи на нихъ укрѣпленій и двукратномъ движеніи чрезъ землю Натухайцевъ. 23-го августа 1840 года онъ исключенъ изъ списка убитымъ въ дѣлѣ противъ горцевъ.

Подпоручикъ *Александръ Емельяновичъ Румянчиковъ*, изъ солдатскихъ дѣтей Тверскаго отдѣленія, въ службу вступилъ, 16-го ноября 1820 года, готлангеромъ въ легкую № 3-го роту учебной артиллерійской бригады, произведенъ: въ канониры — 23-го августа 1821 года, съ переводомъ во 2-ю батареиную роту, въ бомбардиры — 21-го сентября 1822 года, съ переводомъ въ 1-ю батареиную роту, и въ фейерверкеры 4-го класса — 19-го іюня 1823 года. Въ первую войну противъ Турокъ, въ 1828 году, онъ участвовалъ въ осадѣ Шумлы, а въ походѣ противъ Польскихъ мятежниковъ, 1831 года, сперва находился въ отрядѣ Ридигера при преслѣдованіи Дверницкаго, а потомъ въ корпусѣ, блокировавшемъ Замостье и въ преслѣдованіи Ромарино. 28-го декабря 1833 года Румянчиковъ переведенъ въ 5-ю конно-артиллерійскую роту и произведенъ въ фейерверкеры: 3-го класса — 6-го февраля

1835 г., и 2-го класса — 23 апрѣля 1836 года; наконецъ, 30-го ноября 1836 года, имѣя отъ роду 32 года, пожалованъ въ прапорщики Анапскаго артиллерійскаго гарнизона въ роту № 3-го, въ которой, въ слѣдующемъ году, во время посѣщенія Императора Николая Павловича, удостоился получить Высочайшую благодарность. Съ 22-го апрѣля 1833 года онъ находился въ Вельяминовскомъ фортѣ и участвовалъ: 12-го мая этого года при занятіи пункта на устьѣ рѣки Туапсы, а 31-го — въ отраженіи непріятельскаго натиска при спасеніи военныхъ судовъ, претерпѣвшихъ крушеніе. 11-го апрѣля 1839 года онъ былъ произведенъ въ подпоручики, а 1-го іюня 1840 года исключенъ изъ списка убитымъ горцами.

Прапорщикъ — вышѣ подполковникъ — *Михаилъ Артемьевичъ Цакни*, изъ дворянъ Таврической губерніи, въ службу вступилъ, 9-го мая 1834 года, унтеръ-офицеромъ въ бывшій Нашебургскій пѣхотный полкъ, по расформированіи котораго, 5-го іюня того же года, переведенъ въ Черноморскій линейный № 4-го баталіонъ, гдѣ произведенъ, 15-го того же мѣсяца, въ подпрапорщики, а 13-го марта 1835 года въ портупей-прапорщики. Черезъ мѣсяць, 14-го апрѣля, онъ находился въ первомъ дѣлѣ, участвуя въ перестрѣлкахъ съ Черкесами близъ Геленджика; въ слѣдующемъ году, 12-го января, при отбитіи порціоннаго скота, раненъ пулею въ пятку лѣвой ноги, а 25-го февраля, подъ командою капитана 2-го ранга Броневскаго, находился въ десантной экспедиціи изъ Геленджика въ Сунджукскую бухту и, 1-го марта, при истребленіи контрабандныхъ судовъ. 3-го февраля 1837 года Цакни произведенъ въ прапорщики. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ: 28-го марта при отраженіи партіи Черкесъ, напавшихъ на команду прикрывавшую скотъ, выгнанный на паству изъ Геленджика; съ 9-го по 12-е мая — въ десантномъ отрядѣ къ берегамъ рѣки Туапсы и, за оказанное отличіе въ дѣлахъ, при этомъ бывшихъ, награжденъ орденомъ Св. Станислава 4-й (что нынѣ 3-й) степени, а 30-го и 31-го мая — въ отраженіи натиска непріятелей при спасеніи военныхъ судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе на рейдѣ Туапсѣ. Въ 1840 г., какъ видѣли, онъ славно участвовалъ въ защитѣ Вельяминовскаго форта и былъ въ плѣну по 11-е мая, а 16-го апрѣля этого же

года, въ воздаяніе отличо-усердной службы и особыхъ трудовъ, съ примѣрною твердостью и постоянствомъ переносимыхъ въ войнѣ съ горцами, убавленъ ему, въ числѣ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, одинъ годъ выслуги къ ордену Св. Георгія. Въ 1841 году, съ 28-го марта по 5-е апрѣля, онъ находился въ Тенгинскомъ укрѣпленіи при бомбардированіи и блокадѣ его горцами, а потомъ участвовалъ въ наступательномъ движеніи контръ-адмирала Серебрякова противъ осаждавшихъ и въ сожженіи ихъ ауловъ. За отличіе, при этомъ оказанное, Цакни награжденъ, 22-го августа, чиномъ поручика, бывъ произведенъ, по линіи, 17-го мая этого года, въ подпоручики. 27-го октября того же года онъ переведенъ въ Черноморскій резервный линейный № 11-го баталіонъ, а въ слѣдующемъ году, съ апрѣля по ноябрь, участвовалъ въ экспедиціи противъ горцевъ, при возведеніи въ землѣ Натухайцевъ двухъ укрѣпленій на рѣкѣ Гостогаѣ и при Варениковской пристани (на рѣкѣ Кубани), и при этомъ находился во многихъ перестрѣлкахъ, а 8-го іюня въ девяти-часовомъ упорномъ дѣлѣ отряда контръ-адмирала Серебрякова съ шести-тысячнымъ скопищемъ горцевъ и при разореніи 15-ти ауловъ въ районѣ 17 верстъ къ сѣверу отъ Гостаевского укрѣпленія, и, 21-го того же мѣсяца, при взятіи одного орудія у аула Кара-Гусейнъ. За вполне успѣшное окончаніе устройства этихъ укрѣпленій и надежной переправы при Варениковой пристани, Высочайшимъ приказомъ, 14-го ноября 1842 года, въ числѣ прочихъ, ему объявлена *совершенная Монаршая благодарность*, и, за отличіе, оказанное въ экспедиціи, онъ пожалованъ, 18-го іюня 1843 года, чиномъ штабсъ-капитана, со старшинствомъ со 2-го мая 1842 года, въ которое происходило дѣло съ непріателемъ на рѣкѣ Гастогаѣ и сожженіе ауловъ. 17-го марта 1843 года Цакни назначенъ старшимъ адъютантомъ въ штабъ начальника Черноморской береговой линіи; 12-го марта 1845 года переведенъ въ Черноморскій линейный № 7-го баталіонъ, съ оставленіемъ при той же должности; 11-го марта 1847 года, за отличіе по службѣ, произведенъ въ капитаны, а 20-го апрѣля 1850 года назначенъ для особыхъ порученій при начальникѣ Черноморской береговой линіи, которымъ былъ контръ-адми-

радь Серебряковъ. Подъ начальствомъ этого флагама, Цакни участвовалъ въ слѣдующихъ экспедиціяхъ: въ декабрь 1851 года — по верховьямъ ущелій Бакаевскихъ, Худако, Псебепса, Гечевина, Зеймеса и Адагуна; въ январь слѣдующаго года — для наказанія дальнихъ Натухайцевъ; въ сентябрь — въ землю Джигетовъ, противъ скопищъ Магометъ-Амина; въ февраль 1853 года — для осмотра дорогъ къ лѣсу Сетуазе и опять для наказанія враждебныхъ обществъ дальнихъ Натухайцевъ; въ мартъ и апрѣль — для произведенія просѣки въ названномъ лѣсу, а также противъ скопищъ Магометъ-Амина; въ октябрь — для наказанія ближнихъ Натухайцевъ. Во время этихъ экспедицій онъ находился неоднократно въ сильныхъ перестрѣлкахъ, нѣсколько разъ въ рукопашныхъ схваткахъ, на штурмахъ заваловъ и ауловъ, и, за отличіе, имъ оказанное, награжденъ: 1-го октября 1852 года — производствомъ въ майоры, со старшинствомъ съ 12-го декабря 1851 года, а 11-го іюня 1853 года — Монаршимъ благоволеніемъ, 7-го ноября послѣдняго года—Цакни участвовалъ въ бомбардированіи Николаевскою эскадрою, подъ начальствомъ также Серебрякова, и въ ночномъ движеніи его, съ четырьмя пароходами, къ Трапезунту, и во взятіи Турецкой кочермы. Въ священный день 26-го августа 1856 года Михаилъ Аргильевичъ произведенъ въ подполковника.

Подпоручикъ — нынѣ майоръ — *Іоакимъ Степановичъ Худобашевъ* происходитъ изъ дворянъ Ставропольской губерніи, въ службу вступилъ, 21-го сентября 1829 года, унтеръ-офицеромъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ; 20-го апрѣля 1830 года произведенъ въ подпрапорщики, а 22-го марта 1834 года, бывъ 22-хъ лѣтъ отъ роду, въ прапорщики. Въ концѣ этого года онъ сдѣлалъ первую свою кампанію, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Малиновскаго, за Кубань, къ рѣкѣ Ассу, для разсыанія скопища Шапсуговъ, и 1-го января 1835 года былъ въ первой перестрѣлкѣ съ горцами; въ мартъ и апрѣль этаго года онъ участвовалъ въ экспедиціи къ рѣкѣ Шапсу, для снабженія Абина продовольствіемъ, при устройствѣ плотинъ чрезъ Тлахофимскія и Аушецкія болота, равно чрезъ

рѣки Большой и Малый Кунисъ — въ іюнь; а потомъ, съ іюля по ноябрь, подъ начальствомъ Вельяминова, находился за Кубанью для продолженія устройства укрѣпленій линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до Геледжина, и, за отличіе въ бывшихъ при томъ сраженіяхъ, пожалованъ орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Въ 1836 и 1837 годахъ онъ находился опять за Кубанью, при продолженіи дѣйствій къ усмирению непокорныхъ намъ народовъ и для продолженія укрѣпленій по восточному берегу Чернаго Моря, подъ начальствомъ также Вельяминова, и былъ въ неоднократныхъ схваткахъ и перестрѣлкахъ, происходившихъ при этомъ, и, за оказанное отличіе, награжденъ орденомъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ, а, 11-го декабря, произведенъ въ подпоручики. Въ этомъ же году, въ ознаменованіе пребыванія въ Бозѣ почивающаго Государя въ Закавказскомъ Краѣ, онъ награжденъ, въ числѣ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, годовымъ жалованьемъ. Въ 1838 году, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Раевского, Худобашевъ участвовалъ въ движеніи чрезъ земли Натухайцевъ, отъ Новороссійска въ Анапу и обратно; въ 1839 году, подъ начальствомъ того же генерала, въ десантѣ на восточномъ берегу Чернаго Моря, при постройкѣ укрѣпленій и въ жаркихъ дѣлахъ, при этомъ происходившихъ. При взятіи форта Вельяминовскаго укрѣпленія онъ получилъ три раны: а) въ правую щеку, съ поврежденіемъ правой скуловой кости; б) ружейною пулею въ лѣвое предплечье поперечнаго перста, ниже локтеваго сгиба, съ поврежденіемъ мышцъ сгибающихъ пальцы, и в) пулею въ лѣвое бедро выше колѣна на три вершка. За отличіе, при этомъ оказанное, онъ произведенъ, 9-го мая, въ поручики и, «за оказанное мужество и храбрость», награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ. 16-го апрѣля этого года, въ воздаяніе отличной усердной службы и особенныхъ трудовъ, съ примѣрною твердостію и постоянствомъ переносимыхъ въ войнѣ съ горцами, въ числѣ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, ему убавленъ одинъ годъ къ выслугѣ на орденъ Св. Георгія. Выкупленъ онъ изъ плѣна 28-го декабря того же года, и опредѣленъ въ прежній полкъ. 5-го іюня 1843 года Худобашевъ назначенъ исправляющимъ должность пристава Ка-

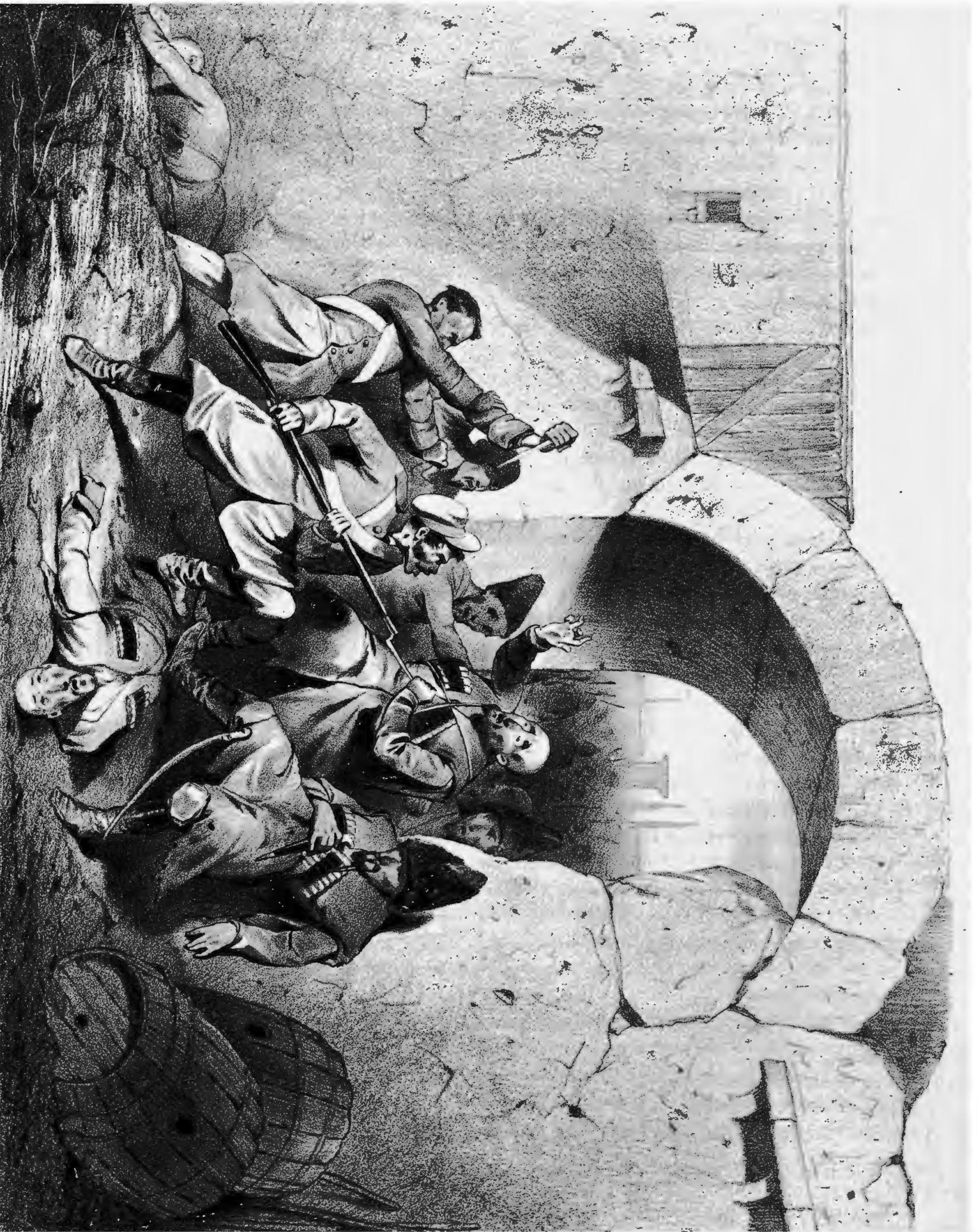
лаусо-Джембулукоекаго народа, 25-го апрѣля 1847 года — для особыхъ порученій къ временно-командовавшему войсками на Кавказской Линіи и Черноморіи, съ состояніемъ по арміи; 29-го іюля 1849 года произведенъ, въ сравненіи съ сверстниками, въ штабсъ-капитаны, со

старшинствомъ съ 18-го февраля; 20-го мая 1852 года, за отличіе по службѣ, — въ капитаны; 14-го мая 1855 года, за отличіе противъ горцевъ, — въ маіоры; наконецъ, 5-го іюля этого года, назначенъ полиціймейстеромъ въ городъ Ейскъ, съ оставленіемъ по арміи.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 5-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Лит. Л. Пожогича Новоселова.

ПОДВИГЪ КУКСЕНКА РАДОВАГО ШИРВАНСКАГО
Е. И. В. В. КНИЗА НИКОЛАЕ КОНСТАНТИНОВИЧА ПОДКА
4 Марта 1828 Гола

Лит. М. Корезича.

ПОДВИГЪ РЯДОВАГО КУКСЕНКО.

Во время послѣдней войны нашей противъ Персіянъ, между множествомъ подвиговъ храбрыхъ нижнихъ чиновъ Кавказскаго корпуса, достоинъ быть особенно упомянутъ подвигъ Ширванскаго (нынѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Константиновича) полка рядоваго *Куксенко*, обнаруживающій замѣчательное присутствіе духа и неустрашимость.

4-го марта 1828 года, вечеромъ, въ Тавризѣ, нѣсколько нашихъ солдатъ, склоняемыхъ къ побѣгу, были удерживаемы насильно въ одномъ домѣ, лежавшемъ въ дальнемъ форштадтѣ. Нашъ штабъ-офицеръ, исправлявшій должность тамошняго полиціймейстера, узнавъ объ этомъ, пошелъ для ихъ освобожденія, взявъ съ собою двухъ офицеровъ, одного унтеръ-офицера и девять рядовыхъ; — въ числѣ послѣднихъ находился и Куксенко.

По прибытіи на мѣсто, полиціймейстеръ послалъ одного офицера съ нѣсколькими солдатами во внутрь дома, на ко-

торый было указано. Стоявшіе у дверей Персіяне бросились съ оружіемъ на этого офицера, и, ударивъ его по головѣ, сбили съ ногъ; потомъ съ сильнымъ крикомъ звали на помощь сосѣдей, которые и сбѣжались со всѣхъ сторонъ. Полиціймейстеръ, во избѣжаніе кровопролитія, за благо разсудилъ удалиться на время, чтобы принять успѣшнѣйшія мѣры противъ непокорныхъ.

Между тѣмъ, двое рядовыхъ, — Куксенко и другой, имени котораго не сохранилось, — пробравшись во внутренность дома, по уходѣ команды остались тамъ. При этомъ товарищъ Куксенки упалъ въ яму и съ трудомъ вышелъ изъ нея, но безъ оружія.

Персіяне, замѣтивъ двухъ нашихъ солдатъ, окружили домъ, съ намѣреніемъ взять ихъ въ плѣнъ, безъ сомнѣнія, никакъ не воображая встрѣтить сопротивленіе; а тѣмъ мѣнѣе не помышляя о возможности Русскимъ освободиться. Но, для одного Кавказскаго солдата, какъ они сами выра-

жаются, *десятокъ Персіянъ не составляютъ важности*. Наши войны не оробѣли; но, не прибѣгая къ оружію, — котораго у одного и вовсе не было, — они, съ твердостію, требовали, чтобъ ихъ пропустили.

Персіяне, число которыхъ непрерывно возрастало, раздраженные упорствомъ, стали покушаться на жизнь удалцевъ. Тогда лихіе Ширванцы, видя неистовство враговъ, рѣшились освободиться силою.

Рядовой Куксенко, зарядивъ ружье, выстрѣлилъ въ осаждавшую толпу и ранилъ на вылетъ одного Персіянина; устра-

шенные соотечественники его не рѣшались подступать къ храбрымъ. Ширванецъ успѣлъ снова зарядить ружье. Выстрѣломъ повалилъ другаго Персіянина и, скомандовавъ себѣ на руку, онъ, съ восклицаніемъ ура! поднялъ на штыкъ перваго встрѣтившагося ему Персіянина, смѣло пошелъ впередъ, и успѣлъ пробиться сквозь изумленную толпу, выведя и обезоруженнаго своего товарища.

Въ награду такого подвига неустрашимости, главнокомандовавшій графъ Паскевичъ-Эриванскій возложилъ на рядоваго Куксенко **знакъ отличія военнаго ордена**.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по пачатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 5-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилоствѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ редактора-издателя много-милостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и съ Сибири. Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность неуспѣшно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію «Кавказцевъ», какъ изданія исключительно назначеннаго къ сохраненію подвиговъ, совершенныхъ на Кавказѣ, и прибыль отъ котораго предоставлена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ павшихъ, во славу русскаго оружія. По этому, Редакція находитъ возможнымъ предложить слѣдующія облегченія къ подпискѣ:

За первые 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24 листовъ текста, съ 18 приложеніями, вышедшіе до 1 января 1858 года, цѣна остается прежняя, то есть *шесть рублей*.

За слѣдующіе 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48 листовъ текста, съ 36 приложеніями, имѣющіе выйти въ теченіе 1858 года, цѣна *двѣнадцать рублей*.

Но подписавшіеся на первые 12 выпусковъ до 1-го января 1858 года, вносятъ за 24 выпуска слѣдующаго года только *десять рублей*.

Желающіе подписаться на одинъ текстъ безъ рисунковъ платятъ половину.

За доставку на домъ въ С.-Петербургъ прилагается: за первые 12 выпусковъ — 50 к.; за слѣдующіе 24 выпуска 1 руб., а за пересылку въ другіе города: за 12 выпусковъ 75 к., а за 24—1 руб. 50 коп.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ *непремѣннымъ* правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи. При этомъ редакція покорнѣйше проситъ гг. подписавшихся, высылать адреса самыя вѣрныя, дабы безвинно не заслужить нареканія отъ гг. желающихъ знать чудные подвиги своихъ соотечественниковъ.

Періодическое изданіе «Кавказцы» имѣетъ предметомъ передать потомству, перомъ и карандашемъ, замѣтательнѣйшіе подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно-сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его найдутъ также мѣсто доблестныя дѣла и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги *моряковъ*, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) неустранимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемаго ими подъ вражьиими выстрѣлами; г) живѣйшее участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще усердно содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чинами, которыя, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію русской власти въ краѣ. Сюда же войдутъ жизнеописанія ученыхъ, прославившихся своими изслѣдованіями о Кавказѣ, облегчающими благотворныя мѣры Правительства въ этой любопытной части великаго нашего отечества.

Множество подвиговъ и лицъ, уже отмѣченныхъ Исторіею, и еще большее число новыхъ, донинѣ замѣченныхъ ею, оставленныхъ ею безъ вниманія, займутъ въ предпринимаемомъ изданіи принадлежащее имъ мѣсто. Въ немъ будутъ и тѣ, которые славно пали на полѣ брани, и тѣ, которые послѣ геройскихъ дѣлъ почли въ мирной могилѣ, и тѣ, которые отличены нынѣ почестями, и, наконецъ тѣ, которые укрылись въ уединеніе, на отдыхъ, послѣ трудной жизни. О каждомъ лицѣ говорится отдѣльно и, если можно, прилагаются его портретъ, планъ мѣстности, гдѣ происходило дѣло, или рисунокъ, изображающій подвигъ.

Описанія слѣдуютъ одно за другимъ, не стѣсняясь какимъ-либо опредѣленнымъ порядкомъ, а по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, по мѣрѣ ихъ изготовленія. Но наружный видъ изданія принять такой, чтобы, въ послѣдствіи, можно было расположить ихъ въ порядкѣ алфавитномъ или хронологическомъ.

Изданіе выходитъ съ 1-го іюля 1857 года по два раза въ мѣсяцъ, выпусками въ 2 листа каждый, въ большую четвертку; текстъ печатается на хорошей бѣлой бумагѣ, новымъ шрифтомъ, чисто, опрятно; приложенія, числомъ до **трехъ** въ мѣсяцъ, изготовляются лучшими нашими художниками и печатаются на китайской бумагѣ. Изданіе каждаго года получитъ великолѣпный заглавный листъ, а каждый выпускъ имѣетъ особую обертку.

ПОДПИСКА принимается: въ С.-Петербургѣ: въ редакціи, находящейся въ С.-Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова*; въ конторѣ изданія, учрежденной при книжномъ магазинѣ *Я. А. Исакова* (въ Гостиномъ Дворѣ, по Суконной Линіи, подъ № 24), и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта; — въ Москвѣ: у книгопродавца *Ө. И. Салаева*; — въ Тифлисѣ: у книгопродавца *Г. В. Бернштама*.

Редакція принимаетъ на себя ручательство за исправную и своевременную доставку выпусковъ только въ томъ случаѣ, когда подписка принята въ этихъ мѣстахъ. — Выпуски рассылаются въ конвертахъ, заклеенныхъ наглухо.

Приступивъ къ изданію «Кавказцы», Редакція не дѣлала блистательныхъ обѣщаній, а дала только слово трудиться, по мѣрѣ силъ своихъ и употреблять всѣ усилія, чтобы сдѣлать изданіе вполне достойнымъ его назначенія. Не щадя ни трудовъ, ни издержекъ, величайшею себѣ наградою Редакція считаетъ, что сдѣлаетъ достояніемъ общимъ подробности о подвигахъ и жизни достойныхъ соотечественниковъ. — Всю чистую прибыль отъ изданія, за покрытіемъ издержекъ, предоставляя въ пользу раненыхъ Кавказцевъ и семействъ убитыхъ, Редакція въ концѣ каждаго года будетъ обнародывать имена всѣхъ лицъ, сочувствующихъ благой цѣли изданія.

Воззвание Редакции къ соотечественникамъ о доставленіи свѣдѣній о жизни и подвигахъ Кавказцевъ, портретовъ ихъ и рисунковъ, съ признательностію скажемъ, превзошло ожиданія. Со всѣхъ сторонъ обширной Россіи получаютъ матеріалы, нерѣдко драгоценныя, которые иначе могли бы утратиться или, по крайней мѣрѣ, долго бы, если не на всегда, остаться неизвѣстными.

Въ непродолжительномъ времени будутъ напечатаны: походъ Петра Великаго въ Дагестанъ, съ картами и рисунками; путешествіе по Кавказу Императора Николая Павловича и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, также съ картою и рисунками; жизнеописанія незабвеннаго для Кавказа генерала отъ артиллеріи Алексѣя Петровича Ермолова, славнаго князя Циціанова, героя-богатыря Вельяминова, безпримѣрно-храбраго Карягина, сподвижниковъ Петра Великаго — Матюшкина и Левашова, графовъ: Зубова и Гудовича; князя Аргутинскаго-Долгорукова, описаніе плѣна капитановъ Глѣбова и Торнау, жены полковника Махина, академика Гмелина и штабсъ-капитана Новоселова; много отдѣльныхъ описаній подвиговъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, совершенныхъ какъ въ прежнее время, такъ и въ послѣдніе годы, а также описанія защиты укрѣпленія Ахты и славнаго паденія Вельяминскаго форта и Михайловскаго укрѣпленія.

Сверхъ того, въ Редакціи дѣятельно изготавляются жизнеописанія *) генералъ-адъютантовъ: свѣтлѣйшаго князя А. С. Меншикова, князя М. Д. Горчакова, Н. Н. Муравьева, князя А. П. Барятинскаго, П. Х. Граббе, П. Е. Коцебу, свѣтлѣйшаго князя А. А. Италийскаго графа Суворова-Рымникскаго, А. А. Кавеніпа, барона А. Е. Врангеля и графовъ: К. Х. и К. К. Бенкендорфовъ; генераловъ: Е. А. Головина, Н. Н. Муравьева, маркиза Паулуччи, Тормасова, князя Гагарина, И. М. Лабынцова, генерала Горскаго, знаменитаго страдальца за родину А. П. Вольнскаго, — одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Петра къ упроченію русскаго вліянія на Кавказѣ, — и дѣятельныхъ участниковъ въ походѣ Великаго Императора на Дербентъ — Ф. И. Соймонова, генералъ-адмирала графа Апраксина и генерала Кропотова; генераловъ: Несвѣтѣева, Булгакова, Текелли, Якоби, Небольсина, Бибилова, графа Баранова, Кнорринга, Портягина, князя Мадатова, Лисаевича, Бакланова, Кюге-фонъ-Клюгенау, Сулова, Кишинскаго 1 и 2-го, Кауфмана; полковника Кауфмана; генераловъ Полтинина и Бѣлявскаго, князей Эрстовыхъ и Орбеляновъ, Бебутовыхъ и Андронниковыхъ, генераловъ Раевского и Рудановскаго; воеводы Бутурлина, — доблестнаго защитника Тарковъ въ 1605 году; князя М. П. Барятинскаго, нашего посланника къ Персидскому Шаху при Царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ; генералъ-аншефа князя П. Ф. Барятинскаго, сподвижника Петра Великаго: генералиссимуса Суворова; генераловъ Шульца и Бурцова, флигель-адъютанта Скобелева, доктора Гринквиста, капитана 1-го ранга Веселого, графа Гейдена, адмирала Станюковича, капитана Фохта, адмирала Хруцова, генерала Адлерберга, воеводу Засѣкина и Хворостинскаго, Щербину, генераловъ Тотлебеня, — славно дѣйствовавшаго на Кавказѣ при Екатеринѣ II, Ковалевскаго и Панкратьева, адмирала Серебрякова, генераловъ: Врангена, Кангера, Годлевскаго, Альбранта, Малиновскаго, Ивдреніуса и Мищенко, полковниковъ: Юдина, Камкова, Рагузы, штабсъ-капитана Мадальнскаго, маіора Щедры, князей Чевчевадзе, доктора Троицкаго, адмирала Нахимова, жены капитана Жоржа и жены штабсъ-капитана Байдакова, капитана Добрышина, князя В. В. Долгорукова, — главнокомандовавшаго на Кавказѣ при Екатеринѣ I, атамановъ Шатова и Заводовскаго: барона Медема — генерала временъ Екатерины II, адмирала Пустошкина, ссаула Липина, Александра Бестужева (Маринскаго), жены подпоручика Бегуславскаго, адмирала Грейга, генерала Лихачева, подпоручика Маевского, генерала барона Николая, штабсъ-капитана Пружановскаго, подполковника Трескина, генераловъ Броневскихъ, безсмертнаго Грибоѣдова, князей Васильчикова и Дондукова-Корсакова, графа Строганова, Дьяконова, генераловъ: Мавюкина и Малиновскаго, іеромонаха Макарія и игумена Еврема, патриарховъ-каволикосовъ Армено-Грегоріанской Церкви Еврема, Іоаннеса и Парсеса и многихъ другихъ;

Сообщая этотъ списокъ заготовляемымъ жизнеописаніямъ, Редакція имѣетъ въ виду единственно полученіе *въ скорпѣишней времени*, матеріаловъ о поименованныхъ лицахъ, могущихъ дополнить имѣющіяся свѣдѣнія. Руководствуясь строжайшимъ безпристрастіемъ, Редакція спѣшитъ собрать наиболѣе свѣдѣній о дѣйствителяхъ ближайшей эпохи въ томъ предположеніи, чтобы доставить возможность людямъ, хорошо знающимъ событія и лица, исправить неизбѣжныя погрѣшности; но изъ списка видно, что въ тоже время не упущено стараніе собрать свѣдѣнія о доблестныхъ отцахъ и дѣлахъ.

Славные герои кавказскіе, это наше убѣжденіе, вполне поймутъ и оцѣнятъ желаніе Редакціи имѣть наиболѣе матеріаловъ; этимъ доставится возможность лучше исполнить предпріятіе, которое возлюбленный Монархъ нашъ удостоилъ осчастливить наименованіемъ «добраго намѣренія». Дѣйствительно, только при общемъ сочувствіи, Редакція можетъ свято исполнить принятую на себя обязанность: потому что, — она это сознаетъ, — одинъ человекъ, какъ бы не былъ онъ дѣятеленъ, никогда не въ состояніи довести подобнаго изданія до той степени, на которой желательно видѣть его, по важности предмета. Редакціи нужно не матеріальное одобреніе, — на святой Руси, благодаря Бога, найдется число лицъ дорожащихъ отечественной славой и готовыхъ принести ленту свою на помощь раненымъ и семействамъ, павшимъ на брани, которые своею подпискою поддержать изданіе. Но Редакціи желательно, чтобы русскіе воины и ихъ семейства продолжали, чрезъ «Кавказцевъ», дѣлиться съ соотечественниками имѣющимися у нихъ свѣдѣніями о доблестныхъ подвигахъ и подробностями о жизни дѣйствителей, и тѣмъ доставляли средства представить, перомъ и карандашемъ, возможно большее число ихъ, возможно полнѣе и возможно вѣрнѣе и совершеннѣе. Не должно останавливаться отъ мысли, что имѣющаеся въ виду свѣдѣнія незначительно, что матеріалы малы по объему, — часто одно слово, одинъ знекодоть, одна черта замѣчательнаго лица драгоценнѣе при составленіи его жизнеописанія, характеризуетъ его лично, произшествіе и эпоху лучше, чѣмъ кнѣы писанной бумаги. Въ подобномъ предпріятіи скромность неумѣстна. Подвигъ, совершенный для отечества, принадлежитъ не лицу, но отечеству.

*) Здѣсь имена славныхъ и извѣстныхъ Кавказцевъ выставлены по количеству матеріаловъ объ ихъ подвигахъ, имѣющихся въ Редакціи, въ настоящее время.

Редакторъ и издатель, Плацъ-Маіоръ С.-Петербургской крѣпости, Лейбъ-Гвардіи Санернаго батальона
Полковникъ С. Новоселовъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюня 10-го дня 1858 года.

Ценсоръ В. Бекетовъ.

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

выпуски 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й, 32-й и 33-й.

Защита укрѣпленія Ахты в Самурскаго округа. — Трояливъ. —
Жизнеописаніе Нерсеса V, верховнаго патріарха и католикоса
всѣхъ Армянъ. — Божій промыслъ. — Жизнеописаніе генераль-
адъютанта генералъ лейтенанта Спягина.

Приложенія: Карта части Дагестана. — Планъ позиціи подъ
ауломъ Мискенджи. — Планъ сраженія при АджіахурѢ. — Планъ
укрѣпленія Ахты. — Штурмъ непріятельскихъ заваловъ при аулѢ
Мискенджи. — Портретъ Байдаковской. — Два портрета Нер-
сеса V. — Встрѣча Императрицы Екатерины. — Портретъ гене-
раль-лейтенанта Спягина.

*Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и
святую родину, заставляеть Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статей
и рисунковъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОБА ТРЕЯ.

1858.

ЗАЩИТА УКРѢПЛЕНІЯ АХТЫ И САМУРСКАГО ОКРУГА

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1848 ГОДА.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Геройская защита Ахтынскаго укрѣпленія противъ огромныхъ скопищъ Шамиля, осаждавшихъ его въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1848 года, бесспорно есть одинъ изъ самыхъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, когда-либо занесенныхъ въ лѣтописи военной исторіи. До сихъ поръ на Русскомъ языкѣ появилось два или три описанія осадъ Ахты, но все они весьма неудовлетворительны и заключаютъ въ себѣ полное и сбивчивое сказаніе о самой защитѣ укрѣпленія и дѣйствіяхъ генераль-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукаго. Читая эти описанія, невольно задаешь себѣ вопросъ: какимъ образомъ Шамиль, вторгнувшись съ большимъ скопищемъ въ Самурскій округъ, могъ подойти къ Ахтамъ и безнаказанно, въ теченіе семи дней, осаждать укрѣпленіе? При этомъ укрѣпленіе Ахты представляется

мѣстомъ, не имѣющимъ почти значенія въ общей оборонѣ края и стоящимъ совершенно отдѣльнымъ пунктомъ, представленнымъ собственнымъ средствамъ. Между тѣмъ на дѣлѣ, оно весьма важно какъ для наблюденія за Самурскимъ округомъ, такъ въ особенности для прикрытія дорогъ, ведущихъ отъ него въ Закавказскія провинціи, именно въ Нухинскій уѣздъ. Имѣя такое важное значеніе, укрѣпленіе Ахты находится въ тѣсной связи съ Южнымъ Дагестаномъ и Лезгинской Линіей. Словомъ, существовавшія доселѣ описанія осады Ахты, противорѣчащими своими фактами, а, главное, неполнотою и отсутствіемъ всякаго критическаго взгляда на ходъ военныхъ дѣйствій, какъ предшествовавшихъ осадѣ, такъ и совершившихся во время ея, даютъ самое неточное понятіе на счетъ положенія укрѣпленія Ахты и вообще всѣхъ укрѣпленій на Кавказѣ, и скорѣе затемняютъ, нежели объясняютъ дѣйствія нашихъ войскъ, предпринятыхъ къ защитѣ Самурскаго округа противъ скопищъ Шамиля въ 1848 году.

Предлагаемое нами описаніе заключаетъ въ себѣ подробное разсмотрѣніе всѣхъ нашихъ дѣйствій для защиты Самурскаго округа со стороны Дагестана и со стороны Лезгинской кордонной линіи, самую защиту укрѣпленія Ахты и, кромѣ того, всему этому предпосланъ взглядъ на значеніе Самурскаго округа и его занятіе генераломъ Головинымъ въ 1839 году.

Изъ числа источниковъ, принятыхъ въ соображеніе при составленіи этого описанія, мы назовемъ слѣдующіе, особенно важные:

- 1) Донесенія генерала Головина въ 1839 году.
- 2) Подлинный журналъ военныхъ происшествій въ Дагестанѣ съ 4-го сентября по 2-е октября 1848 года, представленный генераль-адъютантомъ княземъ Аргутинскимъ-Долгоруковымъ, отъ 2-го октября, за № 1071.
- 3) Таковыя же журналы генераль-лейтенанта Шварца, о военныхъ происшествіяхъ на Лезгинской Линіи со 2-го по 24-е сентября 1848 года, представленные отъ 9-го, 16-го и 23-го сентября того же года, за №№ 187, 1069 и 1114.
- 4) Приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу, отъ 11-го ноября 1848 года, за № 132, о преданіи военному суду инженеръ-генераль-маіора Бюрно.
- 5) Подлинный журналъ осады укрѣпленія Ахты, представленный полковникомъ Ротомъ князю Аргутинскому, и
- 6) Журналъ капитана Новоселова о защитѣ укрѣпленія Ахты, съ 15-го по 22-е сентября 1848 года.

О томъ, что мы сдѣлали, пользуясь такими матеріалами, предоставляемъ судить читателямъ.

ГЛАВА I.

ОПИСАНІЕ САМУРСКАГО ОКРУГА И ЕГО ПОКОРЕНІЕ ГЕНЕРАЛЬ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ ГОЛОВИНЫМЪ ВЪ 1839 ГОДУ.

Подъ именемъ Дагестана разумѣется обширное пространство Кавказскаго перешейка, между Каспійскимъ Моремъ, главнымъ Кавказскимъ и Андійскимъ хребтами и Сулакомъ, отдѣляющимъ его на сѣверъ отъ Кумыкскаго плоскогорья. Уголъ, образуемый соединеніемъ между собою Андійскаго и главнаго хребтовъ, у горы Барбало, составляетъ самую возвышенную часть Дагестана. Андійскій хребетъ, на значительномъ своемъ протяженіи къ сѣверо-востоку, а также главный хребетъ Кавказскихъ горъ, на пространствѣ отъ г. Барбало (9,668 ф.) до г. Салаватъ (12,185 ф.), имѣютъ снѣжныя вершины; въ слѣдствіе этого, пространство между хребтами на востокъ до Казикумыкскаго-Койсу представляетъ страну суровую, загроможденную высокими, голыми скалами, черезъ которыя, узкими ущельями, прорываются немногія рѣки. По мѣрѣ приближенія горъ къ Каспійскому Морю, высота ихъ значительно понижается: такъ Андійскій хребетъ, получающій на берегахъ Сулака, названіе Салатавскихъ горъ, нечувствительно переходитъ въ степи Кумыкскаго плоскогорья, а главный хребетъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, около г. Баку, кончается рядомъ небольшихъ возвышеній и нефтяныхъ колодцевъ. За крайній предѣлъ распространенія промежуточныхъ горныхъ покостей въ углу, вершиною которому служить г. Барбало, можно принять линію, идущую отъ Евгеніевскаго укрѣпленія, на р. Сулакъ, черезъ городъ Кубу до города Баку. Между этой линіей и Каспійскимъ моремъ заключаются равнинныя мѣста, переходяція въ степи и сливающіяся съ низменными берегами Каспійскаго Моря.

Дагестанъ, занятый по большей части горными пространствами, не имѣетъ большихъ рѣкъ: замѣчательныя изъ нихъ четыре рѣки Койсу: Андійское, Аварское, Кара и Казикумыксское, составляющія р. Сулакъ. Бассейнъ этихъ рѣкъ образуетъ самую суровую часть Кавказа, извѣстную подѣ

именемъ Нагорнаго Дагестана. Эта страна отдѣляется отъ прочихъ частей Кавказа высокими, малодоступными частями хребтовъ, чрезъ которые едва есть нѣсколько возможныхъ для сообщенія переваловъ.

За четыремя Койсу, главное мѣсто между рѣками Дагестана занимаетъ Самуръ; верхнее теченіе Самура до выхода его изъ горъ, близъ укрѣпленія Хазровъ, стѣснено безчисленными горными отраслями, пересѣкающимися между собою и образующими ряды горныхъ хребтовъ и страшныхъ пропастей, дѣлающихъ мѣста эти трудно доступными.

Дагестанъ населенъ различными Лезгинскими племенами, часть которыхъ, въ провинціяхъ, прилегающихъ къ Каспійскому Морю, въ слѣдствіе долгаго владычества тамъ Персовъ, смѣшалась съ ними и съ давнихъ временъ составила различныя ханства, какъ въ Южномъ Дагестанѣ, такъ и по ту сторону горъ, по нижнимъ частямъ Куръ; на сѣверѣ же Дагестана образовались Татарскія владѣнія: шамхала Тарковского—между Каспійскимъ Моремъ и Сулакомъ, хана Аварскаго—между Андійскимъ и Аварскимъ Койсу, и другія. Остальная часть Лезгинъ, обитателей Дагестана, отличающихся особенною буйностью характера, своеволіемъ и нежеланіемъ покоряться чуждому вліянію, удалилась въ неприступныя горы и тамъ составила вольныя общества, какъ напр.: Акушинское, Даргинское, Цудахаринское и вольную Табасарань, на правомъ берегу Казикумыхскаго-Койсу; общества: Андалаяль, Тлейрухъ, Анкратль, Ахвахъ, Анди, Дидо и многія другія въ Нагорномъ Дагестанѣ; наконецъ, общества: Ахтинское, Докуспаринское и Ахтыспаринское въ ущельяхъ верхняго Самура.

Нѣкоторыя вольныя Лезгинскія общества перешли чрезъ Андійскій хребетъ; такъ напр. Салатавцы заняли пространство между Салатавскими горами и лѣвымъ берегомъ Сулака; другія перешли на нижнюю сторону главнаго хребта, какъ Джарскіе Лезгины, занявшіе окрестности Бѣлоканъ между горами и Алазанью.

Вліяніе Россіи на Дагестанъ началось еще со второй половины XVI столѣтія, а со временъ Петра Великаго, принимавшаго туда походъ, быстро пошло впередъ. Мало по малу всѣ провинціи, лежащія вдоль морскаго берега, у

подожвы горъ, подчинились нашему правительству; вмѣстѣ съ ихъ покорностью необходимо должны были признать владычество Россіи и многія племена, живущія въ горахъ. Причины этого заключаются въ той зависимости, въ которой находились жители горъ отъ обитателей плоскости относительно пастбищъ. Горы Дагестана весьма скудны растительностью и мало даютъ средствъ къ прокормленію скота, а потому горцы съ давнихъ временъ выгоняли свои стада на плоскость, и тѣмъ, слѣдовательно, ставились въ большую или меньшую зависимость отъ обитавшихъ тамъ племенъ. По мѣрѣ того, какъ жители низменныхъ пространствъ покорялись нашему правительству, ему же подчинялись и жители горъ, но подчиненіе это было вынужденное. Прежде, Лезгины не хотѣли подчиняться Персамъ, съ которыми, между прочимъ, связывала ихъ религія; тѣмъ понятнѣе было нежеланіе ихъ покориться Россіи. Повидимому они были мирны, платили даже нѣкоторую подать; но какъ только, съ наступленіемъ весны, отрывалась возможность пасти скотъ въ горахъ, они угоняли его съ плоскостей, и тогда начинали свои разбои вѣредъ до зимы, съ наступленіемъ которой вновь выпрашивали позволеніе выгонять свои стада къ подножію горъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла до 1837 года, въ теченіе котораго правители Аваріи изъявили желаніе, чтобы владѣнія ихъ были заняты Русскими войсками. Въ слѣдствіе этого предпринята была генераль-лейтенантомъ Фези экспедиція въ Аварію, при чемъ послѣдовало занятіе Хунзаха, столицы хановъ Аварскихъ. Эти успѣхи нашего оружія въ Нагорномъ Дагестанѣ еще болѣе возстановили противъ насъ приверженцевъ сильнаго уже тогда ученія Шамиля, послѣдователя Казимуллы. Шамиль всячески старался вооружить противъ насъ горцевъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствія его, съ каждымъ днемъ увеличивавшейся, партіи, были опасны для спокойствія Южнаго Дагестана и Закавказскихъ провинцій, особенно послѣднихъ. Всякій прорывъ горцевъ изъ Южнаго Дагестана въ Закавказскій край ставилъ ихъ въ соприкосновеніе съ жителями тамошнихъ мусульманскихъ провинцій, которые легко могли увлечься примѣромъ непріятеля и сдѣлать тѣмъ его успѣхи болѣе дѣйствительными.

Къ югу отъ Нагорнаго Дагестана, гдѣ вліяніе Шамиля было весьма сильно, лежатъ покорныя намъ владѣнія Казикумыхскія, а далѣе, по верховьямъ Самура, поселились вольныя общества Кюринскаго ханства, которыя признавали нашу власть, платили подати до 2000 руб. сер. въ годъ и имѣли право выгонять свои стада на плоскости Шекинской провинціи; при всемъ томъ они никогда не допускали къ себѣ не только нашихъ войскъ, но никогда ни одинъ Русскій не былъ до того времени въ верхнихъ частяхъ Самура.

Рѣка Самуръ вытекаетъ изъ отлогостей горъ: Гудурь-Дагъ, Каканобъ, Сари-Дагъ и Джюльты-Дагъ. Первыя двѣ, находясь на главномъ хребтѣ, отдѣляютъ своими отлогостями бассейнъ Самура отъ притоковъ Алазани, а послѣднія двѣ, т. е. Сари-Дагъ и Джюльты-Дагъ, служатъ водораздѣльною линіею между притоками Самура съ одной стороны и бассейнами Кора и Казикумыхскаго-Койсу съ другой; вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ находятся на высокомъ горномъ хребтѣ, который, отдѣляясь отъ главнаго при горѣ Гудурь-Дагъ, идетъ въ юго-восточномъ направленіи и ограничиваетъ съ сѣвера и востока горную страну верхняго Самура. Отъ своихъ истоковъ до сел. Хазры Самуръ течетъ въ горахъ. Горная страна верхняго Самура, занятая вольными магалами Кюринскаго ханства, составляетъ такъ называемый Самурскій округъ. Горныя отрасли, его окружающія, мало доступны и даже, въ настоящее время, почти неизвѣстны. Самуръ до Цахура течетъ едва доступной горной тѣсвиной и только соединившись съ Кара-Самуромъ у Лучека, изъ горнаго потока становится значительной рѣкой. Въ верхнихъ своихъ частяхъ онъ принимаетъ множество ручьевъ и рѣчекъ, изъ числа которыхъ особое значеніе имѣютъ слѣдующія:

1) Кара-Самуръ, вытекающій изъ горы Чульты-Дагъ; вдоль его лѣваго берега идетъ путь на селенія Ихрекъ, Катрухъ, Арахкулъ и черезъ Чультыдагскій перевалъ на большую Кумыхскую дорогу къ селенію Хозрекъ.

2) Шиназъ-Чай, вверхъ по которой черезъ сел. Шиназъ, Уна и горный Унадагскій перевалъ идетъ путь на ту же дорогу къ сел. Рычи.

Изъ притоковъ Самура съ правой стороны замѣчательнъ Ахты-Чай, вытекающій изъ отлогостей г. Салаватъ; вверхъ

по его теченію идетъ сообщеніе съ Закавказскими провинціями, черезъ Шинское ущелье.

Кромѣ того главные пути въ Закавказье идутъ:

1) Отъ селен. Лучекъ на д. Кялалю и черезъ перевалъ Диндидагъ въ Мухахское ущелье къ сел. Чардахлы.

2) Отъ Рутула черезъ Елису по Кахскому ущелью къ укр. Кахскому.

3) Черезъ Кишское ущелье къ г. Нухъ.

4) Черезъ Хочмазское ущелье къ участку того же названія.

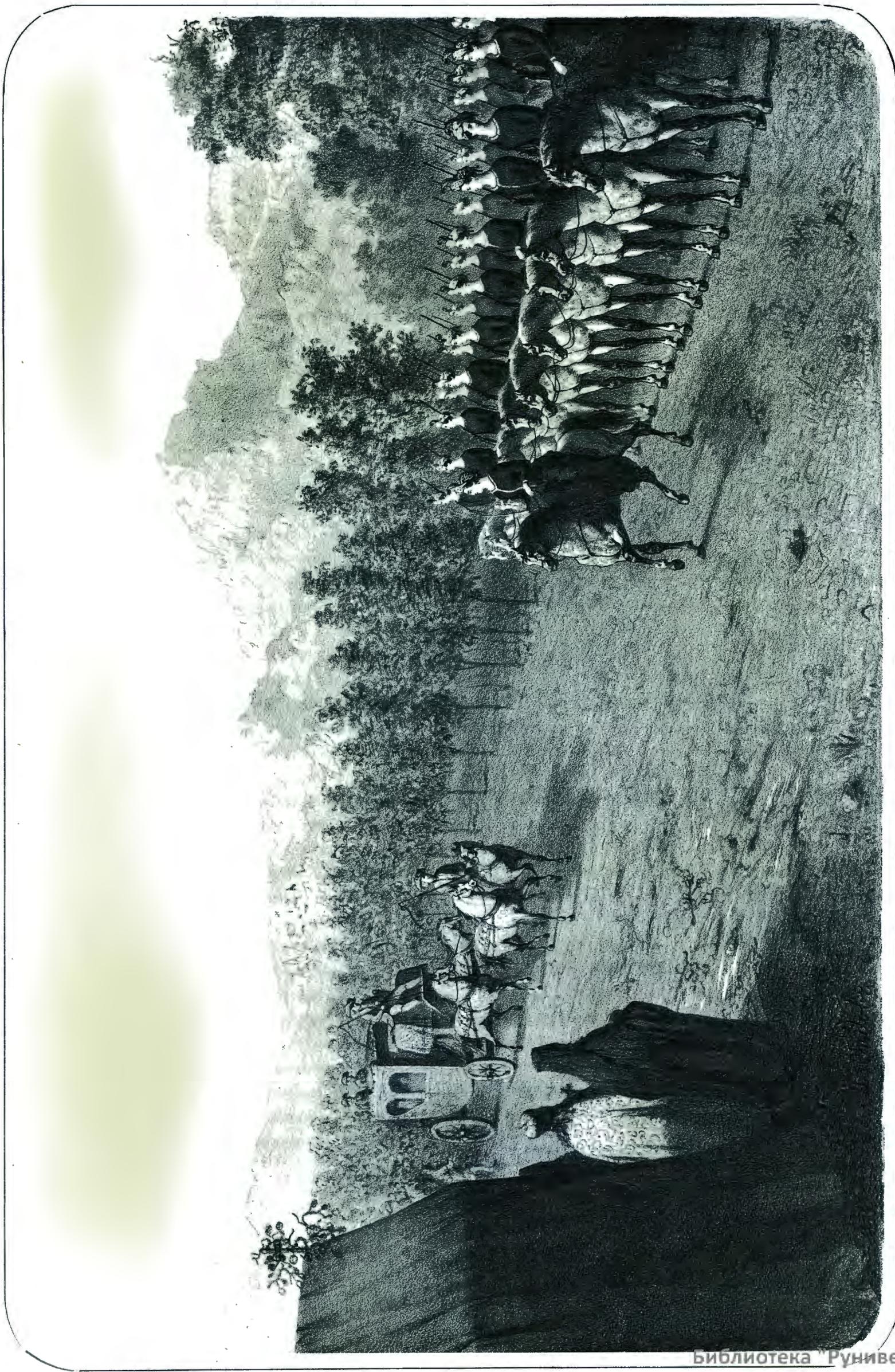
Ниже устья Ахты-Чая, горныя отрасли, сопровождающія верхнее теченіе Самура, близко подходятъ къ рѣкѣ своими крутыми обрывами и по узкой береговой долинѣ идетъ сообщеніе съ Дагестаномъ чрезъ Аджіахурскую тѣснину.

Между переваломъ Чультыдагскимъ и Аджіахурской тѣсвиной есть еще перевалъ черезъ горы отъ сел. Ахты на сел. Гра и Курахъ.

Высокія горы верхней части Самурскаго округа большую часть года бывають покрыты снѣгомъ и только съ мая по октябрь возможно тамъ жителство, а потому на зиму жители бѣдныхъ тамошнихъ селеній спускаются съ горъ съ своими семействами и стадами. Къ сѣверу отъ Самурскаго округа лежатъ земли Джумрутскаго и Дуфератскаго обществъ; послѣднее составляетъ магалъ Казикумыхскаго ханства, но не признаетъ власти хана и находится въ зависимости отъ Нагорнаго Дагестана; съ сѣвера и сѣверовостока лежатъ земли ханствъ Казикумыхскаго и Кюринскаго; со стороны Закавказья къ нему примыкають владѣнія прежняго султана Елисуйскаго и Нухинскій уѣздъ.

Какъ горныя магалы верхняго Самура, огражденные неприступною мѣстностью, были всегда убѣжищемъ недовольныхъ и даже преступниковъ, то, при Кубинскомъ возмущеніи, въ 1837 году, они были главнѣйшимъ поводомъ и подстрекательствомъ къ бунту.

По укрощеніи мятежа, большая часть зачинщиковъ укрывалась къ нимъ, и требованіе Кавказскаго начальства о выдачѣ ихъ осталось безуспѣшно. Генералу Фези предписано было, въ 1838 году въ іюнѣ мѣсяцѣ, двинуться съ отрядомъ въ эти нагорныя магалы и возстановить тамъ порядокъ и повиновеніе. Лезгины вступили съ нимъ въ бой и, послѣ

И.А. Г. Локкоука Новоселова

ВСТРЕЧА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ АМАЗОНСКОЮ РОТОЮ.

Печат. И. Корсаки.

сильнаго сопротивленія, были разбиты. Послѣ пораженія они просили о помилованіи, обязались выполнять требованія правительства, заплатить числившіеся на нихъ недоимки и снова приняли присягу на вѣрность. Но вскорѣ за тѣмъ явился между ними Нухинскій бѣглець Манадъ-Магмедъ, назвавшій себя Искендеръ-Ханомъ (сыномъ давно бѣжавшаго въ Персію Шекинскаго хана), который побудилъ ихъ къ новому нарушенію присяги; они вѣроломно вторглись въ Шекинскую провинцію, съ намѣреніемъ овладѣть Нухомъ и взволновать Закавказскихъ мусульманъ. Предпріятіе это имъ не удалось, они были прогнаны.

Для наказанія ихъ генераль Фези, въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же 1838 года, опять выступилъ къ нимъ съ отрядомъ, но они узнали объ угрожающей имъ опасности, предстали снова съ раскаяніемъ на устахъ и съ измѣною въ сердцѣ, приславъ къ командиру Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генераль-лейтенанту Головину, въ Тифлисъ, депутатовъ просить о прощеніи. Прощеніе было дано, но эта мѣра кротости послужила лишь къ увеличенію дерзости полудикихъ горцевъ, которые, привыкнувъ уже нарушать безнаказанно свои обязанности, часть отъ часу, въ надеждѣ на неприступность своихъ жилищъ, становились кичливѣе и опаснѣе, волнуя всѣ сосѣднія, покорныя намъ владѣнія, въ особенности Кубинскую провинцію, Казыкумхъ и Кюринское ханство.

Одна сила оружія могла смирить ихъ и потому приведеніе ихъ прочнымъ образомъ къ покорности было необходимо для возстановленія спокойствія въ цѣломъ Южномъ Дагестанѣ. Прочное занятіе Самурскихъ горныхъ магаловъ обезпечивало, вмѣстѣ съ тѣмъ, Закавказскій край, куда, въ противномъ случаѣ, горцы имѣли свободный доступъ.

Въ 1839 году положено было, съ Высочайшаго разрѣшенія, предпринять рѣшительныя дѣйствія въ Дагестанѣ. Генераль — лейтенанту Граббе, командовавшему войсками на Кавказской Линіи, предписано дѣйствовать въ Нагорномъ Дагестанѣ и взять замокъ Ахульго, а командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, генераль-лейтенантъ Головишъ 1-й долженъ былъ заняться окончательнымъ покореніемъ горныхъ Кюринскихъ магаловъ. Одновременность дѣйствій отрядовъ въ Сѣверномъ и Южномъ Дагестанѣ имѣли цѣлью

развлечь силы Шамиля и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе обезпечить достиженіе предположенныхъ намѣреній.

Передъ началомъ дѣйствій положеніе края было слѣдующее: ханство Казыкумхское, управляемое ханшей Умми-Гюльсумъ-Беки и ханство Кюринское, подъ властью прапорщика Гарунъ-Бека, были совершенно покорны и дѣйствовали въ видахъ нашего правительства, подъ наблюденіемъ Нижегородскаго драгунскаго полка майора Карганова.

Кубинская и Дербентская провинція, Агуша, Каракай-тагъ, Сюрги и другія общества, лежавшія между Казыкумхскимъ-Койсу и Каспійскимъ Моремъ, были спокойны.

Владѣнія шамхала Тарковскаго и хана Мехтулинскаго, подъ управленіемъ преданныхъ намъ владѣльцевъ, не только были совершенно спокойны, но выставляли даже, по мѣрѣ надобности, милицію для дѣйствія противъ враждебныхъ намъ народовъ. О Нагорномъ Дагестанѣ, гдѣ усиливалась власть Шамиля, мы сказали выше.

До 1839 года Русскія войска ни разу не ходили въ Дагестанъ изъ Закавказья черезъ главный хребетъ, часть котораго, прилегающая къ горнымъ магаламъ, была намъ совершенно неизвѣстна, а потому, предпринимая усмиреніе Самурскихъ обществъ, генераль Головишъ считалъ удобнѣе начать свои дѣйствія противъ нихъ изъ Южнаго Дагестана, гдѣ мѣстечко Хазры назначено было пунктомъ сбора для главнаго отряда, для облегченія дѣйствій котораго генераль-майору Симборскому приказано было, кромѣ прикрытія Шекинской провинціи, наступать въ горы черезъ Шинское ущелье, а подполковникъ Даниель-Бекъ, султанъ Елисуейскій, съ милиціею долженъ былъ отъ Елису спуститься въ верховья Самура и отвлечь Ага-Бека Ругульскаго отъ участія въ защитѣ Ахтынскаго магала, противъ котораго начиналъ дѣйствовать главный отрядъ.

24-го мая, у сел. Хазры, собрался весь отрядъ, въ числѣ 11½ баталіоновъ пѣхоты, 22-хъ орудій, 5 сотень казаковъ и 1000 человекъ милиціи, а именно:

Кавказскаго сапернаго баталіона двѣ роты.

Пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Тифлисскаго егерскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Мингрельскаго егерскаго полка 1-й, 2-й, 3-й и 4-й баталіоны.

Кавказской артиллерійской бригады батарейной № 1-го батареи 4 батарейных орудія.

Той же бригады легкой № 1-го батареи 4 орудія.

19-й артиллерійской бригады батарейной № 2-го батареи 2 легких орудія.

Той же бригады легкой № 5-го батареи 4 орудія.

Батарея сводной горной артиллеріи 8 орудій.

Всѣ съ усиленною упряжью.

Сотня линейныхъ казаковъ.

Двѣ сотни сборной команды изъ казачьихъ полковъ.

Двѣ сотни Донскаго казачьяго № 22-го полка.

Чтобы болѣе сблизить съ нами покорныя намъ племена, назначены въ отрядъ нижеслѣдующія милиціи:

Кубинской	40	человѣкъ.
Грузинской	100	»
Карабахцевъ	51	»
Татарскихъ дистанцій	30	»
Эриванской	11	»
Ахалцыхской	4	»
Кабардинской	4	»
Осетинской	16	»
Тагаурской	47	»
Дигорской	20	»
Джавской	13	»
Дербентской	4	»

Итого 240 человѣкъ.

Казыкумышской, Куринской и Табасаранской до 800 человѣкъ.
(дѣйствовавшей отдѣльно).

Осмотрѣвъ отрядъ 25-го мая, генералъ Головинъ отдалъ слѣдующій приказъ:

« Войска главнаго отряда!

« Дѣла Дагестанскія вызвали меня сюда, и я радъ этому случаю, чтобъ, принявъ лично начальство надъ вами, ближе узнать васъ.

« Кавказская война давно вамъ знакома, ребята; я же, послѣ множества кровопролитныхъ битвъ съ врагами нашего отечества въ Европѣ, въ первый разъ еще пойду съ вами на полудикихъ обитателей Дагестана. Но служба Государева вездѣ равна, и враги Его, въ стройныхъ ли рядахъ съ огромною артиллерією, въ рубищѣ ли, имѣя защитою одни горы и камни, какъ здѣсь, должны повсюду гибнуть отъ руки вашей, храбрые воины! И такъ, со Христомъ, пойдѣмъ на заклѣтыхъ враговъ нашихъ, да не похвалятся они, что могли противустать вамъ и да престанутъ считать вертепы свои недоступными для мужества вашего.

« Не разъ Русскій штыкъ рѣшалъ великія дѣла военныя, и помните, ребята: чѣмъ меньше перестрѣлки, тѣмъ лучше; чтобъ опрокинуть непріятеля, надобно смѣло идти на него, и онъ не дождется вашего удара. Бросится ли онъ на васъ, примите его безстрашно, и онъ обратится назадъ. Такъ, съ Божією помощію, перейдемъ мы неприступныя горы и овраги, и проложимъ дорогу для себя и для потомковъ нашихъ въ этой странѣ.

« Богъ благословилъ оружіе вашихъ товарищей, которые, подъ начальствомъ генерала Граббе, дѣйствуютъ въ Чечнѣ и Сѣверномъ Дагестанѣ. Съ 10-го до 15-го числа этого мѣсяца, рядъ молодецкихъ подвиговъ увѣнчалъ ихъ труды при переходахъ чрезъ мѣста доселѣ неприступныя; толпища враждебныхъ Ичкеринцевъ, подъ предводительствомъ извѣстнаго Ташавъ-Гаджи, сообщника Шамиля, были разбиты въ укрѣпленныхъ станахъ своихъ при Мискиѣ и Саясанѣ; ни крутыя горы, ни вѣковые лѣса, ни высокія стѣны и башни не спасли ихъ отъ храбрости нашихъ войскъ! Егеря Кабардинскаго и Куринскаго полковъ, безъ выстрѣла, бѣгомъ взбирались на крутизны и врывались въ укрѣпленія Чеченцевъ; враги спасались бѣгствомъ; укрѣпленія и аулы ихъ были преданы пламени. При аулѣ Саясанъ двѣ роты, пройдя около ста сажень по узкой плотинѣ, подъ сильнымъ огнемъ, къ непріятельскому укрѣпленію, вырвали его изъ рукъ защищавшихъ его мюридовъ и предали пламени.

« Вотъ вамъ свѣжій примѣръ, ребята! Я увѣренъ въ готовности вашей ему послѣдовать: и вамъ надобно выбивать непріятеля изъ-за скалъ и заваловъ; но вы не останете отъ вашихъ Кавказскихъ товарищей.

«Начальникамъ частей и гг. офицерамъ считаю излишнимъ говорить объ ихъ долгѣ: они его знаютъ.»

Подлинный подписалъ: Командиръ Корпуса, Генералъ-Лейтенантъ *Головинъ 1-й*.

Предъ началомъ дѣйствій генералъ Головинъ послалъ въ горныя магалы слѣдующее замѣчательное воззваніе, которое, какъ объясняющее положеніе дѣлъ въ Дагестанѣ съ 1837 по 1839 годъ, приводимъ вполнѣ:

«Ахтипцы, Рутильцы, Докуспаринцы и Алтыспаринцы!

«Прежде, чѣмъ двинутся къ вамъ войска, считаю я нужнымъ исчислить вамъ преступленія, которыми вы навлекаете на себя бѣдствія, васъ ожидающія:

«Послѣ возмущенія въ Кубинской провинціи, которое произошло отъ подстрекательства вашего и при участіи вашихъ обществъ, вы приняли къ себѣ и скрыли отъ преслѣдованія правосудія главнѣйшихъ возмутителей, дерзко отвѣчая на требованія начальства о выдачѣ ихъ, что это не сходно съ вашими обыкновеніями.

«Въ прошломъ году взятые изъ среды васъ старшины, которые были подозрѣваемы въ передержательствѣ преступниковъ, были великодушно отпущены въ свои дома и войска пошли отыскивать самыхъ разбойниковъ, которые и по усроженіи Кубинскаго мятежа не переставали нарушать спокойствіе. вмѣсто того, чтобъ принять войска дружелюбно, какъ есть долгъ всѣхъ вѣрнопопданыхъ, каковыми вы себя называете, вы собрались съ оружіемъ въ рукахъ и встрѣтили отрядъ генерала Фези выстрѣлами. Исполняя мое повелѣніе, изъ Тифлиса присланное, генералъ Фези возвратился въ Кубу, удовольствовавшись принятіемъ отъ васъ присяги въ вѣрности; вы умоляли меня о томъ чрезъ генерала Севарсемидзева.

«Вмѣсто храненія присяги, вы, слѣдуя наущенію тѣхъ же разбойниковъ и бѣглеца изъ Нухи, спустились въ Шекинскую провинцію и нанали тамъ опять на войска Его Императорскаго Величества. Васъ прогнали, и вы, именемъ Бога и Государа, просили прощенія у генерала Фези, котораго и шель съ отрядомъ наказать васъ за Нухинскій набѣгъ. Раскаяніе ваше было принято и посланнымъ отъ васъ въ Тиф-

лись я объявилъ прощеніе, давъ имъ уже письменное повелѣніе о вашихъ обязанностяхъ.

«Вы ничего не исполнили; не смотря на то, я приказалъ возвратитъ вамъ стада ваши, на равнинахъ пасшіяся, и удержать только то число барановъ, которое нужно было для пополненія должныхъ вами казѣ денегъ; толпы ваши опять спустились въ Шекинскую провинцію и вооруженною рукою хотѣли исторгнуть то, что и безъ того къ вамъ возвращалось.

«Когда, осенью прошлаго года, раскаяніе ваше было великодушно принято и войска, не трогая васъ, возвратились въ Хазры, вы, вмѣсто благодарности, возмнили, что васъ боятся и распускали слухи, что войска не осмѣлились васъ наказать.

«Неоднократно отвѣчали вы на требованія начальства, что между вами нѣтъ порядка, что у васъ одинъ другаго не слушаетъ и нѣтъ власти, которая бы могла обуздывать людей неблагонамѣренныхъ, и такъ мнѣ остается самому водворить у васъ порядокъ, и людей вредныхъ, между вами находящихся, лишитъ средствъ нарушать спокойствіе соседнихъ провинцій.

«Принявъ лично начальство надъ войсками, на Самурѣ собранными, я иду къ вамъ, исполняя волю моего Государа и возложенную Имъ на меня обязанность, блюсти спокойствіе и правосудіе во вѣренномъ управленіи моему краѣ. Если отрядъ мой, проходя чрезъ ваши магалы и селенія, не встрѣтитъ со стороны вашей препятствія, то жизнь, дома и собственность ваша останутся неприкосновенны; но если вы встрѣтите войска съ оружіемъ въ рукахъ, то всякое селеніе, вблизи коего я буду вынужденъ силою оружія очистить себѣ дорогу, будетъ разрушено до основанія. Еще вамъ предстоитъ выборъ: или покорность безъ условій, или конечное разореніе. Войска подъ моимъ начальствомъ горятъ нетерпѣніемъ наказать васъ за ваше безумное самохвастовство и разорить разбойничьи у васъ притоны.»

Подписано: Генералъ-Лейтенантъ *Головинъ*.

Не получая ни какаго отвѣта отъ жителей горныхъ магаловъ, командиръ корпуса рѣшился начать движеніе вверхъ по Самуру.

27-го мая, майоръ Каргановъ съ Табасаринскою и Кюринскою милиціею выступилъ къ границамъ Ахтынскаго общества, изъ лагеря, котораго онъ занималъ на лѣвомъ берегу Самура, противъ Хазровъ. На слѣдующій день, онъ былъ встрѣченъ Лезгинами, въ числѣ 400 человекъ, на перевалѣ хребта, который тянется вдоль лѣваго берега Самура; они хотѣли преградить ему дорогу, но были сбиты и опрокинуты къ селенію Хула; гдѣ, засѣвши въ строеніяхъ, были подкрѣплены постоянно возрастающею толпою жителей изъ сосѣднихъ деревень. Не видя возможности выбить силою Лезгинъ изъ деревни Хула, майоръ Каргановъ отступилъ на перевалъ хребта, съ потерей одного убитаго, четверыхъ раненыхъ и 14 лошадей.

Дѣйствіе это заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что поселило вражду между Кюринцами и Ахтынцами, съ которыми первые были до того въ дружественныхъ связяхъ, и которыхъ даже боялись.

28-го мая генераль Головинъ выступилъ съ отрядомъ изъ сел. Хазры, и, въ четырехъ верстахъ отсюда, при деревнѣ Неджевкентъ, раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны. Лѣвая колонна, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Фези, направленная на деревни Хила и Гулюкъ, состояла изъ: 1) четырехъ баталіоновъ Тифлискаго егерскаго полка, 2) одной роты Кавказскаго сапернаго баталіона, 3) двухъ сотенъ линейныхъ и Донскихъ казаковъ, 4) 100 человекъ горской милиціи и 5) четырехъ легкихъ и четырехъ горныхъ орудій. Главныя силы, направляемыя на Зухуль, состояли: 1) изъ 1-го, 2-го, 3-го и 4-го баталіоновъ князя Варшавскаго, 1-го, 3-го и 4-го Мингрельскаго егерскаго полковъ, 2) одной роты саперъ, 3) одной сотни сборной казачьей команды, 150 человекъ мусульманской милиціи, 4) шести легкихъ, четырехъ батарейныхъ и четырехъ горныхъ орудій.

Назначеніе лѣвой колонны состояло въ томъ, чтобы наказать жителей возставшихъ противъ насъ деревень Хила и Гулюкъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, занять высоты для обезпеченія лѣваго фланга нашей позиціи при Гулухѣ.

Селеніе Хила было оставлено жителями, присоединившимися къ сборищу Лезгинъ.

Селеніе Гулюкъ было занято непріателемъ. Выгнавъ Лезгинъ изъ деревни, генераль-лейтенантъ Фези преслѣдовалъ

ихъ по направленію къ деревнѣ Тагерджалъ. Лезгины, подкрѣпленные партіею, вышедшею отсюда, хотѣли держаться, но, опрокинутые кавалеріею, подъ командою подполковника Альбрахта, обратились въ бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ шесть тѣлъ и двухъ плѣнныхъ. Занявъ высоты тремя баталіонами Тифлискаго егерскаго полка, подъ командою подполковника Бурзуля, при четырехъ горныхъ орудіяхъ, генераль-лейтенантъ Фези, со всею кавалеріею и однимъ баталіономъ Тифлискаго полка, спустился съ высотъ чрезъ деревню Верхній Калахуръ къ главнымъ силамъ, которыя въ то время подвигались на позицію передъ Зухуломъ, предавъ пламени селенія: Хила, Гулюкъ и Верхній Калахуръ, и отбивъ нѣсколько штукъ рогатаго скота.

Между тѣмъ авангардъ главной колонны, подъ командою полковника барона Врангеля, не доходя двухъ верстъ до деревни Зухуль, открылъ непріателя.

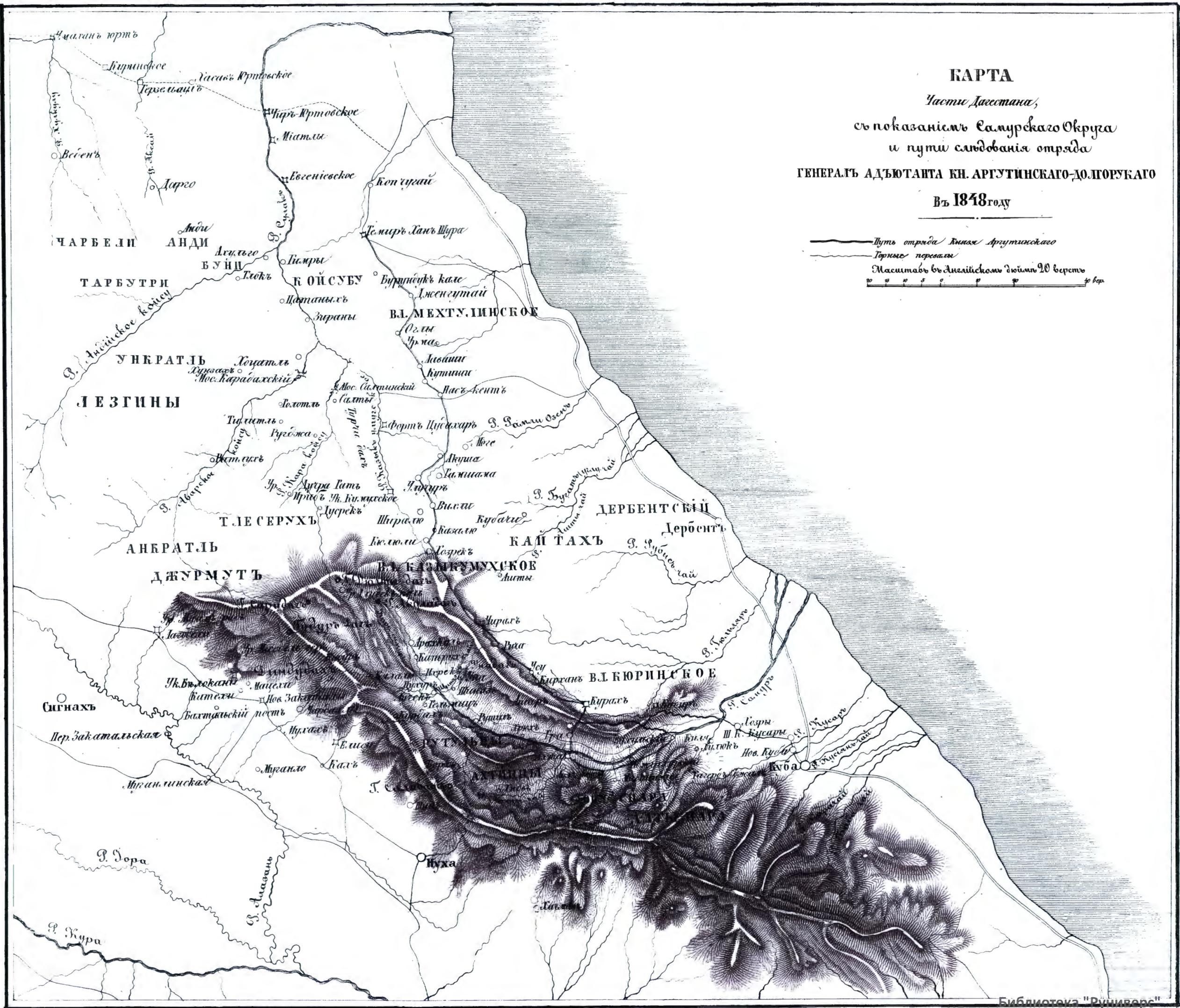
Лезгины, на противной сторонѣ рѣки Тагерджалъ-Чай, текущей по глубокому оврагу, заняли въ значительныхъ силахъ крѣпкую позицію около самой дер. Зухуль, выславъ на нашу сторону до 150 человекъ смѣльчаковъ. Движеніе кавалеріи впередъ и посланная въ обходъ рота пѣхоты генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка заставили ихъ съ такою поспѣшностью спуститься въ крутой оврагъ для соединенія съ главными своими силами, что побросали на мѣстѣ много оружія, барабанъ и значекъ.

Войска главной колонны, слѣдуя по дорогамъ труднымъ, не могли вдругъ занять позицію, взятую авангардомъ, и подтягивались мало по малу; для спуска же въ оврагъ артиллеріи надобно было разработать дорогу; а потому, приказавъ отряду располагаться здѣсь на ночлегъ, генераль Головинъ подвинулъ четыре батарейныя и четыре полевыхъ орудія на самый край оврага, два полевыхъ и два горныхъ орудія, подъ прикрытіемъ авангардныхъ баталіоновъ, опущены на нижній уступъ его, а вся кавалерія вправо на долину Самура, и перестрѣлка завязалась по всей линіи. Непрительскія пули, долетая даже до верхняго уступа, занятаго нашими войсками, указали разстояніе для выстрѣловъ артиллеріи, которая тотчасъ же открыла огонь. Лезгины, пользуясь скорымъ наступленіемъ ночи, бросили свою позицію около Зухула и отступили къ урочищу Аджіахуръ.

КАРТА

Части Дагестана,
съ показаніемъ Самурскаго Округа
и пути судобанія отряда
ГЕНЕРАЛЪ АДЪЮТАНТА КН. АРГУТИНСКАГО-ДОЛГОРУКАГО
Въ 1848 году

Путь отряда Князя Аргутинскаго
Горные перевалы
Масштабъ въ Английскомъ дюймѣ 20 верствъ

4-й баталіонъ Тифлискаго полка, на краю лѣваго нашего фланга, вель жаркую перестрѣлку съ Лезгинами, засѣвшими въ кустахъ; но пушечные выстрѣлы горной артиллеріи, съ нимъ бывшей, и движеніе на штыки стрѣлковыхъ резервовъ опрокинули и тамъ непріятели, и, къ разсвѣту, лѣвой колоннѣ приказано было присоединиться къ главнымъ силамъ. Потеря наша во весь этотъ день состояла изъ одного убитаго и восьми человекъ раненыхъ; непріятель же долженъ былъ потерпѣть большую потерю, въ особенности отъ мѣткаго пушечнаго огня и ружейнаго спѣшенной на берегу Самура кавалеріи.

Урочище Аджіахурское, по важности своей, какъ главнѣйшій оплотъ, на который Лезгины полагали всѣ свои надежды, заслуживаетъ предварительнаго описанія.

Отъ сѣвѣрной вершины Шахъ-Дага къ сѣверу тянется значительный хребетъ подъ названіемъ Кушъ-Дагъ. Восточная часть этого хребта, склоняющаяся къ селеніямъ Судуръ, Кюхуръ и Тагерджакъ, доступна для пѣшаго. Сѣверная сторона оканчивается отвѣсною скалою, которая на большомъ пространствѣ составляетъ какъ бы огромную стѣну, возвышающуюся примѣрно до 200 сажень. Отъ этой стѣны къ рѣкѣ Самуру, между Зухуломъ и Кара-Кюри, въ видѣ контръ-форсовъ, тянутся многіе отроги, отдѣленные одинъ отъ другаго глубокими оврагами, или, лучше сказать, пропастями. Ближайшій изъ этихъ отроговъ къ сторонѣ сел. Кара-Кюри упирается съ одного конца къ вышеупомянутой скалистой стѣнѣ, съ другаго плотно обмывается Самуромъ и круто къ нему понижается на протяженіи трехъ или четырехъ верствъ. Этотъ, такъ сказать, исполинскій валъ, извѣстный подъ названіемъ урочища Аджіахура, возвышающійся верхнимъ своимъ упоромъ къ скалѣ, примѣрно сажень на 500 или на 600 надъ русломъ Самура, по крутизнѣ и глубинѣ оврага, представляетъ самый трудный доступъ, и, сверхъ того, на гребнѣ его были выстроены завалы въ нѣсколько ярусовъ, и приготовлены кучи камней для сбрасыванія ихъ въ наступающихъ.

Отъ сел. Зухула къ сел. Кара-Кюри идутъ двѣ дороги: одна низомъ, вдоль рѣки Самура, другая, черезъ дер. Маку, поперегъ отроговъ. Первая удобна для слѣдованія войскъ до Аджіахура, но тутъ уже она проходитъ по обрыву, воз-

вышающемуся надъ рѣкою сажень до 60-ти, только самую узкою тропою, едва удобною для пѣшехода; другая дорога вообще трудна, по крутизнѣ спусковъ своихъ и подъемовъ. Чтобы атаковать Аджіахурскую позицію снизу, надобно прежде завладѣть оконечностію, примыкающею къ Самуру, но такъ какъ мѣстность надъ нею круто и постепенно возвышается на всемъ протяженіи отрога, какъ уже сказано выше, то, находясь подъ выстрѣлами и камнями защищающихъ высоты, нельзя уже нигдѣ остановиться, не достигнувши до самой его оконечности, примыкающей къ скалѣ.

Эти неудобства нижней дороги заставили генерала Головина избрать для движенія главныхъ силъ хотя трудную дорогу на деревню Маку, но представляющую тѣ выгоды, что выходитъ прямо къ высотамъ, господствующимъ надъ всею позиціею.

29-го мая, съ разсвѣтомъ, кавалерія, подъ командою подполковника Альбрандта, заняла оставленное непріателемъ селеніе Зухуль и предала его пламени.

Устроивъ вагенбургъ въ долинѣ Самура, близъ Зухула, и оставивъ при немъ двѣ роты Мингрельскаго полка, команду саперъ и казаковъ и четыре батарейныхъ орудія, генераль Головинъ направилъ войска впередъ двумя колоннами: правая, состоявшая изъ большей части кавалеріи, двухъ баталіоновъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, двухъ ротъ Мингрельскаго, восьми легкихъ орудій и роты саперъ, подъ командою полковника барона Врангеля, слѣдовала по долинѣ Самура; лѣвая колонна состояла изъ двухъ баталіоновъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, четырехъ баталіоновъ Тифлискаго и двухъ баталіоновъ Мингрельскаго егерскихъ полковъ, при двухъ легкихъ и восьми горныхъ орудіяхъ, и слѣдовала по направленію къ дер. Мака; при этой колоннѣ находился самъ корпусный командиръ. Изнурительный переходъ по горамъ и обработка дороги заняли цѣлый день, такъ что отрядъ долженъ былъ ночевать въ сторонѣ, не доходя двухъ верствъ до сего селенія.

Въ продолженіе дня горцы нигдѣ не показывались въ большихъ силахъ, и пикеты свои, по вершинамъ горъ рас-

положенные, снимали по мѣрѣ приближенія войскъ нашихъ.

30-го мая, въ пять часовъ утра, войска, бывшія подъ личнымъ начальствомъ генераль-лейтенанта Головина, двинулись впередъ, а полковникъ баронъ Врангель съ своею колонною соображался съ этимъ движеніемъ.

Чрезвычайная трудность дорогъ, по которымъ артиллерія не могла слѣдовать безъ разработки ихъ, замедляла движеніе главныхъ силъ, такъ что не прежде, какъ къ двумъ часамъ по полудни, войска могли стянуться на правомъ отрогѣ Кушь — Дагъ, куда генераль Головинъ для обозрѣнія Аджіахурской позиціи, покрытой по всему гребню толпами горцевъ, еще поутру прибылъ съ кавалерією и передовымъ баталіономъ. Отъ мѣста, занятаго передовымъ отрядомъ, до главнаго отрога Аджіахура были еще два другихъ отрога, изъ коихъ ближайшій къ Аджіахурскому, оканчиваясь также надъ Самуромъ обрывистою скалою, былъ занятъ передовыми толпами непріятеля.

Въ два часа по полудни генераль Головинъ двинулъ войска всей линіи: кавалерія правой и лѣвой колонны быстро понеслась по крутизнамъ передъ обѣими колоннами. Генеральнаго штаба подполковникъ Фрейтагъ съ третьимъ баталіономъ Тифлискаго егерскаго полка и дивизиономъ горной артиллеріи пошелъ впередъ въ центрѣ позиціи; полковникъ баронъ Врангель, по берегу Самура, приблизился къ отвѣсной скалѣ втораго Аджіахурскаго отрога.

Передовыя толпы непріятеля тщетно думали выстрѣлами удержать быстрое движеніе нашихъ войскъ; конница понеслась прямо на нихъ; егеря взбирались на высоты, не обращая вниманія на выстрѣлы Лезгинъ. 3-й баталіонъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, посланный барономъ Врангелемъ впередъ, подъ командою подполковника Ясинскаго, взобрался, подъ выстрѣлами непріятеля, на оконечность втораго отрога.

Непріятель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ на лѣвомъ своемъ флангѣ, отступилъ поспѣшно къ своимъ заваламъ.

Центръ втораго отрога противъ главной Аджіахурской позиціи остался открытымъ, но передовыя толпы Лезгинъ, не теряя еще надежды воспрепятствовать движенію правой

нашей колонны по берегу Самура, бросились въ ту сторону.

Въ это время генераль Головинъ выѣхалъ на курганъ, находившійся въ центрѣ, откуда были видны оба фланга нашей линіи.

Замѣтя усилія непріятеля противъ правой колонны, командиръ корпуса приказалъ всей кавалеріи броситься ему въ тылъ; въ подкрѣпленіе этого движенія направилъ двѣ роты Тифлискаго егерскаго полка и, спустивъ туда же два горныхъ единорога, приказалъ имъ открыть огонь во флангъ непріятельскихъ передовыхъ заваловъ. Полковнику барону Врангелю послано въ то же время приказаніе выбить непріятеля изъ заваловъ, передъ нимъ находившихся.

Всѣ приказанія были исполнены успѣшно: передовыя толпы непріятеля бѣжали и своимъ спасеніемъ обязаны лишь только крутизнамъ оврага, раздѣлявшаго второй отрогъ отъ главнаго, въ которомъ кавалерія могла ихъ преслѣдовать одними выстрѣлами. Правая колонна бросилась къ передовому завалу; но уже устранный атакою кавалеріи въ тылъ, непріятель бѣжалъ къ главной своей позиціи, откуда, на всемъ протяженіи отъ берега Самура и почти до центра, открылъ сильный ружейный огонь. Ему отвѣчали спущенные внизъ два горныхъ единорога, двѣ роты Тифлискаго полка и вся спѣшенная кавалерія; а полковникъ баронъ Врангель, принужденный разбирать полевые орудія, чтобъ перевезти ихъ чрезъ кручь надъ Самуромъ, при всѣхъ трудностяхъ такого дѣла, подъ огнемъ непріятеля, устроилъ весьма скоро, на ружейный отъ него выстрѣлъ, батарею изъ осьми орудій, которая ядрами, гранатами и картечью обстрѣливала весьма удачно весь лѣвый непріятельскій флангъ.

Между тѣмъ, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, въ завалахъ непріятельскихъ, подъ скалистою стѣною, толпы Лезгинъ сгущались.

Когда всѣ войска лѣвой колонны, со всею горною артиллерією и двумя полевыми орудіями, стянулись къ центру, генераль Головинъ приказалъ открыть пушечный огонь по всей непріятельской позиціи, а второй баталіонъ Тифлискаго полка, подъ командою капитана Хвостикова, съ двумя горными единорогами, подкрѣпивъ баталіономъ Мин-

грельскаго, двинулъ въ-лѣво противъ верхнихъ Лезгинскихъ заваловъ, которые возвышались надъ всею мѣстностію и составляли ключъ Аджіахурской позиціи. Но, предвидя, что открытый дневной приступъ стоилъ бы намъ много людей, войска эти были остановлены въ закрытомъ мѣстѣ, на ружейный выстрѣлъ отъ непріятеля. Подъ вечеръ, присоединивъ первый и третій баталіоны Тифлискаго полка ко второму, генераль-лейтенантъ Головинъ приказалъ подполковнику Бирзулю атаковать непріятеля съ наступленіемъ ночи.

Въ сумерки непріятельскій огонь на правомъ нашемъ флангѣ усилился, легкая батарея у барона Врангеля и пѣль спѣшенной на верхней площадкѣ кавалеріи отвѣчали ему рѣдко, а линейные казаки и Тагаурцы заглушали пѣснями своими ругательства Лезгинъ, въ ближайшия завалахъ сидѣвшихъ. Съ наступленіемъ ночнаго мрака огонь повсюду умолкъ. Послѣ пробитія вечерней зари и молитвы, начался приступъ верхнихъ заваловъ въ величайшей тишинѣ.

Труденъ, почти невозможенъ казался доступъ къ этимъ заваламъ; рѣшительность и отважность егерей Тифлискаго полка преодолѣли всѣ препятствія. 1-я и 4-я егерскія роты, пользуясь темнотою ночи, безъ всякаго шума, поддерживая одинъ другаго, ползли въ гору, задніе помогали переднимъ и, такимъ образомъ, доползли шаговъ на сто отъ заваловъ. Первая рота, подъ командою поручика князя Вахвахова, и 4-я, подъ командою поручика князя Туманова, закричали ура! и прилегли къ землѣ. Удивленные Лезгины, слыша побѣдный крикъ Русскихъ подъ своими ногами, сдѣлали залпъ изъ всѣхъ ружей, но пули ихъ, безъ всякаго вреда, прожужжали надъ головами штурмовавшихъ.

Въ это мгновеніе вся наша артиллерія открыла живой, бѣглый огонь, а вся непріятельская линія, особенно противу праваго нашего фланга, отвѣчала ружейными залпами.

Пока Лезгины верхнихъ заваловъ вновь заряжали ружья, вышеупомянутыя роты Тифлискаго полка подползли къ нимъ еще ближе. Черезъ нѣсколько минутъ раздалось вторичное ура! за которымъ со стороны Лезгинъ послѣдовалъ такой же безуспѣшный залпъ, а егеря были уже въ завалѣ, переколовъ все, что имъ противустояло, и потерявъ въ этомъ мѣстѣ только одного убитымъ и шесть ранеными.

Въ это время вторая карабинерная рота того же полка, подъ командою штабсъ-капитана Грабовскаго, подкрѣпляемая шестою егерскою, такимъ же образомъ подкрадывалась къ другому завалу. Но егеря изъ занятаго ими перваго завала открыли огонь по второму. Устрашенные Лезгины, не понимая откуда взялись Русскіе, успѣли скатить сколько могли камней по всѣмъ направленіямъ и сами начали спасаться бѣгствомъ, бросаясь съ кручи внизъ на другую сторону. Кабардинцы заняли завалъ; при чемъ до 30-ти чловѣкъ были зашибены камнями, но, большею частію, не опасно.

На утро назначенъ былъ всеобщій приступъ. По сигнальной ракетѣ, подполковникъ Бирзуль изъ занятыхъ имъ верхнихъ заваловъ долженъ былъ сбивать Лезгинъ съ вершины гребня; генеральнаго штаба подполковнику Фрейтагу, съ первымъ баталіономъ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, четвертымъ баталіономъ Тифлискаго и двумя горными единорогами, поручено овладѣть центромъ, а полковнику барону Врангелю, приказано опрокинуть лѣвый флангъ Лезгинъ. Такъ какъ назначенные для дѣйствія противъ центра войска отдѣлены были отъ непріятеля глубокимъ оврагомъ, то подполковникъ Фрейтагъ еще ночью спустился въ ущелье и доползъ, скрытымъ образомъ, на полуружейный отъ заваловъ выстрѣлъ, чтобы, по сигналу, вдругъ броситься на штурмъ.

Все было готово; но Лезгины, потерявъ неожиданно верхніе и главнѣйшіе свои завалы, въ ночи бросили всю позицію, опору всѣхъ своихъ надеждъ и несбыточныхъ мечтаній. Аджіахуръ считали они мѣстомъ для насъ недоступнымъ, и еще наканунѣ боя дикими криками своими, музыкою и пляскою какъ бы заранѣе уже торжествовали нашу неудачу. Увѣренность ихъ была такъ велика, что все имущество и семейства жителей сел. Кара-Кюри, лежащаго верстахъ въ четырехъ отъ позицій, до послѣдней минуты оставались въ домахъ.

Слѣдствія Аджіахурской битвы были чрезвычайно важны. Лезгины, такъ долго вѣрившіе въ недоступность своихъ жилищъ, вдругъ увидѣли себя въ полной власти нашихъ войскъ, и сколь прежде они были самонадѣянны и дерзки въ своихъ дѣйствіяхъ, столь сдѣлались недовѣрчивы къ

своимъ средствамъ послѣ пораженія при Аджіахурѣ. Неожиданный для нихъ успѣхъ нашихъ войскъ разрушилъ всѣ ихъ надежды на успѣшное сопротивленіе, и эти гордые общества, никогда не допускавшія къ себѣ ни одного Русскаго, рѣшились окончательно покориться нашему правительству.

Генералъ Головинъ для обезпеченія своихъ сообщеній съ Дагестаномъ приступилъ къ возведенію укрѣпленія въ занятой съ боя тѣснинѣ. Укрѣпленіе это, въ память подвига Тифлискаго егерскаго полка при штурмѣ Аджіахура, названо Тифлискимъ.

Между тѣмъ, тотчасъ послѣ битвы, со всѣхъ сторонъ начали прибывать къ генералу Головину выборные жителей горныхъ магаловъ, съ изъявленіями покорности и съ ходатайствомъ о прощеніи своимъ деревнямъ, такъ что когда отрядъ нашъ, 5-го іюня, прибылъ къ сел. Ахты, то былъ встрѣченъ толпами горцевъ, просившихъ пощады. Вечеромъ того же числа прибылъ туда отрядъ маіора Карганова, котораго провели по лѣвому берегу Самура жители, вышедшіе изъ Ахты, и этимъ желавшіе заслужить себѣ прощеніе. На другой день прибылъ султанъ Елисуйскій Даніель-Бекъ, усмирившій Рутульцевъ; съ собою онъ привезъ главнаго виновника возстанія Ага-Бека Рутульскаго. Генералъ Головинъ, понимая, что, въ подобныхъ обстоятельствахъ, милосердіе приличнѣе всего побѣдителю, именемъ Государя Императора, даровалъ всѣмъ пощаду и, заложивъ 11-го числа, близъ селенія Ахты, укрѣпленіе, заставилъ жителей участвовать въ приготовленіи матеріаловъ для крѣпостныхъ работъ.

Въ теченіе всего похода, съ 28-го мая по 7-е іюня, потеря наша состояла убитыми: изъ 2 рядовыхъ и 2 милиціонеровъ; ранеными: оберъ-офицеровъ 3; нижнихъ чиновъ 23 и милиціонеровъ 9; контуженными и ушибенными камнями: оберъ-офицеровъ 2 и нижнихъ чиновъ 45.

Такими ничтожными пожертвованіями достигнута была важная выгода—усмиреніе Самурскихъ вольныхъ обществъ, которыя тогда же были соединены подъ управленіемъ нашего пристава, и образовали Самурскій округъ.

Дѣйствія отряда генерала Головина въ Южномъ Дагестанѣ были одновременны съ дѣйствіями генералъ-лейтенанта Граббе, осаждавшаго замокъ Ахульго. Оба отряда успѣшно выполнили свои предпріятія, но результаты походовъ были далеко неодинаковы. Занятіе Ахульго показало, что для Русскаго солдата нѣтъ ничего невозможнаго;—но это уже старая истина, и для подтвержденія ея не было никакой надобности проливать столько крови за обладаніе пунктомъ, который самъ по себѣ не былъ важенъ и не могъ имѣть никакого вліянія на ходъ нашихъ предпріятій на лѣвомъ флангѣ Кавказской Линіи, гдѣ, кромѣ Умаханъ-Юрта, Грозной и Назрана на Сунжѣ; Горячеводскаго укрѣпленія на сообщеніи Грозной съ Терекомъ; Амиръ-Аджи-Юртоскаго, прикрывавшаго паромное сообщеніе черезъ Терекъ, и укрѣпленій Ташъ-Кичу и Внезапной, обезпечивавшихъ Кумыкскую плоскость, не было другихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые могли бы образовать прочное основаніе дѣйствій.

Не имѣя прочно устроенной базы, предпринята была дальняя экспедиція въ горы для завладѣнія только однимъ Ахульго. Правда, надѣялись при этомъ захватить самого Шамиля; но если бы и взяли его, то это не повело бы къ окончанію борьбы въ Чечнѣ и Дагестанѣ. Въ 1832 году, въ Гимрахъ былъ убитъ первый имамъ Кази-Мулла, а послѣ него не замедлили явиться сперва Гамзатъ-Бекъ, а послѣ Шамиль. Понятно, что послѣ Шамиля сильная партія мюридовъ не ослабѣетъ и явится новое лицо, которое новыми неистовствами удержитъ за собою почти неограниченную власть, присвоенную себѣ имамами.

Движеніе отряда въ горные Самурскіе магалы имѣло совершенно другое значеніе. Южный Дагестанъ былъ совершенно спокоенъ; Елисуйскія владѣнія управлялись преданнымъ намъ султаномъ; въ окрестностяхъ города Нухи образованъ уже былъ уѣздъ Нухинскій и, слѣдовательно, введено гражданское управленіе. Такимъ образомъ, съ трехъ сторонъ земли верхняго Самура были окружены нашими владѣніями, въ которыхъ мы стояли твердою ногою, а потому понятно, отчего съ такими ничтожными потерями исполнено было блестящее и вѣрно задуманное генералъ-лейтенантомъ

Головиннымъ предпріятіе *). Съ 1839 года Самурскія общества окончательно вошли въ составъ нашихъ владѣній.

Къ постройкѣ укрѣпленія при сел. Ахты, преимущественно предъ всѣми другими пунктами, генерала Головина побудили слѣдующія мѣстные обстоятельства.

Магалъ Ахтынскій былъ самый сильный по числу жителей, а потому голосъ ихъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла вольныхъ обществъ. Богатое селеніе Ахты было издавна главнымъ мѣстомъ въ верховьяхъ Самура, и по вліянію своему на сосѣдніе магалы оно было гнѣздомъ всѣхъ замысловъ Южнаго Дагестана противъ нашего правительства.

Сверхъ того селеніе это, по географическому положенію своему, сосредоточиваетъ въ себѣ важнѣйшія проходы чрезъ горы. Князь Воронцовъ, при самомъ вступленіи своемъ въ управление Кавказомъ, обратилъ особенное вниманіе на Южный Дагестанъ. Доказательствомъ важности, которую онъ приписывалъ этой части Кавказа, служитъ то, что, прѣбывая въ Тифлисъ 24-го марта 1845 года, князь Воронцовъ уже черезъ мѣсяць, 21-го апрѣля, командировалъ генералъ-маіора Бюрно къ начальнику Лезгинской Линіи, генералъ-лейтенанту Шварцу, для составленія соображеній о производствѣ работъ въ Шинскомъ ущельѣ, по устройству военно-ахтынской дороги и прямаго сообщенія Закавказскаго края съ Дагестаномъ, черезъ горы.

Въ письмѣ своемъ къ военному министру, генералъ-адъютанту князю Чернышеву, изъ Тифлиса, отъ 20-го апрѣля,

*) Высочайшымъ приказомъ 24 го іюня 1839 года, Государь Императоръ объявилъ особенную Свою признательность генералъ лейтенанту Головину, и совершенное Монаршее благоволеніе всему отряду, подъ его начальствомъ дѣйствовавшему, *за пораженіе, 30-го мая, скопищъ, въ Южномъ Дагестанѣ возмущившихся*; нижнимъ же чинамъ, въ этомъ отрядѣ бывшимъ, Его Императорское Величество пожаловалъ по рублю, по фунту мяса и по чаркѣ вина на человѣка; а Высочайшимъ приказомъ 1-го іюля того же года, генералъ-лейтенантъ Головинъ, *за отличіе*, произведенъ въ генералы отъ инфантеріи и Государь Императоръ объявилъ Монаршую Свою признательность, какъ ему, такъ и всему отряду, подъ начальствомъ его дѣйствовавшему, *за пораженіе непокорныхъ Лезгинъ при Аджіахурь, и за мужественное преодоленіе всѣхъ бывшихъ къ нему мѣстныхъ препятствій.*

князь Воронцовъ пишетъ: «Успѣхи Шамиля въ Южномъ Дагестанѣ будутъ для насъ болѣе опасны, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ, по близости нашихъ мусульманскихъ владѣній», и далѣе: «только посредствомъ дорогъ, всегда удобныхъ для движенія войскъ и артиллеріи, мы можемъ пріобрѣсть большія средства какъ для удержанія того, что занимаемъ, такъ и для защиты племенъ покорныхъ и нейтральныхъ, положеніе которыхъ много зависитъ отъ непріятельскихъ вторженій. Я нашелъ здѣсь проэктъ генерала Головина, который мнѣ кажется превоеходнымъ: это дорога изъ окрестностей Закаталъ, чрезъ сел. Ахты, на р. Самуръ и оттуда, почти по прямому направленію, къ Дербенту. Эта дорога сократитъ путь къ Дербенту на 250 верстъ.»

Проложеніе хорошихъ дорогъ въ Дагестанѣ и выбитіе Шамиля изъ занимаемыхъ имъ крѣпкихъ позицій въ Нагорной части этого края постоянно занимало князя Воронцова. Кромѣ того, онъ принималъ рѣшительныя мѣры къ постройкѣ укрѣпленій и къ расположенію штабъ-квартиръ такимъ образомъ, чтобы войска по хорошо проложеннымъ путямъ сообщенія быстро могли явиться на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣтятся въ нихъ надобность. Вслѣдствіе этого возведены были укр. Чирь-Юртъ, Міатлинская башня, Аймякинское укрѣпленіе, фортъ Цудахара, Кумухъ и проч., построены штабъ-квартиры въ Ишкартахъ, Дешлагарѣ, Кусарахъ, Курахъ и другихъ мѣстахъ Дагестана.

ГЛАВА II.

ЗАЩИТА УКРѢПЛЕНІЯ АХТЫ ВЪ 1848 ГОДУ.

Наступилъ 1848 годъ, въ которомъ, согласно Высочайше утвержденному плану дѣйствій, положено было:

1) Со стороны Дагестана: занять Гергебилъ, построить тамъ укрѣпленіе и тѣмъ довершить линію по Казикумыхъ-сѣому Койсу. Въ случаѣ какихъ либо покушеній со стороны непріятеля дѣйствовать наступательно, какъ для успокоенія края, такъ и для наказанія нападавшихъ.

2) Со стороны Лезгинской линіи: прекратить горцамъ сообщенія съ Джаробълоканскимъ округомъ, населеннымъ ихъ единовѣрцами и единоплеменниками, для чего предполагалось построить линію постовъ на южныхъ, понижающихся скатахъ главнаго хребта, впереди лѣсистой полосы, прилегающей къ Лагодехамъ и Закаталамъ.

Кромѣ этого, для продолженія разработки Военно-Ахтынской дороги до укр. Ахты, положено было, подъ начальствомъ инженеръ-генераль-маіора Бюрно, собрать особый рабочій отрядъ.

Всѣ предложенныя занятія въ теченіе лѣта приводились въ исполненіе. Для наблюденія за непріателемъ и для охраненія Дагестана, Самурскаго округа и Лезгинской кордонной линіи выставлены были два отряда: одинъ за Казикумыхскимъ Койсу на горѣ Турчи-Дагъ, а другой со стороны Лезгинской линіи въ горныхъ Самурскихъ магалахъ на урочищѣ Кялало. Оба эти отряда, наблюдая за непріателемъ, до начала осени совершенно обезпечивали спокойствіе края. 18-го августа снѣгъ, выпавшій въ горахъ, заставилъ ихъ спуститься на линію, гдѣ войска занялись работами по возведенію и исправленію укрѣпленій, при чемъ часть Дагестанскаго отряда расположилась лагеремъ при крѣпости Темиръ-Ханъ-Шуръ. Это измѣнило положеніе дѣлъ.

Удаленіе нашихъ войскъ изъ Верхняго Самура и Нагорнаго Дагестана развязало руки горцамъ: Шамиль сталъ собирать партіи въ Нагорномъ Дагестанѣ, которыхъ главнымъ пунктомъ сбора сдѣлалось сел. Прибъ.

Въ Самурскомъ округѣ, кромѣ гарнизона укрѣпленія Ахты (двѣ роты Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона) и рабочаго отряда генерала Бюрно (2 баталіона) не было другихъ войскъ. Исправлявшій должность начальника округа, полковникъ Ротъ, собралъ тогда 2000 человекъ милиціонеровъ и для наблюденія за непріателемъ расположилъ ихъ по сѣвернымъ границамъ округа.

Ночью на 27-е августа, передовая часть партіи Даниель-Бека, — въ числѣ 3000 пѣхоты и 900 человекъ кавалеріи, — тремя толпами вторглась въ ущелье Ихрекское, подъ предводительствомъ Муссы-Хаджи. 28-го числа, вся эта партія двинулась на сел. Ихрекъ. Старшина селенія, Мулла-Абокаръ, отбивъ первый натискъ горцевъ, далъ знать

о происходившемъ полковнику Роту, который выслалъ ему на помощь, изъ Рутула, тамошняго наиба, прапорщика Абу-Мусселимъ-Бека. Помощь прибыла во-время, и непріатель долженъ былъ въ безпорядкѣ отступить за Куртайскій хребетъ, идущій между верховьями Самура и его притока Кара-Самура.

Вскорѣ въ сел. Ихрекъ прибылъ съ милиціею самъ полковникъ Ротъ, и 30-го числа вновь отразилъ отъ селенія партіи горцевъ, спустившихся съ горъ, подъ личнымъ начальствомъ Даниель-Бека.

Огромныя сборы Шамиля, громко объявляемое имъ намѣреніе идти въ Кази-Кумыхъ или въ Самурскій округъ, и дѣйствія передовыхъ его отрядовъ не могли не имѣть вліянія на жителей нагорныхъ магаловъ. Съ 1839 года, послѣ описаннаго выше занятія Самурскаго округа, эти жители были покорны, но при всемъ томъ преданность ихъ нашему правительству была вынуждена обстоятельствами, и они внутренно готовы были воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы принять сторону Шамиля. При тогдашнихъ обстоятельствахъ представлялись для этого всѣ удобства: войска наши оставили занимаемыя ими лѣтомъ наблюдательныя позиціи, а потому являлась возможность, принявъ сторону непріателя и испытавъ неудачу, сказать, что Шамиль силою и угрозами заставилъ ихъ присоединиться къ себѣ, и, такимъ образомъ, измѣна уже вкралась сама собою въ умы и сердца жителей горныхъ магаловъ. Молодежь въ горахъ всегда готова поднять оружіе въ мечтахъ пріобрѣсть ту свободу, о которой рассказываютъ имъ отцы и дѣды.

Мало того, многіе жители Самурскаго округа даже находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ и звали его въ Ахты. Подобное обстоятельство надо объяснять не тѣмъ, что было нѣсколько человекъ недовольныхъ, но болѣе тѣмъ, что масса народа имѣла твердую увѣренность, что имаму стоило только показаться въ округѣ, чтобы имѣть несомнѣнный успѣхъ и заставить Русскихъ очистить эту часть края. Такое убѣжденіе основывалось на дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ предшествовавшіе годы. Уваженіе къ намъ горцевъ и страхъ ихъ къ нашему оружію теряются не столько отъ испытанныхъ нами неудачъ и потерь, сколько отъ бездѣйствія и нерѣшительности. Когда въ горахъ сдѣлается из-

вѣстнымъ о сосредоточеніи гдѣ-либо на линіи значительнаго числа нашихъ силъ, молва увеличиваетъ ихъ и настраиваетъ умы горцевъ къ ожиданію поражений, разореній и общаго покоренія вездѣ, куда не обратятся Русскіе. Если же эти ожиданія кончаются ничѣмъ, то горцы переходятъ къ другой крайности: они не вѣрятъ въ нашу силу, дѣлаются самонадѣянны, дерзки и тогда, для удержанія ихъ набѣговъ, надо уже прибѣгать къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ.

Видя нерѣшительность нашихъ отрядовъ подъ Тилитлемъ въ 1845 году, подъ Салтами, Ирибомъ и Сугратлемъ въ 1846 году, горцы сдѣлались гораздо смѣлѣе и отваживались на дерзкія предпріятія, изъ которыхъ, какъ примѣръ, приведемъ занятіе ими укрѣпленія Чоха въ 1848 году.

Начальникъ Самурскаго округа, обращая вниманіе на наружное спокойствіе жителей, былъ увѣренъ въ непоколебимой ихъ преданности нашему правительству. Въ этомъ убѣжденіи удостовѣряло его и то, что со всѣхъ деревень нагорныхъ магаловъ являлись къ нему милиціонеры и охотники съ изъявленіемъ полной своей покорности и увѣреніями въ неизмѣнномъ своемъ желаніи защищаться противъ скопищъ Шамиля, прося для этого дать имъ пороху.

Полковникъ Ротъ, привыкнувъ къ постоянно спокойному и тихому характеру народонаселенія покорныхъ магаловъ, охотно вѣрилъ имъ въ этомъ случаѣ и, не имѣя возможности, по недостатку продовольствія, держать всю милицію въ сборѣ, оставилъ въ селеніи Лучекъ, при слияніи Самура съ Кара-Самуромъ, 800 человекъ милиціонеровъ, а самъ отправился въ укрѣпленіе Ахты, чтобы, какъ сказано въ представленномъ полковникомъ Ротомъ журналѣ осады Ахты, «сдѣлать новый наборъ милиціонеровъ, снабдить ихъ порохомъ и снова вести на границу Самурскаго Округа.»

Охотниковъ вооружиться, т. е. получить порохъ, явилось много: уже къ 3-му и 4-му сентября собралось въ Рутулѣ 1200, а въ Ахтахъ 1000 человекъ милиціи, въ томъ числѣ 300 всадниковъ.

Многія изъ мирныхъ горскихъ племенъ, — какъ напр. Кабардинцы, отчасти Чеченцы, Карачаевцы и другія, — выставляютъ свои милиціи для дѣйствія съ нашими отрядами противъ своихъ единовѣрцевъ. Милиціонеры эти, зна-

ніемъ мѣстности и выносливостью своихъ лошадей, приносятъ отрядамъ большую пользу. Однако понятно, что такъ они дѣйствуютъ только тогда, когда находятся вмѣстѣ съ нашими войсками, передъ глазами начальника, отъ котораго ожидаютъ награды; но этого нельзя ожидать, когда милиція дѣйствуетъ отдѣльно. Мало того, бывали примѣры, что и въ нашихъ отрядахъ, во время смѣлыхъ дѣйствій непріятеля, милиціонеры, — хотя не возставали явно противъ насъ, — но отказывались намъ помогать и оставались праздыми свидѣтелями событій; такъ было при защитѣ кр. Бурной въ 1831 году противъ Кази-Муллы; въ 1846 году при вторженіи Шамиля въ Кабарду; въ 1848 году при преслѣдованіи генераль-маіоромъ Ковалевскимъ партіи горцевъ, бросившихся на Сенгилѣвку, при чемъ бывшіе въ отрядѣ этого генерала милиціонеры отказались слѣдить сакму партіи; такъ было въ 1855 году при вторженіи Магометъ-Аминя въ Карачай и во многихъ другихъ случаяхъ.

Прежде существовало убѣжденіе, что мирные горцы могутъ служить хорошимъ прикрытіемъ нашихъ передовыхъ линій, — такъ значительныя протяженія теченія Кубани и Сунжи были прикрыты мирными населеніями; но убѣжденіе это оказалось ложнымъ: въ 1842 году Шамиль, при смѣломъ своемъ движеніи въ Чечню, увлекъ съ собою Сунженскихъ и Надтеречныхъ Чеченцевъ и обнажилъ кордонъ Лѣваго Фланга отъ Грозной почти до г. Моздока; а въ последнюю компанію 1853—1856 годовъ тоже сдѣлалъ Магометъ-Аминь, на Правомъ Флангѣ, съ мирными племенами, сидѣвшими по Кубани.

Вечеромъ 5-го сентября Давіель-Бекъ внезапно показался въ Шиназскомъ ущельѣ съ 4,000 копшицы. Остановясь у дерев. Каила, онъ разослалъ свои прокламаціи по соедѣннымъ деревнямъ. Въ ту же ночь три другія толпы, слѣдовавшія за Давіель-Бекомъ, двинулись: первая — правымъ берегомъ Самура къ деревнѣ Ашсаръ; вторая — отъ Саре-Дага, хребтомъ горъ, спустилась къ сел. Лучекъ, а третья — отъ Арчи-Дага явилась въ Ихрекекомъ ущельѣ.

Милиція, въ числѣ 800 человекъ, бывшая въ Лучекѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ двѣнадцати-тысячнымъ скопищемъ горцевъ, не могла и не хотѣла защищаться и, вмѣстѣ съ жителями селенія, перешла на сторону непріятеля.

Примѣръ этотъ быстро увлекъ за собою жителей сосѣднихъ деревень, и, 6-го числа, весь Рутульскій магалъ, за исключеніемъ его наиба, прапорщика Абу-Мусселимъ-Бека и многихъ милиціонеровъ, предался горцамъ.

7-го числа непріятель, занявъ своими караулами высоты и всю мѣстность у сел. Какха и Борчь, потребовалъ у жителей этого магала выслать къ нему, на увеличеніе его скопищъ, всѣхъ способныхъ носить оружіе.

Получивъ свѣдѣніе о вторженіи, полковникъ Ротъ, 8-го сентября, взявъ роту изъ Ахтынскаго гарнизона и 1000 человекъ пѣшей и 300 человекъ конной милиціи, предпринялъ рекогносцировку вверхъ по Самуру, выгнавъ непріятельскіе караулы изъ сел. Какха и Хрюкъ, но, къ вечеру того же числа, тѣснимый огромными массами горцевъ, подъ предводительствомъ Гаджи-Мурата, долженъ былъ отступить подъ стѣны укрѣпленія Ахты.

9-го, 10-го и 11-го сентября, непріятель, расположившійся у сел. Хрюкъ съ своими главными силами, занимался сборомъ милиціи отъ всѣхъ деревень округа и избралъ это селеніе мѣстомъ для возведенія на немъ укрѣпленія. 12-го числа Шамиль прибылъ въ Рутуль, и тогда же приказалъ своимъ наибамъ занять сел. Ахты. 13-го числа Гаджи-Муратъ съ Аварскою конницею занялъ Курагскую дорогу и расположился въ деревнѣ Гра, а Даниель-Бекъ, двинувшись правымъ берегомъ Самура и перейдя чрезъ горный хребетъ, спустился въ ущелье Ахты-Чая и, занявъ Ахтынскія минеральныя воды и самое селеніе этого имени, расположился въ последнемъ съ своими войсками. Жители магала, безъ сопротивленія, сдались непріятелю.

Полковникъ Ротъ, немедленно по вторженіи горцевъ въ Самурскій округъ, далъ знать о томъ генераль-адъютанту князю Аргутинскому-Долгорукову, бывшему въ то время въ Темиръ-Ханъ-Шуръ, около которой часть Дагестанскаго отряда стояла лагеремъ.

10-го числа ему же сообщено было о занятіи всего Рутульскаго магала и о приближеніи Даниель-Бека къ Ахтамъ. Кроме того, полковникъ Ротъ, того же числа, увѣдомилъ о происходившемъ командира 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи, генераль-маіора Бриммера, бывшаго въ Кусарахъ (штабъ-квартирѣ пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя

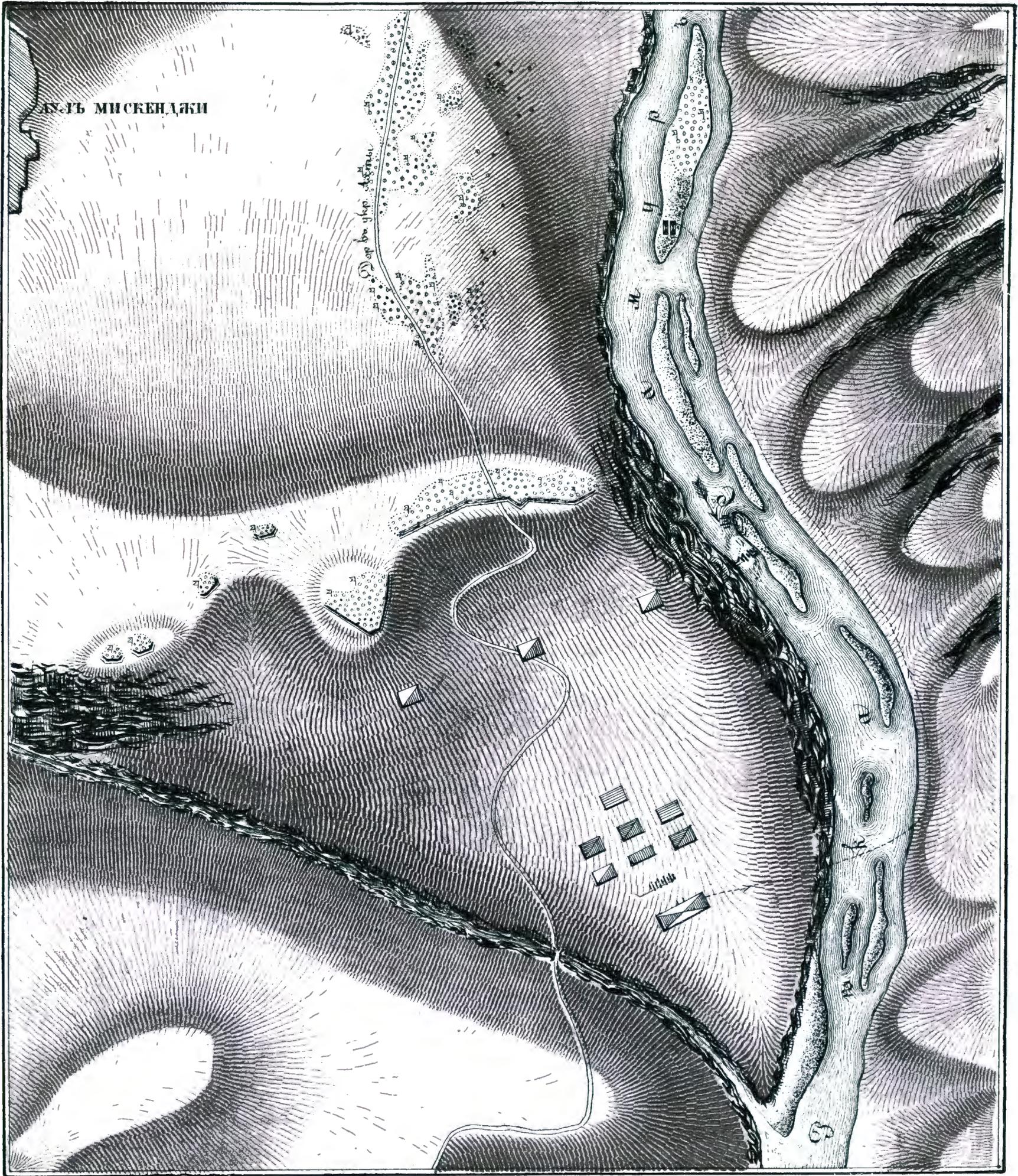
Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка), въ письмѣ къ которому, между прочимъ, писалъ: «я надѣюсь съ своими храбрыми милиціонерами отстоять укрѣпленіе противу хотя въ 10 разъ сильнѣйшаго непріятеля.»

Строки эти ясно доказываютъ, какъ начальникъ округа увѣренъ былъ въ мѣстную милицію; это объясняетъ также, отчего не было принято ни какихъ мѣръ къ приведенію крѣпости въ оборонительное положеніе.

Выстроенное въ 1839 году, генераломъ Головинымъ, укрѣпленіе Ахты лежитъ на правомъ берегу Ахты-Чая при впаденіи его въ Самуръ, въ виду главнаго селенія горныхъ магаловъ Ахтовъ. Открытое мѣсто близъ устья Ахты-Чая разстилается вдоль праваго берега Самура, у подошвы значительныхъ высотъ, сопровождающихъ противоположный его берегъ и командующихъ укрѣпленіемъ, внутренность котораго совершенно была открыта.

Въ углу, образуемомъ изгибомъ Самура и правымъ берегомъ Ахты-Чая, находится возвышенная плоскость, спускающаяся къ рѣкамъ довольно крутыми терасами, изрѣзанная большимъ числомъ овраговъ; сѣверная часть ея узкимъ мысомъ выдается впередъ и подходитъ къ самому слиянію рѣкъ. Возвышенная плоскость занята укрѣпленіемъ, имѣвшимъ видъ неправильнаго пятиугольника, съ пятью бастионными фронтами. Длина сторонъ многоугольника равнялась 268 сажнямъ, а ломанныя лица укрѣпленія простирались на 317 сажень. На углахъ бастионовъ сдѣланы были туръ-бастионы, прикрытые полуразвалившимися турами. Каменные стѣны укрѣпленія имѣли 15 футовъ высоты и 3½ фута толщины; куртины составляли заднія стѣны оборонительныхъ казармъ, передніе фасы которыхъ, обращенные внутрь укрѣпленія, имѣли только 2½ фута толщины. Въ 1847 году впереди укрѣпленія вырытъ былъ ровъ и насыпанъ гласисъ. Въ крѣпостной оградѣ, въ разстояніи полуторы сажени одна отъ другой, продѣланы были бойницы, выстрѣлы изъ которыхъ направлялись не по гласису, а въ контръ-эскарпъ; чтобъ оборонять бастионный фронтъ, гарнизону слѣдовало находиться на крышахъ казармъ въ лежащемъ положеніи. Три пороховые погреба помѣщались за пятимъ туръ-бастиономъ, въ разстояніи одинъ отъ другаго по три сажени; въ первыхъ двухъ порохъ хранился въ бо-

ПЛАНЪ ПОЗИЦІИ,
Занятой скопцами неприменныхъ горцевъ
 Подъ Ауломъ Мискенджи,
 взятой штурмомъ 22го Сентября 1848 года,
 Отрядомъ подъ личнымъ начальствомъ
ГЕНЕРАЛЪ АДЪЮТАНТА КНЯЗЯ АРГУТИНСКАГО-ДОЛГОРУКАГО.

 1-й пехотный полкъ Кавказскаго корпуса
 2-й пехотный полкъ Кавказскаго корпуса
 Ружейный батальонъ

 1-й кавалерійскій полкъ
 2-й кавалерійскій полкъ
 3-й кавалерійскій полкъ

 1-й кавалерійскій полкъ
 2-й кавалерійскій полкъ
 3-й кавалерійскій полкъ

ченкахъ: въ первомъ до 400 пудовъ, а во второмъ 96 боченковъ; въ третьемъ — были снаряды и заряды. Стѣны погребовъ были каменные, крыши плоскія, деревянные, насыпанныя землею до фута толщиною. Въ крѣпости находилось 10 орудій, для которыхъ въ бастіонахъ сдѣланы были барбеты и въ стѣнахъ прорѣзаны амбразуры. Орудія были слѣдующихъ калибровъ:

Мѣдныя.

Полу-пудовой единорогъ	1
Четверть-пудовыхъ единороговъ	2
Шести-фунтовыхъ пушекъ	3
Итого	6

Чугунныя.

Двѣнадцати-фунтовая пушка	1
Шести-фунтовыхъ пушекъ	2
Полу-пудовой единорогъ	1
Итого	4
Всего	10

Кромѣ того въ укрѣпленіи находились 4 кегорновыя мортиры.

Противъ угла, образуемаго слияніемъ Самура и Ахты-Чая, былъ обращенъ уголъ V бастіона, влѣво отъ котораго къ Ахты-Чаю находился I, а вправо къ Самуру—IV бастіоны; II и III бастіоны лежали сзади; ворота помѣщались между бастіонами: Ахтынскія — II и III-мъ и Рутульскія — I и V-мъ, а между V и VI была калитка для сообщенія съ люнетомъ, построеннымъ для обстрѣливанія моста черезъ Самуръ, впереди укрѣпленія, на концѣ выдающагося, возвышеннаго мыса. Въ люнетѣ могли помѣститься 50 человекъ и находилось одно орудіе (шести-фунтовая пушка), способное дѣйствовать только по одному направленію, не обстрѣливая другую сторону моста. Во время обложенія крѣпости, сообщеніе съ банней должно было прекратиться.

Впереди гласиса, передъ I и V бастіонами и соединявшей ихъ куртены, были выстроены: баня — надъ берегомъ Ахты-Чая, — ротныя дворы и домики женатыхъ нижнихъ чиновъ. Строенія эти, числомъ до пятнадцати, не были

уничтожены, а также не были вырублены сады, прилегавшіе къ самому гласису укрѣпленія.

Вечеромъ 13-го числа Даніель-Бекъ занялъ сел. Ахты. а наканунѣ этого дня, 12-го числа, жители его, ожидая къ себѣ Шамиля, хотѣли-было къ пріѣзду имама приготовить хорошій подарокъ — обманомъ завладѣть укрѣпленіемъ. Подъ предлогомъ просить патроновъ у начальника Самурскаго округа, думали они войти въ укрѣпленіе и завладѣть имъ. Лазутчики дали знать объ этомъ. Дѣйствительно черезъ нѣсколько часовъ Ахтынцы толпой подходили къ укрѣпленію. Военскій начальникъ крѣпости, маіоръ Старосило, заперъ ворота и тотчасъ же принялъ мѣры военной предосторожности. Ахтынцы, видя свою неудачу, стали просить, у вышедшаго къ нимъ навстрѣчу полковника Рота, патроновъ для защиты себя отъ партій Шамиля. Патроны были розданы.

13-го же числа, въ укрѣпленіе прибыла команда выздорѣвшихъ 1-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка, въ числѣ 48-ми нижнихъ чиновъ, подъ начальствомъ подпоручика Ищенко, шедшая на присоединеніе къ своему баталіону, бывшему въ отрядѣ генераль-маіора Бюрно, при сел. Борчь, на Военно-Ахтынской дорогѣ. Полковникъ Ротъ оставилъ эту команду въ укрѣпленіи.

Гарнизонъ Ахты состоялъ изъ двухъ ротъ Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона, и сила его, вмѣстѣ съ прибывшими Мингрельцами, простиралась до 300 штыковъ и 27 артиллеристовъ, при 2 штабъ и 12 оберъ-офицерахъ. Военскимъ начальникомъ укрѣпленія, какъ уже сказано, былъ маіоръ Старосило.

Генераль-маіоръ Бриммеръ, получивъ, 11-го числа, письмо полковника Рота, отъ 10-го сентября, и зная слабость Ахтынскаго гарнизона, послалъ къ нему на подкрѣпленіе 5-ю гренэдерскую роту пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эривавскаго полка съ командиромъ ея, капитаномъ Тизенгаузеномъ, подпоручикомъ Архангельскимъ и прапорщикомъ Семеновымъ, въ числѣ 22 унтеръ-офицеровъ и 200 рядовыхъ. При ротѣ командированъ былъ того же полка капитанъ Новоселовъ.

Утромъ 12-го сентября рота Тизенгаузена вышла изъ Кусарь въ укр. Ахты, къ которому дорога идетъ чрезъ Аджіахурскую тѣснину и ауль Мискенджи.

Прибывъ въ упраздненное укрѣпленіе Тифлисское ночью того же числа, капитанъ Новоселовъ, отъ бѣгущихъ милиціонеровъ, узналъ, что Шамиль уже занялъ сел. Ахты. Партіи горцевъ разсѣялись по всѣмъ деревнямъ Самурскаго округа и въ окрестностяхъ Мискенджи грабили и убивали жителей, при малѣйшемъ ихъ сопротивленіи и подозрѣніи къ преданности Русскимъ. Движеніе по такимъ мѣстамъ незначительнаго отряда, какъ рота, было весьма опасно, а потому, не остановившись на ночлегъ, воспользовались темнотою ночи и проливнымъ дождемъ, и рота передъ разсвѣтомъ, 14-го числа, пришла въ Мискенджи. Жители этого аула приняли отрядъ, повидимому, дружелюбно, но дѣйствіи Шамиля въ Самурскомъ округѣ произвели на умы горцевъ большое вліяніе и они, не вѣря въ возможность сопротивленія со стороны нашихъ войскъ, не совѣтывали отряду идти въ Ахты, словами: «ахъ урусъ зачѣмъ гойда? ружье большое іохъ, яманъ будетъ» (т. е. къ чему идти? орудія нѣтъ, худо будетъ). Солдатики смѣялись и говорили: «урусъ штыкъ якши, Шамиль гамусомъ пропалъ будетъ»; а между тѣмъ капитанъ Новоселовъ, опасаясь измѣны, далъ жителямъ понять, что сзади ихъ идетъ отрядъ изъ двухъ баталіоновъ и милиціи изъ Кубы, подъ начальствомъ генерала князя Гагарина, и что съ нимъ же идутъ орудія *).

Человѣкъ тридцать изъ жителей Мискенджи вызвались провожать роту, но мало по малу отставали, и только одинъ изъ нихъ пришелъ къ Ахтамъ.

14-го числа, въ 10 часовъ утра, рота гренадеръ показалась верстахъ въ пяти отъ крѣпости, и вскорѣ была замѣчена горцами, толпы которыхъ бросились изъ аула Ахты на перерѣзъ дороги. Положеніе роты было критическое. Вдоль дороги шли сады, прилегавшіе къ правому берегу Самура, и если бы непріятель успѣлъ занять ихъ ранѣе нашихъ, то графцы, вѣроятно, не дошли бы до Ахты. Замѣтя

*) Отрядъ князя Гагарина присоединился въ послѣдствіи къ князю Аргутинскому.

движеніе противника, полковникъ Ротъ приказалъ открыть огонь съ двухъ батарей, и тѣмъ заставилъ мюридовъ броситься на другую дорогу, которая, черезъ дер. Джебъ, выходитъ на большой Кубинскій трактъ. Гренадеры успѣли уже войти въ сады, и, хотя непріятель бросился на ихъ арріергардъ, но рота была спасена. Лихіе гренадеры, подъ жаркою перестрѣлкою, съ пѣснями, достигли до крѣпостныхъ воротъ, потерявъ только убитыми и ранеными одного унтеръ-офицера и шесть рядовыхъ. Ворота укрѣпленія были заперты и завалены извнутри. Поспѣшно очистивъ завалы, гарнизонъ принялъ къ себѣ послѣднюю помощь извнѣ.

Шамиль здѣсь сдѣлалъ большую ошибку. Не довѣряя жителямъ Самурскаго округа, онъ медленно подвигался впередъ и, овладѣвъ Рутуломъ, три дня занимался укрѣпленіемъ селенія Хрюкъ и заготовленіемъ матеріаловъ для осады укрѣпленія Ахты; между тѣмъ, если бы, изъ числа своего огромнаго сборища, отдѣлилъ часть и занялъ ею дорогу въ Мискенджи, со стороны котораго Ахты только и могли получить подкрѣпленіе, то тогда гарнизонъ не удвоился бы передъ его глазами и рота графскаго полка навѣрно погибла бы въ виду укрѣпленія, изъ котораго нельзя бы было подать ей помощь. Подобный промахъ Шамиля тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ вообще выказываетъ въ своихъ дѣйствіяхъ большія военныя способности, и даже при описываемомъ вторженіи въ Самурскій округъ прекрасно обезпечилъ свой тылъ и фланги, — а именно: зная, что снѣгъ, лежавшій въ горахъ, не пропуститъ наши войска изъ Дагестана въ горные магалы верхними дорогами, онъ выдвинулъ отрядъ Гаджи-Мурата по дорогѣ къ Гра на сообщеніе съ Курахомъ, и отрядомъ Давіель-Бека занялъ ауль Ахты, а противъ войскъ Лезгинской линіи выставилъ партію Муллы-Шабана и Мудира-Адалова на высоты, лежащія надъ Джарскими селеніями, и на урочище Меседельгеръ.

13-го сентября Шамиль прибылъ въ сел. Ахты *), и былъ встрѣченъ жителями. Лазутчики вотъ какъ рассказы-

*) Въ статьѣ «Защита укрѣпленія Ахты», въ III кн. *Чтенія для солдатъ*, за 1850 годъ, стр. 16, невѣрно показано, что Шамиль прибылъ въ сел. Ахты на 16-е число.

вали объ его въѣздѣ въ ауль. « Вотъ и я пришелъ къ вамъ, — говоритъ Шамиль, — и, какъ видите, въ теплой шубѣ, потому что слышалъ, будто у васъ холодно, а я останусь у васъ зимовать. Благодарю васъ за то, что вы, наконецъ, опомнились и перестали быть свиньями. Вижу въ васъ истинныхъ мусульманъ. » Потомъ, объѣхавъ ауль и оборотясь къ крѣпости, сказалъ: « Какъ же вы не уничтожили ее до прибытія моего и какъ я буду здѣсь жить, когда Самурскій доугусь передъ глазами. Если вы дѣйствительно желаете познать истинное ученіе и хотите доказать мнѣ свою преданность, то возьмите крѣпость. » Два слѣдующіе дня прошли въ приготовленіяхъ.

Получивъ подкрѣпленіе, полковникъ Ротъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для защиты укрѣпленія на случай нападенія на него горцевъ. Оборона 1-го фаса поручена капитану Тизенгаузену; 2 го фаса — капитану Новоселову; по батареямъ распределены: на 1-ю — помощники начальника Самурскаго округа: капитанъ Жоржъ и штабсъ-капитанъ Бучкиевъ и гарнизонной артиллеріи поручикъ Чуприковъ; на 2-ю батарею — пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка прапорщикъ Бенетъ и гарнизонной артиллеріи прапорщикъ Шлиттеръ; на 3-ю — пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка подпоручикъ Архангельскій и прапорщикъ Семеновъ; на 4-ю — Грузинскаго линейнаго № 6-го баталіона поручикъ Щекинъ, подпоручикъ Коржевъ и гарнизонной артиллеріи прапорщикъ Тимофѣевъ; на 5-ю — того же баталіона штабсъ-капитанъ Байдаковъ и подпоручикъ Богуславскій. Люнетъ поручень былъ Мингрельскаго егерскаго полка подпоручику Ищенко и прибывшей съ нимъ командѣ, 48-ми нижнихъ чиновъ того же полка. Въ резервѣ оставлены: воинскій начальникъ укрѣпленія, маіоръ Старосило и грузинскаго линейнаго № 10 баталіона прапорщикъ Товбичъ.

Весь гарнизонъ составлялъ около 500 штыковъ, при 2 штабѣ и 16 оберъ-офицерахъ.

На эту горсть храбрыхъ выпала тяжелая, но славная доля — защищать укрѣпленіе Ахты противъ многочисленнаго непріятеля, подъ личнымъ начальствомъ Шамиля, Даниель-Бека и Гаджи-Мурата.

15-е сентября.

На разсвѣтѣ, 15-го числа, со стороны аула Ахты послышались выстрѣлы, и мюриды толпами спѣшили туда со всѣхъ сторонъ. Въ зрительную трубу изъ крѣпости ясно можно было различить Шамиля, сидѣвшаго на покатоности горы. Онъ былъ окруженъ почтительною толпою наивовъ, а двое изъ нукеровъ держали надъ нимъ большой зонтикъ. Шамиль указывалъ на крѣпость и, конечно, самонадѣянно рѣшалъ уже участь гарнизона. Поручикъ Чуприковъ навелъ полу-пудовой единорогъ на эту толпу и пустилъ въ нее гранату; ранила ли кого она — видно не было, но имамъ поспѣшно скрылся за гору.

Часовъ въ 10 утра Шамиль двинулъ свои толпы къ укрѣпленію — внизъ по рѣкѣ Ахты-Чай, прикрываясь террасами и садами. Изъ фашинь и бревень, принесенныхъ съ собою, горцы быстро набросали заваль противъ 1-го бастиона и приближались къ укрѣпленію. Разбить этотъ заваль было невозможно, ядра и гранаты сбивали лишь нѣсколько фашинь, на мѣсто которыхъ набрасывались сотни новыхъ. Подобный заваль мюриды повели и противъ 4-го бастиона.

При первыхъ выстрѣлахъ непріятеля, полковникъ Ротъ, самъ наводя мортиру, былъ тяжело раненъ; пуля попала въ шею и остановилась подъ лопаткой. Горячка, открывавшаяся послѣ рапы, не позволила ему управлять долѣе защитою крѣпости, и всѣ находившіеся въ Ахтахъ офицеры собрались выбрать изъ среды себя начальника. Общій единодушный выборъ палъ на капитана Новоселова *), который тотчасъ же и вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

*) «Послѣ полковника Рота, въ укрѣпленіи Ахтынскомъ находились старше капитана Новоселова: маіоръ Старосило, воинскій начальникъ укрѣпленія, и капитанъ Жоржъ, старшій помощникъ начальника Самурскаго округа. Послѣдній изъ нихъ, будучи лишень свободного движенія правой ноги, разбитой въ зиму 1847 года, при изгнаніи непріятеля изъ Цахорекаго магала, могъ только соответствовать тому назначенію, какое получилъ отъ полковника Рота, т. е. начальствовать 1-мъ бастиономъ укрѣпленія, гдѣ и оставался до полученной, 16-го числа сентября, рапы. Маіоръ же Старосило

Время было дорого; усилившаяся пальба съ высотъ и изъ форштадта, которымъ успѣли овладѣть передовыя толпы непріятеля, заставляла принять скорыя и рѣшительныя мѣры къ защитѣ гарнизона отъ выстрѣловъ и къ усиленію средствъ обороны; кули съ мукой были тотчасъ разставлены по стѣнамъ укрѣпленія, а на I, IV и V батареяхъ, противъ которыхъ направлены были дѣйствія горцевъ, устроены, изъ кулей же, ретраншаменты. За тѣмъ, такъ какъ по обложеніи укрѣпленія сообщеніе съ люнетомъ, отстоявшимъ отъ ограды на ружейный выстрѣлъ, должно было прекратиться и часть гарнизона, тамъ находившагося (подпоручикъ Ищенко и 48 человекъ 1-го баталіона Мингрельскаго егерскаго полка), могла остаться въ совершенной крайности, безъ воды, хлѣба и патроновъ, то командовавшій укрѣпленіемъ (капитанъ Новоселовъ) приказалъ покинуть люнетъ. Подпоручикъ Ищенко, заклепавъ шести-фунтовую чугунную пушку, бывшую на негодномъ лафетѣ, и забравъ всѣ заряды, благополучно присоединился къ гарнизону укрѣпленія, гдѣ и поступилъ, съ своей командой, въ резервъ.

Приведя въ порядокъ амбразуры, командовавшій укрѣпленіемъ, для прикрытія прислуги при орудіяхъ, приказалъ сдѣлать деревянные, обитые желѣзомъ, щиты въ амбразуры

ло, до того времени не участвовавшій никогда въ военныхъ дѣлахъ, хотя не обнаружилъ неопытности и неспособности къ предстоявшему назначенію, но, естественно, не внушалъ къ себѣ столько довѣренности бывшихъ въ гарнизонѣ офицеровъ, какъ капитанъ Новоселовъ, извѣстный всѣмъ имъ на опытѣ отважною храбростію, хладнокровіемъ и распорядительностію въ военномъ дѣлѣ. По этимъ причинамъ, въ столь критическую минуту, выборъ единогласный палъ на капитана Новоселова, съ честью оправдавшаго довѣріе къ нему начальника и товарищей. Маіоръ Старосило, сознавая, въ настоящемъ случаѣ, преимущество способностей Новоселова, и постигая важность обязанностей начальника укрѣпленія, не только добровольно уступилъ ее, но охотно подчинилъ себя капитану Новоселову, принявъ команду надъ однимъ изъ бастіоновъ укрѣпленія, на которомъ и изувѣченъ ранами при взрывѣ, 16-го числа, заряднаго ящика.» Изъ писемъ главнокомандовавшаго Отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ князя Воронцова къ военному министру князю Чернышеву, изъ Тифлиса, отъ 6-го января 1849 года, за № 16.

и маски на орудія, и тогда же исправилъ туры на бастіонахъ. Колодезь, служившій для гарнизона помойной ямой, былъ очищенъ, и, по недостатку въ немъ воды, приказано отпускать ее порціями. Въ продолженіе ночи съ 15-го на 16-е сентября укрѣпленіе приведено въ возможность противустоять дѣйствіямъ горцевъ.

Находившихся въ укрѣпленіи мирныхъ Ахтынцевъ, въ числѣ 42-хъ человекъ, приказано было помѣстить въ особенной казармѣ на заднихъ бастіонахъ и, безъ особенной надобности, не позволено имъ выходить на площадь укрѣпленія. Ихъ слѣдовало бы обезоружить; но какъ, во время осады, отобрать оружіе у дикихъ горцевъ, безъ явнаго на то насилія? Потому командовавшій гарнизономъ удовольствовался тѣмъ, что принялъ за нихъ поручительство штабсъ-капитана Бучкіева, знавшаго всѣхъ ихъ лично.

Въ первый день осады гарнизонъ потерялъ 20 человекъ рядовыхъ убитыми и 32 ранеными, всего 52 человека; въ этомъ числѣ большая часть артиллеристовъ (изъ 27) выбыла изъ строя оттого, что въ амбразурахъ не имѣлось щитовъ и горцы били прислугу на выборъ.

16-е сентября.

Въ то время, когда Шамиль находился еще въ аулѣ Ахты, скопища его занимались заготовленіемъ фашинь, бревень, рубкою лѣса и другими необходимыми работами для предстоявшей осады. Подойдя къ крѣпости, каждый горецъ принесъ съ собою по фашинь, кромѣ того ими навьючивали цѣлыя сотни ословъ, которыхъ пригнали къ стѣнамъ Ахты. Изъ фашинь осаждавшіе быстро устроили завалъ, равнявшійся высотой съ кроною крѣпостнаго бруствера и послужившій имъ, въ послѣдствіи, вмѣсто траншейнаго кавальера. Перебрасываніемъ заднихъ рядовъ фашинь впередъ, горцы незамѣтно подвигались, и еще 14-го числа овладѣли форштадтомъ. Такъ какъ онъ лежалъ въ небольшой лоцинь, параллельно съ крѣпостію, то ночью съ 14-го на 15-е сентября, непріятель вырылъ, вдоль предмѣстья, ровъ въ видѣ 1-й параллели и быстро началъ подвигаться къ I и V бастіонамъ, помощію вышеописанныхъ подвижныхъ заваловъ. Ядра и гранаты пронизывали кучу фашинь, но повре-

жденія быстро исправлялись горцами при громкихъ пѣсняхъ изъ Алкорана, и за тѣмъ снова начиналось перекидываніе фашинь и бревенъ. Шумъ этой работы надоѣдалъ гарнизону болѣе выстрѣловъ: невыносимо досадно было смотрѣть, какъ осадныя работы росли съ каждымъ часомъ и не было ни какой возможности ихъ разрушить. Вылазки нельзя было сдѣлать по слабости гарнизона, все болѣе и болѣе уменьшавшагося.

Въ полдень тяжело раненъ завѣдывавшій I-й батареей капитанъ Жоржъ, достойный и храбрый офицеръ, одушевлявшій своимъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ за рѣкою Самуромъ, на высотѣ, командующей крѣпостью, непріятель устроилъ батарею изъ двухъ орудій. Погода была тихая и ясная, и гарнизонъ видѣлъ работы непріятельскихъ артиллеристовъ.

«Семья не безъ урода», говоритъ пословица, а армія огромная семья, и надо сказать, что въ арміяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ были люди, которые, забывая долгъ совѣсти и присяги, оставляли свои ряды и, среди непріятеля, преступно дѣйствовали противъ своихъ соотечественниковъ. Одинъ изъ такихъ бѣглецовъ, фейерверкеръ Никитинъ, управлялъ непріятельскою батареей; часа въ два по полудни 16 го сентября, онъ закричалъ съ горы: «берегитесь, Никитинъ промаха не дастъ!» и дѣйствительно, послѣ шести или семи выстрѣловъ, граната ударила въ крышу порохового погреба, пробила ее и воспламенила находившійся тамъ, въ количествѣ 400 пудовъ, порохъ. Дѣйствіе взрыва этой массы пороха было ужасно: погребъ и часть крѣпости совершенно разрушены; V-й бастионъ, съ двумя мѣдными единорогами и бывшіе на немъ штабсъ-капитанъ Байдаковъ и 44 человекъ рядовыхъ взлетѣли на воздухъ. Поручикъ Чуприковъ, находившійся во второмъ пороховомъ погребѣ для приготовленія зарядовъ, засыпанъ былъ обрушившеюся стѣною и едва живой вытащенъ изъ-подъ груды камней; многіе переранены, и въ томъ числѣ жены офицеровъ, госпожи Жоржъ, Байдакова и Богуславская; а самъ командовавшій крѣпостью, капитанъ Новоселовъ, получилъ сильный ушибъ камнемъ въ лѣвое колѣно.

Не смотря на все это, не дрогнули сердца храбрыхъ и не упалъ духомъ мужественный гарнизонъ Ахтынской. Всѣ другъ передъ другомъ отличались хладнокровіемъ и презрѣніемъ къ опасностямъ.

Госпожа Жоржъ, изувѣченная, безъ чувствъ вытащена была изъ-подъ груды камней и земли. Первыя ея слова были: «цѣла ли крѣпость?»

Госпожа Байдакова осталась вдовою съ двумя малолѣтними дѣтьми. Твердость духа и покорность Провидѣнію этой молодой женщины, среди всѣхъ ужасовъ войны, по словамъ очевидцевъ, были изумительны; страдая отъ ранъ, она, съ вѣрою въ Бога, ожидала конца страшной драмы и, успокоивая своихъ спроть, только изрѣдка спрашивала командовавшаго крѣпостью: «Капитанъ, что съ нами будетъ?»

Госпожа Богуславская, забывая свои страданія, подавала помощь другимъ и, лишая себя всякаго спокойствія, отдала изувѣченнымъ свою постель.

Солдаты подавали помощь раненымъ, отыскивали живыхъ подъ кучами камней, земли и труповъ, которыми завалена была крѣпость. Пороховые погреба 2-й и 3-й также отчасти разрушились, но порохъ уцѣлѣлъ и его оставалось еще 96 боченковъ, кромѣ боевыхъ зарядовъ. Командовавшій прежде всего хотѣлъ было перенести порохъ въ другое мѣсто, но его удержало то соображеніе, что этимъ передвиженіемъ можно было привлечь вниманіе осаждавшихъ и подвергнуть тѣмъ опасности послѣдній складъ пороха.

На мѣсто храбрыхъ защитниковъ V-го бастиона, взорванныхъ на воздухъ, тотчасъ же послѣ взрыва, посланы егеря Мингрельскаго полка (48 человекъ) съ подпоручикомъ Ищенко. Эти молодцы, подъ градомъ пуль, сложили новую батарею изъ кулей съ мукой, а брешь завалена мѣшками изъ шинелей и кулей съ землею. V-й бастионъ былъ разрушенъ совершенно; на мѣсто его командовавшій крѣпостью построилъ ретраншаментъ изъ кулей слѣдующимъ образомъ: по краю обрыва поставилъ рядъ кулей, сзади ихъ размѣщены были егеря Мингрельскаго полка, за ними опять рядъ кулей и сзади всего—бастионъ отдѣленъ отъ укрѣпленія гор-

жей изъ кудей же. Такимъ образомъ, размѣстивъ егерей, можно было надѣяться, что этотъ важный пунктъ въ крѣпостной оградѣ будетъ защищаемъ солдатами до послѣдней капли крови.

Изъ числа 10 орудій при взрывѣ два сброшены въ ровъ, а изъ остальныхъ по 2 были поставлено на I-й и V-й бастіоны, одно на IV-й, а два бастіона остались безъ орудій, потому что платформы, отъ безпрерывной стрѣльбы, пришли въ совершенную негодность и не позволяли болѣе дѣйствовать.

Горцы, не ожидавшіе взрыва, первое время находились въ перѣшимости и въ это-то время гарнизонъ успѣлъ привести крѣпостную ограду въ должный видъ. Скоро, однако, горцы опомнились и съ оглушительнымъ воплемъ «Алла» бросились на штурмъ обвала, съ такимъ ожесточеніемъ, что неопытные защитники стѣны между V-ю и IV-ю батареями дрогнули и бросились внутрь крѣпости. Минута была критическая: малѣйшая оплошность могла бы погубить укрѣпленіе окончательно. Страшнымъ, но единственнымъ средствомъ поправить дѣло, было—пожертвовать немногими для спасенія всѣхъ. Двое первыхъ изъ бѣжавшихъ пали жертвами подъ ударами шашки командовавшаго крѣпостью и вслѣдъ за тѣмъ раздался крикъ: «Капитанъ рубить!» Мгновенно, невольная робость исчезла и все пришло въ порядокъ. Горцы были опрокинуты.

Дѣйствія всѣхъ офицеровъ, даже раненыхъ, во все время превосходило всѣ возможные похвалы. Солдаты дрались съ величайшимъ хладнокровіемъ и весело переносили труды.

Едва разсѣялся дымъ отъ взрыва, какъ пѣсенники 5-й гренадерской роты князя Варшавскаго полка уже пѣли: «За Царя и Русь святую!» Примеровъ личной храбрости было много, приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Рядоваго *Щелкачева* взрывомъ отбросило сажень на шесть въ сторону. Вскочивъ на ноги, онъ воскликнулъ: «экъ проклятые толкаются!»

Горнисть *Борзовъ*, у котораго взрывомъ сломало ружекъ, схватилъ ружье и во все время осады доказывалъ, что владѣть имъ исправно. Товарищи, шутя съ нимъ, просили сыграть отступление оборванцамъ.

Особеннымъ мужествомъ отличались фельдфебель Мингрельскаго егерскаго полка *Михальченко* и унтеръ-офицеръ князя Варшавскаго полка *Руденко*. Ихъ неутомимость, веселость и всегдашняя готовность на новые труды ободряли весь гарнизонъ. Молодые солдаты спрашивали ихъ, какъ владѣть штыкомъ: «коли крѣпко—да скорѣй выдерживай; а схватить за штыкъ — береги голову, вотъ и все.»

Не прошло двухъ часовъ послѣ взрыва пороховаго погреба, какъ отъ другой непріятельской гранаты взлетѣлъ на воздухъ зарядный ящикъ. Эти два происшествія, одно вслѣдъ за другимъ, оставили по себѣ ужасное опустошеніе и нанесли гарнизону значительную потерю въ людяхъ, но не ослабили его духа. Что за чудное созданіе Русскій солдатъ! изъ него можно сдѣлать что угодно, только любите его, думайте побольше о немъ, входите въ его нужды, не оскорбляйте его самолюбія, а, главное, будьте справедливы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, взыскательны. Одно слово любимаго начальника, сказанное во время и кетати, заставитъ нашего солдата сдѣлать невозможное.

При второмъ взрывѣ ранены: майоръ Старосило и прапорщикъ Семеновъ, а также сильно ранены и изувѣчены: храбрый почталонъ, случайно находившійся въ крѣпости, и крѣпостной человекъ капитана Тизенгаузена, Борисъ, который заряжалъ орудіе послѣ убитаго бомбардира на III-мъ бастіонѣ. Оба послѣдніе были молодцы на славу: почталонъ, едва отдохнувшій отъ раны, явился снова къ дѣлу и, 20-го числа, погибъ честною смертью; Борисъ, изувѣченный и сильно обожженный взрывомъ ящика, до конца жизни не переставалъ ободрять молодыхъ солдатъ и внушать имъ презрѣніе къ опасностямъ.

Послѣ взрыва пороховаго погреба и ящика, командовавшимъ сдѣланы слѣдующія распоряженія: на I-й фазъ назначенъ капитанъ Тизенгаузенъ; на I-ю батарею поручикъ Щекинъ; на II-ю — прапорщики Бинетъ и Товбичъ; на III-ю — подпоручикъ Иценко; на V-ю — штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ и подпоручикъ Коржевъ. Письмоводитель почтоваго отдѣленія Головачевскій, по собственному его желанію, состоялъ на IV-й батареѣ во все время осады. Артиллеріею завѣдывалъ прапорщикъ Шлиттеръ.

Въ тотъ же день раненъ подпоручикъ Коржевъ.

До поздняго вечера непріятель все велъ свои работы, подвигаясь впередъ.

Внутренность Ахтынскаго укрѣпленія представляла страшное зрѣлище: трупы людей и лошадей валялись повсюду, угрожая произвести заразу, а убирать ихъ было некогда да и некому; съ каждымъ часомъ положеніе гарнизона дѣлалось непріятнѣе, но крѣпость все еще не была обложена со всѣхъ сторонъ толпами горцевъ, хотя это ни къ чему не могло служить для гарнизона: подкрѣпленія ждать было неоткуда. Въ это время управлявшій мирными аулами Самурскаго округа, штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ, обратился къ капитану Новоселову съ просьбою дозволить ему идти къ генералъ-адъютанту князю Аргутинскому-Долгорукову и извѣстить его о положеніи укрѣпленія и гарнизона.

Нельзя было предполагать, чтобы въ то время, черезъ десять дней послѣ вторженія Шамила въ Самурскій округъ, князь Аргутинскій не зналъ еще объ этомъ и не принялъ бы съ своей стороны зависѣвшихъ отъ него мѣръ къ спасенію Ахтынскаго укрѣпленія, и дѣйствительно, какъ увидимъ послѣ, въ это время передовыя части его отряда вступили уже въ Курахъ и были только въ 20-ти верстахъ отъ Ахты черезъ горный перевалъ. Если же бы князь Аргутинскій въ это время находился еще въ Темиръ-Ханъ-Шуръ и не зналъ бы о вторженіи горцевъ, то понятно, что прежде чѣмъ дошло бы до него извѣстіе чрезъ штабсъ-капитана Бучкѣва и прежде чѣмъ онъ принялъ бы, въ слѣдствіе того, какія либо мѣры, гарнизонъ, вѣроятно, былъ бы уже принужденъ взлетѣть на воздухъ, какъ сдѣлали то защитники Михайловскаго укрѣпленія.

Однако командовавшій крѣпостью отпустилъ штабсъ-капитана Бучкѣва, который, ночью съ 16-го на 17-е число, съ Самурскими беками: подпоручикомъ Али-Султанъ-Беккомъ и прапорщикомъ Али-Мулла-Шерифъ-Оглы, въ сопровожденіи трехъ нукеровъ и казака Ивана Солонина, пероодѣвшись въ Лезгинскія дохмотья и пользуясь темнотою ночи, вышли изъ крѣпости. Въмѣсто штабсъ-капитана Бучкѣва, на V-й бастіонъ назначенъ былъ прапорщикъ Бенетъ,

а вмѣсто его, — на II-ю батарею, — прапорщикъ Богуславскій.

При вечернемъ рапортѣ оказалось въ гарнизонѣ на лицо:

1) Въ 5-й гренадерской ротѣ пѣхотнаго генералъ — фельдмаршала князя Варшавскаго полка	164 чел.
2) Въ 1-й линейной ротѣ	75 »
3) Во 2-й »	76 »
4) Мингрельскаго егерскаго полка	46 »
5) Артиллеристовъ	18 »
6) Нестроевыхъ	11 »
Всего	390 чел.

17-е СЕНТЯБРЯ.

Подвижные завалы горцевъ быстро шли впередъ и, 17-го числа, на третій день осады, непріятель подвигалъ уже свои работы на гребень гласиса I-го и IV-го бастіоновъ. Смотри на сильный, убійственный огонь изъ крѣпости, не умолкавшій съ начала осады и не измѣнившійся послѣ взрыва пороховаго погреба, горцы не могли никакъ понять, откуда берется у гарнизона порохъ, и думая, что разстрѣливаются послѣдніе заряды, поминутно кричали: «сдавайтесь, пороху іохъ». — «Будетъ чѣмъ перебить васъ, нехристей», отвѣчали солдаты *).

Въ этотъ день, однимъ орудіемъ фейерверкеръ съ 2-го бастіона, а другимъ прапорщикъ Шлиттеръ, мѣткими выстрѣ-

*) Утромъ 17-го числа гарнизонъ былъ позабавленъ выходкой маркитанта укрѣпленія, Армянина *Иваниса*. Видя, что въ Ахтахъ оставаться плохо, онъ хотѣлъ спрыгнуть въ ровъ, но былъ схваченъ солдатами и приведенъ къ командовавшему. На вопросъ: «что ты хотѣлъ дѣлать?» онъ плаксиво отвѣчалъ: «Ваше благородіе, пощадите, выпустите меня изъ крѣпости; здѣсь меня убьетъ непріятель, а тамъ не тронуть, потому, что я самъ къ нимъ приду. Я проберусь до Хазровъ.» Происшествіе съ Иванисомъ быстро разнеслось по укрѣпленію, и солдаты хохотали надъ продѣлкой маркитанта. Армянина связали и держали подъ карауломъ въ продолженіе всей осады.

лами подбили оба непріятельскія орудія, нанесшія столько вреда гарнизону и самому укрѣпленію *).

По неимѣнію въ крѣпости зажигательныхъ снарядовъ **), солдаты бросали въ ровъ ручныя и обыкновенныя гранаты, обернутыя въ смоляную паклю, и просто куски зажженной смоленой пакли. Но какъ фашинникъ осаждавшихъ былъ сухой, то хотя противъ I-й и IV-й батарей и загорѣлись траншейныя работы, однако огонь скоро былъ потушенъ непріателемъ, притомъ же этотъ пожаръ могъ причинить большой вредъ самимъ защитникамъ: вѣтеръ, дувшій со стороны Самура, перебрасывалъ искры внутрь укрѣпленія, а, главное, относилъ на него весь дымъ, за которымъ можно было опасаться непріятельскаго внезапнаго нападенія, а потому командовавшій укрѣпленіемъ не приказалъ болѣе пытаться зажечь ихъ работы.

Восемьдесятъ боченковъ пороху было приготовлено на случай ожидаемой смерти. Обходя батареи, капитанъ Новоселовъ спрашивалъ: «Съумѣемъ ли мы, ребята, умереть, какъ умерли наши товарищи въ Михайловскомъ укрѣпленіи?» Солдаты отвѣчали: «Ваше благородіе, отъ насъ поживы нехристямъ не будетъ!» — «Да я первый взорву укрѣпленіе,» говорилъ унтеръ-офицеръ князя Варшавскаго полка Дмитрій Ивановъ. *Ивановъ* — типъ Русскаго солдата — былъ душою своей роты; отъ веселыхъ его разказовъ гренадеры заливались неудержимымъ смѣхомъ, а отъ ударовъ его молодецкаго штыка блѣднѣли бусурманскія лица. Съ оружіемъ въ рукахъ и съ улыбкой на устахъ сложилъ онъ свою голову впереди своихъ храбрыхъ товарищей.

*) Въ Выпискѣ изъ Журнала осады, представленнаго главнокомандовавшему княземъ Аргутинскимъ отъ 2-го октября 1848 года, за № 1071, и приложеннаго княземъ Воронцовымъ къ его всеподданнѣйшему рапорту отъ 6-го октября 1848 г., говорится только, что 17-го числа «прапорщикъ Шлиттеръ сбиль непріятельскую мортиру изъ единорога.» Дѣйствительно же въ этотъ день были уничтожены оба горскіихъ орудія.

**) Въ *Извѣстіи съ Кавказа*, напечатанномъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, 24-го октября 1848 года, сказано: «удачно брошенные брандскугеля зажгли и уничтожили фашинникъ во рву.» Этого не могло быть, потому что въ крѣпости не было ни одного брандскугеля.

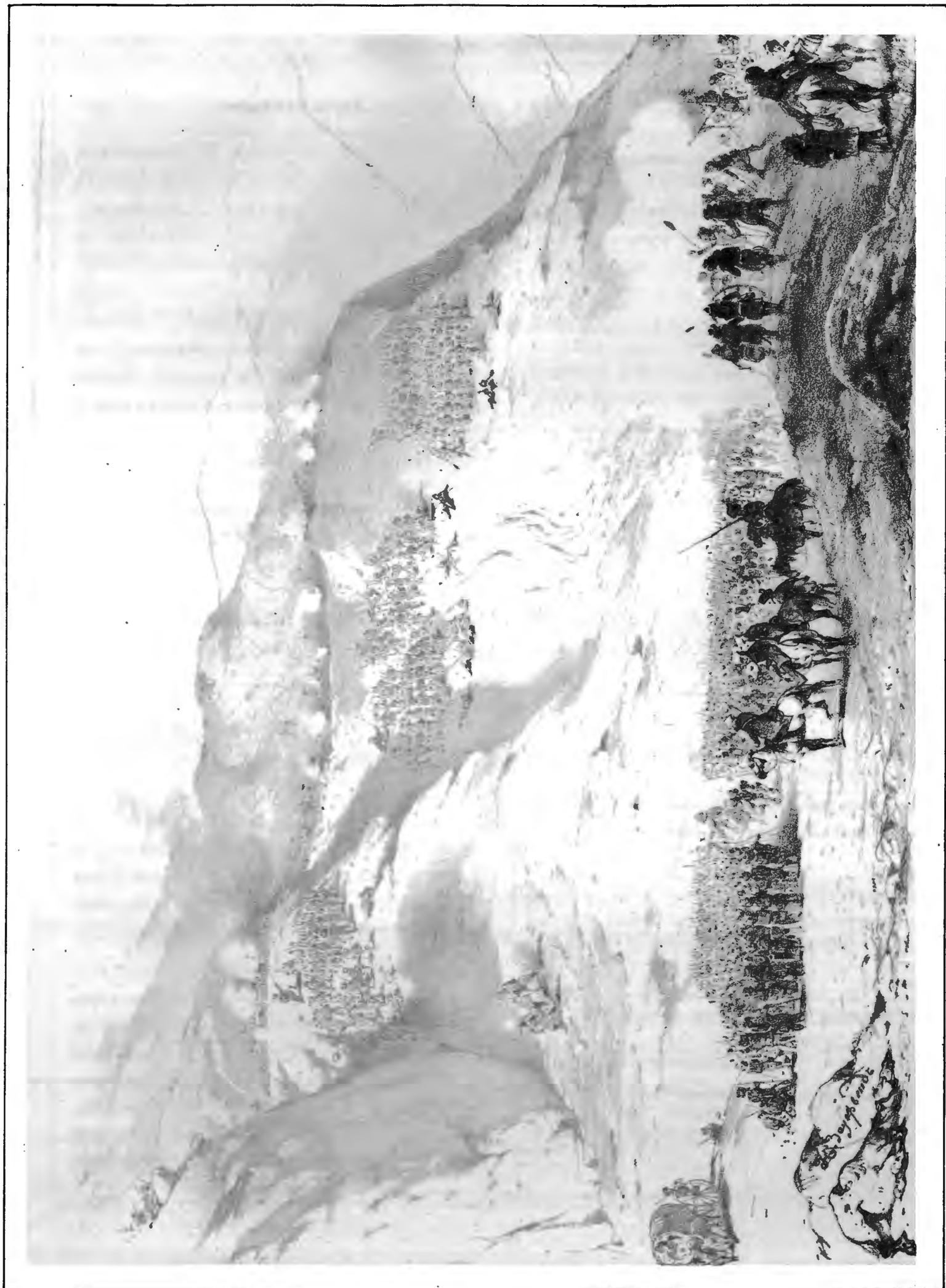
18-е СЕНТЯБРЯ.

Положеніе гарнизона, непрерывно уменьшавшагося въ численномъ составѣ, изнуреннаго неимоверными трудами въ продолженіе столькихъ дней, съ утра 18-го сентября сдѣлалось еще затруднительнѣе: передъ утромъ, когда съ обѣихъ сторонъ перестрѣлка затихла, въ укрѣпленіи можно было ясно слышать подземный стукъ, обнаруживавшій, что непріятель ведетъ минную галерею подъ I-й бастіонъ.

Въ первый разъ горцы начинали подземную войну. Въ прежнія времена, при Кази-Муллѣ и послѣ него, осаждая наши укрѣпленія, горцы исключительно рассчитывали на свою многочисленность и быстроту дѣйствія. Внезапно появлялись они около укрѣпленія и быстро производили штурмы одинъ за другимъ. Боясь медленностію дать время нашимъ войскамъ придти на помощь къ осажденнымъ, горцы не принимались за продолжительныя работы и для облегченія штурмовъ не готовили даже лѣстницъ: такъ было подъ Бурной, которую Кази-Мулла штурмовалъ въ 1831 году. Немного спустя, подъ Внезапной, тѣже скопища Кази-Муллы не отважились подходить открыто къ крѣпости и для прикрытія себя построили щиты на колесахъ, которые двигали передъ собою, а такъ какъ крѣпость Внезапная была обнесена рвомъ, то, для заваливанія его, надѣлали особыхъ фашинъ, употребляя для этого колеса изъ обыкновенныхъ арбъ, забирая ихъ между спицами, бревнами и хвостомъ.

Съ 1831 по 1848 годъ прошло много времени, и горцы болѣе возмужали въ военномъ дѣлѣ. Оригинальный, весьма счастливый способъ веденія траншей мы уже видѣли выше; теперь обратимся къ ихъ способу веденія минъ.

Подъ прикрытіемъ подвижнаго завала горцы повели, безъ всякихъ рамъ, подземную галерею подъ ровъ напротивъ I-го бастіона. Зарядъ заложенъ былъ въ мѣдномъ котлѣ, въ стѣнкѣ котораго просверлено было отверстіе. Для сообщенія огня заряду, три ружейныхъ ствола, вставленные одинъ въ другой, образовали жолобъ, который ввинченъ въ отверстіе котла и насыпанъ порохомъ. Когда, послѣ осады, осматривали непріятельскія работы, то, въ разстоя-

Иса. Г. Подковникъ Новоселова.

22, Сентября 1848 года

Печ. И. Корсакина

ШТУРМЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКИХЪ ЗАВАЛОВЪ ПРИ АУЛѢ МИСКИНЖИ.

ни сажени отъ стволовъ, нашли убитаго мюрида, который, вѣроятно, зажигалъ мину и, по неопытности въ этомъ дѣлѣ, заплатилъ за то жизнью.

Однако, для защиты обвала, который могъ образоваться отъ взрыва неприятельской мины, командовавшій устроилъ на I-мъ бастіонѣ горжу изъ кулей; впереди ея оставлена была 12-ти-фунтовая чугунная пушка съ прислугой и часовой, а все остальные люди расположены сзади горжи, защищаемой мѣднымъ орудіемъ.

По недостатку рукъ и матеріаловъ не было никакой возможности вести изъ крѣпости контръ-мину; кромѣ того, капитанъ Новоселовъ полагалъ, что горцы, не имѣя большаго количества пороха, не въ состояніи будутъ заложить достаточно сильнаго заряда, чтобъ нанести существенный вредъ укрѣпленію; однако послѣ оказалось, что ротный порохъ не былъ взятъ изъ форштата, гдѣ онъ находился на ротныхъ дворахъ.

Но вотъ наступилъ полдень и вдругъ совершенно неожиданно толпы неприятеля, бывшія выше укрѣпленія, бросились къ аулу Ахты, а въ горахъ, сзади укрѣпленія, по дорогѣ изъ Кураха, сперва раздались звуки нашихъ рожковъ и сигналовъ, потомъ блеснули штыки и ясно можно было различить, спускавшіяся съ вершины перевала, наши войска. Это были передовыя части отряда генераль-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, шедшаго на выручку къ Ахтамъ *).

По мѣрѣ приближенія отряда, толпы неприятеля на форштатѣ и въ траншеяхъ начали волноваться, и когда голова колонны спустилась на половину горы, мюриды, работавшіе противъ I-й, IV-й и V-й батарей и занимавшіе форштатъ, бросились отъ укрѣпленія, изъ котораго провожали ихъ картечью.

Радость гарнизона при видѣ спѣшившаго къ нему на подмогу отряда была неописанна: ее можно понимать и почувствовать ей, но всякое ея описаніе будетъ слабо. Поль-

*) Въ упомянутой *Извѣстїи съ Кавказа*, въ *Русскомъ Ивландѣ*, вѣроятно показано, что передовыя войска князя Аргутинскаго появились на перевалѣ хребта 17-го сентября.

зуюсь отступленіемъ неприятеля, командовавшій крѣпостью приказалъ капитану Тизенгаузену, чтобы, по возможности, уничтожить веденныя неприятелемъ работы *).

Надежда гарнизона на скорое освобожденіе была непродолжительна: князь Аргутинскій, будучи уже въ виду укрѣпленія, не могъ, по неимѣнію моста, перейти черезъ рѣку Самуръ, а потому поднялся на гору и скоро скрылся изъ виду. Укрѣпленіе снова осталось на жертву всемъ случайностямъ осады.

Съ удаленіемъ отряда, горцы снова принялись за работы, которыя капитанъ Тизенгаузенъ, по краткости времени, не успѣлъ совершенно разрушить.

Ведя рассказъ о защитѣ Ахтынскаго укрѣпленія, мы здѣсь только упомянемъ о внезапномъ появленіи и еще болѣе внезапномъ удаленіи отряда князя Аргутинскаго и, отлагая объясненіе его дѣйствій до слѣдующей главы, прибавимъ, что какъ велика была радость гарнизона при появленіи нашихъ войскъ, такъ глубоко было ихъ разочарованіе и горе при видѣ, что послѣдняя надежда на спасеніе исчезаетъ. Женщины, которыхъ было много въ укрѣпленіи, и которыя до тѣхъ поръ, въ надеждѣ скорого освобожденія Дагестанскимъ отрядомъ, храбро переносили осаду, теперь ударили въ плачь, и надо было много хлопотъ и труда, чтобы унять ихъ и возстановить въ гарнизонѣ прежній духъ **).

*) Въ упомянутой Выпискѣ изъ Журнала осады, приложенной ко всеподданнѣйшему рапорту князя Воронцова не точно сказано, что «19-го числа 40 охотниковъ, подъ предводительствомъ капитана Тизенгаузена, сдѣлали вылазку и сожгли неприятельскія завалы противъ 4-й батареи.»

**) Двѣ изъ дамъ, бывшихъ въ укрѣпленіи, явились къ командовавшему, прося его выпустить ихъ. Одна изъ нихъ говорила: «Капитанъ, умоляю васъ, выпустите меня изъ крѣпости, я мала ростомъ и пройду незамѣченною неприятелемъ; если же горцы возьмутъ меня, то тогда я отдамъ имъ, вотъ видите, эти брилліанты и деньги, они меня пропустятъ.» — «Капитанъ, — твердила другая, — вы не имѣете права удерживать меня въ крѣпости; вы должны меня выпустить, я не хочу умирать.»

19-е СЕНТЯБРЯ.

19-го сентября прошло въ непрерывной перестрѣлкѣ и работахъ со стороны непріятеля, который подвигалъ свои траншеи по гласису и съ вершины заваловъ забрасывалъ ровъ. Подвижные завалы служили горцамъ теперь траншей-кавалерами; съ вершины ихъ открывалась вся внутренность укрѣпленія.

Ночью съ 19-го на 20-е число, въ аулѣ раздались ружейные выстрѣлы. Еще разъ надежда блеснула въ сердцахъ храбрыхъ защитниковъ Ахты; нѣкоторые думали, что къ нимъ идутъ на помощь войска изъ отряда генерала Бюрно; но, какъ въ послѣдствіи оказалось, это были привѣты Шамиля тому изъ храбрыхъ, кто первый ворвется въ укрѣпленіе.

20-е СЕНТЯБРЯ.

20-го сентября непріятель продолжалъ свои работы, и въ толпахъ его, на форштадтѣ, замѣтна была необыкновенная дѣятельность. Предчувствуя нападеніе, всѣ бывшіе въ укрѣпленіи готовились къ отчаянному сопротивленію... Сестра подпоручика Тимофеева, собирая по крѣпости неразорванныя гранаты, относила ихъ къ брату, занимавшемуся приготовленіемъ снарядовъ, приговаривая: «на, пусть ихъ обратно; пусть нехристи знаютъ, что насъ Богъ бережетъ.»

Въ полдень прекратилась перестрѣлка, и до двухъ часовъ продолжалась глубокая тишина; въ два же часа по полудни раздался громкій взрывъ: часть I-го бастиона взлетѣла на воздухъ отъ взорванной непріателемъ мины. Вслѣдъ за взрывомъ, горцы бросились на штурмъ обвала. Храбрый поручикъ Щекинъ встрѣтилъ ихъ картечью, а потомъ, вмѣстѣ съ 12-ю нижними чинами, выскочившими къ нему изъ ретраншамета, — устроеннаго изъ кулей съ мукой, — ударилъ въ штыки и погибъ въ рукопашной схваткѣ съ ожесточеннымъ непріателемъ. Новая толпа горцевъ встрѣчена нашими залпомъ ружейныхъ и картечныхъ выстрѣловъ, ручными гранатами и камнями. Въ то же время на IV-ю и V-ю батареи бросились мюриды съ лѣстницами, но были сбиты и опрокинуты. Послѣ самой отчаянной рукопашной

борьбы на штыкахъ и кинжалахъ непріятель былъ отброшенъ на всѣхъ пунктахъ, а брешь I-го бастиона буквально была завалена тѣлами его убитыхъ.

Отступавшіе отъ крѣпости горцы были встрѣчаемы ударами ногаекъ и шашекъ мюридовъ, поставленныхъ Даніель-Бекомъ.

Капитанъ Новоселовъ при этомъ раненъ въ лѣвую часть живота, съ оставшеюся въ ранѣ пулею, и контуженъ камнемъ въ голову. Во время штурма, не извѣстно отъ какой причины, былъ взорванъ зарядный ящикъ, стоявшій около 4-й батареи, при чемъ раненъ и обожженъ капитанъ Тизенгаузенъ, а часовой, стоявшій у ящика, убитъ.

Между тѣмъ, подъ градомъ пуль и камней, солдаты устроили новую батарею изъ кулей на мѣстѣ разрушеннаго I-го бастиона.

Въ этотъ же день убитъ храбрый унтеръ-офицеръ Дмитрій Ивановъ; а многіе отличились мужествомъ и храбростью. На рядоваго Горбаченко, на I-й батареѣ, напали двое Лезгинъ: одного онъ опрокинулъ ударомъ штыка, а другой въ это время схватился за его ружье. «Братцы, помогите!» взмолился Горбаченко. Унтеръ-офицеръ Виниченко подскочилъ къ нему на помощь съ словами: «ахъ ты безсильный, съ двумя не справишься; вотъ какъ бей!» и закололъ Лезгина.

На V-мъ бастионѣ рядоваго Новичкова, Лезгинъ схватилъ за штыкъ и шашкой разрубилъ ему ногу. Рядовой Ямбуровъ ударилъ Лезгина штыкомъ въ грудь съ восклицаніемъ: «ахъ ты донгусъ, за казенное ружье хвататься!»

Утомленный непріятель долженъ былъ прекратить свои атаки.

Обходя вокругъ крѣпости и благодаря солдатъ за храбрость, командовавшій встрѣчалъ вездѣ обрызганныя кровью, но довольныя и веселыя лица. Солдаты отпускали остроты и смѣялись, какъ безпечные школьники послѣ снѣжковъ. Молодые солдаты говорили: «ваше благородіе, посмотрите сколько ихъ навалено во рву!» Другіе говорили: «они дурной день выбрали, вѣдь сегодня понедѣльникъ.»

Словомъ, отбитіе втораго штурма вознаградило съ избыткомъ тотъ упадокъ духа въ гарнизонѣ, который былъ слѣдствіемъ неудачной демонстраціи князя Аргутинскаго.

Тѣмъ не менѣе, однако же, крѣпость была въ отчаянномъ положеніи. Недостатокъ горячей пищи, смрадъ отъ труповъ, томительная неизвѣстность будущаго, все съ каждымъ часомъ дѣлало состояніе гарнизона тягостнѣе. Защитники были уменьшены убитыми и ранеными почти на половину, всего оставалось около 250 человекъ рядовыхъ. Не смотря на всѣ усилія доктора Гринквиста, за недостаткомъ помѣщенія и медицинскихъ пособій, невозможно было вполнѣ облегчать страданія раненыхъ. Изъ числа офицеровъ, штабсъ-капитанъ Байдаковъ и поручикъ Щекинъ были убиты; майоръ Старосило, капитанъ Жоржъ, поручикъ Чуприковъ, подпоручикъ Коржевъ и прапорщикъ Семеновъ — ранены. Хотя геройскій духъ солдатъ не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что никто не задумается отдать свою жизнь въ жертву долгу и чести; но съ паденіемъ укрѣпленія рѣшалась участь цѣлаго края. Шамиль, конечно, болѣе всего рассчитывалъ на то впечатлѣніе, которое должна была произвести гибель Ахты на умы горцевъ, готовыхъ воспользоваться каждымъ случаемъ къ возстанію противъ нашей власти.

Однимъ, сомнительнымъ, средствомъ къ спасенію крѣпости оставалось — послать новое извѣщеніе о критическомъ ея состояніи къ главному начальнику края, князю Аргутинскому-Долгорукову, о дѣйствіяхъ котораго не было никакихъ извѣстій. Капитанъ Новоселовъ рѣшился на эту мѣру.

При первомъ вызовѣ явились къ нему пѣхотнаго князя Варшавскаго полка унтеръ-офицеръ Иванъ Меркуловъ и рядовой Андрей Тихановъ, — оба извѣстные своею храбростью и особенно отличившіеся въ вылазкѣ 18-го сентября. Обривъ головы и одѣвшись по-лезгински, они, въ сопровожденіи пяти мирныхъ Ахтынцевъ, отправились, ночью на 21-е, въ путь, при благословеніяхъ гарнизона.

Вечеръ 20-го сентября и вся ночь прошли въ различныхъ распоряженіяхъ къ приведенію въ возможность, хотя въ некоторое время, противостоятъ непріятелю. Рядовой Печенкинъ снялъ лѣстницы, по которымъ взбирались осаждающіе; цирюльникъ Орефьевъ и рядовой Гродоко вытащили изъ рва кегорнову мортирку. Однако, надѣяться на сильный

отпоръ было нельзя: осьмья сутки никто не смыкалъ глазъ и люди были въ совершенномъ изнеможеніи. Не ожидая спасенія, всѣ готовились къ геройской смерти, *во славу Русскаго оружія*.

21-Е СЕНТЯБРЯ.

Утромъ 21-го сентября пошелъ сильный дождь; для утомленнаго трудами гарнизона, онъ былъ благословеніемъ Неба. Ведра, ушаты, котлы, все сносилося подъ жолоба зданій; запекшіеся уста съ жадностью глотали холодную влагу; въ первый разъ послѣ осьми-суточного недостатка въ горячей пищѣ гарнизонъ сварилъ себѣ кашу. Всѣ ожили.

Непріятель, между прочимъ, съ усиленною дѣятельностью повелъ свои траншейныя работы: особенно угрожали онѣ V-му бастиону, на которомъ зарытъ былъ порохъ для взрыва укрѣпленія въ случаѣ крайности. Командовавшій, наблюдая за работами горцевъ противъ V-го бастиона, пораженъ былъ мыслью, что, можетъ быть, его лазутчики пойманы и въ мукахъ признались, гдѣ лежитъ порохъ; немедленно отдано было приказаніе перенести его въ другое мѣсто. Съ каждой минутой можно было ожидать штурма, а въ крѣпости было 37 человекъ горцевъ, которые, въ случаѣ успѣха осаждавшихъ, могли напасть на гарнизонъ съ тыла; при томъ же бросалось въ глаза и то обстоятельство, что когда вызывали охотниковъ въ лазутчики, всѣ горцы наперерывъ другъ передъ другомъ изъявляли желаніе выйти изъ крѣпости, и только Рутульскій старшина могъ сдержать ихъ пылкую готовность уйти изъ укрѣпленія. Колебаться на счетъ ихъ было нельзя. Капитанъ Новоселовъ пришелъ въ занимаемую ими казарму и объявилъ имъ, что гарнизонъ ожидаетъ штурма; «ни одинъ изъ насъ не достанется въ руки непріятеля живымъ,» говорилъ онъ, «въ случаѣ неудачи мы всѣ взлетимъ на воздухъ; хотите ли умереть съ нами?» — Отвѣта не было... Потомъ они стали совѣтоваться между собою и рѣшили, что лучше выдти изъ укрѣпленія. Ихъ тотчасъ же выпустили.

Избавившись съ одной стороны отъ страха измѣны, гарнизонъ выигрывалъ и съ другой стороны тѣмъ, что если бы выпущенные изъ укрѣпленія Ахтынцы, попавшись или передавшись мюридамъ, рассказали бы имъ о приготовленіяхъ

гарнизона, то не всякій бы изъ нихъ пошелъ навстрѣчу вѣрной смерти.

За тѣмъ еще ночь по часамъ, по минутамъ канула въ вѣчность.... Страшенъ былъ для гарнизона слѣдующій день.

22-Е СЕНТЯБРЯ.

Утромъ 22-го сентября происходила небольшая перестрѣлка. Непріятель былъ занятъ работами въ аулѣ. Вскорѣ множество горцевъ, конныхъ и пѣшихъ, начали поспѣшно двигаться въ разныя стороны, удаляясь отъ укрѣпленія, и потомъ большими массами бросились изъ аула черезъ Самуръ. Въ крѣпости не понимали ихъ дѣйствій, но вскорѣ пушечные выстрѣлы дали знать о приближеніи нашего отряда, который, разбивъ при Мискинджи непріятели, побѣдоносно вступилъ въ укрѣпленіе, заставивъ горцевъ поспѣшно бросить свои работы.

Что чувствовалъ въ это время гарнизонъ — не беремся описывать: для всѣхъ былъ свѣтлый праздникъ, всѣ крестились и цѣловались другъ съ другомъ.

Вся потеря гарнизона укрѣпленія Ахты, съ 14-го по 22-е сентября, была убитыми—оберъ-офицеровъ 2; нижнихъ чиновъ 90; ранеными — штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 7, нижнихъ чиновъ 162 *).

Такъ происходила защита Ахтинскаго укрѣпленія.

Князь Воронцовъ, получивъ донесенія князя Аргутинскаго объ этихъ происшествіяхъ, объявилъ о нихъ въ приказѣ по Корпусу отъ 6-го октября, и въ заключеніе сказалъ: «Душевно благодарю храбрый Ахтинскій гарнизонъ и въ особенности Полковника Рота и принявшаго, за раню его,

*) Въ брошюрѣ «Описаніе осады укрѣпленія Ахты въ 1848 году» невѣрно показано, что нижнихъ чиновъ было ранено 142.

начальство въ укрѣпленіи, а потомъ и самъ раненый *), пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка Капитана Новоселова, а также капитана Жоржа, Штабъ-Капитана Бучкіева и Прапорщика Бенета.»

Въ то же время главнокомандовавшій *поспѣшилъ* повергнуть эти донесенія, въ оригиналѣ, къ стопамъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора, и во всеподданнѣйшемъ своемъ рапортѣ, отъ 6-го октября, между прочимъ, писалъ:

«Изъ бумагъ этихъ Вы усмотрите, Всемилостивѣйшій Государь, что замыслы Шамиля, предпринятые съ огромными силами, для поддержанія въ горахъ колеблющагося его вліянія, уничтожены въ самое короткое время и кончились лишь къ собственному его вреду.... Между тѣмъ событія эти дали случай храбрымъ Кавказскимъ войскамъ покрыть себя новою славою, а Начальникамъ вновь пріобрѣсти право на Высочайшее вниманіе Вашего Императорскаго Величества.... Геройская защита укрѣпленія Ахты равняется съ самыми блистательными дѣйствіями въ этомъ родѣ, съ тѣхъ поръ, какъ Русскіе занимаютъ Кавказъ.... Священнымъ долгомъ считаю сію новую важную заслугу Г. А. Князя Аргутинскаго повергнуть на Всемилостивѣйшее вниманіе и разрѣшеніе Вашего Величества, докладывая при томъ, что о наградѣ отличившихся при этихъ событіяхъ я буду имѣть счастье ходатайствовать въ послѣдствіи. Нынѣ же всеподданнѣйше прошу о производствѣ Полковника Рота въ Генераль-Маіоры, а пѣхотнаго Князя Варшавскаго полка Капитана Новоселова, принявшаго начальство надъ гарнизономъ послѣ раны Полковника Рота, — въ Маіоры.»

Кому неизвѣстно, какъ незабвенный Монархъ былъ щедръ на награды за дѣла доблести и въ какія лестныя выраженія для Русскаго, Онъ облакалъ Свои истинно-Царскія милости вѣрнымъ Своимъ слугамъ? Такъ было и въ этомъ случаѣ.

*) Такъ напечатано въ *Кавказъ*, 1848 г., № 42.

ЖЕНА УБИТОГО ШТАБСЬ КАПИТАНА
БАЙДАКОВСКАГО.

На всеподданѣйшемъ рапортѣ князя-намістника, Государь Императоръ собственноручно, карандашемъ, изволилъ подписать:

«Славно!»

«Г. А. К. Долгорукова Александра. П. Рота въ Г.-М. и аренда въ 1200 р.— К. Новоселова въ Маіоры и Подполковники. Всему гарнизону годовое жалованье не въ зачетъ, и 40 знаковъ отличія Военнаго ордена. Объ семействахъ убитыхъ представить особо.» 20-го октября.

На другой день, 21-го, въ Высочайшемъ приказѣ было отдано: «Производятся: за особенное отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ. По Кавалеріи. Исправляющій должность Самурскаго Окружнаго Начальника, состоящій по Кавалеріи Полковникъ *Ротъ 3-й* въ Генераль-Маіоры, съ оставленіемъ въ настоящей должности. По Пѣхотѣ. Пѣхотнаго Фельдмаршала Князя Варшавскаго Графа Паскевича-Эриванскаго Полка Капитанъ *Новоселовъ*, въ Маіоры, и за принятіе командованія, послѣ раненаго Начальника, въ укрѣпленіи Ахты, окруженномъ Горцами, равно какъ и за мужественныя и вполнѣ успѣшныя распоряженія,— въ Подполковники.»

Кромѣ того, Высочайшимъ указомъ, даннымъ Капитулу Орденовъ, 17-го января слѣдующаго года, «въ награду отличныхъ подвиговъ, оказанныхъ при защитѣ Ахтинскаго укрѣпленія противъ многочисленныхъ скопищъ Шамиля»: подполковникъ *Новоселовъ*, подпоручикъ *Беннетъ*, капитанъ *Бучкѣевъ* и подпоручикъ *Шмиттеръ*, «по удостоенію Кавалерской Думы Военнаго Ордена», Всемилоствѣйше пожалованы кавалерами ордена Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Во всѣхъ концахъ обширной нашей родины имена и подвиги неустрашимыхъ защитниковъ повторялись съ энтузіазмомъ; народъ Русскій всѣхъ сословій съ жадностью слушалъ рассказы объ этомъ дивномъ геройствѣ своихъ братьевъ. — «Съ особенною пріятностію прочиталъ я о пораженіи Шамиля, и славной защитѣ Ахты,» — писалъ къ Во-

ронцову знаменитый герой Асландуза и Ленкорани *). Лучшія наши періодическія изданія **) ставили самоотверженіе Ахтинскаго гарнизона рядомъ съ Термопилами и съ Капитоліей во время взятія Рима Бренномъ, и говорили, что защиту Ахтовъ прославили бы и Титъ-Ливій, и Тацитъ, Ксенофонтъ и Фукидидъ. По приказанію князя Воронцова было напечатано: «*Описаніе осады укрѣпленія Ахты*», и главнокомандовавшій разослалъ эту брошюру лицамъ, пользовавшимся его особеннымъ расположеніемъ ***). На театральной сценѣ въ Петербургѣ была поставлена «*Блокада Ахты*», и въ зиму 1849—50 года она давалась безчисленное множество разъ и всегда при удивительномъ стеченіи публики; изъ жителей столицы не видалъ этой пьесы только тотъ, кто, при всѣхъ стараніяхъ, не могъ достать мѣста, потому что во всѣ представленія ея въ театрѣ-циркѣ, всѣ мѣста были бы заняты, если бы циркъ былъ пространенъ, какъ Марсово поле ****).

ГЛАВА III.

ДВИЖЕНІЕ ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА КНЯЗЯ АРГУТИНСКАГО-ДОЛГОРУКОВА ОТЪ УКРѢПЛЕНІЯ ТЕМИРЪХАНЪ-ШУРЫ КЪ УКРѢПЛЕНІЮ АХТАМЪ.

18-го августа въ горахъ выпалъ большой снѣгъ и принудилъ войска, находившіяся на Турчи-Дагѣ сойти съ высотъ и расположиться у сел. Гамаши.

*) Отъ 16-го ноября 1848 г. *Сочиненія графа Соллогуба*, т. V, стр. 201.

**) *Свѣ. Пчела*, 1850 г., № 70.

***) «Посылаю вамъ,— писалъ князь Воронцовъ къ генералу Бѣлявскому, отъ 24-го января 1850 г., — экземпляръ брошюры объ геройской защитѣ укрѣпленія Ахты; она вамъ будетъ вѣрно интересна, ибо кому же лучше васъ судить о храбрости и самоотверженіи.»

****) *Свѣ. Пчела*, 1850 г., №№ 53, 64 и 70.

Между прочимъ части Дагестанскаго отряда занимались слѣдующими работами:

- 1) добываніемъ торфа для Кумыхскаго гарнизона въ сел. Курхилю;
- 2) возведеніемъ укрѣпленія Аймякинскаго, и
- 3) исправленіемъ временнаго форта надъ Цудахаринскимъ мостомъ.

Кромѣ того разрабатывались дороги:

- а) отъ Кутишинскихъ высотъ до сел. Хаджалъ Махи, и
- б) отъ сел. Хаджалъ-Махи до сел. Цудахара.

Войска, оставшіяся свободными, въ числѣ 15½ ротъ пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, ракетнаго взвода, дивизиона драгунъ и двухъ сотенъ милиціи, подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, сдѣлали нѣсколько рекогноспировокъ къ Кудуху и Араканамъ, а 27-го августа, чрезъ урочище Аркасъ, прибыли къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, гдѣ расположились лагеремъ.

2-го сентября получено было допесеніе начальника Самурскаго округа, полковника Рота, объ отраженіи отъ Ихрека огромной партіи горцевъ, вторгшейся въ ночь съ 27-го на 28-е августа.

Со 2-го по 8-е число ни какихъ извѣстій получено не было и войска Дагестанскаго отряда стояли спокойно; 8-го же сентября Цудахаринскіе и Хаджалмахинскіе старшины дали знать о сборахъ, дѣлаемыхъ непріателемъ въ Карахскомъ обществѣ съ цѣлью вторгнуться частію своихъ силъ, подъ начальствомъ Даніель-Бека, въ Самурскій округъ, и, при успѣхѣ тамъ, другую часть, подъ начальствомъ самого Шампиля, направить въ Казикумыхское ханство или Акушу. Въ слѣдствіе этихъ извѣстій, войскамъ, расположеннымъ около Темиръ-Ханъ-Шуры, приказано было быть готовыми къ немедленному выступленію.

Дагестанскій отрядъ, бывшій подъ начальствомъ князя Аргутинскаго-Долгорукова, состоялъ изъ 13¾ баталіоновъ, дивизиона драгунъ, двухъ сотенъ казаковъ и шести конныхъ и трехъ пѣшихъ сотенъ милиціи; при отрядѣ находи-

лись четыре полевыхъ и двѣнадцать горныхъ орудій; двадцать пять ракетныхъ станковъ и тридцать для крѣпостныхъ ружей. Численность отряда доходила до 10,599 человекъ.

Къ 8-му сентября, отрядъ былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

- 1) У Темиръ-Ханъ-Шуры, подъ личнымъ начальствомъ князя Аргутинскаго:

2-й баталіонъ	Апшеронскаго пѣхотнаго полка	}	581 чел.
3-й »			556 »
2-й »	Дагестанскаго пѣхотнаго полка		631 »
4-й »	Самурскаго »		587 »
Три взвода	Кавказскаго сапернаго баталіона		172 »
4 горныхъ орудія			79 »
Взводъ ракетъ			41 »
Дивизионъ драгунъ			284 »
Аварская милиція			116 »

Всего . 2947 чел.

- 2) Въ Аймякахъ, подъ командою полковника Евдокимова:

2 роты (3 и 4)	Кавказскаго сапернаго баталіона		315 чел.
3-й баталіонъ	Дагестанскаго полка	}	554 »
4-й »			625 »
2-й »	Самурскаго пѣхотнаго полка		614 »
Взводъ горной артиллеріи			39 »
Дивизионъ батарейной № 4-го батареи 21-й артиллерійской бригады			75 »
Три взвода горной № 5-го батареи 21-й артиллерійской бригады			97 »
Дагестанскихъ всадниковъ			37 »
Мехтулинской и Араканской милиціи			103 »
Пѣшей Унцукольской милиціи			72 »

Итого 2531 чел.

3) Между Кумухомъ и Цудахарскимъ фортомъ, подъ командою полковника Манюкина:

Пѣхотнаго генераль-фельдмаршала князя Варшавскаго полка:

1-й баталіонъ (у Кумыха)	717 чел.
2-й » (у Цудахара)	689 »
3-й » у Курклю	670 »
4-й » »	632 »
3-й » Самурскаго пѣхотнаго полка .	485 »
Ракетный паркъ 21-й артиллерійской бригады	74 »
2 сотни Донскаго № 22-го полка	150 »
Одна сотня Чохской милиціи	110 »
2 сотни пѣшей Кумыхской милиціи	202 »
Всего	3729 »

4) На соединеніи главнаго отряда съ отрядомъ полковника Манюкина и какъ резервъ полковника Евдокимова стоялъ 4-й баталіонъ Самурскаго пѣхотнаго полка (619 чел.) въ селеніи Оглы.

9-го сентября, въ подтвержденіе уже дошедшихъ слуховъ, получено отъ полковника Рота извѣстіе о внезапномъ вторженіи огромныхъ скопищъ непріятеля въ Самурскій округъ, по направленіямъ на деревни Шиназъ, Лучекъ и Амсаръ; а изъ Хаджалъ-Махи дано знать, что непріятель занялъ селеніе Казикумыхскаго ханства — Курклю.

Получивъ первое извѣстіе о сборахъ непріятеля въ Нагорномъ Дагестанѣ, князь Аргутинскій полагалъ, что дѣйствія Шамиля ограничатся нападеніями на переднія селенія Казикумыхскаго ханства и тревогами въ горныхъ магалахъ, а потому не думалъ идти на помощь къ Самурскому округу. Но 9-го сентября, по полученіи извѣстій о вторженіи Даниель-Бека и занятіи Курклю, князь Аргутинскій послалъ приказаніе 1-му баталіону пѣхотнаго князя Варшавскаго полка, — для прикрытія Казикумыхскаго ханства, — перейти изъ Хаджалъ-Маховъ къ отряду полковника Манюкина въ Кумыхъ, а 2-му баталіону того же полка, изъ Кумыха перейти въ Курахъ. Главный отрядъ приготовлялся къ наступленію.

Для объясненія всѣхъ будущихъ дѣйствій князя Аргутинскаго представимъ здѣсь краткую характеристику этого генерала, заимствуя ее изъ любопытнаго журнала полковника Н.

«Князь Аргутинскій былъ Армянинъ *). По богатству своихъ предковъ, игравшихъ важную роль при Дворѣ бывшихъ Грузинскихъ Царей, Аргутинскій имѣлъ возможность получить порядочное образованіе, и сталъ далеко выше своихъ соотечественниковъ. При природной хитрости онъ былъ уменъ, любилъ и берегъ солдатъ, отличалъ храбрыхъ офицеровъ и имѣлъ способность отлично выбирать людей, которымъ поручалъ исполненіе своихъ намѣреній. Если къ этому присоединить превосходное знаніе края, въ которомъ приходилось ему дѣйствовать, и языки горскихъ народовъ, то нельзя не согласиться, что Аргутинскій могъ бы быть весьма замѣчательнымъ генераломъ, если бы не имѣлъ слабости, часто парализировавшей всѣ хорошія его качества. Князь любилъ военныя науки, постоянно читалъ походы Аннибала, Цезаря, Фридриха Великаго, Наполеона, а особенно дѣйствія Массена и Суворова въ Швейцаріи, стараясь примѣнить ихъ къ Кавказу и къ своимъ собственнымъ движеніямъ. Любимымъ его разговоромъ были рассказы о походахъ и разборъ различныхъ кампаній новѣйшей эпохи, при чемъ онъ всегда заводилъ рѣчь о Массенѣ и его дѣйствіяхъ въ 1799 году, въ которыхъ находилъ большое сходство съ своими дѣйствіями. За такое пристрастіе къ маршалу и явное намѣреніе уподобиться ему, Аргутинскаго называли Кавказскимъ Массеною, что весьма ему нравилось и льстило его самолюбію, и хотя онъ дальше Турчи-Дага не ходилъ, но былъ самоувѣренъ и считалъ себя въ числѣ великихъ стратегиковъ. Это убѣжденіе много вредило ему: будучи честолюбивъ и самолюбивъ, онъ страшился проиграть дѣло съ непріателемъ. При полученіи нечаяннаго извѣстія о вторженіи непріятеля въ наши предѣлы, онъ до такой степени озабочивался различными соображеніями и планами, что по нѣсколькимъ часамъ не допускалъ къ себѣ никого, ни съ кѣмъ не говорилъ, а непрерывно

*) Бранное слово князя: «Вы, любезный, настоящій Армянинъ.»

ходилъ по комнатѣ пыхтя и буря трубку. Рѣшившись дѣйствовать, онъ передавалъ свои приказанія съ умѣньемъ выбраннымъ помощникамъ и пуская часто всѣ свои войска въ дѣло, не принималъ въ сраженіи никакого участія. Если же соображенія его не торжествовали и онъ замѣчалъ замѣшательство въ войскахъ, то, съ обнаженной пашкой, передъ колонной бросался на непріятеля; такъ было въ 1845 году подъ Тилитлемъ и въ 1847 году подъ Салтами, — въ обоихъ случаяхъ онъ былъ раненъ. Если дѣло оканчивалось удачно, онъ былъ веселъ, подсмѣивался надъ Армянами, выставляя тѣмъ свои способности. За то Армяне съ удивленіемъ смотрѣли на генерала и называли его не иначе, какъ *ед-доуле*, то есть: *подпора государства*.

Князь Аргутинскій часто вдавался въ ошибки; нѣкоторыя изъ которыхъ мы увидимъ изъ слѣдующаго описанія движенія его къ Ахтамъ.

10-го сентября, съ разсвѣтомъ, князь Аргутинскій выступилъ къ сел. Оглы, съ отрядомъ, расположеннымъ лагеремъ у Темиръ-Ханъ-Шуры и состоявшимъ изъ 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго, 2-го баталіона Дагестанскаго и 4-го баталіона Самурскаго пѣхотныхъ полковъ, трехъ взводовъ стрѣлковъ съ четырьмя горными орудіями, взводомъ ракетъ, дивизиономъ драгуновъ и Аварскою милиціею.

Сдѣлавъ переходъ до сел. Оглы (35 верстѣ), отрядъ соединился съ находившимся тамъ 4-мъ баталіономъ Самурскаго пѣхотнаго полка, а на слѣдующій день, на ночлегъ между Лавашами и Наскентомъ, къ нему присоединились изъ Аймяковъ еще два баталіона того же полка, такъ что весь отрядъ состоялъ изъ шести баталіоновъ пѣхоты и полторы роты стрѣлковъ, шести горныхъ орудій, взвода ракетъ, дивизиона драгуновъ и сотни конной милиціи.

12-го сентября отрядъ расположился на ночлегъ между Акушинскими Махами и Улучуромъ. Во время слѣдованія отряда на ночлегъ получены отъ полковника Рота донесенія о занятіи Шамилемъ Рутульскаго магала и о томъ, что Самурская милиція расходится.

Въ тотъ же день отъ Кумыха 3-й баталіонъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка направленъ къ Кураху.

13-го числа отрядъ перешелъ къ селеніямъ Вихлю и Нагаю.

14-го числа получено увѣдомленіе, что непріятель занялъ наканунѣ селеніе Ахты. Этому же числа присоединился къ отряду полковникъ Манюкинъ, — со 2-мъ баталіономъ его свѣтлости полка, взводомъ ракетъ, Чохскою милиціею и двумя сотнями казаковъ Донскаго № 22-го полка, — и затѣмъ отрядъ расположился на ночлегъ между селеніями Калялю и Кусрахомъ, а на другой день, 15-го сентября, сталъ между Кусрахомъ и Чирахомъ.

Для обезпеченія Казикумыхскаго ханства отъ нечаяннаго вторженія непріятеля, въ селеніи Рычи, противъ перевала Унадагскаго, оставленъ былъ отрядъ изъ 1-го и 4-го баталіоновъ Самурскаго и 2-го баталіона Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ, двухъ горныхъ орудій и сотни конной милиціи, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Кашгера; главный же отрядъ двинулся впередъ и 16-го числа занялъ селенія Усу, Кильханъ и Ашаръ.

3-й баталіонъ князя Варшавскаго полка съ четырьмя орудіями былъ въ Курахъ, а 1-й баталіонъ того же полка переведенъ былъ въ Кабиръ, для успокоенія жителей, опасающихся дѣйствій Шамиля. 16-го числа князь Аргутинскій прибылъ въ Курахъ, гдѣ нашелъ значительное число Кубинской, Табасаранской, Кайтахской и особенно Кюринской милицій. Подполковникъ Юсуфъ-Бекъ Кюринскій *) изъявилъ полную готовность защищать свои владѣнія противъ Шамиля.

17-го сентября, въ селеніе Курахъ прибыли дивизионъ драгуновъ, двѣ сотни казаковъ, 2-й баталіонъ Апшеронскаго и 2-й баталіонъ князя Варшавскаго полковъ со взводомъ ракетъ и милиціи: Кайтахская, Аварская и Чохская. Въ тотъ же день явился въ Курахъ къ князю Аргутинскому штабсъ-капитанъ Бучкѣвъ и передалъ ему о положеніи осажденнаго гарнизона и укрѣпленія Ахты.

Получивъ послѣднее извѣстіе, князь Аргутинскій предпринялъ непонятное и ничѣмъ необъяснимое движеніе къ укрѣпленію Ахтамъ черезъ горные перевалы отъ Кураха.

*) Нынѣ генералъ-майоръ.

«Чтобы ободрить храбрый гарнизонъ Ахтынскаго укрѣпленія, поклявшійся защищаться до послѣдняго, — доносить князь Аргутинскій *), — войска наши, собранныя въ Курахѣ, и 1-й баталіонъ князя Варшавскаго полка изъ сел. Кабира, не смотря на сильное утомленіе, двинуты были прямо черезъ горы изъ сел. Кураха къ Ахтынскому укрѣпленію, и ночевали въ этотъ день на первомъ перевалѣ. Вмѣстѣ съ этимъ послано было приказаніе всѣмъ остальнымъ войскамъ двигаться, какъ можно поспѣшнѣе, по той же дорогѣ къ Ахтынскому укрѣпленію.

«18-го передовыя войска, ночевавшія на первомъ перевалѣ, были двинуты къ самому Ахтынскому укрѣпленію для рекогносцировки. Появленіемъ нашихъ войскъ надъ самымъ укрѣпленіемъ храбрый гарнизонъ до того ободрился, что сдѣлалъ даже вылазку на огромныя толпы непріятеля, его окружавшія.

«Это движеніе къ укрѣпленію доказало ясно, что прямо черезъ хребетъ отъ Кураха къ Ахтамъ операціонной линіи имѣть невозможно, потому что дороги, и безъ того едва проходимыя, были испорчены, мосты разрушены, селенія, на нихъ лежація, сильно заняты и укрѣплены непріателемъ. Перевалы черезъ два хребта на этомъ пути изнурительны и требуютъ для обезпеченія сообщенія съ Курахомъ оставленія на нихъ самостоятельныхъ частей, между тѣмъ какъ для атаки непріятельскихъ силъ съ этой стороны, необходимо нужно было вновь построить разрушенный на Самурѣ мостъ, а мѣстность по переправѣ не представляетъ никакихъ удобствъ для насъ. Почему ободривъ **) гарнизонъ обѣщаніемъ скоро возвратиться, я рѣшился перенести операціонную линію на Самуръ.»

Рѣшительно непонятное объясненіе. Какимъ образомъ князь Аргутинскій, шедшій, — какъ самъ говоритъ, — только ободрить гарнизонъ, приказываетъ въ то же время

*) (2-го октября 1848 года, № 1071). Почти все это и почти тѣми же словами внесено въ Приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу, отданный княземъ Воронцовымъ 6-го октября 1848 года.

**) Мы видѣли это ободреніе въ предъидущей главѣ.

идти за нимъ всему отряду по двумъ труднымъ переваламъ, и далѣе говорить объ оказавшейся невозможности устроить операціонную линію отъ Кураха? Наконецъ, на какомъ основаніи можно было предположить, чтобъ горцы оставили въ цѣлости не только—что ненужный, но опасный для нихъ мостъ на Самурѣ? Если князь Аргутинскій могъ предположить это, то, бывшій въ то время при немъ, штабсъ-капитанъ Бучкѣевъ, вѣроятно, передалъ ему о разрушеніи моста при первомъ движеніи Гаджи-Мурата къ селенію Гра.

Если бы князь Аргутинскій дѣйствительно хотѣлъ ободрить гарнизонъ, то для этого, перейдя перевалъ съ передовою частью своего отряда, остальные его части слѣдовало прямо изъ Кураха направить на Кабиръ и Зухуль. Пропустивъ весь отрядъ впередъ, ободрившая гарнизонъ часть составила бы арріергардъ; тогда было бы понятно, что Дагестанскій отрядъ дѣйствительно дѣлалъ ободреніе гарнизону, и, между тѣмъ, въ то же время, принималъ бы рѣшительныя мѣры для поданія помощи укрѣпленію.

О движеніи князя Аргутинскаго можно заключить такимъ образомъ: онъ полагалъ, что ему стоитъ только показаться надъ Ахтами, чтобы тѣмъ утратить Шамиля и заставить его снять осаду. Всѣ дѣйствія Аргутинскаго подтверждаютъ такую мысль.

Сдѣлавъ ошибку, которую сознавалъ, князь Аргутинскій не рѣшался тотчасъ же исправить ее, т. е. двинуться 19-го числа къ Кабиру и переправиться черезъ Самуръ у Зухула, а ожидалъ, когда весь отрядъ сосредоточится на второмъ перевалѣ отъ Кураха къ Ахтамъ, — гдѣ 19-го числа собралось 9½ баталіоновъ пѣхоты, 10 орудій и до 1500 чел. кавалеріи.

Между тѣмъ, когда отрядъ князя Аргутинскаго медлилъ и занимался ободреніемъ гарнизона Ахты, напруга партіи перешли черезъ Самуръ у Зухула и, разбивъ часть Кубинской милиціи, бросились на пограничныя Кубинскія деревни и разграбили ихъ.

20-го сентября отрядъ двинулся къ Кабиру, а Кюринская милиція отправлена для защиты Кураха. Весь отрядъ на ночь расположился у сел. Ахлакъ.

Будучи уже у самой переправы черезъ Самуръ, князь Аргутинскій все медлилъ. Правда, онъ зналъ, что войска утом-

лены; но весь отрядъ, особенно графскій полкъ, — гранатеры котораго были въ Ахтахъ, — желалъ идти имъ на выручку. Полковникъ М... просилъ позволенія, съ своимъ полкомъ перейти Самуръ и атаковать непріятельскіе завалы, устроенные между Тифлискимъ постомъ и ауломъ Мискенджи. На это предложеніе Аргутинскій отвѣчалъ: «Честью увѣряю, если Шамиль и возьметъ укрѣпленіе Ахты, то онъ не много выиграетъ; я его за это жестоко накажу.»

21-го сентября отрядъ переправился черезъ Самуръ и расположился на ночлегъ у Зухула.

Непріятель, въ числѣ 7,000 человекъ, подъ предводительствомъ Даниель-Бека и Гаджи-Мурата, занялъ позицію на высотахъ между бывшимъ Тифлискимъ укрѣпленіемъ и ауломъ Мискенджи. Позиція эта напоминала собой позицію Аджіахурскую, описанную въ первой части настоящей статьи. Правымъ флангомъ она примыкала къ неприступному хребту горъ, а лѣвымъ занимала вершину огромнаго обрыва надъ самымъ Самуромъ. Высоты праваго фланга, возвышаясь надъ всею мѣстностью, составляли ключъ позиціи и были укрѣплены множествомъ заваловъ, около которыхъ приготовлены были кучи камней. Дорога въ Ахты круто вилась черезъ самыя высоты. Горная дорога въ обходъ праваго фланга позиціи отстояла отъ Самура на десять верстъ; впрочемъ, на рѣкѣ, нѣсколько выше позиціи, былъ бродъ, удобный для кавалеріи и вышедшій въ тылъ непріятеля.

Отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукова состоялъ изъ 1-го, 2-го и 3-го баталіоновъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка; 2-го и 3-го баталіоновъ Апшеронскаго, 1-го, 2-го и 4-го баталіоновъ Самурскаго и 2-го баталіона Дагестанскаго пѣхотныхъ полковъ, трехъ взводовъ стрѣлковъ, 10-ти горныхъ орудій, 10-ти ракетныхъ станковъ, дивизіона Нижегородскаго драгунскаго полка, трехъ сотенъ Донскаго № 22-го полка и 800 чел. милиціонеровъ. Всего въ отрядѣ состояло 5827 штыковъ и 1300 кавалеристовъ.

Съ разсвѣтомъ 22-го сентября, оставивъ у Зухула обозъ, подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка (614 штыковъ), отрядъ двинулся къ позиціи непріятеля и подошелъ къ ней въ полдень. Позиція казалась

совершенно неприступною, но князь Аргутинскій зналъ войска, которыми командовалъ, и, обозрѣвъ мѣсто, занятое непріятелемъ, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія.

Въ самомъ руслѣ рѣки Самура поставлена была батарея изъ 4-хъ горныхъ орудій и 10-ти ракетныхъ станковъ, для обстрѣливанія лѣваго фланга непріятельской позиціи. Трѣмъ баталіонамъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго полка, рвавшимся въ бой, предоставлена была честь атаковать позицію съ фронта, подъ начальствомъ своего командира, полковника Манюкина; въ подкрѣпленіе графцамъ назначенъ 2-й баталіонъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка. Вся кавалерія, подъ начальствомъ полковника Джафаръ-Кули-Ага-Бакиханова, была переправлена на правый берегъ Самура съ тѣмъ, чтобы черезъ бродъ перейти на другую сторону рѣки и ударить съ тыла на непріятеля.

Остальныя войска Дагестанскаго отряда составили резервъ, при которомъ находился самъ князь Аргутинскій.

Въ первомъ часу по полудни, на правомъ нашемъ флангѣ, батарея горныхъ орудій и ракетные станки открыли огонь по непріятелю. Подъ выстрѣлы батареи быстро строились баталіоны полковника Манюкина: первымъ къ сторонѣ Самура сталъ 3-й баталіонъ майора Алтухова; лѣвѣе его, въ центрѣ, 1-й баталіонъ подполковника Пирогова, а на лѣвомъ флангѣ, противъ заваловъ непріятеля, 2-й баталіонъ, подъ командою храбраго и опытнаго подполковника Кишинскаго.

Смѣло бросились графцы на высоты; непріятель обдавалъ ихъ кучами камней и градомъ пуль, но этимъ не остановивъ Кавказскаго солдата.

Все Кавказскія сраженія кончаются скоро; баталіоны быстро вбѣгаютъ на крутизны, почти безъ выстрѣла бросаются на завалы и уже гонятъ бѣгущаго непріятеля. Такъ было и при Мискенджи.

2-й баталіонъ, по чрезвычайной крутизнѣ, опередившій фланговые баталіоны, задержанные мѣстностью, первый подошелъ къ заваламъ; на небольшой площадкѣ вблизи заваловъ, Кишинскій остановился и собралъ баталіонъ, пострадавшій нѣсколько отъ камней, которые горцы бросали противъ лѣваго его фланга.

Князь Аргутинскій, принимая остановку этого баталіона за нерѣшительность, закрылъ глаза, чтобы не видѣть пораженія. Тоже самое подумали и горцы: не сдѣлавъ даже залпа, они выскочили изъ-за заваловъ и бросились въ шашки на 2-й баталіонъ. Этого и ожидалъ Кишинскій; лихіе гренадеры, бывшіе впереди колонны, ударили и на плечахъ горцевъ вскочили въ завалы, гдѣ началась рукопашная свалка. Въ то же время баталіонъ былъ осыпанъ грудями камней съ прилегающихъ высотъ. Командиръ 2-й гренадерской роты, храбрый поручикъ Бухольцевъ, палъ первою жертвою славнаго дѣла, — камень ударилъ ему въ ногу и разбилъ ее отъ колѣна до ступни. Лихіе гренадеры подхватили своего командира *). Потомъ былъ легко раненъ

*) *Пармѣнъ Николаевичъ Бухольцевъ* былъ вынесенъ изъ огня и донесенъ своею ротою до крѣпости на ружьяхъ, по немѣнѣю носилъ. Страданія изувѣченнаго были ужасны: разбитая нога качалась въ воздухъ и причиняла невыносимую боль; но онъ, съ мужествомъ и терпѣніемъ переносилъ волю Господню. Немедленно по помѣщеніи страдальца въ развалинахъ Ахтовъ, его посетилъ князь Аргутинскій, и особенно просилъ доктора Трицкаго спасти жизнь доблестнаго воина. Достойный врачъ, — имя котораго дорого для многихъ Кавказцевъ, — дѣлалъ все возможное, — все, что предписывала ему наука, человеколюбіе и горячая привязанность къ защитникамъ святой родины, особенно его отличающая. Но раненый былъ подверженъ лунатизму и, не смотря на весь надзоръ, въ припадкѣ этой болѣзни, успѣлъ сорвать лубокъ, въ который была вложена нога. Произошелъ автоновъ огонь, ногу отняли; однако тѣмъ не спасли жизнь страдальцу: смерть прекратила его мученія на 29-мъ году отъ роду. Пархенъ Николаевичъ Бухольцевъ происходилъ изъ дворянъ Курской губерніи, въ службу вступилъ 16 го ноября 1840 г. подпоручикомъ въ Навагинскій пѣхотный полкъ, изъ котораго, 22-го іюля 1843 года, былъ переведенъ въ 6-й резервный баталіонъ пѣхотнаго генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка; а въ прапорщики произведенъ 20-го февраля 1845 года, со старшинствомъ съ 30-го мая 1842 г. Слѣдующіе два чина онъ получалъ за отличіе противъ горцевъ: 17 го апрѣля 1847 года — подпоручика, со старшинствомъ съ 30-го августа 1846 года и 23 го ноября 1847 года — поручика, со старшинствомъ съ 23-го ноября. Боевая жизнь Бухольцева началась въ 1841 году, когда онъ, вромѣ многихъ перестрѣлокъ, участвовалъ въ упорномъ дѣлѣ при окладѣніи берегами рѣки Ача-Су и Таплы-Су и окрестными высотами, при взятіи съ руко-

самъ подполковникъ Кишинскій и еще два офицера. Ключъ позиціи былъ въ нашихъ рукахъ. Пользуясь этимъ, полковникъ Алтуховъ безъ выстрѣла занялъ лѣвый ея флангъ, а за нимъ баталіонъ подполковника Пирогова, понесшій самую большую потерю отъ пуль, овладѣлъ центромъ. Въ числѣ убитыхъ 1-го баталіона былъ командиръ 1-й гренадерской роты, достойный капитанъ Добрышинъ *).

пашнаго боя Хубарскихъ высотъ, въ жаркомъ дѣлѣ при истребленіи Ауха и въ рукопашномъ боѣ въ Белавскомъ лѣсу. Потомъ онъ участвовалъ въ экспедиціяхъ князя Аргутинскаго 1846, 1847 и 1848 годовъ и, между прочимъ, 25-го іюля 1846 года, въ штурмѣ позиціи на хребтѣ Тлія, и 4 го іюля 1847 года — на штурмѣ Гергебиля, — гдѣ былъ въ первый разъ раненъ ружейною пулею выше локтя. Пармѣнъ Николаевичъ отличался необыкновенными способностями и пользовался отъ всѣхъ въ полку особеннымъ уваженіемъ.

*) *Сергій Филипповичъ Добрышинъ*, сынъ полковника, въ службу вступилъ 22-го іюля 1840 года, 19 ти лѣтъ отъ роду, изъ воспитанниковъ 1 го Московскаго Кадетскаго Корпуса — прапорщикомъ въ 3-й резервный саперный баталіонъ; чрезъ годъ, 25-го іюля 1841 года, произведенъ въ подпоручики и 8-го декабря того же года, по домашнимъ обстоятельствамъ, былъ уволенъ въ отставку. Но, 20 го мая 1843 года, Добрышинъ снова вступилъ въ службу поручикомъ въ пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полкъ. Съ этимъ храбрымъ полкомъ онъ участвовалъ между множествомъ схватокъ и перестрѣлокъ: *въ 1843 году* во взятіи съ боя Ругоджаба, въ пораженіи непріятельскихъ скопищъ на Гоцатлинскихъ высотахъ, въ славномъ отступленіи Пассека изъ Хуизаха къ Зиранамъ и защитѣ этого селенія; *въ 1844 году* — въ пораженіи горцевъ у Дювека и Марги и взятіи съ боя этихъ ауловъ; въ искорененіи Лидерсомъ Акуши и въ кровавыхъ дѣлахъ подѣ Тилиглемъ; *въ 1845 году* въ отрядѣ князя Орбеляна, а потомъ князя Аргутинскаго, — въ послѣднемъ, 24-го іюля, во время сильнаго преслѣдованія нашихъ войскъ со стороны непріятеля и при пораженіи горцевъ онъ раненъ ружейною пулею на вылетъ въ правую ладонь возлѣ указательнаго пальца, съ раздробленіемъ костей, за что и награжденъ чиномъ штабсъ-капитана; *въ 1846 году* — въ истребленіи части укрѣпленнаго сел. Сальтъ и въ штурмѣ позиціи на хребтѣ Тлія, и *въ 1847 году* — въ разбитіи скопищъ Кибитъ-Маломы, близъ Салтанскаго моста, за отличіе при чемъ произведенъ, 20 го іюня 1848 г., въ капитаны; въ штурмѣ этого селенія и въ отраженіи

Весело было князю Аргутинскому открыть глаза: непріятель находился въ полномъ бѣгствѣ *)).

Сраженіе было выиграно, но войска наши далеко не воспользовались всѣми выгодами одержанной побѣды. Полковникъ Джафаръ—Кули, полагая, что пѣхота не собьѣтъ непріятели съ фронта, спокойно смотрѣлъ на сраженіе и не переправлялъ кавалерію; когда же, наконецъ, рѣшился перейти черезъ Самуръ, то было поздно: бѣжали уже послѣднія толпы непріятели, прикрывавшаго кавалеріей отступленіе своей пѣхоты **).

Понятно, что если бы Джафаръ—Кули во время исполнилъ данное ему порученіе, то непріятелю дорого бы стоило отступленіе съ позиціи при Мискинджи.

Непріятель на мѣстѣ сраженія оставилъ 3 значка, слишкомъ 300 тѣлъ и до 70 человекъ плѣнныхъ. Съ нашей стороны убито: 15 нижнихъ чиновъ; ранено: 1 штабъ—офицеръ (подполковникъ Кишинскій), 5 оберъ—офицеровъ (капитанъ Добрышинъ, поручики: Лазаревъ и Бухольцевъ, подпоручикъ Любанскій и прапорщикъ Круммесъ) и 152 человекъ нижнихъ чиновъ.

Войдя въ укрѣпленіе Ахты, князь Аргутинскій, послѣ первыхъ привѣтствій храброму гарнизону, сдѣлалъ капитану Новоселову два замѣчанія: одно — зачѣмъ онъ предпри-

нападенія горцевъ на Казы—Кумыхъ. Добрышинъ имѣлъ также орденъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Подобно Бухольцеву, онъ пользовался особымъ уваженіемъ отъ всѣхъ знавшихъ его и много обѣщаль въ будущемъ.

*) Князь Воронцовъ, въ приказѣ по Корпусу, отъ 6-го октября 1848 года, изложивъ это дѣло, прибавилъ: «Храбрый гарнизонъ былъ спасенъ и всѣ дерзкіе и надменные замыслы Имама уничтожены, въ одинъ часъ времени, *рѣшительностію и распорядительностію* Генералъ-Адъютанта Князя Аргутинскаго и отличною храбростію войскъ.»

***) По этому неправильно сказано въ упомянутомъ приказѣ по Корпусу, отъ 6-го октября 1848 года, что полковникъ Джафаръ—Кули-Ага Бакихановъ, *замѣтя*, что непріятель дрогнулъ и бросилъ позицію, переправился со всею кавалерією и *атаковалъ отступающихъ во флангъ* и что *за сѣмъ отступленіе сдѣлалось бѣгствомъ*.

нималъ вылазку и другое — зачѣмъ выслалъ изъ крѣпости Ахтинскихъ милиціонеровъ.

Горцы нигдѣ не останавливались. Даніель—Бекъ съ 15-ю человекъ проѣхалъ въ Кейсерухъ, а Шамиль, никѣмъ незамѣченный, ушелъ по Арахкульскому ущелью въ горныя Казикумыхскіе магалы и оттуда пробрался въ Аварію.

Преслѣдованіе непріятели было слабо; только 23-го сентября посланъ былъ отрядъ къ Рутулу и, дойдя, 25-го числа, до сел. Лучекъ, вернулся къ первому селенію, отъ котораго, черезъ Курахъ, направился къ Кумыху. Въ это время не оставалось уже ни одного вооруженнаго непріятели въ Самурскомъ округѣ; жители же не переставали и въ то время еще приводить плѣнныхъ, прося себѣ помилованія за заблужденіе свое и за отложеніе, вынужденное силою.

За пораженіе горцевъ при Мискинджи князь Аргутинскій, какъ выше сказали, былъ Всемилостивѣйше награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго, а всѣ нижніе чины отряда получили по рублю серебромъ отъ щедротъ Государя Императора.

Генеральнаго штаба штабъ—капитанъ Исаковъ, привезшій извѣстіе о пораженіи Шамиля, назначенъ былъ флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

ГЛАВА IV.

ДѢЙСТВІЯ ГЕНЕРАЛЬ—ЛЕЙТЕНАНТА ШВАРЦА, СО СТОРОНЫ ЛЕЗГИНСКОЙ ЛИНИИ.

6-го сентября, ночью, въ Закаталахъ, квартирѣ начальника Лезгинской кордонной линіи, генераль—лейтенанта Шварца, получено было отъ лазутчиковъ извѣстіе, что 5-го числа Гаджи—Муратъ и Турачъ—Наибъ, съ конною партією въ 3,000 всадниковъ, быстро прошли внизъ по Самуру къ селенію Лучекъ и что Даніель—Бекъ, слѣдуя за ними съ 8,000 пѣхоты, остановился въ горныхъ магалахъ. Тогда же,

Планъ сраженія
при
АДЖІАХУРЪ,
30го Маія 1859 года.

Описание движеній войскъ 30го Маія

Расположеніе войскъ когдѣ они прибывали на позицію.

- А** Привисъ холма, подъ командою Полковника Вригеля, выдвигъ неприступнѣ съ высотъ, прогнали тѣснѣю и заняло мѣсто предъ стѣнѣмъ фланговъ Лезгинъ.
- В** Тѣмъ же когдѣ, состоящая изъ главнѣйш. силъ подъ командою Генерала Таловина, заняла высотѣ предъ центромъ неприступнѣ стѣи позиціи, прикрывъ свой тылъ ротою Сиперъ и двумя ротами Фельдмарш. полка.

Приготовленіе къ приступу заваловъ.

С 1^я 2^я и 3^я Батальоны Тифлискаго Воеводскаго полка и 3^я Батальонъ Мингрельскаго Воеводскаго полка съ двумя горными орудіями выдвигъ

на тылъ высотъ, противъ стѣнѣмъ возвышенногъ заваловъ на правѣмъ флангѣ Лезгинъ.

Д Предъ вечеромъ 2^я Батальонъ Тифлискаго полка выдвигулся впередъ, чтобы обстрѣливать завалы.

Штурмъ заваловъ.

Е Штурмовали завалы 1^я и 4^я Воевод. роты Тифлискаго полка.

Р Штурмовали завалы 2^я Барабанерной и 6^я воеводской роты того же полка.

для защиты Бѣлоканскаго округа, приняты были слѣдующія мѣры:

Двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіона Тифлискаго егерскаго полка съ двумя горными единорогами, подъ командою полковника Быкова, выступили, 7-го числа, изъ Зака-талъ въ Елисуйское ущелье, для прикрытія Елисуйскаго участка. Въ то же время предписано:

а) 2-му баталіону того же полка, со взводомъ крѣпостныхъ ружей и взводомъ горныхъ единороговъ, прибыть форсированнымъ маршемъ изъ Лагодехъ и стать между Катехами и Мацехами на лѣвомъ берегу Катехской рѣчки.

б) Отряду, спустившемуся съ горъ, послѣ выпаденія снѣга, на урочище Ахдамъ-Тахту, стать при входѣ въ Мухахское ущелье противъ селенія Чардахло.

7-го же числа вечеромъ показались передовые неприятельскіе караулы въ Бѣлоканскомъ ущельѣ и на горѣ Меседель-Геръ. Лазутчики увѣрили, что неприятель, вмѣстѣ съ движеніемъ къ сел. Лучеку, намѣренъ спуститься въ сел. Бѣлоканъ, Катехи и Мацехи, а потому 2 роты 2-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полка отъ сел. Чардахло передвинуты въ крѣпость Закаталы. Для усиленія гарнизона Бѣлоканскаго форта сдѣлано распоряженіе передвинуть еще полсотни милиціонеровъ съ лѣваго фланга Лезгинской линіи.

8-го числа получено свѣдѣніе, что Гаджи-Муратъ занялъ Рутуль и двинулся къ укрѣпленію Ахты и что часть неприятельской конницы намѣрена броситься на городъ Нуху. Поэтому генераль-маіору Бюрно, стоявшему съ отрядомъ въ Шинскомъ ущельѣ, приказано принять всѣ мѣры для защиты этого города. Съ Сигнахскаго уѣзда потребовано 500 человекъ милиціи.

Такимъ образомъ, 9-го числа утромъ, войска на правомъ флангѣ Лезгинской кордонной линіи расположены были слѣдующимъ образомъ:

1) Близъ Кахскаго укрѣпленія — двѣ роты 1-го и двѣ роты 5-го баталіона Тифлискаго егерскаго полка съ двумя горными единорогами, подъ командою полковника Быкова; а въ Мухахскомъ ущельѣ, противъ сел. Чордахлы — 3-й баталіонъ Эриванскаго карабинернаго полка со взводомъ

крѣпостныхъ ружей и двумя горными единорогами, подъ командою маіора Фелькнера.

2) Въ крѣпости Закаталахъ, для ея обороны и содержанія карауловъ — три роты 15-го Грузинскаго линейнаго баталіона, двѣ роты 1-го баталіона Тифлискаго егерскаго и двѣ роты 2-го баталіона Эриванскаго карабинернаго полковъ.

3) Въ Катехскомъ ущельѣ, во временномъ укрѣпленіи — другія двѣ роты 2-го баталіона Эриванскаго полка со взводомъ боевыхъ ракетъ.

4) Между Катехами и Мацехами — 2-й баталіонъ Тифлискаго егерскаго полка со взводомъ крѣпостныхъ ружей и двумя горными единорогами.

5) Въ Бѣлоканскомъ фортѣ — полсотни милиціонеровъ пѣшаго Грузинскаго полка и 30 человекъ партизанской команды съ однимъ крѣпостнымъ орудіемъ.

6) Инженеръ-генераль-маіоръ Бюрно — съ отрядомъ изъ 1-го баталіона Мингрельскаго и 4-го баталіона Тифлискаго егерскаго полковъ, ста человекъ саперъ, ракетной команды и 150 человекъ милиціи — у сел. Борчь въ Шинскомъ ущельѣ, и, на случай вторженія неприятеля, состоялъ въ вѣдѣніи начальника Лезгинской линіи; наконецъ:

7) Въ тылу линіи—двѣ сотни Донскаго № 28-го полка заняли двѣ переправы черезъ Алазань: Муганлинскую и Тифлисскую для обезпеченія сообщеній и для производства разбѣдовъ по правому берегу рѣки.

Такое расположеніе войскъ, предоставляя возможность наблюдать всѣ главные проходы съ горъ въ Бѣлоканскій округъ, ободряя жителей присутствіемъ всюду войскъ, давало вмѣстѣ съ тѣмъ средства въ нѣсколько часовъ сосредоточить на угрожаемомъ пунктѣ около трехъ баталіоновъ съ артиллеріею для отраженія неприятеля.

Однако, силы противника въ Самурскомъ округѣ непрерывно возрастали; успѣхи горцевъ въ горныхъ магалахъ могли имѣть вредное вліяніе на жителей Бѣлоканскаго округа, а потому для ободренія ихъ и удержанія въ предѣлахъ должнаго повиновенія, при малочисленности войскъ на Лезгинской линіи, генераль-лейтенанту Шварцу оставалось одно средство—прибѣгнуть къ маневрированію, чтобы жители непрерывно видѣли движущіяся наши войска. Подобное

передвиженіе малыми переходами, не утомляя ихъ, защищало округъ отъ малыхъ хищническихъ партій, отнимало у непріятеля возможность знать, гдѣ находятся главныя силы отряда и, такимъ образомъ, помогало скрывать отъ него наши намѣренія, ставя его на этотъ счетъ въ недоумѣніе.

На этомъ основаніи, 9-го сентября, перешли двѣ роты Эриванскаго карабинернаго полка, съ двумя горными единорогами, изъ Закаталь въ лагерь при Катехскомъ ущельѣ; а взводъ боевыхъ ракетъ, тамъ бывшій, со 2-мъ баталіономъ того же полка и взводомъ крѣпостныхъ ружей Тифлискаго егерскаго полка — отъ сел. Катехъ въ Закаталы; 2-я сотня Донскаго № 28-го полка — съ Муганлинской переправы на Бохталскій постъ, а 4-я сотня — съ Тифлисской переправы, черезъ Алазань, на Муганлинскую переправу.

Въ этотъ день (9-го сентября) лазутчики дали знать, что Шамиль съ большими силами расположился за г. Дюльты-Дагомъ, а передовыя его войска, подъ начальствомъ Даниель-Бека и Гаджи-Мурата, овладѣли съ боя селеніемъ Лучекъ, обороняемымъ Самурскою милиціею.

Къ вечеру 10-го сентября непріятель, въ числѣ 500 человекъ пѣхоты и 300 человекъ конницы, подъ начальствомъ Муллы-Шабана, показался на высотахъ Гонзо-Горы, надъ Джарскими селеніями. Для защиты этихъ послѣднихъ немедленно собрана была часть жителей ближайшихъ деревень и расположена при спускѣ съ Гонзо-Горы.

Въ это же время получено донесеніе инженеръ-генералъ-маіора Бюрно изъ сел. Борча, что Даниель-Бекъ и Гаджи-Муратъ овладѣли Рутульскимъ магаломъ и заняли сел. Рутуль; а полковникъ Ротъ сообщилъ, что непріятель уже находится въ двухъ верстахъ отъ Ахтынскаго укрѣпленія.

Шамиль, спустившись внизъ по Самуру, съ цѣлью дѣйствовать противъ Ахтынскаго укрѣпленія, для отвлеченія отсюда силъ Лезгинской кордонной линіи, направилъ, какъ мы видѣли, партію Муллы Шабана къ Джарскимъ селеніямъ, но, вслѣдствіе сосредоточенія тамъ войскъ Лезгинской линіи, горцы, 11-го сентября, перешли съ Гонзо-Горы на Меседель-Геръ и Доорджибалъ, куда спустилась также съ горъ и партія Мудира Адалова.

Прежде чѣмъ дѣйствовать на сообщенія Шамиля въ горныхъ магалахъ, генераль-лейтенантъ Шварцъ, для обезпеченія Лезгинской линіи, намѣренъ былъ сбить партію Муллы-Шабана, но въ это время (12-го сентября) получилъ донесеніе генераль-маіора Бюрно объ оставленіи имъ позиціи при сел. Борчъ и отступленіи за гору Салаватъ.

На слѣдующій день генераль Бюрно донесъ, что оставилъ позицію, важность которой вполне чувствуетъ, и что рѣшился на отступление по совѣту нѣкоторыхъ офицеровъ и въ слѣдствіе унынія во ввѣренныхъ ему войскахъ *).

Подобное неожиданное извѣстіе совершенно измѣнило намѣренія генераль-лейтенанта Шварца и заставило его на подкрѣпленіе генерала Бюрно послать, 13-го сентября, двѣ роты Тифлискихъ егерей съ двумя горными орудіями.

Дѣйствія генерала Бюрно были чрезвычайно странны: занимая такой важный пунктъ, какъ сел. Борчъ, онъ могъ дѣйствовать на сообщенія Шамиля и, занявъ Рутуль, поставить имама въ весьма затруднительное положеніе.

Предписавъ генералу Бюрно снова занять селеніе Борчъ, генераль Шварцъ, 15-го сентября, собравъ въ Катехскомъ ущельѣ отрядъ изъ полутора баталіона пѣхоты, двухъ горныхъ орудій, взвода ракетъ, взвода крѣпостныхъ ружей, сотни казаковъ, двухъ сотенъ милиціи и 60-ти человекъ партизановъ, съ тѣмъ, чтобы ударить на непріятеля, занимавшаго горы Меседель-Геръ и Доорджибалъ, со стороны Катехскаго ущелья, въ то время, какъ двѣ роты Мингрельскаго егерскаго полка и милиція должны были угрожать его тылу со стороны Бѣлованъ. Но рѣка Катехъ-Чай отъ дождей сильно наводнилась и надо было устраивать черезъ нее переправу, а когда мостъ былъ готовъ, получено извѣстіе отъ Кахскаго военнаго начальника, что до 10,000 горцевъ двигаются къ Елпсуйскому участку. Оставивъ противъ Муллы-Шабана двѣ роты пѣхоты, два орудія и двѣ сотни милиціонеровъ, генераль Шварцъ отправился къ Кахскому укрѣпленію, около котораго сталъ сосредоточивать войска.

Между тѣмъ передовыя части отряда князя Аргутинскаго, 16-го сентября, вошли въ Курахъ. Генераль Бюрно зналъ

*) Приказъ по Отдѣльному Кавказскому Корпусу, 11-го ноября 1848 года, за № 132.

объ этомъ, но не двигался впередъ, не смотря на то, что къ нему прибыли посланнныя съ Лезгинской линіи двѣ роты Тифлискаго егерскаго полка и два горныхъ орудія; потому, какъ доноситъ самъ въ рапортѣ отъ 17-го числа, что, получивъ извѣстіе объ усиленіи непріятеля въ Самурскомъ округѣ и блокадѣ укрѣпленія Ахты, не счелъ нужнымъ предпринимать движеніе на Борчъ въ опасеніи за Нухинскій уѣздъ, и потому что движеніе это, по его мнѣнію, не доставило бы никакихъ успѣховъ до тѣхъ поръ, пока Дагестанскій отрядъ не появится со стороны Ахтовъ.

Узнавъ объ этомъ, начальникъ Лезгинской линіи вторично, 21-го сентября, предписалъ генералу Бюрно выступить къ сел. Борчъ, а самъ въ тотъ же день, получивъ свѣдѣнія, что непріятель занялъ крѣпкое селеніе Кудаль, сосредоточилъ у Кахскаго укрѣпленія 11 ротъ пѣхоты, 4 горныхъ единорога, взводъ боевыхъ ракетъ, взводъ крѣпостныхъ ружей, полсотни казаковъ и 200 человекъ Сигнахской милиціи, и двинулся съ ними къ Елисуйскому ущелью, чтобы овладѣть селеніями Кудаль и Гильмицъ и отрѣзать непріятеля отъ Дагестана.

Послѣ ночлега близъ селенія Елису, 22-го числа, отрядъ прибылъ къ сел. Кудаль: тамъ еще находился непріятель; но горцы, получивъ внезапное повелѣніе Шамиля, уже отступали на всѣхъ пунктахъ. Глубокій снѣгъ и чрезвычайно

суровая погода не позволили преслѣдовать отступавшія партіи.

Въ это время генералъ Бюрно, узнавъ, — какъ самъ доносилъ, — что Дагестанскій отрядъ освободилъ Ахты отъ осады, двинулся къ сел. Борчъ, когда уже тамъ не было ни одного непріятеля.

За необъяснимое поведеніе во время вторженія горцевъ въ Самурскій округъ, инженеръ-генералъ-маіоръ Бюрно былъ уволенъ отъ службы и, по распоряженію главнокомандовавшаго князя Воронцова, преданъ военному суду.

Такимъ образомъ ошибка генерала Бюрно, лишивъ Лезгинскій отрядъ возможности наступать во время, способствовала успѣшному бѣгству Шамиля и его партій.

Для бѣльшаго обезпеченія горныхъ магаловъ, въ 1850 году, князь Воронцовъ лично заложилъ при сел. Лучекъ укрѣпленіе того же названія, которое заперло събою верхнее ущелье Самура.

Генеральнаго Штаба Капитанъ **Анучинъ.**

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, іюля 10-го дня 1858 года. Ценсоръ *И. Гончаровъ.*

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ.**

ТРОИЛИНЪ.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.

Лермонтовъ.

Лѣтъ шесть или семь прошло уже съ того вечера, который мнѣ довелось провести въ Улеоборгѣ (на берегу Ботническаго залива, подъ 65 гр. шир.) вмѣстѣ съ двумя бывшими Кавказцами. Одинъ изъ нихъ, съ рукой на перевязкѣ, былъ уже въ отставкѣ, другой командовалъ тамъ отрядомъ Донцевъ. Предметомъ разговора, естественно, сдѣлались воспоминанія военной жизни на Кавказѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній, мнѣ кажется, весьма заслуживаютъ того, чтобы на столбцахъ газеты «Кавказцы» спастись отъ забвенія. На первый случай передаю здѣсь одно изъ этихъ воспоминаній — о Донскомъ казацкѣ Троилинѣ. Къ сожалѣнію, я забылъ имя его сподвижника и друга, а также имена крѣпостей и полковъ; но, быть можетъ, ктонибудь изъ знавшихъ Троилина дополнитъ мой рассказъ объ немъ.

«Троилинъ и его другъ были оба осуждены безсрочно служить на Кавказѣ: дома имъ не сидѣлось, не терпѣлось, тамъ они проказили, шалили и за то были посланы въ безсрочную службу. Дома имъ было скучно, а на Кавказѣ вѣчно

война, имъ то и по душѣ; тамъ всѣ ихъ любили, и товарищи, и начальство, и вели они себя какъ нельзя лучше. А ужъ горцамъ они дали себя знать: каждый изъ нихъ обоихъ съ кѣмъ бывало ни съѣдется — непременно зарубить, — иной разъ по-поламъ, до сѣдла *). Мы всѣ дивились: шашки у нихъ такія же, какъ и у насъ всѣхъ, да рубка-то совсѣмъ иная. Горцы знали ихъ въ лице; сначала пытались нападать на нихъ по нѣскольکو человекъ на одного, да и тутъ имъ плохо приходилось; такъ послѣ ужъ какъ только узнаютъ «Русскихъ шайтановъ» (Троилина и его друга), то поскорѣй давай Богъ ноги! Прежде на тѣ мѣста горцы очень часто нападали; а какъ познакомились съ Троилиномъ и его другомъ, то совсѣмъ перестали тревожить тѣ мѣста, пока не узнали о смерти грозныхъ витязей. Не раз-

*) Не за то ли онъ и прозванъ Троилиномъ, что могъ однимъ ударомъ трюить человекъ: отрубить разомъ и руку и голову?

стались они и въ смерти, какъ были неразлучны въ жизни и въ битвахъ. Въ строю они были всегда вмѣстѣ. Иногда бывало отпросятся погулять, всегда вдвоемъ; поѣдутъ, дня черезъ три, четыре воротятся съ конями, шашками, ружьями и другою добычей, взятою съ боя. Случилось разъ, что одинъ изъ нихъ былъ боленъ, лежалъ въ лазаретѣ; другой попалъ въ небольшой отрядъ, которому пришлось нѣсколько времени простоять подъ выстрѣлами: тогда пронзила пуля богатырскую грудь. Другъ Троилина уже выздоравливалъ, когда дошла до него вѣсть, что Троилинъ убитъ. «Не жить больше и мнѣ на бѣломъ свѣтѣ!» промолвилъ онъ, затосковалъ, затосковалъ, болѣзнь опять усилилась и онъ умеръ! Такъ одна дура-пуля убила двухъ славныхъ витязей.»

Чтобы вполнѣ понять значеніе такой жизни, надо знать что такое казакъ и что такое война на Кавказѣ; и такъ здѣсь будетъ умѣстно рассмотреть эти два вопроса. Многимъ изъ моихъ читателей покажется невѣроятнымъ извѣстіе о томъ, какъ понимаются эти два вопроса весьма многими публицистами Французскими, Нѣмцами и Англійскими, а именно: во время Севастопольской войны цѣлый хоръ публицистовъ твердилъ о томъ, что союзники должны стараться проникнуть въ земли казаковъ, чтобы найти у нихъ помощь себѣ и ихъ Туркамъ! Конечно, это стоитъ гнѣва того публициста, который осуждалъ союзныхъ адмираловъ за то, что они не ѣдутъ на корабляхъ изъ Чернаго Моря въ Каспійское; но о мореплаваніи по Кавказскому хребту прокричалъ одинъ, а о возможности взбунтовать казаковъ писали многіе, весьма многіе, — и смѣшно и досадно читать! И знаете ли, съ чего эта дичь лѣзетъ имъ въ голову? Они казаковъ не считаютъ Русскими; они — видите ли — знаютъ, что Киргизы называютъ себя казаками, такъ и думаютъ, что Донцы и Черноморцы должны быть одного рода и племени съ Киргизами; это имъ кажется тѣмъ вѣроятнѣе, что теперь всѣ казацкія земли находятся тамъ, гдѣ была прежде пустыня, по которой кочевалъ разбойникъ-Татаринъ. Къ тому же и слово казакъ не Русское, а дѣйствительно заимствованное отъ Татаръ, хотя оно и не Татарскаго происхожденія. Слово казакъ происходитъ отъ Арабскаго слова *гази*, которое по-турецки произносится *казы* и *козы*, отчего съ прибавленіемъ Турец-

каго окончанія *акъ* и образовалось слово *казакъ*, или *козакъ*. Смыслъ этого слова ясенъ каждому, кто знаетъ скольконибудь по-арабски: въ этомъ языкѣ слово *гази* означаетъ «война за вѣру»; слѣдовательно *казакъ* значитъ «воинъ за вѣру». Въ нашемъ языкѣ невозможно выразить этого понятія однимъ словомъ; Арабское же слово *гази* вошло въ языки всѣхъ народовъ, принявшихъ мохамеданство, а въ томъ числѣ и въ Турецкій и въ Татарскій. Въ то время, когда появились первые казаки между Татарами, разумѣется, они понимали смыслъ этого слова (теперь Киргизы уже забыли его значеніе); Русь была тогда подъ игомъ Татарскимъ, изъ Русскихъ многіе говорили по-татарски и слѣдовательно ясно понимали, что *казакъ* значитъ «воинъ за вѣру»; было весьма просто и естественно усвоить Русскому языку слово, котораго нельзя коротко перевести по-русски. Для защиты отъ казаковъ-мохамеданъ возникли казаки-христиане, защитники вѣры христианской. Враждуя между собою, и тѣ и другіе казаки называли своихъ противниковъ *черкесами*, т. е. «разбойниками, грабителями». Съ теченіемъ времени христианское казачество развилось, а мохамеданское исчезло изъ Европы; вмѣстѣ съ тѣмъ названіе *черкесъ*, отодвигаясь далѣе и далѣе на югъ, перешло наконецъ на Кавказскихъ горскихъ хищниковъ и употребляется теперь какъ названіе народа, котораго собственное имя *Адыге*. Разные Нѣмцы, воображая будто былъ когда-нибудь на свѣтѣ народъ Черкесскій, толкуютъ о происхожденіи Донцевъ отъ этого небывалаго народа, — новый поводъ считать ихъ не Русскими.

Отъ кого же дѣйствительно происходятъ напѣшіе казаки? Они — потомки тѣхъ архирусскихъ людей, которые въ ту пору, когда Русь несла

Яремъ мучительный и долгій,

посвятили себя душою и тѣломъ на защиту вѣры христианской. Казаки первоначально составляли то же самое на Востоку, что духовно-рыцарскіе ордена на Западѣ. Существенная разница состояла въ томъ, что на Западѣ преобладалъ аристократизмъ, а у насъ всѣ казаки были равные братья, безпрекословно повиновавшіеся своимъ начальникамъ, всегда избираемымъ ими же самими. На Западѣ ни одинъ орденъ не могъ судить и смѣнять своихъ магистровъ;

у насъ казацкая *громада* судила своихъ атамановъ, которые, лиась власти, становились такими же братьями-казаками, какъ были прежде до своего избранія въ атаманы. Отъ древнѣйшихъ временъ до нынѣ казаки у нашего народа всегда считались чисто Русскими. Этимъ объясняется то, что *все* казаки *сами* приклонились къ державѣ Самодержца Всероссийскаго.

Про кого говорится, что онъ—*казакъ душой?* про того, кто всею душою посвятилъ себя на защиту истины, въ комъ нѣтъ ни вѣроломства, ни страха, кто убѣжденъ, что измѣна долгу — далеко хуже смерти. Слова «*ritterlich, chevaleresque*» соотвѣтствуютъ нашему слову «казацкій». Днѣпровскіе казаки иногда называли себя «лицарями», признавая тѣмъ свое сходство съ Нѣмецкими *Ritter*'ами; но впрочемъ всегда предпочитали болѣе выразительное названіе казака: тогда какъ слово «рыцарь» означаетъ первоначально «всадникъ» и только, — слово «казакъ» значитъ «воинъ за вѣру». Казаковать можно и не будучи всадникомъ, была бы только вѣрная безстрашная душа, да крѣпкая мышца. Съ теченіемъ времени и Русскими забыто первоначальное значеніе слова казакъ; и употребляется теперь это слово какъ названіе той части Русскаго народа, которая произошла отъ витязей, добровольно ставшихъ казаками; но когда про кого нибудь говорятъ: «вотъ казакъ!» или «онъ казакъ душой», то въ подобныхъ выраженіяхъ слово казакъ употребляется въ его первоначальномъ смыслѣ, какъ «совокупность тѣхъ качествъ, которыми долженъ отличаться воинъ за вѣру, защитникъ православія». Значеніе «удальца» или «вольнаго человѣка» вмѣщаются тоже въ словѣ казакъ, потому что между казаками было всегда не мало удалцевъ и все казаки были всегда людьми вольными, составлявшими *братства*.

Съ теченіемъ времени казацкія земли отодвигались все дальше на югъ и на востокъ, постоянно означая юго-восточную *украину* Руси; такъ Днѣпровскіе казаки переселились на Кубань, Донскіе покрыли южную границу Сибири. Съ тѣхъ поръ, какъ начинается Русская исторія, ведется непрерывная война на юго-восточныхъ предѣлахъ Руси; Народъ Русскій до того сжился съ этою войною, что считаетъ себя въ глубокомъ мирѣ, какъ только у него нѣтъ другой войны, кромѣ этой вѣковой, непрерывной, неиз-

бѣжной. Дѣйствительно, эта война — точно борьба съ силами природы; и кончится она только тогда, какъ Европейская образованность, основанная на христіанствѣ, осѣнитъ всю Азію и прольетъ на нее свѣтъ истины.

Въ настоящее время обязанность быть проводниками, посредниками между образованностью и просвѣщеніемъ, лежитъ преимущественно на трехъ народахъ: Русскихъ, Англичанахъ и — въ меньшей степени — Французахъ. Грустно было мнѣ читать недавно въ одной Русской газетѣ колѣнопреклоненіе передъ династіей Могола — передъ этими ничтожными потомками великихъ разбойниковъ, покрывавшихъ царства развалинами и трупами, поливавшихъ землю кровію человѣческою, для того, чтобы утвердить свой деспотизмъ, самый необузданный и свирѣпый: даютъ ли такіа дѣла право на уваженіе? Не должно ли дальнѣйшему развитію образованности непременно предшествовать паденіе всехъ династій, враждебныхъ ей, каковы Чингисова, Тимурова, Османова и т. под. Не станемъ же вторить тѣмъ, которые подаютъ варвару мечъ на христіанина, которые и въ Кавказскихъ разбойникахъ видятъ какихъ-то героев свободы! Нужно точно полнѣйшее незнаніе дѣйствительности, чтобы Кавказскихъ горцевъ считать героями свободы. Постараемся въ немногихъ словахъ опредѣлить отношеніе наше къ этимъ Черкесамъ!

Варварскіе народы любятъ грабежъ; они до тѣхъ поръ не унимаются, до тѣхъ поръ нападаютъ на своихъ сосѣдей, пока или не просвѣтятся, или не подпадутъ совершенно подъ власть народа образованнаго, государства благоустроеннаго; въ этой неукротимости и вѣроломствѣ варваровъ заключается залогъ ихъ будущей образованности: они принуждаютъ своихъ сосѣдей покорить и просвѣтить ихъ. Пока Русское государство само еще было слишкомъ молодо, эти варвары опустошали всю землю.

Губиль Половчаннъ безъ страха,
Лежали грады грудой праха.

Потомъ настала тяжкая пора Монгольскаго ига. Но въ Русскомъ народѣ было зерно жизни, посаженное Владиміромъ, и Русь побѣдоносно вышла изъ тяжелаго испытанія. Наконецъ кровавый вѣковой опытъ доказалъ намъ, что съ нашими юго-восточными сосѣдями возможенъ миръ только

тогда, какъ они становятся нашими подданными: пока мы были ихъ подданными, миръ также былъ невозможенъ, какъ и при простомъ сосѣдствѣ съ ними. Мы покорили Казань— и прекратились разбой Казанцевъ, покорили Крымъ — и только тогда прекратились разбой Крымцевъ, и потомки лю- тыхъ набѣдниковъ сдѣлались мирными промышленниками. Но за Казанской ордой открылась Сибирская, которую при- шлось тоже покорить; за Крымской ордой открылись Кав- казскіе горцы—Черкесы. Отъ нихъ нельзя отдѣлаться ника- кими договорами, ни великодушною уступчивостью; мы при- нуждены сражаться съ ними именно до тѣхъ поръ, пока не покоримъ ихъ совершенно. Пока не совершится это неиз- бѣжное событіе, до тѣхъ поръ горцы всегда будутъ полага- ть, что нападеніе на христіанскихъ жителей долинъ — Русскихъ, Грузинъ, Армянъ и другихъ, представляетъ имъ двойную выгоду: добычу и Магометовъ рай съ его хуріями, потому что убіеніе *кафира* считается у нихъ богоугоднымъ дѣломъ. Грабительственный набѣгъ величается именемъ

гази, и будетъ такъ до тѣхъ поръ, пока не сокрушится ди- кая сила, мѣшающая внимать голосу вѣчной истины, пони- мать человѣческіе нравы и согрѣваться всеми тѣми чув- ствами, которыя теперь чужды душѣ горца, хотъ и припи- сываются ей въ щедрой мѣрѣ тѣми публицистами, кото- рые — по враждѣ своей къ Россіи, по зависти къ ея могу- ществу — кричатъ въ пользу Кавказскихъ горцевъ. Будемъ смотрѣть на вещи безъ предубѣжденій, а глазами образован- ности, и будемъ же привѣтствовать каждый подвигъ на- шихъ ли войскъ на Кавказѣ, Французскихъ ли въ Африкѣ, или Англійскихъ въ Индіи, какъ побѣду свѣта надъ тьмою, истины надъ заблужденіемъ. Тотъ въ этихъ странахъ при- готовляетъ торжество мира, кто своею доблестью смиряетъ дикую силу. Изъ этого явствуетъ, какое значеніе должно приписывать такимъ людямъ, каковы были Троилинъ и его неизмѣнный другъ.

С. БАРАНОВСКІЙ.

Гельсінгфорсъ,
5 го апрѣля 1858 года.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем- пляровъ. С. Петербургъ, мая 2-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

НЕРСЕСЪ. V.

Верховный Патріархъ и Католикосъ всѣхъ Армянъ

Н Е Р С Е С Ъ V ,

ВЕРХОВНЫЙ ПАТРИАРХЪ И КАТОЛИКОСЪ ВСѢХЪ АРМЯНЪ.

Нерсесь V, — возвысившійся изъ простаго монаха, сына бѣдныхъ родителей, до патриаршаго престола, до сана первой духовной особы надъ Армянами въ цѣломъ мірѣ, — былъ однимъ изъ величайшихъ верховныхъ архипастырей Армяно-Григоріанской Церкви, однимъ изъ славнѣйшихъ лицъ Гайканской исторіи и вообще однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ мужей современной эпохи. Потомство воздастъ ему вѣчную благодарную память, какъ за духовныя заслуги Церкви, которую онъ управлялъ, такъ и за патриотическую преданность его къ Россіи, — всегда отличавшую почившаго. Жизнь Святѣйшаго вполне достойна изученія, а потому, излагая здѣсь свѣдѣнія, которыя мы успѣли собрать объ его трудахъ и подвигахъ, — сожалѣемъ, что недостатокъ матеріаловъ не позволяетъ намъ войти въ большія подробности, чѣмъ представляетъ предлагаемое жизнеописаніе *).

*) Святой синовиѣй долгъ Армянъ — возблагодарить великаго усопшаго достойнымъ изображеніемъ многолѣтнаго его поприща. При-

Нерсесь V происходилъ отъ древней благородной фамиліи *Шагазисовъ*, весьма уважаемой между Армянами, но чрезвычайно бѣдной, и родился въ 1760 году *), въ мѣ-

глашаемъ всѣхъ, знавшихъ Католикоса, имѣющихъ въ рукахъ какія-либо свѣдѣнія о немъ, почтить редакцію *Кавказцевъ* доставленіемъ этихъ матеріаловъ, какъ бы незначительными они не казались. Мы тщательно будемъ продолжать собирать все относящееся до патриарха Нерсеса, и надѣемся, впоследствии, издать жизнеописаніе іерарха болѣе его достойное. Здѣсь же приносимъ чувствительную благодарность Христофору Якимовичу Лазареву и гг. Карамышеву и Бернштаму за свѣдѣнія, ими доставленныя для настоящей статьи.

*) «Избраніе Верховнаго Патриарха Католикоса Армяно-Григоріанской Церкви,» *Официальная* статья въ *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1843 г., № 9 (стр. 371), Тоже читается, — говоритъ *Живописная Русская Библиотека*, 1857 (№ 20), — и въ иностранныхъ извѣстіяхъ, которыми редакция этого журнала пользовалась, для помѣщеннаго ею краткаго

стечкѣ Аштаракѣ, нѣкогда славномъ торжищѣ Арменіи, находящемся вблизи Арарата, недалеко отъ источниковъ Эвфрата, въ 20-ти верстахъ отъ Эчміадзина, и откуда уже происходилъ одинъ изъ католиковъ, который также носилъ имя Нерсеса, — особенно счастливое въ лѣтописяхъ Армянской Церкви, — и именно назывался *Нерсесомъ II или Аштаранскимъ*.

О первыхъ годахъ жизни Патріарха извѣстно только, что до осьмилѣтняго возраста пребывалъ онъ въ родительскомъ домѣ; потомъ, воспитывался въ Эчміадзинѣ, подъ покровительствомъ и попеченіемъ воспріявшаго его отъ купели *) архіепископа Эчміадзинскаго патріаршаго престола Калуста. Открывъ въ отрокѣ отличныя способности и провидя его высокое назначеніе, зтотъ архіерей передалъ его потомъ, для довершенія богословскаго образованія, въ руководство бывшему патріарху Константинопольскому Григорію, мужу славившемуся ученостію и добродѣтелями. Тамъ провелъ юноша три года и, по возвращеніи въ Эчміадзинъ, на двадцатилѣтнемъ году своего возраста, рѣшившись посвятить себя служенію Церкви, вступилъ въ духовный санъ, и былъ поставленъ въ архидіакона первопрестольнаго Эчміадзинскаго Собора.

По смерти Калуста, котораго Нерсесъ именуется своимъ «вторымъ отцемъ», онъ нашелъ себѣ новаго покровителя въ восшедшемъ тогда на Эчміадзинскій престолъ католикосѣ Лукѣ, — отправившемъ его въ Смирну и снова въ Царьградъ. Возвратившись въ Арменію, въ послѣднихъ годахъ минувшаго столѣтія, Нерсесъ засталъ католикоса при послѣднемъ издыханіи. По смерти Луки и Іосифа, — изъ дома

жизнеописанія Католикоса. Но, въ другой *оффициальной* статьѣ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* (1856, № 10, 89) говорится, что въ 1856 году Нерсесу было около 90 лѣтъ. Въ извѣстии о кончинѣ Патріарха, напечатанномъ въ газетѣ *Кавказъ*, 1857 (№ 13) и перепечатанномъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, сказано, что онъ умеръ на 96-мъ году своей жизни, слѣдовательно годомъ его рожденія должно полагать 1760.

*) *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1843, № 9, 372. По *Живописной Русской Библиотекѣ*, 1857, № 20, Калустъ былъ дѣдомъ Нерсесу.

князей Аргутинскихъ, который былъ назначенъ въ С. Петербургъ, — возникли смуты отъ соперничества двухъ католиковъ. Даниилъ Царьградскій избранъ былъ общимъ голосомъ народа, а Давида Тифлисскаго насильственно поставилъ сардаръ Эриванскій. Нерсесъ подвергся преслѣдованію и даже нѣкоторое время, вмѣстѣ съ Данииломъ, терпѣлъ заключеніе въ темницѣ. Архіепископъ Ефремъ, будущій католикосъ, избавилъ его отъ гоненій, вызвавъ въ Россію. Но когда низложенъ былъ Давидъ, и Даниилъ утвердился на каедрѣ Армянской, Нерсесъ возвратился въ Эчміадзинъ. Новый патріархъ, отдавая достойную справедливость блистательнымъ дарованіямъ юноши еще лѣтами, но умомъ и волею уже созрѣвшаго мужа, почтилъ его саномъ архимандрита, и вслѣдъ затѣмъ возвелъ и на степень епископа.

До тѣхъ поръ дѣятельность Нерсеса заключалась въ мирныхъ стѣнахъ Эчміадзина, ограничиваясь скромными обязанностями Церковнаго послушанія и священнослуженія. Скоро развернулось предъ нимъ болѣе широкое поприще.

Въ 1802 году, онъ отправленъ былъ отъ католикоса, вмѣстѣ съ наставникомъ своимъ, бывшимъ патріархомъ Григоріемъ, въ Грузію: и тутъ, во все время войны, открывшейся вскорѣ между Россією и Персією, съ доблестію и самоотверженіемъ, достойнымъ истиннаго героя, подвизался во благо своего народа.

Возвратясь въ Эчміадзинъ, по окончаніи войны, Нерсесъ явился ревностнымъ сотрудникомъ католикосу въ возстановленіи разстроенныхъ дѣлъ и способовъ патріаршаго престола. Даниилъ почтилъ его саномъ архіепископа, и потомъ отправилъ съ порученіями въ разные города Турціи, и — въ третій разъ — въ Константинополь, къ визирю и султану, откуда Нерсесъ возвратился съ полнымъ успѣхомъ, привезя католикосу милостивый фирманъ султанскій.

При открывшейся въ 1809 году войнѣ нашей съ Турціей, Нерсесъ, который тогда, — сперва за отсутствіемъ католикоса, удалившагося въ Эривань, а потомъ за смертію Даниила, — управлялъ первопрестольнымъ монастыремъ, — во все продолженіе военныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ обители, явилъ новые знаки пламеннаго усердія къ Россіи

и неустрашимой преданности истиннымъ пользамъ своего народа.

Невольно рождается вопросъ: какимъ образомъ, находясь безпрестанно между Персіянами и Турками, не только избѣжалъ онъ ихъ мести за свою привязанность къ Русскимъ, но даже приобрѣлъ довѣренность мусульманъ? «Они вѣрили моему слову,» объяснялъ это самъ Нерсесъ на подобный вопросъ А. Н. Муравьева *), — потому что между Азіятцами первая добродѣтель есть — твердое исполненіе даннаго обѣщанія. Къ тому же Персіяне имѣли всегда уваженіе къ святынь Эчмиадзинской, а я пользовался особеннымъ расположеніемъ Аббаса—Мирзы. Дважды посѣщалъ онъ обитель, во время моего управленія, и всегда благоговѣнно въ ней обращался. Ему понравились двѣ иконы Богоматери, принесенныя изъ Персіи патриархомъ Симіономъ, и онъ хотѣлъ взять ихъ съ собою; но я сказалъ, что нельзя оставить безъ украшенія алтарь, и Аббасъ—Мирза удовольствовался одною, которую хранилъ у себя съ большою честію. Когда же, по смерти патриарха, и въ отсутствіи избраннаго нами Ефрема, Давидъ, бывший прежде патриархомъ, возобновилъ свои козни, и меня позвали въ станъ Персидскій, подъ Хорвирабъ, я смѣло ему воспротивился предъ лицомъ Аббасъ—Мирзы. Давидъ имѣлъ на своей сторонѣ сардаря Эриванскаго и семь хановъ, но я сталъ между ними и спросилъ царевича Персидскаго: какое участіе могутъ имѣть ханы въ избраніи патриарха чуждой имъ вѣры? развѣ сами хотятъ принять ее? Справедливо ли имъ вступаться въ дѣло столь святое для насъ, тѣмъ болѣе, что уже имѣемъ законнаго патриарха? Если же кто—либо изъ хановъ, или самъ Давидъ, имѣетъ что—либо противъ меня, пусть теперь же обвиняетъ въ лице, — и никто изъ нихъ не раскрылъ противъ меня уста. Тогда Аббасъ—Мирза не только принялъ меня благосклонно, но, по моей просьбѣ, двѣ недѣли остался подъ монастыремъ Хорвирабскимъ, ожидать прибытія новаго патриарха Ефрема, который ѣхалъ изъ Россіи.»

Но этотъ католикосъ былъ человекъ слабый по характеру. Нерсесъ вскорѣ увидѣлъ, что люди неблагонамѣренны на-

*) *Грузія и Арменія*, ч. II, стр. 186—187.

чали имѣть вліяніе и что ему самому угрожала опасность лишиться жизни отъ тайныхъ покушеній; а потому просилъ позволенія удалиться снова въ Грузію и, въ 1811 году *), былъ назначенъ епархіальнымъ архіепископомъ находящихся тамъ церквей Армянскихъ.

Вслѣдъ за этимъ, ему Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовый митрополитскій крестъ на клобукъ, при Высочайшемъ рескриптѣ отъ 9—го января 1812 года**).

Здѣсь открылось новое обширное поприще его дѣятельности. Имѣя постоянное пребываніе въ Тифлисъ, Нерсесъ обратилъ всѣ свои силы и труды на благо вѣренной ему паствы и дѣйствовалъ не только какъ пастырь духовный, но и какъ другъ и благодѣтель своихъ соотечественниковъ.

Составляя въ Тифлисъ и вообще въ Грузіи важную часть населенія, Армяне въ эту эпоху такъ еще недавно освободились отъ ига мусульманъ, такъ недавно сдѣлались подданными Монарховъ Русскихъ, что слѣды бѣдствій, долго угнѣтавшихъ этотъ умный, трудолюбивый народъ, оставались во многомъ неизглаженными. Армяне, какъ и другіе обитатели Грузіи, были не только разорены, многіе доведены до нищеты, но и преданы глубокому невѣжеству.

Архіепископъ, одушевленный христіанскою и пастырскою ревностію ко благу своихъ соотечественниковъ, прежде всего обратилъ труды свои на устройство и образованіе духовенства. Онъ искоренилъ разныя злоупотребленія, вкравшіяся въ Армянскую Церковь, учредилъ строгій контроль

*) По *Журналу Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, это было въ 1814 году. Но, по нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, Нерсесъ получилъ назначеніе въ Тифлисъ архіепископомъ, — какъ у насъ показано, — въ 1811 г. Мы принимаемъ послѣднее, потому что въ Высочайшемъ рескриптѣ Императора Александра, отъ 9—го января 1812 г., о которомъ сейчасъ будетъ сказано, Нерсесъ названъ «епархіальнымъ архіепископомъ обитающихъ въ Грузіи Армянъ.»

**) Объ этомъ рескриптѣ упоминается въ *Собраніи актовъ къ Обзорнiю исторіи Армянскаго народа*, ч. I, стр. 50. Но ни въ *Сенатскихъ*, ни въ *С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1812 г., мы не нашли этого рескрипта.

въ церковныхъ доходахъ и обратилъ вниманіе на нравственное состояніе всѣхъ Армянъ, а въ особенности духовныхъ.

Благоразумнымъ распоряженіемъ церковнаго имущества тогда же было положено начало капиталу для устройства храмовъ и на учрежденіе училищъ. При покровительствѣ просвѣщеннаго и благодѣтельнаго Правительства нашего и при добротныхъ пособіяхъ и приношеніяхъ, которыя не замедлили оказать патріоты, — приглашаемые Нерсесомъ, со всѣхъ сторонъ, — вскорѣ образовались значительныя суммы. Тогда знаменитый сановникъ, преисполненный духомъ общепользующей предпримчивости, въ христіанскомъ направленіи и въ видахъ истиннаго благоустройства по епархіи, нашелъ возможнымъ приступить къ многотрудному подвигу. Не щадя и собственнаго достоянія, Архіепископъ, въ 1819 году, приступилъ къ сооруженію въ Тифлисѣ обширнаго многоцѣннаго зданія для Армянскаго училища, на землѣ, принадлежащей тамошнему Армянскому кафедральному собору.

Къ 1823 году главная часть предполагаемыхъ строеній была окончена и, вслѣдъ за тѣмъ, открылось въ нихъ преподаваніе первоначальныхъ общепользующихъ наукъ, какъ-то: грамматики и словесности Армянской и Русской, исторіи и географіи Армянской, Русской и всеобщей, математики и Закона Божія.

Виды Нерсеса простирались весьма далеко. На собственное иждивеніе вызвалъ онъ въ это училище, — названное его именемъ (*Нерсесово училище*), — между прочими отличными преподавателями, изъ Парижа знаменитаго армянина Шаганъ-Чербета. Вскорѣ въ составъ преподаваемыхъ наукъ, вошли: Церковная исторія и богословіе. Архіепископъ, впрочемъ, не хотѣлъ ограничивать своего заведенія спеціальною цѣлью чисто духовнаго училища; но раздѣлялъ его на два отдѣленія, изъ которыхъ одно заключалось въ предѣлахъ семинаріи, другое приняло размѣры гимназіи, т. е. первое готовило юношество Армянское для поступленія въ духовное званіе, а второе образовывало питомцевъ къ поступленію въ государственную службу. Однако и этого было не довольно: Нерсесу хотѣлось ввести сюда полное преподаваніе высшихъ наукъ, и, такимъ образомъ, положить начало учрежденію настоящей Армянской академіи.

Съ этою цѣлю, онъ учредилъ при училищѣ донныя существующую Армянскую типографію.

Такимъ образомъ, созданъ храмъ наукъ, единственный въ своемъ родѣ, въ отдаленной Грузіи. Число воспитанниковъ вскорѣ простиралось до 400 человекъ. Но, судя по обширности зданія, предполагалось число учащихся умножить до 800 питомцевъ. Хотя, какъ сказали приношенія отъ усердствующихъ, и особенно отъ семейства Лазаревыхъ, на устроеніе училища было достаточно по первоначальной смѣтѣ; однако, въ послѣдствіи, по увеличенію строенія, равно и по умноженію потребностей, собранныя суммы оказались неудовлетворительными на покрытіе всѣхъ расходовъ. По этому Нерсесъ, не щадя ни трудовъ, ни иждивенія своего, все что имѣлъ и могъ — пожертвовалъ отъ себя на общественную пользу.

Замѣтимъ здѣсь, что Англійскіе миссіонеры, бывшіе въ Индіи, предлагали Нерсесу присоединиться къ нимъ и учредить Армянскія училища, которыя бы приняты были подъ покровительство Великобританіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и тѣмъ весь Армянскій народъ поставить подъ защиту этихъ державъ. «Но я не захотѣлъ этого, — говорилъ долго спустя Нерсесъ *)», — боялся за мою Церковь, и могъ видѣть спасеніе только въ соединеніи съ Россією.»

Кромѣ умственнаго и нравственнаго образованія, всеобъемлющій пастырь не оставлялъ безъ вниманія и другихъ условій общественнаго развитія, къ которому предположилъ вести своихъ соотчичей. Зная, что для жизни общественной и для образованности необходима промышленность, Архіепископъ способствовалъ устройству фабрикъ и для споспѣшествованія торговлѣ, особенно любимой Армянами, въ 1819 году, устроилъ въ Тифлисѣ огромный каменный караванъ-серай, или гостинный дворъ.

Вскорѣ за тѣмъ, новыя перевороты вовлекли опять Нерсеса въ другой кругъ дѣйствій. Въ 1820 году, католикосъ Ефремъ, въ слѣдствіе угнетеній отъ Персидскаго правительства, принужденъ былъ оставить Эчміадзинъ и удалился въ

*) Гакстаузенъ, *Закавказскій Край*, ч. II, стр. 11.

предѣлы Россіи. Тогда Архіепископъ временно принялъ въ свои руки кормило верховнаго правленія всею Армянскою Церковью отъ имени католикоса.

Извѣстный путешественникъ, кавалеръ Гамба, въ 1824 году, нашель Архипастыря посреди огромныхъ трудовъ и еще огромнѣйшихъ предположеній, въ которыхъ видѣлъ счастливую зарю блистательной будущности для всего Закавказья. «Въ числѣ совершителей великихъ подвиговъ, нѣтъ замѣчательнѣе Нерсеса, архіепископа Армянскаго въ Тифлисъ», — говоритъ этотъ путешественникъ *). Назвавъ его мужемъ рѣдкихъ достоинствъ, одареннымъ характеромъ благодати и терпимости, свойственнымъ къ утверженію успѣха достославнаго предпріятія — доставить своимъ соотечественникамъ образованіе, котораго они были лишены дотолѣ, — Гамба продолжаетъ: «Достопочтенный Нер-

*) Вотъ собственныя слова Гамбы о Нерсесѣ: «Parmi les fondateurs des grands travaux, il n'en est pas de plus recommandable que Narses, archevêque arménien, à Tiflis. Cet illustre prélat a fait bâtir dans la Ville-Neuve un immense caravanserail, qui semble prophétiser la grandeur commerciale de cette ville. Il y a joint une école, dans laquelle il se propose d'avoir des professeurs pour les principales langues de l'Asie et d'Europe, afin de donner à ses compatriotes une instruction dont jusqu'ici ils avaient généralement été privés. Ainsi peu-à-peu la civilisation marche comme par échelon de l'Europe vers l'Asie, et elle ne peut manquer d'avoir un jour une heureuse influence sur la prospérité des contrées où elle s'étendra. Par un bonheur singulier, le soin d'éclairer ces pays lointains a été confié à deux hommes d'un rare mérite, et qui, l'un et l'autre sont doués d'un caractère de bonté et de tolérance bien propre à assurer le succès de leur glorieuse tâche. L'un, M-r l'abbé Nicole... L'autre (le vénérable Narsés) considérant une nation autrefois grande et honorée, aujourd'hui dépendante, dispersée et avilie, non seulement comme archevêque, mais encore comme le chef d'un peuple, il a cru devoir joindre à l'instruction religieuse l'instruction civile, et, peut être, jettant sur l'avenir le coup d'oeil du génie, conservant l'espérance que Dieu n'abandonnera toujours les descendans des anciens patriarches, il a voulu du moins les préparer d'avance à devenir à la fois des hommes vertueux, éclairés et dignes d'être comptés parmi les plus estimables sujets de l'Empereur de Russie. *Voyage dans la Russie méridionale par le Chevalier Gamba.* Paris, 1826, t II, p. 157.

сесъ, взирая на націю, нѣкогда великую и уважаемую, пынѣ въ зависимости, разстѣянную и удрученную, не только какъ архипастырь, но и какъ глава народа, почелъ полезнымъ присоединить къ ученію духовному и ученіе гражданское; и, можетъ быть, кипувъ на будущность геніальнѣйшій взоръ, и уповавъ, что Богъ не всегда оставитъ потомковъ древнихъ патріарховъ, онъ желалъ предварительно приуготовить ихъ и содѣлать людьми добродѣтельными, просвѣщенными и достойными быть на чредѣ вѣрныхъ подданныхъ Императора Россіи.»

Въ теченіе этого долготѣяго, исполненнаго трудовъ и подвиговъ, поприща, Нерсесъ былъ осыпанъ знаками Всемилостивѣйшаго вниманія и благоволенія. Императоръ Александръ, сверхъ митрополитскаго креста для ношенія на клобукъ, — о которомъ говорили, — сопричислилъ его, 15-го іюня 1819 года, къ ордену Св. Анны 1-й степени, въ изъявленіе, — какъ сказано въ Высочайшей грамотѣ, — особеннаго Монаршаго вниманія *за отличное попеченіе его о паствѣ и усердіе къ пользамъ Отечества.* Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, — тогда главноуправлявшій краемъ, — препровождая эту грамоту и орденскіе знаки, — въ отношеніи отъ 19-го іюля, — писалъ Нерсесу: «Государь Императоръ, справедливый и милостивый, изъявляетъ симъ отличное уваженіе къ заслугамъ Вашего Преосвященства и усердію на пользу Отечества. Съ душевнымъ удовольствіемъ приношу поздравленіе мое вамъ, Преосвященнѣйшій Архипастырь, и прошу Всевышняго, да споспѣшествуетъ полезному вашему служенію въ странахъ, Великому Государю покорствующихъ.» Кромѣ того, Благословенный неоднократно жаловалъ Нерсеса богатыми панагіями, сопровождая эти награды благосклонными рескриптами.

Въ 1826 году снова возгорѣлась война Россіи съ Персіею. Грозно было нашествіе полчищъ Аббасъ-Мирзы, — еще грознѣе были они встрѣчены. Сперва Шамхоръ, потомъ Елисаветполь показали, какъ Русскіе караютъ вѣроломство, и предвозвѣстили будущій жребій нападавшимъ. Нерсесъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, нашель въ себѣ жаръ и силы юноши, чтобы дѣйствовать во благо своего народа, оказалъ пламенное усердіе къ пользамъ Имперіи и одушевлялъ къ тому же и своихъ соотечественниковъ. Армяне,

какъ обитавшіе въ Грузіи, такъ и жившіе въ Персіи, внимая гласу архипастыря, приняли самое дѣятельное участіе въ успѣхахъ Русскаго оружія. При вступленіи дѣйствовавшаго корпуса въ Персію, они спѣшили изъявленіемъ чувствъ благоговѣнія къ Монарху Россіи, сознавая, что Онъ одинъ *хотѣлъ* и *могъ* утвердить будущее ихъ благоденствіе, и явили безчисленные опыты преданности и усердія: составляли добровольныя ополченія, сражались храбро, доставляли всѣ средства къ продовольствію нашихъ войскъ, а въ послѣдствіи, по вызовамъ и приглашеніямъ, переселились въ Россію. Самъ Нересъ, въ полномъ смыслѣ словъ, не щадилъ ни трудовъ, ни жизни. Въ походахъ онъ присутствовалъ въ полкахъ Русскихъ, сопровождалъ ихъ и лично дѣйствовалъ въ случаяхъ затруднительныхъ.

Въ Божѣ почивающій Государь Императоръ, вполне довольный дѣйствіями лично Преосвященнаго и его паствы, удостоилъ изъявить, въ лицѣ архіепископа, всему Армянскому народу Свое благоволеніе и признательность, за оказанныя заслуги въ первые мѣсяцы войны, слѣдующимъ Всемилостивѣйшимъ рескриптомъ:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Преосвященному Нересу, Епархіальному Архіепископу всѣхъ Армянъ, обитающихъ въ Грузіи.

Нарушеніе мира Персіянами и внезапное ихъ вторженіе въ Наши области подали случай Армянскому народу, въ Грузіи обитающему, явить на опытъ свое усердіе и нелицемѣрную къ Намъ признательность. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ доказывалъ, что умѣетъ цѣнить благотворныя о немъ старанія Правительства, и что видитъ ясно превосходство настоящаго жребія своего предъ участію столь многихъ единовѣрцевъ, по инымъ странамъ разсѣянныхъ. Поручаемъ Вамъ, изъявить всѣмъ Армянамъ, въ духовномъ Вашемъ управленіи находящимся, совершенное благоволеніе Наше и увѣрить ихъ Императорскимъ Нашимъ Словомъ

въ продолженіи къ нимъ особенныхъ Нашихъ милостей. Доколѣ пребудетъ непоколебима вѣрность народа Вашего, обрѣтшаго надежное убѣжище подъ сѣнію Россійскаго Правительства, Мы вмѣнимъ себѣ въ обязанность неусыпно пешихся о его счастіи и успокоеніи.

Относя похвальное поведеніе духовной паствы Вашей и къ дѣйствию пастырскихъ Вашихъ увѣщаній, Мы изъявляемъ Вамъ Монаршую Нашу признательность и пребываемъ Императорскою Нашею милостію къ Вамъ благосклонны. С. Петербургъ, февраля 2-го дня 1827, государствования Нашего втораго года.

На подлинной Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

На слѣдующій годъ Кавказскій корпусъ перешелъ Агзибно, Безобдалъ и хребетъ Бомбакскій, занялъ Эчмиадзинъ и Нахичеванъ; съ быстротою молніи покорилъ Аббасъ—Абадъ, Сардаръ—Абадъ, Эриванъ и, перейдя Араксъ, занялъ Марандъ, Таврисъ; распространился въ Марагъ и Хоъ и только, наконецъ, остановился въ Ардебилѣ и у подошвы горъ Кафланку. Такимъ образомъ почти вся Персидская Арменія занята была и силою Русскаго оружія и ревностнымъ содѣйствіемъ завѣтной любви Армянъ къ Россіи.

Въ это незабвенное время, едва только развѣялись знамена Николая въ предѣлахъ, обитаемыхъ Армянами, какъ въ звукахъ оружія христіолобиваго воинства сыны Армяно—Григоріанской Церкви слышали уже радостную вѣсть избавленія отъ ига невѣрныхъ. Надежда воскресила ихъ и, словомъ и дѣломъ, Армяне горячо вспомоществовали Царю Православному.

Въ началѣ марта, когда еще вершины Безобдалскія облечены были снѣгомъ, генераль—адъютантъ Бенкендорфъ отважно повелъ наши передовыя войска къ знакомымъ имъ побѣдамъ. Нересъ, не взирая на преклонныя свои лѣта, слѣдовалъ при отрядѣ Русскихъ, и тѣмъ, — говоритъ официальное извѣстіе *), — подавалъ примѣръ своимъ соотечественникамъ.

*) *Русскій Инвалидъ*, 1827, № 115.

Многіе Армяне Эриванской провинціи, — тогда еще области Персидской, — движимые какъ чувствомъ преданности къ Монарху Россіи, такъ и высокимъ уваженіемъ къ Нерсесу, добровольно явились на служеніе новому своему Отечеству. Не можемъ не привести здѣсь подвига одного изъ нихъ, какъ разительно доказывающаго важность вліянія архіепископа Нерсеса.

Армянинъ *Оганесъ Асланьянцъ*, изъ деревни Бюрикандъ, Корпинскаго магала, былъ отпращенъ Нерсесомъ изъ Абарана съ изустнымъ порученіемъ въ Эчміадзинскій монастырь. На дорогѣ Оганесъ попался въ руки передовыхъ карауловъ Гассанъ-Хана, брата Гуссейнъ-Хана, сардаря Эриванскаго, стоявшаго лагеремъ при деревнѣ Аштаракъ и, какъ лазутчикъ, былъ къ нему представленъ. При допросѣ, лично самимъ Гассанъ-ханомъ произведенномъ, Асланьянцъ, объявивъ свое имя и мѣсто жительства, прибавилъ, что посланъ въ Эчміадзинъ съ секретнымъ порученіемъ. «Какое же порученіе дано тебѣ?» спросилъ Гассанъ-Ханъ. — «Я Армянинъ, ханъ,» отвѣчалъ Асланьянцъ, «слава Богу, никто изъ единовѣрцевъ моихъ еще не запятналъ себя именемъ измѣнника, и я не открою даннаго мнѣ порученія.» — «Пещь, скверная душа, развѣ ты не измѣняешь долгу вѣрнопопданства Персидскому шаху, убѣжищу міра? Что заставило тебя присоединиться къ Русскимъ?» — «Вѣра и Эчміадзинъ! Христіанская вѣра соединяетъ насъ съ Русскими и Эчміадзинъ повелѣваетъ служить имъ правдою. Не они ли идутъ для спасенія нашего священнаго храма, и потому можемъ ли, сложа руки, быть свидѣтелями, какъ за насъ льется ихъ кровь?» — Разгнѣванный такимъ отвѣтомъ, Гассанъ-Ханъ приказалъ выколоть Асланьянцу одинъ глазъ и отрубить носъ, что тотъ же часъ было исполнено. Послѣ того, какъ онъ выдержалъ эту ужасную пытку съ твердостью духа, ханъ спросилъ его съ гнѣвомъ: «Не скажешь ли теперь?» — «Нѣтъ!» отвѣчалъ тотъ съ прежнею твердостью, «я обязанъ открыть мое порученіе только Эчміадзину.» — «Такъ ты не сдѣлаешь этого!» вскричалъ ханъ и приказалъ отрѣзать ему языкъ. Несчастнаго повалили на землю и, отрѣзавъ языкъ, въ безпамятствѣ бросили на мѣстѣ, а лагерь, снявшись, отправился на ночлегъ къ Карасу. Вѣрный своему долгу, Асланьянцъ, очнувшись, изумился, что, лишась

языка, не лишился дара слова и можетъ говорить свободно. Воздавъ благодареніе Богу, сохранившему ему жизнь на исполненіе возложеннаго на него порученія, онъ поспѣшилъ въ Эчміадзинъ *).

Вскорѣ исчезли предъ Русскими грозныя преграды, воздвигнутыя природою: быстро спустился отрядъ православныхъ въ широкія долины области Аранской. Среди пустынной страны непріятельской внезапно мелькнули въ очахъ нашихъ воиновъ высокіе куполы, величественно возносящіеся на берегахъ свѣтлыхъ потоковъ, отражаясь въ ихъ струяхъ вмѣстѣ съ лазурью небесною; и раздался въ ихъ слухъ священный звонъ колоколовъ. Предъ отрядомъ Бенкендорфа былъ древній первопрестольный Эчміадзинъ. Быстро осыпались ратники Николая крестнымъ знаменемъ, имъ казалось, что слышатъ призывный колокольный гулъ родной своей Россіи. Вѣра отворила врата монастырскія; Вѣра и слава ввели ихъ въ обитель гостепріимную. Представилось зрѣлище разительное и благоговѣйное! Въ торжественномъ облаченіи вышло духовенство Эчміадзинское, вышло съ восторгомъ веселія и встрѣтило въ одно время и Русскаго героя и знаменитаго архипастыря своего. Не побѣдителей, не завоевателей видѣло оно въ рядахъ Русскихъ, но храбрыхъ и кроткихъ покровителей, даруемыхъ Русскимъ Царемъ.

Загремѣли клики Армянъ: «Николай I есть первый Царь по Вѣрѣ и великодушію. Да здравствуетъ Императоръ Россійскій! Да здравствуетъ Николай I, Повелитель и Государь Арменіи!» Въ этотъ памятный день, подъ открытымъ небомъ, предъ лицомъ Всемогущаго, скрѣпленъ и утвержденъ печатью душевною первый священный союзъ Армянъ съ сынами Россіи. Воззвалъ архіепископъ Нерсесъ къ народу — и всѣ сердца закипѣли новымъ рвеніемъ къ Царю Русскому и къ храбрымъ Его войскамъ. Возсіялъ день избавленія; возсіяла надежда, что имя Арменіи и вѣковая ея слава оживутъ на лицѣ земли. Лишнее говорить, что Ар-

*) Вѣрность и самоотверженіе Асланьянца не были оставлены безъ вниманія. По представленію генерала Бенкендорфа, ему, тогда же, назначено было по 100 р. въ годъ въ пожизненный пенсіонъ.

мяне и себя и все свое обрекли къ содѣйствию успѣхамъ Русскаго оружія. Въ стѣнахъ Эчміадзина учредилъ Бенкендорфъ главное свое пребываніе. Но стѣны священной обители не заграждали отъ него ни одного предпріятія врага, ни тайнаго, ни явнаго. Дѣятельно распоряжая осадю Эривани, Русскій генераль праздновалъ въ обители христіанской новыя побѣды надъ послѣдователями Али.

Въ то же время явилось умиленное торжество Вѣры небесной, Вѣры, дышущей любовью, милосердіемъ и разительно ознаменовывающейся среди страданій человѣческихъ. Вѣра, въ лицѣ иноковъ обители, стала на неусыпную стражу о раненыхъ и больныхъ. Въ удаленіи отъ суеты мірскихъ, не ожидая ни какихъ наградъ отъ людей, отдавъ себя одному Богу, иноки Эчміадзина, по гласу и примѣру архіепископа, обрекли себя на пользу страждущихъ, и, забывая о себѣ, помнили только о предстоящемъ имъ по долгу милосердія. Дни и ночи сливались для нихъ въ одно нѣжное и заботливое смотрѣніе за больными. Многимъ изъ Русскихъ возвратили они и здоровье и жизнь. Нигдѣ и никогда Русскіе войны не забудутъ челоуколюбивыхъ попеченій о нихъ отшельниковъ обители Эчміадзинской, отрешившихся отъ прелестей тревожнаго міра, но не отъ тѣхъ подвиговъ, которые Спаситель выхваляетъ въ челоуколюбивомъ Самарянинѣ.

Между тѣмъ, оружіе Паскевича загремѣло тамъ, гдѣ некогда Александръ Македонскій въ три битвы покорилъ вѣковое царство. Ожидая осадной артиллеріи, Паскевичъ устремился къ Араксу, вступилъ въ Нахичевань и обложилъ Аббасъ-Абадъ. Волнуясь местию, отчаяніемъ и стыдомъ, Персіане, за свои неудачи, рукою неистовою жгли, грабили, опустошали селенія Армянъ и гнали ихъ за Араксъ. Но и тутъ строптивое мщеніе ихъ встрѣтило препону. Многие изъ Армянъ, — внимая воззваніямъ Нерсеса, — отваживаясь на все для пользы Россіи, укрылись отъ безпощадной ярости враговъ, возвратились въ жилища свои, простерли братскія объятія къ Русскимъ, извѣщали ихъ о каждомъ движеніи непріятеля, служили имъ проводниками и дѣйствовали на полѣ битвъ.

Вскорѣ Паскевичъ снова разбилъ Аббасъ-Мирзу при Джеванъ-Булахъ, принудилъ къ сдачѣ Аббасъ-Абадъ и распо-

ложилъ войска для отдыха на знойное время. Въ то же время наслѣдникъ шаха, обманутый во всѣхъ своихъ высококомѣрныхъ замыслахъ, быстро перешелъ Араксъ и явился подъ стѣнами Эчміадзина, защищаемаго горстію Русскихъ, — въ которомъ находился также Нерсесъ. Аббасъ-Мирза требовалъ сдачи. Дружина героевъ отвѣчала: *не сдадимся*. Онъ сулилъ золото и пышные дары — ему отрывисто отвѣчали: *Русскіе себя не продаютъ*. Блеснулъ день битвы Абаранской, и Эчміадзинъ былъ освобожденъ.

Когда, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, предъ знаменами Николая, какъ будто при звукахъ трубъ Израильскихъ подъ Ерихономъ, пали стѣны Эриванскія, — пали безъ защиты, потому что сердца Армянъ передали ихъ Русскимъ, вѣковымъ друзьямъ своимъ, — генераль Красовскій назначенъ былъ начальникомъ новопокоренной побѣдоноснымъ оружіемъ земли, а Нерсесъ членомъ временнаго правленія, положившаго первыя начала образованію новой Армянской области. Архіепископъ дѣйствовалъ съ обыкновенною своею неутомимостію на пользу общую, не щадя трудовъ.

Для содѣйствія архіепископу, въ великомъ дѣлѣ слитія Армянъ Персидскихъ съ Державою Русскою, былъ вызванъ Паскевичемъ полковникъ Лазаревъ, членъ фамиліи, уже давно съ блескомъ поддерживающей въ Россіи имя сыновъ Гайканскихъ. Армяне, одушевленные этимъ и внимая гласу Нерсеса, на крыльяхъ любви и усердія, сильнѣе прежняго полетѣли къ полкамъ Русскимъ, и оказывали важнѣйшія услуги, не по расчету какихъ-либо предположеній, но по влеченію того душевнаго порыва, который выше всѣхъ расчетовъ челоуческихъ. Наконецъ, Эриванскій подошелъ къ Таврису, посреди котораго находилась слобода Армянская. Едва Армяне увидѣли развѣвающіяся вдали знамена Русскія, едва услышали привѣтливыя голоса нашихъ воиновъ, какъ, съ крестнымъ ходомъ и съ умиленными сердцами, устремились на встрѣчу къ своимъ братьямъ-христіанамъ. Слезы ихъ мѣшались съ громкими восклицаніями: «Да здравствуетъ Николай! Да здравствуютъ Русскіе воины!» Руки и сердца ихъ предлагали нашимъ полкамъ все приношенія радушнаго гостепрѣимства. Лазаревъ былъ сдѣланъ комендантомъ въ столицѣ Аддербиджана.

Вѣсть объ этомъ и воззванія Нерсеса оказывали необыкновенныя дѣйствія. Армяне, со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Таврисъ, съ неимовѣрнымъ, безусловнымъ самоотверженіемъ, отдавая себя подъ высокую десницу Николая, желая жить и умереть подъ Пресвѣтлою Его Державою.

Смирился шахъ. Начались переговоры въ Дей-Карганѣ. Лазаревъ былъ сдѣланъ тамъ комендантомъ главной квартиры, и, казалось, что туда стремились всѣ души, всѣ мысли, всѣ желанія Армянъ. Они изъявили готовность свою переселиться въ наши области, и просили Паскевича дать на это дозволеніе.

Архіепископъ Нерсесъ, неуспынно продолжая молитву Провидѣніе объ обновленіи бытія Арменіи подъ могущественнымъ покровомъ Россіи, изъ пламеннаго усердія, чтобы дѣло это увѣчалось достойнымъ успѣхомъ, отправилъ въ Дей-Карганъ епископа Стефана съ архимандритомъ. «Утверждайте,» говорилъ ревностный архипастырь Армянъ, «утверждайте нашихъ родовичей, нашихъ братьевъ въ благословенномъ ихъ подвигѣ. Самъ Богъ за насъ вступается! Оружіе Россіянъ есть оружіе креста. Въ переговорахъ съ сынами Россіи мы слышимъ призывный голосъ Всемогущаго, располагающаго по волѣ своей судьбою царствъ и народовъ. Вѣщайте! вѣщайте имъ: *днесъ аще гласъ его услышите, не ожесточите сердцецъ вашихъ!*»

Наконецъ былъ подписанъ славный Туркманчайскій договоръ, — исполнились радостныя надежды Армянъ, увѣчалась архипастырскіе труды Нерсеса. Эчмиадзинъ, — святыня послѣдователей Св. Григорія, — присоединенъ къ Державѣ Николая. Россійскій Императоръ сталъ *Государемъ Армянскимъ*, и Гайканамъ дозволено пріютиться подъ сѣнь орла двуглаваго.

Паскевичъ просилъ архіепископа Нерсеса своимъ свѣдѣніями и совѣтами способствовать успѣху такого переселенія. Это исполнилось. Вліаніемъ Нерсеса, — вмѣстѣ съ содѣйствіемъ католика и ревностными трудами полковника Лазарева, — Армяне, съ довѣренностію и истиннымъ усердіемъ, и даже съ пожертвованіями, покинули родину, дома, сады и поля обработанныя, и переселились въ Россію въ числѣ болѣе 8,000 семействъ, что, — при положеніи

по пяти душъ на семейство, — составляетъ до сорока тысячъ человѣкъ. Такое значительное переселеніе трудолюбивыхъ Армянъ, какъ полагали знающіе люди, сдѣлало Персидскому правительству ущерба въ однихъ казенныхъ доходахъ до четырехъ куруровъ или до 32 милліоновъ рублей ассигнаціями.

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ, — всегда прекрасно цѣнившій труды на пользу своего царства, всегда щедрый на награды за истинныя заслуги, — засвидѣтельствовалъ подвиги Нерсеса Всемилостивѣйшимъ причисленіемъ архіепископа къ ордену Св. Александра Невскаго слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

«Преосвященный Нерсесъ, Архіепископъ Армянскій! Съ давняго времени, и при многихъ случаяхъ, вы оказывали отличную приверженность вашу къ Россіи; въ особенности же, въ нынѣшнюю войну съ Персіянами, коей благоприятное окончаніе, какъ Я надѣюсь, скорѣ должно послѣдовать, вы приняли дѣятельнѣйшее при войскахъ Нашихъ участіе, подвергаясь даже личной опасности. Командиръ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генераль-Адъютантъ Паскевичъ неоднократно доносилъ Мнѣ о такихъ похвальныхъ подвигахъ вашихъ, изъясняя, что, во все продолженіе военныхъ дѣйствій, вы ознаменовали себя особеннымъ усердіемъ къ пользамъ Россіи, постоянно сохраняя въ народѣ Армянскомъ пріязненное къ Намъ расположеніе, не токмо благоразумными совѣтами и внушеніями, но и личнымъ своимъ примѣромъ.

«Въ ознаменованіе столь полезныхъ услугъ вашихъ, и въ знакъ особеннаго Моего благоволенія ко всему Армянскому народу, Я призналъ справедливымъ сопричислить васъ къ *ордену Св. Александра Невскаго*, коего знаки при семъ къ вамъ препровождаю, пребываю вамъ благоклоннымъ.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

«НИКОЛАЙ.»

С. Петербургъ,
25-го января 1828 года.

По окончаніи войны съ Персією возгорѣлась война съ Портою и Архіепископу Провидѣніе открыло поле дѣйствій на другомъ краю обширной Россіи, но также для блага Гайканскаго народа. Въ Бессарабіи и вообще областяхъ, сопредѣльныхъ съ театромъ начинавшихся военныхъ дѣйствій въ Европѣ, обитаетъ много Армянъ, а не задолго предъ тѣмъ скончался тамошній архіепископъ Григорій. Государь Императоръ, обращая Высочайшее вниманіе на бывшую его епархію и, изъ многихъ обстоятельствъ и доводовъ, признавая, что верховный патріархъ всей Арменіи, по сану и вліянію, есть глава Армянской націи и что духовная власть въ католикоствѣ и въ поставляемыхъ отъ него епархіальныхъ архіепископахъ и намѣстникахъ ихъ сохраняетъ благоустройство въ паствѣ и при томъ даетъ ей направленіе къ общепользнымъ видамъ, Высочайше повелѣлъ, въ апрѣлѣ 1828 года *), пригласить на сиротствовавшую кафедру архіепископа Нересеа, считая это полезнымъ, «сколько по доказанной преданности и заслугамъ, столько же по опытности и знанію края» Высочайше посвященнымъ. Но, если бы здоровье и лѣта Архипастыря, равно надобности по управленію епархіею и соображенія главнокомандовавшаго въ томъ бы ему воспренятствовали, тогда Государь повелѣлъ: съ разрѣшенія патріарха, отправить въ Бессарабію другаго савовника — способнаго, пользующагося довѣріемъ, знающаго страну и Турецко-Армянскій языкъ.

Вотъ отношеніе, написанное по этому случаю, шефомъ жандармовъ къ архіепископу Нересу, отъ 13-го апрѣля 1828 года, за № 48-мъ **):

«Настоящее положеніе Армянъ, во всѣхъ владѣніяхъ обрѣтающихся, обращаетъ на себя благотворное вниманіе Всемилостивѣйшаго нашего Государя Императора. Высочайшая воля, въ особенномъ покровительствѣ всего Армянскаго племени, имѣетъ единымъ основаніемъ и главною цѣлю, чтобы народъ сей пользовался благосостояніемъ во всѣхъ

*) Отношеніе шефа жандармовъ къ графу Паскевичу отъ 13-го апрѣля 1828 г., № 47. (Собраніе актовъ, относящихся къ Обозрѣнію исторіи Армянскаго народа, ч. I, стр. 283—284).

***) То же собраніе, ч. I, стр. 282—283.

странахъ, повиновался властямъ, и чтобы преданностію къ Россіи, не нарушая общаго спокойствія, не подвергалъ себя тяжкому игу злополучія. Въ семъ благодѣтельномъ намѣреніи, Его Императорское Величество соизволилъ, чтобы я обратился къ Вашему Высокопреосвященству, съ приглашеніемъ васъ къ нужнымъ, со стороны вашей, по Епархіи въ Бессарабіи и сопредѣльныхъ ей областяхъ обитающихъ Армянъ, распоряженіемъ, которыя, по опытности вашей и по усердію къ единовѣрному племени, вы признаете къ тому удобнѣйшими.

«Изъ прилагаемой при семъ копіи съ отношенія моего къ Верховному Патріарху всея Арменіи, вы, Преосвященнѣйшій Владыко! усмотрѣть изволите, что и онъ приглашается къ содѣйствію о благоденствіи Армянскаго народа, болѣе столѣтія оказывающаго приверженность къ Россійской Имперіи.

«Для предстоящаго предмета весьма полезно было бы, если здоровье и дѣла ваши дозволили вамъ прибыть въ Бессарабію, гдѣ бы я имѣлъ честь и удовольствіе лично познаться съ вами, толико достойнѣйшимъ и уважаемымъ Архипастыремъ. Но, въ случаѣ невозможности, благоволите распорядиться, чтобы былъ нынѣ отправленъ способнѣйшій и знающій край духовный савовникъ, пользующійся довѣріемъ въ народѣ и могущій содѣйствовать въ видахъ благоустройства. Для большей ясности сего отношенія, при семъ переводъ на Армянскомъ языкѣ.»

Въ упомянутомъ отношеніи къ патріарху Ефрему *), сказавъ предварительно, что «испытанная преданность всего Армянскаго племени ко Всероссійскому Императорскому Престолу всегда обращала на себя особенное вниманіе Россійскихъ Монарховъ», и что Императоръ Николай «неоднократно удостоивалъ сей народъ Высочайшаго Своего благоволенія за отличную приверженность его къ Россіи, особенно же въ продолженіе послѣдней войны съ Персією имъ оказанную», — генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ повторилъ и здѣсь, съ Высочайшаго соизволенія, — что свя-

*) Отъ 13-го апрѣля 1828 г., № 49. То же собраніе актовъ, ч. I, стр. 279—281.

щенная воля Монарха *въ особенномъ покровительствѣ всѣхъ Армянъ* основана была «на той благотворно-спасительной цѣли, чтобы народъ сей всегда пользовался благосостояніемъ во всѣхъ странахъ, повиновался законнымъ властямъ и чтобы преданностію къ Россіи, не нарушая общаго спокойствія, не подвергалъ себя гоненіямъ и злополучію.»

«Вамъ, Святѣйшій Патріархъ, — продолжалъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, — какъ Верховному Архипастырю всего Армянскаго народа, наивысше предлежитъ содѣйствовать зависящими распоряженіями, для достиженія благотворительной цѣли Всемилостивѣйшаго Государа Императора нашего къ улучшенію и упроченію жребія отъ Бога вѣренной вамъ паствы Христовой. А по сему необходимо избрать изъ духовныхъ лицъ, подъ главнымъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, отличнѣйшихъ способностями и пользующихся уваженіемъ для соучастія въ доставленіи Гайканскому племени, въ Бессарабіи и сопредѣльныхъ областяхъ обрѣтающемуся, вожделѣннаго благоденствія. Первоначально нужно, на мѣсто въ недавнемъ времени скончавшагося Архіепископа Григорія, управлявшаго Эпархіею обитающихъ въ Бессарабіи Армянъ, отправить туда нынѣ же другаго Архіепископа или намѣстника, по усмотрѣнію Вашего Святѣйшества, но съ тѣмъ, чтобы сей сановникъ былъ избранъ изъ способнѣйшихъ Духовныхъ особъ, достойный всеобщей довѣренности, который могъ бы споспѣшествовать въ цѣли благоустроенія по примѣру покойныхъ Патріарха Іосифа, Князя Аргутинскаго-Долгорукова, Архіепископовъ Григорія и Тифлискаго Іоаннеса, а также и вынѣшняго Армянскаго въ Грузіи Архіепископа Нерсеса, *обратившаго на себя особое Высочайшее благоволеніе Государа Императора.* Весьма полезно, если бы Преосвященный Нерсесъ въ силахъ и въ возможности былъ, съ разрѣшенія Вашего Святѣйшества, прибыть въ Бессарабію, возложивъ, по довѣрію, всѣ дѣла, на время отлучки своей, другому способному намѣстнику.

«Изъ сего начертанія моего, — заключалъ Александръ Христофоровичъ, — вы, Святѣйшій Патріархъ, можете быть удостовѣрены, сколь милостиво расположенъ Государь Императоръ къ народу Армянскому и сколь желаетъ продолжать къ нему Всемилостивѣйшее Свое благоволеніе, въ той

увѣренности, что приверженная къ Россійской Имперіи нація непоколебимо сохранитъ преданность свою къ Высочайшему Престолу.»

Паскевичъ, съ своей стороны, увѣдомляя католикоса Ефрема о Монаршей волѣ, между прочимъ, писалъ *): «Уважая преданность Преосвященнаго Нерсеса къ Россійскому Престолу, заслуги имъ оказанныя и опытность его въ дѣлахъ Армянской націи, я, съ своей стороны, признаю отправленіе сего Архипастыря въ Бессарабскую область полезнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ имѣть власть и вліяніе не только на живущихъ въ Бессарабіи Армянъ, но и на находящихся въ прочихъ Турецкихъ провинціяхъ, кои будутъ заняты Россійскимъ оружіемъ. Побуждаясь таковыми причинами, я отношусь къ Вашему Святѣйшеству со всепокорнѣйшею моею просьбою предложить Архіепископу Нерсесу приглашеніе его въ Бессарабію, и объ отзывѣ его почтить меня увѣдомленіемъ.»

Нерсесъ нисколько не колебался. Онъ тотчасъ оставилъ свою родину, и полетѣлъ на служеніе своей прародительской Церкви и своему новому Отечеству на указанномъ ему поприщѣ.

Нерсесъ переѣхалъ Кавказъ въ 1828 году. Съ тѣхъ поръ оставался онъ на югѣ Имперіи въ теченіе 15-ти лѣтъ, хотя, еще въ слѣдующемъ году, патріархъ Ефремъ желалъ его возвращенія въ Грузію; но въ Высочайшей грамотѣ на имя католикоса, отъ 12-го марта 1829 года, Государь признавалъ присутствіе Архіепископа необходимымъ въ Бессарабіи и Россіи **).

Находясь въ Кишиневѣ, Нерсесъ продолжалъ содѣйствовать великому дѣлу *собиранія* разсѣянныхъ Армянъ подъ мощную руку Владыки Россіи. Посредствомъ своихъ сношеній, какъ съ Армянами Европейской Турціи, такъ и съ обитателями Востока, онъ много содѣйствовалъ переселенію ихъ изъ Оттоманскихъ владѣній послѣ Адрианопольскаго мира.

*) Отношеніе отъ 17 мая 1828, за № 47. *Тотъ же Сборникъ*, ч. III, стр. 377—378.

**) *Тотъ же Сборникъ*, I, стр. 56.

Армяне, проживающіе въ Индіи, были также увѣдомлены Нерсесомъ, что древняя Армения, Нахичеванское и Эриванское ханства и первопрестольный Эчмиадзинскій монастырь приобрѣтены побѣдоноснымъ оружіемъ и присоединены къ Россіи. Событіе это праздновано въ странѣ Ганга и Гималая всѣми сословіями съ живѣйшею радостію. Въ храмахъ церемоніально совершалась Божественная литургія съ колѣнопреклоненнымъ молебствіемъ о здравіи, долготѣи и благоденствіи спасителя и Царя Арменіи, Государя Императора Николая Павловича и всего Августѣйшаго Россійско-Императорскаго Дома. Присоединеніе Арменіи къ могущественной Россіи невыразимо обрадовало всѣхъ обитавшихъ въ Индіи Армянъ, которые, въ порывахъ патріотическаго усердія, именовали Монарха Николая своимъ Государемъ, и надѣялись, со временемъ, особенно богатые, водвориться съ семействами и имуществами своими въ Православной Имперіи, куда призывала ихъ привязанность къ древнему Эчмиадзину и приснопамятному Арарату. Агенты Великобританіи разсѣвали разные слухи, чтобы поколебать Армянъ въ такихъ намѣреніяхъ и болѣе привлечь въ свои владѣнія, но эти средства могли смущать только временно, и большіе торговые дома рѣшительно помышляли объ устройствѣ и окончаніи дѣлъ своихъ въ Индіи, чтобы прійти въ возможность удалиться оттуда и водвориться въ своей отчизнѣ.

Имя Нерсеса тамъ славили, какъ главнаго участника великаго дѣла. Въ книгахъ, напечатанныхъ тогда въ Калькутской Армянской типографіи, помѣщались статьи, сообщенныя Высокопреосвященнымъ и Лазаревыми, о благоденствіи Гайганскаго народа подъ скипетромъ Государей Русскихъ.

Сохраняемъ письмо по этому случаю одного изъ первыхъ тамошнихъ капиталистовъ, Іосифа Іоаннова Амархана, жившаго въ городѣ Смаранѣ, который, по полученіи воззваній Нерсеса къ Армянскому обществу въ Индіи, изъявилъ желаніе прибыть въ Россію и даровать своимъ единоплеменникамъ, обитающимъ въ Арменіи, капиталы для упроченія ихъ благосостоянія.

«Отличныя качества души вашей, особенно любовь къ отечеству, созрѣлая мудрость въ долговременныхъ опытахъ и великія услуги, оказанныя вами нашему народу, давно восхищали сердца наши въ сей отдаленной странѣ, — пи-

саль Амарханъ, отъ 20-го октября 1829 года. — ...Исполненный живѣйшаго благоговѣнія предъ священою особою вашею, я давно горѣлъ желаніемъ письменно изъявить вамъ чувствованія моего сердца; но, къ сожалѣнію, до сего времени не находилъ удобнаго случая. Нынѣ отношеніе Вашего Высокопреосвященства къ Армянскимъ обществамъ, находящимся въ Индіи, исполнило мое желаніе, — отношеніе, въ которомъ ко всеобщему удовольствію всей націи подробно описано нынѣшнее счастливое состояніе любезнѣйшаго намъ отечества. Таковыя пріятныя извѣстія весьма обрадовали насъ; мы гораздо блаженнѣе нашихъ предковъ: ибо удостоились узрѣть освобожденіе дражайшей родины. И такъ священнѣйшею обязанностію почитаемъ излить глубочайшія чувствованія вѣчной признательности нашей къ Монарху Всероссійскому, великодушному избавителю древняго нашего отечества. Народъ Армянскій никогда не перестанетъ возсылать теплыя молитвы къ Богу о здравіи и о долгоденствіи добродѣтельнаго Императора, Великаго Николая, Который первый изъ Вѣнценосцевъ даровалъ имъ миръ и свободу въ Араратской странѣ.

«Преосвященнѣйшій Владыко! Я получилъ изъ города Кизляра отъ нѣкотораго соплеменника, ученаго и почтеннаго мужа, по имени Георгія Мельхиседека Хубова, письмо и вмѣстѣ родословную мою исторію, составленную имъ самимъ; но какъ онъ не имѣлъ для сего достаточныхъ свѣдѣній, то я, присовокупивъ подробныя и точныя свѣдѣнія касательно состоянія и должностей, занимаемыхъ моими предками во все время пребыванія ихъ въ Персіи и Арменіи, послалъ ему оныя для пополненія. При семъ имѣю честь препроводить также къ Вашему Высокопреосвященству на разсмотрѣніе сіи мои замѣчанія и прошу чрезъ Васъ г-на Хубова, чтобы онъ, по засвидѣтельствованіи моею націи и по утвержденіи отъ Правительства, собралъ достовѣрныя извѣстія о происхожденіи моемъ изъ первой старѣйшей фамиліи и о подвигахъ моихъ предковъ, и доставилъ бы мнѣ оныя въ скоромъ времени; ибо я въ слѣдующій 1830 годъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, намѣренъ отправиться съ товарами, на собственныхъ своихъ корабляхъ, въ Голландію, по необходимымъ дѣламъ, которыя имѣю съ Голландскимъ Королемъ. По окончаніи же моихъ надобностей, снарядивъ корабли

обратно въ Индію и испрося у Голландскаго Короля рекомендательное письмо, прїѣду въ Россію и буду имѣть счастье представиться Его Императорскому Величеству; оттуда же отправлюсь въ Арменію, а изъ Арменіи прямо въ Индію. Такимъ образомъ, когда случай будетъ благопріятствовать симъ моимъ предпріятіямъ, то я въ состояніи найдусь, хотя отчасти, доставить утѣшеніе своимъ соотечественникамъ, особенно тѣмъ, кои въ тѣсномъ положеніи.

«Почему и прошу Ваше Высокопреосвященство принять на себя трудъ содѣйствовать къ скорому исполненію и утвержденію вышеупомянутыхъ извѣстій и доставить оныя брату моему Амирханъ—Іоаннесу—Амирхану въ Басру, а онъ немедленно отправитъ ко мнѣ на корабли, и какъ я желаю привести тѣ свѣдѣнія съ собою въ Европу, то прошу написать сіе сочиненіе на Армянскомъ и на Русскомъ языкахъ.

«Еще убѣждаю Ваше Высокопреосвященство сообщить мнѣ вкратцѣ о родѣ жизни, о числѣ, о состояніи Армянъ, обитающихъ въ Имперіи, Грузіи и Арменіи.

«Увѣряю Васъ, Милостивый Архипастырь, что я, по милосердію Божію, не имѣю здѣсь никакого недостатка. При добромъ имени и при общемъ уваженіи, коимъ я пользуюсь, судьба наградила меня значительнымъ богатствомъ. Земли, корабли, зданія,—все въ довольномъ количествѣ; но всѣ сіи роскошные дары Фортуны не доставляютъ мнѣ утѣшенія, когда воспоминаю о жребіи возлюбленнаго моего отечества и о бѣдствующихъ моихъ нѣкоторыхъ единоземцахъ. По сей причинѣ горю желаніемъ жертвовать отъ избытковъ моихъ на пользу и на облегченіе участи соотечественниковъ. Если предположенія мои совершатся, то я съ семействомъ и съ достояніемъ своимъ, въ капиталахъ заключающимся, прїѣду въ Арменію, опредѣлю во благо своихъ соплеменниковъ изъ остальныхъ имѣній столько, что они могутъ принести въ годъ дохода 4 или 5 лакъ рупій (что по курсу составитъ 500,000 рублей), какъ при жизни моей, такъ и по смерти; ибо одно только помѣстье мое приноситъ въ большомъ количествѣ сахаръ и кофе, не говоря о другихъ земляхъ, которыя ежегодно доставляютъ большой доходъ. Благодаря Бога, я веду здѣсь жизнь равную владѣтелю; одна только любовь къ отечеству сокру-

шаетъ меня: надѣюсь, что Всевышній совершитъ мои добрыя намѣренія.

«Впрочемъ я во всемъ препоручаю себя вашему благоразсмотрѣнію; готовъ послѣдовать совѣтамъ вашимъ и исполнить все вами на меня возлагаемое.»

Письмо это было доложено Государю Императору, и Его Величество Всемилостивѣйше изволилъ отозваться: «пусть онъ прїѣдетъ сюда, а свѣдѣнія, имъ требуемыя, Я ему дамъ, когда его увижу.»

Въ началѣ 1830 года, Государь Императоръ находя, что, по умножившемуся числу обитающихъ во внутренности Имперіи и особенно въ Нахичевани, Григоріополѣ, Карасу-Базарѣ и другихъ городахъ Новороссіи и Бессарабіи Армянъ, — для удобности въ ихъ духовномъ управленіи недостаточно уже одного бывшаго до того епархіальнаго начальства въ Астрахани, Высочайшимъ указомъ, 23-го апрѣля, повелѣлъ: учредить новую Армянскую епархію, подъ наименованіемъ Нахичеванской и Бессарабской, включивъ въ нее всѣ церкви этого исповѣданія, находящіяся въ С. Петербургѣ, Москвѣ, въ губерніяхъ Новороссійскихъ и области Бессарабской.

Для управленія этою новою и, по многимъ отношеніямъ, первенствующею въ Россіи Армянскою епархіею, Государь соизволилъ, тогда же, избрать Нерсеса, какъ «болѣе всѣхъ другихъ Армянскихъ Архипастырей Его Величеству извѣстнаго по усердію къ Престолу и по важнымъ заслугамъ, Россіи оказаннымъ» *).

Мирно текли въ Кишиневѣ дни Архипастыря, горячо преданнаго пользамъ своей паствы.

Народное просвѣщеніе и здѣсь нашло ревностнаго покровителя въ Нерсесѣ.

Въ Кишиневѣ и Нахичеванѣ на Дону существовавшія уже училища для Армянъ, неутомимыми трудами и неусыпностію Архіепископа, получили полное возрожденіе. Кругъ ихъ дѣйствій расширился; число воспитанниковъ возрасло; пре-

*) Отношеніе главноуправлявшаго духовными дѣлами иновѣрныхъ исповѣданій, отъ 30-го апрѣля 1830 года, за № 797. Выше упомянутое *Собраніе актовъ*, I, 289—290.

подаваніе улучшилось; средства къ содержанію увеличились; между прочимъ, фамилія Лазаревыхъ на это пожертвовала особый капиталъ.

Но память его подвиговъ, но призвательность къ его трудамъ на пользу народа и Церкви, не ограничиваясь предѣлами его пребыванія, жили неизгладимо въ сердцахъ всѣхъ его соотечественниковъ. Едва, въ 1842 году, разнеслась вѣсть объ избраніи главы Армянской Церкви, какъ имя Нерсеса раздалось, изъ всѣхъ устъ, повсюду: отъ береговъ Ганга до береговъ Невы, отъ Карпата до Иммауса. Всѣ Армяне повторяли въ одинъ голосъ, что «пока Нерсесъ живъ, некого другаго избирать въ преемники Св. Григорію, на Престоль Верховнаго Патріарха Католикоса.»

При описаніи этого избранія, — торжественнаго выраженія Гайканскимъ народомъ своихъ чувствъ къ Нерсесу, — мы войдемъ въ подробности, которыя не могутъ быть не любопытными.

Немедленно по кончинѣ патріарха Іоаннеса, Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ, принявъ мѣры къ сохраненію какъ находившихся у него бумагъ, касавшихся дѣлъ управленія и Церкви, такъ и бывшаго въ его вѣдѣніи церковнаго имущества *), донесъ о томъ высшему начальству, съ испрашиваніемъ распоряженія относительно выбора новаго патріарха католикоса.

По установленному въ Высочайше утвержденномъ Положеніи порядку **), при упраздненіи престола верховнаго патріарха католикоса, поставляется въ обязанность Эчміадзинскому Синоду разослать о томъ извѣстительныя грамматы во всѣ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ предѣловъ ея находящіяся Армяно-Григоріанскія епархіи, съ приглашеніемъ депутатовъ къ избранію новаго патріарха. Каждой Армяно-Григоріанской епархіи предоставлено право отправлять отъ себя двухъ депутатовъ: духовнаго и свѣтскаго. Депутатъ духовный долженъ быть или самъ начальникъ епархіи, или назначенный имъ собственно для того духовный сановникъ. Депутатъ свѣтскій долженъ быть избранъ всѣми меликами,

*) *Положеніе Армяно-Григоріанской Церкви*, гл. II, § 32.

**) Гл. II, §§ 12—15.

юз-башами и прочими почетными свѣтскими членами Армяно-Григоріанской Церкви, которые могутъ имѣть на то право по древнимъ обычаямъ Церкви и народа Армянскаго. Срокъ къ прибытію депутатовъ на избирательное собраніе въ Эчміадзинъ, назначенъ годичный. Въ случаѣ невозможности избраннымъ депутатомъ явиться лично къ установленному сроку, предоставлено имъ право объявлять письменно свои мнѣнія, доставляя отзывы свои въ Эчміадзинскій Синодъ. Сверхъ того, обще съ собравшимися депутатами, въ избраніи верховнаго патріарха католикоса дано право участвовать всѣмъ членамъ Эчміадзинскаго Синода, и семи старшимъ изъ находящихся въ то время въ Эчміадзинѣ епископовъ, число которыхъ, въ случаѣ недостатка, должно быть пополняемо старшими тамошними архимандритами.

Такъ и предписано было дѣйствовать Эчміадзинскому Синоду.

Въ слѣдствіе того, извѣстительныя о кончинѣ патріарха католикоса грамматы были посланы немедленно отъ Синода ко всѣмъ епархіальнымъ архіепископамъ Армяно-Григоріанской Церкви, какъ въ Россіи, такъ равно въ Турціи и въ Персіи. Срокъ къ прибытію приглашаемыхъ съ тѣмъ вмѣстѣ депутатовъ на избраніе новаго католикоса, или къ доставленію отъ нихъ письменныхъ отзывовъ въ Синодъ, согласно установленію, назначенъ былъ въ мартѣ 1843 года. Самое же избраніе предположено было произвести, вслѣдъ за тѣмъ, непосредственно послѣ праздника Пасхи.

Предлагаемъ, въ точномъ переводѣ, грамматы, посланныя отъ Синода къ Армянскому Константинопольскому патріарху и къ свѣтскимъ членамъ Армяно-Григоріанской Церкви въ Константинополь.

Вотъ грамота къ патріарху:

«Высокопочтенному Армянскому Патріарху великаго и Богомъ хранимаго града Константинополя, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Аствапатуру, истинному чаду Святой Армянской Церкви и Патріаршаго Престола Эчміадзинскаго: радоваться во Христѣ!

«Братія Св. Первопрестольнаго Монастыря Эчміадзинскаго, по минованіи бѣдственнаго времени прежняго здѣсь владычества и съ наступленіемъ Богомъ благословеннаго настоя-

щаго Правительства, пользуясь совершеннымъ благоденствіемъ и полнымъ благополучіемъ во всемъ, наконецъ испытали горькую чашу печали. Угодно было неисповѣдимому Всевышнему Промыслу поразить сердца наши горестію, отозвать въ вѣчность Главу Святой Церкви нашей, и оставить сиротами насъ, погруженныхъ въ глубокую скорбь сѣтованія. Верховный Патріархъ Католикосъ Іоаннесъ, въ продолженіе десяти-лѣтняго достославнаго управленія своего посохомъ Патріаршества всѣхъ Армянъ, яко достойный женихъ Святыя нашей Церкви по долгу и обязанности истиннаго Пастыря, исполнивъ всѣ нужды и потребности ввѣренной въ управленіе его словесной Паствы Христовой и утвердивъ въ Святомъ Престолѣ семь надлежащій порядокъ по внутреннему и вѣшнему благоустройству онаго, среди такихъ великихъ подвиговъ на поприщѣ духовнаго служенія своего и при неусыпномъ стремленіи къ разнообразнымъ попеченіямъ о благѣ и благолѣпіи Святой Прародительской нашей Церкви, 26-го минувшаго марта, въ 7 часовъ по полудни, съ крѣпостію истиннаго Архипастыря и съ совершеннымъ спокойствіемъ души, какъ подобаеть достойному ученику истиннаго Учителя нашего Христа, окончивъ теченіе добродѣтельной своей жизни, воспарилъ къ Небесамъ водвориться въ селеніяхъ горнихъ и присоединиться къ лику Того, Котораго столь достойно управлялъ на землѣ Престоломъ.

«Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ, съ прискорбіемъ сообщая Вашему Высокопреосвященству о семь горестномъ событіи и о упраздненіи мѣста Верховнаго Патріарха Католикоса, возсылаеть, обще со всею смиренною Братіею Святаго и Великаго Престола сего, теплыя молитвы къ Всевышнему Творцу, дабы благодатію Его Гайканскій народъ, любезновѣрные чада Первопрестольной Соборной Церкви Эчміадзинской, по множеству грѣховъ нашихъ разсѣянной по лицу Земнаго Шара, соединясь въ единую душу благочестія, кротости и согласія, потщился избрать изъ среды Духовенства Церкви нашей достойнѣйшаго преемника Святому Священномученику Григорію, просвѣтителю душъ нашихъ, для управленія Церкви Христовой и Патріаршаго всѣхъ Армянъ Престола, согласно ученію Св. Евангелія и правиламъ послѣдовавшихъ оному Св. Отцевъ, и дабы из-

бранный такимъ образомъ глава Святой нашей Церкви, мудрымъ управленіемъ духовными дѣлами оной, вполне оправдалъ достойный выборъ благомыслящихъ избирателей своихъ, въ похвалу націи и во славу всего Христіанства.

«Въ семь благомъ намѣреніи, Эчміадзинскій Синодъ вмѣняетъ себѣ въ священную обязанность пригласить Ваше Высокопреосвященство, яко достойнѣйшаго Архипастыря благочестивой и великой Паствы Христовой любезныхъ собратьевъ нашихъ Армянъ въ Турціи, учинить съ своей стороны по предмету сему слѣдующія распоряженія:

«1) Ваше Высокопреосвященство, по полученіи сей извѣстительной грамматы, въ первый за тѣмъ воскресный день благоволите, пригласивъ въ соборную церковь Богомъ охраняемаго великаго града Константинополя, духовенство и мірянъ, управленію Вашему ввѣренныхъ, совершить прежде Святую Литургію соборатъ, а потомъ Панихиду по усопшемъ Католикосѣ всѣхъ Армянъ Іоаннесѣ, по обряду Святой Церкви нашей, съ повѣщеніемъ Армянъ о семь печальномъ событіи приличною рѣчью; а вслѣдъ за тѣмъ не оставите послать отъ себя немедленно въ церкви и монастыри подвѣдомственныхъ Вашему Высокопреосвященству Армянскихъ епархій повелѣнія, дабы тѣмъ же порядкомъ совершены были въ оныхъ Святая Литургія и Панихида по преставившемся главѣ Армяно-Григоріанской Церкви.

«2) Ваше Высокопреосвященство, примите попеченіе вмѣстѣ съ тѣмъ поставитъ въ обязанность начальникамъ всѣхъ подвѣдомственныхъ Вамъ Армянскихъ Епархій въ Турціи, Архіепископамъ, Епископамъ и Архимандритамъ, назначить изъ каждой Епархія, для избранія новаго Патріарха, двухъ Депутатовъ, Духовнаго и Свѣтскаго, съ тѣмъ, чтобы Духовный Депутатъ былъ или самъ Начальникъ Епархія, или тотъ, кого онъ для сего назначить, при письменномъ отзывѣ, изъ достойнѣйшихъ Сановниковъ своего Духовенства; Свѣтскаго же предоставитъ избрать изъ среды себя высокопочтеннымъ Амирамъ, почтеннымъ Аснаф-Башамъ, честнѣйшимъ Церковнымъ Попечителямъ, благочестивымъ и трудолюбивымъ Юзь-Башамъ или Кейямъ и прочимъ почетнымъ членамъ Армяно-Григоріанской Церкви, кои могутъ имѣть на то право по древнему нашей Церкви обычаю: которые, вмѣстѣ съ Депутатами отъ Духовенства, имѣютъ прибыть

въ Эчміадзинскій Престоль въ мартѣ будущаго 1843 года, гдѣ, въ Соборномъ Храмѣ Св. Григорія Просвѣтителя нашего, имѣеть производиться самое избраніе Верховнаго Католикоса съ точнымъ соблюденіемъ установленныхъ Святою Церковью нашею для сего обрядовъ.

«Сверхъ сего, Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ за особенно-пріятнѣйшую обязанность вмѣняетъ себѣ пригласить Васъ, достойнѣйшаго Архипастыря, дабы Ваше Высокопреосвященство, среди обширныхъ непрерывныхъ заботъ Вашихъ въ пользу вѣрноподданнаго Вашему паствы Христовой, принявъ на себя трудъ для сей національной общепользительной надобности, или лично прибыли въ Эчміадзинъ къ назначенному сроку украсить лестнымъ присутствіемъ Вашимъ торжество всеобщаго избранія новаго Патріарха, или же, въ случаѣ невозможности исполнить это лично, благоволили прислать вмѣсто себя Депутата изъ состоящихъ при васъ Духовныхъ Сановниковъ. Что же касается до Свѣтскаго Депутата со стороны Армянъ города Константинополя, то Ваше Высокопреосвященство благоволите предложить почтенному сословію Армянъ того города избрать изъ среды себя одного изъ высокопочтенныхъ Амировъ или Аснаф-Башей, который тоже имѣеть прибыть къ назначенному сроку въ Эчміадзинъ. Причемъ Синодъ обязывается Ваше Высокопреосвященство поставить въ извѣстность, что избираться имѣющие для сего по Армянскимъ Епархіямъ въ Турціи Депутаты, въ случаѣ невозможности явиться въ монастырь Эчміадзинскій къ предначинанному для выбора Патріарха сроку, имѣють право объявить письменно свое мнѣніе о томъ, кого находятъ изъ Духовенства нашей Церкви достойнѣйшимъ высокаго сана Патріарха Католикоса всѣхъ Армянъ, доставляя сіи отзывы заблаговременно въ Эчміадзинскій Синодъ, и что по прибытіи, въ мартѣ 1843 года, Депутатовъ и по полученіи отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подобныхъ отзывовъ, избраніе Патріарха воспослѣдуетъ установленнымъ порядкомъ, непосредственно послѣ праздника Св. Пасхи въ помянутомъ году.

«Наконецъ, Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ исполнѣна надѣется, что Ваше Высокопреосвященство, по долгу обязанности почетнѣйшаго Члена Святой Прародительской Церкви нашей и высокому званію достойнѣйшаго Ар-

хипастыря, соблаговолите приложить со стороны Вашей надлежащее попеченіе, съ общаго совѣщанія съ высокопочтенными Амирами и прочимъ почетнымъ Богомъ благословеннымъ сословіемъ Армянъ города Константинополя, коимъ вмѣстѣ съ симъ посылается особая извѣстительная грамота, и прочихъ мѣстъ въ Турціи, содѣйствовать сему общепользительному, по существу своему, важнѣйшему дѣлу: въ томъ справедливомъ вниманіи, что отъ достойнаго выбора Главы Святой нашей Церкви зависитъ будущее благоденствіе оной и многовѣковаго Патріаршаго всѣхъ Армянъ Престола. Какое же учинено будетъ со стороны Вашей по сему распоряженію, благоволите доставить о томъ въ возможной скорости въ Синодъ увѣдомленіе.»

Подобная грамота была послана и въ Іерусалимъ, съ надписью: «Высокостепенному Намѣстнику Армянскаго Патріарха Св. Престола Іерусалимскаго, Высокопреосвященному Архіепископу Погосу, достойнѣйшему Архипастырю, и мудрымъ Преосвященнымъ Членамъ Совѣта о управленіи дѣлами Іерусалимскаго Патріаршаго Престола» *). Тоже содержаніе имѣли и грамоты, посланныя къ архіепископамъ Персидскимъ.

Къ свѣтскому обществу Армянъ Константинопольскихъ отправлена была слѣдующая грамота **).

«Высокопочтеннымъ Амирамъ, почетнымъ Аснаф-Башамъ, честнѣйшимъ Церковнымъ Попечителямъ и всему благочестивому сословію почетныхъ Армянъ Богомъ благословеннаго великаго града Константинополя радоваться во Христѣ!»

«Многовѣковый Первопрестольный Соборъ Эчміадзинскій, свѣтозарный Храмъ и Престоль Просвѣтителя нашего, Свя-

*) Въ то время Іерусалимскимъ патріаршескимъ престоломъ управлялъ намѣстникъ Захарій, именовавшійся уже и патріархомъ, но еще не получившій посвященія. Между тѣмъ былъ живъ еще патріархъ, архіепископъ Погосъ (Павель), уклонившійся отъ управленія по престарѣлости.

**) Свѣтское общество Армянъ въ Константинополѣ имѣеть весьма важное вліяніе на дѣла духовныя. Многіе изъ мірянъ закупаютъ тамъ въ Совѣтѣ Патріарха, который называется «Лонджа»

щенномученика и славнаго Патріарха Св. Григорія Великаго, по стеченію разныхъ обстоятельствъ сего міра, подвергаясь различнымъ переворотамъ, наконецъ по минованіи бывшихъ бѣдствій и водвореніи въ краѣ семъ тишины и спокойствія, въ продолженіе Патріаршества Верховнаго Католикоса всѣхъ Армянъ Іоаннеса долго наслаждался совершеннымъ благоденствіемъ и полнымъ благополучіемъ по всѣмъ отношеніямъ. Судьбы Всевышняго неисповѣдимы! Благому Промыслу Предвѣчнаго угодно было отозвать въ вѣчность Главу Святой Церкви всего Гайканскаго народа. Достойнѣйшій Верховный Патріархъ Католикосъ Іоаннесъ, по достославномъ управленіи посохомъ Патріаршества всѣхъ Армянъ и водвореніи въ Святомъ Престолѣ семъ должнаго порядка по внутреннему и внѣшнему благоустройству онаго въ теченіе болѣе десяти лѣтъ своего Пастырства, наконецъ, волею Божіею, 26-го минувшаго марта, окончивъ теченіе добродѣтельной жизни своей, прешель водвориться въ селеніяхъ горныхъ и приобщиться къ лику Того, Коего столь достойно управлялъ на землѣ Престоломъ.

«Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ, съ прискорбіемъ сообщая вамъ, благочестивымъ и высокопочтеннымъ вѣрнымъ чадамъ Отца нашего Св. Григорія, Просвѣтителя Арменіи, о семъ печальномъ событіи и о упраздненіи мѣста Верховнаго Патріарха Католикоса, возсылаетъ, обще со всею смиренною Братіею Святаго Великаго Престола сего, теплыя молитвы къ Творцу Всевышнему, дабы благодатию Его Гайканскій народъ, вѣрные чада Первопрестольной Церкви Эчміадзинской, по множеству грѣховъ нашихъ разсѣянной по лицу Земнаго Шара, соединясь въ единую душу благочестія, кротости и согласія, потщился избрать, изъ среды Духовенства Церкви нашей, достойнѣйшаго преемника Св. Священномученику Григорію, Просвѣтителю душъ нашихъ, для управленія Церкви Христовой и Патріаршаго Престола, согласно ученію Св. Евангелія и правиламъ послѣдовавшихъ оному Святыхъ Отцевъ, и дабы избранный такимъ образомъ Глава Святой Церкви нашей, мудрымъ управленіемъ духовными дѣлами оной, въ полной мѣрѣ оправдалъ достойный выборъ благомыслящихъ избирателей своихъ, въ похвалу націи и во славу всего Христіанства.

«Въ сихъ чувствованіяхъ, Эчміадзинскій Синодъ священ-

нымъ долгомъ поставляетъ себѣ пригласить васъ, высокопочтенныхъ и вѣрныхъ чадъ матери нашей Первопрестольной Церкви Эчміадзинской, избрать изъ среды васъ, обитателей Богомъ хранимой великой столицы Константинополя, одного достойнѣйшаго Депутата, котораго и отправить въ Эчміадзинъ, къ марту мѣсяцу будущаго 1843 года, гдѣ, въ Соборномъ Храмѣ Св. Григорія Просвѣтителя нашего, Священномученика и достойнѣйшаго Патріарха, имѣетъ производиться самое избраніе Католикоса, съ точнымъ соблюденіемъ установленныхъ Церковью нашею для сего обрядовъ. Причемъ означенный Синодъ извѣщаетъ васъ, любезныхъ и Богомъ благословенныхъ чадъ Святыя Церкви нашей, что если по должности, по разстоянію мѣста жительства вашего, по трудности пути, или по какимъ—либо инымъ непредвидимымъ случаямъ, избранный вами Депутатъ встрѣтитъ невозможность лично прибыть въ Эчміадзинъ къ назначенному для выбора новаго Патріарха сроку, то онъ имѣетъ право объявить письменно мнѣніе свое о томъ, кого онъ находитъ изъ Духовенства нашей Церкви достойнѣйшимъ высокаго сана Патріарха Католикоса всѣхъ Армянъ, съ тѣмъ, чтобы доставить подобный отзывъ заблаговременно въ Эчміадзинскій Синодъ. Къ сему присовокупляетъ, что, по прибытіи, въ мартѣ 1843 года, изъ всѣхъ мѣстъ Депутатовъ и по полученіи отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ письменныхъ отзывовъ, избраніе Патріарха воспослѣдуетъ, установленнымъ порядкомъ, непосредственно послѣ праздника Св. Пасхи въ помянутомъ году.

«Эчміадзинскій Армяно-Григоріанскій Синодъ, вмѣняя себѣ въ пріятнѣйшую обязанность поставить васъ, почтенныхъ Членовъ Святой Прародительской Церкви нашей, въ извѣстность, что о всемъ вышеписанномъ, а также относительно назначенія отъ другихъ Армянскихъ Епархій въ Турціи Депутатовъ, Духовныхъ и Свѣтскихъ, подробно сообщено Высокопочтенному Армянскому Патріарху Константинопольскому, Великому Архіепископу Аствацатуру, приглашаетъ васъ къ участию въ семъ національномъ священномъ дѣлѣ, въ полномъ упованіи, что вы, высокопочтенные Амиры, почтенные Аснаф-Баши, Церковные Попечители и все почетное сословіе Армянъ Константинопольскихъ, яко почетнѣйшіе члены Святой Церкви нашей, по надлежащемъ

совѣщаніи съ Его Высокопреосвященствомъ, достойнѣйшимъ Архипастыремъ вашимъ, будучи движимы любовію и усердіемъ къ Святой нашей Церкви и постоянно руководимые чувствомъ примѣрнаго усердія истинныхъ чадъ ея, каковое чувство составляетъ и составляло всегда одно изъ главнѣйшихъ благихъ качествъ душъ вашихъ, потщитесь единодушіемъ и кроткимъ согласіемъ содѣйствовать многовѣковому Патріаршему Престолу Эчміадзинскому въ семь столь важнымъ общеплезнымъ дѣлѣ, въ похвалу Націи и во славу лучезарнаго и чудотворнаго Храма Сошествія Единороднаго Сына, истинной матери вашей по духу. О послѣдующемъ же не оставьте доставить въ Синодъ почтеннѣйшій отзывъ вашъ, въ возможной скорости.

«Въ заключеніе всего, Эчміадзинскій Синодъ, обще со всею смиренною Братією Святаго Престола сего, возсылая ко Всевышнему Богу усерднѣйшія молитвы и призывая на васъ благословеніе Небесъ, проситъ отъ неисчерпаемыхъ щедротъ Предвѣчнаго Небеснаго Отца даровать вамъ, почетнѣйшимъ Членамъ Святой Церкви своей, высокопочтеннымъ Амирамъ, почтеннымъ Аснаф-Башамъ, честнѣйшимъ Церковнымъ Попечителямъ и всему благочестивому Армянскому Народу, въ Турціи обитающему, долгоденствіе до глубокой старости. Да украситъ Всевышній путь жизни вашей цвѣтами добродѣтелей, и, содѣлавъ васъ всѣхъ достойными чадами своими, даруетъ вамъ всякіе успѣхи во всѣхъ благихъ намѣреніяхъ вашихъ, сохраняя васъ въ должномъ повиновеніи къ законнымъ властямъ и въ миролюбивомъ согласіи, при истинномъ благочестіи и всѣхъ христіанскихъ и гражданскихъ добродѣтеляхъ! Молимъ паки Всевышняго, силою и предстательствомъ Святаго Животворящаго Копія*), десницы Святаго Угодника Священномученика Григорія, и всѣхъ Святыхъ въ обители сей почиющихъ, да осынятъ васъ благодатію Святаго Духа и да предохранитъ отъ всѣхъ искушеній видимыхъ и невидимыхъ враговъ по душѣ и по плоти! Аминь.»

*) Разумѣется копіе, которымъ прободенъ былъ Исусъ Христосъ на крестѣ, сохраняющееся, по вѣрованію Армянъ, въ Эчміадзинѣ. Оно употребляется при торжественномъ посвященіи патріарха католикоса.

Точно такая же грамота отправлена была и къ Армянамъ Индійскимъ, принадлежащимъ къ епархіи Исаганскаго архіепископа въ Персіи.

По полученіи грамотъ въ Константинополь, патріархъ Константинопольскій, обвѣстивъ о содержаніи ихъ всѣмъ подчиненнымъ ему епархіямъ въ Турціи, созвалъ потомъ у себя собраніе изъ почетнѣйшихъ духовныхъ и свѣтскихъ Армянъ своей паствы, на которомъ, по единодушному согласію, положено было отвѣтствовать Эчміадзинскому Синоду, что члены Армяно-Григоріанской Церкви въ Константинополь обязуются безпрекословно признавать верховнымъ патріархомъ-католикосомъ всѣхъ Армянъ того, кто будетъ избранъ въ Эчміадзинѣ. Извѣстительное о томъ посланіе, за подписью и печатью Константинопольскаго патріарха, поручено было доставить въ Эчміадзинъ Кесарійскому архимандриту Петру, отправлявшемуся туда для посвященія въ санъ епископскій*). Точно такой же отвѣтъ былъ посланъ

*) Вотъ точный переводъ отвѣтнаго посланія Константинопольскаго патріарха Эчміадзинскому Синоду, отъ 23-го декабря 1842 года:

«Изъ двухъ грамотъ Вашихъ узнали мы, съ сокрушеннымъ сердцемъ, о кончаніи, случившейся 26-го марта нынѣшняго (1842) года, Блаженнаго Католикоса всѣхъ Армянъ, Владыки Иоаннеса, который, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, совершеннымъ попеченіемъ о духовной своей паствѣ, по лучезарной мѣтѣ Святыхъ Апостоловъ и избранныхъ Святыхъ Отцевъ, оказалъ себя достойнымъ преемникомъ Просвѣтителя нашихъ душъ, всеблаженнаго Св. Григорія, и удостоился нынѣ лика Святыхъ.»

«По содержанію оныхъ грамотъ, приглашающихъ насъ участвовать въ избраніи и сообщающихъ намъ, что торжественное избраніе Патріарха отложено до 1843 года, послѣ Свѣтлаго Праздника Пасхи, мы съ нашей стороны созвали, 17-го ноября нынѣшняго года, въ патріаршее пребываніе наше всѣхъ живущихъ въ здѣшней столицѣ почетныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, Епископовъ, Монаховъ, Священниковъ, Вельможъ и Старшинъ всѣхъ Сословій.»

«По сообщеніи оному многочисленному собранію помянутыхъ грамотъ Вашихъ, мы единогласно положили отвѣтствовать Вамъ, за подписью и печатью каждаго изъ насъ, слѣдующее:

«Поелику Соборъ, составленный изъ Васъ, Преосвященныхъ Архіепископовъ, омытея въ дѣлѣ избранія достойнаго на санъ

въ Эчмиадзинѣ изъ Иерусалима. Равнымъ образомъ и въ прочихъ епархіяхъ Армянскихъ въ Турціи изъявлено было безпрекословное согласіе на выборъ, имѣющій совершиться въ Эчмиадзинѣ: о чемъ архіепископъ Брусскій и Текирдагскій уведомили Синодъ особыми посланіями. Въ Персіи, согласно съ содержаніемъ полученныхъ грамматъ, произведены были выборы депутатовъ для личнаго отправленія въ Эчмиадзинъ къ назначенному сроку, отъ обѣихъ тамошнихъ епархій, Испаганской и Тавризской.

Наступилъ, наконецъ, срокъ, положенный для торжественнаго избранія главы Армянской Церкви. Депутаты, избранные отъ епархій, большею частію лично явились въ Эчмиадзинъ. Тѣ, которые не могли прибыть сами, прислали отъ себя, по установленію, письменные отзывы *)).

Пзбирательное собраніе открылось 15-го апрѣля 1843 года, въ четвертокъ свѣтлаго праздника Пасхи, и продолжало свои дѣйствія въ теченіе трехъ дней, включительно до

Иерарха всѣхъ Армянъ и на управленіе Св. Эчмиадзиномъ, свѣтомъ всѣхъ церквей Армянскихъ, то мы совершенно будемъ согласны и станемъ признавать достойнымъ Патріархомъ и Католикосомъ того, кого изберетъ въ сей санъ помянутый Соборъ Архіепископовъ, составленный изъ Вашихъ Высокопреосвященствъ.

«Мы возложили на Архимандрита Петра Кесарійскаго представить Вамъ лично сіе письменное наше согласіе.»

Подписано: «Архіепископъ Аствацатуръ, Патріархъ Константинопольскій.»

*) Такіе отзывы присланы были отъ депутатовъ Испаганской епархій, которые не могли прибыть лично въ Эчмиадзинъ за внезапно случившеюся болѣзнью одного изъ нихъ. Письменно жъ отзывались въ Синодъ, безъ назначенія депутатовъ: духовенство Карабахской епархій въ Россіи и свѣтское общество Армянъ въ Индіи. Изъ епархій Нахичеванской и Бессарабской, вмѣсто личнаго отправленія депутатовъ, доставлены были также письменные отзывы: отъ духовенства, чрезъ епархіальнаго архіепископа, прямо въ Синодъ; а отъ свѣтскихъ Армянскихъ обществъ въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ, принадлежащихъ къ той епархій, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

17-го апрѣля. Оно состояло изъ двадцати шести духовныхъ и свѣтскихъ особъ, которые были слѣдующіе:

А. Члены Армяно - Григоріанскаго Эчмиадзинскаго Синода:

1. Архіепископъ Василій (Парсегъ) Кесарійскій, наместникъ Эчмиадзинскаго Монастыря, первенствующій въ Собраніи по старшинству и первенству между членами Синода.

2. Архіепископъ Іосифъ Вегаетіанъ, великій ризничій Эчмиадзинскій.

3. Архіепископъ Лука (Гукасъ) Аракацуни, великій казначей Эчмиадзинскій.

4. Архіепископъ Стефанъ Араратьянъ.

5. Архимандритъ Филиппъ (Пилипосъ) Арамянцъ.

6. Архимандритъ Исаакъ Сатульянъ.

7. Архимандритъ Австикъ Цагикьянъ.

8. Архимандритъ Іаковъ Маркарьянъ.

Б. Изъ братіи Эчмиадзинскаго Первопрестольнаго Монастыря:

9. Архіепископъ Георгій (Кеворкъ) Сисакьянъ (бывшій Татевскій).

10. Епископъ Георгій (Кеворкъ) Вегаетьянъ.

11. Епископъ Никита (Макартичъ).

12. Епископъ Исаакъ Тер-Григорьянъ.

13. Епископъ Іоаннесъ Шахатуньянъ.

14. Епископъ Стефанъ Тер-Карапетьянъ.

15. Епископъ Павелъ (Погосъ) Тер-Григорьянъ.

В. Депутаты епархій:

а) Грузино-Имеретинской:

16. Епископъ Георгій (Кеворкъ) Тер-Давыдянъ.

17. Чиновникъ 12-го класса Давидъ Тамамшевъ.

б) Астраханской:

18. Епископъ Василій (Парсегъ).

19. Багдасаръ Баласановъ.

в) Эриванской:

20. Архієпископъ Стефанъ Аргутинскій—Долгорукій.

21. Парсегъ Горганьянъ.

г) Ширванской:

22. Архимандритъ Захарій.

23. Томасъ Ованнесовъ Айвазовъ.

д) Карабахской *):

24. Прапорщикъ Беграмъ—Бегъ Меликъ Шах—Назаровъ.

е) Тавризской:

25. Архимандритъ Симеонъ **).

Г. Представитель Константинопольскаго патріарха:

26. Архимандритъ Петръ Никопольскій, избранный епископъ.

Въ первый день, 15-го апрѣля, въ 9¹/₂ часовъ утра, всѣ избиратели, духовные и свѣтскіе, собравшись въ патріаршей залѣ, отправились въ соборный храмъ Сочествія Единороднаго Сына, предшествуемые первенствующимъ членомъ Синода и Собранія, архієпископомъ Василиемъ. Шествіе происходило, по учрежденному церемоніалу, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди, по правую сторону—члены Эчміадзинскаго Синода и семь епископовъ изъ Эчміадзинской братіи, по два въ рядъ; по лѣвую—духовные депутаты отъ епархій, также по два въ рядъ, слѣдуя порядку носимаго сана и старшинству посвященія въ санъ; за ними, всѣ свѣтскіе депутаты отъ епархій, опять по два жъ въ рядъ. По прибытіи во храмъ, совершена была Божественная Литургія, и потомъ молебствіе о здравіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Всероссийскаго. Затѣмъ,

*) Отъ духовенства епархій Карабахской, какъ уже было замѣчено, присланъ былъ письменный отзывъ.

**) Архимандритъ Симеонъ имѣлъ у себя полномочіе и отъ свѣтскаго общества Армянъ Тавризской епархій.

первенствующій архієпископъ Василій произнесъ къ Собранію привѣтственную рѣчь, и, пригласивъ духовныхъ членовъ Собранія къ достойному исполненію предлагаемаго имъ долга по обязанности ихъ сана, отъ свѣтскихъ депутатовъ принялъ присягу, по установленной формѣ.

Въ слѣдующій день, 16-го апрѣля, избиратели собрались въ соборный храмъ, также въ 9¹/₂ часовъ утра, и приступили къ самому избранію. Въ храмѣ, передъ главнымъ алтаремъ Сочествія Единороднаго Сына, устроенъ былъ столъ съ поставленными посреди крестомъ и Евангеліемъ, вокругъ котораго избиратели заняли мѣста, по чину: по правую сторону—духовные; по лѣвую—свѣтскіе. По совершеніи молитвословія, предписываемаго въ такихъ случаяхъ чиномъ Армянской Церкви, первенствующій членъ, архієпископъ Василій произнесъ опять слово, въ которомъ убѣждалъ Собраніе обратить все должное вниманіе на предстоящее великое дѣло, и, отложивъ всякое пристрастіе къ лицамъ, имѣть въ виду единственно то, что отъ достойнаго выбора верховнаго патріарха католикоса зависитъ будущее благосостояніе Прародительской Армянской Церкви и Эчміадзинскаго Первосвященническаго всѣхъ Армянъ Престола; при чемъ не оставилъ, отъ лица всей Церкви Армянской и всего народа Гайканскаго, излить чувства живѣйшей благодарности къ Августѣйшему Монарху, дарующему способы совершить столь великое народное дѣло, во всей сообразности съ древними обычаями и постановленіями, по чистой совѣсти и свободному убѣжденію избранныхъ представителей народа и Церкви. Прокуроръ Синода, занимавшій мѣсто за особымъ столомъ, прочелъ потомъ предложеніе объ открытіи Собранія. Тогда архієпископъ Василій, какъ первенствовавшій, по приготовленному предварительно списку, провозгласилъ имена всѣхъ Армяно—Григоріанскихъ архієпископовъ, какъ въ Россіи, такъ и внѣ Россіи, и предоставилъ всякому избирателю предложить, кого изъ нихъ каждый признаетъ достойнымъ къ помѣщенію въ число первыхъ четырехъ кандидатовъ на престолъ верховнаго патріарха, изъ которыхъ въ послѣдствіи, по установленному порядку, должно было произвестъ окончательное избраніе двухъ, законныхъ положеніемъ, кандидатовъ. По соображеніи голосовъ, поданныхъ отъ наличныхъ избирателей, съ пись-

менными отзывами отсутствующихъ, оказалось, что четырьмя первыми кандидатами были избраны:

1. *Нерсесъ*, епархіальный архіепископъ Нахичеванскій и Бессарабскій: всѣми 26-ю голосами наличныхъ избирателей и всѣми письменными отзывами отсутствующихъ.

2. *Захарій*, патріархъ Іерусалимскій: 17-ю голосами наличныхъ избирателей, противъ 9-ти неизбирательныхъ.

3. *Поюсъ*, епархіальный архіепископъ Смирнскій: 11-ю голосами наличныхъ избирателей, противъ 15-ти неизбирательныхъ.

4. *Каранетъ*, бывший патріархъ Константинопольскій: 3-мя избирательными голосами, при 23-хъ неизбирательныхъ.

Наконецъ, на третій день, 17-го апрѣля, по созершеніи Литургіи и обычномъ молитвословіи, приступлено было къ окончательному избранію, изъ четырехъ, — по выраженію Собранія, — «достойныхъ», двухъ «достойнѣйшихъ» кандидатовъ. Результатъ оказался тотъ же самый. Снова избраны были:

1. *Нерсесъ*, архіепископъ Нахичеванскій и Бессарабскій, единогласно.

2. *Захарій*, патріархъ Іерусалимскій, 17-ю избирательными голосами, противъ 9-ти неизбирательныхъ *).

Затѣмъ, по установленному порядку, составленъ былъ въ тоже засѣданіе особый актъ совершившагося избранія, въ двухъ экземплярахъ, которые тогда же были подписаны всѣми членами избирательнаго собранія и скрѣплены секретаремъ Синода. Съ тѣмъ вмѣстѣ, также по установленію, собраніе избрало изъ среды своей депутацію для представленія главноуправляющему Закавказскимъ Краемъ, какъ мѣстному высшему начальнику, избирательныхъ списковъ и акта избранія, въ подлинникахъ. Въ эту депутацію были из-

*) Изъ письменныхъ отзывовъ отсутствующихъ избирателей не было ни одного въ пользу Захарія.

браны: изъ духовныхъ, депутатъ Астраханской епархіи епископъ Василій; изъ свѣтскихъ же, депутатъ Грузино-Имеретинской епархіи Давидъ Тамамшевъ и депутатъ Астраханской епархіи Багдасаръ Баласановъ. Депутаціи поручено было просить главноуправляющаго, отъ имени избирательнаго собранія, представить о избранныхъ кандидатахъ, чрезъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, на Высочайшее благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества.

Засѣданія собранія, происходившія въ присутствіи двухъ, нарочно отряженныхъ для того отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, чиновниковъ, ведены были въ тишинѣ, порядкѣ и торжественности, вполне соответствующихъ столь важному и святому дѣлу. Посѣтители, стекшіеся во множествѣ въ Эчміадзинъ ради Свѣтлаго Праздника Пасхи, въ сердечномъ умиленіи, прославляли милосердіе Провидѣнія и благословляли священное имя Государя Императора, десницей котораго событіе, всегда почти прежде служившее поводомъ къ бурному волненію страстей, къ жалкимъ кознямъ, а не рѣдко и къ кровавымъ смутамъ, превращено, наконецъ, въ истинное торжество народа и Церкви Армянской. По счастливому стеченію обстоятельствъ, день, въ который совершилось окончательно дѣйствіе избранія, былъ вмѣстѣ высокаторжественный день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, — нынѣ благополучно царствующаго возлюбленнаго Монарха нашего.

По всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ Бозѣ почивающей Государь Императоръ изъ двухъ представленныхъ кандидатовъ, Всемилостивѣйше изволилъ утвердить въ санѣ верховнаго патріарха Эчміадзинскаго, католикоса Гайканскаго народа — *Нерсеса*, какъ лица, котораго и всѣ присутствовавшіе и отсутствовавшіе избиратели, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, единодушно и единогласно признали достойнымъ высокаго сана главы своей Церкви.

Изложенныя свѣдѣнія о жизни Патріарха до этого памятнаго дня легко объясняютъ, какимъ образомъ могло случиться, что голоса избирателей, такъ разномысленныхъ въ отношеніи къ прочимъ лицамъ, соединились, или, лучше, слились въ одинъ голосъ на особѣ, находившейся въ отсутствіи, и которая потому не могла имѣть никакого не-

посредственнаго вліянія на избраніе. Иначе и быть не могло. Высокія качества ума и сердца Нерсеса, его отеческія попеченія о благоденствіи паствы и просвѣщеніи духовенства и, наконецъ, услуги Правительству, особенно въ Персидскую войну, оказанныя, — давно уже стяжали ему имя первосвященника, заслужили признательность Отечества и, что всего дороже, снискали общую неограниченную любовь народа.

Высокопресвященный былъ *сто тридцать пятымъ* *) въ ряду Армянскихъ первосвященниковъ, начинающемся Св. Григоріемъ Просвѣтителемъ, и пятымъ изъ восившихъ тоже имя **).

Новый католикосъ, прежде отправленія своего въ Эчміадзинъ для торжественнаго помазанія, вызванъ былъ, Высочайшею волею, въ С. Петербургъ, чтобы доставить ему счастье представиться Его Величеству и лично объяснить всѣ нужды его Церкви. Здѣсь, въ довершеніе всѣхъ заслуженныхъ имъ почестей, Нерсесъ V удостоился получить Высочайшую утвердительную граммату **), состоящую въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

*) *Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1843 г., № 9, 379; — по другому же исчисленію (тамъ же, 1856, № 10, 89) — *сто сороковой*.

**) Четыре Нерсеса возсѣдали до него на патриаршемъ престолѣ Арменіи, и всѣ были мужи достопамятные: Нерсесъ I (340—374), Святой и Великій; Нерсесъ II Аштаракскій (524—533), создатель монастыря при храмѣ Эчміадзинскомъ; Нерсесъ III Шиногъ, то есть основатель (640—661), возстановившій патриаршескій Армянскій престолъ послѣ нашествія Арабовъ; Нерсесъ IV Шноргали, то есть благодатный (1166—1173), знаменитый учитель Армянской Церкви, склонившійся къ соединенію съ Вселенскою Церковью.

***) Граммата написана съ взяннымъ великолѣпіемъ, вполне приличнымъ содержанию, на большомъ пергаментномъ листѣ, золотомъ. Вокругъ бордюра составлена изъ роскошной гирлянды, на которой расположены гербы, упоминаемые въ полномъ Высочайшемъ титулѣ: сверху, въ срединѣ, общій гербъ всей Имперіи, съ гербами внутри четырехъ царствъ; по бокамъ, гербы прочихъ княжествъ и областей; внизу, въ срединѣ, въ видѣ узла, связывающаго гирлянду, гербъ Области Армянской, въ которомъ изображаются: древняя корона Армянскихъ царей, Араратъ и Эчміадзинъ.

БОЖІЕЮ СПОСЫШЕСТВУЮЩЕЮ МІЛОСТІЮ
МЫ НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,
 ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,
 Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Польскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса Таврическаго, Государь Псковскій, Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогитскій, Бѣлостокскій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, Государь и Великій Князь Новагорода Низовскія Земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя Страны Повелитель, и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія Земли и Области Армянскія, Черкасскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдныи Государь и Обладатель, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ — Голштинскій, Стормарнскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій,
 и прочая, и прочая, и прочая.

«Да будетъ извѣстно всему Армянскому народу, что, внявъ единодушному желанію его, торжественно изъявленному въ Эчміадзинѣ въ 17 день Апрѣля сего 1843 года, Мы утверждаемъ Архіепископа Нерсеса въ санѣ Верховнаго Патриарха Эчміадзинскаго и Католикоса всѣхъ Армянъ, и да благословитъ Всевышній Верховнаго Патриарха на великое Господу служеніе, ко благу и спасенію всего любезнаго Намъ Гайканскаго народа.

«Дана въ Престольномъ Градѣ Святаго Петра въ лѣто отъ Рождества Христова 1843 августа въ 10-й день, Царствованія же Нашего въ осьмнадцатое.»

На подлинномъ начертано Собственною Его Императорскаго Величества рукою:

«**НИКОЛАЙ.**»

(М. П.)

Контрасигнировалъ: *Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Левъ Перовскій.*

Живѣйшій восторгъ возбудила во всемъ народѣ вѣсть объ этомъ избраніи и утвержденіи, особенно въ Армянахъ Закавказья, на которыхъ болѣе другихъ изливались попеченія и благодѣянія Патріарха, и которымъ, по этому, безспорно принадлежала честь считать себя у Престола Эчміадзинскаго первыми его дѣтьми. Они горѣли нетерпѣніемъ видѣть своего духовнаго отца, съ которымъ находились такъ долго въ разлукѣ; не было у нихъ другаго желанія, какъ только удостоиться еще получить его благословенія. Но Провидѣнію угодно было отдалить этотъ радостный срокъ.

Во время пребыванія въ С. Петербургѣ Господь посѣтилъ Патріарха долговременною и тяжкою болѣзнію. Сердца народа преисполнились скорбію, и только святое упованіе на благость Бога не позволяло ему предаваться отчаянію; въ это время дѣти уже молились за отца, и Господь, услышавъ молитвы ихъ, чудеснымъ исцѣленіемъ возвратилъ имъ любимаго пастыря. Но медленное возвращеніе къ здоровью, наступившая зима и, наконецъ, долговременное пребываніе въ Бессарабіи, гдѣ дѣла требовали личнаго присутствія Патріарха, замедлили пріѣздъ его въ Закавказскій край.

Между тѣмъ, въ это время, которое народъ, горѣвшій нетерпѣніемъ свиданія, полагалъ для себя невозвратно потеряннымъ, Архипастырь скромно, но быстро и прочно исполнилъ великій подвигъ, который могъ быть совершенъ только имъ однимъ, по неограниченному вліянію его на народъ: мы разумѣемъ присоединеніе вновь Константинопольскаго Патріаршаго Престола къ Эчміадзину. Въ 1844 году, получивъ извѣстительную грамоту Нерсеса о Высочайшемъ утвержденіи его въ санѣ Католикоса, Турецкіе Армяне, съ согласія Порты, составили торжественный актъ, которымъ, признавая Патріарха верховнымъ своимъ пастыремъ, положили поминать его въ Богослуженіи, обязались получать изъ Эчміадзина благословительныя грамоты и св. муро, и доставлять туда свои привошенія. Такимъ образомъ, подъ сѣнію Арарата, снова сосредоточилась и утвердилась древняя духовная власть Эчміадзинскаго Престола надъ всею Армянскою Церковью.

Въ слѣдующемъ году это возстановленіе поколебавшагося вліянія Эчміадзинскаго Патріарха увѣнчалось новымъ успѣхомъ. Неоднократные случаи обращенія заграничныхъ Армянъ къ Верховному Католикосу, какъ къ духовному главѣ своему, съ разными вопросами относительно Церкви и съ просьбою о покровительствѣ ея, показывали, — свидѣтельствовало Министръ Внутреннихъ Дѣлъ *), — что Эчміадзинскій престолъ пріобрѣлъ снова ту довѣренность и уваженіе, какими онъ нѣкогда пользовался между Армянами.

Потомство, предъ которымъ раскрыты будутъ все подробности этого подвига, воздастъ ему благодареніе и исторія впишетъ имя Нерсеса въ число великихъ патріарховъ Арменіи.

Наконецъ, въ декабрѣ 1845 года, Нерсесъ прибылъ въ Закавказье. Встрѣча, сдѣланная ему, лучше всего выразила чувства Армянъ.

Въ Тифлисѣ, около 10-го числа, получено было первое извѣстіе, что къ 8-му числу ожидаютъ Католикоса въ Ставрополь. Народъ, которому неизвѣстно было, сколько времени пробудетъ въ этомъ городѣ Патріархъ, и который полагалъ, что онъ посѣтитъ и Моздокъ, не ожидалъ пріѣзда его ранѣе 20-го числа; но, ко всеобщей радости, 17-го утромъ, какъ молнія пронеслась вѣсть о благополучномъ пріѣздѣ Нерсеса къ ночи 16-го числа въ Анапуръ. Въ одно мгновеніе лавки были заперты, дома брошены на попеченіе немощныхъ старцевъ и малолѣтнихъ, и всякъ, кто только былъ въ силахъ, побѣжалъ, а многіе изъ почетныхъ выѣхали на встрѣчу своему духовному отцу; такъ что вскорѣ все пространство, начиная отъ Армянской каедральной церкви, чрезъ весь городъ, предмѣстіе Веру до Дигомскаго поля и далѣе до Мцхета, закипѣло народомъ обоюга пола; а въ улицахъ, по коимъ слѣдовало проѣхать Патріарху, окна, балконы и крыши домовъ заняты были нестремными толпами; на лицѣ каждаго написана была свѣтлая радость и вмѣстѣ съ тѣмъ нетерпѣливое ожиданіе.

*) Всенподданѣйшій отчетъ за 1845 годъ, въ *Журналѣ Министрства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1846, № 12, 415.

Утромъ 18-го числа, въ Душетѣ встрѣтилъ Патріарха Грузино-Имеретинскій епархіальный начальникъ, архіепископъ Карапетъ, вмѣстѣ съ двумя епископами и такимъ же числомъ архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ, и, представивъ рапортъ о благосостояніи вѣренной ему епархіи, сопровождалъ Архипастыря до предмѣстья Веры, гдѣ приготовлены были патріаршій посохъ, хоругвь и карета, и гдѣ, по древнему обычаю, ожидали скороходы съ булавами и шталмейстеры съ двумя богато-убранными конями, имѣя на плечахъ золотомъ шитые чапراки *). Здѣсь Католикосъ былъ встрѣченъ начальникомъ гражданскаго управленія Закавказскимъ краемъ, генераль-лейтенантомъ Ладискимъ, командовавшимъ войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ генераль-лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ, директоромъ канцеляріи намѣстника Кавказскаго, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сафоновымъ и многими другими почетными лицами, и, осыпая благословіями народъ, жадно лобызавшій его руки, пересѣлъ въ патріаршую карету и ѣхалъ далѣе къ городу, въ сопровожденіи двухъ архимандритовъ, изъ коихъ одинъ несъ посохъ, а другой хоругвь; впереди процессіи шталмейстеры вели убранныхъ коней, а два скорохода шли по обѣимъ сторонамъ кареты.

Въ предмѣстьѣ Верѣ, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ графъ Бенкендорфъ и сынъ князя-намѣстника поздравили Патріарха съ благополучнымъ пріѣздомъ отъ имени князя Воронцова; въ четыре же часа по полудни, Нерсесъ прибылъ къ заставѣ, гдѣ былъ встрѣченъ управлявшимъ губерніею генераль-маіоромъ Жеребцовымъ и привѣтствованъ колокольнымъ звономъ со всѣхъ Армянскихъ церквей.

На Александровской площади Патріархъ, по выходѣ изъ кареты, былъ встрѣченъ духовенствомъ въ полномъ облаченіи, съ хоругвями, и принятъ подъ патріаршій балдахинъ, подъ коимъ продолжалъ шествіе къ кафедральной церкви,

*) Обычай этотъ остался, вѣроятно, съ прежнихъ временъ, когда Турецкіе султаны и Персидскіе шахи, при вступленіи патріарховъ на Эчміадзинскій престолъ, присылали имъ богато убранныхъ коней.

тѣмъ же порядкомъ, и, сверхъ того, одинъ изъ архимандритовъ несъ впереди его дарованную отъ Государя Императора грамоту въ зеленомъ бархатномъ портфелѣ. Трудно описать живѣйшій восторгъ народа, который слѣдовалъ за своимъ пастыремъ во все время шествія, и нетерпѣливое желаніе, съ какимъ каждый жаждалъ насладиться вблизи лицезрѣніемъ своего духовнаго отца и удостоиться его благословенія, почитая себя счастливымъ, если успѣвалъ хотя прикоснуться одежды его.

Весь путь отъ монастырской ограды, до сѣвернаго входа въ храмъ и внутри церкви до самаго алтаря, былъ устланъ коврами и златотканными парчами, называемыми *пандазъ*, по которымъ Патріархъ изволилъ войти въ церковь, при пѣніи хоромъ пѣвчихъ приличнаго на этотъ случай духовнаго гимна и, привѣтствовавъ святую церковь, занялъ приготовленный въ срединѣ храма патріаршій тронъ.

Тогда Архіепископъ Карапетъ произнесъ прекрасную, по высокимъ мыслямъ, рѣчь, въ которой, благословляя Царя царей, удостоившаго Армянъ этого радостнаго дня, просилъ Его о долгоденствіи и здравіи Государя Императора, даровавшаго Армяно-Григоріанской Церкви достойнѣйшаго главу. Послѣ этого самъ Патріархъ обратился къ паствѣ своей тоже съ умиленнымъ словомъ, которое, выразивъ сердечную радость свиданія, оканчивалось слѣдующими словами: «Много лѣтъ тому назадъ, бесѣдуя съ вами, дѣти мои, и уповая на благодать Господа, я предрѣкалъ вамъ: «сбудется и совершится»; но теперь съ душевнымъ удовольствіемъ могу сказать: «сбылось и совершилось». Монархъ, который неуспынно заботится о благоденствіи вашемъ, даровалъ вамъ нынѣ не временнаго начальника, а намѣстника своего, — отца, попечителя и благодѣтеля. Теперь вы счастливы, имѣя все это въ лицѣ князя Воронцова; но счастье ваше тогда только будетъ совершенно, когда общія молитвы ваши достигнутъ до Престола Вышняго и продлится нить драгоценной для насъ жизни его.»

По выходѣ Патріарха изъ церкви, духовенство прежнимъ же порядкомъ сопровождало его, по пандазу, до приготовленныхъ для него покоевъ въ оградѣ монастыря, куда послѣдовали за нимъ и всѣ почетныя лица, встрѣчавшія его за городомъ.

На другой день Католикось тоже принималъ у себя по-сѣтителей, и при этомъ отъ лица гражданъ была произнесена ему привѣтственная рѣчь питомцемъ его Тершмавоновымъ. Надобно было быть свидѣтелемъ, чтобы имѣть совершенное понятіе о томъ живѣйшемъ восторгѣ и умилительной радости, съ какими дѣти приходили въ объятія отца, и той любви, съ какою обнималъ ихъ отецъ; это высшая духовная любовь, невыразимая словами, но постигаемая только сердцемъ. Князь Михаилъ Семеновичъ и его супруга изволили также посѣтить Патріарха на другой день его прїѣзда *).

Черезъ четыре мѣсяца Нерсесъ отправился въ Эчміадзинъ, встрѣчаемый на пути съ тѣмъ же благоговѣйнымъ энтузіазмомъ.

Когда разнеслась въ Эривани вѣсть, что Патріархъ въѣхалъ въ эту провинцію, толпы народа бросились на встрѣчу по дорогѣ къ станціи Чубухлы, гдѣ онъ имѣлъ ночлегъ съ 6-го на 7-е мая. Поутру, послѣ труднаго пути около озера Гокча, гдѣ тогда еще лежали полуиставшіе, огромные сугробы снѣга, Высокостепенный приказалъ остановить экипажъ у деревни Цамокапертъ и пожелалъ переправиться на пустынную скалу, лежащую отъ берега въ двухъ съ половиною верстахъ, на которой находится древняя обитель Севангская. Переѣздъ былъ довольно затруднителенъ, потому что, кромѣ небольшого плота изъ нѣсколькихъ тонкихъ бревенъ, другаго перевоза на озерѣ вовсе нѣтъ. По благополучномъ возвращеніи, Патріархъ имѣлъ ночлегъ на станціи Элярской, въ 16-ти верстахъ отъ Эривани. Мѣстное начальство сопровождало архипастыря, вмѣстѣ съ многочисленными толпами народа, Армянъ и мусульманъ, по обычаю своему, производившими непрерывную стрѣльбу, сопровождавшуюся національною музыкою. Даже нѣсколько Русскихъ дамъ, верхами, въ нарядныхъ костюмахъ, выѣхали на встрѣчу высокому гостю за нѣсколько верстъ до станціи Элярской. 8-го числа, при въѣздѣ въ Эривань, почетные жители встрѣтили своего пастыря съ хлѣбомъ и солью.

*) *Кавказъ*, 1846, № 1.

Экипажи по улицамъ города подвигались впередъ очень медленно, потому что толпы народа, непрерывно останавливали поѣздъ, испрашивая благословенія Высокостепеннаго. У соборной церкви Патріархъ былъ встрѣченъ всѣми военными и гражданскими чинами, въ городѣ находившимися. Епархіальный архіепископъ Стефанъ, произнесъ на Армянскомъ языкѣ приличную настоящему случаю рѣчь, и въ самыхъ живыхъ выраженіяхъ поздравилъ Архипастыря съ благополучнымъ прибытіемъ. Нерсесъ произнесъ также приличное слово на Русскомъ языкѣ *).

Наконецъ, Патріархъ прибылъ въ Эчміадзинъ, наступило время священнаго муропомазанія.

8-го іюня звонили колокола, тысячи народа толпились вокругъ ограды монастырской, спѣшили войти въ обитель. Тамъ, отъ церковныхъ вратъ до внѣшнихъ дверей патріаршей палаты, по обѣимъ сторонамъ дороги, стоялъ сонмъ священнослужителей, въ богатыхъ, свѣтлыхъ ризахъ, съ крестами. Хоръ пѣвчихъ, прислужники съ хоругвями, крестами и факелами занимали середину. У дверей палаты находился богатый балдахинъ, поддерживаемый четырьмя діаконами, а передъ нимъ, златотканная занавѣсь, несомая двумя дьячками; четыре дьякона съ серебряными кадильницами ожидали появленія Католикоса. Процессію окружалъ баталіонъ Русскаго воинства, тысячи народа толпились за этой оградой; деревья монастырскаго двора и всѣ крыши окружающихъ зданій были усѣяны народомъ.

Вдругъ заиграла музыка, клиръ пѣвчихъ огласилъ воздухъ, отъ кадильницъ заструился ошміамъ, лучи заходящаго солнца, казалось, медлили угаснуть, не освѣтя еще разъ чела Архипастыря, и явился Нерсесъ, — облачился въ саккосъ, взялъ крестъ и посохъ. Процессія двинулась къ храму, при колокольномъ звонѣ и торжественномъ гимнѣ: «*Боже чудославный и присно-пекущійся...*» На церковной паперти, предъ большею колокольною, остановилась процессія и составила обширный кругъ священно-

*) *Кавказъ*, 1846, № 20.

служителей: 14 архіепископовъ и епископовъ, 50 архимандритовъ и монаховъ, 65 протоіереевъ и іереевъ и 50 діаконовъ.

Католикосъ прочиталъ псаломъ: «*Къ тебѣ, Боже, сущій на Небесахъ, поднялъ очи мои*» *), и отслужилъ вечерню и заутреню.

Стеченіе народа было необыкновенное. Если принять въ соображеніе дальность мѣста, уединенное его положеніе и что въ продолженіе года не болѣе бываетъ Богомольцевъ, какъ до 150 человекъ, то собравшееся тогда число, — до 8000 человекъ, — дѣйствительно было огромно. Однихъ Турецкихъ и Персидскихъ подданныхъ было болѣе 400 человекъ, и 200 изъ разныхъ городовъ Россіи; остальные же изъ Закавказья. По случаю торжества миропомазанія Патриарха, прибылъ въ Эчміадзинъ управлявшій Грузино-Имеретинскою губерніею, адъютантъ отъ г. главнокомандовавшаго, многіе чиновники и почетнѣйшіе гражданае города Тифлиса, съ депутатами, городскимъ главою, цеховыми знаменами и Тифлискими зурнами и барабанами.

На утро 9-го іюня, въ 8 часовъ, раздался благовѣстъ колоколовъ, называемыхъ тройчными, и сонмъ духовенства встрѣтилъ и проводилъ въ соборъ Католикоса, съ процессіею бывшею наканунѣ. Вся масса народа устремила къ храму, но, по необширности его, начальство распорядилось въпускомъ только по билетамъ, розданнымъ преимущественно прибывшимъ изъ отдаленныхъ мѣстъ. Всѣ окна храма были открыты и, по четыремъ его угламъ, поставлены огромные котлы, наполненные льдомъ.

Католикосъ, по вступленіи въ храмъ Эчміадзинскій, исповѣдался; потомъ, поддерживаемый двумя архимандритами, приблизился къ алтарю во имя Святыя Богородицы, предъ которымъ поставленъ былъ налож, окруженный четырьмя огромными подсвѣчниками, а на немъ — присяжный листъ, Евангеліе и Крестъ. Здѣсь Архипастырь произнесъ установ-

*) Псал. 122, гл. 1.

ленную присягу. По исполненіи этого обряда, онъ удалился въ ризницу и облачился въ первосвященническія ризы. Изъ ризницы, шествіе къ алтарю Св. Богородицы открывали два дьякона, поддерживавшіе златотканную занавѣсъ, потомъ четыре дьякона съ кадильницами, по сторонамъ свѣчечносцы, а за Католикосомъ архимандритъ съ посохомъ Первосвященника. Архипастырь, остановясь противъ алтаря, совершилъ умовеніе и тогда окружили его 12 архіепископовъ и епископовъ въ великолѣпномъ облаченіи, съ причетомъ всего духовенства. Архіепископы ввели Католикоса въ алтарь, гдѣ онъ читалъ молитву: *Яко Твоя сила и слава во вѣки вѣковъ, аминь*, предшествующую въ Армяно-Григоріанской Литургіи Херувимской пѣснѣ.

Между тѣмъ, на возвышеніи предъ алтаремъ, разостлали коверъ съ изображеніемъ бѣлаго одноглаваго орла *); Архипастырь, ступивъ на него, снялъ свою тиару, обратился лицомъ къ народу и, въ смиреніи, преклонивъ колѣна, простеръ свои руки къ небу, чтобы общими молитвами къ Пресвятому Духу сподобиться пріять, вмѣстѣ съ миропомазаніемъ, и обиліе Его благодати. Тогда архіепископы, въ продолженіе получаса, стали читать надъ колѣнопреклоненнымъ установленныя молитвы и, наконецъ, церемоніймейстеръ этого торжества, архіепископъ Карапетъ, съ одиннадцатью архіепископами и епископами, возложъ руки на главу Католикоса, единогласно читалъ съ ними молитву: *Мы полагаемъ руки наши на сего, вы же всѣ молитесь* **). При чтеніи Евангелія, Католикосъ возсталъ, и потомъ продолжалъ Литургію.

Когда же дошелъ до обряда лобзанія ***), то снова обратился лицомъ къ народу и снова палъ на колѣна. Ширван-

*) Древній гербъ Армянскихъ царей. Подобный коверъ подстилали подъ ноги Патриарху, всякій разъ при выходѣ его изъ олтаря, для совершенія имъ службы.

**) Молитва, читающаяся при помазаніи всѣхъ вообще священнодѣйствующихъ.

***) Обрядъ, совершаемый въ Армянской Церкви при служеніи каждой Литургіи. Тогда должны всѣ присутствующіе обнимать и цѣловать другъ друга.

скій епархіальный начальникъ, архіепископъ Матвей, въ сопровожденіи діаконовъ съ кадильницами, свѣчами и хоругвями, отправился къ Престолу Св. Іакова, взялъ серебрянаго голубя, заключавшаго въ себѣ Святой муръ, и съ пѣніемъ гимновъ, бряцаніемъ дисковъ, перенесъ къ олтарю Св. Богородицы и передалъ драгоценный, покрытый тканью сосудъ церемоніймейстеру. Архіепископъ Карапетъ поднялъ голубя надъ главою Помазываемаго, и сонмъ духовенства возгласилъ гимнъ: *посланнаго голубя* *). Архіепископы и епископы приступили къ совершенію таинства муропомазанія: при чтеніи молитвы: *да будетъ благословенъ, да будетъ помазанъ и да будетъ освященъ* **), возлили на главу Патріарха Святой муръ, и всѣ архипастыри помазали его большими перстами правыхъ рукъ.

Клиръ пѣвчихъ и причетъ духовенства возглашали гимны; серебряные диски, высоко блистая надъ сонмомъ священнодѣйствовавшихъ, торжественно гремѣли; тысячи предстоявшаго народа затаили дыханіе въ созерцаніи умиленной картины, когда маститый старецъ, глава Церкви и Первосвященникъ всего Армянскаго народа, колѣнопреклоненный, съ руками, сложенными крестомъ на груди, склоня главу, принималъ возліаніе священнаго елея; уста шептали молитвы, слезы умиленія перлами катились по лицу избраннаго Архипастыря и лучъ солнца, въ эту минуту, пробившись сквозь верхнее окно, какъ знаменіе Господней милости, радостно игралъ на челѣ его. Нѣтъ, слово не выразить величія и высокой торжественности этой картины!

Архіепископы, окончивъ обрядъ муропомазанія, покрыли главу Патріарха прозрачнымъ покровомъ ***) и по очереди подходили лобызать главу его. Архипастырь пребывалъ колѣнопреклоненнымъ болѣе получаса; наконецъ его по-

*) Псаломъ этотъ поется при празднованіи дня Св. Троицы.

**) Молитва, установленная для рукоположенія.

***) По Аристакису Ластивердскому видно, что Гайканскіе Патріархи всегда носили такое покрывало, когда являлись предъ своею паствою, и это былъ одинъ изъ символовъ ихъ сана.

садили на патріаршій тронъ, предъ алтаремъ, лицомъ къ народу.

Епископъ Іоаннесъ Шахатуновъ прочиталъ, на Армянскомъ языкѣ, поздравительную рѣчь. Архимандритъ Карапетъ Шахназаровъ — на Русскомъ. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ послѣдней рѣчи:

«Святѣйшій Патріархъ! Наконецъ исполнилось ожиданіе древней Арменіи, и Вы здѣсь приняли таинство муропомазанія отъ Св. Духа на первопрестольную просвѣтительную Армянскую кафедру! Мы же удостоились узрѣть Высокостепеннаго своего Патріарха помазаннымъ и обвѣнчаннымъ!

.....

«Патріархъ Святѣйшій, защита святости Вѣры, Патріархъ мудрѣйшій и истинный хранитель Церкви! Имя сіе есть для Арменіи — изліянный муръ, съ которымъ и надежды наши. Вы радуете Церковь, Вы одушевляете пастырей ея, Вы утѣшаете сердца вѣрующихъ и Вы расширяете путь добрыхъ дѣлъ!

.....

«Святѣйшій Патріархъ! Эта митра, что на главѣ Вашей — наша слава, но Вамъ — подвигъ. Этотъ жезлъ, что въ рукахъ Вашихъ — намъ покой, но Вамъ — бдѣніе. Сей амооръ, что на плечахъ Вашихъ — намъ огражденіе, но Вамъ — вооруженіе. Вся сія патріаршая утварь намъ утѣшеніе, но Вамъ — бремя!

«О! да изсохнутъ десницы наши, ежели не всегда будутъ подъяты къ Небесамъ съ жаромъ моленій нашихъ о Вашемъ долгоденствіи! О, прилипни языкъ нашъ къ гортани, ежели на что нибудь другое будетъ обращенъ, а не на подобныя моленья, и, на олтарѣ Господнемъ, которому самъ служитель, присно буду возжигать оиміамъ моленій моихъ о Первосвященникѣ нашемъ!

.....

«Наконецъ, возвысимъ гласъ теплыхъ молитвъ нашихъ къ Престолу Предвѣчнаго Бога и молимъ со слезами: Царь небесный, утверди Монаршій тронъ Благовѣрнѣйшаго и Всемиловитѣйшаго Императора Россійскаго и Царя Арменіи Николая I — Спасителя отечества нашего, вѣрнѣй-

шаго раба Твоего! Подай намъ долгоденственное, православное Царствованіе Его надъ нами, укрѣпи Его непоколебимо противъ всѣхъ враговъ нашихъ и храни Его съ Августѣйшимъ Семействомъ въ здравіи и благоденствіи!.....»

Послѣ произнесенія рѣчей, Патріархъ продолжалъ Литургію. По окончаніи службы, съ покрываломъ на головѣ, въ митрѣ, съ крестомъ и посохомъ, при пѣвѣи и куреніи еиміама, подъ балдахиномъ, вышелъ онъ изъ храма, въ сопровожденіи всего духовенства. При звонѣ всѣхъ колоколовъ и звукахъ военной музыки, остановясь предъ внѣшними дверями своей палаты, Высокостепенный благословилъ Царствующій Императорскій Домъ, народъ, Церковь Армянскую и всѣхъ присутствовавшихъ.

Удалившись въ свои покои, разоблачился и, не смотря на продолжительную церемонію, длившуюся съ 8-го по 12-ю часть, онъ вскорѣ снова вышелъ въ патріаршую тронную залу, гдѣ принималъ поздравленія отъ всѣхъ особъ и дамъ, присутствовавшихъ при торжественномъ обрядѣ. При этомъ архимандритъ Карапетъ Шахназаровъ читалъ рѣчи на Армянскомъ языкѣ, сочиненія Тиранскаго архимандрита изъ Кесаріи, доктора Мартируса Долгова, Исаака Саарунова; а Григорій Шахназаровъ, ученикъ Эриванскаго уѣзднаго училища, читалъ рѣчь на Русскомъ языкѣ, собственного сочиненія.

По кратковременномъ отдыхѣ, всѣ посѣтители и духовенство въ числѣ 250-ти особъ, собрались въ залахъ патріаршихъ къ обѣденному столу, а въ общей трапезѣ—1250 человекъ всѣхъ сословій и 450 нижнихъ воинскихъ чиновъ. Пиръ былъ роскошный, украшенный присутствіемъ виновника торжества и оживленъ его радушіемъ и пріятливостію; пировали какъ дѣти у добраго, любимаго отца! Патріархъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государа Императора и всей Августѣйшей Фамиліи, и залпъ ружей и крикъ ура! тысячей народа, отвѣтили этому тосту и далеко, до вершинъ священнаго Арарата, пронеслись громогласные клики ликовавшихъ. Управлявшій Грузино-Имеретинскою губерніею предложилъ второй тостъ за здравіе Патріарха, и всѣ, единогласно, отъ искренней души пожелали долгихъ дней мас-

титому, украшенному добродѣтелями Первосвященнику. Третій тостъ былъ возгласенъ за здравіе намѣстника Кавказскаго, и тѣ же чувства одушевили клики присутствовавшихъ.

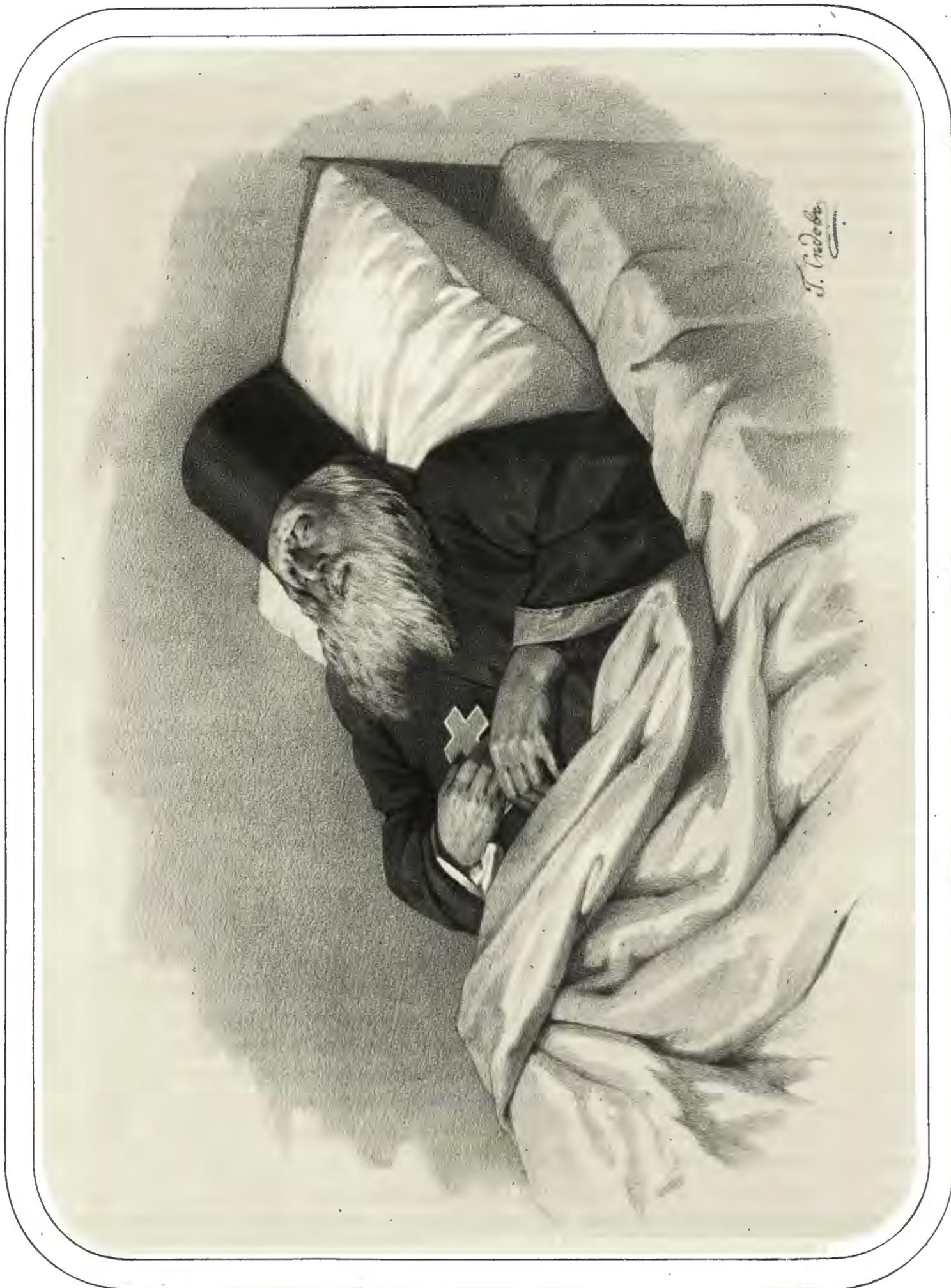
Остальное время, далеко за полночь, было посвящено радушной бесѣдѣ, а народъ, при огняхъ иллюминаціи, звукахъ военной и національной музыки, веселился, плясалъ и пировалъ *).

27-го октября, въ воскресенье, — и въ день празднованія обрѣтенія креста Царицею Еленою — въ Эчмиадзинскомъ монастырѣ происходило торжество муроваренія, по древнимъ обрядамъ Армяно-Григоріанской Церкви, въ первый разъ въ присутствіи Нерсеса, при значительномъ числѣ высшаго духовенства и многочисленномъ стеченіи народа. Въ числѣ посѣтителей во время священнодѣйствія находился знаменитый нашъ паломникъ А. Н. Муравьевъ, — краснорѣчивое перо котораго прекрасно изобразило это торжество **). Думая принести пользу и доставить удовольствіе читателямъ, представляемъ здѣсь это описаніе.

«Торжественная вечерня была началомъ воскреснаго служенія; все духовенство, въ облаченіи, встрѣтило Патріарха у дверей его дома, съ рипидами, кадилами и свѣчами. Онъ вышелъ въ короткой лиловой мантии, съ посохомъ въ рукѣ; старшій изъ Архіепископовъ облекъ его въ багряную мантию, поверхъ лиловой; діаконъ понесъ предъ нимъ покрывало, — особенное отличіе Патріаршаго сана у Армянъ, знаменующее, по ихъ толкованіямъ, то, которое лежало на главѣ Моисея. Изъ исторіи видно, что такое покрывало, вмѣстѣ съ посохомъ, прислано было отъ Папы Иннокентія II, въ 1141 году, Католикоу Григорію III; но я никакъ не могъ понять настоящаго значенія сей утвари, которой нѣтъ ни на Западѣ, ни на Востокѣ. Сами Армяне употребляютъ ее только при помазаніи своихъ Католикозовъ, осѣняя ихъ въ ту минуту покрываломъ. Здѣсь, въ первый разъ,

*) *Кавказъ*, 1846, № 25.

***) *Грузія и Армения*, ч. II, 192—203.

Им. В. Полковника. Новоселова.

Печат. И. Корсакина.

Верховный Патриархъ и Каголикосъ всѣхъ Армянъ, Нерсѣсъ V.

Մեր Միջոցով. Հայ Բարձրագույն Կաթոլիկոս Երմիայի Կաթոլիկոս Յու Ե :

Merses V, Patriarche et Catholico de tous les Arméniens

увидѣлъ я и діаконовъ въ митрахъ, что мнѣ показалось весьма страннымъ, потому что это головное украшеніе, какъ знаменіе власти, принадлежитъ Епископамъ, и, только по снисхожденію, дозволяется Архимандритамъ; но, во всякомъ случаѣ, не свойственно низшимъ служителямъ Церкви. Что касается до свѣщниковъ, то, вмѣсто нашихъ трикирій и дикирій, которые символически знаменуютъ Св. Троицу и двоякую природу Богочеловѣка, у Армянъ они возжены четырьмя свѣчами, безъ всякаго таинственного смысла.

«Шествіе Патріарха, отъ своихъ покоевъ до собора, подъ сѣнію балдахина, въ сопровожденіи всего духовенства, при звукѣ колоколовъ, было весьма торжественно, и краткая вечерня, совершавшаяся въ храмѣ, посреди общаго безмолвія, произвела на меня впечатлѣніе благоговѣйное; но за то послѣдующія служенія, утреня и самая литургія, были весьма тягостны для сердца, отъ безчинія народнаго. Не зная ни языка, ни богослуженія Армянскаго, я не могъ слѣдовать за ходомъ службы, и только изрѣдка ловилъ нѣкоторые гимны и молитвы, сходные съ нашими, которые въ послѣдствіи мнѣ объяснили. Такимъ образомъ, за вечернею, послѣ чтенія первыхъ псалмовъ и краткой эктени, предъ олтаремъ Единороднаго, весь ликъ возгласилъ умиленную пѣснь: «Свѣте тихій, святая славы», которая, по своей глубокой древности, перешла изъ Іерусалима во всѣ народы; пѣты были и вечерніе стихи псалмовъ: «Господи воззвахъ къ тебѣ, услыши мя, и да исправится молитва моя.» Патріархъ облачился въ фелонь съ митрою, а хоръ воспѣлъ протяжно трисвятую пѣснь, и, послѣ нѣсколькихъ стихиръ въ честь креста, служеніе окончилось чтеніемъ Евангелія, которое самъ Нерсесъ принесъ съ главнаго престола на середину церкви.

«Нѣсколько часовъ спустя начались отходныя ко сну молитвы, съ повечеріемъ и полунощницею, отдѣльно отъ утренни; ибо старецъ, не надѣясь на свои силы, предоставилъ себѣ краткій отдыхъ между долгими служеніями. Часа въ четыре до разсвѣта началась утрення; съ трудомъ можно было проникнуть въ церковь, въ которой народъ занималъ только третью часть, ибо служба совершалась предъ олтаремъ Единороднаго, на срединѣ. Отъ говора и шума нельзя

было слышать ни одного слова; служилъ же самъ Патріархъ, потому что, по чиноположенію Церкви Армянской, всякій Епископъ долженъ совершать утренню какъ простой Священникъ, ежели готовится къ обѣдѣ; но Патріарху прислуживали Епископы, какъ Діаконы, то облачая его, то подавая различную утварь. И то и другое не сходно съ православнымъ чиномъ, гдѣ такъ строго опредѣлена должность каждаго, и Епископъ не вступаетъ въ обязанности Іерейскія, а только на литію и полвелей исходитъ изъ олтаря, на середину церкви, съ своимъ клиромъ; кольми паче, не только Епископы, но даже и Пресвитеры, не исполняютъ и предъ лицемъ Патріарха, никакихъ служебныхъ дѣйствій, представленныхъ однимъ Діаконамъ, какъ служителямъ по самому значенію ихъ сана.

«Утомительно было бы объяснять весь порядокъ полунощной и утренней службы, во многомъ сходной съ нашею и наполненной безпрестаннымъ чтеніемъ псалмовъ. Скажу только вкратцѣ, что никогда не читаютъ болѣе двухъ или трехъ псалмовъ одинъ за другимъ, псалтырь у Армянъ раздѣлена иначе на каѳизмы нежели у насъ, и вмѣсто двадцати считаютъ ихъ только восемь. То что у насъ называется канономъ и положено во второй половинѣ утренни, бываетъ у нихъ въ концѣ полунощницы; на утренни же поются, большею частью, трипѣснцы, составленные изъ пѣсни трехъ отроковъ Вавилонскихъ, и гимны Нерсеса благодатнаго; вечернія молитвы его чрезвычайно умилительны, и во всѣхъ его твореніяхъ проявляется высокая душа его.

«Патріархъ, стоявшій во все время служенія, противъ алтаря Единороднаго, или подлѣ своей каѳедры, трижды облачался для чтенія Евангелія: въ первый разъ на концѣ полунощницы, чтобы послѣ канона въ честь креста возгласить о страстяхъ Господнихъ; вторично посреди утренни, на полвелеѣ, который совершенно напоминаетъ нашъ, выходомъ священнослужителей на середину церкви, для чтенія воскреснаго Евангелія, и пѣніемъ хвалебныхъ псалмовъ. Память усопшихъ совершается всегда на воскресной утренни, и ради сего читается Евангеліе, которое на этотъ разъ было замѣнено крестнымъ за полунощницею, по случаю

праздника, если только не ошибаюсь. Величаніе Богоматери (т. е. пѣснь ея: величить душа моя Господа) предшествуетъ полвелею, который называется у Армянъ чиномъ муроно-сиць, вѣроятно по случаю пѣнія воскресныхъ тропарей, упоминающихъ о ихъ пришествіи ко гробу, и вскорѣ послѣ того начинается, посреди церкви, торжественное пѣніе: «слава въ вышнихъ Богу.» Предъ самымъ окончаніемъ утренни, Патріархъ читалъ въ третій разъ Евангеліе, о женѣ, помазавшей муромъ ноги Иисусовы, по случаю наступившаго торжества муроваренія.

«Возвращеніе Патріарха въ его покои совершилось безъ особеннаго торжества, равно какъ и выходъ его къ обѣдни, хотя встрѣчало опять все духовенство; но толпа народная была столь велика, что самъ онъ едва могъ пройти въ церковь. Вся чернь собралась изъ окрестностей Эривани, и не было принято никакихъ мѣръ для водворенія порядка. Покамѣсть Патріархъ облачался въ одной ризницѣ, а двѣнадцать епископовъ готовились къ служенію съ нимъ, въ другой, волненіе народа дошло до высочайшей степени; всѣ стремились черезъ перегородки къ главному алтарю, чтобы ближе быть къ Св. мурѣ. Армяне полагаютъ, что оно чуднымъ образомъ варится само собою. Серебряный котелъ, подъ парчевымъ покровомъ, поставленъ былъ на возвышеніи алтаря, и уже за шесть недѣль прежде въ немъ приготовлено было муро, но только не освящено; каждый день, очередной священникъ долженъ былъ прочесть надъ нимъ все Евангеліе. Торжество муроваренія, совершающееся довольно рѣдко, почитается самымъ главнымъ въ Церкви Армянской, такъ какъ Св. муро разсылается повсюду, изъ одного лишь Эчміадзина, и можетъ быть освящено только Католикосомъ, а потому служитъ союзомъ единства для всей церкви Армянской. Молва о чудѣ привлекаетъ богомольцевъ со всѣхъ сторонъ Арменіи; но на сей разъ позднее время года и недавно бывшее торжество, по случаю посвященія Нерсеса, удержали почетныхъ посѣтителей отъ вторичнаго прихода. Замѣчательно однако, что Церковь Армянская, исполненная такого благоговѣнія къ Св. мурѣ, опустила, въ смутную эпоху своихъ гражданскихъ переворотовъ, другое спасительное помазаніе елеемъ болящихъ, хотя оно счи-

тается въ числѣ седми таинствъ, равномерно на Западѣ, какъ и на Востокѣ.

«Патріархъ приступилъ къ служенію литургіи на главномъ алтарѣ, совершенно по тому же чину, какъ я видѣлъ священнодѣйствія Епископа или Архимандрита, но съ тою разницею, что по сторонамъ его безгласно стояли облаченные Епископы, вмѣстѣ съ прочимъ клиромъ. Для совершенія проскомидіи ходилъ онъ къ алтарю первомученика Стефана, въ сѣверное отдѣленіе храма, гдѣ приготовлена была святыня мошей. Во время Херувимской пѣсни, все духовенство пошло съ хоругвями и рипидами за Св. дарами, къ алтарю Стефанову, и въ качествѣ діакона понесъ ихъ Епископъ Іоаннесъ Шехатуновъ, на главный престолъ, кругомъ всей церкви. Вслѣдъ за нимъ прочіе Епископы несли честные крестъ и копіе и мощи съ ароматами, которыми должно было совершиться освященіе мвра. Шествіе было торжественно, не смотря на вопли народа; величественно и самое освященіе, но отъ шума нельзя было слышать ни одного слова, не смотря на то, что я находился подлѣ алтаря. На серединѣ его возвышенія, передъ серебрянымъ котломъ, стоялъ Патріархъ, и съ глубокимъ благоговѣніемъ читалъ молитвы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на бурю народную, кипѣвшую у подножія алтаря; по сторонамъ его двѣнадцать Епископовъ держали въ рукахъ святыню, которую постепенно ему подавали, и все пространство алтаря было наполнено клиромъ, въ богатыхъ ризахъ.

«Вмѣстѣ съ молитвами освященія, три Евангелія, Матѳея, Луки и Іоанна, читались надъ предуготовленнымъ муромъ (какъ мнѣ въ послѣдствіи объяснялъ Патріархъ), всѣ три о женѣ, помазавшей муромъ ноги Иисусовы; читали также два посланія Іоанновы, о духовномъ помазаніи, и рѣчь Петрову изъ книги Дѣяній, о помазаніи Христа на спасеніе міра, и нѣсколько паремій, изъ пророчествъ Исаи и Захаріи, изъ пѣсней Соломона и изъ книгъ Исхода и Бытія, о помазаніи Первосвященника Аарона и о голубицѣ Ноевой, принесшей масличную вѣтвь. Между каждымъ чтеніемъ возглашались антифоны, и Епископы вслѣдъ за Патріархомъ, одинъ за другимъ, читали продолжительныя молитвы. Самъ

онъ произнесъ послѣднюю, въ которой приглашалъ всѣхъ единодушно испросить сошествіе Духа Святаго на предложавшее муро. Потомъ Патріархъ влилъ въ него благовонные соки травъ, масти и ароматы, съ драгоцѣннымъ масломъ и остаткомъ прежняго освященнаго мюра, и осѣнилъ крестообразно сей новый благовонный составъ животворящимъ крестомъ и копіемъ, и десницами святыхъ Апостола Фаддея и просвѣтителя Григорія, сына его Аристагеса и Іакова Низивійскаго. Это самая торжественная минута, ибо здѣсь ожидаютъ совершенія чуда: кипѣнія мюра внутри котла; шумъ и вопли умножились до чрезвычайности, такъ что многіе падали, отъ нахлынувшей толпы. Окончателная эктенія діакона и молитва Патріарха надъ Св. муромъ заключены были чтеніемъ Евангелія отъ Марка, о посланіи Господомъ своихъ учениковъ, съ властью исцѣлять болящихъ, при помазаніи ихъ елеемъ.

«Послѣ освященія мюра задернулась завѣса, потому что утомленный Патріархъ хотѣлъ нѣсколько отдохнуть и перемѣнить облаченіе. Литургія продолжалась обыкновеннымъ порядкомъ, отъ возгласа: «цѣлуйте другъ друга цѣлованіемъ міра.» Между тѣмъ народъ началъ прикладываться къ серебряному котлу, въ которомъ находилось священное муро, и всѣ съ благоговѣніемъ осязали его теплоту. Почти нельзя было стоять подлѣ алтаря, отъ натиска толпы; съ трудомъ могъ выйти самъ Патріархъ по окончаніи литургіи, уже безъ всякаго церемоніала. Гостепріимная трапеза, для всего духовенства и почетныхъ посѣтителей, ожидала насъ въ его восточныхъ покояхъ и, не смотря на свое утомленіе, радужный старецъ пріятливо предсѣдательствовалъ за нею.»

Наконецъ, послѣ осьми-мѣсячнаго отсутствія, Патріархъ возвратился изъ Эчміадзина въ Тифлисъ. 17-го декабря, съ утра, лавки ремесленниковъ не открывались, будто въ праздникъ; работы всѣ остановились, и половина населенія города — Армяне, съ зелеными вѣтками дикаго мирта, толпами устремились за городъ, за карантинъ, на встрѣчу архипастырю своему. Тамъ ожидали уже духовенство, почетные граждане, чиновники и дамы. Въ исходѣ 12-го часа, при колокольномъ звонѣ Армянскихъ церквей и кликахъ ра-

дости многочисленнаго народа, Патріархъ въѣхалъ въ Тифлисъ, предшествуемый процессіею по древнему чиноположенію. По выслушаніи краткаго молебствія въ Ванскомъ Соборѣ, Патріархъ отправился въ приготовленные для него покои, при томъ же монастырѣ, и принималъ поздравленія нѣкоторыхъ почетныхъ особъ съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Съ этихъ поръ, Патріархъ, не смотря на преклонные лѣта свои, неуспынно трудился и заботился о благѣ и процвѣтаніи вѣрнной ему Богомъ Церкви. Дѣятельность старца не ослабѣвала до послѣднихъ дней жизни и принесла много добра и блага. Къ сожалѣнію, по недостатку у насъ еще гласности, — не можемъ изложить многолѣтніе труды и подвиги Патріарха въ той полнотѣ, какъ бы желали и какъ требуетъ великая личность почившаго. Дѣлаемъ, что можемъ, представляя немногія отрывочныя свѣдѣнія за послѣднія 14 лѣтъ.

Управленіе духовными дѣлами Армяно-Григоріанскаго исповѣданія, — какъ постоянно всеподданнѣйше свидѣтельствовалъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ въ своихъ годовыхъ отчетахъ, — въ этотъ періодъ времени непрерывно находилось въ благопріятномъ положеніи, какъ въ отношеніи ко внутреннему управленію этой Церкви въ предѣлахъ Россіи, такъ и въ разсужденіи вѣншихъ пріязненныхъ заграничнымъ сношеній патріаршаго престола съ духовно-подвластными ему Армянами. Патріархъ имѣлъ переписку со всѣми странами, гдѣ находились дѣти его паствы. Народъ видѣлъ въ немъ опору своего исповѣданія, въ особенности въ Персіи, гдѣ многіе колебались въ христіанствѣ и хотѣли принять исламизмъ, но Католикосъ своимъ вліяніемъ поддерживалъ тамъ духъ истинной Вѣры и посылалъ туда достойныхъ пастырей. Это тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что Патріархъ строго смотрѣлъ за своими правами, понималъ необходимость первенства престола Св. Григорія, какъ служащаго крѣпкою связью не только Вѣры, но и народности Гайканской.

Напримѣръ, въ 1846 году, онъ едва согласился признать одного епископа, посвященнаго въ Цисѣ, во время между-

патріаршества, и призналъ потому только, что Цисскій патріархъ прислалъ рукоположеннаго имъ въ Эчміадзинъ, испросить ему утверженіе, извиняясь въ своемъ поступкѣ необходимостію.

Въ 1846 году, для утвержденія юношества Армяно-Григоріанскаго исповѣданія въ правилахъ Вѣры, разрѣшено въ нѣкоторыхъ мѣстахъ учрежденіе священниками приходскихъ училищъ, а для снабженія учащихъ элементарными книгами дозволено при Карабахской консисторіи имѣть типографію.

Въ 1848 году всей Армяно-Григоріанской Церкви явленъ знакъ особой Монаршей милости, освобожденіемъ храмовъ и монастырей ея въ Россіи отъ всѣхъ городскихъ и полицейскихъ повинностей.

Въ 1849 году, во вниманіе къ ограниченнымъ средствамъ многихъ Армяно-Григоріанскихъ церквей, согласно ходатайству Патріарха и Кавказскаго Намѣстника, Всемилоствѣйше дозволено церковнымъ ктиторахъ ихъ выдавать и продавать не только своимъ прихожанамъ, но и всѣмъ Армянамъ, восковыя свѣчи, употребляемыя при Богослуженіи и другихъ духовныхъ обрядахъ, производя эту продажу въ самыхъ церквахъ или устроенныхъ при нихъ лавкахъ.

Въ 1852 году послѣдовало Высочайшее соизволеніе разрѣшать Патріарху переходъ изъ Армяно-Католическаго исповѣданія въ Армяно-Григоріанское, не испрашивая на то разрѣшенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, и дозволено Эчміадзинскому Синоду присоединять къ Армянской Вѣрѣ опасно-больныхъ магометанъ.

Въ этомъ же году дозволено Армяно-Григоріанскимъ церковнослужителямъ и дѣтямъ ихъ поступать въ канцелярскіе служители.

Въ 1853 году подтверждено, что школы, при церквахъ и монастыряхъ Армяно-Григоріанскаго исповѣданія учрежденныя, не входятъ въ составъ Кавказскаго Учебнаго Округа.

Въ 1854 году опредѣлены права поступающихъ въ военную службу дѣтей священниковъ и дьяконовъ Армяно-Григоріанскаго исповѣданія, а въ слѣдующемъ году это повелѣніе не распространено на поступившихъ въ службу до изданія указа.

Мѣстность въ Эчміадзинской обители въ лѣтнее время прежде наводила непріятное чувство: знойное солнце и порывистые удушливые вѣтры сопутствовали богомольцамъ при переѣздѣ черезъ пустынную, скучную и безводную степь до самой обители, утомляя и приводя въ изнеможеніе. По волѣ Нерсеса эти окрестности приняли совершенно другой, роскошный и благодѣтельный видъ: съ ранней весны 1847 года, средствами обители, положено было основаніе великолѣпному саду или, лучше сказать, парку, заключающему подъ собою пространства земли двѣ версты въ длину и около версты въ ширину; въ немъ, въ короткое время, заботливостію епископа Шахатунова и подъ ближайшимъ надзоромъ неутомимаго доктора Г. О. В., было посажено до 37,000 отростковъ тополей, 8000 ивъ, 930 абрикосовъ, 600 тутовыхъ и до 700 разныхъ другихъ садовыхъ деревьевъ. Патріарху было угодно, чтобы въ этомъ саду было насажено до двухъ милліоновъ разныхъ деревьевъ, не говоря о цвѣтникахъ, виноградникахъ и огородахъ. Кромѣ того, смежно съ садомъ вырытъ прудъ, въ родѣ обширнаго резервуара, чтобы во всякое время можно было имѣть воду для орошенія сада, посредствомъ особо устроенныхъ каналовъ. Въ прудѣ этомъ разведена рыба. Съ устройствомъ такого обширнаго сада, путешественники и богомольцы, до того времени, по недостатку пріюта, нерѣдко томившіеся жгучими лучами солнца на открытомъ воздухѣ, получили роскошный до нѣги пріютъ, довольство въ овощахъ и фруктахъ, и благодарность потомковъ увѣковѣчить память основателя.

Государь Императоръ наградилъ заслуги Архипастыря орденомъ Св. Владиміра 1-й степени при слѣдующей грамотѣ:

«Въ справедливомъ вниманіи къ неутомимымъ и полезнымъ трудамъ вашимъ по управленію Армяно-Григоріан-

скою Церковью, и въ ознаменованіе Нашего особеннаго и постоянного къ вамъ благоволенія, за ваше испытанное усердіе и преданность Нашему Престолу и вашу дѣятельную заботливость объ устройствѣ ввѣренной вамъ духовной паствы, Мы Всемилостивѣйше сопрячисляемъ васъ къ ордену Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра первой степени, коего знаки, при семь препровождаемые, вы имѣете возложить на себя и носить по установленію.

«Пребываемъ вамъ Императорскою Нашею милостію навсегда благосклонны.»

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ.»

Царское Село, 12-го мая 1848 года.

Въ заключеніе предлагаемъ статистическую таблицу о состояніи Армяно-Григоріанской Церкви предъ вступленіемъ на патриаршій престолъ Нерсеса и за предпоследній годъ его управления: а) всей вообще въ Россіи и б) въ Эриванской епархіи въ частности, какъ непосредственно подчиненной верховному Патриарху-Католикосу:

Церквей:	Вообще въ Армяно-Григоріанской Церкви.		По епархіи Эриванской.	
	1842.	1855.	1842.	1855.
Каедральныхъ . . .	15	13	2	1
Приходскихъ , . .	898	577	408	319
Кладбищенскихъ и молитвенныхъ домовъ	52	300	1	7
Итого	965	890	411	327
Духовенства блага:				
Священнослужителей	1,249	1,021	533	373
Церковнослужителей	1,361	794	582	270

Монастырей	31	34	13	13
Монашествующихъ :				
Мужескаго пола	122	76	74	55
Женскаго пола	30	24	—	—
Прихожанъ обоого пола				
	316,967	357,558	113,227	108,536
Учебныхъ заведеній:				
Семинарій	5	2	2	1
Приходскихъ и другихъ училищъ	13	19	—	2

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить никакихъ объясненій къ этимъ цифрамъ *).

Въ 1850 году Эчмиадзинъ удостоился счастья принять въ своихъ стѣнахъ нынѣ благополучно царствующаго возлюбленнаго Монарха нашего, — тогда Государя Наслѣдника Цесаревича.

Его Высочество изволилъ прибыть въ монастырь въ пять часовъ вечера 6-го октября, изъ Александрополя.

Далеко за оградой монастырской, Католикосъ, съ постоянною при немъ стражею, встрѣтилъ Государя Наслѣдника, по древнему монастырскому обычаю, съ хоругвями и патриаршими знаками. Его Императорское Высочество изволилъ выйти изъ экипажа, принялъ благословеніе Патриарха, и потомъ, съ нимъ, отправился въ коляскѣ къ монастырю. За двѣсти сажень предъ вратами обители, много-

*) Онѣ взяты изъ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, 1843, № 8, 236—237 и 1856, № 10, 98. За 1856 годъ обнародованныя свѣдѣнія (тамъ же, 1857, № 11, 164 и 165) касаются только двухъ епархій Европейской Россіи, а потому мы ихъ и не приводимъ.

численное духовенство Эчмиадзинна, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, святою водою, хоругвями и образами, встрѣтило Августѣйшаго Посѣтителя, и Государь Наслѣдникъ, вступивъ въ монастырь при пѣніи священныхъ гимновъ и колокольномъ звонѣ, изволилъ войти въ самый соборъ, гдѣ, по отслушаніи краткаго молебствія, прикладывался къ святому Копію и святымъ мощамъ Угодниковъ и затѣмъ отправился въ древнія патриаршія палаты, великолѣпно украшенныя въ восточномъ вкусѣ. За обѣдомъ, престарѣлый Католикосъ предложилъ тосты за здравіе и долголѣтіе Государя Императора, потомъ и Августѣйшаго Посѣтителя первопрестольной Армянской обители, Государя Наслѣдника, которые были приняты всеми съ единодушнымъ восторгомъ. Его Императорское Высочество провозгласилъ тостъ за здравіе Патриарха Нерсеса.

7-го октября Его Императорское Высочество изволилъ осматривать, со всею подробностью, древности и сокровища Эчмиадзинскаго храма, и вторично прикладывался къ святымъ мощамъ многихъ Апостоловъ и другихъ угодниковъ. Потомъ, по обзорѣніи обширныхъ трапезныхъ залъ, помѣщенія Эчмиадзинскаго Синода и древней монастырской библіотеки, Государь Наслѣдникъ, предъ выѣздомъ въ Эривань, дѣлалъ смотръ Кенгерлинской конницѣ, выстроившейся съ Высочайше пожалованнымъ ей знаменемъ за оградой монастыря, изъявилъ Кенгерлинцамъ свое удовольствіе, и объявилъ имъ отъ Имени Государя Императора благодарность, за усердную ихъ службу.

Мирно текли дни Католикоса и, не смотря на престарѣлыя его лѣта, Григоріанская Церковь не подозрѣвала близкой утраты великаго своего пастыря. Въ началѣ прошлаго года Патриархъ готовился провести еще новый день своего рожденія, — но только успѣлъ встрѣтить его, какъ перешелъ на лоно Авраамле — самую христіанскую кончиною. Это было 13-го февраля 1857 года.

Наканунѣ, 12-го числа, Нерсесъ былъ совершенно здоровъ и занимался благомъ своей паствы и, между прочимъ,

поручилъ своему другу, архіепископу Саркису, на слѣдующій день, окончить весьма важныя дѣла. При этомъ, какъ бы свыше вдохновенный, Патриархъ сказалъ: «теперь мы думаемъ о дѣлахъ нашей жизни, но кто можетъ ручаться, что завтра дни наши не пресѣкнутся и не уничтожатся все наши намѣренія? Одинъ Богъ видитъ будущее, душа и дѣла наши въ рудѣ Его?»

Въ послѣднія минуты Патриарха никто не былъ при немъ. Католикосъ имѣлъ обыкновеніе никого не тревожить ночью. Вставая рано, онъ всегда одѣвался безъ посторонней помощи и отправлялся къ заутрени. 13-го числа, служители, идя въ церковь, замѣтили свѣтъ въ комнатахъ патриаршихъ и заключили, что Католикосъ готовится идти къ заутрени; но долго не видя его въ храмѣ и, любопытствуя, пошли посмотреть, чѣмъ особенно занялся Патриархъ, нарушивъ свое обыкновеніе и, къ изумленію своему, увидѣли, что онъ, во всемъ одѣяніи, лежитъ на своей постелѣ мертвъ.

Мгновенно прискорбная вѣсть распространилась по дворцу Патриаршему, а печальный звонъ во всехъ церквяхъ далъ знать городу о великомъ для Армянъ событіи. Друзья, видѣвшіе его наканунѣ, крайне были изумлены вѣстію о кончинѣ; они видѣли Католикоса совершенно здоровымъ и бодрымъ, и еще за нѣсколько часовъ до смерти услаждавшего ихъ поучительными наставленіями о суетахъ міра. Скоро дворъ Патриаршій наполнился народомъ, все спѣшили видѣть своего уважаемаго пастыря, скорбь всехъ была искренняя.

Почести, отданныя Патриарху при погребеніи, служили еще бѣльшимъ выраженіемъ общей любви и общаго уваженія къ нему и къ высокому его сану.

18-го числа, въ 4 часа по полудни, послѣдовалъ выносъ тѣла усопшаго изъ палаты въ Армянскій Ванскій соборъ, по составленному церемониалу, въ присутствіи намѣстника, экзарха Грузій, почетнѣйшихъ военныхъ и гражд-

давнихъ особъ Тифлиса и при безчисленномъ стеченіи жителей.

Въ этомъ соборѣ бранные останки Патріарха находились въ теченіе трехъ сутокъ, пока не прибыли изъ Эчмиадзина члены Армянскаго Синода для сопровожденія гроба въ первопрестольную обитель, гдѣ искони погребаются представители Армянской Церкви. Народъ, день и ночь, наполняя храмъ, благоговѣнно поклонялся. Казалось, въ Тифлисѣ не было въ это время различія въ исповѣданіи, даже евреи шли прощаться съ Патріархомъ.

24-го, послѣ совершенія литургіи въ Ванскомъ соборѣ, печальная процессія изъ всего Армянскаго духовенства въ Тифлисѣ, имѣя въ главѣ архіепископа Саркиса, въ сопровожденіи князя намѣстника и многихъ почетныхъ лицъ, двинулась чрезъ Головинскій проспектъ; впереди ѣхали всадники изъ цеховъ и погребальная колесница подъ балдахиномъ, окруженная факелами. За тѣмъ шли воспитанники Тифлисской Армянской Семинаріи, по два въ рядъ, съ зажженными свѣчами, далѣе духовенство и гробъ, несомый духовными лицами; за процессіею слѣдовала несмѣтная толпа народа всѣхъ сословій.

Съ утра погода стояла пасмурная, а къ 12-ти часамъ пошелъ сильный дождь; но, не смотря на то, усердіе всѣхъ было такъ велико, что всѣ упорно провожали усопшаго. Въ продолженіе шествія по городу, крыши домовъ буквально усыяны были зрителями, особенно женщинами. Предъ домомъ князя намѣстника процессія остановилась на нѣсколько минутъ для чтенія установленной молитвы, и затѣмъ продолжала шествіе до Эриванской заставы, гдѣ гробъ былъ помѣщенъ въ наглухо закрытыя дроги для перевезенія въ древнюю усыпальницу патріарховъ. Здѣсь же все духовенство и всѣ сопровождавшіе процессію были приглашены къ обѣду, устроенному для поминовеціи усопшаго Католикоса, иждивеніемъ Тифлискаго почетнаго гражданина В. Б. Аршакуни. Для этой же цѣли, г-мъ Аршакуни были, накануне, розданы деньги въ Тифлискомъ городскомъ общественномъ управленіи всѣхъ цеховыхъ (амкарамъ), а въ

тюремный замокъ посланы деньги и хлѣбъ и всѣмъ розданы восковыя свѣчи. Вообще, въ этотъ день, благотворительностію этого достойнаго сына Армянской націи было угощено болѣе 10,000 человекъ.

Во время долголѣтняго служенія своему Церкви, Католикосъ стяжалъ всеобщую любовь, и благочестивою жизнію своею возбуждалъ во всѣхъ благоговѣнное уваженіе къ себѣ. Многіе изъ Армянъ убѣждены, что Нерсесъ—угодникъ Божій. Онъ также, какъ сейчасъ говорили, пользовался глубокимъ уваженіемъ жителей и другихъ націй.

Дѣятельность Патріарха была изумительна. Онъ день и часть ночи посвящалъ занятіямъ; а время отдыха весьма ограничивалъ.

Нерсесъ говорилъ по-русски, хотя и не свободно владѣлъ языкомъ. Онъ ловилъ слова и угадывалъ заранѣе смыслъ рѣчи, не понимая, быть можетъ, въ подробности каждаго выраженія, и самъ умѣлъ вѣрно выразить собственную мысль, хотя нельзя было составить полной рѣчи изъ его усѣченныхъ словъ. Огненными глазами договаривалъ онъ то, что не могли выразить уста.

Нельзя было безъ особеннаго чувства слушать рассказы Католикоса, всегда живые и занимательные. Бывъ современникомъ всего совершившагося въ Закавказскомъ краѣ въ теченіе цѣлаго вѣка и сохранивъ свѣтлую память до глубокой старости, онъ передавалъ событія, случившіяся лѣтъ за 60 до настоящаго времени, съ малѣйшими подробностями. Нѣкоторые справедливо называли его живою исторіею Арменіи.

Наконецъ, Нерсесъ издалъ многія духовныя рѣчи и постановленія для Армянскихъ епархій. Сочиненія его и пространная переписка о разныхъ предметахъ весьма любопытны и наставительны. Сверхъ того, имъ изданы Армянская грамматика и многія историческія и учебныя книги. Экзархъ былъ также почетнымъ членомъ: Общества любителей древности, учрежденнаго при Лазаревскомъ Инсти-

тутѣ, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Кавказскаго отдѣла этого Общества и Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

Что касается до внѣшняго вида Нерсеса, то, въ дополненіе къ портрету, приложенному къ этому жизнеописанію,

изъ котораго можно судить о немъ, прибавимъ, что Патриархъ въ послѣдніе годы своего земнаго поприща являлъ небольшого, худощаваго старца, съ длинною, бѣлою, какъ снѣгъ, бородою, блестящими черными глазами, съ рѣзкой, умной физиономіей, кроткимъ и добродушнымъ выраженіемъ.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 20-го дня 1858 года. Ценсоръ *И. Гончаровъ*. — Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

БОЖІЙ ПРОМЫСЛЪ.

ГЛАВНАЯ ВАТАГА ЗАКАВКАЗСКИХЪ РЫБНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

(Матеріалъ для жизнеописанія почетнаго гражданина Аршакуни *).

Кому неизвѣстно, что Россія изобилуетъ всякаго рода рыбой и что рыболовство, безъ сомнѣнія, есть одна изъ значительнѣйшихъ отраслей отечественной промышленности, дающая занятіе и упрочивающая благосостояніе тысячамъ

народа во многихъ частяхъ Имперіи. Милліоны рублей возвращаются во внутренней торговлѣ рыбою, икрою, клеемъ и вязигюю, и продукты эти сбываются частію и за границу.

*) Много на святой Руси есть именъ частныхъ людей, — особенно изъ почтеннаго торговаго сословія, — дорогихъ для Православія и славныхъ въ исторіи благотвореній своими щедрыми пожертвованіями на пользу храмовъ, на призрѣніе сирыхъ и немощныхъ, на распространеніе отечественнаго просвѣщенія. Большая часть изъ этихъ достойныхъ нашихъ согражданъ, въ то же время заслуживаетъ признательность современниковъ и благодарную память въ потомствѣ и своими заслугами въ развитіи отечественной промышленности. Даже болѣе, врядъ ли есть Русскій человекъ изъ этого сословія, для котораго усиленія промышленныхъ оборотовъ не служило бы тотчасъ средствомъ къ увеличенію щедрыхъ пожертвованій во славу Господа, на помощь меньшимъ братьямъ, на пользу святой родины? Но большую часть подвиговъ ихъ знаетъ только одинъ Всевышній Сердцевѣдецъ. Исключенія изъ этого весьма незначительны: лѣтописи наши сохраняютъ мало именъ и еще менѣе подробностей о жизни и дѣлахъ благотворителей; полныхъ же ихъ

жизнеописаній отечественная литература даже почти и вовсе не представляетъ. *Кавказцы*, на своихъ страницахъ, — на ряду съ воинскими доблестями, — сохраняютъ, по мѣрѣ возможности, и достопамятные подвиги мирныхъ гражданъ на пользу края: или въ видѣ полныхъ жизнеописаній, или въ видѣ изложеній хотя части ихъ дѣлъ, — какъ матеріала для такихъ жизнеописаній въ послѣдствіи. На первый разъ представляемъ обзоръ дѣйствій по Божьему Промыслу, съ 1847 по 1855 годъ, почетнаго гражданина Аршакуни, — одного изъ замѣчательныхъ вынѣшнихъ гражданъ Тифлиса, — имя котораго часто встрѣчается въ современныхъ свѣдѣніяхъ о просвѣщеніи и промышленности края.

Главными источниками представляемаго очерка служили статьи г. Карамышева, какъ напечатанныя имъ въ газетѣ *Кавказъ*, такъ и доставленныя прямо въ редакцію нашего изданія. Но мы не успѣли пользоваться и другими свѣдѣніями.

Каспійское море, со впадающими въ него рѣками—Волгою, Ураломъ и Куромъ, представляетъ самую замѣчательную мѣстность въ этомъ отношеніи: рыбныя промыслы ихъ обширны и выгодны.

До присоединенія къ имперіи ханствъ: Ширванскаго, Талышскаго и Шекинскаго, всѣ рыболовныя воды, лежащія въ Закавказьѣ, извѣстныя подъ именемъ: *Сальянскихъ, Кизиль-Агачскихъ, Ширванскихъ, Араксинскихъ, Шекинскихъ, Казахъ-Шамшадильскихъ* и другія мелкія, были откупаемы у владѣльцевъ рыбопромышленниками изъ Русскихъ подданныхъ, за весьма незначительную сумму. Последнимъ откупщикомъ послѣдняго владѣтеля Мустафы-Хана Ширванскаго былъ нѣкто Астраханскій житель, статскій совѣтникъ Ивановъ, составившій отъ этой операціи милліонное состояніе *).

*) Сообщаемъ письмо Ал. П. Ермолова къ этому откупщику, — руководствуясь въ этомъ случаѣ только тѣмъ, что считаемъ обязанностію *Кавказцевъ* сохранять и, при всякомъ случаѣ, приводить слова и мнѣнія знаменитаго воина и администратора. Вотъ это письмо:

Милостивый Государь Семень Сергѣевич!

Напрасно пріискиваете Вы причины, по коимъ не хотѣлъ я принять Васъ у себя.

Вы безъ ошибки найдете ихъ въ собственныхъ поступкахъ, которые даютъ все право не имѣть къ Вамъ, по крайней мѣрѣ, ни малѣйшаго уваженія.

Первый контрактъ, заключенный Вами съ Мустафою Ширванскимъ на десяти-лѣтнее вновь содержаніе Сальянскихъ рыбныхъ ловлей, не могъ имѣть силы безъ моего утвержденія, и потому приказалъ я признавать его недействительнымъ. Въ немъ безъ того внесены были урочища, Мустафѣ не принадлежащія, которыя потому только предоставлены были въ откупное Вамъ содержаніе, что Вы нагло обманули моего предѣстника, утверждавшаго контрактъ чрезмѣрно для Васъ свисходительностію. И такъ, за контрактъ, не имѣвшій законнаго утвержденія, весьма странно, что Вы могли дать въ родѣ задатка болѣе, нежели за сто тысячъ рублей вещами и деньгами, а если и дали что нибудь, то, безъ сомнѣнія, по прежнимъ какимъ-либо расчетамъ, и мнѣ до того нѣтъ ни малѣйшей нужды. Я разсматриваю однѣ квитанціи, которыя Вы должны имѣть отъ бывшаго Хана, въ полученіи имъ откупной отъ Васъ

Когда же введено было въ названные ханства Русское управленіе, промыслы, по принадлежности, сдѣлались казенною собственностію и, по разнымъ обстоятельствамъ,

суммы. Вгораго контракта Вы не должны были заключать съ бывшимъ Ханомъ, ибо когда, 2-го Августа, прибыли Вы къ нему въ Сандутъ, то уже явна была его измѣна; безпрестанно производились совѣщанія, отиравалось имущество за Куру и намѣреніе его бѣжать не предавалось ни какой тайнѣ. Приставу Капитану Князю Мокаеву подробно были извѣстны злодѣянія измѣнника Мустафы и его замыслы, о чемъ имъ донесено было Начальству.

Въ сіе самое время Вы заключили вторительный съ нимъ контрактъ и утвердили меня въ прежнемъ мнѣніи, что корыстолюбивому откупщику нѣтъ приличій, а деньги ему свыше всего прочаго.

Вы готовы утверждать, что о поведеніи Мустафы Вы ничего не знали, ибо безсовѣстно утверждаете въ письмѣ Вашемъ, что не смѣли отказаться отъ принятія контракта, по силѣ вновь послѣдовавшаго отъ меня Мустафѣ предписанія. Но что скажете Вы противу показанія Капитана Князя Мокаева, что Вы обнадежили измѣнника Мустафу поправить дѣло его, чему, сверхъ того, имѣлось доказательствомъ подлинное письмо къ Вамъ измѣнника, въ коемъ видно условіе употребить 5000 червонцевъ, которые на счетъ его обѣщались Вы дать изъ Вашихъ денегъ! Привезшій письмо сіе измѣнника Мустафы чиновникъ показываетъ, что сіи деньги должны были обращены быть на подарки.

Мустафа злодѣянїямъ и, наконецъ, бѣгствомъ доказалъ, что ходатайствовать за него, по крайней мѣрѣ, безчестно, а ходатайство это Вы приняли на себя, стараясь дѣянїямъ его придать другой видъ, единственно изъ побужденій корыстолюбія, которому честь Ваша и въ должностяхъ, прежде Вами занимаемыхъ, не бывала обузданіемъ.

Ограждены будучи чиномъ, дающимъ право дворянства, Вы не отъемлете у меня права дать Вамъ приличнѣйшее названіе, и, конечно, неблагороднаго человѣка.

Въ заключеніе скажу Вамъ объ откупахъ, что если желаете имѣть въ содержаніи Сальянскія рыбныя ловли, отъ Васъ будетъ зависть явиться къ торгамъ и удержать ихъ за собою, предложивъ казнѣ выгоднѣйшія цѣны.

За тѣмъ, надѣюсь, Вы сдѣлаете мнѣ честь прекращеніемъ Вашей со мною переписки.

Вашего Высочордія

покорнѣйшій слуга

А. Ермоловъ.

6-го Сентября 1820 года.

Г. Тифлисъ.

находились то въ откупномъ содержаніи, то въ завѣдываніи чиновниковъ, опредѣленныхъ отъ Правительства.

Между богатѣйшими изъ ловель занимаютъ самое почетное мѣсто *Сальянскіе промыслы*, обнимающіе все низовье рѣки Куры. Они продовольствуютъ рыбою и икрою весь край и отправляютъ еще въ Астрахань на сотни тысячъ рублей рыбнаго продукта.

При Русской власти эти промыслы первоначально были отданы на откупъ торговашему въ Астрахани Индѣйцу Могундасову за 66,000 рублей серебромъ въ годъ, и оставались въ его содержаніи до 1829 года. Но дѣла этого содержателя, при слабомъ управленіи, пришли въ упадокъ, и Правительство, видя неисправность его въ платежѣ откупной суммы, въ этомъ году отобрало промыслы въ свое вѣдѣніе, назначивъ для распоряженія ими *Опеку*. Въ главѣ новаго управленія поставленъ былъ Войска Черноморскаго полковникъ Матяшевскій, которому промыслы обязаны большими улучшениями. По кончинѣ этого замѣчательнаго чело-вѣка, въ 1839 г., опекуномъ назначенъ былъ Войска же Черноморскаго полковникъ Орель, продолжавшій ими управлять въ томъ же благодѣтельномъ направленіи. Но вскорѣ промыслы стали уже терять свой цвѣтушій видъ; непрерывно смѣнявшіеся опекуны, въ кратковременныя управленія свои, не успѣвали ничего прибавлять новаго и даже не могли поддерживать стараго и все постепенно приходило въ упадокъ.

Съ 1-го іюля 1847 года *Сальянскіе рыбные промыслы*, вмѣстѣ съ другими, отданы были на откупъ, подъ общимъ именемъ «Закавказскихъ» Тифлискимъ гражданамъ *Мирманову* и *Аршакуни* съ компаніею, срокомъ на восемь лѣтъ, то есть по 1-е іюля 1855 года, съ платою ежегодно въ казну откупной суммы по 170,000 рублей серебромъ.

Управленіе операціею принято было на себя компаніономъ *Аршакуни*, который прежде, почти въ теченіе двадцати лѣтъ, имѣлъ сношеніе съ бывшею опекою Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ, по откупу балыковъ и по поставкѣ разныхъ припасовъ для рыболовства. Съ этого времени Сальянскій промыселъ получилъ особенно-громкую извѣст-

ность. Аршакуни поставилъ его на высокую степень коммерческаго развитія.

При передачѣ Закавказскаго рыболовства въ вѣдѣніе откупщиковъ, въ 1846 году, въ Сальянскомъ отдѣленіи имѣлось 10 промысловъ, или заведеній для лова и приготовленія рыбнаго товара, а именно:

1) *Божій промыслъ*, на лѣвомъ берегу главнаго рукава рѣки Куры, близъ селенія Хипли, въ 14-ти верстахъ отъ моря и 25-ти верстахъ отъ мѣстечка Сальянъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ производится обыкновенно самый обильный ловъ рыбы, учреждено было центральное управленіе всеми промыслами.

2) *Промыселъ при сѣверо-восточномъ Курильскомъ Банкѣ*, или *Бинокъ*, тоже на лѣвомъ берегу рѣки Куры, противъ селенія Боятъ, въ двухъ верстахъ отъ моря, а отъ Божьяго промысла въ 12-ти верстахъ *);

3) *Акушинскій промыслъ*, на лѣвомъ берегу рукава рѣки Куры, называемаго Акушою, близъ селенія Таги-Кенды, въ 25-ти верстахъ отъ Божьяго промысла.

4) *Арбатанскій промыслъ*, тоже на лѣвомъ берегу Акуши, при селеніи Арбатанъ, на разстояніи 14-ти верстъ, вверхъ по рѣкѣ, отъ Акушинскаго промысла и въ 20-ти верстахъ отъ Божьяго промысла.

5) *Лопатинскій промыслъ*, на островѣ Лопатинѣ, при устьѣ рѣки Акуши, разстояніемъ отъ Акушинскаго промысла въ 40 верстахъ. Здѣсь ловъ производился въ открытомъ морѣ.

6) *Топрахкалинскій промыслъ*, близъ мѣстечка Сальянъ, на лѣвомъ берегу рѣки Куры, при раздѣленіи ея на два рукава, собственно Куру и Акушу. Отъ этого мѣста разстояніе до Божьяго промысла 25 верстъ, а до Арбатанскаго, внизъ по рѣкѣ Акушѣ, 7 верстъ.

7) *Пиратманскій промыслъ*, около селенія Геджалы, въ 18-ти верстахъ отъ Топрахкали, вверхъ по рѣкѣ Курѣ.

*) Въ недалекомъ разстояніи отъ сѣверо-восточнаго Банка существовалъ, на Курильской косѣ, промыслъ, называвшійся Благодатнымъ, на которомъ производился ловъ на открытомъ морѣ; но онъ былъ упраздненъ въ 1844 году, какъ неприносяшій никакихъ выгодъ.

8) *Зубовскій промыслъ*, разстояніемъ отъ Пиратманскаго въ 55-ти верстахъ вверхъ по рѣкѣ Курѣ.

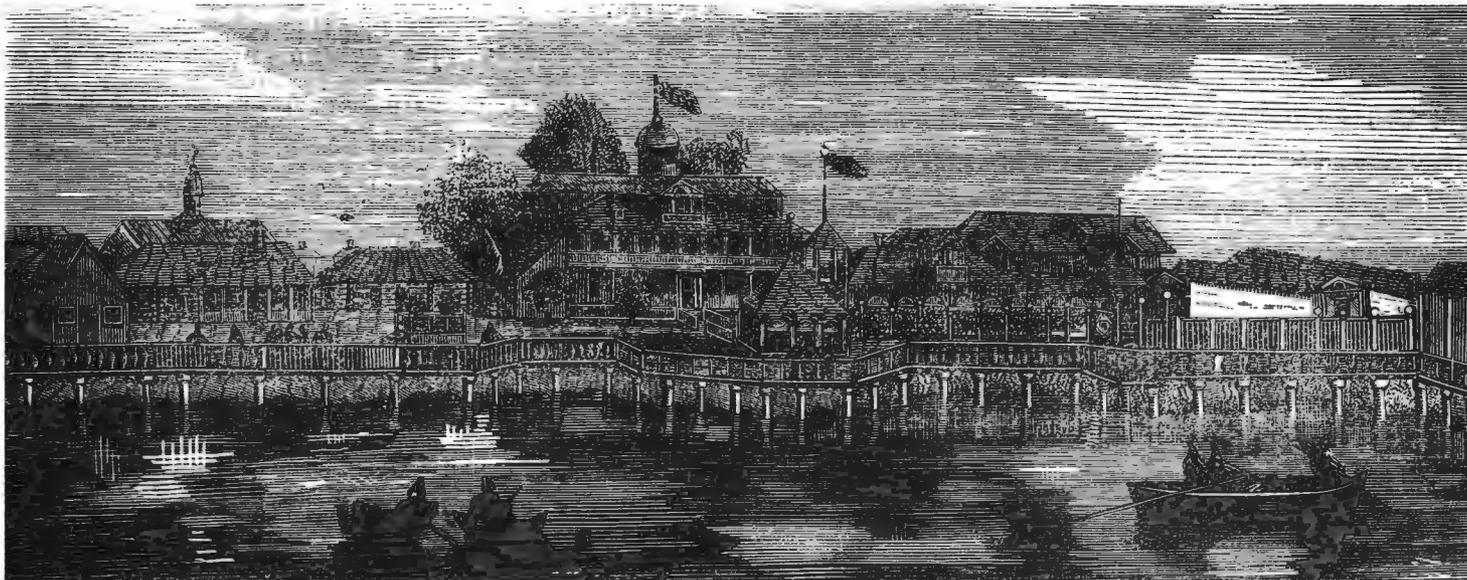
9) *Менейманскій промыслъ*, близъ селенія Менейманлы, отъ Зубовскаго промысла вверхъ по Курѣ, въ 35-ти верстахъ.

10) *Абдульинскій промыслъ*, близъ селенія Абдульины, въ 11-ти верстахъ отъ Менейманскаго, вверхъ по Курѣ.

Аршакуни много способствовалъ усилению ловли рыбы. Онъ основалъ, во время своего управленія, еще пять ва-

лявшимъ Индѣйца, Астраханскимъ купцомъ Кафтанниковымъ.

Въ первое время своего существованія Божій промыслъ былъ мало извѣстенъ; потому что тамъ не было никакихъ заведеній, кромѣ нѣсколькихъ анбаровъ для склада рыболовныхъ матеріаловъ и нѣсколькихъ камышевыхъ шалашей для житія рыбопромышленниковъ, а потому не имѣлось и никакой осѣдности. Ловъ рыбы производился только съ 1 мая по 1-е сентября; за тѣмъ весь рабочій народъ, — вмѣстѣ съ матеріалами и наловленною рыбою и выдѣланными изъ нея продуктами, — отправлялся въ Астрахань до слѣдующаго года,

Главный видъ Божьяго Промысла.

тагъ — *Никлаевскъ*, *Вознесенскъ*, *Благовѣщенскъ*, *Петро-Павловскъ* и *Петровскъ*, — на новыхъ мѣстахъ, весьма выгодныхъ, и столько же прежде-существовавшихъ перемѣстилъ на другія, болѣе удобныя для рыболовія, пункты. Все, что только сколько нибудь способствовало промысловой производительности, отъ него не ускользало.

Но наибольшую благодѣтельную дѣятельность Аршакуни обращалъ на себя *Божій промыслъ*, — какъ главная ватага, — и былъ имъ доведенъ до такого состоянія, что, смѣло говорить, могъ служить образцомъ подобнаго рода заведеніямъ. Описанія этихъ распоряженій и составляетъ главный предметъ нашей статьи.

Основаніе Божьяго промысла относится къ эпохѣ откупнаго содержанія Могундасова. Это имя ватаги дано управ-

оставляя на промыслѣ однѣ только лодки, подъ надзоромъ туземцевъ, впредь до открытія ловли въ слѣдующемъ году.

Во время послѣдней войны съ Персіею, въ 1826 году, одинъ изъ Персидскихъ отрядовъ, проникнувъ на Божій промыслъ, сжегъ все, что было на немъ; впрочемъ, наше ствіе это не причивило большихъ убытковъ Могундасову, потому что всѣ цѣнные матеріалы и рыбные товары были заблаговременно уже отправлены въ Астрахань.

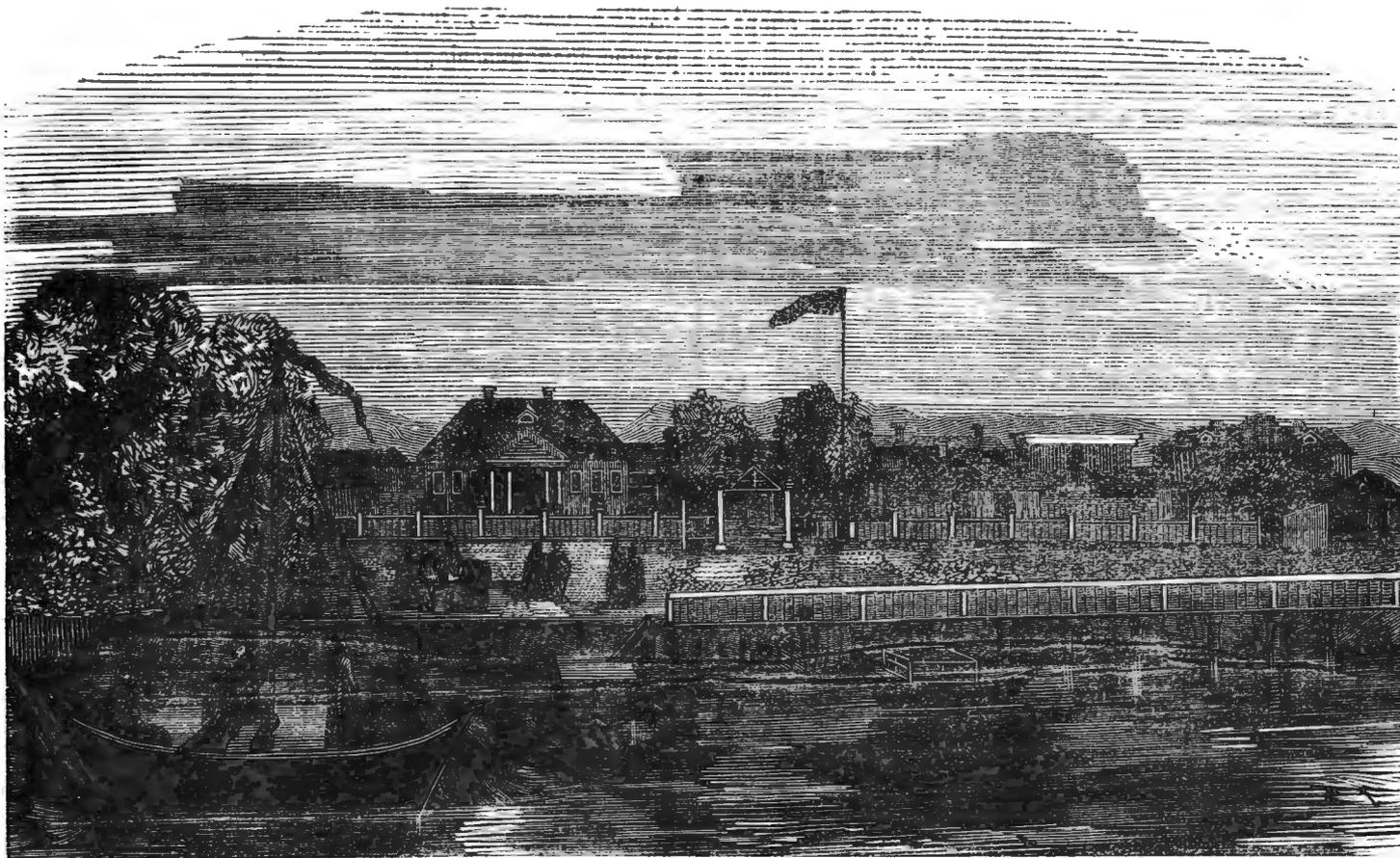
Отобраніе отъ Индѣйца откупа, въ 1829 году, особенно благодѣтельно оказалось для Божьяго промысла. Полковникъ Матяшевскій много улучшилъ его, такъ что, даже можно сказать, этому дѣятельному опекуну принадлежитъ слава быть настоящимъ основателемъ ватаги.

До того времени весь промыслъ состоялъ изъ кой-какихъ

камышевыхъ шалашей, обмазанныхъ глиною, и нѣсколькихъ землянокъ, въ которыхъ бѣдные рыбаки, возвращаясь мокрые съ лова, были лишены не только всякаго удобства, но и достаточнаго пристанища и убѣжища отъ холода во время дождей, и уносили съ ночлега дрожь и постоянное расположеніе къ лихорадкѣ. При такихъ условіяхъ болѣзни свирѣпствовали и смертность была неизмѣрима.

стивалъ о построеніи церкви, приготовилъ матеріалъ для сооруженія и даже имѣлъ радость видѣть уже освященнымъ мѣсто подь домъ Господень; но смерть не дозволила дѣятельному опекуну исполнить своего благаго намѣренія.

Довольство во всемъ на промыслѣ въ управленіи Матяшевскаго даже простиралось до того, что былъ устроенъ постоянный домашній театр, на которомъ нѣкоторыми изъ

Видъ Божьяго Промысла съ праваго берега Кумы.

Полковникъ Матяшевскій, имѣя средства дѣлать добро и благую на это волю, во время своего управленія дѣлательно заботился о благосостояніи промысла. Однимъ изъ важнѣйшихъ его распоряженій было — заведеніе маленькой аптеки, для которой былъ выписанъ изъ Астрахани вольнонаемный фельдшеръ. Это благодѣтельное нововведеніе доставило бѣдному народу неисчислимую помощь. Въ то же время имъ построены удобныя и теплыя помѣщенія для прикащиковъ и чернорабочихъ и разведенъ небольшой садъ. Промыслу не доставало только одного — храма Божія. Полковникъ Матяшевскій не упустилъ и этого изъ вниманія. Онъ ходатай-

служащихъ конторы разыгрывались пьесы изъ *Театра Коцебу*.

Вообще ватага въ это время процвѣтала и представляла видъ самый утѣшительный.

Полковникъ Орель довершилъ многое, начатое его предшественникомъ. Движимый тѣмъ же чувствомъ благочестія, онъ дѣлательно принялся за созданіе храма, и церковь, во имя Святыхъ Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, явилась на ватагѣ къ величайшей радости православныхъ, завесенныхъ сюда нуждою далеко отъ Россіи, и сдѣлалась для

нихъ источникѣмъ отраднаго душевнаго утѣшенія вдали стѣ святой родины.

Наконецъ Божій промыслъ поступилъ въ управленіе дѣятельнаго, опытнаго и въ высшей степени благонамѣреннаго Аршакуни, и тотчасъ зажилъ новою жизнію; для него началась эпоха, по истинѣ, блистательная. Соединяя съ познаніями промысловаго дѣла просвѣщенный умъ, этотъ компаніонъ перваго новаго откупа принялся за управленіе операціею съ необыкновеннымъ жаромъ и рвеніемъ. Не жалѣя ни трудовъ, ни издержекъ и, съ радостію, видя успѣхъ, увѣнчивавшій его предпріятія, Аршакуни непрерывно переходилъ отъ одного предмета, уже совершеннаго, къ началу другаго.

Такимъ образомъ, всѣ части промысловаго устройства и управленія получили новое усовершенствованіе и все, спеціально изученное Аршакуни въ теченіе многихъ лѣтъ, въ небытность еще откупщикомъ, примѣнялось имъ съ успѣхомъ.

Въ короткое время было воздвигнуто на Божьемъ промыслѣ до ста новыхъ капитальныхъ зданій, въ числѣ которыхъ нѣсколько двухъ—этажныхъ; отъ великолѣпнаго дома, занимаемаго самимъ Аршакуни, сдѣлана прекрасная, даже великолѣпная деревянная набережная, съ виноградными аллеями, фонтанами и бесѣдками; по всему промыслу возвысились красивыя двухъ и трехъ—этажныя вышки съ бьющими внутри фонтанами и обсаженныя вокругъ деревьями, которыя въ знойныя лѣтніе дни разливаютъ благотворную тѣнь, а вышки служатъ отраднымъ убѣжищемъ отъ жаровъ, доходящихъ здѣсь отъ 31° до 32° по Реомюру въ тѣни.

Кромѣ этого, по промыслу разсажено было до 3000 деревьевъ разныхъ родовъ, способствовавшихъ очищенію воздуха и служившихъ къ украшенію промысла. Теперь Божій промыслъ кажется весь въ зелени, и послѣ утомительной дороги по неплоднымъ степямъ, онъ представляется усталому путнику восхитительнымъ оазисомъ, — земнымъ раемъ, — пріятность котораго увеличивалась гостепримствомъ и радушіемъ хозяина, доставившими главной ватагѣ добрую славу.

Распространившаяся извѣстность Божьяго промысла привлекала многихъ на него, и тѣ, которые бывали тамъ прежде, съ удивленіемъ видѣли не простую уже рыболовную ватагу, но благоустроенное мѣстечко и, къ удовольствію своему, встрѣчали, не однихъ только рыболововъ и черно-рабочихъ, но и людей просвѣщенныхъ, которыхъ общество могло удовлетворить всякаго образованнаго человѣка. Однимъ словомъ, посѣтителі уносили съ собою самое отрадное воспоминаніе.

Въ 1849 году Божій промыслъ удостоенъ посѣщенія бывшаго намѣстника Кавказскаго, князя М. С. Воронцова, съ супругою и многочисленною свитою. Въ это только время промыслъ могъ раскрыть вполнѣ свои средства: болѣе пятидесяти человѣкъ знатныхъ гостей имѣли удобное помѣщеніе и всѣ принадлежности городского комфорта. Его свѣтлость остался совершенно довольнымъ найденными имъ здѣсь улучшеніями, и лично выразилъ свое удовольствіе самому Аршакуни.

Но величайшею заслугою компаніона, вѣнцомъ его благотворныхъ распоряженій, должно считать устройство имъ, на свой счетъ, великолѣпной больницы съ богатѣйшею аптекою. Хотя до того времени, какъ сказали, и существовало больничное зданіе, но оно пришло уже въ сильную ветхость и было расположено на солонцеватомъ и сыромъ мѣстѣ, гдѣ даже и небольшимъ трудно было сохранить здоровье; слѣдовательно перенесеніе зданія на другое мѣсто было сколько необходимо, столько же и благотѣльно. Бывшій Шемахинскій военный губернаторъ, генералъ-маіоръ баронъ Врангель, и многія другія правительственныя лица, посѣщавшія Божій промыслъ, видѣли неудобство и неблагонадежность прежней больницы, и, по ихъ представленіямъ, въ 1850 году, разрѣшено было Аршакуни построить новое зданіе на избранномъ мѣстѣ, по плану и фасаду, утвержденному бывшимъ княземъ-намѣстникомъ. Зданіе это выстроено въ трехъ корпусахъ: первый для нижнихъ чиновъ и промысловыхъ людей, второй — для офицеровъ, а третій занимается аптекою. Въ нихъ помѣщается 64 кровати. Содержаніе заведенія принято было Аршакуни на свое иждивеніе до 1-го іюля 1855 года, то есть до срока откупнаго содержанія Закавказскаго рыболовства компаніею,

съ тѣмъ, чтобы въ больницѣ пользовались нижніе воинскіе чины всѣхъ вѣдомствъ, начиная отъ Сѣверовосточнаго Куринскаго банка до селенія Джавата, бесплатно.

Климатомъ Божій промыслъ не могъ прежде похвалиться; за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ пользовался репутациею самаго смертоноснаго мѣстечка во всемъ краѣ; лихорадка здѣсь господствовала, такъ что промыслъ могъ назваться гнѣздомъ этой болѣзни, въ особенности сильно дѣйствовавшей съ начала весны; сотни народа погибли отъ губительнаго бича; люди, занесенные сюда коммерческими дѣлами, не смотря ни на какія выгоды, не рѣшались оставаться на лѣто, потому что нужно было рисковать жизнію. Преимущественно язва поражала только—что прибывавшихъ изъ Россіи, которые усиливали смертность еще тѣмъ, что неумѣренно употребляли рыбу. Въ настоящее время Божій промыслъ потерялъ уже свое опасное свойство; климатъ улучшился и лихорадки почти вовсе уничтожились. Причину такой счастливой и разительной перемѣны въ климатъ нужно отнести къ слѣдующему: до откупа Аршакуни съ К^о. Божій промыслъ окруженъ былъ непроходимымъ камышемъ и густымъ кустарникомъ, подъ названіемъ *жидовника*, въ которомъ постоянно гнѣздилась сырость, отъ того, что осенніе и зимніе дожди оставляли между ними стоячія воды, отъ которыхъ, съ наступленіемъ весны, поднимались ядовитыя испаренія, распространявшія повальныя болѣзни. Аршакуни видѣлъ, откуда проистекаетъ зло и, неутомимыми попеченіями его, было все расчищено вокругъ промысла на большое разстояніе. Съ этимъ вмѣстѣ стали исчезать болѣзни, и Божій промыслъ началъ походить на всѣ другія мѣста Закавказья, отличающіяся здоровостью климата. Кромѣ того, еще чудотворно подѣйствовала на улучшение климата разсадка деревъ вокругъ ватаги, которая доставила Божьему промыслу, кромѣ украшенія, чистоту и благотворительность воздуху.

Хотя важнѣйшею причиною смертности нужно считать объясненныя обстоятельства; но болѣзнямъ пособляло много также неудобство помѣщеній для чернорабочихъ. Въ прежнее время, какъ уже сказали, зданій прочныхъ и отопляемыхъ было весьма мало, и ловцы, страдая отъ мокроты и стужи, послѣ работы не имѣли пріюта, гдѣ бы могли со-

грѣться и обсушиться; сырость и стужа, во время осеннее и зимнее разрушительно дѣйствовали на здоровье ихъ; къ тому же самый родъ занятій ловца таковъ, что онъ долженъ находиться почти постоянно на водѣ, мокрый и дрожащій; по истигѣ бѣднякамъ доставалась копѣйка, какъ говорится, *не потому, а кровью*; одна крайность, конечно, заставляла этихъ людей подвергаться такимъ неисчислимымъ бѣдствіямъ. Велики и незабвенны услуги, оказанные въ этомъ отношеніи полковникомъ Матяшевскимъ и Аршакуни.

Но подвиги послѣдняго не ограничились только устройствомъ промысловаго управленія. Аршакуни конецъ своего осьми-лѣтняго управленія ознаменовалъ христіанскимъ долгомъ. Церковь, существовавшая на Божьемъ промыслѣ, по своей ветхости, давно уже угрожала совершеннымъ разрушеніемъ. Бывшій экзархъ Грузіи, по представленію мѣстнаго священника, предоставилъ ревности Аршакуни исправленіе храма Божьяго. Внутренность и наружность были обновлены совершенно; перестройки сдѣланы фундаментальныя и церковь поставлена была въ такое положеніе, что могла существовать столько же времени еще, сколько прошло со времени основанія.

Населеніе Божьяго промысла, во время минувшаго откупа Аршакуни съ компаніею, простиралось приблизительно отъ 600 до 800 душъ мужчинъ и женщинъ.

Историческую достопримѣчательность на Божьемъ промыслѣ составляетъ катеръ, на которомъ нынѣ благополучно царствующій возлюбленный Монархъ нашъ изволилъ переправляться, въ 1850 году, чрезъ Менгичаурскую переправу, во время посѣщенія Его Величествомъ Закавказья. Катеръ этотъ остается драгоцѣннымъ памятникомъ счастливаго для края событія *). Аршакуни, на память потомству, выстроилъ для храненія катера особое здачіе, въ который онъ былъ поставленъ въ томъ же году, съ торжественною церемоніею, послѣ молебна, отслуженнаго мѣстнымъ священникомъ, съ водосвятиемъ, въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, прибывшихъ изъ

*) При передачѣ Закавказскихъ рыбныхъ промысловъ новому откупщику, былъ сданъ также и этотъ катеръ.

мѣстечка Сальянъ и изъ Сѣверовосточнаго Куринскаго банка, и при стеченіи всего промысловаго народа.

Теперь войдемъ въ нѣкоторыя подробности о самомъ производствѣ ловли и сообщимъ нѣсколько статистическихъ данныхъ, за которыя, безъ сомнѣнія, наши читатели на насъ не посѣтуютъ, такъ какъ большинству Сальянскіе рыбныя промыслы извѣстны только по наслышкѣ, а въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, явилась потребность изученія всего отечественнаго. Эти свѣдѣнія также служатъ къ лучшей оцѣнки благонамѣренныхъ дѣйствій Аршакуни.

Всѣ роды рыбъ, добываемыя на промыслахъ закавказскихъ, раздѣляются на *красную* и *бѣлую*, или, какъ называютъ ее рыболовы, *чистяковую*. Къ первому классу относятся: бѣлуга, осетръ, шипъ и севрюга; къ послѣднему сомъ, лосось, шемая, сазанъ, судакъ и прочая мелкая рыба.

Общія черты бѣлуги, осетра, шипа и севрюги заключаются въ томъ, что всѣ они имѣютъ одинаковое устройство рта, тѣло въ объемѣ круглое и на спинѣ и бокахъ твердыя косточки, называемыя у рыболововъ *жучками*; за всѣмъ тѣмъ есть между ними и большія различія. Бѣлуга отличается отъ другихъ рыбъ своею величиною; она и толще и длиннѣе ихъ, и имѣетъ на спинѣ и бокахъ кожу чистую, гладкую и скользкую; носъ же изъ чистаго хряща, короткій и на концѣ острый, составляетъ самую отличительную черту ее отъ другихъ рыбъ. Осетръ толщиною и длиною менѣе бѣлуги; онъ отличается отъ бѣлуги и севрюги тѣмъ, что кромѣ жучковъ, на спинѣ и бокахъ весь покрытъ такими же косточками, но только чрезвычайно мелкими; особенное же его отличіе, отъ вышеозначенныхъ другихъ родовъ рыбъ, составляетъ круглый и тупый носъ. *Севрюга* менѣе другихъ рыбъ толщиною и длиною и въ особенности отличается отъ нихъ долгимъ, узкимъ и туповатымъ, на оконечности, носомъ. *Шипъ*, по наружному виду наиболѣе похожій на осетра, составляетъ какую-то смѣсь всѣхъ породъ красной рыбы и потому рыболовы называютъ его *бѣлужимъ*, когда онъ имѣетъ кожу на тѣлѣ чистую, не покрытую косточками или маленькими жучками; *осетровымъ*, когда у него носъ круглый, тупой и когда онъ имѣетъ, кромѣ спинныхъ и боковыхъ жучковъ, маленькія на кожѣ

косточки, и наконецъ *севрюжимъ*, когда у него носъ продолговатый, похожій на севрюжій.

Сомъ имѣетъ большую голову и огромный ротъ, какъ бы непосредственно соединенные съ желудкомъ, который также огромной величины; хвостъ его, который называется *плекомъ*, плоскій и, съ брюшной стороны, постепенно съ уживающійся къ концу; кожа гладкая, безчешуйная и скользкая. *Лосось, шемая, сазанъ* и другія принадлежатъ къ родамъ чешуйчатыхъ рыбъ; всѣ они отличаются особеннымъ устройствомъ головы и рта, большею или меньшею величиною, а также чешуею, которая у сазана крупна, у лосося мельче, а у шемая самая мелкая.

На Закавказскихъ промыслахъ ловится: *бѣлуга* длиною отъ 5 до 12 четвертей; въ штукѣ, при погружкѣ въ суда, полагается круглымъ числомъ 3 пуда; *осетръ* и *шипъ* отъ 4 до 6 четвертей, въсомъ считается въ одинъ пудъ; *севрюга* отъ 4 до 5 четвертей, въсомъ отъ 11 до 12 фунтовъ, и *сомъ* длиною до 6 четвертей, въсомъ 30 фунтовъ.

Періодами лова рыбы на Закавказскихъ промыслахъ служатъ: весна (*бѣлякъ*), лѣтній ловъ (*жарковскій*), осенній и зима (*громка сома*). Изъ нихъ весенній ловъ, называемый на мѣстѣ рыболовами *бѣлякъ*, есть значительнѣйшій. Ловъ этотъ начинается съ 1-го числа марта и продолжается не долѣе послѣднихъ чиселъ мая мѣсяца. Для производства его употребляются всѣ средства откупа; въ немъ участвуютъ, на всѣхъ ватагахъ, до 300 лодокъ, съ такимъ же числомъ *кормщиковъ*, при которыхъ находится двойное число *весельниковъ*, полагая по два на каждую лодку, что составляетъ всего до 900 человекъ,—кромѣ рѣзальщиковъ, клеевщиковъ, сборщиковъ клея, икрянниковъ, солельщиковъ и простаго рабочаго народа,—всего же болѣе тысячи пятисотъ человекъ. Средства эти доказываютъ, какую роль играетъ ловъ этотъ въ общей операціи цѣлаго года, хотя, какъ сказано, онъ продолжается только три мѣсяца, а главнѣйшій ходъ рыбы, или настоящій бѣлякъ, даже только съ 15 марта по 15 апрѣля. Въ этотъ періодъ уловъ рыбы, на одной только ватагѣ Божій промыслъ, ежедневно бываетъ по восьми и десяти тысячъ штукъ; въ остальное же время по три, четыре и нерѣдко по пяти тысячъ штукъ рыбы въ день. Выходъ лодокъ на ловъ бываетъ два раза:

утромъ — *утренняя переборка* (снасти), и послѣ обѣда *вечерняя переборка*.

За описаннымъ ловомъ слѣдуютъ *жарковскій* и *осенній*; эти два лова далеко не имѣютъ значительности бѣляка и громки, и служатъ лишь вспомогательными. Надежды откупщика и ожиданія рыболововъ главнѣйшее опираются на весеннемъ ловѣ, который одинъ покрываетъ всѣ расходы, дѣлаемые по промысламъ въ теченіе цѣлаго года, и даетъ еще значительный доходъ. Ловъ этотъ равно *интересенъ*, въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ для откупщика, такъ и для ловцовъ *).

Но самый *замѣчательный* ловъ — это *громка*, т. е. ловъ сома. Онъ производится съ первыхъ чиселъ января и продолжается до 1-го февраля, такимъ образомъ.

Въ началѣ декабря мѣсяца на главныхъ ватагахъ—Божьемъ промыслѣ и Акушѣ,—ловцы готовятъ къ громкѣ сома, какъ то: вяжутъ, или правильнѣе *мечутъ* изъ пряжи сѣти и снаряжаютъ лодки, числомъ до 70; въ послѣднихъ же числахъ декабря, по отелуженіи промысловымъ священникомъ молебна и окропленіи рыболовныхъ принадлежностей святою водою, флотилія эта отправляется къ устью рѣки Куры, напутствуемая пожеланіями счастливаго успѣха отъ всего остальнаго населенія ватагъ. По прибытіи на мѣсто, управляющій громкою прикащикъ располагаетъ станъ, состоящій изъ нѣсколькихъ десятковъ парусныхъ палатокъ; затѣмъ опредѣляетъ флагомъ пространство, на которомъ ловцы должны производить громку, *связками* по двѣ лодки, отнюдь не выходя за назначенную черту. На слѣдующій день флагъ переставляется на такое же разстояніе, операція начинается въ томъ же порядкѣ и продолжается до забойки Божьяго промысла, т. е. на протяженіи почти 40 верстѣ.

Сомъ, какъ извѣстно, имѣетъ весьма тонкую кожу и при наступленіи холодовъ, будучи не въ состояніи переносить ихъ, какъ другія породы рыбы, ложится густыми массами на дно, преимущественно въ мѣстахъ глубокихъ или такъ называемыхъ *лмахъ*, и остается тамъ въ состояніи оцѣпенѣ-

*) Кроме жаловавья, послѣдніе получаютъ такъ называемые *копльцы*, за каждую красную рыбу по $\frac{3}{4}$ коп. серебромъ.

нія до самой весны; отъ этого обстоятельства зависитъ вполне успѣшная громка сома; но горе для ловцовъ, если зима стоитъ теплая и сомъ прежде времени поднимается изъ своихъ логовищъ: тогда громка потеряна!

Сѣть, употребляемая для громки сома, называется на мѣстѣ *польдухой* и различается тѣмъ отъ обыкновенной рыболовной сѣти, что къ краямъ ея прикрѣпляютъ множество свинцовыхъ гаекъ, тяжестью коихъ сѣть погружается на дно. Двѣ лодки, закинувъ сѣть, начинаютъ черезъ нѣсколько минутъ постепенно вытягивать ее за два конца, иногда съ большими усиліями,—въ особенности, если громка производится на благопріятномъ мѣстѣ, т. е. близъ ямы; тогда польдуха, буквально, до краевъ наполняется сомомъ, такъ что одного раза достаточно закинуть сѣть, чтобы наполнить лодку; на такихъ счастливыхъ мѣстахъ громка продолжается дня два и три.

Громка всегда сопровождается суматохой, происходящею отъ поспѣшности, съ какою однѣ лодки закидываютъ сѣти, а другія, уже нагруженные, пристають къ берегу; нельзя безъ особеннаго любопытства и удовольствія смотрѣть не оживленную картину, представляющуюся на пространствѣ одной версты: разбросанныя тамъ и сямъ палатки, толпящійся на берегу народъ, лодки, снующія по всѣмъ направленіямъ, развѣвающіеся флаги, безчисленныя стаи мартышекъ, пестрящихъ воздухъ, груды сома и потоки крови, такъ какъ здѣсь же и рѣжутъ рыбу. Этимъ послѣднимъ занимаются до 40 человекъ рѣзальщиковъ, отдѣляя клей особо, а тѣла передавая солельщикамъ для посола и укладыванія въ барки и киржимы, изъ которыхъ уже, на рейдѣ Сѣверо-восточнаго банка, все это нагружается въ корабли и, съ наступленіемъ навигаціи, отправляется въ Астрахань.

Упомянувъ о рѣзальщикахъ, нужно сказать, что изумительная скорость, съ которою они распластываютъ рыбу, по истинѣ достойна удивленія; нужно быть очевидцемъ, чтобы имѣть понятіе объ ихъ ловкости: такъ, напримѣръ, одинъ человекъ изрѣзываетъ въ день по 1200 рыбъ; при этомъ нужно имѣть въ виду краткость зимняго дня, изъ котораго еще исключается время завтрака и обѣда.

При Аршакуни, на главной ватагѣ Божій промыслъ находился одинъ рѣзальщикъ изъ Армянъ, занимавшійся этимъ

ремесломъ болѣе 20-ти лѣтъ и получившій сутуловатость отъ постоянно-согнутаго положенія во время работы. Изъ всѣхъ промысловыхъ занятій, рѣзанье рыбы считается самымъ труднымъ и потому рѣзальщики имѣютъ передъ другими мастеровыми болѣе преимуществъ, какъ въ жалованьи, такъ и въ содержаніи. Въ ремеслѣ этомъ, кромѣ проворства, требуется еще большое искусство, въ особенности при распластываніи красной рыбы, какъ то: бѣлуги, осетра и севрюги; нуженъ многолѣтній навыкъ, чтобы при выниманіи клеины она не порвалась, а отдѣлялась бы на-чисто изъ своего мѣста; по извѣстной цѣнности этого продукта, чрезвычайно важенъ опытный рѣзальщикъ. Если предположить, что въ каждой рыбѣ, отъ неловкости рѣзальщика, останется часть клеины въ 5 золотниковъ, то на 1000 рыбъ будетъ потеряно 52 фунта и 8 золотниковъ, а пудъ клея стоитъ 100—120 рублей серебромъ.

Мы уже замѣтили выше, что послѣ весенняго лова (*бл-лякъ*) громка сома самый значительный ловъ и самый интересный для ловцовъ, потому что они получаютъ, сверхъ годоваго оклада жалованья, такъ называемые копѣчные, по $\frac{3}{4}$ коп. серебромъ за каждую штуку, кромѣ *частиковой* (т. е. мелкой рыбы: сазана, судака, леща и др.), которая ловится безъ всякаго возмездія. Плату копѣчныхъ можно назвать самымъ лучшимъ поощреніемъ ловца къ дѣятельности; тутъ каждый старается не для однѣхъ пользъ хозяина, но и для своихъ собственныхъ; иной приобретаетъ въ теченіе года болѣе чѣмъ на 70 рублей серебромъ *копѣчныхъ*. Случалось, что въ одну громку ловець налавливалъ до 15,000 штукъ сома!

Счастливая громка, какъ выше сказано, зависитъ исключительно отъ холодовъ, когда сомъ неподвижно лежитъ на днѣ рѣки; такъ въ суровую зиму поднимается его до 120 тысячъ штукъ, тогда какъ въ теплую доходить только до 20 тысячъ. Чтобы яснѣе видѣть измѣненіе лововъ каждаго года, представляемъ перечень громокъ за послѣднія 8 лѣтъ, съ 1-го іюля 1847 по 1-е іюля 1855 года включительно:

1848 года	119,819	штукъ.
1849 »	73,660	»
1850 »	84,364	»

1851 года	58,586	штукъ.
1852 »	98,525	»
1853 »	113,847	»
1854 »	56,713	»
1855 »	21,504	»

Изъ этой таблицы видно, что самыя удачныя громки были въ 1848 и 1853 годахъ, потому что въ эти годы, какъ извѣстно, зимы были самыя жестокия *).

Наконецъ, нужно замѣтить, что слово *громка*, въ примѣненіи къ описанному лову, повидимому выражаетъ чрезвычайный шумъ и суматоху, которыми онъ и сопровождается. Но, напротивъ, громка требуетъ величайшей тишины, чтобы не встревожить рыбу, потому что если она поднимется, тогда нѣтъ уже возможности съ успѣхомъ громить ее; для предотвращенія этого, за нѣсколько дней до наступленія періода громки, запрещаются въ особенности ружейныя выстрѣлы по рѣкѣ. Впрочемъ слово *громка* должно быть объяснено иначе, именно: когда лодки соберутся для начатія лова, тогда, по знаку прикащика, всѣ разомъ бросаются въ разныя стороны и забрасываютъ поѣздухи, отъ чего сомъ въ своихъ логовищахъ застается какъ бы въ распlochъ.

Изъ всѣхъ Сальянскихъ рыбныхъ промысловъ одна только Покровская ватага расположена на острову, въ 50-ти верстахъ отъ устья рѣки Куры; тамъ ловъ производится *подрядными* ловцами, безъ опредѣленнаго жалованья, за одни *копѣчные*, которые гораздо значительнѣе получаемыхъ наемными кормщиками; ловъ этотъ контрагуется на то лишь время года, въ которое онъ производится; подрядчикамъ выдается отъ конторы нужное количество *снастей*, т. е. рыболовныхъ удочекъ, которыя они разставляютъ въ морѣ, въ два *закроя* отъ ватаги; каждый *закрой* считается

*) Описанный порядокъ громки почти въ одинаковомъ видѣ производится и въ низовьяхъ рѣки Волги, съ тою только разницею, что тамъ процессъ этотъ совершается на льду; для этого прорубается нѣсколько отверстій, называемыхъ прорубьями, въ которыя опускаются сѣти; впрочемъ, громка на тамошнихъ ватагахъ далеко не имѣетъ той значительности, какъ на Сальянскихъ промыслахъ.

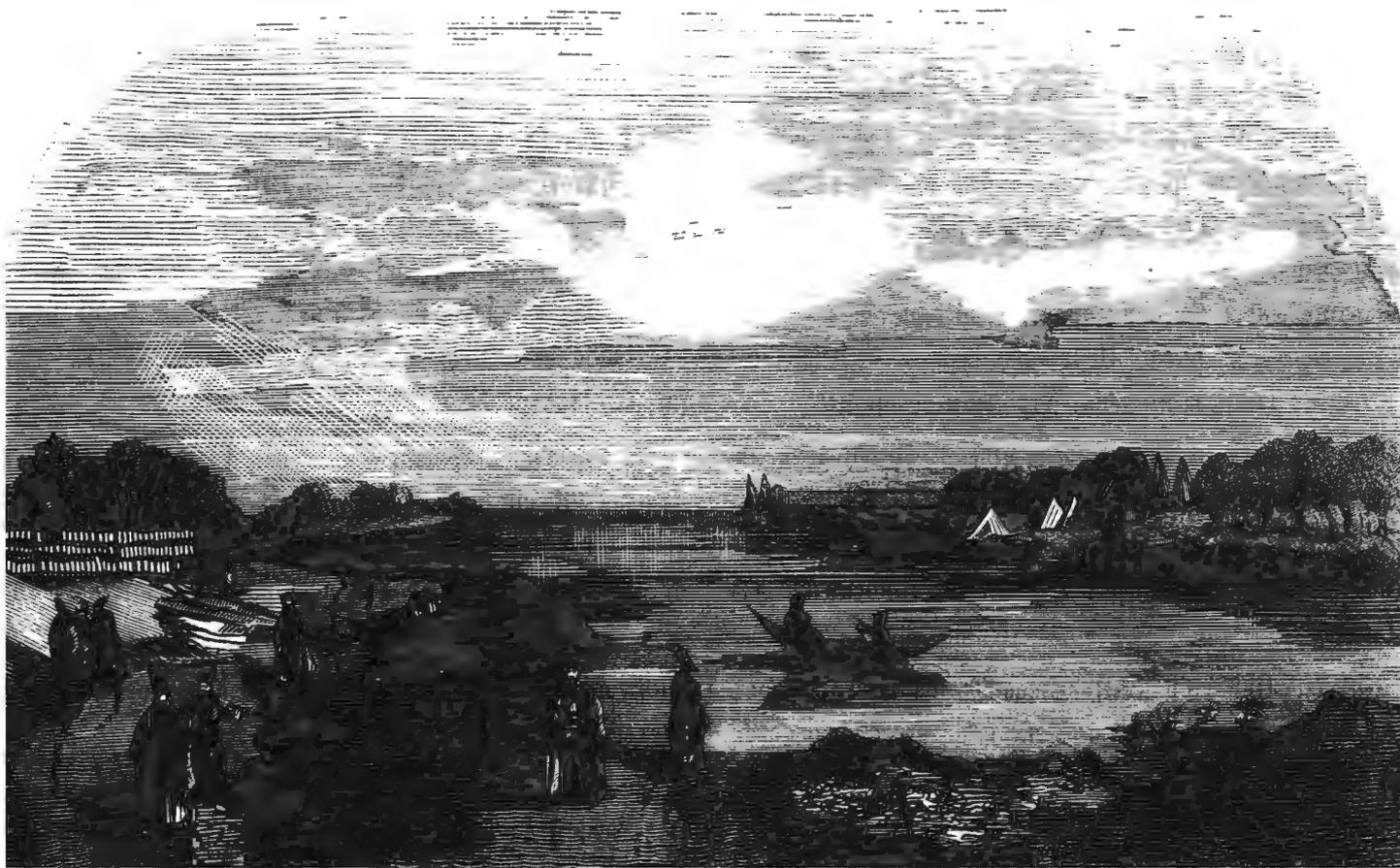
въ 25 верстъ, всего же на 50 верстъ, на глубинѣ отъ 70 до 80 сажень.

Ловъ на морскихъ ватагахъ самый трудный, ибо сопряженъ съ величайшими опасностями; гдѣ человѣкъ болѣе всего рискуетъ своею жизнью, такъ это на упомянутомъ ловѣ. Въ утломъ челнокѣ онъ пускается въ морѣ, гдѣ надъ нимъ необъятное воздушное пространство, а подъ нимъ бездна, отъ которой онъ отдѣленъ одною только тонкою доскою, подъ вліяніемъ страха быть застигнутымъ къ морѣ бурей! Но отважный ловецъ носится надъ влажною пучиною пѣсколько дней безъ пищи и воды, перенося всѣ возможные страданія отъ голода и холода *); тутъ, какъ говорится,

противъ, здѣсь Русскій рабочій человѣкъ далекъ отъ экономическихъ соображеній; онъ тогда только вполнѣ веселъ, когда у него въ карманѣ звенятъ деньги; тутъ онъ забываетъ все свое горе и снова пускается на опасный промыселъ.

На рѣчныхъ ватагахъ Закавказскаго откупа, болѣе половины ловцовъ инородцы, но на морскихъ промыслахъ исключительно Русскіе. Ужъ такова Русская натура, вездѣ пренебрегающая опасностями; это характеристическая черта нашего великаго народа, свойственная всѣмъ Славянамъ.

Способы ловленія употребляются слѣдующіе:

Забойка при ватагѣ Божій Промыслъ.

человѣкъ добываетъ себѣ хлѣбъ не *потомъ*, а *кровью*; повидимому такое невѣроятно-трудное приобрѣтеніе денегъ должно бы расположить къ величайшей экономіи; но, на-

*) Такія провсшествія случаются почти каждый годъ.

а) *Забойки*. Онѣ устроиваются на рѣкахъ для удержанія рыбъ на извѣстномъ пространствѣ, чрезъ всю рѣку, отъ одного берега до другаго, и не въ прямомъ, а въ косвенномъ направленіи. Имъ при постройкѣ даются разныя формы смотря потому, куда рѣка имѣетъ главное стремленіе. По обѣимъ сторонамъ забоекъ устроиваются ворота для про-

хода разныхъ судовъ, и по всей длинѣ забойки продѣлаются окна, которыя также, какъ и ворота, открываются во время большой воды, дабы сильный напоръ не сорвалъ забоекъ. Передъ забойками впускаются въ воду, до самаго дна, плетки, которыя дѣляются изъ тоненькихъ шестиковъ, называемыхъ кашакомъ; онѣ перемѣняются два раза въ годъ: въ февралѣ мѣсяцѣ передъ весеннимъ льдомъ и въ юлѣ или августѣ передъ осеннимъ льдомъ.

б) *Снасти морскія и рѣчныя*. Онѣ состоятъ изъ уды прикрѣпленной къ веревочкамъ, называемымъ поводцами. Поводцы съ удою привязываются къ длинной веревкѣ, которая называется длинникомъ; въ каждомъ длинникѣ 50 удочекъ; два длинника связываются вмѣстѣ и составляютъ счалъ. Снасти эти обыкновенно употребляются для лова всѣхъ родовъ красной рыбы. Такъ какъ рыба, какъ выше сказано, идетъ по нордъ-осту, то ловцы выкладываютъ снасти противъ этого вѣтра, дабы рыба, идя съ вѣтромъ, не могла миновать снастей, и дѣйствительно, когда онѣ выложены удачно, ловцы, послѣ каждаго нордъ-остоваго вѣтра, отправляясь на переборку, возвращаются съ большимъ количествомъ рыбъ. Переборка снастей большею частію дѣлается два раза въ день, утромъ и вечеромъ.

в) *Сѣти плавныя, ставныя и польдухи*. Снасти эти дѣлаются изъ разнаго рода пряжъ, и употребляются: первая въ рѣкахъ для лова осетра, щуки и севрюги, вторыя для лова тѣхъ же родовъ рыбъ и бѣлуги, а послѣднія для ловли сома.

г) *Багра*. При забойкахъ красная рыба всѣхъ родовъ ловится баграми. Это родъ большихъ острыхъ крючковъ, которые прикрѣпляются къ довольно длинной палкѣ. Этими баграми мусульмане баграютъ, у забоекъ, лосось.

д) *Сѣти для лова шемаи*. Ловъ шемаи производятъ исключительно подрядные ловцы изъ мусульманъ, которые для того дѣлаютъ сѣти изъ шелковой пряжи, съ малыми клѣточками, такъ, чтобы не могла пройти сквозь нихъ рыба.

Большую часть матеріаловъ, потребныхъ какъ на рыболовство, такъ и на многоразличныя хозяйственныя надобности промысловъ, выписываютъ изъ Астрахани, по невоз-

можности прибрѣтать ихъ на мѣстѣ, и по доставкѣ складываютъ на четырехъ главныхъ пунктахъ, а именно: на Северовосточномъ банкѣ, на Божьемъ промыслѣ, въ Кумбашахъ и Топрах-Кали. Изъ этихъ мѣстъ матеріалы разсылаются, по мѣрѣ надобности, на всѣ другіе промыслы. Въ 1846 году, предъ сдачею Закавказскихъ промысловъ въ откупное содержаніе, было заготовлено для всѣхъ промысловъ въ Астрахани казеннымъ управленіемъ матеріаловъ рыболовныхъ, и также съѣстныхъ припасовъ и т. п. на сумму 47,431 рубль 23 копѣйки. Тѣхъ же предметовъ было прибрѣтено на мѣстѣ и вообще въ Закавказскомъ краѣ на 19,600 рублей 55 копѣекъ.

Изъ означенныхъ матеріаловъ, соль, составляющая одну изъ главныхъ потребностей по промысловымъ дѣламъ, заготавливается частію въ Астрахани и частію въ Баку и Сальянахъ. Въ 1846 году изъ Астрахани выписано соли 14,000 пуд., цѣною по 29 копѣекъ, на 4060 рублей; куплено соли Бакинской и Сальянской 113,120 пуд., цѣною по 15 копѣекъ, на 16,968 рублей. Изъ этого количества соли тогда шло на пищу мастеровымъ и рабочимъ до 2000 пудовъ, остальное же количество употреблялось на посоль рыбы и рыбнаго товара.

Въ управленіе Аршакуни и К^о изъ Астрахани привозилось на одинъ Божій промыселъ разныхъ рыболовныхъ матеріаловъ и другихъ принадлежностей для промысловъ на сумму отъ 80 до 100,000 рублей серебромъ каждаго года.

Уловъ рыбы, смотря по обстоятельствамъ и въ особенности по большому или меньшему полноводію въ Курѣ, бываетъ не каждый годъ одинаковъ.

Многіе ловцы, помнящіе эпоху основанія ватагъ Божьяго промысла и Акуши, увѣряютъ, что во время перваго откупщика Сальянскихъ промысловъ, Астраханскаго жителя Иванова, ловъ рыбы былъ чрезвычайно обилень: во все продолженіе весенняго лова (*бѣлка*) привозилось на плотъ, ежедневно, отъ 25 до 30 т. штукъ. Для такого громаднаго количества рыбы въ то время не имѣли достаточно соли для посола и средствъ къ перевозкѣ въ Астрахань, а потому старались вынимать изъ рыбы только клей и вязигу, какъ продукты многоцѣнные, а тѣла и даже икру бросали въ воду,

подъ плотъ *), гдѣ скопленіе мертвой рыбы бывало по временамъ такъ огромно, что останавливало теченіе воды.

Съ теченіемъ времени, а особенно въ послѣдніе годы, количество добываемой рыбы уменьшается. Въ четыре года предшествовавшіе откупу, съ 1841 по 1845 годъ, было уловлено:

	въ 1841 г.	въ 1842 г.	въ 1843 г.	въ 1844 году.	
Бѣлуги	4,529	5,485	6,289	3,102	штукъ.
Осетровъ	22,421	24,068	21,308	15,381	»
Шиповъ	8,723	9,925	12,271	14,607	»
Севрюгъ	361,252	418,190	415,133	463,721	»
Сома	70,812	69,111	77,422	95,589	»
Шемая	220,793	158,647	129,962	192,805	»

Уловъ прочихъ рыбъ, какъ-то: лососей, сазана, судака, кутума и т. п., менѣе значителенъ и о количествѣ улова ихъ здѣсь не помѣщено, по неизмѣннѣю полныхъ свѣдѣній.

Вся красная рыба частію солится въ прокъ, и частію обращается въ балыки на продажу въ Закавказскомъ краѣ; посоленная же красная рыба, а также и сомъ отправляются въ Астрахань на продажу; шемая же распродается въ самомъ краѣ. Что касается продуктовъ, добываемыхъ изъ красной рыбы и сома, то они въ періодъ съ 1841 по 1845 годъ были въ слѣдующемъ количествѣ:

Икры въ бочкахъ, отъ 27 до 30— фунтовыхъ . . .	въ 1841 г.	въ 1842 г.	въ 1843 г.	въ 1844 году.	
Жиру	592	670	789	746	боч.
Клея краснаго. . .	398	430	445	460	пуд.
сомовьяго . . .	196	152	119	215	»
Вязиги	547	575	595	607	»

Во время откупа Аршакуни и К°, ежегодное отправленіе рыбныхъ товаровъ съ Сѣверовосточнаго рейда въ Астрахань

*) Плоты устроиваются при каждой ватагѣ на сваяхъ, въ разстояніи 6 сажень отъ берега; въ плотяхъ прорубается нѣсколько отверстій для стока крови, во время рѣзанья рыбы, и дѣлаются особые спуски для приема ея изъ лодокъ.

простиралось на сумму отъ 300 до 350 т. рублей серебромъ. Независимо отъ этого, въ Закавказьѣ сбылось почти на 100 т. рублей серебромъ рыбы, большею частью въ видѣ балыка, который, какъ извѣстно, служитъ лакомою закуской въ Грузіи.

Продуктъ этотъ заслуживаетъ описанія болѣе подробнаго. — *Балыкъ* слово татарское (рыба) и первоначальное изобрѣтеніе приготовленія рыбы въ такомъ видѣ принадлежитъ Татарамъ. Раздвинувъ предѣлы своихъ владѣній на западъ, и основавъ столицу свою Сарай или Кипчакъ въ разстояніи около 300 верстъ выше Ателя (нынѣшней Астрахани), построенной въ мѣстахъ, чрезвычайно изобилующихъ рыбою, — они начали здѣсь производить рыболовство. Ведя жизнь кочевую и не занимаясь скотоводствомъ на бесплодныхъ степяхъ, завоеватели эти имѣли нужду въ такой пищѣ, которая бы долго сохранялась отъ порчи и не требовала приготовленія на огнѣ, во время набѣговъ на сосѣднія русскія земли, куда нужно было проходить степями, покрытыми однимъ ковылемъ. Въ это-то время, какъ полагаютъ они, и придумали выдѣлку балыковъ: нарѣзавъ рыбу на куски, Татары солили ее, вялили на солнцѣ и получали такимъ образомъ пищу удобовмѣстительную въ походѣ и, къ тому-же, весьма пріятнаго вкуса. Въ эпоху владычества Татаръ надъ Русью, наши предки, часто ѣздившіе въ Сарай, иногда по дѣламъ торговымъ, а болѣе по политическимъ, узнали новый способъ приготовленія рыбы и, переѣзжая бесплодные степи, стали сами сушить ее, запасаясь этою пищею на дорогу. Вотъ исторія балыковъ въ Россіи, гдѣ выдѣлка ихъ теперь такъ усовершенствована; самые пѣжные и вкусные балыки, какъ извѣстно, готовятся на Дону и гораздо лучше, чѣмъ на Закавказскихъ промыслахъ. Балыки здѣшней, т. е. Закавказской выдѣлки, всѣ безъ исключенія, потребляются въ Грузіи и служатъ здѣсь, какъ мы уже замѣтили, необходимою закуской. Вино, между прочимъ кусокъ тешки, осетра, или севрюги, зурна — и незатѣйливый туземный пиръ готовъ, при какой обстановкѣ, знаменитое *аллверды!* имѣть особенную цѣну. Большая часть балыковъ потребляется въ Кахетіи, на этой роднѣ вина; а вино и сухая рыба, по отзыву лучшихъ знатоковъ, — два необходимыхъ вспомогательныхъ средства....

Въ теченіе 12 лѣтъ, съ 1833 года, чистый доходъ отъ продажи рыбныхъ продуктовъ по Сальянскимъ и Кизиль-Агачскимъ промысламъ составлялъ, за расходами, нижеслѣдующія суммы:

Въ 1833 г.	170,336 руб.	Въ 1839 г.	101,555 руб.
» 1834 »	136,564 »	» 1840 »	154,258 »
» 1835 »	168,349 »	» 1841 »	68,890 »
» 1836 »	157,988 »	» 1842 »	120,676 »
» 1837 »	137,716 »	» 1843 »	75,162 »
» 1838 »	94,927 »	» 1844 »	86,431 »

Такимъ образомъ, высшій доходъ былъ въ 1833 году 170,336 р.; низшій въ 1841 году 68,890 р.; по средней же сложности этихъ 12 лѣтъ ежегодный доходъ съ промысловъ составлялъ 123,237 р. сер.

По этому многіе сомнѣвались въ успѣхъ Компаніи 1847 года, когда узнали, что промыслы остались за нею въ ежегодномъ платежѣ по 170,100 р. сер.

Но, благодаря дѣятельности и познаніямъ Аршакуни, — полученъ былъ блестящій результатъ. Правительство своевременно имѣло доходъ, промыслы доведены до совершеннаго устройства во всѣхъ отношеніяхъ, а Компанія, за всѣхъ тѣмъ, извлекла для себя огромныя выгоды.

Все это доказывается тѣмъ, что въ 1855 году, при наступившихъ торгахъ на отдачу въ новое содержаніе Закавказскихъ рыбныхъ промысловъ, соревнованіе было огромное: нѣсколько компаній составилось для откупа, и они остались, по торгамъ, за чиновникомъ Мирзоевымъ за 312,000 руб. серебромъ ежегодно. Такимъ образомъ откупная сумма почти удвоилась. За всѣмъ тѣмъ, нельзя сомнѣваться въ успѣхъ, если настоящій откупщикъ будетъ слѣдовать учрежденіямъ и порядку, положеннымъ Аршакуни въ основаніе управленія операціею.

Здѣшная мѣстность — рудникъ, который стоитъ только разрабатывать, а онъ заключаетъ въ себѣ неистощимый запасъ драгоцѣннаго товару: рыбы, икры и клея. Не даромъ ловцы прозвали рѣку Куру *золотымъ дномъ*. Названіе это—весьма ей прилично, послѣ того, какъ она обогатила многихъ частныхъ лицъ и изъ малокапитальныхъ сдѣлала милліонщиковъ!

Теперь не подлежитъ сомнѣнію, что торговая важность этихъ промысловъ ставитъ ихъ въ первомъ ряду, между замѣчательнѣйшими пунктами края.

На Божьемъ промыслѣ существуетъ главная контора, въ которой сосредоточивается управленіе всею операціею, отъ нея есть отдѣленіе въ Астрахани, гдѣ продаются рыбные товары, привозимые съ промысловъ, закупаются матеріалы и нанимаются рабочіе люди. Отдѣленіе тамошнее ведетъ сче-ты съ покупателями рыбныхъ товаровъ. При прежнемъ откупѣ операціею управляли сами компаніоны: на Божьемъ промыслѣ почетный гражданинъ Аршакуни, а въ Астрахани другой компаніонъ, — такъ что всѣ дѣла откупа были подвергнуты исключительному надзору самыхъ откупщиковъ; теперь же, какъ промыслами, такъ и дѣлами въ Астрахани, управляютъ довѣренныя лица отъ г. Мирзоева.

Но не ограничиваясь устройствомъ одного Божьяго промысла, Аршакуни въ 1853 году, по предложенію статскаго совѣтника Ханыкова, съ радостію принялъ на себя всѣ издержки по построенію въ мѣстечкѣ Сальянахъ болѣе удобнаго и прочнаго зданія для магометанскаго училища, чѣмъ существовавшее до того времени, и съ удовольствіемъ обязался содержать все заведеніе, безвозмездно отъ правительства, до 1-го іюля 1855 года, — что прекрасно и выполнилъ. Ближайшій надзоръ за училищемъ возложенъ былъ, по волѣ князя Воронцова, на самого жертвователя. Зданіе этого заведенія раздѣляется на два корпуса съ коридоромъ посреди, и считается лучшимъ строеніемъ во всемъ мѣстечкѣ. Утѣшительно было видѣть, какъ училище быстро пошло къ преуспѣянію. Аршакуни умѣлъ внушить туземцамъ цѣль правительства въ распространеніи между ними просвѣщенія, которое будетъ для нихъ полезно и поведетъ ихъ къ счастливымъ перемѣнамъ въ общественной жизни. — Благая цѣль скоро была понята всѣми: число учениковъ умножилось, преподаватели Русскаго, Татарскаго и Арабскаго языковъ, были избраны съ самыми основательными познаніями. Туземцы съ довѣріемъ посылали дѣтей своихъ учиться.

Въ заключеніе скажемъ, что, конечно, всякая статья откупается частными лицами, для извлеченія однихъ только себѣ выгодъ; по истеченіи нѣсколькихъ опредѣленныхъ лѣтъ откупъ поступаетъ въ другія руки, которыя тоже ста-

раются получить всевозможную пользу изъ своей статьи. Это весьма натурально. Но, мы видѣли исключеніе въ управленіи прошедшей компаніи знаменитыми теперь Закавказскими рыболовными водами. Аршакуни показалъ самый похвальный примѣръ, какъ можно соединять пользу откупщика съ благомъ общимъ. Во время своего управленія, онъ доставилъ компаніи многія выгоды и, кромѣ того, возвелъ промысла на высокую степень коммерческаго развитія. Такимъ образомъ, Аршакуни служилъ, въ одно время, собственнымъ интересамъ и пользѣ общественной, и тѣмъ оставилъ незабвенную память по себѣ, какъ по промысламъ, такъ и въ мѣстечкѣ Сальянахъ. Это доказываетъ, что съ посвященнымъ взглядомъ на вещи и съ доброю волею можно

вмѣстѣ съ богатствомъ приобрѣсть и добрую славу. Два лица, Матяшевскій и Аршакуни, способствовавшіе преуспѣянію Закавказскихъ рыбныхъ промысловъ и процвѣтанію главнаго центра ихъ, Божьяго промысла, столько оставили примѣровъ для настоящаго откупщика, что нельзя сомнѣваться въ продолженіи благосостоянія и большаго коммерческаго развитія промысловъ, которые и теперь уже ставятъ ихъ на степень немаловажной статьи государственнаго дохода. Аршакуни также доказалъ, что не только въ Англіи, или въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ нашемъ отечествѣ, есть люди, могущіе управлять промышленными статьями съ несомнѣннымъ успѣхомъ дѣла.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, августа 15-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ

СИПАГИНЪ .

ГЕНЕРАЛЪ - АДЪЮТАНТЪ ГЕНЕРАЛЪ - ЛЕЙТЕНАНТЪ

НИКОЛАЙ МАРТЯНОВИЧЪ СИПЯГИНЪ.

Николай Мартяновичъ Сипягинъ, — воинъ, славно участвовавшій въ великомъ дѣлѣ избавленія отечества отъ нашествія иноплеменниковъ и въ брани за свободу Европы, потомъ распорядительный администраторъ, — собственно на Кавказѣ памятный множествомъ прекрасныхъ начинаній для блага края, — родился въ 1785 году, въ Костромской губерніи. Пяти лѣтъ отъ роду, въ 1790 году, по обыкновенію того времени, онъ былъ записанъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ сержантомъ, а въ 1795, по желанію отца его, бывшаго командиромъ Московской Адмиралтейской Конторы, опредѣленъ, для продолженія и окончанія наукъ, въ Морской Кадетскій Корпусъ *). Въ слѣдующемъ году

*) Въ статьѣ: «Воспоминанія о Николаѣ Мартяновичѣ Сипягинѣ», помѣщенной въ *Московскомъ Альманахѣ* на 1829 годъ, издаваемомъ Сергіемъ Глинкою (М., въ тип. Августа Семена, въ 16 д. л. 1829 г.), на стр. 77, сказано: «Н. М. Сипягинъ родился въ Костромской губерніи и по обычаю того времени былъ записанъ въ военную службу сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ.... 1790 года Сипягинъ для окончанія наукъ, поступилъ въ

Сипягинъ поступилъ опять сержантомъ въ Измайловскій полкъ *); но при восшествіи на престолъ Императора Павла, когда повелѣно было всѣмъ, записаннымъ въ военную службу, явиться для дѣйствительнаго исправленія ея,

Морской Корпусъ.» Изъ этихъ словъ можно бы заключить, что Николай Мартяновичъ былъ записанъ сержантомъ при самомъ рожденіи или очень скоро послѣ него, но въ «Некрологіи», помѣщенной въ *Сѣверной Пчелѣ* 1828 года (№№ 147—148) и въ біографіи: «Н. М. Сипягинъ», напечатанной въ изданіи *Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ* (выпускъ 55) отнесено это зачисленіе сержантомъ къ 1790, а опредѣленіе въ Морской Кадетскій Корпусъ — къ 1795 году. Намъ приняты послѣднія показанія, какъ, по нашему мнѣнію, наиболее вѣроятныя.

*) Въ «Воспоминаніяхъ» *Московского Альманаха* (стр. 77—78) сказано: «Слѣдственно чего не могъ тогда пріобрѣсти въ военномъ гвардейскомъ училищѣ, то онъ не только заимствовалъ въ новомъ храмѣ воспитанія, но и обогатилъ свой умъ такими познаніями, которыя не относятся непосредственно къ сухопутной службѣ. 1796 года въ томъ же чинѣ, но съ новымъ бытіемъ нравственнымъ, ко-

Николай Мартьяновичъ, тогда 11-ти-лѣтній отрокъ, принужденъ былъ снова оставить гвардію и перейти въ гражданское вѣдомство *). Его записали, въ 1798 году, въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, но въ юной душѣ нашего героя кипѣла страсть къ войнѣ **), и въ 1799 году онъ оставилъ статскую службу, а 22-го февраля слѣдующаго года опредѣлился «рядовымъ съ галуномъ» въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ ***), гдѣ, въ томъ же году, августа 15-го, произведенъ въ унтеръ-офицеры, 15-го октября 1801 года въ подпорщики, а 30-го января 1804 года получилъ чинъ прапорщика. Въ слѣдующемъ году, когда Благословенный, подавая руку помощи Германскому Императору Францу II, открылъ первый походъ Свой противъ Наполеона, Сипягинъ началъ *дѣйствительную* военную службу, выступивъ за границу съ Семеновскимъ полкомъ, и участвовалъ въ знаменитой Аустерлицкой битвѣ, гдѣ былъ раненъ пулею въ правую руку и получилъ ядромъ контузію въ бокъ. Хотя въ этой кратковременной, — впрочемъ кровопролитной, — войнѣ, Николай Мартьяновичъ, по чину сво-

торого ничто не можетъ замѣнить, возвратился онъ въ Измайловскій полкъ.» Подобныя фразы непонятны: какое могли дать воспитаніе, — и еще специальное и даже нравственное, — Измайловскій полкъ или, — какъ называлъ его Глинка, — военное гвардейское училище и Морской Кадетской Корпусъ, когда Сипягинъ находился въ нихъ младенцемъ и отрокомъ и оставилъ окончательно, едва достигнувъ 10-ти лѣтъ отъ роду?

*) Говоря объ этомъ оставленіи гвардіи, — тогда общемъ для множества дворянъ, — «Воспоминанія» опять ставятъ Николая Мартьяновича на ходули. «Стремленіе къ наукамъ и къ просвѣщенію было господствующею страстью Сипягина, — напечатано въ *Московскомъ Альманахѣ* (стр. 78), — а потому, желая почерпнуть свѣдѣнія необходимыя на поприщѣ государственномъ, 1798 года перешелъ онъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.»

**) «Воспоминанія» (тамъ же) поступленіе Сипягина въ третій разъ въ гвардію снова объясняютъ: *желаніемъ Николая Мартьяновича удовлетворить страсти своей къ разнообразнымъ сѣдланиямъ*.

***) Съ этого времени начинаются показанія формулярнаго о службѣ Сипягина списка за 1826 годъ, которымъ мы руководствовались; вся же предыдущая его служба въ этотъ списокъ не внесена.

ему, не могъ отличить себя какимъ нибудь необыкновеннымъ подвигомъ; но, — какъ сказано было въ извѣстіяхъ современныхъ *): «онъ показалъ уже, что любовь къ званію, которому онъ себя посвятилъ, и непоколебимая твердость въ перенесеніи всѣхъ трудовъ и опасностей, будутъ наилучшими его спутниками во всѣхъ его подвигахъ. Словомъ, по убѣжденію душевному, почувствовалъ, что заслуги могутъ вести къ славѣ и доставлять тѣ отличія, которыхъ и самая привязчивая зависть не въ силахъ оспорить.»

Наградою Сипягину, за храбрость, оказанную имъ подъ Аустерлицомъ, былъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.

Вмѣстѣ съ гвардіею, онъ возвратился въ С. Петербургъ; 29-го марта 1806 года **) былъ произведенъ въ подпоручикъ, а 9-го мая того же года назначенъ баталіоннымъ адъютантомъ.

Не долго отдыхали Царскіе тѣлохранители въ столицѣ послѣ этого похода: вскорѣ полки гвардіи выступили снова за границу, сражаться за спасеніе Пруссіи. Сипягинъ, — назначенный, 10-го января 1807 года, адъютантомъ къ генераль-маіору Деллерадовичу ***), — участвовалъ, 25-го и 26-го мая, въ арріергардныхъ дѣлахъ между Гутштадтомъ и рѣкою Пассаргою, 29-го былъ свидѣтелемъ славнаго Гейльсбергскаго сраженія, но въ самой битвѣ, — гдѣ Русскіе побѣдили оборонительно, — не принималъ участія, стоя съ гвардіею въ резервѣ; а 2-го іюня, въ сраженіи подъ Фридландомъ, — окончившимъ рядъ битвъ, которыми ознаменована кампанія 1807 года, — находился въ убійственномъ огнѣ. Наградами его за этотъ походъ были: золотая шпага съ надписью: «за храбрость» и орденъ Св. Анны 3-го (нынѣ 4-го) класса. 7-го ноября 1807 года Николай Мартьяновичъ сдѣланъ снова ба-

*) По свидѣтельству «Воспоминаній» (стр. 80—81).

**) Формулярный списокъ. По «Некрологіи» *Сѣверной Пчелы* онъ произведенъ 22-го марта, а по біографіи въ изданіи *Императоръ Александръ I*, въ апрѣль.

***) По формулярному списку. Въ печатныхъ источникахъ, которыми мы пользовались объ этомъ назначеніи не упоминается.

таліоннымъ адъютантомъ; чрезъ день, 9-го ноября *), произведенъ въ поручики, а 19-го сентября слѣдующаго года, назначенъ полковымъ адъютантомъ. Здѣсь открылось поле врожденной Сипягину кнучей дѣятельности. Онъ завелъ образцовый порядокъ въ полковой канцеляріи, устроилъ полковую бібліотеку и составилъ историческій обзоръ Семеновскаго полка, изображенный на большомъ листѣ, съ рисунками.

Нося въ душѣ своей общее тогда почти всѣмъ истинно-Русскимъ убѣжденіе **), что миръ, подобный Тильзитскому, для нашего отечества долженъ быть только перемиріемъ, что держава, столь могущественная, какъ Россія, можетъ имѣть невзгоды, но не можетъ не отмстить за нихъ, и что рано или поздно должна послѣдовать война самая упорная и рѣшительная, — война, необходимая для чести, славы, благоденствія Россіи, для возстановленія ея голоса въ судьбахъ міра, — Сипягинъ въ тоже время ревностно приготавливалъ себя на службу святой родины, въ ожидаемые кровавые дни: всѣ свободные отъ должностныхъ обязанностей часы онъ посвящалъ прилежному изученію военного искусства и занятіямъ науками политическими и историческими, чтенію книгъ къ этимъ частямъ относящимся и къ размышленію о великой наукѣ силою и войвою охранять и спасать спокойствіе и безопасность государствъ. Это пылѣтнее отдохновеніе было колыбелью славы незабвеннаго Сипягина: высокій природный умъ, соединенный съ неутомимою дѣятельностію, прибрѣлъ нашему герою тѣ познанія, которыя, въ послѣдствіи времени, дали ему возможность приносить истинную пользу службѣ Государю и Отечеству. Императоръ Александръ, къ Которому, по званію полковаго адъютанта, Сипягинъ являлся почти каждое утро, узнавъ его коротко и замѣтивъ его способности, познанія, усердіе

*) По формулярному списку; а по «Некрологіи» *Сѣверной Пчелы* и по біографіи въ изданіи *Императоръ Александръ I*, 3-го ноября.

**) О такомъ убѣжденіи Сипягина говорятъ всѣ печатныя біографіи его, когорыми мы имѣли случай пользоваться. Особенно сильно сказано объ этомъ въ «Воспоминаніяхъ», помѣщенныхъ въ *Московскомъ Альманахѣ* (стр. 82—83).

и расторопность, благоволилъ назначить его, 12-го іюля 1811 года, «за отличіе по службѣ» къ Себѣ флигель-адъютантомъ. Еще прежде, 25-го апрѣля 1809 года, онъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а потомъ, 5-го октября 1811 года, въ капитаны.

Въ апрѣлѣ 1812 года, — когда громады войскъ всей Европы двигались къ нашимъ границамъ, гвардія выступила изъ Петербурга въ Вильну, готовясь сражаться съ Западомъ за спасеніе Вѣры и Царя, за благо міра. Въ наступившіе вскорѣ грозные дни Николай Мартьяновичъ явилъ себя достойнымъ сыномъ отчизны. При движеніи нашемъ отъ Вильны къ Смоленску, онъ состоялъ при особѣ Великаго Князя Цесаревича Константина Павловича, а въ началѣ августа, по отбытіи Его Высочества изъ Смоленска въ Петербургъ, поступилъ къ князю Багратиону, и находился съ нимъ, августа 24-го, при защитѣ Шевардинскаго редута и, 26-го, въ народномъ побоищѣ Бородинскомъ. При этомъ онъ вдался въ величайшія опасности, а посылаемый нѣсколько разъ княземъ Багратиономъ къ Кутузову съ донесеніями, до такой степени снискалъ благорасположеніе Свѣтлѣйшаго, что, послѣ раны, полученной Багратиономъ, главнокомандовавшій оставилъ его при себѣ. Сдѣлавшись ревностнымъ почитателемъ Кутузова, Сипягинъ состоялъ при немъ отъ битвы Бородинской до половины октября, и часто былъ употребляемъ въ разныхъ посылкахъ, которыя всегда исполнялъ къ удовольствію вождя. Свѣтлѣйшій вскорѣ полюбилъ молодаго капитана и постоянно приглашалъ его къ своему обѣденному столу, за коимъ краснорѣчіе и любезность Михаила Иларіоновича были неистощимы. За обѣдомъ князь забывалъ и бранныя, вокругъ него шумѣвшія тревоги, и громадное бремя предводительства всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи противъ Наполеона. Хозяинъ самый гостепріимный, Кутузовъ очаровывалъ гостей своихъ разговоромъ, съ величайшею легкостію переходя отъ предметовъ самыхъ возвышенныхъ къ предметамъ забавнымъ, шутивнымъ.

Въ сраженіи при Чернышней, 22-го сентября, и особенно въ упорномъ боѣ подъ Малымъ Ярославцомъ, 12-го октября, Сипягинъ съ честію участвовалъ и по распорядительной, и по исполнительній части, а когда, послѣ послѣдняго сраженія, Наполеонъ началъ отступать, и потомъ Великая Армія

искала спасенія въ бѣгствѣ, Николай Мартыановичъ, желая ближе участвовать въ преслѣдованіи врага, выпросился *) у Кутузова къ Милорадовичу, неутомимо тѣснившему и блистательно поражавшему цвѣтъ Европейскаго воинства. Сипягинъ, находясь въ этомъ авангардѣ главныхъ нашихъ силъ, принималъ дѣятельное участіе въ пораженіи вице-короля Италійскаго и маршала Даву подъ Вязмою, 21-го октября, и сражался: 3-го ноября — при селѣ Ржавкѣ, 4-го — при селѣ Мерлишѣ, гдѣ имѣлъ въ командѣ особый отрядъ, и 5-го — при дер. Уваровой, при разбитіи корпуса маршала Даву и вице-короля Италійскаго, и 6-го — подъ Краснымъ, при совершенномъ истребленіи корпуса «храбрѣйшаго изъ храбрыхъ», князя Москворѣцкаго, маршала Нея, и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ.

12-го декабря**) Николай Мартыановичъ былъ назначенъ начальникомъ штаба авангардныхъ войскъ и оправдалъ эту довѣренность самымъ блистательнымъ образомъ. Неутомимою дѣятельностію и совершеннымъ знаніемъ военнаго дѣла, онъ успѣлъ сохранить въ этомъ отрядѣ наилучшій порядокъ посреди непрерывныхъ движеній и непріятельскихъ дѣйствій. Въ то же время онъ былъ однимъ изъ первыхъ очевидцевъ повсемѣтнаго разоренія и ужасовъ послѣднихъ мѣсяцевъ славнаго года. «Невольно увлекаясь мыслию къ прошедшему, — писалъ Николай Мартыановичъ спустя четыре года ***) — не могу безъ содроганія взирать на страшныя картины войны, свирѣпствовавшей въ Отечествѣ нашемъ. Вторженіе Французовъ было нападеніемъ необыкновеннымъ. Всѣ бѣдствія древнихъ нашествій сопровождали его, и самое бѣгство врага пагубно было тѣмъ странамъ,

*) Биографія въ изданіи *Императоръ Александръ I.* По «Воспоминаніямъ», помѣщеннымъ въ *Московскомъ Альманахѣ* (стр. 83): «Кутузовъ, привыкнувши судить о людяхъ по личнымъ ихъ достоинствамъ, отиравалъ туда Сипягина съ особенными распоряженіями своими.»

**) По формулярному списку. *Московскій Альманахъ* показываетъ, что это назначеніе послѣдовало чрезъ два дня по производствѣ Сипягина въ полковника.

***) *Военный Журналъ*, издаваемый при Гвардейскомъ Штабѣ, 1817, книжка 1, стр. 32—33.

чрезъ которыя лежалъ обратный его путь. Ужасъ предшествовалъ непріятелю, опустошеніе сопровождало его. Повсюду видны были зарева пожаровъ, вездѣ дымились остатки сожженныхъ селъ и деревень. Такъ опустошали путь отъ Москвы до Смоленска враги Россіи и человѣчества! Но справедливыи гнѣвъ Божій постигъ и покаралъ ихъ среди содѣланныхъ ими злодѣяній. Безостановочное бѣгство, быстрое преслѣдованіе нашихъ войскъ, болѣзни, голодъ — изнуряли и губили ихъ очевидно. *Трудно изобразить, до какой степени отчаянія доводилъ ихъ голодъ. Конское мясо было общею и, можно сказать, единственною ихъ пищею; но многіе — чему потомство, конечно, съ трудомъ только повѣрять можетъ — пожирали тѣла товарищей своихъ. Я опишу то, чему самъ былъ свидѣтель.* На пути отъ Вязмы къ Дорогобужу, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, среди разломанныхъ повозокъ, побитыхъ лошадей и разбросаннаго оружія, лежали кучи умершихъ и умирающихъ Французовъ, я увидѣлъ одного, который безъ всякаго содроганія рѣзалъ куски тѣла своего товарища и, обжаривая оныя на огнѣ — ѣлъ! Другіе, вѣроятно не рѣшаясь прибѣгнуть къ столь ужаснымъ средствамъ для утоленія голода, отъ чрезмѣрнаго страданія впадали въ какое-то оцѣпенѣніе до того, что не чувствовали, какъ собственное тѣло ихъ сгорало въ огнѣ, къ которому приползали согрѣваться отъ стужи. На дымящихся развалинахъ одного селенія услышалъ я жалобный голосъ Француза, просившаго хлѣба. Желая облегчить участь несчастнаго, я подѣхалъ къ нему, но съ удивленіемъ и ужасомъ увидѣлъ, что обѣ ноги его отгорѣли до самыхъ колѣнъ! Сей несчастливецъ, сжигаемый тихимъ огнемъ, думалъ еще о продолженіи жизни. *Два сіи случая почелъ я обязанностію передать въ точности будущему Историку нашего времени, какъ отличительныя черты той ужасной картины бѣдствій, которую представляло неслыханное бѣгство разорителей Отечества нашего, разимыхъ тѣломъ Вышлаго и побѣдоноснымъ оружіемъ Россіянъ.»*

Наградю Сипягину — за отличія, оказанныя въ незабвенную годину — былъ чинъ полковника, Всемилостивѣйше ему пожалованный 26-го декабря.

Первое порученіе, возложенное на Милорадовича, по переходе за границу Россіи, состояло въ понужденіи князя Шварценберга отступить изъ Варшавскаго герцогства въ Галицію. Переговоры о томъ велъ Кутузовъ съ Австрійцами, чрезъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анстетта, а Сипягинъ неоднократно былъ посылаемъ Милорадовичемъ къ Шварценбергу, съ секретнымъ порученіемъ условиться о движеніяхъ корпуса его, такимъ образомъ, чтобы не произошло столкновенія между Русскими и Австрійскими войсками. Полный успѣхъ увѣнчалъ эти переговоры.

Вступая въ Варшаву, Милорадовичъ немедленно отправилъ Николая Мартьяновича къ Государю съ ключами столицы Польши, — говоря словами мера, подносявшаго ихъ побѣдителямъ, — «залогомъ ея покорности знаменитому орудію Всеавгустѣйшаго Императора Александра Павловича.»

Найдя Монарха и главнокомандовавшаго въ Плоцкѣ, Сипягинъ тамъ имѣлъ счастье повергнуть къ Августѣйшимъ стопамъ эти трофеи.

«Сей новый успѣхъ Россійскихъ войскъ, — говорилъ Сипягинъ *), — тѣмъ болѣе пріятенъ былъ Вѣнценосному Вождю, что обошелся безъ пролитія человѣческой крови, столь много Имъ дорожимой. Благоволеніе и милость Его излились на храбрыхъ покорителей древней Польской столицы въ рескриптѣ, который вручилъ Онъ мнѣ для доставленія командовавшему корпусомъ, генералу Милорадовичу. Возвратясь съ означеннымъ рескриптомъ, подалъ я оный генералу Милорадовичу **), — и радостныя ура! раздались по рядамъ храбрыхъ.»

Императоръ, оцѣняя военныя и дипломатическія подвиги Николая Мартьяновича, тогда же хотѣлъ дать ему чинъ генерала. Сипягинъ, съ благородною откровенностью отвѣчалъ: «Государь! Позвольте мнѣ заслужить то, что я получилъ,» и былъ Всемилостивѣйше пожалованъ крестомъ Св. Владиміра на шею.

*) *Военный Журналъ*, издаваемый при Гвардейскомъ штабѣ, 1817, книжка II, стр. 38 — 39.

**) Этимъ Высочайшимъ рескриптомъ Милорадовичъ назначенъ состоять при Государѣ.

«Онъ заслужилъ сію награду, — говоритъ одинъ изъ участниковъ похода *) — неуспынными трудами и прилежаніемъ къ важной своей должности.»

Вскорѣ потомъ, 20-го мая, Сипягинъ былъ назначенъ начальникомъ штаба вѣранныхъ Милорадовичу войскъ, называвшихся авангарднымъ корпусомъ.

Жизнь авангардная, при всѣхъ трудахъ и опасностяхъ, имѣетъ свои наслажденія. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ голосъ смерти, раздаваясь съ выстрѣлами, поражаетъ часто слухъ и невольно напоминаетъ о краткости жизни, — въ томъ мѣстѣ связи бываютъ надежды, откровенность непритворныя. При такомъ генералѣ, какимъ былъ Милорадовичъ, — при этомъ беззавѣтно-храбромъ рыцарѣ безъ страха и упрека, — въ авангардѣ не могъ не царствовать истинно военный духъ. Сипягинъ здѣсь былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ.

При всѣхъ отношеніяхъ въ движеніи, — которыя въ первое время были иногда продолжительны, — при самой неспосной погодѣ, главная квартира проводила время нескучно. «По вечерамъ собираемся, — писалъ тотъ же офицеръ **) — въ февралѣ, когда распутица заставила расположить авангардную войска на кантонирь-квартирахъ, — къ доброму почтенному нашему полковнику Сипягину, щемъ чай и всѣ вмѣстѣ идемъ къ генералу (Милорадовичу). Тамъ читаютъ, говорятъ, шутятъ. Снисходительность начальника и пріятная свобода въ обращеніи украшаютъ сіи вечернія бесѣды. Не правда ли, что у васъ очень часто какой нибудь штатской совѣтникъ представляетъ лицо великаго человѣка, требуетъ всеобщаго уваженія и холодною важностію своею застужаетъ бесѣду, гдѣ сердца хотятъ раскрыться для искренности и пріязни. А здѣсь полный генералъ, генералъ саномъ и дѣлами, славный въ Россіи, извѣстный въ Европѣ, такъ ласковъ, великодушенъ, любезенъ!... За то всякой подчиненный его любитъ, уважаетъ его въ душѣ и умереть съ нимъ почитаетъ удовольствіемъ.»

Подъ громомъ пушекъ Глогау, котораго нѣсколько времени блокировалъ Милорадовичъ, офицеры танцовали и ве-

*) Глинка, *Письма Русскаго офицера*, ч. II, стр. 82.

**) Тамъ же, стр. 106—107.

селились. 9-го марта Сипягинъ «удивилъ и забавилъ» городъ Фрауштадтъ, — лежащій въ двухъ миляхъ отъ крепости, въ которомъ была главная квартира, — великолѣпнымъ баломъ; угощеніе было прекрасное; гости веселились до бѣлаго дня. Вообще въ это время всякой день послѣ развода и передъ вечернею зарею играла у Милорадовича музыка; народъ толпился слушать ее. Великодушное снисхожденіе начальника удаляло строгую взыскательность. Пріязнь и свобода украшали авангардную жизнь офицера.

Смѣненный подъ Глогау Прусскими войсками, подъ начальствомъ генерала Шелера, корпусъ Милорадовича получилъ повелѣніе слѣдовать чрезъ Буницлау, Герлицъ и Бауценъ къ Дрездену, въ который прибылъ 3-го апрѣля. Отсюда онъ слѣдовалъ, чрезъ Фрейбергъ и Одеранъ, къ Хемницу.

19-го апрѣля, находясь еще въ Альтенбургѣ и не имѣя предписаній о дальнѣйшихъ движеніяхъ, Милорадовичъ почелъ нужнымъ послать Сипягина въ главную квартиру Государя Императора къ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту князю Волконскому, для полученія нужныхъ повелѣній.

По прибытіи Николая Мартяновича въ м. Фробургъ, Его Величество удостоилъ лично отдать слѣдующія приказанія: 20-го числа соединенная армія атакуетъ непріятеля, и корпусъ Милорадовича долженъ содѣйствовать такому нападенію. Корпусъ этотъ, выступивъ на разсвѣтъ изъ Альтенбурга, долженъ былъ слѣдовать къ деревнѣ Предель, по прибытіи въ которую извѣстить графа Витгенштейна, ожидая дальнѣйшихъ повелѣній. При томъ Его Величеству угодно было приказать, чтобы двѣ конно-артиллерійскія роты отряжены были къ арміи графа Витгенштейна и слѣдовали, прежде выступленія корпуса Милорадовича изъ Альтенбурга.

«Получивъ сіи приказанія, — пишетъ Сипягинъ *)», — спѣшилъ я въ Альтенбургъ обрадовать корпусъ пріятнымъ извѣстіемъ, что желаніе наше сразиться съ непріятелемъ

*) *Военный Журналъ*, 1817. № VIII, стр. 37.

исполнится, и что въ слѣдующій день будемъ мы содѣйствовать всеобщему нападенію союзныхъ войскъ.»

Корпусъ выступилъ еще до разсвѣта и слѣдовалъ, по данному повелѣнію, къ деревнѣ Предель. Въ то же время Николаю Мартяновичу предписано было съ однимъ полкомъ казаковъ и двумя эскадронами Лубенскаго гусарскаго полка осмотрѣть позицію при дер. Предель и узнать о дальнѣйшемъ назначеніи корпуса. По прибытіи въ сел. Мейзельвицъ, встрѣтилъ онъ офицера, посланнаго отъ начальника главнаго штаба съ повелѣніемъ, что, по вновь сдѣланной диспозиціи, корпусъ Милорадовича долженъ былъ идти не въ Предель, но къ Цейцу. Это движеніе казалось тогда необходимо нужнымъ, ибо получено было извѣстіе, что одинъ непріятельскій корпусъ обратился изъ Наумбурга прямо къ Цейцу, и потому Милорадовичу предписано было, находясь при этомъ мѣстечкѣ, наблюдать Наумбургскую дорогу, и если появится на ней непріятель, принять всѣ мѣры для его удержанія. Получивъ такое повелѣніе, Сипягинъ немедленно отправилъ квартирмейстерскихъ офицеровъ въ Цейцъ, а самъ остался въ Мейзельвицѣ, ожидая прибытія Милорадовича.

Хотя наши разъѣзды нигдѣ не открыли движеній непріятеля къ Цейцу, — потому что извѣстіе о нихъ было неосновательно, — но графъ Милорадовичъ, — послѣ многихъ совѣщаній съ подчиненными ему генералами, — двинулся къ этому мѣстечку, и здѣсь, въ 15-ти верстахъ отъ поля сраженія, оберегалъ лѣвое крыло нашей арміи, въ знаменитый день первой битвы за свободу народовъ, данной Александромъ на землѣ Германской. Такимъ образомъ, Сипягинъ лишенъ былъ случая участвовать въ этихъ подвигахъ нашихъ войскъ, которыхъ пыльное стремленіе не могутъ изобразить ни какія слова *).

*) Біографія, помѣщенная въ изданіи *Императоръ Александръ I*. Въ формулярномъ о службѣ его спискѣ также не упоминается объ его участіи въ Люценскомъ сраженіи. По этому несправедливы показанія: «Некрологіи» *Съверной Пчелы*, «Воспоминаній» *Московскаго Альманаха* и біографіи въ *Справочномъ Энциклопедическомъ Словарѣ*. Въ первой помѣщено: «Въ сраженіи при Люценѣ храброму, но малочисленному авангарду союзной

Но вслѣдъ за этимъ наступилъ рядъ подвиговъ Сипягина, цѣпь его славныхъ дѣлъ. Апрѣля 21-го началось отступленіе наше отъ Люцена къ Бауцену. Милорадовичъ составлялъ арріергардъ арміи, и двѣ недѣли сражаясь почти ежедневно съ Наполеоновскими маршалами, а иногда и съ самимъ Императоромъ Французовъ, покрылъ себя лаврами. Сипягинъ являлся самымъ ревностнымъ помощникомъ Михаила Андреевича, и труды, имъ понесенныя въ теченіе этихъ дней, по истинѣ, были велики. Онъ первый являлся на полѣ битвы, послѣдній оставлялъ его; дни проводилъ въ непрерывномъ бою, ночи на аванпостяхъ, наблюдая непріятеля на пистолетный отъ него выстрѣлъ; подъ градомъ пуль и картечь разбѣжжалъ онъ по рядамъ, отдавая приказанія, точныя и благоразумныя, какъ на простомъ маневрѣ; всѣ сподвижники отдавали единогласно хвалу его дѣятельности, присутствію духа, благоразумію и храбрости.

Безсонница и заботы были для него обыкновеннымъ тогда дѣломъ, и къ Сипягину можно примѣнить стихи, — отнесенныя за это время къ Милорадовичу:

Свѣтло дня и звѣзды ночи
Героя выдѣтъ на конѣ.»

23-го апрѣля былъ жаркій бой. Вице-Король Италійскій, пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, стремился овладѣть пространствомъ, отдѣлявшимъ насъ отъ Пруссаковъ, и захватить Вальдгеймъ, гдѣ сходятся дороги. Милорадовичъ, быстрымъ расположеніемъ войскъ, уничтожилъ это намѣреніе. Наши, неся непріятеля на плечахъ, дѣлали

арміи, подъ начальствомъ генерала Милорадовича, предписано было удержать ватискъ шестидесятитысячнаго Французскаго корпуса. Здѣсь-то Сипягинъ отличился примѣрною храбростію и воинскимъ искусствомъ. Каждый шагъ былъ защищаемъ съ упорствомъ и удивительнымъ хладнокровіемъ.» Во вторыхъ напечатано (стр. 91—92): «Но блистательнѣйшая слава (т. е. чѣмъ при Глогау и при проходѣ черезъ Саксонію) ожидала его при Люценѣ.» Наконецъ, въ третьей сказано (т. IX, ч. II, стр. 439): «Въ сраженіи при Люценѣ, Сипягинъ находился въ малочисленномъ авангардѣ союзной арміи, подъ начальствомъ Милорадовича, который съ усиліемъ удерживалъ ватискъ 60,000 французскаго корпуса.»

все, что только могутъ дѣлать храбрые солдаты, имѣющіе благоразумнаго и обожаемаго генерала. Нѣкоторые баталіоны нѣсколько разъ пролагали себѣ путь штыками, сквозь колонны, отрывавшія у нихъ дорогу. Самъ Михайлъ Андреевичъ такъ часто появлялся во всѣхъ мѣстахъ сраженія, что казалось онъ былъ вездѣ. Начальникъ его штаба, — по словамъ очевидца *), — не выѣзжалъ изъ-подъ пуль и съ такимъ же хладнокровіемъ распоряжалъ движеніями войскъ въ огнѣ, какъ бы въ покойной комнатѣ. Наконецъ, неуступчивость арріергарда остановила Французовъ версты за двѣ отъ сел. Вальдгейма.

Отъ этого мѣста, 24-го, по дорогѣ къ Носсену, — при деревнѣ Атсдорфъ и 25-го — у самаго Носсена, на пути къ Вильдзруфу и у послѣдняго города происходили жаркіе, по 10 и болѣе часовъ продолжавшіеся бои, въ которыхъ Сипягинъ также принималъ дѣятельное участіе.

Между прочимъ, въ послѣдній день непріятель, показывая видъ, что хочетъ обойти Носсенъ слѣва, куда потянулись двѣ сильныя его колонны, вдругъ, перемѣняя направленіе, двинулся прямо къ городу. Здѣсь находились баталіонъ Елецкаго пѣхотнаго полка и два орудія, а егерская бригада генерала Пиллера долженствовала ихъ подкрѣплять; но бригада эта уже выступила изъ своего мѣста и не могла подать помощи баталіону, который принужденъ былъ чрезъ то отступить въ безпорядкѣ, подвергаясь опасности быть окруженнымъ непріятелемъ и потерять артиллерію. Проѣзжая въ то время отъ праваго нашего крыла къ Носсену и видя опасность, угрожавшую баталіону, Николай Мартыновичъ извѣстилъ о томъ генерала Юзефовича, бывшаго съ Харьковскимъ драгунскимъ полкомъ не въ дальнемъ разстояніи на правомъ крылѣ. Юзефовичъ, успѣшно прибывъ къ этому мѣсту, остановилъ непріятеля и далъ способъ баталіону собраться и отступить въ порядкѣ; но когда бы непріятель имѣлъ въ то время хотя малую часть конницы, то непремѣнно баталіону этому долженствовало бы погибнуть **).

*) Глинка, *Письма Русскаго офицера*, ч. III, стр. 53.

***) *Военн. Журн.*, 1818, книжка III, стр. 37—38.

Такимъ образомъ, арріергардъ, — говоритъ Сипягинъ, — безпрестанно сражаясь съ непріателемъ, не допустилъ его беспокоить Союзную армію во время отступленія и далъ ей средства безъ всякаго помѣшательства переправиться чрезъ Эльбу. Этимъ самымъ арріергардъ совершенно исполнилъ возложенную на него обязанность, и отступая отъ несравненно сильнѣйшаго непріателя, не только не претерпѣлъ большаго урона, но, отражая всегда его, взялъ въ плѣвъ нѣсколько офицеровъ и рядовыхъ *).

Непріатель, какъ въ такихъ обстоятельствахъ и должно, напиралъ съ силою и быстротою. Но не было ни одного удобнаго перелѣска, изъ котораго не встрѣчали бы его скрытыя батареи, и не осталось ни одной выгодной высоты, за которую бы не происходило кроваваго спора **). Даже болѣе, вездѣ, гдѣ позволяла возможность, арріергардъ, показывая видъ, что имѣетъ гораздо болѣе войскъ, нежели сколько въ самомъ дѣлѣ у него находилось, угрожалъ крыльямъ Французовъ и дѣлалъ движенія, обнаруживавшія намѣренія на нихъ напасть ***). Впрочемъ, Французы имѣли слишкомъ большой перевѣсъ въ числѣ войскъ, и, пользуясь имъ, обходили безпрестанно фланги наши. Войска Наполеона темнѣлись по краямъ горизонта, и арріергардъ, сражаясь повсюду отчаянно, не могъ и не долженъ былъ нигдѣ удерживаться долго ****). Однако, вообще движенія наши производились въ такомъ порядкѣ, и такъ удачно были распорядимы, что непріатель, при всемъ превосходствѣ силъ своихъ, не осмѣлился предпринять ничего рѣшительнаго *****).

Такимъ образомъ, 26-го, Сипягинъ, вмѣстѣ съ Милорадовичемъ, достигъ снова столицы Саксоніи, или, лучше сказать, Нейштадта, ибо едва успѣли наши сжечь мосты въ Мейсенѣ и Старомъ Дрезденѣ, какъ Французы ворвались въ нихъ, и половина столицы, въ одно мгновеніе, наполнилась

*) *Военн. Журн.*, 1818, книжка III, стр. 41.

***) Тамъ же, книжка II, стр. 24.

****) Тамъ же, книжка III, стр. 41.

*****) Тамъ же, книжка II, стр. 24.

*****) Тамъ же, книжка III, стр. 41.

непріателемъ. Въ это время одна только Эльба раздѣляла враждовавшія войска. Перестрѣлка гремѣла съ обѣихъ береговъ рѣки. На нашей сторонѣ пули жужжали, какъ пчелы; вездѣ носилась смерть; можно было быть убитымъ у окна, переходя изъ улицы въ улицу, сидя въ кругу мирнаго семейства. Сипягинъ подвергался очевидной опасности, ибо домъ, въ которомъ стоялъ Милорадовичъ, находился на самомъ берегу.

27-го нашъ герой былъ въ жаркомъ сраженіи арріергарда, которое началось тѣмъ, что Французы, подъ прикрытіемъ сильнаго картечнаго огня съ бастіона, на ихъ сторонѣ находившагося, неся фашины и доски къ пролому большаго моста, показывали видъ, будто хотятъ переправляться въ городъ, и до тѣхъ поръ толпились на мосту, пока нѣсколько удачныхъ нашихъ выстрѣловъ не смели ихъ дочиста. Но это была ложная переправа. Въ самомъ же дѣлѣ Наполеонъ, подвинувъ армію свою за 4 версты влѣво, приказалъ ей переправляться въ глазахъ своихъ, подъ покровительствомъ великаго множества пушекъ, которымъ унизанъ былъ высокій въ томъ мѣстѣ берегъ. Часть нашего меньшаго арріергарда оставлена была въ городѣ, а другая, — вмѣстѣ съ Сипягинымъ, — сопротивлялась многочисленнымъ войскамъ Наполеона. Непріатель засыпалъ нашихъ бомбами, гранатами и картечью. Наша артиллерія, съ своей стороны, дѣйствовала искусно и удачно, а войска дрались съ неимовѣрною храбростію. Оторванные руки и ноги во множествѣ валялись на берегу, и многіе офицеры и нижніе чины, лишаась рукъ и ногъ, не хотѣли выходить изъ сраженія, поощряя другихъ своимъ примѣромъ. Цѣлый день, — съ первыхъ лучей зари до поздняго вечера, — кипѣлъ кровопролитный бой, и Сипягинъ былъ постоянно въ самомъ жестокомъ огнѣ. Но Наполеонъ не переправлялся. На утро 28-го нашъ арріергардъ, покрывшій себя славой въ глазахъ почти всѣхъ Французскихъ войскъ, бывшихъ на берегахъ Эльбы, оставилъ ихъ съ тѣмъ, чтобы слѣдовать за большею своею арміею, — которая была уже на пути въ Лузацию.

29-го Французы, съ великими силами, начали снова тѣснить отсюда нашихъ, и Сипягинъ опять дрался цѣлый день, имѣя подъ командою особый отрядъ въ 3000 человекъ.

Вопреки всѣмъ своимъ усилямъ, непріятель подвигался впередъ только на такое пространство, какое Милорадовичъ, по довольномъ защищеніи, за благо разсуждалъ ему уступать. Стрѣлки Французскіе въ великомъ множествѣ, какъ ртуть, растекаясь въ густотѣ лѣса, обходили наши фланги и не рѣдко заставляли даже резервы вступать въ дѣло. Но они останавливались при первой полянкѣ: Русскій штыкъ въ полѣ тогда былъ страшнѣе этимъ храбрымъ стрѣлкамъ изъ-за-кустовъ.

При отступленіи отъ Бишефсъ-Верды, *неустрашимый* Сипягинъ, — какъ его называлъ участникъ дѣла *), — нѣсколько замедлил въ этомъ городкѣ, и въ то время, когда уже всѣ войска наши изъ него выступили, былъ отрѣзанъ толпою ворвавшихся Французовъ. Двѣ колонны пустили батальный огонь: онъ былъ въ дождѣ пуль — и остался невредимъ **).

Арріергардъ остановился за 4 версты отъ Бишефсъ-Верды, гдѣ провелъ 1-е и 2-е мая. Такимъ образомъ, со времени выступленія изъ Дрездена, въ цѣлые пять дней, непріятель, не смотря на огромное превосходство въ силахъ, едва могъ отодвинуть насъ, и то постепенно, только на 28 верстъ; слѣдовательно наши уступали ему не болѣе пяти верстъ въ сутки... При томъ арріергардъ продолжалъ имѣть самый

*) Глинка, *Письма Русскаго офицера*, III, 71.

**) О. Глинка на этотъ случай написалъ слѣдующее стихотвореніе, помѣщенное въ *Славянинъ*, 1828 года (II, 74):

ПОДВИГЪ СИПЯГИНА.

Кто сей и въ правлахъ и въ правѣ твердый,
Холодный за перомъ, запальчивый въ войнѣ,
Летить въ огонь и дымъ горящей Бишефсверды
Подъ буркой, на Довскомъ конѣ?...

Узкая дорога, двѣ колонны
Французскія стоятъ,
И смѣльчака, безъ обороны,
Схватить живьемъ хотятъ....

Но, опъ, перекрестясь, съ огнемъ отваги,
Сквозь градъ картечь, сквозь пулей дождь
Махнулъ — и невредимъ!... Кто жъ онъ, сей вождь?..
Онъ, по пословицѣ, своей храбрѣе шага:
Я узнаю тебя — Сипягинъ.

малый уронъ въ людяхъ и во множествѣ тѣсныхъ проходовъ, по самымъ труднымъ дорогамъ, съ 21-го апрѣля не потерялъ ни одной повозки изъ своихъ обозовъ. По этому можно судить, сколь искусно наши пользовались мѣстоположеніемъ, сколь храбро сражались и съ какимъ мужествомъ отражали всѣ усиленія непріятеля. Такой арріергардъ, доставляя всевозможныя выгоды, время и спокойствіе арміи, которую онъ отстаиваетъ грудью, приобретаетъ полную ея благодарность и, обращая на себя все вниманіе непріятеля, по всей справедливости, заслуживаетъ почетное мѣсто въ воинскихъ лѣтописяхъ. Сипягину, какъ начальнику штаба такихъ войскъ, принадлежитъ значительная часть славы этихъ дней. Въ то же время, отъ утра до вечера, находясь въ пылу битвы, онъ проводилъ ночи за письменнымъ столомъ или провѣряя аванпосты.

3-го мая происходило сильное дѣло при деревнѣ Ротъ-Наустицъ, вблизи Бауцена. Уступая превосходному числу непріятеля, арріергардъ, сражаясь за каждый шагъ земли, медленно отступалъ къ городу, предъ которымъ и расположился на бивакахъ. Сипягинъ въ этотъ день командовалъ двумя егерскими полками и отрядомъ казаковъ.

Съ 8-го по 12-е число, — цѣлые четыре дня, — нашъ герой снова былъ въ самыхъ жаркихъ сраженіяхъ; адъ, со всѣми своими огненными бурями, свирѣпствовалъ около его; голодъ, бессонье, усталость — были удѣломъ въ эти дни войскъ арріергарда.

8-го и 9-го происходило генеральное сраженіе подъ Бауценомъ. Въ первый день, когда Сипягинъ, вмѣстѣ съ Милорадовичемъ, находился еще въ городѣ, Французы двинулись штурмовать и обходить его и вскорѣ открылся сильный перекрестный огонь. Ядра и гранаты посыпались, какъ самый сильный градъ, и не было мѣста, гдѣ бы не падали первыя, не разрывало послѣднихъ. Не смотря на это, арріергардъ отступалъ медленно и въ обыкновенномъ порядкѣ. Около половины дня ядра начали доставать до того мѣста, гдѣ стоялъ самъ Государь. «Впередъ!» — закричалъ Милорадовичъ, узнавъ объ этомъ, и во всю прыть своего коня поскакалъ къ самымъ переднимъ колоннамъ, миновалъ картечныя выстрѣлы и очутился въ пуляхъ стрѣлковъ. Присутствіе любимаго генерала имѣло магическое дѣйствіе. Войска арріер-

гарда, у которыхъ пыль и порохъ запеклась на лицахъ, которые едва стояли на ногахъ отъ усталости, вдругъ оживились какъ-бы новою силою. Раненые возвращались и становились въ ряды; цѣпи стрѣлковъ, перегоня одна другую, съ крикомъ « ура! » бѣжали впередъ; артиллерія подкрѣпляла ихъ. Бауценъ можно-бъ было взять штурмомъ; но это не входило въ предначертанія и графъ велѣлъ остановиться. Съ длиннымъ султаномъ на шляпѣ, окруженный штабомъ и конвоемъ, долго разъѣзжалъ Милорадовичъ подъ страшнымъ свинцовымъ и чугуннымъ дождемъ и сраженіе кипѣло въ одномъ мѣстѣ. « Стойте крѣпко! — кричалъ графъ солдатамъ, — Государь на васъ смотреть! » Наши стояли и непріятель не могъ выиграть ни аршина земли. Около трехъ часовъ сраженіе начало угасать. Но въ вечеру большія колонны Французовъ засинѣли на лѣвомъ нашемъ флангѣ. Тамъ, въ горахъ, стоялъ корпусъ принца Виртембергскаго; Милорадовичъ послалъ къ нему нѣсколько полковъ въ подкрѣпленіе и, между тѣмъ, растянулъ по всемъ противолежащимъ холмамъ свои войска. Произошло самое жаркое дѣло, прекратившееся только ночью. Сражавшіеся съ обѣихъ сторонъ отъ усталости попадали на землю, такъ близко, что одна только темнота раздѣляла ихъ. Кусокъ хлѣба былъ тогда великою драгоценностію, даже для офицеровъ штаба Милорадовича.

Сипягинъ возвратился къ посту графа почти въ полночь, — « пробывъ все время въ обыкновенномъ своемъ мѣстѣ — у *стрѣлковъ* на лѣвомъ флангѣ и въ горахъ *). » Онъ въ этотъ день уцѣлѣлъ только чудеснымъ образомъ: шапка, обѣ полы и грудь его сюртука были прострѣлены; свертокъ бумаги, бывшей у него въ боковомъ карманѣ, сберегъ ему жизнь — онъ получилъ *только* контузію.

На другой день Сипягинъ снова со славою участвовалъ въ блистательныхъ подвигахъ лѣваго фланга нашей арміи, командуемаго Милорадовичемъ, — дѣйствія котораго могутъ исцестъся *отрывкомъ Бородинской битвы*.

Въ начавшемъ вслѣдъ за Бауценскимъ сраженіемъ новомъ отступленіи, Милорадовичу порученъ былъ опять арріер-

*) Главка, *Письма Русскаго офицера*, III, 95.

гардъ. 10-го мая — Сипягинъ находился въ кровопролитномъ сраженіи подъ Рейхенбахомъ, въ которомъ, — почти въ теченіе 16-ти часовъ сряду, — три сильные корпуса, при личномъ присутствіи Наполеона, дрались противъ насъ; но арріергардъ, не смотря на стремительное наступленіе свѣжихъ войскъ, на жестокой огонь многочисленной артиллеріи, на быстрое движеніе колоннъ, безпрестанно обходившихъ фланги, выдерживалъ успѣшно нападенія и остановилъ Французовъ въ 6-ти верстахъ отъ Герлица, вопреки всемъ ихъ усиліямъ занять этотъ городъ.

Въ эти три дня Сипягинъ, — какъ и самъ Милорадовичъ и всѣ чины Штаба его, — не сходили съ лошадей каждый день слишкомъ по 12-ти часовъ, находясь въ постоянномъ огнѣ.

11-го нашъ герой былъ въ упорномъ дѣлѣ между Герлицомъ и Лаубаномъ, а 12-го при самомъ Лаубанѣ. Отсюда Милорадовичъ, у котораго глаза совсемъ опухли отъ трудовъ и бессонницы, поѣхалъ въ главную квартиру, гдѣ Государь милостиво приглашалъ его провести нѣсколько дней въ покоѣ. Съ Графомъ былъ и Сипягинъ. Такимъ образомъ, послѣ 20-ти дневнаго пребыванія подъ ядрами, очутился онъ при Императорской квартирѣ, гдѣ все было спокойно и гдѣ бури авангарда слышались только издали.

« Немудрено было заболѣть и Графу! — пишетъ офицеръ его Штаба *). — Онъ каждыя сутки перемѣнялъ по 6-ти лошадей и каждая доходила подъ нимъ до крайней усталости. Одинъ онъ казалось не уставалъ. Случалось, что, разославъ всѣхъ насъ, онъ самъ исправлялъ должность адъютанта, отдавая изумно приказанія полкамъ. Онъ былъ вездѣ самъ. *Туда только развѣ не ѣздилъ, куда отправлялъ за себя полковника Сипягина; ибо тамъ шло все хорошо!* »

20-го мая Николай Мартыиновичъ назначенъ начальникомъ Штаба резервныхъ войскъ; а 25-го мая заключено было Пошвицкое перемиріе и нашъ герой, чувствуя ослабленіе своего здоровья, отправился на Теплицкія воды, гдѣ оставался до возобновленія военныхъ дѣйствій.

*) Главка, *Письма Русскаго офицера*, III, 115—116.

Они начались въ первыхъ дняхъ августа. Сипягинъ явился къ Милорадовичу. По прежнему исполняя при немъ должность начальника Штаба, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ 14-го и 15-го августа подъ Дрезденомъ, и 17-го и 18-го подъ Кульмомъ, — окончившихся совершеннымъ истребленіемъ корпуса Вандама, — въ ряду битвъ, ознаменованныхъ со стороны Русскихъ доблестными подвигами, которыхъ не исказить ни зависть, ни злоба. Въ эти памятные дни Сипягинъ подтвердилъ свою славу въ арміи и бриллиантовые знаки къ ордену Св. Анны 2-го класса и чинъ генералъ-маіора, въ который Николай Мартьяновичъ пожалованъ 15-го сентября *), были наградами ему за новыя отличія.

Потомъ нашъ герой, опять вмѣстѣ съ Милорадовичемъ, дѣятельно участвовалъ въ знаменитой трехъ-дневной «битвѣ народовъ» подъ Лейпцигомъ, 4-го, 6-го и 7-го октября. Наконецъ, когда въ 1814 году побѣдныя знамена Александра развѣялись за Рейномъ, Сипягинъ сражался: 2-го марта — при Арсисѣ, — гдѣ была послѣдняя встрѣча Благословеннаго съ Наполеономъ, и въ знаменитый день 18-го марта — подъ стѣнами Парижа, — командуя особымъ отрядомъ.

Свидѣтель распорядительности Николая Мартьяновича, Императоръ Александръ назначилъ его, 2-го апрѣля, своимъ генералъ-адъютантомъ и пожаловалъ ему орденъ Св. Георгія 3-го класса. Почти всѣ союзные монархи украсили Сипягина орденами: императоръ Австрійскій наградилъ его орденомъ Маріи Терезіи меньшаго креста и Св. Леопольда 2-го класса; король Прусскій — Краснаго орла 2-го класса, «за заслуги», и Желѣзнаго креста; король Баварскій — военнымъ Св. Максимилиана; король Французскій — Св. Лудовика и король Шведскій — Меча 1-го класса.

По возвращеніи гвардіи въ Россію, Сипягинъ былъ назначенъ, 1-го сентября **), начальникомъ Штаба Гвардейскаго Корпуса и пять лѣтъ неусыпно заботился о приведеніи его въ отличное устройство.

*) «Воспоминанія» (стр. 94) несправедливо говорятъ, что Сипягинъ произведенъ въ генералъ-маіоры въ Парижѣ.

***) «Воспоминанія» (стр. 94) опять несправедливо относятъ это назначеніе ко времени пребыванія нашихъ войскъ въ Парижѣ.

Между первыми мѣрами, принятыми Николаемъ Мартьяновичемъ, было составленіе «Общества Любителей Военныхъ Наукъ» или «Общества Военныхъ Людей», заведеніе при Штабѣ отборной Военной Библиотеки *) и учрежденіе типографіи, литографіи и арсенала.

*) При нынѣшнемъ направленіи занятій офицеровъ и при ввѣвъ возникшей прекрасной дѣятельности Гвардейскаго Штаба, будетъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ «Отчета Военной Библиотеки» за первый годъ ея существованія, написаннаго г. Грибовскимъ и помѣщеннаго въ *Военномъ Журналь* 1817 г. № IX. Этотъ отчетъ былъ представленъ первому *ежегодному* собранію Общества Военныхъ Людей, происходившему 23-го ноября 1817 года. Счѣтемъ думать, что мысли, высказанныя въ отчетѣ, представляютъ взглядъ Сипягина:

«Послѣ шума военнаго, послѣ трудовъ и подвиговъ бравныхъ, — говоритъ этотъ отчетъ, — предлежитъ воинамъ нашимъ другое поле занятій. Дальнѣйшіе концы Вселенныя наполняются уже славою имени Русскаго; пали подъ грознымъ мечемъ могущественныхъ сыновъ Сѣвера многочисленныя враги; и Славянинъ, безстрашный на полѣ ратномъ, кроткій въ мирѣ и тишинѣ, возвратясь въ землю родную, въ домъ отчий, въ кругъ ближнихъ, вложилъ въ ножны мечъ свой, повѣсилъ его вмѣстѣ со шлемомъ, обвитымъ лаврами и съ непроницаемою броней. Но не съ тѣмъ отложилъ онъ доспѣхи ратные, чтобы предаться празности; нѣтъ, среди настоящаго спокойствія, среди благословенной тишины, онъ мыслить о пользѣ отечества. Изъ повѣствованій знаетъ онъ, что одинъ мечъ, одна храбрость недостаточны для обороны государства; онъ видѣлъ въ описаніяхъ, что падали сильные отъ противниковъ слабѣйшихъ; но обратившихъ на пользу себѣ искусство; и въ слѣдствіе того рѣшился достигнуть большаго совершенства, рѣшился соединить храбрость съ искусствомъ. Но дабы уснѣть въ семъ, необходимо ученіе, необходимы книги. Не каждый можетъ имѣть ихъ, и для того учреждено сіе книгохранилище. Оно отверсто каждому воину Русскому, дабы онъ, читая дѣянія лѣтъ протекшихъ, поучался изъ подвиговъ отцовъ своихъ, изъ наставленій мудрыхъ вождей, бытъ истиннымъ воиномъ Русскимъ, истиннымъ воиномъ Александра.

«Угодно было Монарху обратить вниманіе на сіе заведеніе и удостоить, какъ сказали мы, 23-го ноября протекшаго года высокимъ Своимъ посѣщеніемъ. Пріавъ вмѣстѣ съ тѣмъ жизнь, привлекло оно на себя вниманіе общее. Ихъ Императорскія Высочества Государя Великаго Князя, Его Королевское Высочество Принца Прусскій Вильгельмъ, нѣкоторые многосторонне министры и знатнѣйшія особы, военныя и гражданскія, удостоили Библиотеку посѣщеніемъ; а

Императоръ Александръ Павловичъ удостоилъ библиотеку Своимъ посѣщеніемъ 23-го ноября 1816 года и объявилъ Обществу Военныхъ Людей Свое Высочайшее покровительство.

Русскіе войны, въ часы свободы, приходили искать здѣсь пищи своему стремленію достигнуть совершенства въ Искусствѣ Военномъ.»

Въ этомъ же годовомъ собраніи было читано «Разсужденіе о необходимости дѣятельной жизни, ученыхъ упражненій и чтенія книгъ; а равно и о пользѣ и настоящемъ положеніи учрежденнаго при Гвардейскомъ Штабѣ, для военныхъ читателей, Книгохранилища,» написанное О. Н. Глинкою и изданное отдѣльною книжкою (Сиб. 1818). Мѣсто, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ сдѣлать изъ него нѣсколько извлеченій, которыя могли бы быть, какъ любопытны, такъ и поучительны.

Но, мы приведемъ здѣсь «Стихи на 23-е Ноября», сочиненныя О. Н. Глинкою и пѣтыя предъ посѣтителеми въ этотъ торжественный день (*Военный Журналъ* 1817 г., № IX, стр. 62—63), какъ выраженія тогдашнихъ чувствъ общества гвардейскихъ офицеровъ, однимъ изъ достойнѣйшихъ руководителей, которыхъ былъ Сипягинъ. Вотъ они:

«Примите, гости знамениты!
Усердныхъ воиновъ привѣтъ!
Здѣсь встрѣтятъ васъ сердца открыты:
Одна здѣсь искренность живетъ!

«Служа въ поляхъ, подъ знаменъ чести,
Не знаетъ Русской воинъ лести!

Желѣзный сводъ, доспѣхи ратны,
Лучи на шлемахъ и мечахъ *),
Да мысли вамъ дадутъ пріятны
О тѣхъ грозой полныхъ дняхъ,

«Когда враговъ несмѣтны силы
Пришли искать у насъ — *могилы*.

«Ковали цѣпи взмъ народы;
Но цѣпи въ прахъ, и нѣтъ враговъ!
И Россѣ, *Московскимъ шлемомъ*, воды
Изъ *Сенскихъ* черпалъ *береговъ*!

«И сонъ лишь было — горе наше:
Встаетъ *Москва* изъ пепла *краше*.

*) Это относится къ украшенному доспѣхами и оружіемъ арсеналу — который посѣтителемъ съ особеннымъ удовольствіемъ обозрѣвали.

Члены Общества Военныхъ Людей, подъ руководствомъ Сипягина, занимались сочиненіями и переводами замѣчательныхъ книгъ и статей *). Послѣднія преимущественно помѣщались въ *Военномъ Журналѣ*, — издававшемся при

«Великъ нашъ Богъ!... великъ избранный
Къ безсмертнымъ подвигамъ Монархъ!
Онъ рекъ — и громъ умолинулъ бранный,
И миръ на сушѣ и моряхъ!

«О Царь! нашъ вожь, надежда наша!
Тевъ сія *заздрави чаша*!

«Мы выпьемъ такъ, какъ пили дѣды,
За край родимый, за Царя,
Какъ пили сами — въ дни побѣды,
Когда кровавая заря

«Надъ полемъ битвы въ тучахъ рѣла
И смерть на всѣхъ равно гладѣла!...

«Для всѣхъ равно гремѣли громы,
И самъ нашъ Царь на бравъ летѣлъ;
Но Вышнимъ къ славъ Онъ ведомый
На *жатовъ смерти* — *удѣлялъ*!...

«Его стрегла небесна сила
И смерть — съ почтеньемъ обходила!

«Вамъ кубокъ, гости дорогие!
Да будутъ (мы желаемъ вамъ):
Дни вашей жизни, дни златые!...
Повѣрьте искреннимъ сердцамъ:

«Служа въ поляхъ, подъ знаменъ чести,
Не знаетъ Русской воинъ лести.

*) Въ теченіе *перваго* года существованія общества были отдѣльно изданы книги: а) «Краткое начертаніе Военнаго Журнала» и б) «Общія правила Военнаго Искусства». Послѣдняя есть переводъ съ Французскаго сочиненія Жомини.

Кромѣ того *были* переведены:

1) «Правила Стратегіи и употребленія оныхъ на избранномъ мѣстѣ,» — сочиненіе эрцъ-герцога Карла.

2) «Описаніе похода въ Португалію.»

3) «Исторія похода соединенной арміи Англичанъ, Ганноверцевъ, Голландцевъ и Брауншвейцевъ, подъ предводительствомъ Герцога Веллингтона, и Прусской арміи, подъ начальствомъ Князя Блюхера, въ 1815 году,» — сочиненіе Мюффлинга;

и 4) «Описаніе похода Буонапарте, оконченнаго сраженіемъ при Монъ-Сень-Жанъ.»

Гвардейскомъ Штабѣ,—подъ непосредственнымъ участіемъ Николая Мартяповича,—въ 1817, 1818 и въ началѣ 1819 годовъ. Вообще этотъ журналъ богатъ важными и любопытными статьями, между которыми есть многія, относящіяся къ теоріи военнаго дѣла и къ исторіи войны съ Наполеономъ—принадлежащія перу самого начальника Штаба.

Въ первой книжкѣ журнала, Николай Мартяновичъ писалъ *):

«Зная, сколь занимательно должно быть для соотечественниковъ нашихъ вѣрное описаніе военныхъ дѣйствій 1812 и 1813 годовъ, я обязанностию считаю сообщить имъ всё тѣ по сему предмету свѣдѣнія, которыя по званію моему въ Декабрѣ 1812 года Начальника Штаба авангардныхъ, а въ 1813 году арріергардныхъ войскъ, собрать я могъ. Описаніе сіе, составленное изъ подлинныхъ свѣдѣній, полученныхъ мною отъ разныхъ корпусовъ нашихъ и союзныхъ армій, заключаетъ въ себѣ достопамятный и полный славы для Россіянъ періодъ времени отъ Декабря 1812 и 1813 годъ. Предваряю читателей, что единственное достоинство предпринятаго мною труда есть точность и вѣрность описуемыхъ происшествій и желаніе представить соотечественникамъ моимъ военныя дѣйствія въ настоящемъ ихъ видѣ, а не такъ, какъ иностранные журналы ихъ описывали, гдѣ къ удивленію встрѣчалъ я не только большіе недостатки, но даже непростительныя въ движеніяхъ и дѣй-

Сверхъ того члены занимались переводами:

- 1) Твореній Жюмни.
- 2) Сочиненія Матье-Дюма: «Обозрѣніе военныхъ дѣйствій съ 1799 по 1814 годъ.»
- 3) «Исторической картины войнъ Французской революціи.»
- и 4) Сочиненія барона Ройня: «Разсмотрѣніе Военнаго Искусства.»

Наконецъ, составлялись:

- 1) «Словарь знаменитыхъ сраженій и осадъ, отечественныхъ и иностранныхъ.»
- и 2) «Словарь техническихъ словъ, употребительныхъ въ Военномъ Искусствѣ.»

Военный Журналъ 1817 г., № IX, стр. 59—60.

*) Стр. 30—31.

ствіяхъ войскъ ошибки. Для бѣльшей ясности читателямъ, раздѣливъ описываемыя мною военныя дѣйствія на 10 записокъ *), я намѣренъ помѣщать ежемѣсячно по одной изъ нихъ съ картами движеній и планами сраженія въ Журналѣ, издаваемомъ при Главномъ Штабѣ Гвардейскаго Корпуса. Много сочту себя награжденнымъ, есть-ли записки сіи будутъ способствовать хотя нѣсколько тому, кто возьметъ на себя историческое описаніе всей прошедшей войны.»

Въ то же время Николай Мартяновичъ объявилъ, что «имѣя немало свѣдѣній, касающихся до военныхъ дѣйствій 1814 года», онъ *готовъ* и ихъ *сообщить* соотечественникамъ, *коль скоро удастся ему пополнить ихъ недостающими еще свѣдѣніями, для составленія полного описанія блистательнаго похода въ 1814 году.*

Мысль составить исторію достопамятной войны много занимала нашего героя въ это время и послѣ. Тщательно сообщалъ онъ матеріалы, но не успѣлъ привести ихъ въ порядокъ, когда смерть его застигла.

Сверхъ того, въ 1817 году, Сипягинъ *для сохраненія въ памяти великихъ боевъ, ознаменовавшихъ незабвенные 1812, 1813 и 1814 годы*, поручилъ одному изъ лучшихъ портретныхъ живописцевъ написать, подъ руководствомъ своимъ, 8 картинъ. Вниманіе знатоковъ къ этимъ произведеніямъ отечественнаго художника и желаніе

*) Вотъ это раздѣленіе:

- 1) Отъ занятія, въ декабрѣ 1812 года, Вильны до перехода войскъ нашихъ за границу.
- 2) Отъ перехода войскъ нашихъ за границу до занятія г. Варшавы.
- 3) Отъ занятія г. Варшавы до вступленія войскъ нашихъ въ Силезію и союза съ Пруссією.
- 4) Отъ вступленія войскъ въ Силезію, переправы чрезъ Эльбу и сраженіе при Люцевѣ.
- 5) Арріергардныя дѣла отъ Люцева до Бауцена.
- 6) Бауценское сраженіе, послѣдовавшія за онымъ дѣла, перемиріе и союзъ съ Австрією.
- 7) Отъ перемирія до Дрезденскаго сраженія.
- 8) Сраженіе при Кульмѣ.
- 9) Отъ Кульмскаго сраженія до сраженія при Лейпцигѣ.
- и 10) Сраженіе при Лейпцигѣ и приближеніе войскъ къ Рейну.

многихъ особъ имѣть копіи съ нихъ, побудили Николая Мартяновича, — тогда же, — позволить налитографировать ихъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя отъ продажи деньги поступили въ пользу *Военной Библиотеки Гвардейскаго Штаба*.

Наконецъ, Николай Мартяновичъ, — «подобно Вобану, неутомимому въ усердіи къ пользѣ общей» — какъ выразился одинъ изъ его біографовъ *) — занимался и сочиненіями, касательно различныхъ отраслей управленія государственнаго. Нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ представляемы были Александру I, и собственноручныя отмѣтки Его Величества свидѣтельствуютъ, съ какимъ вниманіемъ Государь читалъ ихъ.

Въ началѣ 1819 года завелъ онъ при Штабѣ школу для обученія нижнихъ чиновъ корпуса чтенію, письму и арифметикѣ, по методѣ взаимнаго обученія. Блистательные успѣхи этого училища **) удостоились вниманія Благословеннаго

*) *Московскій Альманахъ* на 1829 годъ, стр. 96.

**) Училище открыто 7-го января 1819 года. Въ него поступило до 300 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, присланныхъ изъ всѣхъ полковъ корпуса. Успѣхи ихъ, — говоритъ современное извѣстіе (*Сынъ Отечества*, 1819, № 3, стр. 140—141), — въ самое короткое время, превзошли всякое ожиданіе: въ пять дней сто человекъ, не знавшихъ ни одной буквы, выучились читать и писать всю Русскую азбуку во всѣхъ ея начертаніяхъ (т. е. буквы прописныя и строчныя, уставныя и скорописныя) и на шестой день были переведены въ слѣдующій классъ, гдѣ занимались чтеніемъ и письмомъ слоговъ въ двѣ буквы, а мѣста ихъ въ первомъ классѣ заняты другими, вновь прибывшими въ училище. При этомъ не было употреблено ни букваря, ни пера, ни карандаша, ни лоскутка бумаги: ученіе производилось по таблицамъ и на столахъ, усыпанныхъ пескомъ. Должность учителей отправляли грамотные унтеръ-офицеры и рядовые. Училище помѣщалось въ казармахъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка. Устройствомъ и красотою наружности, конечно, превосходило оно всѣ прочія заведенія этого рода въ Европѣ. Залы его украшались изображеніями Императора и знаменитѣйшихъ нашихъ Государей и полководцевъ. Училище состояло въ непосредственномъ вѣдѣніи *Н. М. Сипягина* и управлялось гвардейскаго штаба штабсъ-капитаномъ *И. Г. Бурцовымъ*. Издатель *Сына Отечества*, участвовавшій въ учрежденіи училища и въ управленіи ямъ, и, — какъ самъ говорилъ, — почитавшій особеннымъ

Государя, и были поводомъ къ учреженію такихъ же школъ при всѣхъ гвардейскихъ полкахъ. Сверхъ того, имъ были заведены при Штабѣ училища фехтовальное и берейторское.

Государь наградилъ такую прекрасную дѣятельность Сипягина: Высочайшимъ благоволеніемъ, объявленнымъ 7-го декабря 1816 года, «за приведеніе въ порядокъ и устройство Гвардейскаго Штаба», и орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Сверхъ исполненія прямыхъ обязанностей своей должности, Николай Мартяновичъ былъ также дѣятельнымъ членомъ Комитета 18-го августа 1814 года, — что вынѣ Комитетъ о раненыхъ, — которымъ назначенъ въ самый день учрежденія этого прекраснаго установленія.

По возвращеніи гвардіи въ Россію, послѣ перваго Парижскаго мира, командиромъ корпуса былъ назначенъ Милорадовичъ, который начальствовалъ имъ до половины 1818 года, — когда былъ сдѣланъ С. Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Разставаясь съ избранными войсками, воспитанникъ Суворова, любимецъ солдатъ, писалъ своему начальнику штаба, отъ 20-го августа 1818 года, слѣдующее *):

«Милостивый Государь

Николай Мартяновичъ!

Приступая по Высочайшей волѣ къ новому назначенію, а посему оставляя командованіе Гвардейскимъ Корпусомъ, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшую обязанность засвидѣтельствовать искреннюю благодарность всѣмъ сослуживцамъ и сотрудникамъ моимъ. Въ семъ случаѣ по всей справедливости

для себя счастлиемъ, что могъ споспѣшествовать трудамъ почтенныхъ патріотовъ въ дѣлѣ столь общепольномъ, общалъ сообщать читателямъ своимъ извѣстія объ этомъ заведеніи, о правахъ его и объ успѣхахъ учащихся; но, къ сожалѣнію, мы не встрѣчали этихъ извѣстій, а въ настоящую минуту, — когда, по волѣ возлюбленнаго Монарха, доблестные его тѣлохранители горячо принялись за грамоту, — такія данныя были бы въ высшей степени поучительны. Въ началѣ этого же года Высочайше было утверждено: «С Петербургское Общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», — въ первое засѣданіе котораго, 10-го февраля 1819 года, Сипягинъ избранъ почетнымъ членомъ.

*) *Военн. Журн.*, 1818, книжка IX, стр. 50—51.

вості полная признательность моя должна относиться, прежде всѣхъ, къ Вашему Превосходительству. Въ походахъ, прославленныхъ знаменитыми успѣхами въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, и въ особенности въ дѣлахъ арріергардныхъ, равно какъ и въ мирное время, вы были моимъ лучшимъ помощникомъ и ревностѣйшимъ сотрудникомъ, которому я не могъ отказать въ полной довѣренности моей.

Да послужатъ немногія строки сія изъясненіемъ должной благодарности Вамъ, и удостовѣреніемъ въ искренней приязни и въ томъ почтеніи, съ которымъ имѣю честь быть и пр.»

Черезъ полгода послѣ этого письма, и Сипягинъ оставилъ гвардейскій корпусъ, будучи назначенъ начальникомъ 6-й пѣхотной дивизіи, стоявшей сначала въ Ярославлѣ, а потомъ въ Моршанскѣ, и принадлежавшей ко 2-му пѣхотному корпусу. Въ этой новой должности Николай Мартыновичъ продолжалъ отличать усердіемъ по службѣ, неутомимо дѣятельностію, непрерывнымъ стремленіемъ къ усовершенствованію всѣхъ частей ввѣренныхъ ему войскъ, которыя довелъ до самаго блестящаго состоянія. Полки 6-й пѣхотной дивизіи отличались совершенствомъ на всѣхъ смотрахъ и маневрахъ. Въ мирное время опытный генералъ, онъ умѣлъ соединять въ себѣ дарованія искуснаго военнаго челоука съ доблестями гражданина. Войска, ввѣренные его командованію, по единогласному свидѣтельству, какъ мѣстныхъ начальствъ, такъ и обывателей, отличались примѣрною дисциплиною и служили послѣднимъ пособіемъ въ ихъ сельскихъ занятіяхъ. Готовя солдатъ своихъ къ успѣхамъ на войнѣ, онъ устремлялъ всю дѣятельность свою на улучшение ихъ состоянія, не щадя своего имущества. Въ Ярославлѣ устроены имъ казармы и госпиталь съ великолѣпною церковью на собственное иждивеніе. Для вступающихъ въ военную службу небогатыхъ дворянъ Николай Мартыновичъ завелъ родъ школы юнкеровъ и подпрапорщиковъ, собирая, по зимамъ, въ свою дивизионную квартиру, этихъ молодыхъ людей для учебныхъ занятій. Знакомаясь съ ними, Сипягинъ поощрялъ ихъ къ наукамъ, приглашалъ къ своему столу и во всемъ отечески заботился объ нихъ. Много хорошихъ

офицеровъ, при этомъ образовавшихся, благословляютъ его память.

Для успѣшнаго обученія нижнихъ чиновъ, Сипягинъ въ это время издалъ особую книгу: «Наставленіе егерю, выбранное изъ правилъ обученія цѣльной стрѣльбѣ и кравилъ разсыпнаго строя; съ нѣкоторыми прибавленіями, составленными Генералъ-Адъютантомъ Сипягинымъ» (Спб., 1820, въ 12° *).

Монаршія благоволенія сопровождали эти новые труды Николая Мартыновича. Они были объявлены: а) 5-го сентября 1819 года «за доведеніе и исправное состояніе полковъ 6-й пѣхотной дивизіи;» б) 3-го февраля 1820 года

*) Это «Наставленіе», написанное въ вопросахъ и отвѣтахъ, включаетъ въ себѣ четыре главы: 1) «О егерѣ или застрѣльщикѣ», 2) «О ружьѣ», 3) «О цѣльной стрѣльбѣ» и 4) «О дѣйствіи застрѣльщика вообще.»

Нынѣ, когда все вниманіе устремлено на мѣткую стрѣльбу, любопытны слѣдующіе вопросы и отвѣты:

Вопр. Нуженъ ли онъ (егерь или застрѣльщикъ) для Арміи?

Отв. Для Арміи онъ необходимо нуженъ, потому что цѣльными выстрѣлами, нанося вредъ неприятелю, даетъ возможность успѣшно оной дѣйствовать.

Вопр. Что нужно знать егерю или застрѣльщику?

Отв. Есть-ли онъ хорошо стрѣляетъ, то имѣетъ большое превосходство предъ неприятелемъ; а сія самая увѣренность доставляетъ намъ побѣду.

Вопр. Какъ онъ долженъ поступать въ дѣйствіи противъ неприятеля?

Отв. При всѣхъ дѣйствіяхъ онъ долженъ быть хладнокровенъ, оставить дурную пословицу и думать, что пуля виноватаго найдетъ, и помнить, что въ бѣгствѣ несравненно болѣе гибнетъ людей, чѣмъ въ самой отважной атакѣ.

Вопр. Долженъ ли застрѣльщикъ при стрѣлянн торопиться?

Отв. Нѣтъ; а напротивъ того огонь, въ которомъ выстрѣлы почти считать можно, есть самый смертоносный для неприятеля, и показываетъ храбрость и хладнокровіе застрѣльщиковъ и егерей. Великій Суворовъ сказалъ, что «надо стрѣлять рѣдко, да мѣтко.»

Вопр. Нужно ли беречь патроны?

Отв. Необходимо, и отнюдь при выниманіи оныхъ не выбрасывать, за чѣмъ имѣть строгое наблюденіе Гг. офицерамъ, находящимся въ цѣпи. Выбрасывать патроны означаетъ трусость въ застрѣльщикахъ, а въ Русской Арміи трусовъ нѣтъ.

«за исправность, въ коей найдены, при осмотрѣ, въ 1819 году, полки и артиллеріи роты 6-й пѣхотной дивизіи;» в) 16-го августа «за отличное стрѣляніе въ цѣль, произведенное полками той же дивизіи,» и г) 7-го апрѣля 1822 года «за исправность и устройство, найденныя при осмотрѣ, въ 1821 году, 6-й пѣхотной дивизіи.»

Въ послѣднихъ дняхъ августа и въ первыхъ сентября 1824 года Благословенный Государь удостоилъ своимъ смотромъ и маневрами 2-й пѣхотный корпусъ, собранный подъ Пензою. 6-я дивизія, вмѣстѣ съ прочими войсками, удостоилась Всемилоствѣйшаго одобренія, и Сипягину объявлены Высочайшія благоволенія, въ Высочайшихъ приказахъ 1-го, 2-го и 3-го сентября: а) «за отличный порядокъ и устройство полковъ 6-й пѣхотной дивизіи, чистоту и правильность во всѣхъ движеніяхъ и точное исполненіе данныхъ приказаній, найденное при Высочайшихъ Его Императорскаго Величества смотру 31-го августа и маневрѣ 1-го сентября;» б) «за отличную чистоту и опрятность, найденную при Высочайшемъ присутствіи въ разводѣ 2-го сентября баталіона Невскаго пѣхотнаго полка и примѣтный успѣхъ при стрѣляніи въ цѣль стрѣлками,» и в) «за найденный на маневрѣ, произведенномъ 3-го сентября, по данной Его Величествомъ на мѣстѣ диспозиціи, превосходнѣйшій порядокъ по всѣмъ частямъ, правильность въ движеніяхъ, точность и сообразное предположенной цѣли исполненіе приказаній.» Вообще за эти дни Николаю Мартьяновичу, вмѣстѣ съ другими генералами и полковыми командирами, Государь лично «въ самыхъ лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ» изъявилъ *Монаршее благоволеніе и благодарность за отличныя исправность и устройство войскъ*, — даже болѣе Его Величество всѣмъ видѣннымъ былъ столь доволенъ, что, ставъ посреди войскъ, изволилъ сказать, что *Онъ желалъ бы благодарить каждого лично* *). 12-го декабря этого года Николай Мартьяновичъ

*) Вотъ нѣсколько *официальныхъ* подробностей объ этомъ замѣчательномъ Высочайшемъ смотрѣ, заимствованныхъ нами изъ *С. Петербургскихъ Вѣдомостей*, 1824 г., № 79.

Въ Пензу Государь прибылъ въ день своего тезоименитства, 30-го августа, въ 8 часовъ вечера. Изъ собора, куда Онъ поѣхалъ

Всемилоствѣйше пожалованъ алмазными знаками ордена Св. Анны 1-й степени, въ ознаменованіе, — какъ выражено въ Высочайшей грамотѣ, — *Монаршаго вниманія, которое обратилъ онъ на себя усердною своею службою и особыми трудами въ доведеніи вѣрноподданной ему дивизіи до того отличнаго состоянія, въ коемъ она найдена при осмотрѣ Его Величествомъ.*

Это была послѣдняя награда Сипягину отъ его Государя-Благодѣтеля.

прямо отъ заставы, Его Величество отправился въ приготовленную Ему квартиру, и вышелъ изъ коляски къ стоявшему у воротъ дома караулу, на флангъ котораго находились: главнокомандующій 1-ю арміею, корпусный командиръ, генералъ отъ артиллеріи князь Яшвилъ, всѣ генералы и штабъ-офицеры. Вслѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же вечеръ, имѣли аудіенцію главнокомандовавшей и нѣкоторые изъ генераловъ, и представлялись всѣ генералы и командиры полковъ и артиллерійскихъ бригадъ.

На другой день, 31-го, отслушавъ, въ 6 часовъ утра, литургію въ приходской церкви Св. Петра и Павла, Государь присутствовалъ на спеціальномъ смотрѣ корпуса. Повторенное полками ура! громъ музыки, трубъ и барабановъ были только слабыми изъясненіями восторга, написаннаго на лицахъ вопновъ, удостоившихся Монаршаго воззрѣнія. По объѣздѣ всѣхъ войскъ, Его Величество объявилъ Высочайшее благоволеніе «за чистоту и опрятность одежды и за отличное равеніе въ рядахъ, какъ пѣхоты, такъ и кавалеріи.» Потомъ Самъ лично удостоилъ командовать. Войско, въ наилучшемъ устройствѣ и порядкѣ, церемониальнымъ маршемъ, проходило мимо Его Величества дивизионами, а послѣ сомкнутыми взводными колоннами. На лицѣ Его Величества ясно было видно особенное удовольствіе, изъявленное тутъ же Высочайшимъ благоволеніемъ корпусному командиру, генераламъ и командирамъ полковъ и артиллерійскихъ ротъ.

1-го сентября Государь Императоръ, также въ шесть часовъ утра, изволилъ отправиться на маневры, произведенныя по диспозиціи корпуснаго командира. Съ одной стороны войска, превосходно одѣтыя и образованныя, съ другой стороны сонны зрители и множество экипажей составляли картину прелестную. Маневры продолжались шесть часовъ. За точность и стройность въ движеніяхъ, всѣ войска удостоились особеннаго Высочайшаго благоволенія; нижняя же чинамъ, за оба дня, пожаловано по два рубля, по два фунта говядины и по двѣ чарки вина на человѣка.

Въ этотъ же день приглашены были къ обѣденному столу Его Ве-

Императоръ Николай, подобно Благословенному Брату Своему, высоко цѣнилъ Сипягина, и щедро излил на него милости. 22-го августа 1826 года, въ день священнаго коронованія, Сипягинъ былъ произведенъ, за отличіе, въ генераль-лейтенанты, съ назначеніемъ начальникомъ сводной дивизіи 5-го пѣхотнаго корпуса.

Прощаясь съ прежними своими сослуживцами, Николай Мартьяновичъ между прочимъ писалъ къ нимъ: «Разлучаясь съ вами по обстоятельствамъ службы, никогда не

личества всѣхъ генераловъ, командировъ полковъ и артиллерійскихъ бригадъ.

2-го сентября, равнымъ образомъ въ 6 часовъ утра, Его Императорское Величество присутствовалъ у развода Невскаго пѣхотнаго полка; послѣ изволилъ смотрѣть маневренную ѣзду унтеръ-офицеровъ полковъ 2-й Гусарской дивизіи и, наконецъ, цѣльную стрѣльбу пѣхоты и артиллеріи. Всѣ эти части удостоились Высочайшаго одобренія. Нижніе чины получили по рублю на человѣка, а пѣхотнымъ стрѣлкамъ назначено особенное денежное награжденіе.

3-го сентября, также въ 6 часовъ утра, Его Величество во второй разъ присутствовалъ на маневрѣ. Ни какой предварительной диспозиціи маневру этому не было объявлено, и никто изъ генераловъ не былъ предупрежденъ о распоряженіяхъ, какія Государю Императору угодно было сдѣлать. Его Величество Самъ изволилъ командовать. Всѣ движенія войскъ, до самой минуты начатія ихъ, никому не извѣстныя, по единому слову совершались съ величайшею быстротою и точностію. Самыя трудныя движенія происходили съ наибольшою стройностію и тишиною. Маневръ этотъ, безъ всякаго приготовленія, по личному распоряженію Его Величества, съ полнымъ успѣхомъ произведенный, заслужилъ особенную Высочайшую признательность и благоволеніе за превосходнѣйшій порядокъ въ войскахъ по всѣмъ частямъ, за точность и правильность движеній, за обученіе, образованіе и доведеніе войскъ до желаемой степени. Нижнимъ чинамъ пожаловано по рублю, по фунту говядины и по чаркѣ вина на человѣка.

Послѣ маневра, болѣе шести часовъ продолжавшагося, Государь Императоръ изволилъ принять обѣдъ, данный 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, въ устроенной для того, на горѣ, въ владу города, палаткѣ. Всѣ войска, по скату горы, по обѣмъ сторонамъ отъ палатки, стояли въ полковыхъ колоннахъ въ двѣ линіи. Радостныя восклицанія вонновъ огласили воздухъ по прибытіи Его Величества

разлучусь съ вами сердцемъ моимъ. Гдѣ бы я ни былъ, вездѣ буду воспоминать о благородномъ вашемъ рвеніи къ чести и славѣ. Я горжусь тѣмъ, что былъ вашимъ начальникомъ.»

Но въ резервной дивизіи онъ былъ недолго.

28-го марта 1827 года въ одинъ день съ назначеніемъ Паскевича командиромъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Сипягинъ назначенъ Тифлисскимъ военнымъ губернаторомъ. На новомъ посту Николай Мартьяновичъ умѣлъ, въ самое

на мѣсто. Государь Императоръ, Самъ удостоивъ командовать, повелѣлъ войскамъ идти къ столамъ, гдѣ ожидалъ ихъ обѣдъ, Пензенскимъ дворянствомъ всему 2-му корпусу данный; потомъ, сошедши съ лошади, призвалъ всѣхъ генераловъ и полковыхъ командировъ, и въ самыхъ лестныхъ и милостивѣйшихъ выраженіяхъ изъявилъ имъ Монаршее благоволеніе и благодарность за отличныя исправность и устройство войскъ. При входѣ Его Величества въ палатку загремѣла музыка. При штии за здравіе Его Императорскаго Величества радостное восклицаніе ура! сперва въ палаткѣ раздавшееся, повторено было войсками всего корпуса, въ то же время пившими за здравіе Государя, и безчисленными сонмами народа, вокругъ палатки стоявшаго. Совокупныя всѣхъ мольбы и желанія сливались воедино. Громъ пушекъ и хоръ пѣвчихъ, воспѣвавшихъ: «Боже Царя храни!» не могли заглушить взываній восхищаемыхъ сердецъ. Потомъ Его Величество изволилъ пить за здоровье главнокомандующаго, корпуснаго командира, всѣхъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; наконецъ удостоилъ пить за здоровье Пензенскаго дворянства. По окончаніи обѣда войска выстроились по прежнему, и коль скоро Его Величество вышелъ изъ палатки: то вновь повторились радостныя восклицанія. Ставъ среди войскъ, Государь изволилъ сказать, что онъ желалъ бы благодарить каждаго лично; подѣзжалъ къ каждой дивизіи особо и громко изъявлялъ полное Свое благоволеніе. Послѣ этого Его Величество отправился въ артиллерійскій лагерь, гдѣ изволилъ осматривать внутреннее устройство артиллеріи и всѣмъ былъ совершенно доволенъ.

Вечеру поздно, наканунѣ отъѣзда Его Величества (3-го сентября), имѣли счастье получить: командиръ 2-го пѣхотнаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ Высочайшій рескриптъ и при немъ осыпанную брилліантами богатую табакерку съ портретомъ Его Императорскаго Величества, а начальникъ штаба 1-й арміи генераль-лейтенантъ баронъ Толь орденъ Св. Александра Невскаго.»

короткое время, вполне оправдать выборъ прозорливаго Государя, ревностнымъ и примѣрнымъ исполненіемъ обязанностей, важныхъ особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, и оставилъ въ Грузіи нетлѣнные памятники своихъ трудовъ. Стараясь привлечь въ отдаленный край людей образованныхъ и ученыхъ, онъ обратилъ вниманіе на все, что могло способствовать къ просвѣщенію и благосостоянію страны.

Немедленно по прибытіи Николай Мартьяновичъ принялся за украшеніе Тифлиса, такъ что возвратившіеся изъ похода не узнавали города и окрестностей. Площади въ немъ приняли видъ правильный и украсились именами тогдашнихъ побѣдъ; тропинки, едва проходимыя, обратились въ пространныя улицы; а круглыя каменные горы, опасныя для проѣзжающихъ, были разработаны; сады прикрылись красивыми заборами; на протяженіи двухъ станцій отъ города, вдоль неровнаго берега Куры, — гдѣ съ трудомъ проходили повозки, — явилось превосходное шоссе, прочно и красиво устроенное. Въ Коджорахъ, — небольшой долиной на высокой горѣ, — верстахъ въ осьми отъ Тифлиса, — гдѣ находятся развалины дворца, служившаго лѣтнимъ жилищемъ Грузинскихъ царей, и въ которой наши главнокомандовавшіе проводили знойные дни, живя въ палаткахъ, Сипягинъ въ самое короткое время устроилъ прекрасный каменный домъ, въ залѣ котораго соорудилъ весьма хорошій фонтанъ, столь важный для прохлады въ жаркомъ климатѣ. Все это было сдѣлано руками плѣнныхъ Персіанъ и Турокъ.

Въ то же время Николай Мартьяновичъ заботился объ учрежденіи богоугодныхъ заведеній и института для образованія дѣвицъ, напечаталъ въ вѣдомостяхъ *), что «начальство съ величайшимъ удовольствіемъ согласилось бы оказать пособіе той особѣ, которая бы рѣшилась учредить въ Тифлисѣ училище для благородныхъ дѣвицъ» представлялъ объ учрежденіи Кадетскаго Корпуса, и былъ одинъ изъ виновниковъ преобразованія губернской гимна-

*) *Тифл. Вѣд.*, 1828, № 12.

зи и вообще устройства учебной части въ Закавказскомъ краѣ. Между прочимъ, онъ, по нѣкоторымъ городамъ, завелъ школы для обученія дѣтей тамошнихъ уроженцевъ и аманатовъ горскихъ народовъ, — съ цѣлю распространенія среди ихъ образованности и людкости. Положено было: заложниковъ повиновенія азіатскихъ народовъ впредь выбирать изъ младенческаго возраста. Возвращаясь въ свои семейства, они должны приносить съ собою примѣръ короткаго образованія и способствовать просвѣщенію своихъ соотечественниковъ, на коихъ имѣютъ большое вліяніе, потому что обыкновенно суть дѣти владѣльцевъ или людей, пользующихся уваженіемъ своего народа. Настоящее поколеніе уже чувствуетъ плоды благотворныхъ попеченій Сипягина. Училище для аманатовъ въ Тифлисѣ было открыто во всерадостный день 25-го іюня 1828 года и поручено особенному надзору *Муштауда-Ага-Миръ-Фета*, верховнаго начальника Алиевой секты, — тогда Высочайше назначеннаго главою магометанскаго въ Россіи исповѣданія, — который, при открытіи заведенія, представлялъ своего сына въ товарищи новымъ питомцамъ *). Черезъ два мѣсяца, т. е. не задолго до кончины Сипягина, въ этомъ училищѣ было уже 32 ученика магометанскаго исповѣданія, обучавшихся закону магометанскому, ариметикѣ, языкамъ Русскому и Татарскому, и старанія нашего героя въ это короткое время оправдывались пріятнымъ образомъ: ученики знали уже различать Русскія буквы, а нѣкоторые читали даже склады **).

Народная промышленность также обращала на себя полное вниманіе Сипягина. Для улучшенія винодѣлія, столь важнаго въ томъ краѣ, Николай Мартьяновичъ рѣшился выписать изъ Франціи искусныхъ винодѣловъ, и учредить въ Тифлисѣ ферму садоводства, а для преобразованія земледѣлія, находившагося здѣсь въ младенческомъ состояніи, онъ предположилъ отправить 12 мальчиковъ изъ туземныхъ

*) *Тифл. Вѣд.*, 1828, № 1; переп. въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1828, № 92.

**) *Тифл. Вѣд.*, 1828, № 12, переп. въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1828, № 123.

жителей бѣднаго состоянія, для обученія сельскому хозяйству, въ Земледѣльческую Школу Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства*). Для споспѣшествованія торговли имъ учреждена въ Тифлисѣ ярмарка, торжественно открытая въ 1828 году въ день Покрова Пресвятой Богородицы, только съ небольшимъ за недѣлю до его кончины.

Подъ своимъ предсѣдательствомъ Николай Мартяновичъ учредилъ комитетъ изданія Тифлискихъ Вѣдомостей, нашедшихъ себѣ пространный кругъ читателей въ Россіи и послужившихъ основаніемъ тамошнихъ періодическихъ изданій. Вѣдомости выходили на Русскомъ, Грузинскомъ, а съ 1829 года и на Персидскомъ языкахъ и должны были служить уместивнымъ каналомъ, которымъ понятія Европейскія могли бы протекать на Востокъ, и мирить тамъ ошіе народы съ незнакомою имъ до того Россією.

Щедрости. Сипягина было гдѣ развернуться въ Тифлисѣ. Балы даваемые имъ отличались искуснымъ соединеніемъ восточнаго великолѣпія съ Русскимъ хлѣбосолецтвомъ и западною утонченностію. На нихъ присутствовали Русскіе военные и гражданскіе чиновники съ ихъ семействами, грузинскіе князья съ женами и дочерьми, иностранцы и почетное купечество, до того чуждавшееся Европейскихъ обществъ. Бесъма любопытно было видѣть Грузинъ и Грузинокъ игравшихъ въ бостонъ и мушку, а главу магометанской религіи Муштайда-Ага-Миръ-Фета съ удовольствіемъ поглядывавшаго, какъ наши красавицы порхали въ рѣзвонъ котильонѣ. Давая эти пиршества, Сипягинъ имѣлъ цѣлю не одно удовольствіе, но желалъ чрезъ нихъ сблизить туземцевъ съ Русскими, ознакомить ихъ съ Европейскими обычаями, приучить къ общественной жизни, — словомъ: мало по малу распространить между ними Европейскую образованность. Съ пирами у него обыкновенно веселились и всѣ въ Тифлисѣ, а потому долго тамъ помнили праздники Николая Мартяновича, помнили ихъ и туземная аристократія, и воины Царя Русскаго, помнили ихъ аманаты и *люди Божіи*, какъ прекрасно зоветъ нищюю братію народъ

*) *Тифл. Вѣд.*, 1828, № 12.

Православный. Не можемъ отказать себѣ въ изображеніи нѣсколькихъ праздниковъ, данныхъ нашимъ героемъ, — праздниковъ до того необыкновеннымъ въ столицѣ Грузіи.

Желая содѣлать день 14-го октября 1827 года, — тогда Высочайше торжественный день рожденія Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, радостнымъ для бѣдныхъ жителей Тифлиса, Военный Губернаторъ приказалъ объявить имъ, что, по отслуженіи Божественной литургіи и молебствія о здравіи Ея Императорскаго Величества, будутъ они, дѣти ихъ и сироты обоого пола, на Царской площади, противу дома его, угощаемы обѣденнымъ столомъ.

Столь новое, — по въ день рожденія неусыпной Покровительницы бѣдныхъ, сирыхъ и немощныхъ приличное торжество, — говоритъ современное извѣстіе*), — съ утра уже призвало на площадь любопытныхъ зрителей и всѣхъ находившихся въ Тифлисѣ аманатовъ, — залогъ вѣрности племенъ разнородныхъ. Последніе, бывъ приглашены также къ особенно для нихъ устроенному столу, съ большимъ удивленіемъ смотрѣли на бывшій тогда парадъ, и слушали музыку, звуки которой всегда доставляютъ имъ неизъяснимое удовольствіе. По окончаніи Божественной литургіи и молебствія, — совершеннаго Высокопреосвященнымъ Іоною, Экзархомъ Грузіи, — при чемъ, во время пѣнія многолѣтія всему Императорскому Дому, производилась пушечная пальба съ крѣпости, — слишкомъ пятьсотъ человекъ бѣдныхъ и дѣтей обоого пола явились на Царской площади, гдѣ для угощенія ихъ находились уже столы. Когда все было готово къ обѣду, Сипягинъ явился самъ на площади и предлжилъ имъ садиться. Наблюдая, чтобы всѣ бѣдные и дѣти ихъ въ совершенномъ порядкѣ заняли приготовленные для нихъ мѣста, Николай Мартяновичъ не переставалъ обходить столы, и, какъ попечительный хозяинъ, изъявлялъ заботливость свою о томъ, чтобы всѣ они угощены были равнымъ образомъ. Музыка, хоръ пѣвчихъ и веселое расположеніе жителей, обрадованныхъ незадол-

*) *Сверная Пчела*, 1827, № 135.

го предъ тѣмъ полученнымъ извѣстіемъ о взятіи Эривани, оживотворили этотъ народный праздникъ, не бывалый еще въ странѣ Закавказкой. Угощаемые виномъ, они съ особеннымъ удовольствіемъ пили за здравіе Государя Императора и непобѣдимаго Русскаго воинства. Аманаты, слишкомъ 60 человекъ, по Азіатскому обычаю, на разостланныхъ коврахъ, имѣли роскошный столъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Зрѣлище чрезвычайное, требующее кисти художника или пера поэта, для точнаго его изображенія! Обѣдъ продолжался слишкомъ полтора часа. Веселость ви на минуту не оставляла гостей, восхищенныхъ ласковымъ обращеніемъ съ ними заботливаго хозяина, который и въ этомъ случаѣ не оставилъ войти въ положеніе многихъ бѣдныхъ. Предъ окончаніемъ обѣда Сипягинъ приказалъ раздать всѣмъ, имѣющимъ нужду въ подаяніи, денежное награжденіе. Громкіе звуки музыки не могли заглушить благодарности жителей и мольбы ихъ о здравіи высокой Виновицы торжества, всегдашней покровительницы несчастныхъ.

Послѣ этого приглашены были къ столу Военнаго Губернатора Экзархъ Грузіи, знатнѣйшее Духовенство, военные и гражданскіе чиновники и почетнѣйшее купечество. День этотъ былъ провождаемъ общимъ веселіемъ, общими мольбами о долгоденствіи матери всѣми обожаемаго Монарха. При питіи за здоровье Государя Императора, Ихъ Императорскихъ Величествъ и всего Императорскаго Дома, и Корпуснаго Командира, храбраго Русскаго воинства и всѣхъ участвовавшихъ при взятіи Эривани, производилась пушечная пальба. Вечеромъ было многолюдное гулянье въ саду Главнокомандовавшаго Грузіею, гдѣ немолкаемая музыка и хоръ пѣвчихъ доставили гуляющимъ неизъяснимое удовольствіе. Въ продолженіе всего дня погода совершенно благоприятствовала общей веселости. Вечеромъ не только весь городъ, но и окрестныя горы Тифлиса были иллюминированы *).

*) С. Н. Глинка напечаталъ въ изданномъ имъ *Московскомъ Альманахѣ, на 1828 годъ, Исторіи, Словесности и Правственности*, слѣдующее «Посланіе къ Его Превосходительству Н М Сипягину, по случаю празднества, даннаго имъ въ Тифлисъ 14-го октября 1827 года»:

Менѣе чѣмъ чрезъ два мѣсяца, 6-го декабря этого же года, Тифлисъ, благодаря Николая Мартьяновича, праздновалъ, съ чувствомъ радости и восторга, Тезоименитство самого Незабвеннаго Государя. На этотъ разъ гостями Военнаго Губернатора на площади были плѣнные Персіяне, въ числѣ до двухъ тысячъ человекъ, — что очень удивило обитателей Востока, непривыкнувшихъ въ странѣ отечественной видѣть даже благосклоннаго обращенія съ побѣж-

нягину, по случаю празднества, даннаго имъ въ Тифлисъ 14-го октября 1827 года»:

Герой по славъ, по дѣламъ;
Герой, умѣющій уставъ давать сердцамъ; —
И за Кавказскою страню
Ты всѣхъ очаровалъ собою.
Народы разные сердцами сопряглись,
И братами быть — душами покланялись.
Любовь все оживляетъ,
Предѣлы дальные законъ любви сближаетъ.
Когда мечъ Россіянъ строптивость поражалъ, —
На праздникъ благодати страдальцевъ ты сзывалъ
Въ день Ангела Маріи,
Дѣла, творимыя Царицею въ Россіи.
Представилъ жителямъ ты Азіатскихъ странъ:
Во имя Ангела пиръ милосердыя данъ.
Царица лучшее сей праздникъ приношенье;
Вся жизнь Ея благотворенье.
Блаженъ, кто милуетъ печальныхъ вдовъ, сиротъ,
Кто жизнь имъ новую даетъ,
Кто, забывъ себя, — себя имъ посвящаетъ,
И мракъ дней горестныхъ любовью освѣтляетъ!...
Въ странѣ, гдѣ ты теперь, не рѣдко громъ гремѣлъ;
Тамъ Македонскаго Кавказъ героя зрѣлъ,
Тамъ Римскіе орлы парили.
Нѣтъ Македонію, Помпею позабыли:
Пальмиры — видѣтъ только прахъ;
Но подвиги добра остались въ сердцахъ.
Тамъ помнятъ, кто струи въ колодезяхъ прохладныхъ
Въ стѣняхъ палящихъ предложилъ, —
И жажду странника сямъ даромъ утолилъ.
Въ напоинанныхъ сихъ отрадныхъ,
Любовь къ любви зоветъ,
И челоуѣчеству отраду подаетъ.
Въ вѣкъ новый Николая
Любовь со славою союзъ свой заключая,
Народамъ возвѣстять:
«Нашъ Царь любовію одной желаетъ жить.»

денными. Обѣдъ въ домѣ у Сипягина былъ роскошенъ по обыкновенію, а въ 8 часовъ вечера *открыто* благородное собраніе, на которомъ, по предложенію нашего героя, дворянство и граждане пожертвовали до 15,000 рублей асс. на устройство въ Тифлисъ богоугодныхъ заведеній, какъ то: воспитательнаго дома, больницы для бѣдныхъ, дома трудолюбія и дома для ума-лишенныхъ,—заведеній которыхъ до того здѣсь не было *).

Въ первый день 1828 года—къ торжественному столу Сипягина были приглашены находившіеся въ Тифлисъ плѣнные сардары персидскіе: *Магметъ Эминъ-Ханъ* Аббасъ-Абадскій и *Ассанъ Ханъ* Эриванскій, а также нѣкоторые почетные ханы,—вожди возмечтавшіе нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ поработить Грузію, а теперь въ столицѣ ея пившіе за здравіе и благоденствіе Царя Русскаго, великодушнаго ихъ Побѣдителя. Въ то-же время были снова угощаемы, особеннымъ обѣдомъ, всѣ плѣнные сарбазы и офицеры ихъ. Вечеромъ данъ былъ великолѣпный балъ, отъ котораго плѣнные были въ восхищеніи. «Такимъ образомъ,—говорилъ современникъ **)—здѣшнее начальство на каждомъ шагу доказываетъ азіатцамъ, что Русскіе не только оружіемъ, но и ласковостію и благодѣяніями своими умѣютъ покорять народы. А мы, обитатели отдаленной Иверской страны, загражденные отъ Европы необозримыми Кавказскими горами, при видѣ столь великолѣпныхъ, необыкновенныхъ здѣсь пиршествъ, часто почитаемъ себя переселившимися въ какую либо изъ столицъ Россіи».

Окончимъ эти свѣдѣнія описаніемъ торжества, даннаго Сипягинымъ, по случаю славнаго Туркманчайскаго трактата ***). 22-го февраля, въ 7 часовъ пополудни, громъ пушекъ извѣстилъ жителей Тифлиса о заключеніи мира. Нужно ли говорить, съ какимъ всеобщимъ восторгомъ принято было это извѣстіе? Грузія, которая отъ внезапнаго вторженія Персіянъ претерпѣла столько бѣдствій, которая на оружіе Русское возлагала всѣ свои надежды—могла ли безъ

*) *Сверная Пчела*, 1828, № 1.

**) *Сверная Пчела*, 1828, № 19.

***) Тамъ же, № 36.

живѣйшей радости торжествовать миръ, коимъ упрочивалось ея благоденствіе? Старцы, жены, дѣти — всѣ спѣшили поздравить другъ друга съ блистательнымъ окончаніемъ войны; всѣ молили Бога, да сохранитъ и прославитъ Онъ Всеавгустѣйшаго Монарха, Виновника ихъ благополучія.

23-го числа, военные и гражданскіе чиновники собрались въ домѣ Военнаго Губернатора, откуда верхами, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ, отправились въ Сіонскій соборъ. Экзархъ Грузіи, Митрополитъ Іона, по совершеніи Божественной литургіи, произнесъ приличное торжеству слово, и потомъ, при пушечной пальбѣ, принесено было имъ благодарственное Господу Богу молебствіе. Изъ Сіонскаго собора Сипягинъ, со всѣми чиновниками, отправился въ Армянскій монастырь, гдѣ престарѣлый Патріархъ Армянскій молилъ Бога о здравіи Незабвеннаго Монарха. — Осьмидесяти-лѣтній старецъ, испытавшій въ теченіе своей жизни непостоянство судьбы, съ чувствомъ живѣйшаго восторга произнесъ прекрасную рѣчь народу, и на колѣняхъ у Престола Взышняго благодарилъ Провидѣніе, что оно содѣлало его свидѣтелемъ благополучія своихъ соотечичей.

25-го числа, Александровская площадь, на которой назначенъ былъ парадъ, покрылась многочисленными зрителями. Въ 10-ть часовъ прибыли сюда всѣ находящіеся въ Тифлисъ аманаты для принесенія поздравленія Сипягину. — Николай Мартъяновичъ, ласковымъ обращеніемъ съ ними и заботливостію объ ихъ положеніи успѣлъ расположить къ себѣ этихъ разноплеменныхъ жителей Кавказа, которые начинали уже гордиться званіемъ аманатовъ, и поведеніемъ своимъ старались снискать довѣренность къ себѣ Правительства. — Въ 12-ть часовъ болѣе десяти тысячъ народа собралось на площади противъ дома Главноуправлявшаго, гдѣ назначено было угощеніе для аманатовъ, ремесленниковъ и Персіянъ. Сипягинъ находился уже на балконѣ, куда прибыли также Митрополитъ, знатнѣйшее духовенство, почетные граждане и приглашенные къ столу Персидскіе ханы: *Алимъ*, зять Шаха, *Гассанъ*, бывшій сардаръ Эриванскій и другіе. Болѣе полуторы тысячи плѣнныхъ Персіянъ, въ совершенномъ порядкѣ и, что замѣчательнѣе

всего, почти безъ малѣйшаго караула, пришли на площадь и заняли приготовленные для нихъ мѣста. На терасѣ близъ дома разостланы были ковры для аманатовъ и ремесленниковъ, въ залѣ же Главноуправлявшаго приготовленъ былъ столъ на полтора ста особъ. — Когда всѣ аманаты и ремесленники заняли также свои мѣста, Сипягинъ приказалъ начать угощеніе. Музыка, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раставленные пѣсельники, барабаны, трубы, которыя употреблялись при Грузинскихъ Царяхъ въ торжественныхъ случаяхъ, плясуны, національные пѣсельники, однимъ словомъ все, что только могло служить удовольствіемъ народу, соединилось на этой площади. Аманаты и плѣнные Персіяне, имѣя екоромный столъ, и вмѣсто вина, по ихъ обычаю, шербетъ, съ удовольствіемъ пили его за здоровье Государя Императора, за здоровье Шаха и благодарили Бога за восстановленный миръ между двумя державами. Ремесленники, роскошно угощаемые, съ восторгомъ душевнымъ и при громкихъ восклицаніяхъ « ура! » пили вино за здоровье Монарха. — Не можно вообразить картины величественнѣе, прелестнѣе. Весь городъ собрался сюда, чтобы быть свидѣтелемъ пиршества, въ которомъ участвовали и вѣрные сыны Грузіи, и побѣжденные бывшіе враги ея. Предъ окончаніемъ угощенія, въ то время, когда начались національныя пляски, Сипягинъ, со всѣми приглашенными имъ гостями, вошелъ въ залу, гдѣ приготовленъ былъ великолѣпный столъ. Въ какой восторгъ приведены были плѣнные ханы Персидскіе, когда они въ залѣ, рядомъ съ портретомъ Незабвеннаго Государя нашего, увидѣли изображеніе своего государя! « Это портретъ Шаха! » сказалъ имъ благосклонный хозяинъ. « Слава и долготѣе Монархамъ! » отвѣчали они и, по обычаю своему, наклоненіемъ головы привѣтствовали изображенія Владыкъ. Въ продолженіе всего стола, непрерывно играла музыка. При пушечной пальбѣ и громкихъ восклицаніяхъ народомъ « ура! » пили за здоровье Императора, всего Августѣйшаго Дома, за здоровье Персидскаго Шаха, корпуснаго командира. При этомъ нельзя умолчать о разительной сценѣ, которая тронула все общество. Почтенный, украшенный сѣдинами семидесяти-лѣтній старецъ, отецъ тогдашняго вождя Кавказцевъ, прибывшій чтобы благословить сына на подвигъ славный, здѣсь же тор-

жествовалъ радостный день заключенія мира. Въ восторгѣ души, онъ, при питіи за здоровье сына, невольно оставилъ занимаемое имъ мѣсто и, приближась къ Николаю Мартьяновичу, съ чувствомъ нѣжнаго отца изъявилъ свою благодарность обществу и настоятельно требовалъ, чтобы оно пило за здоровье нашего героя, какъ главнаго помощника и сотрудника его сына. По окончаніи стола всѣ возвратились на балконъ, чтобы видѣть продолжавшійся народный праздникъ. Огня, крыши домовъ, все было наполнено зрителями, и женщины, не всегда являющіяся на шумныя празднества, собрались на площадь, дабы запечатлѣть въ памяти своей тогдашнее торжество. Въ семь часовъ вечера окончилось шумное празднество, въ продолженіе котораго, не смотря на чрезвычайное стеченіе народа, сохраненъ былъ должный порядокъ. Смѣло можно сказать, что жители Тифлиса вкогда до того съ бѣльшею веселостію не проводили дня, въ которой участвовали вмѣстѣ съ ними всѣ сословія. Персидскіе ханы, восхищенные празднествомъ, съ свойственнымъ имъ восточнымъ краснорѣчіемъ, изъявили почетному хозяину свою благодарность, и, прощаясь съ обществомъ, повторяли опять: « слава и долготѣе Монархамъ! » Въ заключеніе всего, Тифлисское купечество, всегда готовое для пользы общей жертвовать своимъ достояніемъ, ознаменовало славный для Грузіи день новымъ подвигомъ: оно добровольно пожертвовало на устройство здѣсь Богоугодныхъ заведеній 46 тысячъ руб. ассигнаціями.

Постоянное Высочайшее благоволеніе сопровождало труды Сипягина и обильны были милости, излитыя на него Правосуднымъ Государемъ, щедрымъ на награды вѣрнымъ слугамъ Своимъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Николай Мартьяновичъ получилъ: столовыя деньги по званію Тифлискаго военнаго губернатора, аренду по 3000 руб. сер. въ годъ на 50 лѣтъ и ордена: 2-го октября 1827 года Св. Владимира 2-й степени, — которымъ, — по словамъ Высочайшей грамоты, — Его Величество *желалъ вознаградить отличное усердіе и дѣятельность* нашего героя *по званію военнаго губернатора*, и, 23-го іюня 1828 года, Св. Александра Невскаго, при слѣдующихъ милостивыхъ выраженіяхъ въ Высочайшей грамотѣ:

« Неутомимыми и успешными трудами по званію Тифлискаго Военнаго Губернатора, вы совершенно оправдали назначеніе, Нами вамъ данное. Постоянною дѣятельностію, попеченіями и заботливостію привели всѣ части вѣреннаго вамъ управленія въ лучшій порядокъ, вы, при всѣхъ многотрудныхъ занятіяхъ сихъ, успѣли въ минувшую Персидскую войну оказать особенную распорядительность по устройству продовольствія для дѣйствующихъ войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Въ воздаяніе столь похвальнаго усердія, отличныхъ и полезныхъ трудовъ вашихъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, знаки коего при семъ препровождая, пребываемъ къ вамъ Императорскою Нашею милостію благосклонны. »

Супруга Николая Мартьяновича удостоилась также пожалованія въ кавалерственныя дамы ордена Св. Екатерины.

Признательность есть отличительное качество людей добродѣтельныхъ: особенное благоволеніе, оказанное ему Незабвеннымъ Государемъ, была награда — которую нашъ герой, — по письмамъ къ своимъ ближнимъ, — *не зналъ какъ заслужить*. По этому усердію Сипягина въ послѣдніе мѣсяцы его жизни, можно сказать, сдѣлалось самоотверженіемъ. На пользу горячо любимой родины, для славы боготворимаго имъ Государя, Николай Мартьяновичъ не щадилъ трудовъ. Врядъ ли найдется другой сановникъ, такъ много работавшій лично, какъ нашъ герой?

Среди многочисленныхъ занятій по гражданской части, участіе Сипягина въ военныхъ дѣйствіяхъ не могло быть велико. Оно заключалось только въ слѣдующемъ:

Въ августѣ 1827 года, когда часть нашихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Красовскаго, — въ послѣдствіи генерала отъ инфантеріи, — дѣйствовала въ Эриванскомъ ханствѣ, Сипягинъ повелъ на усиленіе ихъ отрядъ изъ Грузіи. Прибывъ, 8-го августа, въ Джелалъ-Оглу, — сборное мѣсто прибывшаго изъ Россіи осаднаго парка, — онъ пошелъ съ нимъ на соединеніе съ Красовскимъ, стоявшимъ въ лагерѣ, при урочищѣ Джингули. Пославъ партіи казаковъ къ Гумрамъ, Амамламъ и Караклису, чтобы тѣмъ обезпечить слѣдованіе осадной артиллеріи черезъ Безобдалъ,

онъ распорядился такъ удачно, что 12-го августа уже была она за этимъ хребтомъ. По приближеніи къ Судагенту, Сипягинъ узналъ, что дорога туда занята Персіянами, въ числѣ отъ 4-хъ до 5-ти тысячъ конницы и пѣхоты. По этому онъ устроилъ свою пѣхоту въ выгодномъ положеніи, а съ кавалеріею двинулся впередъ. Толпы непріятельскихъ всадниковъ кинулись на нашу пѣхоту, но, бывъ встрѣчены пушечнымъ огнемъ, онѣ скоро разсѣялись. Однако, потомъ Персіяне еще нѣсколько разъ повторяли нападенія, но всегда столь же для нихъ неудачно, и, наконецъ, обоихъ неустѣпкомъ, отступили за рѣку Абаранъ, и расположились между горою Алагезомъ и лагеремъ Красовскаго, куда, между тѣмъ, беспрепятственно привелъ Сипягинъ осадную артиллерію. Желая предупредить непріятеля, Красовскій выступилъ ему на встрѣчу, завязалъ съ нимъ дѣло и опрокинулъ его. Сипягинъ послалъ для преслѣдованія бѣжавшихъ прибывшую съ нимъ Борчалинскую Татарскую конницу. Это дѣло, и особенно приведенная Сипягинымъ артиллерія, развязали Красовскому руки, дозволивъ ему идти на спасеніе богатаго монастыря Эчміадзинскаго. Вскорѣ потомъ Сипягинъ возвратился къ прежнимъ занятіямъ.

Вспыхнувшая лѣтомъ 1828 года, въ Турецкихъ владѣніяхъ, чума вызвала опять Сипягина изъ Тифлиса. Предупреждая вторженіе моровой язвы въ Грузію, онъ отправился въ Гумры, и устроилъ здѣсь карантинъ. Ежедневно посѣщаль Сипягинъ чумное отлѣленіе, даже входилъ въ разговоры съ зараженными.

По возвращеніи его изъ Гумръ, получилъ онъ извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Тифлисъ Главнокомандовавшаго. Здоровый, добрый, веселый, какъ всегда, Сипягинъ занялся приготовленіями къ торжественной встрѣчѣ покорителя Карса и Ахалцыха. По утру 4-го октября, за нѣсколько часовъ до пріѣзда Паскевича, — хотя чувствовалъ себя другой уже день не совершенно здоровымъ, — но, по неутомимой своей заботливости, не хотѣлъ оставаться дома и поѣхалъ осматривать военные госпитали и производившіяся въ Тифлисъ и за городомъ работы. Не смотря на предостереженіе окружавшихъ его, Николай Мартьяновичъ былъ въ одномъ мундирѣ и, обозрѣвая новыя строенія, простоялъ на

мосту черезъ Куру около получаса, во время пропительнаго вѣтра, и жестоко простудился. Возвратясь домой, нашъ герой почувствовалъ сильный лихорадочный припадокъ, лишившій его возможности встрѣтить Паскевича, возвратившагося къ ночи изъ дѣйствовавшаго корпуса.

Это было начало ужасной желчной горячки. Врачи открыли кровь и предписали сильный пріемъ ртути, — тогда единственное средство въ Тифлисскихъ болѣзняхъ; но лекарство не было исполнѣ, принято Николаемъ Мартьяновичемъ и это, по мнѣнію пользовавшихся, имѣло важное вліяніе на неуспѣхъ въ переломѣ болѣзни; ибо хотя въ слѣдующій день и убѣдили его принять остальное количество, однако уже не оказалось должнаго дѣйствія. — 7-го числа больной почувствовалъ себя лучше и занимался въ постели дѣлами. 8-го былъ сильнѣйшій пароксизмъ, продолжавшійся 24 часа, но 9-го онъ снова получилъ облегченіе, и чувствовалъ себя столь хорошо, что дѣлалъ распоряженія по службѣ, подписывалъ (на постели) бумаги и принималъ тѣхъ, кто имѣлъ въ немъ нужду. Въ этотъ же день съ окружающими, близкими ему, съ особеннымъ чувствомъ разговаривалъ онъ объ искрѣннѣйшей дружбѣ, связывавшей его съ родными, далеко, въ благодатной Россіи, по любви къ Престолу и Отечеству имъ оставленными. Казалось, тогда возымѣлъ онъ полную надежду на выздоровленіе, хотя наканунѣ, отъ мучительныхъ страданій, отчаявался въ жизни. Въ 2 часа Паскевичъ и многіе другіе посѣтили генерала, и нашли его даже въ хорошемъ и веселомъ расположеніи духа. Но смерть уже витала надъ страдальцемъ. Къ вечеру онъ снова почувствовалъ себя хуже. Это было началомъ ужаснаго пароксизма, всю ночь и 10-е число до самой кончины продолжавшагося. Всѣ медицинскія пособія были тщетны, — страданія усиливались болѣе и болѣе; — въ полдни руки и ноги начали холодѣть; но больной сохранялъ всю память, иногда забывался, однако скоро приходилъ въ себя, и отъ сильной боли съ трудомъ отвѣчалъ на вопросы. Дыханіе часть отъ часу дѣлалось медленнѣе и тяжелѣе. Онъ самъ чувствовалъ приближеніе смерти, за нѣсколько минутъ до кончины пріобцился Св. Таинъ, простился со всѣми приближенными, изъявилъ желаніе быть погребеннымъ въ Россіи,

и тихо скончался. Главнокомандовавшій, навѣщавшій его каждый день, и бывшій за нѣсколько часовъ предъ кончиною, пріѣхалъ еще разъ, но не нашелъ уже въ живыхъ усерднаго и дѣятельнаго своего сподвижника, только что закрывшаго глаза, и былъ чрезвычайно тронутъ неожиданною его кончиною.

Изъ близкихъ при Николаѣ Мартьяновичѣ находился только родной братъ первой его супруги, камеръ-юнкеръ (нынѣ въ должности гофмейстера) Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, за два дня передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Тифлисъ. Супруга его, Елисавета Сергѣевна, не задолго передъ тѣмъ отправилась въ Москву и въ это время также лежала на одрѣ болѣзни и скончалась чрезъ три недѣли, 31-го октября, въ цвѣтущихъ лѣтахъ, не зная о смерти любимаго мужа.

Такимъ образомъ палъ, если не на полѣ брани, то на полѣ службы и чести, — посреди ревностныхъ заботъ, способствовавшихъ успѣхамъ храбрыхъ Кавказскихъ полковъ и посреди попеченій о благѣ ввѣреннаго ему края, достойный воинъ временъ Благословеннаго и прозорливый правитель первыхъ лѣтъ царствованія Незабвеннаго, — на 44-мъ году своей общепользной, драгоценной отечеству жизни.

« Неудивительно — говоритъ современный некрологъ *) — что всѣ съ душевнымъ истиннымъ прискорбіемъ оплакиваютъ невозвратную потерю генерала Сипягина. Можно смѣло сказать, что Отечество лишилось въ особѣ его одного изъ первыхъ гражданъ своихъ; общество — прекраснаго и добродѣтельнаго челоуѣка; подчиненные — лучшаго начальника; окружающіе — благодѣтеля; близкіе знакомые — благороднѣйшаго друга. Высокими качествами души своей онъ успѣлъ снискать и заслужить отъ всѣхъ любовь и уваженіе. Но Грузія, и особенно Тифлисъ, обязанные ему всѣми улучшеніями по внутреннимъ и внѣшнимъ частямъ, навсегда сохраняютъ его память ».

*) *Съверная Пчела*, 1828, № 148.

Это было мнѣніе общее всѣхъ коротко знавшихъ Николая Мартъяновича *). Многолѣтній другъ его и нѣкогда сослуживецъ по Семеновскому полку, графъ Дибичъ, — на слѣдующій годъ перешагнувшій непроходимыя Балканы, — какъ бы въ доказательство, что для Русскаго солдата нѣтъ мѣстностей неприступныхъ и внесшія знамена Николая въ вторую столицу Османовъ, — искренно жалѣлъ о ранвременной кончинѣ нашего героя и считалъ смерть его *потерю государственною*.

Сипягинъ былъ высокаго роста, сложенія крѣпкаго и стройнаго, имѣлъ голосъ пріятный и обладалъ примѣчательнымъ даромъ слова. Съ подчиненными своими обращался онъ чрезвычайно ласково, но въ отношеніи къ старшимъ велъ себя съ холодною вѣжливостію. Дружба его была чистая, благородная. Ни какія обстоятельства не могли ослаблять его пріязни. — Обряды Церкви Николай Мартъяновичъ соблюдалъ свято. Дѣятельность его была изумительна. Отъ семи часовъ утра до ночи онъ былъ постоянно въ трудахъ. Гибкій и образованный умъ его не зналъ покоя. Однимъ словомъ, вездѣ находилъ Сипягинъ пищу дѣятельности своей: новыя предположенія, преобразованія, улучшенія безпрестанно роились въ его головѣ.

Одно изъ душевныхъ его качествъ было то, что онъ былъ ревностнымъ цѣнителемъ другихъ. «У Кутузова, — гово-

*) Въ *Незабудочкѣ, Московскомъ Альманахѣ*, на 1827 годъ, изданномъ Сергѣемъ Глинкою (М., Тип. Унив., 1826), на стр. 197, помѣщено было слѣдующее стихотвореніе:

ДѢТЯМЪ ЕГО ПРЕВ. Н. М. СИПЯГИНА.

Хотите отыскать путь въ души и сердца, —

Идите по слѣдамъ отца.

Что снова повторилъ усерднымъ здѣсь перомъ.

Давно то въ сердца заключаю.

А вамъ лишь одного желаю:

Сравняйтесь, милыя! сравняйтесь съ отцемъ.

Въ *Московскомъ Альманахѣ* на 1829 годъ, авторъ «Воспоминаній» (С. Н. Глинка) говоритъ, что однажды въ довольно многочисленномъ обществѣ, когда рѣчь зашла о Сипягинѣ, одинъ изъ гостей сказалъ: «вогъ челоуѣкъ, на счетъ котораго и злорѣчіе ничего не можетъ выдумать предосудительнаго», и всѣ въ томъ согласились, — прибавляетъ этотъ почтенный авторъ.

рилъ онъ, — и въ старости видѣнъ былъ полетъ генія». Всегда и охотно напоминалъ онъ о подвигахъ сподвижниковъ своихъ и никогда не упоминалъ о томъ, что къ нему самому относилось.

Заботливое вниманіе ко всѣмъ отношеніямъ жизни человѣческой, было также однимъ изъ главныхъ качествъ Николая Мартъяновича. Въ разлукѣ съ супругою и семействомъ, онъ съ непоколебимою точностію оживотворялъ ихъ письмами, не упуская ни какой подробности и ни какого обстоятельства.

Какъ будто по предчувствію, что скоро разстанется и съ семействомъ и съ свѣтомъ, нашъ герой написалъ краткое наставленіе для воспитанія дѣтей своихъ отъ перваго брака. Если изложеніе мыслей высказываетъ внутренность души, то это наставленіе есть живое свидѣтельство, что торжество любви почиталъ онъ первымъ торжествомъ. Приведемъ собственные его слова: «Я полагаю, — написано въ завѣщаніи, — что наставникъ долженъ дѣйствовать болѣе всего на сердце. Наставникъ, прибѣгающій къ излишней строгости, никогда не внушитъ къ себѣ ни любви, ни довѣренности; онъ возродитъ страхъ, съ которымъ прекращается чистосердечіе воспитанниковъ.»

О любви Сипягина къ словесности, наукамъ, просвѣщенію — мы уже говорили. Здѣсь прибавимъ, что, одаренный чувствомъ изящнаго, Николай Мартъяновичъ особенно любилъ также зодчество. Не рѣдко указывалъ онъ инженернымъ офицерамъ и архитекторамъ ошибки въ планахъ и смѣтахъ ихъ, и предлагалъ имъ улучшенія въ постройкахъ, обличавшія вкусъ и свѣдѣнія его въ строительномъ искусствѣ. Любилъ онъ также живопись, и хотѣлъ казаться знатокомъ въ картинахъ; за то музыкальнаго слуха вовсе не имѣлъ, хотя и увѣрялъ въ своей страсти къ музыкѣ; поэзія же составляла его истинное наслажденіе, и онъ зналъ наизусть множество стиховъ и прекрасно читалъ ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ.

Щедрость Сипягина не имѣла границъ. Подобно своему прежнему начальнику, Милорадовичу, Сипягинъ былъ врагъ денегъ. Но тратя ихъ на прихоти и роскошную жизнь, онъ, — какъ мы говорили, — не падалъ своего достоинства и на пользу общую.

Нужно ли послѣ всего сказаннаго еще дѣлать общіе очерки всѣхъ благородныхъ и рѣдкихъ качествъ этого достойнѣйшаго мужа? Говорить въ подробности объ его благотворительности, состраданіи, гостепріимствѣ? его любви къ Государямъ и Отечеству, неутомимой дѣятельности, попечительности о дѣлахъ службы, блистательной храбрости на полѣ брани, терпѣніи и трудолюбіи въ тишинѣ кабинета? Нѣтъ, этого мы сдѣлать не въ состояніи, — хотя и сожалѣемъ о томъ, что собранныя нами свѣдѣнія о служебномъ поприщѣ Николая Мартьяновича, кратковременномъ, но обильномъ дѣлами добра, — правды и доблести, — мало говорятъ объ его домашней, частной жизни. Оканчиваемъ нашу статью повтореніемъ словъ Некролога, современнаго

кончинѣ памятнаго Кавказца *): «Желательно, чтобъ его друзья и читатели собрали всѣ потребныя матеріалы для сооруженія сему почтенному Россіянину достойнаго памятника.»

Николай Мартьяновичъ былъ женатъ два раза. Первая его супруга, Марья Васильевна, была дочь дѣйствительнаго камергера Всеволода Андреевича Всеволожскаго; вторая — Марья Сергѣевна, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Кушникова. Отъ перваго брака нашъ герой имѣлъ двухъ сыновей, а отъ втораго — сына и двухъ дочерей.

*) *Сѣверная Пчела*, 1828, № 148.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, сентября 18-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Назначеніе періодическаго изданія «Кавказцы» — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно — сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душеспасительное управление и назиданіе паствы, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукъ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всесильную помощь Божію, успокаиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьиными выстрѣлами; г) живое участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издавать «Кавказцы» Всемилостивѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность продолжать неуспынно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

Но, въ то же время Редакція находится въ необходимости сложить съ себя обязательство выдавать *опредѣленное* число приложений, а будетъ представлять ихъ только *по мѣрѣ возможности* пріобрѣсти портреты, изображенія подвиговъ и карты, *прямо соответствующіе тексту выпусковъ*; ибо при порядкѣ, до сихъ поръ соблюденномъ, часто было необходимо выдавать приложения *не относящіеся* къ описываемымъ событіямъ. Невыгоды, отъ этого происходившія для подписчиковъ, почему-либо не получавшихъ прежде «Кавказцевъ» или прекратившихъ подписку на нихъ въ послѣдствіи, — очевидны.

Подписная цѣна за 24 выпуска (№№ 37—60), — или 48 листовъ текста, съ необходимыми приложениями, имѣющіе выйти въ будущемъ 1859 году, — **двѣнадцать** рублей.

За первые 36 выпусковъ цѣна остается прежняя; именно:

за 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложениями, вышедшіе въ 1857 году — *шесть* рублей; а

за 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложениями, имѣющіе выйти до 1-го января 1859 года — *двѣнадцать* рублей.

Но господа подписывающіеся на изданіе съ первыхъ выпусковъ, за текущій 1858 и наступающій 1859 годы — вносятъ за каждый только по **десяти** рублей.

За пересылку въ другіе города прилагается: за первые 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1858 или 1859 года — по 1 руб. 50 коп.; за доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ будущаго года — 1 руб. сер.

Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародывается.

ПОДПИСКА принимается исключительно въ С. Петербургѣ, въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Новоселова* и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ неперемѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардіи Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, сентября 21-го дня 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

КАВКАЗЦЫ

ИЛИ

ПОДВИГИ И ЖИЗНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛИЦЪ,

ДѢЙСТВОВАВШИХЪ НА КАВКАЗѢ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА СОИЗВОЛЕНІЯ,

ВЫХОДЯЩЕЕ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Гвардіи Полковника Семена Новоселова.

ВЫПУСКИ 34-й, 35-й и 36-й.

Жизнеописаніе митрополита Іоны. — Жизнеописаніе генераль-
маіора Камутина. — Жизнеописаніе артиллеріи капитана Казимир-
скаго.

Приложенія: Штурмъ Агачъ-Кале. — Взятіе штурмомъ горы
Навагинской. — Перестрѣлка съ горцами передовой цѣпи Кабар-
дьянскаго полка. — Тушины разбиваютъ скопище Лезгинъ. — Лагерь
отряда барона Розена при мысѣ Адлеръ.

*Благотворительное назначеніе прибыли отъ изданія «Кавказцы» — на успокоеніе проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и
святую родину, заставляетъ Редакцію покорнѣе просить другія періодическія изданія — не перепечатывать ея статьи
и рисунковъ.*

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЯКОВА ТРЕЯ.

1858.

МИТРОПОЛИТЪ ІОНА, БЫВШІЙ ЭБЗАРХЪ ГРУЗИИ.

Высокопреосвященнѣйшій Іона пятьдесятъ семь лѣтъ служилъ Церкви Православной и Отечеству; изъ нихъ двадцать лѣтъ проведено имъ въ санѣ священника, протоіерея и архимандрита, столько же на поприщѣ архипастырскаго служенія и управленія разными епархіями, — въ томъ числѣ десять лѣтъ онъ былъ экзархомъ Грузіи, а остальныя семнадцать — въ званіи члена Святѣйшаго Синода. Имя его на всегда будетъ дорого для Кавказа и вообще для Церкви Православной. Все долговременное, многотрудное и разнообразное служеніе Высокопреосвященнѣйшаго ознаменовано было назидательностію ученія, мудростію правленія и примѣромъ благочестія.

Достопамятный іерархъ родился въ древнемъ уѣздномъ, Московской епархіи, нынѣ губернскомъ городѣ Калугѣ, 18-го февраля 1763 года. Отецъ его былъ дьячекъ при церкви Св. Василія Блаженнаго, Семенъ Аоонасьевъ *Васильевскій*, человекъ бѣдный, но въ свое время также замѣчательный. Почтенный служитель церкви отличался любовью къ трудамъ, благочестивою жизнію и большимъ искусствомъ въ иконописи, которое доставляло ему пособие въ скудномъ его

содержаніи. Получивъ благословеніе Божіе на труды, онъ, знаніемъ своего дѣла и нравственными достоинствами столько успѣлъ обратить на себя вниманіе епархіальнаго начальства, что когда вызвали его въ Москву въ качествѣ смотрителя за работами обучавшихся при тамошнемъ Успенскомъ соборѣ иконописанію, ему предложенъ былъ санъ іерея при одной изъ церквей города Калуги. Но глубокое смиреніе Семена Васильевского ограничилось одною признательностію къ начальству за милость, по его мнѣнію, превышавшую его достоинство, и предложенное ему священническое мѣсто зачислено, по его просьбѣ, за роднымъ его братомъ.

Митрополитъ Іона былъ младшимъ сыномъ почтеннаго дьячка и носилъ имя Ивана. Кромѣ его у Семена Васильевского было еще двое дѣтей: старшій сынъ, также Иванъ, — едва-ли еще не при жизни отца, отданный для обученія въ Перервинскую семинарію, а потомъ, какъ сейчасъ упомянули, бывшій священникомъ въ одной изъ Московскихъ церквей, и дочь, оставшаяся малолѣтнею сиротою послѣ родителей на попеченіи престарѣлой бабки и, по вступленіи въ

возрасть, выданная, при помощи Божіей и добрыхъ людей, въ замужество за бѣднаго Калужскаго мѣщанина.

Младшій—Иванъ, оставшійся послѣ отца не болѣе осьми лѣтъ, а о своей матери не сохранившій даже никакого воспоминанія, также находился на попеченіи престарѣлой бабки, которая для себя и круглыхъ сиротъ получала скудное пропитаніе отъ ихъ ветхаго родительскаго домика. Но и это единственное пристанище сиротъ, за ветхостію, было сломано. Старица съ малолѣтнимъ внукомъ пріютилась въ церковной богадѣльнѣ, гдѣ и содержались они скудною помощію благотворителей. Не имѣя ни средствъ, ни случая научиться грамотѣ, и не видя впереди ничего, что могло бы обѣщать сиротѣ насущный хлѣбъ, онъ встрѣтился съ новымъ страданіемъ, отнявшимъ у него послѣднюю подпору: сердобольная и престарѣлая бабка, замѣнявшая ему родителей, лишилась зрѣнія, и вся тяжесть безпомощнаго ихъ положенія легла на этого бѣднаго малютку. Господь одинъ вѣдаетъ, какими слезами обливала своего внука слѣпая старушка, начавшая питаться уже, ради Христа, мірскимъ подаваніемъ.

Такимъ образомъ, отрокъ Іоаннъ обреченъ былъ неисповѣдимыми судьбами Божьими, какъ самъ о себѣ говорилъ, безуспѣшно оплакивать свое положеніе и скорбнымъ путемъ переходилъ отъ одной крайности къ другой, пока не выдержалъ полнаго испытанія величайшей бѣдности.

До пятнадцати лѣтъ сирота все еще оставался безграмотнымъ. Но въ это время на него обратилъ вниманіе благочинный Калужскихъ церквей и помѣстилъ его на казенное содержаніе въ училище, находившееся въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, близъ Калуги. Тягостное состояніе продолжало и здѣсь угнѣтать юношу. Въ училищѣ онъ проводилъ съ товарищами шесть дней недѣли, при скудной пищѣ, не скидая съ плечъ—ни зимою, ни лѣтомъ, ни днемъ, ни ночью—овчинной шубы, данной ему бабушкой; а по праздникамъ отправлялся онъ въ богадѣльню и водилъ слѣпую, убогую старушку по городу, набирая ей насущный хлѣбъ на всю недѣлю. Это скорбное время образованія сироты Васильевского было для него на всю послѣдующую его жизнь урокомъ смиренномудрія и упованія на благодать Божію, урокомъ терпѣнія, любви и состраданія къ ближнимъ нуждаю-

щимся. Одинъ Богъ подкрѣплялъ будущаго цастыря словеснаго стада Своего.

Первое средство къ спасенію отъ нищеты и горя сиротѣ представилось въ занятіи празднаго пономарскаго мѣста въ Калугѣ. Это было около 1782 года, когда онъ имѣлъ отъ роду лѣтъ 19. Внуку съ бабушкой отправились просить мѣста въ Москву къ преосвященнѣйшему Платону, бывшему тогда Московскимъ архіепископомъ. Но знаменитый іерархъ, замѣтивъ способности юноши, обезпечилъ старушку, а внука ея отправилъ въ Перервинскую семинарію, — мѣсто воспитанія и другихъ двухъ знаменитыхъ святителей нашей Церкви — Августина Виноградскаго и Иннокентія Смирнова.

Нужды, — неразлучныя спутницы Васильевского, — шли за нимъ и сюда; недостатки не отставали отъ него и на Перервѣ. Когда онъ уже обучался риторикѣ и самъ обучалъ въ низшемъ грамматическомъ классѣ, то и тогда не имѣлъ, — по собственнымъ его словамъ, — *приличной самонужнейшей одежды*, кромѣ нищенскаго тулупа и набойчатого холстиннаго, по 10 копѣекъ за аршинъ, халата, котораго не снималъ онъ съ плечъ своихъ до послѣдней возможности, не смотря на совершенную его ветхость. Одно представлялось ему утѣшеніе — побывать въ Калугѣ, увидѣться съ бабушкой, сестрою и зятемъ; но крайняя бѣдность долго не позволяла исполниться и этому его желанію.

Впрочемъ, вообще, пребываніе на Перервѣ было для Васильевского нѣкоторымъ успокоеніемъ послѣ всего прежняго. Бѣдность его преслѣдовала не въ той уже степени, какъ въ родномъ городѣ: когда назначили его учителемъ въ грамматическій классъ, онъ уже получалъ *шесть* рублей жалованья, — что, при его нуждахъ, было ему ощутительнымъ пособіемъ. Получа эти деньги въ первый разъ, онъ, — по собственнымъ словамъ, — «столько восхищенъ былъ, что мнилъ себя быть Крезомъ.» Къ этому времени и зять его нѣсколько поправился, такъ что Васильевскій, посѣтивъ его во время каникулъ, былъ столько обласканъ пріемомъ и угощеніемъ мѣщанина, что съ чувствомъ обѣщаль *не забыть, доколь будетъ живъ, его хлѣбъ—соль*, — что и исполнилъ на самомъ дѣлѣ.

По окончаніи учебнаго курса въ Перервинской семинаріи, Иванъ Васильевскій, въ числѣ другихъ, представленъ былъ митрополиту Платону, который самъ испытывалъ учениковъ и, за быстрые и точные отвѣты, назначилъ его въ лаврскую семинарію, — что нынѣ Московская Духовная Академія. Сирота, не имѣя приличной одежды, отправился съ шестью рублями ассигнаціями сбереженнаго въ два года жалованья на рынокъ и купилъ себѣ шинель за 5 р. 50 к., въ которой, — по его собственнымъ словамъ, — *такъ щеголялъ, что она всю наготу и бѣдность его покрывала.*

Разскажемъ одинъ назидательный случай, относящійся къ этому времени, характеризующій Высокопреосвященнѣйшаго, замѣчательно свидѣтельствующій о степени его признательности. Какой-то мѣщанинъ Калужскій, кумь его зятя, проѣзжая однажды мимо Сергіевской Лавры, передалъ ему, чрезъ товарищевъ, 20 коп. асс., сказавъ, что деньги эти присланы ему отъ сестры. Признательный къ такому малому подарку, ученикъ Васильевскій три дня просидѣлъ на лаврской дорогѣ, дожидаясь возвращенія мѣщанина, и найдя его въ приблизившемся обозѣ снащимъ на телѣгѣ, благодарилъ его за доставленіе денегъ. Но каково было его удивленіе, когда, въ послѣдствіи, узналъ, что денегъ тѣхъ сестра ему не послала! Изумленный доброжелательствомъ посторонняго лица, онъ оставилъ въ сердцѣ своемъ непремѣнное намѣреніе воздать за добро сторицею, и исполнилъ это, когда былъ епископомъ: пять тысячъ рублей ассигнаціями на постройку дома, и нанятый за сына рекрутъ были вознаграждены добромъ мѣщанину за скудную лепту, которую онъ радушно предложилъ бѣдному сиротѣ.

По окончаніи курса въ лаврской семинаріи, Иванъ Васильевскій, имѣвшій тогда отъ роду около 28-ми лѣтъ, пошелъ пѣшкомъ не болѣе какъ съ 20-ю коп. асс. въ Калугу, въ которой встрѣтилъ его радушный пріемъ сестры и знакомыхъ въ духовенствѣ, которое стало уже оказывать ему особенное вниманіе.

Между тѣмъ, отличные успѣхи въ наукахъ и примѣрное поведеніе его постоянно было въ виду начальства.

Въ скоромъ времени надобно было назначить смотрителя Звенигородскаго Духовнаго Училища изъ людей особенно испытанной нравственности. Архимандритъ Меѳодій, ректоръ

Академіи, указалъ на Васильевскаго и его потребовали въ Москву, къ преосвященному Серапіону, бывшему тогда Московскимъ викаріемъ. Бѣднякъ выпросилъ у какого-то господскаго человѣка сюртукъ, чтобы пристойнѣе явиться къ начальству, и признался епископу, что, по крайней бѣдности своей, не имѣетъ приличной одежды для вступленія въ должность смотрителя. Викарій успокоивалъ его общаніемъ жалованья по 120 р. въ годъ; но онъ колебался. Митрополитъ Платонъ, извѣщенный о такой нерѣшимости студента Васильевскаго, приказалъ архимандриту Меѳодію сильнѣе убѣждать его, предвидя въ немъ большую пользу для Церкви, и замѣчая въ характерѣ его способность къ принятію иночества. Но Васильевскому суждено было испытать не одно одиночество горькаго сиротства, а также и заботы и скорби семейной жизни.

Около декабря 1790 года открылось въ Калугѣ при Воскресенской церкви священническое мѣсто. Васильевскій прибылъ въ Москву съ просьбою о зачисленіи за нимъ этого мѣста. Митрополитъ вспомнилъ о немъ, и снова убѣждалъ его къ постриженію въ монашество. Много и рѣзко говорилъ митрополитъ Платонъ о пользѣ, отъ него ожидаемой для Церкви и Отечества; все, говоренное этимъ мудрымъ и проникательнымъ архипастыремъ, въ послѣдствіи, почти буквально, оправдалось. Но тогда студенту Васильевскому ничего не представлялось выше и лучше просимаго мѣста, и митрополитъ Платонъ, съ большимъ сожалѣніемъ, согласился на неотступную его просьбу. Васильевскій вступилъ въ супружество съ дочерью бѣднаго причетника Московской Скорбященской церкви, — отличавшейся наружной красотой и всѣми качествами доброй, кроткой и благочестивой дѣвицы, — предпочтя ее многимъ другимъ, имѣвшимъ предъ нею преимущества по происхожденію и состоянію, — и былъ рукоположенъ во священники, въ день Трехъ Святителей, 30-го января 1792 года, почти на 30-мъ году своей жизни.

Прихожане Воскресенской церкви, радушно встрѣтившіе новаго своего пастыря, питали къ нему отличное уваженіе и старались, по возможности, помогать ему въ бѣдномъ состояніи. Чрезъ пять лѣтъ здѣшняго служенія отца Іоанна, сдѣлалось въ Калугѣ празднымъ священническое мѣсто при

Казанской церкви, особенно славившейся не богатством прихожанъ, — въ сравненіи съ другими приходами, довольно бѣдныхъ и малочисленныхъ, — но благочестіемъ, вѣрою и усердіемъ ихъ къ иконѣ Казанской Божіей Матери. По приглашенію этихъ прихожанъ и волѣ епархіальнаго начальства, изъ трехъ кандидатовъ это мѣсто зачислено за отцемъ Иоанномъ.

Между тѣмъ нравственныя достоинства и заслуги начали открывать Васильевскому путь къ высшимъ степенямъ и отличіямъ. Въ 1794 году онъ уже былъ опредѣленъ увѣщателемъ подсудимыхъ, въ 1795 — депутатомъ; въ 1797 г. назначенъ благочиннымъ городскихъ церквей, — вмѣсто прежняго его благодѣтеля, опредѣлившаго его въ Лаврентіевское училище, а въ 1798 г. — присутствующимъ въ Калужскомъ Духовномъ Правленіи.

Казалось, жизнь ученаго священника начинала быть счастливою; но быстрое его возвышеніе было причиною, что многія духовныя лица, и даже самъ протоіерей—прежній его благодѣтель, — привыкнувъ, по тогдашнему времени, безъ высшаго образованія, однимъ долговременнымъ служеніемъ достигать высшихъ должностей, начали невольно подозрѣвать, что у Васильевского есть въ Москвѣ особое покровительство, употребленное въ обиду другимъ. Негодованіе это было гласно и время отъ времени росло, до самаго открытія, въ 1799 г., въ Калугѣ епархіальной каедръ, на которую первымъ епископомъ прибылъ Преосвященный Теофилактъ, бывшій въ послѣдствіи архіепископомъ Рязанскимъ и экзархомъ Грузіи, въ санѣ митрополита.

Этотъ мудрый архипастырь, сначала въ видѣ испытанія, а потомъ уже по особенной любви къ Васильевскому, часто призывалъ его къ себѣ для различныхъ порученій, и нерѣдко проводилъ въ бесѣдѣ съ нимъ по нѣсколькимъ часамъ, до глубокой ночи. Вмѣстѣ съ преобразованиемъ Духовнаго Правленія, Васильевскій оставленъ присутствующимъ въ новой Калужской Консисторіи; потомъ, въ 1803 году, произведенъ въ Протоіерея, а въ 1805 г. Всемилоостивѣйше пожалованъ бархатною фіолетовою скуфьею.

Такъ оцѣнилъ отпа Иоанна Епархіальный Преосвященный; но это не измѣнило добраго, и смиреннаго направленія

его характера. Въ Калугѣ доселѣ съ чувствомъ особеннаго уваженія говорятъ объ его кротости и благодушій. Старцы священники и діаконы, бывшіе нѣкогда подѣ вѣдомствомъ или надзоромъ его, какъ Благочиннаго, доселѣ называютъ его рѣдкимъ отцемъ и покровителемъ. По общему отзыву городскихъ жителей, Протоіерей Васильевскій былъ самый добрый, самый благонамѣренный и искренній пастырь, истинный ревнитель Апостольскаго ученія, и имѣлъ столь пространное сердце, что оно готово было вмѣстить въ себѣ всѣхъ.

Любили своего пастыря Калужскіе прихожане, но и онъ полюбилъ ихъ съ первыхъ дней своего пастырства, молитвенно за нихъ посредствуя предъ Господомъ. Кромѣ своихъ проповѣдей, особенно любилъ онъ говорить въ церкви поученія Преосвященнаго Тихона Воронежскаго. Смиреніе, кротость, терпѣніе всякаго рода лишеній и молитва возростили въ немъ сѣмена духовной жизни, которыя въ это время начали приносить прекрасныя плоды. Такъ во время протоіерейства своего при Казанской церкви онъ имѣлъ благодать у Господа способствовать чудесному обращенію одной раскольницы на лоно Православной Церкви.

Между тѣмъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, для протоіерея Васильевского готовилось высшее назначеніе служить Православной Церкви въ санѣ святительскомъ; но совершенно, вполне и все цѣло посвятить себя на служеніе Господу и Его святой Церкви можно не иначе, какъ оторвавшись отъ міра. Промыслъ Божій такъ и устроилъ судьбу протоіерея Васильевского: 10-го ноября 1802 года умерла, въ цвѣтущемъ возрастѣ, супруга протоіерея; затѣмъ умерли двѣ его дочери и сынъ, а для одного оставшагося въ живыхъ дитяти, сына Филарета, не разсуждалъ онъ болѣе зависѣть отъ міра. Въ 1807 г., епископъ Теофилактъ, вызванный въ С. Петербургъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ, пригласилъ въ столицу и любимаго своего протоіерея, который уже принялъ его предложеніе о поступленіи въ иночество. На другой день по пріѣздѣ въ столицу, въ іюнь того же года, отецъ Иоаннъ былъ постриженъ въ монашество, и названъ *Іоною*.

ИЗЪ ГЪ. ПОЛКОВНИКА НОВОСЕЛОВА.

РИС. ГЕН. ГОРСКОЙ.

ГРАВ. АМЦЕРІЕВЪ.

ТУШИНЪ РАЗБИВАЮТЪ СКОПИЩЕ ЛЕЗГИНЪ ПОДЪ ПРЕДВОДИ-
ТЕЛЬСТВОМЪ НАИБА АХВЕРДЫ МАГОМА, ГДѢ АХВЕРДА МАГОМА -
РАНЕНЪ И ВСКОРѢ УМЕРЪ.

Вслѣдъ за этимъ, новопостриженный іеромонахъ произведенъ въ санъ архимандрита, и опредѣленъ законоучителемъ въ С. Петербургское Коммерческое Училище, а въ 1808 г. Всемилостивѣйше награжденъ изъ Кабинета Императрицы Маріи Ѳеодоровны, — Высочайшей покровительницы заведенія, — украшеннымъ брилліантами наперснымъ крестомъ.

Черезъ полгода архимандритъ Іона опредѣленъ ректоромъ Калужской семинаріи и профессоромъ богословскихъ наукъ, настоятелемъ Перемышльскаго Троицкаго Лютикава монастыря, присутствующимъ въ Калужской Духовной Консисторіи и экзаминаторомъ ставленниковъ.

Служба архимандрита Іоны въ Калугѣ, въ небытность епархіальнаго архіерея, — присутствовавшего въ Святѣйшемъ Синодѣ, — ознаменована была трудами, какъ главнаго дѣятеля по дѣламъ духовной консисторіи и семинаріи. Въ это время, подъ его надзоромъ, сооружался теплый соборъ, при которомъ устроивались и архіерейскіе покои. Во время своего ректорства, архимандритъ Іона, попечитель сиротъ, имѣлъ утѣшеніе дожидаться открытія въ семинаріи казеннаго кошта для бѣдныхъ и сирыхъ воспитанниковъ.

Въ 1810 году онъ вызванъ въ С. Петербургъ на чреду священнослуженія; въ 1811 г. назначенъ настоятелемъ Волоколамскаго монастыря. Въ эту пору, во время пребыванія своего въ С. Петербургѣ, архимандритъ Іона проходилъ должности инспектора и эконома С. Петербургской Духовной Академіи, а въ 1812 году возведенъ въ санъ епископа, съ назначеніемъ управлять Тамбовскою епархіею.

На пути къ своей каѳедрѣ, преосвященный Іона посѣтилъ незабвенную свою родину и отслужилъ тамъ двѣ литургіи, одну въ соборѣ, другую — въ Казанской церкви, при которой провелъ онъ послѣдніе годы протоіерейскаго своего служенія.

Въ Тамбовѣ епископъ Іона всего себя посвятилъ на пользу пасомыхъ. Исполненное ко всѣмъ любовью сердце его, въ первомъ привѣтственномъ словѣ, просило общенія съ паствою самаго тѣснаго, хотѣло за-одно съ нею и радоваться и плакать. Съ отрадою встрѣчалъ онъ каждый праздникъ въ храмѣ Божіемъ и, съ умиленіемъ, совершивъ Божественную литургію, говорилъ народу поученія. Простота его

слова доходила до сердца каждаго, и не было въ церкви лица, кто бы не выносилъ духовной пользы отъ бесѣдъ святительскихъ. Съ тою же отеческою любовію, съ такимъ же сердобольнымъ попеченіемъ обращался онъ съ пасомыми и по внутреннему епархіальному управленію. Знакомый самъ коротко съ горемъ житейскимъ, онъ близко къ сердцу принималъ все, что встрѣчалъ скорбнаго въ своей епархіи. Нравственные недостатки ввѣренныхъ его попеченію священно и церковно-служителей такъ сильно трогали любвеобильнаго архипастыря, что, вмѣсто негодованія на виновныхъ, онъ горько сокрушался объ ихъ состояніи, и старался приводить ихъ къ полному раскаянію и исправленію болѣе сокрушеніемъ сердца, чѣмъ страхомъ наказанія. Но при обильной милости и снисхожденіи къ пасомымъ въ дѣлахъ терпимыхъ, епископъ вездѣ и во всемъ наблюдалъ правосудіе, гдѣ того требовало существо дѣла, и строгое взысканіе его за отступленіе отъ правилъ нравственныхъ, безъ лицепріятія, равно падало на всѣхъ безъ исключенія. Мѣстные сказанія свидѣтельствуютъ, что преосвященный Іона, управляя Тамбовскою паствою, имѣлъ значительное вліяніе на улучшеніе нравственности въ духовныхъ лицахъ.

Попеченіе о воспитаніи духовнаго юношества составляло также одинъ изъ главныхъ предметовъ архипастырской любви Святителя. Не одними общими распоряженіями объ улучшеніи воспитанія, но и личнымъ участіемъ въ судьбѣ сиротъ, или дѣтей недостаточныхъ родителей, оказывалъ онъ свои благодѣянія.

Всегдашнюю память о себѣ въ Тамбовѣ оставилъ Преосвященный, между прочимъ, и заботливостью своею объ устройствѣ и благолѣпіи Господнихъ храмовъ. Попечительностію его сооруженъ въ тамошнемъ дѣвичьемъ монастырѣ храмъ во имя Божіей Матери, всѣхъ скорбящихъ Радости. Его же стараніемъ построено одно изъ замѣчательныхъ въ Тамбовѣ зданій: каменный трехъ-этажный, красивой архитектуры, архіерейскій домъ, съ благолѣпною внутри его церковію. Мѣстомъ для постройки этого дома Преосвященный избралъ самую лучшую часть архіерейскаго хутора, — вообще отличающагося прекраснымъ мѣстоположеніемъ. Раемъ земнымъ казалось Боголюбивому архипастырю тихое это уединеніе, въ которомъ мирно текли лѣтніе часы его

трудоу и отдохновенія. Заботливостію Преосвященнаго также украсенъ живописью зимній храмъ Св. Іоанна Предтечи, находящійся при Тамбовскомъ архіерейскомъ домѣ. Его же попеченіемъ сдѣлана (Московскими мастерами), высокаго достоинства, серебро-позлащенная риза на мѣстную икону Спасителя въ храмъ Казанской Божіей Матери и куплены, въ Москвѣ, три большія посеребренные паникадила. Наконецъ, стараніемъ его вылиты для Казанской колокольни два большіе колокола: одинъ въ 1000, другой въ 500 пудовъ.

Благотворительность Преосвященнаго къ Тамбовскимъ сиротамъ, вдовамъ, бѣднымъ, нищимъ, арестантамъ и всѣмъ находившимъ пріютъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, была постояннымъ правиломъ каждаго праздника, и обратилось въ любимую привычку Архипастыря — приступать къ Божественной литургіи только послѣ раздачи милостыни, и притомъ раздачи, большею частію, личной.

Ни одинъ изъ монастырей Тамбовской епархіи не оставленъ безъ особыхъ щедротъ епископа. Въ каждый изъ нихъ положено имъ нѣсколько тысячъ рублей на помяновеніе усопшихъ родныхъ и его самого по смерти. Преимущественно предъ другими обителями благотворилъ онъ Саровской пустыни.

Чудная пустынь эта, — совершенно отдѣленная отъ міра и дремучими лѣсами и самою жизнію иноковъ, въ которой было столько тружениковъ, изумляющихъ подвигами, молитвою и самоотверженіемъ, — была для іерарха любимымъ мѣстомъ подвижческаго уединенія. Туда пріѣзжалъ онъ лично исполнять иноческія правила со всѣми многотрудными бдѣніями *). Тамъ любилъ находить онъ сердечный покой и

*) По строгости Саровскаго устава, самое правило вечернее, которое въ иныхъ обителяхъ каждый инокъ совершаетъ у себя келейно, здѣсь, для болѣе точнаго соблюденія иноческаго устава, вся братія исполняетъ вкушѣ. Оно продолжается болѣе двухъ часовъ и состоитъ изъ обычныхъ канонувъ Спасителю, Божіей Матери, Св. Ангелу-Хранителю и молитвъ на сонъ грядущимъ, съ многочисленными земными поклонами, которыхъ кладутъ болѣе 200, и только съ вечерни на воскресные или праздничные дни земные поклоны замѣняются поясными. Всенощныя же бдѣнія, бывающія обыкновенно на праздники, продолжаются до глубокой полночи.

отраду въ бесѣдахъ съ незабвенными старцами: Серафимомъ, Дороеемъ и Маркомъ. Туда просилась, искавшая во всю жизнь Единаго Господа Христа, смиренная душа его; тамъ хотѣлось ему положить и старческія кости свои, какъ самъ неоднократно писалъ о томъ къ покойному настоятелю пустыни, игумену Нифонту; но Господь судилъ иначе.

Во время управленія Тамбовскою епархіею, епископъ Іона Всемилоствѣйше пожалованъ, въ 1819 году, орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Въ 1820 г. онъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ командированъ для обозрѣнія Казанской епархіи.

Въ слѣдующемъ году послѣдовало Всемилоствѣйшее назначеніе его въ Астрахань, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа.

Это призваніе къ новой каедрѣ стоило Преосвященному и всей Тамбовской паствѣ взаимной глубокой скорби. Когда наступилъ день отъѣзда его въ Астрахань, Тамбовскіе жители сошлись проводить его въ каедральный соборъ и тамъ, въ послѣдній разъ, отслушать отправляемую имъ святую литургію. Разлучаясь съ возлюбленною паствою, послѣ девятилѣтняго союза съ нею, благодѣтельный Іерархъ, въ краткой прощальной бесѣдѣ, не скрылъ грустнаго чувства разлуки, и послѣднюю рѣчь свою окончилъ слѣдующими словами: «Братія моя! никогда въ душѣ своей не имѣлъ я намѣренія кого нибудь чѣмъ либо обидѣть или оскорбить, а если я и оскорбилъ кого, то по какимъ нибудь неумышленнымъ причинамъ, — простите меня», и, съ послѣднимъ словомъ, въ чувствѣ высокаго христіанскаго смиренія, онъ палъ на землю, и поклонился всѣмъ предстоящимъ. — Нужно ли говорить, послѣ этого, какой горести всѣмъ, и какихъ рыданій нѣкоторымъ стоила разлука съ такимъ добрымъ Архипастыремъ! какая-то необъяснимая безотчетная скорбь пала на сердца осиротѣвшей паствы.

Прибывъ въ Астрахань, благоразумный и трудолюбивый Архипастырь, въ самое короткое время, успѣлъ привлечь къ себѣ не только православныхъ, но и раскольниковъ тамошнихъ, полюбившихъ архіерейскую его службу; по сказанію современниковъ-очевидцевъ, съ изумительною любовью всѣ спѣшили слушать его архипастырскія поученія. Но чрезъ три мѣсяца по прибытіи туда, по случаемъ смерти

митрополита Теофилакта, — бывшего его благодѣтеля, — по Высочайшему повелѣнію, онъ переведенъ на его мѣсто экзархомъ Грузіи и архіепископомъ Карталинскимъ и Кахетинскимъ, съ чѣмъ вмѣстѣ получилъ и званіе члена Святѣйшаго Синода.

Прибывъ въ Тифлисъ, въ декабрѣ того же года, Экзархъ сдѣлалъ тамъ много добраго.

Во время проѣзда изъ Грузіи чрезъ Тамбовъ, онъ самъ рассказывалъ, что « послѣ митрополита Теофилакта, заставшаго многое по духовному вѣдомству въ Грузіи въ нѣкоторомъ запущеніи, онъ долженъ былъ весьма много трудиться, и съ большими для себя затрудненіями, чтобы, по плану митрополита Теофилакта, все привести въ порядокъ и опредѣленную ясность; по водвореніи же порядка, Грузинская Церковь не только себя и свои училища содержать теперь на свой счетъ, — чего прежде не было, — но имѣть и большіе избытки ».

Жизнь и труды экзарха Ионы всегда будутъ памяты на Кавказѣ; но мы, къ сожалѣнію, не можемъ представить въ той полнотѣ, какъ бы желали, всѣ его заботы на пользу паствы; этому виною — крайняя скудость матеріаловъ, и потому ограничимся только краткимъ перечнемъ извѣстныхъ намъ распоряженій и дѣйствій знаменитаго Іерарха.

Начнемъ съ управленія.

Съ преобразованиемъ духовныхъ дѣлъ въ Грузіи по всѣмъ частямъ, во время управленія предмѣстника Ионы, первоначально постановлено было въ Грузіи находиться одной только епархіи; — такимъ образомъ, между прочимъ, была присоединена къ ней Мингрельская епархія; но князь Леванъ-Дадіанъ увѣдомилъ, что, при всей съ его стороны готовности, онъ не находитъ себя въ силахъ допустить лицъ, посланныхъ митрополитомъ Теофилактомъ привести въ исполненіе распоряженія касательно Мингрельской епархіи. По этому всякое дѣйствіе по части духовной на Мингрелію тогда было приостановлено. Митрополитъ Иона, по прибытіи въ Грузію, вновь вошелъ по этому предмету въ сношеніе съ главноуправляющимъ въ краѣ, и о затрудненіяхъ, какія встрѣтилъ въ исполненіи этого дѣла, донесъ, въ 1824 г., Св. Синоду. Наконецъ, однако, Преосвященный успѣлъ

вести тамъ устройство по дѣламъ духовнымъ, согласно съ предположеніями владѣтеля Мингреліи.

По его представленію, указомъ Св. Синода въ 1821 г., основанъ въ Тифлисѣ *Спасопреображенскій* первостепенный монастырь, вмѣсто упраздненнаго Квабтаховскаго монастыря. Новая обитель помѣщена въ оставшихся царскихъ зданіяхъ и вновь построенныхъ трехъ каменныхъ корпусахъ. Церковь, также древняя, возобновлена въ это время и, 29-го октября 1822 г., освящена митрополитомъ Ионою, а съ тѣмъ вмѣстѣ послѣдовало и открытіе монастыря.

Нѣкоторые другіе монастыри, прежде существовавшіе, также получили улучшенія отъ ревности Экзарха; такъ напримѣръ, въ Давидгареджійской пустыни въ его управленіе сооружена каменная церковь во имя Св. Чудотворца Николая.

Много храмовъ Божіихъ обязаны ревности Архипастыри своимъ велелѣніемъ. Между прочимъ, для Сіонскаго кафедральнаго собора въ Тифлисѣ онъ, въ 1824 г., выписалъ изъ Россіи колоколъ слишкомъ въ 102 пуда, — въ то время рѣдкій и единственный въ Грузіи по огромности; его попечительностью устроена икона Пресвятыя Богородицы, именуемая Черниговскія, въ сребропозлащенной ризѣ, и, для симметріи въ иконостасѣ, имъ устроены такія же четыре другія иконы, а при выѣздѣ изъ Грузіи, благотворительный Архипастырь принесъ въ даръ тому же Сіонскому собору золотой приборъ священныхъ сосудовъ и на престольный крестъ, всего на сумму 10,000 р. сер.

Преосвященный ревностно старался и о велелѣніи Богослуженія; по его распоряженіямъ образовался пѣвческій хоръ изъ Грузинскихъ дѣтей.

Бѣдные и вдовы духовенства находили прибѣжище и успокоеніе въ милосердіи Экзарха, который въ одно попечительство о нихъ принесъ въ даръ до 10,000 руб.

Многія племена на Кавказѣ еще коснѣютъ во мракѣ духовнаго невѣрія, ждуть своего духовнаго возрожденія. Экзархъ Иона дѣятельно заботился о просвѣщеніи ихъ Вѣроу вѣрующаго.

По дѣлу обращенія Осетинцевъ къ Вѣрѣ Христовой, правила Святѣйшаго Синода, преподанныя въ 1814 и въ 1818

годахъ, положили твердое основаніе дѣйствіямъ, такъ называемой Осетинской Духовной Миссіи для приведенія горскихъ жителей къ Православной Церкви. Правилами, преподаанными миссіи въ основаніе, повелѣвалось: а) въ дѣлѣ обращенія употреблять болѣе духовныя, нежели мірскія побужденія и средства; б) почитать дѣло проповѣди ковчезнымъ не прежде, какъ если обращенные пожелають имѣть у себя церковь и священника; в) въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входить и никакой власти не ослаблять, ни тайными, ни явными внушеніями; г) членамъ миссіи идти на дѣло благовѣстія просто, со смиреніемъ; д) гдѣ не пріймутъ ихъ ученія, оттуда отходить съ миромъ; а гдѣ пріемлется, тамъ оставаться для наученія и утвержденія въ Вѣрѣ; наконецъ, е) не преподавать крещенія спѣшно, но удостовѣриться многими опытами въ искренности обращенія *).

Это вполне православное наставленіе, совершенно согласное съ правилами апостольскими, подкрѣплено было ревностію Преосвященнаго Іоны и, слѣдствіемъ этого, труды благовѣстниковъ, посланныхъ въ горы Кавказа, въ его правленіе экзархатомъ увѣнчались благословеннымъ успѣхомъ.

Въ первые три года управленія Преосвященнымъ Осетинскою Миссіею, т. е. съ 1-го января 1822 по 1-е января 1825 г. **), окрещено магометанъ и язычниковъ:

Осетинъ	466 душъ.
Тагаурцевъ	807 »
Тушинъ	36 »
Хевсуровъ	196 »
Дигорцевъ	620 »
Варташенскихъ удовъ	68 »
Джарцевъ	23 »

*) Полное Собр. Закон., т. XXII, № 2579. *Ист. Груз. Иерарх.*, стр. 72—77; въ *Христ. Чтен.*, 1822, ст. «Обращеніе Осетинцевъ», ч. 5, стр. 209—218. *Отеч. Зап.* за 1845 г., № 6, «Смѣсь», стр. 101.

**) *Исторія Грузинской Иерархіи, съ присовокупленіемъ обращенія въ Христіанство Осетіи и другихъ горскихъ народовъ, по 1-е января 1825 года* (М., 1826 г., въ Синод. типогр.), стр. 83—84.

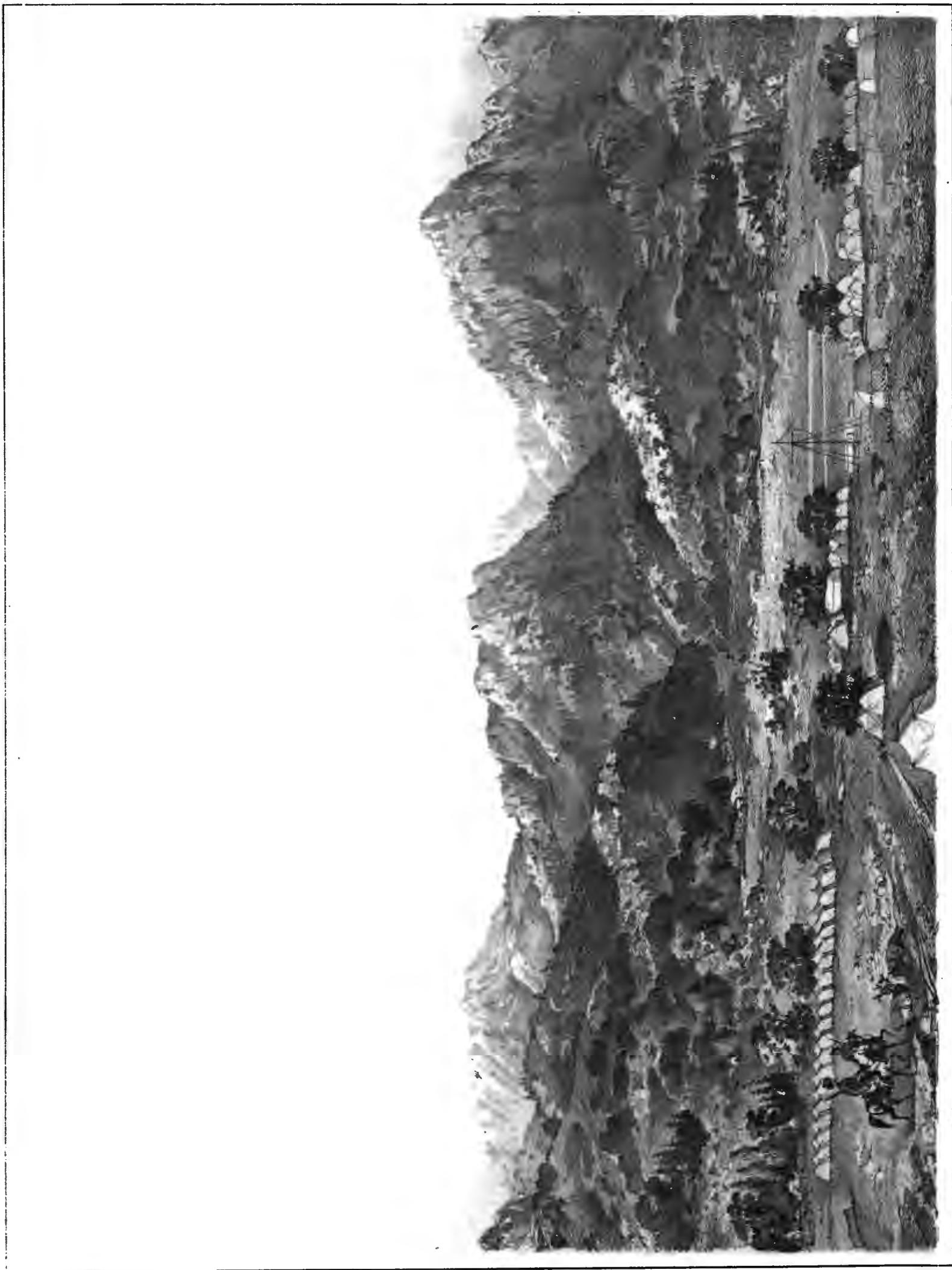
Кистинъ	2,602 души.
Разныхъ иновѣрцевъ, жившихъ въ Тифлисъ	21 »
Облазцевъ	216 »

Итого обоюго пола 5,055 душъ.

Сохраняемъ имена лицъ, употребленныхъ въ это время Экзархомъ на проповѣдь Слова Божія между *спящими во тьмѣ и снѣи смерти*; они были: Абхазскій архимандритъ *Іоанникій*, протоіерей: *Николай Самаргановъ* — въ особенности замѣчательный по благой дѣятельности, *Іосифъ Еліозидзе*, *Георгій Амиридзе* и *Іаковъ Ломауровъ*.

На устройство церквей вѣдомства Духовной Миссіи, по представленію Архіерея, въ 1823 г., отпущено было изъ Государственнаго Казначейства 12,500 р. сер. До 1-го января 1825 года было уже построено и возобновлено каменныхъ церквей 20 и предполагалось еще приступить къ построенію 9.

Къ числу главныхъ причинъ, затруднявшихъ прежде успѣхи обращенія въ Православіе Осетинскаго народа, который и по крещеніи совращался нерѣдко въ идолопоклонство, должно отнести: во-первыхъ неимѣніе не только никакихъ книгъ на Осетинскомъ языкѣ, но даже и буквъ, и во-вторыхъ, незнаніе священниками по-Осетински и, обратно, Осетинами Грузинскаго языка, на которомъ производилась Божественная служба и отправленіе между ними христіанскихъ требъ. Экзарху Теофилакту Богъ помогъ найти въ Осетинскомъ дворянинѣ, г. Янгузидзе, — получившемъ съ малолѣтства достаточное образованіе въ Грузіи, — чело-вѣка способнаго къ переложенію книгъ съ Грузинскаго на Осетинскій языкъ. Съ 1819 г., при помощи Господней, г. Янгузидзе положилъ сперва начальное основаніе письменности Осетинскаго языка, а потомъ переложилъ на это нарѣчіе утреннія и вечернія молитвы, Катихизисъ, Божественную Литургію, послѣдованія: Св. крещенія, обрученія, вѣнчанія и погребенія, и составилъ букварь на Грузинскомъ языкѣ съ переложеніемъ на Осетинскій. Эти послѣднія книги — молитвенникъ и катихизисъ напечатаны въ Тифлисъ,

Илл. Б. Доскокича Нозослова.

Печ. И. Коркунъ.

**ЛАГЕРЬ ОТРЯДА БАРОНА РОЗЕНА ПРИ МЫСЬ АДЛЕРЪ.
БЛИЗЪ КОТОРОГО УБИТЬ ПРАЩОРЩИКЪ БЕСТУЖЕВЪ (МАРЛИНСКІЙ)
(1857 года)**

а послѣдованіе и букварь въ Москвѣ и были разсланы по всѣмъ приходамъ *).

Вслѣдъ за этимъ ревностный переводчикъ, руководствуясь благочестивымъ желаніемъ доставить единоплеменникамъ своимъ, новообращеннымъ въ Православіе, возможность читать Слово Божіе на природномъ ихъ языкѣ, предложилъ услуги свои Комитету Библейскаго Общества перевести Евангеліе на Осетинскій языкъ. Комитетъ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и просилъ содѣйствія митрополита Теофилакта въ этомъ важномъ дѣлѣ. Но, Экзархъ вскорѣ скончался.

Митрополитъ Иона, по прибытіи въ Грузію, горячо принялъ къ сердцу вызовъ Комитета, справедливо признавая, что для распространенія и утвержденія истинной Вѣры между народами Кавказа нѣтъ лучшаго и благонадежнаго средства, какъ переводъ и изданіе въ свѣтъ книгъ духовнаго содержанія на ихъ природныхъ нарѣчіяхъ.

Въ 1822 г. переводъ Святаго Евангелія всѣхъ четырехъ Евангелистовъ съ Грузинскаго на Осетинскій языкъ, г-мъ Янгузидзе, съ помощью Божіею, былъ уже оконченъ. По желанію Экзарха Ионы переложеніе было прочитано нѣсколькимъ новообращеннымъ Осетинамъ — для узнанія точности труда, выслушано ими «съ благоговѣніемъ и радостію», и оказалось довольно внятнымъ. Слушатели, бывъ тронуты словомъ Евангельскія истины до умиленія души, просили также о распространеніи у нихъ въ Осетіи чтенія спасительныхъ книгъ — глаголовъ живота вѣчнаго на ихъ природномъ языкѣ.

Сколь ни радостенъ былъ такой отзывъ, но за всѣмъ тѣмъ Экзархъ не могъ успокоиться: во всѣхъ ли мѣстахъ

*) *Исторія Грузинской Иерархіи*, 1 изд., стр. 89 и 90; слѣдовательно въ «Сказаніи о жизни Митрополита Ионы», на стр. 42 и 43, не точно выражено, что, по желанію Высокопреосвященнаго, г. Янгузидзе составилъ въ первый разъ письменна Осетинскаго языка, и перевелъ на Осетинскій языкъ Евангеліе, Апостоль, Литургію и чинъ совершенія седми таинствъ.

Св. Евангелія постигалъ смыслъ самъ переводчикъ; а потому лично рѣшился, съ Божіею помощью, заняться повѣркою перевода, такимъ образомъ: г. Янгузидзе, прочитывая свой трудъ, каждый стихъ изъяснялъ по-Грузински, а Высокопреосвященный, — при помощи г. Чубинова, знавшаго очень хорошо языки Грузинскій и Русскій, — соображалъ переложеніе съ Славяно-Русскимъ Евангеліемъ, съ Греческою и Латинскою Библиею и Церковнымъ Словаремъ. По окончаніи такой повѣрки переложеніе отправлено было въ Св. Синодъ. Съ одобренія и благословенія Св. Синода, Комитетомъ Библейскаго Общества рѣшено напечатать его въ числѣ 2000 экземпляровъ.

Духовное начальство съ самаго открытія Осетинской духовной миссіи до вступленія Экзарха Ионы въ управленіе Грузинскою Церковію, не обозрѣвало Осетинскіе храмы и приходы. Высокопреосвященный призналъ нужнымъ сдѣлать такое обозрѣніе и поручилъ это, въ 1823 г., протоіерею Николаю Самарганову, какъ способнѣйшему и у горскихъ народовъ пріобрѣтшему къ себѣ довѣренность и расположеніе.

При отправленіи протоіерея въ горы, отъ Митрополита ему было вмѣнено въ обязанность дознать на мѣстѣ: 1) подробности о церквахъ, построенныхъ въ горахъ въ отношеніи къ матеріальному ихъ состоянію; 2) о степени усердія приходскихъ священниковъ къ своимъ обязанностямъ, и 3) нѣтъ ли гдѣ по Осетинскимъ приходамъ еще неокрещенныхъ, и имѣютъ ли они желаніе принять Православіе?

Отецъ Николай Самаргановъ былъ достоинъ оказанной довѣренности. Въ долговременное свое путешествіе по Кавказскимъ горамъ, подвергаясь то разнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, то опасностямъ лишиться жизни, онъ успѣлъ исполнить многотрудное порученіе и, при помощи Божіей, осмотрѣлъ всѣ Осетинскіе церкви и приходы, исключая находившихся въ вѣдѣніи Преосвященнаго Софронія, Архіепископа Имеретинскаго. Изъ замѣчаній, сдѣланныхъ протоіереемъ оказалось, что:

1) Многія изъ Осетинскихъ церквей находились въ состояніи исполнѣ удовлетворительномъ; но нѣкоторыя требовали исправленія;

2) Въ большей части Осетинскихъ приходоѡ священнослужители къ нимъ опредѣленные, хотя, — по причинѣ опасности отъ дикихъ народовъ, — и не переселились съ семействами своими на жительство, но часто бывали среди своихъ пасомыхъ, и старались, по возможности, просвѣщать и утверждать ихъ въ познаніи Закона Божія, Вѣры и благочестія;

3) Новоокрещенные во многихъ приходоѡ принимали, внушаемое имъ священниками, православное ученіе съ усердіемъ, ходили въ церкви для слушанія отправляемаго въ нихъ въ праздничные и воскресные дни Богослуженія, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ, по недавнему обращенію жителей въ Православіе, Евангельское ученіе не имѣло еще желаемаго успѣха, не всѣ посѣщали храмъ Божій. Въ приходоѡ же, въ которыхъ тогда церквей еще не имѣлось, новообращенные собирались въ частные дома, гдѣ священники отправляли утреннія и вечернія молитвословія на Осетинскомъ языкѣ, по имѣвшейся въ каждомъ приходѣ упомятой нами книжкѣ;

4) Причиною медленности въ производствѣ работъ при открытіи церквей у новообращенныхъ было: въ однихъ мѣстахъ весьма затруднительное, чрезъ высокія горы, издалека, доставленіе нужныхъ къ тому матеріаловъ; а въ другихъ, — отдаленнѣйшихъ отъ Грузіи мѣстахъ, — безпокойства и несогласія, по временамъ происходившія между Осетинами: Эти внутренніе раздоры были причиною, что нѣкоторые священники не только оставляли строеніе церквей, но и покидали приходы свои, удаляясь въ Грузію, и возвращались только по водвореніи въ своихъ приходоѡ тишины и спокойствія.

и 5) Неокрещенныхъ по всей Осетіи найдено до 1000 душъ обоего пола.

Высокопреосвященный принялъ дѣятельныя мѣры для отстраненія, на сколько было возможно, причинъ, задержи-

вавшихъ успѣхи благовѣстія, поощрилъ ревностныхъ проповѣдниковъ, и упомянутыя 1000 душъ уже въ 1824 году почти всѣ приняли Св. крещеніе.

Воспитаніе будущихъ служителей Христовыхъ было также предметомъ особой заботливости Экзарха.

Прямая цѣль духовно-учебныхъ заведеній — образованіе духовнаго юношества — можетъ быть достигнута на Кавказѣ, какъ и вездѣ, полною системою наукъ, необходимыхъ для пастырскаго званія къ Православному назиданію разноплеменной паствы, сообразно мѣстнымъ ея потребленіямъ. Предмѣстникъ митрополита Ионы, экзархъ Теофилактъ, въ 1818 году, открылъ въ Тифлисѣ семинарію, на первый случай классомъ словесности, и, какъ при ней, такъ и въ городахъ: Гори, Телавѣ и Сигвахѣ, — уѣздныя и приходскія училища, а въ Кутаисѣ — одно послѣднее. Преосвященный Иона распространилъ преподаваніе въ семинаріи — открытіемъ классовъ философскаго и богословскаго. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не упустилъ изъ вида и мѣры къ постепенному возвышенію духовно-нравственной стороны воспитанниковъ и заботился о матеріальныхъ способахъ къ внутреннему и внѣшнему благоустройству училищъ, относительно ихъ содержанія и снабженія учебными и другими пособиями. По его ходатайству, между прочимъ, Коммиссія Духовныхъ Училищъ выслала, изъ С. Петербургской и Кіевской академій, въ Грузію нѣсколько кандидатовъ для занятія смотрительскихъ и учительскихъ мѣстъ. Для бѣдныхъ воспитанниковъ семинаріи онъ устроилъ бурсу на 80 челоѡкъ и пожертвовалъ на вѣчныя времена 10,000 р. асс., чтобы процентами ихъ содержать въ семинаріи двоихъ сиротъ, подъ фамиліею *Ионныхъ*.

О состояніи семинаріи мы имѣемъ свѣдѣнія только за 1829 годъ, когда, по случаю публичнаго испытанія, въ ней происходившаго, въ Тифлисскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано:*) «Нынѣ сіе заведеніе съ успѣхомъ поддерживается покровительствомъ Его Высокопреосвященства Митрополита

*) 1829, № 31.

нашего Юны и неуспынными трудами Ректора сей Семинаріи Архимандрита Антонія. Въ семь заведеніи обучается 120 учениковъ, и приготовленные нынѣ къ выпуску изъ высшаго Богословскаго класса воспитанники, окончившіе весь курсъ наукъ, подають надежду содѣлаться, въ послѣдствіи, полезными сотрудниками распространителей духовнаго просвѣщенія въ семь краѣ. Пріятно видѣть въ наставникахъ сего заведенія истинное рвеніе, съ коимъ они стараются о просвѣщеніи юныхъ питомцевъ, уроженцевъ сего края, столь новаго еще для наукъ; но, къ сожалѣнію, трудность въ обученіи сихъ дѣтей Русскому языку и въ особенности выговору, противопоставляетъ имъ сильное препятствіе къ достиженію полного успѣха.»

Меньшія наши братія пользовались и въ Грузіи, — подобно какъ въ Калугѣ и Тамбовѣ, — щедрыми милостями Митрополита. Во все время управленія его экзархатомъ еженедѣльно, по субботамъ, раздавалъ онъ нищимъ, собиравшимся у него на дворѣ, по 3 коп. сер.; въ каждый день Господскихъ праздниковъ изготовлялъ у себя на дому пищу для нищихъ и отсылалъ ее въ тюремный замокъ; къ празднику Св. Пасхи ежегодно отсылалъ серебро въ бывшую тамъ монетную палату, для промѣна ему на 150 руб. сер. гривенниками, и своеручно раздавалъ ихъ неимущимъ, а накануне Свѣтлаго Праздника, въ Великую Субботу, отсылалъ 1000 руб. сер. на больныхъ Тифлискаго военнаго госпиталя, съ тѣмъ, чтобы каждому больному изъ нижнихъ чиновъ отдавалось по 30 коп. сер., а благородному по 1 руб. сер., и чтобы на эти деньги изготовлялась, въ годъ три раза, на арестантовъ обувь и одежда, по усмотрѣнію начальства.

Подавая собою лично примѣръ строжайшаго благочестія и исполненія Христіанскихъ обязанностей, Высокопреосвященный, въ продолженіе десяти лѣтъ управленія своею Грузинскою Церковью, не пропустилъ ни одного дня безъ присутствія у утрени, Божественной литургіи и вечерни; во время же болѣзни, совершались утрени и вечерни въ занимаемыхъ имъ келліяхъ.

Но еще болѣе Митрополитъ Юна являлъ себя истиннымъ Архипастыремъ стада Христова, вполне готовымъ положить

душю свою за овцы, когда Богу угодно было посѣтить народъ свой страшною карою. Въ 1830 году, во время сильнѣйшаго дѣйствія холеры въ Тифлисъ, Экзархъ самъ входилъ въ дома больныхъ съ лекарствами и пособиями и лично приобщалъ ихъ Св. Дарами.

Такіе замѣчательнѣйшіе подвиги добра, совершавшіеся во все время десятилѣтней бытности Митрополита Юны Архипастыремъ Церкви Грузинской, остались навсегда незабвенны въ памяти тамошнихъ жителей. Въ то же время, примѣрно-усердное и полезное служеніе Высокопреосвященнѣйшаго Престола в Отечеству взыскано отъ Всемилостивѣйшихъ щедротъ, по ходатайству Св. Синода, примѣрными наградами. Императоръ Александръ I, обращая вниманіе «на долговременное и дѣятельное служеніе Экзарха Церкви и на пастырскія попеченія его о прочномъ утвержденіи духовнаго устройства въ Грузіи, и распространеніи свѣта Евангельскаго среди горскихъ народовъ», призналъ справедливымъ, — какъ Самъ изволилъ выразиться, въ Высочайшей граматѣ, — въ ознаменованіе Монаршей признательности къ заслугамъ Архіерея и особеннаго Своего къ нему благоволенія, — менѣе чѣмъ черезъ три года по приѣздѣ Высокопреосвященнаго въ Грузію, — 6-го апрѣля 1824 г., сопричислить его къ ордену *Св. Благовернаго Великаго Князя Александра Невскаго*. Императоръ Николай I, Именнымъ Указомъ, даннымъ Св. Синоду, 31-го декабря 1827 года, возвелъ Архіепископа Юну въ санъ Митрополита Карталинскаго и Кахетинскаго, съ оставленіемъ его Экзархомъ и членомъ Св. Синода, а 12-го іюня 1830 года, въ ознаменованіе Монаршаго вниманія, на которое, — по Высочайшему выраженію, — Митрополитъ приобрѣлъ право «долговременнымъ служеніемъ своимъ Церкви и Отечеству, примѣрнымъ исполненіемъ Христіанскихъ добродѣтелей и особенно ревностными своими назиданіями духовной паствы въ продолженіе Турецкой войны» — сопричислилъ его къ ордену Св. Владиміра 1-й степени.

Послѣ всего изложеннаго, очевидно, что разстаться Митрополиту съ любимою имъ Грузіею, съ которою самъ онъ и она съ нимъ такъ сроднились — было не легко. Но, тяж-

кія и продолжительныя болѣзни, разстроившія здоровье, вынудили его проситься на покой, и, въ 1832 году, на 70-мъ году отъ роду, онъ Высочайше былъ уволенъ отъ управления Грузинскою Церковью, съ назначеніемъ присутствовать въ Святѣйшемъ Синодѣ въ качествѣ члена.

Во время пребыванія своего въ Грузіи, Митрополитъ продолжалъ благоволеніе свое къ бѣднымъ прежнихъ своихъ пастырь, ежегодно высылая въ Тамбовъ и Калугу вспоможенія. Многіе монастыри и храмы тамошніе продолжали пользоваться его благотвореніями. Въ Саровскую пустынь, напримѣръ, — наиболѣе имъ любимую, — онъ прислалъ 10,000 р. на украшеніе Успенскаго собора стѣнною живописью, а въ Воскресенскую церковь въ Калугѣ бархатныя ризы. Жители этихъ епархій, на пути шествія Высокопреосвященнаго изъ Тифлиса въ С. Петербургъ, стекались къ нему на встрѣчу и все были обласканы имъ, какъ дѣти отцемъ, и все утѣшены духовными назиданіями, а нѣкоторые, вмѣстѣ съ тѣмъ, надѣлены и вещественными пособіями. Прежнія пастыри его, не смотря на то, что онъ былъ теперь уже въ санѣ Митрополита, увидѣли въ немъ ту же Христіанскую простоту, то же благодатное смиреніе. Въ Тамбовѣ онъ посѣтилъ вдовствующую дочь старшаго своего брата въ убогомъ ея домикѣ, въ Калугѣ отслужилъ, обливаясь слезами, Божественную Литургію въ Казанской церкви и молебное пѣніе предъ чудотворною иконою Богоматери и при этомъ, непримѣтно, опустилъ въ кружку, стоящую близъ святыни, 500 р. асс. Вся Калуга была въ восторгѣ, празднуя, какъ высокое торжество, трехдневное пребываніе Митрополита въ ней, и до сихъ поръ это составляетъ предметъ разговора, одушевленнаго участіемъ сердца.

Въ Высочайшемъ назначеніи Митрополита Іоны, для присутствія въ Святѣйшемъ Синодѣ въ качествѣ члена, было не столько призваніе Святителя къ новымъ подвигамъ, сколько выраженіе Монаршаго вниманія къ его сорокалѣтнимъ полезнымъ трудамъ и заслугамъ. На семь-то высокомъ служеніи Православной Церкви суждено было маститому Іерарху закончить поприще своей дѣятельности, какъ отдыхаютъ въ тишинѣ подвижники добра и чести.

Кромѣ особыхъ порученій, на него возлагаемыхъ, званіе члена Святѣйшаго Синода несъ онъ дѣятельно, въ возможной степени, до послѣдняго дня жизни, и въ послѣдній разъ подписалъ синодальные протоколы только за день до смерти неизменно четко. Въ Грузинской Церкви онъ постоянно принималъ живѣйшее участіе и всегда выяснялъ ея потребности, иногда дѣлая письменныя объясненія по дѣламъ, восходившимъ до Святѣйшаго Синода и принимавшимъ направленіе, не вполне соответственное тамошнему краю и обстоятельствамъ, ему хорошо знакомымъ.

Отдавая должную справедливость усерднымъ трудамъ Митрополита по званію члена Св. Синода, и желая ознаменовать Монаршее вниманіе къ долговременному служенію Архіерея Церкви, — постоянно отличавшемуся дѣятельнымъ благочестіемъ, — Государь Императоръ, въ великой день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 1839 лѣта 26-го марта, Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать Митрополиту Іонѣ алмазные знаки на орденъ Св. Александра Невскаго.

Внутренняя сторона жизни Высокопреосвященнаго, сторона его сердца и духа, продолжала и въ С. Петербургѣ быть исполненною обильнѣйшихъ плодовъ любви, самоотверженія и духовныхъ подвиговъ. Калуга была особенно възыскана имъ. Іерархъ излилъ на колыбель своего дѣтства столько попеченій и даровъ, что его пожертвованія изумляютъ. Въ семь монастырей тамошней епархіи поступило отъ Митрополита 14,000 р. асс., по 2,000 на каждый, для вѣчнаго обращенія изъ процентовъ въ пользу братій, за поминаніе покойныхъ его родственниковъ. Преимущественнѣе предъ другими обителями ущедренъ имъ Свято-Троицкій Лютиковъ Перемышльскій монастырь*), въ котомъ, на его счетъ, въ 1846 г., вызолоченъ весь иконостасъ (что стоило до 2,000 р.), а въ 1848 г. сдѣлана на

*) Архипастырь любилъ этотъ Перемышльскій монастырь потому, что здѣсь, по званію иноческаго, въ санѣ архимандрита, онъ воспріялъ первое настоятельство, и въ бытность свою ректоромъ Калужской Семинаріи управлялъ этою обителью.

Изд. Гв. Полковника Новоселова.

Печ. И. Корсакинъ.

ПЕРЕСТРѢЛКА СЪ ГОРЦАМИ ПЕРЕДОВОЙ ЦѢПИ КЛАБДИНСКАГО ПОЛКА
ПРИ СЛѢДОВАНІИ ОТРЯДА Г.А. ВЕЛЬЯМИНОВА ОТЪ АБИНА КЪ ПЕРЕВАЛУ НАПО,
въ которой убитъ Шапсугскій нахъдникъ Глекечъ.

Библиотека "Руниверс"

образъ Христа—Спасителя серебро—позлащенная риза, съ разными украшеніями (въ 25 ф. 41 зол.) и положена на образъ Св. Троицы такая же риза (въ 25 ф. 34 зол.), и пожертвованы имъ въ разное время: серебро—позлащенный потиръ съ дискомъ и прочими принадлежностями (въ 3 ф. 64 з.), цѣнная, въ весьма достаточномъ количествѣ, ризница, значительное число духовныхъ книгъ (въ томъ числѣ Св. Евангеліе, богато украшенное) и шесть тысячъ рублей ассигнаціями, въ пользу настоятеля и братій, за поминование усопшихъ родныхъ его.

Въ самомъ городѣ Калугѣ получили отъ Іерарха приношенія, на тотъ же предметъ, въ пользу священно— и церковно—служителей—церкви: Никитская, Николо—Казинская, Пятницкая, Васильевская, Воскресенская и Казанская. Изъ нихъ въ первыя три, какъ мѣсто вѣчнаго покоя близкихъ его сердцу лицъ: отца, матери и супруги съ дѣтьми, пожертвовано имъ по тысячѣ рублей ассигнаціями на каждую, а въ три послѣднія, при которыхъ онъ родился и состоялъ священникомъ и протоіереемъ, — по двѣ тысячи рублей на каждую.

Кромѣ того, Высокопреосвященнымъ принесено: а) въ Васильевскую церковь, въ разное время: 5000 р. на колоколь, 1,000 р. на кровлю, слишкомъ 1,000 р. на устройство колокольни, образъ Святителя и Чудотворца Іоны въ ризѣ, цѣною въ 300 р., сосудъ въ 350 р., нѣсколько богослужебныхъ книгъ, 4,000 р. на покупку дома для причта и, въ 1849 году, болѣе 3,000 р. сер. на украшеніе храма живописью; б) въ Воскресенскую церковь на украшеніе ея 1,000 рублей и на отдѣлку дома, принадлежащаго храму, 1,400 р. асс. и, незадолго до своей кончины, два Св. Евангелія и в) въ Казанскую — Св. Евангеліе, богослужебныя книги, облаченія для причта, до 17,000 р. асс. деньгами, а въ послѣдніе годы жизни серебропозлащенную и усыпанную лучшими свѣтлыми стразами орденскую свою звѣзду, для обращенія ея на церковное украшеніе, и 300 р. сер. на устройство колокольной главы. Въ Калужскую архіерейскую ризвицу отъ него же поступили, въ 1847 году: панатія, украшенная жемчугомъ и разными драгоценными камнями, Св. Евангеліе и другія богослужебныя книги.

Остальныя епархіи, въ которыхъ былъ онъ архипастыремъ, также пользовались его щедротами до самой его кончины. Такъ, въ послѣднее время, незадолго до смерти, прислалъ онъ 3,000 р. сер. на украшеніе Тамбовской Казанской церкви, 1,000 р. сер. на устройство иконостаса въ верхней Спасо—Преображенской церкви тамошняго кафедральнаго собора, и 1,000 р. сер. въ пособіе къ сооруженію новой Покровской церкви.

Среди этихъ великихъ и многообразныхъ опытовъ любви къ Богу, являемыхъ въ приношеніяхъ храмамъ, любвеобильное сердце Высокопреосвященнаго не забывало бѣдныхъ и несчастныхъ, особенно тѣхъ, которые съ его родины переселились на жительство въ столицу. Въ Калужское духовное попечительство Іерархъ доставилъ билетъ въ 1,430 р. сер. на вѣчное обращеніе въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія и выслалъ, въ 1840 г., 3,000 р. асс. для раздачи нуждающимся, по случаю неурожая хлѣба. Кромѣ того, въ это же Попечительство онъ доставилъ два билета въ 1,000 р. асс. и 594 р. 15³/₄ к. сер. для пользованія процентами: съ перваго — его родственницѣ, а со втораго — крестной дочери, съ тѣмъ, что, по смерти этихъ лицъ, деньги обращаются въ общую пользу призрѣваемыхъ Попечительствомъ. Въ 1845 году въ Калужскій тюремный замокъ доставлено имъ слишкомъ 4,000 р. асс. въ пользу несчастныхъ.

Въ столицѣ каждый праздникъ, послѣ ранней обѣдни, по его приказанію, раздавалось нищимъ столько, сколько требовало число ихъ, какъ бы оно велико ни было, такъ что ни одно просящее милостыни лицо не было обойдено, и эти постоянныя пособія простирались отъ 7 до 10 р. и болѣе каждый разъ.

Кромѣ того, сколько страждущихъ и несчастныхъ всѣхъ сословій пользовались сердобольнымъ его попеченіемъ по многимъ мѣстамъ Россіи, особенно во время голода въ 1841 году; сколько имъ отдано разныхъ суммъ въ кредитныя установленія для малолѣтнихъ и другихъ сиротъ!

Калужскимъ родственникамъ своимъ Высокопреосвященный высылалъ пособіе каждый годъ, и для семействъ ихъ

купилъ дома. Одинъ изъ его внуковъ, въ 1830 году, случайно отданъ былъ въ военную службу, и служилъ, безъ всякихъ правъ рожденія, въ рядахъ арміи, наравнѣ съ сдаточными крестьянами. Глубоко трогала старца судьба этого юноши. Хорошая и вѣрная служба его Царю и Отечеству хотя и была отличена, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы рядовымъ, производствомъ въ унтеръ-офицеры; но дѣдушка не переставалъ скорбѣть о внука, и избиралъ способы и случаи къ большому его успокоенію, и, между прочимъ, внесъ на его имя 9,000 р. асс., и билетъ отослалъ ему. Но было поздно: юноши не было въ живыхъ, и старецъ перемѣнялъ билетъ на имя братьевъ умершаго.

Калужская семинарія съ тамошнимъ уѣзднымъ училищемъ, въ 1848 году, получила отъ щедрой десницы Митрополита значительное число учебныхъ книгъ, для раздачи прилежнымъ ученикамъ.

Какъ ни много привели мы благодѣяній Митрополита, но всѣхъ благотворительныхъ его подвиговъ, большихъ и малыхъ, въ подробности нельзя исчислить; ибо вся жизнь его въ томъ только и состояла, чтобы раздавать всюду и все, что промыслъ Божій посылалъ въ его достояніе. По запискамъ, у него оставшимся, и сколько могъ удержать въ памяти близкій къ Іерарху отецъ Іеронимъ, всего пожертвовано имъ, въ разныя времена, до двухъ сотъ шестидесяти тысячъ рублей ассигнаціями. Всѣ пожертвованія эти болѣе или менѣе соединены были съ живымъ участіемъ къ горю ближняго и съ сердечною скорбію о бѣдствующихъ, особливо же близко ему извѣстныхъ лицъ или родныхъ.

Келейная жизнь въ столицѣ, которую заслуженный и достоуважаемый старецъ тщательно таилъ отъ всѣхъ его посѣщавшихъ, — составляли уединеніе и подвиги истиннаго отшельника.

Съ самаго начала по прибытіи въ С. Петербургъ на отдыхъ отъ сорокалѣтнихъ трудовъ, Митрополитъ Юна, для высшаго преуспѣванія въ благочестіи, прежде всего обратился къ простотѣ жизни, удалилъ отъ себя всѣ заботы житейскія и расположилъ себя даже къ нѣкоторымъ исключительнымъ правиламъ, глубоко обдуманнѣмъ на пользу

свою и ближнихъ. Обыкновенно онъ любилъ, чтобы всякая вещь была въ его комнатахъ на своемъ мѣстѣ; послѣ каждаго порученія требовалъ полнаго отчета.

Празднымъ старецъ не былъ ни минуты: либо читалъ, либо писалъ, либо зачинивалъ себѣ платье или сапоги. Температура въ его комнатахъ заключала въ себѣ отъ 20 до 28° по Р. Пользуясь этимъ тепломъ, онъ ходилъ въ одной рубашкѣ, и только выходя къ посѣтителямъ, надевалъ полукафтанъ или рясу. Прочее его домашнее платье было самое ветхое и починенное имъ самимъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Нестыжательность его была примѣрная и происходила отъ глубокаго убѣжденія Евангельскаго, что лишнее приобрѣтеніе для тѣла — ядъ для души.

Воздержаніе Митрополита въ пищѣ было чрезвычайно. Все его дневное пропитаніе стоило ему, въ первые годы его уединенія, 8 копѣекъ, а въ послѣдніе два года — менѣе 7 копѣекъ серебромъ. Онъ кушалъ одинъ разъ въ день: кусочекъ селедки, менѣе половины тарелки щей со свѣтками, съ ситнымъ хлѣбомъ и весьма малое количество манной или пшенной каши, большею частію, съ миндальнымъ молокомъ. Во время стола не употреблялъ ни скатерти, ни салфетки, послѣднюю замѣняла простая писчая бумага. Въ первую и страстную недѣлю Великаго поста, начиная съ понедѣльника до субботы, онъ уже не вкушалъ ничего. Въ прочіе дни года, не исключая и Св. Пасхи, онъ не измѣнялъ своимъ постнымъ щамъ и кашѣ; въ послѣдніе годы кушалъ онъ безъ соли, чай пилъ безъ сахара, а въ питье употреблялъ холодную воду.

Образъ глубокаго смиренія Митрополита можно видѣть и изъ того, что, послѣ всякаго легкаго замѣчанія слугъ своему, онъ старался въ ногахъ у него испросить прощенія. Когда рѣчь, какимъ нибудь образомъ, въ келейномъ разговорѣ, касалась приличія, подобающаго его святительскому сану, онъ со слезами говорилъ: «какой я *Архіерей*; я *грѣшный Юна!*»

Молитвенные подвиги старца-святителя предъ Господомъ Іисусомъ были необыкновенны. Часто 3 или 4 часа ночи, а иногда и бѣлое утро, хотя и въ зимнюю пору, заставляли

его въ молитвѣ. Каждый земной поклонъ его былъ слышенъ въ другой комнатѣ.

Однимъ словомъ, Митрополитъ Іона похожъ былъ только по тѣлу на насъ грѣшныхъ. Чтобы видѣть внутреннюю, духовную и глубоко-поучительную для насъ жизнь Святителя, стоитъ только взглянуть на любую страницу его келейныхъ занятій, стоитъ только обратить наше вниманіе на труды послѣдняго его упражненія въ Словѣ Божіемъ, на плоды уединенія, проведеннаго имъ въ слезахъ сокрушеннаго сердца, въ теченіе послѣднихъ 17-ти лѣтъ его жизни, и мы убѣдимся, что Святитель Іона былъ великій подвижникъ и искренній любитель Христіанскаго благочестія.

Все время, остававшееся у Іерарха за исполненіемъ обязанностей члена Святѣйшаго Синода, кромѣ Богослуженія и молитвенныхъ подвиговъ, онъ посвящалъ чтенію Св. Писанія, Твореній Св. Отецъ и другихъ духовныхъ писателей, словомъ и жизнью особенно просіявшихъ въ Православной Церкви, и все, что при этомъ чтеніи особенно занимало его умъ, чувство и волю, выписывалъ онъ въ тетрадки, которыя раздавалъ нѣкоторымъ къ нему приближеннымъ. Въ этихъ трудахъ его нѣтъ мѣстечка, гдѣ не мелькала бы свѣтлая жизнь будущая, гдѣ бы не напоминалась суета настоящей жизни. За чтеніемъ этихъ страницъ, одно, только въ разнообразныхъ видахъ, повсюду замѣчается: чувство Св. Пророка Давида: «*Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силъ!* Повсюду выражается стремленіе души внити *во дворы Господни*, стремленіе, конечно, за предѣлы селеній и дворовъ Господнихъ видимыхъ, стремленіе *въ гору, а не земная*; въ каждой мысли видна глубокая сердечная забота о Евангельскомъ *сокровищѣ, сокровенномъ на селѣ*. (Матѣ., XIII, 44). Видно по всему, что это духовное сокровище уже *найдено было* старцемъ-Митрополитомъ; но надобно было и день и ночь заботиться ему купить то село цѣною благотворительности и искреннею любовью къ бѣднымъ и нищимъ. Весьма поучительно подтверждаются эти мысли словами многихъ лицъ, коротко знавшихъ о правилахъ жизни Высокопреосвященнаго.

Весна 1849 года наступила для Іерарха со всѣми немощами маститой старости. Всегда помышляя о смертномъ

часѣ и ежеминутно готовясь къ исходу изъ здѣшняго міра, онъ не обратилъ ни какого вниманія на физическую сторону своего положенія, ни мало не думая о средствахъ къ поддержанію силъ тѣлесныхъ, которыхъ слабость такъ ясно почувствовалъ, а все вниманіе и заботу обратилъ на то небесное врачевство, которымъ исцѣляются болѣзни душевныя, обновляются силы духа, жаждущаго источника жизни—самого Господа нашего Іисуса Христа.

22-го іюня, послѣ трехъ-дневной болѣзни разстройствомъ пищеварительныхъ органовъ, его постигла старческая смерть. Высокопреосвященный, сподобившись елеосвященія и причастія Святыхъ Христовыхъ Таинъ, въ три четверти двѣнадцатаго тихо заснулъ *на вѣки*. Погребеніе его совершено было 24-го іюня, въ Θεодоровской церкви Александро-Невской Лавры.

Мы упоминали о той изумительной любви, съ которою нѣкогда православные и самые раскольники спѣшили слушать его проповѣди. Но, говорилъ-ли онъ нѣкоторыя изъ своихъ поученій безъ приготовленія предварительнаго, не писавши на бумагѣ; сокрылъ ли другія, по особенному своему смиренію, съ намѣреніемъ; или онъ и безъ намѣренія его, по свойственному смиренной душѣ равнодушію къ умственнымъ своимъ произведеніямъ, какъ-либо утратились: только, къ величайшему прискорбію, ни въ Калужской, ни въ Тамбовской епархіи, ни въ Грузіи, ни въ С. Петербургѣ — въ келліяхъ, ни гдѣ и ничего изъ собственныхъ его сочиненій не отыскано. Въ печати извѣстны только пять проповѣдей Митрополита, вышедшихъ въ 1811 году, говоренныя имъ въ С. Петербургѣ; три въ 1810 г. во время нахождения на чредѣ священнослуженія въ санѣ архимандрита, и двѣ въ 1807 году — въ бытность его іеромонахомъ и законоучителемъ Коммерческаго Училища.

Эти начатки его проповѣданія перепечатаны въ сочиненіи: *Сказаніе о жизни Митрополита Іоны, бывшаго Экзарха Грузіи* (Спб., 1852 г.), — въ прекрасной книгѣ, составленной усердіемъ къ памяти покойнаго г. *Бльскимъ*, преимущественно на основаніи показаній отца *Іеронима*, — бывшаго постояннымъ келейнымъ собесѣдни-

комъ Іерарха въ продолженіе семнадцати лѣтъ и, такъ сказать, заучившаго повѣствованія Высокопреосвященнаго объ его поприщѣ, и изъ разсказовъ келейнаго слуги Митрополита — *Кузьмича*, также 17 лѣтъ проведеннаго при Владыкѣ.

Свѣдѣнія, сообщенныя г. Бѣльскимъ, во всемъ касающемся до управленія, — особенно Экзархатомъ, — мы тщательно провѣряли съ немногими отрывочными извѣстіями, какія только можно было узнать о благотворной дѣятельности почившаго Іерарха.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать дозволяется. Іюля 31-го дня 1858 года.

Цензоръ, Архимандритъ *Сергій*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

ШТУРМЪ АГАЧЪ-КАМЕ.

НА КОТОРОМЪ УБИТЪ ПОЛКОВНИКЪ МИХАЙШЕВСКІЙ.

(15 Декабря 1851 года.)

ГЕНЕРАЛЬ-МАЮРЪ ВАСИЛІЙ АЛЕКСѢВИЧЪ КАШУТИНЪ.

Василій Алексѣевичъ Кашутинъ *), «храбрѣйшій изъ храбрыхъ», — какъ отозвался о немъ Вельяминовъ, представляя его, въ 1837 году, въ Божѣ почивающему Государю Императору Николаю Павловичу, — происходилъ изъ Русскихъ дворянъ Эстляндской губерніи и родился въ 1791 году. По окончаніи курса наукъ въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ **), онъ произведенъ въ прапорщики, 23-го февраля 1811 года, 19-ти лѣтъ отъ роду, съ опредѣленіемъ въ Тенгинскій (что нынѣ Суздальскій) пѣхотный полкъ, въ которомъ, черезъ годъ, 2-го марта 1812 года, произведенъ въ подпоручики ***).

*) Въ печатныхъ Высочайшихъ приказахъ писался онъ, то Кашутиномъ, то Кашутинымъ; въ формулярѣ за 1839 годъ, которымъ мы пользовались, и въ «Краткомъ Очеркѣ» его жизни, помѣщенномъ въ № 114-мъ *Съверной Пчелы* 1845 года, онъ названъ Кашутинымъ. По этому мы и приняли послѣднее правописаніе.

**) Формулярный о службѣ его списокъ. Въ «Очеркѣ» *Съверной Пчелы* неправильно показано, что онъ воспитывался во 2-мъ Кадетскомъ Корпусѣ.

***) Т. е. до начала Отечественной войны; слѣдовательно, опять неправильна фраза упомянутого сейчасъ «Очерка» въ *Съверной Пчелѣ*, что чиномъ подпоручика награждены были первые шаги юнаго воина на поприщѣ ратномъ.

Черезъ три мѣсяца Наполеонъ вторгнулся въ предѣлы отечественные, отцамъ нашимъ пришлось отстаивать родныя поля, и открылось обширное поле врожденнымъ способностямъ молодаго воина, и вѣрно не было той опасности, которая утратила бы его или остановила: вездѣ — въ стрѣлкахъ и натискахъ Василій Алексѣевичъ являлся впереди, и даже не разъ, увлекаемый порывами храбрости и самоотверженія, бросался въ толпы непріятельскія: 19-го іюня — подъ мызою Потейгофомъ, 9-го и 24-го августа — подъ Митавою, 1-го октября — при мызѣ Бердебекъ, 5-го — подъ мызою Колинцейнъ, 8-го ноября — снова при мызѣ Бердебекъ. Но судьба хранила его для будущихъ подвиговъ. Эти первые шаги юнаго воина на поприщѣ ратномъ награждены были чиномъ поручика, въ который онъ произведенъ 9-го ноября 1812 года, и наравнѣ со всѣми получилъ серебряную медаль *).

Въ бояхъ 1813 года Кашутинъ явилъ себя уже не новичкомъ военнаго дѣла, но отвагою пріобрѣлъ прозваніе *молодца* во мнѣніи солдатъ, товарищей и начальниковъ.

*) Слѣдовательно, опять неправильно «Краткій Очеркъ» говорить о наградѣ Кашутина за эту войну орденомъ, безъ означенія какиѣ именно.

Онъ участвовалъ въ эту достопамятную кампанію въ сраженіяхъ: 10-го августа—при крѣпости Кенигштейнъ; 14-го—при дер. Гельсдорфъ; 16-го — опять при Кенигштейнъ; 17-го и 18-го — въ славномъ боѣ при Кульмѣ, за который удостоенъ Высочайшаго благоволенія; 2-го сентября — при дер. Кейфельдъ и Петерсвальдъ; 3-го — при Ючинъ-Забилы, при г. Борно, — гдѣ заслужилъ первый орденъ Св. Анны 4-й степени, — и 2-го, 4-го и 6-го — въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ, доставившей ему орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ *).

Въ слѣдующемъ году Кашутинъ не переставалъ своими подвигами обращать на себя общее вниманіе, и упрочилъ за собою добрую славу отличнаго офицера, участвуя въ блокадѣ Фальсбурга, при чемъ 20-го января находился въ дѣйствительномъ сраженіи, а потомъ, 9-го марта—въ сраженіи при Арси и въ знаменитый день 18-го марта — при взятіи Парижа. Въ память послѣдняго событія, наравнѣ со всѣми, онъ получилъ серебряную медаль.

Вскорѣ по возвращеніи въ Отечество, послѣ этихъ славныхъ походовъ, наши войска снова двинулись за границу; но заточеніе Наполеона лишило ихъ случая къ новымъ отличіямъ. Тенгинскій полкъ изъ Польши, гдѣ онъ было расположенъ, доходитъ только до Прусской Силезіи и былъ направленъ обратно въ Царство.

26-го мая 1816 года Кашутинъ произведенъ въ штабсъ-капитаны, а 9-го апрѣля 1818 года въ капитаны.

Этотъ мирный періодъ службы не прошелъ для Василья Алексѣвича безъ пользы: командуя ротой, онъ занимался обученіемъ солдатъ; входилъ въ ихъ хозяйство, толковалъ съ ними о битвахъ, и между тѣмъ читалъ по возможности все, что издано было по военной части на Русскомъ языкѣ.

Въ 1821 году, по вызову генерала Ермолова, прибылъ онъ въ ущелія Кабардинскія. Здѣсь принялъ значительное участіе въ разбитіи сильной партіи Кабардинцевъ, стремив-

*) «Краткій Очеркъ» показываетъ, что въ 1813 году онъ удостоился Высочайшихъ благоволеній. Но въ формулярный списокъ внесено только одно благоволеніе; а потому можно сомнѣваться въ вѣрности показанія.

шейся воспрепятствовать возвращенію изъ Кабарды отряда маіора Курилова, и тѣмъ оправдалъ вполнѣ довѣріе знаменитаго начальника, заслужилъ лестное его одобреніе и получилъ орденъ Св. Анны 3-й степени. 17-го ноября 1822 года Василій Алексѣвичъ произведенъ въ маіоры, съ переводомъ въ 7-й карабинерный полкъ *), и скорѣ успѣлъ коротко познакомиться съ краемъ, туземными народами и войскомъ.

Съ Персидской войны начинается достопамятный періодъ жизни Кашутина: съ 1826 по 1830 годъ, подъ начальствомъ Паскевича и его сподвижниковъ, Василій Алексѣвичъ отличался въ непрерывномъ ряду сраженій, битвъ, приступовъ, взятіи крѣпостей, шанцевъ, заваловъ, укрѣпленныхъ лагерей, боевыхъ развѣдываній и отдѣльныхъ экспедицій въ Персію и Азіатской Турціи. Прослѣдимъ это достопамятное четырехъ-лѣтіе его жизни.

Съ 21-го октября по 1-е ноября Кашутинъ участвовалъ въ движеніи Паскевича за Араксъ, въ намѣреніи воспрепятствовать Персіянамъ отдѣлять значительныя силы противъ отряда полковника Миценки, слѣдовавшаго изъ Ширвани, и чтобъ удалить отъ береговъ этой рѣки непріятельскія партіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ находился въ отрядѣ князя Мадатова, который съ 26-го декабря по 20-е января 1827 года сдѣлалъ новое вторженіе за Араксъ, исполненное въ самое суровое время и переходомъ чрезъ гору Савать-Гадичъ изумившее всѣхъ жителей, утверждавшихъ, что въ это время года даже птица чрезъ нее не пролетала.

При открытіи кампаніи 1827 года, Василій Алексѣвичъ находился въ дѣйствующемъ корпусѣ и имѣлъ честь участвовать въ блистательныхъ подвигахъ Паскевича. 21-го войска выступили изъ сборнаго мѣста близъ сел. Шулаверъ въ Персію и, чрезъ Безобдалъ, 8-го іюня, прибыли къ Эч-

*) По «Краткому Очерку» съ этого времени (1822 года) до начала Персидской войны онъ оставался на Кавказѣ въ Кабардинскомъ полку. Въ формулярѣ онъ показанъ переведеннымъ въ Эриванскій Карабинерный полкъ, но это не точно, ибо 7-й егерскій полкъ переименованъ въ Эриванскій карабинерный только въ 1827 году.

міадзину. Вслѣдъ за тѣмъ, совершенно-трудный походъ къ Аббасъ-Абаду, а подѣ этою крѣпостію Кашутинъ находился: 28-го іюня въ рекогносцировкѣ и въ перестрѣлкѣ съ вышедшею изъ нея кавалеріею, 29-го—снова въ рекогносцировкѣ подѣ усиленнымъ прикрытіемъ, а съ 1-го іюля — въ осадѣ ея. 5-го іюля онъ участвовалъ въ Джеванъ-Булакскомъ сраженіи, кончившемся совершеннымъ пораженіемъ Аббасъ-Мирзы. 7-го іюля крѣпость сдалась. Съ 9-го по 11-е — Кашутинъ, подѣ начальствомъ генераль-маіора барона Остенъ-Сакена, былъ въ походѣ за Араксомъ, въ урочище Кизиль-Чай, для обратнаго переселенія увлеченныхъ Персіянами жителей Нахичеванской области. Въ двое сутокъ пройдено до 80-ти верствъ чрезъ великія горы и крутизны, наши явились въ 20-ти верстахъ отъ лагеря Аббасъ-Мирзы, но ни одного непріятельскаго всадника не показывалось, и жители переселены успѣшно. По возвращеніи Остенъ-Сакена, Василій Алексѣевичъ, въ рядахъ главнаго отряда, находился: съ 20-го по 22-е іюля — въ походѣ отъ Аббасъ-Абада до сел. Карабабы, въ лагерь при которомъ войска провели мѣсяць; а съ 26-го августа былъ въ походѣ отъ этого селенія къ Эчміадзину, для подкрѣпленія генераль-лейтенанта Красовскаго, тамъ находившагося, которому угрожалъ Аббасъ-Мирза съ большими силами. 5-го сентября наши благополучно достигли монастыря. Потомъ, 9-го сентября, Кашутинъ ходилъ съ Паскевичемъ къ Араку, для споспѣшествованія части жителей Эриванской области перейти къ намъ. 10-го отрядъ главнокомандовавшаго имѣлъ ночлегъ при дер. Кале-Архъ. Отсюда, съ 11-го по 14-е сентября, Кашутинъ, подѣ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Сухтелена, ходилъ въ сел. Кульпъ, для обозрѣнія мѣстности и доставленія въ лагерь хлѣба и соли; а 14-го, въ составѣ главныхъ силъ, до Сардаръ-Абада, и участвовалъ въ осадѣ и взятіи этой крѣпости, послѣдовавшемъ 20-го числа, и въ преслѣдованіи гарнизона. 22-го главный отрядъ выступилъ къ Эривани, и съ 24-го Кашутинъ участвовалъ въ шестидневной осадѣ знаменитой своею неприступностію крѣпости. 1-го октября этотъ оплотъ Персидскихъ владѣній по сю сторону Аракса отверзъ врата свои побѣдоноснымъ войскамъ Николая.

За отличіе въ предъидущихъ сраженіяхъ, Кашутинъ, 2-го октября, произведенъ въ подполковника, а за взятіе Эривани получилъ орденъ Св. Анны 2-й степени.

Съ 7-го по 19-е октября онъ находился въ походѣ съ генераль-маіоромъ барономъ Розеномъ; 6-го ноября — къ городу Міану, а съ 10-го декабря по 8-е февраля 1828 года — до горъ Кафланъ-Ку. 10-го февраля подписанъ славный Туркманчайскій миръ, и войска наши воротились въ свои границы.

Сверхъ чина и ордена, за труды, понесенные въ эту войну, Василій Алексѣевичъ, наравнѣ со всѣми, получилъ не въ зачетъ годовое жалованье, а въ память — серебряную медаль.

Въ апрѣлѣ Кашутинъ вступилъ въ отечественные предѣлы, а въ іюнѣ, опять въ составѣ корпуса Паскевича, снова перешелъ границы Имперіи, для дѣйствія противъ другой мусульманской державы. 14-го числа, начался этотъ блистательный походъ движеніемъ отъ укрѣпленія Гумровъ къ знаменитому Карсу; 17-го и 18-го Василій Алексѣевичъ участвовалъ въ перестрѣлкѣ авангарда съ партіями непріятельской кавалеріи, 19-го — въ усиленномъ обозрѣніи (рекогносцировкѣ) этой крѣпости и разбитіи непріятельской кавалеріи, *дерзнувшей* выступить изъ нея и стремительно атаковать нашихъ въ полѣ; 20-го — во взятіи Турецкихъ шанцевъ, а 23-го — въ самомъ штурмѣ, которымъ, въ продолженіе трехъ часовъ, преодолѣвъ отчаянное сопротивленіе непріятеля, Кавказскіе воины овладѣли стѣнами и башнями знаменитой твердыни и на недосягаемой цитадели ея развѣвали знамена Николая.

За отличіе, оказанное при этомъ, Василій Алексѣевичъ награжденъ золотою шпагою, съ надписью: «за храбрость».

Съ 28-го іюня по 1-е іюля Кашутинъ провелъ въ экспедиціи генераль-маіора Муравьева изъ Карса по дорогѣ къ Ардагану и обратно.

16-го іюля онъ находился въ числѣ войскъ, съ которыми Паскевичъ двинулся прямою дорогою къ Ахалкалакамъ, чрезъ хребетъ огромныхъ Чильдырскихъ горъ, и 24-го участвовалъ во взятіи штурмомъ этой крѣпости, которой гарнизонъ объявилъ рѣшимость умереть на стѣнахъ; 28-го,

въ отрядѣ генераль-маіора Остенъ-Сакена, отряженнаго къ Гертвису, участвовалъ въ овладѣніи этою крѣпостью безъ боя, а потомъ, въ этотъ же день, подъ командою Муравьева, въ разработкѣ дороги, пролегающей чрезъ хребетъ горъ, отдѣляющихъ Ахалкалакскій санджакъ отъ Ахалцыхскаго.

1-го августа Василій Алексѣевичъ, въ составѣ главныхъ силъ, пошелъ къ Ахалцыху и участвовалъ: 5-го — въ рекогносцировкѣ крѣпости и въ разбитіи непріятельской кавалеріи, а 9-го — въ двѣнадцати-часовой упорной битвѣ шести съ половиною тысячъ нашихъ противъ тридцати-тысячнаго корпуса непріятельскаго, подъ предводительствомъ трехъ-бунчужнаго Касса-Махметъ-Паши и Мустафа-Паши, потерпѣвшихъ совершенное пораженіе, при чемъ мы завладѣли четырьмя лагерями и контръ-апрошнымъ укрѣпленіемъ.

Кашутинъ при этомъ былъ раненъ пулею въ плечо лѣвой руки и «за отличіе» получилъ орденъ Св. Георгія 4-го класса; но лишился возможности участвовать въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ похода этого года.

Въ началѣ кампаніи 1829 года, Василій Алексѣевичъ, подъ командою полковника барона Фридерикса, прибылъ на сборный пунктъ въ Турціи — Ахалкалаки, гдѣ и поступилъ въ отрядъ генераль-маіора Муравьева, съ которымъ находился въ экспедиціи отъ этой крѣпости къ Шавлидскому ущелью, до сел. Чебаріи, и 2-го іюня принималъ участіе въ разбитіи тамъ, послѣ упорнаго сраженія, многочисленныхъ Турецкихъ войскъ и во взятіи приступомъ непріятельскаго лагеря.

Потомъ, поступивъ въ составъ главнаго отряда, Василій Алексѣевичъ участвовалъ въ движеніи Паскевича чрезъ трудный Саганлугскій хребетъ на встрѣчу Сераскиру, выступившему съ главными силами изъ Арзерума, и находившемуся на дорогѣ ведущей въ Карсъ; а при этомъ: 11-го іюня — въ экспедиціи для обозрѣнія дороги изъ сел. Катанлы, гдѣ сосредоточены были наши силы, до урочища Дели-Муса-Фурни; 14-го — въ отраженіи Турецкой кавалеріи, стремительно атаковавшей передовыя наши кавалерійскія партіи, на высотахъ, лежащихъ предъ лагеремъ Гагки-Паши и по дорогѣ къ нему отъ упомянутаго урочища; 15-го и 16-го — въ занятіи высотъ, окружавшихъ этотъ лагерь и въ его рекогносцировкѣ; 17-го — въ сраженіи съ непріятельскою

кавалеріею, предводимую Османъ-Пашею близъ р. Гункерсу и въ выбитіи изъ заваловъ Турецкой пѣхоты около сел. Бордусъ: 19-го — въ пораженіи непріятельской конницы, вышедшей изъ лагеря Гагки-Паши, и совершенномъ разсѣянніи главныхъ силъ Арзерумскаго Сераскира, занявшихъ крѣпкую позицію при сел. Каинлы, и 20-го — послѣ 15-ти-верстнаго перехода, по самой трудной дорогѣ на высокій хребетъ Саганлу, — во взятіи приступомъ укрѣпленнаго лагеря Гагки-Паши при урочищѣ Милли-Дюзе, и въ разбитіи всѣхъ находившихся въ немъ войскъ.

Наградю отличій, оказанныхъ Кашутинымъ въ этихъ достопамятныхъ битвахъ, была Императорская корона на орденъ Св. Анны 2-й степени.

Послѣ двухъ послѣднихъ знаменитыхъ дней, въ которыхъ гореть Кавказскихъ воиновъ, преодолевъ неисчислимыя затрудненія и препоны, казалось воскресила дѣла Суворова, — нанесъ пораженіе 50,000 непріятельской арміи, плѣнивъ знаменитѣйшаго военачальника Азіатской Турціи, взявъ 19 знаменъ, отнявъ у непріятеля всю бывшую съ нимъ артиллерию, всѣ запасы, два богатые лагеря и 1500 плѣнныхъ, — Паскевичъ двинулся къ Арзеруму. 23-го былъ занятъ Гасанъ-Кале — ключъ этой крѣпости, оставленный Турками. Въ послѣдующіе памятные дни Кашутинъ участвовалъ: 25-го — въ перестрѣлкѣ при занятіи лагернаго мѣста въ пяти верстахъ отъ Арзерума; 27-го — въ занятіи укрѣпленной высоты Топдагъ, лежащей предъ крѣпостію, а велѣдъ за тѣмъ и въ самомъ занятіи славной столицы Анатоли, центра могущества Оттомановъ на Востокѣ, — вмѣщавшей въ себѣ до 100,000 жителей, съ высокою цитаделью и огромною крѣпостью, превосходно укрѣпленной, — падшей къ стопамъ Николая, въ день Полтавы.

Въ половинѣ іюля болѣе 20,000 Турокъ сосредоточивались около Бейбурта, занятаго нашими войсками. 22-го Паскевичъ отправился туда самъ. Кашутинъ участвовалъ въ этой экспедиціи, и 27-го и 28-го находился въ сраженіи у дер. Хартъ, которая, послѣ кровопролитнаго боя, была нами занята. Отличіе, оказанное имъ при этомъ, награждено чинномъ полковника; въ которой онъ произведенъ 11-го апрѣля 1830 года, со старшинствомъ со дня подвига.

Потомъ Василій Алексѣвичъ слѣдовалъ въ главномъ отрядѣ къ сел. Балахоръ, а съ 6-го по 8-е августа участвовалъ при усиленной рекогносцировкѣ Турецкаго лагеря, расположеннаго на неприступныхъ высотахъ по р. Инжасу близъ сел. Арначай. 9-го числа главный отрядъ началъ обратное движеніе къ Арзеруму, съ 17-го по 22-е Кашутинъ былъ въ рекогносцировкѣ Трапезонтевой дороги до сел. Чайханы.

Вскорѣ Адрианопольскій миръ остановилъ полетъ Русскаго орла; войска пошли въ отечество, и 16-го октября Кашутинъ вступилъ въ родные предѣлы.

Кромѣ исчисленныхъ наградъ, Василій Алексѣвичъ, наравнѣ со всѣми, получилъ серебряную медаль, установленную въ память этой войны, и, не въ зачетъ, годовой окладъ жалованья.

Но для Кавказскихъ войскъ миръ Россіи не доставляетъ отдохновенія отъ трудовъ бранныхъ, и Кашутинъ не долго оставался въ непривычномъ бездѣйствіи: въ концѣ 1830 года возгорѣлась новая борьба съ враждебными горскими племенами и мятежниками. Съ этого времени по 1840 годъ, Василій Алексѣвичъ прошелъ опять по той же цѣпи битвъ, не столь громкихъ, но едва ли не труднѣйшихъ и не опаснѣйшихъ. Въ этомъ послѣднемъ періодѣ ратной жизни своей безъ устали боролся онъ, въ виду начальниковъ и отдѣльно, съ людьми отважными, хищными и вѣроломными; боролся со всѣми стихіями дикой природы, и послѣдніе дни своей жизни провелъ подъ смертоносными ударами.

Прослѣдимъ и это поприще, на сколько позволяютъ имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы.

Въ 1830 году съ 8-го октября Кашутинъ находился въ отрядѣ генералъ-адъютанта Стрѣкалова, ходившемъ въ Лезгинно-Джарскую область для усмиренія возникшаго тамъ возмущенія; и при этомъ участвовалъ: 9-го и 10-го — въ перестрѣлкахъ съ мятежниками при нападеніи на команды наши подъ стѣнами крѣпости Новыя Закаталы; 13-го — въ отраженіи партіи горцевъ, напавшей на фуражировъ, высланныхъ изъ этой крѣпости, и 15-го — въ атакѣ сел. Закаталы, гдѣ раненъ саблею въ правую сторону бедра и пулею въ правую ногу, близъ колѣннаго сгиба въ наружную и

заднюю часть у правой голени на вылетъ, съ поврежденіемъ мышцъ и сухихъ жилъ.

Черезъ мѣсяцъ, 13-го ноября, Василій Алексѣвичъ назначенъ полковымъ командиромъ бывшаго Крымскаго пѣхотнаго полка, а 30-го марта 1834 года — по случаю перестроенія войскъ Кавказскаго Корпуса, — при чемъ Крымскій пѣхотный полкъ образовалъ 3-й и 4-й баталіоны Тенгинскаго пѣхотнаго полка новаго состава, — былъ назначенъ командиромъ этого послѣдняго.

Осень 1834 года Василій Алексѣвичъ провелъ за Кубанью, которую нашъ отрядъ перешелъ 1-го августа, при Ольгинскомъ укрѣпленіи, и при этомъ находился въ перестрѣлкѣ съ Шапсугами, а потомъ участвовалъ: 7-го — въ дѣлахъ съ непріателемъ при переходѣ Аушедскихъ и Глахофжскихъ болотъ; 8-го — въ непрерывной перестрѣлкѣ при движеніи къ рѣкѣ Абину и въ вытѣсеніи горцевъ изъ аула Абинъ-Пначахъ; 10-го — въ отраженіи нападенія Шапсугъ на фуражировъ. Съ 11-го по 21-е Кашутинъ оставался на Абинѣ, начальствовать вагенбургомъ, когда отрядъ ходилъ къ Великолагерному посту на Кубани. Съ 21-го по 8-е октября онъ участвовалъ при слѣдованіяхъ транспортовъ изъ Ольгинскаго укрѣпленія на Абинъ и обратно и въ перестрѣлкахъ и сшибкахъ съ непріателемъ при истребленіи ближайшихъ ауловъ на фуражировкахъ. Съ 11-го октября Василій Алексѣвичъ участвовалъ въ движеніи отряда отъ Абина къ Геленджику, и при этомъ: 11-го — въ занятіи аула Бганахабль; 12-го — въ выбитіи непріателя изъ двухъ заваловъ; 13-го — въ сильныхъ перестрѣлкахъ не доходя урочища Шедо-Гапса; 14-го — въ обзорнѣи мѣстъ на хребтѣ Маркотхъ; съ 16-го по 21-е — въ разработкѣ дороги по руслу Шедо-Гапса, при частыхъ перестрѣлкахъ, и 21-го — въ переходѣ черезъ хребетъ Маркотхъ. 23-го отрядъ прибылъ въ Геленджикъ, а 27-го выступилъ обратно. При этомъ Кашутинъ участвовалъ: 28-го — въ обзорнѣи перевала Наки, 30-го — въ обзорнѣи дороги, идущей къ Абину черезъ Осмнадцатигоріе; со 2-го по 4-е ноября — въ перестрѣлкахъ на фуражировкахъ во время нахожденія отряда при укрѣпленіи Абинскомъ и при конвоированіи къ нему транспортовъ.

За эту экспедицію Василій Алексѣвичъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени и, въ числѣ прочихъ, Высочайшимъ благоволеніемъ.

Въ 1835 году Василій Алексѣвичъ снова находился въ экспедиціи Вельяминова за Кубань, которую отрядъ перешелъ 1-го мая, и участвовалъ: съ 14-го — въ продолженіе устройства укрѣпленной линіи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона до Гелевджика и въ происходившихъ въ это время перестрѣлкахъ: 17-го августа — при слѣдованіи отряда отъ Абина къ Атагуафу; 18-го — при занятіи ауловъ Научь-Хабля и Сади-Хабля; 8-го октября — въ дѣлѣ противъ ущелья Чемокосеколайкъ и на долиніѣ Багаіокъ, во время слѣдованія отряда изъ Николаевского укрѣпленія къ Абинску; 9-го — при истребленіи ауловъ Наше-Кары, Хуштъ-Нахочукъ, Пжасюе-Брамъ и Мчаико-Хату; 24-го — во время движенія генераль-лейтенанта Малиновскаго въ ущельѣ р. Куафа, и 26-го — при движеніи вверхъ по этой рѣкѣ.

29-го октября отрядъ подъ командою Василія Алексѣвича, состоявшій изъ трехъ баталіоновъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка, трехъ сотъ конныхъ Черноморскихъ казаковъ, шести орудій 20-й артиллерійской бригады и двухъ орудій конной № 4-го роты, отправленъ былъ для фуражировки и сожженія ауловъ на равнинѣ внизъ по рѣкѣ Шебикъ. Порученіе это было исполнено успѣшно. На пространствѣ 4-хъ верстъ Кашутинъ сжегъ 4 аула и, дойдя до мѣста, гдѣ эта рѣчка круто пересѣкла дорогу, замѣтилъ весьма много въ стогахъ сѣна, которое Шапсуги, собравшись здѣсь въ числѣ около 300 человекъ, начали зажигать. Наши отбили горцевъ отъ стоговъ и прогнали за рѣку, которой берегъ покрытъ лѣсомъ, откуда и представлялось непріятелю удобство стрѣлять по нашимъ фуражирамъ и прикрытію. По этому былъ переправленъ въ бродъ баталіонъ, который совершенно разсѣялъ Шапсуговъ, и фуражиры наложили безпрепятственно сѣно. Но какъ стоги были очень велики, то Василій Алексѣвичъ, подъ прикрытіемъ 4-го баталіона, отправилъ бывшихъ съ нимъ фуражировъ въ лагерь, изъ котораго, подъ прикрытіемъ того же баталіона и двухъ ротъ егерей, были посланы изъ всего отряда повозки, которыя, не смотря на сильное препятствіе со стороны Шапсуговъ,

по отличному распоряженію командовавшаго баталіономъ маіора Хлюпина, прибыли безъ всякой потери. Положивъ сѣно на всѣ прибывшія повозки и сжегши 4 аула, въ которыхъ было болѣе 100 домовъ, Кашутинъ началъ отступленіе; но Шапсуги, въ самое непродолжительное время, соединясь въ толпы, сильно начали наступать на арріергардъ его отряда. Василій Алексѣвичъ, поставивъ 4 орудія, подъ командою гвардейской пѣшей артиллеріи поручика Голиновскаго, и допустя непріятеля на картечный выстрѣлъ, огнемъ изъ орудій и батальнымъ изъ засады, совершенно его разсѣялъ; горцы болѣе въ толпахъ не показывались, хотя и вели въ разсыпную съ нашими стрѣлками перестрѣлку. Въ этомъ дѣлѣ убитъ рядовой 1, ранены: рядовой 1, и изъ мирныхъ Черкесъ 1 оберъ-офицеръ.

Описывая это дѣло, генераль-лейтенантъ Малиновскій, — начальствовавшій экспедиціею за болѣзнію Вельяминова, — говоритъ: «При семъ я долгомъ считаю свидѣтельствовать о постоянномъ мужествѣ и благоразумной распорядительности командовавшаго отрядомъ полковника Кашутина, объ отличной храбрости командовавшаго стрѣлками Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Рыкова 2-го и прикомандированнаго къ полку 1-го Грузинскаго линейнаго баталіона унгеръ-офицера Бестужева *), который съ опасностію жизни, подъ выстрѣлами непріятеля, для перехода стрѣлковъ отыскивалъ бродъ черезъ рѣку.

8-го ноября войска возвратились въ наши предѣлы.

Наградою Кашутину за эту экспедицію былъ орденъ Св. Станислава 2-й степени.

Въ 1836 году Василій Алексѣвичъ снова находился въ экспедиціи за Кубань, предпринятой для продолженія дѣйствій къ усмиренію непріязненныхъ намъ Закубанскихъ народовъ. При этомъ онъ участвовалъ: съ 9-го мая по 5-е іюня — въ движеніи генераль-лейтенанта Малиновскаго отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона для истребленія плотинъ чрезъ Ашцецкія и Тлахофижскія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами къ Абинскому и Николаевскому укрѣпленіямъ, — а равно и въ происходив-

*) Марлинскій.

нихъ при этомъ перестрѣлкахъ; съ 10-го по 12-е іюня— въ движеніи Вельяминова съ транспортомъ отъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абинску и въ бывшей при этомъ, 10-го числа, перестрѣлкѣ; съ 13-го іюня по 3-е іюля, подъ начальствомъ генераль-маіора Штейбена, въ исправленіи Абинскаго укрѣпленія; съ 3-го іюля по 30-е августа — въ разработкѣ дороги отъ Абинска къ Николаевскому укрѣпленію и въ бывшихъ въ это время перестрѣлкахъ: 13-го іюля близъ Абинска и 5-го августа при лагерѣ на Багаіюнской долині; а съ 30-го августа по 13-е сентября, въ составѣ главнаго отряда, въ заготовленіи у подошвы горы Нако и доставленіи къ устроиваемому на Дообѣ укрѣпленію разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Между прочимъ, 8-го сентября, Василій Алексѣевичъ былъ отправленъ съ 3-мъ баталіономъ ввѣреннаго ему полка и двумя легкими орудіями въ Геленджикъ, для доставленія къ отряду артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ, — откуда воротился благополучно чрезъ день. Съ 13-го по 17-е сентября онъ участвовалъ въ слѣдованіи къ Ольгинскому укрѣпленію, а съ 24-го того же мѣсяца по 4-е октября въ движеніи къ Анапѣ и въ происходившихъ при этомъ перестрѣлкахъ: 27-го сентября на рѣкѣ Адокушъ, 28-го — при сожженіи ауловъ Саудъ и Хомсть, 29-го — близъ аула Лезерокъ, 30-го — при аулѣ Таймесъ, 2-го октября — при истребленіи аула Запѣнокъ; а съ 6-го октября по 9-е ноября—въ перестрѣлкахъ при истребленіи Натухайскихъ ауловъ: 7-го октября— при фуражировкѣ близъ станицы Зеленаго мыса, 12-го — въ Сунженской бухтѣ при занятіи высоты Сарачай, 13-го— при истребленіи аула на рѣчкѣ Цегвай, 21-го— въ ущельи Джюбра; съ 5-го по 10-е ноября — въ обратномъ движеніи къ Ольгинскому укрѣпленію и 8-го въ перестрѣлкѣ на рѣкѣ Тлахобунджъ.

За эту экспедицію Василій Алексѣевичъ Всемилостивѣйше награжденъ золотою табакеркою съ вензелевымъ именемъ Государя Императора, въ три тысячи рублей.

Въ 1837 году, снова подъ командою Вельяминова, Кашутинъ, 9-го мая, выступилъ изъ Ольгинскаго тетъ-де-пона къ Геленджикъ и на другой день, въ сильной перестрѣлкѣ въ Чуйбайскомъ лѣсу, былъ раненъ ружейною пулею въ

правый бокъ на дюймъ ниже лопатки. Осенью онъ воротился изъ Геленджика къ Кубани.

3-го апрѣля 1838 года, «за отличіе по службѣ» Василій Алексѣевичъ произведенъ въ генераль-маіоры, съ оставленіемъ при прежней должности.

Въ этомъ году получилъ онъ Всемилостивѣйшее дозволеніе воспользоваться отпускомъ, для излеченія ранъ и восстановления своихъ силъ. Но воинственный духъ постоянно господствовалъ въ немъ и не давалъ ему ни покоя, ни мысли о самомъ себѣ и о своемъ здоровьѣ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Внезапно пріѣзжаетъ генералъ Раевскій, назначенный начальникомъ Черноморской береговой линіи, и Кашутину представляется подвигъ принять участіе въ занятіи нѣсколькихъ важныхъ мѣстъ на восточномъ берегу Чернаго Моря. Одного слова генерала Раевского было достаточно, чтобъ заслуженный воинъ явился въ рядахъ десантнаго отряда и оказалъ значительныя услуги: при овладѣніи Демесомъ и, со 2-го по 19-е ноября, въ движеніи отряда чрезъ землю Натухайцевъ, отъ Новороссійскаго укрѣпленія въ Анапу и обратно, и вторично чрезъ Анапу въ Джиматей.

25-го ноября этого года Василій Алексѣевичъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи.

Весною слѣдующаго года онъ опять находился въ отрядѣ Раевского, который, въ концѣ апрѣля, былъ посаженъ на аскадру Черноморскаго флота и, не взирая на упорное сопротивление горцевъ, 3-го мая высаженъ на устьѣ р. Субаша.

При этомъ Василій Алексѣевичъ командовалъ передовыми войсками и центромъ. Приближаясь къ берегу на лодкахъ, едва увидѣлъ онъ, что отрядный начальникъ первый ступилъ на землю, мгновенно самъ бросился съ баталіономъ въ воду, нагналъ начальника, прикрылъ его, и занялъ стрѣлками лѣсъ. Пока открылась живая перестрѣлка и второй отрядъ приблизился къ берегу, Кашутинъ построилъ колонны и, не ожидая товарищей, выдвинулъ свой баталіонъ на долину. 2000 Убуховъ, Вардановъ, Азаговъ и другихъ горскихъ племенъ, бросились на него съ остервенѣніемъ и дикимъ крикомъ «Дѣтей пугаете!» сказалъ громко Кашутинъ, и спокойно продолжалъ курить трубку, облокотясь на шашку. «Не слушать крика сумасбродовъ, слушать команду!» Пять пушечныхъ залповъ разрѣдили враговъ, но не остано-

вили ихъ напора: они уже приближались къ пушкамъ, когда Кашутинъ скомандовалъ: «Въ штыки!»—Штыки блеснули, и горцевъ не стало! Еще ударъ, весь отрядъ на долину— долина наша!

Въ воздаяніе этой блистательной храбрости и особенной распорядительности, оказанной имъ,—какъ выражено въ Высочайшей грамотѣ, 26-го мая, — Государь Императоръ пожаловалъ Кашутину орденъ Св. Станислава 1-й степени, а велѣдъ за тѣмъ, 29-го іюня, «за отличную храбрость и распорядительность» онъ награжденъ ардендою по чину на 12 лѣтъ.

25-го октября слѣдующаго года Кашутину повелѣно было состоять по арміи.

Представивъ, такимъ образомъ, исчисленіе его боевой дѣятельности, мы должны выразить сожалѣніе, что не имѣемъ матеріаловъ для подробнаго описанія замѣчательнѣйшихъ изъ его подвиговъ; а потому и принуждены были ограничиться простымъ перечнемъ дѣлъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Но и сказаннаго, кажется, довольно, ибо видно, что Василій Алексѣевичъ дѣйствовалъ въ нѣсколькихъ десяткахъ главныхъ и значительныхъ сраженій, еще въ бѣльшемъ числѣ авангардныхъ дѣлъ; былъ на осьми приступахъ при взятіи крѣпостей, при овладѣніи многими городами, селеніями и аулами; находился при блокадахъ, въ экспедиціяхъ, сшибкахъ съ непріателемъ, въ перестрѣлкахъ и рекогносцировкахъ — безъ счета; словомъ, извѣдалъ всѣ

роды и случаи войны. Его употребляли вездѣ, гдѣ необходимо было достигнуть цѣли, во что бы то ни стало: нужно ли выбить упornaго врага изъ укрѣпленій, заваловъ, лагерей, овладѣть ли высотами; выручить ли окруженныхъ или осажденныхъ непріателемъ; пройти горы, ущелья, болота, лѣса, рѣки; послать ли въ погоню; сдѣлать ли неотразимый натискъ и высадку— Кашутинъ всегда былъ впереди, такую имѣлъ онъ довѣренность отъ начальниковъ.

Тенгинскій полкъ, въ которомъ онъ началъ службу и которымъ потомъ командовалъ, пріобрѣлъ подъ начальствомъ его неоспоримую славу, и самъ воздвигъ себѣ памятникъ въ Тухапсѣ, изъ цѣлой горы, взятой имъ приступомъ и названной Русскими *Тенгинскою горою*.

Военная жизнь Кашутина прерывалась только изрѣдка немногими мирными днями свиданія съ семействомъ, или страданія отъ ранъ, отъ которыхъ онъ и скончался 27-го февраля 1842 года, посреди семейства, состоявшаго изъ жены и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, на дачѣ, близъ города Керчи. Сжимая навсегда глаза, онъ шепталъ еще послѣднее желаніе, чтобы малолѣтній сынъ его посвященъ былъ тому же званію, которое отецъ прошелъ съ честію и славою.

Отличительными чертами характера Василья Алексѣевича были: неустрашимость и скромность до излишества, благородство и простодушіе, любовь къ боевой службѣ, безпредѣльная преданность къ Государю и Отечеству, и смиреніе истинно Христіанское.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 15-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Жид. Г. Подковнича Новоселова.

ВЗЯТИЕ ШТУРМОМЪ ГОРЫ НАВОГИНСКОЙ

ПРИ ВХОДѢ ВЪ ДОЛИНУ РѢКИ ПШАДЪ.

Лит. И. Корсаковъ.

АРТИЛЛЕРІИ БАЦТАНЪ ФЕДОРЪ ДМИТРІЕВИЧЪ КАЗИМИРСКІЙ.

Капитанъ Федоръ Дмитріевичъ Казимирскій родился въ 1805 году и происходитъ изъ Русскихъ потомственныхъ дворянъ. Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родительскомъ, онъ, 20-го декабря 1820 года, шестнадцатилѣтнимъ юношею, поступилъ юнкеромъ въ Артиллерійское Училище; 16-го февраля 1825 года былъ произведенъ въ портупей-юнкеры, а 10-го января 1826 года, имѣя отъ роду 20 лѣтъ, выпущенъ въ конно-артиллерійскую № 1-го роту прапорщикомъ. Первые 15 лѣтъ своей службы Казимирскій провелъ въ рядахъ артиллеріи, а съ 1841 года по 1852, по болѣзненному состоянію отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіяхъ, по Высочайшему повелѣнію, находился городничимъ.

Военная служба Казимирскаго состоитъ почти вся изъ непрерывныхъ походовъ и битвъ съ непріателемъ.

Первый походъ, сдѣланный Федоромъ Дмитріевичемъ, былъ при усмиреніи Польши. Границу Царства онъ перешелъ съ командою, слѣдовавшею для охраненія и конвоирования артиллерійскаго парка; потомъ присоединился къ своей

ротѣ и 13-го февраля имѣлъ честь быть въ первомъ огнѣ, находясь въ генеральномъ сраженіи и пораженіи Поляковъ подъ Прагою, на Гроховскихъ поляхъ.

Черезъ день, 15-го февраля, поступивъ въ отрядъ генераль-лейтенанта барона Остенъ-Сажена (нынѣ генераль-адъютантъ, генераль отъ кавалеріи и графъ) въ мѣстечкѣ Загржешъ, Казимирскій участвовалъ: 14-го марта въ дѣйствительномъ сраженіи и отраженіи отряда Умянскаго, покушавшагося занять Остроленку; 30-го марта — въ усиленной рекогносцировкѣ отъ этого города къ Красносельску и Драгочеву и въ очищеніи отъ мятежниковъ сосѣднихъ мѣстностей; 8-го апрѣля — въ другой усиленной рекогносцировкѣ отъ Остроленки, по правому берегу Нарева, и въ отбѣженіи непріятеля за городъ Пултускъ; 11-го апрѣля — въ дѣйствительномъ сраженіи и въ разбитіи непріятельскаго отряда на рѣкѣ Оржицѣ, при селеніи Сельково, и 6-го мая — въ дѣйствительномъ сраженіи и отраженіи Польскаго отряда, сдѣлавшаго нападеніе на Остроленку.

Въ послѣднемъ сраженіи Федоръ Дмитріевичъ, командуя четырьмя орудіями артиллеріи, — двумя своими конными и

двумя пѣшими, — находился въ продолженіе 15-ти часовъ въ непрерывномъ огнѣ, и артиллерію мятежниковъ, прискакавшей на поле битвы для нанесенія рѣшительнаго удара нашимъ войскамъ, не допустилъ сдѣлать ни одного выстрѣла: у каждаго, снимавшагося съ передка Польскаго орудія, мѣтко нущенное имъ ядро или убивало лошадей, или сшибало колеса, или ударомъ своимъ по орудію лишало Поляковъ возможности производить стрѣльбу. Но въ пылу этого разгрома непріятельское ядро контузило Казимирскаго въ голову, съ пораженіемъ мягкихъ частей лѣваго уха, и заставило его оставить поле битвы.

При всей храбрости, распорядительности и отважности, оказанныхъ въ этотъ день генераломъ Сакеномъ, малочисленный отрядъ Русскихъ не могъ отстоять Остроленку и принужденъ былъ отступить. Не желая достаться въ руки противниковъ, оставаясь въ городѣ, Казимирскій, не смотря на чувствительную боль головы, обвязавъ ее платкомъ, ретировался съ войсками, отступавшими по Ломжинской дорогѣ. Генералъ Сакенъ, обратившій особенное вниманіе на дѣйствія и контузію Казимирскаго, въ продолженіе отступленія нѣсколько разъ съ соболѣзнованіемъ спрашивалъ у него: «Каково ваше здоровье?»

Черезъ недѣлю, 15-го мая, Федоръ Дмитріевичъ снова отличился. Въ этотъ день авангардъ Гелгуда, въ большихъ силахъ, съ четырьмя орудіями, расположился въ окрестностяхъ Рай-города, разставя стрѣлковъ у опушки лѣса и устроивъ батарею за густыми деревьями; Русскія войска, занимали тогда высоты за небольшою рѣчкою. Баронъ Остенъ Сакенъ, узнавъ о расположеніи Гелгуда, немедленно выслалъ на встрѣчу мятежникамъ три баталіона пѣхоты, два эскадрона казаковъ, десять человекъ Черкесовъ и два орудія конной артиллеріи. Последними командовалъ Казимирскій; всѣмъ же отрядомъ начальствовалъ генералъ-маіоръ Неѣловъ. Наши едва прошли полемъ 200 сажень, какъ встрѣтили непріятельскихъ застрѣльщиковъ и завязали перестрѣлку. Барабаны забили, пѣхота съ крикомъ: «ура!» бросилась въ штыки. Поляки бѣжали и тоже вторили ура! — «Казимирскій! маршъ, маршъ! Катай ихъ картечью!» кричалъ Неѣловъ. Артиллеріи, какъ казалось, Поляки не

имѣли; но лишь только Русскія орудія въѣхали по шоссе въ лѣсъ, какъ вскрытая между деревьями непріятельская батарея, открыла огонь. Казимирскій, снявъ орудія съ передковъ, открылъ пальбу. Поляки сперва стрѣляли дурно, но вскорѣ выстрѣлы ихъ стали удачнѣе, и вдругъ однимъ непріятельскимъ ядромъ вышибло разомъ трехъ человекъ прислуги и смертельно ранило ординарца генерала Сакена, уланскаго корнета Ахматова. Казимирскій поклялся отомстить смерть павшихъ товарищей. Сѣвъ на копей, Федоръ Дмитріевичъ съ 7-ю нижними чинами помчался впередъ. Не успѣвъ проскакать еще четверти версты, орудіе, на поворотѣ шоссе, на небольшой лужайкѣ, почти наткнулось на укрѣпленную непріятельскую батарею. Внезапность таковой встрѣчи, сначала смутила-было отважную горсть Русскихъ; но думать было некогда. Спрыгнувъ съ коней, Казимирскій съ фейерверкеромъ Архипомъ Васильевымъ сняли орудіе съ передка и пустили картечь въ непріятеля. Поляки не думали, чтобы одна Русская пушка осмѣлилась на такое отчаянное дѣйствіе и, вѣроятно, принявъ скакавшую прислугу за отрядъ кавалеріи, вслѣдъ которой появится и пѣхота, дрогнули и бѣжали. Ретируясь, они столпились на небольшомъ мосту, перекинутомъ черезъ ручей, и сѣшши опередить другъ друга. Пользуясь такой суматохой, Казимирскій осыпалъ мятежниковъ картечью въ тылъ, а очутившійся внезапно съ лѣвой стороны непріятеля баталіонъ принца Вильгельма Яолка принялъ Поляковъ во флангъ ружейнымъ огнемъ. О отважное дѣйствіе это прекратило въ мигъ сраженіе, и непріятель, бывший втрое сильнѣе Русскаго отряда, не только бѣжалъ, но и оставилъ въ рукахъ нашихъ до 10 человекъ вѣннхъ.

17-го мая Федоръ Дмитріевичъ находился въ дѣйствительномъ сраженіи подъ Рай-городомъ съ отрядомъ Гелгуда, а 7-го іюня въ дѣйствительномъ сраженіи съ тѣмъ же отрядомъ подъ Вильною на Панарскихъ горахъ, и за последнее удостоился получить Высочайшее благоволеніе. Съ 12-го іюня онъ участвовалъ въ преслѣдованіи Поляковъ отъ Вильно, кончившемся 7-го іюля вогнаніемъ ихъ въ Прусскія владѣнія, и при этомъ находился, 16-го іюня, при занятіи Русскими войсками города Ковно.

Во вторую кампанію, начавшуюся съ 17-го іюля, Казимирскій прошелъ отъ Ковно, чрезъ рѣку Нѣманъ и города Маріамполь, Ломзу и Пршаниць, переправился, 8-го августа, чрезъ Вислу, и 16-го того же мѣсяца присоединился къ своей конно-артиллерійской ротѣ, находившейся въ составѣ главной арміи.

Это доставило Оедору Дмитріевичу честь участвовать въ знаменитомъ штурмѣ Варшавы, за отличіе при которомъ оказанное, онъ награжденъ чиномъ подпоручика, а въ память славныхъ дней, наравнѣ со всѣми, получилъ серебряную медаль.

Съ 12-го по 24-е сентября Казимирскій находился въ отрядѣ генераль-адъютанта графа Палена 1-го, который двинулся отъ Варшавы лѣвымъ берегомъ Вислы къ верховьямъ рѣки, для воспрепятствованія мятежникамъ переправиться на этотъ берегъ; 21-го сентября, при Брацлавкѣ, переправясь на другую сторону по мосту, захваченному отъ Поляковъ, отрядъ съ жаромъ преслѣдовалъ ихъ. Затѣмъ, соединясь съ главной арміей, наши, 23-го сентября, близъ Гуржино, вогнавши непріятеля въ предѣлы Пруссіи.

Кромѣ награды собственно за Варшаву, Казимирскій вообще за усмиреніе Польши, наравнѣ со всѣми, получилъ знакъ отличія «за военные достоинства» 4-й степени.

По взятіи Варшавы во время пребыванія въ ней Великаго Князя Михаила Павловича, Казимирскій, находясь у Его Высочества ординарцемъ, былъ командированъ полковникомъ Безакомъ для открытія одного безъ вѣсти пропавшаго артиллерійскаго парка.

5-го марта 1832 г. Казимирскій возвратился съ батареею въ предѣлы Россіи, а 7-го сентября того же года, по распоряженію начальства, переведенъ въ Сухумъ-Кальскій артиллерійскій гарнизонъ. Хотя въ Сухумъ-Кале Оедоръ Дмитріевичъ провелъ только нѣсколько недѣль, но мы удержимъ изъ его записокъ нѣкоторыя подробности о тогдешней жизни въ этой крѣпости, — какъ матеріалъ, могущій пригодиться историку развитія цивилизаціи въ краѣ.

Сухумъ-Кале, построенный Турками, составлялъ четверугольникъ, обнесенный вокругъ высокими каменными

стѣнами, съ бастіонами, вооруженными крѣпостными орудіями, и имѣлъ съ берега моря небольшой форштадтъ съ деревянными ветхими строеніями и духанами, въ которыхъ торговали Греки и Армяне. Внутри крѣпости находился домъ начальника гарнизона, казарма, ветхая маленькая церковь, въ родѣ часовни, съ ветхимъ же домишкомъ для монаха и двухъ-этажный домъ, въ которомъ помѣщались офицеры. Верхній этажъ послѣдняго дома составлялъ одну огромную комнату, перегороженную рогожами. Всегдшняя сырость и мракъ, множество крысъ, хорьковъ и мышей, были принадлежности этого помѣщенія, а по стѣнамъ ползали скорпіоны, подъ поломъ разводили свои гнѣзда тарантулы. Естественно, что въ этомъ домѣ спокойствіе не могло существовать, даже спать было почти невозможно. Когда наступало ночное время, ставили по срединѣ комнаты столъ, покрывали его буркою, и на эту постель ложился офицеръ; товарищъ же его имѣя въ рукѣ мѣдный тазъ, большіе угольные щипцы, съ зажженою свѣчей долженъ былъ караулить. Если послѣдній усматривалъ ползущаго по стѣнѣ скорпіона, то подставлялъ къ тому мѣсту тазъ и щипцами сбрасывалъ въ него животное; при чемъ, однако, надлежало быть очень осторожнымъ и ловкимъ; въ противномъ случаѣ, оно мигомъ ударяло хвостомъ неловкаго своего губителя, нанося ему иногда и смертельную рану. Если не было принято тотчасъ медицинскихъ пособій, то пораженное мѣсто мгновенно распухало; опухоль, быстро распространяясь, вскорѣ доходила до сердца, и человекъ умиралъ. Но наши солдаты, — всегда находчивые, — успѣшно лечили себя сами. Укушенные, они въ ту же минуту натирали пораженное мѣсто деревяннымъ масломъ, настоящимъ скорпіонами.

Изъ этой крѣпости Казимирскій поступилъ по особымъ порученіямъ къ начальнику Черноморской береговой линіи, генераль-маіору Поцевскому, въ урочище Бомборы. Генераль Поцевскій, хорошо расположенный къ Оедору Дмитріевичу, всячески старался дать ему возможность показать и свою находчивость и свое усердіе къ службѣ. Случай вскорѣ представился, въ которомъ Казимирскій, хотя и не могъ оказать особеннаго отличія, но возложенную на него

обязанность, не смотря на важныя препятствія, исполнилъ съ усердіемъ и успѣхомъ.

Вотъ подробности этого любопытнаго происшествія въ Кавказской жизни.

Бомборы тогда представляли весьма слабое укрѣпленіе. Низкій земляной валъ, отъ бывшаго землетрясенія, во многихъ мѣстахъ обвалился; крѣпостныя орудія стояли на старыхъ лафетахъ; ружья и патроны находились въ цейгаузѣ; артиллерійскіе снаряды были сложены въ сараѣ, въ ящикахъ, не по калибрамъ; пушки и даже ружья у часовыхъ были не заряжены. Все это происходило отъ того, что Бомборы лежатъ въ Абхазіи, владѣтель которой, — князь Михаилъ Шервашидзе, — былъ тогда въ Русской службѣ гвардіи полковникомъ. Укрѣпленіе не ожидало никогда невѣроятнаго нападенія и едва ли даже и имѣло необходимость, по своему положенію, быть постоянно готовымъ къ оборонѣ.

При такой-то обстановкѣ, содержавшейся въ укрѣпленіи арестантъ, Черкесскій князь, препровождаемый за конвоемъ, бѣжалъ съ дороги и, пылая мщеніемъ, рѣшился ограбить и вырѣзать форштадтъ.

На самомъ берегу моря, въ двухъ верстахъ отъ укрѣпленія, находился небольшой домикъ, обнесенный вокругъ высокимъ частоколомъ, въ родѣ другаго маленькаго укрѣпленія. Домикъ этотъ занимался офицеромъ съ нѣсколькими пѣхотными солдатами и однимъ или двумя конными казаками, и въ этомъ же укрѣпленіи хранился небольшой запасъ провіанта. Однажды, часу въ двѣнадцатомъ ночи, унтеръ-офицеръ той команды, замѣтивъ въ дали моря что-то движущееся и производившее какъ будто огненные брызги, доложилъ объ этомъ своему офицеру, который, посмотрѣвъ самъ на море, сказалъ въ отвѣтъ: «Врешь, братецъ! Это просто тюлени!» Черезъ нѣсколько минутъ тотъ же унтеръ-офицеръ опять доносилъ, что это плывутъ Черкесы на ладьяхъ; но получилъ прежній отвѣтъ. Наконецъ въ третій разъ, вбѣжавъ къ офицеру, онъ объяснилъ, что это дѣйствительно Черкесы, и что ладьи ихъ уже приближаются для высадки на берегъ. Тогда немедленно былъ отправленъ

въ Бомборы съ донесеніемъ конный казакъ. Въ это время Черкесы, раздѣлясь на два отряда, высадились уже на берегъ: одни правѣе, а другіе, — объѣхавъ прибрежную крѣпостцу, — лѣвѣе. Посланный казакъ былъ Донской, на маленькой плохой лошадекѣ, и ему предстояло проскакать до Бомборъ двѣ версты, на пространствѣ которыхъ находился небольшой лѣсъ, — что, вѣроятно, онъ не успѣлъ сдѣлать, былъ убитъ или взятъ въ плѣнъ, ибо въ крѣпости не получили донесенія и самъ казакъ пропалъ безъ вѣсти.

Черкесы, дойдя разными путями до Бомборъ, правильно отрѣзали цѣпью отъ него форштадтъ и начали въ послѣднемъ рѣзню и грабежъ.

Въ Бомборахъ и не подозрѣвали о нападеніи, тамъ все было тихо и спокойно. Послѣ ужина у генерала Поцевскаго, офицеры собрались къ одному изъ своихъ товарищей, и играли въ карты, и въ четвертомъ часу утра разошлись по квартирамъ. Казимирскій стоялъ вмѣстѣ съ офицеромъ, переведеннымъ изъ флота. Возвратясь домой и закуря трубки, они легли на кровати, погасили огонь, но еще не спали, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ. Бывшій морякъ вскочилъ и спросилъ: «что это такое?» Но, успокоенный отвѣтомъ Казимирскаго, что здѣсь нѣтъ Черкесъ и напасть некому, — онъ опять легъ въ постель. Черезъ мину-ту послышался еще выстрѣлъ, потомъ тотчасъ другой, разомъ два и, наконецъ, залпъ изъ нѣсколькихъ ружей. Тогда въ крѣпости ударилъ барабанъ; но барабанщикъ билъ на пожаръ, а девчички, съ просовья, бѣгали изъ угла въ уголь, суетились и, зажигая свѣчи, утверждали, что горитъ домъ маіора Орла. Вскорѣ, однакожъ, горюсъ заигралъ тревогу и объявилось, что это не пожаръ, а неприятность немножко похуже. Ночь была темная, съ форштадта неслись стоны, слышались выстрѣлы, трескотня и стукъ ломовъ.

Казимирскій, накинувъ шапку, велѣлъ зарядить орудія и посидѣвъ съ донесеніемъ къ генералу. Поцевскій выходилъ уже на крыльцо и, отворяя дверь, сказалъ шепотомъ: «Тише! не разбудите Варвару Ивановну (жена генерала Поцевскаго). Что тамъ такое?» — «Ничего не извѣстно, а

только слышны въ форштадтѣ шумъ, стоны и замирающіе крики.» отвѣчалъ Казимирскій. «Велите приготовить мнѣ роту, или даже менѣе, но только какъ можно скорѣе, ружья зарядить и имѣть при себѣ хоть по десяти патроновъ.» Но какъ ни старался, какъ ни хлопоталъ объ этомъ Федоръ Дмитріевичъ, однако ротные командиры едва могли набрать двадцать вооруженныхъ солдатъ, ибо, какъ сказали, ружья и патроны находились въ цейхгаузѣ, а заряды въ сараѣ.

Дѣло предстояло далеко не легкое: прискаты заряды по ихъ калибрамъ и со всею поспѣшностію зарядить, стоявшія на бастионахъ, крѣпостныя орудія. Но Казимирскій употребилъ все свои усилія и знанія къ поспѣшному и исправному исполненію этой необходимой обязанности, и, не смотря на страшную темноту ночи, трудность отысканія надлежащихъ зарядовъ, успѣлъ зарядить все орудія и приготовить съ четверкою лошадей горный единорогъ.

Между тѣмъ ружейная пальба, стоны, удары ломовъ и отчаянные крики становились чаще и слышнѣе. Вдругъ послышался у крѣпостныхъ воротъ небольшой стукъ и кто-то умирающимъ голосомъ просилъ часоваго пропустить его въ крѣпость; по голосу часовой узналъ торговца съ форштадта и потому рѣшился пустить его въ крѣпость; но лишь только были отворены немного ворота, какъ въ нихъ упалъ человекъ, пораженный въ грудь нѣсколькими кинжалами; кровь лилась изъ ранъ, и онъ только успѣлъ выговорить: «Черкесы!...» какъ и умеръ. Это былъ дѣйствительно торговецъ съ форштадта.

Генераль велѣлъ отворить ворота, ударить въ барабанъ и самъ съ двадцатью линейцами бросился въ форштадтъ. Черкесы, услыша гулъ барабана и увидя генерала и солдатъ, бѣжали съ награбленными вещами и плѣнными женщинами и мальчиками, къ морю, гдѣ ихъ ожидали девять галеръ, на которыхъ они приплыли. Генераль Поневскій преслѣдовалъ разбойниковъ выстрѣлами, но не могъ догнать ихъ; въ виду его, они съ пѣнями, добычею и плѣнными, сѣвъ на галеры, отчалили отъ берега. Сдѣланный по нимъ залпъ изъ ружей былъ неудовлетворителенъ, и гене-

раль очень жалѣлъ, что не принялъ предлагаемаго ему Казимирскимъ совѣта взять его съ горнымъ единорогомъ.

Черкесы очень алчны къ добычѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боятся и не рѣшаются нападать на неизвѣстный имъ предметъ, — что и спасло Бомборы. Съ Азіатскою своею яростію горцы грабили и рѣзали форштадтъ, а о крѣпости и не помышляли. Это кровавое событіе случилось весною 1834 года, а въ апрѣлѣ того же года Казимирскій былъ переведенъ въ 20-ю полевую артиллерійскую бригаду, съ командированіемъ къ 21-й артиллерійской бригадѣ.

Управляющій Пмеретією, генераль-майоръ Ахлестышевъ, производя экспедицію для продолженія устройства сухопутнаго сообщенія въ Абхазіи, отнесся къ генералу Поневскому о командированіи къ нему, согласно распоряженію начальника артиллеріи Кавказскаго Корпуса, знающаго офицера, который бы могъ выполнить возлагаемая на него порученія по частямъ артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба, и Поневскій командировалъ къ нему Казимирскаго. Поступя въ отрядъ генерала Ахлестышева, Федоръ Дмитріевичъ исполнялъ все возлагаемая на него порученія, какъ по части инженернаго офицера, такъ и другія, со всею дѣятельностію и усердіемъ, и участвовалъ въ перестрѣлкахъ, происходившихъ при произведеніи десантовъ: 7-го іюля — къ мысу Сугали, для истребленія устроенныхъ тамъ горцами заваловъ и 10-го числа того же мѣсяца — къ мысу Ардлеру для сожженія контрабандныхъ судовъ, и удостоился получить Высочайшее благоволеніе, объявленное ему 11-го мая 1836 года.

По окончаніи экспедиціи, при проѣздѣ Казимирскаго чрезъ Тифлисъ въ г. Ставрополь, ему поручено было, по приказанію командира Кавказскаго Корпуса, отвести къ командовавшему войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генераль-лейтенанту Вельяминovu, ящикъ, въ коемъ находились приказъ, ордена и другія награды, для чего и дано было ему открытое предписаніе на полученіе съ каждаго по тракту казачьяго поста приличнаго конвоя.

Сохраняемъ слѣдующія подробности этой поѣздки изъ походныхъ записокъ Казимирскаго, какъ полезныя, опять по нашему мнѣнію, для будущаго историка края. Въ то

время на Кавказѣ находилось четыре рода казаковъ: Линейные, Черноморскіе, Донскіе и Полтавскіе. Назначенные въ конвой казаки, служа защитою провожаемаго ими, окруживъ повозку его, неслись во всю скачь, наравнѣ съ почтовыми или курьерскими лошадьми; находящіеся по дорогѣ курганы доставляли имъ удобство усматривать скрывавшихся Черкесовъ. Такимъ образомъ, казаки, завидя какое-либо возвышеніе или холмъ, быстро мчали своихъ коней, мигомъ взлетали на него и если не находили ничего опаснаго, присоединялись къ конвоируемому ими, что и повторялось во все время до слѣдующей смѣны ихъ другими. Иногда случалось, что нѣсколько хищниковъ Черкесовъ внезапно бросались на проѣзжавшаго, дрались съ конвоемъ и если одолевали, то брали въ плѣнъ или убивали сопротивлявшихся, овладѣвая богатствомъ. Если же проѣзжавшій не оробѣвалъ и, имѣя въ рукѣ пистолеть или ружье, хотя и не заряженное, смѣло держалъ его прямо предъ хищниками, то онъ легко могъ ускакать и спастись отъ нихъ, ибо Черкесъ на грабежѣ никогда не рѣшался рисковать жизнью, чтобъ броситься на хладнокровно ожидающаго его нападенія съ оружіемъ въ рукахъ. Казимирскій, слѣдуя съ конвойными, перемѣнявшимися на каждомъ, по дорогѣ, посту, любовался гарцованіемъ молодцовъ-казаковъ, особенно линейныхъ: оставя его спокойной катиться по дорогѣ, они вихремъ неслись на передовой холмъ или курганъ, обзрѣвали всѣ стороны и опять летѣли далѣе. На одномъ изъ постовъ наряженный конвой состоялъ изъ Полтавскихъ казаковъ. Казаки эти, сформированные въ 1831 году и по усмирении мятежа командированные на Кавказъ, имѣли откормленныхъ, большихъ, тяжелыхъ лошадей, сидѣли на кавалерійскихъ сѣдлахъ съ короткими стременами, съ мундштукомъ, вмѣсто уздечки, безъ ногойки, а потому и не могли быть такъ быстры-легки, чтобъ производить тѣ ловкія удачныя наѣзничества и лихія на конѣ продѣлки, которыми такъ были извѣстны Кавказскіе линейные казаки. Сначала они также скакали наравнѣ съ почтовыми лошадьми, окружая телѣгу Казимирскаго. Тройка шельсась во всю скачь, имѣя впереди и сзади по одному, а съ боковъ по два казака, но вдругъ телѣга, затрепавъ, остановилась и покачнулась, какъ бы задержанная чѣмъ-то

попавшимся подъ колесо; лошади хранили, лямцикъ соскочилъ съ козелъ, и тогда увидѣли, что передовой казакъ съ лошадью лежалъ у ногъ почтовой тройки! Тучная его лошадь, управляемая мундштукомъ, осѣдланная по манеру регулярной кавалеріи, не могла вынести того, что легкая, на уздечкѣ, осѣдланная казацкимъ сѣдломъ, лошадь линейца. По этому, чтобы не имѣть задержки и остановки, Казимирскій отпустилъ этихъ казаковъ къ посту и до слѣдующаго ѣхалъ безъ конвоя.

По прибытіи въ г. Ставрополь, Казимирскій повымъ начальствомъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, признанъ былъ знающимъ хорошо артиллерійскую службу, фронтъ и способнымъ къ исправленію и другихъ обязанностей, а потому и назначенъ командовать отдѣльною частію, именно 6-ю полевыми орудіями, 4-мя горными единорогами и двумя Кегорновыми мортирами съ людьми, лошадьми и небольшимъ обозомъ батарейной № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады, находившимся тогда въ Черноморіи въ 47-ми верстахъ отъ Екатеринодара, въ станицѣ Новомышастовской.

Въ продолженіе двухъ-лѣтняго командованія этою частію, Федоръ Дмитріевичъ исправностію и усердіемъ къ службѣ заслужилъ расположеніе къ себѣ своихъ начальниковъ, и бригадный его командиръ, полковникъ Э. В. Бриммеръ (послѣ начальникъ артиллеріи Кавказскаго Корпуса, генералъ-лейтенантъ, нынѣ комендантъ Новогеоргіевской крѣпости) всегда и вездѣ старался доставить ему средства къ отличію.

Съ наступленіемъ весны 1837 года, Казимирскій со ввѣренной ему частію выступилъ въ походъ, подъ начальствомъ командовавшаго войсками на Кавказской Линіи и въ Черноморіи, генералъ-лейтенанта Вельяминова, для продолженія береговой укрѣпленной линіи по восточному берегу Чернаго Моря отъ крѣпости Геленджика до устья рѣки Вуланъ.

21-го апрѣля, подъ командою генералъ-маіора Штейбе, Казимирскій съ прочими войсками конвоировалъ транспорты съ разными запасами изъ Ольгинскаго тетъ-де-попа въ Абинское укрѣпленіе и обратно, а по возвращеніи слѣдо-

вать со всѣмъ отрядомъ, подъ личнымъ начальствомъ Вельяминова, изъ Ольгинскаго тетъ-де-поа до Гелецджика надалѣе къ устью р. Пшадъ, для постройки тамъ Ново-Троицкаго укрѣпленія. Съ 9-го по 24-е мая онъ находился во всѣхъ, происходившихъ во время слѣдованія отряда, сраженіяхъ, а во время возведенія укрѣпленія во всѣхъ фуражировкахъ.

Потомъ Вельяминовъ повелъ свои храбрыя войска далѣе: ему надлежало въ этомъ же году построить еще и другое укрѣпленіе — на рѣкѣ Булапъ. Горцы думали не дать Русскимъ и шагу земли болѣе; они собирались безчисленными толпами, наводняли собою густые лѣса и надѣялись противустать нашимъ. Тогда еще не было просѣкъ и войска шли безъ нихъ; прорубая себѣ путь на маршѣ, отрядъ въ полномъ своемъ составѣ, съ обозомъ и со всѣми тяжестями, двигался хладнокровно впередъ. рубилъ и просѣкалъ лѣса, бралъ завалы, скапывалъ горы и сражался съ остервенѣвшимъ непріателемъ; артиллерія сперва обстрѣливала лѣсъ картечью, а потомъ уже пѣхота пускалась въ него, производя работу и топоромъ, и пулею и штыкомъ. Вельяминовъ, впереди всего отряда, не поворачивая головы, указывалъ на непріятельскія толпы и хладнокровно приказывалъ ихъ сбить, что и выполнялось всегда съ полнымъ успѣхомъ. Движеніе отряда производилось въ слѣдующемъ порядкѣ. По дорогѣ тянулась средняя колонна, имѣя между авангардомъ и арріергардомъ свой обозъ и всѣ прочія тяжести; по бокамъ шли отряженныя изъ нея по-ротно баталіоны съ артиллерією при нихъ, преимущественно горными единорогами и кегорновыми мортирками и, такимъ образомъ, составляя изъ себя правую и лѣвую цѣпи, — шли безъ дороги, черезъ горы, пропасти, болота и лѣса.

Въ одномъ изъ подобныхъ движеній, лѣвая цѣпь была остановлена мѣткими выстрѣлами горцевъ, занявшихъ гору, черезъ которую она должна была проходить. Направленный на эту гору баталіонъ одного пѣхотнаго полка, при всей отважности, былъ сбитъ, а конные Черкесы, наскочавъ на арріергардъ баталіона, тѣснили его и рубили шашками; движеніе остановилось. Храбрый полковникъ Ольшевскій, видя неудачное положеніе отряда, приказалъ Казимир-

скому, командовавшему № 3-го батареєю 20-й артиллерійской бригады, немедленно идти самому съ двумя орудіями на выручку баталіона. Исполняя приказаніе, два легкія орудія, подъ начальствомъ Федора Дмитриевича тотчасъ же двинулись на непріятеля. Подскакавъ къ мѣсту дѣйствія, онъ поставилъ единорогъ противъ горы, занятой Черкесами, а самъ съ пушкою бросился къ коннымъ горцамъ. Оставя передокъ на небольшомъ возвышеніи, съ помощію прислуги, онъ опустилъ внизъ орудіе на рукахъ. Горцы не замѣтили этого, предаваясь яростному нападенію на стетупавшій съ горы баталіонъ. Лишь только удалось Казимирскому опустить на землю хоботъ орудія, какъ мгновенно смертоносная картечь осыпала дерзкаго непріятеля. Черкесы обомлѣли и быстро помчались въ лѣсъ, оставя убитыхъ и раненыхъ. Прогнавъ, такимъ образомъ, конную толпу горцевъ, Казимирскій обратился къ оставленному имъ единорогу, изъ котораго удачно брошенныя гранаты разрывались надъ самыми головами засѣвшихъ на горѣ Черкесовъ, что и заставило ихъ бѣжать. Тогда во всемъ отрядѣ загремѣло ура! и баталіонъ быстро занялъ гору.

Вельяминовъ, признавая дѣйствіе орудій столь превосходнымъ, что ими, почти безъ потери, отрядъ былъ освобожденъ отъ пренятствія, задерживавшаго дальнѣйшее слѣдованіе, благодарилъ артиллеристовъ, изъявилъ свою признательность Казимирскому, и узнавъ, что Федоръ Дмитриевичъ еще въ дѣйствіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ контуженъ ядромъ въ голову, вызвался лечить его. По этому, когда войска пришли на мѣсто, гдѣ предполагалась постройка укрѣпленія, знаменитый генералъ велѣлъ бригадному командиру 20-й артиллерійской бригады, полковнику Бриммеру, представить къ нему Казимирскаго. Когда Федоръ Дмитриевичъ явился, то Вельяминовъ, сидя на барабанѣ и окруженный своею свитою, началъ слѣдующій съ нимъ разговоръ:

«Здравствуй, дражайшій! Благодарю за мѣткую стрѣльбу. Въ какомъ дѣлѣ получилъ контузію?»

«Подъ Остроленкою, Ваше Превосходительство!»

«Пьешь водку?»

«Пью.»

« Не пей! Куришь трубку? »

« Курю. »

« Не кури. Чаю не пей, капусты не ѣшь, молока не пей, щей, сдобныхъ пироговъ, мяса, молодыхъ барашковъ не ѣшь, вина и кофе не пей! »

Окружавшая генерада свита не могла долѣе держаться отъ смѣха и по-одиначкѣ отступала.

« Что же остается ему для утоленія голода послѣ приказанія вашего превосходительства? » сказалъ оставшійся бригадный командиръ.

« А ѣшь больше гречневую кашу, дражайшій! » возразилъ Вельяминовъ, относясь къ Казимирскому.

По выходѣ отъ Вельяминова, полковникъ Бриммеръ сказалъ Казимирскому: « Вы понимаете, что съ такимъ превосходнымъ начальникомъ, каковъ Вельяминовъ, шутить невозможно, и потому, отброся шутки въ сторону, кромѣ гречневой каши вамъ ѣсть ничего нельзя, а также и курить табакъ, и чтобы это было вѣрнѣе, то пришлите сейчасъ же ко мнѣ и всѣ трубки ваши и весь табакъ! »

Приказанія Вельяминова и Бриммера исполнились во всей точности; Казимирскій ничего не пилъ и не ѣлъ кромѣ гречневой каши и не курилъ трубки, что всего было ему труднѣе, по привычкѣ къ табаку. Такъ прошла недѣля, но Вельяминовъ не давалъ еще никакого лекарства, и Казимирскому приходилось очень трудненько выдерживать такой необыкновенный постъ, а не исполнить этого онъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ, ибо уважалъ и любилъ своихъ начальниковъ — Вельяминова и Бриммера. По этому въ одно утро послѣдній, по просьбѣ Казимирскаго, вмѣстѣ съ нимъ явился къ Вельяминову, бывшему въ то время на работѣ воздвигающагося новаго укрѣпленія.

Заложа руки за спину, Вельяминовъ долго и внимательно смотрѣлъ на работу солдатъ. Бриммеръ и Казимирскій все это время стояли позади его, не смѣя прервать его занятій. Вдругъ Вельяминовъ обернулся и, махнувъ рукой, сказалъ имъ: « А! пришлю, пришлю лекарство! » Прошла еще недѣля, а лекарство не присылалось! Бриммеръ велѣлъ Казимирскому самому сходить къ Вельяминову и еще разъ на-

помнить о себѣ; но когда доложили о приходѣ Федора Дмитриевича, то изъ Киргизской ставки Вельяминова опять повторились слова: « Пришлю, пришлю скоро! » И дѣйствительно, на другой день лекарство было доставлено полковнику Бриммеру, который призвалъ Казимирскаго къ себѣ въ палатку и со всею осторожностію всыпалъ ему на языкъ нѣсколько порошинокъ какого-то порошка. Хотя лекарство это не принесло ни какого облегченія, но Вельяминовъ всякой разъ лично справлялся о здоровьѣ Казимирскаго и тѣмъ доказывалъ постоянное свое вниманіе къ подчиненнымъ, отличившимся въ его глазахъ.

Казимирскій за сейчасъ изложенное дѣло удостоился получить орденъ Св. Владимира 4-й степени съ бантомъ.

По окончаніи постройки укрѣпленія на рѣкѣ Вуланъ отрядъ Вельяминова поспѣшилъ къ Геленджику, куда ожидали прибытія Императора Николая Павловича съ нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ, тогда Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Здѣсь Казимирскій имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ незабвеннаго для Кавказскихъ войскъ дня — 7-го сентября — когда Владыка Россіи прибылъ на Кавказъ, — по многомилостивому Своему выраженію, — « не смотрѣть ихъ, а благодарить. »

Казимирскій за участіе въ этой экспедиціи получилъ, кромѣ креста, также и въ зачетъ годовой окладъ жалованья.

Между тѣмъ усилившаяся боль и приливъ крови къ головѣ заставили его, въ 1838 г., лечиться на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Получивъ небольшое облегченіе, Федоръ Дмитриевичъ, въ 1839 году, выступилъ снова въ экспедицію, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, заступившаго мѣсто умершаго Вельяминова.

Цѣль экспедиціи состояла въ нанесеніи рѣшительнаго пораженія Шамилю въ его убѣжищѣ Ахульго, считавшимся совершенно неприступнымъ.

Чеченскій отрядъ, какъ назывались войска Граббе, собрался подъ крѣпостью Внезапной 1-го мая, и 9-го мая выступилъ къ Старому Аксаю.

Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня передовой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Лабинцова, быстро атаковалъ укрѣпленіе Ташавъ—Хаджи, занялъ и сжегъ его. Непріятель бѣжалъ въ лѣсъ и, скрывшись за своими завалами, безпрестанно усиливался прибывавшими горцами; но генералъ Граббе съ главными силами, въ рядахъ которыхъ былъ Казимирскій, атаковалъ ихъ съ фронта пѣхотою, а кавалерія шла въ обходъ лѣса. Черкесы не выдержали, бросили всѣ приготовленные ими завалы и бѣжали. Завалы эти чрезвычайно затрудняли движеніе артиллеріи и обоза; темнота была ужасная, лѣсъ густой и дорога шла все въ гору, грязная отъ дождей. Невозможно было различить окружающіе предметы и только ощупью можно было узнавать подлѣ себя товарища. Орудія безпрестанно зацѣплялись за деревья и заставляли весь отрядъ останавливаться. Остатки пожара, горѣвшаго сзади аула, казались, изъ густоты и тьмы лѣса, какимъ-то кровавымъ заревомъ, освѣщавшимъ въ тылу поляну, на которой происходила недавняя битва горцевъ съ егерями и тѣмъ наводили страхъ быть атакованными съ тылу въ то время, когда орудія наши не могли дѣйствовать, по причинѣ слѣдованія въ гору и нахождения ихъ почти въ вертикальномъ положеніи. Попадавшіеся на пути, оставленные горцами аулы предавались огню, и отрядъ, дойдя до селенія Рагонкажъ, остановился на мѣстѣ, откуда Граббе послалъ передовой отрядъ полковника Лабинцова къ главному пункту Ташавъ—Хаджи, укрѣпленію при Саясани, гдѣ горцы хотя и защищались отчаянно, но были совершенно разбиты и разсѣяны, а укрѣпленіе, взятое съ бою, разрушено и сожжено; самъ же Ташавъ—Хаджи бѣжалъ. Послѣ этого Граббе возвратился къ крѣпости Внезапной.

До 20-го мая данъ былъ отдыхъ отряду; 20-го же двѣ колонны съ транспортами и батарейная № 3-го батарея, а съ ней и Казимирскій, выступили въ Сѣверный Дагестанъ. 24-го мая отрядъ дошелъ до аула Буртунай, гдѣ произошло довольно жаркое сраженіе и штурмъ лѣса у балки Теренгуль, при чемъ артиллерія должна была проходить ужасныя, окруженныя пропастями горы, при сильномъ градѣ, почти въ голубиное яйцо, что заставляло ежеминутно опасаться быть свергнутыми, вмѣстѣ съ орудіями и лошадьми, если

бы послѣднія испугались, — что легко могло случиться, потому что лошади были молодыя. Холодъ стоялъ сильный, снѣгъ валилъ большими хлопьями; ночевали въ палаткахъ и едва могли согрѣться чаемъ и ромомъ. 25-го перешли къ подошвѣ горы Суукъ—Булакъ; 26-го, поднявшись на хребетъ Кирки, не нашли ни какого спуска, и гора въ этомъ мѣстѣ представляла отвѣсную каменную стѣну, совершенно вертикальную, высотой примѣрно въ 200 футовъ (почти 30 сажень), что заставило вести саперную работу: выдалбливали въ этой каменной громадной стѣнѣ зигзагами уступы, спускали по нимъ орудія, зарядные ящики и всѣ тяжести, безъ лошадей — на канатахъ. На противоположной подобной высотѣ чернѣлись шайки горцевъ. 27-го, спустился внизъ, отрядъ очутился въ ущельѣ между двухъ горъ. Здѣсь построили небольшое укрѣпленіе — *Удачное*, для помѣщенія въ немъ вагенбурга, въ которомъ оставили всѣ тяжести, подъ прикрытіемъ баталіона пѣхоты и пяти орудій артиллеріи.

29-го мая отрядъ на-легкѣ выступилъ къ Аргуани и долженъ былъ проходить подъ самою горою, занятою непріателемъ, готовымъ забросать войска наши камнями; но оставшіеся въ вагенбургѣ орудія удачно бросали въ горцевъ гранаты и тѣмъ принудили ихъ разбѣжаться. Отрядъ прошелъ эти опасныя мѣста; но горы, по которымъ пришлось идти далѣе, были такъ круты, а дороги такъ испорчены отъ непрерывныхъ дождей и ненастья, что было необходимо ежеминутно ихъ исправлять; кругомъ находились ужасныя пропасти, а настала ночь самая темная, и дальнѣйшее слѣдованіе сдѣлалось опасно. Главныя силы ушли впередъ, арріергардъ же, въ которомъ, съ двумя орудіями, находился и Казимирскій, задержанный, по причинѣ испорченной дороги, медленнымъ движеніемъ, принужденъ былъ остановиться въ томъ положеніи, какъ шелъ, чтобы переждать глухую, дождливую ночь. Если бы въ это время горцы вздумали сдѣлать нападеніе, то защищаться было бы очень трудно, ибо орудія стояли по протяженію горной дороги и стрѣлять изъ нихъ не было ни какой возможности. Два орудія, командуемая Казимирскимъ, составляли вновь сформированный взводъ, запряженный въ восемь лошадей,

при которомъ находились лейбъ-гвардіи пѣшей артиллеріи поручикъ Жуковскій (нынѣ генералъ-маіоръ), лейбъ-гвардіи конной артиллеріи прапорщикъ Зыбинъ (нынѣ полковникъ) и той же батареи подпоручикъ Лещенко. Цѣлую ночь войска арріергарда стояли въ такомъ невыгодномъ положеніи; каждую минуту надо было опасаться, чтобы орудія съ лошадьми не свалились въ пропасть. Ъздовые, сидя у ногъ лошадей и держа поводья, дремали; возлѣ нихъ, завернувшись въ бурку, сидѣлъ Казимирскій, окликаая непрерывно поимянно каждаго изъ нихъ, чтобы тѣмъ воспрепятствовать имъ предаться сну. Съ разсвѣтомъ ужасно было взглянуть на мѣсто, гдѣ стояли ночью орудія! Дорога по горѣ шла узкою тропкою надъ пропастями и оврагами, и отъ малѣйшаго уклоненія съ ней орудія могли обрушиться и увлечь за собою лошадей и людей.

По присоединеніи къ отряду, который расположился у подошвы этой горы, чрезъ два часа, войска двинулись по направленію къ Аргуани.

Отъ самаго укрѣпленія Удачнаго отрядъ тянулся по протяженію хотя и отлогихъ, но большихъ и скалистыхъ, какъ бы одна на другую поставленныхъ горъ и окруженныхъ еще величайшими горами. Ближе къ Аргунскимъ высотамъ воздухъ становился болѣе и болѣе сгущеннымъ, сырмъ и холоднымъ: сверху падала какая-то мокрота въ видѣ дождя и снѣга; отъ тумана два человѣка, шедшіе рядомъ, не могли видѣть другъ друга. Такая атмосфера воздуха имѣла сильное вліяніе на здоровье человѣка, особенно столь сильно раненаго, какъ Казимирскій. По приближеніи отряда къ Аргуани, за оврагами, скалами, камнями и ручьями, представилось весьма сильное укрѣпленіе, стѣны котораго были усѣяны Черкесами, имѣвшими наготовѣ свои смертоносныя винтовки; въ одно мгновеніе защелкалъ градъ непріятельскихъ пуль. Казимирскій, занявъ позицію противъ середины укрѣпленія, открылъ огонь. Ужасная окрестность Аргуани огласилась громомъ орудій; конгревовы ракеты, въ первый разъ пущенные здѣсь, сначала привели горцевъ въ паническій страхъ; но какъ дѣйствіе ракетъ, отъ дальняго и долгаго пути и чрезмѣрной тряски въ

дорогѣ, оказалось не совсѣмъ удовлетворительнымъ, то и принуждены были, къ сожалѣнію, болѣе ихъ не употреблять. Здѣсь также было употреблено ручное орудіе или большое ружье, дѣйствующее примѣрно на 200 сажень; но оно также оказалось бесполезнымъ. Рекогносцировка, предпринятая въ тотъ же день, показала, что, по совершенно неприступному положенію селенія, обойти его было невозможно, а въ тылу имѣлось трудное дефиле, и на окрестныхъ высотахъ нѣсколько тысячъ горцевъ наблюдали дѣйствія нашихъ войскъ, а потому не оставалось болѣе ничего, какъ взять штурмомъ Аргуани, и тѣмъ очистить себѣ свободный путь далѣе.

Предъ разсвѣтомъ, 31-го мая, по новой дизлокаціи, войска заняли назначенныя имъ мѣста и артиллерія открыла со всѣхъ сторонъ сильный огонь. По данному сигналу колонны двинулись на штурмъ; мюриды и абреки защищались съ остервенѣніемъ, но храбрость и стойкость Русскихъ превозмогла все препятствія, и Аргуани не устоялъ! Шамиль едва спасся съ малымъ числомъ своихъ мюридовъ въ горы. Однако, чтобы выгнать изъ аула остальныхъ мюридовъ, сидѣвшихъ въ сакляхъ на смерть, войска принуждены были провести подъ Аргуани до 4-го іюня, въ непрерывномъ бою.

7-го іюня генералъ-маіоръ Лабинцовъ взялъ Чиркатъ и войска отряда, въ рядахъ котораго находился и Казимирскій, вторично спустясь съ горъ, расположились въ этомъ аулѣ на лѣвомъ берегу Андійскаго Койсу. Устройство переправы чрезъ рѣку было чрезвычайно затруднительно, а между тѣмъ нужно было спѣшить открытіемъ сообщенія съ другимъ берегомъ, какъ для скорѣйшаго и безпрепятственнаго слѣдованія къ Ахульго, такъ и для необходимѣйшаго соединенія съ транспортомъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, пришедшаго изъ Темиръ-Ханъ-Шуры; ибо, задержанное переправой, войско не имѣло ни сухарей, ни соли, ни мяса, ни вина. Но Русскій солдатъ не привыкъ къ унынію, онъ всегда веселъ и готовъ во всякую минуту бодро и съ твердостью идти на многочисленнаго врага. Нашему воину не много нужно: ласковаго слова начальника, умѣнья об-

ращаться съ нимъ и любви къ нему. Командиръ батареи № 3-го батареи 20-й артиллерійской бригады, подполковникъ Николай Павловичъ Мищенко (нынѣ генераль-маіоръ), указавъ Казимирскому на находившуюся въ саду пѣхоту нашу, сказалъ: «Посмотрите-ка, они вѣдь что-то варятъ?» И въ самомъ дѣлѣ въ кострахъ пылалъ огонь, на нихъ стояли большіе котлы, кашевары съ засученными у рубахъ рукавами, съ трубками въ зубахъ и веселымъ видомъ, имѣя въ рукахъ деревянныя ложки, мѣшали ими какой-то кипячій въ котлахъ наваръ; другіе солдаты съ пѣснями носили воду. Подойдя ближе, Мищенко спросилъ: «Что вы варите, ребята?» — «Щи, ваше высокоблагородіе!» — «Да развѣ вамъ роздали крупу, мясо, соль?» — «Никакъ нѣтъ; мы набрали съ абрикосовыхъ деревьевъ листья и варимъ себѣ щи!» отвѣчали весело солдаты. «Чего же не сдѣлаешь послѣ этого съ такими удалцами, и кто устоитъ противъ нихъ!» сказалъ подполковникъ Мищенко.

Между тѣмъ отлично-распорядительныя дѣйствія флигель-адъютанта полковника Катенина, — нынѣ генераль-адъютантъ и генераль-лейтенантъ, — и искусство сапернаго капитана Вильде превозмогли всѣ препятствія къ переправѣ. 12-го іюня начался подступъ къ Ахульго. Во всѣхъ дѣлахъ подъ этимъ знаменитымъ своею неприступностію ауломъ, Казимирскій принималъ дѣятельное участіе, пока тяжкая рана не заставила его выбыть изъ фронта.

Въ ночь на 18-е іюня войска лѣваго фланга, въ числѣ 3,000 человекъ, подъ командою генераль-лейтенанта Галафѣева, двинулись на штурмъ съ лѣвой стороны стараго Ахульго; правый же флангъ, расположенный въ разныхъ пунктахъ неприступныхъ горъ, для отвлеченія непріятеля, велъ атаку отдѣльными частями со стороны новаго Ахульго. Къ сожалѣнію штурмъ лѣваго фланга не удался, а разъяренный непріятель завязалъ жестокій бой, продолжавшійся до вечера другаго дня. Къ осьми часамъ утра артиллерія уже растратила много зарядовъ, такъ что за недостатокъ ихъ опасались. Командовавшій частію штурмовавшихъ войскъ, флигель-адъютантъ полковникъ Катенинъ, подойдя къ находившемуся на батареѣ Казимирскому, спросилъ у него:

«сколько зарядовъ у васъ? Пересчитайте!» Ставъ лицомъ къ Катенину, Федоръ Дмитріевичъ забылъ, что въ войнѣ съ горцами стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ опасно и, не перемѣняя своего положенія, находясь задомъ къ открытой амбразурѣ, пересчиталъ уже 80 гранатъ, подаваемыхъ ему взводнымъ бомбардиромъ; но лишь только началъ считать ядра, какъ, пораженный Черкесскою пулею въ шею, упалъ къ ногамъ полковника. Вѣроятно горцы, завидя у Казимирскаго, блестящее на солнцѣ, золотое ухо, наложенное ему послѣ полученной въ дѣйствіяхъ противъ Польскихъ мятежниковъ контузіи ядромъ въ голову, мѣтили въ него; а потому и нанесенная ими пулею рана, находясь въ довольно близкомъ разстояніи отъ полученной имъ прежде контузіи, причинила еще болѣе вреда пораженнымъ головѣ и уху его. Прикомандированный къ батареѣ поручикъ гвардейской артиллеріи Жуковскій (нынѣ генераль-маіоръ) поднялъ Казимирскаго. Отвернувъ же у него воротникъ и увидя кровь и пробитые пулею воротники сюртука и рубашки, сказалъ: «раненъ въ шею!» Услышавъ слово: «въ шею», Федоръ Дмитріевичъ понялъ только, что раненые въ шею рѣдко остаются живы, и безпокойство овладѣло имъ сильнѣе; но Александръ Андреевичъ Катенинъ, успокоивая Казимирскаго, приказалъ отвести его на перевязку. По вывѣтѣ пули, оказалось, что она, остановясь близъ шестатаго шейнаго позвонка, сильно повредила шейныя мышцы и свела шею въ сторону, потрясла шейныя позвонки и самый спинной мозгъ и произвела трясеніе и боль лѣвой руки и ноги.

Съ горяча, не почувствовавъ той жестокой боли, которой онъ былъ подверженъ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ перевязки раны, Казимирскій тотчасъ же явился на батарею; но полковникъ Катенинъ, похваливъ отвагу и усердіе его, приказалъ ему удалиться.

22-го іюня на окружныхъ высотахъ вдругъ показались горцы, вѣроятно предполагавшіе, что, съ появленіемъ ихъ въ тылу отряда, Русскія войска ужаснутся и отступятъ отъ Ахульго; но вмѣсто того они увидѣли, что Русскіе быстро и съ крикомъ ура! бросаются въ штыки. Генераль Граббе счелъ необходимымъ преслѣдовать ихъ. Оставя предъ

Ахульго небольшую часть войска подъ начальствомъ генерала Галафѣва, онъ гвалъ отступавшаго непріятеля, нанося ему сильное пораженіе. Шамиль, замѣтя отсутствіе главныхъ нашихъ силъ, въ ночь на 23-е число сдѣлалъ сильную вылазку. Ночь была такъ темна, что нельзя было различить предмета ни на одинъ шагъ передъ собою. Пользуясь такою темнотою, горцы съ тишиною и осторожностію крались къ Русскимъ и даже были почти у палатки генерала Галафѣва, какъ, къ счастью, шедшій впереди всѣхъ юный красивый горецъ, повидимому князь, наткнулся на ружье находившагося у палатки часового, который мигомъ выстрѣлилъ и проткнулъ его штыкомъ. Началась схватка, пули съ обѣихъ сторонъ сыпались градомъ, артиллерія открыла огонь. Въ это время Казимирскій лежалъ раненый въ палаткѣ, на утесѣ, гдѣ расположена была батарея, въ которой онъ служилъ. Положеніе его было довольно опасно; встать на ноги онъ не могъ, а скала, на которой онъ находился, непрерывно переходила въ кругъ дѣйствій то горцевъ, то Русскихъ; ежеминутно раздавалось то сзади его Черкесское: «ги!», то впереди радостное Русское: «ура!» Болѣе же всего ужасала его мысль, чтобы позиція, на коей онъ находился, не осталась въ рукахъ непріятеля. Темнота ночи не позволяла ничего видѣть, и только залпы ружейныхъ выстрѣловъ на секунду освѣщали окружающіе предметы: пули пронизывали палатку, и тѣмъ ежеминутно заставляли Федора Дмитріевича готовиться быть убитымъ или получить новыя раны. Къ разсвѣту Русское ура! загремѣло уже окончательно предъ самымъ Ахульго, Русскій штыкъ прогналъ Черкесскія шашки; горцы бѣжали, оставя много убитыхъ тѣлъ, наши также много потеряли. Къ вечеру, 23-го числа, Граббе возвратился.

Когда рана Казимирскаго была приведена въ такое положеніе, что для дальнѣйшаго пользованія онъ могъ быть отправленъ въ госпиталь, то, снабженный свидѣтельствомъ, выданнымъ ему флигель-адъютантомъ полковникомъ Катенинымъ, Федоръ Дмитріевичъ отправился съ прочими ранеными въ Темиръ-Ханъ-Шуру черезъ Гимры. Повозки по этому пути не могли слѣдовать и потому раненыхъ отправляли верхами съ вьюками и конвоемъ. За большимъ и мя-

тежнымъ селеніемъ Гимры былъ сдѣланъ ночлегъ на отлогости огромной горы, которая, возвышаясь, образовала изъ себя какъ бы столбъ съ винтообразною лѣстницею, выбитою по ея окружности. По этой же ужасной лѣстницѣ, раненые, со всѣми вьюками, держа въ поводу свою лошадь (слѣдованіе, сидя на лошади, было невозможно), должны были взбираться на самую вершину. При взглядѣ внизъ одолевалъ ужасъ, отъ котораго кружилась голова и темнѣло въ глазахъ; страданіе отъ ранъ увеличилось и изнемогаемый готовъ былъ обрушиться и разбиться. Избѣгая паденія, Казимирскій садился на ступени лѣстницы и, переведя дыханіе, съ новыми силами взбирался выше и выше. Съ вершины горы представлялась обширная равнина, на которой не въ далеку виднѣлась крѣпость Темиръ-Ханъ-Шура.

Пробывъ въ госпиталѣ слишкомъ мѣсяць, Федоръ Дмитріевичъ пользовался отдыхомъ и леченіемъ раны. Самое мучительное для него было время, когда очищали рану зондомъ, при чемъ случился съ нимъ даже одинъ припадокъ падучей болѣзни.

Наконецъ, когда рана его очистилась и поджила, его отправили въ Пятигорскъ, къ тамошнимъ минеральнымъ водамъ.

За эту экспедицію онъ Всемилостивѣйше награжденъ единовременно двумя стами девятыюдесятью рублями серебромъ, сребряною медалью за штурмъ Ахульго, Монаршимъ благоволеніемъ и особеннымъ Высочайшимъ благоволеніемъ, 1840 года ноября 15-го и того же года декабря 4-го, за отличіе въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ въ 1839 году при Буртунаѣ и Аргуани, а въ числѣ прочихъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, находившихся въ экспедиціи 1839 года, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, объявлены Монаршія благоволенія: 1) За быстрое движеніе въ землѣ воинственныхъ Ичкеринцевъ, примѣрную храбрость, самоотверженіе и неустрашимость, оказанную войсками — 1839 года октября 10-го; и 2) за примѣрную храбрость, оказанную въ дѣлѣ 24-го мая при деревнѣ Буртунай и быстроту при сбитіи непріятеля съ занятой имъ

фланговой позиціи, 30-го и 31-го чисель того же мѣсяца за взятіе штурмомъ укрѣпленной деревни Аргуани; за отличіе оказанное имъ въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ при блокадѣ и штурмѣ Ахульго, а также за труды и усердіе въ продолженіе экспедиціи, совершенной въ 1839 году.

По окончаніи этой экспедиціи Казимирскій, возвратясь съ минеральныхъ водъ, уволенъ былъ, Высочайшимъ приказомъ 26-го февраля 1840 года, на одинъ годъ, для пользованія ранъ, съ полнымъ содержаніемъ, въ С. Петербургѣ.

Въ бытность въ столицѣ Федоръ Дмитріевичъ, 17-го января 1841 года, на Высочайшемъ смотрѣ съ безрочно-отпускными, прикомандированный къ пѣшей гвардейской артиллеріи, командуя четырьмя орудіями, удостоился обратиться на себя вниманіе Императора Николая Павловича и, за полученныя въ сраженіяхъ тяжелыя раны, награжденъ, Всемилостивѣйше дарованнымъ ему въ единовременное пособіе, годовымъ жалованьемъ изъ государстаннаго казначейства, и, по невозможности продолжать фронтную службу, назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, прямо изъ фронта, городничимъ или полиціимейстеромъ, съ состояніемъ по артиллеріи и пенсіономъ сверхъ получаемого жалованья.

Состоя подъ покровительствомъ Комитета о раненыхъ, Казимирскій избралъ для своего служенія открывшійся на ваканціи Вятской губерніи городъ Уржумъ, откуда, въ 1844 году, перемѣщенъ Псковской губерніи въ городъ Островъ. При проѣздѣ чрезъ этотъ городъ въ Бозѣ почивающаго Императора, въ 1846 году, ему пожаловано, во вниманіе тяжкихъ ранъ, въ единовременное пособіе, пятьсотъ рублей серебромъ, съ увольненіемъ для пользованія ранъ къ Гельсингфорскимъ минеральнымъ и морскимъ водамъ, съ полнымъ содержаніемъ получаемого имъ жалованья.

Вотъ какъ обстоятельство это, — вѣчно сохраняющееся въ душѣ его, — Федоръ Дмитріевичъ, въ своихъ запискахъ, передаетъ дѣтямъ, на память о средствѣ избавленія его отъ тяжкаго недуга и неминуемой смерти.

Въ первый проѣздъ, въ 1846 году, чрезъ городъ Островъ, Государь, узнавъ о жестокой болѣзни Казимирскаго, съ заботливостію выразилъ Свое сожалѣніе о немъ. На возвратномъ пути, когда на вопросъ Его Величества о Казимирскомъ, доложено было, что онъ поправляется, но ходитъ еще съ трудомъ, Государь изъявилъ милостивое желаніе видѣть Казимирскаго. Восхищенный и тронутый до глубины души столь лестнымъ вниманіемъ Царя, Федоръ Дмитріевичъ плакалъ отъ умиленнаго и восторженнаго чувства благодарности. Надѣтый на него мундиръ, шарфъ и вся одежда его, была чрезвычайно широка, ибо онъ былъ такъ худъ, что имѣлъ только кожу да кости. Будучи очень слабъ, онъ едва могъ дышать; но, не желая ни за что въ свѣтѣ лишиться счастья представиться Его Величеству, Федоръ Дмитріевичъ рѣшился явиться по Его призыву. Подѣхавъ къ дому, занимаемому Государемъ, онъ былъ внесенъ на рукахъ въ пріемный залъ, гдѣ находились: губернской предводитель дворянства, губернаторъ, отставной генералъ и уѣздный предводитель дворянства. Государь, войдя въ залъ и обратясь къ Казимирскому, милостиво говорилъ съ нимъ, соболѣзнуя о его ранахъ и болѣзни и, указавъ на него Государынѣ Императрицѣ, сказалъ: «Вотъ наши раненые Кавказцы!» Ея Величество благосклонно спрашивала Казимирскаго о тѣхъ сраженіяхъ, въ коихъ онъ былъ раненъ и удостоила его допустить къ Своей рукѣ. Слабый, болѣзненный Казимирскій былъ не въ состояніи снять съ правой руки своей перчатку и тѣмъ болѣе это было ему затруднительно, что лѣвая рука его была на перевязи; онъ рѣшился снять перчатку зубами, и когда такимъ образомъ перчатка была снята, онъ съ благоговѣніемъ поцѣловалъ руку Государыни Александры Феодоровны. Обласканный Императоромъ и Императрицею Федоръ Дмитріевичъ Всемилостивѣйше награжденъ 500 рублями серебромъ.

Высокая помощь эта доставила Казимирскому средство быть на Гельсингфорскихъ минеральныхъ и морскихъ водахъ, гдѣ, по благодати Всевышняго, онъ получилъ облегченіе.

Возвратившись на службу, онъ былъ перемѣщенъ къ той же должности и той же губерніи въ городъ Холмъ, гдѣ по-

рядокъ службы не такъ былъ тяжелъ, какъ въ городѣ Островѣ.

28-го января 1848 года Федоръ Дмитріевичъ награжденъ чиномъ штабсъ-капитана, а 18-го января 1852 года, по невозможности продолжать долѣе службу, уволенъ въ отставку артиллеріи капитаномъ, съ мундиромъ и пенсіо-

номъ за раны и 35-ти-лѣтнюю службу, 500 рублей серебромъ въ годъ.

Женатый на Финляндкѣ, дочери маіора Дрейера, Казимирскій, по выходѣ въ отставку, поселился въ Финляндіи, и имѣеть двухъ сыновей—воспитанниками въ Новгородскомъ графа Аракчеева кадетскомъ корпусѣ и трехъ малолѣтнихъ дочерей, находящихся при немъ.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 15-го дня 1858 года. Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Редакторъ и издатель **С. Новоселовъ**.

Назначеніе періодическаго изданія «Кавказцы» — передать, перомъ и карандашемъ, замѣчательные подвиги, совершенные на Кавказѣ, съ свѣдѣніями о жизни лицъ, ими прославившихся, отъ генерала до рядоваго. Изданіе хотя посвящено преимущественно описанію подвиговъ несравненныхъ военно — сухопутныхъ Кавказскихъ войскъ; но на страницахъ его находятъ также мѣсто изображенія доблестныхъ дѣлъ и другихъ лицъ великой семьи русской; а) славные подвиги моряковъ, совершенные ими при берегахъ Кавказа; б) душеспасительное управление и назиданіе паствы, неустрашимость и самоотверженіе духовныхъ лицъ, достойныхъ *служителей Христовыхъ*, — которые, съ крестомъ въ рукѣ, укрѣпляютъ мужество воиновъ, внушеніемъ твердаго упованія на всеильную помощь Божію, успокоиваютъ раненыхъ, исповѣдуютъ умирающихъ, иногда подъ свистомъ пуль и гуломъ ядеръ, — или святою своею жизнію и словомъ способствуютъ распространенію истиннаго свѣта среди тьмы невѣрія и лжеученій; в) прекрасное исполненіе святаго долга *медицинскими чинами*, часто совершаемое ими подъ вражьими выстрѣлами; г) живое участіе въ кавказской брани нашихъ соотечественницъ, которыя, — какъ истинныя Россіянки, — безтрепетно дѣйствуютъ, во время непріятельскихъ штурмовъ, на батареяхъ и перевязочныхъ пунктахъ и вообще содѣйствуютъ къ оборонѣ, укрѣпленій, и д) ревностное исполненіе своихъ обязанностей дипломатами и гражданскими чиновниками, замѣчательные труды ученыхъ, сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ, торгующихъ и вообще промышленниковъ, которые, своими дѣйствіями, часто сопряженными съ лишеніями всякаго рода, а нерѣдко и съ опасностію для жизни, способствуютъ упроченію Русской власти въ краѣ, облегчаютъ благотворныя мѣры Правительства и содѣйствуютъ разработкѣ богатствъ этой прекрасной части великаго нашего Отечества.

Государь Императоръ о намѣреніи издать «Кавказцы» Всемилоствѣйше соизволилъ отозваться: «весьма хорошая мысль»; а потомъ лично осчастливилъ меня многомилостливыми словами: «благодарю за доброе намѣреніе». Вышедшіе выпуски «Кавказцевъ» имѣли счастье удостоиться благосклоннаго принятія Его Величествомъ и Членами Августѣйшаго Семейства. Высшее начальство снисходительно изъявило полную готовность содѣйствовать благой цѣли изданія. Наконецъ, просвѣщенные соотечественники, всѣхъ состояній, дорожащіе Русскою славой, встрѣтили предпріятіе общимъ сочувствіемъ, которое выразилось въ лестныхъ отзывахъ изъ С. Петербурга и Москвы, съ Кавказа и изъ Польши, съ Дона и Сибири.

Все это налагаетъ на Редакцію священную обязанность продолжать неунынно трудиться и способствовать, сколько возможно, къ распространенію изданія, тѣмъ болѣе, что прибыль отъ него, съ Высочайшаго соизволенія, назначена къ успокоенію раненыхъ и на помощь семействамъ падшихъ, во славу нашего оружія.

Но, въ то же время Редакція находится въ необходимости сложить съ себя обязательство выдавать *опредѣленное* число приложеній, а будетъ представлять ихъ только *по мѣрѣ возможности* пріобрѣсти портреты, изображенія подвиговъ и карты, *прямо соответствующіе тексту выпусковъ*; ибо при порядкѣ, до сихъ поръ соблюденномъ, часто было необходимо выдавать приложенія *не относящіяся* къ описываемымъ событіямъ. Невыгоды, отъ этого происходившія для подписчиковъ, почему-либо не получавшихъ прежде «Кавказцевъ» или прекратившихъ подписку на нихъ въ послѣдствіи, — очевидны.

Подписная цѣна за 24 выпуска (№№ 37—60), — или 48 листовъ текста, съ необходимыми приложеніями, имѣющіе выйти въ будущемъ 1859 году, — *двѣнадцать* рублей.

За первые 36 выпусковъ цѣна остается прежняя; именно:

за 12 выпусковъ, состоящіе изъ 24-хъ листовъ текста, съ 18-ю приложеніями, вышедшіе въ 1857 году — *шесть* рублей; а

за 24 выпуска (№№ 13—36), состоящіе изъ 48-ми листовъ текста, съ 36-ю приложеніями, имѣющіе выйти до 1-го января 1859 года — *двѣнадцать* рублей.

По господа подписывающіеся на изданіе съ первыхъ выпусковъ, за текущій 1858 и наступающій 1859 годы — вносятъ за каждый только по *десяти* рублей.

За пересылку въ другіе города прилагается: за первые 12 выпусковъ — 75 к.; а за 24 выпуска 1858 или 1859 года — по 1 руб. 50 коп.; за доставку на домъ въ С. Петербургъ выпусковъ будущаго года — 1 руб. сер.

Списокъ господъ подписчиковъ, какъ участниковъ въ добромъ дѣлѣ, ежегодно обнародывается.

ПОДПИСКА принимается исключительно въ С. Петербургѣ, въ редакціи, находящейся въ С. Петербургской крѣпости, въ квартирѣ Плацъ-Маіора, Полковника *Нодоселова* и въ Газетной Экспедиціи Почтамта.

Казенныя и общественныя бібліотеки и господа служащіе всѣхъ вѣдомствъ могутъ вносить подписныя деньги по-мѣсячно, по третямъ года, или въ другіе сроки, какіе они признаютъ для себя удобнѣйшими; но, съ неперемѣннымъ правиломъ, чтобы требованія на высылку изданія, на подобномъ условіи, были дѣлаемы чрезъ ближайшихъ начальниковъ и не иначе, какъ на имя Редакціи.

Редакторъ и издатель, Лейбъ-Гвардія Сапернаго батальона Полковникъ **С. Новоселовъ.**

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ, .

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. С. Петербургъ, октября 21-го дня 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*